И.С. АКСАКОВ · ПИСЬМА К РОДНЫМ

И.С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

И.С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К РОДНЫМ

1849–1856

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛА
Т.Ф. ПИРОЖКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1994

Ответственный редактор

И.Г. ЯМПОЛЬСКИЙ

А $\frac{4700000000\text{-}455}{042(02)\text{-}94}$ без объявления

ISBN 5—02—012762—0

1849

1

1849 г⟨ода⟩ мая 23. Понед⟨ельник⟩. Ярославль.

Не много надо было времени, чтоб из московского нашего круга перекинуться совершенно в другой мир, с другими заботами и интересами, в губернский город Ярославль. Впрочем, теперь воздержусь ото всяких суждений, преждевременных выводов и взглядов, потому что я не успел еще надлежащим образом осмотреться и вникнуть, а лучше начну для вас, по обыкновению, описание со времени выезда моего из Москвы. Должен также предупредить вас, что особенного расположения писать я не чувствую, по крайней мере, теперь. Эта дорога не произвела на мою душу особенного впечатления, не наполнила ее бодрою деятельностью. Странное дело! После всей бывшей передряги[1] на душу мою налег какой-то свинец; в душе моей — не ясная погода, а постоянно пасмурно. Может быть, это происходит также оттого, что я еще не приступал настоящим образом к делу, которого пропасть и в которое надо броситься с руками и с ногами и со всеми способностями; колокол еще не раскачался.

Я выехал, как вы помните, 19-го мая, поздно вечером. Тарантас мой оказался чрезвычайно покойным, по крайней мере, для меня. В Тарасовке и Талицах переменил лошадей, везли довольно плохо и долго держали на переменах, так что в Троицу[2] я приехал часу в 6-м утра. Церкви были уже открыты и полны народа, я приложился к мощам[3] и поехал далее. От Троицы до Переяславля (60 в⟨ерст⟩) шоссе еще не отделано и по нем не ездят, а ездят по старой, довольно скверной дороге, которая идет, впрочем, почти рядом с шоссе. Дорога гориста, и местоположение прекрасно. На 1-ой станции "Редриховы горы" я пил чай и узнал, что это затейливое название станции происходит от очень простой причины. Был немец-помещик, г⟨осподи⟩н Редрих; именем его и окрестилось село на вечные времена. Теперь оно казенное.

Дорога живописна и постоянно носит на себе признаки пути богомольного. До Троицы я встретил, по обыкновению, бездну богомольцев всяких сословий; за Троицей до Ростова я встречал также много богомольцев, но уже все крестьян и крестьянок. Повторяю: по всей этой дороге видно, что это путь от святыни к святыне; по всей дороге вы встречаете множество церквей, образов, часовен, святых колодцев и т.п. Есть несколько часовен и колодцев с каменными навесами — самого древнего устройства, часто в виде башен красивой старой архитектуры, старее кремлевской. Тут везде следовало бы побродить пешком.

К обеду приехал я в Переяславль-Залесский (Владимирской губернии). Влево от него расстилается чудное огромное озеро[4], которое ничего в себе не держит, кроме рыб (и, между прочим, знаменитых сельдей). Ямщик уверял меня, что если бросить в озеро даже что-нибудь металлическое, деньги и т.п., то озеро не удержит их у себя, а выкинет непременно на берег. — Город очень красив, потому что носит на себе признаки древности, старой живой жизни. В нем 4 монастыря и 23 церкви. Один монастырь, Горицкий, уже закрыт, так уже он стар, и его не поддерживают; между тем, сохранившиеся в целости ворота ограды и одна стена со всеми наружными украшениями, с глазурью, очень хороши. В Даниловском монастыре почивают мощи[5]. Новая Россия ничего не прибавила, кроме зданий по высочайше утвержденным фасадам, трактирных заведений с бильярдами и упадка торговли. Старая жизнь миновала безвозвратно!..

Остановившись в каком-то довольно гадком и грязном трактире, я тщетно искал местного продукта, сельдей. В Переяславле нет ни одной переяславской селедки. Трактирные служители — все ярославцы, хорошо знающие учтивое и деликатное обращение и ловкую трактирную расторопность — мало знают о древностях города. Впрочем, один из них рассказал мне о ботике Петра Великого, о плавании его по этому озеру[6] и т.п., так как по этому случаю учреждено официальное празднование. На стенах комнаты заказано было мастеру изобразить гулянье в Марьиной роще, но мастер надул и вместо Марьиной рощи нарисовал какую-то другую и весьма скверно, что мне объяснил также один из половых. — От Переяславля вплоть до Ярославля ехал я опять по шоссе. Тут везли меня очень хорошо. Лошади ростовской породы, красивые и сильные, хотя несколько тяжелы. — Ростов — в 60 верстах от Переяславля; я приехал в него вечером, но еще засветло. Он еще красивее Переяславля и виден верст за 10 отражающимся в гладкой поверхности озера. Город большой, полон каменных древностей, садов и огородов. Вообще в Ярославской губернии растительность деревьев удивительная. Лесов бездна. — В Ростове я остановился только, чтоб напиться чаю и отправился далее в Ярославль. Дорогой спал и проснулся уже тогда, когда пришлось переезжать на пароме через Волгу. Часу во 2-м ночи привезли меня к "Берлину", лучшей гостинице Ярославля, грязной, гадкой и вонючей. Делать нечего, я расположился в ней, лег тотчас спать, но встал рано и принялся за разборку своих дел и бумаг, чтобы сколько-нибудь приготовиться. — Бутурлина не нашел в городе[7]. Он уехал в Углич и воротится только нынче ввечеру.

Поговоримте собственно о наружности Ярославля. Он мне очень нравится. Город белокаменный, веселый, красивый, с садами, с старинными прекрасными церквами, башнями и воротами; город с физиономией. Калуга не имеет никакой физиономии или физиономию чисто казенную, Симбирск тоже почти, но Ярославль носит на каждом шагу следы древности, прежнего значения, прежней исторической жизни. Церквей бездна и почти ни одной новой архитектуры; почти все пятиглавые, с оградами, с зеленым двором или садом вокруг. Прибавьте к этому монастыри внутри города с каменными стенами и башнями, и вы поймете, как это скрашивает город, — а тут же Которость[8] и Волга с

набережными, с мостами и с перевозами. — Что же касается до простого народа, то мужика вы почти и не встретите, т.е. мужика землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец, человек бывалый и обтертый, одевающийся в купеческий долгополый кафтан, с фуражкой, жилетом и галстухом. Впрочем, я говорю только о том, что я видел в продолжение этих двух дней. Женщины одеваются совершенно так же, как и в Московской губернии; посмотрим их в селах, в праздничные дни.

Целую субботу, воскресенье и нынешний день я посвятил на визиты, знакомство и на изготовление самого себя к моему скучному и многосложному поручению[9]. Дела предстоит гибель. В четверг уведомлю вас о своем решении относительно поездок по губернии. Нынче кончаются мои визиты и с завтрашнего дня сажусь за работу. Нынче же должен я познакомиться и с Серебренниковым, купцом[10].

Что-то у вас происходит? Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька[11], и вас всех, братья и сестры, со днем именин Константина[12], а Константина поздравляю в особенности и крепко обнимаю. Вот где бы надо было побродить ему пешком. Дам видел много, девиц еще ни одной, их мало в Ярославле. Косы все преподлые, но уже слышал, что в Пошехонском уезде растет одна коса великолепная, подробного измерения которой я еще не имею. О лице не справлялся, ну да ведь до этого нет дела, была бы коса[13].

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу с Софьей[14], Веру, Оличку, Надю, Любу[15] и всех сестер[16], а также — не обнимаю, ее обнять нельзя, а щелкаю заочно пальцами перед племянницей[17]. Будьте здоровы.

Ваш *И.А.*

2

Понед⟨ельник⟩ мая 23. 1849 г⟨ода⟩. Ярославль.

Нынче написал я вам письмо в Москву, милые мои отесинька и маменька, и нынче же, согласно условию, посылаю письмо и в Троицу[1]. Пожалуйста, обратите внимание на то, будут ли распечатываться письма, адресованные в Посад[2], или нет.

Уже 12-й час, и я тороплюсь. Скажу вам несколько слов о ярославских жителях. Народ все доброкачественный, немножко пустоголовый и ограниченный. Губерния сама себя называет "приятною", и в самом деле тиха и мирна, не ссорится, что-то есть маниловского во всем образованном ярославском обществе. Евгений[3] принял меня сначала сухо, но потом мы разговорились и расстались друзьями. Вот оригинал. Ему за 70 лет, но он бодр, жив и энергичен, говорит языком простым и резким, несколько грубым, и полон негодований. Жадовская не только с уродливой рукой, но и с бельмом на одном глазу и вообще очень дурна, но очень неглупа, и мы с ней подружились очень скоро[4].

Роскошь в городе страшная. Мебель, квартира, одежда — все это старается перещеголять и самый Петербург. Ярославль с гордостью рассказывает, что у

него нынешнею зимою был детский маскарад, на котором были дети в костюмах, стоивших тысячи по две и по три и в алансонских кружевах[5].

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, приехали гости, до четверга. Цалую, обнимаю.

Ваш *И.А.*

3

1849 г⟨ода⟩ мая 26-го. Четв⟨ерг⟩. Ярославль.

Вероятно, нынче должны получиться от вас письма, милые мои отесинька и маменька, если только вы успели написать во вторник. Но почта отходит нынче же, и я в недоумении, куда адресовать. Буду адресовать покуда в Москву. Я еще все стою в гостинице, но нынче переезжаю. Нанял какую-то квартиру помесячно, по 6 рублей сер⟨ебром⟩ и оставлю ее за собою все лето, а осенью надеюсь попасть на лучшую. Мне нельзя таскать с собою по городам всего багажа, всех вещей своих и необходимо иметь pied-à-terre* в Ярославле. — Сам я думаю в субботу или в воскресенье ехать в Романов, который всего 35 верст от Ярославля.

Познакомился с Бутурлиным. Как водится, человек благонамеренный, но военный, мало знакомый с формами, с законами[1] и т.д.; впрочем, очень любезный и приветливый человек. Нынче я у него обедаю. Я познакомился почти со всем обществом, пребывающим в городе, поставил себя в хорошие отношения к губернатору, с Евгением, кажется, мы просто подружились, — но признаюсь, если б не было столько дела, то скука возни с этим обществом была бы невыносимая. — Впрочем, я познакомился вчера с купцом Серебренниковым, о котором говорил Чижов[2], с человеком в самом деле замечательным по своим историческим и археологическим знаниям и по своей любви к труду. Он, между прочим, показал мне две грамоты, данные г⟨ороду⟩ Ярославлю и хранящиеся в магистрате, которые ускользнули от внимания Строева, когда он был здесь с Археограф⟨ической⟩ комиссией[3]. Из 1-ой грамоты, данной царем Мих⟨аилом⟩ Федоровичем[4], но упоминающей о грамотах Ивана Грозного и сына его[5], видно, между прочим, что были городские старосты, земская изба, заведывавшая доходами, городская собственность, говорится "о городовом деле". — Здесь есть еще купец Трехлетов[6], у которого богатое собрание старопечатных книг и с которым я еще не успел познакомиться.

Такая ли у вас подлая погода, как здесь? Здесь, при слиянии двух рек, Волги и Которости, почти постоянно дуют ветра, самые отчаянные и очень охлаждают воздух. Ярославские жители говорят о московском климате как о благословенном. — Можете себе представить, в Ярославской губернии есть Аксаковы, именно те, от которых происходит кн⟨ягиня⟩ Мещерская, сенатор Аксаков[7] и пр. — Говорят, что теперь род их здесь перевелся, но я, проезжая по одной улице, видел на каком-то дряхлом домишке: дом надв⟨орной⟩ советницы Пелагеи Аксаковой. —

---

* Пристанище (*фр.*).

Я еще не привел свои занятия в надлежащий порядок, и потому самые письма мои к вам еще не приняли надлежащего характера, да и едва ли примут. Удивительно, как парализует мысль, что пишешь не для вас одних, а для посторонних также, которых вмешательство и участие мне вовсе не нужно[8].

Историю Самарина здесь все более или менее знают[9], но никто не принял в ней живого участия, никто ее не понял: она является каким-то сказанием из какого-то совершенно другого мира. — Ярославль сам по себе, а все вопросы и весь волнующийся мир сам по себе. Об моей истории мало знают[10]; носились какие-то темные слухи, как мне сказывал здесь один человек; само собою разумеется, что я ни с кем из них об этом не говорил и не говорю, — да им этого и не понять. Прощайте, если успею, напишу в понедельник, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина, Гришу и всех сестер с Софьей и с племянницей.

Весь ваш *Ив. А.*

4

1849 г⟨ода⟩ мая 30-го. Понед⟨ельник⟩. Ярославль.

Ну, кажется, нынче готовится жаркий день! И пора, давно пора, хотя в этот год для меня не существует лето. Если жизнь в губернских городах летом и не похожа на московскую или петербургскую, особенно в Ярославле, где большая часть площадей не мощена и покрыта зеленым, прекрасным дерном, то занятия мои по службе уже нисколько не соответствуют летней неге, летней лени, всем тем ощущениям, которые возбуждает в душе вид знойного голубого неба, тихого вечера и пр. и пр. — Впрочем, это уж я так сказал: *тихого* вечера. В Ярославле почти ни на минуту не бывает тихо, по крайней мере, при мне не стихало почти ни разу. Не знаю, может быть, теперь тоже и у вас, но соединение двух рек, Волги и Которости, при которых лежит Ярославль, кажется мне, достаточно может объяснить причину ветров. — Впрочем, оставим погоду. Какая бы она ни была, вы в деревне, вы, верно, целый день на воздухе и умеете пользоваться всеми ее удобными минутами. —

Во 1-х, надо вам знать, что я больше не в "Берлине", а нанял себе квартиру, маленький, низенький деревянный домик, с 5 светлыми окошками на улицу, с 4-мя комнатками и кое с какою, самою простою, деревянною мебелью, в Крестовоздвиженском переулке, близ церкви Св⟨ятого⟩ Духа, дом мещанки Пителиной. В самом низу живут сами хозяева, мещане. Цена 7 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в месяц. Если эта квартира будет тепла, то я оставлю ее за собой и на зиму. Теперь я ее взял на три месяца, собственно для склада всех своих вещей и для пристанища, в случае приездов моих в Ярославль из уездных городов. Но вам нет нужды писать мой адрес на письмах, на почте знают, где я живу, а главное, я нынче уезжаю в Романов-Борисоглебск. — Все это время я довольно много работал, составил из подчиненных мне топографов канцелярию, и переписка с разными присутственными местами завязалась своим чередом, но,

надо признаться, порою находит на меня сильная скука и тоска. Удивительное свойство большей части губернских городов: это совершеннейшая пошлость, ничтожность людей. Общество почти везде таково, но в Москве и в Петербурге вы всегда найдете человек 5, с которыми можете говорить обо всем; здесь — ни одного. Здесь я нашел много умных купцов, это правда, но ведь разговор с ними не есть мой постоянный разговор, мы слишком разделены и образованием, и интересами, и сферами деятельности. Но что касается до общества здешнего, до ярославского beau-monde*, то это самое жалкое и ничтожное общество. В этом обществе, боясь упрека в невежестве, не скажут ни одного слова по-русски, да и не нужно: если б они говорили о чем-нибудь серьезном и задушевном, то прибегли бы к русскому языку, но как подобных разговоров здесь не ведется, то обходятся посредством французского. Все это с страшною претензией на bon genre**, роскошь — непозволительная, читают вздор, живут все заемною жизнью столичных обществ. — Есть довольно богатых, тысячедушных и щедушных фатов, Толбухины, кн⟨язь⟩ Черкасский какой-то и др. — Впрочем, многих теперь и нет в городе, а я говорю про тех, кого знаю. — В 12 верстах отсюда живет m-me Бем, урожденная Мартынова[1], говорят: умна и красавица. Мне предлагали ехать к ней в деревню, но я отказался теперь, отлагая это знакомство до зимы, если она останется здесь зиму. К тому же, говорят, теперь у них проживает сын Булгакова, известный повеса[2], что не очень рекомендует и самую г⟨оспо⟩жу Бем. — Губернатор — человек самый пустой и ничтожный, щекотливый, ревнивый к своей власти и своему значению, а потому тяжелый невыносимо. С ним нельзя иметь просто дела, а надо нянчиться, что я и делаю довольно искусно, так что мы с ним в очень хороших отношениях (что мне необходимо для успеха моего поручения), хотя дружбы нет и не будет между нами. — Напротив того, архиерей полюбил меня[3] ото всей души, а в этом человеке нет лести. Я дал ему прочесть свой отчет по Бессарабии[4], и это его окончательно расположило ко мне. Ему за 70 лет, но я мало встречал таких живых и горячих людей. — Впрочем, есть здесь два человека, с которыми я сблизился короче и могу быть запросто; это — Муравьев, брат сибирского генерал-губернатора[5], человек недалекий, но теплый, хороший, сам здесь недавно, ну да и потерся немного, живя в Москве и в Петербурге, около умных людей, так что многое ему не дико, обо многом он уже слыхал. Другой — это Семенов, 25 лет, лицеист, довольный жизнью, сам собой, провинцией, обществом, страстный ботаник, хороший чиновник. — По крайней мере, это честные люди, с которыми можешь быть короток. — Несчастная Жадовская тоже ресурс в своем роде, но отец ее, председатель палаты[6], не разлучающийся с дочерью, с страшною претензией на любовь к литературе, ужасно скучен. Жадовская прочла мне все свои стихи, выслушала от меня много строгих замечаний[7], которые, вероятно, будут ей полезны, и поняла их. Я прочел ей "Бродягу"[8], от которого она в восторге. — Как-то, перебирая тетрадь ее

---

* Высший свет (*фр.*).
** Хороший тон (*фр.*).

стихотворений, которую она, забывшись, положила на стол, я нашел там послание А⟨ксако⟩ву[9], написанное с год тому назад. Это послание ко мне, в котором она честит меня холодным умом, холодным сердцем и пр. Я мысленно пробежал ряд своих стихотворений (исключая "Бродяги") и невольно согласился, что в них везде виден ум, видна мысль, но теплоты мало[10]. Впрочем, ее стихи последовали по поводу моих стихов об ней[11], которыми она не очень была довольна, хотя, как говорит в послании, приятна ее слуху, хотя и странная ей, суровость моего стиха. — В самом деле — стремление к пользе, воззвание к деятельности, нравственные, строгие требования, борьба высшего содержания — вот что наполняет мои стихотворения, потому что я и не искал облекать в поэтическую форму всякий вздор, пробегающий через душу, всякую грустно-сладкую минуту, которая всем известна, о которой писано милльон раз и в стихах и в прозе. — Впрочем, ярославское общество очень мало интересуется Жадовской и ее талантом. Отец ее считается mauvais genre*, а к дочери нет ни внимания, ни участия. — Мне сказывал один из вышеупомянутых мною двух, что история моя в смутном и искаженном виде известна всему Ярославлю[12] и расположила общество не в мою пользу, наконец, что здешнему обществу я весьма не понравился, хотя, говорят, что должен быть человек умный. Между тем, я в отношении общества держал себя чрезвычайно скромно, но признаюсь, холодно и серьезно; про стихи и про свою историю ничего не говорю (исключая этих двух), так что я не могу похвалиться особенным радушием ярославской аристократии к себе. — Но купцы и мои подчиненные, напротив того, кажется, расположены полюбить меня от души. Что это за удивительная местность — Ярославская губерния! Сколько исторических воспоминаний на каждом шагу, сколько собственных своих святых, сколько жизни и деятельности в торговле и в промышленности, сколько предприимчивости в крестьянах... Вчера, по случаю храмового праздника, был огромный обед у старосты церкви всех святых, купца Гарцова. Обедали архиерей, губернатор, дворянство и купечество, обедал и я. Обед был великолепный. Стерлядь в аршин и такая, какой я до сих пор никогда не едал. — После обыкновенных тостов архиерей встал, обратился ко мне и громогласно выпил за мое здоровье, чем меня немножко сконфузил, так как вовсе не нужно, чтобы кто-либо подозревал какие-нибудь мои особенные к нему отношения[13]. — Вчера вечером было опять гулянье в Загородном саду и знаете, как называется? Солонина! Да, сохранилось это название гулянью, которое бывает в день Заговенья, накануне Петровского поста[14]. Во время óно, должно быть, доедали весь запас солонины прежнего посола. Разумеется, это название употребительно только в простом народе. — Нынче я еду в Романов-Борисоглебск. — Это 35 верст от Ярославля. По воскресеньям иногда буду приезжать сюда для личных объяснений с губернатором. — Вчера я получил два ваши письма: одно из деревни[15], другое из Москвы от Веры и Надички, которую очень благодарю за письмо. Я особенно люблю тон и характер ее писем и прошу ее писать мне почаще.

---

* Дурной тон (*фр.*).

Прощайте, обнимаю вас, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. Обнимаю крепко Константина и Гришу, Веру, Софью с дочерью, Олиньку, Любу, Надичку, Марихен[16] и Соничку[17]. Прощайте,

весь ваш *Ив. А.*

Авдотье Ивановой[18] скажите, что как скоро я получу из Тулы бумагу, так напишу к ней.

5

1849 г⟨ода⟩ июня 5-го. Воскресенье. 5 часов утра. Романов-Борисоглебск[1].

Вот уже неделя почти, как я здесь, милые мои отесинька и маменька, но пишу к вам отсюда в 1-ый раз и потому, что писать было некогда, и потому, что я сбился в расположении почтовых дней. Впрочем, сюда прислано мне было письмецо ваше от 31-го мая, полученное мною 2-го июня. Из него я узнал, что вы опять в Москве! А я действительно адресовал письма в Посад, — теперь же буду писать в Москву. — Я часа через полтора отправляюсь в Ярославль для свидания с губернатором и письмо это повезу с собой и отдам почтмейстеру для отправки с завтрашней почтой.

Теперь перейдем к рассказам, хотя, вероятно, много любопытных и живых заметок утратилось из моей памяти, набитой теперь зато всякими статистическими сведениями. —

Я выехал из Ярославля в понедельник, часа в три, и не один, а взял к себе в тарантас одного из гражданских топографов, выбранного мной к себе в помощники. Этот молодой человек, прекрасный и трудолюбивый, очень мне полезен, но зато бывает невыносимо скучен, как часто случается это с воспитанниками заведений второго и 3-го разрядов, которые не скажут просто: здесь улицы грязны, а непременно: здесь пути сообщения в неисправности, которые при виде оврага с бурьяном и с кочками обращаются к вам с улыбкою, говоря: Швейцария! и т.п. — Дорога прекрасная и преживописная. Благодаря попечительности губернатора Безобразова[2] она усажена почти вплоть до Романова березами, которые из молоденьких, жалких, казенных, поддерживаемых с боков двумя подпорками и возбуждавших остроумные замечания со стороны недовольных правительством, силою собственной жизни разрослись, окрепли и сделались чудными густолиственными березами. — Дорога идет по берегу Волги, которую то теряет из виду, то вновь видимо огибает. — Я, кажется, писал вам, что, въезжая в Ярославль, переправился через Волгу: я ошибся, потому что это было ночью, спросонок, а переправился я тогда через Которосль. Ярославль стоит на правом берегу, если глядеть вниз по течению, или на левом, если едешь из Москвы. Волга здесь не то, что под Симбирском, но шире и величественнее Волги под Тверью; впрочем, здесь берега ее не очень круты и сама она не так бурна. Чудная река. Она кормит, дает жизнь и значение всему столпившемуся около нее народонаселению. В Ярославской губернии, чрезвычайно заселенной, берега ее усеяны деревнями, и белые, каменные церкви беспрестанно виднеются. — Верстах в 5 от Ярославля — Толгский монастырь. — Дорогою я заметил целые толпы разодетых пешеходов и

пешеходок и, по расспросам, узнал, что это крестьяне и крестьянки, спешившие в какое-то село на праздник. Крестьянки все в штофных немецких платьях, с кичками на головах[3], не закрывающими однако же волос. Некоторые из них несли башмаки и чулки, а сами шли босиком с тем, чтоб, подходя к селу, обуться и явиться со всею чинною важностью. Мужики — все в купеческих кафтанах. А ведь это почти все старообрядцы, да еще, пожалуй, беспоповщинцы[4]! Русские наряды у баб, сарафаны и душегрейки обыкновенны, почти такие же, как и в Московской губернии, только плохи, потому что будничные. По воскресеньям и по праздникам они щеголяют в немецких платьях. Впрочем, полный костюм и верх самодовольного торжества составляет модная шляпка. Сестра Мечеходовского, моего помощника, как рассказывал он мне, на днях зашла в Ярославле в модный французский магазин m-me Gérard; там встретила она двух крестьянок, очень плохо одетых, по-русски однако же, которые торговали французскую шляпку и наконец купили ее за 10 целковых. "Нет, — говорила одна, которая купила для себя эту шляпку, — Акулина или Прасковья Сидоровна теперь не будет мне колоть глаз своей шляпкой". — Даже ямщик, который вез меня, одет был как-то странно, по-мещански. Галстух и жилет — в общем употреблении. Зато народ смышлен, сметлив, общителен, людим, если можно так выразиться, в противоположность слову "нелюдим". — Сообщение ярославцев преимущественно с Петербургом Волгою и каналами. Каждый из здешних купцов, по крайней мере, не раз побывал в Петербурге, а купеческие сынки и приказчики, посылаемые туда по поручению, не раз оставляли там большие капиталы, проматываясь в пух, и вывозили оттуда в семью свою, к старикам-отцам, бог знает каких жен!

Часу в 8-м вечера приехал я в Борисоглебск. Надо вам знать, что Романов-Борисоглебск состоит собственно из двух городов. Борисоглебск, пожалованный в заштатные города Екатериной[5], был в 1822 году присоединен к Романову, уездному городу, разделяемому от него одною рекою. Борисоглебск лежит на одной стороне с Ярославлем, т.е. на правом берегу Волги, а Романов на левом. Волга здесь довольно мелка, так что паром идет посредством багров, упираемых в дно. К левому берегу она глубже, и тут-то собственно и проходят барки, расшивы, мокшанки[6] и прочие речные суда. — Следовательно, оба берега покрыты городами, которые еще в нескольких местах прорезываются оврагами, где протекают ручьи, впадающие в Волгу. Все это делает местность очень живописною. Кроме того, и в Романове, и в Борисоглебске довольно много церквей и все старинных, по крайней мере, новых я нигде не заметил; не могу ручаться, но чуть ли они не выстроены все до Никона[7]. Особенно замечателен Борисоглебский собор, с каймою фресок вверху. — Мне сейчас отвели квартиру у одного купца, Ванчагова, в двухэтажном белом каменном доме. Я занял комнаты три вверху; в остальных помещается сам хозяин (холостой и молодой) с матерью и с братьями, из которых один женат и имеет детей. Принял он меня чрезвычайно учтиво. "Скажите, пожалуйста, — спросил я его, — старообрядец ли Вы или нет? предупреждаю Вас, что я курю; если да, то я велю отвести себе другую

квартиру". От отвечал мне отрицательно, прибавив: "Мы ведь здесь не в монастыре", но я скоро догадался, что он, хотя записан и православным, однако тайный приверженец старообрядчества, что впоследствии и подтвердилось. Тем не менее, пользуясь его ложью, я пустил ему немедленно под нос дым своей сигарки в наказание; впрочем, человек он пустой, купчик 3-ей гильдии, с ужимками и ухватками гостинодворской элегантности, говорит через слово "то есть, так-с, это верно-с, без сумления-с" и проч. Мать этих молодых купцов, старуха, ходит еще в каком-то полурусском платье, но невестка — в немецком. Впрочем, все они перебрались вниз, и я их вовсе не вижу, а старший сын и брат его женатый навещают меня иногда по вечерам. Последний недавно приехал из Рыбинска и привез с собою потихоньку ящик сигар. Вечером поздно явился ко мне и сказал, что хочет курить "под мой дух", т.е. пользуясь тем, что у меня накурено, потому что домашние его, придерживаясь старых обрядов, не позволяют курить. По его рассказам, это старообрядчество состоит в употреблении двуперстного креста, старых икон и т.п., только, но венчан он и детей крестил в православной церкви. Не знаю, как он, но другие перекрещивают и перевенчивают. Как бы то ни было, а это уж большая уступка: бессарабский раскольник не пойдет крестить детей в правосл⟨авную⟩ церковь и названием православного постоянно подвергать себя оскорблениям религии! — Признаюсь, все это и грустно и жалко. Положим, есть некоторые, которые понимают все зло новизны, но ведь большая часть представляет странное явление — смеси упорного и близорукого предрассудка с уступкою цивилизации в самом пошлом ее виде[8]. Борода, жилет, галстух, бильярд, чай — вот муж; шляпка, шелковое платье, зонтик, румяны, чопорность, жеманство, невежество, тщеславие, черные зубы, дебелость — вот жена старообрядца, вот семья, прогуливающаяся ежедневно мимо окон г⟨осподина⟩ левизора. Да не одна, а несколько. — Но к рассказу. Дом Ванчагова стоит почти на самом гребне волжского берега (в Романове), так что из окон моих видна вся полоса Волги, протекающей через город. Окошки светлые, стекла цельные, без перекладинок (здесь так почти у каждого мещанина, да и у большей части крестьян тоже). Что поразило меня: это необыкновенная чистота в доме, необыкновенная опрятность. Афанасий[9] рассказывает, что у них внизу и в кухне все работники и работницы вымывают руки ежеминутно; как дотронутся до чего бы то ни было, сейчас обтирают руки. Мне пришлось опять постничать, во 1-х, потому, что трактиры прескверны, ничего готовить не умеют, а во 2-х, потому, что совестно есть скоромное в городе, который весь постничает. Я условился с хозяином, и он берет с меня по 30 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩ в день за обед и ужин, который тот же решительно, что и у них, только мне подают особо наверх. Но главный и почти единственный припас их постного стола — соленая рыба (белужина, должно быть). Это мне, признаюсь, надоело. Щи с соленой рыбой, пирог с соленой рыбой и с какой-то травой на постном масле и каша грешневая — вот обед, повторяющийся вечером в виде ужина, и так каждый день. Я велел Афанасию, однако, купить картофеля и макового масла, потому что конопляное очень неприятно.

В самый день моего приезда в Романов вечером поздно была гроза. Гроза

на Волге! Здесь она только была красива, но не страшна. Однако суда отошли от берегов (особенно от глуби), где их бьет о берег, и стали на середку. — Какое подлое лето! Не знаю, как у вас, но здесь днем дует сильнейший ветер, очень прохлаждающий температуру, стихает рано утром и поздно вечером.

Занят я в Романове ужасно. Работаю с 7 часов утра до 9 и 10 часов вечера почти безостановочно. И какая работа! Копотливая, сложная, сухая. Даже думать и писать некогда, только освежаешь себя на секунду, взглянув на Волгу и на медленно плывущие тяжелые суда, на белые паруса, надуваемые ветром... Не воображайте однако же, чтоб в Романове-Борисоглебске была деятельность какая-нибудь. Нет. Суда плывут мимо. Рыбинск отсюда в 35 верстах с одной стороны, Ярославль во стольких же с другой, — стало быть, условий для жизни внутренней этого города мало, и торговля в нем постепенно упадает. Знатнейшие купцы здесь не торгуют и только записаны здесь или, по привычке к родине, имеют здесь пристанище, дом. Остальные торговцы — все мелочь. Женский пол почти весь занимается огородничеством. — Уверяют (да этому и поверить не трудно), что будто большая часть жителей крайне бедны, и одна из причин бедности — роскошь, туалет жен. Прошлого года в апреле был здесь сильнейший пожар, истребивший более 30 каменных домов, а всех — с 200. Чтоб познакомить вас сколько-нибудь с своей работой, я покажу вам образчик. Мне должно составить, между прочим, самый подробный список городских недвижимых имуществ, городской поземельной собственности. Здесь в думе, и по случаю двух пожаров (первый был в 1842 г⟨оду⟩), не пощадивших ее архивы, и по случаю небрежности, почти нет никаких актов, так что дума сама не знает, что принадлежит частному лицу, что городу. Недавно появился поверенный графини Строгановой и предъявил права, подкрепленные актами и документами, на разные земли внутри города и дом, который дума считала своим лет 20 сряду, переделывала его и помещала там присутственные места! — Что же делать? Приходится делать выборку изо всех дел и бумаг думы старых — обо всем, что относится до частной и городской собственности, потребовать у всех владельцев акты и описать их, а как у двух третей нет никаких актов, то должно будет употребить дознание, исследования, спросы и пр. и пр. и проч., ибо определением границ частной собственности определится только собственность общественная. — Это только один образчик!...

Я пишу вам это письмо из Ярославля, куда я нынче приехал для личного свидания с губернатором. Уже поздно... Отлагаю письмо до утра. — Понедельник, *утро*.

Вчера я приехал в то самое время, когда в городе был крестный ход, и архиерей, 70-летний старик, бодро и живо обходил весь город, т.е. шел два часа. Поэтому губернатор, уставший, не мог свежо толковать со мною, и мы отложили свидание до нынешнего дня; поэтому я не ближе часу отправлюсь снова в Романов. Ах, как скучно нянчиться с этими господами. Мне надо, чтоб дело мое шло и чтоб эти господа оставались неоскорбленными в своей щекотливости, да еще самодовольно думали, что они двигают дело. В противном случае они все могут испортить. Приехав сюда, я хватился за газеты, но особенного ничего не

нашел, кроме взятия Оффена венгерцами[10]. О действиях русских войск[11] ничего не слышно. — Прием студентов нынешний год в С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩бургский университет отказан[12]. — Последнее письмо ваше, полученное мною, было от 31 мая. Вы пишете, что воротились в Москву, где останетесь до отъезда Гриши. Значит, вы и теперь там. — Завтра 7-ое июня, стало, завтра Гриша едет[13]. Крепко обнимаю его и Софью с племянницей: дай же Бог им полного успеха в предпринятом ими трудном подвиге![14].. — Насмешили меня очень ваши рассказы об Аграфене[15]. Откуда могло взяться повествование о выдаче вам денег от государя?.. Как меня странно поразили с 1-го разу слова Маши, милый отесинька: надеюсь, что души, которые с каждым днем становятся холоднее[16]... Я не вдруг догадался, что дело идет о дýшах, употребляемых Верою[17]. Как бы я желал, чтоб они ее действительно подкрепили. А что же бедная Олинька, когда-то она начнет пить свой декокт?.. Хотя на дворе и не совсем хорошо, но хороша еще свежая, молодая зелень лугов и деревьев. А грустно подумать, что дня через 4 уже прекратится прибавка белого света, и солнце повернет на зиму. Что за медвежий климат! —

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Это письмо я адресую в Москву, но только это. Думаю, что вы после отъезда Гриши скоро переедете в деревню. Итак, до следующей почты. Теперь же мне некогда, надо еще заняться делом. Будьте здоровы. Цалую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и всех сестер; будьте здоровы.

Весь ваш *Ив. Аксаков*.

6

1849 г⟨ода⟩ июня 13-го. Понед⟨ельник⟩. Ярославль.

Вот я опять в Ярославле, милые мои отесинька и маменька; приехал сюда вчера часов в 11 вечера и нынче же ворочусь опять в Романов. Вчера получил я письмо ваше от 7-го июня, день, в который должны были уехать Гриша с Софьей. Дай Бог им успеха! — Мне очень досадно, что вы столько времени не имели обо мне известий: я действительно адресовал все свои письма к вам в Троицкий посад. Все же, мне кажется, этим путем лучше! Мне вовсе не хочется, чтоб московский почтамт знал, чтó я пишу об Ярославле. — Дней через 10 я предполагаю быть в Рыбинске. Поручение ваше мне очень легко и удобно исполнить[1], потому что должность моя вводит меня в непосредственные отношения со всем, что принадлежит к торговле, к промышленности, к внутренней жизни городов. — Одна из главных задач моих: описание торговли в каждом городе. — Разумеется, я не продам хлеба ни градскому главе, ни вообще служащим по выборам от купечества, потому что я их ревизую и по нескольку раз на день с ними вижусь. Так, теперь мне нельзя продать хлеба Крохоняткину, потому что он здесь (в Ярославле) градским главой. Но купцу, от меня не зависящему, в особенности иногороднему, мне продать удобно и для этого не нужно никаких рекомендаций кн⟨язя⟩ Ухтомского[2]. К тому же князя Ухтомского здесь и нет, а есть просто Ухтомский, советник губернского правления[3]. — Полагаю, что прислать вам доверенность необходимо. Пусть ее

состряпает вам Богуславский[4]. — Торговля хлебом в Рыбинске идет тихо. В Рыбинске лежат огромные запасы, оставшиеся от прежних годов, а требований в Петербурге нет вовсе. Все жалуются, ждут, не будет ли требований за границу...

Как я рад, что души приносят хоть некоторую пользу Вере, и как мне хочется знать последующее действие цитманова декокта[5] на Олиньку. — Я вам на этой неделе писем не писал, потому что в середу, день, в который в г⟨ороде⟩ Романове-Борисоглебске отходит почта, по случаю свирепого ветра не было перевоза через Волгу, а почтовая контора находится на борисоглебской стороне. — Вы хвалите погоду. Я не знаю, где чувствуете вы тепло? Решительно можно сказать, что до сих пор тепла не было. Вечный ветер, если иногда и южный, то такой свирепый, безумный, порывистый, что сто́ит и северного, который всегда тут же, легок на помине! Преподлая погода! Ведь более 16-ти градусов, я уверен, до сих пор не было ни разу. Были грозы, это правда, и теплые, но приносившие холод. Я нынешний год не чувствую, не слышу лета. — Ну что рассказать вам о городке, в котором я теперь живу? Правда, живу я там как лицо официальное, целый день работая, не имея времени посещать частные лица, торопясь, но тем не менее при постоянно напряженном внимании зрения и слуха успеваешь составить себе довольно или, по крайней мере, приблизительно верное понятие о городе. — Одно мое поручение такого рода, что требует долгих беседований с лицами, знакомыми с этим вопросом, другое — такое многосложное, что требовало бы работы самой тщательной и непрерывной. — Неделя эта пролетела для меня незаметно. Сидишь, читаешь какие-нибудь маклерские книги, счеты нотариусов, разбираешь планы генерального межеванья... Поднимешь вдруг голову: красивый суряк с тремя надутыми полосатыми парусами шибко идет вверх по Волге, за ним другой, там третий... Так и обдаст бесконечностью царства красоты, всею властью ее, так и готов погрузиться в эту бездну, в это море, и только по невольному движению замашешь рукой и уткнешься поскорее в работу... А не будь работы, совесть будет тяготиться недостатком труда и помешает наслаждению Красотой. — Вы не знаете, может быть, что такое суряк. Речные суда имеют пропасть различных форм и названий. Есть тихвинки, мокшаны, расшивы, гусянки[6], суряки, барки и пр. Суряк не очень велик, но водоходно устроен, барки и мокшаны, кажется, плоскодонные. Расшивы — самые большие речные суда. — На этой неделе, при сильном низовом ветре, т.е. южном, прошло множество судов мимо Романова, в Рыбинск и далее. Я думаю, судов с триста. 23-го июня начинается в Рыбинске ярмарка. Посмотрим, что это такое. —

А здесь, т.е. в Романове, был вчера праздник в Борисоглебском соборе и потом крестный ход вокруг Борисоглебска с ношением икон — Спасителя, почитаемой чудотворною, и Казанской Божьей Матери, принесенной из Ярославля. Народа было страшное множество. Не только собор этот, просторный, большой, с галереями, был полон, но и вся площадь около него была занята народом, которого большая часть пришла из деревень: женщин было гораздо больше, чем мужчин. Две трети бывшего тут народа, даже больше, раскольники, т.е. такие, которые однако же приписались к

православным церквам после указа о лишении прав законнности в браке[7] и пр., но сохраняют раскол. Все они поповщинцы[8]. Но много значит эта привязанность их к древним храмам и иконам, она так велика, что удерживает их в нашей церкви и, наконец, соединит совсем. Церкви г⟨орода⟩ Романова-Борисоглебска содержатся не доходом священников, ибо церквей много, а дохода мало, а добровольной общественной складкой жителей, т.е. раскольников!! "Дабы не нарушились эти храмы", сказано в общественном приговоре. Крепко насажено было здесь христианство; сильно было усердие к вере; самая повсеместность раскола в Ярославской губернии свидетельствует о тогдашнем неравнодушии их к вере. Теперь же раскол ежечасно слабеет, сколько, с одной стороны, от влияния моды, цивилизации, трактиров и Петербурга, с которым Ярославль в беспрестанных сношениях, столько и от древней привычки, привязанности к храмам, которые достались в удел православным. — Особенно привлекает их икона Спасителя и древности ради, и ради ее величины: она слишком 4 аршина вышины и три аршина ширины; изображает только один лик Спасителя в размерах огромных и, по-моему, безобразных: глаза в поларшина каждый! Впрочем, предполагают, что она стояла некогда в самом верху купола, и в отдалении размеры сокращались. — Эта икона обвешана разными серебряными пластинками, изображающими то ногу левую, то ногу правую, то сердце, то руку. Бабы приходят, и если у которой болит рука, так та берет пластинку, прикладывает к иконе Спасителя и потом к своей руке. — Не знаю, кто развесил эти пластинки. Получившие ли облегчение изображали облегченные от недугов свои члены, или уж они изображены так, предусмотрительно...[9] Еще об этом расспрошу подробнее. — Масло, прямо из лампадки, тут же *пьют* (бабы), не поморщась. Я внимательно смотрел на молящихся: даже странно видеть, что почти все, и элегантная купчиха, и крестьянка простая молятся двуперстным крестом[10], пристально следя за ходом службы. Когда же пошел крестный ход, и иконы понесли на носилках, то тут представилась картина довольно странная. Я полагаю, что народу было несколько тысяч. Можете себе представить, что почти все из простого народа, особенно женщины, захотели, чтоб иконы пронесли над ними и чтоб над каждою головой особо. Для этого вдруг эти тысячи вытянулись в линию и пали ниц так, как падают карточные солдатики, которых ребенок расставит, потом дунет, и они падут, покрывая один другого. Так и тут. Хоть бы по два в ряд; нет, по одному. Это неудобное лежанье продолжалось довольно долго, потому что икон много. Картина, пожалуй, умилительная, но и смешная: теснота страшная, тот упирается лбом в спину своего переднего соседа, там под кем-то пищит ребенок, там выходит изо всей этой линии что-то похожее на гирлянду, с головами по одним сторонам вместо ягод, с руками и ногами, иногда престранно торчащими, вместо веток. Иной, думая, что иконы уже пронесли, хочет приподнять голову и прямо — бац об икону. Визг детей, крики шепотом: матушка, полегче![11] и проч. — Однако прощайте. Теперь, стало быть, вы в Абрамцеве и будете получать мои письма аккуратно. — Мне надо одеваться и ехать к Бутурлину, для свидания с которым и приехал сюда, а также и для свидания с архиереем. Если успею, то постараюсь написать вам в середу. Новых

знакомств никаких особенных, кроме соборного протопопа, не сделал. Прощайте, цалую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. Дай Бог им здоровья. Что Константин?.. Что Самарин[12]?

Ваш *И.А.*

7

17-го июня 1849 года. Суббота.
Романов-Борисоглебск. 6-ой час утра.

Если Вы уже теперь встали, милый отесинька, то, верно, в восторге от утра. После тихого дождя ночью к утру сделалось тихо, сыро и довольно тепло, т.е. мягко. Вчера целый день дул безумный ветер, так что и растворить окон нельзя было; зато третьяго дня целый день была тишина. Тишина на Волге, затруднившая плавание тяжелых судов, отразившая в воде оба берега!.. Как хорошо это было, некогда мне было только сознательно насладиться этим; чувствовал только, что хорошо, и боялся предаться этому чувству, а то бы к черту пошли и маклера, и магистрат, и дума... Ваше последнее письмо, полученное мною назад тому с неделю, возвещает мне только намерение ваше уехать в Абрамцево, но исполнилось ли оно, уехали ли Гриша с Софьей, где теперь милая маменька и все сестры, не знаю. Надеюсь завтра получить здесь письмо от вас и узнать обо всем, а также и об успехах душ и цитманова декокта. — Я пишу к вам теперь отсюда потому, что в Ярославль поеду во вторник, следовательно, на другой день после отправления почты в Москву (она отходит из Ярославля по понедельникам и вторникам). — Теперь о вашем рыбинском хлебе. Хлеб от устья Камы, если идет не с машиной (пароходом), должен прийти к половине июля; впрочем, это зависит от попутных ветров. Говорят, что Климов большею частью доставляет хлеб посредством машины[1]. — Не знаю, как условился с ним Иван Семеныч[2]: может ли хлеб, по прибытии в Рыбинск, оставаться нагруженным, в ожидании продажи, или же должен быть запродан заранее с тем, чтобы по прибытии барки были немедленно разгружены?.. Может быть, надо было бы подождать августа месяца... По последним известиям — из Рыбинска — мука — низший сорт — продавалась тем не менее 11 рублей (асс⟨игнациями⟩) куль... Хотя мне казалось, что много судов прошло в Рыбинск, но все говорят, что в сравнении с прежними годами в нынешнее лето вовсе нет никакого подвозу хлеба, а требований из Петербурга также нет... Все ждут требований из-за границы... Какую цену полагаете вы выгодною для продажи? Я надеюсь, что требования из-за границы будут непременно и что, не обращаясь к америк⟨анскому⟩ хлебу, все придут за нашим. — Попробую, авось мне удастся продать выгодно... Хотя многие и уверяют, что доверенность не нужна, но я считаю ее нелишнею или, по крайней мере, какое-нибудь удостоверение. Надеюсь на будущей неделе ехать в Рыбинск, куда вы и адресуйте (через неделю после получения этого письма) письма прямо, так как я предполагаю остаться там довольно долго, по крайней мере, месяца два, а оттуда хочу ехать в Пошехонь. Стало, мне уж никак нельзя попасть к вам в Абрамцево: я все более

и более удаляюсь от него. — В Ярославль также не предполагаю ездить и очень рад. Мне гораздо покойнее жить в уездном городе, где нет никакого общества (в нашем, дворянском смысле), нежели в губернском, где есть общество. — Надобно признаться, что положение мое там неприятно. Я состою под надзором полиции, это сказывал Бутурлин по секрету Муравьеву, прибавляя, что об этом есть приказание и у жандармского штаб-офицера и что об этом, к сожалению, знает почти все общество. Оно знало это еще до моего приезда, и этим объясняется для меня странность приема. Если б я был отдан под надзор за шулерство в картах или тому подобное, то меня бы приняли с распростертыми объятиями, а теперь отдать меня под надзор полиции в губернии, без известной для них причины, значит отдать меня под надзор всего общества. Я ни с кем из них об этом предмете не объяснялся, но можете себе представить, какому теперь странному толкованию могут подвергнуться всякие мои слова. Заговорю я о двери... думают: нет, шутишь, эк куда метнул, какого туману напустил[3] и проч. Я уже и имел этому доказательства, а потому принял за правило ничего не говорить или, по крайней мере, как можно меньше. Впрочем, все это касается высшего губернского общества. В другие слои это не перешло, и они охотно со мной беседуют. Я нисколько не боюсь тайного надзора, и бояться мне нечего, но только умного, а боюсь надзора глупого. Впрочем, если бы что-нибудь такое вышло, то я, благодаря Перовского[4], воспользуюсь позволением написать ему о том в собственные руки.

В Ярославле я слышал, что прием в Петербургский, Московский и Харьковский университеты прекращен на 3 года[5] и что Училище правоведения закрыто. Правда ли это?

Я продолжаю работать усильно, с 7-ми часов утра до 10 вечера; между тем, из разговоров, из разных наблюдений сделал себе много любопытных заметок. Ярославская губерния почти вся тянет к Петербургу. Это можно сказать решительно. Об Москве здесь никто никогда не вспомнит и не говорит. Сильное влияние имеет на них Петенбург, как они выражаются, со всеми своими соблазнами. Не знаю, что в Пошехони, в Данилове, в Любиме, но все прочие города Ярославской губернии — на большой дороге. Центральность ее положения много значит. Глуши нет. Да и в старину, до открытия сношений с Петербургом, здесь пролегал торговый путь из Архангельска в Москву и были иностранные конторы в самом Ярославле. Но в старину земля русская была сильна единством веры, и Ярославль этим же держался. Раскол, подорвавший в здешних жителях внутреннюю, сердечную связь с православной Россией, не сберег их от влияния соблазнов, и раскол, сдружающийся по-своему с европейскою цивилизациею, оставаясь расколом, есть самое скверное и опасное явление... В московском расколе есть еще что-то почтенное, рижский раскол бесстыдно откровенен, а здешний подл в высшей степени; ни один не признается, что он раскольник, все притворяются до такой степени, что иной может и ошибиться и почесть их самыми усердными православными... Но такой раскол все же слабее прочих. Притворство есть уже уступка, и мой план — заставить их запутаться в своем собственном двоедушии до такой степени, что раскол для детей их сделается решительно невозможным. — Нет, пусть Россия

цельно подвергается испытаниям и искушениям, посланным ей, а раскол — в смысле известного раскола — только погубит ее. — Раскольник в церковь не ходит, а в своей или не имеет возможности быть, или же только развращается в ней. — Сорвавшись с якоря православной церкви, раскол стал блуждать так, как заблуждается вообще человеческий ум в делах веры, если он предоставлен самому себе; старина их — предания о Федьке Косом[6] или т⟨ому⟩ подобные. Раскол, посягнувший на единство церкви, сам по себе не устоит против соблазнов, но, лишившись характера религиозного, он сохранит в себе привычку и вкус отдельного протеста, разрыва с прочею Русью. Впрочем, я говорю про раскол здешний, рижский, отчасти бессарабский. — Думаю в скором времени послать министру[7] подробное изложение своего взгляда на положение здешних раскольничьих дел и буду сильно протестовать против так называемой единоверческой церкви...[8] — Я здесь нашел очень умного протопопа, который живет здесь уже лет 15 и много передал мне любопытных сведений. Но ведь это все так, урывками; главное же занятие мое по ревизии городского хозяйства страшно многосложно и копотливо и держит меня в городе тогда, когда бы не мешало мне походить, поездить по уезду. А нельзя иначе, потому что не три же года жить мне в Ярославской губернии.

Недавно у здешнего городничего показали мне романс Алябьева, напечатанный в "Нувеллисте", на мои слова "Жаль мне и грустно, что ты, молодая"[9]. Я не слыхал музыки, но говорят, что плоха. Семейство здешнего городничего состоит, никак, из 6 дочерей, из которых 4 уже большие, длинные, с неприятно-немецкими физиономиями. Странное это семейство. Отец — римско-католического исповедания, недавно перекрестился, мать немка. Часть детей — лютеране, другая — православные. Отец всю жизнь кочевал с полком, был Бог знает где, одна дочь родилась в Архангельской губернии, другая в Молдавии, третья в Польше, 4-я за границей и т.д. Таскавшись всю жизнь по походам, получив рану, он успокоился наконец в том "отишье", которое правительство хранит именно для подобных ему. Комитет 18 авг⟨уста⟩, не помню, когда устроенный[10], дал ему, по первому предъявлению своих прав, место городничего, где он нашел себе успокоение, а дочери — уже подросшие — скуку. Впрочем, мать немка позаботилась дать им хорошее воспитание, и они получают журналы, газеты, книги, ноты, чего всего этого отец не читает, потому что и привычки читать не имеет. Теперь мать немка отправилась с одной из дочерей *на своих,* т.е. на долгих, в Олонецкую губернию, в город Вытегру, для свидания с сыном, путейским офицером, там служащим. Удивительная судьба этих служак, без особенной связи с местом родины или воспитания... Служака готов основаться, пожалуй, и в Вытегре, а, пожалуй, и в Елабуге, не то и в Новоузеньском уезде! Я был у городничего всего два раза на короткое время, но этого достаточно, чтоб получить об нем и его семействе полное понятие; это хорошие люди, дочери же — чистые немки. — Однако прощайте, я отдыхал за письмом к вам, но пора. Будьте здоровы, целую ваши ручки, милая маменька и милый отесинька, обнимаю Константина, Гришу и всех сестер.

Ваш *И.А.*

8

1849 г⟨ода⟩ июня 25. Суббота. Романов-Борисоглебск.

Я пишу вам, милый отесинька и милая маменька, последнее письмо из Романова, потому что завтра уезжаю в Рыбинск. Итак, в будущем письме моем уже будут заключаться сведения о вашем хлебе. Говорят, что там лежит хлеба милльонов на 40! Не знаю, хороша ли ваша мука, но, кажется, я вам писал, что ниже цены 11 р⟨ублей⟩ нет. Впрочем, через день или два по приезде это все узнается. — На этой неделе я опять ездил в Ярославль по делу, был у губернатора, у архиерея, прочел газеты, порылся в архивах некоторых присутственных мест, провел таким образом в занятиях два дня и воротился. — Вы пишите теперь мне прямо в Рыбинск: письма будут тогда доходить скорее. Прежде всего буду отвечать на ваши письма (последние от 14-го июня). Вы в деревне и жалуетесь на погоду. Но на этой неделе было несколько дней, которые должны были вас вполне вознаградить. Не знаю, как у вас, но здесь даже, на Волге, по целым дням стояла тишина или слегка дул теплый, мягкий, южный ветер. Вчера он был довольно силен, нагнал тучи, вечером была гроза, пошел дождь, и нынче серо и довольно свежо и сыро. Но здесь тишина имеет особенную прелесть, когда эта величавая река вздумает отдыхать и когда вечером взойдет месяц. При небольшом же ветре, ночью, при лунном сиянии, белые паруса плывущих судов — все это невообразимо хорошо!.. Это однако ж скверно, что мельницу так каждый год прорывает[1]! Что прикажете делать с этим народом? Вот хоть бы Зенин: тарантас его уже пошел ломаться и портиться. Скажите ему, что, во 1-х, он поставил сырое дерево в чемоданные ящики. После двух, трех дней стояния в комнате они все перекоробились и перетрескались; во 2-х, шалнеры[2] так прямы, что не могут держать верха, когда он поднят, и должно подкладывать под них дощечку и связывать! в 3-х, все гвоздочки, которыми прикреплялась кожа и зонт, с верху опускаемый, отчасти потому что малы и коротки, отчасти потому что не винтами сделаны, повыскочили; в 4-х, ход сделан неверно, и потому езда по простым дорогам чрезвычайно неудобна; в 5-х, тяжи проведены так близко к колесам, что все повытерлись; в 6-х, какой-то винт спереди тоже лопнул, и я уже заплатил за переделку; в 7-х, поворачивается так трудно, что того и гляди что-нибудь лопнет. А уж он с меня взял 185 р⟨ублей⟩ серебром, если класть, как он кладет, только 25 р⟨ублей⟩ за мой старый тарантас, да еще хочет требовать рублей сто!.. Ну и пожалеешь о немецкой аккуратной работе... О, купцы, купцы! Вот здесь, например, пришлось мне вступиться в следующее дело. Работница моих хозяев — одна на весь дом, крестьянская девка — раз пришла ко мне с жалобой (да чуть ли я вам не писал про это? право, совсем потерял память) на них такого рода: выкупили они ее у помещика за 200 рублев ассигн⟨ациями⟩ с тем, чтоб она эти деньги зажила у них в продолжение целых 10 лет, т.е. по 20 рублей в год. Заключить такое условие[3] — уже показывает свинство в душе, потому что хоть они и ссылаются на добровольное согласие, да ведь это согласие дается еще в крепостном состоянии, и глупая девка не может и понять тогда ужасной долготы всей 10-летней кабалы. — Это здесь общая купеческая

манера, напоминающая древнюю кабалу, слава Богу, правительством уничтоженную. При взаимном согласии, без условия, можно жить сколько угодно лет у кого хочешь, но даже нанять человека по условию можно не долее, как на 5 лет. Закон отвергает добровольную вечную кабалу как действие, совершаемое человеком в безумии, в крайности, противное всем человеческим чувствам. Константин укажет мне на ограждения кабальных, придуманные прежним правительством, при Алексее Михайловиче[4] и пр. Да, это все доказывает, что такое жизнь, можно ли верить ей и ее нравственным началам, и оправдывает вмешательство правительства в жизнь и в быт. Но к делу. Девка эта объяснила мне всю тяжесть своей работы, своего положения, говоря, что обязуется заплатить им остальные деньги со временем, но что не хочет оставаться. Хоть это обстоятельство относится до другого ведомства, однако, вы знаете, я по всем таковым делам адвокат постоянный; позвал хозяина, молодого купчика (условие заключено еще их отцом, умершим в холеру прошлого года, а теперь главой купеческого дома его вдова), и требовал от него отдачи отпускной этой девке, с правом взыскивать остальные деньги чрез полицию, которая может посадить ее в яму, сделать с нею все, что угодно, да сами они не могут у себя удерживать человека против воли; разумеется, попугал их, грозя, что сам ей напишу жалобу, если они этого не сделают. Крепко им этого не хотелось, и они тянули это недели две, ожидая, что я уеду. Но третьего дня эта девка опять явилась ко мне, вся в слезах; я взбесился; хозяева перепугались и отдали ей отпускную, а она обязалась заплатить им деньги в разные сроки. Отпускную-то они возвратили, да никак не убедились в том, что держать человека против воли 10 лет за 20 рублей в год и взваливать на него тяжкую работу скверно. А между тем в этом доме обычай каждый день подавать милостыню. Каждое утро, раным ранехонько, когда вставши я растворяю окошко, то вижу собрание этих старух, ожидающих пробуждения хозяйки (она-то главная противница была относительно возвращения свободы девке). Тут они между собою без церемоний хохочут, ругаются, являются в самом безобразном виде; но чуть покажутся в комнатах признаки пробуждения, то плаксивые голоса хором запевают: “Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас; милостынку ради Христа... а...а...а!..” Сын его признался мне, что когда в прошлом году умирал его отец, то он говорил своей жене, а его матери, что девке можно сбавить три года, т.е. вместо 10 держать ее 7 лет[5]. Не осуждая его (он уже умер и, стало, просветился), не могу однако ж не заметить, что эти слова носят на себе особенный характер купеческого раскаяния: вместо 20 рублев 28 рублев с небольшим! — Сейчас был в соборе — по случаю дня рождения государя. Все чины Романова-Борисоглебска были там. —

Жизнь — удивительное дело! Как она умеет жить всюду! И как это особенно чувствуется путешественником, стоящим вне созерцаемой им жизни. Стоит только внимательно всматриваться в ежедневность, и убедишься, что каждая минута в ней имеет свою поэтическую сторону. В жизни все может быть художественно; надобно только уметь отрывать ее от случайности. Во мне, как и во многих, лежит эта способность. На что ни глядят глаза, они как будто

сейчас обрамливают предмет, будто переносят его на бумагу (и не словами собственно, а будто рисунком) и дают ему место и значение в вечном ряду явлений. Будто останавливаешь каждый миг жизни, сознаешь его и отпустишь. Но это занятие, которое может быть названо и делом, и праздностью, и полезным, и вредным, во всяком случае наводит грусть на душу и нередко усталость и не всегда передает истину. То есть оно передает, может быть, другую, сокровенную истину, но истины житейской, минутной не передает. Так напр⟨имер⟩, верно, и вам приходила не раз в голову мысль об отдаленном и мирном городке, о домиках с чистыми окошками, с зелеными ставнями, о чиновниках городка, собравшихся в неуклюжих мундирах в каменный древний собор и проч. и проч. и прочее! Неправда ли. И оно действительно так, и глядя с этой стороны, не живешь самою жизнью, не чувствуешь скуки, тоски и пустоты... Но влезьте в кожу каждого из них, как я всегда делаю, говорите с ними под условием светских приличий... Какое болезненное часто испытываешь ощущение. Будь они просты, они были бы хороши... И скучно сделается вам толковать с Марьей Ивановной о пошлом вздоре и видеть ее ужимки, и бежишь домой и торопишься вон из мирного, отдаленного городка с чистыми домиками, с зелеными ставнями... Еще простил бы, если б между ними цвела Красота, но ничего нет, кроме пошлой миловидности! А потому всегда и во всем остаешься созерцателем. Что бы ни говорили, но нам, людям нервическим, людям сознания, вне созерцания необходимы для общества, для постоянного сообщения мысли, для раздела трапезы жизни (извините за фигуральность: во мне она есть), необходимы натуры утонченные. Оттого-то за этим созерцательным моим занятием стоит, будто на страже, тоска... Конечно, есть лекарство, я знаю его, но не в силах его принять — религия![6]

Помощник мой часто утешает меня. Он сын небогатых родителей, недавно только получил первый обер-офицерский чин и с чином довольно хорошее содержание... Он признался мне, что теперь, как сам выражается, смотрит, по этому случаю, на жизнь "с розовой точки зрения!" Каково мне слышать это! Он находит, что жизнь ему улыбается, что все так хорошо, а главное — благородное обхождение начальника, т.е. моей особы. Мной они чрезвычайно довольны. И в самом деле, какое благородство в обращении, как мило шутит его высокоблагородие!.. Господи, что за дрянь человек!.. Я знаю уже обхождение с подчиненными; оно весьма дешево стоит. Отпустишь дурацкую шутку, посадишь, бросишь несколько слов, обнаруживающих внимательность, — и подчиненный счастлив! И такая подлость в человеческой натуре, что я ведь и сам, пожалуй, если покопаться, чувствовал не раз удовольствие от начальнического обхождения...[7] Во время моего отсутствия в Ярославле помощник мой, оставшийся здесь, был на вечере у городничего, у которого собралось все здешнее дворянское общество и были танцы. По его рассказам, он "очутился во Франции"; все дамы и девицы говорили по-французски, из кавалеров никто по-французски не учился. Тут был и секретарь магистрата, и секретарь уездного суда, и аптекарь, и семейство исправника и проч. и проч. ...Но прощайте. Вы говорите, что мне нет нужды так упорно работать. Но поручение мое кажется мне так обширным, что боюсь, если стану медлить, прожить здесь,

пожалуй, более 2-х лет. — С нетерпением жду известий, которые должны прийти завтра, об успехе действий душ и цитманова декокта[8]. Будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Будете писать Грише и Софье, обнимите их за меня. Прощайте.

Весь ваш *Ив. А.*

9

1849 г⟨ода⟩ июля 2-го. Суббота. Рыбинск.

Вот уже около недели, как я в Рыбинске, милые мои отесинька и маменька, и вчера получил письмо ваше от 28-го июня. Слава Богу, что души и цитманов декокт продолжают свое действие. Дай-то Бог! Так уже привык не верить в успех! — Климова и хлеба нашего нет в Рыбинске, а также нет и кн⟨язя⟩ Ухтомского, который с женою уехал провожать сына в Ярославль. — Вы хотите продать хлеб не дороже 14 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩. Надобно знать, во 1-х — какого достоинства мука. Покуда этой цены не существует; во 2-х, захотите ли вы ждать: капиталисты здешние в полной уверенности, что цена поднимется со временем и что требования за границу будут; но сначала цены будут все более и более понижаться от благоприятных видов на урожай. Здешний голова, торгующий мукой и овсом, предложил мне купить у меня хлеб и овес, но я отказал ему, потому что он голова. — Здесь хлеба лежит столько, что даже взятая недавно одним из здесь торгующих, но иногородних купцов, Журавлевым поставка в казну 900 т⟨ысяч⟩ пудов муки решительно не подействовала ни копейкою на возвышение цен. —

Писал ли я вам отсюда или нет? Кажется, нет. — Я приехал сюда в воскресенье вечером и был поражен жизнью и деятельностью на улицах и многолюдством города. К тому же здесь была ярмарка. Мне сейчас отвели квартиру у одного купца 2-й гильдии, Миклютина, очень хорошую, и несколько часов разговоров и наблюдений вполне убедили меня, что этот город не только выходит из ряда обыкновенных уездных городов, но и имеет свою совершенно особенную физиономию. —

Это решительно один из важнейших городов России. Он основан Екатериной[1] и не имел значения до открытия водяных путей сообщения с Петербургом и Архангельском. Во время оно это была просто рыбная слобода, заведываемая дворцовым приказом, поставлявшая на стол царский (все это до Петра[2]) штук с 500 стерлядей в год и другую рыбу, за что и пользовалась огромными льготами и, как видно из жалованных грамот, совершенною монополией в ловле рыбы, к ущербу прочих жителей. Особенно замечательна статья об освобождении их ото всяких судебных преследований в течение времени лова, т.е. от вскрытия льда до нового льда, потому что в это время они доискиваются жирной рыбы для перепечи[3] благочестивого царя Алексея Михайловича или другого. Когда же открыты были эти три системы водяных сообщений: Тихвинская, Мариинская и Вышневолоцкая, то Рыбинск быстро стал возростать, да и вся Ярославская губерния получила другой смысл. Для того, чтоб идти по этим трем системам — выше — необходима перегрузка. Дальше

Рыбинска идти низовыми судами нельзя. А в Рыбинске, кстати, и отличная, природой устроенная пристань: он стоит при устьях рек Черемхи и Шексны в Волгу. — Можете себе представить, что в иное лето, при живой торговле, перебывает здесь до 200 т⟨ысяч⟩ рабочих, приходящих с судами! Теперь, при такой торговле, хуже которой Рыбинск не запомнит, считается здесь 17 т⟨ысяч⟩ одних рабочих. А торговля очень плоха. Напр⟨имер⟩, из Моршанска приходило сюда обыкновенно от 500 до 600 судов: нынче не более 50!.. Суда стояли прежде на 12-ти и более верстах расстояния; а теперь глаз видит легко оба края. — Между тем город сам по себе не велик, и тесно толпится в нем народонаселение. Что же это такое в другое время?

Но все же это не только не столица, но и не губернский город, который и обширнее, и в обыкновенное время населеннее Рыбинска и в котором постоянно чиновников и дворян больше. Здесь нет слоев и кругов в обществе. Здесь — одно общество: купеческое, преобладающее, господствующее, самодовольное и самостоятельное, с единым направлением торговли; все они почти без исключения торгуют хлебным товаром (полагая в том числе все сырые произведения: лен, пеньку, семя и даже сало). Прочие общества дворян и чиновников примыкают уже к этому кругу. Меня поразил вид здешнего купечества. Оно полно сознания собственного достоинства, т.е. чувства туго набитого кошелька. Это буквально так. Весь город понимает важность своего значения для России, и самый последний гражданин скажет вам: мы житница для России, мы город богатый, который поневоле всякий уважает и т.п. На всем разлит какой-то особенный характер денежной самостоятельности, денежной независимости, денежной эмансипации. — Я здесь нашел то, чего не встречал в других городах. Здесь не надо понуждать общество, как в других городах и даже в столицах, чтоб оно принимало участие в своих общественных делах и пользовалось правами, им данными. Нет, здесь единство интересов связывает их в одну общину. — Всякий и не служащий в думе знает, что земли у города мало, оттого квартиры дороги и негде строиться: общество собирается, делает добровольную складку, напр⟨имер⟩, тысяч в 10 серебром и — по установленной форме — дает приговор о покупке земли и пр. Разумеется, главные деятели — богатые купцы, которые пренебрегают мелкими выгодами, происходящими, напр⟨имер⟩, от дорогих цен на квартиры. Ворочая милльонами, они делаются великодушны! (NB. А сам же этот купец часто через эти же мелкие и подлые выгоды пошел в гору! Впрочем, я видал на своем веку взяточников, которые брали лет 30 сряду самым жидовским образом, но, накопив себе огромное состояние. выходя в отставку, делались добрыми малыми, хлебосолами и великодушными жертвователями! Ах, да много уже видел я такого, чтобы презирать человека ото всей глубины души!) Всякий купец знает, что необходима гавань для безопасной зимовки судов, которые теперь частехонько ломает весенняя вода, и таким образом постоянно приобщаются к правительству, требуют инженеров и проч. — Здесь все они читают газеты, которые для них очень важны; необходимо знать: каков урожай за границей и в Америке и проч. и пр. — Но надобно помнить, что почва, на которой выросло такое “древо”, — раскольничья. Раскольников здесь осталось уже очень мало, и

они все скрытные. Но большая часть купцов так нравственно, по милости денег, самостоятельна, что сохранила бороды. Зато эти бороды весьма спесивы, чванны в отношении к беднейшим торговцам, весьма честолюбивы и, должно признаться, честолюбивее бритых купцов. Последние, это правда, удовлетворяют своему честолюбию уже тем, что, сбрив бороду, сливаются с классом высшим, но тем дело и кончается, и они часто принимают дух "благородства", как ни смешно это слово; если подличают, то подличают изящно, что еще хуже, я согласен, но многие и не подличают. Напр⟨имер⟩, мы с вами, конечно, не подличаем, но трудно сказать, почему: из страха ли Божьего или из чувства чести? Бороды, согласно древнерусскому направлению, презирая западное чувство чести, оставили себе на долю страх Божий. А так как Бог далеко, да и обряды и посты облегчают труд веры для слабой человеческой натуры, то эти бороды, строго пост соблюдающие, — подлецы страшные! Да и Бог знает, как это они в душе соглашают барыш торговый с требованиями учения Христа. Я не умею согласить этого. Здесь есть милльонщик-раскольник, с длинной седой бородой, который в 70 лет почти продал интересы общества из-за креста. Прочие бороды счастливы и горды, если какой-нибудь "его превосходительство" (дурак он или умен — это все равно) откушает у него и из-за ласок знатных вельмож готов сделать все, что угодно, а уж медали и кресты — это им и во сне видится. Особенно здесь, в городе, о котором столько заботится правительство, который посещается всеми знатными лицами, министрами и прочими властями, они полюбили льстящую им знать, помня, однако же, расстояние и имея, может быть, в виду через это удобнейшее сохранение платья и бороды[4].

Ярмарка эта не важна торговлей, но довольно шумна и многолюдна. Разряженные купчихи и крестьянки в шляпках и в кичках, в немецких и русских платьях оживляют, пестрят картину. Должно признаться, что было много и штофных сарафанов, красоту которых много уничтожает то, что они закрывают самую лучшую часть сарафана, т.е. верхнюю, а оставляют видимыми одни юбки, потому что наматывают на себя платки и надевают шубки. Хорошо еще, если шубки с прорезами, тогда белые рукава скрашивают костюм чрезвычайно, но этого почти не встречаешь. Впрочем, многие и в немецких платьях надевают сверх платья очень красивые (и внесенные модой) — как бы назвать?.. длинные кофты или плотно обтягивающие стан кацавейки. Эти последние красивее шубок и потому, что сделаны из легкой материи и не подбиты мехом, когда на дворе 20 градусов жару, и потому, что в них талия там, где следует, а не поперек лопаток.

Дня через два после меня приехал губернатор. По этому случаю голова давал торжественный обед, за которым нам подавали шекснинские жирные стерляди. Обед продолжался 2 $^1/_2$ часа. С Бутурлиным мы в отличных отношениях, потому что оба друг другу нужны и потому что нет резона быть в дурных! Пробыв здесь несколько дней, он уехал.

Однако писать долее решительно некогда. Постараюсь написать вам в середу и сказать что-нибудь о хлебе[5], потому что нынче увижусь с одним иногородним купцом. Дела пропасть. О раскольниках надеюсь скоро послать записку

м⟨инист⟩ру; авось на будущей неделе сообщу вам подробный результат затеянных нами операций, — теперь еще ничего неизвестно. — О положении же моем относительно полиции я писать не буду, потому что теперь, находясь в уездном городе, не ощущаю неприятности надзора. Пишите в Рыбинск. Я бы желал иногда более подробных ответов на мои письма, чтоб это имело вид разговора; но теперь лето, и вам некогда. И то благодарю Вас, милый отесинька, за аккуратность и обстоятельность писем. Что возражает Константин на мои письма?[6] Что придумал он нового, сидя за удочкой? Поступки Гриши решительно непонятны!..[7] Тем более, что он не подробно пишет, так что и судить трудно. — Ив⟨ана⟩ Сем⟨енови⟩ча сын еще не приезжал. —

Прощайте, милые мои маменька и отесинька, обнимаю вас. Будьте здоровы и бодры. Обнимаю Константина и всех милых сестер моих. Будете писать Грише, обнимите и его с Софьей за меня... А все же, каюсь, с охотою оставил бы я этот великорусский край, чтобы лететь на юг, на юг, в теплую сторону, к Черному морю!

Ваш *Ив. А.*

10

9-го июля 1849 г⟨ода⟩. Суббота. Рыбинск.

Послезавтра день Ваших именин, милая маменька; поздравляю Вас, поздравляю и милую Олиньку, и Вас, милый отесинька, и всех. Где-то Вы его проведете, милая маменька? В Москве или в деревне? Перевезли ли Вы Веру?[1] — Не знаю, как у вас, а здесь стоит славная погода, довольно тихая, с теплыми ночами; недавно шел сильный дождь и по всему следует ожидать хорошего урожая, стало быть, и понижения цен. Конечно, посылать в Рыбинск хлеб, когда можно было на месте получить по рублю за куль, расчет очень плохой. Цены нисколько не поднимаются, и торговля самая тихая. Хлеб наш еще не приходил. Вы пишете, что нам приходится кормить крестьян и что без помещиков им было бы плохо. При лучшем устройстве магазинов можно было бы их легко наполнить запасом года на два неурожая; а при лучшем устройстве путей сообщения можно было бы не бояться и неурожаев. Разумеется, это все легко сказать, но трудно выполнить. Хотя, по убеждению Константина, русский народ равнодушен к управлению, потому что ищет только царствия Божия[2], однако я никак не могу применить этого к торгующему сословию, которое постоянно ищет прибыли и вовсе не для одной поддержки своего земного существования. Следовательно, неравнодушное к своим житейским делам, оно могло бы не быть равнодушным к общему житейскому же благу. Но бескорыстных забот об общем благе и об общей пользе в этом сословии не имеется (1612 и 1812 года составляют исключение[3]). Замечательно однако же, что в Рыбинске, который весь имеет значение своею пристанью, потому что низовые суда дальше Рыбинска идти не могут и должны здесь перегружаться, в Рыбинске много делается сообща, целым обществом и будто для общественной пользы, но в сущности потому, что с этим связана личная выгода каждого. Напр⟨имер⟩, для того, чтоб еще более привлечь к себе торговлю и иметь и для себя безопасное

место для склада хлеба, город из городских доходов купил землю, смежную с городом, одного помещика, который десятин 40 продал тысяч за 180 асс⟨игнациями⟩. Там устроила дума анбары для складки хлеба, за что получается доход. Хлеба там может помещаться страшное количество, и все охотно кладут хлеб туда, потому что помещение устроено прекрасное. Я вчера осматривал эти анбары с градским главой. У каждого анбара врыта в землю бочка с водою; кроме того, тут же помещены и стоят наготове всякие пожарные трубы и инструменты; учрежден караул и особое управление анбарного старосты, у которого ведутся и книги для записи поступающего хлеба; словом, такое предусмотрительное устройство, придуманное самим обществом и думою, что и от казны лучшего ожидать нельзя было бы. Но то, что не связано с видимым, ощутительным собственным интересом, то, что хоть и связано с ним, но не так видимо, не так близко, то плохо принимается обществом, особенно же если требует слишком больших трудов. — Но чем более обращаюсь я с купцами, тем сильнее чувствую к ним отвращение. Все это какой-то накрахмаленный народ, конечно, умный, о том ни слова, но чопорный, тщеславный и чинный до невыносимости. Это относится почти ко всем купцам, даже к тем, которые, говоря их языком, судят по самой прямой линии. Самый образ жизни их противен. Вот вам купеческий дом: каменный, двухэтажный, глупой архитектуры, оба этажа невысоки. Вверху три или 4 парадные комнаты, содержимые с опрятностью голландскою. Потолки везде расписаны самыми яркими красками безо всякого вкуса; стены теперь уже почти везде обклеены обоями, которые понравились купцу, он их охотно покупает, но обклеивает без толку: стены голубые, потолок, всегда невысокий, испещрен ужасно, мебель зеленая и т.д. Разумеется, во всех комнатах образа, в некоторых за стеклом, в тяжелых ящиках красного дерева, в серебряных и золоченых окладах (я описываю вам дом бородатого и знатного дородством купца). Эти комнаты отпираются раз или два в году для приема важного гостя-чиновника или в самые торжественные праздники; на остальное время их запирают, постоянно протапливая зимой. Сам же он с семейством теснится в остальных комнатах, грязных, вонючих, нередко сырых. Между собою они редко посещают друг друга с семействами без приглашения или какого-нибудь особенного повода. Мужья целый день вне дома, в лавке, на пристани, а жены сидят одни и скучают до́ма. В праздник жены, набеленные и нарумяненные донельзя, во французском платье, с длинною шалью и с дурацкою кичкой чинно прогуливаются с мужьями по улицам или по бульвару. Ни тот, ни другой ничего не читают, кроме "душеспасительных книг", но это чтение нисколько не сбавляет с них спеси и тщеславия. Вы можете сказать, что нельзя же требовать от них совершенства... Так, да ведь у них, при отсутствии всякого образования, при слепой покорности рутине, привычке к старине, меньше и соблазнов. Соблазны их одолеют, но не чрез пробуждение буйного ума или неугомонного духа, жаждущего света и постоянно заблуждающегося, а чрез тщеславие. Я ведь вам рассказываю про таких купцов, которые и дородством, и важностью напоминают бояр, таких, которые даже и театр почти не посещают. — При гостях муж жене говорит всегда "Вы". — Уж лучше мужик, поющий песни

(забытые купцами), чистое дитя, дитя природы, хоть это выражение и опошлено; он, со всею своею грубостью, невежеством, полуязычеством откровеннее, проще, веселее. Вид купеческого дома нагоняет на меня страшную тоску. — Давал я своему хозяину читать Константинову драму[4]. Он, против обыкновения, охотник до чтения и много читал. Ну что ж! Он очень доволен, но хвалит такие мéста, говоря, что "*очень прекрасно*", что видно, как он ничего не понял. А ведь до сентенций страшные охотники, до азбучных и прописных нравоучений, до всякого риторства. Что ж это означает? Истинный взгляд на искусство, что ли? Видна ли тут истинная оценка искусству, указание ему его настоящей стоимости, той, которая должна быть, по мнению Константина? Просто показывает первоначальную неразвитость вкуса, и простоты в искусстве он не понимает точно так же, как он приказывает пестрить потолок самыми яркими красками и веселится душой, смотря на это безобразие. —

Я решительно сбит с панталыку. Все последнее время, весь 1848 год постоянно разбивались мои с таким трудом усвоенные верования, и теперь не осталось для меня ни одной человеческой истины, о которой нельзя было бы сказать и pro и contra*; я потерял всякую веру и в ум человеческий, и в наши выводы и соображения, и в логику, и в жизнь[5]. Есть Нравственная Истина, но я не умею согласить ее с жизнью, а отречься от жизни недостает сил. Оттого-то такая тоска, такая скука нянчиться с ношею своей жизни. — Вдобавок стихи не пишутся. По крайней мере, за стихами я забываю все эти вопросы, и, дурно ли, хорошо, грешно или безгрешно, я жажду этих наслаждений, от которых, по крайней мере, не вижу видимого зла. Мы ведь все более или менее язычники, и для нас еще полезно нравственное влияние поэзии; мы еще можем применить и к себе: artes molliunt mores, искусства смягчают нравы.

Прощайте. Донесения м⟨инист⟩ру о расколе не посылал, потому что не кончилось еще одно обстоятельство, для которого и еду завтра в Романов и завтра же вернусь. Тут к общему вопросу присоединяются случайные обстоятельства, временные, местные, личные, которые могут получить значение общее и путают дело. Обнимаю вас, милый отесинька и милая маменька, и цалую ваши ручки, будьте здоровы. Как это Олиньке не стыдно было испортить действие декокта! Что же теперь? Обнимаю Константина, Веру, Надичку, Любу, Олиньку и всех сестер.

Ваш *И.А.*

Если вас очень беспокоят мухи, то вот лучшее средство: купить в аптеке квассию[6] и обварить его кипятком, приготовить как чай и потом, вместе с трухой, выложить на тарелки и посыпать мелким сахаром. Действие удивительное. —

---

* За и против (*лат.*).

11

1849 г<ода> июля 16. Субб<ота>. Рыбинск.

В четверг я получил письмо ваше, милые мои отесинька и маменька, писанное 11-го июля; стало быть, письма доходят довольно скоро. Слава Богу, что Вера уже переехала в деревню. Дай Бог, чтоб ей было там лучше, чем в Москве, да и деревенский воздух должен на нее хорошо действовать. Погода стоит чудная: тихая, теплая, ночи очаровательные. Но я выключаю нынешнее лето из своей жизни. Это лето для меня не в счет. Но, Господи, что это за красота лето! Не могу без ужаса подумать, что оно скоро кончится, что вот уже скоро и Ильин день[1], когда вода дрогнет, а потом опять примемся мы проживать осень и зиму! В воскресенье ездил я в Романов-Борисоглебск (верст 45 отсюда) и вечером воротился же назад. Ехал я в самый жар и как наслаждался тем, что меня печет солнце! Красное лето: что может быть его лучше! Бог с ним, с этим снежным величием: красота только в живой жизни, в красках жизни, в движении жизни. Ах, да что уж об этом и говорить. Пахнет на меня, среди всего этого бумажного дрязга, в открытое окно теплый низовой ветер с юга и вдруг смутит, собьет с толку все деловые соображения, пахнет и потянет за собою всю душу, так что иногда рассердишься, отмахнешься рукой от наваждения этой красоты и упрямее уставишься в дело.

И в самом деле — к делу. На днях приехал сын Ив<ана> Семеныча и возвестил мне, что хлеб наш уже в Ярославле и нынче должен быть сюда. По контракту он имеет права стоять в судах три недели. Я думал сначала отослать сына Ив<ана> Семеныча обратно, но потом сообразил, что мне, при своих занятиях, при отсутствии князя Ухтомского (который не возвращался и чуть ли не проехал с женою в Петербург), невозможно и неприлично искать покупщиков на базаре. Здесь же все дела делаются на базаре, в трактирах и т.п. Биржа выстроена, но никто ее не посещает, хотя огромная зала на берегу Волги, с двумя балконами, в жаркое время лучше вонючего здешнего базара. Но татарское слово базар больше сохраняет прав, нежели “биржа”, и я нисколько не прочь против этих собраний на чистом воздухе, если б это действительно было на *чистом* воздухе. Мне же как чиновнику сноваться там нейдет. Поэтому я и думаю теперь оставить здесь этого сына, с тем однако же, что он будет приводить ко мне покупщиков, которых я приказал ему искать между купцами других губерний, а не Ярославской. Мука наша вовсе не лучшая. Здесь низовая мука наших мест называется камскою и ценится совсем невысоко. Моршанская мука, какая-то ла́сковская мука ставятся гораздо выше. Цены не поднимаются, но и не упадают. Здесь цены зависят не столько от урожая, сколько от требований в Петербурге, от требований из-за границы. В Петербурге столько осталось непроданного хлеба, столько запасов, что если б правительство не подоспело тогда на помощь, позволив купцам закладывать эти запасы в Коммерческом банке, то, по уверению самих купцов, многие бы лопнули, потому что уложили весь капитал в хлеб. Купцы выжидают, а потому и я решился выждать немного. Остается еще три недели: каждая почта из Петербурга может изменить обстоятельства. —

На этой неделе, отправив в хозяйственный д<епартамен>т[2] огромную ведомость по ревизии топографической съемки городов, в то же время отправил я и м<инист>ру в собственные руки записку о расколе и о единоверии[3] в здешней губернии и в Романове-Борисоглебске в особенности. Разумеется, все это было сделано, так сказать, запоем: на одну записку пошла целая ночь, но зато все же легче на душе, одной заботы избавился. Не знаю, как найдет это все м<инист>р. Записка написана очень резко и противоречит несколько его взглядам о единоверии вообще[4]. Я же против единоверческой церкви — решительно, для здешнего раскола. Действия Алябьева я не разбираю, даже имени его не упоминаю в записке, опровергаю только — не действия, но взгляд на раскол "бывшего здесь в прошлом году чиновника м<инистерст>ва"[5]. Да потом пришло мне в голову, что теперь лето, когда делами занимаются в Петербурге тихо, когда все разъехались по дачам и сам м<инист>р на даче, и хоть там ему досужнее и он, верно, прочтет эту записку сам, но движение по ней будет вялое. Но что ж было делать? Мне приказано было *немедленно* донести, а я здесь скоро два месяца. В Рыбинске придется оставаться мне еще долго. Чем более всматриваюсь я в рыбинское купечество, тем хуже оно мне кажется. Здесь есть, правда, общинный дух, созданный единством интересов торговых, есть признание прав "общества", но это скорее дух корпорации, стремящейся к монополии Рыбинска относительно других городов, к стеснению иногородных, не рыбинских купцов и проч. "Граждан*а*" города Рыбинска, как говорят они, должны иметь преимущества перед всеми гражданами других городов и облагают иногородных бóльшими акцизами. Это ведет меня к оценке общин отдельных на Руси, и я вспомнил, что Новгород был тиран-город в отношениях своих к принадлежавшим ему землям, селам и городам[6]. Разумеется, следовало бы, чтоб отдельные общины постоянно сознавали себя членами одной обширной общины. — Что еще удивительно, так это то, что в Рыбинске, кроме чисто выгодных предприятий, общество не склонно ни на какие пожертвования. В самом деле, в этом городе, где только ленивый не богатеет, где торговцы квасом в хорошую навигацию продают одного квасу на 1000 р<ублей> в день, ни одного благотворительного учреждения (такого рода учреждения, которое вовсе не противоречит нашим взглядам на общественную благотворительность), напр<имер>, больницы, богадельни и проч. Все это может быть сделано только общими средствами и не мешает частной благотворительности, особенно больницы. Здесь есть две маленькие больницы, содержимые из городских доходов, по распоряжению правительства, но не из пожертвований. Ни один богач не пожертвовал денег — хоть на украшение города, напротив того — эти богачи так жадны к деньгам, что дорожат каждым грошом. Здешний аристократ-купец, пресловутый Федор Тюменев, богач и раскольник, в чести у знатных и добившийся крестика[7], устроил, напр<имер>, на самом видном месте, почти рядом с церковью, кабак — в "Красном гостином ряду". Я, впрочем, с этим аристократом уже учинил войну. В Москве и в других городах купцы гораздо благотворительнее. — В бедном городке, каков Романов-Борисоглебск, существует 9 церквей. Здесь, в этом обширном городе, существует всего три, да и то больше построенные вкладами иногородных. — С

каким удовольствием переходят мои глаза на сухопарого мужика, поющего песни! Судорабочие, бурлаки, водоливы со всех губерний приходят сюда летом и гуляют в ожидании новой трудной работы. Правда, что когда они стоят тысячами на берегу, то воздух сгущается невыносимо, но когда они отдельными партиями ходят немного пьяные (это каждый день) по улицам и поют песни, не обращая внимания ни на кого, так на них смотреть весело. Здесь случается мне слышать чудесные песни по мотиву. Напр<имер>, вы не услышите в Москве мужика, поющего песнь "Не белы-то снега" и проч. Это поется, и скверным образом, только в трактирах, на театре, но здесь, где сходятся с разных отдаленных концов, я слышал и эту песню и другие, не фабричные. Это все не ярославские мужики, не *торгующие*. Бодрый, веселый, трудящийся народ, без древнего боярского или современного купеческого брюха, без сановитой дородности, без спеси, без претензий! От него не требуешь ни образованности, ни сведений, в нем только то, что дала ему природа и воздух христианского мира... Зато и бесцеремонен, нечего сказать. — Впрочем, крестьянин везде лучше других[8]. —

Как я рад, что Смирнова наконец в Калуге[9], воротилась к своему посту и к своим обязанностям. Я не знал этого до вашего письма. Что Самарин: есть ли об нем какое-нибудь разрешение[10]. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы. Крепко обнимаю Константина и всех сестер. Здесь есть ягода, которая, говорят, нигде более не ростет: поленика. Дух от нее чудесный. Я заказал из нее варенье и, когда будет похолоднее, пришлю к вам, потому что теперь может испортиться[11]. Прощайте.

Ваш *И. Акс.*

12

23 июля 1849 г<ода>. Суббота. Рыбинск.

Что это значит, что вот уже две почты сряду я не получал от вас писем. Последнее ваше письмо получено было мной еще в четверг на прошедшей неделе, но ни в воскресенье, ни в этот четверг писем не было[1]. Подожду до завтрашнего дня: завтра придет почта часу во 2-м пополудни. Дай Бог, чтоб этому причиною был приезд гостей или какая другая деревенская помеха. — Из Петербурга тоже никакой бумаги не получал, словом, на нынешней неделе почта меня нисколько не удовольствовала, хотя я люблю получать с ней даже казенные пакеты и время-то считаю от почты до почты. — Вчера был я на беспоповщинских похоронах. Свалился один из столбов этой секты, 82-летний старик, купец Василий Миклютин, родной дядя моего хозяина. Отец этого старика и отца моего хозяина был раскольник; из сыновей один остался раскольником, другой обратился к православию и был одним из усерднейших православных; поколение последнего, разумеется, также все православное. У Василия же Миклютина 4 сына, лишенных им наследства, ничем не привязаны к расколу, внуки его ждали смерти деда, чтоб оставить секту, и, таким образом, смерть этого старика сильно ослабит последние остатки беспоповщины в Рыбинске. — Полиция позволила им совершить похоронный обряд, но только

вечером. Я был при выносе. Народа (православного) столпилось много: мальчишек, солдат и разных зевак. — Увидав меня на улице, хозяин мой, племянник и душеприказчик умершего (хотя и православный, но по случаю устранения сыновей от наследства), вышел ко мне и спросил: "Следует ли петь на улицах?" Я не посоветовал, чтобы их же избавить от насмешек и оскорблений, воображая, что как скоро выйдет хор старых девок (у них все бабы и девки служат) и запоет гнуся, по обычаю, то поднимется просто хохот; пусть уж поют, придя на кладбище. Они так и сделали. С 50 женщин с головами, покрытыми черными платками, городских и пришедших из деревень, последовали за гробом на кладбище, куда я не пошел[2], и там отслужили по-своему. Мне любопытно было видеть впечатление, какое производила на зрителей эта процессия: все смотрели или с омерзением, или с насмешкой. "Ну, что́?" — спросил я Афанасья, когда он воротился оттуда. "Горько, отвратительно горько", — отвечал он и при этом стал удивляться, что правительство до сих пор это терпит и позволяет им искажать веру; по его мнению, всех бы следовало разослать в Сибирь или наказать... Мне не раз случалось слышать от людей этого сословия подобные советы. Он же рассказывал мне, что лет 6 или больше тому назад помещик Соковнин купил имение в Тульской губернии и узнал, что крестьяне все держатся какой-то ереси и не едят свиного мяса. Помещик задал праздник, пригласил крестьян, поподчивал их сначала водкой, а потом и свининой, никто не стал есть и на спрос: почему? они признались, что держатся такого-то толка. Тогда Соковнин всех отказавшихся от свинины пересек, приставил к ним 5 приказчиков, заставил крестьян всех окреститься и, наконец, уничтожил ересь, так что теперь крестьяне, по словам Афанасья, сами довольны и благодарят помещика, что выгнал из них дурь, доставшуюся по наследству! Я против этих мер, несмотря на успех, однако же и я убедился опытом, и именно здесь, что строгость, с одной стороны, без грубого насилия, и страх, с другой, во многих местах очень полезны. При этом только надобно взвешивать силу убеждения. Бывают такого рода слабые люди, которые ждут толчка, побуждения, которые рады, если правительство придет к ним на помощь! Многие из них, вполне сознавая свое заблуждение, не решаются однако оставить его, отчасти потому, что боятся насмешек со стороны товарищей, отчасти потому, что отец и дед исповедовали то же, и ждут некоторого принуждения. Разумеется, тут вся мудрость состоит в том, чтоб принуждение это не переходило границ, ибо тогда оно и слабые характеры превратит в твердые. Разумеется также, что меры, с успехом употребленные в Ярославской губернии, ни под каким видом не могут быть употреблены в Бессарабии, где и характеры другие, да и местность опасная[3]. Нельзя также слишком увлекаться уважением к убеждению. Можно, пожалуй, получить убеждение, что резать людей, жечь дома и производить гнуснейший разврат необходимо для спасения души. Если человек только напустил на себя такую дурь, то от этого легко вылечивается и строгостью; если же убеждение дошло до фанатизма, то следует лишить возможности делать зло, хотя, впрочем, всякий сектатор более или менее пропагандист. Жду с завтрашнею почтой окончательного уведомления об успехе затеянной мною с одним священником и

отчасти при содействии губернатора операции, безо всякого вмешательства полиции и видимого участия должностных лиц, в Романове-Борисоглебске и тогда сообщу вам. На этой неделе приезжал ко мне этот священник для переговоров, и дело, я думаю, скоро кончится[4]. — К счастию моему, здешний мой хозяин, родственник умершего, имеет возможность сообщать мне также много любопытного. После дяди его осталась большая библиотека, говорят, книг и рукописей раскольнических, на которые я имею виды и которые обещали мне завтра принесть для просмотра. — На этой неделе также была свадьба одной родственницы моего хозяина. Это *крестьянка,* вышедшая замуж за здешнего мещанина. Я видел невесту перед венцом: французское платье, вуаль или уваль, как они говорят, плечи обнаженные, шляпка с перьями! Какой здесь в Рыбинске странный обычай. Священник не ждет в церкви, а вместе с женихом приезжает к одетой уже невесте (тут всегда и закуска) и потом с нею (т.е. в общем поезде, впереди) отправляется в церковь. —

Сейча́с был у меня сын Ивана Семеныча, потом голова, потом еще один купец. Что прикажете делать? Цены не только не поднимаются, но стали слабеть. Все считают — не выгоды свои, а убытки. Все продавцы, покупателей нет. Это просто удивительно. Ожидали, что прекращение войны в Дании[5] принесет требования из-за границы и приведет корабли, но требований никаких нет. За овес наш дают 6 р<ублей> 50 к<опеек>; я думаю, что надо продать, потому что рискуешь вовсе не продать и потому что бо́льшая часть симбирских и оренбургских помещиков продали еще дешевле. Два, три покупателя, которые есть, прижимают всячески. Теперь здесь цены гораздо ниже, нежели у нас на месте, и тот же самый купец, который торговал хлеб наш еще там, теперь здесь и этой цены дать никак не соглашается. Но, впрочем, нельзя и винить за то, что Гриша или Ив<ан> Семенович сделал такую ошибку. Или все купцы наши не очень прозорливы, или действительно нельзя было предвидеть, только все говорят, что непостижимее того, что случилось с хлебной торговлей летом, ничего нет. Ну да купцу ничего, он выждет. — Евграф[6], со слов своего отца, говорит, что несмотря ни на что, он не советует отказываться Грише от Головкина[7], что это просто клад и проч. — Вот и Ильин день прошел. В этот день грозы не было, зато после Ильина дня каждый день грозы. Нынче только немного охладилась атмосфера, а то были все теплые дожди: немного нагулялись нынешним летом сестры[8]. Я уж говорю так, как будто лето прошло: июль в исходе, август уже не лето… Как грустно!..

Я продолжаю работать, как прежде; несколько времени работа стала не спориться, пошла вялее; одолевала тоска, но теперь опять, кажется, пошла живее. Топографов своих разослал по городам, так что остался теперь решительно без помощника. — Здесь довольно большое общество, если хотите, но я мало с ним знаком; бываю иногда у здешнего городового доктора, славного малого, воспитанника Моск<овского> университета, Ивана Францевича Фандер Фласа! Он и жена его превосходные музыканты и немцы, живут пресчастливо, аккомпанируя друг другу (он на скрипке, она на рояли). Впрочем, эта немецкая чета совершенно обруселая и почти забыла немецкий язык. Жена его — тоже из Москвы — какая-то Цумиллер или что-то в этом роде. Мне даже досадно,

что отводить душу приходится у немца, да что же делать? Русские купцы невыносимо скучны или скрытны; если и попадется между ними такой, с которым можно говорить не об одной муке, так все же этот человек не стоит со мною на одном уровне...[9] Такое наше положение. Мы охотники рассуждать *о* предмете, нам необходимо сейчас его понять, определить, поставить в стойло системы; это уже наша вторая природа, и это составляет огромную нашу разницу с прочими сословиями, и Константин не ощущает вполне эту разницу. Наблюдать и понимать или жить одной жизнью — две вещи совершенно разные[10]. Прощайте, дай Бог получить завтра от вас письма, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Обнимаю Константина, Веру, Олиньку, Надю, Любу и всех сестер.

Ваш *И.А.*

13

30 июля 1849 г<ода>. Суббота. Рыбинск.

30-е июля! Значит, послезавтра 1-ое августа! Вывод, конечно, верный, но и очень грустный: только месяц до осени. На этой неделе я получил два письма от вас: одно в воскресенье из Москвы, когда Вы, милый отесинька, провожали Над<ежду> Тимофеевну[1], другое в середу — из деревни. В 1-м Константин обещал написать, а во 2-м и действительно написал письмо[2]. Очень ему благодарен и буду отвечать...[3] На нынешней неделе в понедельник я ездил в Ярославль и воротился оттуда в середу вечером. Ездил я туда по просьбе Бутурлина и архиерея для личных совещаний по одному обстоятельству, касающемуся раскольников. Дожди были проливные, дорога адская. Надобно сказать правду, самое скучное в этой службе нянчиться с такими губернаторами, каков Бутурлин, и быть с ними в дружеских сношениях. Тоска ужасная толковать по целым часам с самодовольною, хотя и доброю, пустоголовою властью. — Из Петербурга от одного из наших чиновников получил письмо, в котором он пишет, что рапорт мой о раскольниках получен и лежит у министра и что мне вышел чин надв<орного> советника[4] за выслугу лет со старшинством. Не понимаю, отчего Грише не дают этого чина[5] также за выслугу лет. С нынешнею почтой посылаю второй и последний рапорт м<инист>ру о раскольниках, также очень важный; теперь остается только писать о пошехонских лесах, ну да это со временем. Только что кончил писать этот рапорт и принялся за письмо к вам. Обращаюсь к вашему письму. Гриша просто для меня непонятен. Как он сам не пожелает толком, ясно, спокойно и отчетливо взвесить все дело, порешить все недоразумения, высказать свои объяснения и оправдания![6] Конечно, странно, что он не побывал на Серных водах у Над<ежды> Тим<офеевны>, когда в прошлом году Софья была на меня в претензии за то, что я с Серных вод[7] не приехал в Языково[8], где никого, кроме брата, и не было[9]. Воображаю, как Шишков суетился и оживлял Серные воды; он безумный мот, но смотреть на него весело. — Варенье из поленики готово, только еще не успели уложить его... Хлеб не только не потонул, но и не испортился; да беда в том, что с рук не сходит. Торговал овес один казанский

купец и, уезжая в Ярославль, я уполномочил продавать его по 6 р<ублей> 75 к<опеек> за куль (выше этой цены еще не было), тот давал 6 р<ублей> 50 к<опеек> асс<игнациями>, а потом и за эту цену взять не согласился. Муку продавать нельзя, потому что она под овсом. Я читал письма одного купца *с низу*, который приказывает вновь сплавить свой хлеб из Рыбинска к низовым пристаням, потому что там цены дороже. Нам и на это рисковать нельзя, во 1-х, потому что деньги нужны; во 2-х, что и судно, в котором погружен хлеб, по распродаже хлеба назначено за негодностью в сломку. Если будут давать 6 р<ублей> 50 к<опеек> и сейчас выложат деньги, то я думаю, овес надобно продать не медля. — Нам, видно, уж особенное несчастие: надо же было сплавить хлеб в Рыбинск, когда дома не только по расчету, но и за всеми расчетами цены выше. Все купцы откладывают продажу от почты до почты и в почтовый день просто осаждают контору, требуя писем, так что подлецы-почтальоны никогда писем и не разносят, а раздают в конторе и получают за это деньги. Вот и я решился подождать завтрашней петербургской почты, но на будущей неделе непременно что-нибудь да продам!..

Кажется, после стольких дождей настанет ведро; по крайней мере, нынче день ясный, хотя и не жаркий. Проездом я видел, что рожь просто полегла, а грибов по сторонам дороги пропасть! Как жаль, что бедные сестры и гулять даже не могут! Авось теперь станет посуше, и вы будете опять все вместе отправляться по грибы. —

Из приобретенных мною после умершего беспоповщинца рукописей одна — просто драгоценность. Это книга, писанная полууставом[10], по-славянски (разумеется, она переписана и не древняя), содержащая в себе историю первых времен раскола[11] и *бегствующего* иерейства и, кроме того, все доводы беспоповщинской секты, чрызвычайно умно и бойко изложенные. Есть целые разговоры между приемлющими иерейство и неприемлющими: разговаривают "Пришедый" и "Аз". Разумеется, разговор кончается всегда тем, что Пришедый со слезами на глазах благодарит Аза за обращение на путь истины и присоединяется к беспоповщине. Кто этот знаменитый Аз или *Я*, не знаю; я показывал эту книгу одному поповщинцу, так он сказал мне, что это одна из самых редких книг. Другая книга, исполненная всяких вздорных басней и претензий на славянское витийство, — "Описание осады Соловецкой обители". Третья книга или рукопись — об антихристе, где тонким образом дают чувствовать, что чуть ли этот антихрист не Феофан Прокопович[12], который из "*ереси в ересь отклоняет*". Впрочем, я ее только так слегка просмотрел. Хочу послать их на просмотр Надеждину, так как он уже довольно знаком с раскольничьей библиографией и может почерпнуть отсюда важные указания для внутренней истории раскола[13].,— Вы спрашиваете, милый отесинька, когда я могу с вами увидеться? Едва ли это может случиться раньше Рождества и Святок[14]. — Дела ведь просто тьма, а теперь и лето, в которое производятся все топографические работы, и я постоянно должен за ними наблюдать и представлять ежемесячные о них отчеты в департамент. Вы не пишете ни слова про Самарина и про других знакомых: что они? Получил ли Самарин позволение ехать в отпуск в Симбирскую губернию?[15]

Однако мне надобно торопиться, потому что сейчас придет топограф с планами, которыми я и займусь до вечера; уже скоро 4 часа, а письма к вам раньше я не успел приготовить потому, что со вчерашнего дня готовил свой рапорт к министру. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки и обнимаю Константина, Веру и всех сестер. Вы ничего не пишете, продолжает ли Олинька принимать свой декокт, а Вера брать свои дýши... Прощайте, будьте здоровы. Постараюсь написать во вторник. Завтра воскресенье, в Рыбинске для меня приятный день, потому что в этот день приходят две почты: московская и петербургская, а с последней и газеты, которые выписывает мой хозяин.

Ваш *Ив.А.*

Кланяюсь Анне Севастьяновне[16].

14

1849 г<ода> августа 6-го. Суббота. Рыбинск.

Поздравляю вас с праздником[1], милые мои отесинька и маменька, а если кто из вас говел, то поздравляю и с причащением. На нынешней неделе я не получил от вас ни одного письма, т.е. уже почти 10 дней, и решительно не понимаю, что может быть этому причиной. Если я нахожу возможность писать каждую неделю, то в нашем доме этой возможности еще более; слава Богу, есть кому писать, особенно в дождливое время, когда и гулять нельзя. С нетерпением жду завтрашней почты.

Впрочем, на этой неделе почта ниоткуда не привезла мне известий: несколько казенных бумаг пустого содержания — вот и все. А я ждал от вас письма и потому, чтобы решиться с хлебом. У нас 1000 кулей должно быть в Сенгилеях[2], где очень хорошие цены, и если там продано выгодно, то можно было бы смелее действовать здесь. Некоторые советуют даже выгрузить хлеб и сложить в здешних анбарах для того, чтобы продать его на будущий год или осенью, если цены поднимутся. Но все это хорошо делать купцам с деньгами, а нам деньги нужны на прожиток. Овес стал дешевле, так что теперь и 6 р<ублей> 50 к<опеек> никто не дает. Все откладывают от почты до почты и продешевили хлеб. Один казанский купец Ненюков торгует у меня всю муку и весь овес: за муку 11 р<ублей>, за овес 6 р<ублей> 25 коп<еек> и отдает все деньги. Хоть и обидно видеть, что в самом начале можно было бы взять за овес 6 <рублей> 50 к<опеек> и даже немного больше, но, видя беспрерывное понижение цен, боюсь, что придется потом продавать и по 5 р<ублей>. Некоторые сильно нуждающиеся в деньгах помещики продают уже и теперь по 6 рублей, и они-то всегда и сбивают цены: им только чтобы продать и что-нибудь получить. Если я продам за ту цену, которую вам дает Ненюков, и вышлю вам эти деньги, то сколько их останется вам, за уплатою процентов[3], и до каких пор они хватят? — Торговля — такое дело, что купцы непременно должны составлять особое сословие. Они все знают друг друга, без чего и не может быть торгового доверия; помнят не только каждый свою продажу и

покупку, но учитывают и чужие расходы и доходы; здесь в Рыбинске, в центре хлебной торговли, они получают в одно время письма из Петербурга и из Астрахани и знают все торговые цены на всех хлебных пристанях волжской системы. Дон и Двина — это уже системы особенные. Стоит только получиться известию, что цены в Петербурге поднялись, то вмиг поскачут отсюда приказчики в Моршанск, в Симбирск, в Самару, в Уфу, во все низовые губернии, географию которых они знают, как свои 5 пальцев... Нельзя не удивиться постоянству и настойчивости купца. Для того, чтобы провезти хлеб от Саратова в Петербург вверх по Волге, хлопот — страшно сказать сколько. Возня с казною, с лоцманами, с бурлаками, с коноводами, с перегрузкой, с крючниками... все это стоит больших денег! Ведь эти купцы везде поплатятся: они содержат всюду офицеров корпуса путей сообщений, заведывающих судоходными дистанциями, — когда предъявляют им свои накладные. Между тем, этот волжский бассейн или, лучше сказать, эта торговля по Волге, от Астрахани до Архангельска, от Астрахани до Петербурга, кормит и содержит в постоянной деятельности целые десятки милльонов рук. Если взять в соображение одно производство барок, канатов и снастей, так огромность цифр испугает вас. Пословица говорит: купец торгует и век горюет; крестьянин пашет да песенки поет. — Зато купцы до такой степени свыкаются с своим занятием, что торговля ему делается необходима иногда даже вовсе не ради барыша. Эта постоянная лотерея, это состояние между страхом и надеждою, этот "рыск", как они говорят, становится для него второю природой. Я знаю многих богатых оптовых торговцев, которые держат даже розничные лавки, так, единственно для утешения, чтоб посидеть в ней, потолковать. "Пойду, поторгую", — говорит мне недавно один богатый купец, у которого, может быть, тысяч на 200 серебром хлеба в Петербурге, и отправляется в лавку, где сиделец его продает муку фунтами... На своем грязном и вонючем базаре они собираются два раза в день, сообщают друг другу письма, делают дела на сотни тысяч рублей, но окончательно обсуживают их в трактире. Разумеется, тут пускают часто фальшивые слухи, даже пишут фальшивые письма, и на этом базаре новичка или нашего брата как раз собьют с толку; а биржа с своей огромной залой стоит пустая, хотя в ней сведения собираются только несомненные и достоверные, хотя в ней и висят географические карты, получаются газеты. У купцов друг для друга есть свой банк, свои банкиры. Каждый, пользующийся доверием, может без росписки и легко набрать огромные суммы, но если он обманет, если он окажется несостоятельным, то вмиг это разносится по всему купечеству, и уже ему не верят ни копейки, а без кредита торговать нельзя.

Сейчас воротился от обедни. Вот давка-то! Церквей здесь мало, всего 3, а народу много. Собственного народонаселения Рыбинска несколько тысяч, зато приливающего летом — более 100 т<ысяч>. — На нынешней же неделе получил я уведомление об окончании затеянной мною операции относительно присоединения раскольников Романова-Борисоглебска к православию. По-настоящему, мне уже теперь здесь и делать нечего, если б поручение ограничивалось одними раскольниками. Жду с нетерпением ответа на свои рапорты.

Они такого рода, что не могут оставаться без ответа. Я бы вам послал их прочесть, но они требуют непременно личных комментарий. Но какой противный народ это — наши попы; если б они действовали всегда так, как предписывает им должность, так раскол в десять раз был бы слабее; а они, напротив, так равнодушны к убеждениям религиозным, что обращают внимание не на качество, а на количество паствы[4]. Я пишу с нынешней почтой борисоглебскому протопопу, говорю ему, что теперь, когда уже мы связали раскольников человеческими узами, необходимо действовать на них постоянно духовным убеждением, увещевать их искренним, жарким словом, чтоб они наложили на себя и духовные узы. Без этого дело человеческой мудрости рушится как раз. Я с своей стороны сделал свое дело, исполнил то, что приходилось на долю правительственной мудрости, но с досадой и грустью вижу, что оно не поддерживается нравственною, духовною, теплою силой. — Эта поповская каста требует непременного преобразования. Разумеется, для этих должностей необходимы люди специально образованные, потому что в нашей церкви не простая, отвлеченная вера и не только нравственное учение, но тысячи обрядов и полудогматов, за которые народ держится крепче, чем за самый догмат, и которые все имеют свою историю и духовную литературу. Вы укажете на Кузьму Ивановича[5]. Да Кузьма Иванович советует плевать и креститься на перекрестках, будет сбит с толку каждым раскольником и ни одного не обратит. — На днях попалась мне книжка творений Св<ятых> Отцов за 1847 г<од>: в ней помещены стихотворения Григория Богослова[6]. Это решительный поэт! Как я ему обрадовался! Советую Константину обратить на него внимание и Гоголю также[7]. Видно, как он наслаждается сам красотою образов и выражений. Его послание к женщинам очень хорошо!.. Между прочим, он осуждает в женщине "ноги, идущие борзо".

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, дай Бог узнать, что вы все здоровы и что только пустые причины и лень могли лишить меня писем. Обнимаю Константина и всех сестер. —

Ваш *Ив. Аксаков.*

15

9 августа 1849 г<ода>. Рыбинск. Середа.

Наконец, я получил ваше письмо, милый мой отесинька и милая маменька, в прошедшее воскресенье. Хоть вы и пишете, что не пропускали ни одной почты, однако же это письмо, писанное *1-го* августа, не знаю почему, не попало во вторник 2-го августа на почту в Троицком посаде, а как видно из штемпеля, отправлено было из Москвы уже 4-го августа и получено мною *7-го.*

Хлеб и овес я продал, хоть и дешево, но дороже других, напр<имер>, дороже татариновского хлеба, Соковнина и прочих симбирских помещиков и то потому, что взял с купца заранее честное слово не сбавлять цены, какие бы худые известия ни привезла почта, но прибавить, если она привезет хорошие. Овес продал по 6 р<ублей> 25 к<опеек>, а мука по 11 р<ублей>. Деньги еще не

получал, теперь производится выгрузка. Я не знаю, должен ли я дать что-нибудь сыну Ивана Семеновича?

Как бы я ни хотел видеть Константина и заставить его проехаться[1], однако по некоторым обстоятельствам я не могу взять на себя пригласить его в Рыбинск *теперь*. Месяцем раньше — другое дело. Знаю, что он будет ломать себе голову и придумывать этому разные объяснения, но дело просто и, как скоро я оставлю Рыбинск, тотчас же объяснится. А потому прошу об нем и не ломать себе головы. — Из Петербурга ничего не получал до сих пор. Что-то привезет завтрашняя почта. — Прощайте, я писал вам нынче для того, чтоб возвестить вам продажу хлеба, хоть и не очень веселую. Да что же делать? Нам в торговых оборотах судьба решительно не благоприятствует. Деньги я найду способ вам доставить. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

16

1849 г<ода> августа 13-го. Суббота.

Во вторник я писал к вам, милый отесинька и милая маменька, о неприсылке Константина. Теперь это препятствие устранено. Дело состояло вот в чем: уже с неделю господствовало здесь убеждение, что в городе холера; это и предположить было немудрено, потому что она чрезвычайно была сильна здесь и в прошлом году, и потому, что Рыбинск в беспрерывных сношениях с Петербургом. Еще накануне письма был у меня здешний городовой доктор Фандер Флас, хорошо мне знакомый, и удостоверил меня, что холера действительно есть как в больницах, им заведываемых, так и в частной практике. Докторам велено было доносить городничему о каждом новом холерном случае и т.п. Другой доктор, уездный штаб-лекарь (их всего здесь два), на днях донес, что холеры решительно нет и не было и что это все выдумки. Городничий послал эти два противоречащие донесения докторов губернатору, который для решения этого вопроса прислал инспектора врачебной управы. Тот на днях (кажется, третьего дня) решил, что холеры нет и не было и что Флас ошибся. Как бы то ни было, но это значительно подействовало на город, который теперь успокоился и развеселился. — Поэтому, не решившись тогда приглашать Константина, зная его характер[1], я полагаю, что теперь ничто ему мешать не может. Я действительно думаю, что холеры, по крайней мере теперь, нет в городе. К тому же теперь настали такие ясные дни, отзывающиеся, правда, осенью, ибо утра и вечера очень свежи. Если Константин приедет, то мы отправимся с ним вместе в Пошехонь, куда я думаю перебраться недели через три. Впрочем, я считаю для него просто полезным прокатиться по дороге, если бы даже он и не захотел оставаться дольше. — Мой адрес на Моложской улице в доме купца Андрея Миклютина. — Во всяком случае, вы мне напишите насчет денег: как вам их переслать. Если Константин не приедет, то я могу послать их по почте или достать переводное письмо. — Теперь об овсе и хлебе. Хорошо я сделал, что решился продать. Цены беспрестанно дешевеют: муку

дороже 10 р<ублей> 50 к<опеек> асс<игнациями> уже не продают. Вчера окончательно перегрузили наш овес и муку на суда Ненюкова. Но при разгрузке муки оказалось, что в 472-х кулях мука *села*. Я думаю, вы знаете этот термин: говорят, это значит: сгорела, слеглась и что-то такое в этом роде. Как бы то ни было, только покупщик ее забраковал и не взял. Хотя сын Ив<ана> Сем<еновича> и уверял меня сначала, что мука не должна оказаться севшею, но теперь объясняет, что хлеб, должно быть, старый, сушеный соломою, отсыревший. Как Ненюков от этих 472-х кулей отказался, то я продал их поставщику, т.е. хозяину машины за 10 р<ублей> асс<игнациями> в зачет платы за поставку. Сию минуту только сделал эти распоряжения. Денег еще не получал. — Что тут прикажете делать! Решительно нашим спекуляциям судьба не благоприятствует. —

Зато грибов, говорят, нынешним летом премножество и ягод также. Владимирская, очень хорошая, вишня по 40 коп<еек> асс<игнациями> фунт. Я хочу на днях отправиться на Юг... Вы уже думаете, на тот юг, где теплее, где природа лучше... Нисколько. Югом называется лежащий к северу от Рыбинска, верстах в 20, монастырь или пустынь Югская; есть даже образ Югской Божией Матери. Говорят, местоположение очень хорошее, и распорядок общежития напоминает собой Оптину пустынь[2]. Сокращенно монастырь не называют иначе, как Юг или Ю́га... Думаю ехать туда на Успеньев день[3], с которым вас, а равно и с окончанием поста заранее поздравляю[4]. — На нынешней неделе проходил здесь слон, подаренный государю от бухарского хана. Свиту слона составляют несколько человек бухарцев и чиновник Оренбургской губернии. Я ошибся, сказав, что он проходил. Он плыл; в Нижнем Новгороде его погрузили на тихвинку, так называется лодка или судно особой конструкции. На рыбинской пристани он стоял сутки, потому что здесь запасались хлебом. Кормят его белым печеным хлебом, которого он съедает пуда два в день, да 20 фунтов сахару, да 10 фунтов масла. Весь город ездил его смотреть, и я в том числе. Слона видел в 1-й раз: зверь довольно безобразный, но умный и кроткий. Из Индостана в Петербург!.. Забавно то, что он во многих местах поправил дороги. До Нижнего он шел пешком и, как он очень труслив, то вступил на мост и почувствовал его жидкость, сейчас обращается назад. Нечего делать: строят мост крепкий, так чтобы слон не изволил опасаться! У него есть для мостовой и полусапожки. — Вечером того же дня эти бухарцы были в театре, в ложе, где отличался "русский Геркулес или Раппо[5], жонглер и акробат ярославский Семен Ляпин[6], долгое время по страсти изучавший это искусство и показывающий удивительные опыты с досужеством русской силы, сметливости и ловкости". Так сказано было в афише. Видите, сколько веселостей! Из Петербурга ничего не отвечают. Я, наконец, вздумал, что глупо мне, наконец, находиться в таком постоянном ожидании от почты до почты, что, пожалуй, можно так прождать годы и что именно то, чего сильно ждешь и хочешь, нарочно не случится, и потому откинул уже всякую мысль о возможности избавить себя от своего скучного поручения. Рассчитав все, я полагаю, что при благоприятных обстоятельствах к зиме будущего 1850 года я должен покончить с Ярославской губернией. Теперь думаю из Рыбинска в

сентябре попасть в Пошехонье, из Пошехонья в октябре прямо проеду в Углич, минуя Мышкин и Мологу, а в ноябре, в конце, возвращусь в Ярославль, где останусь декабрь (съезжу только к вам на Святки), генварь, и в феврале отправлюсь на ярмарку в Ростов и останусь там месяца полтора. В марте вернусь в Ярославль, покончу с ним, потом летом разделаюсь с Любимом, Даниловым, Мологою и Мышкиным, осенью все недоделанное доделаю и — конец. Но какая скука, Боже мой! Хоть бы один город отделать разом, а то теперь у меня нет ничего конченного. —

Вы спрашиваете меня об этой, часто упоминаемой мной операции. Я, кажется, уже отвечал вам, что она заключается в присоединении целого раскольничьего города Романова-Борисоглебска к православию посредством собственного их от себя прошения. Простее сказать — это новые путы, которыми сам себя удавливает подлый здешний раскол; мера дипломатическая, правительственная, но уже оказывающая благодетельные последствия и теперь. Вам это все непонятно; чтоб понять это все, надобно взвесить все местные, даже случайные обстоятельства, которыми мы сумели воспользоваться, надобно прочесть мои рапорты м<инист>ру, которые, без моих толкований, едва ли будут вам понятны. — Эта мера совершенный сюрприз м<инистерст>ву и не знаю — одобрит ли оно ее, — и бешусь, что не получаю оттуда никакого сведения. Что же касается до городского хозяйства, то работаю я ужасно много, да работа как-то не скоро идет. Рыбинск начинает пустеть, и в августе месяце все отправки кончатся. — Сейчас приходил ко мне Ив<ан> Абрамыч Ненюков. Он сказал мне, что деньги принесет мне на следующей неделе, во вторник или середу. Из денег тысяч 5 серебром откладывает платежом до декабря м<еся>ца; в то время он вышлет эти деньги, куда вы назначите. Хлеб наш уже отправился на место поставки, где Ненюков снял подряд, именно в Кексгольм. Это черт знает где, сейчас взгляну на карту. — На берегу Ладожского озера, в Финляндии. Из Надёжина в Финляндию!

Недавно получил я письмо от графа Д<митрия> Н<иколаевича> Толстого (чиновника нашего м<инистерст>ва)[7] из Воронежа. Он пишет мне, между прочим, что там в архиерейском доме хранится карета св<ятого> Митрофания[8], деланная за границей, великолепная и с какими-то особенными лежачими рессорами. На боках кареты изображены Амуры, Купидоны, Венеры, Грации и т.п. мифологические изображения во всей красе. Граф Толстой предполагает, и это очень вероятно, что карета эта была подарена *нá смех* Петром Великим. Подарок был принят, святой епископ мог и заочно ее принять, но, как видно, ни он, ни преемники его ни разу не употребляли эту карету, потому что не разбилось и стекла, а подгнившие колеса доказывают, что они стояли, не вертясь, на одном месте.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Завтра не ожидаю от вас письма, потому что на этой неделе получал две почты сряду. Прощайте, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. Жду вашего ответа о Константине[9].

Ваш *Ив. Аксаков.*

17

20 августа 1849 г<ода>. Суббота. Рыбинск.

Вот теперь уже несколько почт сряду получаю я ваши письма, милый мой отесинька и милая маменька. Во многих из них заключаются намеки на разные обстоятельства вашего летнего сезона, которые оставляю до личного свидания. А теперь к делу. Расчет проданному хлебу прилагаю для Вас, милый отесинька, на особой бумажке. Вы продали не на 40 т<ысяч>, а с небольшим на 32 т<ысячи>, из которых, за разными издержками, очищается Вам около 27 т<ысяч>. Я, вероятно, ошибся, написав Вам, что деньги будут получены сполна и все. Их, конечно, и можно было бы получить сполна, но с бо́льшею уступкою цены, на что я был не согласен. Таким образом, остальные 5 т<ысяч> р<ублей> сер<ебром> Вы получите в декабре, т.е. никак не позже декабря, а, может быть, и раньше. Я взял в них расписку: это плательщик верный. Но не знаю, удобно ли для Вас такое распоряжение. Напишите мне. Если Вы сильно нуждаетесь теперь же в бо́льшей сумме денег, нежели какая посылается (а посылается 2500 р<ублей> сер<ебром>), то, может быть, мне удастся угово́рить его дать еще несколько или же передать письмо его другому за наличные деньги. Хозяин мой хлопочет о переводном письме на 2500 р<ублей> сер<ебром>. — Охотников много, но верных и безотлагательных плательщиков, по предъявлении переводного письма, мало; теперь же имеется в виду один, Рахманов, а потому я и не хочу упустить случая. Цены на муку и овес постоянно дешевеют и теперь выше 6 р<ублей> асс<игнациями> за овес и 10 р<ублей> за муку нельзя и продать. Отсутствие войск из Петербурга[1] и прекращение казенных требований там на хлеб — главною тому причиной, а из-за границы спросов нет никаких. Словом сказать, торговля идет прескверно, а мы, по верному инстинкту, тут-то в нее и пустились.

Теперь о другом. Я бы желал, чтоб Гриша удержал имение, потому что, по общему уверению всех симбирских торговцев, это клад, это сокровище, это эльдорадо[2] и проч. и проч. — Что же касается до вице-губернаторства, то его, конечно, достать трудно[3], впрочем, у Гриши есть путь — довольно надежный — брат министра Василий Алекс<еевич> Перовский[4]. С своей стороны я назову Грише только своих знакомых, которые могут ему помочь советами и указаниями, но не больше. Я сам уже почти год как служу в министерстве, но все не могу получить штатное место[5]. Во всяком случае, для получения вице-губернаторства необходимы личные хлопоты в Петербурге. Погуляева же никак не назначат[6]: не в обычае министра утверждать представляемых от губернатора на такие места. — Боюсь, что вся эта возня кончится тем, что Гриша останется без имения и без вице-губернаторского места с скучною должностью прокурора, которая не открывает ему блестящего карьера, нечего сказать, отчасти по его вине, отчасти по милости его друга и покровителя Пинского[7]. Сколько лет он в этой должности и не нашел случая отличиться блестящим образом. Разумеется, если служить только с мыслью о посильной пользе, о выполнении выпавшего на жребий долга, вроде гоголевского чиновника в “Театральном разъезде”[8], то можно 35 лет оставаться в этой

должности. Если же хочешь, чтоб тебя не забыли, то, исполняя так же добросовестно свой долг, напоминай о себе какими-нибудь чиновническими блистательными подвигами. Впрочем, это я говорю, обнажая истину наголо; а в жизни это делается как-то бессознательно, сопровождая друг друга. Горячая деятельность всегда почти приводит к блистательным результатам; если же в этом случае и обманешься в ожиданиях, так в запасе имеешь утешительное сознание, что поступал честно, по долгу, по совести. — На Пинского я сердит за то, что он дал ход таким дуракам, такой дряни, что опозорил самое Правоведение. —

Но оставим и это. На нынешней неделе я не получил никаких бумаг, ни писем из м<инистерст>ва; впрочем, я уже и перестал ждать, а теперь думаю только о том, чтобы скорее выбраться из Рыбинска, который мне ужасно надоел, и отправиться в Пошехонь. Там необходимо мне будет съездить к одному помещику, Соковнину, знающему всю подноготную о пошехонских лесах, в пошехонский Андрианов монастырь и в какую-то пустынь, верст 40 за Пошехонью. Кстати, о пустыни. В понедельник, в Успеньин день, ездил я в Югскую общежительную пустынь, верст 18 от Рыбинска. Порядок и благочиние всюду. Это вообще свойство общежительных монастырей, где никто не имеет своей собственности, а всё, начиная от куска хлеба до последней рубашки, выдается из общей монастырской казны. Все братья имеют какое-нибудь определенное занятие на пользу монастыря, который довольно богат своей казной, зато и обстроился в последние 15 лет очень изящно и богато. Устава никакого нет, кроме общего, существующего для всех церквей, с тою разницею, что здесь он с бóльшею строгостью соблюдается; так напр<имер>, обыкновенная всенощная продолжается там 6 часов сряду. Игумен очень строг и не позволяет выкинуть ни полстрочки. Вы не увидите здесь ни жирных монахов, ни суетни в церкви. И это общий характер и в Оптиной общежительной пустыни (в Калужской губернии), и в Саровской... Отстоявши обедню, я вместе со всеми гостями (мужчинами) приглашен был к игумену, отцу Варфоломею, который почему-то оказывал мне особенное внимание; после небольшого угощения (это был их храмовый праздник) отправились мы в трапезу, где усадили меня подле игумена. За трапезой царствует совершенное молчание; никто не смеет говорить, никто не приступает к пище прежде игумена, который крестится и подает знак перед каждым блюдом. Во время обеда читается с кафедры что-нибудь из священных книг. Едят медленно, без жадности. Впрочем, обед был хоть куда. После обеда довольно продолжительный молебный; затем игумен опять позвал к себе, подарил образок Югской Божией Матери, несколько просвир, разные изделия монастырского токарного ремесла и отпустил нас. — Обитель эта существует по имени уже более 200 лет, но в настоящем смысле — не более 70. Основал ее в XVII веке киевский монах Дорофей, которому явилась икона Богородицы. Монахи почитают Дорофея святым, говоря, что если он не прославлен, так потому, что не хочет сделать обитель первоклассным монастырем и лишать ее уединения. — В монастырской гостинице, где, как водится, все даром, изволь только по усердию жертвовать в пользу монастыря, гостиный монах отец

Серафим предложил мне икону своего изделия. Я принял охотно, думал, что она стоит безделицу, а, расплачиваясь при прощаньи, должен был дать за нее 6 рублей сер<ебром>! Делать нечего. Обе иконы и третий образок, купленный мною здесь на ярмарке, посылаю Вам, милая моя маменька, вместе с поленичным вареньем. Из них маленький образок Югской Божией Матери — освященный. — Зато отец Серафим утешил меня, сказав такую глупость, что я с полдороги все хохотал. Прощаясь, он говорил: “Сделайте одолжение, посещайте наш монастырь, не лишите Богородицу Вашего к ней расположения, а уж я Вас не оставлю в своих *святых* молитвах”. —

Как бы то ни было, но в этих общежительных пустынях гораздо отраднее быть, нежели в монастырях обыкновенных. — Показать бы коммунистам эти христианские фаланстеры![9] Велико значение монастырей, хранящих подле суетливой жизни идеал другой, совершеннейшей жизни, строгой тишины, неизменимо-ровное течение дней. Но все же, повторю и здесь, не для монастырей и пустынь только явилось христианство. Теперь о другом. Хотите, я подниму вам одно забытое, маленькое воспоминание, пустое, конечно, но стародавнее. Помните ли вы m-me Фассио или Хвастью, как называл ее Иван-кучер? Недавно в “Петербургских ведомостях” в числе отъезжающих за границу читаю: “Супруга швейцарского подданного, чиновника 10-го класса Вера Фассио[10]”. Куда и зачем это несет ее за границу? — На днях на здешнем театре давали “Ревизора”[11]... Я отправился смотреть. И актерам, и зрителям до такой степени было смешно видеть на сцене все те лица, которые сидят тут же и в креслах (напр<имер>, городничий, судья, уездный учитель и т.п.), что актеры не выдерживали и хохотали сами вовсе не у места, а потому и играли плохо, исключая Осипа. А зрители, хоть и смеялись, — да ведь все свои! Всякий друг про друга знает, что он берет, и считает это дело весьма естественным. Вот этим скверно в уездных и даже губернских городах. Все берут, нет другого общества, и поневоле делаешься снисходительным, говоря, что этот берет не так, как тот, легче и т.п. — А по-настоящему никому из них и руки подать нельзя! Даже мне иногда совестно колоть им собой глаза. Впрочем, здесь, как я вам писал, был один честный человек, городничий Деев, теперь в отставке. Зато он известен был как некое чудовищное исключение, неслыханное диво и дрянной городничий.

Самарин едет в Симбирск?.. Так вот чем все это разрешается! Оно хоть и не мешает ему послужить в губернии,[12] но, право, как-то грустно. Значит, не очень везет!..[13] Сейчас воротился мой хозяин с извещением, что не мог доставить переводного письма в Москву. В Петербург хоть сотню, сейчас! Рыбинские торговцы не имеют никаких крупных дел с Москвою; чайные торговцы еще имеют кое-какие сношения, но они все теперь на Нижегородской ярмарке. Делать нечего. Подожду до вторника и, если Константин не явится за деньгами, то отправлю их по почте на его имя в Москву. В Посад не решаюсь посылать. — Я хоть и не очень жду Константина, но все же не совсем отбросил ожидание; к тому же до вторника недалеко. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю вас и цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Благодарю Веру за приписку; стыдно ей, что она не

вполне исполняет предписаний докторских. — Кланяюсь Гоголю. Заставьте его прочесть стихотвор<ения> Григ<ория> Богослова[14]. Завтра, может быть, поедет оказия в Москву и сложит ящик с вареньем, мною посылаемый, в дом мясника Мамаева. Предупредите его. —

В 1847 г<оду>[15].

§ 1.

Доставлено было в Рыбинск 1475 кулей муки (по 9 пуд) и овса по пуд 3490 кулей.

Продано почетному гражданину, краснослободскому купеческому 1-ой гильдии внуку Ивану Абрамову Ненюкову

мука по 11 рублей асс<игнациями>	муки 1002 куля
овес по 6 р<ублей> 25 коп<еек>	овса 3425 кулей

Стало быть, в остатке изо всего количества: муки 473 куля и овса 65 кулей, которые поставщики взяли за себя.

С Ненюкова всех денег следовало получить:

за муку: 11.022 р<убля> асс<игнациями>

за овес: 21.406 р<ублей> 25.

всего 32.428 р<ублей> 25 к<опеек> асс<игнациями>

Отдано им в августе: 14.928 р<ублей> 50 к<опеек>.

Затем не отдано 17.500 р<ублей> асс<игнациями> или 5 т<ысяч> р<ублей> сер<ебром>, в которых получена росписка.

§ 2.

Поставщиков было два: один, Маслов — не знаю откуда до устья Камы; а Климов от устья Камы до Рыбинска. — Маслов взял по 73 коп<ейки> с денежкой (или по 21 к<опейке> сер<ебром>) за 9 пуд<ов> куль, которых всех было 3801; следовательно, ему приходилось — 2794 р<убля> $21^1/_2$ к<опеек> асс<игнациями>. Но как он один куль муки испортил и взял за себя, то выключив один куль или 11 р<ублей> асс<игнациями> и то, что приходится за поставку куля, — получим *2782 р<убля> 73 коп<ейки> асс<игнациями>.*

Климов взял за поставку по 2 р<убля> $6\,^1/_2$ к<опеек> ассигн<ациями>; всего за 3800 кулей 9 пудовых ему приходилось 7848 р<убля> 38 к<опеек>; да за пошлину в пользу судоходного капитала в Рыбинске 88 р<ублей> 60 к<опеек> асс<игнациями>.

всего 7936 р<ублей> 98 коп<еек> асс<игнациями>

§ 3.

Но Климов взял за себя забракованной муки 472 куля по 10 р<ублей> асс<игнациями> и овса по 6 р<ублей> 25 коп<еек> — 65 кулей.

За это деньгами следует: 5126 р<ублей> 25 к<опеек> асс<игнациями>.

Итак, вычтя из следовавших ему за поставку

− 7936 р<ублей> 98 к<опеек> асс<игнациями>
5126 р<ублей> 25 к<опеек> асс<игнациями>

получим следующих ему ...2810 р<ублей> 73 к<опейки> асс<игнациями>.

А всего ему и Маслову деньгами следовало додать *5593 р<убля>* 46 к<опеек> асс<игнациями>.

Эти деньги им и отданы.

Итак, из 14.928 р<ублей> 50 коп<еек>
вычтя 5.593 р<убля> 46 к<опеек>
получим 9.335 р<ублей> 04 к<опейки>.

Из этих денег 250 р<ублей> асс<игнациями> отданы сыну Ив<ана> Сем<еновича>, по его собств<енному> показанию, за прожитие и на дорогу.

Да 335 р<ублей> 4 к<опейки> асс<игнациями> взяты мною себе. —

За тем остается:

из 9335 р<ублей> 04 к<опеек> асс<игнациями>
585.04 к<опейки>
8.750 р<ублей> или *2500 р<ублей> серебром.*

Уф!

20 авг<уста> 1849. Рыбинск.

18

<23 августа 1849 года. Рыбинск [1]*.>*

Делать нечего, и я решился послать деньги по почте, милый мой отесинька, адресовав их на имя Константина. Себе, как я уже писал Вам, оставляю около 100 р<ублей> сер<ебром>, да из них уже употреблено на отправку. Деньги посылаются с нынешней почтой, которая пойдет завтра, т.е. 24 августа в середу. Следовательно, должна прийти в Москву или в ночь на субботу, или в субботу. Константин может отправиться в воскресенье и получить деньги в понедельник. Других путей не нашел: все торгующие с Москвой теперь на ярмарке. Предлагают подождать две недели, но я не согласился. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Не пишу вам больше потому, что некогда... К тому же у меня отчаянный геморрой, так что я ни сидеть, ни ходить не могу и пишу стоя, нагнувшись, потому что конторки нет. Какая подлая вещь!

Прощайте, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *Ив.А.*

23 авг<уста> 1849. Рыб<инск>.

Ящик отправил к Мамаеву[2]. Из П<етер>бурга ничего нет. Чин получил[3].

19

<Письмо к Сергею Тимофеевичу Аксакову>.

27 августа 1849 г<ода>. Рыбинск[1].

Прежде всего спешу Вас успокоить, милый отесинька. Дело это может быть поправлено, и деньги Вы получите все или бо́льшую часть в сентябре м<еся>це. Пришлите только мне немедленно росписку Ненюкова. — Теперь стану отвечать на Ваше письмо.

Вы слишком поторопились в Ваших обвинениях, упрекая меня в ветренности и оплошности. Вы пищете, *что я обманут этим мошенником Ненюковым.* Ненюков вовсе не мошенник, человек еще молодой, лет 30, и пользуется общим уважением. Это торговый дом, имеющий дела в Сибири и в Финляндии и теперь взявший на себя поставку милльона пудов дуба в Адмиралтейство. Он человек, известный честностью, но купец, т.е. не любезник в деле интереса и не возьмет севшую муку по одинаковой цене с мукой хорошей. — *Вы не верите севшей муке.* Что же мне делать! Если б я получил это раньше, так отправил бы к Вам, хоть по почте, куль Вашей севшей муки. — Еще задолго до прибытия Вашей муки все купцы, и торгующие хлебом, и торгующие железом, с которыми мне случалось говорить о том, что я жду муку, предваряли меня, говоря: хорошо, коли не села. Когда приехал сын Ивана Сем<енови>ча, я обратился к нему с тем же вопросом, и он уверял меня, что мука не должна сесть, что хлеб рижный и пр. Видеть же муку нельзя было, потому что она лежала под овсом. А как сняли овес и стали разбирать муку, так и оказалось 490 кулей севшей. В этом можно было всякому удостовериться лично. Позвольте при этом напомнить, что Вы считали свою муку одним из лучших сортов. Между тем, в Рыбинске камская мука вовсе не уважается. — За наличные деньги Ненюков соглашался взять муку, но с понижением цены, на что я не согласился. А *теперь* многие помещики продали муку дешевле 10 рублей из-за наличных денег. Хуже этого года для торговли хлебом не запомнят: денег нет вовсе, хлеба закуплено столько, что и в два года его не сбыть, и все деньги — в товаре. Из посланного Вам расчета Вы увидите, что Ненюков заплатил почти половину денег. — Вы пишете: “*К чему Вы годны, так называемые практические люди, в действительной жизни. Ведь Константин и проч.*” Это Вы пишете по поводу моей доверчивости, т.е. того, что я отдал товар и допустил отправку, не получив еще ни копейки. — Нет людей практичнее русских купцов. Они так практичны, что к ним даже и применить этот эпитет нельзя; тем не менее, однако же, они слову верят больше, чем бумаге. В Рыбинске, напр<имер>, в прошлом году пришло товару на 35 милльон<ов> рублей серебром, а вывезено на 45 милльон<ов> сер<ебром>. Порядочный оборот денег, а векселей и договоров у маклера не совершено и на милльон. Как здешние купцы, так и по всей России, как бородатые, так и безбородые, верят огромные суммы на слово или по простой записке, хоть и за проценты. Лавочное надуванье здесь не имеет места. Они доверчивее, стало быть, и меня. Что значит — та́к называемые практические люди? *Мы все,* живущие не цельною жизнью, жизнью сознания, анализа, *мы* непременно разделяемся на практических и непрактических людей, тогда как к жизни

цельной, непосредственной, каковою живет народ, это разделение не может быть применено. Что касается до Константина, то я нисколько не думаю оспаривать его практические достоинства: знаю, что он содержит в счету все случаи отправок писем на почту и т.п., для опровержения обвинений в непрактичности, и я уже давно ими убедился. Если б Вы сказали: на что годны вы, честные люди, в действительной жизни, это было бы кстати, потому что я имел возможность продать хлеб дороже, но не хотел. Градской глава Куликов и бывший глава Тюменев набивались ко мне с покупкою, и я им отказал. А уж, конечно, продать им можно было бы с выгодою и даже благовидным образом: хлеб не мой, а Ваш. Вы пишете, что я еще *прикидываюсь,* будто ничего особенного не случилось... Прикидываться было нечего. Не знаю, более ли бы утешили Вас междометия и восклицательные знаки, если б я не поскупился на них в моем письме. — Я несколько раз просил Вас, милый стесинька, написать мне обстоятельно — сколько нужно денег, какие именно предстоят расходы. О долге в Опек<унском> совете[2] я не имел настоящего сведения, к тому же думал, что за Надёжино внесет деньги сам Ив<ан> Семеныч и что для этого именно и назначено 1000 кулей в Сенгелеях. — Что касается до смерти Ненюкова, то если бы он и умер, деньги не пропали бы: у него есть дядя в Петербурге и отец в Пензенской губернии, состоящие в одном капитале. Вы пишете: в остальных деньгах взять вексель и узаконенные проценты. На это он не только не согласится, но вправе и оскорбиться. В том и состоит “платеж за расчет”, что вместо процентов с отсроченной платежом суммы дается бóльшая цена за самый товар. Я предлагал некоторым посторонним купцам взять на себя получение денег Ненюкова в декабре, а мне выдать сейчас. Они соглашаются только с уплатою им процентов не менее полутораста рублей серебром. Из этого видно, как взвешивают купцы каждую копейку, и 8, 10 процентов — у них это самое законное требование, никого не оскорбляющее. — Тем не менее, однако же, получив Ваше письмо, я призвал Ненюкова и не требовал, а просил об одолжении, и он согласился тысяч до 3-х серебром выдать Вам по переводному письму в Москве недели через две... У них в Москве есть поставка спирта в казну, но предварительно он должен снестись с своим дядей, чтобы узнать: нет ли уже из петербургской конторы переводных писем на московского приказчика. — Если же это не состоится, то я во всяком случае Вам эти деньги добуду и надеюсь — без процентов; жду возвращения сюда с ярмарки одного иногороднего богача. О том же, что в настоящую минуту нет у Ненюкова денег и что он получил еще на себя переводные письма из Сибири и П<етер>бурга, это знают все купцы, которым друг про друга все ведомо в деле торговли.

Во всяком случае, Вам нечего беспокоиться, и Вы можете рассчитывать на деньги (5 т<ысяч> р<ублей> сер<ебром>) к половине сентября.—

Прощайте, милый отесинька; желаю, чтоб это письмо Вас несколько успокоило. Будьте здоровы, а также и Вы, милая маменька, цалую Ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Пришлите росписку Ненюкова. — Я с понедельника не выхожу и все в халате по милости геморроя, даже сижу не иначе, как на сквозной доске.

20

30 августа 1849 г<ода>. Рыбинск.

Поздравляю вас со вчерашним и нынешним праздником[1], милые мои отесинька и маменька. С последней почтой я не получил от вас письма, впрочем, и не ждал, потому что уже несколько почт сряду приходили ваши письма. Из Петербурга получил официальную бумагу от министра о назначении мне помощника, какого-то Эйсмонта[2], который еще не прибыл, и частное письмо от одного начальника отделения, который сообщает мне за достоверное, что министр чрезвычайно доволен моими действиями, однако же мои рапорты держит покуда у себя и распоряжений никаких не сделал. Назначение мне помощника ясно показывает, что вовсе не предполагают освободить меня от этого поручения. Впрочем, я уже приучил себя к этой мысли.

В последнем письме своем Вы пишете, милый отесинька, о посещении Путяты, Гоголя и Хомякова[3]. Путята — хороший человек[4]. Я, кажется, познакомился с ним у Вяземского[5], потом еще где-то видел; во всяком случае необходимо ему отдать визит и хорошего человека не оскорблять невежливостью. Мы ведь сами готовы сейчас обидеться всяким нарушением приличия относительно нас. — О Гоголе я могу вам сказать кое-что утешительное. Только предваряю, что это секрет, и если вы как-нибудь его не удержите, то вся вина обрушится на меня. Я получил на днях письмо от Александры Осиповны, которой до смерти хочется разболтать свой секрет, но говорит, что не велено, однако же кое-что сообщает. Гоголь читал ей 2-й том "Мертв<ых> душ"[6], не весь, но то, что написано. Она в восторге, хоть в этом отношении она и не совсем судья. "Как жаль, — пишет она, — что я не смею Вам проболтаться о Муразове, Элабуеве, Улиньке, Чаграповой, генерале Быстрищеве..." и еще какая-то фамилия, которую я не мог разобрать. Говорит, что 1-й том перед тем, что написано и что только набросано, совершенно побледнел. — Может быть, Константин и махнет рукой, но я просто освежился этим известием; нужно давно обществу блистание Божьих талантов на этом сером, мутном горизонте. Атмосфере необходимо разрушиться громом, блеском и молнией великолепного Божьего дара!.. Я прошу Смирнову проболтаться совсем. Только вы, чур, молчите. Если это дойдет до Гоголя, то он рассердится на Смирнову и на меня. — Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал "М<ертвых> д<уш>"[7]. — Он видит в настоящее время, что Вы и Константин мало заботитесь о его производительности и не ждете от него ничего; даже не видит уважения к прежним проявлениям своего таланта. — Впрочем, я уверен, что Вы, милый отесинька, обрадуетесь этому известию, да и Константин тоже.—

Моя болезнь прошла или почти прошла. Нынче царский день[8], и я отправляюсь в собор, а потом на званый обед к одному купцу. Кстати. С последней почтой я сообщил Олиньке совет одного молодого и талантливого доктора. Он осуждает Овера[9] за то, что он решился дать ей цитман<ов> декокт, говоря, что польза от него ей будет временная, а вред важный, и советует Олиньке: 1/ Пить рыбий жир трески, 2-й сорт как заключающий в себе такие составные части,

которые соединить не в силах ни один химик. 2/ Употреблять ванны из ржаного и ячного солоду, а не ароматические, как из ромашки. 3/ Ежедневно обтирать ноги ледяной водой. 4/ Пищу употреблять питательную. 5/ Из слабительных употреблять только промывательные. Он просит передать это его мнение, заключающее в себе целый взгляд на болезнь, Оверу.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Жду от вас росписки Ненюкова. Будьте здоровы. Цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех милых сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

21

1849 года, сентября 3-го. Рыбинск. Суббота.

Вот и сентябрь! Поздравляю с осенью, милый отесинька и милая маменька. Впрочем, первые дни сентября смотрят лучше, чем последние августа; воздух мягче и теплее, по крайней мере, здесь. В четверг получил я ваше письмо от 29 августа. Вот забавно: мы друг другу сообщаем один и тот же секрет! Я говорю о Гоголе[1]. Требование его, чтобы вы не писали о "Мертв<ых> душах" даже мне, совершенно нелепо и не имеет никакого основания, а потому прошу вас и не слушаться его. Напишите мне обо всем подробно; одна ли глава написана или несколько?[2] — Теперь стану отвечать на ваши письма. Жду от вас с почтой, которая должна прийти завтра, росписку Ненюкова, а от Ненюкова — окончательный ответ в середу. Таким образом, в половине сентября вы получите деньги, если не все, так тысячи две или три. По крайней мере, теперь можно успокоиться тем, что долг Опек<унскому> совету заплачен[3]. — Вы пишете, что вице-губернаторское место предложено Погуляеву, но кем? Министром или губернатором...[4] В этом вся и штука. — Что касается до моего нездоровья, то оно прошло. Теперь я принимаю по совету одного молодого доктора простые серные порошки (серный цвет), а потом заведу питье: millefolium, тысячелистник, поутру и ввечеру. Говорят, если употреблять это питье постоянно, хоть с полгода, то польза будет от него огромная. Согласитесь, что это самое невинное средство. А с будущей весною он советует мне купаться в холодной воде, употреблять души и пр. Поэтому прошу вас более не беспокоиться, да и беспокоиться-то было нечего, в противном случае я бы и не написал вам об этой болезни ни слова. — На нынешней неделе был я на 4-х купеческих обедах. Во вторник, 30-го августа, был зван на пирог к одному купцу 1-ой гильдии и почетному гражданину Александру Алексеевичу Попову. Это старинный купеческий род, который в 1-ой гильдии записан уже лет 70. Впрочем, Попов вовсе не из первостатейных богачей. Он очень порядочный человек, не без образования, ходит хоть и в немецком платье, но добр и благотворителен больше, чем прочие рыбинские дородные бородачи. Он был именинник, а потому и созвал всех на пирог, т.е. на обед же, только не совсем полный. Дать же настоящий обед он не мог, потому что другой купец, Наумов, бывший накануне 29 августа именинником, по случаю постного дня (усекновение главы Иоанна) созвал всех к себе на обед 30-го. Итак, в 12-м часу был завтрак или

почти что обед у Попова, а в 2 часа обед у купца 2-й гильдии Ивана Андреевича Наумова, богача страшного, немножко раскольника, наружности самой простой. В этот день растворились ворота, которые заперты почти круглый год, и отперты верхние парадные покои, всегда пустые и запертые. Русский купец, т.е. настоящий, наитщеславшейшее создание, никогда не роскошествует для себя собственно, для своего удовольствия, а только для показа другим. Оттого такое неприятное впечатление и производят роскошные убранства комнат. Эта чистота, эта неизмятость мебели, все это свидетельствует вам, что комнаты нежилые. Разумеется также, что все это безвкусно: мебель, выписанная из Петербурга, обитая штофом, без пружин, задние спинки или ножки стульев, словом — где не очень видно, все это подкрашено. Часа два сряду, не торопясь, собираются гости; все это чинно, скучно, холодно. Наконец, садятся все за обед, который продолжается часа два или три. Хозяин не садится, а беспрестанно обходит гостей и подчует вином. Тут вы говорите, что хотите: он не отвяжется, а повторяет: *пожалуйте*, с легким произношением на *о* (как вообще в Ярославской губернии). Вы говорите ему тысячи причин, почему вы отказываетесь от вина, доказываете, что после сладкого кислое не годится и проч. и пр. Он выслушивает терпеливо, а как скоро кончите, говорит опять: *пожалуйте;* нечего делать, с досадой подставляешь бокал. Разумеется, что во время обеда главную роль играет стерлядь. Каждый из дающих обеды старается превзойти друг друга в величине и достоинстве стерляди. Шекснинские стерляди действительно, говорят, лучшие. — После обеда остаются очень недолго: для дворян и для некоторых из купцов есть особая комнатка, где курят. Перед самым отъездом непременно заставляют опять выпить по бокалу. Это называется здесь *почему-то посошо́к*. — У Наумова после обеда даже вышла хозяйка (лет 50) с лицом, испорченным от употребления белил и румян в молодости; она тоже высыпала гостям весь скудный запас купеческих приветствий: “пожалуйте, покорно просим садиться, благодарствуйте, просим быть знакомыми” и опять “пожалуйте”, раз 15. Наконец, после поклонов, приветствий и поклонов вырываешься вон, на чистый воздух... Таким образом, в этот день мы обедали два раза или полтора раза. А отказаться нельзя, особенно важному Чиновнику, почтут за величайшую обиду. Это служба в своем роде. На этом обеде замечательно было то, что подле меня сидел седой старик с длинной седою бородою, также купец 1-й гильдии и почетн<ый> гражданин Федор Ильич Тюменев, раскольник. Против него сидел сын его в немецком платье, во фраке, с бритой бородою. Зато отец его на петлице своего зипуна или долгополого кафтана (но вовсе не сюртука) носит крест, исходатайствованный ему графом Клейнмихелем[5], перед которым он подличал бесстыдно. Оба хороши, но отец гораздо умнее. Этим не кончилось. Попов, не имевший возможности дать полный обед 30-го, дал обед 1-го сентября, все в зачет именин. Опять та же история с тою разницею, что комнаты Попова жилые, что глаза отдыхают, видя рояль, что Попов сидел сам за столом, изредка вставая для угощения, и не приставал к гостям так бессмысленно, что вместо стерляди у него был исполинский осетр, что сигары и папиросы были у него порядочные, потому что он сам курит. На другой день, 2-го

сентября, был именинником голова и дал также обед, который был повторением наумовского, как и хозяева оба — одного покроя. — Таким образом, на нынешней неделе я одолел 4 купеческие обеда. Кажется, это должно служить вам лучшим доказательством моего здоровья. — В четверг вечером был здесь пожар, грозивший опасностью всему городу. Я был в театре, куда пошел — по убеждению — принять участие в судьбе одного бедного актера. Давали "Людовика XI-го, или Заколдованный дом", трагедию в стихах, перевод Ободовского[6]. Кончился 1-й акт; в антракте вдруг пробежала весть, что пожар! Думали, что в театре, и все бросилось вон. Но выбежав к подъезду и узнав, что пожар не в театре, а в городе, все этому так обрадовались в первую минуту, что воротились было в театр дослушивать пиесу. Но, разумеется, сейчас обдумались и разъехались, потому что было не до забавы. Пожар был на той улице, где жили и актеры, которые, узнав это, бросились опрометью домой спасать имущества. Тут была самая трагикомическая сцена. Актеры выбежали в тех самых костюмах, в каких были, нарумяненные и набеленные. Людовик XI в шелковых чулках тащил какой-то сундук. Графиня Сент-Альмар, навернув на одну руку шлейф, другою волокла перину и тюфяки... Пожар был силен; загорелся один деревянный дом и как около него строение все было деревянное, а ветер был отчаянный и дул прямо на город, то опасность была великая. Однако же окружающие деревянные постройки успели сломать, а тут помогли и березы, потому что маленький садик отделял этот двор от другого строения. Полиция и народ отстояли и другие слабые места и таким образом спасли город. Я, разумеется, тотчас же из театра побежал на пожар и оставался там до окончания. В Рыбинске пожары очень редки; но если бы случился другой ветер и понес огонь на хлебные амбары, то от этого бедствия потерпела бы вся Россия. — Я заметил одну суеверную примету: при начале пожара, впрочем, когда уж он был довольно силен, с разных сторон бросали в горящий дом яйца. Это делалось для того, как я узнал после, чтоб огонь горел на одном месте; яйца же бросаются освященные, оставшиеся от Пасхи. — На другой день после пожара, так как все окончилось благополучно, театр дал даровое представление, начав его со 2-го акта пиесы, на котором прервался прежний спектакль.

Вот видите, сколько происшествий в течение одной недели... Вы спрашиваете меня, когда я выеду из Рыбинска. Я намерен выехать в половине сентября, но вы, во всяком случае, продолжайте писать в Рыбинск впредь до моего письма, в котором будет сказано: адресуйте в Пошехонь. — Г<осподин> Эйсмонт еще не приезжал. Вот и война кончилась! Гвардия только прогулялась, а армия совершила блистательную кампанию[7]. Что будет с Георги[8]: это меня очень занимает.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Где же именно намерены вы провести зиму, в случае, если я пришлю вам остальные 5 тысяч рублей?.. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех милых сестер. Что Вера? Неужели и ду́ши не принесли ей пользы? Что поделывает Константин?..

Ваш *Ив. Акс.*

Кланяюсь всем.

22

10 сентября 1849 года. Суббота.

Кажется, вы получите это письмо в самый день рождения Надиньки[1], милые мои отесинька и маменька; поздравляю вас, поздравляю ее и цалую, поздравляю и всех. С последней почтой я не получил от вас письма, но получил письмецо от Олиньки: она пишет, что дядя Арк<адий> Тим<офеевич> приехал[2] и что Ник<олай> Тим<офеевич> должен скоро быть[3]; верно, теперь они оба у вас в деревне. Что-то они вам рассказывают про Гришу? Ведь его положение очень неприятное[4] и часто мне приходит в голову. — В последнем письме своем Вы пишете, милый отесинька, что Гоголь опять к вам приехал в деревню: не вторая ли это глава "Мертвых душ". — На нынешней неделе Ненюков не получил ответа от своего дяди, а ждет завтра. — Что вам сказать нового?.. Я на будущей неделе собираюсь ехать; во вторник напишу вам, как распорядиться письмами, а до того времени адресуйте в Рыбинск. Из Петербурга никаких бумаг особенных не получал и писем не имею. Да и до меня ли теперь там. Тут венгерцы, тут смерть в<еликого> князя Мих<аила> Павловича[5]. Жаль в<еликого> князя. Это был человек с сильным убеждением в святости долга и, конечно, один из лучших служак[6]. — Ну что московские слухи о приезде Георги в Москву. Не сбылись, видно![7] — На нынешней неделе была маленькая тревога в городе. Открыты два неудавшихся поджога, и поэтому общество или городская община учредила караул и назначила из среды себя смотрителей; в течение 7 дней были два собрания общества. Это те же сходки, только градусом выше. Сходка в избе или на улице, здесь — в "общественном зале", там крестьяне, здесь ремесленники, мещане и купцы. Там главный староста, здесь градский глава, сходка шумна и криклива, здесь важно, тихо и чинно, позволяют себе говорить только старики, и человек без проседи в волосах считается чуть не мальчишкой. Разумеется, что купцы — богатые и седые — имеют значение каких-то патрициев. Я задал им вопрос: чтó должнó правительство, уважающее голос целого общества, признавать выражением этого голоса? Напр<имер>, общество властно установить новый сбор денег или тому подобное, равной важности. Правительство, утверждая приговор, не противоречит этому, предполагая, что это желание всего общества, и если оно согласно, так правительству заботиться тут об устранении излишних поборов нечего. — Но иногда случается, что часть общества этим недовольна и говорит, что это приговор не общества, а только некоторых лиц. — Они долго толковали (я, впрочем, не был сам на собрании) и решили: только тот приговор почитать общественным, т.е. выражением желания всего рыбинского общества, который подписан *не менее* 100 человеками. Размер довольно большой, как хотите. Это не депутаты, а все общество. Замечательно, что в числе 100 они положили: 70 купцов и 30 мещан (если же приговор составляется по делам одного мещанского общества, то 60 челов<ек> мещан). Числительно — купцов против мещан в 4 раза меньше в г<ороде> Рыбинске, но мещанин — человек более кочующий и не столько оседлый, как купец. Мещанин — в отлучках по паспортам, в услужении, в звании приказчика у купцов и по бедности своей готов, если б

было нужно, подписать всякий приговор. Купец самостоятельнее, независимее и упорнее. Более гарантии в том, что купцов должно быть 70, а не 30; не легко будет тогда губернатору или кому-либо другому составлять приговоры будто от лица целого общества. О несогласии же остальных, кроме 100, о большинстве голосов и проч. не было даже и речи. Есть пословица: семеро одного не ждут, и этот один беспрекословно признает власть семерых, и в этом единство. Можно было подумать, что перевес купеческих голосов часто может быть ко вреду мещан. Но мещане великодушно доверяют купцам, говоря: вы нас не обидите, мы знаем. — Во всяком случае — все это довольно любопытно. Сообщите это Хомякову. Мне кажется, что в сословиях, принадлежащих к земщине, общинное начало не умерло, хотя во многом искажено, переодето, но живет[8]. Мы же, потомки служилого сословия, издревле наследовали и наследуем другой характер; не привязанные к месту, бояре переходили от одного князя к другому, пока не получили, наконец, общегосударственное, а не местное значение. — Так и теперь. Впрочем, это статья долгая и распространяться об ней решительно некогда. С нынешней почтой отправляю более 10 казенных отношений и рапортов.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы. Обнимаю вас и цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Поздравляю тебя, милый друг Надичка! Кланяюсь Арк<адию> Тимоф<еевичу> с семейством и Николаю Тимофеевичу. Буду писать непременно во вторник.

Ваш *Ив. Аксаков.*

23

13 сентября 1849 г<ода>. Рыбинск.

Сейчас явился ко мне г<осподин> Эйсмонт, мой помощник, слава Богу! На этой неделе уеду с ним в Пошехонь, а потому вы, милый отесинька и милая маменька, пишите уже в Пошехонь прямо. Теперь уже реже буду я получать письма вообще, потому что в Пошехонь, кажется, всего раз в неделю приходит почта. —

Посылку ответа относительно денег отсрочиваю до следующей почты, потому что не успел повидаться с Ненюковым, живущим за Волгою.

Завтра 14-ое. Поздравляю вас опять и тебя, милый друг Надя[1]; послезавтра 17-ое[2]. Поздравляю снова и вас, и всех милых моих именинниц[3]. — Из П⟨етер⟩бурга насчет раскольников ничего не пишут, а хозяйственным департаментом я доволен: уважил все мои представления.

Не пишу вам больше, а с будущей почтой пришлю письмо подробнее и, надеюсь, самое переводное письмо. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *Ив.А.*

13 сент⟨ября⟩ 1849 г⟨ода⟩. Рыб⟨инск⟩.

24

17 сентября 1849 г⟨ода⟩. Суббота. Рыбинск.

И с нынешним днем именин, и с будущим 20-м сентября поздравляю[1] вас, милый отесинька и милая маменька. Крепко обнимаю вас и цалую ваши ручки. Поздравляю и всех наших с этим днем. — Боже мой, как скоро летит время: мы близимся уже к концу сентября, который нынче довольно скверен. Не знаю, как у вас, а здесь погода прегнусная: холод, ветер и дожди. Завтра, дождавшись прихода обеих почт, вечером отправляюсь в Пошехонье, куда и вы ко мне пишите. — На этой неделе я не получил от вас письма, думаю — придет завтра. Если вы останетесь в деревне[2], то как вы сделаете с Олинькой[3] и где наймете ей квартиру: уведомьте меня и об ее адресе. Ведь дом Пушневичей отдан по 1-ое октября[4]. — Что сказать вам нового. Пишут секретно из П⟨етер⟩бурга, что открывается поручение по раскольничьим делам в Черниговскую губернию и что хотят меня послать туда, с тем, однако же, чтобы по окончании черниговского поручения воротиться вновь к трудам по Ярославской губернии. Впрочем, это только одно предположение насчет меня, но что есть важное дело по Черниговской губернии, это верно; знаю я и то, что посылать им некого. Если это состоится, то я буду очень рад проездиться по Черниговской губернии; жаль только, что зимою, но и зимою отрадно знать, что находишься в хорошей, теплой стороне. К тому же Черниговская губерния, кажется, будет поинтереснее Ярославской, да и поездка туда будет более походить на путешествие, чем здесь. Сам я ничего об этом не просил и не прошу: как сделается, так пусть и будет... Однако же это секрет и прошу вас держать это в секрете. Результата же по своим действиям ярославским относительно раскольников никакого со стороны министерства не вижу.

Что это сделалось с моей памятью. Решительно не помню, что я вам писал в последний раз и писал ли я вам о Попове-купце? Кажется, нет. Можете себе представить, что это человек, разделяющий наши убеждения сознательно во всей полноте. Как-то мне случилось разговориться с ним (а он человек скромный и даже робкий), и я удивился, услыхав совершенно знакомые и близкие сердцу речи; я нашел у него "Московский литерат⟨урный⟩ сборник", обе части[5], "Москвитянин", "Северное обозрение"[6]. Мало того, меня поразило то, что он бранит Погодина и Шевырева[7], хвалит статьи "Сборника", Хомякова... "Откуда взялось у Вас это направление", — спросил я. «Я обязан им частию своей принадлежности к купеческому сословию, частию историческим занятиям и бóльшею частию чтению, московской литературе, "Сборникам"». Вот они — невидимые плоды![8] Попов — почетный гражданин и купец 1-й гильдии, человек лет 30 слишком, худой, как скелет, чахоточный, высокий, так что страшно смотреть, бледный, с черной бородой, не совсем русской, и в европейском платье. Платье носит он по привычке. Так носил, может быть, его отец; к тому же платье надевают некоторые и потому, что избавляются в нем от грубой и нахальной фамильярности благородного российского дворянства. — Человек он очень неглупый, религиозный и добрый, как редко встречается. Мне известны тайные его благотворения, о которых

никто не знает, делая которые, требовал он одного — тайны... Сильно проникнутый тем же убеждением, которое носим и мы, он постоянно мучится и страдает, видя, что всё спешит наперекор туда, где нам видится пропасть. Он приставал ко мне, зачем не издается журнал, и взял слово с меня, что если будет издаваться журнал или сборник, то непременно на его бумаге. — У него есть бумажная фабрика в Угличе; сам он рыбинский купец. Я подарил ему сейчас (он только что ушел) Константинову драму[9], да и познакомился я с ним только 30-го августа, а узнал его всего дней 10. Но он только один и есть.

Есть и другой, хоть не рыбинский, а ярославский купец Щербаков. Я его не знаю, но нынче только мне сказали, что он очень желает со мной познакомиться, читает "Сборник" и занимается славянскими наречиями, но сын раскольника, чуждый связи с церковью, связи, передаваемой с детства воспитанием, и в то же время слишком просвещенный для участия в заблуждениях раскола, — он, по отзыву Попова, совершенно не имеет религиозных убеждений. —

Вчера был здесь губернатор, который приезжал на одни сутки. Он прискакал отчасти для того, чтобы видеться со мной вследствие одного обстоятельства, отчасти для распоряжений по Рыбинску. Дело в том, что в городе были три покушения на поджог — не удавшиеся, но встревожившие жителей, которые и учредили караул. По важности этих обстоятельств для Рыбинска я должен был донести об этом м⟨инист⟩ру и собственно с целью, чтоб улучшить бедственное состояние полиции, пожарной команды и пожарных инструментов. Копию же с рапорта послал Бутурлину из чистой любезности; губернатор приехал, взял на себя расход, превышавший его власть, и послал в Москву за тремя новыми трубами, а я попросил в министерстве утвердить расход. Таким образом, что-нибудь да сделалось, а прежде тянулось го́ды. Пожар в таком городе, как Рыбинск, может иметь последствия важные, по вреду своему, для всей волжской хлебной торговли: здесь в анбарах хранятся *милльоны* кулей хлеба! А пожарной команды выезжает в дело всего 14 человек, трубы же все деланные лет за 20 и более. Впрочем, это ни для вас, ни для меня, по сделании дела, неинтересно. Градской глава, разумеется, дал обед губернатору, на котором был и я. Я смотрю, что он повесил нос и так грустен... Оказалось, что представленный за действия свои во время холеры к медали, голова получил только благоволение. Бедный не спал всю ночь. "Я, — говорил он мне, — пожертвовал в прошлую холеру (в 1848 г⟨оду⟩) 3 т⟨ысячи⟩ рублей серебром, что сто́ит медали!..." Теперь и благотворить уже отказывается. А ведь очень добрый и хороший человек. Что тут прикажете делать: не надо было возбуждать тщеславия. —

Помощник мой Эйсмонт приехал. Это уроженец западных губерний, служащий у нас в министерстве, очень порядочный молодой человек, который может быть мне много полезен, когда приучится к этим делам.

Что-то вам рассказывают дяди про Гришу? Как идут его дела? Бедный, мне его очень жаль и не следует к его заботам и огорчениям по хозяйству прибавлять огорчения семейные[10]. — Один угличский купец, Николай Михайлович Журавлев, богатый, предприимчивый и образованный человек,

имеющий на “низу” много контор и приказчиков, делающий дела свои совершенно особенным образом, не похоже на мелкую расчетливость прочих купцов, en grand*, узнав, что у нас есть имение в Белебеевском уезде, просил написать нашему управляющему, что может всегда, во всякое время везти хлеб к нему, Журавлеву, на Хутора́; у него закупь постоянная и дороже против всех соседних цен, только чтоб хлеб был “господский”, т.е. сухой, овинный. Эти Хутора́ находятся, по уверению Журавлева, ближе к нам, чем Челнинская пристань, именно в Лаишевском уезде (Каз⟨анской⟩ губ⟨ернии⟩), против деревни Эпанчиной, на реке Каме. Он предлагает управляющему удостовериться в этом самому и съездить на Хутора. Сбыт верный и постоянный. — Напишите об этом Ивану Семенычу.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Еще раз поздравляю вас и цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. — Писать буду уже из Пошехонья, оттуда письма станут дольше и медленнее идти. Прощайте.

Ваш *Ив. Аксаков.*

25

⟨Письмо к Сергею Тимофеевичу Аксакову⟩.

18 сентября 1849 г⟨ода⟩. Рыбинск.
Воскрес⟨енье⟩. 8 час⟨ов⟩ вечера[1].

Слава Богу, могу Вам послать утешительное известие. Сейчас пришла почта и привезла Ненюкову позволение от дяди его на все 5 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Посылаю Вам переводное письмо; пошлите Константина отыскать Зайцева, а через него Меднова[2]. Если деньги отдадутся не через 3 дня, а через неделю, как обыкновенно делается, то это хорошо. А вчера, пишучи письмо, я не знал уже, что Вам сказать, и Вы, верно, разбранили меня, что я ни слова не говорю об этом. Письмо это пойдет во вторник 20-го сентября или 21-го поутру. Через час еду в Пошехонье. Обнимаю Вас и поздравляю с 25-м[3]. Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

26

1849 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 24-го. Суббота. Пошехонье[1].

Вот я где! Бог знает в какой глуши! Будь это лето, так я бы радовался этому, а теперь, осенью и в грязь, куда как несносно жить в запертой комнате. — Хуже всего то, что почта приходит только один раз в неделю. Вчера она не привезла мне ничего от вас, милые мои отесинька и маменька: стало быть, придется ждать целую неделю; впрочем, не было писем и из Петербурга, а пришло

---

* На широкую ногу (*фр.*)

только одно письмо: из Бессарабии! Из Кишинева в Пошехонь! Разумеется, оно было адресовано в Ярославль и шло ровно 20 дней... Я выехал из Рыбинска в прошедшее воскресенье, вечером, часу в 10-м, и направился по проселочному тракту, через Волгу: здесь расстояние всего 60 верст, а почтовым трактом вдвое. Дорогой переменили лошадей в какой-то странной по названию деревне Демоскóе. Разумеется, это название нерусское, а, должно быть, финское или чудское: здесь таких названий премного: напр⟨имер⟩, озеро Неро, реки Вогода, Тологда, Печегда, Шехонь (или Шексна). Утром приехали мы в Пошехонь или в Пошехонье, как значится оно в официальных бумагах. Сначала долго возились с квартирой, потому что приготовленная нам оказалась совершенно неудобною, хотя и называется генеральскою, и я приказал сыскать, т.е. нанять, другую, что и было исполнено. Наконец, мы переехали в дом к какому-то мещанину, где всего 3 комнаты, кривые и косые, но, по крайней мере, жилые и теплые. —

Прежде всего меня поразила совершенная противоположность этого города и нравов жителей Рыбинску. Из Рыбинска приезжаешь сюда, как из столицы. Я это говорю не относительно наружного вида города, а характера его. В Рыбинске приезд чиновника не производит никакой тревоги; здесь же все это дрожит, трепещет, чуть не поддерживает под ручку, когда идешь, так что не знаешь, как с ними и быть. В тот же день налетели ко мне чиновники разных ведомств, вовсе не нашего министерства, безо всякой нужды, в мундире. Сажаешь их, отвечают: я и постоǘ... Простой же народ здесь как-то груб и дик. Пошехонский уезд составляет совершенное исключение из общего определения Ярославской губернии. Он хлебороднее других, и крестьяне здешние более остаются дома, не так, как в прочих уездах. Можно было бы думать, что он от этого нравственнее и лучше. Нисколько. Мне кажется даже, что здесь уже другое племя, население, одинаковое с вологодским; избы у них большею частью курные, сообщение, даже между собой, трудное, церквей и священников мало, а раскольников тьма, более упорных, чем в других местах, однако же не фанатиков; наконец — леса и леса, огромные, глухие, сообщающиеся с вологодскими и идущие чуть ли не до Архангельска — способствуют другому воспитанию. — Но купцы и мещане здесь самое скверное народонаселение. Принявшись за дела, я скоро был обдан чадом лжи, клевет, ябед, кляуз, ссор, споров, тяжб, исков, доносов, сутяжничества и всякого дрязга! Едва ли найдется здесь купец или мещанин, у которого бы не было тяжебного дела! Всякая мещанка смотрит так, как будто она лет 20 служила в магистрате. При последних выборах из баллотировавшихся в градские головы не нашлось ни одного, который бы не бывал под судом. Все друг с другом в ссоре, существует даже слово особенное: "Свод-закончик", т.е. знающий хорошо свод. Что заведет один голова, то преемник его разделывает. Общественных собраний почти никогда не бывает и вообще общинное начало не сильно. Я нашел даже в делах то, чего не находил в других городах: велено было спросить общество, согласно ли оно такого-то уволить от службы по уважительным причинам: часть общества согласилась, другая — нет и составили два приговора. В Рыбинске и в случае несогласия не составят подобного акта, свидетельствующего о разъединении, а несогласные просто не подпишут, не отмечая своего

несогласия, или же согласятся. Впрочем, губернское правление, служащее посредником в этом случае, разрешило спор пошехонцев по собственным, справедливым соображениям. Зато нигде так не соблюдаются формы, как здесь. Да и нельзя иначе: всякий боится доноса и придирки. Ни в одном из ревизованных мною городов не соблюдаются так все эти законные правила, до самой мелочи. Напр⟨имер⟩, торги. В прочих городах торги на продажу городского поземельного участка, на подряды — собственно по городу — безуспешны: в Рыбинске прежде всего потому, что есть занятия торговые, более прибыльные, в других местах — Бог знает отчего. Здесь же напротив: цена на торгах надбивается в 20, в 30 и более раз. У всякого есть свои приятели, которые являются на торги безо всякой нужды, только чтоб насолить ему. Просто даже смешно читать торговые листы, потому что мне уже известны отношения торгующих между собою. — Городничий здесь, Беляев, человек слабый, старый и, по выражению стряпчего, бескорыстный *почти* человек; стряпчий — битый, колоченный и откуда-то уже раз выгнанный[2]. — Объясните теперь, почему это, почему в Рыбинске, с его 25 трактирами, с его беспрерывными сношениями с Петербургом, с его некоторою развращенностью в особом смысле, столько единодушия, здравого ума и, так сказать, вежливости. Они сами говорят про себя: мы народ вежливый; кроме того, в Рыбинске, несмотря на заботы об нем правительства, меньше всего соблюдаются законные формы гарантии и недоверчивости. — Тут могут быть разные причины: во 1-х, единство направления в торговле, довольство с чувством силы и независимости, денежная самостоятельность, заставившая правительство уважать себя и откупившая себе свободный голос. Главное: *довольство*. Рыбинск счастлив и имеет счастливую будущность, а счастье почти всегда делает человека лучше и склончивее; во 2-х, долгое управление умных голов, снискавших себе уважение общества и всякие отличия от правительства, голов, которые, и по сдаче должности, призываются на совет, имеют сильное влияние. Разумеется, и там есть партии, но они стараются скрыть это. — Здесь же нет и не было порядочного головы. Некоторые пошехонцы, поумнее других, говорили мне, что недостает им человека, который бы умел править ими; другие не хотят слушать *своего* брата и охотно повинуются власти правительственной. — Я всегда не любил общих категорических определений о нравственности жителей, но должен сознаться, что их нельзя не принять. Напр⟨имер⟩, про романовцев говорят, что там народ плут; про Мологу — *сутяги*; про Пошехонь: "народ грубый". В Мологе, говорят, сутяжничества еще больше, и каждый мещанин ходит с листом гербовой бумаги за пазухой. Мне всегда казалось, что делать подобные определения опасно, что черта, приписываемая такому-то месту, временная или случайная, но нет; кроме обычая внешнего, есть характер наследственный, есть и в людях порода, от влияния которой, само собою разумеется, каждый может освободиться не только чисто христианским просвещением, но и образованностью мирскою. —

Город беден, потому что отдален от трактов, от большой дороги, пролегающей через всю Ярославскую губернию, от Волги. Но, впрочем, при другом характере жителей он мог бы создать себе прибыльную деятельность. —

В 10 верстах от Рыбинска, в 20 или 30 от судоходной Шексны, с рекою (Согожей), впадающей в Шексну и в полую воду способною к сплаву барок, Пошехонь может еще похвалиться своим выгодным положением. — Но что тут делать. Все мои хлопоты об увеличении городских доходов и об устройстве городского хозяйства будут решительно безуспешны при таких нравах жителей!.. Остается только ухватиться за одно предложение некоторых купцов, не выработанное ими, оставленное ими по общему нерадению к общей пользе, по занятию ябедами и тяжбами: это соединение реки Соги[3] посредством разных рек и канала с Сухоной, с Вологдой, с Архангельском... Буду писать об этом, хоть, разумеется, и не добьюсь успеха. — Приход здесь всего один: Собор, с теплою церковью и еще с кладбищенскою, в которой служат только летом. Строение большею частью деревянное, но на главных улицах довольно чистое.

В воскресенье, перед самым отъездом, написал я вам письмо и вложил перевод от Ненюкова. Второпях забыл приказать отправить письмо страховым. Уведомьте меня немедленно о получении и о затруднениях, если встретите их, при требовании денег от Меднова. — Завтра день Ваших именин, милый мой отесинька и маменька. Поздравляю Вас и крепко обнимаю и цалую Ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Ах, хорошо бы, если б Константин действительно принялся за работу: хоть бы он сделал себе план занятий — не часов, но хода, рода и постепенности занятий, ведущих к труду — к грамматике[4]. Обнимаю его и поздравляю, также и всех. Дяди, верно, у Вас этот день[5]. — Если б вы знали, какая тоска! На дворе дождь, ветер, холод, слякоть, грязь; выйти нельзя, стихи не пишутся, да и некогда среди этого дрязга ябед, которые приходится разбирать; да и места нет: со мною теперь безотлучный спутник Эйсмонт. Прощайте, будьте здоровы. Обнимаю дядей.

Ваш *Ив. Акс.*

27

1-го октября 1849 г⟨ода⟩. Суббота. Пошехонье.

Во 1-х, поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, со днем рождения Марихен (4-го окт⟨ября⟩), во 2-х, с нынешним праздником[1]. Письмо ваше от 22-го сентября получено мною вчера утром. Вы удивляетесь, милый отесинька, что я ничего не пишу Вам о деньгах. Теперь это недоумение Ваше разрешилось[2], и слава Богу, все окончилось благополучно. Пожалуйста, не сердитесь на меня за все Ваши беспокойства и досады по случаю этой продажи, но только напишите мне, получили ли Вы деньги. Письмо с переводом Вы должны были получить 24-го или 25-го сентября. Так как Вы не ожидали перевода на все 5 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, то это, верно, было Вам приятным сюрпризом, что пришлось очень кстати ко дню Ваших именин. — В день этот я собирался ехать в Андрианов монастырь, но узнал, что игумен с монастырскими иконами в городе, а потому не поехал. — В воскресенье был я в Соборе. Собор довольно старинный снаружи, но внутри переделан лет с 50, вообще же хорош. Есть некоторые древние иконы, уважаемые и нашими староверами; особенно же

почитается огромная икона Спасителя таких же размеров, как и в Романове. Но более всех привлекает к себе богомольцев почитаемое чудотворным восковое изваяние Спасителя. Христос представлен сидящим в темнице во весь человеческий рост. Вместо темницы, разумеется, огромный стеклянный шкап, с дверями. Изваяние — все восковое — сделано необыкновенно хорошо, так что страшно, особенно же потому, что видишь одно лицо, а остальное все покрыто мантиями, исключая рук, высовывающихся из-под широкой одежды. — Признаюсь, на меня это произвело неприятное впечатление; но у женщин, особенно у простых баб, это изваяние в большом уважении, и неприятно видеть, как раскрывая полы одежды, они прикладываются к восковым ногам. Один мещанин рассказывал мне, что изваяние привезено в Пошехонь назад тому лет 60, что кто-то видел его во сне и исцелился. Не в духе православной церкви подобные раскрашенные восковые изображения, но слово *чудотворное* заставляет молчать. Он же рассказывал мне, что в Соборе есть образ, где Богородица с Иисусом Христом нарисована чрезвычайно отчетливо, величиною не более овсяного зерна, почему этот образ также в величайшем почитании. Впрочем, всякая редкость искусства или природы кажется чудом народу. Этот же мещанин приносил мне показывать небольшой камушек, величиною с гривенник, на гладкой поверхности которого есть темные и светлые жилки. Если долго и пристально смотреть, так действительно кажется, что эти жилки образуют собою лицо и половину фигуры старика, почитаемого им за Господа Саваофа. Я, разумеется, не дерзнул выказать ему свое неверие, отвечал ему в его же тоне и спросил его, что он думает сделать с этим камнем? — "Хочу его представить", — отвечал он. "Кому?" — "Тому, кто делал надпись на Исакие!?." Я сначала не понял, а потом он объяснил мне, что Исакий — это Исакьевский собор в П⟨етер⟩бурге, а делавший надпись — государь!.. Я счел, конечно, бесполезным толковать ему, что подносить это государю нечего. —

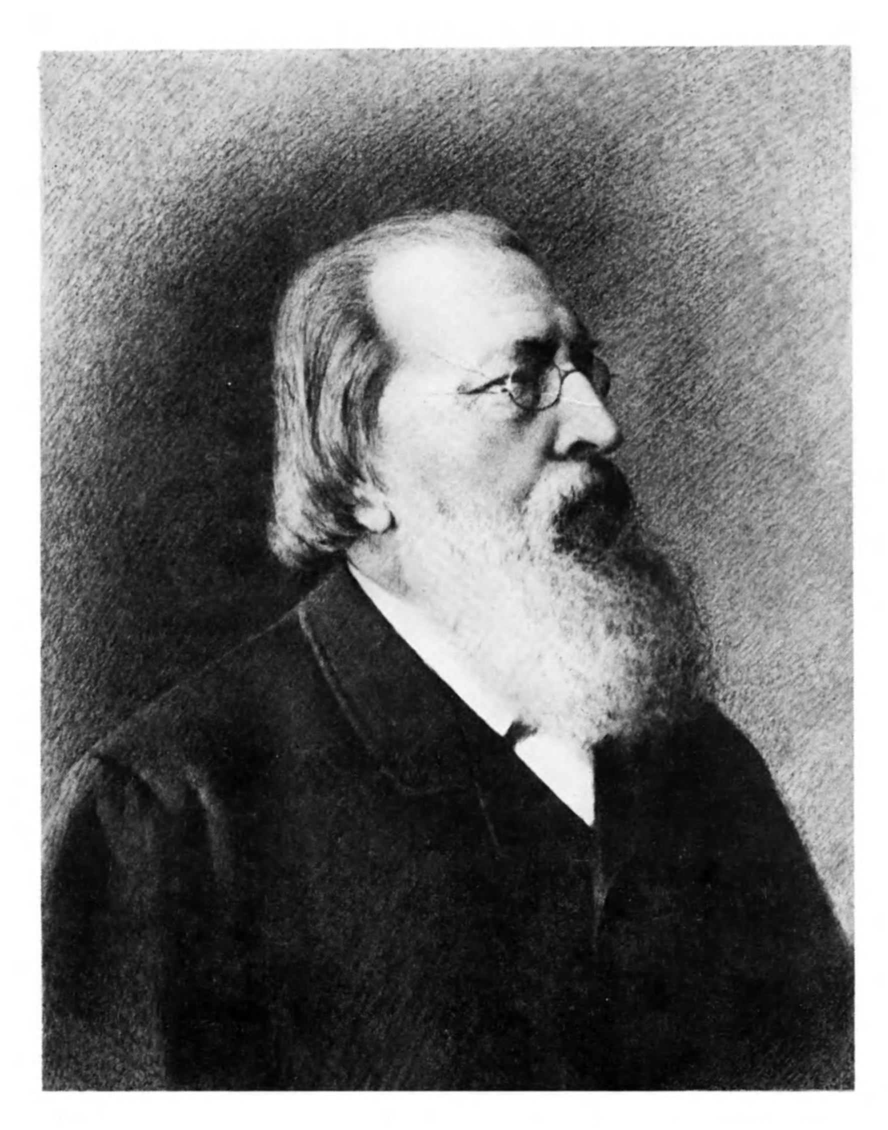
Приходил ко мне также один мужик деревни Погорелки Пошехонского уезда, торгующий по уезду тряпьем и книгами. Я посылал за ним, чтоб узнать, нет ли у него книг старых. Этот мужик очень умен, но книжник и просто не говорит, а все библейскими высокопарными выражениями. Впрочем, он православный, но сознался мне, что иногда "смущается и колеблется его ум". И кто же в этом виноват, по его же словам? Правительство своим снисхождением. "Зачем, — говорит он, — государь позволил благословенные церкви, а в них и употребление старопечатных книг, для чего в Москве в синодальной типографии разрешено печатание старых, неисправленных книг"[3]. Это было сделано с целью распространить между раскольниками благословенные церкви, признающие подчиненность архиерею, и сравнением книг старых с новыми, возможным для каждого, доказать неважность различия, ибо раскольничьи наставники много берут тем, что врут и лгут между безграмотными мужиками вволю. — А этот мужик говорит мне, что как сравнишь старые книги с новыми, так поколеблется ум. Я говорил одному купцу, что различие не касается существенных оснований веры. "Нет, — отвечал он мне, — есть и *существенное* различие: у вас ходят против солнца, а у староверов — посолонь!"[4]. Тут и замолчишь! Я употребил все старание, чтоб утвердить этого

мужика в православии, потому что он пользуется большим авторитетом и легко может сделаться проповедником. Впрочем, по его словам, он имеет презрение к здешним старообрядцам за их лживую, лицемерную жизнь. Однако же не он один, но многие православные часто приводятся в смущение раскольниками. Этот же мужик вместе с другим мещанином, сообщая мне разные свои недоумения, рассказали, что года два тому назад, как велено было очистить пошехонские леса, нашли там одну старуху-раскольницу, которую и повели вон из леса, а келью ее разломали (эти леса, вместе с кельями, служили и служат приютом беглым солдатам, каторжникам, ворам, конокрадам, прикидывающимся раскольниками). Проходя мимо проруби (это было зимой), старуха, ввиду всего народа, с словами: "тебя я ради, Господи!" бросилась в прорубь. Смутился народ и не знал, почесть ли ее святой, не признать ли святым и дело, за которое она умерла? — Я объяснил спрашивавшим меня, что она нисколько не святая, а дело — еще менее: христианские мученики ждали страданий, а не бросались в воду, сами на себя рук не накладывали, были все убиенные, а не самоубийцы. Кроме того, если б даже она и пошла на страдания и вынесла их мужественно, не должно и этим смущаться; при этом я рассказал им примеры фанатического мученического самоотвержения в таких сектах, рассказ о которых заставлял их креститься и оплевываться. Не знаю, убедил ли я их, только они очень искренно благодарили меня за беседу. — Да и не они одни вправе смущаться. Кого не поколеблет искренность убеждения во лжи и заблуждении; как согласить эту высокую нравственную сторону (убеждение, способное на всякую жертву и муку) с безнравственностью предмета убеждения! Хитрое дело — душа человека: в ней способны рядом и дружно жить ложь и правда, грязь и чистота, зло и добро. Судить человека, по-настоящему, можно только *относительно*; абсолютно же может судить только одна сама, недоступная человеку, абсолютная Истина — Бог[1*].

Можете себе представить — кто здесь городничим? Майор Беляев, тот самый, который был в Белебее и уехал оттуда в 1823 г⟨оду⟩. Он живет уже лет 17 в Пошехонье! Он попался здесь в одну неприятную историю и потому ухаживает за мной как нельзя больше. От кого-то он узнал, что я оренбургский, вспомнил Белебей[6] и прискакал ко мне объявить, что он меня носил на руках, что он частехонько бывал в Надёжине[7], припомнил разные стихи Ваши, милый отесинька, про Юсупова, Наврозова[8] и проч. Я, впрочем, объяснил ему, что если он уехал в первой половине 1823 г⟨ода⟩, так не мог носить меня на руках[9]. — Это самый плохой городничий, добрый весьма, но глупый и слабый донельзя. Ленивый его здесь не обижает, солдаты не слушаются, градской глава, первостатейный мошенник, командует им, дела идут скверно, а сам Беляев человек не злоумышленный и добрый, очень добрый. Он просит моего покровительства, и я писал нынче кому следует, что Беляев провинился не *с умысла*, а "*сдуру*" и чтоб это приняли в соображение.

Здесь же в Пошехони узнал я, что женится кн⟨язь⟩ Львов, Георгий[10], на

1* Константин, конечно, с этим согласится, но это несогласно с его суждениями. Пусть он вспомнит наши споры о дочери штабс-капитана Данилова[5].



И.С. АКСАКОВ

Фото. ИРЛИ. Санкт-Петербург

И.С. АКСАКОВ

Рисунок О.Г. Аксаковой.
ИРЛИ. Санкт-Петербург

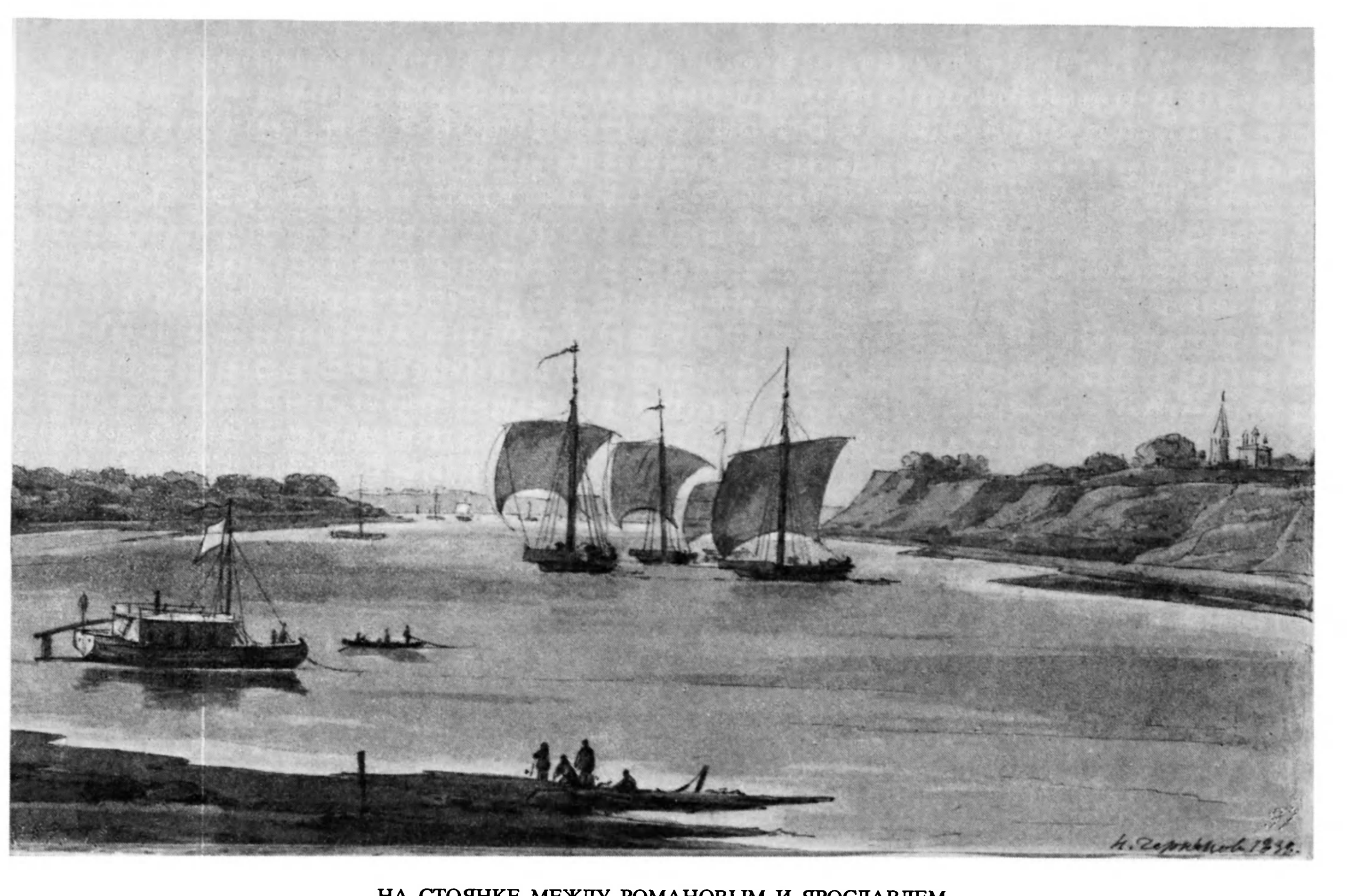
**И.С. АКСАКОВ В ГРУППЕ ЛИЦ,
УЧАСТВОВАВШИХ В ИССЛЕДОВАНИИ РАСКОЛЬНИЧЬЕЙ СЕКТЫ БЕГУНОВ**

(крайний слева на диване, облокотившийся на спинку)

Гравюра на дереве с рисунка с натуры А.В. Попова.
ИРЛИ. Санкт-Петербург

ДЕМИДОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ И ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА В ЯРОСЛАВЛЕ

Рисунок Г.Н. и Н.Н. Чернецовых.
Русский музей. Санкт-Петербург



НА СТОЯНКЕ МЕЖДУ РОМАНОВЫМ И ЯРОСЛАВЛЕМ

Рисунок Г.Н. и Н.Н. Чернецовых.
Русский музей. Санкт-Петербург

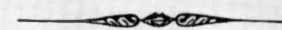
МОСКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ТОМЪ 1.

СОЧИНЕНІЯ:

К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, И. Д. Бѣляева,
И. В. Кирѣевскаго, П. В. Кирѣевскаго, А. И. Кошелева,
С. М. Соловьева, А. С. Хомякова.

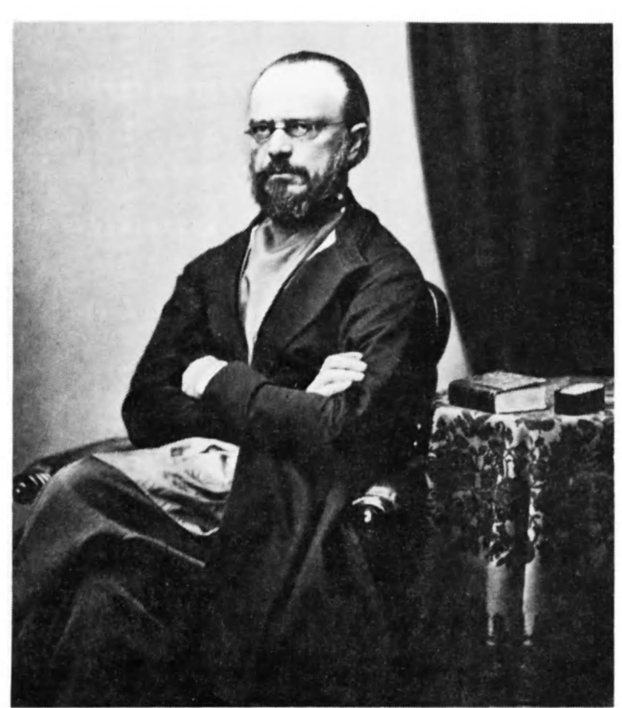


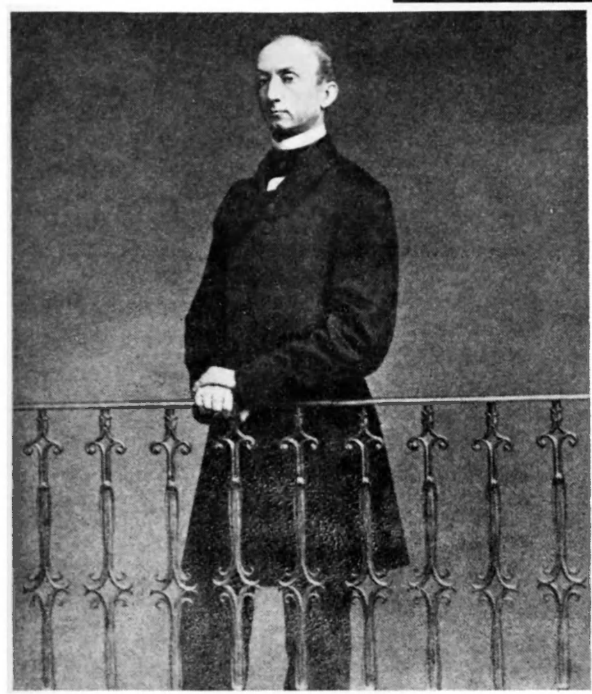
МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1852.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ "МОСКОВСКОГО СБОРНИКА"
1852 г.

А.И. КОШЕЛЕВ

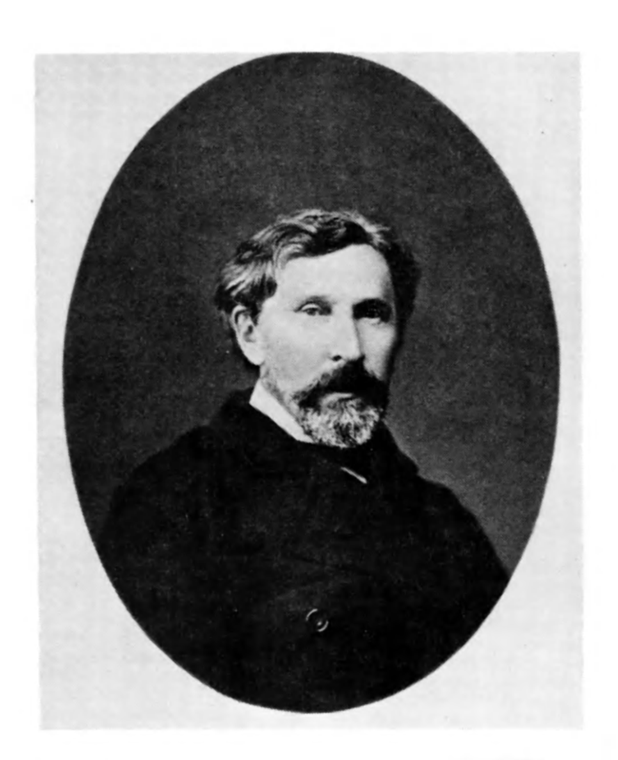
Фото. ИРЛИ. Санкт-Петербург





Г.П. ГАЛАГАН

Фотогравюра. Из альбома С.С. Ланского. ИРЛИ. Санкт-Петербург



К.А. ТРУТОВСКИЙ

Придворная фотография М. Настюкова в Москве. ИРЛИ. Санкт-Петербург

УКРАИНСКИЙ БАНДУРИСТ

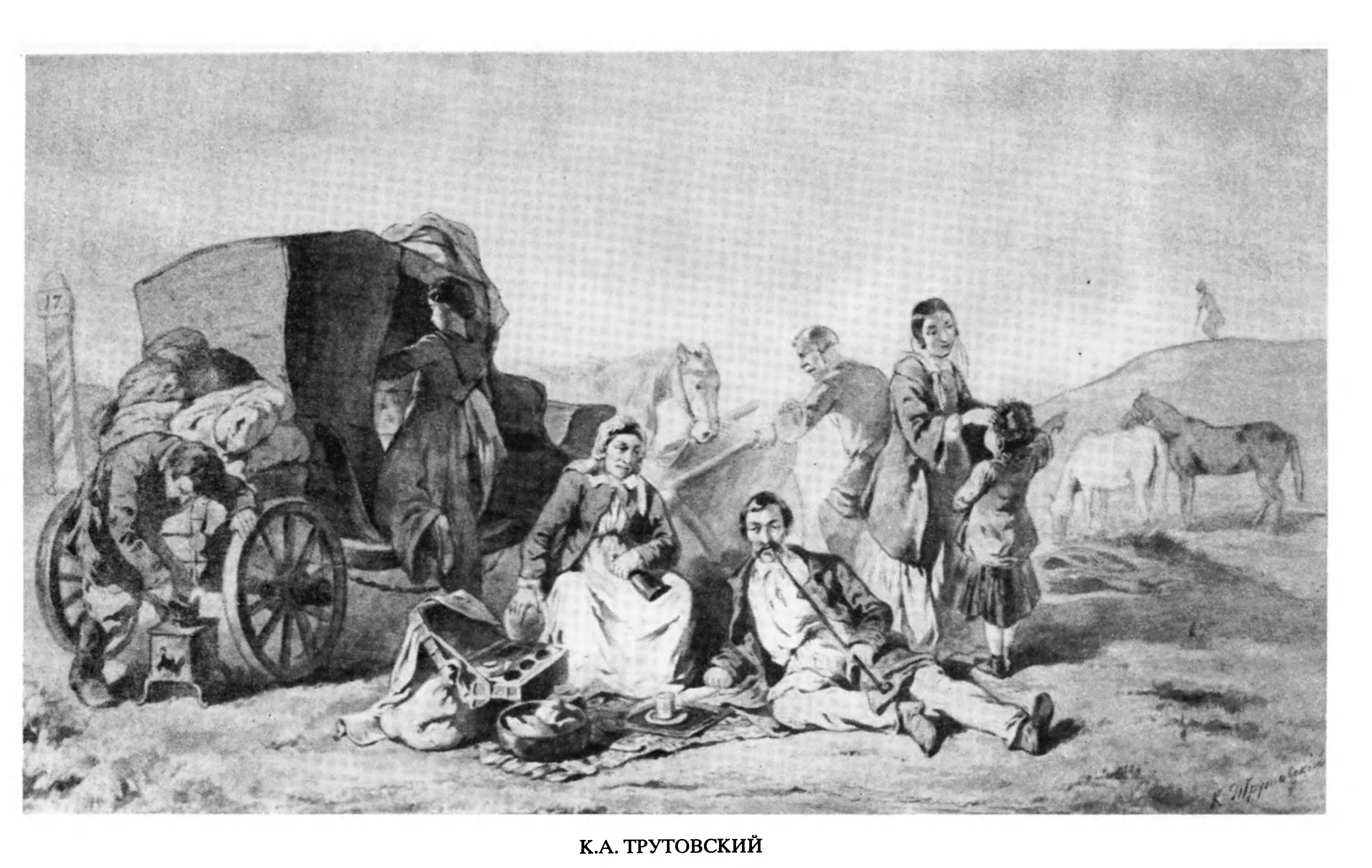
Гравюра на дереве К. Рихтера (?) по рисунку Л. Жемчужникова. ИРЛИ. Санкт-Петербург

С.Т. АКСАКОВ ДИКТУЕТ

Фото с рисунка К.А. Трутовского.
ИРЛИ. Санкт-Петербург

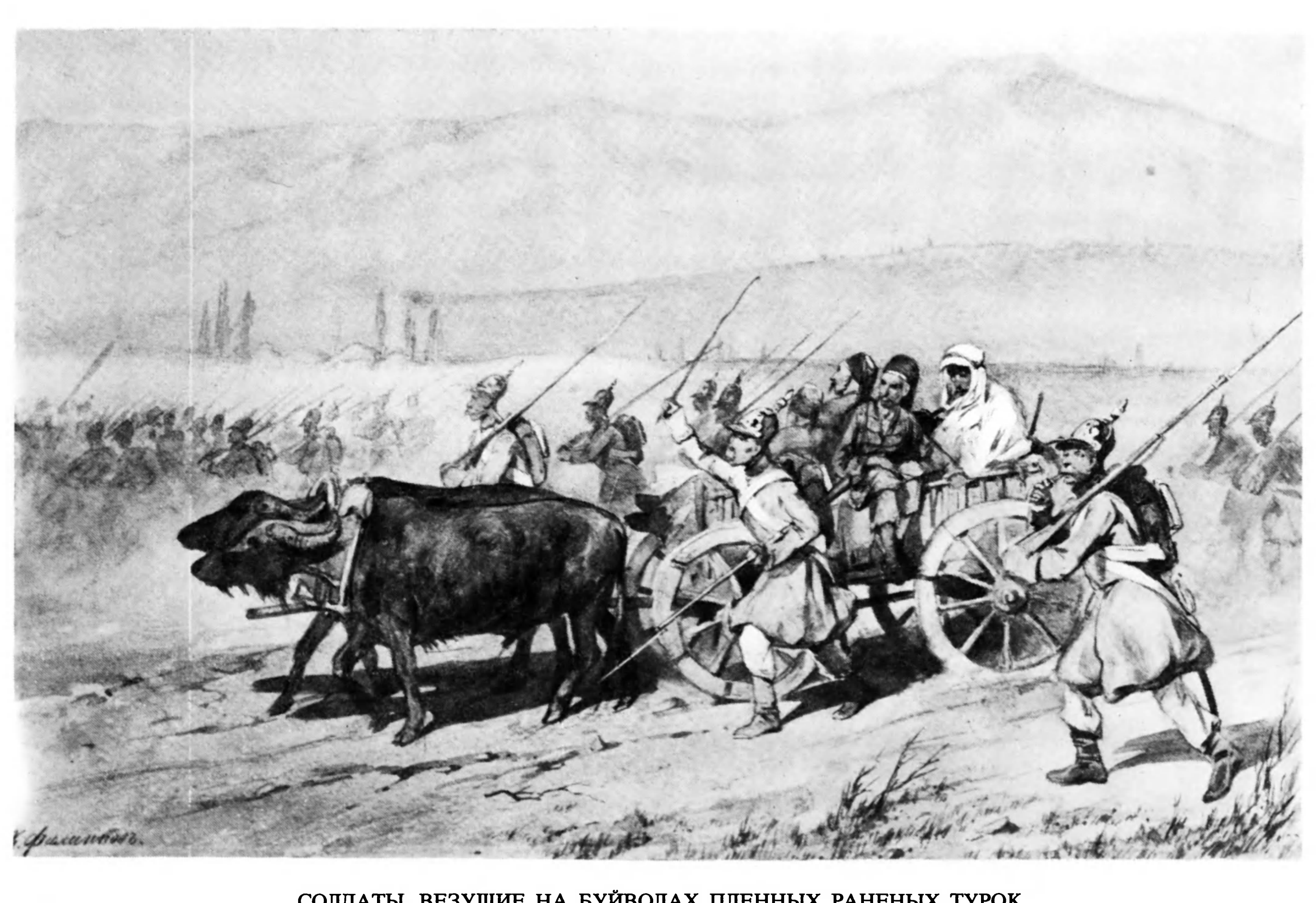
ЯРМАРКА В МАЛОРОССИИ

Литография неизвестного художника. ИРЛИ. Санкт-Петербург



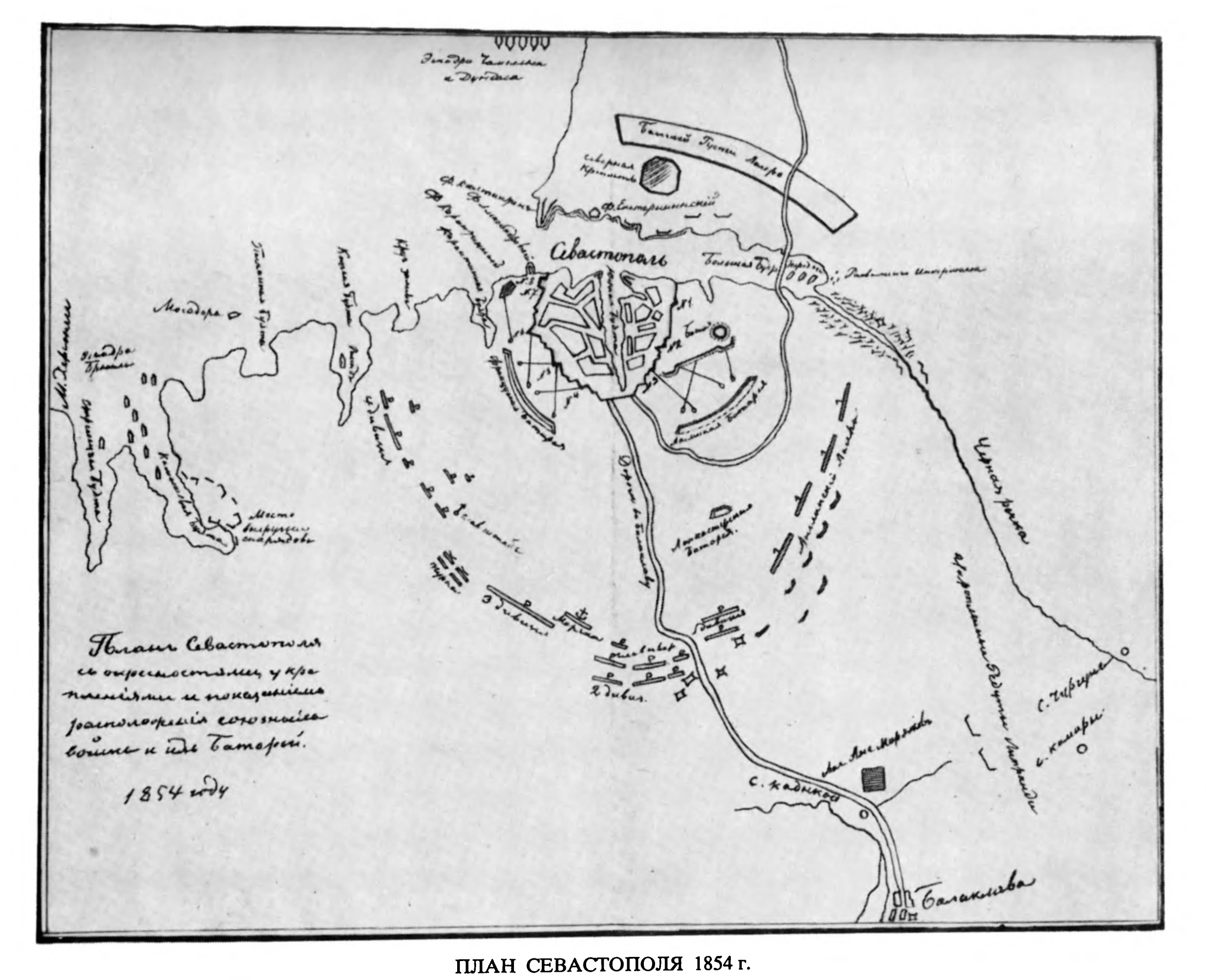
К.А. ТРУТОВСКИЙ

Акварель. ИРЛИ. Санкт-Петербург



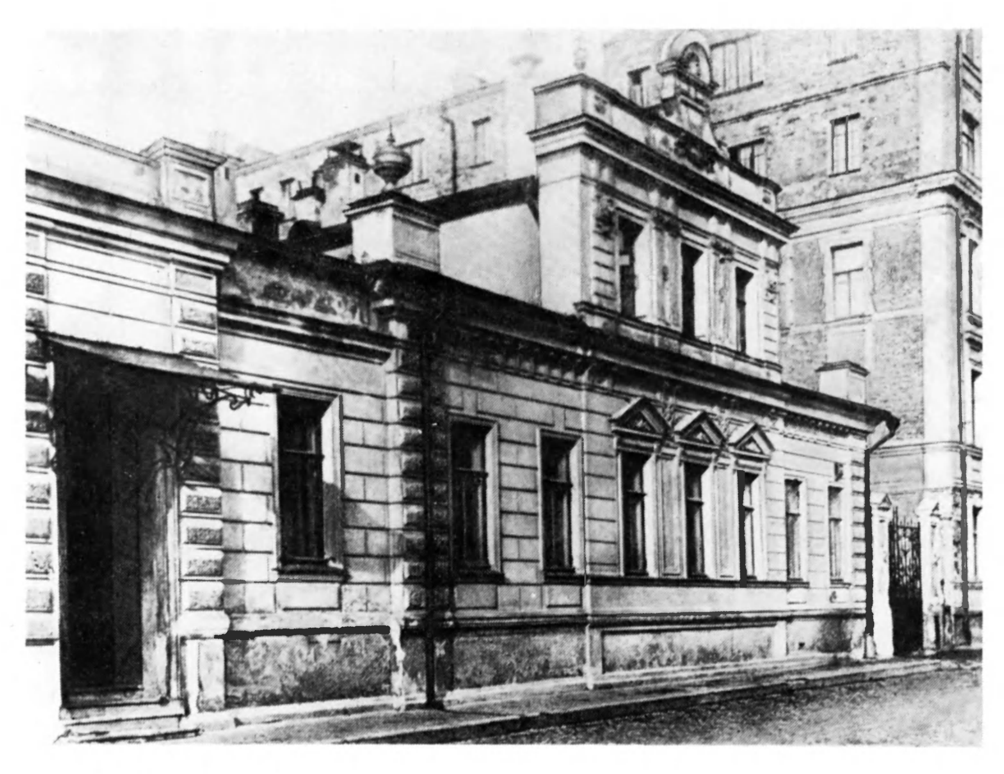
СОЛДАТЫ, ВЕЗУЩИЕ НА БУЙВОЛАХ ПЛЕННЫХ РАНЕНЫХ ТУРОК

Акварель К. Филиппова. ИРЛИ. Санкт-Петербург



ПЛАН СЕВАСТОПОЛЯ 1854 г.

Рисунок пером с акварели. ИРЛИ. Санкт-Петербург

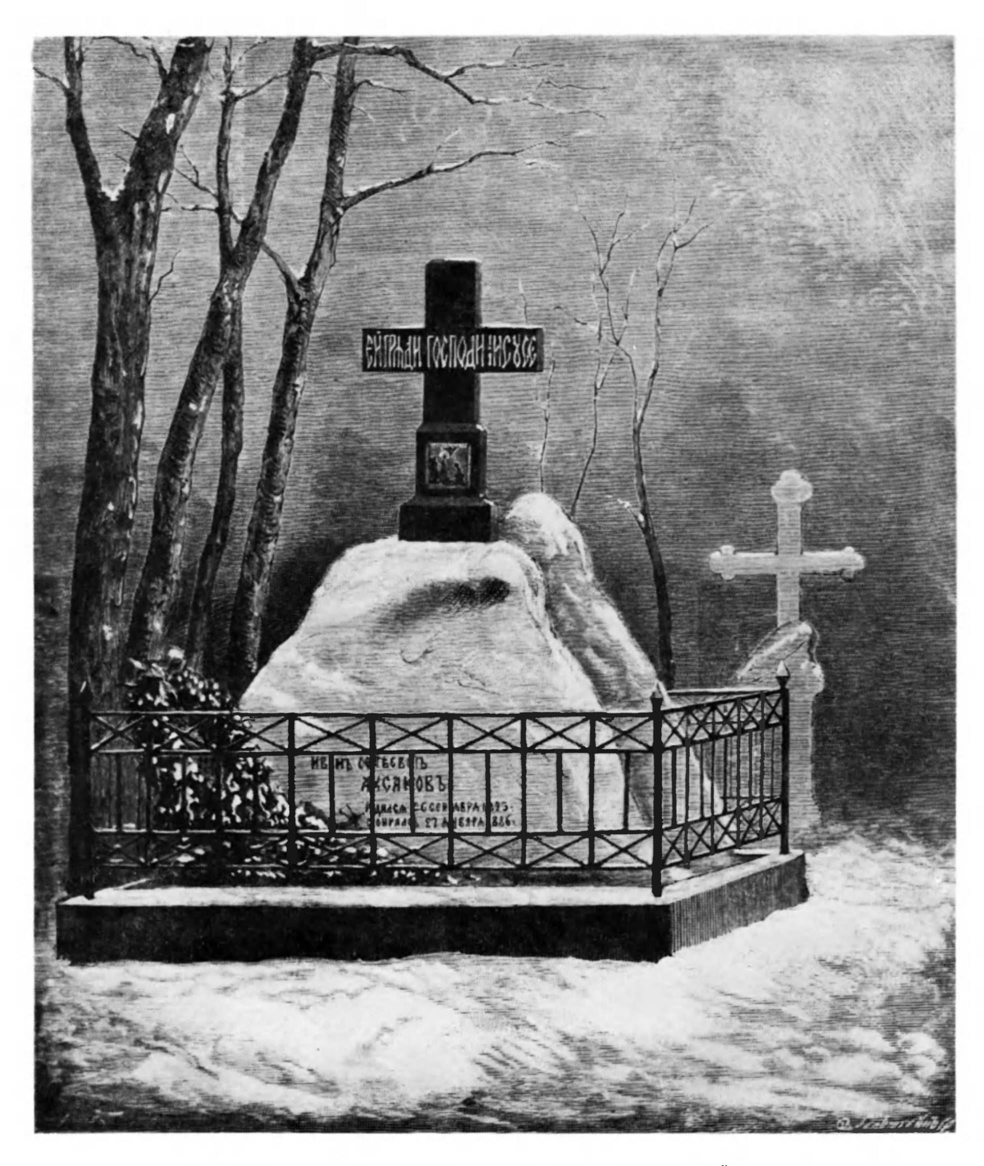


МАЛЫЙ ЛЕВШИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 3 В МОСКВЕ, ГДЕ ЖИЛИ АКСАКОВЫ В1855 г.

Литературный музей. Москва

И.С. АКСАКОВ И А.Ф. АКСАКОВА

Фотография И.П. Павлова в Москве.
ИРЛИ. Санкт-Петербург



МОГИЛА И.С. АКСАКОВА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

Гравюра на дереве Гольштейна.
ИРЛИ. Санкт-Петербург

какой-то Лизе Давыдовой, племяннице одного здешнего помещика, Лихачева, у которого, по выражению исправника, 5 милльонов гольем и у которого нет детей. Узнайте, хорошая ли это девушка? Я люблю Львова и желаю ему счастья.

По-настоящему я мог бы уже уехать из Пошехонья, но мне хочется обличить и вывести на чистую воду купца Серебрякова, здешнего голову, мерзавца, каких мало, покровительствуемого губернатором, а потому на каждом шагу встречаю препятствия и затруднения. Но как я решил поставить на своем, то и не выеду из Пошехонья до тех пор, покуда не получу всех затребованных сведений, в доставлении которых отказывает мне здешний магистрат, отзываясь (лично мне), что боятся Серебрякова как человека "*сильного*". За этот отзыв им должно крепко достаться, и вся эта неделя прошла у меня в досаде. — В понедельник был мой день рожденья и именин[11]. Мне 26 лет! Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю и поздравляю Марихен, Константина и всех сестер[12]. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ и Кате[13] кланяюсь.

Ив. А.

P.S. Пишите мне теперь: первое письмо в Рыбинск, второе в Углич, если на одной неделе, ибо в Углич дорога через Рыбинск.

28

1849 г⟨ода⟩ окт⟨ября⟩ 18-го. Вторник. Углич.

Вчера получил я два письма ваши, милые мои отесинька и маменька, или, лучше сказать, от Вас только, милый отесинька, от 6-го и 10-го октября: одно из них прогулялось в Пошехонь, другое не застало меня в Рыбинске. Вот уже пять дней, как я в Угличе. Я приехал сюда в середу вечером из Рыбинска, который от Углича всего 72 в⟨ерсты⟩. Углич и с Москвою, и с Петербургом может сноситься четыре раза в неделю: в Москву — через Тверь и через Ярославль; первый путь даже ближе, но не для вас, которые живете на Ярославской дороге. В Петербург также две дороги: через Тверь и через Рыбинск. Я этому очень рад, по крайней мере, здесь не так, как в Пошехони, куда почта приходит раз в неделю.

Я желал бы очень, чтоб Константин приехал сюда полюбоваться на Углич, и жалею, что сам попал сюда в такое позднее время года, когда благодетельная гнусность погоды мешает прогулке. Хорош, очень хорош этот город, живописно раскинутый по обоим берегам Волги, с своими 26-ю церквами, колокольнями и 3-мя монастырями. Вы чувствуете, что живете в старинном городе: это доказывает вам и историческое воспоминание на каждом шагу, и религиозная физиономия города, и самое расположение его — просторное и обширное. После Ярославля и Ростова это самый населенный город в здешней губернии: в нем до 10 т⟨ысяч⟩ жителей. В Рыбинске летом бывает тысяч 100 и более, но все иногородних, тогда как собственно рыбинских очень мало, вполовину меньше против Углича. — Впрочем, древняя старина Углича вся

забыта им, вся поглощена памятью о царевиче Дмитрие[1], о котором хранится и передается из рода в род самое живое предание. Много значит, когда история связывается тесно с религиозным преданием! Не будь этого, древний город Углич испытал бы участь, одинаковую с другими древними городами. Но здесь стоит его терем, где показывают спальную царевича; но на месте, где был убит, воздвигнута церковь с названием: церковь царевича Дмитрия *на крови́*; но во всех церквах каждый день возглашается его имя, и в каждой церкви сто́ит его образ. Каждый угличанин знает подробно всю историю царевича как священную историю, и Углич любит его самою живою любовью. Пусть господа ученые доказывают, что не Годунов был причиною его смерти[2] или что Самозванец был истинный Дмитрий...[3] Я советовал бы им не говорить этого в Угличе. Церковь и народ свято верят в событие. Не только стены внутри церкви царевича, но и во многих других церквах — стены расписаны изображениями и убиения царевича, и убиения народом Битяговского с сообщниками[4]. — Мощей Дмитрия нет в Угличе. Их взяла Москва для свидетельствования лжи Самозванца, потому что смерть царевича сделалась событием всей земли русской, и Москве как представительнице земли необходимо было иметь их. Угличане понимали эту необходимость и за городом, на том месте, где расставались с мощами, построили церковь. В "царевской" церкви, т.е. на крови́, хранится пустая серебряная рака, в которой вместо мощей лежит изображение его, вышитое шелками матерью его инокиней Марфой; хранится и икона, ею подаренная, где вделаны: маленький ковчег с землею, на которой он был убит, следовательно, орошенной его кровью, и орехи, найденные в его руке и сохраненные матерью, в соборе сберегается покров, обретенный нетленным во гробе царевича. Предание о царевиче необыкновенно живо и поглотило все прочие; да немудрено уже потому, что смерть его сделалась самым важным и ярким событием в нашей истории. С именем его вспоминаются имена всей этой эпохи, и Годунова, и Лжедмитриев, и Шуйского[5], и многих других! — В Угличе нет церквей позднейшей постройки; самая поздняя постройка была в 1713 году, как кажется. В этом году был выстроен Преображенский собор, который удивительно как хорош. Внутри собора замечательно то, что в нем нет столбов, а весь этот огромный верхний свод утвержден на четырех стенах собора, и это производит необыкновенный эффект. — Какие здесь есть прекрасные церкви. Вы все это увидите, потому что я еще прежде приказал снять виды почти со всех церквей угличских и вообще всей губернии: надеюсь привезти вам это все к Рождеству[6].

Здесь многие занимаются древностью, особенно мещанин Серебренников, корреспондент Погодина (который сам в августе м⟨еся⟩це, говорят, проезжал Углич), раскольник, впрочем. В городе у некоторых сохранялись летописи угличские: кажется, Погодин все прибрал; впрочем, и Археографическая экспедиция взяла копии со всех хранящихся здесь грамот и напечатала их[7]. — Я еще не осмотрел вполне города, но на днях буду осматривать его вместе с Серебренниковым. — Несмотря на то, что здесь есть несколько человек раскольников, народ в городе положительно православный и отличается резко от прочих ярославских городов своим усердием к церкви. Это доказывается

благолепием и даже роскошью всех 26 церквей города. — Другая черта угличан и тоже замечательная — та, что они все домоседы; это относится к жителям не уезда, а собственно города, которые, за исключением самого малого числа, занимающегося торговлею с Петербургом и другими городами, торгуют все у себя дома, в городе и в уезде. От этого лавок и торговцев здесь премножество, и торговля самая средняя. Капиталистов здесь нет почти вовсе, и торговцы городка Мышкина, в 30 верстах от Углича, при тех же самых условиях местности, торгуют вдесятеро богаче, потому что пользуются Волгою и занимаются все судоходною торговлею. Здесь есть человек до 500 мещан, называемых холщевниками, которых весь промысел состоит в том, что у крестьян уезда, приезжающих в город с холстом (здесь уезд особенно отличается производством холста), они ночью или рано поутру покупают холст и в тот же день перепродают его крупным торговцам, получая самую пустую прибыль, иногда двугривенный или четвертак[8] в день. В других городах ярославец ушел бы с паспортом искать прибыли по России, а здесь этого обычая нет. Я добивался объяснения в этом недостатке предприимчивости, но мне отвечали: нет обычая, не завелось. И действительно, Углич, который в старину был гораздо обширнее теперешнего, прежде мог довольствоваться и довольствовался вполне своею торговлею; но теперь, как торговля развилась повсюду, и город не имеет ни прежнего значения, ни прежнего числа жителей, он обеднел. — Впрочем, об этом еще надо подумать да обследовать это обстоятельство ближе. — Я помещен здесь прекрасно; хозяин, бодрый старик лет 70, чрезвычайно заботлив, да и вообще народ здесь очень вежлив. — Не думайте, впрочем, что древний характер города и присутствие священных памятников старины удерживает жителей в том виде, в каком бы желалось их видеть, напр⟨имер⟩, Константину. Нет, они все религиозны и помнят старину не как дело быта, а как священное предание. Т.е. как бы вам это выразить яснее. Событие, напр⟨имер⟩, еврейской или христианской священной истории, будучи свято и с верою почитаемо, остается все же вне быта; так и старина углицкая, получив чисто религиозный характер, отрешилась от быта и, свято, усердно, богомольно почитаемая, действуя даже на нравственный характер, не имеет влияния на внешний быт. И против церкви царевича Дмитрия на крови стоит трактир "*Феникс*", принадлежащий набожному купцу, одевающемуся по-немецки, а жены, жены купеческие, как и всюду, опережают мужское племя по пути к соблазну и не носят кичек, а одеваются по последней моде. Грешный человек, мне приятнее видеть их с открытыми волосами, причесанными à la Reine Blanche*, или в этом роде, и с белыми зубами, с шляпками французскими, нежели чопорную купчиху в кичке, с густо набеленными и нарумяненными щеками и с черными зубами, купчиху чванную, спесивую донельзя, или бы купеческую дочь с волосами, обращенными в толстый, кулака в три, жгут, мотающийся назади! Согласен, что от французской шляпки недалеко к худшему, но если бы можно было освободиться от некрасивой стороны национального характера и быта и сохранить нравственные предания, было бы

* На манер королевы Бланш (*фр.*)[9].

хорошо!.. Я люблю крестьянина столько же, сколько и Константин[10], но терпеть не могу древнего *боярина* и *боярского* быта, отличавшегося всегда от крестьянского спесью, гордостью, чопорностью... Бояре не пели песен... Константин писал как-то раз ко мне, по поводу моего письма, что я, хваля крестьянина, не говорю ничего нового. Но я хочу выразить ту мысль, что быт крестьянский вовсе не должен быть выражением старины и что крестьянин так же мало похож на брюхана-боярина, как на брюхана-купца. —

Однако пора и очень кончать письмо. Со следующей почтой напишу вам еще. Чтобы Константину приехать на несколько дней. Ведь это всего верст 200 с небольшим, если ехать не почтовой дорогой, а с сдаточными извозчиками на Калязин. Правда и то, что дорога гнуснейшая всюду, ну да мужчин это не должно останавливать. Я здесь думаю пробыть не позже, как до половины ноября, но на будущий год, летом, когда стану ревизовать Мышкин, приеду непременно в Углич опять. Мне он очень нравится.

Прощайте, моя милая маменька и милый отесинька. Очень рад, что письма мои доставляют вам всем занятие. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Будьте здоровы. Вот теперь кстати сестрам перечесть у Карамзина описание убиения царевича Дмитрия[11]. До следующей почты.

Ваш *Ив. Акс.*

29

21-го октября 1849 г⟨ода⟩. Пятница. Г⟨ород⟩ Углич.

Не знаю, успею ли я докончить письмо к завтрашней почте, но на всякий случай, пользуясь свободным временем, продолжаю вам свое повествование об Угличе. Необыкновенно красив этот город! И что всего замечательнее: оригинально красив и не похож на прочие города. Главную его особенность составляет то, что он расположен не только на обоих берегах Волги, но и на 4-х оврагах или ручьях, протекающих в Волгу. Через овраги построены или просто набросаны мосты, мостов премножество, а вы знаете, какая вообще красивая вещь — мост. На площадях, в разных направлениях стоят каменные ряды лавок с арками; Волга течет не прямо, а делает крутой поворот, почти острый угол, и с него поворачивает город. Древние церкви, мосты, овраги, Волга с крутым поворотом и зелень садов (воображаемая, потому что теперь листья опали) — все это дает необыкновенную прелесть общему виду города. Нынче на закате солнца я долго любовался им, любовался до тех пор, пока не пришли содержатели бойни, с которыми надо было толковать об акцизе, платимом в думу!.. Против моих окон есть церковь, в стенах которой закладено тело младенца, убитого лет за 200 перед сим или около этого. Изустное предание и рукописная угличская летопись, доведенная до 1713-го года, кажется, говорят, что в 1650 году (по крайней мере, мне так рассказывали) работник купца Чеполозова, будучи зол на своего хозяина, вздумал выместить свою злобу на сыне его, 7-летнем мальчике. В день семика[1], когда все шли прогуляться к "*убогому дому*" (об этом я разъясню ниже), вызвал и он ребенка для прогулки, затащил к себе, долго и жестоко мучил, наконец, убил самым варварским

образом. Дней через 20 тело нашли неиспорченным, похоронили, и когда отец его, лет через 25, вздумал строить тут церковь, то открыли гроб и увидали, что тело осталось нетленным. Донесли ростовскому митрополиту Ионе Сысоевичу[2], который однако же не обратил особенного внимания на это донесение, не приказал сделать надлежащего освидетельствования, но велел, впрочем, тело заложить в церковную стену. С того времени и до сих пор угличане усердно служат панихиды по маленьком Чеполозове и почитают его святым. Угличу хочется иметь у себя еще святого отрока, невинно пострадавшего. Я не отвергаю в этом случае народной уверенности, но или судьба Углича такова, или, наконец, это все подтверждает то, что я вам и прежде писал, именно, что образ малолетнего страстотерпца Дмитрия, как называет его церковь, образ, так горячо и усердно ими любимый, постоянно присущ их памяти и затмевает собою другие строгие образы церкви и лики святых. О другом святом, право, и не услышишь в Угличе, а маленький Чеполозов повторял им собою историю Дмитрия. Впрочем, опять говорю, я вовсе не отвергаю истинности и этого события. — Да, теперь о семике. Может быть, вы знали, но я не знал, что до 1770 года существовал в разных местах России, в том числе и в Угличе, такой обычай: всех "несчастно умерших" (т.е. насильственною или случайною смертью) в течение целого года не хоронили, но складывали в убогий дом, где трупы и оставались до семика. В этот день их погребали. Мне рассказывали это те, которым передавали это очевидцы; говорят — есть еще в городе и такие, которые это помнят. Екатерина уничтожила этот вредный обычай[3].

Знаете ли вы, какая промышленность процветает в этом древнем городе? *Колбасная* и холщевая! Здесь множество колбасных заводов; я хотел что-нибудь вывесть на память этого города, что-нибудь особенное, ему принадлежащее; образов здесь не делают, хотя и есть один иконописец, поэтому я искал чего-нибудь из других изделий, спрашивал и бритых, и брадатых, и все указывали на угличские колбасы, отправляемые в большом количестве в Петербург.

Я назвал вам в последнем письме мещанина Серебренникова раскольником. Так говорили мне об нем. Но познакомившись с ним ближе, я убедился, что он вовсе не раскольник, а занятия его заставляли предполагать в нем раскольника. Он здесь умнее всех, и потому его и не любят граждане. Это человек очень замечательный. Мало способный к торговле, как с презрением отзываются о нем купцы, он — живая летопись города — знает историю каждого камня в нем и любит старину, но любит ее как ученый, отделяя ее от живого своего быта. Странное дело, а кажется так: Углич — историческая местность, полная древних воспоминаний. Но вся эта сторона Углича для массы его народонаселения превратилась в одно религиозное предание, стоящее вне живого быта; от этого угличане хотя и набожны, но вовсе не более связаны с древним бытом, чем жители Рыбинска и других городов. Бритой молодежи здесь даже больше, чем в Рыбинске, где купцы богаче и самостоятельнее; общинный характер представляет здесь жалкое явление, о чем я буду писать после. — Эта же историческая местность создает и таких людей, изыскателей

старины, любознательных, как Серебренников. Вы найдете это в каждом древнем городе. Я знаю одного в Ярославле и, верно, найду подобных же и в Ростове. Но отрешенные от непосредственной связи с древним бытом, они уже являются в отношении к нему как люди сознающие, любознательные, анализирующие. Вчера явился ко мне этот мещанин (между прочим, он ходит в русском платье и с широкою бородой) и удивил меня, признаюсь, просьбою сделать обществу предложение следующего рода. "Мы все, — говорил он, — и я в том числе, подаем каждую субботу нищим, но число нищих не уменьшается, потому что подаем зря и подаем большею частью недостойным и обманщикам, между тем как истинные бедные, больные и престарелые или не хотят таскаться по окнам, или же не в силах и добрести до чужих дворов. А потому не лучше ли будет, чтоб каждый сосчитал, сколько в течение года он передает через окошко (у купцов это делается довольно аккуратно) и эту сумму вложил бы в общий складочный капитал, который таким образом и должен составиться; затем выбрать из среды себя несколько человек, учредить комитет или вроде этого, который бы подлинно розыскивал о всех нищих и раздавал бы пособия истинно нуждающимся и проч." Словом, повторил общие уставы подобных учреждений в Москве и в Петербурге, учреждений, с которыми он, впрочем, не знаком. Это меня поразило. Да как же, брат, хотел я сказать ему, а статья Константина?...[4] Разумеется, я этого не сказал, но вспомнил тебя, Константин, тотчас. Вспомнил и свои слова, сказанные в моей статейке[5], что мы почти готовы ревновать к современности, если она выставит такой вопрос, о котором не задумывалась старина! Подумал я также, что слишком мы решительны в своих выводах à priori* о русском народе, что, изучая народ по древним памятникам, мы сами себе ставим рамки — слишком правильные, по-видимому же строго логические, как иностранцы, слишком правильно говорящие на чужом языке; подумал — не посягаем ли мы черезчур на свободу жизненного народного тока, если это выражение не покажется слишком вычурным... Я не имею твердости убеждений Константина, решился смиренно, без взглядов à priori изучать современные явления и факты и признаюсь, поколебалось во мне многое, оробели мои умствования, потерял я веру в свои выводы. Выдвигая какое-нибудь положение, я говорю, как Каролина[6]: "Да, может быть, а, может быть, и нет!" Ужасный 1848 год и просто жизнь в ком не поколебали веры в человеческие истины... Неужели ты не почувствовал их ударов?[7] Но что касается до внутреннего моего духа, то он прожил тяжелое, удушливое время, — да и теперь нелегко.

Впрочем, все это не может относиться к одному случаю серебренниковского предложения. Да и статья Константина направлена больше против веселой и пошло-общественной благотворительности[8]. Я спросил Серебренникова: охотно ли примет это общество? "Едва ли, — отвечал он, — сомневаюсь; народ-то здесь такой, не любят новости, темный народ, не понимающий". — Я хотел возразить ему, что они, т. е. граждане, желают, может быть, чтоб благотворение совершалось втайне, каждым от себя[9], но вспомнил,

* Изначально, до опыта (*лат*).

что это возражение было бы слишком натянуто. В самом деле, никому и при общественной благотворительности не запрещается благотворить втайне, и не это чувство заставляет не желать нововведения. Не тайная благотворительность — грошевое подаяние нищим, которое ввелось непременным обычаем. Я насмотрелся на это нынешним летом. Делом этим занимается всегда хозяйка; нищие являются огромной толпою и получают каждый не более гроша меди; если дается копейка серебром, то нщий обязан дать сдачи; нищенки же обыкновенно пускаются в разговор с хозяйкой и передают ей разные новости и сплетни. Все это делается совершенно холодно; нищие даже уже не притворяются; получивши долю, они шибко толпою же отправляются к другому раздавателю, где та же история. Эта хозяйка готова, как в Романове, закабалить девку лет на 20 к себе в услужение[10], в уплату100 рублев ассигнациями; эти нищие и нищенки по вечерам пьянствуют или развратничают, чему я сам был очевидцем в Рыбинске. — “Всего труднее будет согласить старообрядцев”, — сказал я. “Старообрядцам, — отвечал он, — можно возразить, что и по Кормчей книге, которую не могут не уважать старообрядцы, велено нищим иметь непременно свидетельство от епископа”. — Он просил моего содействия, надеясь на влияние мое как чиновника. Я подумал, подумал и написал об этом бумагу двум градским головам, здесь и в Рыбинске, требуя *мнения* их и общества по этому предложению.

Сын Серебренникова[11] также заставлял не раз меня задумываться. Я был у его отца в доме; старый бедный дом, каменный, о 3-х комнатках; в одной из них живет сын Серебренникова. Когда я взошел к нему, то подумал, что попал в кабинет ученого. Книги, книги, рисунки и бумаги, все это, столько чуждое мещанскому быту, было тут. — Сын Серебренникова, молодой, еще очень молодой человек, с постоянно серьезной, задумчивой и грустной физиономией, ходит в немецком платье и с бритою бородой... Видно, что этот молодой человек томится жаждою просвещения, страстно любит свои занятия, но не имеет средств (денежных) и, как видно, он, должно быть, нередко предается горькому ропоту. Я было упрекнул его в том, что он не ходит по-русски, но в душе своей совершенно понимал и извинял его и сам бы сделал то же. В этом платье ему везде и ко всем более доступа, в этом платье с ним обращаются учтивее, наконец, это платье людей просвещения. Он взял у отца своего все, что тот мог передать ему из своих знаний, перечел всю библиотеку уездного училища, выбрал из уездных учителей все, что они в состоянии были сообщить ему, но этого мало ему. Он читает древнее письмо грамот совершенно свободно, занимается русской археологией усердно, но любит ее как науку, а желал бы вообще *просвещения*. В ком пробудилось сознание, кто вышел из этого общего цельного быта масс, тот, покуда не исчерпает весь мир сознания, не поймет важности и истинности верного, хотя бессознательного чувства простого народа. Я заметил, что молодой Серебренников с глубоким презрением смотрит на своих собратий купцов и мещан, на их *невежество* и пр. Все это очень понятно. Мы, *просвещенные* просвещением, измученные сознанием, обессиленные анализом, мы желали бы иногда воротиться к здоровому состоянию народного духа, мы с уважением смотрим на

бессознательную и *"невежественную"* толпу, как на магнитную стрелку, которая верно указывает путь, которою можем поверять себя... Но вот человек из этой же толпы, который, напротив того, жаждет всеми силами души попасть в ту же болезнь, в которой и мы находимся! — С каким заметным внутренним трепетом произносит он слово просвещение! И хоть он говорит, что "любит свое, родное", но наше уважение к народным явлениям, к авторитету народному, ему не понятно. Все это так и должно быть. В самом деле, в своем кругу он не найдет людей, ему сочувствующих. Я сам слышал насмешки купцов и мещан над этими Серебренниковыми за то, что они, полюбивши книги, упускают торговлю, что они "неспособны к торговым делам...". А мир просвещения так великолепен кажется ему издали, он не видит его гнилости, лезет на опасную и скользкую дорогу и, может быть, поскользнется[12]. Я заметил в нем некоторое равнодушие к религии... Само собой разумеется, что я его не останавливал в его стремлении и не говорил ему того, чего теперь он понять не в силах, но как скоро он произнес мне слова: Европейское просвещение, я указал ему на современное состояние Европы и предостерег его, чтобы он на пути к просвещению держался бы Веры и Церкви как якоря[13]: в противном случае поток унесет его. Дай Бог, чтоб мои слова ему пригодились. — Каким трудом, какими долгими сбережениями достались ему все эти книги! Сколько бы еще он хотел приобресть! Средств нет! Надо жить, надо торговать, надо иметь деньги, чтоб откупиться от рекрутства. У него, кажется, прекрасные способности и к рисованью, все это самоучкой. Впрочем, я посоветовал ему зимою побывать в Москве, чтоб познакомиться с некоторыми людьми, которые могут доставить ему книги и другие способы. —

А ведь хорошая задача была бы для повести и для драмы — изобразить эти две противоположности: пресыщенное европейское просвещение, сознающее свою гнилость, и молодую жажду просвещения, дерзко и безрассудно разрывающую связь с тем цельным и здоровым бытом, которого не коснулось просвещение (само собою разумеется, что я не говорю тут о просвещении светом веры: это другая статья, это другой вопрос о том, в каких отношениях между собою нахóдятся религиозная сторона христианского народа с невежеством того же народа и как они взаимно друг на друга действуют?).

Здешние холщевники употребляют между собою в торговле особенный язык, не похожий, впрочем, на офенский[14], как уверяют. Некоторые слова чисто татарские. Так как Серебренниковы занимаются холщевою торговлей, то я поручил молодому собрать мне слова этого языка. —

На этой же неделе я был на одном пироге, на котором было человек 50 купцов. Замечательного ничего не было. Слышал я только, как некоторые старики сознавались в "своей глупости", именно в том, что лет 25 тому назад встретили они сильным негодованием и ропотом разные нововведения Безобразова, мощение улиц, исправление дорог, а теперь не нахвалятся и благословляют его. —

Теперь о раскольниках. В здешнем городе их очень мало, меньше, чем в Рыбинске, человек 10 мужчин, не более, но зато трое из них столбы раскола во всей губернии. Это купцы Выжиловы и Долгов. Выжиловы беспоповщинской

секты; у них в доме живет несколько старух и вообще женщин, вроде женского монастыря, как это беспрестанно встречается у беспоповщины. Все эти бабы отдали Выжилову свои капиталы, и он один из богатейших. Недавно за то, что он выстроил молельню без разрешения правительства, решением Комитета министров его велено посадить в тюрьму. Он почетный гражданин и купец 2-й гильдии. Приговор еще не исполнен. По моему мнению, его уже лучше было бы просто переселить за Кавказ. Здесь же исполнение этой временной меры придаст ему более святости в глазах раскольников. Эти три раскольника составляют исключение из общего характера раскола Ярославской губернии, раскола подлого, трусливого, двоедушного. Они же — явно и дерзко исповедуют свои заблуждения и, само собою разумеется, стараются всячески заманить православных в свой толк. —

Я сам увидал в газетах, что в Симбирске вице-губернатором назначен Муравьев[15]: ни Погуляев, ни Гриша не получили этого места[16]. Впрочем, как я и писал, эти места даются только своим, т. е. министерским. Еще важная новость: смерть Димитрия Петровича Бутурлина[17].

Пришла почта и привезла мне еще письмо от Вас, милый отесинька. Благодарю Вас очень за Ваше постоянное писанье. От маменьки же из Москвы я не получил ни одного письма. Вы спрашиваете: долго ли я пробуду в Угличе? Я хочу непременно к половине ноября воротиться в Ярославль, а потому Вы позже 8-го ноября не адресуйте в Углич, а пишите в Ярославль. Теперь я стану писать вам отсюда по субботам, значит, письмо в середу должно приехать в Троицкий посад. О Самарине буду писать в другой раз. Пора кончить. Вы извещаете меня о болезни Хомякова[18] и предлагаете писать к нему. Если найду время, то напишу; впрочем, вы бы могли лучше всего послать ему несколько моих писем, напр⟨имер⟩, об Угличе, оба письма. Я даже бы желал этого; желал бы даже сообщить их и Самарину. Прощайте, мой милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Здесь мне тоже говорили, что было какое-то *северное* сияние. Сам я ничего не видал.

Поздравьте от меня Панова с столь быстрым приращением семейства[19].

30

⟨Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову⟩.

25 окт⟨ября⟩ 1849 г⟨ода⟩. Вторник. Углич[1].

Пишу на всякий случай, милый друг и брат Константин, потому что получил вчера от тебя письмо, а, может быть, ты уже в дороге?[2] Пишу для того, чтоб ты не сердился. Во 1-х, странно, тебе, право, считать на мне недоимки. Письма мои к отесиньке и маменьке по содержанию своему всегда относятся и к тебе. Во 2-х, нельзя мне не писать к отесиньке и маменьке, и я едва успеваю писать эти непременные урочные письма; если я серьезное содержание внесу к тебе в

письмо, то что же я помещу там? пустую болтовню. Разделять же два письма значит расстроивать ход рассказа. К тому же у меня нет заранее задачи: я сажусь писать, начиная говорить с предметов внешней жизни: является кстати мысль, за ней цепляется другая, и письмо превращается в целое рассуждение, касающееся и тебя, и всех вопросов, тебе близких. — Особенно же я просил тебя быть со мной в самых простых нецеремонных отношениях, при которых люди действуют свободно, не боясь оскорбить или огорчить друг друга. Ты, правда, и пишешь, что "не сердишься на меня, несмотря ни на что, ни на то" и проч. Да исчислять это и писать, что не сердишься — значит, что сердишься.

Но оставим это. Мне стыдно, что я не могу до сих пор привыкнуть к этой грустной стороне твоей души! Приезжай-ка, брат, в Углич, мне заранее весело знать, как ты ни в чем найдешь многое и путешествием, так часто разочаровывающим многих, накопишь себе, в пользу свою, доказательств с целый чемодан! Слава Богу, что ты принялся за работу[3]. Хоть сколько-нибудь да работай! Да, общинное начало не то, что живет, ибо общественное собрание — не вече и не сходка, а лежит в зерне и способно проявиться во всей силе в минуту, подобную минуте 1612 года. И при всем том, если бы ты слышал презрительные толки самих же лиц, составляющих общественное собрание! Если нужно, чтоб какая-нибудь вещь удалась, то главнейшие говоруны или старики заранее решают ее между собою, а потом на общественном собрании, как будто никакого сговору не было. А в древнем Угличе я должен отстаивать обществ⟨енное⟩ собрание, а они хотят избавиться от обществ⟨енных⟩ собраний выбором постоянных депутатов. — По-настоящему, уважая глас народа, должен бы я со смирением принять это их желание, да как нам хочется глас народа слышать по-своему, то мы и не соглашаемся! Впрочем, так наскоком я не могу говорить о важных и серьезных вещах толковито, а имей терпение, подожди до следующей субботы. Ты так и рассчитывай, что здесь я пробуду до 12-го ноября или до 15-го. Прощай, сделай же милость, не сердись на меня, будь здоров, бодр и работай. Крепко и крепко обнимаю тебя. Всех обнимаю.

Твой брат *Ив. Акс.*

Благодарю тебя, милый друг и брат, за выписки из ⟨нрзб⟩.

В Ярославль я тебя не зову покуда, ибо отношения мои с губернатором запутываются, а в Углич приезжай. В Углич всего удобнее тебе приехать.

Сделай одолжение, не ленись и приезжай в Углич. Приезжай в Углич. Смотри же, приезжай в Углич!

31

29-го окт⟨ября⟩ 1849 г⟨ода⟩. Углич, суббота.

С последней почтой я не получил от вас писем, милый мой отесинька и маменька, но с вторничной почтой я получил письмецо от Вас, милый отесинька, и от Константина и одно письмецо от милой маменьки из Москвы. Константина все еще нет, и если он не приедет, то стыдно будет ему, потому что он упускает лучший и удобнейший случай. — Посылаю вам письмо ко мне

Журавлева и приказ его управляющему. Из письма его видно, что хотя хлеб можно доставлять к нему во всякое время, но покупка его совершается раз в год, во время бытности Журавлева в Казани, что случается, кажется, всегда в генваре или феврале. — Покупка, впрочем, *непременная*, только надо заплатить за полежалое. Если же не вывозить предварительно хлеба на пристань, то Журавлев купит сначала тот хлеб, который хранится в его анбарах. Деньги же — верные. Если вы сочтете все это удобным, то напишите мне все ваши намерения подробно, как этого просит Журавлев. Расчет его верен, и он ничего не теряет, платя по 25 коп⟨еек⟩ серебром дороже, потому что закупает своевременно, берет деньги за полежалое, до покупки, имеет для сплава хлеба собственные суда и машины к тому же не затрудняется в приискании хлеба. Конечно, может быть, и можно выгоднее продать хлеб, отложив продажу до весны или до лета, но это все гадательно, а тут у вас верный и *непременный* и постоянный покупщик. Но, сделайте одолжение, отвечайте поскорее, потому что Журавлев, кажется, предполагает скоро ехать в Петербург.

Итак, вы остаетесь эту зиму в деревне. Дай Бог вам провести ее нескучно и мирно, а главное — всем быть здоровыми. —

Вчера было общественное собрание, на котором было человек 150; меня приглашали туда, но я не поехал, боясь своим присутствием стеснить свободу суждений. Толковали о двух моих бумагах, по которым я требовал мнения общества: 1) о том, от какого числа лиц должен исходить общественный приговор и что именно признавать общественным приговором, обязательным для всех, а 2) о том, что для искоренения бродяжества нищих не лучше ли делать бедным вспоможения более существенные, выбрав из себя людей, которые бы розыскивали настоящих бедных... Этим средством, прибавлял я в бумаге, не отнимается ни у кого право благотворить самому от себя и втайне, но полезнее действовать сообща; с миру по нитке, голому рубаха. По 1-му вопросу определили, что приговор может назваться общественным только тогда, когда подписан тоже 100 лицами: 40 купцами и 60 мещанами (в Рыбинске 70 купцами и 30 мещанами). Это число, впрочем, могло бы быть больше в Угличе, где число собственно углицких жителей несравненно значительнее, чем в Рыбинске. Если же на какое-нибудь решение не последовало согласия 100 человек, то приговор признается несостоявшимся. Были некоторые, которые предложили выбрать из себя постоянных депутатов с тем, чтобы их только призывали для решения вопросов, но это отвергнуто с сильным негодованием. Почему? Ты думаешь, Константин, что они видели в этом посягательство на свои права или возражали из любви к мирской сходке... Нисколько! Я спрашивал подробно у бывших на собрании обо всем, и они мне сказали, что возражали против этого потому, что выбор депутатов обращается в непременную обязанность или службу, при которой и уехать из города нельзя будет, не спросясь. Как бы то ни было, но я очень рад, что предложение о выборе постоянных депутатов отвергнуто — по другим причинам, а именно: решениями депутатов никогда не бывают довольны выбравшие их, полагая, что на их месте они были бы умнее; на решения же общественные никто не может жаловаться, потому что сам тут участвовал; общество не отвыкает от сходки,

поддерживающей его в целости и связи, наконец, самые решения должны быть лучше и справедливее обсужены. — По 2-му предложению решили составить комитет. Явились жаркие защитники этого мнения из купцов и мещан. Они опирались главное на то, что в законе сказано: "город обязан не допускать своих бедных до нищенства, а содержать их" и пр. Как же достигнуть этого иначе? Подаванием в окошко только поддерживаешь бродяжество, а не искореняешь бедности. Само собою разумеется — это распоряжение вовсе не значит, чтоб просящему у вас не подавать; но этим распоряжением можно отнять надобность просить под окошком, а если, несмотря на все это и имея возможность и средства работать, нищий захочет шататься по улицам, тогда, как недостойный, он будет наказан и не станет надувать честных людей, отнимая у них то, что назначено истинно бедному. — Тайная ли это благотворительность, когда богатый купец или "настоящий русский барин или вельможа", как изволят и до сих пор выражаться некоторые, собирает на свой двор тысячи две или более и раздает им деньги, причем никогда не обходится без драки?.. Я сам никогда не откажу нищему, если у меня деньги в кармане, но желал бы, чтоб он не нищенствовал, а один этого сделать не в силах.

Впрочем, в успокоение опасений, возбуждаемых общественною благотворительностью, скажу свое убеждение, что у нас, в России, она не превратится в безжизненную и холодную, как на Западе, и не истребит любви к добру. Только бы не превращали ее в *веселую*[1]. — Когда получу копию с приговора, то пришлю ее вам вместе с своим предложением. Больших споров оно не возбудило. Отвечайте мне на все это обстоятельно.

Удивительно удачно выразился Константин, сравнив консервативную партию на Западе с кристаллизацией и партию революционную с брожением гниения. Я совершенно согласен с ним, что юридические понятия существовали всегда в древней Руси. Мало того, мне кажется, хоть я и не судья в этом деле, что едва ли где юридический быт был так развит, как у нас. В этом случае говоря: юридические понятия, я еще не хочу сказать: правомерные, истинные понятия. Я убеждаюсь, что существующая многосложность наших законов у нас в крови, что администрация наша в старину была весьма сложна, хитра, подробна, даже необыкновенно письменна... Не все правомерные понятия римского и западного права были у нас; у нас мог быть свой взгляд на юридическую правду в быте, но был взгляд сознательный и даже формулированный. Впрочем, не пускаюсь еще об этом в рассуждения. Что касается до понятия города, как одного лица, то понятие это сильнее развито на Западе, чем у нас, хотя и у нас оно было и есть еще, благодаря Екатерине, которая, впрочем, едва ли соображалась с русскими началами в этом случае, но сохранила за городами право собираться для решения общественных дел[2]. Ты рад этому, Константин, так же, как и я; но если я тебе скажу, что общество большею частью уклоняется от этого права и что собрать собрание стоит немалого труда[3], что во многих местах должно было грозить штрафом за это, то ты также скажешь, что это равнодушие святое, проистекающее от высоких причин[4], на деле же потому, что бросить лавку и пропустить покупщика, лишиться полтины, гривны гораздо тяжеле, чем заняться общим делом...

Напр⟨имер⟩, мещанам и вообще обществу дано огромное право: извергать из среды себя без суда, *одним* своим приговором, вора, мошенника, отдавать его в солдаты, ссылать его в Сибирь, принимать или не принимать наказанного судом… Редко встретишь подобное решение. Они бóльшею частью всегда принимают или удерживают и бóльшею частью не из жалости, а потому, что за него надо платить подати до новой ревизии, а ссылать в Сибирь — надобны также издержки. — Константин сердится на меня, что я ему не пишу. Да написал ли он мне хоть одно такое обстоятельное, неленивое письмо, как я. А то — у него всегда все начинается и не доканчивается, все скоро и спешно, или *листок* приходит к концу. Я прошу, прошу, не могу добиться, чтоб разбирали мои письма по пунктам, оспаривали меня: это мне нужно, полезно; я вовсе не самонадеян в своих суждениях, а очень мнителен.

Я знаю ту сцену из “Фауста”, которую Самарин читает действительно прекрасно. Это сцена, где Вагнер приходит к Фаусту, и Самарин отлично представляет немца-педанта, филистера, с страстною, отвлеченною любовью к отвлеченностям только науки, а не к живому знанию и не к жизни. — Поздравьте от меня Гришу и Софью с зубами маленькой Олички[5]. — Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. На нынешней неделе я почти ничего не осматривал. Если успею, то напишу во вторник. Прощай, милый друг и брат Константин, если ты не уехал ко мне, крепко обнимаю тебя и обнимаю всех моих милых сестер. Послушайте вы, сестры: если вам скучно в деревне, то почему вам не писать ко мне целых длинных, пространных посланий? Вы знаете, как бы это мне было приятно!.. Целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Из П⟨етер⟩бурга писем не имею, а от Смирновой, со времени последнего письма ее о Гоголе[6], еще в августе м⟨еся⟩це, нового не получал. —

32

5-го ноября 1849 г⟨ода⟩. Суббота. Углич.

С последней почтой я не получил письма от вас, милый мой отесинька и милая маменька, а получил письмо во вторник от 27-го октября. В другое время я бы не стал этим и беспокоиться, но в последнем Вашем письме Вы пишете, что не совсем хорошо себя чувствуете, милый отесинька, и боитесь возвращения головных болей. Пожалуйста, прекратите теперь всякое уженье, да и как можно так рисковать в такую скверную погоду. С нетерпением жду понедельника, чтобы знать: возвратились ли и какого рода головные боли. Лучше, не выжидая худшего, прибегнуть к Бубе[1].

Назначение Карташевских меня нисколько не удивило, потому что в бытность мою в Петербурге[2] я им постоянно советовал вступить в действительную службу и потрудиться, а не жаловаться, сложа руки, на несправедливость судьбы. Именно уговаривал Яшу и Володю взять места стряпчего и товарища председателя[3]. Служба и одинокая самостоятельная жизнь могут вышколить и умудрить их надлежащим образом. — Из ответов ваших на первое письмо мое об Угличе мне кажется, что вы не вполне схватили мою мысль, именно, что

древние события превратились в чисто религиозные предания, но вовсе не живут живою жизнью, и что быт угличан вовсе не носит на себе таких следов старины, какие встречаются даже в других, менее исторических городах. Я даже не понимаю, чему именно обрадовался тут Константин как доказательству его предчувствий? Тем не менее, Углич любопытен и интересен в высшей степени, и напрасно Константин не приехал. Теперь я его уж и не жду, потому что сам в будущую середу отсюда выезжаю.

Возражаю на ваши возражения. Странно мне, что в словах моих вы видите не более, чем в словах дяди Аркадия[4] и других. — Нет, крестьянин настоящий, служа выражением истинного типа русской народности, русского духа вообще, как в старину, так и теперь, не может служить выражением древнего боярина. И как горячо я люблю первого, так не лежит моя душа к последнему. Боярин был человек служилый, правительственный, и этим одним уже много отличался от крестьянина, человека земского. Служилое сословие было у нас наследственное. Сын боярина не был боярин, но не выходил из служилого сословия никогда[5]. Потомок дружины никогда не смешивался с земским человеком; а оттого-то так легко было Петру и Екатерине[6] отделить, под общим наименованием дворян, все служилое сословие, которому и занятия другого не было, кроме службы, — привычка, сохраненная нами и доселе. И я убежден, что, несмотря на "тождество языка, понятий, веры и вкусов", различие между служилым и земским человеком существовало в живом быту не по одной внешности. Далее. В самих нравах разница была немалая. Холоп государев подчинился влиянию татарского и византийско-царедворного элементов в миллльон раз более, чем крестьянин. Затворничества женщин не было в быту крестьянском; дородство не уважалось в нем. В ковах, крамолах, доносах, опалах, в спеси боярской (которая вошла в пословицу), в тяжбах о местничестве, в разрядных книгах — словом, во всей этой жизни московского двора слышите ли вы, чуете ли вы крестьянина. В эпоху 612-го года народ явился на сцену и осрамил бояр[7]. Не говорю про великого выскочку Ляпунова и про талантливого, честного простяка Пожарского[8]. — Разве в быту боярском, до Петра, особенно около его времени, не слышите вы застоялости, упорной, чопорной?[9] — В этом можно сознаться и не оправдывая всех действий Петра и совершенно порицая явления современной жизни. Но не к народу относится этот упрек застоялости, как не может он относиться к нему и теперь. Что и говорить: не было тогда такой разницы, как теперь, но была разница в старину не в одной ценности одежд.

Поэтому-то с появлением Петра гнилое боярское сословие мигом полетело вверх тормашкой[10], чего бы не могло быть, если б в нем уже не лежало смерти; а образа смерти нет в быту современного крестьянина. От боярина несло запахом гнили и трупа; от крестьянина веет *жизнью*.

Да возьмите вы хоть одно отсутствие хоровода и песни в быту боярском! Разве этого мало?.. В оргиях царя Ивана Васильевича[11], не говоря уже о другом их значении, я вижу гораздо более русского характера, чем в быту боярском, даром что безнравственностью своею эти оргии противоположными кажутся быту крестьян. В этих оргиях слышится желание сбросить с себя цепи чопорности, чванства и спеси боярской, насмешка над ними. — Но нападая на

древнего боярина, я вполне признаю древние начала жизни, лежавшие не в быту боярском, а в самой церкви и в народе.

Теперь о купцах. Современный купец ближе к крестьянам, нежели мы[12]. Как не считали *мы* себя близкими к народу, мы отделены от него пропастью: сознанием и анализом жизни. В купце этого нет. В лестнице сословий оба эти сословия стоят рядом. Набожностью, благотворительностью и одеждой своей купец сходен с мужиком, сходен с ним и речью, ибо, если купец и любит иногда выражаться красною бессмыслицею, то он умеет владеть и народною речью. При всем том он очень от него далек, и в нем есть некоторые черты, не принадлежащие нашему сословию, но напоминающие древнего боярина. Это то же затворничество женщин, спесь, чванство и какая-то чопорность, крахмальность в жизни. Только он лучше боярина, потому что ближе к народу. И потому-то, повторяю, я в купце чую часто древнего боярина, хоть, разумеется, всего этого нельзя принимать вполне и решительно, и если буду когда-нибудь изображать древнего боярина, то припомню себе современного купца и его отличия от крестьянского быта и думаю, что выйдет удачно. Что касается до чернозубия купчих, то, упоминая об этом, я нападал на *безусловное* поклонение Константина древним платьям и изяществу. Конечно, когда ему укажешь, он сознается, что то и другое скверно, но удивительно умеет все это забывать, когда отъедет в похвалы. Румяна, белила и чернозубие не современная принадлежность купчих, но *древняя.*

Признаюсь, не могу не подосадовать, не на Вас, милый отесинька (никто не пишет столько, сколько Вы, да Вы почти одни и пишете), а на Константина. Кажется, непустые мои письма вызывают ответы, заслуживают ответа, отчетливого, подробного рассмотрения и возражения. Чтобы, право, взять письмо и шаг за шагом разбирать его и таким образом отвечать! Хоть он и занимается (и слава Богу!), но все же дéла у него несравненно меньше, чем у меня, а какие пишет он ко мне письма? Самое большое письмо не составит и половины одного моего; собираясь писать и поговорить со мною, он сейчас своротит на скользкую дорожку, отопрет свое негодование на Запад: скверный Запад, скотина Запад, и пойдет, и пойдет! Словом, две трети письма наполнит тем, что я от него уже тысячи раз слышал и что, следовательно, ни ему, ни мне не ново. Остальные вопросы кое-как затронет, торопясь (да куда?), спеша кончить (зачем?) и основываясь на непреодолимом аргументе, что листок приходит к концу, как будто нельзя взять другого и третьего. Написавши такое письмо, он думает, что сделал дело, и ведет счет своим подобным письмам, тогда как я пишу без счета! Случается с другими, что нечего писать, но со мною этого быть не может. Каждое письмо мое заключает в себе столько обстоятельств и вопросов, что на каждое письмо можно было бы отвечать длинными рассуждениями. Само собою разумеется, что я вовсе не хочу отрывать его от работы, если работе его мешает писание писем, хотя я никогда столько не тружусь, как тогда, когда у меня много работы, и никогда столько не ленюсь, как тогда, когда дела мало или нет вовсе.

Говорят, на место Уварова граф Протасов, а на место Протасова молодой Адлерберг?[13] Правда ли это? Впрочем, узнаем из газет.

Посылаю Константину собрание слов, употребляемых холщевниками[14]. Тут, конечно, не все слова, но сколько успели собрать. Я, кажется, уже писал вам, что холщевники — это здешние же мещане, преимущественно перед другими занимающиеся перекупкою холста. У них в торговом деле сохранился какой-то особенный язык. Тут встречаются слова татарские. Остальные, вероятно, чудские, потому что, по Нестору[15], здесь обитала, кажется, меря[16]. И теперь названия некоторых урочищ звучат совершенно не по-русски: озеро Неро, на котором стоит Ростов, озеро Нико, река Шачебола и др. Странно только то, что сохранилось это в одной отрасли торговли и именно холщевой. Посылаю подобный же список в Журнал министерства вн⟨утренних⟩ дел. Достал я толстую рукопись ответов выгорецких раскольников иеромонаху Неофиту, посылаемому к ним для *"разлагольствования"* в 1722-м году по указу Петра. Если верить им, то Неофит был дурак и острамился в споре. Этими ответами раскольники (особенно поморского согласия)[17] несравненно более гордятся, чем ответами епископу Питириму, напечатанными в Пращице[18]. Выгорецкие же ответы, кажется, никогда не были напечатаны. Они необыкновенно ловко, умно и хитро написаны[19]. Привезу их вам показать зимою.

Прощайте, милый мой отесинька и маменька, будьте, сделайте милость, здоровы, цалую ваши ручки и крепко обнимаю Константина, которого прошу никогда ни в каком случае на меня ⟨не⟩ сердиться, и обнимаю всех моих милых сестер. Будете писать Грише, напишите, что я его с Софьей также обнимаю.

Ваш *Ив. А.*

33

1849 г⟨ода⟩ ноября 8-го. Вторник. Углич.

Решительно не понимаю, отчего нет от вас писем уже больше недели. Последнее ваше письмо было от 27-го октября. Это тем более досадно, что я завтра выезжаю отсюда, и если письмо и придет сюда в будущую пятницу, то получится мною в Ярославле не раньше будущего понедельника. Если б я не знал, что к отесиньке возвращаются какие-то признаки прежней болезни[1], то не стал бы так беспокоиться.

Завтра после обеда я думаю ехать в Ярославль прямым, не почтовым трактом, на передаточных лошадях. Этим путем отсюда до Ярославля 100 верст. Почтовый же тракт идет через Рыбинск, гораздо дальше и дороже. Я потому особенно спешу в Ярославль, чтоб успеть перебраться туда в тарантасе, чтоб не быть застигнутым здесь зимою. Дороги теперь — просто ад.

Последнее время мое в Угличе было также отравлено всякими дрязгами. Открылось, что все общество здешних граждан разделено на партии, которые стараются друг другу вредить изо всех сил; открылись разные злоупотребления... В продолжение длинного ряда лет не было здесь ни одного головы, который умел бы заслужить нравственное доверие: везде происки, мелкие, глупые, корыстолюбивые. Видеть это в племени канцелярском еще не оскорби-

тельно, но в купцах, совершенно обеспеченных в жизни, выбираемых обществом, чрезвычайно отвратительно.

Сейчас приехал ко мне голова, а потом я спешу делать прощальные визиты. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы. Дай Бог, чтоб неполучение мною писем происходило от пустой причины. Будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *И.А.*

34

Понедельник, 14-го ноября 1849 г⟨ода⟩. Ярославль.

Вот уже две недели слишком, как я не получаю от вас писем, милый мой отесинька и милая маменька. — Положим, что по случаю переезда моего в Ярославль в доставке писем произошло некоторое замедление, но отчего же я не получил писем в прошедший понедельник в Угличе? Я выехал оттуда ь середу, часа в два пополудни; если письмо, адресованное вами туда, и пришло в Углич в пятницу, то должно было возвратиться сюда, в Ярославль, нынче же или еще вчера вечером. Но на беду почта еще не приходила: говорят, стали реки, и это затруднило все сообщения.

Сто верст расстояния от Углича до Ярославля я ехал слишком сутки! Колоть страшная, дорога мучительная. Приходилось несколько раз идти пешком. В Ярославль я приехал прямо на квартиру, нанятую заранее: квартира маленькая, тесная, но другой приискать было невозможно. Только что мы приехали, в тот же день вечером пошел снег, а на другой день хватил мороз градусов в 15; в последующие затем дни и нынче морозит также исправно. Снегу однако ж мало, хотя уж и ездят на санях. — Я рад, по крайней мере, тому, что успел добраться до места в тарантасе. — В Ярославле будет мне много дела, тем более, что нельзя обойтись и без некоторых визитов. — С Бутурлиным у нас было долгое и жаркое объяснение, продолжавшееся часа два, после чего мы, по крайней мере, наружно сохранили хорошие отношения. Вчера он был у меня... Здесь, в Ярославле, нет даже той хорошей стороны губернской жизни, простоты и радушия. Все хвастаются здесь, что живут по-петербургски и обедают в 5-м часу; в домах везде роскошно и чопорно; даже шапок зимних никто не надевает, а все морозят лбы в шляпах. Словом, как водится, в глупом своем подражании пересолили.

Приехавши сюда, я взял у вице-губернатора разные французские газеты и “Revue des deux Mondes”*, которые я уж так давно не читал, и повеселил свою душу ругательством, страхом и удивлением иностранцев перед нами, по случаю последней венгерской кампании. Стараются доказать, что не мы победили, а немцы с Гайнау[2], а нам, по какому-то фатализму счастия, досталась честь[3].

Я не пишу вам теперь большого письма, во 1-х, потому, что не имею от вас писем, и это главная причина; во 2-х, потому, что и писать теперь собственно

---

* “Журнал двух миров” (*фр.*)[1].

нечего. Я же сейчас отправляюсь в думу, свидетельствовать денежные суммы. Писем из Петербурга да и ниоткуда не получаю, а мне без писем скучно. — В здешнем лицее, по случаю прекращения приема в университетах[4], поступило теперь более 100 человек, а прежде бывало 30, 40 — не больше. Из здешних жителей мало еще кого видел. Был у Жадовской. Она в эти полгода, в которые я ее не видал, не написала ничего, а мне так хотелось послушать хоть ее стихов. Многие помещики еще не съехались. —

Поздравляю Самарина с удовольствиями губернской жизни[5]. Для меня же нет несноснее жизни провинциальной. Впрочем, для того, кто ее испытывает в 1-ый раз, она любопытна и достойна наблюдения; к тому же и Симбирск лучше Ярославля. —

Прощайте, милые мои отесинька и маменька. Если до отхода почты в Москву придет от вас письмо из Углича, то я напишу вам еще. Теперь письма наши будут доходить скорее. Цалую ваши ручки. Дай Бог, чтоб вы были здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *И.А.*

35

21 ноября 1849 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩. Ярославль.

В прошедший четверг получил я письмо Ваше, милый отесинька, от 7-го ноября, адресованное в Углич, а вчера получил письмо, посланное 18-го. Из этих писем я вижу, что Вы писали ко мне еще 31-го октября в Углич. Но этого письма я и не получил; оно, верно, залежалось в Угличе, где, по случаю рекрутского набора, стало веселее, т.е. наехали разные чиновники и завязалась картежная игра, в которой деятельно участвует и г⟨осподин⟩ почтмейстер. — А в этом, недошедшем до меня письме, должно быть, и было первое известие о Панове. Вы не можете себе представить, как поразил меня Ваш postscriptum* как о вещи уже известной: Гриша пишет, что *вдова Панова* и пр. Неужели это правда и точно относится к Василию Алексеевичу?[1] Последнее перед этим сообщенное мне о нем известие заключалось в том, что Гриша и Самарин хотели перетащить его на службу в Симбирск. Странно, что Константин не пишет мне об этом ни слова[2]. Я желал бы знать все малейшие подробности. Ибо каждая смерть, даже и неблизкого человека, для меня глубоко занимательное явление. Получивши Ваше письмо в четверг, я сейчас сделал выписку из него и послал к Журавлеву, а нынче Вы пишете, что хутор его от нас в 350 верстах. Точно ли это? Журавлев уверял, что хутор его от нас ближе, чем Челнинская пристань. Вы не сообщаете мне, откуда это известие, и я думаю, что оно ошибочно.

Слава Богу, что Ваше нездоровье прошло, а я очень беспокоился. Должно быть, и Константинова простуда миновалась благополучно, потому что во 2-м письме Вы ничего об этом не пишете; к тому же он и в Москву ездил. Положение Олиньки меня очень огорчает, сколько за нее, столько же, если не более,

---

* Приписка к оконченному письму (*лат.*).

за милую маменьку, на которую пала вся тяжесть этих хлопот, оказавшихся напрасными! Все соображения о выгодах — как нарочно — приводят к невыгоде[3]. — Все это очень и очень грустно.

Очень благодарю Константина за письмо и за статью. С статьей я совершенно согласен, и она служит необходимым дополнением к 1-ой статье[4]. Только "Господин Ходатай за нищих" мне не нравится. Сума нищего, кружка, складчина — все эти явления уже существующие. Изобретение же ходатая кажется чем-то искусственным, придуманным вроде "Великого Раздавателя Милостыни". Этот ходатай существует у нас в виде "Попечительства о бедных", куда можно присылать деньги и от неизвестного. Только не надо было бы этого портить медалями, блеском и проч. Впрочем, надо и то сказать: не отказываться же от доброго дела потому только, что имя ваше делается известным. Напр⟨имер⟩, в складчине, на общественном собрании... Если мы будем стараться благотворить только так, чтоб правая рука не знала, что делает левая, то нам с вами никогда не удастся и помочь людям: у меня правая рука *всегда* знает, что делает левая. Вообще благотворите просто, везде, как случится; главное: не давайте нравственной важности своему благотворительному подвигу. Мне случалось много делать добра, и я люблю делать добро, находя, что это весьма приятно, весело и вкусно. Доставляя себе это в некотором роде гастрономическое удовольствие, я никогда не имел претензии думать, что это важно перед Богом, ибо сознавал, что чистоты христианской тут не было. Хлопотать же о тайне — значит так запутаться, что черт ногу переломит. Пошлите вы тысяч 100 от неизвестного, да как убережетесь вы от внутренней гордости? Само собою разумеется, что требовать за это медали — такая мерзость, о которой не стоит и говорить. Но помогать людям в виде Попечительного Комитета, не возводя этого в важный благотворительный подвиг, потому что и обычная медноденежная милостыня — весьма неважный благотворительный подвиг, — хорошо. Сохрани Бог от веселой благотворительности![5] Но что касается до общественной, называйте ее как хотите, благотворительностью или заботою правительственною о *благосостоянии* — все равно: пусть только дело будет просто, без затей, не придавая себе никакой важности, — оно все будет хорошо, потому что возникло на христианской почве, полезно людям. Делать добро надо как долг, не заботясь о чувстве умиления. — Я писал когда-то Авд⟨отье⟩ Петровне Елагиной[6]:

...Но я, измученный борьбою,
С сознаньем немощей земных,
Я не гонюсь за чистотою
Всех тайных помыслов моих!
Стыжусь бодрить — примером Бога —
Себя, бродящего во мгле!..
Пусть приведет меня дорога
Хоть до ничтожного итога
Случайной пользы на земле![7]

Константин не придает большой важности правительственным хлопотам о благосостоянии[8], говоря, что это его обязанность! Да разве делать добро не

есть также обязанность каждого частного лица? Правительство могло бы и иначе понимать свои обязанности, предоставляя благотворительные учреждения частным лицам или обществу, от которого не скоро бы и дождались их, ибо подавать просящему легче, нежели позаботиться о дельном и прочном добре. Напр⟨имер⟩, наше министерство завело во всех решительно городах больницы, где бедные люди лечатся даром, завело властию правительственной... Назовем это не благотворительностью, а заботою о благосостоянии. Но что побуждает к этой заботе? Разве не идея добра, которая может сидеть и в правительстве, хоть оно и не лицо, которая проникает собою всю атмосферу, где двигаются и правительство, и общества, — и частные лица.

Здесь в Ярославле я возобновил знакомство с одним купцом, о котором я писал вам прежде, Серебренниковым (родственником угличского), археологом и очень умным человеком, и с купцом Трехлетовым (из крестьян, да еще помещичьих), занимающимся также собиранием древних книг, рукописей, изданий. Библиофил удивительный и очень умный человек. Я был у него, и он читал мне статью свою о свадебных обрядах в помещичьем селе, к которому он некогда принадлежал. Эти обряды, совершаемые только в том селе, любопытны черзвычайно. Я запомнил два стиха из одной песни про житье на чужой стороне:

Чтó не жúто — не ведано,
А пожúто отведано.

Замечательно, что жених не только беспрерывно видается с невестой до свадьбы, но даже по обряду весьма часто и часто обязан целоваться с нею. Бываю иногда у Жадовских, где встречаю профессоров лицея и студенческую лицейскую молодежь. Как прием в университеты воспрещен, то многие обратились сюда, так что теперь более 100 челов⟨ек⟩ студентов. Но сколько я их видел — это все самая пустая молодежь. Из профессоров, которые все кандидаты Моск⟨овского⟩ университета, многие знают хорошо Константина, напр⟨имер⟩, Татаринов[9], видавший его у Грановского[10], хороший человек, немного с направлением общим юридического факультета. Вообще же я выезжаю очень мало; лень и тоска знакомиться со всем ярославским beau-monde одолели меня. —

Обедал я на прошедшей неделе у одного богатейшего купца, аристократа между купцами, Пастухова. Это был третий обед, данный по случаю свадьбы его родной племянницы, вышедшей замуж за одного молодого купца. Я первый раз обедал на купеческом обеде с дамами. Немногие старушки были в кичках, остальные одеты по последней парижской картинке, décolletées*, и все нисколько не жеманны и не робки, а страшные кокетки. Молодая — красавица. После обеда, кончившегося довольно поздно, через час начался бал. Все это пустилось плясать; танцы, до которых особенные охотницы купеческие барышни и дамы, — это польки, галопы и вальсы. — Кавалеры — молодые же купцы, в английских фраках, завитые!.. Особенно отличалась одна молодая

* С глубокими вырезами у шеи в женском платье (*фр.*).

купчиха, чрезвычайно красивая собой, из Шуи... Шуя перещеголяла еще Ярославль. Смотреть было чрезвычайно красиво, но в то же время необыкновенно грустно и тяжело. Само собою разумеется, что, сбрасывая с себя прежнюю обузу, они ударяются в другую крайность и непременно пересолят. На этом же бале было пропасть стариков-купцов, с бородами. "Как Вам это все кажется", — спросил я одного из них, слыша раздающийся восторг присутствующего дворянства. — "Такой уж век," — отвечал он, с недоумением смотря на меня. "Как Вы думаете, — продолжал я, — лучшею ли сделается матерью вот эта дама от того, что пустилась плясать польки, или вот эти обнаженные плечи — служат ли они крепчайшим ручательством в верности мужу?.." Купец вздрогнул. "Неужели Вы *так* думаете, — сказал он, обрадовавшись и пожимая мне руку, — я совершенно согласен, и моей душе все это противно, да против рожна трудно прать... Впрочем, я должен сказать, что в первый раз вижу дворянина, который бы думал, как Вы!.." — "У нас в Москве многие так думают," — отвечал я...

Вера беспрестанно спрашивает о "Бродяге"[11]. На это я должен ей сказать, что в Угличе я в первый раз принялся за него и теперь почти окончил первую довольно большую главу, где между многими другими картинами на сцене кабак, играющий значительную роль[12]. Все это совершенно вчерне, даже ни разу не прочтено мною по написании, не переписано. Хотелось бы мне написать и вторую главу, да не знаю, успею ли. Пишу, впрочем, как-то по обязанности. Хочется непременно окончить; сам же я стихом не доволен: как-то бесцветен и слаб, мало колориту и живости. Впрочем, вы мне не поверите, и вот почему я и не писал вам об этом ни слова.

Вы пишете, милый отесинька, про какую-то возмутительную историю с Володей Карташевским? Что за история[13]? Вы знаете, как я любопытен.

Прощайте, милый отесинька и милая моя маменька, хотя маменька, вероятно, в Москве устроивает Олиньке дом[14]; цалую ваши ручки. Будьте бодры и здоровы, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Аксаков.*

36

24 ноября 1849 г⟨ода⟩. Ярославль[1].

Сейчас получил я письмо ваше, милый мой отесинька и милая маменька, от 3-го ноября, адресованное в Углич, тогда как я с еще с прошедшей почтой получил ваше же письмо, адресованное также в Углич, но от 7-го ноября. 3 недели шло это письмо! Право, не знаешь, на какую контору сердиться: сергиевского ли посада или угличского. Благодарю очень Константина за письмо: он вдруг сделался деятелен. Пусть непременно бы брал он кафедру, *если дадут*[2]: по последним известиям из Петербурга министром н⟨ародного⟩ просв⟨ещения⟩ назначается *Строганов*...[3].

Посылаю Вам, милый отесинька, письмо Журавлева. Я ему сделал полную подробную выписку из Вашего письма. Он очень обязателен, но как за эту цену

невыгодно ставить хлеб к нему на хутор, то Вы, вероятно, откажетесь. В таком случае возвратите два его *открытые письма,* и я отошлю их ему в Петербург.

Известие о Володе меня очень посмешило сначала, а потом заставило задуматься. Опять повторяется старая история, устаревшая даже и для романа... Я говорю о браках с актрисами... Понимаю, что тетеньке это досадно[4]; думаю, что не *состояние,* не сословие, а *звание* Жулевой ее оскорбляет[5]. Я бы на ее месте потребовал только, чтобы Жулева оставила сцену... Мне забавно, что я в этой истории замешан[6] . Кажется, я вам рассказывал, как я выпросил у Смирновой свободу ее родителям[7]. Володя тогда почти не был знаком с Жулевой; я наводил через него справки о нравственности этой девушки: все сведения говорили в ее пользу, и этим-то я и убедил тогда Алекс⟨андру⟩ Осиповну поместить ее у себя и спасти от преследований двух богатых старых мерзавцев. Потом я видел Жулеву не раз у Смирновой. Она очень хороша собой, волосы прекрасные, высокого роста, но мысль, что эта прекрасная девушка — актриса, производила на меня тяжелое, неприятное, грустное впечатление, так что я просил Смирнову освобождать меня от ее присутствия, и Алекс⟨андра⟩ Осип⟨овна⟩ дивилась бескорыстию моего участия в положении этой актрисы. — Что сделалось с Жулевой после отъезда моего и Смирновой[8], не знаю, но в Пошехонье я получил страховое письмо от Володи (в сентябре м⟨еся⟩це), где он пишет мне, что отец Жулевой все еще в Калуге и не получил еще свободы от мужа Алекс⟨андры⟩ Осиповны[9] и что Жулева просит опять моего содействия. Я написал в Калугу, к Ник⟨олаю⟩ Мих⟨айловичу⟩ Смирнову, передав ему "просьбу моего двоюродного брата-театрала". От Смирнова я получил письмо в Углич с известием, что отец Жулевой уже отпущен им на все 4 стороны[10]. В одно время с этим Вы уведомили меня, что Володя назначен стряпчим в Воронеж. Тетенька уже была в Петербурге. Я написал Володе письмо, где просил его передать это известие Жулевой и поздравить ее от меня, а сам поздравлял его с назначением в Воронеж[11]. Между тем, у них, как видно, дело уже слажено было. Тетенька, верно, думает, что я отчасти этому виною.

А тяжелое чувство должна испытывать эта молодая девушка, зная, что ею гнушаются, что ее отвергают, тогда как она не чувствует за собой ни греха, ни преступления. Я видел ее раз на сцене: в игре ее много скромности и какой-то детской простоты. Ей всего 18 лет. Боже мой! Сколько, чай, оскорбительных слов, несправедливых упреков и неистовых ругательств излила на нее женская ярость! Воображаю Над⟨ежду⟩ Тимофеевну![12] Жалею ее, но еще более жалею Жулеву. Я бы никак не позволил своему сыну жениться на *актрисе*[13], хотя позволил бы ему жениться на мещанке и на ком угодно, разумеется, честного поведения. — Эта история меня очень занимает, и всякая живая драма может заинтересовать меня гораздо более, чем все древности г⟨орода⟩ Углича, а потому пришлите мне письмо тетеньки и уведомьте, чем все это кончилось[14].

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Буду писать вам подробно в понедельник. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *Ив. А.*

37

28 ноября 1849 г⟨ода⟩. Понедельник.

Решительно не понимаю, отчего вы не получаете моих писем, милый мой отесинька и милая маменька. Вчера я получил ваши письма от 24-го: одно из Абрамцева и другое из Москвы от маменьки. Я знаю, что по случаю скверной погоды почта московская должна была довольно долго ожидать вологодскую и петербургскую, но все же вы должны были получить мои письма от 14-го, кажется, еще от 17-го и 21-го. Здешний почтмейстер со мною знаком хорошо и даже делает разные угождения по почте. Я подозреваю вашего троицкого почтмейстера, во 1-х, потому, что он просил у вас когда-то муки и прочей дани, и вы ему отказали; во 2-х, он, может быть, получил приказание письма мои доставлять сначала в Москву и потом уже к вам[1]. Может быть, московский почтамт только теперь спохватился, что я адресую свои письма в Троицкий посад. Во всяком случае, я заведу книжку, в которой почта и будет у меня расписываться в приеме писем. Это вправе сделать каждый частный человек; советую и вам сделать то же. Как это все скучно!

Слава Богу, что маменьке удалось так скоро сдать квартиру и нанять другую для Олиньки[2]. Конечно, обстоятельства наши очень затруднительны, и жизнь в Москве неминуемо принесет с собою новые расходы, но, право, жить зимою в Москве было бы приятнее и спокойнее относительно болезни олинькиной как для всех, так и для маменьки в особенности. Вся тягость деревенской жизни ложится на маменьку, которая ведет какую-то бивуачную жизнь, беспрерывно в разъездах, как я это вижу, до сих пор, и разъезды эти будут продолжаться целую зиму — по поводу всякой плохо притворяющейся двери у Олиньки и т.п. Вот что меня оскорбляет в этом деревенском житье, а в других отношениях оно может быть гораздо лучше московского.

Очень рад, милый отесинька, что Вы опять принялись за “Записки ружейного охотника”. Хотя Вы и пишете, что статья Ваша требует значительных поправок, но я знаю, что Вы в этом отношении гораздо строже и требовательнее нас, и уверен, что статья хороша так, как есть[3]. Мой же “Бродяга” идет вяло. Дела у меня пропасть, и я занимаюсь много, но без той напряженной, несколько восторженной деятельности, при которой возможны и стихи. Может быть, самая натура этого дела тому причиной, да и на душе все невесело и скучно. Я, вероятно, и совсем бы простился с стихами, но хочу непременно кончить “Бродягу”...[4] Досадно мне также неполучение никаких писем и известий из Петербурга по делам службы: это даже ставит меня в фальшивое положение. Можете себе представить, что по раскольничьему делу, требовавшему немедленного ответа и распоряжения, нет до сих пор ничего! Как в воду кануло. Арсеньев[5], еще летом писавший мне, что м⟨инист⟩р очень доволен, замолчал совершенно, и все письма мои остаются без ответа. А мне нужно было хоть что-нибудь знать об этом, чтобы по возвращении в Ярославль отвечать на расспросы архиерея и губернатора. Писал Надеждину — этот также не отвечал ни разу... Между тем, самому поручению по городскому хозяйству не видишь конца!

Я живу очень скромно, занимаясь делами, иногда читая книги, взятые мною с собой, и почти никуда не выхожу. Ярославль противен чопорностью, роскошью и

подлостью своих жителей[6]. Il faut faire trop de frais*, как говорится, чтоб иметь честь понравиться в Ярославле, особенно же человеку, имевшему историю, подобную моей[7], историю, принявшую в их сплетнях гигантские размеры и заставляющую их опасаться меня. Видаюсь только с Муравьевым, вице-губернатором, человеком истинно благородным, с горячею душою и в ссоре с Бутурлиным. Бываю у Жадовской. Она недавно читала мне свою повесть[8], которую я разобрал ей очень строго и откровенно, и она отдала мне ее для указания всех недостатков. У ней есть талант, бесспорно, но талант небольшой, односторонний; по крайней мере, несмотря на все ее усилия, вследствие моих слов, она не может выбиться из старой своей колеи. Но она девушка очень умная и рано созрела в своем несчастии, хотя ей всего 22 года. — 22 года, сорок два года — для ней не все ли равно: что ей в молодости, когда ей нечего ждать от молодости, когда дорога ее резко определена в жизни!.. Каким мечтам ни предавайся она, но знает, что руки не выростут, тело не разовьется. Это горькое чувство, это исключительное положение сделали ее писательницей, и, может быть, я еще не теряю надежды, она со временем, помирившись с своим положением, пойдет дальше и усовершенствует свой талант. Дай Бог![9] —

На днях видел я Скалона[10], архангельского вице-губернатора, переведенного в Чернигов. Он был здесь проездом. Я его видел всего раз у Алекс⟨андры⟩ Осиповны[11], но он меня тотчас узнал по сходству с Константином. — Человек хороший, но пустой.

Писать решительно нечего, по крайней мере, ничего в голову не приходит. Да и не всегда можно быть в расположении писать такие длинные письма. Утешаюсь мыслью, что меньше, чем через месяц, я с вами увижусь. Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, Константина и сестер обнимаю.

Весь ваш *Ив. Акс.*

38

1849 декабря 5-го. Понедельник. Ярославль.

Вчера получил я от вас большое письмо, милый мой отесинька и милая маменька (думаю, что маменька уже воротилась из Москвы). Вы мне возвратили только приложения к письму Журавлева, но не самое письмо; между тем адрес его в Петербурге прописан в первом письме. А потому, возвращая самые приложения, прошу Вас, милый отесинька, напишите сами письмо к Журавлеву и отошлите его росписки. Это даже будет лучше, в благодарность за его обязательность. — Самое приятное сообщенное мне Вами известие это — о Константине, именно то, что он окончил первую часть грамматики и переписывает ее[1]. Со времени блаженной памяти диссертации о Ломоносове[2] он стал писать несравненно лучше, и я уверен, что грамматика написана яснее...[3] Вчера получил также письмо от Смирновой; вот, между прочим, что она пишет про Константина: “Что делают ваши? Гоголь теперь очень доволен К⟨онстантином⟩ Сергеев⟨ичем⟩ и его *кротостью*. Дай ему Бог свои кроткие, смиренные силы; они выше всех сил

* Нужно очень стараться (*фр*.).

наших, строптивых и неразумных, и заговорят лучшим языком когда-нибудь. Скажите ему это от меня". Как получил, так и передаю. Смирнова немножко впадает в нравоучительный тон. Впрочем, из письма ее видно, что она снова хандрит: возобновление болезни, сенаторская ревизия, назначенная в Калугу, снова поднявшаяся ершовская история[4], оскорбления, нанесенные в последнее время ее мужу, — все это, конечно, ее возмущает. — Отвечаю теперь на ваши письма. Мудрено решить: лучше ли оставаться в деревне или жить в Москве; конечно, благоразумнее избегать новых расходов или того неприятного чувства, которое придется испытывать в Москве, отказываться, ввиду искушений, от соблазнительных расходов. Завтрашний день в Петербурге, вероятно, последует назначение нового министра[5]. Кто-то будет? Если Строганов и если он действительно таков, как вы пишете, то с Богом![6] Пусть Константин берет кафедру[7]. Я ото всей души благословляю его на этот подвиг; это единственный род службы, ему приличный... Из писем Надежды Тим⟨офеевны⟩, сообщенных мне вами[8], вижу, что эта история гораздо серьезнее, нежели я воображал по выражению Константина, извещавшего меня о "трагикомическом известии"[9]. Вы спрашиваете, отчего я в письме к Н⟨иколаю⟩ М⟨ихайловичу⟩ Смирнову упомянул о своем двоюродном брате-театрале. — Когда Жулева просила меня об отце своем, то она просила не сказывать об ней, а как Александре Осиповне слишком хорошо было известно, что я театром, особенно русским, в Петербурге вовсе не занимаюсь и даже ни разу в нем не был (я уже после этого случая ходил смотреть Жулеву), то, переговаривая об этом с Володей, я и условился с ним ссылаться на него как на известного театрала. Потом и Жулева рассказывала Смирновой про моего двоюродного брата-театрала, который года два тому назад пылал страстью к актрисе Лавкеевой и набирал для нее партию, впрочем, страстью самою платоническою. Надеюсь, что Над⟨ежда⟩ Тим⟨офеевна⟩ опомнится. Терпеть не могу эту недобрую легкомысленную "пылкость чувств", на которой ездят мои обе тетеньки Над⟨ежда⟩ и Софья Тимофеевны[10]. Безумные! они не понимают, чтó творят; страшные слова проклятия им нипочем! — Странны мне Ваши слова обо мне. Я давно уже замечаю, что Вы многим моим письмам придаете другой смысл! В свободе взглядов и в снисходительности я не уступлю ни Вам, ни Константину, особенно ему[11]: я помню жестокие приговоры, произнесенные им по некоторым уголовным делам, которые я предлагал ему на разрешение! Я говорю только, что в том случае, если предоставляется отцу позволение или запрещение, я бы не позволил сыну жениться на актрисе; пусть она сойдет со сцены, другое дело. Само собою разумеется, что это непозволение есть только неодобрение[12], но гонять сына с глаз, проклинать, лишать наследства — это вещи, которые мне и в голову не приходили, о которых мне, и не знающему чувства отца, страшно было бы и подумать! Актриса! Несчастное звание, которое открывает партеру право громких клевет, произносимых самым покойным, обыкновенным образом, звание, которое дает повод Гедеонову[13] обращаться к ней с любезностями и *предложениями* своего рода, звание, которое заставляет бедную девушку или женщину, по прихоти автора, веселить партер непристойным костюмом или бесстыдными речами!.. Служение искусству! Для этого надобно быть художником по призванию, а не ремесленником в художестве, да и храм искусства

давно уже превратился в площадной балаган. Не любя, презирая звание, я никогда не презирал — душа моя не способна презирать — человеческую душу, отыскиваемую мною везде и всюду, в самых последних исчадиях человечества, от которых отворотился бы Константин! Вы предупреждаете меня, чтоб я не впал в дикость и проч. Да не я ли писал:

Предстанет каждая душа
С своими вечными правами!..[14]

Я охотно бы беседовал целые часы с Жулевой, изучая в ней потаенную душу, но не любил ее видеть в обществе, где она являлась с своим званием актрисы, с театральными ужимками, с галантерейным, театральным savoir vivre*, где она говорила пошлости и где ей говорили не только пошлости, которые для меня хуже глупости и грубости, которые всегда болезненно во мне отзываются, но особенно, если тут были, кроме братьев Смирновой, и другие, разные шуточки, которые позволяют себе только с актрисами. На одном из таких вечеров, помню, я подошел к Смирновой и сказал ей: "Довольно! удалите ее как-нибудь; Вы не поверите, какое тягостное впечатление производит на меня вид этой молодой, искажаемой человеческими уставами души! Не грешно ли человеку так систематически искажать, уродовать человека?.." Смирнова тотчас это поняла, пригласила гостей сесть в карты и таким образом удалила Жулеву. — А в самом деле, что может быть гнуснее театральных училищ? Я охотно прощаю человеку грех и падение, но систематическое, хладнокровное, окруженное обманчивым блеском, развращение этих молодых девочек с 10-летнего возраста... Это возмутительно.

Я писал вам про сборник ярославский[15]. В нем замечательны только две прозаические статьи: одна принадлежит купцу, винному торговцу Серебренникову, другая — вольноотпущенному крестьянину Трехлетову. Я писал вам уже об них, но теперь хочу сказать только то, что если местная литература и может у нас возникнуть, так только от таких людей, принадлежащих вполне местности и неразрывно с ней связанных, людей, которые несвободны от ее влияния, как мы. Кроме того, литература эта может иметь значение только в отношении к местной истории. С уважением гляжу я на Серебренникова, который частными средствами, постоянным, долгим трудом приготовил огромные матерьялы для истории Ярославля и других городов Ярославской губернии... Мы не способны на такие труды. — В Трехлетове мне, кроме других его свойств, нравится чисто крестьянское благочестие и скромность. Жаль, что под статьями их не сказано, кто они. Между тем, им было бы чувствительно всякое оскорбление критики и чувствительнее, чем нам, знающим, что такое критика и привыкшим к ней. Поэтому я решился написать и написал И⟨вану⟩ И⟨вановичу⟩ Панаеву[16] небольшое письмо, в котором только даю ему знать, что такая-то статья принадлежит купцу, такая-то — крестьянину. Напишу также Вас⟨илию⟩ Васильевичу Григорьеву[17], издателю "Северного обозрения". Кстати, о Панаеве. Владимир Ив⟨анович⟩ Панаев[18] на днях прислал Жадовской послание в стихах, хоть и не знаком с ней, где изъявляет ей восторг и восхищение, испытанное его чувстви-

* Здесь: знанием света (*фр.*).

тельным сердцем при чтении ее стихов. Стихи весьма плоховаты. Эти люди своими похвалами только портят дело: я же стараюсь заставить ее переменить свое направление, вечные вариации на одну и ту же тему. —

Завтра поздравления, обедня в соборе, кажется, официальный обед и бал в мундирах[19]. Будет все ярославское общество: пойду взглянуть. —

Из министерства нынешняя почта не привезла мне ничего. Я уже привыкаю к этому, но прежде это меня бесило.

Не могу понять, отчего Грише не дают чина[20]. Это ни на что не похоже. Видел я здесь и "Москов⟨ские⟩ ведомости", в 1-ый раз после отъезда из Москвы и как нарочно напал на №, где сказано, что Самарин уехал в Киев[21]. Читал также о назначении в лицей и в Училище правоведения военных обер-офицеров воспитателями[22]. Жаль очень, что вы не увидите Николая Тим⟨офеевича⟩ на возвратном пути его из Петербурга: он бы, может быть, сообщил много любопытного.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Обнимаю Гришу с Софьей.

Ваш *Ив. Акс.*

К 25-му декабря я думаю быть у вас, стало быть, меньше, чем через три недели.

39

1849 г⟨ода⟩ декабря 12-го. Ярославль.
Понедельник.

Вчера я получил письмо ваше, милый мой отесинька и милая маменька, от 8-го декабря. Вижу, что вопрос о переезде в Москву еще не решен, а потому пишу прямо в Посад, тем более, что эти дни было страшно холодно и только нынче степлело. Я на этой неделе был очень занят: из министерства прислали мне, требуя моих соображений, разные проекты, представленные бывшим и нынешним губернаторами, в том числе проект общественного банка в Рыбинске. По этому поводу я перечел уставы 10 банков, частных и общественных, в разных губерниях, толковал с купцами и выписываю к себе одного купца из Рыбинска для переговоров. Я хочу сделать разные изменения в проекте: допустить ссуду денег под залог хлеба, хранящегося в Рыбинске, а также для тамошних мещан и под *поручительство* благонадежных купцов (впрочем, на небольшую сумму). Банк должен отдавать отчет только обществу, управляться думою и вообще не зависеть от правительства. — Вчера целый день был посвящен мною на осмотр больниц, сиротского, смирительного, работного домов, дома сумасшедших, богаделен и проч. и проч. Видел там девочку, идиотку, пойманную в лесу (лет 12), с двойными рядами зубов (верхних и нижних) в челюсти; видел в больнице красавицу-черкешенку, лет 16, присланную сюда с мужем и дядей с Кавказа за сношение с горцами. Много видел страданий человеческих и всяких скорбных явлений. Заведения устроены недурно, только смирительный дом, где человек 40 помещается в одной комнате, никуда не годится. Да и дом сумасшедших не достигает своей цели, ибо употребляется одно общее лечение, а лечение пси-

хических болезней вовсе не введено; к тому же сюда присылают сумасшедших, не объясняя ни причин сумасшествия, ни других побочных обстоятельств.

Вот вам любопытное известие, особенно тебе, Константин. Я молчал об нем до сих пор потому, что не хотел говорить о том, что еще не было верно. В бытность мою в Угличе, разговаривая с Серебренниковым, мы коснулись известного колокола, сосланного Борисом Годуновым в Сибирь в 1591 году[1]. Серебренников сказал мне, что он и многие другие граждане имели намерение просить о возвращении им колокола, но не знали, как приняться за это дело. Я с радостью ухватился за это и потребовал, чтоб он непременно изготовил просьбу на имя министра и прислал ее ко мне в Ярославль. Мне хотелось послать ее при *своем* объяснении Перовскому. На днях я получил эту просьбу, подписанную более чем 40 подписями: более и места не достало. Они просят м<инист>ра исходатайствовать у государя позволение возвратить им их колокол, на их счет, основывая свою просьбу на любви к древностям и старине русской и, наконец, прибавляют, что этот колокол, свидетельствующий о привязанности их к царскому дому, будет напоминать им и прежние гонения Годунова, и теперешние благодеяния государя. — Как я ни рад такому явлению, однако же, прочитав просьбу, не захотел послать ее при своем рапорте. Я испугался мысли, что м<инист>р припишет сочинение просьбы мне и желанию заслужить благоволение. Поэтому, запечатав просьбу в пакет, безо всякого объяснения, отправил как бы от них самих, в собственные руки к министру.

А ведь если это позволят, то это будет эффектно: возвращение оправданного историей колокола через 250 с лишком лет![2] Сообщите это Соловьеву[3].

Прощайте, милый мой отесинька и маменька, утешаюсь мыслью, что меньше, чем через 2 недели я буду у вас. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *И.А.*

40

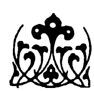
19 декабря 1849 г<ода>. Понедельник.

В прошедший четверг я не писал к вам потому, что и сам не получил письма от вас в середу, да и не знал, куда адресовать. Вчера же получил от вас письмо, из которого вижу, что вопрос о переезде в Москву все еще не решен!.. Надеюсь, в четверг получить от вас письмо с положительным извещением о ваших намерениях. В случае, если вы в деревне, а маменька с Верой в Москве, грустно будет только то, что мы не все время проведем вместе.

Я пишу вам теперь только несколько строк: писать не стоит, потому что я предполагаю сам обнять вас на этой неделе. Итак, это уже последнее письмо мое к вам в нынешнем году... До свидания!

Ваш *И.А.*

К Пальчиковым постараюсь заехать[1].



1850

41

1850 г<ода> января 9-го. Ярославль. Понедельник[1].

Вот уже я опять пишу вам из Ярославля, милый мой отесинька и милая маменька. Я приехал сюда в два часа ночи. Это довольно скоро, потому что в Мытищах и у Троицы мы немало пробыли времени. Комнаты были истоплены, и я сейчас улегся спать; впрочем, от дорожного толканья сон был непокойный; в числе разных сновидений, сопровождавшихся кошмаром, одно, незабытое мною, довольно смешно: мне пригрезилось, что будто у меня везде тараканы: в карманах платья, за платьем, по всему телу, на голове, в волосах, везде, всюду тараканы-прусаки! Вследствие этого я закричал в источный голос и проснулся. Я еще не могу привыкнуть, что я здесь. Все кажется, что я уехал куда-то с визитом и должен скоро увидеть вас. Как-то Вы провели ночь эту, милый отесинька, после чтения Гоголя и моего отъезда, что Ваша голова? Письмо это, верно, застанет милую маменьку в Москве, как нарочно, на дворе стало холоднее. Вы, милая маменька, ничего и не сказали, а в возке очутились пироги, паштеты и язык. Делать нечего, сейчас ими позавтракал — в воспоминание московской привычки. — Я очень доволен своею поездкою в Москву: я воротился такой полный, разумеется, не в физическом отношении! Как-то особенно дружно прошло это время, и Константином я очень доволен![2]

Помощник мой Эйсмонт был да и теперь болен и никуда не выезжал, а потому ничего особенного и сообщить мне не мог. Бумаг из Петербурга сколько-нибудь занимательного содержания также не получено. Получил только деньги из министерства, следовавшие мне за ноябрь, декабрь и генварь, — 160 р<ублей> сер<ебром> да небольшое письмо от Милютина[3], без особенного значения, еще от 17-го декабря. Он уверяет, что по делу о Серебрякове[4] вслед за сим последует исполнение и что вообще мои рапорты принимаются в особенное уважение[5]. — О Бутурлине еще ничего не знаю. Поеду к нему завтра, потому что, по его словам, в этот день он свободнее, чем в понедельник; к тому же хочу наперед увидаться с Муравьевым и узнать от него обстоятельно о действиях Бутурлина. Вообще же я ни с кем еще не виделся, но дела так и обдали меня хлопотами и деловой суетой. –

Сейчас воротился с обеда у Муравьева. Особенного ничего нет. Бутурлин не знает, по какому праву я уехал, и не доносил, кажется. Говорят здесь, что прокурор Семенов переводится в Вильну[6], а на место его Митя Оболенский[7].

Последнему я не очень верю и не думаю, чтоб Оболенский принял это место, имея право ожидать себе места председательского, но если его переведут сюда, то я буду этому очень рад. — Не живший в провинции не может и представить себе, до какой степени царствуют здесь на просторе пустота, пошлость, ограниченность везде и во всем!.. Первый предмет, попавший мне на глаза, по возвращении моем сюда, это написанное на стене исчисление, сделанное еще в ноябре, когда и в какой день должно прийтись 22-е декабря, день моего отъезда. Я считал дни, когда мне можно будет освободиться из-под гнета окружающей меня пошлости, а теперь опять воротился к ней и надолго. Дай Бог сил! Дела-то очень много!

Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мной отдельными частями во всей своей могучей красоте...[8] Если б я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи. Но как у меня и вопроса этого самолюбивого не было и как моего сочинения удел иметь временное и местное значение[9] и доставить мне самому удовольствие, то я и буду продолжать, если удастся, “Бродягу” как свой посильный труд.

Прощайте, мои милые и добрые отесинька и маменька! Будьте здоровы и бодры. Обнимаю Константина и всех сестер крепко. Пожалуйста, пишите мне все и подробно, всякий вздор, какой вздор кого занимает, тот пусть и пишет об нем. В четверг утром думаю получить от вас письма и напишу вам еще. Прощайте же. Что Олинька?

Ваш *Ив. Акс.*

42

12 янв<аря> 1850 г<ода>. Ярославль.

Благодарю вас за письма, милый мой отесинька и милая маменька. Я получил одно письмо из Москвы, а другое из Троицы, писанное Вами, милая маменька. Вы все беспокоитесь, милая маменька, о том, как я доехал. Об Вас надо беспокоиться: я доехал в тот же день, а Вам пришлось возвращаться в самый лютый мороз, 30-градусный!.. Но, слава Богу, Вы доехали благополучно. — Как я рад, милый отесинька, что Вы принялись за статью о болотах[1]; только Вы, пожалуйста, не торопитесь: чем полнее будет она, чем больше подробностей, тем лучше... Вспомните, что Вы этим трудом подстрекаете Гоголя[2]. Я совершенно согласен с замечаниями, сделанными Вами Гоголю[3]. Мне показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, под каким предлогом Чичиков расположился жить у Тентетникова... Я теперь точно стал в отдалении и смотрю на картину, развернувшуюся в “М<ертвых> душах”, и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишком близко к ней. Так все глубоко, могуче и огромно, что дух захватывает!

Крест<ьянин> Трехлетов в Москве. Мы с ним разъехались. Не помню, дал ли я ему адрес дома Высоцкого[4]. Если дал, то он, верно, зайдет, примите его и обласкайте. Серебренников подарил мне одну рукопись: сочинение астраханского губернатора Татищева[5] в 1742 г<оду> об управлении деревнями и

крестьянами. Не верится, чтоб это писал русский человек. Тут говорится, сколько раз крестьянин должен умывать руки, как вести себя в каждый час дня, словом, вся жизнь его подведена под самые строгие правила аккуратности, которые подчас хуже самой тирании. Удивительно, как скоро перешел к нам этот немецкий дух! При этом вспомнишь поневоле, что этот дух сделался нашим вековым достоянием, имеет уже свою старину, заменяющую другую, древнейшую... Серебренников на праздниках ездил в Суздаль, и при нем случилось следующее довольно замечательное происшествие: в одном из тамошних монастырей есть темницы, служащие местом заключения разным тайным и злым преступникам, особенно же преступникам против церкви. Сидел там один старик-молокан[6] и что же! он обратил к своему учению караульного офицера, который освободил его и, переодевшись монахом, бежал вместе с ним... Куда? Неизвестно, их не могли отыскать.

Подарил я Серебренникову драму Константина[7]. Он ею очень доволен, особенно языком; мой "Бродяга"[8], впрочем, на него не произвел никакого впечатления.

Мещане представили мне свой проект о мещанском банке. Я нынче вечером должен заняться его рассмотрением, чтоб завтра дать им ответ. Затеваю я также здесь учреждение купеческого училища. Купцы недовольны коммерческими училищами в Москве и в П<етер>бурге, во 1-х, потому, что дети воспитываются не на глазах у них; во 2-х, потому, что раззнакомливаются они с настоящим положением дел и с бытом своих; в 3-х, потому, как сказал мне один купец, что слишком отдаляются от серого человека, т.е. от простого народа, так что часто друг друга и не понимают, тогда как купцу необходимо быть с ними в близких сношениях. Поэтому мы и думаем устроить училище здесь[9], где бы дети приходили по вечерам домой и где бы воспитание было под надзором и руководством самих купцов, безо всякой казенной опеки. Главное затруднение — деньги. Я, впрочем, не теряю надежды убедить некоторых пожертвовать на это дело.

Бутурлина видел; кажется, он ничего не писал в П<етер>бург. Знаю, по его собственному признанию, что он получил довольно неприятную бумагу по делу о Серебрякове[10], но содержание ее мне неизвестно; из м<инистерст>ва же мне копии не прислали. —

Прошу Константина сказать Кошелеву[11], что имение, для которого дан наказ 1744-го года, списанный им у меня, состоит в Романовском уезде, прозывается село Давыдково, помещик Глебов-Стрешнев.

Я еще надлежащим образом не установился с занятиями и не знаю, когда удастся мне приняться опять за "Бродягу"... Прощайте, мои милые отесинька и маменька, думаю, что буду писать вам и в понедельник. Афанасий совершенно здоров; в марте м<еся>це — срок, данный ему его барином для взноса выкупной суммы. Если он не взнесет, то поступает вновь в распоряжение барина, т.е. он может потребовать его домой[12] и т.п. Цалую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех милых сестер. Будьте здоровы. Кланяюсь Гоголю.

Ваш *И.А.*

43

15 янв<аря> 1850 г<ода>. Ярославль. Воскресенье.

Как благодарен я Вам, милый отесинька, за присылку статьи о болотах![1] При сей краткости она так полна, что кажется, нечего и прибавить. Все эти картины изображены так выпукло, форма до такой степени соответствует внутреннему содержанию, что не только живо рисует перед вами болото, но заставляет вас чувствовать и ощущать его, так сказать, всеми пятью чувствами. После этого можно и не ходить на болота, чтобы с ними знакомиться. И как скоро Вы это написали! Нет, значит, и в Москве можно ожидать от Вас продолжения "Записок ружейного охотника"[2].

Нынче же получил я вместе со статьей и письма ваши от 12-го и 13 генваря, письмецо от Константина, от Веры и премиленькое письмецо от Марихен. Слава Богу, милая маменька, что стужа, при которой Вы возвращались из Абрамцева, не имела для Вас никаких последствий. Признаюсь — поразило меня известие об Анне Севаст<ьяновне>! Поневоле ожесточится характер, поневоле засохнет дерево, когда обрубят у него ветви![3] Судьбе как будто досадно было, что она до сих пор выносила все ее удары довольно твердо: "Ну так вот я же тебя хвачу!" Признаюсь, не грустно делается иногда на душе, а злобно и мрачно.

Поздравляю Константина с успехами[4]. Я ему предсказывал немедленное их возвращение тотчас по снятии русского платья[5]. Только чтоб он не оставлял своих занятий. Во всяком случае, думаю — лучший плод этого года дало время, проведенное в деревне.

Я все еще не могу наладить себя на занятия так, как бы следовало, и так, как бы хотелось. Впрочем, на днях обдумывал решительно план: каким образом скорее разделаться с своим поручением. Все мог бы я кончить довольно скоро, т.е., по крайней мере, к сентябрю, кроме городских инвентарей. Дело в том, что меня послали сюда в той надежде, что топографическая съемка, продолжавшаяся слишком 4 года, уже кончена. Я же нашел, что она не только не кончена, но по многим городам должна быть произведена сызнова. Между тем, без съемки, без измерения земель невозможно мне и составлять им подробного хозяйственного описания или инвентаря. Съемка же сама едва ли может быть окончена в течение года! Если же один из моих топографов, лежащий теперь больным при смерти, умрет, то этот срок может удвоиться, ибо у него всего более было начатых работ, которые другому придется начинать снова. —

Вечер.

Сейчас пришла петербургская почта и привезла мне неожиданное еще письмо от Милютина, в котором он, называя мою ревизию и вообще действия образцовыми и вообще распространяясь в различных мне похвалах, в то же время просит меня уведомить его без церемоний, не нужны ли мне деньги, и предлагает написать (т.е. чтоб я написал) небольшую записку, которую можно было бы показать министру, о необходимости дать мне еще денег, сверх получаемого. Я хочу этим воспользоваться, опираясь на то, что получаемое

мною при командировке жалованье достаточно только при кратких поручениях, а не при долговременных. Надобно сказать, что почти все чиновники, разосланные с поручением, подобным моему, получают больше меня, найдя средство испрашивать денег то на канцелярские расходы, то под другими предлогами. Я очень доволен тем, что они сами догадались сделать мне это предложение. Он в то же время сообщает мне, что рапорт мой о распространении торговых прав мещанского сословия передан им в подлиннике для прочтения м<инист>ру. Дай Бог, чтоб был какой-нибудь успех!

Сообщите Над<ежде> Николаевне[6], что Муравьев[7], генерал-губернатор Восточной Сибири, будет в Москву не раньше конца февраля и проедет через Ярославль. Это сказывал мне брат его[8], получивший нынче от него письмо из Иркутска. Трехлетов уже воротился из Москвы. Он пробыл ь ней всего 3 дня; я дал ему прочесть проект Кошелева[9], и он обещал показать еще одному крестьянину, управляющему большим имением своего помещика, и вместе сообщить замечания. — Рукопись, про которую я вам писал в последний раз[10], должна принадлежать самому историку Татищеву. Впрочем, "Домострой" Сильвестра[11] едва ли чем лучше? — Ай да Загоскин![12] Каков! Кн<язь> Д<митрий> В<ладимирович> Голицын, бесспорно, имел много хороших сторон[13], которые заставили забыть много и черных его дел, напр<имер>, с Пеговой, кажется[14]. — Ну что, как понравилась грамматика дамам или, лучше сказать, понятною ли она им показалась? Я не говорю про Кат<ерину> Алексеевну[15]. Я думаю, что она скоро будет писать к Константину записки: и ты бы, государь, мне отписал, как тя Бог милует и проч. и проч. Не пришли на память выражения поэффектнее. За чтением грамматики, вероятно, последует чтение грамот, летописей и писем царя Василия Ивановича к жене его Олене[16]. Я бы желал, впрочем, чтоб Константин преимущественно занимался грамматикой, а не статьей об литературе[17], которую цензура не пропустит, которая, мне кажется, немножко опоздала и *несвоевременна*. — Газет я теперь почти не читаю. Хозяин мой, у которого я брал их и который, мимоходом сказать, имеет несколько миллионов капиталу, нынешний год, по причине худой торговли, их не выписывает! Впрочем, из "Journal de Francfort"*, который я взял у Муравьева, видно, что дела наши с Турцией обделываются[19]. — Да, забыл сказать. Не знаю, знает ли Константин, что в последней книжке "Отеч<ественных> записок" за 1849 г<од> есть огромная статья о кн<язе> Дм<итрии> Мих<айловиче> Пожарском[20]. Он представлен в самом хорошем виде, со всем своим смирением, словом, так, как и в драме[21]. Я статьи сам не читал, но видел ее; искал в многочисленных ссылках ее на исторические документы, летописи и книги ссылки на драму Константина, но не нашел[22]. — Был ли у вас опять Мамонов[23] и взял ли рисунки ярославских церквей? за "Бродягу" еще не принимался, т.е. как-то попробовал, да не пишется. Нет, что ни говорите, а я должен сознаться, что источники поэзии иссякают во мне; ведь это уж из рук вон! Впрочем, это и естественно. Не может быть, чтоб занятия мои не действовали вредно на эти мои способности[24]. Эдак, пожалуй, и в 10 лет не кончишь "Бродяги"!

* "Франкфуртской газеты" (*фр.*)[18].

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. С будущей почтой писать, может быть, буду, может быть, нет. Обнимаю милую Оличку, Веру, Надиньку, Любиньку, Марихен, которую очень благодарю за письмо, и Соничку. К Константину приписываю особо. Дяде Арк<адию> Т<имофеевичу> и Ан<не> Ст<епановне> кланяюсь[25].

Ваш *И.А.*

44

22 января 1850 года. Воскресенье. Ярославль.

С последней почтой я не писал вам, милые мои отесинька и маменька, но от вас получил письма и в середу, и нынче. Я не знаю, как и благодарить вас: знаю всю затруднительность такого частого и аккуратного писанья писем в Москве. Нехорошо, что Вы простужаетесь, милый отесинька; дай Бог, чтоб простуда была самая легкая; буду ожидать об ней сведений с будущей почтой. Прежде всего отвечаю вам на ваши письма. Итак, Гоголь прочел вам и вторую главу, а теперь, может быть, и третью[1]. Вы спрашиваете меня, рассказывать ли мне содержание?.. Анекдотический интерес для меня, как и для вас, в произведениях Гоголя неважен. Придется рассказывать или почти ничего, или слишком много, т.е. его же речами, из которых мудрено выкинуть слово: так каждая нота состоит в соотношении с общим аккордом! А потому, зная, что последнее невозможно, я и не слишком хлопочу знать внешнюю связь содержания... Я думаю, что у Гоголя *всё* написано[2], что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей. —

Вы не пишете ни слова о том, как вам понравился Островский[3], а о подозрениях ваших[4] я, признаюсь, не догадываюсь. Вы также не пишете мне ничего о Грише: каковы его намерения, не переменил ли он их?[5] — Здешний прокурор Семенов, лицеист, моих лет, который прокурором всего 9 месяцев, а прежде был товарищем председателя, переводится графом Паниным[6] в Вильну *настоящим* (т.е. не исправляющим) прокурором *с прибавкою столовых денег.* Хотя это Семенову вовсе не нравится и во многих отношениях неудобно, но со стороны графа Панина это знак особенного благоволения. Правда, он родственник Топильскому[7], но это еще немного значит; не скажу также, чтоб он был отличный прокурор. Он просто на “хорошем счету”, что поддерживалось любовью к нему всей губернии и, разумеется, также родственниками его в д<епартамен>те; дал два-три не очень важных протеста, но как-то вовремя и удачно... Я знаю, как покровительствует Пинский, кому захочет. Он человек в высшей степени пристрастный и легко убеждает себя в том, что человек, который ему понравился, полезен службе, необходим для общего блага и проч. А понравиться Пинскому легко через совершенное смирение перед ним своей самостоятельности, через благоволение к нему, через преданность... Я знаю, как он покровительствовал слепо, несправедливо барону Черкассову, весьма пошленькому человеку, Зыбину[8], ослу первостатейному, у

которого в речи Пинский встречается через слово, и многим другим. Меня Пинский никогда не любил[9], а Гришу любил, но ни его, ни меня он не может любить так, как других, потому что слышит и чует нашу независимость. Как он ни оправдывайся, а он решительно виноват перед Гришей, которому не отдано даже должное![10]

Нынче я был на свадебном обеде у одного купца Гарцева. Само собою разумеется, что стерлядь играла тут весьма важную роль. Обед и замечания мои об обеде точно такие же, как и в тот раз, когда я вам писал об обеде у Пастухова[11], с тою разницею, что за обедом не гремела музыка. Длиннобородый старик, изображенный во весь рост на портрете, повешенном в гостиной, завещал, умирая, сыну своему и всему его потомству строго беречь себя от этого нововведения, которое почитал он великим грехом! Впрочем, это совершенно понятно при взгляде русского человека на обед, на трапезу, за которую садятся и которую оставляют с молитвой[1*]. Музыки не было, но едва лишь кончился обед и подали кофе, раздались польки и вальсы, и пошел бал, а я уехал. Обед кончился почти в 8 часов. — Отец молодого — бородач; сын безбородый, но довольно необтесанный юноша. — Молодая — кукла. — Чем больше я смотрю на наших купцов, тем более убеждаюсь, что все они слепо, инстинктивно лезут туда, откуда мы уже возвращаемся[12], и мы непонятны друг другу. Борода и привязанность к старым обычаям, без разумения, по преданию, по привычке, не составят никогда нравственного отпора соблазну. Этот нравственный отпор заключается только *в сознании, в просвещении*, даже, для них, не в религии. Церковь наша и все духовенство поладили с современностью, заслонили истину или, яснее, так обмотали евангельские истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякий в состоянии отделить ее. Православное духовенство совращает народ, а раскольнические учители, ища отпора только в обрядовой стороне, также вне истины и также не устоят... Может быть, провидению угодно, чтобы все побывали там, откуда мы возвращаемся, чтобы все прошли через испытание и с полным, так сказать, опытным сознанием зла возвратились к истине?.. Может быть, но нас это не должно останавливать!.. — Константин укажет мне на Хазова. Но Хазов[13] исключение. Константин укажет на крестьян. Но чисто великороссийские губернии, по многолюдству народонаселения, полны крестьянами торговыми и промышленниками. Посмотрел бы на них Константин! Я собрал недавно об их быте очень подробные сведения, которые когда-нибудь сообщу. Я укажу на другие губернии, — да там малороссы, да там чуваши, да там мордва, скажет Константин же. — Поэтому, смотря на здешнее купечество, я еще более желаю учреждения купеческого училища, разумеется, только с тем, чтоб оно не походило на французский пансион...[14] Но как это трудно при общем направлении нашей государственной системы воспитания, как это трудно в особенности при соседстве с благородным российским дворянским обществом! Это соседство все портит! — "Какие изверги, что за дикий народ", — говорили мне нынче многие офицеры и члены ярославской

[1*] На прочие нововведения запрета не положил! Женится его внук.

аристократии по тому поводу, что одна молодая замужняя купчиха не пошла танцевать, так как муж ее этого не любит, считает для замужней женщины это несколько лишним... И все это было говорено тоном такого искреннего, сердечного, добродушного убеждения, что возражать им нет возможности и было бы глупо, а принять к сведению следует. И если слышала это молодая купчиха, то, воротясь домой, непременно скажет мужу: вот видишь, люди и меня корят, мы всему миру дались на смех и проч. и проч. А как для русского человека много значит мнение общее, мирская молва, как он не любит быть выскочкой и охотно смиряет свою личность в составе общественном (добродетель, которая, мимоходом молвить, перешла у нас в крайность), то он и противиться не станет...

Предлагаю тебе, Константин, и Алексею Степановичу также обдумать, обсудить и изложить вопрос и систему народного обучения... Я с своей стороны, может статься, тоже напишу что-нибудь об этом, не вдаваясь, впрочем, в мир отвлеченных определений...[15] Если можно будет надеяться, что учреждение училища состоится (что, впрочем, не народная школа), то рапорт и проект мой я пришлю предварительно вам на рассмотрение, по крайней мере, постараюсь прислать. А вопрос о народном обучении — превосходная тема для статьи. Соблазни-ка этим Хомякова и сам соблазнись. Сюда войдет вопрос и об общественном воспитании, и об обучении не только первоначальном, но и более пространном...

Понедельник.

Продолжать письма некогда и потому прощайте, до следующего письма, милые мои отесинька и маменька. Дай Бог, чтоб вы были здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер. Милую Надичку благодарю за ее умное письмецо и прошу писать почаще. Письма ее имеют особенный колорит. А<нне> С<евастьяновне> кланяюсь. Передайте ей мое участие[16].

Ваш *Ив. Аксак.*

Я адресовал вам также одно письмо *в Троицу*. Будет оказия, пошлите за ним. Опять страшный холод! Что за зима!

45

1850 года 26 генв<аря>. Ярославль.

Нынче едет в Москву один из здешних профессоров лицея и мой приятель — Василий Иванович Татаринов. Фигурка его довольно забавная, но он очень неглупый и честной души человек. Он очень желает познакомится с Константином, драмой которого недавно восхищался...[1] Положение его прескверное. Директор считает его опасным человеком, как всякого мыслящего человека, и он едет в Москву искать себе какое-нибудь место да и вообще освежиться от чаду пошлости провинциальной. Пожалуйста, примите его ласково.

С последней почтой я не получил от вас писем и потому не знаю, как Ваше

здоровье, милый мой отесинька. Я так торопился окончить письмо, отправленное к вам в понедельник, что забыл вас поздравить с днями имении Гриши и Марихен[2]. Поздравляю теперь вас, милый отесинька и милая маменька, поздравляю именинников и всех вас. В последнем № газеты я прочел производство в чины большого множества наших товарищей-правоведов... Гриши опять тут нет! Почти все последующие выпуски перегнали его; не говорю уже о товарищах его выпуска, вышедших, как и он, десятым классом. Меня это чрезвычайно за него огорчает... Пинский — просто скот.

Татаринов так нечаянно устроил свой отъезд, что я только вчера узнал об этом. Это досадно, потому что я не послал бы тогда своего письма к Троице, которое было не более и не менее как шутка с приложением стихов. Как-то присев за продолжение "Бродяги", я вместо него написал маленькое стихотворение, если хотите, повторение старого, но мне захотелось послать его к вам. Не решившись отправить его по почте в Москву, я адресовал к Троице[3] и ради шутки, говоря, что это перевод с санскритского, настрочил два листа чепухи, нашпигованной самыми трудными для выговора санскритскими именами, взятыми мной из переводов и примечаний Коссовича[4]. Стихи эти я прилагаю. Разумеется, их хранить не следует. — "Бродяга" не пишется. К концу вечера так устаешь, что без особой нервической напряженности нельзя приняться за писание стихов. — Взглянул я бегло на разные обзоры литературы, помещенные в 1-х №№ журналов. Нападок на славянофильское и московское направление уже нет, но нет даже никакого упоминания о нем, не говорится ни об одном из литераторов нашего круга. Между тем, петербургские журналы, приняв это направление отчасти, помещая постоянно разные труды по части русской истории и исследований быта, берут перевес и в этом отношении... Все это для нас очень невыгодно. Своего журнала нет, в чужих писать не хотим и ничего не пишем и отвыкаем от писанья, теряем влияние, предаем себя забвению... Может быть, делом Москвы будут труды серьезные. Но и их нет, Бог знает еще, когда они появятся при московской комфортабельности в труде...[5]

— С Татариновым посылаю часть денег за Афанасья к его господину, Татаринову же[6], родственнику этого, — в уплату выкупной суммы. Трехлетову давал я читать уложение Кошелева[7]. Он во многих частях осуждает его и вообще говорит, что помещик себя не забыл[8]. Я уговариваю его написать свои замечания, и, может быть, он это исполнит. Без пожертвований нельзя приступать к этому делу. А что за скоты здешние дворяне. Недавно некто Горяинов, богатый здешний помещик, говоря про свое управление в деревне, с самою добродушною наивностью объявил мне, что у него так и заведено: сечь бурмистров в кабинете из собственных рук.

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Крепко обнимаю всех моих милых сестер и Константина. Особого письма к нему не пишу, потому что утро и некогда и беспрестанно прерывают... Пожалуйста, приласкайте Татаринова: он меня чрезвычайно любит[9].

Ваш *И.А.*

Из П<етер>бурга ничего особенного.

Кстати, посылаю вам[10] свое маленькое стихотворение, перевод с санскритского, т.е. не прямо, а с переводов Коссовича, Бюрнуффа и Гольцмана[11]. Дело в том, что в отрывках из "Агни-Пураны" и из "Падма-Пураны", напечатанных у Гольцмана вместе с "Индравиджаем", эпизодом из "Магабгараты"[12], рассказывается, как Ятаджуны и Ракши под предводительством Индры-Натуша завоевали землю пун-яджанов, называвшуюся Катгасарит-сагара, убили их царя Девимагатмьям и стали делать разные жестокости и притеснения, о которых рассказывается подробнее в "Маркандэя-Пуране" и упоминается также в "Брагмавайварта-Пуране". Тогда сын Девитмагатмьяма, Джимутаваган, удалясь в пустыню Саннавачам, стал молиться Санайсчару, богу времени, прося его ускорить бег свой и скорее избавить страну от ужасов... Долго молился он, ожидая какого-нибудь знамения и называя иногда бога времени Сисусаморой, т.е. черепахой, как вдруг является к нему брамин[13] из страны Пуняджанов, прозвищем Гаспа-григитападмай, т.е. посланец, и рассказывает ему о положении богатой некогда алмазами, слонами и благочестием страны Катга-сарит-сагары. Брамин вызывает молодого царя, говоря, что настало время прогнать Вимриг-Яманаев, т.е. не чтущих божества Васудэва, ибо они долгим своим пребыванием делают вред не только внешний, но нравственный, что цветочный фиял сердец вянет, ум грубеет и проч. Удивительно в этих созданиях индийского воображения сочетание самых возвышенных, отвлеченных, утонченных донельзя понятий с образами чисто материальными и верованиями нелепыми. Их глубокий анализ, устремленный, впрочем, более в область чистой мысли, нежели в мир души, обрывается нередко какой-нибудь чепухой. Но есть необыкновенно поэтические места, которые передать трудно, потому что собственные имена вроде Дриштвабгъюпаяна или Париджнятапараматманирнага звучали бы прескверно в русском стихе. Я стал было переводить или, лучше сказать, перекладывать в стихи, но вышло дурно, так что я оставил только те строфы, где не встречается трудных слов или отвлеченностей, для которых нужны были бы длинные комментарии. Вот они. Это то, что говорит брамин Гаспагригитападмай царю Джимутавагану про положение Катга-сарит-сагары, начиная с 3-ей строфы, после 2-ой, где он воздыхал о том, что жены с глазами лотосоподобными уже перестали рожать героев (иго, наложенное Ракшами, продолжалось, как водится, не более и не менее, как 47 с половиной тысяч лет).

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне;
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!
Ее, в своем безумье яром,
Гнетут усердные рабы!..
А мы глядим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!
И слово правды оробело,
И реже шепот смелых дум;
И сердце в нас одебелело,
Порывов нет; в забвенье дело;
Спугнули мысль, стал празден ум![14]

Далее брамин рассказывает, что чандан, тундула и лиана уже стали скудны на благоухание, земля плохо возрощает семена белой горчицы, самые слоны стали ниже ростом. Если эта попытка нехуда, то я, пожалуй, постараюсь перевесть ответ Джимутавагана.

23 генв<аря> 1850. Ярославль.

46

30-го генваря 1850 г<ода>. Ярославль. Понедельник.

Получил я вчера письма ваши, милый мой отесинька и милая маменька. Возобновление головных болей и Ваше намерение приняться за лечение — очень неприятные известия, но все же лучше попить немножко Бубе[1] и поберечься, чтобы предупредить самую болезнь. Что Вам сказал Овер, этот ветреный француз? Признаюсь, возмущает меня то, как он лечит Олиньку, и давно пора бы ей переменить доктора. Бог ему судья! — Несмотря на Вашу головную боль, Вы, милый отесинька, таки продиктовали мне довольно большое письмо и уверяете, что головная боль от того уменьшилась... Уверению я не верю, но благодарю Вас за усилие, если оно действительно, по крайней мере, не повредило Вам.

Вол<одя> Карташевский действительно бессовестен в отношении к чужим деньгам, и получаемое им содержание было бы достаточно, чтобы существовать, если б он не играл в карты[2]. Он должен получать более 19 р<ублей> сер<ебром> в месяц. Жалованье стряпчего едва ли не выше 300 р<ублей> сер<ебром>, но во всяком не ниже, а не 800 р<ублей> асс<игнациями>. Учет на пенсионный капитал — безделица, рубля 4,5 серебром на 300 р<ублей> сер<ебром>. Может быть, и производится учет, только учет 3-ей части на уплату долгов! — Я очень рад, что Вы продолжаете писать свои "Записки"[3], милый отесинька, и это более, чем что другое, успокоивает меня относительно Вашего нездоровья. Я уверен, что "Лебедь" у Вас вышел особенно хорошо. По моему мнению, лебедь должен быть написан как можно проще, проще утки: он сам по себе так хорош и величав, так окружен ореолом всяких поэтических преданий и эпитетов, несколько уже опошленных, что для самой свежести и оригинальности картины необходимы совершеннейшая простота описания, простое, спокойное и отчетливое изображение всех подробных прелестей картины безо всяких восторгов. Впрочем, говорю, как бы я сделал... Уверен, впрочем, что если Вы и не удержались от лирических мест, как бы мне в этом месте казалось приличным, то они все же вышли у Вас и оригинальны, и свежи. Вот какую-нибудь серую утку можно подсдобить лиризмом, но мне особенно и нравятся Ваши описания потому, что в них простота выражений без лиризма доводят производимое впечатление до лиризма.

Если действительно Грише становится трудно сохранить свое положение в обществе града Симбирска, то пусть бежит; хотя это бегство не разрушит ложных сплетней[4]. Надобно знать, что за сплетни. Могут быть такие, которые надо постараться уничтожить не бегством, ибо они побегут вслед за беглецом. Я

очень рад, что они вновь сошлись с Ник<олаем> Тимоф<еевичем>, который в этом случае может быть очень полезен[5]. —

Хотя слова мои кажутся вам и не совсем логичными, но, вероятно, потому, что я неудачно выразился; я продолжаю держаться мнения о необходимости училищ для купцов, под их собственным надзором. Я считаю казенный надзор вредным потому, что он всё обратит в форму и непременно отдалит их от их быта. Не родители-купцы вредят своим детям; они уступают неохотно; вредит им сама жизнь, без образования, стремление к подражательности бессознательное... Я думаю устроить училище такое, в котором бы воспитанники не жили, а по вечерам возвращались бы в свои семейства: это не отдалит их от семьи и от торговых дел, потому что в праздники и в ваканционные дни они могут помогать отцу в лавках. В коммерческом же училище или, лучше сказать, институте воспитываются и дети чиновников. Купцы говорят, что воспитанники этого училища по возвращении домой не только становятся чуждыми торговой практике, к которой надобно привыкать с детства, но, имея дела с простыми мужиками, совершенно не понимают друг друга, не умеют вести и поддерживать сношения с ними. Между тем, мужик почти во всякой торговле нужен купцу под видом извозчика, разносчика, главного потребителя и, наконец, производителя (хлеб, сельские продукты и проч.). Приказчик в комедии Островского, ломая немилосердно язык, весьма умеет говорить с мужиком и вести с ним дела. Поэтому надобно давать такое образование, которое, не разрывая с бытом и с семейством, в то же время спасало их от нравственной порчи и безразумного подражания дворянскому классу. — Сверх того — я думаю устроить заведение безо всяких привилегий, разделить его на несколько курсов, так чтобы от воли каждого зависело — продолжать ли образование высшее или ограничиться средним или даже первоначальным. — Радуюсь очень, что Константин намеревается заняться русским словарем[6], но мне бы хотелось видеть, чтобы он убил сначала одного зайца, русскую грамматику. Сообщаю ему, что в одном из петербургских журналов напечатана статья Срезневского[7] “Мысли об истории русского языка”. Нехудо бы ему ее прочесть; я не читал и даже не знаю, где она помещена[8]. Кажется, в “Отеч<ественных> записках”... Нужно ему также познакомиться с славянскими наречиями... Поездку Свербеевой к гр<афу> Закр<евскому> одобрить нельзя[9], но неприсылку билета на бал Константин, по своим убеждениям и по моему мнению, должен вменить себе в честь. В глазах Константина это почти что дурное дело, против которого он всегда ратовал: как же пригласить его на это дурное дело? Это значило бы считать его слова только словами и разрывать союз слова с делом[10].

Благодарю очень милую Веру и Надичку за письма. На расспросы Надичкины о моих здешних знакомых отвечаю, что я по-прежнему почти нигде не бываю и знакомства мои те же. Евгений час от часу слабеет от монашеской жизни и старости и нередко становится скучен своей болтовней. О “Бродяге” он, воспитанный в старых схоластических понятиях, сказал мне, что не видит цели сочинения. С Филатьевым[11] мы видаемся и беседуем дружно, благоразумно избегая тех вопросов, где 18-й век не может сойтись со второй

половиной 19-го. Впрочем, как с ним, так и с Жадовской я видаюсь теперь гораздо реже, стараясь свести концы начатых мною работ по Ярославлю, дабы в конце февраля уехать в Ростов... Впрочем, я на нынешней неделе сделал одно новое знакомство. Я говорил вам, кажется, что в 12-ти верстах от Ярославля проживает знаменитая здесь m-me Бем[12], урожденная Мартынова, женщина чисто светская, но прославленная в Ярославле за умнейшую и проч. и пр. Она изъявляла несколько раз желание со мной познакомиться; но я ехать знакомиться в деревню, за 12 верст (куда частехонько катаются здешние ее поклонники), не соглашался. На прошедшей неделе старик-почтмейстер Жадовский, дядя Юлии Жадовской, восторженный почитатель г<оспо>жи Бем, просил меня прийти к ним вечером и прочесть "Бродягу" для сей госпожи, которой ничего не значит прикатить на вечер за 12 верст. Я до сих пор под разными предлогами отказывал жене его в той же просьбе, но на этот раз согласился, думая, что это будет лучшим средством познакомиться с Бемшей сразу и испытать ее — и сделал глупость. Поехал; явилась Бем, которую я до сих пор никогда не видал: она блондинка, с огромными голубыми, нестерпимо бездушными глазами, словом, бойкая, светская, холодная женщина с умом и образованием чисто гостинным. Собственно ее достоинство состоит в узости талии, с которой в Англии один англичанин снял мерку; я до слишком узких талий не охотник. Вслед за нею явился Демидов: флигель-адъютант прошлого года, теперь же генерал свитский, человек совершенно придворный и светский, приехавший сюда по случаю рекрутского набора, впрочем, здешний помещик (его дед основатель лицея[13]), богатый человек. Он упросил также Жадовского позволить ему приехать, хотя, разумеется, это было не для меня, а для Бем, которая успела его очаровать. Всё это было мне не по сердцу, а особенно то, что перед чтением разговор около часу продолжался на французском языке: в этом слышится неуважение к самому сочинению, писанному на языке русском. Поэтому я и не упустил случая сказать, что французский язык избавляет от ума, чем немного их озадачил, и потом, делать нечего, принялся за чтение. Само собой разумеется, что разные французские восторги сыпались без умолку, но теплого понимания ни в ком не было. Один гвардейский юноша, приехавший сюда в отпуск и бывший также тут, заметил глубокомысленно, что подобное поэтическое изображение должно было мне стоить много труда и времени, на что, разумеется, не получил от меня никакого ответа. Меня стали просить прочесть что-нибудь из мелких стихотворений, я отказывался, говоря, что они все слишком серьезны, но так как этим возбудил только дамскую обидчивость, то принужден был согласиться. Разгоряченный чтением и чувствуя сильную потребность выругаться, я объявил, что прочту стихотворение к Петербургу и к светским людям вообще, и прочел им то, что вы знаете: "С преступной гордостью обидных, тупых желаний и надежд, *речей без смысла*"[14] и проч. и проч. — Эффект был необыкновенный. Придворный генерал сконфузился и покраснел; дамы произнесли слово "жестоко", а я почти вслед за тем уехал. Впрочем, генерал простился со мной очень учтиво. Прочел же я так, как никогда не читал... Разумеется, это пойдет ходить по городу, и это-то мне и досадно. Впрочем, я почти ни с кем потом не виделся. — Прощайте, милый

отесинька и милая моя маменька; пожалуйста, будьте здоровы и не браните меня за сделанную глупость. В этом только и проявляется еще иногда моя отцветающая молодость!.. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Родственникам мое почтение; Гоголю и Хомякову дружеский поклон. Курите ли Вы папиросы, милый отесинька, и кто Вам их делает?

Ваш *Ив. Акс.*

47

2-го февраля 1850 г<ода>. Яр<ославль>. Четверг.

Получил я вчера ваши письма от вторника, милый мой отесинька и милая моя маменька, но, к сожалению, мало они принесли мне утешительного о Вашем здоровье, милый отесинька, да и Олинька всё нехороша! Не понимаю, к какой стати Овер лечит Вас хининой!.. Впрочем, я давно потерял к нему всякую веру. Я очень Вам благодарен, милый отесинька, за то, что Вы дали 30 р<ублей> сер<ебром> за Афанасья[1]. Впрочем, о том, что этих денег недоставало, мне сказал Афанасий после. Его барин — великий мерзавец[2]. Надобно видеть радость Афанасья, что он может с ним развязаться. Пожалуйста, поручите Татаринову Васил<ию> Ив<анови>чу спросить у господина Афанасия, куда он девал его мать? Насильно выдав ее, уже вдову, за своего крепостного, он продал ее сначала вместе с детьми от 1-го мужа какому-то купцу, потом, когда купец, испугавшись штрафа, которому за это подвергался, возвратил ее Татаринову, то сей господин, разлучив ее с детьми, продал кому-то и куда-то так далеко, что дети ее до сих пор не знают, что с ней сталось и где она. Афанасий несколько раз просил его сказать ему об матери, но Татаринов отвечал, что сам не помнит. Нельзя ли сказать Вас<илию> Ив<ановичу>, чтоб он непременно вытребовал от этого скота все нужные сведения. — У Вас<илия> Ив<ановича> совершенно калмыцкая физиономия.

На днях получил письмо от Александры Осип<овны>. Она вам всем очень кланяется и вообще пишет очень много о своей любви ко всем нам как к семейству, как к целому. От Самарина писем не получала. Она между прочим пишет, что Жулевой отец и мать в Петербурге стали пьянствовать. Она еще ничего не знает о Володиной драме[3] и спрашивает меня: доволен ли я теперь, что выхлопотал отпускную. Я решился ей рассказать всю историю, тем более, что об ней, по словам тетеньки, знает весь Петербург. Смирнова уверяет, что она никогда никакого письма к Шевыреву ни о Гоголе, да и ни о чем не писала, и говорит, что это совершеннейшая выдумка!..[4] Сенатор в Калуге[5], и после официальных визитов все сношения между ними были прекращены. — Из м<инистерст>ва ничего особенного не получил. Я очень уверен, что пользуюсь хорошим мнением в м<инистерст>ве, как говорит Россоловский[6], но я выполню свое поручение во многих отношениях хуже самых посредственных, зато я разберу дело и с таких сторон, о которых, вероятно, никому другому из чиновников не приходило в голову. Все исполняли это поручение до сих пор чисто в хозяйственном отношении, а я изучаю предмет в нравственно-политическом отношении и знаю, что несколько такого содержания посланных

мною бумаг показались в м<инистерст>ве оригинальными и произвели эффект. Словом, вообще от меня не веет казенщиной. Поздравляю вас, милый мой отесинька и милая маменька, с 7-м февраля. Поздравляю и тебя, милый друг Вера[7], и вас всех. Дай Бог тебе, милый друг, лучшего здоровья на этот год, чем было в прошлом. — Прощайте, милые отесинька и маменька, будьте здоровы. Из будущего письма узнаю, как Вы решились, пить ли Бубе или нет. Цалую ваши ручки. Обнимаю Константина, Веру, бедную Оличку и всех сестер. Константин принялся за лексикон... а грамматика-то что ж? Нового, кажется, ничего нет. С m-me Бем после того не видался. Кланяюсь Н<иколаю> Елагину[8], Мамонову и Хомякову. — Новых стихов нет. Что Татаринов[9], думает ли скоро воротиться сюда или едет в Тамбов.

48

5-го февраля 1850 г<ода>. Ярославль. Воскресенье.

Вчера вечером получил я ваши письма от 3-го февраля, милые мои отесинька и маменька, и воспользовался нынешним воскресеньем, чтоб написать вам письмо и переписать некоторые стихи для Максимовича[1]. Я переписал их потому, что некоторые у вас находятся в неисправленном виде, а некоторых и нет вовсе. Пусть он печатает "*Отдых*" и, если хочет, и другие посылаемые стихи, но не "Ливень", в котором стихи слишком неотделаны, особенно местами, и не выкупаются мыслью. Он может занять место в полном собрании стихотворений, но отдельно печатать я его не хочу. Из прилагаемых пиес некоторые также слабы стихами, но зато содержат в себе мысль новую или оригинально выраженную. Впрочем, печатать или нет, зависит от него: я только даю свое согласие для этих пиес[2]. — Отвечаю на ваше письмо. Я давно советую расстаться с Овером, но к кому вы думаете обращаться вместо него? Олинька тоже должна была бы желать перейти к другому врачу. История ее болезни в состоянии ознакомить с ее натурою каждого нового врача так же хорошо, как был с ней знаком и Овер. Я убежден, впрочем, что Ваша мигрень происходит отчасти от недостатка свежего воздуха; но пользоваться Вам воздухом, после Вашего строгого береженья, также риск. — Жду от Вас известия, как Вы решитесь насчет леченья.

Если вы ждете *"оказии"* от Вас<илия> Ив<ановича> Татаринова для присылки мне писем и статей, то можете очень обмануться. Я знаю, что ему нужно ехать в воронежскую свою деревню, намерение его было еще не положительно, но вы расспросите его об этом подробнее. — Я думаю, что Гриша, попав с женой в Петербург, там и останется: гораздо легче найти место в самом Петербурге, нежели выгодное место в провинции. Ни вице-губернаторства, ни места управляющего удельною конторою он сейчас не получит[3]. Дай Бог ему успеха, бедному! — Чем же так недоволен Константин?.. Состояние недовольства в наше время, право, должно быть состоянием нормальным, потому что никем и ничем, не исключая и себя, нельзя быть довольну. Но если это недовольство происходит от личных отношений, то это напрасно: в подобном случае никогда не делаю другим такого, как говорят купцы, *уважения,* чтоб

принимать к сердцу их поступки и от того расстроиваться. — Желал бы я очень посмотреть на Максимовича и Гоголя, когда они слушают малороссийские песни[4]. Я сам слушал бы их неравнодушно и потому, что они хороши, и потому, что от них веет теплой стороной, летом, южной природой, к которой так и тянет меня от надоевшего мне севера. — Будьте покойны, чтение стихов не имело и не будет иметь здесь никаких вредных последствий[5].

Ко мне теперь навязался на шею музыкант Парис. Я познакомился с этим артистом-промышленником еще на Серных водах[6]. Он после того успел побывать и в Иркутске, и в Гельсингфорсе, и в Риге, и в Москве, где узнал от кого-то, что я в Ярославле, в котором он предполагал дать концерт на пути в Казань и в Симбирск. Он прямо явился ко мне с просьбою устроить ему это дело. К счастию, я мог передать его одному любителю музыки, советнику губернского правления, но тем не менее должен был присутствовать на двух музыкальных вечерах. Скрипач он замечательный действительно. Я уж очень, очень давно не слыхал музыки, и на этот раз одна элегия Эрнста[7] произвела на меня довольно сильное впечатление. Все суровые предприятия воли, все высокие подвиги души могут, кажется, внезапно пасть и рушиться от одного звука шубертовской[8] серенады или тому подобной музыки. Эти звуки наводят на меня минуты опьянения, которых я всячески избегаю, боясь ослабнуть деятельностью и волей. Сколько задач и сторон жизни, призывающих каждая к себе, мешающих друг другу: поэзия, вопросы учено-государственные и живое изучение России, деятельность чисто служебная и, наконец, сама жизнь, которою мы не живем, ибо можно ли назвать это жизнью. От неудовлетворения требования всех этих сторон и происходит это чувство неудовольствия самим собою и тоска!..

Вчера был я у купца Серебренникова на поминальном обеде по случаю истечения сорока дней от смерти его матери. Хотя церковь и освящает этот обычай, но он постоянно сохраняет характер языческий. Перед обедом была панихида с кутьей; за обедом, перед киселем (здесь употребляют в подобных случаях кисель), попы пропели заупокойную и пропели полупьяно, потому что это было в конце обеда. После этого сейчас подали вместо шампанского красное церковное вино, которое было выпито в память покойницы. Наконец, после обеда подавалась, как говорят, заупокойная чаша. Попы вновь отслужили, что следует, а затем каждый выпивал стакан меду или пива, обращаясь к хозяину, крестясь и желая покойнице царства небесного. Самый обед происходил шумно и довольно весело.

Барин Афанасия — чистейший мерзавец. Я посылаю вам в особом пакете бумагу, написанную им, о том, что он отпускает Афанасья за 900 р<ублей> асс<игнациями>. Афанасий послал с Вас<илием> Ив<ановичем> Татариновым 805 р<ублей>, да вы дали еще 30 р<ублей> сер<ебром>, что составит 910 р<ублей> асс<игнациями>. Пусть Вас<илий> Ив<анович> покажет эту бумагу Татаринову[9], но с непременным условием не отдавать ему этой бумаги в руки: Афанасий боится, чтоб барин его ее не уничтожил. — На днях мне пришла было в голову мысль — просить министерство, чтоб оно поручило мне делать описание торговых сел Ярославской губернии, которых здесь большое

множество и которых торговля едва ли не обширнее городской. Эту поездку по уездам можно было бы совершить летом. Но как ни привлекательна была для меня эта мысль, я ее оставил, потому что побоялся связаться слишком надолго с Ярославской губернией. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Почта из Петербурга пришла и ничего мне не привезла. Говорят, Миркович уволен от должности и вместо его Бибиков, родной брат генерала-губернатора[10]. Будьте здоровы и бодры, целую ваши ручки. Обнимаю крепко Константина и всех моих милых сестер, а милую Оличку особенно. — Если Максимович будет печатать стихи, так чтоб сохранил все расстановки и тире и ударения. Всем кланяюсь.

Ваш *Ив. А.*

49

Февраля 13-го 1850-го года. Г<ород> Ярославль.

Вчера я не получил от вас писем, милые мои отесинька и маменька; впрочем, и сам не писал к вам в прошедший четверг. Вы так избаловали меня частым писаньем писем, что я непременно ожидал получить их с нынешнею почтой; потом подумал, что вы, вероятно, хотите послать письмо с оказией, т.е. с Татариновым, но Вас<илий> Ив<анович> до сих пор не приезжал. Петербургская почта также обманула мои надежды и не привезла мне ничего. — Отвечаю на ваше письмо от 7-го февраля. Слава Богу, что Вы, милый отесинька, избавились от своей головной боли: дай Бог, чтоб это избавление было прочно. Очень желаю знать, чем разрешится Гришино положение относительно его министерства[1], так как из письма Над<ежды> Тим<офеевны> ничего понять нельзя. Если ему послан отпуск, то он, вероятно, теперь уже в Москве и с Софьей: в таком случае крепко обнимаю их. Где вы их поместите? — Воротясь сюда из Москвы, я писал Смирновой об участии к ней всех нас и всего нашего семейства (на что уже и получил от нее ответ). Видно, что она поспешила этим воспользоваться, чтоб вступить в переписку и с Константином. Что слышно про ревизию Калужской губернии?[2] — Письменный спор всегда полезнее словесного прения, и потому я очень интересуюсь спором, возникшим между Константином и Кошелевым![3] Спор этот может уяснить вопрос и потому не бесплоден, что вопрос сам по себе практический. По крайней мере, его должно рассматривать с такой точки зрения, чтобы правительство могло приступить к делу прямо и тотчас. Неопределенность, отвлеченность всех наших убеждений, без приложения к делу, без указания практических путей осуществления, вредят нам более всего и роняют кредит. Само собою разумеется, что этот спор не должен быть только запальчивым ратоборством, но должен быть основан на спокойном и добросовестном изучении и обдумании предмета. Я бы очень желал прочесть статьи, написанные по этому поводу Кошелевым и Константином. —

После довольно продолжительной и ветреной оттепели хватил небольшой мороз, и нынче славный день, яркой ясности и свежего воздуха. Зато в полдень

начинает действовать солнце. Вы не поверите, как утешает меня мысль, что солнце уже греет! Хотя теперь еще февраль, но душа моя уже отрадно содрогается от предчувствия весны. Грустно только подумать, что лето, второе лето проведу я здесь, в Ярославской губернии, кое-как, в хлопотах, без чувства внутреннего довольства, тогда как, может быть, я бы мог провести его на юге, на берегу моря, куда меня так постоянно, так томительно тянет! Все вопросы и интересы начинают слабеть с предвкушением лета. Летом хочу я быть просто Божией тварью, частью природы, членом всей семьи мироздания, вместе с цветами, животными, бегущей водой... Это идиллическое настроение духа было прервано приходом писца и бумагой в квартирную комиссию, поданной к подпису.

Что сказать вам нового? Ничего, решительно ничего. На этой неделе был концерт Париса, а вчера губернатор был именинник. На концерте я был, а у губернатора нет, потому что у меня сделался флюс, опухла щека, и я второй день сижу дома, боясь застудить опухоль. Впрочем, может быть, отправлюсь нынче вечером на второй и последний концерт этого странствующего артиста. Вот удивительная жизнь. Он изъездил Россию так, как, может быть, никто из русских. Был во всех губернских городах, начиная от Иркутска до Риги, на всех водах, везде имеет знакомых и, в довершение всего, получает от этого путешествия тысяч с 20 чистого барыша! Теперь он едет в Кострому, Нижний, Симбирск, Пензу, Казань, Саратов и Астрахань. Он просил у меня писем в Симбирск, но как он, вероятно, не застанет там Гриши, то я ему дам рекомендательное письмо к Корфам[4]. —

Читаю я теперь также в досужное время барона Гакстгаузена[5]. Его путешествие чрезвычайно для нас важно: в России нет книги с более добросовестными, интересными статистическими данными. — Через 10 дней или много-много через две недели думаю отправиться в Ростов. Ярославль мне уж очень надоел, и вообще мне здесь довольно скучно. Только и интересуюсь теперь английскими проказами в Греции[6]. Видаюсь по обыкновению с здешним обществом очень мало, да и видаться не с кем. Жадовская также мне весьма наскучила, потому что я убеждаюсь, что из ее талантика ничего замечательного не выйдет. Бывает также такое расположение духа, в котором и писать не о чем, точно так, как теперь мне. В рассуждения вдаваться не хочется, живых новостей нет, особенного передать нечего, и потому я и заканчиваю это письмо до будущего четверга. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех милых сестер. Мне хочется Константина подвергнуть отчетности, чтоб он рапортовал через каждые 7 дней, что он сделал путного? Точно так я поступил с своими топографами, требуя еженедельных донесений об успехе и ходе заданных им мною работ. Прощайте; кланяюсь, кому следует, по вашему усмотрению. Целую милую Оличку.

Ваш *Ив. Акс.*

50

16-го февраля 1850 года. Яросл<авль>. Четверг[1].

Третьего дня, т.е. во вторник, привез мне Василий Ив<анович> письма и посылки ваши, милый мой отесинька и милая маменька. Несмотря на Вашу головную боль, Вы, мой милый отесинька, написали мне целых три листа: благодарю Вас. Я теперь не стану отвечать вам подробно, не скажу ничего ни про статьи, Вами присланные[2], а пишу только для того, чтобы вы знали, что я это всё получил. Пространно же писать не могу — по случаю сильнейшей флюсовой боли. Я, кажется, вам писал, что у меня заболела щека, сделалась опухоль и засадила меня дома. Эта опухоль произошла от флюса, который, в свою очередь, произошел от простуды старого дупловатого зуба. Дело в том, что флюс перескочил с того места, где ему быть прилично, т.е. с наружной десны на продолжение этой десны под щекой, внутри щеки, выше того места, где десна соединяется со щекой. Я решился вызвать его наружу, заставить немножко сойти через припарки винными ягодами, и теперь, подо щекою, образуется огромный нарыв, раздувший мою щеку исполинским образом; этот нарыв покуда всё нарывает (ощущение очень неприятное), и я с нетерпением жду, чтобы он прорвался, потому что это мне мешает заниматься. Средства употребляются следующие: внутри припарки тепловатых винных ягод, разваренных в молоке; снаружи — сапожный вар, положенный в тряпочку и посыпанный селитрою. Это вроде papier Fayard* и производит небольшую испарину. Лечит меня доктор. Надеюсь к будущему воскресенью освободиться от этой скучной боли.

Раскольничьи важные дела рассматриваются, кроме м<инистерст>ва вн<утренних> дел, еще в особом секретном раскольничьем комитете, где заседает и гр<аф> Орлов[3]. Докладчик у государя — от этого комитета м<инист>р вн<утренних> дел или гр<аф> Орлов. Денежные награды бывают двух родов: одни высочайшие награды, которые считаются на равных с пожалованием чина за отличие и проч., и награды, назначаемые самим м<инист>ром, которые составляют, так сказать, домашнее дело и не входят в счет. — Я прошу себе этой последней награды[4].

Из Петербурга ничего не получаю, не только официальных бумаг, но даже ответов на письма. Писал я к Попову[5], к Оболенскому[6]: все молчат. Мне хотелось бы знать: принято ли мое искание места чиновника по особ<ым> поруч<ениям>. —

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Будьте, ради Бога, здоровы и на мой счет не беспокойтесь. Вчерашняя почта не привезла мне от вас писем. Константина обнимаю и благодарю за письмо и статью[7]. Обнимаю Веру, Оличку и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

---

* Бумага Файяра (*фр.*).

51

<Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову>.

19 февраля 1850 г<ода>. Ярославль.

Благодарю тебя за письмо, милый друг и брат Константин, а также и за статью. Статья твоя написана прекрасно[1], но вполне с нею согласиться невозможно. Мне кажется, что ты слишком преувеличиваешь *наше* недостоинство, забывая, что мы все-таки достойнее уже действующих. Ты говоришь: "надо предложить народу средства просвещения, а не самое просвещение"... Что ж это значит? Это значит дать народу в руки опасное орудие, которым он может уколоться, поставить его в прямое соседство с гнилым просвещением без благонадежного посредника, сделать его доступным к вредной пище, не подготовив к здоровой. Ты забываешь, что уже стоит рядом с народом зло нашей цивилизации, и средства просвещения сделают его восприимчивее к ней. В Ярославской губернии более всего грамотных; не говорю уже о горожанах: между мещанами неграмотный редкое исключение. Стало, средства просвещения по-твоему у них есть. Что же они читают? "Прекрасную грузинку или битву русских с кабардинцами", "Козла-бунтовщика", "Вероломную Машу", всю эту дрянь продающуюся на ярмарках по 5 коп<еек> сер<ебром> роман. Меж тем как подлые спекулянты потчуют народ этими помоями (и народ их читает, т.е. народ грамотный, кроме раскольников: благо дешево! а заплативши деньги, мужик уже непременно прочтет книгу), меж тем как хищные волки расхищают стадо, выражаясь слогом высоким и, конечно, весьма высоким для г<оспод> Кузьмичева, Федотова[2] и друг<их>, — ты не хочешь дать народу более здорового чтения, потому что ты не решил еще, точно ли оно будет здорово... Оно во всяком случае здоровее Поль де Кока[3] в переводе и т.п.! (Мимоходом — мне пришло в голову, что ты бы никак не годился в медики и уморил бы всех своих пациентов своею добросовестною нерешительностью). Не думай, что я преувеличиваю. Это точно правда, по крайней мере, относительно Ярославской губернии: а ярославский крестьянин — венец создания в Великороссии по своим дарованиям. На бесчисленных здешних сельских ярмарках и рынках этих книжонок продается бесчисленное множество. Ты говоришь дальше: это средство есть грамотность церковнославянская и русская и деревенская библиотека, состоящая из церковнославянских книг духовного содержания. —

Конечно, просвещение должно быть основано на религиозных началах[4]: в этом и спора нет; но я несколько другого мнения об исключительном чтении духовных книг. Вся жизнь должна быть проникнута духом Христова учения, но ни Новый, ни в особенности Ветхий завет[5] не должны делаться исключительным предметом пытливости и деятельности *ума*. Ум мой возбужден, в нем кипят силы — и мне не на что их употребить, как на чтение духовных книг. Что из этого выйдет? Что я — или брошу, наконец, эти книги, потеряв всякую веру, или же привяжусь к каждой букве, сделаюсь толкователем, *начетчиком* (как называют крестьяне доку в Св<ященном> писании). Св<ященное> писание пусть будет книгою успокоительною, книгою-

прибежищем, книгою веры, книгою души, книгою, в которой ум, наработавшись в области знания, прибегал бы за отрадою, — но не такою книгою, на которую бы устремились все деятельные силы живого человеческого ума... Я видел этих начетчиков и жалел, что у них не было других книг, кроме книг духовного содержания; я убежден, что они опасны для единства церкви. Не говорю уже о том, что по-настоящему, прежде чем давать в руки народу церковные книги, надлежало бы исправить перевод Ветхого завета и других книг, где встречаются бессмыслицы. Мой приятель-начетчик, пошехонский мужик, страстный охотник до чтения, выучил наизусть Библию и сильно врет, споткнувшись на Апокалипсисе[6]... Словом, постоянное и исключительное чтение этих книг ведет к тому, что или книги не выдержат критики ума, или ум не устоит и зайдет за разум. Словом, их дело только смирять буйство ума и духа, а уму должна быть своя живая пища. Ты предлагаешь великодушно поставить в деревенскую библиотеку собрание русских летописей. Помилуй, Константин! Разве ты не видишь, что это занятие предполагает некоторую отвлеченность в человеке, да и язык летописей не совсем доступен... Другое дело — знакомиться с ней в живом рассказе. За летопись надо приняться, познакомясь с общим очерком истории. Мы сами спотыкаемся на каждой строке... Но, впрочем, пусть стоят в библиотеке и летописи. Но этого мало. Ты говоришь, народ сам выучится, дайте ему средства. Но ведь умение читать и писать, *когда читать нечего,* не ведет ни к чему, как бы его и совсем не было; умение читать — устремленное только на чтение Ветхого завета, Четьи-Минеи[7] и т.п., при отсутствии другой деятельности уму, — ведет к односторонности, к безверию, к суеверию, к фанатизму, к аскетизму, к юродивости... Уменье читать и писать, употребленное на чтение романов, продающихся так соблазнительно-дешево, ведет к явному вреду.

Самый лучший способ обучения заключается в живом преподавании учителя, в умении его возбудить в учениках любовь к свету знания. Такими учителями, по самому положению своему, представляются сельские священники. Но к сожалению — не таковы они на самом деле. Что же делать: это не в наших руках; мы их с тобой не переделаем. Достаточно и того, что он может передать вкратце содержание св<ященной> истории, катехизиса[8] и растолковать крестьянину, что из буки аз, даже и без видимой услужливости буквы ъ, выходит *ба*, т.е. выучить его читать.

Конечно, мы не должны принимать с народом тон учителей, нежных отцов, гувернеров[9]; конечно, не должны ему толковать философию Гегеля[10], но есть сведения, которые сообщить ему, кажется, негрешно и невредно, напр<имер>, науки положительные, естествоиспытание... Сверх того, согласись, можешь ли ты предвидеть время, когда ты себе скажешь: теперь мы можем передать народу наши знания... По объему твоих требований это могло бы случиться через 200 лет. Но знай, если б ты прожил и 200 лет, ты не увидал бы этого события, потому что оно бы совершилось не в том виде, не с того боку, не так, как ты ожидаешь... Ты сам себя осуждаешь на бездействие. Странный ты человек! Ты ведь лучше народа знаешь, что́ ему нужно: ты говоришь, что

цивилизация трактирная, галстучная и жилетная не годится народу[11], а народ сдуру или инстинктивно влечется к ней путем скорым и легким, с охотою. Если ты это лучше народа знаешь, отчего не сказать тебе этого народу? — Впрочем, если ты начнешь ему это говорить, он тебя не поймет и тебе не поверит (Хазов[12] — исключение). Я говорю и повторяю, что мы с тобой сходим с горы, а он идет на гору, вслед за другими из нашего сословия. Ты хочешь действовать на наше сословие, но покуда ты достигнешь своей цели в желанном размере, все уже перебывают на горе и Бог весть — воротятся ли оттуда живы и здоровы. — Этого стремления не удержишь иначе, как захватив его на дороге образованием таким, разумеется, которое бы осветило ему иной путь. —

Впрочем, ты соглашаешься сам, что мы можем передать народу наши знания, хоть некоторые, общие, невредные, но, по твоему мнению, недостаток в том, что нет доверия. Действительно, всё, что исходит от казны, по приказу — не пользуется доверием, но есть другой путь. Пусти книгу в 5 коп<еек> сер<ебром>, и она разойдется, по крайней мере, в двух, трех промышленных губерниях, а там и дальше. Пусть суздальские литографы нарисуют вместо мучений ада, грешной жены событие из истории, географическую карту и т. под. Мало того, я бы пустил, хоть для раскольников, много книг светского содержания на церковнославянском языке, на котором они читают охотнее. Я даже убеждал Алекс<ея> Степановича написать возражения на выгорецкие ответы[13] по-славянски, но он также почему-то задобросовестился и, по моему мнению, вовсе некстати. Да пусть пишет на каком хочет языке, только пусть пишет.

Да что тут толковать! Пусть каждый из вас напишет книгу для народа, взяв себе какую-нибудь область знания, потом представит ее на общий ваш суд, — и тогда вы скажете по совести: повредит ли народу чтение этой книги, напечатанной, конечно, с одобрения правительства и пущенной в продажу дешевле грибов.

Впрочем, мой ответ тебе вовсе не есть статья, а так, письмо, написанное сразу, следовательно, многое осталось недосказанным, а сказанное изложено не в порядке, кой-как. Убедись — и попробуй, напиши что-нибудь вроде исторического рассказа и проч. и проч.

Как идут твои работы? Твоя грамматика, твой лексикон, твоя статья о богатырях, твои письма о литературе?..[14] Много задач, много начато: ужель это не будет кончено вовремя? Не угодно ли тебе будет подчиниться следующему правилу: каждую неделю присылать коротенькую рапортичку о своих занятиях, в таком роде: милый Иван! Я на этой неделе подвинулся на столько-то, написал столько-то листов. Прощай и проч. Человеку необходимо некоторое принуждение или даже обманывать себя хоть призраком принуждения.

Но теперь я скажу тебе: прощай, милый друг и брат Константин. Крепко тебя обнимаю, будь здоров, бодр и охоч до труда.

Твой *Ив. Акс.*

P.S. Не люблю посылать письма на полулисточке, и потому отдаю тебе в распоряжение целые поллиста почтовой бумаги. А кстати? Скажи, отчего мы говорим: цел*ые* пол-листа, а не цел*ое* поллиста? Или *целые* есть здесь родитель-

ный? Кажется, нет, а это множественное, но почему?.. Да читал ли ты Срезневского? Достань и прочти[15].

А есть ли у Ал⟨ексея⟩ Степановича в деревнях школа? Почему бы ему не завести ее, хоть только для распространения церковнославянской грамотности?.. Кланяюсь Ал⟨ексею⟩ Степановичу и Александру Ивановичу.

52

1850 г⟨ода⟩ февр⟨аля⟩ 20-го. Понед⟨ельник⟩.
Ярославль.

Теперь нарыв мой лопнул, боль прошла, а опухоль не совсем, и я могу отвечать вам обстоятельно на ваши письма, милый мой отесинька и маменька, т. е. на письма, присланные с Вас⟨илием⟩ Ив⟨ановичем⟩ и потом полученные по почте от 17-го февраля. Слава Богу, что голова Ваша покуда не болит и дай Бог, чтоб постоянное питье земляничного корня одно вас вылечило; но грустно знать, что все прочие хворают. Надо же, наконец, решиться Вам насчет доктора!.. Деньги 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с Татариновым я получил, благодарю вас; они пришли кстати, потому что действительно я отдал Афанасию почти все деньги, а из м⟨инистерст⟩ва жалованья еще не получал[1], хотя срок истек тому назад уже месяц.

Не скажу, чтоб меня очень поразили известия, сообщаемые вами мне в письмах, посланных с Татариновым. Я уже давно привык к мысли, что мне придется окончить без нарушения свое ярославское поручение, и мне сделалось только на минуту досадно, что всё это было так близко и возможно — и не удалось. Досаднее был мне отказ в деньгах. Впрочем, я не теряю надежды получить еще денежную награду, хоть в меньшем объеме, из экономических сумм хозяйственного департамента, по распоряжению самого м⟨инист⟩ра. Ехать в П⟨етер⟩бург в отпуск я не считаю нужным; к тому же возвращаться опять на поручение в Ярославль было бы просто тошно... Торговых сел в Ярославле так много, что на описание их не хватило бы одного лета, а я не хочу засиживаться в этой губернии; впрочем, я поручил некоторым лицам сделать описание некоторых важнейших сел. — Откуда это Великопольскому достаются грамоты об аксаковском роде?[2] Константин, я думаю, доволен[3]: это все, чай, доказательства о том, что мы принадлежим не к земским людям, а к служилому классу, пользовавшемуся привилегиею подписываться холопами?.. Калайдович[4] сделан чиновником за оберпрокур⟨орским⟩ столом, он коллежский советник. А я из ваших писем не вижу, получил ли Гриша чин надворного советника[5]. В м⟨инистерст⟩ве уделов служить, конечно, выгодно[6], но где именно, в какой должности? Оно управляется нашим же м⟨инист⟩ром. Очень может быть, что гр⟨аф⟩ Панин задержит просьбу Гриши об отставке надолго, и Грише гораздо лучше было бы прямо подать просьбу туда, куда он желает поступить, — о переводе. Тогда гр⟨афу⟩ Панину нельзя будет медлить. Я не понимаю, по какому случаю был *прощальный* бал у Корфов, а у Ник⟨олая⟩ Тим⟨офеевича⟩ великолепный праздник?[7] Выборы, кажется, еще не начинались[8]. — Здесь теперь производит следствие по одному обстоятельству

чиновник нашего м⟨инистерст⟩ва статский советник Казадаев[9], который прошлого года был в Симбирске. Он большой приятель Гриши и Ник⟨олая⟩ Тим⟨офеевича⟩ и просит им от него поклониться.

Я прочел отрывки, присланные Вами, из "Лебедя" и "Гуся" и нахожу, что они очень хороши! В описании лебедя, по крайней мере, в том, что прислано, все очень умеренно, и легкий оттенок лиризма скрадывается техническою точностью выражений, напр⟨имер⟩, о просушке перьев, о чистке носом и проч. Только одно слово мне показалось изношенным: темноголубое стекло воды, но его можно заменить другим[10], и все будет прекрасно. Я не понимаю, чем Вы можете быть тут недовольны[11]. Вы решительно избегли того подводного камня, который представлялся при описании лебедя. — Константину на его статью я отвечаю особым письмом[12]; я с ней не вполне согласен, но написана она очень хорошо, ясно и просто. — Обещанных сплетней и описания дамских козней вы не прислали[13].

Благодарю милую Веру за присылку малороссийских песней. Очень хороши они, особенно последняя. Песню "Не хилися явороньку" знаю и очень люблю. На письмо ее отвечаю тем, что Смирновой я пишу не прежде, как по получении от нее ответа, отчего случается не писать иногда три и четыре м⟨еся⟩ца. На письмо ее, полученное мною еще в декабре, я отвечал ей уже по возвращении из Москвы. В этом письме я действительно писал маленький панегирик своей семье, описывая ее независимость, самостоятельность, своебычливость, оригинальность, презрение к внешности и некоторую гордость. Оканчивая описание, я говорю ей: ну, посудите же сами, как трудно нам жениться: где найти девушку, которая ни умом, ни чувством, ни образованием не нарушала бы гармонии этого хора, не внесла бы в него диссонанса, не испортила бы мне моих семейных отношений, которые для меня важнее жены. А она отвечает, что прочла мое письмо своим дочерям и что старшая из них воскликнула: как бы ей хотелось всегда так жить. На это я ничего не отвечал, но знаю, что она, т. е. дочка, не годится мне в жены, к тому же блондинка. К тому же, я не шучу, я никогда не возьму за женой дýши и не захочу, чтоб их продавали, а потребую безвозмездного отпуска их на волю. — Это, впрочем, я рассказал так, кстати, а главная цель моего ответа Вере состоит в том, чтоб она была покойна и не опасалась, что я буду передавать содержание ее писем А⟨лександре⟩ Осиповне[14]. —

Передайте всем, кому ведать надлежит, и Надежде Ник⟨олаевне⟩, и Свербееву[15], что Муравьев сибирский[16] будет не раньше мая. Он хорошо там действует и даст, вероятно, новую жизнь и значение краю. Камчатка сделана губернией, и в нее переселяется 10000 душ; образуется новый флот на Охотском море или, что все равно, на Восточном океане. Экспедиция англичан для отыскания Франклина[17] заключает в себе тайную цель: разведать положение наших берегов, поискать новых островков около нас и отбить у нас всякую силу на тех морях. По крайней мере, так говорят моряки, приехавшие из Камчатского порта. Хорошо, если б России удалось возвратить себе устье реки Амура, и тогда каналами в разных местах, между рек, всего на пространстве 300 верст, можно было бы соединить Балтийское море и Волгу с Амуром и

океаном. Тогда не надо было бы нам огибать почти кругом света, чтобы попасть на корабле на Камчатку, и торговля наша с Америкой получила бы огромное развитие. Меня это всё очень занимает и дай бог, чтоб Муравьев успел хоть в некоторых из этих предположений.

По случаю моего нездоровья дела мои несколько было позатянулись. Решительно не было возможности заниматься делом во время боли, с наклоненной головой. Я хотел было ехать в Ростов на масленицу, а придется отложить до 1-ой недели поста и приехать на самую ярмарку. Только нынче эта ярмарка придется в самую распутицу. Как на этой неделе я все сидел дома, то ничего особенного вам и сообщить не могу. Читали ли вы, впрочем, вы "Москвитянина" не получаете, но достаньте 3-ий № и прочтите рукопись старицы Марьи[18], напечатанную в "Новгородских ведомостях". Эта старица Марья, игуменья женского монастыря, описывает свое мирское девичество и причины, заставившие ее идти в монастырь. Была она княжна Одоевская (в конце XV и в самом начале XVI века) и влюбилась в некоего Назария, учившегося у немцев. Погодин доказывает, что это мистификация[19]. Мне самому это кажется. Если же нет, то это вещь предрагоценная. Хочется мне знать мнение Константина об этом предмете. Тут и война Иоанна III-го с Новгородом[20]. Непременно достаньте. Да что, я знаю, скажете: надо, надо достать, да и отложите и забудете, а нет, чтобы вот сейчас же: сказано и сделано. Вот так и книжка Срезневского, которую Константин обязан прочесть[21] по званию филолога. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы и бодры. Вы давно мне не писали, моя милая маменька, но я знаю, что Вы в последний раз были заняты. Цалую ваши ручки, обнимаю Веру, Надичку, Олиньку, Любу и всех сестер. Отдаю несколько поклонов в их распоряжение: велю раздавать их по их усмотрению. Что Анна Тимоф⟨еевна⟩?[22]

Ваш *Ив. Акс.*

На дворе сырость.

53

1850 г⟨ода⟩ февраля 23-го. Ярославль.

Письмо это получится вами за день или за два до 1-го марта, милые мои отесинька и маменька. Поздравляю Вас, милая маменька[1], с этим днем и цалую Ваши ручки; поздравляю и Вас, милый отесинька, и всех. Будьте здоровы!..

Ваши письма от 21-го февраля я получил вчера к ночи. Не совсем веселые известия сообщаете вы: все больные и больные. Более всех огорчает меня болезнь Софьи и вообще положение их обоих...[2] Как это всё уладится — Бог весть! Скучна, признаться, эта беспрестанная мелкая возня с обстоятельствами, на которую поневоле приходится тратить и время, и силы. И это жизнь! Ну да оставим это. Я ношу в душе такое глубокое презрение к жизни и к счастью человеческому, что даже почти никогда и не говорю о том.

Меня удивил приезд Самарина, а еще больше то, что Вы, милый отесинька,

собираетесь читать ему свои охотничьи записки[3]. Может ли Самарин быть расположен их слушать, когда Фед⟨ор⟩ Вас⟨ильевич⟩ в таком положении[4]. Поклонитесь Самарину от меня; жаль, что я его долго не увижу.

Из газет увидел я, что вакансия чиновника по особ⟨ым⟩ поруч⟨ениям⟩ при м⟨инист⟩ре (которую занимал Муравьев[5]) замещена. Определили какого-то доктора. Значит, и тут расчеты мои оборвались. Из П⟨етер⟩бурга никаких известий не имею. Готовлюсь к отъезду в Ростов, но вы продолжайте писать в Ярославль впредь до моего указания. Ростов будет для меня очень интересен: своими памятниками древности, своим местоположением и ярмаркою — одною из важнейших в России. Вы пишете, что Елагин собирается в Ростов[6], а Вера пишет, что Елагин тащит Мамонова к себе в деревню.

Вчера сидел у меня Татаринов. Он решился, и я написал уже в П⟨етер⟩бург о его желании перейти туда на службу[7], ибо профессором ему невозможно оставаться![8]

Однако уже 7 часов (вечера). Писать мне решительно нечего, и потому письмо идет вяло, и я боюсь опоздать. Время так однообразно проходит, что не возбуждает в голове никакой живой деятельности. Впрочем, я хотел нынче только поздравить вас с будущим днем 1-го марта. Прощайте, будьте здоровы и бодры. Цалую ваши ручки. Константина и сестер обнимаю.

Ваш *Ив. А.*

P.S. Я забыл вам сказать, что я совершенно здоров и выезжаю. Опухоль прошла, но щека пришла в то положение, в котором была и до этого флюса, т. е. все же она больше левой щеки по милости когда-то бывшего флюса. Теперь остается только желать, чтоб сделался флюс на левой щеке, и обе щеки сравнялись!..

54

26 февраля 1850 г⟨ода⟩. Воскресенье вечер. Ярославль.

Нынче поутру получил я ваши письма от 24-го, милые мои отесинька и маменька, и вместе — письма С⟨амбурской⟩[1]. — Отвечаю вам на ваши письма сперва. Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ Татаринов глубоко тронут вашим приемом и говорил мне о том с чувством самой искренной благодарности. Я не написал вам об этом, как и о многом другом, по причине флюса, развлекавшего меня... Сигары я также получил с ним и благодарю вас. Они точно хороши, а главное — сухи, и один ящик уже почти выкурен. Я ни в каком случае не мог бы иметь здесь таких сигар. — О "Гусе" Вашем[2] я не написал ничего потому, что об нем ничего особенного не могу сказать, кроме того, что превосходно и в высшей степени занимательно. Всё это подразумевается само собою, а потому я писал подробнее о лебеде, описание которого представляло некоторые подводные камни. Скажу откровенно, что гусь выигрывает перед лебедем бо́льшею простотой описания и занимательностью; впрочем, о последнем трудно судить, потому что мне прислано только начало лебедя. — Я уверен, что в "Водах" Ваших[3] Вы также обошли подводные камни и что они так же хороши...

Афанасий уже предъявил свою отпускную в палату: он хочет приписаться в мещане — где-нибудь здесь, в Ярославской губернии: здесь, при мне, это ему не будет стоить дорого. К барину своему он писал через Вас⟨илия⟩ Иван⟨овича⟩, доказывая ему, что он не должен требовать лишних 100 р⟨ублей⟩; впрочем, изъявляя и готовность заплатить, при настоятельном требовании, эти деньги, так как уже в них поручился Вас⟨илий⟩ Иванович.

О себе ничего особенного сказать вам не имею: работаю и в досужное время бóльшею частью сижу дома и читаю. Читаю довольно много. Выезжаю мало или, лучше сказать, вовсе не выезжаю, потому что не к кому, и все знакомые, даже не из глупых, живя и мысля, как обыкновенно в провинции, задним числом, наводят на меня сильную скуку. Всего чаще видаюсь с Татариновым, с которым, конечно, не скучаю. Впрочем, меня теперь занимают разные политико-экономические вопросы. Напр⟨имер⟩, здешние мещане в поданном мне ими "Рассуждении мещанского общества о своих нуждах" жалуются на то, что команды исправительной арестантской роты здешнего гарнизона и других постоянно квартирующих здесь полков отбивают у них все публичные и частные ручные работы, потому что они, мещане, не могут вступать в совместничество с ними и продавать вещи так же дешево, как они. Надобно знать, что арестантские роты, в которые преступники отдаются на время, обязаны занимать постоянно арестантов работою, плата за которую получается их начальством: из этой платы делается или должно делаться пособие арестантам при оставлении ими роты. Солдаты полков и гарнизонов получают плату уже на себя, работая артелью, в казармах, с покровительством своих начальников... Почти всякого рода мастерства производятся ими. Все эти арестанты и солдаты, будучи одеты, обуты, накормлены, имея квартиры с отоплением и освещением на счет казны, само собою разумеется, берут за работу не только вдвое, но вдесятеро дешевле мещанина, который трудом своим должен снискивать себе одежду, пропитание, помещение. От этого все обращаются теперь с заказами не к ним, а к арестантам или солдатам... Вы скажете: запретить. Но на каком разумном основании запретите вы солдатам работать в свободное время, занимать себя полезным трудом, копить себе деньгу на случай отставки... Не говорю уже об арестантах: я не защитник современного их устройства, но защитник системы исправительного тюремного заключения, при которой все заключенные работают, и из выручки третья часть откладывается в их пользу... Признаю также, что необходима свобода совместничества, и поэтому отвергаю средневековые учреждения цехов, но не могу не видеть, что тут некоторым образом самая свобода совместничества нарушается: никто не имеет права попасть в солдатскую артель, это корпорация замкнутая... За границею был поднят такой же вопрос по поводу совместничества работ исправительных тюремных заведений. Не знаю, какое правительственное разрешение получил он, но было много мнений, которые я заставил Татаринова изложить себе в особой статье. Я еще не решил себе этого вопроса... Впрочем, напрасно я вас утомляю этим нисколько не занимательным для вас предметом. А, между тем, вопросы эти, как и все торговые и другие, заключающие все условия существования, имеют огромную важность и

влияние на характер и нравственность народа!.. Покуда мы гуляем в отвлеченности, у нас образуется tiers-état* — почетное гражданство, которого так жадно добиваются купцы и которого существование мы, говоря модно ученым языком, игнорируем!

Мне доставили, наконец, сведение о некоторых ремесленных селах. В нескольких верстах от Ярославля находятся пять деревень, которые теперь разделены между двумя помещиками, а прежде составляли одну вотчину. Тесную связь между собою они сохранили и теперь, несмотря на принадлежность разным господам. Эти деревни имеют все условия для выгодного существования: во 1-х, они на оброке и довольно легком; во 2-х, в лицо не видят своего помещика и избавлены от его ежеминутной попечительности и заботливости. Душ муж⟨ского⟩ пола всего 239. Жители занимаются хлебопашеством и плотничеством или, лучше сказать, столярным мастерством. Не слишком давно они положили на мирской сходке, что каждому из них позволяется заниматься всякою плотничною и столярною работою и принимать заказы — какие и в какую цену угодно, — исключая делания ящиков (главное производство) для укладки свеч, бутылок, белил, конфект и проч. — Работа ящиков производится обеими вотчинами сообща и распределяется по тяглам: на сходке решают, кто и какие ящики должен делать, сколько и к кому доставлять. Разумеется, распределение делается самое ровное. Цена определена мирскою сходкою и, по уверению самих купцов, на которых они работают, самая умеренная. Деньги же получаются каждым в свою собственность. Этих ящиков (работа которых производится только в деревне, а ни под каким видом не в городе) делается в год 124 тыс⟨ячи⟩ ценою тысяч на 10 серебром. За нарушение этого постановления виновный, сверх взыскания 25 р⟨ублей⟩ пени, наказывается при сходке. Все эти положения утверждены между бурмистрами обеих вотчин условием, разумеется, на простой бумаге и без формального засвидетельствования[4]. — Помещики желают имение это продать и объявили крестьянам, что они могут или приискивать себе помещика — доброго и хорошего, или же откупиться. Крестьяне решились на последнее и послали просьбу гр⟨афу⟩ Киселеву[5] о ссуде им денег для выкупа — с платежом процентов в течение 26 лет. Чем разрешится просьба — не знаю.

Я прочитал на этой неделе весь "Домострой" попа Сильвестра и дивился, как могло родиться такое произведение: так многое в нем противно свойству русского человека! Я терпеть не могу правил в самой жизни и вообще не люблю обычая, как скоро уже он замерз, как скоро он покушается сделаться правилом и властвовать над жизнью. На этом основании я не люблю и монашеских уставов, где формулировано аскетическое стремление. — Если б у меня был наставником Сильвестр и докучал мне своими нравоучениями, то я, и не будучи Иоанном Грозным, прогнал бы его от себя за тридевять земель![6] — Впрочем, нельзя не сознаться, что образ жизни и поведения, предписываемый этим попом, совершенно напоминает теперешний купеческий образ жизни и

* Третье сословие (*фр.*).

обхождения, особенно там, где цивилизация незаметна... "Всё для гостей, всё для показу" — главная тема Сильвестра и наших купцов. — Жене у Сильвестра позволяется разговаривать (и только с женщинами же) только о том, "как порядня вести и какое рукоделейцо сделати". Если жена не слушается, то муж обязан "постегать ее плетью, только наедине, поучить, да примолвить, да пожаловать"... Так должна и хозяйка поступать с людьми. Бить по "виденью" и палкой не советует, то ли дело, говорит он с чувством, бить плетью бережно: "и разумно, и больно, и страшно, и здорово"[7]. Попов и монастырскую братью кормить при всяком удобном случае. На домашних молебнах всегда молиться за царское семейство *поименно*, словом, как теперь. — Но что удивительно: это экономия, расчетливость, аккуратность в хозяйстве — более, чем немецкая, и с которой жизнь — просто каторга: всё записывать, всё взвешивать, постоянно остерегаться, чтобы люди не обокрали. Кстати: тут нечто годится и для Константина. Так как слово старины имеет для него более авторитета, нежели современное слово, то да внемлет он совету XVI-го века: "а сморкнути или плюнути — отворотясь, да потерти ногою: так всякому человеку пригоже!" или: "носа не копать перстом, не кашлять и проч.; ежели нужно, отошед на сторону — *устроиться*!" Что за деликатность, за галантерейность выражения!.. Однако прощайте, милый мой отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. О письмах С⟨онички⟩ Сам⟨бурской⟩ я не пишу, потому что не знаю, секрет ли это или нет. Я с своей стороны даю ей полное согласие[8].

Ваш *Ив. А.*

55

1850 г⟨ода⟩ марта 2-го. Ярославль. Четв⟨ерг⟩[1].

Письмо ваше, милый мой отесинька и милая моя маменька, получил вчера. Теперь же пишу к вам для того, чтобы известить вас, что письма свои вы теперь должны адресовать в Ростов. Я еду отсюда или в воскресенье, или в понедельник: раньше уехать не могу, потому что, как это всегда случается, при конце оказывается много недоделанных дел и хлопот. Как проводите вы эту неделю? Для меня, впрочем, масленица не существует. Блинов я почти не ел и вообще не люблю это пьяное и грязное время. — Положение тет⟨еньки⟩ Ан⟨ны⟩ Тим⟨офеевны⟩ очень меня беспокоит, но я почему-то не предвижу совершенно печального исхода[2].

Кланяйтесь от меня Самарину. Желал бы я сам с ним повидаться, но Бог знает, когда это желание исполнится. — Прощайте, мой милый отесинька и милая маменька. Будьте здоровы и бодры. Писать больше не о чем, да я и не в расположении. Буду писать пространнее с следующей почтой. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Кончил ли Константин свою статью о богатырях?[3]

56

6-го марта 1850 г⟨ода⟩. Яросл⟨авль⟩. Утром.

Вот и великий пост! Поздравляю вас с ним, милый мой отесинька и милая маменька. Через два часа я отправляюсь в Ростов, следовательно, теперь распространяться не время. Из вашего письма вижу, что Смирнова была у вас[1] проездом в П⟨етер⟩бург. Зачем она туда едет! Бьюсь об заклад, что она обманывает сама себя и, отыскав какой-нибудь предлог, уверясь в необходимости поездки, едет от скуки в Калуге[2]. Вы ничего не пишете про дела ее мужа...[3] Если б я знал, что она отправляется в П⟨етер⟩бург, я бы не написал ей ничего о Жулевой: я могу себе вообразить, что и как будет говорить ей Александра Осиповна *по праву прежней помещицы*...[4] Вы находите большую перемену в ее наружности[5]. Надобно отдать ей справедливость, что она и в нравственном отношении стала лучше, мягче; но тем не менее нельзя не возмутиться холодною сухостью, с которой она давала советы Жулевой — в П⟨етер⟩бурге, да еще какие!...

Ожидаю от Константина ответа на свое последнее письмо; он иногда пропускает без особенного внимания известия любопытные и важные, мною сообщаемые, тогда как по-настоящему их надобно немедленно сообщать другим, подумать, потолковать.

Вчера ярославское общество бесновалось целый день, но я не участвовал в этом бесновании, а отобедал у своего хозяина Пастухова, которого удалось мне уговорить и который, слава Богу, подписал мне три тысячи серебром на заведение здесь училища. В Ростове надеюсь собрать, если Бог поможет, нужную сумму.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы и бодры. Цалую ваши ручки и крепко обнимаю Константина и всех милых сестер. Веру благодарю очень за письмецо. Кланяюсь, кому следует.

Ваш *Ив. Акс.*

57

1850 г⟨ода⟩ марта 9-го. Ростов. Четверг.

Пишу вам уже из Ростова, куда я приехал в понедельник и где уже получил одно письмецо ваше от вторника. Я не хотел вовсе писать нынче; но пишу теперь собственно для того, чтобы звать сюда Константина. Теперь всего лучше ему приехать: во 1-х, он взглянул бы на ярмарку, которая стоит того, чтобы ее посмотреть; во 2-х, он бы взглянул на ростовские древние святыни; в 3-х, выгода та, что помещение ему бы ничего не стоило: он бы поместился у меня; наемная же плата за помещение во время ярмарки страшно высока. На ярмарку стекается народу тысяч более 100 да купцов тысяч до 10. Она продолжается почти 3 недели. Доход города и жителей — весь от этих 3-х недель; в остальное время года почти нет торговли. А как хороши древности Ростова с их Кремлем. Впрочем, местоположение города и самые древности осматривать лучше летом

или весной. Хотя по календарю следует быть весне, однако, на счастие Ростова, стоит преисправная зимняя погода и отличная дорога, чего никто не мог ожидать. — Стою я у Петра Васильевича Хлебникова наверху. Тут же в бельэтаже помещается и жандармский полковник, приезжающий на ярмарку в звании коменданта ярмарки. —

Поздравляю вас всех с приездом Софьи и Олички[1]; обнимаю ее и надеюсь увидать ее, если приеду к вам на Святую. Когда же явится в Москву другая половина Гриши — он сам?[2]

Вам, милая маменька, нужным считаю доложить, что отслужил молебный Дмитрию Ростовскому[3], который высокого роста и у раки которого есть серебряная доска с надписью и стихами сочинения Ломоносова[4]. У Ростова, кажется, своих собственных святых будет с десяток: мощей открытых и под спудом премного. — Я с удовольствием отслужил молебный Дмитрию, которого уважаю больше других святых и к которому имеешь сочувствие как к литератору. — В Ростове превосходно делают образа на финифти[5], и не только образа, но и портреты черною краскою. —

По случаю поста увеселений общественных на ярмарке нет, но надобно признаться, что ярмарка вовсе не придает великопостного вида городу. Она важна еще тем, что это время срочных платежей; за покупку и продажу хлеба прошлым летом в Рыбинске расплата происходит здесь. — Впрочем, подробное и отчетливое изображение ярмарки и города оставляю до другого раза. — Если Константин хочет, то может привезти с собой Хомякова или Мамонова. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы. Прошу сестер не слишком усердствовать в посте и в хождении в церковь. Я сам постничаю, впрочем, ем рыбу и, признаюсь, вовсе не стал бы постничать, ибо круглый год ем умеренно и не чувствую никакой в посте потребности, да совестно перед Афанасьем и купцами. Обнимаю Константина и всех сестер, в том числе и Софью с племянницей. Умна ли она, ей теперь уже что-то прибавилось, около года[6].

58

Марта 13-го 1850 г⟨ода⟩. Ярославль. Понед⟨ельник⟩.

Получил я в субботу и второе письмо ваше, адресованное в Ростов. Беспокойное теперь у вас время, и я перестаю надеяться на приезд Константина. А жаль! Ярмарка очень любопытна.

Я бы хотел как-нибудь описать ее вам поживее, но не чувствую в себе сам никакого живого расположения. Следствие ли это постной лимфообильной пищи, скуки от занятий или находящей на меня, хотя и редко, тупости и вялости, — не знаю, но чувствую, что стихов долго не придется писать мне. Тут, впрочем, еще две причины: одна — это мое теперешнее положение в городе, где граждане делятся на три партии, которые все в страшной вражде между собою, кляузничают, жалуются, доносят друг на друга... Следовательно, положение чиновника, незнакомого с городом, чрезвычайно неприятно и скучно. Всякое хорошее намерение, родившееся в одной партии, осуждается

другою, потому только, что придумано тою партиею. А причина разделения — в неуравнительности богатства. Владельцы вотчинных лавок, получающие доход с них во время ярмарки, подвергаются преследованию других богачей, не имеющих своих собственных лавок; наконец, есть не вотчинники и не богачи, которые враждуют с теми и с другими. И не то, чтоб были притеснения! Нет: одни говорят, что платят повинностей больше, чем другие, другие доказывают, что они вовсе не так богаты, не имеют больших доходов; словом — в основании зависть. — Вообще всякое владение, приносящее владельцу доход без труда с его стороны, носит на себе характер незаконности. Так и помещик, так и вотчинник кажутся (и, может быть, справедливо) неправыми купцу, производящему торговлю, следовательно, человеку трудящемуся и рискующему... Но это один из тех бесконечных социальных вопросов, решение которых принадлежит времени. А между тем человек, лежащий в шелковом халате на бархатном диване, ничего не делающий и наслаждающийся жизнью посредством доходов с недвижимой собственности, полученной в наследство, следовательно, богатый без заслуги и трудов с своей стороны, все-таки оскорбителен человеку, обогащающемуся деятельным трудом...

Были интриги даже относительно моего помещения. Каждая сторона назначала квартиру у себя, но я, не зная этого, остановился там, где нашел для себя удобнее, и именно у Петра В⟨асильевича⟩ Хлебникова, одного из вотчинников, хотя очень умного и образованного человека. Он не купец и не мещанин, а почетный гражданин, который не производит торговли, следоват⟨ельно⟩, и не записан в купцы, а получает доход с своих домов и лавок. Само собою разумеется, что мое помещение не может иметь никакого на меня влияния, но скучно то, что во всех этих дрязгах слышишь вопрос, поколебавший человечество и не разрешенный им[1].

Вторая причина моей апатии — продолжительность зимы. 13-ое марта, а зима в полном могуществе! Кажется, пахни только весенний ветер теплом, зашевелись природа — и дух бы воскрес и хоть на минуту можно было бы забыть дрянь-человека! Я не могу подобно Константину утешаться такими фразами: “главное — принцип, остальное — случайность” или “что русский народ ищет царствия Божия!..” и т. д. Равнодушие к пользам общим, лень, апатия и предпочтение собственных выгод признаются за искание царства Божия! — Что касается до принципа, то, признаюсь, это выражение Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: друг мой, ты будешь сыт на том свете, а теперь голодай — это случайность, намажь хлеб принципом вместо масла, посыпай принципом — и вкусно: нужды нет, что сотни тысяч умрут, другие сотни уйдут — это случайность. Легкое утешение. Если бы я так верил в принцип и в *жизненность* этого принципа в русском народе, то, право, и горевать бы не стал. Возмущают меня факты — ничего, вынул из кармана табакерку, понюхал принципа — и счастлив! — Где он — этот принцип? Куда затесался? Поди, Константин, достань пыльную летопись, поищи его в XII и XIII веке, когда князья терзали русскую землю, воюя друг у друга уделы... Поздравляю с этой находкой.

Осадок разных подобных ощущений в сердце производит во мне то, что

производит дурной вкус во рту, и заставляет меня еще более привязываться к наслаждению природою. Но и тут тепла и тепла хочется мне! Теперь великолепные лунные ночи. Думал я недавно, смотря в окно ночью: отчего это луна уже не действует на меня, как бывало, когда я не мог на нее смотреть равнодушно, без сладких ощущений грусти и томления, когда она неминуемо производила во мне волшебное очарование... Теперь гляжу на нее очень равнодушно; *знаю*, что она хороша, но не рождает она во мне никаких ощущений — и жаль мне становится, что одним наслаждением меньше стало. Думаю, что весной и летом будет не то.

Здесь теперь губернатор. Вчера я обедал с ним у головы и нынче опять обедаю с ним у головы же, в собрании купцов. Само собой разумеется, что с полчаса проходит в усаживании гостей за стол: хозяин хлопочет, чтоб все сидели по чинам и по званию, а потому раз 5 делается перемещение. Ибо севший двумя стульями ниже, если и молчит, то тем не менее глубоко чувствует оскорбление. Этот обычай весьма почтенен, потому что древен, а что древен, так это доказывает "Домострой" Сильвестра, посвятившего этому важному предмету целую главу. Теперь купец поведает о своем оскорблении только жене. К сожалению, новейшая цивилизация не дозволяет уже ему в подобных случаях спускаться со стула под стол и, лёжа там, толстым своим брюхом приподнимать столовые доски со всею посудой... Бутурлин нынче уезжает обратно в Ярославль, а через неделю думает ехать в П⟨етер⟩бург. — Он приезжал взглянуть на ярмарку. Конная ярмарка уже почти кончилась, но по всем прочим отраслям торговля в самом разгаре: гул несмолкаемый с утра до ночи. Эта ярмарка обилует собственно матерьялами: лен, пенька, краска индиго, бумага, марена[2] и т. п. Вообще продажи, даже и крестьянских изделий, больше оптовые: так напр⟨имер⟩, вчера я видел возов, по крайней мере, с 50, если не больше, только с шерстяными крестьянскими чулками, которые продаются повозно. Деятельность торговая необыкновенная. Всякий уголок, всякий столбик обратился в лавку. Целые огромные стены выставлены картин, где рядом с Митрофаном какая-то одалиска, с страшным судом — какая-то Minna et Brenda; там целый полк колоколов, повешенных на наскоро устроенные перекладины; их беспрестанно пробуют, и звон продолжается целый день. Тут целый ряд импровизированных печей, где варятся, жарятся и готовятся разные кушанья для народа; тут огромные трактирные балаганы, набитые мужиками и женщинами, которых в остальное время в трактиры не пускают и которые — на время ярмарки — пользуются эмансипацией. Вчера ко всему этому присоединилось воскресенье. Против моих окон огромный двор, принадлежащий кн⟨ягине⟩ Чернышевой: там останавливаются крестьяне здешнего уезда. Вчера этот двор был так набит возами, что в буквальном смысле яблока негде было уронить. Я видел, как возы эти приезжали: на каждом возу сидела баба, окутанная какою-то простынею. Приехавши, она снимала простыню и оставалась в своем парадном костюме, в котором и отправлялась гулять. Костюм состоит большею частью из яркожелтого платка на голове, пунцовой шубки и платья ситцевого или штофного; обувь — валенки, которые как-то плохо гармонируют с шелком и штофом. Шляпок французских я не видал здесь на крестьянках; у бóльшей части

даже рот завязан; впрочем, платье, хотя и с шубкой, в которой талия поперек лопаток, вытесняет сарафан. Баб вчера было премногое множество: хорошеньких довольно, красавицы ни одной, брюнетки ни одной, косы — крысьи хвосты, румяна и белила наложены щедро. Как Великий пост воспрещает употребление скоромного масла, но не воспрещает вина, то пьяных (разумеется, мужиков) в соразмерном количестве. Впрочем, беспорядков никаких нет. — Чернобровая красота, упоминаемая в песнях, есть воспоминание юга, вместе с синим морем, с зеленою степью, с лебедем.

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы и бодры. Дай Бог, чтоб все ваши опасения насчет Анны Тим⟨офеевны⟩ кончились благополучно[3]. Обнимаю Константина, но жду его, обнимаю сестер и Софью.

Ваш *Ив. А.*

59

1850 г⟨ода⟩ марта 20-го. Понед⟨ельник⟩. Ростов.

Вот и Константин здесь[1], милые мои отесинька и маменька! Я очень рад, что он приехал, так рад, что даже балую его, т. е. угощаю его обществом лучших людей всей Ярославской губернии. По случаю ярмарки сюда собрались разные мои хорошие и короткие приятели, приобретенные мною во время моего пребывания в разных уездах этой губернии. Всех их я уже предупредил о Константине, все они уже знакомы через меня с нашим образом мыслей, так что Константин приехал как бы к давно знакомым людям. С одной стороны, это ему приятно, с другой — я бы желал, чтобы он лицом к лицу встретился с действительностью. До сих пор это не совсем удавалось; к тому же я теряю надежду, чтоб когда-либо он был способен ее увидать[2]. Этот человек никогда не смущался, не сомневался в своих убеждениях[3], — и мы во многих взглядах по этому случаю с ним расходимся. — Осматривали нынче древности Ростова, находящиеся в жалком виде разрушения. Но как хороши они! Особенно внутренность двух церквей, в которых уже не служат. Осматривали мы с здешним протопопом и с целой компанией купцов. Бритые лучше и благонадежнее небритых; в этом принужден был сознаться сам Константин! По случаю его пребывания у нас почти каждый час гости, и если Константин останется дольше, чего я очень желаю, то я ему отведу особую комнату и распределю время — и его заставлю заниматься, и мои занятия пойдут своим чередом.

Отслужили молебный в первый же день приезда Дмитрию Ростовскому, прикладывались ко всем мощам и вчера слушали нарочно для нас заказанный звон на соборной колокольне. Здесь колокола подобраны по нотам, и существует три разные звона, которые все были для нас сыграны.

Во всяком случае я думаю, что это путешествие будет не только приятно (и послужит для него источником рассказов и доказательств), но и весьма полезно. Прощайте, он сам вам пишет, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Веру и всех сестер, также Софью с Оличкой.

Ваш *Ив. Акс.*

60

Марта 25 1850 г⟨ода⟩. Ростов.
Суббота. 8 часов вечера.

Сейчас провожаю Константина, милый мой отесинька и милая моя маменька, и сейчас получили от вас письма. Известия ваши о здоровье маменьки и Олиньки неутешительны[1], нечего сказать; одни только Ваши слова, что в маменькиной болезни нет ничего важного, и убеждение, что Вы пишете мне правду, могут несколько меня успокоивать. Но ради Бога, милая маменька, берегите себя: грешно Вам будет, если Вы по собственной вине продолжите свое нездоровье; к чему тогда Ваше говенье, пост и хожденье в церковь, когда Вы тут не сумеете подчиниться надзору. Я это говорю потому, что знаю, как мудрено Вас лечить.

Письмо Ваше от вторника, милый отесинька, действительно навело на Константина сильное подозрение и недоумение, и он хотел тотчас же ехать[2], но я его удержал. Удержал потому, что, не видя основательных причин к положительному беспокойству, я хотел познакомить его с разными новыми сторонами жизни и с некоторыми совершенно оригинальными лицами, что мне и удалось.

Я считаю его пребывание здесь ему очень полезным[3]. Даст Бог, если все эти нездоровья окончатся благополучно, он напишет мне полный и подробный отчет о своих впечатлениях. Кажется, он признал несколько важность практических вопросов и сторон жизни и просто при моей помощи познакомился с некоторыми учреждениями правительственными обширнее, чем прежде. Ну да он сам вам все расскажет.

Теперь он очень беспокоится и, вероятно, упрекает себя за то, что не воспротивился мне сильнее. Семена, Вами заказанные, милая маменька, будут Вам доставлены после, зато будут самые лучшие; я нарочно отыскивал для этого искуснейшего огородника. —

Константин везет вам с десяток образов, если не больше. Из них золоченные гальваническим способом — мои и посылаются в подарок.

Боюсь, чтоб Вы не простудились, милый отесинька. Бедная Олинька, как она страдает. Посылается ей просфора и, кроме других образов, образок, лежавший на самых мощах св⟨ятого⟩ Авраамия, что было сделано нарочно для нас. Прощайте милые мои маменька и отесинька. Дай Бог, чтоб следующее письмо было утешительнее, но только ради Бога пишите правду. Благодарю вас за деньги. В понедельник напишу подробное письмо. Будьте бодры и поздоровее. Цалую ваши ручки, милую Оличку и всех сестер, а также и Софью с дочерью обнимаю. На Пасху надеюсь приехать. Вы прочтете это письмо уже по приезде Константина. Обнимаю и его и поздравляю с 29-м марта[4].

61

1850 г⟨ода⟩ марта 27-го. Понедельник. Ростов.

Вот уже почти двое суток, как уехал Константин, а письмо от вас, милые мои отесинька и маменька, я получу не раньше середы. Дай Бог, чтоб Константин нашел вас всех по возможности здоровыми; тогда путешествие его сюда вполне

достигнет своей цели и будет для него полезным и приятным воспоминанием. Послезавтра день его рождения: обнимаю и поздравляю и его, и вас. — После его отъезда пришел ко мне Василий Ив⟨анович⟩ Татаринов, ночевал и провел воскресенье, а вечером уехал. — Эйсмонт еще не приезжал и, вероятно, приедет не прежде, как получивши мои деньги из казначейства. С нынешнего дня я присел за работу, которую в это время несколько оставил, и — надобно сказать правду — необходимо заняться попристальнее, если хочу съездить к вам в Москву на Святую неделю[1]. А как скоро-то бежит время! Уже четвертая неделя поста. —

Все это бы ничего, но — какова зима. 27-ое марта, а она себе и в ус не дует, лежит, как в декабре. Перед моими глазами огромная площадь, покрытая белым, девственным снегом; каждое утро, вставая, гляжу на нее: не почернела ли, не попортилась ли? Нет, ничего не бывало. —

Особенного сообщить вам нет и чего. Хотел было писать вам подробно о пребывании Константина здесь, но он, вероятно, расскажет вам все подробнее, чем я мог бы написать. — Я старался его ознакомить с людьми разных свойств и оттенков и думаю, что было ему над чем призадуматься и что должно было несколько остановить его в пылкости разных выводов[2].

После его отъезда я не видал никого, кроме Хлебникова. —

Уже 7 часов, а прием только до 6-ти; надеюсь, что почтмейстер примет. Мне помешал один советник губ⟨ернского⟩ правления, просидевший у меня два часа. Губернатор уехал, и должность его правит Муравьев[3] — недруг его, и вся губерния занята этим обстоятельством; вот вам губернские политические новости.

Прощайте, до следующей почты. Цалую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех сестер с Софьей и с племянницей.

Ваш *Ив. Акс.*

62

30-го марта 1850 года. Четв⟨ерг⟩. Ростов.

Очень был я обрадован вчера вашими письмами, милые мои отесинька и маменька. Слава Богу, что все у вас идет довольно благополучно. Константин, успокоившись от тревоги[1], может теперь с полным удовольствием вспоминать свое путешествие. Я желаю, чтоб он отдал полный отчет себе и другим в испытанных им впечатлениях и в приобретенных сведениях, и потому жду от него большого письма, которого он, конечно, еще не успел написать со всеми хлопотами этой недели и в особенности вчерашнего дня[2]. Вот я ему теперь опять задаю поручение, а именно следующее:

Вчерашний день вечером было общественное собрание, на которое однако ж Хлебников и еще Иван Федор⟨ович⟩ Кекин (которого Константин не знает) не пошли, хотя и были приглашены и хотя для предварительных переговоров приезжала к ним, в продолжение всех этих дней, в особенности к Хлебникову, немалая часть граждан. Голова звал меня на собрание, но я отказался, не желая стеснять свободы прений. Собрание было самое бурное, какого не запомнят!

Федор Дм⟨итриевич⟩ Пичугин ораторствовал, бушевал и бесновался больше всех в пользу покупки Спасской слободы[3]; почти все общество (а человек было до 150) единодушно изъявляло то же желание. Противился только упрямый голова с небольшим числом зависящих от его власти лиц, как-то: сборщиков податей и т. п. — Прочие же, которые и были против, скоро смирились, видя желание общества. Голова настаивал сначала на том, что это собрание недействительно за отсутствием двух почетнейших граждан, и предлагал выбрать депутатов и послать к ним для узнания их мнений. Разумеется, этому все воспротивились, говоря, что званные и не пришедшие на собрание предоставляют этим поступком обществу полную власть решать без них и, значит, заранее покоряются решению. Наконец, согласились на том и подписали приговор, чтобы купить это имение за 30 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ серебром, включая в то число и деньги, жертвуемые крестьянами. Впрочем, еще официального уведомления и подлинного приговора я не получил. Теперь вот что нужно. Пусть Константин сейчас же отправится к кн⟨язю⟩ Долгорукому и постарается уломать его, уговорить на уступку, если не всей лишней требуемой им суммы, то хоть части. Пусть кн⟨язь⟩ Долгорукий с первой же почтой уведомит меня официальным письмом, которое потом я приложу к делу и пущу дальше в ход о последней, крайней цене и обо всех условиях платежа: наприм⟨ер⟩, согласен ли он получать деньги по частям, в течение нескольких лет, напр⟨имер⟩, по 6000 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ в год, а остальное количество было бы ему заплачено немедленно. Он должен взять в соображение, что расходы по купчей крепости падают на счет города. Стыдно будет ему, такому богачу, помешать благосостоянию своих крестьян; уступка с его стороны была бы истинным для них благодеянием... Ох уж эти мне набожные аристократы и добродетельные помещики! Лучше было бы сделать действительно доброе дело, нежели знать наизусть церковный устав, соблюдать посты и вообще православничать! Просит он слишком дорого; городу нет выгоды платить 150 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩, кроме расходов по купчей, за одну землю. — Если же кн⟨язь⟩ Долгорукой не согласится уступить и решится продать имение какому-нибудь новому помещику (который, заплативши столько, будет требовать от крестьян большой оброк), следовательно, упрочить крепостное состояние за крестьянами и подвергнуть их разорению, то он будет совершенная скотина. Впрочем, сверх 30 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ город, по настоянию м⟨инист⟩ра, может быть, и еще прибавит, но, во всяком случае, не 150 т⟨ысяч⟩. — Все это представь ему, Константин, живо и убедительно и постарайся его вразумить; непременно уведомь меня о результатах твоих переговоров с 1-ою почтой и его заставь написать. Я нарочно тебе описал собрание так подробно потому, что ты знаешь лица и отношения их между собою.

Благодарю милую Оличку и всех милых сестер за письма; очень рад, что эти необычайно дешевые образки им понравились. Теперь, милая маменька, на ярмарке ничего купить нельзя, потому что ярмарки нет и как будто не бывало. Все тихо и пустынно; огромные ряды лавок закрыты и торгуют собственно для городского ежедневного обихода в немногих лавках. Об огороднике еще не успел справиться, но семена уже куплены, самые лучшие, по Вашему регистру, — на сумму 13 р⟨ублей⟩ 35 коп⟨еек⟩ асс⟨игнациями⟩. Фунт зеленого гороху — по

1 р⟨ублю⟩ 25 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ (куплено 5 ф⟨унтов⟩); морковное семя по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ ф⟨унт⟩; свекольное кожуховское по 1 р⟨ублю⟩ 70 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ фунт; муромское огуречное по 1 р⟨ублю⟩ 40 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ фунт; 1/4 фунта немецкой петрушки 1 р⟨убль⟩ 25 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩, 1/4 фунта колом⟨енской⟩ капусты по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ и 1/4 фунта петровской репы — 75 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩. — Может быть, Вы велите, если найдете эти цены дешевыми, купить еще чего-нибудь. Петрушку советую посадить часть осенью, в октябре.

Я советовал и здесь Константину, милый отесинька, все замечания написать особо, чтобы не позабыть; хотел и сам это сделать, да не успел. Впрочем, замечаний значительных нет; только я заметил в статье о "Водах"[4]: во 1-х, ей дано слишком общее значение, тогда как это описание может относиться к водам только известной полосы России; растительность около рек южных совсем не та, какая здесь описана; во 2-х, надобно предупредить, что это все *наглядные* наблюдения охотника, да еще оренбургского, и что статья вовсе не имеет притязания быть ученою или общеописательною[5]. Тогда, хотя статья будет иметь и это значение, нельзя будет обвинять ее в какой-либо ошибке или в излишних притязаниях; в 3-х, не довольно, помнится мне, ярко обозначено, почему именно Вы принимаетесь за описание вод; надо более объяснить необходимость описания вод для уразумения разных видов охоты. Все же прочее поистине так хорошо, живо, метко и даже важно своею поучительностью, сведениями, что будет драгоценным приобретением не только для литераторов, но и для естественной науки. Что касается до "Лебедя", то он также превосходен; только я бы переменил выражение "*по гладкому зеркалу вод*" и самое начало, которое переделал бы в таком духе: "что хотя этот пресловутый господин искони веков пользуется прозванием царя, и имя его сопровождается непременно великолепнейшими эпитетами, даже со стороны не видавших его никогда в глаза, но что он действительно хорош и великолепен и заслуживает эти прозвания" и т. под. в этом роде, т. е. начал бы шуткой приступ к описанию такой классической птицы. Читая вдвоем с Константином, мы на всяком шагу восхищались живостью и точностью описаний.

Константин был у меня в Ростове в годовщину моего прошлогодничного приключения[6]. Где-то встречу я следующую годовщину? Ну да Бог с ним, с будущим; теперь об нем и думать некогда. Если мне приехать к вам, что может случиться не раньше конца Страстной недели[7], то для этого надо усидчиво заниматься. Я еще должен перед Пасхой побывать в заштатном городке Петровске. — Бедный Гриша! Как он должен скучать в Симбирске и нетерпеливо беситься на петербургскую медленность![8] — Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы и берегите себя, целую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех сестер с Софьей и с племянницей. — Константину кланяются ростовские знакомые. Поздравляю милую Олиньку с благополучным окончанием операции. Может быть, все это хорошо, что вышло наружу[9]. — Прощайте.

Ваш *Ив. А.*

Кланяюсь по принадлежности.

P.S. Рыбу Аральского озера бросьте. Говорят, она несвежа и вредна.

63

6-го апр⟨еля⟩ 1850 г⟨ода⟩. Ростов. Четв⟨ерг⟩[1].

Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, со днем рождения Сонички (9 апр⟨еля⟩), поздравляю и цалую ее и всех. — Из последнего письма Вашего, милый отесинька, не видать, чтобы маменькино здоровье значительно поправлялось, и как сами Вы приписываете это отчасти постной пище, то я удивляюсь, что Вы не примете решительных мер и не заставите маменьку вместо грибов держать скоромную диету. Скверная вещь — постная пища, надобно признаться. С каждым глотком чувствуешь, как прибавляется золотушное начало. —

Сердит я на Константина за то, что, несмотря на мое настойчивое требование, он не уведомил меня подробнее о настроениях кн⟨язя⟩ Долгорукого[2] и не заставил этого господина написать сюда официальное письмо. Кн⟨язь⟩ Долгорукий или сам надувается, или вас надувает[3]. Против сообщенных мне Вами, милый отесинька, замечаний кн⟨язя⟩ Долгорукого возражаю следующее: 1) князь Долг⟨орукий⟩ не получал и не мог получить известия от своих крестьян, что эта покупка их разорит. Город *соглашается* купить землю по неотступной просьбе самих крестьян; все условия предложены самими же крестьянами, которые, быв допущены на собрание, кланялись торжественно в ноги обществу; да и склоки надоели — и когда я объявил им о несогласии князя, так они заплакали. Некоторые даже приходили меня просить: заставить его согласиться через м⟨инист⟩ра. Все это свидетельствует о противном. 2) Присоединением к городу крестьяне не обременяются ничем: как платили они 6000 р⟨ублей⟩ князю, так будут платить и еще в течение 10 лет князю или городу. Сверх 6000 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ они платили подушные подати в казну: мещанские подушные подати немного превышают крестьянские на 400 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ со всех (взяв все вместе). Сверх того крестьяне остаются с тою землею (117 десят⟨ин⟩), какая принадлежала им при помещике и какая останется за ними на вечные времена, при покупке имения городом. Остальные же 700 десят⟨ин⟩ лесу и 156 десят⟨ин⟩ принадлежат теперь не крестьянам, а помещику, который сенокос отдает внаймы, а лес по частям вырубает и продает. Если б эта покупка была так выгодна городу, то не было бы стольких споров; если б эта покупка была разорительна для крестьян, так они не хлопотали бы так об этом. Между тем, для них звание мещан выгоднее, ибо они приобретают некоторые торговые права. — А из этого видно, что не сострадание к крестьянам заставляет Долгорукого отказываться от продажи, а свои помещичьи выгоды. Это, верно, из сострадания пишет он крестьянам, что ему некоторые помещики предлагают 50000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Сказалась помещичья филантропия! — До получения еще мною последнего вашего письма крестьяне приходили мне показывать проект мирского приговора, которым они, в случае согласия князя, обязываются исполнять предложенные условия, выговаривая для себя только льготу от постойной повинности на 10 лет, в чем не может быть затруднения, и право сохранить свою рекрутскую квитанцию. При этом случае в приговоре наивно рассказывается история этой

квитанции. Вот она: кн⟨язь⟩ Долгорукий (или княгиня Долгорукая: имение принадлежит ей, только муж управляет) отдал в солдаты своего крепостного человека во Владимирской губернии и полученную за это рекрутскую квитанцию продал за 600 р⟨ублей⟩ серебром своим же крестьянам Спасской слободы. Каково! Можно, вместо крестьян, поставить из крепостных негодяя, можно, *нанявши* за крестьян охотника, заставить их заплатить себе эту сумму, но продавать и своим же крестьянам, когда отдача ему ничего не стоила, — это вполне достойно помещичьих чувств. Выгодный промысел — нечего сказать! Может быть, у помещиков это так принято, но, как бы то ни было, для меня подобные поступки возмутительнее всякого неправославия, всякой нестрогости нравов. Черта с два! И все это наивно рассказывается в крестьянском приговоре. — Из этого вы можете видеть, что за гусь г⟨осподи⟩н Долгорукой. Ведь вот, право, Константин! Он прежде всего справляется о том, русский ли кто и православный... Ест грибы в пост, без рыбы[1*] — восторг и слезы умиленья! — Для меня же прежде, чем я справлюсь, француз ли кто или русский, православный или католик, первый вопрос: каков он помещик или вообще человек и бьется ли в нем доброе, благородное, *христианское* сердце, а русское или французское оно, это вопросы второстепенные. — Я серьезно начинаю опасаться, чтоб православие Константина не привело его к опасной и жестокой узости воззрения, так что он людей всех прочих наций будет считать за собак, чем самым будет обличать творца в страшной несправедливости.

Итак, следует Константину отправиться вновь к кн⟨язю⟩ Долгорукому и убеждать его. Во всяком случае, необходим формальный отказ, чтоб прилично закончить дело.

Вчера я отправил к Вам садовника[4], милая маменька; он захватил с собой те семена, которые требуют немедленной посадки. Список их у меня есть; я привезу его к Вам вместе с остальными семенами. Если Вам самим нельзя с ним заняться, так поручите кому-либо из сестер. Кажется, Машенька любит цветы и растения и, верно, охотно займется этим, право, прелюбопытным и презанимательным делом.

В "Сев⟨ерной⟩ пчеле" напечатано письмо из Чернигова о бывших там спектаклях в пользу детских приютов и сказано, что благодаря превосходной игре таких, таких-то, Карташевского спектакль был чудесен и проч. Володя Карташевский и Жулева на разных, отдаленных друг от друга сценах упражняются по-своему в горе!..[5] Там же Булгарин, разбирая "Архив" Калачева[6], превозносит умственную деятельность Москвы перед П⟨етер⟩бургом, хвалит ее направление и, кажется, намерен симпатизировать с Константином не меньше других. Между тем, соперничество между Москвой и Петербургом выражается и в пари, завязавшемся между московскими и п⟨етер⟩бургскими лошадиными охотниками[7], что, вероятно, не сокрылось от наблюдательности Константина!...

Я не совсем согласен с ним насчет его выводов, но не успеваю к нему

[1*] Надобно было видеть огорчение его здесь, когда его поподчевали рыбой. Он три часа сряду не мог успокоиться.

писать. Как и всегда случается, под конец оказывается много новых дел и вопросов, которых не замечал прежде, а потому дела у меня много. К вам буду же ближе половины Страстной недели.

Прощайте, милые мои отесинька и милая маменька, ради Бога берегите себя и, не смотря ни на что, будьте бодры. Лучше будьте сердиты духом, чем унылы. Цалую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех моих милых сестер, а также и Софью с племянницей. Благодарю ее за приписку. По приезде я сам займусь Гришиным служебным делом и буду писать к нему письма. Теперь же я ничего хорошенько не понимаю...

Ваш *Ив. Акс.*

64

⟨Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову⟩.

10 апр⟨еля⟩ 1850 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩. Ростов.

До сих пор не успевал я ответить тебе, любезный друг и брат Константин. Кстати, скажи, где ты умудряешься доставать такие скверные, бледные чернила?

Пространно на письмо твое отвечать теперь не буду: и некогда, и скоро увидимся. Я рад, что ты признал важность значения купцов и, вместе с тем, вероятно, важность практических вопросов жизни. Но странны мне слова, где ты предлагаешь мне согласиться, что купец не чужд народу... Разве я это отрицал когда-нибудь? Я говорил только, что этот близкий народу человек, не вооруженный сознанием, податливее на обольщения петровского переворота[1], менее благонадежен, чем тот, кто уже совершил путь отрицания. Ив⟨ан⟩ Ал. Куликов -- менее русский, не так прочен, как Попов, Серебренников и другие. Кстати, ты не уверяешь ли других, что Попов ходит в русской одежде, не заказывает платья у французского портного? Попов совершил точно такой путь отрицания, как и мы[2]; к тому же он человек с образованием, читающий в журналах и английские романы, а не предоставленный собственным силам. Следовательно, приведенный тобою пример сюда не идет, а доказывает только мою мысль о том, что необходимо и необходимо образование и что оно только, вооружая человека мыслью и сознанием, способно и исправить человека, и остановить его на полугорé...

После твоего отъезда я познакомился еще с некоторыми купцами. Все бритые, но очень умные и хорошие люди. Все они интересны своими практическими познаниями и стремлениями. Все они, как мы, и что замечательно, чего ни в одном городе, кроме Ростова, я не встречал, с совершеннейшею свободою, независимостью, самостоятельностью, *безо всяких претензий* и чопорности. Здесь также та особенность, что купцы с женами посещают друг друга по вечерам, собираются вместе большими обществами, тогда как в Ярославле и в Рыбинске жены вечно дома, и собрания бывают только в торжественных случаях, сопровождаемые убийственным молчанием. Правда и то, что здесь, собравшись, дамы, если не танцуют, так играют в карты; дóма же, кроме хозяйства, занимаются чтением, музыкой.

Нынче опять общест⟨венное⟩ собрание, только не по моим предложениям, а потому я и иду посмотреть. Хлебников и вся его партия также идет, и я вчера, на купеческом вечере у Моракуева, слышал уже серьезные толки по этому случаю между умнейшими града. Тут беспрестанно снуют слова: общество, мы, выбранный, доверие и проч. Приехав, я расскажу цель собрания. Эх! не мешало бы тебе поучиться действующему русскому праву и узнать существующие учреждения. Тогда бы ты понимал ближе, где опасность, где ее нет и чего можно ожидать... Я и так уже поучил тебя здесь, буду учить и в Москве.

Хлебников получил твое письмо, весьма от того счастлив и уже начал писать ответ. Мы с ним почти каждый день видаемся. Он недавно сделал ссылку на твою драму[3], но так, что ты бы поморщился. Говоря о том, что на общест-в⟨енные⟩ собрания не надо пускать всех, а только выбранных, высказывая свое или старое презрение к народу, который кричит вслед за тем, кто побойчее и поумнее, и что у толпы всегда есть коновод, он сослался на твою драму, где народ хором повторяет то, что скажет Минин[4] или другой кто... Вот неожиданный реприманд[5]! Я так и расхохотался от мысли, что глупость люда народного доказывает твоею драмою!..[6] Нашел я здесь еще двух крестьян-стихотворцев, пишущих рифмами; достоинства в стихах их мало; стихи как стихи преплохи, однако все это замечательно и доказывает, что не одни духовные книги читает народ. Впрочем, они оба крепкие православные и нравственные люди. Один из них мучится желанием — совершенно бескорыстным — выразить преданность престолу! — Об них при свидании. — Девичий наряд мною куплен[7].

Прощай, милый друг и брат, крепко обнимаю тебя. К отесиньке и маменьке напишу нынче, но цалую их ручки. Сестер с невесткой и племянницей обнимаю. Будь здоров и пиши. —

Твой и проч. *Ив. Акс.*

Пичугин в Москве и взял твой адрес[8]. — Видно, уже мне придется купить карту Аральского моря[9].

65

14 апр<еля> 1850 г<ода>. Четверг. Ростов[1].

Получил я нынче Ваше письмо, милый мой отесинька. Что это, милая маменька, как Вы медленно выздоравливаете! Не надо ли Вас держать в бóльшем тепле? Впрочем, я сам скоро буду к вам и на месте все разберу. Это письмо я пишу последнее. Почта будет теперь опаздывать двое и трое суток и вот почему: дорога от Ростова до Москвы хороша и от Ростова до Ярославля также, но обе эти почты не отходят в Москву до получения архангельской почты, которую они обязаны отвезти в Москву и которая на пути своем до Ярославля встречает 13 речек, не говоря о Волге.

Я написал с нынешней почтой официальное отношение к кн<язю> Долгорукому[2]. Если он никогда не служил, то оно может ему показаться слишком

сухим и формальным, но иначе нельзя, потому что я приложу свое письмо и его ответ к делу.

Послезавтра отправляюсь в Петровск, где, может быть, буду и говеть, а потому не ждите меня раньше 21-го. Говеть в Москве было бы совсем некстати, да я и не люблю причащаться в Светлое воскресенье. Летом же пришлось бы говеть целую неделю, да летом я не люблю говеть, летом я делаюсь, так сказать, язычником середи природы с естественным законом в сердце, с "натуральным понятием о Божестве", как выражается один раскольник.

После отъезда Константина, принявшись деятельно за работу по Ростову, я дал себя узнать ближе, сам сблизился короче с гражданами, сделал много новых знакомств и могу сказать, нигде, ни в каком городе мой характер, мои стремления не были так поняты, как в Ростове. Хлебников оценил мое беспристрастие и не может без слез со мной расставаться, и все они полны уважения и любви, что мне гораздо приятнее всяких дворянских отзывов. —

Благодарю Константина за письмо. — Прощайте, милый мой отесинька и маменька, до свидания. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер, с невесткой и племянницей.

Ваш и проч. *Ив. Акс.*

66

1850 года мая 4-го. Четверг. Ярославль[1].

Опять начинается новый ряд писем из Ярославской губернии, милый мой отесинька и милая маменька, или, лучше сказать, обмен писем. Письмо ваше я получил нынче поутру. Слава Богу, что у вас все по-прежнему; вы не пишете только, достали ли для Олиньки кобылье молоко и принялась ли она пить его. 9-го мая день ее рожденья: поздравляю вас и ее и всех наших; дай Бог ей встречать еще долго этот день, но не в постели.

Я приехал в Ростов в понедельник, 1-го мая, к 7 часам вечера; приехал бы и раньше, если б не останавливался на час в Петровске. В Ростове я ночевал и выехал на другой день в 11 часов утра: бумаги и посещения меня задержали. Хлебников кланяется Константину. Переяславское озеро еще не растаяло, ростовское[2] также еще не совсем очистилось ото льда. Можете себе представить, что до сих пор в канавах, рытвинах, лощинах и даже на буграх лежит снег! Несмотря на жар и пыль, я ехал с большим удовольствием, т.е. радовался теплу, как ребенок. Так противна мне зимняя дорога! — В Ярославль я приехал во вторник к обеду: приехал бы раньше, если б не сломалась ось у телеги и если б я не был принужден верст 5 до Ярославля идти пешком. — Меня поразил разлив Волги здесь, при слиянии ее с Которостью. Говорят, вода нынешний год двумя аршинами выше прошлогодней, которая считалась необычайно высокою. Что за время!.. Я остановился в "Берлине" (гостинице) и нарочно взял себе нумер с балконом: он выходит на площадь, и я бóльшую часть времени занимаюсь на нем. Как мне грустно, что вы в городе! Это тепло, эта мягкость воздуха, эта доброта и краса, и приветливость, и рост, и цвет природы смущают и томят порою все мое бытие.

и стихи писать хочется, но делать нечего: приходится работать совсем иначе, да еще делать скучные визиты и принимать скучные посещения. Так как я здесь на несколько дней и должен, по случаю предстоящих полевых топографских работ, сделать разные предварительные распоряжения и разослать пропасть циркуляров, то теперь очень занят и с 7 часов утра до 2-х пишу безостановочно.

Здесь не нашел я ни одного письма к себе из П<етер>бурга и ни одной сколько-нибудь важной бумаги из м<инистерст>ва... Не понимаю, что все это значит. Как я, вероятно, уеду теперь из Ярославля до прихода новой почты из П<етер>бурга, а в Норский посад, куда я теперь отправляюсь, почта не ходит, то я во всяком случае дней 10 не буду иметь никаких известий из П<етер>бурга. — Неужели Гриша и теперь не приехал?[3] Что за несчастие ему особенное и как жаль мне его и Софью... Нынче прочел я в "Северной пчеле", что два председателя гражданских палат увольняются, по прошения мест должностей, "с отчислением от департам<ента> м<инистерст>ва юстиции". Стало быть, все это решительный вздор, будто причислять к д<епартамен>ту без должностей запрещено. Эти два председателя именно отчислены с тою целью, чтоб получить места обер-прокуроров и т.п.

В Ярославле узнал я, что слух, который я опровергал в Москве как неосновательный, оказывается справедливым, именно о назначении Муравьева помощником попечителя моск<овского> учебного округа[4]. Назимов, который ему сродни и приятель, бывши здесь в Ярославле, предложил ему это место[5]. Муравьев (вице-губернатор) долго отказывался, не чувствуя себя способным занять это место, но, наконец, согласился, видя, что здесь он постоянно в неприятных столкновениях с губернатором, и полагая, что с этого места он скорее, при помощи Назимова, может шагнуть дальше в губернаторы. Он сказал мне, что он представлен, но утвержден ли он, неизвестно. Место это совершенно не по нем. Он отличный чиновник, необыкновенно деятельный, горячий и энергический человек, прямой, честный и правдивый, но недалекого образования, чуждый всяких умозрений, незнакомый вовсе с миром литературным и науки. Он теперь правит должность губернатора и действует очень хорошо, но неприятно ему будет видеть, как Бутурлин станет ломать все сделанное им.

Константин забыл мне дать несколько экземпляров своей драмы[6]. Серебренников из Углича пишет мне, что он частным образом получил известие из П<етер>бурга, будто м<инистерст>во вошло в официальные отношения с сибирским начальством о колоколе[7].

Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька, пора на почту, будьте здоровы и берегите себя, целую ваши ручки, обнимаю милую Оличку, всех сестер и Константина и Софью с племянницей, а если Гриша в Москве[8], то, само собой разумеется, и Гришу. —

Ваш *Ив. А.*

С следующей почтой еще напишу.

67

Мая 7-го 1850 г<ода>. Ярославль. Воскресенье. 7 часов утра.

Сейчас только получил письмо ваше, милый мой отесинька и милая маменька, а через час отправляюсь из Ярославля в Норский посад, который стоит не на почтовом тракте, а потому и почта туда не ходит, и в котором я предполагаю остаться дня 4, не больше. Он всего верстах в 14 от Ярославля. Из Норского посада я отправляюсь дальше в Романов, где пробуду неделю. Итак, если вы и будете писать каждую почту, я, по крайней мере, неделю не буду получать ваших писем, равно и других бумаг. Из м<инистерст>ва никаких известий не имею. — Подробное описание Норского посада, который на Волге и который еще больше село, говорят, чем Петровск, получите вы от меня впоследствии. — Я доволен тем, что пускаюсь в разъезды... Погода такова... Но лучше молчать об этом, грустно и невыразимо больно говорить мне с вами о погоде! Кажется, она готовится разбить кору, на мне лежащую, наполнить вновь душу смятением, стремлением и волнением и заставить меня продолжать "Бродягу"[1]. Это уж не то, как прежде, когда, имея свободное время, я садился за стол с непременною волею писать стихи и не мог писать. Теперь мысль сама и без принуждения обращается к стихам и слышит возможность ответа... Впрочем, я еще не пишу. Господи, как хорошо!

Слава Богу, что Гриша приехал. Думаю, что письмо мое застанет его еще в Москве[2]. Письмо князя Долгорукого, присланное вам, глупо, наполнено лжи и грубее моего. Он лжет потому, что его крестьяне в настоящее время пользуются *только 117 десятинами,* а остальною землею пользуется он; закон, конечно, не дозволяет помещику иметь 150 душ на 117 десятинах, да это тогда, когда б у него не было другой земли, кроме 117 десятин. Так напр<имер>, если б я имел 500 десятин лесу и никакой земли, кроме этой, а при ней 100 душ крестьян, то помещик прав, ибо закон берет в соображение не действительное наделение крестьян землею, а общую пропорцию земли при имении, как помещичью, так и крестьянскую, хотя бы эта последняя была полдесятины на душу. — Наконец, город не заставляет мещан платить себе оброк за землю, а кн<язь> Долгорукий заставляет теперь крестьян платить ему оброк за 117 десятин! — По приезде в Ярославль я призвал бурмистра и спрашивал его насчет квитанции. Оказалось, что все, мною писанное, правда. Это уже вторая квитанция. Первая, купленная ими у кн<язя> Долгорукого за человека из его же владимирского имения, не была принята в последний набор потому, что имение это было заложено и квитанция могла быть годна только для того же заложенного имения; делать нечего — вместо квитанции — отдали человека, а помещик по просьбе крестьян дал им впоследствии другую, из своего же незаложенного имения. Впрочем, бурмистр говорит, что князь колпак, а всем, вероятно, распоряжается его жена. А потому я и попросил бы Константина объяснить князю, что он врет и что я не хочу отвечать ему на его нелепое письмо, но знаю, что если б Долгорукий похвалил П<етер>бург, то Константин с ним бы разошелся, а теперь подлости помещичьи он старается извинить[3], благо — не любит П<етер>бурга!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, крепко вас обнимаю и цалую ваши ручки, обнимаю милого брата Константина и всех вас, мои милые сестры!

Ваш *Ив. Аксаков.*

68

Мая 14-го 1850 г<ода>. Г<ород> Романов-Борисоглебск.

Почти год прошел — и я опять пишу к вам из Романова, милые мои отесинька и маменька; почти год, как я в Ярославской губернии! — В последний раз писал я вам из Ярославля 7-го мая; в прошедшую середу не писал, потому что из Норского посада почта не ходит. Здесь нашел я ваше письмо от 9 мая, жду еще письма нынче, а покуда отвечаю на 1-ое. Известия об Олиньке так утешительны, что требуют вторичного подтверждения; что-то скажет нынешнее письмо.

Как досадно мне, что вы не получаете моих писем вовремя и что они уже не застанут Гришу в Москве. Причина этому та, что почта, отправляемая из Ярославля в Москву, обязана, по положению, сочиненному лет за 100 назад, дожидаться прихода почты из Архангельска. В прежнее время сношения Архангельска и Вологды с Москвою были несравненно значительнее, чем теперь, когда они стали торговать почти исключительно с П<етер>бургом. — Ваши предположения насчет поездки в Абрамцево Вам одному, вероятно, изменились с переменой погоды. — Как удался нынче обед Гоголя?[1] В прошлом году он был очень неудачен, я был на нем. —

Каков май? Я не помню такого мая! Вообще у нас никогда не бывает весны. Апрельские жары как преждевременные никогда не имеют полной прелести потому, что и зелени нет, потому еще, что боишься морозов. А теперь так впору стоит чудное время. И так хорош май, настоящий весенний месяц, что лучше жарких месяцев лета. Просто весело, что все поэтические эпитеты мая оказываются теперь не ложными, что точно хороши майские первые полевые цветы, что точно май — юность года и точно может сравниться с юностью человека. Если вы в Москве, то и представить себе не можете, как хорошо в поле, в деревне! Как хорошо здесь, на Волге. Берега, усеянные селами, уже начали постепенно тонуть в подымающейся, разростающейся вокруг зелени, но зелень эта еще так мягка, свежа, прозрачна. Шум деревьев с каждым днем сильнее. Все народонаселение оживилось, запело! Хорошо! Всё красота вокруг! Только человек скверен.

Только человек скверен и портит на каждом шагу мои впечатления, возмущает настроение моего духа. В прошедшую субботу вечером в Ярославле я сидел до поздней ночи на балконе. Ночь была так великолепно хороша, одна из таких ночей, которые смиряют всякое "буйство бытия". Не тут-то было. Ярославль, несмотря даже на канун праздника, затеял какой-то дурацкий пикник в загородном саду, с танцами на *газоне*, и громкая, наглая музыка полек и вальсов, начавшись вместе с благовестом, призывавшим ко всенощной, разда-

валась потом в стихшем городе до поздней ночи. Я, разумеется, в этом пикнике не участвовал, но, перебирая в памяти участвовавших, вспомнил, что нет между ними почти ни одного живого человека: все искаженные создания. В воскресенье часов в 9 утра я выехал из Ярославля. Норский посад всего в 14 верстах от него, а Толгский монастырь в 6 верстах. Отпустив тарантас прямо в Норский, я вышел у перевоза и переправился через Волгу в монастырь. Вид монастыря очень красив, особенно теперь, когда Волга в разливе и подступила почти вплоть к белым стенам и башням, но архитектура его не имеет ничего особенного. О происхождении этой обители можно бы справиться с разными описаниями[2], коих у меня теперь под рукою нет. Монастырь был полон простого народа, но служили очень дурно, главное — пели все такие модные концерты, с такими штуками, что просто было смешно. И так все это плохо гармонирует с теплым весенним утром и со всею прелестью природы, видною из растворенных дверей и окон церкви. Из монастыря я поплыл водою вверх по Волге до Норского посада.

Норский посад или слобода существует очень давно, а со времен Екатерины состоит на одинаких правах с заштатными городами, т.е. управляется ратушей с бургомистром и ратманами[3], которых в народе называют просто судьями. Посад расположен очень красиво, на берегу Волги, при впадении в нее маленькой речки Норы; в нем всего 119 домов или, лучше сказать, изб. Купцов три или четыре, остальные все мещане и преимущественно гвоздари и рыбаки. — Я обещал себе провести очень приятно несколько дней в этой почти деревне, но вышло не то. Перед отъездом моим туда подана была просьба от выборных общества, в которой они просят о назначении чиновника для поверки слободских доходов и расходов и для учета ратуши. Этот призыв сам по себе уже мне не совсем нравится, но я рад был все же видеть, что общество принимает участие в своих делах. Оказывается, что ратуша только половину доходов показывала в смете губернскому начальству, а в остальных отдавала отчет обществу. Но общество не стало доверять этим отчетам, голословным и не имеющим доказательств, сопровождающих расходы казенных сумм. По закону все это неправильно, и правительство не имеет права требовать отчета только в суммах, составляемых из добровольных денежных складок, а не в доходах с общественных имуществ. При требовании моем: куда же деваются суммы, не выказываемые в официальных доходах, мне представили тетради и отчеты слободского старосты обществу; слободской же староста расходует по распоряжению домашнему ратуши. В этих тетрядях написаны следующие расходы: на поздравление со днем ангела правителя канцелярии губернатора, исправника и многих других, на поздравление их с Новым годом и с Пасхой, на табак и водку приезжающим чиновникам, на издержки по земской полиции по случаю найденного в посаде мертвого тела и все в таком роде. Общество не отвергает правильности и необходимости этого красивого расхода, но говорит, что в прежние года расходовалось на это гораздо меньше и из других частных их сумм, и предполагает, что половину этих расходов выказали ложно и взяли себе. Мне всегда неприятнее видеть мошенника — общественного человека (как выражаются всегда мещане), нежели мошенника-чиновника. Вы скажете на это, что бургомистр с ратманами те же чиновники. Так, но все же не совсем.

Они выбираются, да и в отношении сумм неофициальных являются общественными людьми. Можно извинить кражу у казны и вообще из сумм, носящих на себе характер казенный, но ведь они этим деньгам давали значение не казенное, а общественное, и считали нужным отдавать в них отчет обществу, безо всякого ведома и участия правительства, и лгали в этих отчетах и надували само общество. Более чем вероятно, что половина сумм, показанных расходом на чиновников, взята ими себе. — Само собою разумеется, что все чиновники при спросе отрекутся и деньги взыщутся с ратуши. — Я должен был потребовать от губернатора смены присутствующих и произведения настоящего следствия. Как бы вы ни объясняли и ни оправдывали это явление, но согласитесь, что за слабая натура у русского человека, что он становится мошенником, как скоро переходит в чиновника! Как будто он не знает, что должно переносить и туда понятия честности и правды! Как будто чиновник перестает быть христианином! Знаю заранее все софизмы Константина, но ведь это только софизмы, и он не стал бы оправдывать меня, если б я вздумал брать взятки или присвоивать себе чужие деньги...

Неприятно быть грозою чиновническою в деревне, особенно в такую чудную погоду, при таком чудном местоположении, при явившемся расположении писать стихи. Мне было досадно не сколько дело само по себе, сколько то, что оно заставляет меня нарушать настроение моего духа. Впрочем, только наружностью своею Норская слобода походит на деревню. Песен в ней не поется, хороводов не водится, а поются мещанами разные чувствительные романсы с гитарою! — В разговорах с ними я заметил, что они все вместо "*не глядя́*" употребляют "*неглиже*". В четверг я выехал на обывательских лошадях к станции на большой дороге, ведущей из Ярославля в Романов, но на большой дороге, в версте от станции, завяз в грязи (после бывшего сильного дождя). Надобно было вытаскивать народом, что все продолжалось несколько часов. Этой участи в течение 3-х дней подверглось 10 экипажей.

Теперь я в Романове-Борисоглебске или, лучше сказать, в Романове, на левом берегу Волги. Вы уже знаете про необыкновенную живописность его местоположения, необыкновенно крутых берегов и церквей, окруженных зеленью. С удовольствием узнал я здесь про добрые последствия принятой в прошлом году меры относительно раскольников[4]: полнее стали православные церкви, а Великим постом многие из закоренелых исповедались и причащались. Были такие случаи, что причастившийся умилялся и растрогивался так, что бросался потом в ноги священнику и благодарил его за то, что принятою мерою втолкнули его, так сказать, в церковь и заставили удостоиться благодати! Многим тяжело было решиться: надобно было заставить их решится. Разумеется, еще многие только по внешности принадлежат к православию, но все же они стали ближе к церкви, без посредствующего единоверия, упрочивающего и узаконяющего раскол и разделение.

Посылаю с нынешней почтой рукописи Татищева, о которых просил меня Соловьев. Если Константин с ним в хороших отношениях, то скажите Соловьеву, что он может себе совсем взять эти рукописи[5]. — Уведомьте меня, не оставил ли я в Москве рукописи о бессарабских раскольниках[6] и не забыл ли

еще чего? Прощайте, мои милые отесинька и маменька, дай Бог вам здоровья, цалую ваши ручки. Здесь я останусь до будущего четверга и потом проеду через Рыбинск в Мологу. На этой неделе я писал вам всего раз, но с следующей почтой, может быть, стану писать. Обнимаю милого брата Константина и всех моих милых сестер. Как-то вы решитесь с летом? Думаю, что Гриша с женой и дочерью уже уехал[7]. Прощайте.

Ваш *Ив. Акс.*

Как правильнее писать *прежде* или *преждѣ*. Обыкновенно мы пишем прежде, но пишем *вездѣ, гдѣ*. Много значит ударение на последнем слоге.

69

Мая 17-го 1850 г<ода>. Романов-Борисогл<ебск>[1].

Пишу нынче собственно для того только, чтоб поздравить вас, Константина и всю семью со днем его именин. Дай Бог поскорее ему найти свою Елену![2] Завтра думаю отправиться из Романова, остановиться дня на два в Рыбинске — и оттуда в Мологу. С этими переездами я по необходимости должен буду пропустить одну почту, и потому с следующей почтой вы от меня писем не ждите, а уж буду я писать вам пространнее из Мологи.

Все ваши письма, адресованные в Романов, я получил. Поразила меня смерть Над<ежды> Никол<аевны>[3] своею внезапностью. Это была натура деятельная, душа светлая и, казалось мне, давно готовая к смерти, что не мешало ей жить — пока она была в жизни — живою жизнью с живыми. — Вы не пишете, куда едет Гоголь[4], также не описываете мне подробностей Гришиного пребывания в Москве. Не помню, писал ли я ему о том, чтоб он адресовал письма ко мне в Мологу. Уведомьте его об моем адресе.

Жаркая погода, сменившись на время ясным холодком, опять воцарилась. Небо без облака, солнце светит и палит на всем просторе, тишина, Волга, как зеркало, отражая суда, подымающиеся вверх медленно-медленно бичевою, дни прибавляются. Гибель!

Прощайте. Занят я делом с утра до ночи и спешу. Цалую ваши ручки, милый отесинька и маменька, дай Бог, чтоб известия о состоянии здоровья были с каждым днем утешительнее; обнимаю Константина крепко и еще раз поздравляю его, цалую всех сестер.

Ваш и пр. *Ив. Акс.*

70

1850 года мая 23-го. Вторник. Молога.

Последнее письмо мое к вам, милые мои отесинька и маменька, было из Романова, из которого я в четверг выехал в Рыбинск. Там получил я одно ваше письмо, а в воскресенье приехал в Мологу. — Молога очень древня и знаменита была прежде своею торговлей. Макарьевская ярмарка сначала была здесь[1]. В настоящее время, впрочем, нет ни одного старинного здания, и городок весь

новый, расположенный по плану, довольно красивый и чистенький. Он расположен вдоль Мологи и Волги, при впадении первой в последнюю, на ровных, низких, песчаных берегах, так что взору довольно простора. Здесь воздух так здоров и хорош, что резко чувствуешь его отличие от рыбинской атмосферы; песок очень тверд, и хотя ветер и беспокоит иногда песчаною пылью, зато никогда не бывает грязи. — Таким образом, вот сколько я ни езжу, все не расстаюсь с Во́лгой. Ярославль, Норский посад, Романов-Борисоглебск, Рыбинск, Молога, Мышкин, Углич — везде она в разных видах. Я так привык к ее простору, простору ее берегов, к этим широким размерам, что, кажется, в Абрамцеве было бы мне тесно и душно. Никогда Волга не бывала так хороша, как нынешнею весною: вода еше довольно полна, сёла начинают тонуть в молодой, уже роскошной зелени, белые церкви и города также окаймлены ею и опрокинулись отражением своим в Волгу, которая бо́льшею частью тиха и гладка, как зеркало. Так как ветер не низовой, то и парусов мало видно, а суда чаще всего подымаются вверх бичевою или завозными якорями и медленно-медленно, как-то неподвижно двигаются. И какое разнообразие местоположения! Берега Романова-Борисоглебска так круты и живописны, что я не знаю им подобных; Рыбинск с своею оживленною торговою деятельностью представляет совершенно другую физиономию; там Волги почти не видать: так она усеяна судами. Молога с своим плоским простором, с двумя широкими реками, теряющимися вдали, насылает вам другие впечатления. —

Только что мы стали приближаться к Рыбинску, как пошли нам встречаться анбары и анбары, возы с мешками муки и, наконец, в самом городе огромные толпы народа, запрудившие площадь и улицы. Это все крючники, бурлаки, коноводы, водоливы, лоцмана. Все живо, шумно, деятельно. Я остановился, разумеется, у Андрея Ив<ановича> Миклютина, который взял с меня слово всегда останавливаться у него. В Рыбинске у меня было дело по думе, и я должен был провести в нем несколько дней. — Все знакомые Константина ему от души кланяются. — Попов болен[2], и как он подвержен чахотке, то я его уговаривал пить кумыс или кобылье молоко, но предложение мое он отверг с негодованием, говоря, что русскому человеку это противно и погано. "Ну, — сказал я, — видно, что мы с братом происхождения татарского, потому что оба охотники до кумыса и никому не приходила в голову мысль о его поганстве!.." Статью Константина я роздал по принадлежности[3]; все его очень благодарят и от нее в восторге. Только голове забыл отдать, да и нечего ему отдавать. — Им продолжают быть очень довольны. Петр Александров<ич> Переяславцев, дядя Попова, собирается в Москву и просил у меня адреса Константинова; я дал ему адрес в Москву и в Абрамцево, на всякий случай. Он старик очень умный, хотя и не в Константиновом духе, и много сделал для Рыбинска, бывши не раз головою. — Журавлева не успел видеть, потому что он каждый вечер уезжает к себе на пристань, а днем мы друг друга не заставали. А жаль. Про него рассказывали мне очень нехорошую весть, именно о притеснениях с его стороны крестьянам, — мне хотелось поговорить с ним об этом серьезно. — Для Олиньки узнал еще новое средство: мозжевельный кофе (из ягод мозжевельника): говорят, чудо как восстанавливает силы. Может быть, и Вера согласится его пить. Если Вера

поедет на воды, то не лучше ли ей вместо Ревеля ехать в Габзаль?[4] M-me Фляс испытала на своих нервах целительное действие этих вод. — 21 мая в Рыбинске крестный ход с приносимою сюда из Мологского девичьего монастыря чудотворною иконою Тихвинской Божьей Матери. Не знаю, как провел Константин свои именины, а я в этот день, отслушав обедню и обойдя с крестным ходом весь город, отобедал или, лучше сказать, отзавтракал у головы, давшего мне прощальный завтрак, и, распростившись с рыбинцами, уехал в Мологу, которая всего в 33 верстах от Рыбинска, по дороге в Петербург, за Волгой. — Суда в Рыбинске собираются довольно медленно, хотя ожидают, что нынешний год будет для торговли лучше прошлогоднего; иногородние купцы еще не все съехались, и деятельность Рыбинска только начинается, а не в полном разгаре. Муку покупают по 9 р<ублей> 20 коп<еек> и ниже этой цены. Цен высоких ожидать нельзя, но распродажа части запасов, хранившихся в П<етер>бурге, даст купцам возможность закупить новые запасы на низу благодаря дешевизне, и это несколько оживляет торговлю больше, чем в 1849 г<оду>, но только несколько.

Что за погода! Теплота и теплота! Здесь в Мологе столько черемухи и синели (уже вполне распустившейся), что воздух исполнен самого чудного благоухания. Что за ночи! Ясные, тихие — и как хорошо в это время на Волге, и как тяжело мне, что не только не могу сбросить с себя заботу по исполнению своего поручения, но должен много и прилежно заниматься. Стихи как-то хотелось писать, да в эту минуту было некогда, а потом уже не могу, да и не досуг приходить в соответственное расположение духа. Все это грустно, а время и годы уходят, а с ними и впечатлимость тупеет.

Больше, кажется, сообщить мне вам нечего. Хотел было писать Константину про грамоту царя Алекс<ея> Михайл<овича> о мытах и перевозах и проч., да лень и нет расположения писать. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю Веру, Оличку и всех милых сестер, а также и Константина. Что кобылье молоко? Продолжает ли действовать[5]. — Буду ли писать с следующей почтой — еще не знаю.

Ваш *Ив. А.*

71

Мая 26-го 1850 г<ода>. Молога. Суббота.

Если б не Вы сами писали последнее письмо, милый отесинька, так очень бы обеспокоили меня. Каким это образом Вы опять было так сильно захворали. Дай Бог, чтоб это нездоровье не имело дальнейших последствий и не помешало Вам насладиться летом столько, по крайней мере, сколько это возможно при наших обстоятельствах.

Впрочем, погода, хотя и постоянно теплая, сделалась необыкновенно ветреною, по крайней мере, здесь на Волге. —

Вы не пишете, да Вам и некогда и утомительно было бы писать все подробно, а хотелось бы мне знать подробнее обо всех обстоятельствах Гришиного перевода[1], приезда и проч. Сошлись ли они с Милютиным? Вы пишете о месте

вице-губернатора в Калуге. Не только в Калуге, но и нигде не хочу я иметь себе постоянного, прочного места, — и за 40 тысяч жалованья не соглашусь упрочиться или поселиться в какой-нибудь провинции. Путешествовать по провинциям можно и должно, но жить в них — невыносимо — одному. Вообще мысль о постоянном пребывании на одном и том же месте для меня несносна, а тем более не хочу я упрочиваться в губернии. — Напишите Смирновой, если хотите, об этом месте для Гриши, но вряд ли это будет полезно. Губернаторские представления не очень уважаются в этих случаях, а Смирнов к тому же никогда не имел большого веса у Перовского. Почем вы знаете, что министр поговорил обо мне с Бутурлиным, когда Бутурлин еще не возвращался и в Ярославль?

Писем и особенно важных бумаг из министерства не получал. Знаю, что многие мои проекты одобрены и приводятся уже в исполнение, но собственно на свое имя никаких известий не получаю.

Работаю я теперь чрезвычайно много. Встаю часу в 7-м утра, а часу в 10-м вечера хожу гулять по берегам Волги и Мологи. Два раза в день пью стакана по два молока и вообще перешел на более легкую пищу, откинув вино и водку. Жар, постоянные занятия, сидячая жизнь заставили меня сократить питательность мясной пищи и обратиться к молочной. Работаю потому много, что спешу поскорее разделаться с городами. В Мологе пробуду еще недели две, а потом в Мышкин, где работы будет меньше.

Прощайте, милые мои отесинька и милая моя маменька, буду писать вам, вероятно, с следующей почтой. Будьте же здоровы ради Бога! Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех милых сестер. Напишите мне адрес Гриши в Петербурге.

Ваш *Ив. А.*

72

30 мая 1850 г<ода>. Вторник. Молога.

Я вовсе было не получил с этой почтой ваших писем, милые мои отесинька и маменька, но нынче, к неожиданности, принесли мне ваше письмо, полученное еще в воскресенье. Это вот как случилось: письмо ваше прилипло печатью к печати другого письма так плотно, что почтмейстер и не приметил, что писем два, а не одно; читая адрес какого-то помещика, он и не подозревал, что на исподней стороне письма тоже адрес. Нынче, когда от этого помещика пришли за письмами, то и открыли ошибку. Слава Богу, что Вам лучше, милый отесинька, хотя не видно, чтобы Вы очень бодро поправлялись. Дай Бог, чтоб деревенский воздух не принес Вам ничего, кроме пользы... Но когда же Вы поедете в деревню и поедете ли нынешним летом? — Радуюсь за Гришу: предзнаменования хотя ранние, как-то пойдет дальше. Мих<аил> Ник<олаевич> Муравьев[1] называется в П<етер>бурге "другом м<инистерст>ва внутренних дел вообще". Меня хотят непременно с ним познакомить, да как-то не удалось. — Совершенно согласен, милая маменька, что Машенька Княжевич[2] предостойная девушка, все это может быть, только я на ней ни за что бы не женился: мы точно противоположных полюсов люди. Вы пишете, что ждете Карташевских? Разве они должны быть? По какому поводу? Этого я ничего не знал и не

знаю. — Если Попов приехал[3], то поклонитесь ему от меня и скажите, что я его обнимаю и жалею, что не могу с ним видеться. Достолюбезнейшее создание: как только его вспомнишь, так и улыбнешься. —

В прошедшее воскресенье я был приглашен на обед к городничему, где никого не было, кроме почтмейстера и штаб-лекаря, его приятелей. После обыкновенного разговора, весьма тонкого и остроумного, его молодой супруги о том, что приехавшему из П<етер>бурга должно быть здесь очень скучно и странно, мы отправились обедать. Перед жарким хозяйка зачем-то выходила из-за стола и, когда появилось жаркое, нам налили в бокалы шампанское, и хозяин ни с того, ни с сего провозгласил тост за мое здоровье. Хоть это весьма глупо, потому что других тостов не было, ну да все это еще ничего, это случалось мне не раз. Но в то самое время, как провозгласили тост, маленькая шкатулочка, стоявшая на окне, задребезжала, и потекли тоненькие звуки какого-то старинного марша вместо "туши". Объяснилось, что хозяйка выскакивала для того, чтоб завести машинку! Я притворился, что не заметил музыки, потому что если б я заговорил о ней, то не удержался бы от хохота!.. Жаль, что не удостоверился, какой это марш; хорошо было бы, если б это было: "Славься сим, Екатерина!"[4] Между тем городничий вовсе не старый человек, а жена его молодая женщина, с превеликими претензиями и с позывами на эмансипацию, выразившимися в том, что после обеда, уйдя в другую комнату, закурила трубку. — Тут же узнал я, что мологское общество чиновников имело у себя танцевальное собрание и давало спектакли в пользу приюта!

Везде хорошо истинное счастье, везде хороша красота, везде, всюду прекрасны светлый ум, простое сердце... И еще лучше они, окруженные скромными явлениями жизни, чем среди блестящего положения; лучше они в тихом уездном городке, в деревянном домике с светлыми окнами и зелеными ставнями и проч. и пр., что все можете найти в последних главах каждого Диккенсова романа[5] и о чем очень любит подчас мечтать братец мой Константин Сергеевич, истинный поэт в душе. Но увы! если и найдется такое явление, так оно составит редкое исключение, одно на 100 тысяч других преобладающих явлений. Боже мой! сколько скуки, сколько пошлости и подлости в жизни общества уездного городка. Во 1-х, городничий — вор! Даже и этот музыкант, у которого я обедал и о котором сейчас после обеда стал делать внимательные расспросы, оказался не последним вором. Городничий — вор и взяточник; жена его — взяточница, впрочем, очень милая женщина. Исправник — еще больше вор; жена его, любезная дама, распоряжается уездом как своею деревней; окружной, лесничий, начальник инвалидной команды, почтмейстер, стряпчий, секретарь и их жены — все это воры-переворы, и все это общество чиновников живет с претензиями на большую ногу и дает балы и вечера на взяточные деньги! И никакого образования, кроме внешнего, никакого порядочного стремления, никакого участия к меньшим, кроме презрения, и ко всему этому пошлость, звенящая пошлость души, мыслей, всего. Я часто думал, мог ли бы я ужиться в каком-нибудь уездном городке... Нет! прервать сношения с движущимся, стремящимся, волнующимся, умствующим миром невозможно человеку умствующему. Если б еще были все книги и газеты под рукой!

Как-то на этой неделе, придумывая разные проекты и убеждаясь в невозможности довериться русским чиновникам, я невольно воскликнул: "Господи, что это за подлая русская натура!" Каюсь в этом выражении но серьезно, подумайте, отчего у нас столько взяточников! Ведь смешно объяснять это древним обыкновением: служилый народ не живет инстинктивною жизнью и очень хорошо понимает, что взятка — взятка, что и благодарности за исполнение своего долга брать не следует и пр. В нас нет ложного чувства чести, да и страху Божьего нет, и выходит, что с чувством чести было бы, по крайней мере, в некоторых отношениях лучше. Как будто уж звание чиновника мешает русскому человеку быть честным. Вздор!

Кстати. Я расскажу вам о новой проделке помещиков, рассказанной мне на днях здешним уездным предводителем дворянства. Здесь завелся такой обычай. Расторговавшийся мужик, разумеется, казенный, выкупает у помещика несколько крестьянских семейств на волю, получая, разумеется, отпускные в свои руки, потом уже по купчей крепости помещик продает ему земли и усадьбы этих крестьян, на волю отпущенных; таким образом, мужик выходит владельцем земли, на которой поселены и живут, может быть, несколько веков эти крестьяне. Хотя они и свободны, но не имеют уже и того права на землю, которое имели при помещике, отпускные не в их руках, и новый владелец дерет с них безжалостно, чтобы выкупить двойную плату — за них и за землю — помещику. Тирания выходит страшная. Или напр⟨имер⟩, приобретение крестьянами на имя помещика, но своими деньгами, деревни, которая платит им оброк и ставит за них рекрутов при всяком наборе! Или напр⟨имер⟩, проделки здешнего помещика, графа Владимира Алекс. Мусина-Пушкина, который приезжает сюда во время набора и берет с крестьян деньги за откуп от рекрутства, страшные деньги, и ставит бедных. А у него здесь 9 т⟨ысяч⟩ душ и 80 т⟨ысяч⟩ десятин земли. Или напр⟨имер⟩, своз целых селений в другие губернии для того, чтобы здешнюю землю, как дорогую весьма, продать казенным крестьянам и проч. и проч. Господи! Что может быть гнуснее благородного российского дворянства и ярославского в особенности!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька. Если вы в Москве, то, вероятно, на днях вас осчастливит своим посещением мягкий и нежный Андрей Иванович Миклютин. Он взял ваш адрес в Москве. Будьте здоровы. Целую ваши ручки. Обнимаю милого брата Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

73

1850 г⟨ода⟩ июня 3-го. Суббота. Молога.

Пишу к вам нынче собственно для того, чтоб предупредить вас об отсылке ваших писем, с получением моего письма, прямо в Мышкин. Через неделю я предполагаю быть уже там, а, может быть, и раньше. – Письмо Ваше, милый отесинька, от 30 мая я получил 1-го июня. Не совсем утешительны Ваши письма; что это за слабость, которую Вы чувствуете? Я приписываю ее отчасти спертому и душному воздуху комнат этого дома, который весь на солнце и в

котором и окон, верно, не растворяют, боясь сквозных ветров. Доброе действие кобыльего молока Овер сдумал уничтожить своим цитмановым декоктом; дома вы не нашли, с собой не решились...

Гриша действительно живет очень высоко[1]: это на квартире Пикторова, у которого останавливалась и Нина. 200 не 200, а более 100 ступенек.

Не знаю, как у вас, но погода постоянно хороша. Если и бывает охлаждение, но в размерах летних, и это охлаждение так же хорошо, как и жар. — Сирень уже отцвела. — Грустно подумать, что скоро дни начнут убавляться. К Ал⟨ександре⟩ Осиповне еще не писал; впрочем, не писавши столько времени, более полугода, трудно и собраться.

В Мологе жители или, лучше сказать, мещане и мещанки большие охотники до гулянья, и так как некоторые улицы совсем заросли травой, то на них обыкновенно происходит пенье и ведутся хороводы; но главное удовольствие — качели, устроенные почти на каждой улице, качели обыкновенные, доска на веревках. Разбеленные, разрумяненные, разодетые в пух, с платочком и с зонтиком сидят обыкновенно молодые мещанки на доске, между тем как две стоят по бокам, держась за веревки. Медленно качаясь, они поют бóльшею частию какие-то унылые романсы и песни. — Это на улице. Но в тот же вечер, как я наблюдал это, попозднее, по случаю сговора, был бал у одного мещанина, на котором все эти мещанки не танцевали другого, кроме кадрилей и... полек! Мужчины еще весьма в деле сем неискусны, но женщины очень и очень поискусились в этой науке! На другой день, надев затрапезные платья, босиком, отправляются они в огороды копать землю, возить навоз и проч.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы ради Бога. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех милых сестер. Завтра надеюсь получить от вас письма.

Ваш *Ив. А.*

74

1850 г⟨ода⟩ июня 6-го. Вторник. Молога.

Июнь, июль, август. Меньше 3-х месяцев осталось лета, а где вы теперь, милый отесинька и милая маменька? Решились ли, наконец, с домом и с деревней? Меня это заочно тревожит. Каждый раз, получая ваши письма, думаю, что прочту решение — нет, все отсрочка! — Письмо это — последнее из Мологи: в пятницу переезжаю в Мышкин, прямым проселочным путем, он от Мологи всего 50 верст и притом на одном берегу: оба города за Волгой. Почтовым же трактом надобно переезжать два раза Волгу и притом делать верст 30 крюку. Я как-то мало, не то чтобы не часто, но как-то не полно писал вам отсюда. Все как-то тороплюсь: работаю торопясь, отдыхаю торопясь, сплю торопясь, делаю моцион торопясь — и все как-то нет времени. В последнем письме от 2-го июня Вы пишете, милый отесинька, что Гоголь Вам читал новую главу[1]. Слава Богу! Да что ж он? едет куда-нибудь или нет?..[2] Воображаю, как Николай Тим⟨офеевич⟩ доволен случаем — побывать на торжестве 11-го июня![3] К тому

же, после нового выбора[4], он еще не был в Петербурге. — Кажется мне, что Гриша долго прождет вице-губернаторства! Кстати, напишите ему, что он должен познакомиться с Оржевским[5], директором д⟨епартамен⟩та полиции исполнительной, и рекомендоваться ему как ищущий вице-губернаторского места. Эта должность более или менее состоит в распоряжении этого д⟨епартамен⟩та. Казадаев изъявлял мне прежде сильное желание иметь Гришу вице-губернатором, когда еще Гриша был в Симбирске. Казадаев теперь сделан губ⟨ернато⟩ром в Тулу[6], и Баранович — вице-губ⟨ернато⟩р вышел в отставку. Напишите об этом Грище.

Больше писать не о чем. Т.е. оно есть о чем, да уж надо писать слишком много. Я хотел писать вам о некоторых моложских обычаях, замечательных селах здешнего уезда, местных антиквариях и проч. и проч., но это достойно быть написанным на целом почтовом листе, а потому и не помещаю этого здесь. В самом деле, я как-нибудь из Мышкина напишу вам длинное, подробное письмо, а теперь прощайте, потому что слышу — пришли ко мне с делами. Будьте здоровы, дай Бог, чтоб слабость Ваша, милый отесинька, поскорее прошла. Целую Ваши ручки и милой маменьки. Обнимаю всех милых сестер и Константина.

Ваш и пр. *Ив. Акс.*

75

⟨Письмо к Ольге Семеновне Аксаковой⟩.

Г⟨ород⟩ Мышкин. 12 июня 1850 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩[1].

Предполагая, что Вы, может быть, еще в Москве, милая моя маменька, и не желая Вас оставлять без известий о себе, тем более, что я с последней почтой не писал, решился написать Вам несколько строк в Москву. Несколько строк потому, что я с этой же почтой пишу в Абрамцево длинное письмо. Вы опять в хлопотах, милая маменька, и опять в разъездах![2] Очень это тяжело и больно! — Успешно ли Вы хлопочете, по крайней мере?

Что милая Олинька? Продолжает ли она кобылье молоко и прошли ли скверные действия скверного декокта? Уж лучше было пить рыбий жир: он все же легче для желудка цитманова декокта. — Письмо Ваше от 9 июня я получил поздно вечером 11-го, в Мышкине, куда я приехал 9-го. Если вздумаете ко мне писать, то адресуйте в Любим Яросл⟨авской⟩ губ⟨ернии⟩. Здесь я не останусь больше недели, а пересылка писем из Мышкина в Любим будет очень долга и затруднительна, потому что Любим совсем в другом углу, на границах Костромской губернии. Впрочем, сам я буду еще писать Вам из Мышкина.

Берегите себя и не утомляйтесь, милая маменька, целую Ваши ручки, обнимаю милую Оличку и Любу. — Я, слава Богу, совершенно здоров и пополнел от молока. Будьте здоровы.

Ваш *Ив. Акс.*

76

Июня 12-го 1850 г⟨ода⟩. Понедельник. Мышкин.

Вчерашняя почта привезла мне ваши письма, милый отесинька и милая маменька: от Вас — из деревни и от маменьки — из Москвы от 9-го июня. Да, если у вас такая погода, как здесь, то она не совсем благоприятна: очень ветрено и не довольно тепло. Таким образом, все предположения о дальних поездках разрешились пока поездкою в Абрамцево[1]. Дай Бог только маменьке скорее покончить хлопоты с домами. — Боюсь, милый отесинька, чтобы Вы не простудились на уженье, особенно при таком постоянном ветре: что Вы мне скажете насчет переделки абрамцевского дома? — Верочка хвалит Маш⟨еньку⟩ Княжевич и говорит, что она и Константину нравится. Так зачем же дело стало? Пусть женится![2] Ведь пора уже знать, что не дождешься от судьбы *девы гордого идеала*, а не угодно ли обыкновенного, вместо черноокой не угодно ли волоокую и т.д. — Впрочем, если бы Константина поймать на слове в его толкованиях о браке и в его оправданиях русского брака, каким он был в старину и теперь существует, так я бы его давно женил. Вот мологский голова выдал дочь свою замуж за сына мышкинского головы, по уговору с отцом, а молодые люди друг друга и в глаза не видывали и не слыхали друг о друге. И живут счастливо, т.е. какое же это счастье это покойное прозябание – живут хорошо, потому что нет больших требований: сала не ест, чернил не пьет, как говорится по-немецки, дети являются в срок, выторговать копейку на рынке умеет, набожна по заведению... Ничего другого не спрашивается. Оно и лучше: мужья бóльшею частью в отлучках и в разъездах по торговле, и разлука эта не тяжела, тем более, что дома жены под надзором свекровей, да и по образу их жизни не встречается искушений... Бесспорно, что все это очень хорошо, и нравственный домашний быт наших купцов заслуживает похвалы, но нельзя не сознаться, что эта нравственность — без борьбы, вера – без сомнений, жизнь – без стремлений... Борьба, стремления, сомнения, вопросы, старые, но живущие слова — вы ничего не разрешаете, ни к чему не приводите, разве только к горю и разладу — но да пусть будет так!

Все это так пришлось к слову, тем более, что, упомянув о русском браке, я вспомнил, что видел вчера у головы эту молодую и прекрасную собой женщину, которая так бесцеремонно (по моим, а не их понятиям) выдана. Вспомнил я также про другую молодую купчиху, зачахшую от немилого брака... но этот последний случай – такая неслыханная редкость, что не образумил купцов. Нельзя себе представить, до какого страшного деспотизма доходит власть отца в купеческом быту, и не только отца, но вообще старшего в семье! Им бóльшею частью и не приходит в голову, чтоб у младших могли быть свои хотения и взгляды, а младшим не приходит в голову и мысль о возможности сопротивления. Все это, разумеется, переходит даже границы, назначенные церковью, которая при браке спрашивает о согласии самих венчающихся. Все это мне рассказывал очень подробно один купец в Мологе. — Кстати уж о купцах. Сами они, как мужчины, довольно развиты в своих понятиях, торговлею, разъездами, деятельною жизнью, а некоторые пошли и дальше

книжными занятиями, но женское воспитание у них в большом пренебрежении. Впрочем, теперь вздумали они давать воспитание, но такое, которое ведет только к худшему. В бо́льшей части богатых домов вы найдете гувернанток из столичных или губернских воспитательных домов. Чему учат эти гувернантки — это Бог знает, потому что сами они преплохо выучены, но главная их обязанность — учить танцам и вообще манерам; а музыке и вообще искусствам очень немногие учат, да и охоты к чтению никакой не внушают. Я здесь, впрочем, убедил одну купчиху учить дочерей своих музыке, растолковав ей, что это занятие во сто раз чище, лучше и домосидчевее, нежели уменье танцевать. Вообще желательно было бы, чтоб купцы давали своим дочерям надлежащее образование, дабы они в свою очередь не нуждались для детей своих в гувернантках, а воспитывали их сами.

В Мологе отыскал я одного мещанина Финютина, который любит занятия письменные, собирает старинные грамоты и намеревается писать историю своего города. Я сейчас поставил его в сношения с ярославскими любителями старины и дал ему некоторые способы, напр⟨имер⟩, открыл для него местные архивы и т.п. Таким образом, отыскивая по всем городам и уездам людей любознательных и пишущих, я завожу между ними взаимную связь с целью, чтобы они могли друг другу помогать сообщать открытия и дружнее работать. Если б я дольше оставался в Ярославской губернии, то непременно учредил бы в Ярославле Статистический Комитет, членами которого были бы все эти разбросанные в разных уголках господа. Таким способом можно было бы много сделать для разработки местной истории и статистики. Признаюсь, весело мне видеть, что и теперь моими стараниями эта часть довольно-таки оживилась. "Губернские ведомости" стали лучше и беспрерывно наполняются статьями крестьян, купцов и мещан, бо́льшею частию мною вызванных и поощренных. Угличские Серебренниковы[3] усердно трудятся над архивом, в котором находят любопытнейшие документы и который открыт для них по моим официальным (безо всякого, впрочем, с моей стороны права) требованиям. В последнем № "Губ⟨ернских⟩ ведомостей" напечатана *с моих слов покорнейшая просьба* редакции ко всем грамотным *крестьянам* трудиться над местными исследованиями и присылать свои труды в редакцию. И особенно приятно было мне видеть, что обстоятельство это, делаясь известным, приобретает читателей между крестьянами и возбуждает во многих охоту к этим занятиям, даже род соревнования.

В 2-х верстах от Мологи есть девичий монастырь, откуда игуменья присылала ко мне монахиню спросить, когда я могу ее принять. Я, разумеется, сам к ней отправился. Она хотела со мной посоветоваться по делу о земле между монастырем и городом, делу, которое я постарался покончить к обоюдному согласию и даже к выгоде города. На другой день та же монахиня принесла мне просвиру, образок и "от кротких трудов" монашенок что-то вроде книжки, вышитой бисером. Я не хотел было брать, но вещь эта так скверно, безобразно и безвкусно сделана, что я, наконец, уступил, предупредив, впрочем, что пользы города к бо́льшей выгоде монастыря не будут мною нарушены. Игуменья

однако же велела мне сказать, что она нарочно выбрала самую ничтожную, двухгривеничную вещь для того, чтоб я мог ее принять чисто на память. Забавно было мне слышать, как эти монахини рассуждают о Богородице, точно будто она их помещица. “Зачем вам расширять скотный двор?” — говорю я... “Да разве это для нас? это для Богородицы!” — отвечают они...

В Мологе поразило меня одно слово: один купец, я слышал, говоря про волжских жителей, употребил выражение: *волгáре*[4]. Это что-то звучит сходно с болгарами. Передаю это на обсуждение Константина. Сообщаю ему еще две вести: одну о том, что я сообщил Серебренниковым в Угличе его статьи о Москве и получил от них письма, что они в полной мере разделяют взгляд автора[5], и другую, довольно печальную, о Попове Александре Алексеевиче. Он постоянно болен чахоткой, но теперь находится в совершенной опасности и едва ли переживет это лето. Очень это грустно.

Кстати об известиях. Я слышал от некоторых здешних торговцев, что хлеба в Симбирской губернии очень плохи покуда, и если не поправятся, то помещикам придется опять кормить крестьян. Неужели наши Вишенки[6] опять попадут в эту категорию?

Из Ростова получил я две старинные русские песни, записанные со слов одного слепого в Тихвине. Хотя в песнях есть вставки совершенно новейшие, но общий склад их одинаков с песнями Кирши Данилова[7]. Одно мне странно: в одной из песен рассказывается подвиг Яна Ушмовича, который дрался с половецким богатырем и для доказательства своей силы вырвал бок у быка. Это предание, записанное у Нестора, едва ли живет в народе и не с Нестора ли потом сочинена эта песнь. Другая о том, как все известные богатыри по совету Ильи Муромца отправляются добывать князю Владимиру дочь царя татарского: “уж не все ему холостым ходить, уж пора ему и женитися!”[8] Переписывать их теперь мне некогда, а постараюсь их сам привезти к вам.

А когда это будет? Да еще и сам не знаю. Знаю только, что по получении этого письма вы должны адресовать свои письма уже в *Любим*. В Мышкине я пробуду еще неделю. Городок крошечный, хотя и богатый капиталистами, тихий, мирный, дружный, не кляузный; голова — умница и знаток своего дела; я же уж порядочно понаметался в ревизии городов и при усильных своих занятиях делаю дело очень скоро и, кажется, довольно споро. — Теперь остаются самые маленькие города, Любим и Данилов, совершенно в другой стороне. Полюбопытствуйте взглянуть, где это; я нарочно и карту сестрам подарил. Эти города уездами своими граничат с Костромской губернией, а потому и нравы жителей должны быть там другие.

Прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька, если только милая маменька в деревне[9]. Берегите себя и будьте здоровы. Что Константин? Как действует на него деревня и располагает ли к занятиям? Я знаю только, что этот постоянный шум северного ветра действует дурно на состояние моего духа, хотя, впрочем, и не мешает мне заниматься делами. Целую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. Аксаков*.

77

⟨Письмо к Сергею Тимофеевичу Аксакову⟩.

Мышкин. Июня 17-го 1850 г⟨ода⟩. Суббота[1].

Письмо Ваше от 12-го июня я получил здесь 15-го ввечеру, милый мой отесинька. В то же время получил я письмо от Гриши, которое, по его приказанию, к Вам и пересылаю. Он предлагает мне написать самому письмо к министру и просить о месте чиновника по особ⟨ым⟩ поручениям. Но я решительно отказался писать письмо. Если б я был сам в Петербурге, я бы съездил к нему, но писать просительские письма заочно, когда письмо может опоздать и место быть отдано другому, не хочу. Заметьте одну фразу в Гришином письме: что мы постоянно в нем сомневаемся и не предполагаем в нем никакой благородной гордости. Если он так думает, то ему больно так думать; я постарался оправдаться в этом обвинении.

Письмо Ваше ничего особенно радостного не возвещает: кажется, Вы скучаете в деревне, милый отесинька, все не так-то здоровы, погода не хороша, уженье плохо... А главное — забота о других... Ну что Верочкин флюс?..

Кажется, мне придется Вам писать еще во вторник отсюда, а потом уже писать буду из Любима. От Мышкина до Любима самый дальний конец: по почтовому тракту слишком 200 верст. Но я хочу ехать проселками. Это занимательнее; большие дороги мне надоели, а таким образом я познакомлюсь с внутренностью губернии. Конечно, это будет дольше, но тем приятнее.

Итак, писанье откладываю до вторника. Прощайте, мой милый отесинька; если маменька с Вами (и дай Бог, чтоб она была с Вами), то цалую ручки Ваши и маменькины. Будьте бодры и здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. Акс.*

Ваши 4 стиха дополнения к "Шоссе" очень хороши[2], только я бы переставил стихи: на место 4-го 3-ий, а на место 3-го 4-ый.

78

Мышкин. 1850 г⟨ода⟩ июня 20-го. Вторн⟨ик⟩[1].

Благодарю Вас, милая моя маменька, за Вашу посылку: все это я получил в исправности. Но не могу не попенять Вам за это. Рубашек и платков у меня премножество, но наряжаться-то в них некогда и не для кого. Я сижу больше дома, а если и выйдешь в гости к какому купцу, так для них одеваешь обыкновенно черный платок и белую рубашку: а то, пожалуй, сочтут признаком пренебрежения к себе, если надеть цветную рубашку и цветной платочек, который и о "солидности" не внушает должного понятия.

С последней почтой я не получил письма от Вас, милый мой отесинька. Сам же теперь пишу Вам для того, чтоб возвестить Вам свой немедленный отъезд в Любим. Теперь часов 6 утра, а часа через два еду. Я предполагал прежде ехать в Углич и оттуда проселком в Любим, нарочно сделав крюк, чтоб миновать

Ярославль; но, получив приглашение от Муравьева повидаться с ним перед его отъездом в Петербург[2] и давши ему еще прежде слово, не предполагав такого его скорого отъезда, я уже не еду в Углич, а еду отсюда прямо хотя не почтовой, но большой проселочной дорогой в Ярославль (86 верст), где пробуду сутки и потом отправлюсь в Любим по Вологодскому тракту.

С последней почтой я послал Вам письмо Гриши. Несмотря на то, что он сердится на нас за советы, я счел нужным дать ему советы снова, чтоб он "не надоедал и не докучал бы слишком просьбами о себе". Нет ничего невыгоднее впечатления, производимого постоянными *о себе* докучательствами человека; знаю также, что м⟨инист⟩р этого в особенности не любит[3]. К чему, напр⟨имер⟩, было просить Кавелина? Его просьбы весу не имеют[4] и совершенно лишние, способные только вызвать гримасу нетерпения, что я вообще и по себе знаю, когда и мне докучают беспрерывными просьбами об одном и том же. — Поэтому и я отказался писать просительное письмо и вообще держусь того правила, что хлопотать о себе нужно с совершенною умеренностью. — Но что касается до дел, так, вероятно, нет человека несноснее меня. Убежденный в пользе чего-либо, я раз 20 повторю и напомню одно и то же...

Июнь не хорош. Истинного тепла нет, постоянный ветер, свежие ночи, — все это должно было быть в мае, а не в июне. Нынче 20-ое июня. Ровно через месяц Ильин день, и вода дрогнет! Один месяц! Не знаю, когда мне придется писать к вам из Любима. Это такое захолустье, куда почта отправляется только раз в неделю; не знаю также, сколько времени я там пробуду; думаю, что не меньше двух недель. До 1-го июля адресуйте ваши письма в Любим, а с этого времени в Данилов. Бог даст, в конце июля увидимся.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы и бодры, обнимаю крепко Константина и всех милых сестер. Пальчикову кланяюсь[5].

Ваш и проч. *Ив. Аксаков.*

79

1850 г⟨ода⟩ июня 25, воскрес⟨енье⟩. Любим.

Только что я приехал в Любим, как получил ваши письма, милый мой отесинька и милая маменька, от 20-го июня; почта приходит и отходит отсюда раз в неделю, а недели две пробыть здесь нужно. Выехавши из Мышкина во вторник, я в тот же день вечером добрался до Ярославля, где и оставался полторы сутки. — Там открывается теперь одно прелюбопытное обстоятельство. — Для следствия об оказавшейся шайке воров и грабителей назначена особая комиссия, в которую председателем прислан чиновник нашего министерства граф Стенбок[1]. В этом деле очень замешено старообрядчество и открывается совершенно новая, оригинальная и опасная секта, о которой до сих пор нигде не упоминается[2]. Граф Стенбок очень хороший человек, но мало знаком с религиозными вопросами, и потому все это время в Ярославле я занимался этим делом, и, вероятно, мне придется принять формальное участие во всем, что относится до раскола. При свидании, Бог даст, я расскажу вам все

подробно: обстоятельство это любопытно и важно в высшей степени. Описание этого нового толка будет, по всей вероятности, поручено мне; по крайней мере, граф Стенбок написал об этом министру[3].

В начале июля Татаринов покидает Ярославль[4], чтобы, побывавши на своей родине в Воронеже, ехать оттуда прямо в Петербург, где уже назначено ему место в нашем министерстве[5]. Он хочет заехать к вам в деревню, и я дал ему адрес. — Я уже послал вам Гришино письмо, в котором он сообщает мне свои хлопоты о месте для меня. Писать министру я отказался. Желаю, чтоб ему *напомнили* обо мне, без особенной просьбы. Он должен дать мне место по одному напоминанию[6]. Точно, и я боюсь, что Гриша не помешал сам себе излишнею рьяностью, с которою ищет места[7]; боюсь, чтоб он не *надоел* всем этим господам, и писал ему об этом, несмотря на то, что он сердится за советы.—

Маленький городок Любим (впрочем, город старинный) лежит вне всяких почтовых и торговых трактов, невдалеке от костромской границы и Вологды. Городок тихий, мирный, бедный сравнительно с прочими городами Ярославской губернии, даже с Мышкиным, который объемом своим гораздо меньше Любима. Но Мышкин — на Волге и населился выходцами из крестьянского торгового сословия, лучшего в губернии, самого предприимчивого, промышленного, трудолюбивого. В этом городке капиталистов больше, чем в Угличе, даром что в Угличе 10 т⟨ысяч⟩ жителей, а в Мышкине, который всего 30 верст от него, — 700. В Мышкине купцы богаты, имеют прекрасные дома, живут дружно между собою, и как по недостаточности городских доходов делается раскладка денежного сбора с обывателей, то общество здесь на деле, а не по форме только, тщательно поверяет доходы и расходы и определяет бюджеты города, ибо от того зависит бóльшая или меньшая раскладка. Внутренней торговли нет почти никакой, и все купцы ведут оптовую торговлю. Одних яиц из Мышкина отправляют купцы в Петербург до 6 миллионов! Впрочем, и крестьяне всей этой стороны (бóльшею частью гр⟨афа⟩ Шереметьева) очень богаты и ведут бóльшую торговлю. — Все зависит от свойства людей, гораздо больше, чем от условий местности. Рядом с Мышкиным — Углич, где мещане байбаки и сидни, оттого и бедны и занимаются прáсольничаньем, т.е. перекупкою. — Я вообще замечаю, по крайней мере, здесь, в Ярославской губернии: чем старее город, тем менее предприимчивости и деятельности в жителях. Например, Ростов: почти все богачи в нем – приписные из крестьян, зато, проживая в Ростове, они ведут торговлю с Хивой, Персией, Китаем, Сибирью и торгуют постоянно вне Ростова, где нет торговли и где без ярмарки пребывающие на одном месте жители были бы совершенно бедны. Кто завел огороды в Ростовском уезде, когда ни почва, ни климат не благоприятствуют ему более, чем в Угличе, или в других местах? Крестьянин. — Про Рыбинск и говорить нечего: это город совершенно новый, так же как и Мышкин. — И странно, когда старые города беднеют, окружающие их села богатеют, изобретая новые промыслы... Так и Любим, город старинный, теперь очень беден, а про крестьян этого нельзя сказать... У Любима до 5000 десят⟨ин⟩ земли. По количеству земли это 2-ой город в губернии. По совершенному беспорядку в пользовании этою землею от нее мало дохода и городу, и

жителям: есть города, в которых, должно сознаться, опека правительства еще необходима, и Любим из числа их. Руководствуясь общими основаниями закона и инструкции, я приказал разделить эти земли (разумеется, не все) на правильные участки от 6 до 15 десятин и отдавать каждый участок с торгов, под пашню или сенокос: здесь многие мещане пашут. Так как Любим не на судоходной реке[8] и не имеет особых источников промышленности, то мне бы хотелось привить здесь хоть земледелие — в бóльших размерах и в усовершенствованном виде. Для этого надо было бы устроить образцовый или опытный хутор, где производить пробы. Напр⟨имер⟩, в Вологодском уезде многие крестьяне сеют рожь вазу[9]. Эта ваза может расти и здесь очень хорошо, и распространение ее здесь дало бы *особенность* городу, местный промысел, подобно зеленому горошку в Ростове. "Отчего же не заведете вы этого", — спрашиваю я; "да так, нет привычки к этому, у нас не заведено, — отвечают мне, — а оно хорошо было бы"... А предприимчивых нет.—

Любим довольно красиво расположенный город, на двух речках Уче и Обноре. Уча впадает тут же в Обнору, а Обнора верст за 20 в Кострому, а Кострома в Волгу. В водополь можно сплавлять легкие барки отсюда в Волгу, но это время продолжается недолго. И Уча, и Обнора шире Вори. Каменных домов всего 6; лес невероятно дешев, дрова березовые по 2 р⟨убля⟩ 50 к⟨опеек⟩ асс⟨игнациями⟩ сажень! Деревянное строение довольно чистенькое. Особенную физиономию этому городу дают невысокие стриженые березки, рассаженные по сторонам улиц вместо тротуарных столбиков. — Может быть, в этом мирном уголке где-нибудь за светлым стеклом небольших окон расцветает в тиши какое-нибудь молодое прекрасное создание, — так замечтался бы Константин, так пронесется вскользь и по мне мечтание, — но мечтать мне некогда. Пора на почту. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте добры и здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю милого брата Константина крепко и всех моих милых сестер. Ну что же Вера? Как она решилась?[10]

Ваш *Ив. Аксаков.*

80

1 июля 1850 г⟨ода⟩. Суббота. Любим.

Только что отошла великолепнейшая из гроз нынешнего лета! Во время грозы было слишком 20 градусов тепла. И вчера, и третьего дня время было чудное, знойное, хотя и с ветром; зато тише и теплее вчерашней ночи еще не было ни одной. Впрочем, впечатление, производимое на меня полуденным зноем, безоблачным, пылающим небом сильнее с некоторой поры впечатлений теплой ночи, полусвета луны и т.п. — Пожалеешь не раз, что не в деревне, что не можешь дать себя пожарить солнцу или освежиться купаньем в полдень! Тем не менее я загорел так, что не отстану и от вас, рыбаков и деревенских жителей. — 29-го июня вечером получил я Ваше письмо, милый отесинька, от 26-го и при нем письмо Константина, которому я тем более был рад, что никак не ожидал от него такого прилива деятельности летом, в деревне, когда есть возможность целый день удить. — Предупреждаю Вас, чтоб Вы более не писали мне в Любим, по

получении этого письма, адресовали свои письма в город Данилов, который ближе к Ярославлю 37 верстами и на Вологодском тракте, по которому почта ходит два раза, а не 1 раз в неделю, как здесь. — Отвечаю на Ваше письмо, милый отесинька. Неужели в Абрамцеве холоднее, чем здесь? До 8 градусов тепла здесь не доходило, да и вообще погода стоит прекрасная, только немного ветреная. Вы кушаете землянику, а мне опять, вероятно, не удастся съесть ни одной ягоды летом, как и прошлого года. Здесь доставать их трудно, т.е. покупкой. — Неужели Вы опять оставляете за собою дом Орловского[1], этот дом о разных температурах, дом, в котором комнаты, обращенные к полудню, невыносимо душны и где Ваш кабинет так высоко наверху? Видно, что квартиру Шидловского также не удалось Вам сдать[2]. Заставьте, по крайней мере, Орловского сделать более приличное и просторное помещение людям. — Отчего у Вас оклеивают абрамцевский дом обоями, тогда как Вы, милый отесинька, в прежнем письме писали, что переделки дома не будет, потому что Абрамцево, вероятно, должно продаться?[3] — "Дженни Эйер"[4] я не читал, а давно уж, но в нынешнем году, начинал читать другой английский роман — Теккерея — "Ярмарку тщеславия"[5], который также не без достоинств. Вы и Константин спрашиваете меня: пишу ли я стихи? Решительно нет и ничего не написал. Характер занятий моих таков, что наполняет мои соображения поминутно. В должности обер-секретаря я мог покончить одно дело и приняться за другое, но здесь не так. Здесь беспрестанно думаешь: на все ли обращено внимание, все ли придумано к лучшему, нельзя ли сочинить каких-либо новых проектов для пользы города и проч. Мне бы хотелось, по окончании своего поручения, написать большую статью или записку о современном положении и значении городских общин в России[6] и их отношениях к правительству, но не знаю, успею ли. — Необходимым дополнением к этому труду было бы изложение истории внутренней жизни и администрации городов — хоть с XVI-го века, — да где ее взять. Я начинаю думать, что у нас с XVI века до Екатерины городских общин не существовало[7]; если вечевой колокол и висел в Москве до чумы[8], так зато и молчал по целым векам или же исправлял должность обыкновенного набата. Кроме исторических доказательств, я беру доказательства из современного характера старых и новых городов. Впрочем, эти вопросы серьезные, об них при свидании. Жалею только, что не имею ни времени, ни матерьялов для подробнейших исследований, а никто другой этим порядочно не займется, да и занимаясь, не поймет так, как поймет человек служащий[9]. Если ученые, живя в отвлеченном мире, вечно в своем кабинете, не могут понять практической, живой стороны административных вопросов, то как же им понять эту сторону темных административных вопросов старины? От этого и кажется Константину, что старинная администрация была превосходна[10], что внутренние таможни между городами — прелесть, верх финансовых соображений, что кормление воевод — идеал справедливости! — В Любиме я останусь до вторника или до середы будущей недели. Так, по крайней мере, мне хотелось бы. От этого городка веет особенною тишиною, так как в нем нет ни деятельной внутренней торговли, ни огромных капиталов. К тому же местоположение его чрезвычайно красиво. Я гуляю иногда по древнему валу крепости, на котором можно ясно различить следы древних круглых башен,

ворот и т.п., хотя и обломков даже не осталось. Впрочем, официальность моего звания много мне мешает в прогулке. Приезд чиновника, да еще министерского, в этом городке составляет эпоху, а самый чиновник — предмет невыносимого любопытства. Многие такие чиновники являлись ко мне с рапортами, до которых мне нет никакого дела и которые совершенно иного ведомства. Разумеется, рапортов подобных я не принимаю и очень хорошо знаю, что все это делается для того, чтоб потом рассказывать о своем посещении, толковать обо мне как о человеке знакомом и проч. Все это под конец становится несносно. Здесь есть обычай, что жители, т.е. купчихи и мещанки сходятся по праздничным вечерам на площадь или лучше на зеленый луг: купчихи чинно прохаживаются, а мещанки (замужние и девицы) и даже мещане чинно ведут хороводы. Я не раз хотел идти на это сборище, но, заметив, что при появлении моем перестают петь, что купчихи вытягивают нижние губы, чтоб засвидетельствовать передо мною свое презрение к этому *низкому* мещанскому удовольствию, что все это начинает жеманиться, я уже не стал ходить туда. Вчера, работавши целый день, я часу в 11-м вечера пошел прогуляться по валу и, возвращаясь домой, видел, как кабаки, в которых раздавались песни и горел огонь, мгновенно стихли и затворились, а когда я прошел, то вновь появились и огонь, и песни!

Впрочем, на нынешней неделе покой г⟨орода⟩ Любима был прерван еще двухдневной ярмаркой. Это что-то даже меньшее, чем ярмарки в торговых больших селах Ярослав⟨ской⟩ губернии, но как бы то ни было, город оживился. Ярмарки для простого народа — гулянье, бал. Посетители все были крестьяне и крестьянки, которые упросили своих мужей, отцов и братьев взять их с собою. Мужья, отцы и братья сами торгуют и гуляют, а женщины в этом чаду – шума, крика, песен, брани, музыки, пестроты, толкотни — ходят и смотрят с таким же упоением, какое производит на наших женщин и бал в разгаре или в конце. — Каково было мое удивление, когда середи этой пестрой, пьяной физически и нравственно толпы, середи гула ругательств и возгласов и взаимных нежностей обоих полов увидал я священника с крестом, святой водой и причтом; он пробирался в каждую лавчонку, шалаш, палатку, подлезал под каждый навес, давая целовать крест пьяному торговцу и собирая таким образом деньги. Мало того — он обошел и кабаки! Это было после обеда. Хороши, нечего сказать! Само собой разумеется, что все это ярмарочное бесчиние означало Господний праздник, по обычаю русского народа... (29 июня)[11].

Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, если только Вы в Абрамцеве, милая маменька. Цалую ваши ручки. Будьте здоровы. Обнимаю Константина и всех сестер; что же вы ничего не пишете об Олиньке?

Константину не отвечаю потому, что некогда, и потому, что еще все я не потерял надежды увидеться с вами в конце нынешнего или в начале будущего месяца.

Ваш *Ив. А.*

P.S. Меня с Каролиной К⟨арловной⟩ жесточайшим образом выругали в “Петерб⟨ургских⟩ ведомостях”, объявив, что стихи наши перед ростопчинскими не имеют ни малейшего достоинства[12].

81

Г⟨ород⟩ Данилов. Июля 9-го 1850 г⟨ода⟩. Воскрес⟨енье⟩.

Ваше письмо от 3 июля я получил перед самым своим отъездом из Любима в Данилов, куда и приехал в пятницу 7-го июля. В Любиме я пробыл дольше, чем предполагал, не знаю, пробуду ли здесь дольше предположенного, а предположено остаться здесь неделю или никак не более 10 дней. Из Данилова отправлюсь в Ярославль, и если министерского предписания еще не получено, то скачу далее в Ростов, где осмотрю Поречье и, может быть, проеду в Иваново, а оттуда к вам. Итак, недели через две с половиной вы можете меня ожидать.

Поздравляю Вас, милая моя маменька, и Вас, милый отесинька, и тебя, милый брат и друг Константин, и вас, милые сестры, с днем именин 11-го июля. Милую Олиньку также поздравляю. У нас теперь в семье три именинницы[1]. — В Данилове я нашел к себе письмо от Алекс⟨андры⟩ Осиповны. Она пишет, что уже уведомила вас о том, что слух о Клушине неоснователен[2], что следствие над ее мужем кончено и теперь начинается ревизия, что Гоголь, вероятно, поселится на Афонской горе и там будет кончать "М⟨ертвые⟩ души" (как ни подымайте высоко значение искусства, а все-таки это нелепость, по-моему: середи сгрогих подвигов аскетов он будет изображать ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках[3] и проч.). Пишет она также, что собирается съездить к Троице и заехать к нам в Радонежье[4] и к Путятам[5], что Константин монах без подвигов монашеской жизни и что ему *некуда девать своих физических и нравственных сил*[6]. Кажется, с Самариным она примирилась[7], по крайней мере, она излагает свое письмо к нему... Вообще же письмо ее местами очень умно, местами очень скучно нравоучительным резонерством и текстами из Св⟨ященного⟩ писания.

Данилов зажиточнее и больше Любима, но он единственный безводный город в Ярославской губернии. Правда, вплоть за городским валом протекает или пробирается по болотам речка *Пéленда*, но это ручей, величаемый речкою. — Особенностей город этот никаких не представляет: он основан Екатериной и главный предмет его торговли холст, скупаемый в уезде у крестьянок.

Даст Бог, скоро увидимся. Прощайте; с будущей почтой напишу, может быть, еще. Будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю всех сестер и Константина.

Ваш *Ив. Акс.*

82

⟨1-го августа 1850 года. Ярославль.⟩[1]

Хотел писать вам большое письмо, милые мои отесинька и маменька, но не успел и большое письмо откладываю до следующей почты. Я приехал в Ярославль вчера в 4 часа. Дорогой я встретил по Ярослав⟨ской⟩ губернии сильную деятельность, страшную суматоху... Причиною путешествие великих

князей Николая и Михаила Николаевичей. Их отправили путешествовать по России, и так как они завтра или послезавтра должны быть в здешней губернии, о чем дано знать несколькими эстафетами, то все мечутся, как угорелые. Почтовых лошадей согнали со всех станций в те места, где великие князья проедут, а вместо почтовых взяли обывательских (натуральная земская повинность). Обывательских лошадей взято 1474, и как все это делалось в несколько дней, то можете вообразить, как велика должна была быть деятельность. Я читал маршрут велик⟨их⟩ князей: в Мологе обед, в Рыбинске ночлег, в Угличе обед, в Ростове ночлег, в Ярославле обед и, кажется, в Костроме ночлег. Таким образом совершится знакомство с Россией и остальных двух сыновей государя!........

Вчера вечером (я остановился в гостинице) я поспешил узнать насчет своего назначения в комиссию[2]. Никакого сведения из министерства. Я предполагал ехать нынче в Ростов, но Бутурлин не в состоянии ни думать, ни действовать и просил меня отсрочить свидетельство казарм до окончания всей этой суматохи, что будет не раньше понедельника. Я уже приходил в отчаяние, потому что жить в трактире неприятно и дорого, квартир ввиду нет, а на казенную квартиру, где помещена комиссия, переезжать я не имею права, но сейчас гр⟨аф⟩ Стенбок получил письмо от Муравьева[3], который пишет, что я уже назначен членом комиссии. А мне сию минуту принесли с почты объявление о полученном из Петербурга секретном пакете: вероятно, это самое и есть предписание, я еще не успел получить его с почты. Что же касается до письма Надеждина, то предложение его заключается в том, не хочу ли я взять на себя проверку цифр о числе раскольников, представляемых губернатором. Он пишет, что м⟨инист⟩ру[4] давно хотелось сделать это в какой-либо губернии, т.е. сличить официальные сведения с неофициальными, и Надеждин предложил поручить это мне; м⟨инист⟩р велел спросить наперед меня, а я положительно отказываюсь. Для этого необходимо разъезжать вновь и не только по городам, но по уездам; к тому же верных сведений о числе иметь невозможно, если не употреблять в дело вовсе официальных путей, а м⟨инист⟩р хочет, чтоб это было секретно от губ⟨ернато⟩ра. Да и самый вопрос этот не так важен; есть много скрытных и двоедушных раскольников, которые числятся православными, важнее всего общее значение и характер раскола. — Следовательно, я отказался, тем более, что это требовало бы особенных многосложных занятий, а с меня будет и моих. — О деньгах он ничего не пишет, а говорит, что это послужит к расширению моих вещественных средств. Впрочем, не видно, чтоб он знал о моем назначении в комиссию.

Сейчас отправлюсь на почту, потом обедать к Андрею Оболенскому[5]. Лето для меня кончилось!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, до следующей почты! Что-то делается у вас? Чем все порешили?[6] Будьте здоровы и наслаждайтесь летом. Целую ваши ручки, обнимаю милого друга и брата Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

83

1850 г⟨ода⟩ авг⟨уста⟩ 7-го. Ярославль. Понедельник.

Вчера поутру получил я письма ваши, милый мой отесинька и милая маменька. Слава Богу, что вы все по-прежнему, боюсь только, чтоб Олинькино нездоровье не помешало отъезду Веры[1]. – Бестолково, суматошно и глупо провел я все эти дни. Приезд великих князей, ожидание их и приготовления к приему до того скружили головы всем, начиная от Бутурлина до последнего чиновника, что все дела остановились. Вел⟨икие⟩ кн⟨язья⟩ приехали только вчера вечером и едут завтра поутру. По этому случаю я должен был отложить поездку свою в Ростов, но думаю отправиться туда послезавтра и пробыть там дня три. Еще не успел втянуться в работу, еще не совсем устроился, и это бестолковое положение сердит меня. От м⟨инист⟩ра я получил предписание принять участие во всех занятиях комиссии[2] как член ее, но в особенности заняться тем, что имеет связь с расколом. На этом основании я и переехал в верхний этаж дома, занимаемого комиссией и где внизу живет гр⟨аф⟩ Стенбок, с которым мы большие приятели и имеем общий стол. Деятельного участия в занятиях комиссии я еще не принимал, потому что еще читаю дело. Признаюсь, мне этого не хотелось, т.е. участия *во всех* занятиях комиссии: с этим сопряжено много неприятностей, напр⟨имер⟩, обыски, допросы и пр. и пр.

Вчера Вы приобщались, милый отесинька. Поздравляю Вас. Хоть Вы и говорите, что я увез жаркое время, но погода все еще хороша; вчера же ночь была чудесная, и уженье Ваше, прерванное говеньем, может снова восстановиться. Но где? Только в двух местах: Василеве и Алексеевском бачаге. А что грибы? — Вы жалеете, что я не догадался взять место в почтовой карете, но сожалеть не о чем: и дороже, и позднее приходит. Грише буду отвечать с следующей почтой: я не хочу место чиновн⟨ика⟩ по особ⟨ым⟩ поруч⟨ениям⟩ при хоз⟨яйственном⟩ д⟨епартамен⟩те и добиваюсь только места чин⟨овника⟩ по особ⟨ым⟩ пор⟨учениям⟩ при *м⟨инист⟩ре*. Хотя Вы, милая маменька, и приписали мне в письме из Москвы, но *до* осмотру дома Алальминского[3]. Интересно мне знать Ваше мнение о доме после осмотра.

Помню, что в последнем письме я обещал сообщить вам разные подробности, но какие и о чем, теперь совсем забыл, так что решительно не знаю, о чем и писать. Этому причиной дурное расположение духа. Если б вы знали, какое болезненное впечатление производят на меня эта суетня, скакотня в мундирах, беспрестанные рассказы и анекдоты, звон в колокола, крики “ура” и т.п. А при этом мысль о множестве предстоящих дел, из которых многие скучны или неприятны, мысль о том, что не успеешь заняться ни “Бродягой”, ни тем, чем бы именно хотелось[4], а тут и прекрасная погода с голубым небом. — Таким образом, лучше всего закончить письмо. С следующей почтой надеюсь получить от вас более обстоятельные сведения о решении Веры и маменьки[5]. Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, дай Бог, чтоб вы были все здоровы и бодры и скорее бы порешили свои недоумения. Милого брата и друга Константина крепко обнимаю, милую Веру и всех милых сестер цалую. Торт еще вкушается и поныне[6].

Ваш *Ив. Акс.*

84

1850 г⟨ода⟩ августа 14-го. Понедельник. Ростов.

Вот, наконец, я и в Ростове, милые мои отесинька и маменька, а вы опять не побывали здесь нынешним летом!.. Ваше последнее письмо, милый отесинька, навеяло на меня сильную грусть, потому что оно и по содержанию, и по тону своему очень грустно. Опять расхворалась бедная Вера, опять даром прошло для нее лето, опять расстройство и хлопоты и неизвестность... Я не понимаю, почему вы не получили в срок моего первого письма. Запечатано оно было действительно не моею печатью, а печатью хозяина гостиницы, потому что мои вещи были не разложены. В прошедший четверг я не успел вам написать, да и это письмо пишу усталый и невыспавшийся. Из Ярославля я выехал в два часа ночи и поутру ныне приехал в Ростов. Хотя вы и говорите, что началась осень, однако нынче ночь была совершенно летняя и вообще вечера лучше и даже теплее дня. Вчера и третьего дня, часов в 10 вечера я, гр⟨аф⟩ Стенбок, Оболенский[1] и нек⟨оторые⟩ другие катались на лодке по Волге и, несмотря на эту массу воды, не чувствовалось никакой сырости. А нынче день довольно холодный, ветреный и пасмурный.

Петру Вас⟨ильевичу⟩ Хлебникову я отдал вашу наливку, и он вам очень, очень благодарен; наливку однако ж он не велел раскупоривать до какого-нибудь торжественного случая. Он приглашает всех вас, если вы приедете в Ростов, остановиться у него в доме. Великие князья останавливались также у него[2] и подарили ему бриллиантовый дорогой перстень, а он поднес им записку о монументальных древностях Ростова. Как в это время, за отсутствием головы, он правил его должность, то весьма ловко, умно и искусно сделал прием великим князьям. В поданной им записке слегка коснулся он того, что древности Ростова рушатся по причине бесконечного формализма, связавшего всем руки, и что государь одним словом может поправить дело. Не знаю, что из этого выйдет. Он поднес также великим князьям на серебряном подносе свежего зеленого горошку и очень было этим озадачил их, но, разумеется, сейчас же и объяснил значение зеленого горошку для Ростова[3].

Я еще со многими своими знакомыми и не успел видеться в Ярославле. С Татариновым виделся на другой день приезда, и с тех пор он ко мне не являлся. Я думаю, ему совестно. Он действительно, отбросив все занятия по профессорской должности и не имея еще другой, от нечего делать, от скуки и тоски, говорят, очень стал пить, не то что запоем, а так, в обществе черт знает из кого составленном и вообще живет самою пошлою жизнью. Так как он переменил квартиру и адреса новой не знаю, то и не могу сам его отыскать.

Я все еще не могу наладиться, все еще не доволен собою, все как-то ленюсь, хотя работаю очень много. Работа теперь довольно утомительная, потому что имеешь дело с живыми людьми. Я попросил бы вас повозиться с каким-нибудь бродягой, который на все вопросы: откуда он, где был за день до поимки, как зовут и проч. отвечает: знать не знаю и ведать не ведаю. Впрочем, бóльшею частью после 5 или 6-часового допроса, когда раз 40 предложат ему один и тот же вопрос или дадут с кем-либо очные ставки, он мало-помалу делает сознание.

Но все это очень утомительно, и время идет бестолково. Так, вчера мы сели обедать только в 7 часу вечера, а обыкновенно в 6-ть; относительно раскольников новой секты я должен заметить, что они бо́льшею частью мошенники. Изо всех виденных мною только один чистый фанатик, святой жизни человек, "*раб Христов*" Яков Федоров, который обрадовался своей поимке, думая, что его будут истязать за имя Христово; остальные почти все воры, разбойники, пьяницы и развратные люди. Это отзыв не наш, а соседних жителей. — Еще не отыскал я их рукописных сочинений в защиту их учения, а это было бы важно. Знаю, что они поморской, филипповской и федосеевской сектам[4] ставят в упрек, во 1-х, то, что они, т.е. последователи этих сект, живут под записью, тогда как эти *христиане* исключаются из списков как беглые; во 2-х, что они имеют паспорты и платят подати; в 3-х, что живут в домах; в 4-х, что живут спокойно и не "одержимы страхом". Не спорю, что эта секта могла сама по себе искренно и самостоятельно развиться, но и для мошенника нельзя лучше выдумать. Он беглый, он бежал из полка или с каторги или потому, что совершил преступление, — и звание беглого освящает, а осуждает состоящих под записью. Он естественным образом не может иметь паспорт и проклинает паспорт; он не может платить повинностей и оправдывает себя в этом; у него нет дома — он говорит, что и не надо иметь дома, что грех иметь дом, и делает из укрывательства беглых священную обязанность. Он разорвал мир с обществом и осуждает других, которые с ним в мире и не одержимы страхом, как он. — У них свои кресты на шее, по которым можно сейчас узнать принадлежащих к их секте.

У Соловьева есть рукопись, мне принадлежащая: "Челобитная раскольничья"[5], возьмите ее у него, пожалуйста. Также возьмите у Кольчугина книжки о духоборцах[6], которые я велел ему для себя заготовить, и пришлите ко мне.

Прощайте, милые мои маменька и отесинька, будьте здоровы и бодры. Дай Бог, милая маменька, чтоб Ваши хлопоты были успешны![7] Цалую вас, мои милые больные Вера и Оличка, цалую всех моих милых сестер, Константина обнимаю, А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

И.А.

85

21 авг⟨уста⟩ 1850 г⟨ода⟩. Ярославль, понед⟨ельник⟩.

Что это значит, милый отесинька и милая маменька, что с последней почтой я не получил ваших писем? С *пред*последней почтой писем от вас я и не ждал, потому что знаю ваше намерение писать только один раз в неделю. Здоровы ли вы? Что Вера, что Олинька? Дай Бог, чтоб тут не было другой причины, кроме са́мой обыкновенной: пропущен день почты, некого было послать и т.п. — Теперь стану ждать четверга.

Последнее письмо я писал вам из Ростова, откуда во вторник вечером и выехал. Там только и толков, что о пребывании великих князей[1]. Хлебников написал об этом чувствительную статью, и еще какого-то купца усердие

подвигло на то же. Воротясь в Ярославль, я узнал, что уже напечатано в приказах о назначении сюда вице-губернатором Богданова[2], чиновника по особ⟨ым⟩ поруч⟨ениям⟩ при м⟨инист⟩ре. Сколько мне известно, этот господин получал жалованье, а потому я, нимало не медля, написал письмо к Гвоздеву[3] (директ⟨ору⟩ д⟨епарамен⟩та общих дел), прося его, в случае, если место никем не занято, доложить м⟨инист⟩ру о желании моем иметь это место. Письмо вовсе не носит характера просительного и написано, кажется мне, с достоинством.

Могу сообщить вам приятную новость об угличском колоколе[4]. На днях получен указ из Синода в здешнюю консисторию, где прописано отношение министра вн⟨утренних⟩ дел к обер-прокурору Синода. В этом отношении м⟨инист⟩р пишет: "*Граждане* г⟨орода⟩ Углича в присланной ко мне просьбе изъяснили, что, зная по устному преданию от предков их, что древний колокол, возвестивший угличанам 15 мая 1591-го года о смерти св⟨ятого⟩ благоверного царевича Дмитрия, подвергся ссылке в г⟨ород⟩ Тобольск, в котором находится и ныне, при церкви Всемилостивого Спаса, и дорожа родными древностями, они желали бы иметь тот колокол у себя, почему и просили о возвращении его в Углич на их счет. По всеподданнейшему докладу моему сказанной просьбы государь император высочайше повелеть соизволил: "удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в г⟨ороде⟩ Тобольске и по сношении с г⟨осподином⟩ обер-прокурором св⟨ятейшего⟩ Синода *просьбу сию удовлетворить*". Почему наш м⟨инист⟩р вошел в сношение с тобольским архиепископом Георгием, который объяснил, что в архиве тобольского кафедральн⟨ого⟩ собора нет никаких письменных достоверных документов о том, когда и от кого этот колокол в Спасскую церковь получен, с чьего распоряжения он был после того перемещен на Софийскую колокольню, с которого времени до 1837 года находился без одного уха (в этом году ухо приделано) и когда именно вырезана на колоколе надпись: "сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного Димитрия царевича, в 1593 г⟨оду⟩ прислан из г⟨орода⟩ Углича в Сибирь, в ссылку, во град Тобольск, к церкви Всемилостивого Спаса, что на торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитным, весу в нем 19 пуд 20 фунтов". А в кратком показании о сибирских воеводах, писанном в тобольском архиерейском доме 1791 года и печатанном в Тобольске 1792-го года, сказано: "в 1593 году прислан был в Тобольск в ссылку колокол без уха, в который били в набат, как Димитрию царевичу на Угличе сделалось убиение, ныне же на Софийской колокольне набатный". Все это было передано министром обер-прокурору, который, в свою очередь, предложил о том Синоду, а Синод предписал Евгению: "собрать самовернейшие справки, неизвестно ли епархиальному начальству или духовенству г⟨орода⟩ Углича чего-либо положительного о том колоколе". Евгений же предписал о том угличскому духовенству. А я прописываю все это в подробности для того, чтоб Константин мог сообщить это нашим известным археологам и просить их: не знают ли они сами, не имеют ли более достоверных известий о колоколе; если имеют, то пусть сообщат Константину, Константин мне, а я Евгению. Очень может случиться, что какой-нибудь Ундольский или Забелин или Беляев[5] владеют какими-нибудь сибирскими документами, относящимися к той эпохе. Как-то странно видеть все эти ученые

розыскания под формою указов и рапортов, но тем не менее я очень рад этому. Пожалуйста, милый брат и друг Константин, если у нас все слава Богу, в обыкновенном порядке, не поленись это сделать. — Евгения, со времени приезда своего, я еще не видал: от дел комиссии я свободен только утром до 9 часов и поздно вечером. Кстати: если Константин увидит Соловьева, то пусть возьмет у него "Челобитную", рукопись раскольничью, которую Соловьев у меня взял для переписки.

Сейчас получил от Серебренниковых новое письмо[6], в котором они пишут, что угличское духовенство уже послало свой ответ архиерею, представив в доказательство: 1) местное, глубоко укоренившееся предание; 2) место из Сибирской летописи, напечатанной в вивлиофике[7]; 3) 245 примеч⟨ание⟩ к X тому истории Карамзина[8]. Поеду непременно к Евгению хлопотать по этому делу.

Нынче совершенная осень: холодно и дождь моросит непрестанно; смеркается рано, уже приходится работать и при свечах... Грустно, очень грустно. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, дай Бог, чтоб все у вас было благополучно; целую ваши ручки и крепко обнимаю своих милых сестер. Только странно, что никто не написал мне письма в течение недели. Константина крепко обнимаю.

Ив. А.

86

Августа 24-го 1850 г⟨ода⟩. Яросл⟨авль⟩. Четв⟨ерг⟩.

Ну, слава Богу, наконец, получил я ваши письма, милый мой отесинька и маменька! Просто верить не хочется! Неужели отъезд Веры состоялся?...[1] Не получив на прошедшей неделе писем от вас, я уже начинал очень беспокоиться; поспешно распечатал письмо и вижу маменькину записку по возвращении из Подольска! Дай Бог, чтоб эта поездка совершилась благополучно; признаюсь, мне было весело прочитать это известие. Только каково-то Вам, милый мой отесинька, одному теперь, без Константина[2] и без маменьки, если маменька еще в Москве; каково-то Вам, милая моя маменька, теперь, при хлопотах о доме, с беспокойством о путешествующих. Подлинно, как говорите Вы, Вы сами теперь сердцем путешествуете во все 4 стороны: Киев, Москва, Абрамцево, Ярославль и Петербург сменяются друг за другом в Ваших мыслях[3]. Как я рад за Надичку и жалею, что Марихен не поехала, ну да она еще успеет побывать в Киеве и в другой раз. Если Константину и неприятна эта поездка, то, верно, он сумеет пересилить себя и не показывать этого Вере; впрочем, я надеюсь, если попадет он на какое-нибудь важное для него открытие (что для него и нетрудно), то он станет повеселее. Как Вы с ним расстались, милый отесинька? Сделайте одолжение, напишите мне все подробно: заезжали ли они к Горчаковым[4], как намерены ехать, прямо ли, не останавливаясь, с ночевкой ли, кто да кто поехал из людей[5], все, все подробно. Можно ли им писать туда и куда именно адресовать? Как Вы распорядились насчет писем? Всего лучше, если Вы будете присылать их письма. Как мне досадно, что я теперь не с Вами,

милый отесинька; как было бы кстати быть мне теперь при Вас вместо Константина. И как нарочно наступила осенняя сырая погода!

Что касается меня, то я просто боюсь увязнуть здесь в делах. Работы столько, что конца не видишь. Теперь я вовсе не занимаюсь прежним своим поручением по городскому хозяйству, и оно остается неконченным, а департамент подбавляет к нему все новые работы. — Мое время теперь все почти исключительно занято делами по комиссии. Человек до 100 подсудимых, разные хитросплетения, запутанность — все это надолго продлит работу. Несколько шаек воров, разбойников и конокрадов составляют эту новую секту. В предписании ко мне министра именно сказано, чтоб я обнаружил связь учения раскольничьего с преступлениями и влияние его на народную нравственность. Следовательно, и в комиссии два предмета: гражданские преступления и раскол с его догматической и историческом стороной. Сверх того мы же производим следствие о некоторых здешних чиновниках, покровительствовавших всему этому злу, любимцах губернатора (который, разумеется, не верит, чтоб они были мошенники) и могущественнейших плутах всей губернии, перед которыми все трусят и подличают. Одного мы уже посадили под арест, завтра посадим другого. Все это возбуждает против нас страшный гнев губернских мошенников.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, буду писать вам с следующей почтой. Благодарю Вас, милая моя маменька, за исполнение моих поручений[6]. Путешествия в Бухару я никакого не заказывал Кольчугину[7]. Он, верно, ошибся. Дай-то Бог Вам поскорее покончить с квартирой![8] Хотелось мне написать и в Москву, на всякий случай, если маменька там, но не успею, и потому прошу Вас, милый отесинька, переслать это письмо к маменьке в Москву. Не грустите и будьте бодры. Целую ваши ручки, всех сестер обнимаю, а милую Оличку и Соничку благодарю за приписку. А⟨нне⟩ Сев⟨астьяновне⟩ мое почтение.

Ваш *Ив. А.*

Вы, пожалуйста, не сердитесь, что со времени моего возвращения из Москвы письма мои все пишутся так бестолково. Мыслей не сведешь и не имеешь досуга заняться письмом как следует, особенно потому, что следственная часть не терпит остановок.

87

28-го августа 1850 г⟨ода⟩. Ярославль.
Понед⟨ельник⟩.

Вчера поутру получил я ваше письмо от пятницы, милый мой отесинька и милая моя маменька. Маменька, верно, опять уехала в Москву! Какое несчастие с этими домами! Я думаю, впрочем, что нанимать дом на какой-нибудь месяц и перевозить туда Олиньку едва ли будет удобно: сколько хлопот при всякой перевозке, да для Олиньки необходимо и ухичивать всякую новую квартиру[1], как бы хороша она ни была. Не знаю, чем кончатся все ваши хлопоты. Хорошо бы, конечно, иметь собственный дом, но для этого нужна вдруг большая сумма денег, которую занимать, с платою за нее процентов, нет никакой выгоды. Что

сделалось с милой Марихен? Как ее здоровье и отчего она захворала? Что у нее: лихорадка или другое что?

Вы не пишете, была ли сама Вера у Хомяковых и виделась ли с ними[2], а также, в каком расположении духа едет Константин[3]. Как жаль, что стоит такая гнусная, осенняя погода: она отнимет у них всю возможную прелесть путешествия, все, чем бы еще они могли наслаждаться при разлуке и беспокойствах.

Из министерства не получаю ни награды, ни назначения на место. Грише я точно писал, что если нет никакой возможности получить штатное место чиновн⟨ика⟩ по особ⟨ым⟩ поруч⟨ениям⟩ (с жалованьем) при м⟨инист⟩ре, то я согласен буду взять такое же место собственно при хозяйств⟨енном⟩ д⟨епартамен⟩те.

Вчера виделся я с Татариновым. Кажется, теперь проводы и прощанья кончились, и он скоро едет. Не знаю, заедет ли он к вам теперь, так как Константина нет в деревне. Виделся ли Константин с Самариным перед отъездом?[4]

Я уже писал вам, кажется, что теперь все мое время занято делами по комиссии, а отчет по городскому хозяйству я буду писать после. Лучше прежде всего разделаться с комиссией, которая не может, да и не должна долго продолжаться. Познакомившись теперь хорошо с следственною частью (это не то, что судебная, где рассматриваются готовые дела), я дал себе зарок впредь ею никогда не заниматься, исключая разве дел о притеснениях со стороны помещиков. Сколько подлого, оскорбительного и огорчительного в этой части. Не говоря уже о том, что вы целый день возитесь с мошенниками, ворами, разбойниками или с упрямыми обманщиками, лицемерами-раскольниками, вы должны состоять в дружеских отношениях с сыщиками, которые дают себе брить головы и подсаживаются к арестантам, вступают сами в шайку воров, чтобы предать их и т.д. Вы обязаны производить внезапные обыски, будить ночью спящих, пытать, не физическою, конечно, но нравственною пыткою допроса, сбивать в показаниях обвиняемых, давать очные ставки отцу с сыном, дочери с матерью и т.д. Все это так неприятно и так способно, кажется, очерствить душу, что я, ложась спать, берусь за какой-нибудь роман, чтоб почувствовать себя еще способным к другим ощущениям и интересам!.. Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, будьте, сделайте милость, бодры и здоровы, целую ваши ручки и всех моих милых сестер. Да что же, Марихен, выздоравливаешь ли ты? А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

И.А.

88

31 авг⟨уста⟩ 1850 г⟨ода⟩. Четв⟨ерг⟩.
Ярославль.

С каким удовольствием прочитал я письма наших путешественников, присланные мне Вами из Москвы, милая моя маменька; очень, очень Вам благодарен за то, что Вы мне их прислали. Желал бы получать и последующие письма. Я отсылаю их на имя отесиньки в Абрамцево. Как грустно, милая маменька, что в это-то время Вы должны жить розно с отесинькой. Когда же кончатся эти поиски домов? Хотя на дворе стоит и ясная осень, но морозы утренние и вообще

холод воздуха вообще очень, очень ощутительны. Если б не совестно было, я бы даже решился протопить у себя. Что, милая Оличка, топит ли она свои комнаты и вообще как она себя чувствует? — Вера черезчур уже нежится в дороге; а я уверен, что некоторое стеснение было бы ей вовсе не вредно, а не стесняться вовсе ей стыдно, когда брат приносит ей такую жертву. Ведь это подлинно жертва[1]. Ужас берет при одной мысли о подобном путешествии, совершенно противном мужской натуре. Как я радуюсь в душе за Надичку! Как мило она ведет свой рассказ и как бы я желал им написать, если б знал, куда адресовать. Я не думаю, чтоб они поехали далее Орла. Хорошо ехать по шоссе, которое идет только до Орла, но ехать по обыкновенным нашим дорогам осенью не по силам Веры[2]. —

Я хотел было посылать это письмо в Москву, прямо к Вам, милая маменька, но потом рассудил, что лучше адресовать его в Абрамцево, откуда оно дойдет к Вам почти в одно время с письмами, разносимыми почтальоном. Ну что, милый отесинька, скучаете Вы? Я думаю, что скучаете, потому что уже осень вступила в свои слишком ранние права. Какой холод! Пропала вся прелесть, нет тепла, жизнь побивает морозом. Очень мне грустна осень. Теперь, когда мне некогда даже вспоминать о том, что я когда-то писал стихи, когда я вращаюсь в самой скучной, грязной действительности, дохнуть теплым воздухом, взглянуть на небо и заглядеться на минуту, почуять жизнь природы было бы для меня целительным средством, высоким наслаждением. Но когда, взглянув в окно, я вижу траву, побелевшую от мороза, и застывшую грязь, сердце мое съеживается еще более и к грусти о себе прибавляется еще грусть о природе. Удите ли Вы, по крайней мере, милый мой отесинька, *где и когда именно*, как выражаемся мы часто в вопросных пунктах. Я думаю в следующий раз написать обстоятельнее и побольше к вам, а теперь схожу вниз предлагать опять вопросные пункты арестованному нами при комиссии бывшему земскому исправнику Любимову.

Прощайте, мой милый отесинька и моя милая маменька. Посылку вашу (челобитную) я получил. Что здоровье Марихен? Цалую ваши ручки, обнимаю и цалую всех моих милых сестер. Будьте бодры и здоровы. А⟨нне⟩ С⟨евастьяновне⟩ кланяюсь.

Ваш *Ив. А.*

Письма посылаю[3].

89

⟨Письмо Сергею Тимофеевичу Аксакову⟩.

4 сент⟨ября⟩ 1850 г⟨ода⟩. Яросл⟨авль⟩.[1]

Писать мне некогда и для развлечения посылаю Вам, мой милый отесинька, письмо Гриши[2]. Цалую ваши ручки, а также и ручки милой маменьки, если маменька в деревне. На днях, может быть, заедет к вам Татаринов. Примите его ласково. Он расскажет вам обо мне. До следующей почты.

Ваш *Ив. А.*

Сестер всех цалую.

90

11 сентября 1850 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩.
Ярославль.

Вчера получил я два письма: одно от Вас, милый отесинька, другое от Вас, милая маменька, с письмами наших путешественников из Севска. Как медленно они едут! Если они не поедут скорее, то едва ли воротятся в Москву к 20 сентября. От Севска до Киева еще очень много езды, а чем дальше в осень, тем хуже будут и дороги. Больше всех удовольствия поездка доставит Надичке, со днем рожденья которой (14-го сентября) я вас всех поздравляю; но удивляюсь Константину, что он так мало извлекает добра для себя[1] собственно из той участи, которой он по необходимости покорился. День, проведенный им в Дмитровске, давал возможность ему походить, посмотреть, потолковать в городе и в окрестностях. — Он мог бы даже успеть в этот длинный досуг написать письмо несколько пространнее и подробнее того, которое он прислал из Севска. Зато благодарен я Наде, которая очень обстоятельно и плавно повествует; досадно, что она не может иллюстрировать свое путешествие[2] и что Константин помешал ей рисовать. —

Приближаются все наши сентябрьские праздники[3], и вам придется провести их врозь с Константином и именинницами. Я бы желал, по крайней мере, чтобы Вы, милая маменька, провели все это время в деревне. Если ни один дом раньше 1-го октября не сдается, то нечего и хлопотать, тем более что для Олиньки приискано помещение. Мне не пишут, как маменька находит теперь дом Орловского и не думает ли его нанять. — Вы пишете, милый отесинька, что Вера 30 августа должна приехать в Киев, а нынче или завтра выехать оттуда. Едва ли в 5 дней доедут они в Киев из Севска! В каком маленьком обществе Вы теперь живете, милый отесинька. Хорошо, что грибы и уженье Вам не изменяют. Что это делается с Марихен? Ей бы следовало воротиться и выздороветь к праздникам. Главное в том: как действует на нее эта лихорадка и не изнуряет ли? —

В прошедшую субботу ездил я с гр⟨афом⟩ Стенбоком и Оболенским[4] в Великое Село, на выставку сельских произведений и ярмарку, верстах в 25 от Ярославля. Это село принадлежит помещикам Яковлевым и подлинно Великое Село. В нем 600 домов, из которых 200 каменных. Оно знаменито производством холстов и полотен. Действительно, великосельские полотна считаются лучшими, и государь приказал покупать для себя только эти полотна. Впрочем, это сделано государем только в видах покровительства этой промышленности, потому что в сущности голландское полотно и дешевле и лучше. Самое лучшее великосельское полотно на 12 голландских рубашек стоит не дешевле 100 р⟨ублей⟩ серебром, но оно никогда не имеет прочности голландского. Этим промыслом занимаются собственно женщины, а мужья торговлей и другими промыслами. Это село, с одной стороны, производит приятное впечатление своим богатством и бодрою, умною деятельностью, с другой стороны, поражает вас неприятно отсутствием всякого сельского характера и фабричным нарядом крестьян. После недавно бывшего пожара село стало строиться по плану, и каменные дома построены точно так, как в Петербурге, т.е. дом к дому. В селе несколько улиц и площадей и

3 церкви. Оно замечательно также красивостью своих обитателей. Великосельские женщины считаются типом ярославской женской красоты. И действительно, нет ни одной безобразной женщины: все — кровь с молоком, румяны, дебелы, довольно хорошего роста и с плохими косами, с прекрасными бровями и бóльшею частью в немецких платьях. Впрочем, здесь еще весьма употребителен следующий костюм: юбка, фартук и курточка или кофточка, называемая и всеми крестьянками, даже *спензер*! Каково! Выставку мы почти не застали, потому что комитет распорядился переменить сроки, а мы этого не знали. Многие крестьяне получили награды за полотна свои и другие сельские произведения; впрочем, разнообразия в произведениях, говорят, было мало: лучшие произведения были полотна и какие-то семена ячменю. Надобно сознаться, что выставка, сколько я заметил, поощряет крестьян. — Народу было тысяч 10, если не более. Все власти присутствовали там же. В день нашего приезда происходило только состязание крестьянских лошадей, но это глупость; заставляют лошадей крестьянских скакать в телеге, в одиночку, в оглоблях. Очень нужно это, да и кто скачет в оглоблях. Я, впрочем, не дождался конца скачки, ибо это продолжалось слишком долго. Вечером уехали мы домой, потому что в Великом Селе нет ни хороводов, ни других игр и слышится только одно пенье в кабаках и трактирах. Получил я письмо от Гвоздева, весьма учтивое и любезное, в котором он пишет мне, что Богданов жалованья не получал, и спрашивает: хочу ли я взять место это без жалованья. Я отвечал, что согласен, в надежде, что жалованье мне сыщут, но не знаю, что из того выйдет. Прощайте, мои милые отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы, сестер обнимаю.

Ваш *Ив. А.*

91

14 сент⟨ября⟩ четв⟨ерг⟩ 1850 г⟨ода⟩.
Яросл⟨авль⟩.

Каково было мое удивление нынче, когда мне принесли письмо от Веры прямо из Киева! Письмо от 5-го сентября. Когда они приехали, из письма не видно[1], но Вера пишет, что они собираются уже в обратный путь. Скверная осенняя погода помешала, кажется, много их удовольствию видеть Киев[2]. Вера восхищается однако местоположением Киева. Я проезжал через Киев зимой, и потому не могу судить об этом; святынь же киевских я не осматривал также потому, что это было зимой и на дворе было так холодно, что всякая охота гулять и осматривать отпадала. Сегодня одна из путешественниц новорожденная[3], а 17-го, т.е. в воскресенье обе именинницы. Если они в 12 дней туда приехали, то к 20-му, я думаю, будут непременно. Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, и вас, милые сестры Соничка и Любочка, с именинным днем[4], и вас, милые сестры, не именинницы. А что здоровье Марихен?

Я всегда в таких попыхах пишу вам письма, милые мои отесинька и маменька, и письма мои уже давно все короткие и неполные, что это мне и самому надоело, а вот я как-нибудь соберусь и напишу вам большое и подробное письмо. Много любопытного в последнее время открыто по комиссии. На этой

неделе две ночи мы работали напролет, но не сиднем сидя: были обыски и допросы арестованных на месте. На этой неделе мы ездили в уезд, и там я осматривал знаменитое село Сопелки, где все почти дома устроены с потаенными местами, фальшивыми крышами, двойными стенами и т.п. Следовательно, уже самые постройки производились с умыслом, и пристанодержательство не случайное, а организованное. Матерьялов накопливается много, много будет работы при разработке, а любопытная будет статья.

Писать решительно некогда и то не знаю, примут ли на почту. Целую ваши ручки, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, поздравляю вас со всеми праздниками, обнимаю милых сестер. Письмо Веры посылаю.

92

18 сентября 1850 г⟨ода⟩. Понедельник.
С⟨ело⟩ Сопелки.

Вот откуда пишу я вам, милые мои отесинька и маменька, из с⟨ела⟩ Сопелок, верстах в 15 от Ярославля. Мы приехали сюда производить следствие на месте, пробудем здесь несколько дней, а потом отправимся по другим селам и вообще в уезде пробудем недели две, и потому вы и не ждите от меня в течение этого времени частых и подробных писем. Вчера получил я два письма от вас: одно из Москвы от Марихен с письмами Веры, Нади и Константина из Киева и другое письмо от Вас, милый отесинька. Слава Богу, что все у них довольно благополучно.

20-го день Вашего рожденья, милый отесинька, поздравляю Вас и Вас, милая маменька, и всю нашу семью. Будьте здоровы на много и много лет.

Путешествие по уезду как воинствующее и враждующее с заведенным здесь порядком вещей не ставит нас в мирные и дружелюбные отношения к крестьянам, а потому и не имеет никакой особенной приятности.

Помещены мы очень хорошо, вчетвером, и заняты день целый.

Прощайте, целую ваши ручки, обнимаю всех милых сестер и Константина, если он воротился.

Ваш *Ив. Акс.*

93

28 сентября 1850 г⟨ода⟩. Четв⟨ерг⟩.
С⟨ело⟩ Сопелки.

Вас, я думаю, немало удивило, а, может быть, и обеспокоило, милые мои отесинька и маменька, что вы от меня 10 дней не имели писем и что я не поздравил вас с праздниками. Еще более удивитесь вы, когда я скажу вам, что я по делам комиссии ездил в Костромскую губернию, в Кинешму и дальше; отправился я 21-го и воротился вечером 25-го опять в с⟨ело⟩ Сопелки. В это время получено было мною только одно письмо от вас с извещением о приезде наших путешест-

венников. Я не ожидал, что они так скоро воротятся. Имела ли эта поездка влияние на здоровье Веры? — Таким образом, это путешествие, казавшееся несбыточным, совершилось и, по-видимому, при самых неблагоприятных обстоятельствах! Все наши семейные праздники, начиная с 20-го[1], вы, вероятно, проводили вместе: когда же решится что-нибудь положительного насчет дома?

Поводом к поездке моей были разные полученные сведения об укрывательстве в Кинешемском уезде двух необходимых для нас раскольников. Они — наставники и учители, и если б удалось захватить их рукописные сочинения, которые, я знаю, имеются и в которых излагается вся сущность секты, то это было бы также важно, если не важнее, как и арестование самих лиц. Необходимо было также иметь личные объяснения с костромским военным губернатором и дать ему полное понятие о предмете наших исследований. Все это сделалось так внезапно, что я за два часа до отъезда вовсе и не предполагал этого. Стенбок и прочие члены оставались в с⟨еле⟩ Сопелках, а я отправился в Кострому, где пробыл сутки, остановившись у Унковского[2]. Взяв от губернатора 8 человек жандармов и чиновника, в ту же ночь уехал я в Кинешму, верстах в 85 от Костромы, а оттуда отправился по дороге в Шую, где, в верстах в 35 от Кинешмы, произвел ночные обыски в двух деревнях, никого и ничего не нашел, кроме одной женщины, члена-корреспондента раскольничьего общества, которую и арестовал[3]; утром отправился обратно в Кострому, куда и приехал к вечеру, а на другой день, т.е. 25-го, после свидания с губернатором, поскакал назад в Ярославль и вечером уже присоединился к комиссии. О Костроме и о Костромской губернии я не могу дать вам определительного понятия. Скажу только, что быт и самый народ там гораздо чернее или “серее” ярославского. После Ярославской губернии вы невольно поражаетесь грубостью и невежеством, грязным бытом костромичей. Это, впрочем, вовсе не доказывает, чтобы нравственность там была лучше. Напротив, раскол в соединении с цивилизацией и произвел в Ярославской губернии такую скверную секту как сопелковская[4]. — Я, кажется, вам писал и прежде, что Сопелки — колыбель секты и притон сектаторов. Здесь нет ни одного православного, хотя все село по спискам полиции значится православным, и все жители на допросах показывают себя принадлежащими к великороссийской церкви. Но по исследованию оказывается, что ни одна душа никогда не была у Св⟨ятого⟩ причастия, и когда мы требуем объяснения, почему так, то знаете ли, что мужики и бабы отвечают? Они отвечают или что не бывают у Св⟨ятого⟩ причастия *за здоровьем* (говоря, что в случае болезни или приближения смерти они причащаются), или “по молодости лет”. Этот ответ я слышал, впрочем, и в Костромской губернии. Баба лет в 30 или 35 ссылается на *молодость* лет, мужик лет в 45 — тоже. “Наше дело молодое”, — говорят состоящие в браке. Разумеется, все эти рассуждения сейчас обличают скрытого раскольника, воображающего, что он извиняется в православном духе. В с⟨еле⟩ Сопелках есть церковь, в которую никто никогда не ходит. Но когда приезжает какой-либо чиновник, то десятский[5] обходит жителей и говорит, чтоб шли в церковь. При нас церковь всегда полна, и вы не поверите, какое грустное впечатление производит вид этой толпы, лицемерно присутствующей и не

умеющей молиться. Во время праздника все молодые бабы и девки в модных немецких платьях. Если б этот народ прямо говорил, что он не по нашей церкви, так с ним легко было бы примириться, но когда слышишь от него уверения в противном, а между тем знаешь, что он принадлежит к самой злой секте, страшно богохульствующей на нашу церковь, так нельзя оставаться равнодушным. Впрочем, вам не совсем понятно, каким образом к секте бродяг принадлежат оседлые, и я вам сейчас объясню.

Учение этой секты тесно связано с общим учением раскольников об антихристе[6], с тою разницею, что это последнее доведено здесь до крайнего своего выражения. *Всякая* земная власть есть власть антихриста (для Константина замечу, что только со времени нарушения *древнего благочестия*[7] и что этот взгляд вовсе не умозрительный); следовательно, не надо признавать ее. Всякий, пользующийся покровительством земной власти, *безопасностью* от нее, живущий под нею без страха, делается слугою антихриста. Имеющий паспорт живет без страха. Для спасения души необходимо быть исключену из граждан внешнего мира (т.е. числиться в бегах или умершим), необходимо иметь страх от гонений антихриста, быть преследуему, разорвать узы с обществом. К этому присоединяется также и толкование слов Спасителя об оставлении дома и семьи и писания святых о том, что в последние времена благочестие должно будет скрываться. От этого всякий, почему-либо одержимый страхом от земной власти (за свои преступления) и враждующий с обществом, поступает в эту секту, которая перекрещивает даже приходящих от филипповского согласа[8]. Но странничество было бы весьма невыгодно, если б не было странноприимцев. А потому догадливые раскольники допустили в свою секту людей, которые, оставаясь на месте, но в чаянии будущего странничества, занимаются пристанодержательством беглых раскольников. Сектатор, отправляясь бродить, сносит все свое имущество, продает землю, берет деньги — и все это складывает у “христолюбцев”, которые получают за это от “странных” большие выгоды. А как странники не очень охотно живут в лесах и пустынях, то христолюбцы устраивают свои дома с теплыми и чистыми подпольями и удобными тайниками. Мы поймали, может быть, более 50 странников и ни одного — в нищенском рубище: все одеты хорошо, даже богато и щеголевато. У них большие деньги, которые раздают по братии наставники. Подаяние идет им огромное. Жители с⟨ела⟩ Сопелок все христолюбцы, и с целью укрывательства беглых выстроилось все селение. Нет дома без потаенной кельи. Нелепость доходит до того, что оставляют дом свой с тем, чтобы, заставив подать о своем побеге явочное прошение, следовательно, записавшись беглыми, жить у *соседа* в доме! Христолюбцы, любящие покойную жизнь, перед самою смертью заставляют себя выносить вон из дому, чтоб умереть будто бы в странничестве, не у себя в доме!.. Нельзя и некогда мне сообщать вам все подробности разврата нравственного этой секты, но вы поймете, что она, нарушая весь быт семейный и порядок жизни, является самою вредною из сект. А если б вы еще видели ложь, лицемерство, закоснелость, разврат малых детей, вы бы ужаснулись![9] — Все грамотные, все знают наизусть Четью-Минею и Ефрема Сирина[10]. Пусть Константин подумает глубже об этом

предмете и посудит, едва ли я не был прав, доказывая ему вред исключительно чтения церковных книг[11]. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю милого друга и брата Константина, милых сестер-путешественниц и всех прочих сестер.

Ваш *Ив. А.*

Поздравляю вас всех с прошедшими праздниками[12].

94

1850 года октября 2-го. Понедельник.

Вы были в Ростове, милая моя маменька[1], и как жаль мне, что я не мог приехать к Вам в Ростов. О Вашем приезде в Ростов 28-го числа известил меня Хлебников маленькою запиской, которую я получил 29-го вечером в Сопелках. Я бы и хотел отправиться, но этому помешало многое: во 1-х, на другой день предстояло давать очные ставки более чем 100 человекам и работать в несколько рук, а одного члена комиссии мы отпускали в отпуск, следовательно, присутствие мое было необходимо; во 2-х, я не знал наверное, долго ли Вы пробудете в Ростове, и мог, приехавши 30-го сентября, не застать Вас там более; в 3-х, после своей поездки в Кострому я получил сильный катар и даже маленькую лихорадку, больше жар, чем лихорадку, которая теперь проходит. Сообразив все это, а также и то, что по свойству своего характера я не был бы свободен и спокоен духом при поездке в Ростов, имея за собой оставленные во множестве дела, я решился не ехать. Долго ли Вы там пробыли, милая маменька, кто сопровождал Вас, все ли Вам показали, познакомились ли Вы с протоиереем и как Вам понравился Ростов. Мне потому уже неприятно ездить в Ростов, покуда я чиновник м⟨инистерст⟩ва, что ко мне бы немедленно приехали городничий и другие должностные лица, а также кляузники обеих враждующих там между собою партий.

Благодарю Вас, милая маменька, и Вас, милый отесинька, за поздравление с 26-м сентября. Нынешний год я этого дня не почувствовал, хотя и праздновал его несколько против обыкновения. Товарищи мои узнали, что я именинник, и хотя это было в деревне, но я ради именин поставил на стол бутылку хорошего Lafitte и Шато д'Икем. Стараюсь оглушить себя работой и не думать о том, что мне уже 28 год. — Благодарю милую Веру, милого Константина, милую Оличку и всех милых сестер за письма. В письмах ваших слышится как будто упрек мне за то, что я слишком занят теперешними своими занятиями. Они неприятны, но я в них вижу для себя большую пользу, конечно, внутреннюю, т.е. для меня собственно. Распространяться об этой пользе теперь не время. — Я очень рад, что получил 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩[2]. Эти деньги мне очень кстати. Впрочем, за уплатою долгов не останется из них, кажется, ни гроша. Бог знает, что такое! Служу, служу и никак не могу приобрести капитала! Впрочем, эти деньги мне еще не доставлены. Буду писать об них Грише[3].

Я рад, по крайней мере, что сестрам понравился юг. Понимаю всю важность Киева, его воспоминаний и вечных святынь — об этом ни слова,

отдаю всю справедливость северу, но люблю юг за его природу, за его красоту. Я часто утомляюсь теперь от интересов постоянно отвлеченных, общечеловеческих, и если желаю наслаждений чисто личных, то могу находить их только в природе, ибо что касается до нежных чувств, то я их боюсь, а жениться охоты вовсе не имею. И всего более наслаждений дарит природа южная, теплая, греющая. Оттого-то я ее так и люблю, оттого-то мне и хочется на юг. Не верю, чтоб Константину южная ночь не нравилась. По части женской красоты он, кажется, красавиц юга предпочитает северным.

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Обнимаю милого друга и брата Константина и всех моих милых и добрых сестер. Поздравляю вас всех с 5-м октября, со днем рожденья Марихен. Поздравляю ее и целую.

Ваш *Ив. А.*

95

9 октября 1850 г⟨ода⟩.
Мигачево, в 45 верстах от Ярославля.

Вот где мы теперь находимся, милый отесинька и милая маменька, и живем здесь уже несколько дней. После поздравлений с 26-м сентября я от вас писем не имею; думаю, что вчера, верно, получено письмо, но оно ко мне еще не доставлено. От Хлебникова я получил письмо: он пишет, что Вы, милая маменька, и сестрицы Надежда, Любовь, Марья и Софья Сергеевны, кроме церкви Иоанна Милостивого, помолились всем чудотворцам, а сестры были даже на паперти храма Иоанна Богослова и прошли часть стены, были у него и в саду, и в новом доме и уехали в субботу утром. Стало быть, получивши известие о Вашем приезде в пятницу вечером, я мог Вас и не застать. Только не понимаю, как вы в такой короткий срок успели везде побывать. Были ли сестры в Спасовой церкви, уже запертой, что на стенах?

Мы находимся на самой границе Костромской губернии и производим здесь следствие уже не собственно об расколе, а о переловленною комиссиею шайке разбойников, большею частью православных. Мужики говорят, что они теперь в раю Христовом: так им теперь покойно и безопасно. Впрочем, эта сторона гораздо серее той, где мы жили: жители беднее, живут хуже и грамотных почти совсем нет. Однако ж тут нет деревни, где бы не было беглых и довольно в большом числе: побудительная причина к побегу — раскол, странничество. — Огорчил меня недавно один святой, Василий Новый. У раскольников часто попадается книга его жития, напечатанная в почаевской типографии[1] и списанная с макарьевской Четьи-Минеи[2]. Этот святой, которого происхождение неизвестно, был также пойман как бродяга и предан суду и на все вопросы отвечал так же, как наши бродяги-раскольники: знать не знаю и ведать не ведаю. На вопросы: кто ты такой — он отвечал: раб Христов; что за человек — “странный”, зовут Васильем — и больше ничего. Его бросили в море, однако дельфины его оттуда вынесли на сушу, и он стал творить чудеса. У Дмитрия Ростовского также рассказывается это житие[3], хотя он почувствовал

необходимость оправдать святого таким рассуждением, что святому пришлось бы публично рассказывать свою добродетель, чего ему не хотелось по слову, что и правая рука не должна знать, что́ творит левая. Это тот самый Василий, в житии которого рассказываются видения ученика его Григория о 45 мытарствах того света. А теперь в той комнате, в которой я пишу к вам, перед моими глазами висит на стене огромная картинка этих мытарств, взятых из того же жития, с изображением чертей во всех видах и положениях.

Если вас радует вид белого покрова земли, то, верно, вы радуетесь теперь, потому что со вчерашнего вечера идет постоянно снег, покрывший больше, чем на вершок, землю. Зима! Все это грустно, да и многое грустно, и как другой в вине, в пьянстве запоем находит себе утешение, так и я ищу забвения и утешения в служебной работе. Кругом целый лес вопросов неразрешимых или таких, которых представляющееся уму разрешение страшно, нежелательно. — Мы помещены в хорошем крестьянском доме (низ каменный, верх деревянный), но не так удобно, как в Сопелках.

Когда же вы переедете в город и куда переезжаете, что и как предполагаете вы на эту зиму. От Гриши недавно получил я письмо с припискою от Софьи, которое и посылаю к вам. Кажется, у них все идет довольно благополучно, кроме частых нездоровьев Софьи. — Прощайте, мои милый отесинька и маменька, дай Бог, чтоб неполучение от вас писем происходило от каких-нибудь пустых причин, а не от важных, и чтоб все у вас было благополучно. Будьте бодры и здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю милого брата и друга Константина и всех моих милых сестер.

И.А.

96

1850 г⟨ода⟩ октября 12-го. Четверг.
Мигачево Яросл⟨авского⟩ уезда.

Наконец, я получил ваше письмо, милый мой отесинька и маменька. Вы так беспокоитесь насчет моего здоровья, что вам нельзя сообщать правды. Нездоровье мое продолжалось два или три дня, не больше, и не мешало мне работать; теперь об нем я уже и забыл совсем, и мне жаль, что вы так долго и понапрасну беспокоились[1]. — Как Вы скоро оглядели Ростов, милая маменька, и я очень благодарен Хлебникову за его прием и радушие. Надобно Вам сказать, что незадолго до Вашего приезда он просил меня об одном деле, но я находил всегда, что он в этом деле действует пристрастно и не так смотрит на дело, поэтому я ему написал прямо, что он в этом деле неправ, и я содействовать ему в этом деле не могу. Он очень был огорчен не отказом моим, а моим мнением, что и выразил мне в письме, но я ему отвечал, что, не соглашаясь с ним во взгляде на дело, я нисколько не изменяю своего об нем мнения, что ошибаться может каждый, но что я люблю и уважаю его попрежнему; тогда он написал ко мне славное письмо, в котором радовался, что я сохраняю с ним прежние отношения. — Вы очень хорошо сделали, милая маменька, что дали денег людям, и этого очень довольно.

Бедный Яша! Откуда взялся этот паралич![2] Я бы советовал взять его скорее из Казани и, если нужно, послать лечиться за границу. Может быть, это не паралич, а что-нибудь другое. Я даже не понимаю, зачем он остался. — Что это за истории с Шишковым! M-me Шалашникова, за которую он дрался, дочь князя Лобанова-Ростовского[3], та самая, которую я видел на Серных водах и которую разбранил рикошетом[4]. Муж ее — действительно дурак и скотина, который, как я узнал потом, нередко колотил свою жену, и Шишков, уже под конец моего пребывания на Серных водах[5], исполнился сострадания к этой особе, которая, хотя и не красавица, но belle femme* и имеет великолепные белые руки, для чего и носит бо́льшею частью черное платье с короткими рукавами.

Не понимаю, откуда взялись у вас подозрения на мой счет. Это довольно скучно. Во 1-х, с самого своего возвращения в Ярославль я не видал ни одной женщины, кроме арестанток и крестьянок; во 2-х, вы забываете, что мне уже 27 лет: возраст серьезный, особенно для меня. Человек моего нравственного сложения в эти года уже очень, очень немолод. Хотя не люблю я этого нерусского слова, но придется употребить его: с каждым днем я чувствую, что бо́льшая и бо́льшая серьезность вкрадывается мне в душу, и, право, я не думаю ни о красотах, ни о любвях и смотрю на это, как на что-то, чему пора миновалась[6].

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы и бодры, целую ваши ручки, обнимаю милого друга и брата Константина и всех моих милых сестер. Прощайте.

Ваш *Ив. А.*

Поздравляю вас с зимой. У нас с 9-го октября стала зима и великолепный санный путь, так что иначе и ездить невозможно.

97

⟨Письмо к Ольге Семеновне Аксаковой и к сестрам⟩.

30 октября 1850 г⟨ода⟩. Сельцо Яковлево[1].

Я ни разу не писал к Вам в Москву, милая моя маменька, и к состоящему при Вас штату больных сестер моих. Вы, как и всегда, в хлопотах, скучных и неприятных, это правда, всегда в деятельности утомительной, но благой и полезной, потому что она вся для других. Желал бы я иногда для сестер моих подобной деятельности. Жить для себя невозможно. Надобно непременно взвалить на себя обязанность, исполнение долга. Мужчина делает это в более широком размере, женщина в более тесном. Надобно, чтоб сестры деятельно помогали Вам, милая моя маменька. В Ваши года нельзя утомлять себя, как бывало прежде. — Это для меня новое, что Цемш сватался за Маш⟨еньку⟩ Воейкову[2]. Ведь, кажется, кто-то другой у нее был в виду? Да и хочет ли она сама идти за Цемша?[3] — Пусть дядя Аркадий украшает свой дом и задает

* Здесь: приятная женщина (*фр.*).

вечера![4] Так ему и следует... Право, так скучно-забавно смотреть на этих людей и на все общество, составленное из подобных же. — Вы наняли дом Высоцкого[5]. Ну что же делать! Конечно, хорошо бы иметь дом удобнее, да он дешевле других. — Гриша пишет, что его планы на лето приискать какие-нибудь поручения в Москву. Если же это не удастся, то попросит дать ему поручение, подобное моему (по городскому хозяйству) в Самарскую (новую) губернию[6]: Софья жила бы в Языкове[7], в 100 верстах от Самары... Я бы не желал этого для него же и всеми мерами постараюсь отговорить его. Пусть он терпеливо выждет места вице-губернатора и не в Оренбургской губернии, а где-нибудь подальше от жениной родни[8]. Только Вы уж, пожалуйста, милая маменька, ничего об этом ему не пишите. Я обещался у него крестить[9], только едва ли буду к этому времени в Петербурге. — Думаю на праздники приехать к вам в Москву, но если комиссия наша не кончится, то не могу ручаться наверное: следствие не стесняется праздниками и не может останавливаться. — Вы все, чай, сетуете на меня, что я мало пишу. Ведь это не от лени и не от развлечений веселых происходит; вот уже 7-ую неделю живем мы в уезде, в деревнях, в избах... Впрочем, теперь мы помещены удобно; занятия с утра до ночи и, конечно, не веселые. Но я не скучаю. Скучнее для меня досужная жизнь в Москве, обеды á la обед Вяземскому, встречи с скучными людьми, Кротковыми, дядей[10] и т.п. —

Прощайте, милая моя маменька, целую Ваши ручки, всех моих милых больных, полуздоровых и здоровых сестер крепко обнимаю. — Что Олинькина рана? Пожалуйста, напишите мне, был ли Овер и прижигал ли? Лечится ли Вера?

Ваш *Ив. Акс.*

К отесиньке пишу особо.

98

30-го октября 1850 г⟨ода⟩.
Сельцо Яковлево Яр⟨ославской⟩ губ⟨ернии⟩.

Слава Богу, опять вчера выпал снег, и зима поддержалась, а то совсем пути не было. Верно, та же история с санным путем повторилась и у Вас в деревне, милый мой отесинька. Я пропустил к Вам одну почту, потому что, хотя и был в этот день в Ярославле, однако же не успел, снимал допрос, длившийся, по крайней мере, часов 8. Не думайте однако ж, что этот допрос был инквизиционный; нет, я записывал только добровольное показание одного раскольника другой открытой секты, раскольника, бродившего лет 15 сряду и знакомого со всем бытом и историей этой невидимой для нас жизни. Я убедился, что пропаганда раскола становится все сильнее и сильнее, я убежден, что ей суждено еще долго распространяться. Право, скоро Россия разделится на две половины: православие будет на стороне казны, правительства, неверующего дворянства и отвращающего от веры духовенства, а все прочие обратятся к расколу. Берущие взятку будут православные, дающие взятку — раскольники. В

здешней губернии православный — значит гуляка, пьяница, табачник и невежда.— Если б вы знали, как иногда делается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является вашим глазам во всем отвратительном могуществе. Причины язвы — в крови. Все соки испорчены и едва ли есть исцеление. Кажется, нам суждено только понять болезнь и созерцать, как она пожирает постепенно еще не вполне зараженные члены. —

Когда кончится наша комиссия — Бог весть. Много важных открытий сделано ею, много пользы в этом отношении принесла она мне, много опытности дала она мне, но много и скучных, пустых занятий, много неприятных действий возбуждает она. Главное — то, что нет отдыха, — ни читать, ни писать почти нет времени. Положительных границ нашему следствию нет, и мы могли бы растянуть его, если б хотели, хоть на два года. Но мы всеми силами стараемся ограничить круг исследований, и все нет конца. Может быть, придется всей комиссии переехать в Костромскую губернию на месяц времени и больше.

Ну что обед Вяземскому?[1] От одной мысли об этом обеде со спичами, приличными стихами, с Шевыревым, с толками, с сплетнями, наконец, с отсутствием всякой искренности, всякой теплоты, кроме той, которая возбуждается вином под конец обеда, когда Грановскому предстоит целоваться с Шевыревым, — при одной мысли обо всем этом — истинно говорю я — меня взяла зевота и сделалось скучно-скучно, как будто я сам должен в этом участвовать. Ну вот в Москве и запас толков на долгий срок. Я думаю, Константину при его серьезных занятиях, при беспрестанно упрощающемся взгляде на жизнь также было бы тяжело и скучно участвовать в подобном обеде. — Скоро ли вы переедете?[2] Я продолжаю писать в деревню. Зима слезла было совсем, но опять воцарилась, кажется. Денег из м⟨инистерст⟩ва я еще не получал[3]. — У Гриши опять новые проекты. Надеюсь, впрочем, что ни один из них не осуществится до моего приезда, если б даже мне пришлось и воротиться в Петербург только весной, и тогда я успею отговорить его. Ни в Оренбург, ни в Самару ему не следовало бы ехать[4]. Прощайте, милый мой отесинька, обнимаю Вас и цалую Ваши ручки, обнимаю милого брата Константина; как бы мне хотелось, как бы мне нужно было писать ему... Но многое не может быть писано с почтой, особенно, когда Вы переедете в Москву. Троицкий почтмейстер едва ли читает[5]. Обнимаю всех состоящих при Вас сестер. К маменьке пишу особо.

99

1850 г⟨ода⟩ 7 ноября, сельцо Яковлево.

Последнее письмо Ваше было от 26-го октября, милый мой отесинька. Где Вы теперь: в деревне или в Москве. Если в Москве, то в доме ли Хомутова или Орловского? Я забыл, в каком переулке дом Орловского, в Афанасьевском, кажется?..[1] Благодарю Константина за присылку стихов[2]. Лучшие строфы 2-ая и две последние. Я говорю о стихах, а не о мысли... Убеждение, изложенное в этих стихах, мне известно, я сам ношу его в душе, только, признаюсь, без веры,

так же, как не вполне верующий человек носит на шее образ или крест по привычке и потому, что ему приятно иметь на себе признак веры. — Я не в состоянии был бы теперь писать стихи подобного рода и толковать о мире, когда душа ежеминутно раздирается на части. Мне кажется, наше положение безвыходное — и я не предвижу исцеления. Яд болезни проник до костей, а исцеление — исцеление таково, которое не вместить человечеству. Христианское учение, приказывающее любить ближнего и ненавидеть жизнь и мир и все земное, разрушает жизнь[3], и эту разрушающую силу сознаю я ежеминутно, не имея сил для зиждительной веры... Ну да что об этом говорить...

Взамен присланных посылаю Константину стихи Одоевского[4]. Не знаю, читал ли он их прежде, — я их впервые прочел в “Ярославских ведомостях”. Заранее наслаждаюсь впечатлением, которое они произведут на Константина. Черт знает, что такое! И находятся после того между нами люди, которые защищают Одоевского[5]. Разумеется, он не заслуживает гнева, но глубочайшего презрения, точно так же, как и Шевырев, который, говорят, сделался окончательным подлецом... Вот уже два м⟨еся⟩ца, как я ничего не читал и не читаю, даже газет... Может быть, я сам скоро напишу стихи, только не утешительные. —

В голове моей роятся разные намерения... Еще несколько лет путешествия по России, год путешествия по чужим краям, и я думаю закончить свое бродяжничество и служебную карьеру, поселившись вместе с вами в Москве, только, конечно, не для женитьбы, а чтоб жить вместе с вами.

Деньги я получил, но из 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ вычли 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в пользу казны! Мы до сих пор еще в Яковлеве и, думаю, не приедем в город раньше недели. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька; будьте здоровы, целую ваши ручки. Верно, есть письмо от вас на почте, но нам привезут сюда почту после того, как отправится отсюда оказия, с которой я посылаю это письмо. Адресую, на всякий случай, в дом Орловского. Обнимаю милого брата и друга Константина и благодарю его за стихи, целую Веру, Оличку и всех моих милых сестер. Будьте все, по возможности, здоровы и бодры.

Ваш *Ив. Акс.*

100

13 ноября 1850 г⟨ода⟩. Сельцо Яковлево.

Вчера привезли мне письмо от Веры, в котором она уведомляет, что вы еще в деревне, милая моя маменька и милый отесинька. С каждым годом переезды совершаются все позже и позже. — По моему расчету, я должен был бы получить от вас письмо из деревни, однако же не получил. — Впрочем, для Константина или для его занятий это хорошо[1]. — Я писал вам, что мы надеемся в скором времени возвратиться в город, но новые открывшиеся обстоятельства заставляют нас продолжить свое пребывание в уезде. На этой неделе мы перечитывали наше дело, состоящее уже из 3000 листов: оказываются, разу-

меется, недостатки и неполноты, которые все должно исправить... А тут вдруг открываются новые случаи, которые нельзя не обследовать. — Впрочем, до сих пор все было хорошо тем, что все мы, члены комиссии, между собой были согласны и дружны, все молодые люди, одинакого воспитания и правил. Живя почти в одной комнате, мы никто не стеснялись друг другом и никогда не ссорились. Все, что есть честного в губернии, сочувствует комиссии.

Но вчера мы получили известие, что в состав нашей комиссии назначен *из П⟨етер⟩бурга* жандармский офицер Чулков. Он уже приехал в Ярославль и нынче, вероятно, явится в комиссию. Постоянное присутствие человека нового, незнакомого, разумеется, стеснит нас. Следствие делается не по утрам только, как в присутствии, но мы работаем и утром, и вечером, и весь день.

Вера пишет, что Каролина Карл⟨овна⟩ расстроилась духом, говорит, что стих — не дельное занятие, и ищет себе дельного занятия. Передайте ей, что она ошибается. Дело ее жизни — воспитание сына и звание матери. В этом смысле она уже обеспечена, и дельное занятие у нее есть, следовательно, без угрызений совести может предаваться и не дельным занятиям. Скажите ей, что угодно, но только — ради Бога, чтоб она не переставала писать![2] Я люблю ее стих живой и согревающий: от своих я мерзну.

Странный человек Константин! Он удивительно как способен удовлетворяться идеею!... Придет ему мысль о равнодушии к искусству, и он становится равнодушен! Я понимаю очень хорошо сам значение искусства, но чувствую, что этот взгляд убивает жизнь. Мы разрушаем храм и остаемся без храма, без веры, без богослужения... Потому что живая жизнь не мирится с строгим христианским учением.

Оставим это... Скоро, в начале декабря, начинаются выборы — губернские. Я никогда не видал выборов, и мне будет любопытно взглянуть на всю эту комедию. — Желал бы я повидаться с вами, а писать письма — длинные — некогда и подробные — *неудобно*. Я имею причины быть осторожным...[3]

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы и бодры, целую ваши ручки. Обнимаю милого друга и брата Константина и всех моих милых сестер. До следующей почты! Я, может быть, скоро напишу стихи, если найду свободное время.

Ваш *Ив. Акс.*

101

1850 года ноября 19-го. Ярославль.

Наконец, мы вернулись в город и слава Богу, милые мои отесинька и маменька! С кем бы ни жил вместе, но если это продолжается долго, то необыкновенно приятно почувствовать себя, наконец, одного, без постороннего соглядатая. Впрочем, наша комиссия далеко не кончилась, но здесь мы имеем, по крайней мере, каждый свой уголок. — Командирование в состав комиссии г⟨осподина⟩ Чулкова сделано с целью придать еще более весу и силы действиям комиссии при противодействии Бутурлина...[1] — На днях, может быть, раньше получения

вами этого письма, явится к вам князь Андрей Васильевич Оболенский. Он служит здесь товарищем председателя уголовной палаты. Если Оболенские добрейшие из смертных, так Андрюша Оболенский (как обыкновенно звали его в училище[2]) — добрейший из Оболенских[3]. Он двоюродный брат Дмитрия Оболенского и родной брат княгини Мещерской[4]. Он любит меня всею душой, и хотя проведет в Москве только несколько часов, но хотел непременно заехать к вам. Он же вам может сообщить разные интересные сведения. —

Известие о том, что драма Константинова пропущена цензурой, для меня совершенный сюрприз. Я даже и не знал, что он ее отдавал в цензуру[5]. Сделайте одолжение, уведомьте меня подробнее: как размещены роли, каким образом все это случилось, когда дается пиеса, в бенефис ли чей или так просто?[6] Наконец, как вы думаете, будет ли она иметь успех на сцене[7]. Я непременно стану перечитывать вновь драму, чтобы вывести вероятное предположение об успехе или неуспехе.

Два месяца сряду я не читал ни газет, ни журналов. Вчера достал "Москвитянина", прочел описание обеда, данного Вяземскому[8], "Русалку" Мея[9] (многое — очень недурно) и вдоволь посмеялся над стихами Ростопчиной: "*як эльзкар дычь*! о звук небесный!"[10]

Оболенский решился сам ехать нынче, а потому я это письмо отправляю не с почтой, а с ним. Сделайте одолжение, по получении письма пришлите мне сейчас, если можно, шубу мою…

Не пишу больше, потому что по встретившимся обстоятельствам должен сейчас ехать в Рыбинск. К тому же Оболенский передаст вам изустные обо мне вести. Цалую ваши ручки, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, обнимаю милого брата и друга Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

1850 г⟨ода⟩ ноября 20.

102

1850 г⟨ода⟩ ноября 27-го. Понедельник.
Яросл⟨авль⟩.

Нынче, кажется, день рождения Любиньки[1], поэтому поздравляю и цалую ее, поздравляю и вас, милый отесинька и милая маменька, и всех наших. Вчера получил я ваше письмо от 24-го ноября из Москвы: наконец-то вы все вместе. Письмо ваше действительно написано, как видно, в суетах и хлопотах, потому что обстоятельных сведений о состоянии здоровья Олиньки и Веры вы не успели сообщить. — Едва ли можно мне будет приехать к 15-му декабря, т.е. ко дню представления драмы[2]: я теперь не так свободен, как бывало прежде в Калуге…[3] Как странно, что вторая драматическая пиеса Константина опять дается в бенефис Леонидова. Думаю, что Дмитревский в роли Пожарского может быть очень хорош: нужно только растолковать ему хорошенько роль и объяснить, что чем простее он будет играть, тем лучше. — Чрезвычайно любопытно будет увидать, как вся эта драма выходит на сцене, в живом

действии. Надобно сознаться, что женщин-то в драме уж черезчур мало, всего две, да и последняя-то говорит всего три слова. Между тем, их лица и одежды всегда оживляют сцену. Мне думается даже, что драма эта выигрывает при *внимательном* чтении[4]: на сцене же пиеса должна быть такова, что если и половины слов не услышишь, то живое действие и зрение дополнят остальное. — Может быть, драма будет иметь и огромный успех, может быть, и вовсе не будет иметь успеха, если в театре, кроме знакомых, будет еще *публика*[1*] — и в последнем случае ничего не будет удивительного. Мы привыкли к пряностям, а предлагаемая пища слишком пресна и здорова. Добродетель хорошая вещь, но иногда весьма скучная и способная произвесть зевоту. Не спорю, что иконопись имеет свое значение, но в области искусства я предпочту мадонну Рафаэля русским изображениям святых[5]. — Надеюсь, что Константин не посетует на меня за эти замечания: я их высказывал уже не раз и от всей души желаю, чтоб я ошибся. —

Шубу я получил. Действительно, она греет немного, и по приезде в Москву я хочу ее обменять на другой мех, более теплый. — Скажите Оболенскому, когда его увидите, чтоб он возвращался скорее, что мне без него чрезвычайно скучно. Этот добрейший из смертных очень мил и не только не глуп, но даже остер, и в нем много своего юмора.

Нового ничего нет. Министерство юстиции вследствие жалоб Бутурлина на здешнего прокурора, нашего же правоведа Куприанова[6], честного и благородного человека, перевело его в Кострому, а из Костромы переместило сюда Унковского[7], который уже и приехал.

Посылаю вам стихи, недавно мной написанные[8]. Надеюсь, что *никто не может истолковать их в дурную сторону*. Если же такой дурак где бы нибудь нашелся, то я готов дать ему нужное объяснение. Только злонамеренности прилично было бы увидать в этих стихах дурной смысл. Вы, пожалуйста, сообщите мне ваши замечания[9]. Боюсь, чтоб вы не сказали, что я только повторяю себя, да и видно, что я давно не писал стихов: так они тяжелы и шероховаты. Я, впрочем, думаю скоро написать еще стихотворение. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

Кланяюсь Каролине Карловне.

103

Понед⟨ельник⟩ 4-го дек⟨абря⟩ 1850 г⟨ода⟩.
Ярославль.

Наконец, Оболенский приехал и привез мне целую связку ваших писем, милые мои отесинька и маменька. Очень Вам благодарен, милая маменька, за посылку и за сигары. — Рассказы Оболенского были для меня очень интересны. Жалею только, что не могу отвечать вам так, как хотел бы. Письмо Гриши и огорчило,

---

[1*] Т.е. всякий сброд, обыкновенно посещающий театр.

и рассмешило меня. Рассмешило потому, что мне делают упрек, будто я не даю службе столько времени, сколько мог бы, и слишком много занимаюсь поэзией!!! А вот уже целый год, что я не прибавлял к "Бродяге" ни строчки... Ехать в Петербург с тем, чтоб опять воротиться в Ярославль, я не намерен. Мне Ярославль так надоел, что, вырвавшись из него, я бы не желал опять осудить себя на долговременное в нем пребывание: я не знаю, сколько бы времени мне пришлось оставаться, может быть, месяца три или 4. Я прошу, по окончании занятий комиссии, дозволения приехать в П⟨етер⟩бург с тем, чтоб там уже и остаться и там уже доканчивать свои отчеты. К весне я их кончу и посмотрю уже там, на месте, как распорядиться весною. Что же касается до денег, то Бог с ними. К тому же это расчет плохой, и подъемные деньги слишком незначительны. —

Оболенский просто в восторге от вашей ласки и вообще от вашего приема, только совестится, что он иногда засиживался. В субботу вечером я часто посылал на почту — осведомиться, не приехала ли почтовая карета. Часов в 11 вечера я, бывши в гостях у одного своего больного знакомого, проехал на почту и увидал почтовую карету. Спрашиваю Оболенского — только что уехал! Я к нему на квартиру: говорят, что князь Об⟨оленский⟩ уехал к вам. Наконец, я его поймал, и мы часов до 3-х просидели. Что за славный человек этот Оболенский!

Насчет моих стихов[1] скажу вам только, что выражение: за комаром с топором и пр. — есть русская поговорка, мною подслышанная. Я употребил ее в том же смысле, в каком мы говорим: буря в стакане воды и проч. Я хотел сказать, что мы с огромным запасом сил воюем с комаром, т.е., желая бурь и борьбы, возводим пустяки на степень важных событий и готовы разразиться над ними со всею важностью, тяжестью и серьезностью удара! — Вы, милый отесинька, кажется, поняли это в другом смысле. Если за комаром погнаться с рампеткой[2] или с булавкой, так его уловишь и уязвишь, но в том-то и смешно, что мы расточаем на эту борьбу силы, берем тяжелый топор, орудие могучей силы, и отправляемся воевать — с комаром. Грусть в том, что отважной силы вовсе не нужно!

Сделайте одолжение, уведомьте меня, когда именно, на какое число дана будет драма Константина[3]. Очень любопытно знать ее успех и как она выйдет на сцене.

Место в письме Константина с выпискою какого-то места из грамоты я не разобрал вовсе и ничего не понял. — Впрочем, теперь, перечитавши раз 20, я понимаю, что дело идет о собственности городской. Это еще ничего не доказывает: здесь, может быть, идет речь о лесе, взятом в аренду городскими людьми у казны. Так напр⟨имер⟩, площадь середи города отдавалась на откуп для косьбы сена, и иногда царь делал такую милость, что не постороннему какому-либо мужику, а городским людям отдавал ее в откуп.

Вот вам еще новость: Афанасий женится[4], и я попрошу вас поискать для меня хорошего, умного человека. Впрочем, до генваря Афанасий останется при мне. Берет он богатую невесту с 2-мя или 3-мя тысячами приданого из обер-офицерского дворянства! Впрочем, он здесь оставаться не думает, а хочет увез-

ти жену на родину, в Воронежскую губернию, и, если можно, где-нибудь поселиться в деревне.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Андрюша Оболенский вам кланяется.

Ваш *Ив. Акс.*

104

18-го декабря 1850-го г⟨ода⟩. Понедельник. Ярославль[1].

Опять пишу к вам из Ярославля, милые мои отесинька и маменька: как сон, но сон мятежный, пронеслись эти 3 дня, проведенные мною в Москве. В Ярославль я приехал часов в 10 вечера. По приезде я узнал, что Константин Булгаков за день до меня приехал также из Москвы[2] и рассказывал, что драма не имела успеха[3], впрочем, сам он на представлении не был. Разумеется, я дал нужное объяснение, почему она, драма, Булгакову не должна нравиться…

Нового в Ярославле нет ничего. Выборы еще продолжаются. Бумаг в получении из П⟨етер⟩бурга нет никаких, но Каменский, костромской губернатор[4], проезжая через Ярославль, сказывал одному из наших знакомых, что в Костроме по поводу указанного нами раскола будет учреждена целая комиссия. Только неизвестно: по окончании ли нашей комиссии здесь или еще во время ее существования. — Меня пугает мысль, что эта комиссия будет просто наша комиссия, переведенная в Костромскую губернию по окончании своих занятий здесь, или, если и учредят особую комиссию, так меня назначат в нее членом, чего мне страшно не хочется! — Нынче я получил письмо от Гриши от 13-го декабря; он пишет, между прочим, что Софья постоянно слаба и что он очень рад приезду Марьи Ал⟨ексеевны⟩[5]: по крайней мере, за ней есть уход, когда он занимается или когда его нет дома. Выписываю вам из его письмеца то, что он пишет в ответ на мое, в котором я говорю о писании отчетов в П⟨етер⟩бурге: "Получивши твое письмо, я тогда же отвез Милютину твою записку. Ему было неприятно или, лучше сказать, больно, что поручение, которое он имел полное право предполагать, что будет кончено прекрасно, почти ничем не кончится. Он говорит, что препятствовать твоему желанию не может, хотя не предвидит успеха в окончании этого дела, если ты переедешь сюда. Не можешь ли ты выполнить вполне поручение хоть в отношении тех 4-х городов, в которых съемка окончена[6], и сколько по твоему расчету нужно для того времени. Напиши об этом, и тогда я скажу тебе положительное мое мнение. У Милютина может быть только минутное огорчение, что дело не кончено, что ты принял другое поручение, которое тебе мешает кончить первое, но он очень хорошо понимает, как тяжело тебе пребывание в Ярославле, и потому не может мешать тебе поступать, как ты желаешь. Впрочем, я не мог поговорить с Милют⟨иным⟩ хорошенько, потому что застал его отправляющимся к министру. Очень жаль, что дело в таком положении".

Вот что пишет Гриша. Но из этого не видно, чего же хочет м⟨инистерст⟩во. Хочет ли оно, чтоб я дожидался конца съемки? Ибо только при окончании

съемки можно вполне выполнить задачу поручения? Но для этого надобно ждать гóд или полтора и для чего? для такого дела, которое другие могли бы выполнить с бóльшим успехом. Потому что все, что касается до общих взглядов и соображений, уже кончено, и дело остается только за некоторыми хозяйственными частными соображениями, за описью имуществ, за экономическим описанием городов и проч., на что есть мастера лучше меня. Право, не знаю, как быть. Следовало бы мне самому съездить в П⟨етер⟩бург, а то смотришь, как раз взвалят еще поручение в Кострому, да не развяжут и с городским хозяйством в Ярославле. А убить в такой работе, впопыхах, все ожидая конца, так сказать, живя не в зачет, лучших годов три — очень, очень, очень тяжело! — Напишу вам, как я все это порешу. — Что драма, что второе представление[7]. Оболенский просто в отчаянии[8], что не был, и всем от души кланяется. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Крепко обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *И.А.*

105

25 декабря 1850 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩.
Ярославль.

Поздравляю вас с праздником[1], милые мои отесинька и маменька, и тебя, милый друг и брат Константин, и вас всех, милые сестры. Я точно удивился, не получив от вас письма в середу, потому что вы обещали написать во вторник, но, вообразив себе жизнь со всеми ее случайностями, подумал, что чей-нибудь визит некстати или приезд Хомякова или тому подобное обстоятельство могло помешать вам. Зато, по крайней мере, вчера я получил от вас довольно толстое письмо. — Какого рода зубная боль у Вас, милый отесинька? Прошла ли она? Жаль, что не могу прислать к Вам одного здешнего мещанина, который отлично заговаривает эту боль. Я и сам хорошо не понимаю Гришина письма[2] или, лучше сказать, требования Милютина, потому что писать обозрение городов согласно данной из министерства инструкции невозможно без топографской съемки. Еще раз спишусь об этом предмете с Гришей. По крайней мере, теперь я обрадован другою новостью: я избавился от поездки в Кострому. Мы получили от м⟨инист⟩ра бумагу, что в Костромскую губернию назначается особая комиссия из чиновников нашего м⟨инистерст⟩ва, одного жандарма и местного чиновника. Лица эти все поименованы в бумаге м⟨инист⟩ра. Слава Богу! Одно только смущает меня: сказано, что эта комиссия должна действовать в связи с нашею и состоять с ней в постоянных сношениях. Это как будто обязывает и нашу комиссию продолжаться до окончания занятий костромской; может быть, делопроизводство костромской комиссии приобщится к нашему, и отчет должен быть общий... Все это меня пугает, и я с нетерпением жду приезда этих чиновников, чтоб узнать их инструкции. Вижу, что мне необходимо съездить в П⟨етер⟩бург, чтоб объясниться самому насчет поручения по городскому хозяйству, но это, во всяком случае, раньше февраля быть не может. Я не разобрал в письме Вашем, милый отесинька, какой это

Морельский все интересуется расспросами обо мне и хочет на днях к вам приехать: я никакого г⟨осподи⟩на Морельского[3] не знаю.

Из письма Веры вижу, что толков о драме много[4], но не могу толком понять, будет или нет 2-ое представление. Сколько можно догадаться, 2-ое представление отложено до получения ответа из П⟨етер⟩бурга[5]. — Вчера я получил письмо от Хлебникова: он пишет, что слышал от одного купца (Федора Ивановича Соболева), который сам был в театре во время представления драмы, что театр был битком набит, и публика была в восторге. — А не справлялись ли вы в книжных магазинах, не пошла ли продажа драмы снова в ход? Справьтесь, это любопытно. — Ну что Хомяков? Кстати, пожалуйста, не забудьте: у него должны быть три, кажется, мои раскольнические книги, ответы поморские и еще две рукописи. Не затерял ли он них, а если не затерял, так где они? Если в Москве, то сделайте милость, возьмите у него и сберегите до меня. Эти рукописи очень дороги. — Наконец, мне достали сочинения основателя страннической секты Ефимия[6] и небольшую брошюрку последователя его, еще живущего, Никиты Семенова. Сочинение последнего отличается необыкновенною резкостью, да, впрочем, оба дышат постоянно негодованием и озлоблением против нас. Впрочем, сочинения эти не против нас направлены. Они писаны для старообрядцев других сект. Вопроса о вере собственно нет вовсе, а цель сочинений доказать, что у прочих раскольников нет правды в жизни, в быту, что они непоследовательны, что одного религиозного несогласия с нами недостаточно, что проповедующий древнее благочестие должен или воевать с бытом гражданским, или укрываться, но признавать его не может и не должен. Поэтому-то и сочинения эти гораздо важнее книг их собственно о вере. Впрочем, об этом теперь не время распространяться.

Вы спрашиваете меня, милая моя маменька, об Афанасии. Он отказался от невесты и решительным образом отказался только нынче. Его почти насильно призвали на завтрак в дом невесты, и там все родные пристали к нему с требованием решительного ответа. Он долго конфузился, наконец, потребовал листок бумаги и написал на нем: “я не могу быть вашим женихом; я считаю себя недостойным, и вы ропщите не на меня, а на судьбу вашу”! Каково! Бумажку он эту свернул и, прощаясь, отдал ее невесте, поручая ей прочесть ее после того, как он уйдет. Он мне сейчас об этом рассказывал. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина, Веру, Оличку и всех сестер. Хомякову и прочим кланяюсь.

Весь ваш *Ив. А.*

106

Четверг 28-го декабря 1850 г⟨ода⟩.
Ярославль.

Это письмо придет к Новому году: поздравляю вас по обычаю, милые мои отесинька и маменька. Я знаю, что вы не уважаете этого обычая, но я люблю его. Для меня собственно он имеет столько же значения, сколько и день рождения. Это верстовые столбы времени. — Начинается вторая половина XIX-го века! Впрочем, раскольники считают, что теперь 1857 год. —

Вчера получил я письма от Веры и Олиньки. Очень благодарен я им обеим за письма. — Как это Олинька так молодецки выносит операции прижигания! — Беспокоит меня очень положение Гриши. Совестно даже писать ему о делах и давать поручения: ему, конечно, не до того[1]. Впрочем, теперь я жду приезда костромской комиссии и до того времени решился не писать. Из П⟨етер⟩бурга ни писем, ни известий никаких не имею. Написал нынче письмецо к Смирновой, послал ей куплеты Ленского[2] и свои стихи[3]. Кстати, что говорит Хомяков про мои стихи?[4]

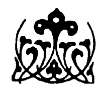
Праздники я встретил и провожу все дома, продолжая работать и читать раскольничьи рукописи. Я и прежде мало выезжал, а теперь уж вовсе не выезжаю. У Бутурлина с поздравлениями также не был. Я ездил поздравлять гражданскую власть с рождеством высшей власти, т.е. 21 ноября и 6-го декабря[5], но не вижу никакой надобности и смысла поздравлять губернатора с рождеством Христа. В губерниях же обыкновенно все это едет в мундирах с официальным поздравлением. —

По случаю поездки моей в Москву на представление драмы по некоторой известности нашего имени в губернии, наконец, по милости друзей в городе Ярославле явилось много охотников читать драму Константина. По этому случаю два или три экземпляра отданы мною в публику и ходят по рукам.

Сюда приехала также на время и скоро уже отсюда едет какая-то m-lle Миллер[6] с матерью. Она возбудила полное сочувствие в Оболенском и, действительно, по его рассказам, оказывается замечательною девушкой с мыслью, окрепшей в одинокой жизни в деревне, где она научилась понимать и природу и народ. По крайней мере, так рисует ее Оболенский. Я ее не видал и не знаю, но по желанию ее прочесть драму и по уверению Оболенского в ее сочувствии, я чрез Оболенского послал ей драму с следующей надписью: Катерине Федоровне Миллер по доверенности от автора, Ив⟨ан⟩ Аксаков. — Нравится ли тебе это распоряжение, Константин?[7]

Прощайте, милые мои отесинька и маменька. При однообразии моей жизни больше писать нечего. Будьте здоровы. Целую ваши ручки и крепко обнимаю Константина и всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*



1851

107

Ярославль, 1-го генваря 1851 года.

Вот и новый 1851 год! Поздравляю вас опять, милые мои отесинька и маменька. Со вчерашней почтой получил я от вас письмецо: слава Богу, что вы здоровы и что Софье лучше[1]. Новый год я встретил вчера в собрании, потому что все мои приятели были там, и мне хотелось встретить год вместе с ними.

Посылаю вам стихи, оконченные мною вчера[2]. По неимению большого почтового листа посылаю их на простой бумаге. Я прошу Вас, милый отесинька, так же, как и по первым стихам, написать мне в подробности все Ваши замечания...[3] Я сам знаю, что они как стихи не совсем хороши: все как-то тяжело и шероховато, совсем разучился писать. Стихи эти не следует читать в те минуты дня, которые прыщут деятельностью и бодростью, ни средь толков о драме и т.п. Но в некоторые разумные минуты можно прочесть их. Впрочем, они никак не могут быть всем понятны, необходимы комментарии. То, что для нас достаточно в намеке, другим не ясно.

Пришел Трехлетов. Прощайте же, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю крепко и поздравляю Константина и всех сестер. До следующей почты. Оболенский кланяется вам. Из П⟨етер⟩бурга нет ничего нового.

Весь ваш *Ив. А.*

108

1851 года генваря 7-го. Воскресенье.
Ярославль.

Я не успел написать вам в прошедший четверг, милый мой отесинька и милая маменька, и хотелось бы мне нынче, если только успею, вознаградить вас разом за все мои коротенькие письма. Вот уже во 2-м письме Вы все пишете, милый отесинька, что маменька нездорова, а между тем выезжает! Если кого-то можно упрекать за болезнь, так это Вас, милая маменька. Вы решительно не хотите себя беречь, когда Вы знаете, что это просто грешно! Дай Бог, чтоб убеждения всей семьи, наконец, подействовали на Вас и заставили Вас беречь свое здоровье; дай Бог, наконец, чтоб в будущих письмах мне могли сообщить более утешительные о Вас известия... Поздравляю Вас с прошедшим днем

рожденья Гриши[1]. Странная вещь! Для женатого уже перестает как-то счет лет, по крайней мере, сначала... А много ему, бедному женатому, забот!

Из П⟨етер⟩бурга о "Бродяге" нет никаких известий[2]. Но на этой неделе я получил совершенно секретное поручение от м⟨инист⟩ра (поверить одно донесение Бутурлина), поручение, для которого я ездил сутки на полторы в город Романов, откуда и воротился только вчера ночью. Поручение немудреное, но доказывающее однако неослабевшую доверенность. — Приехали, наконец, чиновники, назначенные для костромской комиссии. Слава Богу, что я не с ними: что за народ! Слава Богу и в том, что они не свяжут, кажется, действий нашей комиссии, которую мы намереваемся скоро закрыть. Завтра начнется составление записки[3], и на этой неделе я пошлю письма о дозьолении мне приехать в П⟨етер⟩бург по окончании записки, что будет не раньше конца февраля. — Итак, разойдется эта комиссия, которая наделала столько шуму и которая занимает такое почетное место в Ярославле! Некоторые из нас много потеряют с ее отсутствием: в ней почерпали они себе бодрость на всякое честное и доброе дело, освежались сердцем, да и умом отчасти[4]. Я, разумеется, имея такое семейство, как наше, и таких знакомых, как наши, потеряю меньше всех. Но много и мне оставит она добрых воспоминаний: к тому же я люблю связи дружбы и товарищества (гораздо больше, чем связи родства). В самом деле, в комиссии собрались все чиновники, но не чиновнического закала, не с чиновнической душой. Все, что есть только молодого, честного, благородного, умного, образованного и даровитого в городе, собралось в комиссии. Само собою разумеется, что на счет ума и образования мы не взыскательны: оно и невозможно в провинции, но смело можно сказать, что воздух в комиссии честный и нравственный! Впрочем, кроме членов комиссии, приятелей наших человека три, четыре, не больше. Оно доходит до смешного: приглашают не Аксакова, не графа Стенбока, а комиссию[5], значит, и Оболенского, и Авдеева[6] и проч. "Что думает комиссия о том-то?" — этот вопрос значит: что думают честные люди о том-то. Есть даже девушки в обществе, считающие себя в составе комиссии. Один из наших товарищей, переведенный в Кострому[7], влюблен в одну девушку здешнего света: дело доходит до брака, по крайней мере, серьезно: тайна для всех — не тайна для комиссии, и только с членами комиссии позволяет себе девушка говорить о своем чувстве! А комиссия эта носит название комиссии о беглых, бродягах и пристанодержателях! Приятели мои, конечно, ездят в свет, но я остаюсь каким-то мифом, неизвестным свету... Все это очень мило и забавно, но и полезно тем, что многие нашли себе в комиссии сильную нравственную поддержку. Вы, живущие в честном кругу, вы не знаете, что такое провинция, когда в ином уездном городе от первого до последнего буквально все взяточники, да и в губернском городе по совести никому нельзя и руки подать. Многие из наших решительно обновились духом в комиссии и с глубоким чувством понимают это. Пользы общественной, служебной, может быть, мало, может быть, нет и вовсе, но хорошая вещь — честный человек![8] Все это так, все это, если не смешно так выразиться, ублажает мою душу, но все это не мешает мне проходить путь внутреннего своего бытия. Поговоримте о стихах.

Я очень люблю свои последние стихи, и меня огорчили Ваши слова: "лучше,

если б ты их вовсе не писал!"[9]. Мне кажется теперь, что я не мог бы их не написать, мне нужно было их написать во что бы то ни стало. Это не просто потеха рифм. Я не понимал или так я чужд всякого дурного замысла, что мне казалось невозможным перетолковать стихи в дурную сторону. В них выражается убеждение в бесплодности западных стремлений и требование веры. Право, я еще столько верю в правосудие в России, что не полагаю возможным подобное нелепое обвинение. Да я готов дать кому угодно нужное объяснение. Если же держать эти стихи в секрете, то это было бы придавать им опасное значение, которого они не имеют[10]. Мне так кажется; может быть, я и ошибаюсь. Но все это мне очень тяжело.

Посылаю вам другие свои стихи, написанные нынче утром, послание к m-lle Миллер[11]. Надобно вам объяснить, по какому случаю они написаны. Эта девушка приехала сюда на месяц времени, с матерью своею погостить к своим ярославским родственникам. В Москве она много слышала и про Константина, и про меня собственно, и умным мне показалось уже то, что, услыхав, что я здесь состою членом какой-то комиссии, она сообщила кому-то свое предположение, что я, верно, защищаю раскольников. Оболенский познакомил нас заочно, и я хотел было завести с ней переписку (разумеется, не тайную), находя, что гораздо приличнее переписываться девушке "о материях серьезных" с незнакомым человеком и что, наконец, довольно оригинально, не зная друг друга лично, знакомиться через письма и потом поверить это, через несколько лет, личным знакомством. — Однако ж, как я ни редко выезжаю, мне все пришлось с ней встретиться и познакомиться, как с старой знакомкой. Действительно, умная и славная девушка, уже не в самой первой молодости... "Хороший человек", — повторил я невольно, возвращаясь домой. Действительно, мне слышался в ней больше человек, чем девушка. Я видел ее раза три и, может быть, уже вовсе не увижу, и в эти три раза нельзя было переговорить обо всем. Я давал чрез Оболенского ей все мои сочинения, и она, кроме "Бродяги", довольно строго осудила их: ее душа не удовлетворилась ими; она нашла путь примирения, выбранный мною, сухим путем и, не признавая меня сухим человеком, признает мало теплоты в стихах моих, а больше какого-то сухого жару. — Не могу не сознаться, что во всем этом есть часть правды. Что путь примирения, выбранный мною (практическая деятельность) — сухой путь или, по крайней мере, я слишком сухо на него смотрю, как говорит она, — это доказывается тем, что я не примиряюсь с этим примирением, и душа у меня от него болит. Да верно и то, что с каждым годом становясь серьезнее и проще, я чувствую себя добрее и мягче, что, я думаю, и вы знаете[1*]. Разумеется, для женщины не существуют вопросы общественные во всей своей важности! Говоря о примирении, об исходе из анализа, она говорила про свое состояние, про такие минуты, когда человека вдруг осенит спокойное сознание присутствия какой-то высшей Истины и "*все вдруг как-то просто*": не апатия, не упадок сил, напротив, обновление сил, но не бурное, не страстное, не увлечение... Я употребил все ее выражения, и вы можете видеть, что она точно умна. Для успокоения Веры, которая, вероятно, убежденная

[1*] Я уже рад был тому, что не услышал обычных скучных похвал своим стихам.

в своей проницательности, пустилась в разные соображения и догадки (признаюсь, довольно скучные, особенно мне, которому так хочется простых отношений, в котором так много серьезных, искренних, строгих требований!), итак, для успокоения Веры скажу ей, что у m-lle Миллер есть свой мир любви, есть один человек, с которым обстоятельства мешают ей до сих пор соединиться браком, но еще не совсем потеряна надежда: сбудется она или нет, для нее все равно: она верна своему глубокому чувству, не бурному, но довольно светлому, сроднившемуся с ней... Она скоро едет; как я выезжаю весьма редко, то, может быть, мне и не удастся видеться с нею, она же уедет куда-то в дальнюю деревню. Но я рад, что существует для меня на свете хорошей душой больше. Истинно рад! Я так люблю в то же время душу человеческую, — и существование доброго человека, всякое доброе дело, и не мной совершенное, считаю для себя приобретением. Я надеюсь, что вы поймете искренность и простоту моих отношений, не давая им ограниченного, мелкого значения...[12]

Я не знаю, право, как благодарить Константина. Две почты сряду пишет он мне письма! Очень, очень ему за это спасибо. Крепко его обнимаю: видно, он бодр и в хорошем движении духа! Комиссия просит меня засвидетельствовать ему и отесиньке свое искреннее почтение. Право! Все мои приятели меня очень любят, а знающие меня хорошо знакомы через меня с Константином в особенности, а отчасти и с отесинькой. Все они у нас обедали и уехали теперь в гости, а я сел писать письма, и все меня очень искренно и дружески просили поклониться от них: в особенности, кроме Оболенского, граф Стенбок и Авдеев. Последний еще оренбургец, из Стерлитамака, человек с талантом[13] и с истинно доброй душой. — Но Оболенский — истинная моя отрада. Он производит на меня впечатление, равное с впечатлением природы. К нему должно отнести стихи, написанные мною не совсем удачно к Софье[14], что он хорош:

Души любовным разуменьем
И сердца мудрой простотой!

Прощайте же, мои милые отесинька и маменька: выздоравливайте же, милая маменька, нам в утешение. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина крепко и всех моих милых сестер. Что Олинька, что Овер и прижигание? Вы об этом забыли написать... Да что Константин, объяснился ли с Тургеневым насчет слова: "и пишет донесенья?"[15] Да и бывает ли Тургенев у нас внизу?[16]

Ваш *Ив. Акс.*

Кланяюсь всем.

109

1851 г⟨ода⟩ ген⟨варя⟩ 15-го. Понед⟨ельник⟩.
Ярославль[1].

Весело мне было получить Ваше письмо, милый мой отесинька, от 12-го генваря и рад, что письмо мое доставило вам удовольствие. Слава Богу, что и Вы, милая маменька, выздоравливаете, но я уверен, что Вам не следовало бы

выезжать, а Вы выезжаете!.. — Вы желаете, милый отесинька, чтоб то состояние духа, при котором написано было мое письмо, продолжалось всегда? Но это невозможно: оно явилось как отдых после стихов 31-го декабря[2] и отчасти как впечатление стихов, писанных к Миллер[3]. Но на другой же день я почувствовал себя барабаном и теперь, кажется, никаких стихов писать не в состоянии. Гармонический тон вдруг прерывается возгласом: "держи, держи, скотина, или не видишь, казенный экипаж! " и опять все идет своим пошлым и пестрым чередом. — Рад я отзыву о драме. Еще слава Богу, что высшее правительство наше не верит доносам без разбору![4] Право, это утешительно знать. Но будет ли разрешение играть ее снова. — Из того же, что Вы мне пишете о моих стихах 31-го декабря, я решительно не понял ни слова[5] и жду с нетерпением новых от Вас писем. —

С m-lle Миллер я потом хотя встречался, но все же порядком поговорить не успел. Думаю однако же, что похвалы мои не преувеличены. Слаба в ней была, кажется, сторона религиозная, и странно, что мне, человеку сомнения, приходится именно возбуждать эту сторону, но не к сомнению, а к вере! Правда, если нет во мне веры, то за это постоянно присущи мне строгие нравственные христианские требования, постоянно взывающие к ответу и — остающиеся без ответа! —

Нынче написал небольшое письмо к Грише и к двум директорам д⟨епартамен⟩тов Гвоздеву и Лексу[6]: прошу позволения по окончании занятий в комиссии ехать в П⟨етер⟩бург, а, приехавши туда, думаю устроить свои дела так, чтоб не возвращаться в Ярославскую губернию. — Около меня просто все с ума сошли: недавно подписал я свидетельство на брак одному из своих топографов; теперь помощник мой Эйсмонт влюблен и собирается жениться. Хорошо еще, что Афанасьева свадьба расстроилась![7] И топограф и Эйсмонт выбрали себе бедных девушек. Право, смешно видеть этих господ влюбленных: первый — пьяница и гуляка — принял на себя серьезный вид, толкует о высоких обязанностях мужа, о Боге и проч. Второй — наитщеславнейший петербургский юноша — пышет теперь презрением к богатству, балам, свету, суете и берет уездную барышню, жившую весь век в деревне с 10 т⟨ысячами⟩ р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩ приданого, не имея сам ничего. Оба — просто поэты! Боюсь, чтоб эта поэзия с течением жизни не окончилась взятками! —

К сведению Константина сообщаю, что Ив⟨ан⟩ Александр⟨ович⟩ Куликов вполне, почти единогласно, выбаллотирован в рыбинские городские головы на новое 3-х летие. На выборах, конечно, он начал было отказываться, но ему мещане закричали: "Ив⟨ан⟩ Алек⟨сандрович⟩! мы, *бедные* люди, Вас просим!" и он согласился. Он мне сам все это рассказывал: «Ведь оно, Ив⟨ан⟩ Сергеев⟨ич⟩, чувствительно, когда сто человек в один голос что скажут!.. Потом на меня нашла хандра: стал раздумывать, что все мне приходится служить и все года не на свою службу тратить; такое пришло мнение, что и живот заболел, и под ложечкой стало давить, совсем расстроился. Вот жена моя (новая — Параскева Варфоломеевна) говорит: " Что, Ив⟨ан⟩ Алек⟨сандрович⟩, Вы унываете: ведь это все же Вам не к обиде, а к чести, уж видно так Господу Богу угодно, Ив⟨ан⟩ Алек⟨сандрович⟩, твори, Господи, волю свою!"» — «Вот, — рассказывает Куликов, — как услышал я такие умные речи, мне стало и полегче, и живот

отошел, я и перекрестился и сказал: "Твори, Господь, волю свою!"». Приходи в восторг, Константин! Узнавай в нем Алексея Мих⟨айловича⟩[8] и других... Но Куликов, без шутки, хороший и усердный голова, хотя ума и не прыткого. Впрочем, можно ли быть в то же время и умным, и блаженным простецом?

Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и всех сестер. — На этой неделе мне, может быть, придется съездить в Пошехонский уезд. Жду и на следующей почте писем от вас. Прощайте.

Ваш *Ив. А.*

110.

1851 г⟨ода⟩ генваря 18-го дня. Ярославль.
Понед⟨ельник⟩.

Нынче поутру получил я Ваше письмо, милый мой отесинька. Слава Богу, что Вы и милая маменька чувствуете себя хорошо теперь, но очень огорчает и очень беспокоит меня положение бедного Гриши. Чем-то все это кончится![1]

Оставлять "Бродягу" при деле кажется мне слишком нелепым. Если рукопись возвратили мне из 3-го Отделения, то нет никакого основания задерживать ее в м⟨инистерст⟩ве. Вероятно, хотят отдать мне ее лично, без переписки. Любопытно мне знать, прочел ли м⟨инист⟩р "Бродягу" и как он его находит[2]. — Я не знал об участии гр⟨афа⟩ Строганова в клеветах на драму Константина...[3] Хорошо! Да хорошо и все общество и вся эта знать, у которой, как Вы пишете, Константин теперь "в ходу", т.е. чем-то вроде индейского перца или анчоусова масла для приправы надоевших ежедневных блюд. Впрочем, их желудки и пряность варят как ни в чем ни бывало.

Так Смирнова в Москве[4]. Не знаю, успела ли она получить мое последнее письмо, писанное, кажется, в самый день Рождества, письмо, при котором я посылаю ей свои стихи "*Усталых сил я долго не жалел*". Вы пишете, что она меня бранит, и сами собираетесь с ней меня побранить. Да за что же меня бранить? Если за стихи, так это странно, как будто они от моей воли зависели! К какой стати стал бы я середи людей, уверенных в силу и правоту своих убеждений, бросать свое слово, полное сомнения и иронии, как напр⟨имер⟩, вышеприведенные стихи; или середи людей, порешивших для себя вопросы веры, являться со стихами 31 декабря[5], с вопросами и сомнениями старыми, неуместными в том московском кругу, к которому я принадлежу, кругу, который не смущается вопросом, где истина, потому что уверен, что нашел ее. Мне легче было бы написать что-нибудь в "благонамеренном" вкусе[6]. Значит, они имеют свое внутреннее основание во мне самом и искренни... Вы пишете, что читаете мои стихи... Я не спрашиваю Вас, нравятся ли они, но — понимаются ли они? Я бы желал, чтоб их прочли Грановскому или вообще людям, у которых болела душа от 1848 года[7]. Даже у Константина она не болела[8]: он безо всякой внутренней душевной боли способен заклеймить проклятием 9/10 человечества и давно не считает людьми бедные народы

Запада, а чем-то вроде лошадиных пород. Оно, может быть, и так, но убеждение это полно для меня горечи!

Я был бы, конечно, очень доволен, если б министерство дало мне еще денег, но просить об этом мне самому Гвоздева неловко, и писать ему об этом я решительно не буду.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю крепко-накрепко Константина и всех моих милых сестер. Всем кланяюсь, Алекс⟨андре⟩ Осиповне также.

Ваш *Ив. Акс.*

111

1851 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩ 22-го генваря. Ярославль[1].

Ваше письмо, милый мой отесинька, писанное в пятницу[2], было в некоторых отношениях до того мне неприятно, что, как я ни порывался, а не решился писать ответ вчера же. Вы пишете про А⟨лександру⟩ О⟨сиповну⟩ Смирнову: "Неумолимо сорвала она приятные пелены, которыми ты завесил свои глаза и частию наши"[3]. Эти слова относятся до моих приятелей, потому что Вы не хотите, чтоб я этих строк показывал *комиссии* и далее называете меня доверчивым и опрометчивым... Что все это значит? Каких еще новых сплетней наплела А⟨лександра⟩ Осиповна? Согласитесь, милый отесинька, что или совсем не следовало мне это сообщать, или, если сообщать, так в подробности. Я терпеть не могу завешивать свои глаза, а тем менее чужие, какими бы то ни было пеленами, особенно когда дело идет о моих товарищах, приятелях и друзьях, но зато и не скоро расстаюсь с однажды принятым мною о них мнением... Неужели слова Смирновой, этой ветреной сплетницы[4], этой женщины с сухим сердцем, не чтущей человеческого достоинства в человеке, неужели слова Смирновой имеют для Вас более авторитета, чем гармонический тон правды, звучавший в моем письме? И может Смирнова разрушить в Вас веру в мои слова? И Вы так легко, основавшись на ее пустой болтовне, произносите мне осуждение!... Если я когда-либо сильно ошибался на чей счет, так это в отношении к Смирновой, но и тут мое верное нравственное чутье скоро вывело меня из заблуждения, и я уже давно понимаю ее в настоящем свете... Видно, что вместе с здоровьем, силами жизни возвращаются к ней и все ее, смирившиеся было, свойства: пустое, скорое осуждение, страсть к сплетням, холодный анализ ума, нравственный цинизм, отсутствие всякого душевного разумения, всякого греющего движения души... Да и что такое она могла Вам сказать? "Неумолимо", — говорите Вы... Воображаю, что значит слово *неумолимо*, когда дело идет о женском языке!.. Из нашей комиссии она знает только меня, Унковского и гр⟨афа⟩ Стенбока. Я писал Вам и прежде, что "насчет ума (в высоком смысле этого слова) мы не требовательны". Но что касается до их нравственных свойств, то я готов отдать обе руки на отсечение, ручаясь за правду сказанных мною прежде слов. Я не люблю дураков, но если человек не дурак и сильна в нем его нравственная сторона, если он честный и трудящийся муж, смело воюющий с неправдой, не примиряющийся с нею, подобно Смирновой, если в нем

есть эта красота мужского сердца, которая выше для меня всякого ума и всякой другой красоты, то такого человека не отдам я за Смирнову! Где ей понять, что 40 тысяч Смирновых не стоят простоты князя Андрея Оболенского! — Что может она выдумать против гр⟨афа⟩ Стенбока[5], этого благороднейшего существа, этого добросовестного, теплого человека... Я как-то писал о нем Смирновой, так она, отвечая мне о нем, повоздержалась, видно, от резких выражений... Не смей бранить ее друга Нелидова[6], а ваших честных друзей клеймить злословием ей ничего не стоит!.. Знаю я, с какой жаждою слушает она в Калуге скандалезную хронику города, передаваемую ей тремя записными сплетницами Бахметевыми![7] Смирновой редко удается заглядывать в душу человека. Не один, смущенный ее умом и оскорбленный ее цинизмом, замыкал для нее душу и отдалялся от нее... И зачем Вы ей показывали мое письмо? И еще менее надо было показывать стихи к m-lle Миллер. Что же касается до К⟨атерины⟩ Ф⟨едоровны⟩ Миллер, то если Смирнова говорит, что она ее хорошо знает, так я ее еще лучше знаю, и для моей души не затворяются чужие души. Суждение Смирновой о m-lle Миллер совершенно ошибочно[8]. Я вновь повторяю, что она вполне достойна похвал, высказанных моими стихами, и прошу Вас не дозволять Смирновой своим бездушным словом клеймить на полете чужую прекрасную женскую душу, возносящуюся, с доброю помощью, к такой нравственной высоте, о которой и слыхом не слыхало сердце Смирновой!.. Я не ребенок, и меня скорее можно обвинить в недостатке способности увлечения... Но мне истинно огорчительно, что Вы так мало верите моему нравственному чутью, моей оценке и охотнее прислушиваетесь не к сердечному голосу, а к фальшивым головным звукам Смирновой, забывая даже, что мне все это может быть оскорбительно...[9] Если же кто из наших и это мое письмо сочтет увлечением и прочитает его с усмешкой недоверчивости или истолкует иначе мои отзывы о m-lle Миллер, то тем хуже для него: в убытке он, а не я, и разуверять его я уже не стану.

Скоро день именин Гриши[10]. Поздравляю вас, милый мой отесинька и милая моя маменька... Вы что скажете мне на это все, милая моя маменька. Скоро именины Марихен...[11] И с этим днем вас поздравляю и поздравьте Константина и всех сестер, которых крепко обнимаю, а милую Марихен целую... Смирнова теперь добилась вполне position sociale*, т.е. значения в московском кругу; хотя она и прежде твердила: mes amis** Самарин и Аксаков, но меня из своих друзей может вычеркнуть, и я охотно передаю свое место Константину[12].

112

1851 г⟨ода⟩ генваря 28-го. Ярославль.

Известия, сообщаемые мне Вами о Грише, милый мой отесинька и милая маменька, так огорчительны, что, будь я свободен, я бы поехал к нему в П⟨етер⟩бург. Если вся эта история окончится благополучно, то я советую ему взять отпуск месяцев на 6 и везти жену за границу: авось там ее вылечат... Вы и

---

* Положение в обществе ⟨*фр.*⟩.

** Мои друзья ⟨*фр.*⟩.

сами, милый отесинька, видно, не очень здоровы, и расстроило Вас это дело сватовства М⟨ашеньки⟩ Воейковой, в котором я, впрочем, до сих пор ровно ничего не понимаю[1].

Вы не отвечаете мне на последнее мое письмо и называете меня в высшей степени раздражительно-самолюбивым[2]. Это упрек несправедливый: не ошибка выводит меня из себя, а подозрение клеветы. Впрочем, по желанию Вашему, об этом предмете распространяться не стану. — Расскажу Вам однако один случай. В 1849 г⟨оду⟩ в начале своего приезда в Ярославль встретил я здесь одного двоюродного брата Смирнова, который только что приехал из Калуги и, рассказывая про Калугу, разглашал, между прочим, что Фед⟨ор⟩ Сем⟨енович⟩ Унковский берет взятки, что это ему говорили у Смирновых. — Изо всех моих приятелей Унковский мне менее всех симпатичен, но, остановив рассказчика, я в то же время написал тогда прегрозное письмо к Смирновой, где говорил, что я в отношении честности и благородства ручаюсь за него как за самого себя (что повторю и теперь), и требовал прекращения этих клевет, предполагая, впрочем, тогда, что это дело ее легкомысленного мужа. Я думаю, что поступил хорошо и намерен всегда и впредь так поступать. Впрочем, успокойтесь, я Смирновой теперь писать никакой охоты не имею.

Комиссия наша расходится: Авдеева перевели на службу в Петербург[3], и он на днях туда отправляется. Жаль, что в Москве он пробудет всего полторы сутки: ему бы очень хотелось познакомиться с Вами и Константином. Он вовсе не теоретик, не мыслитель, но человек с теплой душой, с талантом и преданный искусству. Его новая повесть, еще не конченная и не напечатанная, очень хороша, а 3-я глава обличает сильный талант, который идет вперед и сбросил с себя всякую чуждую ему драпировку. Мне хотелось бы, чтоб вы ее послушали[4].

Я очень рад, что Тургеневу понравились стихи[5]. Они так серьезны, вопросы, в них заключающиеся, так многозначительны, что *здесь* решительно никто не мог понять их из моих приятелей, что, разумеется, не мешает им быть славными людьми. Оболенский еще больше всех понял[6]: его душа смутилась во время чтения стихов, но он так обрадовался последним двум строфам[7] за себя и за меня, что совсем повеселел, обнял меня и говорит, что в этих строфах полное примирение, полный выход, хотя вопро́сы эти и не совсем ему понятны.

История с "Бродягой" должна бы сердить меня, но мне как-то не сердится, а просто смешно: надо же так случиться, что я член комиссии о бродягах и беглых, арестующий бродяг, а тут и мой "Алешка" заарестован[8]! Мне кажется, они могли бы оставить у себя копию и выдать мне подлинник, а не наоборот[9]... Что Булгаков?[10] В таких ли же он был отношениях к вам, как и прежде?

На прошедшей неделе ездил я с Стенбоком в уезд, дня на три. Холодно! Мы ехали верст 60 гуськом. Езда довольно живописная, но грустная какая-то: сильнее чувствуется власть зимы, стесняющая свободу человека.

Из П⟨етер⟩бурга нового нет ничего: у нас составляется записка из дела: дай Бог Великим постом со всем разделаться!

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Дай Бог, чтобы известия о Грише были утешительнее! Цалую ваши ручки. Обнимаю крепко Константина, ну что он, бодр ли по-прежнему? Обнимаю всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

113

1-го февраля 1851 года. Четверг. Ярославль.

Вчера перед обедом получил я небольшую, полную радости и счастия записку Гриши, в которой он меня извещает о благополучном рождении сына Константина[1]. Слава Богу! А я так беспокоился за здоровье и участь их обоих! Поздравляю вас всех от души с этою общею нашею радостью, с этим семейным событием! Воображаю, как Константин радуется этому продолжению рода! Только как Константин Аксаков родился в Петербурге!..[2]

От вас писем со вчерашней почтой не было. Да я и сам едва ли бы стал писать нынче, если б не этот случай, а то, право, писать нечего. Из П⟨етер⟩бурга ни писем, ни бумаг нет; работы наши подвигаются вперед медленно, потому что очень копотливы. — А между тем уже 1-ое февраля! Все это очень скупно и грустно.

Нынче уезжает Авдеев, а в будущий вторник едет Оболенский. Его родные вызывают его в П⟨етер⟩бург, где теперь и его мать, поэтому он берет отпуск на 28 дней и едет, хотя ему и не очень хочется ехать... Мне без него будет очень скучно.

На днях читал я преглупейший, но пресмешной фарс Соллогуба “Сотрудники, или Чужим добром не наживешься”[3]. Тут выведен на сцену Константин под именем Олеговича, в русском платье и с диссертациями о земле Тмутороканской, букве ѣ и чешском корнесловии!..[4] Пожалуйста, достаньте и прочтите: глупо, но я хохотал много[5].

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, обнимаю вас и цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех моих милых сестер и всех поздравляю с новым Аксаковым. До следующей почты.

Ваш *Ив. Акс.*

114

1851 г⟨ода⟩ февраля 5-го. Ярославль.
Понед⟨ельник⟩.

Послезавтра день рождения милой Веры. Поздравляю вас с этим днем, милый мой отесинька и милая моя маменька, и тебя, друг мой Вера, и всех наших. — Третьего дня, часу в 12-м вечера, отправился я гулять и, зайдя на почту, получил сам только что привезенные письма — ваше одно и одно от старосты из Троицкого посада[1]. Последнее принял к сведению и должному исполнению.

Вам уже известно теперь, что радостную новость о Грише и его семействе[2] я уже имел почти в одно время с вами. Но дальнейших сведений покуда не имею и не знаю, последует ли Гриша совету докторов, т.е. увезет ли жену на юг... Вы советуете мне, милый отесинька, не надрывать себя усиленной работой... А мне вчера возвратили из м⟨инистерст⟩ва “Бродягу” с полным оправданием относительно содержания и с неприятными замечаниями насчет того, что подобные литературные занятия сопряжены с ущербом для службы, что я как

служащий не должен бы иметь для таких занятий *свободного времени* и с изъявлением желания, чтобы, оставаясь на службе, я прекратил всякие "*авторские труды*"[3]. Все это официально, за №. — С нынешней же почтой я отправил в ответ на эту бумагу письмо к Перов⟨скому⟩[4]. — Не знаю, как оно будет им принято, но я писал, что не намерен прекращать авторские труды.

Я не думал, чтоб Константин мог обидеться глупым фарсом Соллогуба[5]. Можно ли обижаться карикатурой? Соллогубу следовало бы, если б он был поумнее, не читать публично этого фарса, а приехать самому к Константину и самому прочесть... Если б Константин был здесь выставлен в черном виде — другое дело, но этот Олегович все же весьма хороший человек и несравненно лучше петербургца. — Когда эта вещь появилась здесь, то приезжие ли из Москвы или кто другой пустили в ход сведение, что это карикатура на Аксакова К⟨онстантина⟩, и я не только подтвердил это, но пошел навстречу этому слуху, и на одном вечере, при дамах, сам вызвался прочесть и прочел эту пиесу, правда, вполне уверенный в своем авторитете. И этим способом я только поднял значение К⟨онстантина⟩ С⟨ергеевича⟩ на 100%. — В Петербурге есть художник Степанов, делающий статуэтки в карикатурном виде[6] превосходным образом: все — лица более или менее известные в литературном мире и которые ему случалось видеть — выставлены у него в магазине. Если б вы знали, как добиваются там этой почести молодые, только начинающие писатели!.. Впрочем, я уверен, что Константин этим фарсом нисколько не обиделся, но другие имеют полное право на него обижаться; это даже делает им честь. Отчего же московским дамам не попылать негодованием и двоюродной сестре и невестке Соллогуба не поговорить с ним один вечер с тем, чтоб завтра же, неся повинность родства, проболтать с ним целый день?[7]

На днях приехал сюда на место Татаринова новый профессор, кандидат Московского университета Никольский[8]. Он привез мне рекомендательное письмо от Соловьева. Чудак этот Соловьев! Отчего он пишет мне: "Милост⟨ивый⟩ государь Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩! А Никольский умный и славный молодой человек, москвич настоящий, так от него и несет Москвой и университетом! Только молод еще и носит в себе еще недостаток новейших, позднейших (после нас явившихся) молодых поколений, состоящий в том, что они через бо́льшую часть вопросов *перешагнули*, не решивши их, даже не задавшись ими... Странно как-то чувствовать себя не самым молодым поколением, а попасть уже в старшие, а выходит так! — Мы и забыли, что мы стареем, что каждый год приливают новые волны молодых делателей, горделивых, заносчивых, самонадеянных, как вообще молодость, и воображающих, что старшие поколения уже сказали свое слово, что теперь их очередь — провести в мир новое, несказанное слово, точно так же, как и мы делали, как и мы воображали... Того и гляди, что для нас скоро настанет суд потомства чего доброго!....." Скажите Соловьеву, что я делаю для Никольского все, что могу, а сам к Серг⟨ею⟩ Мих⟨айловичу⟩ не пишу потому, что не знаю его адреса.

Константин пишет пиесу из современной жизни[9]. Как знать? Может быть, в нем таится дарование и для драмы из современной жизни, но оно мне еще неизвестно. Ему уж лучше бы держаться XV-го, XVI-го столетия, пожалуй, и

12-го, и 9-го, и 8-го, и *изгоя* выставить на сцену. А что бы написать ему драму "Изгой"?[10] Впрочем, вы не сообщаете, что он теперь пишет, драму или водевиль, но только современная жизнь общества не годится для иконописи... А я решительно ничего не пишу, да и как писать?

Последнее письмо мое было отправлено к вам до получения еще мною Вашего письма, милая маменька. Оно залежалось было на почте, и я получил его после уже отправления моего письма.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех моих милых сестер. Кланяюсь, кому следует.

Ваш *Ив. А.*

115

1851 года февраля 8-го. Четв⟨ерг⟩. Ярославль.

Какие неожиданные вести сообщаете вы мне, милый отесинька и милая маменька: Константин в Петербурге, а сын Гриши умер...[1] С одной стороны, хорошо, что приезд Константина рассеет горе Гриши и Софьи, но, с другой стороны, это неблагоразумно. Быстро сменилась радость горем! Но, конечно, лучше потерять ребенка через два дня после рождения, нежели даже через два года!.. Будет ли Константин делать знакомства в Петербурге?[2]

О себе нового вам сказать ничего не могу. Из министерства разрешение приехать в П⟨етер⟩бург и там доканчивать отчеты я не получал до сих пор, а пора бы, кажется, прислать ответ... Записка составляется[3] и, как всегда случается, при самом окончании труда оказывается необходимость дополнять, исправлять, объяснять, что несколько замедляет труд.

О зимних элегиях Дмитриева вы мне ничего не писали[4], и я ничего не слыхал. Вы пишете, что они неподражаемы... В каком смысле? По достоинству ли?... Я этого от Дмитриева не ожидал.

Так Константин в Петербурге! Вам, должно быть, очень грустно без него и беспокойно за него... Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, целую ваши ручки, будьте бодры и здоровы. Больше писать не о чем и некогда, обнимаю всех моих милых сестер.

Ваш *Ив. А.*

116

1851 г⟨ода⟩ февраля 12-го. Яросл⟨авль⟩.
Понед⟨ельник⟩.

Благодарю вас за письма от 9-го февраля[1], милый мой отесинька и милая моя маменька, а также тебя, милый друг Вера. Вот и масленица, скверная, пьяная неделя, а за нею пост! Не думал я встретить снова Великий пост в Ярославской губернии!.. А из м⟨инистерст⟩ва ответа на письма мои о дозволении выехать из Ярославской губернии по окончании комиссии все еще нет!

Бумага, о которой я писал вам прежде[2], написана больше в том смысле, что литературные занятия мои сопряжены с ущербом для службы, почему и ответ заключает в себе бóльшею частью опровержение этого обвинения. Впрочем, копию с письма моего я доставлю вам на 1-ой неделе поста с Оболенским. Оно написано твердо, но нерезко и умеренно. Обо всем этом я уведомил и Гришу. С мнением же вашим о возможных результатах этого письма я совершенно согласен[3], и если по возвращении в П⟨етер⟩бург буду принят дурно, подам просьбу об отставке: впрочем, на эту меру я всегда был готов[4], да нынче у нас и служить нельзя.

Что это какие в Москве стали страшные истории совершаться?[5] Недавно рассказывали мне о какой-то Леонтьевой, теперь еще о чем-то, что я уж и забыл...

Вы мне ни слова не пишете о ваших знакомых, о Хомякове, Павловых[6], Смирновой и других. Продолжают ли они навещать вас и чем теперь заняты?

Надобно признаться, что ваши письма и наставления отбили у меня всякую охоту писать письма, и это должно вам объяснить, почему последние письма мои так коротки. Тем более что собственно о себе, о своем препровождении времени писать нечего: работа тянется, тянется, и как ни работаешь, а все еще нет конца: работаешь много, но уже без участия, а с чувством подавляемой скуки. О стиха́х и помину у меня нет... Грустно подумать, что я без малого здесь 2 года! 2 года бивачной жизни, с постоянным ожиданием конца, впопыхах!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю всех моих милых сестер. Есть ли известия от Константина?[7]

Ваш *Ив. А.*

117

1851 г⟨ода⟩ февраля 15-го. Четверг[1].

Вчера получил я письмецо ваше. Вы, милый отесинька и милая маменька, видно по всему, очень беспокоитесь насчет Константина и Гриши, но, вероятно, теперь уже получили успокоительные письма. Надеюсь, что вы меня сейчас же уведомите о том, что такое поделывается с Констинтином и Гришей. — Нынче пишу к вам потому, что в понедельник, вероятно, не буду писать, так как Оболенский собирается во вторник или середу ехать и непременно побывать у вас... Что Самарин? Долго ли он останется в Петербурге и долго ли пробудет на возвратном пути в Москве?[2]

Стихи Дмитриева очень милы и забавны[3]. Желал бы прочесть его элегии...[4] Видно, Вы опять сошлись с ним по-старому. Я думаю, для него это в высшей степени утешительно.

Из м⟨инистерст⟩ва получил вчера еще новое, но небольшое секретное поручение! Оно дано, впрочем, как видно, еще прежде получения там моего письма. Всего вероятнее, что мне никакого ответа не будет. — Других же ожидаемых мною бумаг из м⟨инистерст⟩ва все нет как нет!

Спешу, спешу кончать работы, тут еще подваливают новые, когда и со старыми не справиться. — Дай-то Бог, чтоб к Святой[5] кончить! Надоело.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, цалую ваши ручки, обнимаю всех моих милых сестер. Кланяюсь знакомым.

Ваш *Ив. А.*

118

⟨19 февраля 1851 года. Понедельник.⟩

Вот вам и живая весточка обо мне — Оболенский[1]. С ним посылаю я вам всю переписку о "Бродяге"[2]. Решение принято — и я с нынешней же почтой отправил к министру *просьбу об отставке*[3]. Хочется мне знать, что вы на все это скажете, т.е. прочитавши всю эту переписку. — Нынче же писал я Милютину и просил его не делать мне задержки по хозяйств⟨енному⟩ д⟨епартамен⟩ту, от которого дано мне поручение, т.е. как-нибудь развязать меня с поручениями[4]. Разумеется, здесь все это секрет, чтоб не доставлять торжества Бутурлину[5].

К Страстной неделе[6] я во всяком случае буду в Москве, а вы между тем придумайте, как мне устроить свою будущность. После 9-летней деятельной службы странно как-то почувствовать себя развязанным... Жить, как Константин, я решительно не могу[7].

При всем том я отдаю полную справедливость Перовскому и повторяю, что изо всех русских министров он — лучший. — Во всем этом деле Перовский в стороне, тут столкновение между Чиновником и Человеком, между службою и частною жизнью. Но Гвоздев должен быть скотоват.

Перед отъездом моим мне, может быть, понадобятся деньги, рублей 100 сер⟨ебром⟩. Я рассчитывал прежде, что получу деньги от д⟨епартамен⟩та общих дел за комиссию и вообще за раскольничьи поручения, но теперь эти надежды — тютю! Оболенский, если не возьмет отсрочки, через 4 недели воротится, и тогда, если только это вас не затруднит, пришлите с ним мне денег.

Добрые знакомые мои разъезжаются, комиссия редеет, и вместе с Великим постом принято мною решение, конечно, важное для меня во всех отношениях[8]. — Период чиновничьего стихотворствования кончился.

Все это ничего, но воображаю, как все, кроме Вас, примутся бранить меня, особенно в Петербурге, все великие администраторы Ханыков, Попов, Самарин, как отделает меня Смирнова[9], упрекая в неуместной гордости, тщеславии и т.п. Бог с ними! Найду себе труда и способов жизни и знаю одно, что честно пойду через жизнь!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, цалую ваши ручки, обнимаю крепко Константина и всех милых моих сестер. Любопытно было бы мне послушать Константина! Что, брат, каково Петрятино городище?[10] А все-таки придется туда мне съездить.

Весь ваш *Ив. Акс.*

19 февраля 1851 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩.

Я твердо решился не оставаться на службе.

119

Четверг 23 февр⟨аля⟩ 1851 года. Ярославль.

Вчера или, лучше сказать, нынче, потому что это было в 1-м часу ночи, получил я письма ваши, милый отесинька и милая маменька, твое письмо, милый друг и брат Константин, и письмецо от Гриши. — Неутешительны известия о здоровье Софьи, и мне сдается, что поездка в Остенде ей необходима[1]. Надо же, наконец, вылечить Грише жену свою, хотя бы на это ушло и все состояние их; последнего обстоятельства и в расчет брать не следует. — Слава Богу, что ты так удачно и так умно съездил в Петрятино городище, милый брат Константин, но всей силы нравственных тисков ты не успел испытать там и не узнал всей душевной скудости петербургского человека, даже твоих п⟨етер⟩бургских новых знакомых.

Теперь отвечаю на письмо Ваше, милый мой отесинька.

Оболенский, вероятно, передал уже Вам мою переписку, и Вы прочли письмо мое к м⟨инист⟩ру. Я считаю его теперь не только не дерзким, но черезчур умеренным. Я имел право написать ему ответ более резкий[2]. Может быть, Вы найдете письмо дурно написанным[3], т.е. слишком пространным, найдете некоторые рассуждения не то чтобы резкими, но неуместными... Это другое дело, и я с этим спорить не буду. — Но согласитесь, что ответ Гвоздева с выражением "возгласы и жалобы" груб и неприличен в высшей степени[4]. Мне даже совестно, стыдно перечитывать его. Согласитесь, что другого исхода из этого положения не могло быть как просьба об отставке. Я прежде думал, что это все дело Гвоздева, но письмо Гриши и Ваше объясняет дело это иначе, если только Гвоздев не врет...[5] Первая моя мысль была, кроме просьбы от отставке, написать письмо... хорошее письмо к Гвоздеву, но советы приятелей, графа Стенбока и боязнь повредить своей историей Гришиной службе заставили меня написать письмо в другом тоне[6]; Вы уже прочли это письмо и не думаю, чтоб Гвоздев имел право им обидеться. Но все объяснения, все слова, сказанные Гвоздевым Грише, — одни петербургские фразы, одна система надувания, так пышно разработываемая в Петербурге. Они, эти господа, думают там таким образом: почему же не распечь, всегда полезно распечь молодого человека, кстати и некстати, ну, а чтоб не сильно обиделся, мы, послав ему выговор несправедливый на бумаге, на словах извинимся и отделаемся разными дешевыми уверениями в уважении и любви... Он уверяет Гришу, что разные обстоятельства помешали дать мне место чин⟨овника⟩ особ⟨ых⟩ поруч⟨ений⟩, что на открывшуюся вакансию назначен Кочубей...[7] Но позвольте: если Кочубей назначен, то, верно, не на вакансию с жалованьем; к тому же не верю я, чтоб государь вмешался в назначение чиновн⟨ика⟩ особых поручений к Перовскому. Вакансии без жалованья имеются и теперь, даже за назначением Кочубея; следовательно, ссылка на Кочубея неуместна. К тому же я достоверно узнал, что от м⟨инист⟩ра всегда зависит дать или не дать жалованье, которое он может назначать из разных сумм. Напр⟨имер⟩, граф Д⟨митрий⟩ Н⟨иколаевич⟩ Толстой, с которым Конст⟨антин⟩ познакомился, также чин⟨овник⟩ ос⟨обых⟩ поруч⟨ений⟩ без жалованья, но ему назначили жалованье, т.е. прикоман-

дировали его к какому-то люстрационному комитету[8], из которого он получает 1500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ жалованья и в котором он ни разу не бывал, ни двух строк не написал и имеет всегда поручения посторонние, как и я. Да кроме того, если поручение длинно, то месяцев через 5 устраивают некоторые так, что их вызывают для объяснений по делам службы, и в П⟨етер⟩бурге, уезжая обратно, они вновь получают подъемные деньги.

Ко всем этим уловкам я не прибегал, служу без жалованья и, загроможденный делами по общему д⟨епартамен⟩ту, получаю одни суточные и квартирные от хозяйств⟨енного⟩ д⟨епартамен⟩та. Если и получил я денежную награду, то за $2^1/_2$ года это немного, да к тому же это было дело Милютина по хозяйственному д⟨епартамен⟩ту... От д⟨епартамен⟩та же общих дел я не имел ни копейки, ни прогонов, ни разъездных, ни содержания, ни награды... А между тем я беспрестанно получаю оттуда новые поручения и, признаюсь, после замечания о моих литературных занятиях, это просто бесстыдно. Гвоздев просто принял систему очистки бумаг, посылая их ко мне на заключение (разумеется, по Яросл⟨авской⟩ губернии). Это очень удобно для них и несносно для меня. — Следовательно, все эти уверения, все эти фразы гроша не сто́ят.

Но погодите. Я приберег к концу самое сильное доказательство... Он говорил Грише, что в случае присылки мною просьбы об отставке оставит ее до моего приезда, до моих личных переговоров с ним, просил Гришу употребить все зависящие от него средства, чтоб удержать меня от решительного поступка до приезда в П⟨етер⟩бург, куда меня скоро ожидают... И Вы, милый отесинька, в скобках замечаете, что надобно думать, что дают мне позволение приехать или ожидают скорого окончания моих дел... Казалось бы, так!.. Надобно Вам сказать, что еще 15-го генваря писал я Гвоздеву официальное письмо, что "по окончании производимого комиссиею следствия мне необходимо было бы в одно время с графом Стенбоком представить как общий отчет по возложенному на меня от д⟨епартамен⟩та общ⟨их⟩ дел поручению, требующий многосложных личных объяснений, так и свои собственно замечания о раскольниках вообще". Почему и просил исходатайствовать мне у м⟨инист⟩ра дозволения по окончании производимого комиссиею следствия прибыть в П⟨етер⟩бург для надлежащих объяснений по службе...

Если б не было у меня на руках городского хозяйства, так по окончании следствия я прибыл бы в П⟨етер⟩бург безо всякого разрешения. Но, как увидите, городское хозяйство вовсе не препятствие для м⟨инистерст⟩ва... К тому же товарищу моему по училищу Куприянову, недавно воротившемуся из П⟨етер⟩бурга и видевшемуся с Гвоздевым (еще до получения в м⟨инистерст⟩ве письма моего к министру), Гвоздев сказывал, что мне уже послано или на днях пошлется разрешение приехать в П⟨етер⟩бург.

Вероятно, сначала было решено так, а потом решили иначе.

Посылаю Вам копию с предписания д⟨епартамен⟩та и мой ответ Гвоздеву[9]. Согласитесь, что он весьма учтив[10], хотя и слышна в нем сдержанная ирония.

В это предписание вложено было письмецо начальника отделения по делам о раскольниках Арсеньева[11] следующего содержания: "Не сетуйте, почтеннейший Иван Сергеевич, за отказ в *отпуске* (?да разве я просил

отпуска?). *Это мысль графа*; он не желает оставить Яросл⟨авскую⟩ губернию без надежного надзора (??), но будьте совершенно уверены, что немедленно по прибытии гр⟨афа⟩ Стенбока пошлем к Вам разрешение приехать в П⟨етер⟩бург. Действиями Вашими по делам раскольничьим здесь все (?) весьма довольны, следов⟨ательно⟩, Вы можете и *должны* ожидать всего хорошего"[12].

Это все похоже на насмешку! Как, меня, состоящего под надзором полиции и Бутурлина, оставлять для надзора?.. Да что же я за надзиратель, где инструкции? Разве не кончились дела́ мои по расколу?.. Если б мне отказали на том основании, что по городскому хозяйству у меня не все кончено, так это имело бы, по крайней мере, смысл... Хороши эти уверения во "всем хорошем!"

Словом сказать, все это черт знает что такое, и я, право, являю теперь пример кротости. Надо предположить, что есть какая-нибудь причина, может быть, приказание держать меня подальше от П⟨етер⟩бурга точно так же, как не делать меня чиновником ос⟨обых⟩ поруч⟨ений⟩, о чем пришлось бы представлять...

Пожалуйста, сообщите все это сейчас же Оболенскому, пошли́те за ним, он живет в доме кн⟨язя⟩ Мещерского[13] на Сенной. — Если успею, то напишу к нему. Очень люблю я этого человека, и мне здесь без него тяжело; раза 4 в день забежит бывало Оболенский... Какая чудная душа, от которой просто видимо веет благовонием!..

Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки. Вы, милая маменька, вероятно, говеете на этой неделе: заранее поздравляю Вас с приобщением. Я же совершенно здоров: что́ мне делается! Обнимаю милого брата Константина и всех моих милых сестер и милейшего из милых Оболенского.

Ваш *Ив. А.*

120

Понед⟨ельник⟩ 1851 г⟨ода⟩ февр⟨аля⟩ 26-го. Ярославль.

Благодарю вас, милые мои отесинька, маменька, Константин и Вера, за письма от 23-го февраля и поздравляю вас и всех наших со днем Вашего рожденья, милая моя маменька[1]. Я не знал, что Константин говел на 1-ой неделе: поздравляю его с приобщением. В одно время с вашим письмом получил я большое письмо от Оболенского[2], подробно описывающего мне и посещения свои и впечатления ваши по поводу переписки о "Бродяге". Я сохраню все письма Оболенского: они очень хороши, в них есть какая-то женственность в высоком смысле этого слова. — Совершенно согласен с Вашим мнением, милый отесинька, что письменные объяснения по этому делу неудобны, но на замечание Ваше, что в письме к м⟨инистру⟩ говорится слишком много обо мне самом и пр., я возражу только тем, что это не официальная бумага, а письмо, что негодование мое и чувство собственного достоинства были, по моему мнению, совершенно у места и что похвалы мои себе вовсе выражены не таким тоном, каким представляют к наградам... Но,

впрочем, теперь не в этом дело, а в том, что меня не хотят выпустить из Ярославля, поступая в этом случае со мною так и даже употребляя почти те же самые выражения, как поступаем мы относительно подсудимых наших Пятницкого и Любимова (станового и исправника), обязывая их подпискою не выезжать из г⟨орода⟩ Ярославля впредь до окончательного рассмотрения о них дела, комиссиею производимого. — Вчерашняя почта из П⟨етер⟩бурга не привезла мне ничего. Нельзя сердиться на Гришу: он, бедный, и без того озабочен своими домашними делами, а следовало бы ему следить за ходом этого дела и писать мне обо всем подробно. Неужели он не знает, что мне отказано в выезде из Ярославля.

Тем не менее на Страстной неделе[3] я все же буду в Москве. Сделайте милость, не думайте, чтоб вся эта передряга меня расстроивала физически или нравственно и что я нуждаюсь в утешениях. Цвету здоровьем больше, чем когда-либо. Все это разрешилось тем, что, получив последнюю бумагу, я взбесился, швырнул дела под стол и дня три сряду читал какой-то глупейший из глупейших французский роман. А прочитав роман, опять принялся за дело. — Теперь я тороплюсь изо всех сил, чтоб покончить записку и отчет по комиссии. Это одно дело, которое я могу и должен добросовестно довести до конца. Работы очень, очень много теперь.

Жду с нетерпением следующей почты и с нею вашего письма.

Оболенский, вероятно, уже уехал в П⟨етер⟩бург[4]; если же нет, то объявите к нему, что я писал ему уже в П⟨етер⟩бург на квартиру его брата Алексея. — Жаль очень, что вы негостеприимно поступили с ним в 1-ый день, тем более, что когда он рассчитывал со мною время своего приезда и говорил, что, может быть, уже не застанет у нас обеда, то я ему сказал, что у нас накормят и напоят его во всякое время. Но я извинюсь перед ним за вас[5].

Ты извиняешься, милый друг и брат Константин, в том, что письмо твое не длинно. Помилуй, братец, я и этого количества писем, какое ты написал мне в эту зиму, никогда не ожидал и столько тебе за это благодарен, что и требовать бóльшего не считаю себя вправе. Не говоря о серьезной стороне их, они доставляют мне и удовольствие местами, подобными этому, которым начинается твое последнее письмо: "Наконец, явился князь Андр⟨ей⟩ Васил⟨ьевич⟩ Оболенский (напоминающий своим именем князя Андр⟨ея⟩ Вас⟨ильевича⟩ времен междуцарствия[6]) и привез нам *важные* бумаги и проч." Ну и довольно, я и сыт! Да напиши чувствительную драму "Изгой XIII-го века" или хоть "Изгой из родовых отношений"!.. Плачь, плачь от умиления при встрече с господином Путятой[7] и всеми твоими приятелями, имена которых напоминают тебе славных малых, знакомых X-го, XI-го, XII-го века!.. "Какой славный малый, плут, каналья!" — говоришь ты, оскабляясь и с умилением потряхивая головой по поводу ближайшего знакомства с каким-нибудь Ростиславичем!..

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер, всем кланяюсь.

Ваш *Ив. А.*

121

1-го марта 1851 г⟨ода⟩. Четв⟨ерг⟩. Ярославль.

Еще раз поздравляю вас с нынешним днем[1], милая моя маменька и милый мой отесинька. Вероятно, у вас нынче кто-нибудь из гостей да есть. — Какие прекрасные стихи Вы написали[2], милый отесинька! Конечно, Вы уже черезчур к себе строги, называя *отвратительным* разладом состояние Вашего духа, но тем не менее стихи во многом верно передают Вас. Есть и во мне много сходного с этим описанием, только натура моя не так жива и горяча. — Оба письма Ваши я получил. Письмо Ваше от воскресенья вовсе не подействовало на меня так огорчительно, как Вы того боялись, может быть, потому, что я прочел сперва письмо от вторника[3]. К тому же, не соглашаясь с мнением Вашим, я в то же время вижу, что Вы писали под влиянием опасений за мою будущность. Я не разделяю этих опасений или, лучше сказать, на все готов. Вы воображаете, что я ужасно раздражен, чуть не хвораю от сердца и не помню сам, что делаю. Константин хочет даже приехать навестить меня[4]. От всей души благодарю его за этот братский порыв, но вы видите все в преувеличенном свете. Со мной еще никакой беды не случилось, и я не нуждаюсь в словах утешения, а приезд Константина замедлил бы составление записки, которой я теперь с утра до ночи занимаюсь, торопясь совершенно все закончить и закрыть комиссию к Страстной неделе. А на Страстной неделе я непременно буду в Москве. — Я совершенно покоен духом. Я не герой, потому что это все в отношении к целому вопросу буря в стакане воды, и не жертва (сохрани Бог!). Я только честный человек или, по крайней мере, хочу быть таким, хочу оставаться неуклонно верным своим правилам, а потому, что бы ни случилось, в выигрыше — я. И думаю, если б опять сызнова возобновилась эта история, я опять поступил бы именно так, хотя ехать с поручением в Вятку у меня нет никакого желания: куда угодно, только не на север и не на восток, а на юг или даже запад... Впрочем, круг служебной деятельности уже давно сжимается и сокращается для меня. Я уже решил сам в себе, что следствий отныне я производить не буду (исключая некоторых казусов); я уже решил, что поручений отныне — бесполезных, бесплодных, а между тем сухих, утомительных и лишающих всякого досуга, как вредных нравственному моему бытию — исполнять не буду... Я уже давно говорю своим товарищам, что моя карьера кончилась и что быть губернатором я не намерен, потому что на этом месте буду я вынужден действовать в противность моим правилам. Я знаю, что я с каждым годом становлюсь честнее, т.е., по крайней мере, хочу, чтоб внешние поступки мои были честны, и никакие препятствия для меня не существуют, даже если б пришлось ехать с поручением и в Вятку. Все это очень просто и геройство весьма мелкое, даже в моих собственных глазах... Вы скажете, что в этом деле повод ко всем моим поступкам был пустой... Не совсем. Тут я отстаивал принцип домашней, нравственной свободы служащего, самостоятельность чиновника, служащего не Перовскому и не правительству, а самому делу, никогда ничего не испрашивающего, а требующего себе должного воздаяния. Не такой же я ветреник, что не знал будто, к чему это все поведет, и

уж раскаяваться не буду. — Только будьте уверены, что я теперь в самом мирном расположении духа, даже пою песни, чего со мною уже давно не было, и очень занят запиской. Подивились бы вы моему терпению, терпению моей раздражительной натуры, если б посмотрели меня за этим скучным трудом! — Письмо Ваше сильнее, чем меня, огорчило Оболенского, от которого я также получил письмо. Он очень в грустном расположении духа вообще: теперь, верно, уже он уехал из Москвы... Да, скажите, пожалуйста, что вся эта моя переписка — секрет у вас или нет? Знает ли об этом дядя Аркадий? Как я смеялся, вообразив себе его при чтении этих бумаг. К тому же я заранее знал, что самые лучшие мои приятели будут бранить меня.

Прощайте, милые мои отесинька и маменька. Пожалуйста, будьте бодры и здоровы и не волнуйтесь. Благодарю тебя, милый мой брат Константин, ты просто сделался борзописцем по части писем. Цалую ваши ручки, милый мой отесинька и маменька, обнимаю Константина и всех милых сестер моих.

Ив. А.

Почта еще ничего не привозила из П⟨етер⟩бурга.

122

5 марта 1851 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩. Яросл⟨авль⟩.

Вчерашняя почта не привезла мне еще никакого решительного ответа: получил я письмо от Гриши и от Самарина[1]. Гриша пишет, что Сам⟨арин⟩ и Милют⟨ин⟩ уговорили Гвоздева не докладывать рапорта мин⟨истру⟩ до получения моего ответа. Письма моего последнего к Гвоздеву Гриша еще не читал, но говорит, что Гв⟨оздев⟩ не виноват в недозволении выехать из Яросл⟨авля⟩, что у него заготовлено было позволение, но мин⟨истр⟩ не согласился, а почему — не объясняет. — Самарина же письмо написано также до получения моего последнего ответа Гвоздеву. Посылаю вам письмо Самар⟨ина⟩ и мой ответ к нему[2], которое добрый человек согласился переписать мне. Скучною становится мне вся эта переписка, необходимость давать направо и налево объяснения, наконец, все эти упреки, замечания и порицания. Я, впрочем, знаю, что все хором бранят меня! Вместо того, чтоб заставить Гв⟨оздева⟩ или кого следует ценить меня и дорожить мною, все собравшиеся вместе приятели так легко присудили мне средство, которое и предлагает Самарин[3]. Никто не хочет стать на мое место, никто не выдерживал таких нравственных пыток, как я. Я имею счастие не быть всегда понимаему, хотя, кажется, пишу довольно ясно. Вот и Вы в последнем письме говорите, что не понимаете письма моего от 26-го февраля[4] — выражение принятое, заведенное, в порядке вещей. — Я, впрочем, не выразил Самарину ни тени досады, потому что знаю и люблю его. Гриша не совсем доволен участием Ханыкова и в письме своем говорит, что он, Гриша, хлопочет о том, чтоб мне написали бумагу, заглаживающую первые две бумаги, и что он спорит с Самариным, который говорит, что этого не нужно. Но этого, прибавляет Гриша, мудрено добиться.

Я зарылся в дело по горло, одушевясь или, лучше сказать, остервенясь

желанием покончить все к Страстной. А тут еще пропасть писем. — Прощайте, милые мои отесинька и маменька, будьте здоровы и сделайте милость, не беспокойтесь на мой счет. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

От Оболенского получаю письма каждую почту.

123

1851 г⟨ода⟩ марта 12-го. Понед⟨ельник⟩. Ярославль.

И опять пришла почта, и опять нет никакого решения, милые мои отесинька и маменька. Получил только письмецо от Гриши, которое вам и посылаю. Нынче отвечал ему и просил, чтоб до Святой недели[1] так или иначе решили бы мою участь[2]. Дело в том, что у меня на столе уже лежит одно решение — это воспрещение оставить Ярославль: это уже не подвержено сомнению... Возвращаться же мне в Ярославль из Москвы после Святой, когда Бутурлин вообразит при моем отъезде, что я совсем выехал из города, будет невыносимо. Я буду не то что чиновник м⟨инистерст⟩ва, не то что частный человек. Как чиновник я не имею никаких поручений, ибо комиссия кончится, и ревизия душ окончена: остается писать отчеты, дожидаться окончания съемки. Всему городу уже давно известно мое нетерпение уехать отсюда, и оставаться здесь — это значит придется беспрестанно отвечать на тысячу и один вопрос: каким образом, когда все решительно члены комиссии ⟨разъехались⟩ (потому что и другие члены комиссии взяли уже отпуск и едут в П⟨етер⟩бург на Святой), я один остаюсь?

Но скучно и вам, и мне только и толковать, что об этом. Однако ж что делать! Повторяю, мне гораздо было бы приятнее иметь в виду всякое другое решение, только не то, которое я уже имею. —

Благодарю Вас за присылку элегий[3]. Я прочел их с большим удовольствием. Впрочем, мне кажется, что они имеют больше субъективное значение и достоинство. При этом необходимы комментарии, что вот автор этих элегий человек такого-то возраста под такими-то условиями шел в жизни и проч. Высокого художественного достоинства я в них не вижу, местами они очень прозаичны. — Но в то же время в них столько простоты и верности, столько иронии и остроумия, что читаются они с удовольствием. Может быть, я ошибаюсь, и впечатление мое несвободно, может быть, другие элегии выше в художественном отношении. Нельзя указать, чего не достает; из тех же припасов готовят и другие повара, а вкус не тот. Впрочем, повторяю, в настоящую минуту я не верю вполне своим впечатлениям. Я сам, может быть, напишу стихи, только мне ругнуться хочется.

Как же это, милая маменька, я поздравлял Вас на первой неделе с приобщением, а теперь Вы опять говели? Ну так поздравляю Вас опять. Значит, что на Страстной поздравлю Вас в 3-ий раз и, вероятно, лично. — От Оболенского из П⟨етер⟩бурга писем не имею[4]. — Если в последнем письме

моем огорчила вас некоторая резкость выражений, то простите меня, пожалуйста.

Я вовсе не смеюсь, но от души благодарен тебе, милый друг и брат Константин, за твои письма. Только удивляюсь и радуюсь твоей деятельности[5]. Ты просто стал молодцом. Верно, потерял или потеряешь привычку дремать с 7 часов вечера. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

124

15 марта 1851 г⟨ода⟩. Ярославль. Четв⟨ерг⟩.

Опять нет никаких решительных известий из П⟨етер⟩бурга! Делать нечего, существуй до воскресенья! Благодарю вас, милый отесинька и милая маменька, за присылку денег. Я, впрочем, мог бы обождать их и до приезда Оболенского. От последнего получил я вчера письмо: сведений никаких он не имеет, а потому, вероятно, и не пишет вам: все ждут какого-то ответа моего! Обол⟨енский⟩ выезжает из П⟨етер⟩бурга 19-го марта и 21-го или 22-го будет в Москве. Он описывает мне свидание свое с Самар⟨иным⟩, Попов⟨ым⟩ и Смирновой и очень ими доволен за меня, видя в них искреннее участие и понимание. Муж Смирновой уволен от должности[1], и это очень расстроило Алекс⟨андру⟩ Осиповну, хотя она и хладнокровно, по-видимому, об этом рассуждает[2]. — Работаю я по-прежнему, но работы еще так много, что еще не могу закричать: берег! Просто кажется, что никогда не будет конца этим занятиям. Новостей здесь нет никаких, кроме того, что вчера было открытие памятника в Костроме “поселянину Сусанину”[3]. Памятник этот выстроен на подписную сумму, собиравшуюся лет 20; осталось денег лишних 2500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Костромское дворянство думало, думало, что делать с этими деньгами? Выстроить богадельню, воспитывать на эти деньги бедного мальчика в гимназии и проч. — все это им не понравилось, и они решили деньги эти съесть и съесть на славу: выписали припасов из П⟨етер⟩бурга и из Москвы, пригласили едоков из Яросл⟨авской⟩ губернии и вчера ели. Посылаю вам сочиненный и напечатанный в Костроме церемониал, очень забавный. — Я, если выпустят меня в отставку, вовсе не намерен, по крайней мере, скоро вступать в службу. Право, я так устал, что мне все грезится Малороссия, тепло, чистый хутор, малороссийское сало, лень и проч. Если же я буду искать службы собственно для средств существования, то я постараюсь достать себе то место, которое занимает теперь Клементий Россет, т.е. чиновника м⟨инистерст⟩ва финансов[4], объезжающего свеклосахарные заводы в России! Совершенно с Вами согласен, милый отесинька, насчет того, что Вы пишете в последнем письме Вашем об элегиях Дмитриева, хотя, впрочем, не оценил их так высоко в художественном отношении[5]. Не знаю, чем тут оскорбились Кошелев и Соловьев? Разве за русскую зиму и жизнь зимою в сызранской глуши? — Я же вполне

сочувствую впечатлениям Дмитриева. Русская зима! Подумать страшно! И нынче, хоть и половина марта, а на дворе вьюга!

Прощайте, милые мои отесинька и маменька, больше вам не пишу, потому что некогда. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех милых сестер. Будьте здоровы и спокойны.—

Ваш *Ив. А.*

Очень, очень вам благодарен за то, что вы так аккуратно мне пишете!

125

19 марта 1851 г⟨ода⟩. ⟨Ярославль.⟩[1]

Письмо ваше, милый мой отесинька и милая моя маменька, получил. Как рад я за Вас, милый мой отесинька, что Вы можете уходить хоть в записках в мир природы[2]. А я вчера вышел подышать свежим воздухом и перепугался. Так завеяло весной, так возмутило, подняло со дна все мучительные стремления, что мне страшно стало поддаться им, и я опять за работу.

Посылаю вам письмо Гриши с припиской даже Марьи Алекс⟨еевны⟩. Разве Вы боитесь, милый отесинька, моей отставки?[3] Вы боялись других последствий, а не отставки[4]. Гриша все путает, и только томят они, и он, и все эти друзья меня своею неуместною проволочкою, своими неудачными советами. Я написал Грише, что прошу только об одном: немедленно доложить мою просьбу об отставке м⟨инист⟩ру, и если через 10 дней не получу от Гриши удовлетворительного ответа, то пошлю письмо Гвоздеву такого содержания: “М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩. — Принося Вашему пр⟨евосходительст⟩ву искреннюю благодарность за участие Ваше, о котором неоднократно писал мне брат мой, состоящий при м⟨инистерст⟩ве, я, по известным мне причинам, тем не менее покорнейше прошу Ваше пр⟨евосходительст⟩во доложить мою просьбу об отставке его сият⟨ельст⟩ву г⟨осподину⟩ министру”[5].

Одобряете ли Вы это письмо? Я писал Грише, что хочу иметь дело не с Гвозд⟨евым⟩, а с м⟨инист⟩ром; что хочу, чтоб м⟨инист⟩р знал, что ответом моим на письмо ко мне была просьба об отставке; хочу, чтоб он видел, что не возгласы и не клики изъявленная мною потребность нравственного отдыха; что точно терпит душа моя от службы, что, наконец, служить могу и хочу я на условиях не просто чиновнических. А Гриша советует мне, на основании уверений, от Гвоздева частным образом через него сообщаемых, отказаться от своей бумаги! Пусть доложат м⟨инист⟩ру. Если он не захочет меня выпустить, то вызовет для личных объяснений; если же выпустит, не поморщась, так тем лучше для меня, что я не оставался долее в службе. Чем же доказывается эта оценка м⟨инистерст⟩ва: на меня как на рабочую лошадь взваливают работы, после 2-х летнего томления не выпускают даже в отпуск, места и жалованья не дают. — Вопрос о пользе для меня собственно решен. — Признаюсь, как несносны делаются эти друзья, кроме Оболенского[6], которого письма — истинная отрада, хотя он очень огорчен и расстроен за меня. —

Я, впрочем, отвечал Грише дружески и даже Марье Алекс⟨еевне⟩ просил передать благодарность за ее участие и совет; Вы, пожалуйста, ничего об ней ему не пишите.

Прощайте. Писать решительно некогда. Надобно еще написать несколько строк Оболенскому. Целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и сестер. — Что Вы думаете о письме Гриши?[7]

Ваш *Ив. А.*

126

Понед⟨ельник⟩. Яросл⟨авль⟩. 26 марта 1851 г⟨ода⟩[1].

Можете себе представить: московская почта в Ярославскую губернию не пришла, даром что почтовая карета приехала (опоздав 12 часами): тюк с частными письмами забыт в Москве или по ошибке отправлен из московского почтамта с другою почтой, может быть, в Симбирск, в Якутск, Кяхту! И потому уведомьте меня, были ли отправлены ваши какие-нибудь письма в прошедшую пятницу, т.е. 24 марта?

Нынче пишу только для того, чтоб поздравить милого брата Константина со днем его рожденья[2]. Поздравляю его и крепко обнимаю. Поздравляю вас, милый мой отесинька и милая маменька, поздравляю всех милых сестер. — Прощайте. Решительно некогда: боюсь не кончить к Пасхе. Целую ваши ручки.

Петербургская почта до сих пор не приходила.

Весь ваш *Ив. А.*

127

29 марта 1851 г⟨ода⟩. Яр⟨ославль⟩. Четв⟨ерг⟩[1].

Во вторник утром, только что я окончил главнейший труд свой и увидал, наконец, берег, явился и Оболенский. От этих двух радостей я повеселел и пополнел в один день так, что не буду иметь удовольствия явиться перед вами похудевшим от работы: вы эдак, пожалуй, и не поверите, что я работал.

Вижу берег, но дела еще много, не знаю, управимся ли. Вы пишете, что можно бы окончить и на Фоминой[2]. Нельзя. Дело такого рода, что может тянуться годы нескончаемые: на Святой[3], пожалуй, поймают какого-нибудь неотысканного православного разбойника или беглого раскольника, и опять начинай следствие. Нам надобно закрыть поскорее комиссию и передать имеющие возникнуть следствия губернскому начальству.

Оболенский много и много рассказал мне интересного; он до чрезвычайности доволен и тронут вашею лаской.

Признаюсь, когда в первый раз вы мне написали о том, что крестьяне в двух губерниях решились не пить[4], я просто не поверил вам. Но теперь, когда этот факт подтверждается, и, говорят, Владимирская губерния пристала к этому делу, так все это получает огромный смысл. Только каково теперь положение Владимира Святого[5]: не он ли говорил: Руси есть веселие пити, не может без того быти!

Петербургская почта, с которой, впрочем, нынче я не жду ничего, еще не приходила: вот уже вторые сутки, как она опаздывает. Нынче у вас, вероятно, пропасть гостей[6]: еще раз поздравляю вас всех и Константина. Больше писать решительно некогда, целую ваши ручки и крепко обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив. А.*

128

⟨Письмо к Ольге Семеновне Аксаковой и к сестрам⟩.

1851 г⟨ода⟩ июля 9-го. Понед⟨ельник⟩. Вишенки[1].

Часа два тому назад приехали мы в Вишенки, милая моя маменька и милые сестры, и торопимся написать к вам, потому что сейчас отправляют в Ставрополь: завтра почтовый день. Вероятно, нам привезут оттуда ваши письма. Теперь с дороги и впопыхах не могу вам ничего написать подробно; скажу только, что приехали мы благополучно. От Николая Тимоф⟨еевича⟩ выехали мы в субботу утром вместе с ним и со всеми его гостями к Блюму[2], у которого обедали. Варвара Алекс⟨андровна⟩ Блюм[3] наделила нас на дорогу всяким добром, даже картофелем с маслом, сиропами и т.п. Ник⟨олай⟩ Т⟨имофеевич⟩ также не поскупился, и у нас теперь всякой и разнообразной провизии надолго. Варв⟨ара⟩ Ал⟨ександровна⟩ простая и очень добрая женщина, хозяйка такая, каких мало. Не быть нам никогда такими хозяевами! Она иногда проводит весь день в поле, с 4-х часов утра до 8 вечера, наблюдая за тем, чтоб крестьяне усерднее потели в жар за господскими работами. — Гости, приехавшие к Ник⟨олаю⟩ Тим⟨офеевичу⟩, были прокурор Ренненкампф[4] (наш правовед 2-го выпуска) и бывший председатель казенной палаты, теперь помещик Шаренберг. — От Блюма выехали мы в субботу же, часов в 7 вечера (они живут верстах в 6 от станции) и в 3 часа в воскрес⟨енье⟩ пополудни приехали в Симбирск. Ямщик, который нас привез, мальчишка, взялся спустить нас с горы к Волге (обыкновенно для этого нанимают особых лошадей); мы вышли из кареты и сошли, а карета спустилась по самому крутому, но короткому спуску, по которому никогда кареты не съезжают. Все сделалось очень удачно и благополучно. Через Волгу мы переехали на косной[5] (была небольшая рябь) в полчаса времени, но часа два дожидались нашей кареты, которая плыла на дощанике. На берегу наняли мы лошадей и поехали прямо, через степь, к Мих⟨аилу⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Кирееву[6] (это все по дороге в Вишенки). Мы проехали 45 верст, не встретив ни одной деревни, не видев ни аршина необработанной земли: все нивы и нивы. К Кирееву приехав часов в 10 вечера, не застали ни его, ни его семейства дома (они уехали в Бугульм⟨ский⟩ уезд). Проночевав в карете, на рассвете, на новых нанятых лошадях поехали в Никольское (гр⟨афа⟩ Соллогуба[7]), верст 30 от Киреева. Там ждали часа два с половиной. Вот чудное имение, на Черемшане. Какой вид! Здесь жить можно. — Оттуда на прескверных лошадях двинулись в Вишенки, куда и приехали часа в 4 после обеда. Крестьяне все в поле, Ив⟨ана⟩

Сем⟨еновича⟩ нет. Первый встретил нас Порфир-кучер и Надежда, которая обрадовалась как нельзя больше. Цалую ваши ручки, милые мам⟨енька⟩ и сестры, будьте здоровы, до след⟨ующей⟩ почты.

Ваш *Ив. Акс.*

129

⟨Письмо к Ольге Семеновне Аксаковой и к сестрам⟩.

29 августа 1851 г⟨ода⟩. Воскресенье. Яковлевка[1].

Вот уже откуда пишем мы к вам, милая моя маменька и милые сестры, — от Софьи Тимоф⟨еевны⟩. Очень трудно, переносясь с места на место, вести нить рассказа, особенно когда пишешь не у себя дома и торопишься. Не знаю, успею ли написать вам этот целый лист. В последнем письме своем я, кажется, рассказал вам, что мы приступили к выслушанию просьб и жалоб. Последних было очень мало: общая речь та, что крестьяне беднеют, что им тяжело, но положительные обвинения встречались редко. У нас перебывали все тягловые: из них половина таких, которые более или менее зажиточны и не имеют причин жаловаться на что-либо. — Они явились потому, что этого потребовали другие, т.е. их принудили прочие крестьяне. Многие просьбы и обвинения оказались совершенно пустыми; многие пришли просить хлеба, когда у них еще много своего. Крестьянам раздали месячину и семян господских на посев. Вслед за тем двое мужиков пришло просить муки на посыпку лошадям корма: требование, говорят, неслыханное, рассердившее отесиньку, который отказал им, и давшее Ив⟨ану⟩ Семен⟨овичу⟩ повод доказать вообще жадность и неумеренность крестьянских требований, их неблагодарность и т.п. — Бабы остановили нас с Константином просьбами об увольнении их от барщины, и мы бы на это, разумеется, охотно согласились, но другие крестьянки стали роптать на это, потому что им от того прибавится тяжести в работе. — Ив⟨ан⟩ Сем⟨енович⟩ не ожидал, что отесинька будет спрашивать мужиков каждого порознь, помимо его и не при нем: у него с мужиками было так условлено, чтобы они о всех своих нуждах обращались к отесиньке не иначе, как через него, и он боялся, чтоб наше пребывание в деревне не ослабило его власти. Поэтому он много нам мешал своим присутствием, и, разумеется, это же самое охлаждало крестьян и заставляло их быть осторожнее. Многие от нас прямо шли к Ив⟨ану⟩ Сем⟨енови⟩чу и передавали ему свой разговор с барином, и — удивительное дело — Ив⟨ан⟩ Сем⟨енович⟩ знал решительно все, о чем мы с крестьянами толковали. Надёжинские крестьяне и надёжинский мир не произвели на меня такого же доброго впечатления, как в Вишенках, во 1-х, потому, что во время бунта все они немилосердно лгали, во 2-х, потому, что в их словах не всегда была правда, и в 3-х, потому, что многие из них, обласканные нами, и понадеялись, вероятно, на смену управляющего, стали зазнаваться перед стражей и перед Ив⟨аном⟩ Сем⟨еновичем⟩, что заставило и отес⟨иньку⟩ быть осторожнее и даже строже. — Мы составили письменное положение из 12 пунктов, которые отесинька подписал и оставил в конторе. Это положение,

ограничивая во многом управляющего, все направлено к облегчению крестьян; составили таблицу праздников, в число которых включали дни Владим⟨ирской⟩ Божьей Матери и св⟨ятого⟩ Митрофания; наконец, оставили целую тетрадь отдельных частных приказаний. Смешно было видеть, как Ив⟨ан⟩ Сем⟨енович⟩ упирался и не соглашался, имея в виду наши же выгоды, на милости и облегчения, просто торговался с нами: если прикажем выдать кому 20 фунтов муки, он упросит, чтоб дали только 15... Удивительный тип этот Иван Семеныч, страстно преданный своему занятию и барину, которому служит, честный, но готовый на всякие плутни, чтоб доставить выгоды помещику, а потому и без жалости к крестьянам, с которыми, впрочем, он не только не жесток, но, по своим понятиям, даже щедр, однако вовсе не из сострадания, а из хозяйственных расчетов. Никто не упрекнул его в жестоком обращении, напротив, оказалось, что он многим оказывал немалые снисхождения, но тем не менее никто ему за это не благодарен, и все его терпеть не могут. — Что было еще скучно в Надёжине, так это интриги дворовых, их вражды и споры, и всякий лжет и говорит напраслину на другого. Страшное дело! Никто не делает для крестьян столько, сколько мы, ни Никол⟨ай⟩ Тим⟨офеевич⟩, ни Софья Тим⟨офеевна⟩, никто не раздает им месячины и семян на посев, а они жалуются, недовольны и точно стали беднее. Между тем, работы самые, количество пашни нисколько не тяжеле и не больше, чем у других! Правда, что поставки хлеба у нас тяжеле, правда то, что крестьяне наши были издавна избалованы. Работы в Надёжине было у нас немало, особенно у меня по письменной части. Милостей частных сделано много; сделано много и облегчения для крестьян. Решились сменить старосту за развратное его поведение (крестьяне, впрочем, смены его не требовали и поведением оскорблялись только некоторые), отес⟨инька⟩ был затруднен в выборе и назначении нового: и выбрать некого, и кого и выбирали, те отказывались, выставляя, между прочим, ту причину, что теперь, после нашего приезда, управлять крестьянами и работами их будет гораздо труднее и "не сладить с ними". Тем не менее, одного из отказавшихся убедили принять в руки жезл правления или старостов батожок, именно Терентья Федорова, который уже был старостой и который имеет глубокое презрение к миру, за что, по его словам, его терпеть не могут крестьяне. Выбран он в старосты потому, что он единственный способный к этой должности, и потому, что если будет справедлив, так нелюбовь к нему крестьян будет неопасна. В пятницу вечером собрали всех мужиков на дворе, лошади наши были заложены, и отес⟨инька⟩ объявил крестьянам свои распоряжения. Все милости и решения были приняты довольно сухо: крестьяне, вероятно, ожидали другого, однако ж они проводили нас почти до околицы. — Сменить Ив⟨ана⟩ Сем⟨еновича⟩ собственно за надёжинское управление не было причины, и нет сомнения, что без него наши дела пойдут хуже, сам же Ив⟨ан⟩ Сем⟨енович⟩ вовсе не имеет намерения нас оставить. Он очень недоволен нашими вишенскими действиями, и я не знаю, как уладится все это дело, т.е. останется ли Ефим Никиф⟨орович⟩ старостой при Иване Сем⟨енови⟩че или нет. — Таким образом, в пятницу поздно вечером выехали мы из Надёжина, завтра уже в обратный путь к вам, милая маменька и милые сестры. Я забыл, кажется, сказать вам, что Арк⟨адий⟩

Тим⟨офеевич⟩ прожил у нас всего два дня и уехал, видя, что мы можем надолго остаться в Надёжине; у него же были дела. — Мы так были заняты, что не успели и поудить порядком. Раз только и то в последний день поехали мы на час времени в Сосновый враг, где Константин и вытащил одну пеструшку. Из Надёжина поехали мы *на своих*, с кучером Ульяном; в одной деревне вотяков (которых тут я видел в 1-й раз) была сделана у нас выставка лошадей, на которых доехали мы до перевоза через *Ик*. Тут мы кормили несколько часов и удили. Что это за чудная река, какая быстрая, многоводная, рыбная и красивая берегами. Клев, однако ж, был плохой. — Часа в 4 после обеда приехали мы к Софье Тимофеевне... Места, окружающие ее деревню, очаровательны: везде липовые и дубовые рощи, не увидите вы ни ели, ни сосны, везде горы и долины и ручьи, бегущие из каменных расселин... Софьи Тим⟨офеевны⟩ и никого не было дома, они все уехали удить; им тотчас дали знать, а мы между тем переоделись и встретили их в саду. Прием был самый простой и радушный, какого я и не ожидал. Кроме Софьи Тим⟨офеевны⟩, здесь все народ молодой и живой, веселый и беспечный... Все моложе (даже годами[2]), живее, веселее и беспечнее нас! Право, смотреть завидно, особенно когда подумаешь, что и никогда и в их лета не имел такой молодости!.. Бутлеров нам всем чрезвычайно понравился[3]; ему всего 23 года, с обширными знаниями (по своей части) он соединяет в себе такую детскость, такое простое, чистое сердце, что редко встречаешь подобные явления. Нет в нем ни претензий, ни умышленных движений; напротив, совершенная свободность всего его обхождения может происходить только от чистоты и простоты сердечной. Надинька[4], хотя и смотрит совершенным ребенком, однако ж очень мила, проста, говорит нам “ты” и требует от нас того же. Прощайте, милая маменька и милые сестры, будьте здоровы. Завтра мы едем отсюда опять к Арк⟨адию⟩ Тимоф⟨еевичу⟩, у которого и дождемся Ив⟨ана⟩ Сем⟨еновича⟩, и от него в Вишенки. Где-то мы получим от вас письмо? В Надёж⟨ине⟩ мы имели только одно письмо.

Ваш *И. Акс.*

130

1851 г⟨ода⟩. Октябрь 8-го. Москва. Понедельник, вечер[1].

Вот вам отчет, милый отесинька и милая маменька, в наших prouesses et hauts faits*. Постараюсь все передать по порядку: 1) Дорогой, не доезжая Рахманова, Варе[2], которую Вера посадила в карету, сделалось тошно, и мы ее посадили назад. Не смейтесь над этим случаем и вспомните, что маловажные причины часто сопровождаются великими последствиями! 2) Близ самого Пушкина встретили мы Иуду[3] и прочли записку, посланную с ним Любочкой: оказалось, что письма (т.е. только ее одно) и разные бумаги были отправлены ею с Оболенским[4], которого однако ж мы до тех пор не встречали. 3) У Романова в Пушкине нашли мы Унковских: мать и дочь Авдотью Семен⟨овну⟩[5], которые

---

* Подвигах и деяниях (*фр.*).

нарочно из Калуги приехали в Москву, чтоб съездить к Троице. Они на другой день к вечерне должны были попасть в Хотьков[6] и говорят, что если бы не торопились домой, то на обратном пути заехали бы к нам. Оставались при нас они только один час и продолжали свой путь... От графа Толстого (губернатора) в восторге[7]. 4) Выкормив себя и лошадей (стояли мы 4 часа), пустились и мы в дорогу. Было уже темно. Не успели еще мы доехать до Ростокина, миновав Малые Мытищи, как вдруг сзади нас раздались такие страшные неистовые вопли, что Вера пришла в ужас и откликнулась им такими же воплями. Дело вот в чем. К Варе вскочил какой-то человек и стал стаскивать с нее салоп, она, разумеется, кричать и не даваться, он попробовал ее совсем стащить на землю, предполагая, вероятно, что карета в это время успеет ускакать далеко, а он уловчится ее ограбить, но это ему не удалось; к тому же тут успели остановить лошадей. Тогда он, оторвавши у Вари часть капюшона, соскочил и убежал. Все это было гораздо скорее, чем в описании. Мы же в это время ехали очень шибко и не вдруг успели остановить лошадей. Преследовать за темнотою было невозможно. Это случилось в 150 шагах не более от караула. По дороге от Пушкина до Москвы по случаю разных шалостей поставлены два караула, т.е. горят огни и при них по мужику!.. Если б Варя не сидела сзади, то у нас непременно бы отрезали все, что там находилось. Вера очень испугалась, прибегла к своим каплям, но кажется, особенных последствий испуга не было. 5) Приехали мы часу в 10-м вечера. При встрече Василиса так была озадачена случившимся с Варей происшествием, о котором та успела рассказать в несколько секунд, что не слыхала колокольчика Олиньки, которая, заслышав шум приезда, звонила-звонила и, видя, что никто нейдет, Бог знает с чего так испугалась, что потом и после свидания с Верой долго не могла успокоиться. 6) Олинька была бы хороша, если б не нарыв, который продолжает свое болезненное назревание. И на пальце ног тоже скверная вещь, а на груди подобная штука еще хуже и, кажется, очень ее расстроивает. К тому же она стала теперь очень смущаться нашим положением[8], и хотя знать ей это весьма не худо, но не скажу, чтоб знание это содействовало к ее облегчению. Впрочем, об ней вам, вероятно, будут писать подробнее. 7) Теперь перейду прямо к квартирам. Мне кажется, что теперь для перевозки самое лучшее время, которое мы напрасно пропустили. Орловский едва ли позволит вам жить по расчету[9] и сильно сердится на нас за то, что не позволяем осматривать дом. Билет прибит, приходят осматривать и отгоняются прочь без осмотра. Говорят, что это Ваше приказание, милая маменька. Впрочем, я хотел идти сам к Орловскому и узнать от него, можно ли надеяться на продолжение срока. — Ни у Ивановой, ни у Рындина флигеля не отдаются: давно заняты. Домов отдается много, но все очень дорого или вовсе без сарая и конюшен, а для нас это необходимо, особенно чем дальше ото всех будет квартира. Есть отдельные помещения в больших домах, но все холостые, неудобные, о двух комнатках, где и кровати больной поставить нельзя, и вместе с кухней. Мы уже осмотрели квартир 12 и можем указать вам на 2: 1) на Пречистенке в Еропкинском переулке к Остоженке совершенно отдельный домик г⟨оспо⟩жи Баскаковой, гнусной наружности, но дешев, т.е. 800 р⟨ублей⟩

асс⟨игнациями⟩ в год: внутри довольно еще чисто, комнаты крошечные (всего 6), может быть, вам удастся что-нибудь из них сочинить. 2) на Кисловке на дворе дома Русселя, где пансион m-me Коколль[10], каменный флигель: помещение прекрасное, чистое и просторное, но кухня в связи с комнатами и людской особенной нет. Конюшня небольшая имеется. Цена 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Вверху в мезонине и внизу, почти в земле, живут однако жильцы. Может быть, вы успеете как-нибудь сделаться с хозяином или с подземными жильцами, и они уступят вам комнату... Дешевле 300 р⟨ублей⟩ вы не найдете, а если мы будем откладывать, так дай Бог и за 400 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ нанять что-нибудь. А квартир и домов много всяких, т.е. и больших и маленьких. 7) Приехавши в Москву, узнал я, что Оболенский точно уехал, но не утром, а в тот же день вечером, так что мы непременно должны были с ним разъехаться на дороге от Пушкина к Москве и за темнотою ночи не разглядели его экипажа. Очень жаль. Я думаю, это его очень смутило... 8) На другой день, т.е. в воскресенье поутру съездил я к дяде[11], потом к Попову[12], потом на Дмитровку осматривать какую-то квартиру по требованию Олиньки, потом к Грановскому: он хоть и был дома, но я не пошел к нему, т.е. не велел о себе докладывать, потому что у него была в этот час пирушка по случаю проводов кого-то из ихних. Оттуда к Кошелеву, который обрадовался несказанно и крепко обнимает Константина и Вас, милый отесинька. Он в восторге от Англии, где купил 13 машин[13], в Москве остается только до воскресенья, потом едет в деревню, где пробудет, может быть, недели три, после чего на зимовку в Москву. Он пригласил меня обедать у него с Поповым, что я и сделал, успел до обеда осмотреть еще несколько квартир. Он сильно восстает против моего намерения служить, обещая найти для меня деятельность. Все такой же! Он предлагает не только мне, но и всему нашему семейству останавливаться в его доме!.. Впрочем, об нем подробнее при свидании. Вечер провел я дома. Нынче поутру опять ездил по поручениям Арк⟨адия⟩ Тим⟨офеевича⟩ насчет его дела[14], опять был у него, заехал к Попову проститься с ним[15] (он уехал с экстра-почтой[16]), заехал к г⟨осподи⟩ну Пущину (командиру Володи Самбурского[17], который прислал с ним письмо, ничего особенного не заключающее, кроме описания неприятного положения его сестер в доме отца[18]: Пущин сам приезжал, но не застал меня дома, я также не застал его), воротился домой и отправился с Любочкой осматривать квартиры, что продолжалось до самого обеда. Обедали мы с ней у дяди, который в 6 часов и отправился, впрочем, мы отъезда его не дождались, тем более что тут было много кротковщины[19]. Анна Степ⟨ановна⟩ немного расстроена здоровьем, впрочем, здорова́ нести гиль и чепуху по-прежнему. После обеда (за Любой заехала Вера) отправился я к Смирновой. Особенного ничего. Через месяц думает ехать в Петербург. — 9) Я забыл вам сказать, что на другой день приезда поутру отправился я к Гоголю, застав его на пороге, он шел к обедне. Весьма мне обрадовался и объяснил, что дело было гораздо лучше, чем мы предполагали, что наемных лошадей приходилось ему так долго дожидаться, что он предпочел ехать на наших, а что кучер воротился пьяный, так оттого, что он дал ему хорошую на водку: последнее он сказал даже с некоторым удовольствием[20]. Очень хочет вас видеть

и желал бы воспользоваться хорошей погодой, но я не могу определить своего отъезда. Вы, милый отесинька, сказали, чтоб я ехал через неделю, Вера уверяет, что маменька на днях будет и что я должен оставаться до приезда маменьки. В тот же день Гоголь был вечером у Веры. 10) Достал адрес писца и отдаю ему завтра переписывать комедию[21]. 11) Завтра постараюсь выполнить остальные поручения. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы. Константина и сестер обнимаю.

Весь ваш *Ив. А.*

Кажется, все.

131

1851 г⟨од⟩. Ноябрь 29. Четв⟨ерг⟩ вечер. ⟨Москва⟩[1].

Заготовляю письмо заранее, чтоб можно было и подводы выслать раньше. — Письма ваши, милый мой отесинька и милая моя маменька, получил я нынче после обеда, у дяди (куда Олинька их прислала и где я обедал). Я тут же передал ваше письмо Арк⟨адию⟩ Тимоф⟨еевичу⟩, который молча передал его Анне Степ⟨ановне⟩ и, не говоря ни слова, пошел спать. Я пошел к нему в кабинет и спросил его, что́ он думает о Годеине и Павлове[2], он отвечал, что ничего не знает, и тем разговор и кончился. Анна Степ⟨ановна⟩ сказала мне только, что ⟨у⟩ Алекс⟨ея⟩ Степ⟨ановича⟩ нет ни гроша. — Завтра утром отвезу ваши записки Годеину и Павлову, а также заеду к Занден[3]. Зенин денег не отдает[4]. — Теперь буду вам писать обо всем по порядку. *Об Олиньке.* — Замазка щели принесла много пользы: сделалось и теплее и дух из кухни вовсе не проходит. К тому же она придумала новый способ: топить обе печки вдруг — утром, а вечером отворять отдушины и дверцу. Это она сделала для того, чтоб печка во время топки не вытягивала жара, данного предшествовавшей топкой. Как бы то ни было, у ней теперь не бывает меньше 17 град⟨усов⟩, как прежде, даже всегда больше 17-ти: вовсе не выстывает.

Вчера был солнечный день, и солнце, хотя и зимнее, так нагрело комнату, что термометр поднялся до 18, а к вечеру до 19 градусов, и Олинька чрезвычайно довольна, даже выходила в угольную комнату, которая также порядочно нагрелась от солнца. Ванну взяла она весьма благополучно и вынуждена была растворить дверь Василисиной комнаты в девичью: так было в ней душно. Впрочем, ванна, кажется, не принесла ей пользы и произвела некоторое волнение, которое, впрочем, она приписывает также приближению срока ставить пиявки. Однако ж она встает и ходит по комнате по-прежнему, и я бы ничего не заметил, но она говорит, что показалось ее периодическое кровохарканье. Я вам, как видите, пишу сущую правду. Это явление могло произойти также и от того, что она уже давно не брала ванны. Завтра, однако ж, она предполагает взять другую. — В течение этого времени были уже: один раз Кошелева[5] (в день Вашего отъезда, милая маменька, часов в 12), один раз Анна Ст⟨епановна⟩ и один раз Анна Севастьян⟨овна⟩. Муж кухарки не приходил, и вообще беспокойств и неприятностей по дому никаких не было. Кухарка, говорит Олинька, ехать

теперь к вам не может, потому что начала нынче стирку, а посылается к вам повар, который эти дни готовил мне иногда завтракать и очень хорошо. Дома я не обедаю, а обедал два раза у дяди и один раз у Оболенского[6]. — Сижу я все у себя наверху. Вот вам отчет по дому. — *Теперь о другом.* (Пишу к вам, как видите, новым пером, которое только что очинила мне Олинька). — Посылаю вам 1 ящик "Пальмы" и один ящик "Dos amigos"*. Сейчас ездил их покупать. Не прислал я их раньше потому, что знал, как вы теперь мало курите. Посылаю записку к Соловьеву: прошу у него "Современника" за ноябрь и Эверса[7]: не знаю, даст ли. Перед отъездом маменьки он не мог еще дать "Современника", потому что сам читал. По этой же причине отказал мне вчера в "Современнике" и Кошелев. Посылаю вам еще два № "Москвитянина", которые взял у него же. Признаюсь, хотя у меня и имеются его книги, но неприятно мне брать у него. Все же это не простота дружеских, товарищеских отношений. Как ни расположен ко мне Кошелев, но видно — общее направление, сходство исторических, политических и т.п. убеждений не дают отношениям той теплоты дружества, какая существует между сверстниками-товарищами... К тому же он ужасно бережет свои книги: всякий раз, отдавая, сам завернет в бумагу, запечатает и просит читать не иначе, как обложив бумагой. — По этой причине не решился просить у него и "*Племянницы*" Евг⟨ении⟩ Тур, вышедшей в 4-х томах[8] (цена 4 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩). Впрочем, она еще не прочитана ни им, ни Ольгой Фед⟨оровной⟩. Говорят, этот роман расходится хорошо и имеет успех в свете. Его называют "un roman de bonne sociètè"**. Его-то следовало бы разобрать и разругать, не то что Вочлежского[9]. Кошелев желал бы также, чтоб был помещен разбор этого романа в сборнике[10], но есть препятствия: 1) Некому писать разбора. Боясь Константиновой запальчивости, он предлагал мне, но и я не сошелся с ним во взгляде на способ и характер критики этого романа. Я толковал ему, что, избегая преувеличений и таких ошеломляющих выражений, которые, будучи результатом долгих исследований, непонятны и только смешны для публики, я вовсе не прочь от ярких и резких выражений, способных пробиться к мозгу светских людей сквозь толстую кожуру глупости. Их иначе и не возьмешь. Я, например, не употребляю, не подготовив, выражений: что русская история есть хор, что русский человек только человек[11] и проч. и проч., но вполне признаю пользу и современность печатания таких статей, каковы критические статьи Кон⟨стантина⟩ Серг⟨еевича⟩, где правда так и бьет в нос. Другое дело — критика ученых произведений. Но роман современный есть дело живое, не отвлеченное, явление действительности. Поэтому и я, который не могу без лихорадочного волнения видеть светского человека, способен был бы написать только разбор одного характера с Константиновым, вследствие чего и предлагал дать разбор написать Константину. 2) Но главная причина в том, что критический отдел, как я справился, не позволен в сборнике[12], разве только весьма замаскированный, что трудно. 3) Неловко разбирать ее (по особым отношениям к ней Тургенева и Грановского)[13]. Впрочем я романа не читал, но достаточно, что

---

* "Двух друзей" (*исп.*)

** Роман о светском обществе (*фр.*).

свет им доволен и называет его “un roman de bonne sociètè”. — Ив⟨ан⟩ Васил⟨ьевич⟩ Кир⟨еевский⟩[14], к которому я третьего дня ездил с Кошелев⟨ым⟩, еще не начинал статьи[15]; Гранов⟨ский⟩ может дать статью не прежде как через полтора м⟨еся⟩ца[16]; Хомяков не приезжал[17]; Кошелев также еще не начинал статьи[18]. Я справился в типографиях, и мне сказали, что даже при *быстрой* корректуре типография не может печатать больше 3-х листов в неделю, а у нас предполагается до 30 листов. — Дай Бог, чтоб сборник мог выйти к марту! — Я не знаю, как быть со статьей Беляева, Константин. Ведь она толкует опять и только про происхождение варягов[19], оправдывая вполне мнение Погодина и подтверждая это выписками из исландских саг. Вопрос этот, занимавший собою ученых целое полстолетия, вовсе не существенный, смертельно всем надоел. Соловьев говорил мне, что он (Беляев) читал эту статью в заседании “Общества”[20] как предназначенную во “Временник”[21]. Если так, так вот и предлог ее не печатать. — Соловьев начинает на этой неделе печатание второго тома истории[22]. — Жду твоей статьи, Констант⟨ин⟩, чтоб вместе с соловьевской отдать ее цензору. Сделай милость, пришли ее поскорей, да пришли мне и “Бродягу”: она в конторке. Хочу кое-что выбрать, исправить и также отдать цензору[23]. Теперь сообщу вам разные здешние новости: 1) Самая главная слышанная идет от Томашев⟨ского⟩[24] и полученная по телеграфу: во Франции произошел un coup d’ètat*, и президент провозгласил себя президентом на 10 лет: все войско за него, а Франция недовольна Собранием[25]. Подробности еще неизвестны. 2) Вронченко, *говорят*, умер, а на его место Тенгоборский[26]. 3)Поезды по жел⟨езной⟩ дороге опаздывают по 50 и по 60 часов, именно отправленные из П⟨етер⟩бурга. Отсюда же идут хорошо, потому, говорят, что к П⟨етер⟩бургу покато. Как бы то ни было, беспорядок страшный, и дилижансы объявляют, что с зимним путем начинают опять ходить. Никто не решается ездить. — Дядя Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ взял себе место в почтов⟨ой⟩ карете на 6-е декабря, а Анна Степ⟨ановна⟩ едет 7-го или 8-го в собственной повозке. 4) Недавно в Англ⟨ийский⟩ клуб приглашена была музыка — оркестр Гунгля[27], игравший во все время обеда, а после обеда закончивший свою игру “Боже, царя храни”[28]. Тогда многие бросились в залу, заставили повторить и пропели вместе хором. В числе этих многих был Афан⟨асий⟩ Столыпин[29] и многие молодые светские люди. Хорошо?[30] 5) Вчера был *бал* (с танцами) у Д⟨митрия⟩ Ник⟨олаевича⟩ Свербеева, на котором были Кошелевы (оба)[31]. Он говорил, что его вынудили дать бал ради нового дома и еще чего-то. Кажется, было много и съезд был порядочный. Как это все нелепо: без жены, сына и дочерей! Я, впрочем, Д⟨митрия⟩ Н⟨иколаевича⟩ самого не видал. 6)1* Кошелева очень, очень жалеет о твоем отъезде, милая Надичка, и велела тебе сказать, что она на музыку к себе пригласила Студничку...[32] Впрочем, ее собственно я мало видел. 7) Тургеневу я написал и думаю, что он не замедлит прислать...[33]

Милый отесинька, пришлите мне для взноса в Опек⟨унский⟩ совет последнюю квитанцию по вишенскому займу как по главному, так и по надбавочному.

---

* Государственный переворот (*фр*.).

1* Пятница — утром.

Это необходимо; или пришлите хоть точную выписку о числах займов, количество, №№ и проч. — Я просил тебя, Надичка, приказать прислать мне белья — и ты забыла! А мне оно *очень* нужно: я с собой почти ничего не взял. —

Попросите у священника паспорт Афанасья: ему нельзя жить без паспорта, пришлите его сюда. — Вы никто ничего не пишете, зачем прислали Андриашу, он говорит, для того, чтоб остаться здесь и ездить кучером. Это не мешает, потому что извозчики разорительны, даром, что я никогда не плачу дороже одного гривенника в один конец, как ни велико было бы расстояние. — Кстати: в посылаемом № "Москвитянина" есть повесть "Адам Адамыч"[34], которую я не читал, но которая, кажется, неудобна для чтения сестрам. Пусть Константин просмотрит. — Вы приказываете, милая маменька, купить тулупы и сапоги, но не пишете, кому и на какой рост. Андриашка говорит, что Вы приказали купить и для него сапоги и рукавицы, но Вы ничего не пишете; я велел купить, потому что нельзя же ему ездить в городе без сапогов и рукавиц.

Я готов, милый отесинька, ехать в Самару, когда прикажете, но по письму Миклютина видно, что раньше января настоящей продажи не бывает; если же купцы и покупают или продают *теперь*, то между собой всегда договариваются на те цены, какие будут в январе. Но если мы продадим в январе, то скоро ли успеем поставить весь хлеб в Самару? А заранее складывать его в самарские анбары невыгодно. Если ехать в Самару, то для продажи нужно иметь с собой образцы хлеба. Странно, что нет ответа от других купцов. Как получатся письма, так прочтите их сами...[35]

Письмо Ваше к Sophie[36], милая маменька, я сейчас отправил. Дай Бог им счастья! Они будут счастливы хоть на несколько времени в жизни, потому что она его любит[37], хотя и уверяет, что смотрит на него как на брата. Может быть, при ограниченности средств существования она поступает и неблагоразумно. Но есть что-то благородное и прекрасное в этой доверчивости к друг другу и к богу... В наших благоразумных решениях, по великому выражению Шекспира, большею частью три четверти трусости постыдной и только четверть мудрости святой!..[38] Впрочем, и до́ма-то у них так скверно, что оставаться долее нельзя. Ей нужно выйти замуж, чтоб развязать себе руки, связанные девическим положением. — Я бы советовал Вам, милая маменька, подарить им Ваше курское имение[39], во 1-х, потому, что Вам оно не приносит никакого дохода и приносить не может, управляемое отдельно; так что на переписку об нем выходит больше денег, чем оно может дать; во 2-х, потому, что Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩[40] его не купит, а продать его решительно некому. В нем нет господской усадьбы; в 3-х, потому, что все Ваши дети на это не только согласны, но все этого желают. Пусть только издержки на совершение акта будут Трутовского[41]! Ну, а если Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ не согласится выдать ее за Трутовского?..

Сейчас воротился. Годеин приказал вам сказать, что если б вы обратились к нему дней 7 тому назад, так он мог бы вам дать своих денег 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, но теперь они все у него вышли на отделку дома; однако ж он берется непременно достать вам денег месяца на 4 и за 4 процента, без векселя, по одной сохранной расписке и назначил мне приехать к нему в понедельник рано утром с гербовой бумагой. К тому времени он пригласит своего знакомого, от которого я

и возьму деньги. Он вам очень дружески кланяется, горюет очень, что вы не живете в Москве, и намерен непременно приехать к вам зимою. Он нанял дом на углу Поварской на 3 года за 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в год, который отделан очень изящно, накупил дорогой и всякой мебели, потому что в доме не было ни стула. Он объявил, что намерен давать плясы и вообще вывозить дочерей в свет. Впрочем, дом еще не вполне отделан. Думаю, что это ему все не дешево стоило. Денег он берется достать 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — Ну, слава Богу. От него поехал я к Павлову, которого встретил на дороге, отдал ему записку вашу. Он сказал, что у него дотла сгорела фабрика, но что денег достать надо, а потому просил меня приехать к нему утром в воскресенье. — Я возьму денег у обоих, потому что одной тысячи рублей вам недостаточно; в Опекун⟨ский⟩ совет внесу только 3-ю часть. Павлов говорит, что он по целым годам просрочивает плату в Оп⟨екунский⟩ совет, но дает небольшую взятку чиновникам, и имения никогда не описывают. — К Занденам заехать не успел, но купил вам календарь на 52 год (80 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩): вещь нужная в доме. Из него увидал я, что мясоед[42] в будущем году будет прекоротенький: обстоятельство для торговли невыгодное. — Проехал я также к Павловой Кар⟨олине⟩ Карл⟨овне⟩, она спрашивала про всех вас, но, слава Богу, обошлось без объяснений. Она нездорова и вообще не в духе. Про Людовика Напол⟨еона⟩[43] рассказывает, что он повторил 10 брюмера, окружил Собрание войсками и посадил в тюрьму Шангарнье, Ламорисьера и других[44]. Черт знает что такое! Неужели возможны подобные повторения в истории и Франция должна в настоящее время только производить пародии некогда крупных трагических событий!..

Афанасий, милая маменька, купил полушубок, тулуп, сапоги и рукавицы для Андриашки. Сапогов же и рукавиц не купил, во 1-х, потому, что это дешевле купить на Смол⟨енском⟩ рынке в воскрес⟨енье⟩, во 2-х, потому что Вы не пишете: какие сапоги, теплые или холодные, и кому.

Довольно, прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы; пора отправлять. Посылаю 2 № газет и 2 № "Москвитянина". Соловьева не застали дома, а он сам не прислал книг[45]. Что же делать. Писать больше некогда. Пришлите непременно сведение о займе: я погожу взносить. Обнимаю крепко Константина и благодарю за письмо. Хотел писать ему особо, но не успел.Согласитесь, что и так много написал. Сестер обнимаю. Какая здесь тоска! — Тулупы оба по 15 р⟨ублей⟩ асс⟨игнациями⟩.

Олинька просит вам сказать, что кобыла ей решительно не нужна, и ждет ваших распоряжений насчет кобылы.

132

Декабря 3-го 1851 г⟨ода⟩. Москва.
Понед⟨ельник⟩ вечером.[1]

Вчера утром получили мы ваши письма по городской почте и в то же время распорядились об исполнении комиссий. Я ожидал, что вы пришлете нынче подводу в ответ на письмо мое, посланное в пятницу, и с квитанцией, но подвода не приехала. Теперь передам вам об успехах моих денежных поисков. 1) Павлов

не дал денег. Оказалось, что я его не понял, что он сказал: "надо пособить делу", а не "достать денег надо". Пособие, им предложенное, заключается в том, чтоб съездить в Опек⟨унский⟩ совет вместе, дать что-нибудь кому следует и похлопотать, чтоб так, домашним образом отсрочили опись имения на 2 м⟨еся⟩ца! У него точно сгорела фабрика, он думает строить новую, а чтоб пожар не уронил кредита, он немедленно расплачивается со всеми купцами, которым бы еще мог погодить платить, а для этого он и сам занимает деньги. Он даже думает ехать сам в П⟨етер⟩б⟨ург⟩ просить отсрочки в поставке сукон, а между тем строить фабрику вновь. Убытку от пожара он считает 70 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩. Слухи о выигрыше, по его уверению, совершенно несправедливы и этого Волконского даже и в Москве уже нет 4 года. Он хотел писать к Вам записку, милый отесинька, но как мне надо было ехать, а он и без того продержал меня слишком долго, то я не дождался, сказав ему, чтобы он доставил ее потом ко мне. Следовательно, тут плохо, и ждать нечего. *Вышеупомянутого* пособия я не принял, разумеется. 2) Сегодня утром был я у Годеина и получил от него 800 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, а за вычетом 4-х проц⟨ентов⟩ на 4 м ⟨еся⟩ца 789 р⟨ублей⟩ 67 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩. В получении этих денег я дал ему расписку на простой бумаге, а он от себя на гербовой тому лицу, у которого занял, для чего и уступил я ему припасенный мною гербовый лист. Он с самым горячим участием хлопотал в этом деле и, точно, искренно любит вас. Однако ж и он достал не 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, а только 800 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩! — 3) От него я поехал к Занденам, и эти несносные воркуньи продержали меня часа полтора в нетопленных (в точном смысле слова) комнатах. Я попросил у них для вас 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ взаймы. Они, разумеется, пришли в ужас от такой суммы, объявив, что могут дать не более 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ на короткое время; я объявил, что этой малости и брать не стоит, они прибавили понемногу на ассигнации и, наконец, я *согласился* взять у них 200 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ на 3 м⟨еся⟩ца; однако ж денег я не взял, потому что они просили написать прежде к Вам, милая маменька, их ответ, т.е. что они больше дать не могут. Я, впрочем, и не хотел брать на этот раз без Вашей к ним записки. Надо признаться, что они довольно отвратительны; впечатление против них можно сравнить с тем ощущением, которое производит червяк, по телу ползущий и т.п. При всем том в них есть добрые стороны. Один вид растрепанных, неопрятных, безобразно приодетых безобразных женщин, сварливых, болтливых, озлобленных, перевернул во мне всю внутренность... Вот отчего я и к Лизав⟨ете⟩ Алекс⟨андровне⟩[2] обыкновенно боюсь ехать, хотя во многих отношениях ее очень уважаю. — Впрочем, М⟨ария⟩ Фед⟨оровна⟩[3] меня и рассердила немножко своим вмешательством в домашние дела. — Итак, вы можете еще иметь в виду 200 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ о деньгах ни гугу, даже не спрашивает, достал ли я денег. Впрочем, лично со мною он любезен и внимателен до крайности. 6-го он едет. Вот вам новости: 1) От Гриши получено письмо из Дрездена[4]. На днях должно его ждать. 2) Получено письмо от некоего Михаила Соколова, начинающееся так: узнал, что вам *теперь* сделался нужен управляющий на место Ивана Семенова и проч. — он предлагает свои услуги. По тону всего письма можно было бы

предположить, что Ив⟨ан⟩ Сем⟨енович⟩ умер, но об этом было бы донесение из конторы. Впрочем, контора за Волгой (которая еще не стала), а письмо от 24-го ноября из Симбирска. Этот Соколов управлял Головкиным у Ив⟨ана⟩ Мих⟨айловича⟩ Наумова, а потом у Гриши[5], который дал ему великолепный аттестат, копию с которого он и присылает. Не имеете ли вы какого письма из Вишенок?.. 3) Миш⟨а⟩ Бесту⟨жев⟩[6] отвечал мне, что он с своей стороны находит квартиру, т.е. дом Серединской, тесным и неудобным[7]. 4) Хомяков еще не приезжал, но Марье Алексеевне хуже[8]; я был у нее, только не видал. 5) Был у М⟨арии⟩ Фед⟨оровны⟩ Соллогуб, но не застал ее дома. Книгу отдал[9]. Она на этой неделе говела, как я потом узнал. 6) Верстовский еще не приезжал[10]. Я нередко заходил в театр справляться о комедии Константина[11]. — Еще нет никакого ответа. 7) Унковский[12], получив отпуск, проехал в Калугу и пробыл здесь в Москве один день. Он не заехал в Абрамцево потому, что узнал о моем пребывании в Москве, к тому же спешил. 8) Я у Гоголя был два раза: один раз поутру и взял у него Диккенса, который и отдал в переплет; другой раз вечером вместе с Мамоновым и его рисунком. Рисунок однако ж не вполне удался, отдельно взятые лица превосходны, но общая группировка не соответствует мысли Гоголя. Но Мамонов взялся опять нарисовать новый[13] и на днях едет с Гоголем в театр. Рисунок Мамонова Гоголь однако же оставил у себя. Гоголь был очень любезен в эти оба раза (разумеется, по-своему) и говорит, что много теперь работает. 9) Ольга Фед⟨оровна⟩[14] рассталась с своей новой гувернанткой, m-lle Dubue, прожившей у ней не более недели. Надобно признаться, что у Ольги Фед⟨оровны⟩ столько затейливого в ее воспитании, что едва ли с кем она уживется. К тому же она капризна, упряма, скупа и не довольно деликатна, а гувернантка с своей стороны была горда и обидчива. Не многие люди выигрывают при бóльшем с ними знакомстве, и Ольга Фед⟨оровна⟩ не принадлежит к числу этих немногих. — Все это сообщаю я вам потому, что оно более или менее может интересовать вас или, по крайней мере, некоторых. Очень хорошо знаю, что в настоящую минуту вам более всего хочется знать о Париже и президенте. В Москве нет другого разговора. В "Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩", кроме краткого известия, еще ничего не было[15]; не знаю, что будет в нынешнем №. Самые подробные описания находятся в "Journal de S⟨ain⟩t Petersbourg"*, который постоянно издает по этому случаю *дополнения* (suppléments). Прокламация президента к народу великолепна[16]. Однако ж со 2-го и 3-го дня началась небольшая драка на улицах. Некоторые *представители* убиты. Говорят, но за верность известия не ручаюсь, что Кавиньяк успел убежать из крепости[17] и уже идет на Париж с 10 т⟨ысячами⟩ войска... Годеин весь погружен в это событие и не спит несколько ночей сряду. Везде держат большие заклады — кто в том, что президент успеет, кто в том, что его на днях прогонят. Президент в прокламации своей отдает себя на суд народу. Подробности сообщать неудобно и неловко на письме, при 1-й оказии пришлю вам газеты. —

Не знаю, не напишет ли Олинька сама вам несколько строк. Она чувствует

*"Санкт-Петербургской газете" (*фр.*)

себя довольно хорошо или по крайней мере все так же; брала ванну, после которой опять показывалось кровохарканье. У ней даже слишком тепло, так что она иногда топит через полторы сутки. Впрочем, и на дворе степлело, так что на улицах езда сделалась очень трудна, снег обратился в песок и местами растаял до камней. Про железную дорогу ничего нового не слыхал; об ней перестали и говорить. — У Олиньки в эти дни были Ольга Федоровна и Марья Степановна[18]. Приходил (без меня) послушник, но ему отказали; беспокойств по дому не было никаких. —

Я жду ваших распоряжений насчет себя. Делать мне здесь покуда решительно нечего: я говорю собственно о моих делах. Статья покуда все одна — Соловьева[19], а Константин не присылает своей, так что и цензору отдавать нечего. Посещения мои ограничиваются Кошелевым и дядей[20], но эти дни я много хлопотал по деньгам... Думаю, что получу нынче от вас письмо; если же нет, то поеду завтра в Опек⟨унский⟩ совет. Дело в том, что когда не знаешь хорошо года займа (1841, 1840 или 1845), так отыскивать очень трудно; в последний раз перепутал я все числа, и это составило большое затруднение всем чиновникам, из которых один намекал мне на необходимость благодарности...

Больше писать нечего. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы и бодры, цалую ручки ваши, крепко обнимаю Константина и всех сестер.

Весь ваш *Ив. Акс.*

Лидия[21] прислала сейчас купленные ею материи. Зеленого вигонь, какого ты желала, милая Соничка, нет, а купила она вместо его другого узора вигонь — на зеленом фоне красные и синие клетки. — Оказалось, что кухарка, милая маменька, превосходно моет голландское белье, и Афанасий советует послать ее в деревню поучить прачек. Прощайте.

1852

133

Вторн⟨ик⟩. 15 янв⟨аря⟩ 1852 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩[1].

Со времени отъезда Константина и Сонички[2] ничего такого не было, о чем бы стоило писать, милый отесинька и милая маменька. Вчера я подал просьбу губернатору, был в палате[3], в типографии и у Грановского. Грановский говорит, что ему грозят выговором за слабое окончание речи[4]. Статью в течение февраля напишет[5]. Он спрашивал, не будет ли Вашего продолжения "Семейной хроники", которую он превозносит похвалами. Я говорю всем, что будут помещены Ваши воспоминания о знакомстве с Державиным[6]. Если Вы, милый отесинька, кончили их, то пришлите, сделайте милость, поскорее. В "Сем⟨ейной⟩ хронике", кажется, продолжения нет. — Прошу Константина также прислать мне: 1) Историю села Угодичи, рукопись крест⟨ьянина⟩ Аршынова. Она лежит, кажется, у меня в портфеле на столе. 2) Переплетенную тетрадь моих стихов. 3) Свою статью о надписи на кольчуге для смеси[7]. Да пусть он напишет несколько слов о Шишкове и выпишет песнь работника. Или не написать ли об этом отесиньке в "Воспоминаниях о Шишкове"[8]. Только поскорее. — Я вчера вечером заходил к Хомякову: у него был Шеппинг, который объявил мне, что статью окончил, но я просил его прислать эту статью мне для доставления Константину на предварительный просмотр[9], на что он охотно согласился. Хомяков же очень охотно взялся написать небольшую статейку о песнях, помещаемых в сборнике[10].

Овер вчера не был у Устиньи[11] и до сих пор не видал ее. По этому случаю я написал к нему записку, которую и отдал Ефиму. Не худо бы, милый отесинька, написать Вам на всякий случай письмецо к Оверу... Впрочем, Устинью осмотрели все доктора больницы и дали ей какое-то лекарство внутрь. Олинька все так же. — Прощайте, милые отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

Ваш *Ив. А.*

1852 янв⟨аря⟩ 15.

134

Вторник. ⟨22 января 1852 года. Москва⟩[1].

Вчера получили мы опять ваши письма, милый отесинька и милая маменька. Письмо Ал⟨ексея⟩ Иван⟨овича⟩ как-то двусмысленно: надо ожидать новых писем от Sophie. — Кажется или должно предполагать, что тут дело как-

нибудь сладится.[2]— Теперь о другом. У Хомякова жена очень и очень больна[3]. К *известному* положению вследствие простуды присоединилось нечто вроде тифуса[4]. Особенно дурна была она в эти два дни, в воскресенье и в понедельник, к ночи на вторник ей стало немного лучше. Разумеется, все знакомые приняли самое живое участие в Хомякове: беспрестанно ездят к нему, посылают спрашивать и т.п. Вчера часу в 12-м ночи прислал Хомяков ко мне письмо Кильдюшевского[5] к Оверу, которым тот приглашал последнего на консультацию. Я отправился немедленно сам за Овером, но не нашел его дома: он где-то ночует и отослал лошадей. Желая узнать, где он, я посылал Ванюшку его на моей лошади к тому извозчику, который возит Овера, но оказалось, что его, Овера, кто-то посадил в свои сани. Может быть, просто не велел он сказывать, где остался. — Поэтому консультация отложена до 2-х часов пополудни нынешнего дня. Заехав от Овера к Хомякову, я узнал от него, что ей сделалось лучше. Хомяков, сохраняя все присутствие, всю бодрость духа, однако уже не смеялся эти дни и ничего не ел. — Катер⟨ина⟩ Мих⟨айловна⟩ простудилась, гуляя в саду, а потом ездивши в город. Уж эти ряды! ездить в них зимой это покушение на самоубийство... Ну теперь об Устинье. Ей лучше, и она не знает, как нахвалиться и Рихтером и клиникой[6] или лучше акушерским отделением, где она лежит. Поместили ее даром, потому что в этом отделении ничего не берут, Рихтер сам каждый день ее осматривает и очень доволен действием лекарств; Ефима, даже вопреки правилам, пускают к ней каждый день. Впрочем, она лежит в особой комнатке. Я ведь вам писал, что я писал письмо к Рихтеру, он, кажется, письмом был очень доволен, приказал мне кланяться и сказать, что с его стороны будет все сделано, чтобы мы не беспокоились, объявил, что знает Вас. Он спросил Устинью, зачем она не пришла раньше, и узнав, что она уже была осенью в клинике, разбранил жестоко одного из своих помощников (осмотревшего ее тогда) за недостаточное внимание к больным. — Об операции еще не говорят. Ефим просит меня съездить к нему и спросить насчет операции; я обещал это сделать. Заехать к нему я могу, чтоб поблагодарить за внимание, оказанное моему письму. Семен так завален работой[7], что не берется печатать раньше недели, и я начинаю опасаться медленности в печатании сборника. Я обратился к Степановой[8], у которой Погодин печатает своего “Москвитянина” и которой дела идут теперь порядочно. Она в восторге от этого, говорит, что обязана Вам всем на свете, но, несмотря на все мои требования, цены не обозначила, говоря, что не смеет назначить, что Вы сами знаете цены и проч. С нынешнего дня со вторника начинается печатание. Гоголь очень одобряет бумагу. Я взялся держать последнюю корректуру 4-го тома его сочинений[9], печатаемого у Семена. Как ты пишешь, Константин, міръ или мир (народ). Я думаю, вообще правильнее писать мир; міръ — это выдумка, а слово одно. — Прощайте, должен ехать к князю Львову[10], чтоб он подписал Вашу вставку и узнать от него насчет моих стихотворений, отданных мною в цензуру. Целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю Константина и всех сестер. Посылаю тебе, Константин, статью Шеппинга[11]: он просит тебя ее

просмотреть. Он сам был у меня. Черкасский и Киреевский еще не кончили статей[12]. — Прощайте. Третьего дня Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ узнал, что он под надзором полиции (вероятно потому, что *сами мы* не живем в Москве): вот забавно!

Ив. Акс.

135

Воскресенье. 7 часов утра.
⟨27 января 1852 года. Москва.[1]⟩

Хомякова скончалась![2] Сейчас только узнал об этом. Олинька послала поминать о здравии ее за ранней обедней, но посланный услыхал вместо этого поминание другого рода! Я послал сейчас в дом и узнал от людей, что она скончалась часов в 12 ночи или около этого времени. Подробностей никаких не знаю. Она угасла как свеча: тело не имело сил бороться с болезнью! — О самом Хомякове и подумать страшно! Эти два дня я его не видал. Я уже писал вам, что крошечный кабинет Хомякова превращался в салон, набитый гостями с раннего утра до поздней ночи. Я сам сильно восставал против этого, потому что самому Хомякову не было угла покойного. Просто совестно было сидеть. Когда же Кат⟨ерина⟩ Мих⟨айловна⟩ родила, то Хомяков приказал никого не принимать, поэтому ни я, ни Елагин и Мамонов его и не видали эти два дня, а ходили к нему и чередовались, даже ночевали — только Кошелев и Свербеев. Вчера поутру она причастилась, но Хомяков еще накануне потерял всякую надежду, просто, говорят, совсем обезумел и объявил о положении матери своим детям, которые вдобавок все больны, кроме Машеньки. Овер был вчера в 1-м часу пополудни, но лекарства никакого не дал, ибо в этом положении (после родов) дня три не дают лекарств. Говорят однако, что он серьезно приказал самому Алексею Степ⟨анови⟩чу лечиться и принять лекарство. Дай Господи ему перенести этот удар! “Легче идти на приступ”, — повторял он еще за несколько дней при мне. Я ужасно боюсь, чтоб у него самого не сделалась нервическая горячка.

Как скоро! В одну неделю изменилась судьба лучшего из наших друзей, а с ним и всего нашего круга.

А Марья Алекс⟨еевна⟩, которая много извела веку у Кат⟨ерины⟩ Михайл⟨овны⟩[3], с которою еще недавно имела схватку за жену Алексея Степаныча, бредет себе! — Я думаю, Константин не вытерпит, прискачет взглянуть на Ал⟨ексея⟩ Степаныча.

Позвольте немножко собраться с мыслями.

1) Посылаю вам записку Степановой: она не поняла меня и написала ко мне. Вы видите, что она хочет взять не более 6 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ и боится, не дорого ли. — Печатание идет весьма шибко. Еще нет недели, как началось печатание, а уже третий лист печатается, тогда как у Семена идет еще 4-ый! Посылаю вам показать первый лист. *Он еще не был под прессом.* Мне кажется, что очень хорошо: все недостатки в бумаге. Если б бумага не была

так жестка и желта, то не выпечатывались бы так буквы и не выходили бы бледно чернила. Не захотите ли вы переменить бумагу теперь; вы пожертвуете только 51 р⟨ублем⟩ ассигн⟨ациями⟩, предполагая, что 3 листа будут отхватаны по 800 экземпл⟨яров⟩. — Но дело у Степановой, как вы видите, идет необыкновенно быстро. Кажется, главным какой-то молодой человек Алекс. Николаич. — У Семена дело идет не так быстро потому, что он завален работой, такой, между прочим, которая держит станки занятыми весьма долгое время (напр⟨имер⟩, Гоголь, Калачев) и потому, во 2-х, что и я не слишком тороплю его: статьи не готовы. Статьи твоей[4] ты получишь 50 экземпл⟨яров⟩, Константин. — Повторяю, все зависит от бумаги, и тот же шрифт выходит иначе в драме. Семенди Готье[5] слишком много имеет дела; в университ⟨етской⟩ же типографии теперь совсем иной казенный распорядок; печатают как-то поочередно и в известном количестве листов. 2) Вы сердитесь на мою неаккуратность в письме. Право, писать некогда. И без того время проходит все в переписке. Рулье в восторге от выхухолей[6] вообще и от маленькой в особенности, благодарит Вас чрезвычайно, от Ваших "Записок" в восторге, статью Вашу из газет вырезал[7], говорил об ней на лекциях. 3) Денег из Опек⟨унского⟩ совета не выдали, а выдадут квитанции. При мне то же сделали с баронессой Розен, которая надеялась получить 20 т⟨ысяч⟩ и получилось: она вытребовала к себе Полуденского, тот насилу ей растолковал, что так следует. За квитанцией я съезжу завтра. Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ дал 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. 4) Кн⟨язь⟩ Львов объявил мне, что комедию не пропускает[8] "со слезами на глазах", а себе списал копию. Он от нее в восторге неописанном, говорит, что ничего подобного не существовало в русской литературе и проч. и проч. — 5) Ник⟨олай⟩ Тим⟨офеевич⟩ еще не приезжал.

Я сейчас от панихиды. Хомяков покоен, но ужасен. Он заставляет себя быть покойным страшною силою воли и христианским убеждением, но иногда прорывается всею слабостью человека, и тогда я и глядеть на него не могу: так он жалок и страшен.

136

Пятн⟨ица⟩. 21 марта 1852 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩[1].

Константин не едет, и лошадей вы не шлете, милый отесинька и милая маменька. Не понимаю, что это значит. Лошадь здесь необходима как для Олиньки, так и для меня: разъезды беспрестанные. Впрочем, еще дня два, и на санях уже нельзя будет ездить: все собираюсь к Зенину — хочу, делать нечего, вместо денег взять у него одиночку и пролетку. Не знаю, успею ли отдать вам полный отчет во всем: 1) Задержка в выходе Вашей книги[2], милый отесинька, произошла не от обертки, а оттого, что хотя наборщик свое дело и сделал, т.е. в середу окончили набирать оригинал, но три листа уже набранных и просмотренных еще вовсе не были напечатаны, ни даже опущены в форму. Типография эта работает на "Москвитянин", который,

опоздав выходом, страшно торопится: две ночи сряду и напролет все станки были заняты журналом. К тому же, как нарочно, корректуры были так дурно исправлены, что вместо 3-х я велел подать себе 4 корректуры последнего 28 листа. Однако ж я настоял, чтоб очистили хоть один станок для Вашей книги — нынче к вечеру отпечатается по 100 листов (26-го, 27-го и 28-го); нынче же получится билет из цензурн⟨ого⟩ комитета. Сейчас отправляюсь к Рихоу[3]: если у него готово, то Семен, которому я поручил печатание обертки (у него чернила черные), обещал к вечеру оттиснуть экземпляров около 100: нужно, чтоб обертка имела время высохнуть хоть одну ночь. Завтра утром эти высохшие экземпляры оберток будут доставлены чуть свет к переплетчику, у которого все уже готово, и часам к 10, я думаю, поспеет экземпляров более 50, которые я сейчас и развезу по лавкам. Завтра же появится и публикация[4]. — 2) По твоей статье[5] я сделал все нужные распоряжения, Константин, и нынче в 12 часов следовало бы получить билет из цензурн⟨ого⟩ комитета, но, обдумав хорошенько и переговорив вчера вечером с Хомяковым и Самариным, решился остановить выпуск этой статьи и сейчас еду к Семену для этой цели. Дело в том, что для получения билета необходимо представить 9 экземпляров в ценз⟨урный⟩ комитет: из них один или два отсылаются в П⟨етер⟩бургское Главн⟨ое⟩ управление цензуры, где, разумеется, обратят внимание на эту статью как ради имени автора, так ради и шума, уже произведенного по милости Ржевского[6]. Ну, как если ее запретят? Что тогда делать? В сборнике ее запретить труднее. Слава Богу, что прошла: лучше покуда не шевелиться и сидеть смирно. 3) Из П⟨етер⟩бурга к Назимову прислана бумага от гр⟨афа⟩ Орлова, чтобы статей о Гоголе, присылаем⟨ых⟩ из П⟨етер⟩бурга, не помещать в "П⟨етер⟩б⟨ургских⟩ ведом⟨остях⟩"[7]: это по поводу того, что не пропущенная Мусин⟨ым⟩-Пушкиным статья[8] помещена была в "Моск⟨овских⟩ ведом⟨остях⟩". Но это намек, чтоб вообще никаких статей не печатать: Катков изъявил затруднение Дм⟨итрию⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Свербееву напечатать некролог Андр⟨ея⟩ Петр⟨овича⟩ Оболенского[9], потому что в нем несколько слов есть о Гоголе (по случаю одновременности смерти и похорон), сказанных с уважением. Впрочем, обещал поговорить с Назимовым, который вследствие разных известий, полученных из П⟨етер⟩бурга, отменил намерение свое приложить портрет Гоголя к "Ведомостям"[10]. Поэтому не совсем ловко требовать от Каткова оттисков Вашей статьи[11], да и какие же оттиски ее могут быть, когда из статьи и 4-х страничек не выходит? Да и этому уж целая неделя прошла. Впрочем, я у него нынче буду и узнаю, были ли сделаны тогда оттиски. Смирновой можно послать копию, а Надеждину и всем этим господам и посылать не стоит. Вчера воротился Коля Воейков[12] и говорит, что в П⟨етер⟩бурге совершеннолетнее равнодушие к Гоголю. — Смирнова, будьте уверены, прочтет всем, кому нужно[13]. — Жаль, что я не знаю оказии в П⟨етер⟩бург: лучше было бы послать Турген⟨еву⟩ с оказией[14], чем по почте. По почте дольше. — В стихах я сделал одно изменение, неважное, впрочем, и стихи уже печатаются, так же как и статья о Гоголе для сборника[15], даром что многое выпущено. Впрочем, до Назимова мы не доводили.

Прощайте, больше писать некогда: надо ехать. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. — Бедный, бедный Трутовский! Я написал ему нынче письмо и к вам посылаю два письма его, писанных в горячке[16]. Рассудите сами, отдавать ли их Sophie или нет. Думаю, впрочем, что можно. Я был уверен, что у него не обойдется без этого от всех треволнений. Еще хорошо, что он в Обояни и Ильинский-судья хороший человек![17] А Sophie должно быть стыдно, что она ему ни разу не отвечала! Константину нельзя же оставлять, начав такого дела! Пусть он едет сюда[18].

И.А.

137

Середа. 2 часа пополудни. ⟨2 апреля 1852. Москва⟩[1].

Не знаю, что будет со второй, но первая половина вашего гаданья исполняется, милый отесинька и милая маменька. Пирушка, интриги и пр. в ходу: не знаю только, кому будет обман и не соврут ли карты. Константин и Люба вам, вероятно, описывают все подробно, что П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩ Бест⟨ужев⟩ сух в обращении. — Это я видел сам (вчера вечером попозже Хом⟨яков⟩ дал нам знать, что Самарин приехал к нему[2], мы пошли и видели там П⟨етра⟩ А⟨лександровича⟩). Впрочем, еще никакого решительного вывода из этого вывести нельзя. — Дядя Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ собирается ехать к вам, как скоро дорога от Рахманова сделается проездною, также и Годеин, которого я видел и которому отдал Вашу книгу. Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ отлагает свой отъезд за Волгу, хочет доехать до Рахман⟨ова⟩ в дилижансе, в Рахманове его возьмет высланный нами экипаж, и из Абрамцева он поедет в своем тарантасе на наемных лошадях; впрочем, он даст об этом знать заранее. Саша Акс⟨аков⟩ здесь[3] и в субботу едет опять в П⟨етер⟩бург. Он никогда не предполагал ехать к нам в Абрамц⟨ево⟩; мы его еще не видали. — Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ сказал мне, что Перфильев просит 5 экземпл⟨яров⟩ для раздачи (т.е. для продажи) своим знакомым. — От Вашей книги все в восторге, и многие покупают, не дождавшись от Вас экземпляров, напр⟨имер⟩, Ефремов[4]. — Мундштучок вам посылается. Калоши я отдал в починку за 40 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ и очень рад, что нашел мастера-немца, который не только чинит, но и делает превосходные калоши (лучше всех мною виденных) от 2-х до 2 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ за пару. — Какова погода! В Москве опять появились сани. — Константин совершенно спокоен, к удивлению моему, начинает всем этим скучать и желает только, чтоб опять его развязали[5]. — Нынче я отдал один экземпл⟨яр⟩ Годеину; Константин отвез экземпл⟨яр⟩ Загоскину и княгине Горчаковой[6]. Погодина, говорят, нет в Москве. По случаю ужасной погоды и необходимости отослать лошадей я теперь дома; впрочем, и пролетка так мала, что в шубах никак двум и присесть невозможно. — Получил из Яросл⟨авля⟩ 20 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за мамоновские портреты[7]. Обедаем мы у дяди; после обеда Констант⟨ин⟩ хочет сходить к Хомякову, а вечером мы отправим[8]...

138

Пятница. Апр⟨еля⟩ 4-го 1852 г⟨ода⟩.
Утро. ⟨Москва⟩[1].

Собираемся сейчас к Погодину, милый отесинька и милая маменька, от которого вчера получена была (в ответ на записку Константинову) предружеская записка вместе с билетом на “Москвитянин”. — Вашей книги[2] роздал вчера в комиссию еще 60 экземпляров. Лавки стали отпирать только с середы и то на несколько часов, а потому продажи большой не было еще, но вчера вечером явился ко мне посланный от Улитина[3] с 15 р⟨ублями⟩ сер⟨ебром⟩ за 10 экземпляров новых, которые он покупает независимо от тех 10, находящихся у него на комиссии. — Нынче же поеду к Томашевскому. — Пожалуйста, милый отесинька, ведите счет аккуратный расходу книг. Лист мой, в котором я начал его записывать, остался у Вас. Итак: 60 отдано еще на комиссию (еще 10 — Наливкиной, еще 20 — Ратькову[4], еще 20 — конторе “Москвитянина” и 10 — Готье); 10 продано, 10 отослано к Томашевскому. Из лиц, не помещенных в Вашем списке, отдал я 1 экземпл⟨яр⟩ Горчаковым[5] и 1 экземпл⟨яр⟩ Авд⟨отье⟩ Петр⟨овне⟩ Елагиной, ибо экземпляр, подписанный Вами, неизвестно куда пропал. Да еще экземпляра три пришли к Вам для Воейковых[6] .—

Из разговора своего с Хом⟨яковым⟩ Константин узнал, что Хомяков *ничего* не говорил с Бест⟨ужевыми⟩ о его деле[7] и всего на все со времени 1-го моего разговора ограничился однажды личным намеком на Конст⟨антина⟩, верный в этом случае данному мне обещанию. Теперь недоумение и смущение Б⟨естуже⟩вых очень понятны, особенно при елагинских внушениях[8]. Хомяков очень дружески поговорил с К⟨онстантином⟩, объявив, что он очень хорошо понимает, что Конст⟨антин⟩ не мальчик и что ему жить здесь и бить баклуши не приходится, но и теперь он взялся переговорить положительно и решительно только от себя. Все приняло опять более ясный, простой и прямой характер. Во всем этом действует сам Константин: я не вмешиваюсь и не тороплю его. Вы видите, что разговор *мой* с Хомяков⟨ым⟩ не имел почти никакого значения. — Публикация от Базунова повторится на Фоминой неделе[9].

Прощайте, милые мои отесинька и мам⟨енька⟩, целую ваши ручки, обнимаю сестер. К Кошелеву почта отходит только завтра. Будьте здоровы и совершенно спокойны. На дворе нынче стужа при жарком солнце!

Муравьев уехал[10] еще во вторник утром (а мы приехали вечером) и увез с собой экземпл⟨яр⟩ для отдачи Смирновой. Поэтому напишите к ней и объясните, каким образом это случилось.

Весь ваш *Ив. Акс.*

139

1852. Воскресенье апреля 6-го.
Вечером. ⟨Москва⟩[1].

Завтра рано утром отправляется к вам Константин, милые мои отесинька и маменька. Ну, кажется, дело приходит к развязке и к развязке благополучной[2]. Константин вам передаст все подробности, а потому описывать их не стану.

Знайте только, что все это действительно так, а не так, как бы могло ему показаться. Я очень доволен и впечатлением разговора хомяковского на *С*⟨офью⟩ *П*⟨етровну⟩[3] и искренним движением, выразившимся в записках, и переменою, отразившеюся в ней, и серьезностью какого-то благоприятного для Константина смущения... Теперь следует, по моему мнению, сделать вот что: 1) Вам, милый отесинька, написать откровенное письмо к Хомякову с формальным предложением, с изложением всех Ваших замечаний и с описанием финансов⟨ого⟩ положения, не рассматривая последнее только с одной безотрадной точки настоящего. Если говорить о доходах вишенских, так сообщите уже итог доходов за 10 лет. Это письмо пусть Константин отдаст Хомякову прежде свидания с Бестуж⟨евыми⟩; Хомяков пусть из этого письма покажет Б⟨естужевым⟩, что́ нужно, и скажет, что у К⟨онстантина⟩ С⟨ергеевича⟩ есть другое Ваше письмо к П⟨етру⟩ Ал⟨ександровичу⟩ с формальным предложением, которое Конст⟨антин⟩ вручит, как скоро П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩ даст какой-нибудь благоприятный ответ Хомякову на письмо Ваше к Хомяк⟨ову⟩. — В случае благопр⟨иятного⟩ ответа, переданного Константину Хомяковым, Конст⟨антин⟩ отправится к Б⟨естужевым⟩ и вручит им письмо Ваше и письмо маменькино к Пр⟨асковье⟩ Мих⟨айловне⟩, в котором, верно, не будет такого неясного выражения, как в письме к нам, полученном по почте: "*я ничем не стесняю*". Этого мало, что Вы только не стесняете, и этим или подобным выражением удовлетвориться нельзя, милая маменька, ни Константину, ни Бестужевым, а огорчиться — можно и должно... Но я думаю, что Вы, увидя в этом деле суд Божий, встретите его не только с необходимою покорностью, но с покорностью любовною и радостною. — 2) Я бы желал, чтоб Надинька тоже написала письмо к С⟨офье⟩ П⟨етровне⟩, которое Конст⟨антин⟩ вручит в одно время с прочими письмами к Бестуж⟨евым⟩. — Содержание этого письма пусть сообщит Константин.

Посылаю вам, милый отесинька и милая маменька: 1) Две пары резинов⟨ых⟩ калош, починка которых (за обе пары) стоит 1 р⟨убль⟩ сер⟨ебром⟩. 2) Два № газет. 3) 3 №№ "Москвитянина": 4,5 и 6-ой. — Первые три у меня, а 7-ой у Бестужев⟨ых⟩. 4) Три экземпл⟨яра⟩ "Запис⟨ок⟩ охотника". Кажется, все. — Я потому говорю о том, чтобы вести счет Вам, милый отесинька, что этот лист, в котором у меня все записано, у Вас. — Базунову отдал "Записки об уженье"[4]: он говорит, что многие спрашивают. На Фоминой неделе повторю публикацию в "Полиц⟨ейских⟩ ведом⟨остях⟩"[5] и прибавлю о "Записках об уженье". Пожалуйста, пришлите мне с оказией: листы не переплет⟨енных⟩ "Записок об уженье" и обертку, экземпляров 50 или 100 Константиновой драмы[6]. — Верстовск⟨ий⟩ прислал 3 целк⟨овых⟩ за 3 портрета[7], остальн⟨ые⟩ возвратил. "Записки" Ваши роздал всем, кроме Чаадаева[8], Фрирса[9] и Воейковых. У Погодина были[10]. — Прощайте, цалую ваши ручки, во вторник буду писать еще, обнимаю всех сестер. Да благословит Бог Константина, столько достойного счастия!

Ив. Акс.

Посылаю оттиски Вашей статьи в газетах[11].

140

Апр⟨еля⟩ 8-го 1852 г⟨ода⟩. Москва[1].

Сейчас получили ваши письма с подводой, милый отесинька и милая маменька. — Константин, вероятно, приехал к вам вчера к обеду. — Особенного сообщить ему нечего. Вчера я сидел вечером у Хом⟨якова⟩, который читал мне много из статей "Семирамиды"[2]: о состоянии мира перед христианством, о Магомете[3] и мн⟨огое⟩ др. — Во время чтения пришел П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩ с весьма серьзеной физиономией, но Хом⟨яков⟩ не прервал не только чтения, но и по окончании чтения — разговора. П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩ ушел к детям, а я, намекнув Хом⟨якову⟩, что П⟨етр⟩ А⟨лександрович⟩, верно, желает с ним переговорить, тоже отправился домой. Хом⟨яков⟩ спросил меня: "Ну что К⟨онстантин⟩ Серг⟨еевич⟩". Я рассказал ему про вечер, проведенный Конст⟨антином⟩ у Б⟨естужевых⟩, и Хомяк⟨ов⟩ весь улыбался. Он сказал мне, между прочим, что Мам⟨онова⟩ дело идет не совсем хорошо, о чем он Мам⟨онову⟩ уже и объявил, именно, что его, Мам⟨онова⟩, упрекают в непоследовательности, причем Хом⟨яков⟩ изъявил желание, чтоб это принесло пользу Мамон⟨ову⟩ и чтоб он вообще сделался тверже, что даже он, Хом⟨яков⟩, выразил это Мам⟨онову⟩ гораздо сильнее — для его же блага. Надобно сказать, что, как говорят, m-me Шеппинг пытается овладеть Мамоновым, как Кар⟨олина⟩ Карл⟨овна⟩[4]. — Вчера С⟨офья⟩ П⟨етровна⟩ была у Любочки и Олиньки, с которою, по словам Олиньки, многозначительно поцаловалась и обещала быть нынче. Когда же Ол⟨инька⟩ случайно произнесла имя Конст⟨антина⟩, то она вся сконфузилась. — Она рассказывала Олиньке, как теперь ее преследует m-r Шеппинг: она на беду свою прочла статьи Афанасьева о зооморфическ⟨их⟩ божествах[5] и спросила объяснения у Дм⟨итрия⟩ Отт⟨овича⟩ о священном значении коровы или какого-то другого зверя. Шеппинг так этому обрадовался, что заставил ее выслушать очень скучную, по ее словам, целую диссертацию об этом предмете и теперь ни о чем другом не говорит с ней. Не слушать его, больного и изувеченного, как-то совестно, а между тем довольно скучно. Покуда Соф⟨ья⟩ П⟨етровна⟩ сидела у Олиньки, Нат⟨алья⟩ П⟨етровна⟩[6] расспрашивала Любочку, вероятно, по поручению, когда уехал Конст⟨антин⟩ и проч. —

Я сам не знаю, что делать с Самб⟨урскими⟩. — Разве спросить Ал⟨ексея⟩ Ив⟨ановича⟩ самого, что же думает он сделать с своими дочерьми[7], сам ли приедет за ними или пришлет сына? Можно бы также прибегнуть к влиянию Митроф⟨ана⟩[8] на Ал⟨ексея⟩ Ив⟨ановича⟩, который едва ли ему решится в чем-нибудь отказать. Sophie могла бы написать к нему, не вооружая его нисколько против отца, а прибегая только к его ходатайству. —

В Опек⟨унский⟩ совет съезжу нынче же. — Ванюша у нас занемог горлом, простудился, но теперь ему лучше. Худо то, что Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩ Киреевский очень болен; однако ж он согласился отослать свою статью к цензору[9]. Корректуру будет править Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩. — Вчера без меня приезжал Саша Воейков[10] и вытребовал у Люб⟨очки⟩ 10 экземпл⟨яров⟩ Вашей книги для распродажи. — Я был у него вчера, но не застал дома. Хочу знать,

что именно это значит. Перфил⟨ьев⟩ от Вашей книги в восторге[11] и благодарит Вас нежно. Фрирсу и Своехот⟨ову⟩[12] отдал по экземпляру. Публикации в "Полиц⟨ейских⟩ вед⟨омостях⟩" о "Записках охотника" и "Записках об уженье" или о ловле рыбы удочкою сделал, т.е. заказал.

— Пришлите мне калмыцкого бурхана[13]. — Прощайте, целую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и всех сестер. Константина жду в четверг. —

Весь ваш *Ив. Акс.*

141

Апр⟨еля⟩ 11-го 1852 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩[1].

Вы, вероятно, нетерпеливо ждете писем, надеясь узнать из них многое. Покуда нет ничего, и мы сами ничего не знаем. Константин в тот же вечер, как приехал, пошел к Хомякову и, переждав гостей до 1-го часа, отдал ему Ваше письмо, милый отесинька. Хомяков объявил ему, что ответ на это письмо он даст дня через два и что тогда, смотря по ответу, можно будет отдать или не отдать Ваших писем Бест⟨ужевым⟩. — Впрочем, Хомяков подал ему надежду на расположение со стороны самой С⟨офьи⟩ П⟨етровны⟩, что высказал даже довольно ясно, несмотря на беспрестанные осторожные отговорки. — Это было в середу. Вчера Конст⟨антин⟩ был у Б⟨естужевых⟩. Прасковья Мих⟨айловна⟩ и П⟨етр⟩ Ал⟨ександрович⟩[2] были с ним чрезвычайно любезны, а С⟨офью⟩ П⟨етровну⟩ он видел только всего 5 минут, потому что днем она не была дома, а вечером к ним наехала елагинщина[3]. Теперь Констант⟨ин⟩ опять отправился к Хомякову, который должен был вчера вечером переговорить с Б⟨естужевыми⟩. — Константин еще не возвращался: мы ждем его и пошлем эти письма уже со штрафом. — Письма Ваши к Б⟨естужевым⟩ я прочел, осторожно распечатав их, и запечатал снова гербовою печатью, которую брал у дяди. Письма ваши, милая маменька и милый отесинька, прекрасны. Письма же к Х⟨омякову⟩ я не читал, потому что в то время, как приехал Константин, у меня наверху сидел Погодин. Константин прошел прямо к Любочке, где и оставался до ухода своего к Хомяк⟨ову⟩, а я о приезде его не знал до 12 часов ночи, т.е. до самого отъезда Погодина. — Жаль, очень жаль, что нет здесь Надиньки. Ошибка Любочкина[4] (очень естественная, даже неизбежная), должно быть, встревожила Бест⟨ужевых⟩, так что теперь в отношениях своих к ней они очень переменились, т.е. стали как-то осторожны черезчур... Может быть, впрочем, это происходит от смущения. Но мне кажется, что если б Надичка была здесь, то было бы несколько иначе. Нельзя ли Надичке как-нибудь приехать в коляске. Если дело это окажется хорошо, то нужно, чтоб был кто-нибудь из сестер, кроме Любочки, для посредничества, для принятия разных confidences* С⟨офьи⟩ П⟨етров⟩ны. — Сейчас воротился Конст⟨антин⟩. По обычаю московского безделья (если кто не служит, так всякий другой труд считается пустяком, удовольствием), с 10 часов утра всякий дурак валит к Хомякову, так

* Признаний (*фр.*).

что переговорить с ним и полчаса наедине не было возможности Констант⟨ину⟩. Он узнал только, что письмо Ваше к Хом⟨якову⟩ отдано им Б⟨естуже⟩вым, что теперь идут толки и что ответ он (Хом⟨яков⟩) надеется дать Конст⟨антину⟩ завтра. — Получили письмо от Трутов⟨ского⟩, которое я к вам и посылаю. Кажется, делать нечего. Я не советую Вам, милая маменька, венчать их[5] против согласия отца. Это можно было сделать прежде, когда еще мнение Ал⟨ексея⟩ Ив⟨ановича⟩ не было высказано ясно, но теперь, когда от него вызван такой положительный ответ, идти против него может только сама дочь. Уговаривать же ее к тому — нельзя. Нельзя брать Вам на себя ответственность такого поступка, особенно если последствия его будут горестны. Напишите к Трутовскому, чтоб он погодил ездить. Что Вы тут с ним будете делать? Пусть Sophie сама разделывается с ним, с своим чувством и с отцом. Во имя чего будете Вы действовать? Во имя ее любви... Она, как видите, довольно бессильна и неопределенна. Во имя непременного ожидающего ее счастия? Это более чем сомнительно. Во имя данного ею слова, уже компрометированной несколько чести (по случаю допущенных уже таких отношений к молодому человеку)? Но это относится лично к Sophie: здесь она сама судья своего поведения и чести. А если через год после своего замужества, сделанного таким образом, она вдруг скажет, что ошиблась, что не любит Трут⟨овского⟩, что не нашла с ним счастия и, напротив того, накликала себе вечных угрызений совести за то, что пошла против отца, у которого — не забудьте — всегда в запасе средство: проклясть. — Впрочем, я думаю написать к нему письмо с угрозами: не хлопотать по его делам в Сенате и разорвать лично с ним всякие отношения. — Ведь вот же m-lle Миллер ждет и терпит безнадежно[6]: у любящих есть всегда одно утешение: не выходить замуж ни за кого другого.

Скажите Sophie, что я не успел отвечать ей, но буду писать ей с следующей почтой. Можете даже прочесть ей, с изменениями выражений, мое письмо. — Книга Ваша[7] идет хорошо, милый отесинька, но денег я еще не собирал. Больше расходятся купленные уже экземпляры. На "Записки об уж⟨еньи⟩" *большой* спрос. Ратьков спросил меня: где пропадала эта книга, ее у него в П⟨етер⟩бурге много спрашивали, и он не знал, где достать ее. *Пришлите немедленно все, что у Вас осталось этих "Записок" непереплетенным.* — Один магистр ест⟨ественных⟩ наук пишет диссертацию, в которой делает ссылки на Вашу книгу. В "Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩" она расхвалена[8]. Публикация повторена мною в "Полиц⟨ейских⟩ вед⟨омостях⟩", повторена Базун⟨овым⟩[9] в газетах, напечатана еще Ратьковым и еще кем-то. Саша Воейк⟨ов⟩ отдал 2 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩ за 1 экземпляр. Калмыцкий бог должен быть в деревне: здесь его нет[10]. Скажите Афанасью, чтоб отыскал непременно и без этого бы и не показывался мне на глаза. Он должен знать, где мои вещи. Цалую ваши ручки, обнимаю сестер.

Ив. А.

Нужна еще лошадь здесь.

Посылаю письмо мое к Ал⟨ексею⟩ Ив⟨ановичу⟩, отправьте его сами.

"Соврем⟨енник⟩" еще не получен.

142

‹Конец апреля 1852 года. Москва›[1].

Вчера писал я к Вам с Трутовским, милые мои отесинька и маменька. Не знаю, как уладилось у вас дело[2] и как устроились отношения. Он уже 5 месяцев, как не видал Sophie, следовательно, почти не знает ее в ежедневности, а это много значит при таком характере, каков у Sophie. Трутовский убежден, впрочем, что как скоро она выйдет замуж, то характер ее установится. —

Рассказывая всю историю своих отношений к Sophie, он, между прочим, сказал мне (но это под секретом), что первая писать "*ты*" вместо "*Вы*" и проч. предложила ему сама Sophie, писала, что готова бежать с ним и проч. и проч. Измучает она его! —

Вчера в 7 часов утра отправился я на Рогожское кладбище[3], куда и приехал в 8 часов. Оказалось, что я ошибся. Мне бы следовало в 8 часов быть у Быкова[4] в доме на выносе и оттуда уже ехать на кладбище; но делать было нечего, и я решился дожидаться. Сначала с час времени подождал у ворот, потом по совету одной старушки пошел в часовню, где и дождался, стоя смирно, до 10 часов, покуда принесли тело. Служба кончилась в 1-м часу; только какая-то странная: вся панихида — с ектеньями, с "Апостолом" и проч., но без обедни. Я так устал, Ирина Ив‹ановна› Быкова[5] так безумно убивалась горестью (во все время службы слышны были ее — не плач, а неистовые крики), что я не решился ехать к ним в дом на поминки, тем более, что и дорога ужасная, и мальчик мой не знал, как проехать на Якиманку. — Рогожское кладбище произвело на меня неприятное впечатление. Если у раскола отнять фанатизм, строгость и чистоту нравственную и вообще характер гонимой церкви, то что же за ним останется? Или одна бессмысленная приверженность к обряду, или характер политический с отсутствием религиозного. — Раскол на Рогожск‹ом› кладбище имеет все приемы церкви господствующей: *донельзя* жирных и толстых причетников, бесчинное стояние в церкви, женщин разодетых, разрумяненных и проч. Священник уж очень стар и, видно, его очень берегут, но он несколько раз при мне оборачивался и приказывал, чтоб стояли тише и смирнее. Поют и служат несколько в нос. Поют каким-то скорым дубовым, деревянным напевом, безразличным относительно содержания. Словом, впечатление на меня произведено было самое неприятное. — Был я на днях у Черкасских и собирался даже вчера к ним обедать, но не успел по случаю приезда Трутовского. Вечером вчера заезжал к Авд‹отье› Петровне, которая давала мне вчера читать письмо к ней вдовы Жуковского[6]. Жуковский умер от слабости, с полным сознанием, молился перед смертью вместе с нею и с детьми — и по-немецки! — От нее проехал к Хомякову, который удержал меня у себя ужинать, очень много разговаривал, но о Бест‹ужевых› ни слова. Впрочем, был очень любезен, постоянно обнаруживал свое сочувствие, нападал на разные мнения Елагиных, и в том числе на суждение Никол‹ая› Алекс‹еевича› о моем "Бродяге", которого Хомяков прочел два раза и говорит, что в моем стихотворном языке есть что-то общее и родственное с языком отесиньки в прозе, что, разумеется, для меня составляет похвалу чрезвычайную[7]. — Я

слышал, что Капнист[8] с ума сходит от Ваших "Записок", просто упивается ими и нарочно читает медленно: похвалы Вашей книге так и раздаются со всех сторон. — Во вторник я обедал у Арк⟨адия⟩ Тим⟨офеевича⟩, который до такой степени принял меня сухо, что я не знаю, как это и объяснить: неужели он сердит на меня за сигары? Анны Степ⟨ановны⟩ не было дома. Ни Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩, ни Анна Степ⟨ановна⟩ не были до сих пор у Олиньки. Я же эти два дня обедал дома. — Завтра Миллер[9] отправляется в Уфу: я посылаю с ним сборник Грише; шишковский же приказчик до сих пор не приезжал. — Олинька все по-прежнему. Прощайте, целую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и сестер. Сейчас продал Базунову 75 экзем⟨пляров⟩ Вашей книги за 105 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, но 2 р⟨убля⟩ 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ вычтены за публикацию в газетах. — Да еще продал один экземпляр кн⟨язю⟩ Долгорукому через Своехотова за 2 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩. Всего выручено 353 р⟨убля⟩ 50 коп⟨еек⟩ серебр⟨ом⟩ по моему счету.

Ваш *Ив. А.*

143

27 апр⟨еля⟩ 1852 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩[1].

Вчера получили мы два письма от вас, милые мои отесинька и маменька: одно с мужиком, другое по почте. Очень рад, что у вас все с Трутовским обходится благополучно. Как Ваша спина, милый отесинька? Что это за *утин*[2] расшиб? Может ли он быть продолжителен? Дай Бог, чтоб утин расшиб этот прошел скорее. — Письмо Ваше к Хомякову я скоро после обедни и отнес к нему. Он прочел и просил передать Вам, что вовсе еще не находит причин считать дело в дурном положении и ожидать отказа, что дело, конечно, не в том положении, в каком оно было до вторника, т.е. до вмешательства его матушки[3]; что он писал к ним[4] в деревню и во первый почти раз говорил уже *от себя*; что прежде он *от себя* почти ничего не говорил, опровергал только некоторые возражения и сомнения Бестуж⟨евых⟩, но теперь послал им résumé* всего дела... Он не ждет от них скорых известий... Хомяков опять рассказал мне всю историю вмешательства Марьи Алекс⟨еевны⟩, все недоумения Бест⟨ужевых⟩; сказал мне, как он этого желает, не только для счастия С⟨офьи⟩ П⟨етровны⟩ и Константина, но просто для себя, для своих детей, — словом, повторил все то, что он говорил Константину и что Вы уже знаете. Он сказал мне, что в расположении С⟨офьи⟩ П⟨етровны⟩ не сомневается, но о степени этого расположения удостоверить не может; что в этом расположении он убеждается разными мелочами, обиняками и намеками и отчасти и из того, до какой чрезвычайной степени она обрадована была последними стихами Константина о веселье![5] Он предполагает, что Бест⟨ужевы⟩ сказали об этом деле здесь еще одному родственнику, которого он не назвал, но который, кажется, не помог им в их недоумениях. Хомяков опять говорил насчет того, что Николай Тим⟨офеевич⟩ мог бы быть полезен в этом

* Итог (*фр.*).

деле, и спрашивал, писали ли ему об этом. Вообще же Хом⟨яков⟩ высказывал искреннее сочувствие свое к этому делу. — Дня два тому назад я встретил у него Миш⟨у⟩ Бестужева и спрашивал у него, нет ли известий...[6] Нет еще никаких. — Не понимаю, отчего вы не получили моего письма в субботу: я писал, и оно, верно, завалилось где-нибудь у троицкого почтмейстера. О сборнике продолжают утверждать, что он или запрещен или его непременно запретят: все говорят, что в частности придраться нельзя ни к чему, но что-то в нем есть дерзкое, что-то такое, чего с 1848 г⟨ода⟩ в России не бывало[7], и проч. и проч. Статья Киреев⟨ского⟩ очень многих раздражает[8]. Свербеев, Павлов, Долгорукий (банкаль)[9] на стену лезут... Грановский, которого я видел, объявил мне, что хоть он решительно не согласен с Киреев⟨ским⟩, но находит статью превосходною во многом, прекрасно изложенною и проч. и пр. Статья Конст⟨антина⟩[10] ему чрезвычайно нравится и поразила умеренностью тона (что, впрочем, поразило многих, отчего никто не затрудняется признать ее *"чрезвычайно дельною")*; он совершенно соглашается с Константином, говорит, что ошибки Соловьева и Кавелина очевидны[11], но что, конечно, *обломки* доисторического родового быта могли встречаться и потом и проч. — Вообще же он сборником очень доволен и говорит, что может и непременно примет участие в нем. Я очень рад этому мнению Гран⟨овского⟩, потому что некоторые твердят о том, что возражать статье Киреевского нельзя, что она в духе правительства и проч., следовательно, бросают некоторую тень на сборник. Беляеву я сборник отдал; он сказал, что статья Конст⟨антина⟩ ему совершенно нравится и что он пишет уже рецензию. Соловьева также видел: он просит меня достать ему конец твоей статьи[12], но мнения своего не высказал. Вследствие усилившихся толков о сборнике вчера вечером ездил я к Львову[13] и узнал от него следующее: что в П⟨етер⟩бурге ждали его появления с нетерпением, т.е. не публика ждала, а правительство, что в прошедшую пятницу получено от Назимова из П⟨етер⟩бурга письмо, чтобы не выдавать пока билета на сборник, но письмо уже опоздало, а потому Львов послал изданный сборник к Назимову, которого во вторник или в середу ждут сюда. Он думает, что если достанется за что, так это за статью о Гоголе[14], и не потому, чтоб она в себе что-либо заключала, а потому, что она является в то время, как Тургенев сидит на гауптвахте[15], и так резко противоречит фельетону Булгарина, выражающему, конечно, правительственный взгляд на Гоголя[16]. — Вообще же эта статья имеет большой успех. — Книгопродавцы, как я слышал, собираются купить у меня все издание, но я еще этого предложения не получал. Вы писали прежде, милый отесинька, чтоб Вашу книгу[17] продазать с уступкою 25 проц⟨ентов⟩, а теперь уже пишете — с уступкою только 20. — Извольте, я буду исполнять Ваше приказание, хотя думаю, что оно только остановит ход книги. — Книга разойдется, но не скоро, может быть, через год или два. А если продать теперь книгопродавцам, так через год или даже меньше можно будет приступить ко 2-му изданию. Сверх того, если книгопродавец сделает теперь выгодную аферу, так он у Вас купит *все* второе издание, а за 20 проц⟨ентов⟩ никто не купит. Из 10 книг у Готье куплено 2, из 20 книг у Наливкина[18] куплена 1 и так далее. Ведь книгопродавец не тем торгует, что у него покупают из магазина, а тем, что

сейчас сбывает другим книгопродавцам, тоже с уступкою, те — третьим и так далее... Впрочем, как угодно. — Письма все отправлю нынче же. — Сборник я разослал по почте всем, кому следовало. Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеевич⟩ уехал в субботу вечером. Я заходил к нему проститься перед обедом; он простился так, как не только родственники, но и знакомые хорошие не прощаются; Анна Степан⟨овна⟩, напротив того, необыкновенно любезна! Бог знает, что с ним сделалось. Он велел Титу[19], как скоро привезут тарантас, отдать его в починку и потом уже вместе с коровой отправиться в Абрамцево. Поэтому доставьте сюда тарантас при первой возможности. — Прощайте, милые мои отесинька и мам⟨енька⟩, будьте здоровы. Овер встретил меня третьего дня, *сам* остановил, подозвал к себе и клялся, что будет у Олиньки завтра, и — не был! — Целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Трутовскому кланяюсь.

Ваш *Ив. А.*

Завтра буду писать с почтой.

Деньги от Черкасского получил[20] и нынче еду в Опек⟨унский⟩ совет. Андриан выздоровел. Повар-старик уже пристроился к месту. Ищем другого.

144

Вторн⟨ик⟩. 28 апр⟨еля⟩. ⟨Москва⟩[1].

Хотя я убежден, что никаких известий о Б⟨естужевых⟩ нынче не получится, однако ж погожу отсылать это письмо раньше 2-го часу и отправлю его через большой почтамт. Особенно нового сообщить вам не могу: толки о сборнике очень сильные, всех поражает его честная физиономия... Нынче ждут в Москву Назимова, а с ним вместе и более положительных сведений. Вчера вечером был у меня Соловьев. Он уже пишет возражение Константину, которое напечатает, не дожидаясь 2-го тома[2]. Хотя он и высказывал много дружбы мне и Константину, однако он, кажется, оскорблен, говорит, что Константин его сильно выругал[3]. Я заплатил ему за статью 100 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Это слава Богу, Беляев взял с меня больше. Соловьев сделал расчет по листам “Отеч⟨ественных⟩ записок”, так что 4 ½ листа сборника равняется двум листам “От⟨ечественных⟩ зап⟨исок⟩”, но он взял деньги с условием: немедленно возвратить их, если сборник запретят. Без этого условия он не соглашался денег взять. А Беляев взял с меня 60 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за 1 ½ листа, говоря, что я назначил по 40 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром ⟩за лист, с чем я и спорить не стал, хотя и не помню этого. — Вчера вечером еще прислал один книгопродавец за 50 экземпл⟨яров⟩, да еще в контору “Москвит⟨янина⟩” требуют на комис⟨сию⟩ 10, 15 уже продали. Всего до сих пор я продал до 350 экземпл⟨яров⟩. — На “Записки охотника” больше спросов не было. — Вчера же вечером был я у Погодина: он собирается ехать в Петербург по поводу своего музеума, но известие о покупке за 125 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩ оказалось вздорным. Напротив, делают разные затруднения, для которых и едет Погодин[4]. Бумаг Гоголя еще не распечатывали, ибо Толстой все еще болен[5], а Марья Ив⟨ановна⟩ Гоголь[6] пишет к Погодину: делайте, что хотите. Не послать ли ей один экземпляр сборника?

Напишите ее адрес: неужели он самый тот, который написан на Вашем письме (впрочем, мною отправленном): в Полтаву в село Васильевку. Васильевка не Полтавского уезда[7]. Погодин очень доволен статьей Константина и хвалит ее в своей рецензии, еще не напечатанной[8], впрочем. — Вчера зашел перед обедом к Хомякову, и Марья Алекс⟨еевна⟩ оставила меня обедать, хотя, впрочем, сама не обедала. Хомяков все более и более обдумывает свою статью для 2-го тома сборника, в пополнение статьи Киреевского и в постоянных с ним спорах[9]. Вчера был я в Опек⟨унском⟩ совете и нынче туда же поеду[10]. — На дворе ливень.

Известий о Б⟨естужевых⟩ никаких нет. Прощайте, милый мой отесинька и маменька. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Олинька слава Богу.

Ваш *Ив. А.*

145

⟨Конец апреля 1852. Москва⟩[1].

Я решительно не понимаю, отчего мои письма навели на вас такое беспокойство, милые мои отесинька и маменька. Пожалуйста, помните, что мне вовсе нет досуга писать письма иначе, как наспех, и этим объясняйте все недосказанное, всякое недоразумение. Для окончательных сделок с книгопродавцами я ожидаю приезда Назимова, которого ждут нынче: от него узнается, будет или нет запрещен сборник[2]. Без этого книгопродавцы еще не решаются купить у меня остальные 750 экземпл⟨яров⟩, а продать мне необходимо, чтоб расплатиться с Кошелевым[3]. Продал я покуда на 580 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Вчера получил я деньги за 10 экземпл⟨яров⟩ от Томашевского: он продавал их, не знаю, по какому уполномочию, за 1 р⟨убль⟩ 50 к⟨опеек⟩, т.е. с уступкою 25 проц⟨ентов⟩, всего получено 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — Я думаю, Маш⟨енька⟩ Карт⟨ашевская⟩ смешивает имя Ивана Сергеевича Тургенева с моим[4]. Отвечаю на ваши вопросы: 1) Оверу книга не отдана[5], а ожидает его у Олиньки, я сам ему об этом говорил, но у Олиньки он еще не был, отзываясь болезнью своею и домашних. 2) Погодин уведомил меня, *между прочим,* о *слухе* насчет кубка, но расспрашивать мне показалось неловко, особенно если это только слух[6]. Впрочем, постараюсь узнать, ни от кого больше об этом я не слыхал. 3) Книга Грановскому была отдана, он ее, разумеется, хвалит очень сильно и говорил мне, что читает ее вслух своей больной жене[7], которой по моему совету прописали теперь пить кобылье молоко. 4) Рулье, которого я встретил только третьего дня, сказал мне, что пишет целый ученый трактат о Вашей книге, читал он ее 5 раз сряду. Подробности расскажу при свидании. 5) Сигары послать забыл, виноват. 6) Из Опек⟨унского⟩ совета было отправлено в свое время предписание об остановке описи в *Самарское* губ⟨ернское⟩ управление, поэтому я и не писал к Никол⟨аю⟩ Тимоф⟨еевичу⟩, а послал прямо от себя к Шабаеву[8] № и число бумаги Опек⟨унского⟩ совета с наставлением, как отозваться становому и сослаться на эту бумагу. 7) Экземпляры *розданы* все. 8) Экземпл⟨яры⟩ Ахматову, Юрлову, Кирееву, Блюму

и Корфу[9], а также и Шишкову не отправлены, ибо Кротков[10] еще не уехал и неизвестно еще, когда поедет: у него дети в кори. Шишковский же приказчик еще не приезжал. 9) Как прикажете отправить 20 экземпл⟨яров⟩ Юрлову: с оказией или по почте? 10) Вы точно писали, милый отесинька, в последн⟨ем⟩ письме о 20 проц⟨ентах⟩; я так и думал, что это ошибка. — Впрочем, спросов покуда еще нет, хотя все твердят, что книга расходится отлично. Ну да это по русскому масштабу. Для Москвы 100 экземпл⟨яров⟩ довольно! 11) Повара нанял от Хвощинских. Рекомендуют сильно. Цена: 6 целков⟨ых⟩ на 1-ый месяц, чай и сахар; он надеется, что через м⟨еся⟩ц вы будете ему давать 7 целк⟨овых⟩. Фартуки, полотенца и куртка кухонная — ваши. 12) Марье Ив⟨ановне⟩ Гоголь сборник отправлю[11]. 13) Крючки, хересу, медок привезу. 14) Постараемся достать фельетон Булгарина и "Библиот⟨еку⟩ для чтения"[12]. 15) Постараемся насчет пороха. Все.

Вчера мы были с Конст⟨антином⟩ у Хомякова перед обедом и после обеда. В оба раза было много других. Вчера же при нас получено было письмо от Праск⟨овьи⟩ Мих⟨айловны⟩ к детям Хомякова из Нижнего, где они сидят и ждут парохода: дорога гнусная, и она в отчаянии, что уехала из Москвы. Через несколько часов получено было и письмо от С⟨офьи⟩ Петр⟨овны⟩ к брату со вложением письма ее к Кат⟨ерине⟩ Ив⟨ановне⟩ Елагиной[13]: для вручения этого письма кому следует, Хомяков вчера задержал Мамонова у себя, часов в 12 (ночи), когда мы разошлись, объяснив это Константину потихоньку в коридоре. Кажется, это решительный и положительный отказ с ее стороны Елагиным. — Не знаю, успеет ли Константин вам написать: он теперь у Петра Вас⟨ильевича⟩ Киреевского[14] или, лучше сказать, у Елагиных, к которому поехал за русскими песнями для сборника. —

Вчера мы видели Шевырева, он сказал, что послал Вам письмо: бумаги Гоголя разобраны: найдено 5 черн⟨овых⟩ глав из "М⟨ертвых⟩ душ" и объяснение литургии[15] и вообще много таких вещей, которые еще более характеризуют этого святого человека!.. Константин думает выехать завтра вечером. Может быть, и я с ним.

Прощайте, мои милые отесинька и маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю сестер. —

Весь ваш *Ив. А.*

146

⟨Май 1852. Москва⟩[1].

Спешу написать вам несколько слов. Мы доехали, разумеется, благополучно, часов в 8 утра были в Москве, маменьку не застав, потому что маменька была у ранней обедни. Олинька чувствует себя довольно хорошо и рада, что сносит воздух, хотя, кажется, черезчур много им пользуется. Здесь все окна настежь, ветер сквозной так и дует, и никто не думает от него беречься. — Сборника запродал я *еще* 120 экземпляров. Еще продать бы экземпляров 50 — и тогда выручу все деньги кошелевские[2]. — В "Москвит⟨янине⟩" и в "Отеч⟨ественных⟩

зап⟨исках⟩" нет *ни слова* о сборнике. Погодин уехал в П⟨етер⟩бург, и не умею, как объяснить это, когда я сам видел корректурные листы критики сборника для "Москвитянина"[3]. — В "Современ⟨нике⟩" есть разбор, но весьма сухой и недоброжелательный[4]. Постараюсь достать его. В "Пет⟨ербургских⟩ ведом⟨остях⟩" сборник горячо разруган (разбирают только статьи Киреевского и Хомякова)[5]. Говорится, между прочим, что книга скучнейшая, что для нее и читателей на Руси не найдется, а о прочих статьях даже не упоминают. В "Соврем⟨еннике⟩" про статью Конст⟨антина⟩ сказано только, что эта статья, вероятно, вызовет ученый спор, а потому "мы" и не вдаемся в разбор ее[6]. Статью в "Сев⟨ерной⟩ пчеле" вы прочтете сами[7]. Это та статья, о которой пишет М⟨ашенька⟩ Карт⟨ашевская⟩. А старого № "Пчелы", где была первая статья Булгарина о Гоголе[8], Годеин не прислал. Впрочем, это все равно, даже эта статья сильнее[9]. Старая, разумеется, носит характер доноса. — Назимов призывал Базунова и приказал ему приостановиться продажей сборника, пока не приутихнут толки, но забавно, что он призыв⟨ал⟩ только Базунова, когда сборн⟨ик⟩ продается у всех. Впрочем, Базунов, торгующий в университет⟨ской⟩ книжной лавке, ему несколько подчинен. Но это не смущает книгопродавцев прочих. Мне это сказал прежде всех Ратьков, купивший опять нынче 100 экз⟨емпляров⟩. Да и из П⟨етер⟩бурга нынче получено при мне требование 30 экз⟨емпляров⟩ в один магазин. Следов⟨ательно⟩, все это пустяки.

Хомяков посылает Вам письма одного охотника о Ваших "Записках", милый отесинька. Прочел я ему статьи Константина[10]: он пришел от них в такой восторг, в каком я его давно не видывал! "Дайте мне их", — сказал он. "Да они Вам и назначены, — сказал я, — предоставлены на Ваше распоряжение". Кажется, он хочет их послать. Он требует, чтоб эти статьи непременно напечатать во 2-м томе сборника, и приискал к ним прекрасный эпиграф из псалмов. От Бест⟨ужевых⟩ нового ничего нет. Насчет Елагин⟨ых⟩ он опять думает, что ответ от Б⟨естужевой⟩ был неопределенный, что определеннее написать, вероятнее, не дозволили отец и мать. Он опять писал к Б⟨естужевым⟩, что честность в некоторых случаях требует, чтоб была откинута всякая деликатность. Впрочем, он не распространялся об этом много, хотя сам заговорил об этом, но подтвердил, что письма Бест⟨ужевых⟩, о которых он писал, прямо относятся к нам, т.е. к нашей семье. Прощайте. Мам⟨енька⟩ едет нынче в театр и вчера была в театре. Трут⟨овский⟩ сам пишет. Олинька довольна Ниной[11] и мам⟨енькой⟩ до чрезвычайности. Завтра будем писать больше. Посылаются вам: 1) "Отеч⟨ественные⟩ з⟨аписки⟩" за май; 2) "Москвит⟨янин⟩" 9-й №; 3) 2 №№ газет (статья Буслаева, в которой явно намекается на Хомякова)[12]; 4) 2 №№ "Сев⟨ерной⟩ пчелы"; 5) "Полиц⟨ейские⟩ ведом⟨ости⟩"; 6) Письмо Годеина; 7) Письмо охотника. — Щепкину, Садовскому и Дмитриеву[13] экземпл⟨яры⟩ отосланы. — Да, посылается простая бумага. Цалую ваши ручки, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. Маменька решилась на свадьбу[14].

Ваш *Ив. А.*

147

21 августа 1852 г⟨ода⟩. Переяславль[1].

Вот мы и в Переяславле, милые отесинька и маменька. Очень жаль, что не запаслись никаким описанием, ни муравьевским, ни шевыревским[2], потому что никто рассказать не умеет. Если б я был один, свободен и мог располагать своим временем, т.е. остаться здесь, сколько найду нужным, я бы мог, если б хотел, отыскать какого-нибудь местного археолога, но это слишком затруднительно. Были в соборах, старом и новом. Старый очень темен, беден, и внутренность не соответствует наружности. Как все дорого здесь: за 10 сельдей просят 1 р⟨убль⟩ сер⟨ебром⟩. Правда, теперь она дороже, чем в другие времена года. Хотел кататься в лодке по Переяславскому озеру[3]: просят 1 р⟨убль⟩ сер⟨ебром⟩, а довезти до ботика Петра Великого[4] — 2 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩! Впрочем, если уступят, то мы учиним простую прогулку по озеру, т.е. без поездки к ботику, с Верой и Любой, ибо можно сесть в лодку близехонько от нас, у моста, и так по Трубежу[5] въехать в озеро. — Во всем Переяславле не нашлось постоялого двора с комнатами внизу, и мы заняли комнаты вверху в том постоялом дворе, где и Вы стояли, милая маменька.

Путешествие наше идет очень хорошо, хотя мало похоже на путешествие, ибо новизны и разнообразия почти нет, все будто дома, все так знакомо, все тот же известный тип. — Вчера в Лисавах, где мы кормили лошадей $5^1/_2$ часов, один из мужиков (они здесь все ямщики и благодарят железн⟨ую⟩ дорогу за то, что теперь все бросились на этот тракт, оставив прежний из Ярославля на Тихвин, в П⟨етер⟩бург) подошел к нам, разговаривал и попросил скоромного пирожка, ему дали, и он тут же при всех съел, хоть была и середа[6]. Особенно интересного я мало заметил в соборах, и никаких занимательных событий с нами покуда не случалось, разве только то, что когда я вчера в Лисавах стал искать Матвея[7], то нашел его в яслях, т.е. в этом выдолбленном бревне, где едят лошади, нашел его там спящим, в овсе, под рылами жующих лошадей! Место! Я полюбовался этою небрезгливостью русского человека и не стал его будить! — Прощайте покуда, милый отесинька и маменька, будьте здоровы, обнимаю Константина и сестер. — Что за погода!

Весь ваш *Ив. А.*

1853

148

Суббота, $\frac{\text{июня 20-го}}{\text{1853 г⟨ода⟩}}$ Песочня, вечером[1].

В четверг в исходе осьмого часа утром приехал я в Песочню[2], милый отесинька и милая маменька. Я не предполагал вовсе писать к вам во время моего пребывания у Кошелевых, потому что почта отсюда ходит чрезвычайно долго, но так как завтра отправляется из дому человек в Москву, то письмо это может дойти к вам довольно скоро. Прежде всего скажу, что Надинька хорошо сделала, что не приехала: в этот самый час, как я вам пишу, наехало 18 человек гостей, которые все ночуют, а, может быть, будут ночевать и завтра. Из них 14 человек одних Кошелевых, родственников известной Людмилы[3]. Кроме того, здесь у соседа их Кулебякина, владеющего частью в Песочной и живущего в полверсте от них, будет на днях гостить мать Кулебякиной, *известная московская Ушакова*[4] и Петр Петрович Новосильцев[5], которые непременно явятся и к Кошелевым, если они не уедут вместе со мною, верст за 40 в деревню свою Дегтяные барки (вероятно, нельзя будет уехать). Все это, конечно, было бы очень неприятно, если б Надинька была здесь. — Но до сих пор время я проводил прекрасно. — Путешествие мое было не только благополучно, но и приятно. Дама, которая ехала со мною в карете, оказалась Карцева, жена одного из правоведов, вступившего в училище и вышедшего уже после меня. Я его не знаю, но он приятель Андрея Оболенского и, как говорят, очень умный человек. Разумеется, и m-me Карцева знает все анекдоты и подробности обо мне, о m-lle Миллер[6], мои стихи и т.п. Она всего год замужем, счастлива, как только можно быть счастливым на земле, очень, очень умная и замечательная женщина; к сожалению, я решился с ней заговорить только за 60 верст от Рязани, потому что она до того времени или плакала, или читала книгу, или закрывалась вуалью. — В Рязани нашел я письмо от Кошелева и тарантас, нанял лошадей, перевозился раза два через Оку, потом на одной станции нашел лошадей Кошелева и приехал в Песочню, где, заслышав колокольчик, Александр Ив⟨анович⟩ уже дожидался меня на крыльце. Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ я нашел похудевшим, он опять было по приезде заболел воспалением в желудке, но болезнь была вовремя перехвачена гомеопатией. Однако ж он очень бережется и мало выходит, что, впрочем, не мешает ему заниматься хозяйством по конторе и богословием целый день. Мне отвели большую славную комнату в верхнем этаже, столько же высоком, как и нижний, по условию друг другу не мешать и порядка дня не нарушать, мне здесь совершенно свободно и хорошо. До обеда я сижу у себя наверху и занимаюсь,

после обеда часов до 5 сидим вместе с Алекс⟨андром⟩ Ив⟨ановичем⟩ и толкуем на крыльце, в 5-ть часов отправляюсь гулять с Ольгой Федор⟨овной⟩ и детьми, в 9 часов пьют чай и ужинают, расходимся в половине 11-го. — Дом великолепный, огромный, село богатейшее, просторно, просторно и просторно. Впрочем, роскоши особенной нет нигде, она заменяется размерами, доброкачественностью матерьялов и проч. Местоположение чудное.

Хотя Кошелевы думают, что я пробуду больше, но я поеду, как назначил, однако ж думаю, что письмо это вы получите раньше моего приезда. В почтовой карете приехавшие в тот день из П⟨етер⟩бурга сказали мне, что война объявлена[7]. Жду с нетерпением газет... Неужели объявлена!

Прощайте, что-то вы поделываете, целую ваши ручки, милый отесинька и милая маменька, обнимаю крепко Константина и сестер, будьте здоровы. У Софьи также цалую ручки, Оличку цалую[8]. —

И.А.

Ольга Фед⟨оровна⟩ сейчас прислала письмецо свое к маменьке и просила вложить в конверт.

149

Субб⟨ота⟩. 27 июня / 1853 ⟨Дегтяные барки[1]⟩.

Хотя я вполне убежден в бесполезности писания писем из Сапожка, милый отесинька и милая маменька, однако решаюсь писать вам на всякий случай, чтобы вы знали, где я и что я. Теперь я уже несколько дней в Дегтяных барках, верст за 40 от Песочни; распорядиться взятием места заранее в почтовой карете я не успел, но нынче посылают на почту в Сапожок, и я пишу к содержателю гостиницы рязанской, где я останавливаюсь, чтоб он взял место мне заранее. Я, слава Богу, здоров, дай Бог, чтоб и у вас было то же. Место я приказываю себе взять на 4-ое июля, хотя меня Бог знает как уговаривают остаться до 8-го с тем, чтоб приехать в Абрамцево 10-го[2]. Прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. Торопит Александр Иванович.

Весь ваш *Ив. Акс.*

150

Воскресенье, 6-го сент⟨ября⟩ 1853 г⟨ода⟩.
П⟨етер⟩б⟨ург⟩. 7 сент⟨ября⟩[1].

Вчера часу в 3-м пополудни приехал я от тетеньки[2], к которой отправился еще в середу. Она слава Богу здорова, и несчастие, случившееся у них[3], не имело дурных последствий для здоровья кого бы то ни было, кроме, разумеется, Ник⟨олая⟩ Ив⟨ановича⟩. Я уже вам описывал подробно[4], со слов Васи[5], как это все случилось. П⟨етер⟩бургские знакомые Н⟨иколая⟩ Ив⟨ановича⟩ требовали, чтоб его привезли в город, и действительно оставаться ему в Кобрине было невозможно, потому что гатчинский доктор

не мог дежурить постоянно за 15 верст от города. Я нашел Н⟨иколая⟩ Ив⟨ановича⟩ хуже, чем ожидал по рассказам. Он ни на минуту не терял сознания, хотя иногда и заговаривался; у него покривило рот, отнялась рука и нога. Боялись возобновления удара. А он распевает сам себе похоронные стихи и продолжает шутить по-своему, но эта шутка, произносимая неясно искривленным ртом, очень неприятна. Я нашел в Кобрине доктора, присланного из П⟨етер⟩бурга с Иваном[6] и каретой. В четверг утром положили Н⟨иколая⟩ Ив⟨ановича⟩ в карету и благополучно довезли до П⟨етер⟩бурга. Я провожал его 10 верст, а Яша до самого П⟨етер⟩бурга. Ал⟨ександр⟩ Макс⟨имович⟩ Княжевич[7] взял на себя все расходы, а шкатулку Ник⟨олая⟩ Ив⟨ановича⟩ запер. В Кобрине я оставался четверг и пятницу. Разумеется, тетенька и все Карташевские очень огорчены, смущены и расстроены, но все здоровы. Я провел у них время ни скучно, ни весело. Погода была скверная, и гулять было почти невозможно. Пинского не было[8]: присутствие в Сенате уже началось, но он приехал в пятницу вечером с Яшей и Васей и останется до середы. Без меня он обыкновенно производит чтения вслух. Яша привез мне ваше письмо, милый отесинька и милая маменька. Вы все страдаете зубной болью, милый отесинька: это должно быть расстраивает Ваши нервы. Авось, Бог даст, это пройдет от земляничн⟨ого⟩ корня. — В субботу часу в 10 утра я уехал из Кобрина. По приезде был у Н⟨иколая⟩ Ив⟨ановича⟩. Ему лучше, но он все еще в опасности. Говорит, что по выздоровлении поедет в Москву и в Абрамцево, и эта мечта его очень тешит. Жизнь в онемевших членах начинает понемножку пробуждаться.

Нынче или завтра должен прийти ответ от гр⟨афа⟩ Орлова на мое письмо[9], посланное к нему через 3-е отд⟨еление⟩. Не пишу вам теперь ничего больше, потому что пора на почту, но к завтрашнему дню приготовлю еще письмецо и уведомлю о том, что узнаю нынче. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина, Надиньку, Веру и всех сестер. —

Ив. А.

151

7 сент⟨ября⟩ 1853 г⟨ода⟩. Понед⟨ельник⟩.
П⟨етер⟩б⟨ург⟩[1].

Сейчас был у Дуп⟨ельта⟩[2]. — Ответа от гр⟨афа⟩ Орлова еще нет и предполагается, что курьер, повезший мое письмо, уже не застал графа в Москве, а поехал за ним вслед, и ответ получится не прежде 4-х или 5 дней[3]. Между тем, Геогр⟨афическое⟩ общество еще не собиралось. Если ответ получится дней через 5 и благоприятный, то еще понадобится несколько дней, чтобы съездить в Кронштадт, условиться, устроиться, явиться и пр., так что для поездки в Абрамцево останется весьма немного времени. — Какая тоска! На дворе сыро и сыро, дождь льет целый день, а я нынче уже два раза выходил из дому. Кажется, я писал к вам, что в середу отдал Дуп⟨ельту⟩ письмо свое к

гр⟨афу⟩ Орлову, в котором я прошу его исходатайствовать мне у государя дозволение отправиться на фрегате "Диана" или на мой собственный счет, или на счет того ведомства (м⟨инистерст⟩ва нар⟨одного⟩ пр⟨освещения⟩ или Географ⟨ического⟩ общ⟨ест⟩ва), которое согласится дать мне какое-нибудь поручение. Письмом вы были бы довольны. Из разговора, который я имел с Д⟨упельтом⟩, вижу,что репутации наши сильно подпорчены, что нас понимают совершенно ложно, и всем нашим статьям и действиям дано превратное толкование, что "Мос⟨ковский⟩ сб⟨орник⟩" у них в свежей памяти[4]. — Вчера по приглашению Блудовой[5] обедал у них в Павловске и читал им после обеда свои "Судебные сцены"[6]. Блудов[7] был в восторге. Вообще эти сцены здесь в большом ходу.

Был я на прошлой неделе как-то вечером у Корша[8]. Он решительно мученик здесь в П⟨етер⟩бурге, только и грезит Москвою и никак не может сблизиться душою с тем кругом, к которому принадлежит. Я был у него по его просьбе, а жена его[9] говорит, что он только и оживает и весел становится, когда видит кого-нибудь из московских. Анненков тоже тянет к Москве[10], хотя с меньшим мужеством. В здешнем литературном кругу, который я встретил у Милютина[11] и который, впрочем, относится к нам с великим уважением, называют нас вообще "московскими пророками", не только нас, но и Грановского и Корша и над Анненковым смеются (даже стихи сочинили), что он поклоняется пророкам. Словом, всякий не мирящийся с подлостью и называющий подлость подлостью, а не "*практичностью*", называется зараженным московским пророчеством[12]. Я здесь поневоле завел разные знакомства в разных слоях общества и узнал П⟨етер⟩бург довольно близко. Он всегда был мне отвратителен, а теперь еще гаже. —

Восточный вопрос все еще не разрешается. Турция дурит[13], не хочет посылать посланника прежде, чем выведут войска из княжеств, не принимает принятой Россиею конвенции, сочиненной в Вене посланниками 4-х держав, продолжает вооружаться и проч., требует опять к себе господарей. Право, если будет война и не пустят меня в море, не вступить ли мне в военную службу волонтером[14]? Пожалуй, и туда не пустят! —

Ник⟨олаю⟩ Ивановичу немного лучше. Если он и выздоровеет, то не скоро, медленно будет поправляться. Хорошо, что здесь, в П⟨етер⟩бурге, главное заведывание в его доме принял на себя Ал⟨ександр⟩ Макс⟨имович⟩ Княжевич, а то вышел было страшный беспорядок. Каждый из знакомых привозил своего доктора, каждый хотел распоряжаться. У Ник⟨олая⟩ Ив⟨ановича⟩ живут теперь два племянника, дети его сестер: один из них кончил курс в Академии, другой еще учится. Оба очень молоды и ничего в жизни еще не смыслят, как институтки, но не хотят подчинить себя Ивану, человеку Надеждина. Словом, положение старого одинокого холостяка в подобных случаях очень незаманчиво. — Вчера после обеда после сильного дождя подул страшный ветер, решительно сбивавший с ног прохожих. Я в это время переходил через какую-то площадь: сильным ударом ветра сбило с меня шляпу, шляпа задела за очки, очки слетели, шляпу понесло дальше. Я побежал за шляпой, боясь, чтоб ее не снесло в канаву, догнал ее, но, бывши

без очков, уже не мог найти ни того места, где упали первоначально очки, ни самих очков. Таким образом, кончили свое существование эти очки, которые я носил лет уже 5! К счастию, что до́ма у меня были запасные очки. — Смирнов уехал[15], и как моя поездка еще не решена, то я и не занял денег, так что и не знаю теперь, где занять их в случае, если позволят ехать на собственный счет. Впрочем, все говорят, что едва ли позволят[16]. — Какая тоска! Ждать, ждать и все понапрасну!

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте же здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. —

Ваш *Ив. А.*

1854

152

Четверг, 29 апр⟨еля⟩ 1854 г⟨ода⟩.
Елисаветград[1].

В субботу получил я письмо ваше от 12 апреля, милый отесинька и милая маменька, благодарю всех за поздравления[2] и за приписки, Вас в особенности, милая маменька: так обрадовался я вашему почерку, так давно его не видал. Верно, у вас стоит теперь прекрасная погода; разумеется, нет такого благорастворения в воздухе, как здесь, но все же тепло, ясно и мягко. Ночи удивительные: в 1-м часу можно ходить в одном летнем платье, не чувствуя прохлады. Впрочем, удушливого жару также нет. Нынче спрыснул пыль легкий прямой дождик, и после него стало еще лучше. К сожалению, здесь в городе трудно наслаждаться этой погодой: на улицах толпы народа, преимущественно евреев, которых говор и движения вовсе не гармонируют с красотой и тишиной теплого вечера или ночи; днем же пыльно и жарко — садов здесь вообще мало, а публичных нет вовсе. Впрочем, не евреи мешают мне пользоваться погодой, а зубная или, вернее сказать, щечная боль. Несколько дней она была так сильна, что я почти ничем не мог заниматься. Потом она утихла, но до сих пор каждый день возвращается после обеда часа на три, хотя и в слабейшей степени. Впрочем, у меня эта боль не новая: вся правая сторона лица, верно, когда-нибудь сильно застуженная, постоянно подвержена этой боли. — Я прибегал к горчице и щедро вымазал ею себе спину и ноги, но это не помогло, прибегал также без успеха, и к заговору на молодой месяц, которому выучил меня Афанасий, слышавший его от Марфуши или Афросиньи. Заговор довольно странный: "Здравствуй, месяц, здравствуй, месяц, здравствуй, месяц! был на том свете, был на том свете, был на том свете (каждую строчку повторять три раза)? видел там мертвых (3 раза)? — Не болят у них зубы (3 раза)? Чтоб у меня у раба (три раза) кости не болели (3 раза), зубы не ныли (3 раза) отныне и во веки веков аминь". Следует затем три раза плюнуть и повторить весь этот заговор три раза. — Ваше письмо, отправленное из Посада 13 апр⟨еля⟩, я получил в субботу 24 апр⟨еля⟩, следовательно, почти на 12 день! Дай Бог, что в это время нездоровье Ваше, милая маменька, и отесинькино совсем миновалось, а по приходе моего письма было уже делом давно прошедшим. Вам решительно не надо ездить на долгуше: она так же тряска, как телега, да и пора бы уж ее в отставку, а вместо нее взять длинные дроги, как в Вишенках, и обить их подушками. — Я думаю, милый отесинька, что для снятия с торгов вишенской земли может съездить и

Константин, если только наверное будет известен день торгов: вся поездка может кончиться дней в 16: а впрочем, и Шабаев мог бы это сделать, для чего надо снабдить его доверенностью. Право, пожалеешь иногда об отсутствии железных дорог при таких ужасных расстояниях. Они будут устроены, непременно будут, только не скоро. И будут устроены не правительством, а по требованию же русского мужика, который, не заботясь об наших опасениях и поэтических сожалениях, не питает к железн⟨ой⟩ дороге никакой ненависти[3], находит ее очень выгодною, охотно по ней катается (тысяч до 50 каждый год, если не больше, отправляется из внутренних губерний для заработков в П⟨етер⟩бург) и не прочь устроить ее в других местах. Мы сильно роптали против п⟨етер⟩бургской железной дороги... Но предложите теперь кому угодно уничтожить ее без всякого убытка и возвратиться к прежнему способу сообщения... Конечно, кроме извозчиков, никто не согласится! — Если б только позволили устроиться частной компании, то мигом проведена была бы железная дорога из Малороссии к Черному морю — и край ожил бы! О нравственном вреде нечего говорить: не от железных дорог и матерьяльных улучшений должны зависеть нравственные начала народа; поэтическая простота внешнего быта подлежит сама собой *непременному* разрушению, и не она должна хранить нравственные начала. Впрочем, об этом можно написать целую статью. Мне иногда бывает забавно видеть, как народ, действующий в силу внутренних и нам и ему неизвестных законов, вовсе не заботится о том, что иногда так сильно нас беспокоит; между тем, мы иногда до такой степени простираем свою любовь к простоте прежнего быта, что готовы были бы заставить народ вновь действительно поверить существованию лешего, если б он уже перестал этому верить, — не вследствие соблазна моды и развращения, а вследствие большей возмужалости. Не может и не должен быт оставаться в той же первоначальной простоте, но торопить его не следует, а должно предоставить ему честный и свободный путь. Но довольно об этом. — Обращаюсь к военным действиям. Нового покуда еще ничего нет. Медленно что-то идут дела. Почти два месяца, как перешли мы Дунай с одного бока, а другой бок все так же нам заперт. Впрочем, известия получаются так не скоро, что теперь, может быть, уже и совершилось какое-нибудь важное событие. Насчет Финляндии я не беспокоюсь. Финляндия не отторгнется[4], вовсе не желает шведского владычества и искренно привязана к России: при русском владычестве свободно возник в ней народный финский элемент, подавленный Швециею, стала разроботываться финская литература, финский язык преподаваться в университете. Я знаю многих финляндцев, которые все мне это искренно подтверждали, а вы о Финляндии можете подробно расспросить Путяту: он ее знает лучше, чем свою деревню[5]. Я рад, что в манифесте сказано: “за братьев”[6]. Одно мое желание, выраженное и в стихах[7], хотя, может быть, и неясно, чтобы сама Россия этого пожелала, чтобы и нельзя было — при перемене политики личной — послать ее же драться против славян и греков, что она и исполнила бы послушно вопреки своим влечениям!.. Враждебные виды подлейшей Австрии обозначаются: я бы желал даже, чтоб она приняла участие в войне[8] и чтобы уяснились отношения к нам славян австрийских. —

Кажется, Америка помогает нам только скрытно. — Речи парижск⟨ого⟩ архиепископа я всей не читал; здесь я не мог достать "L'Indép⟨endance⟩ belge"*, да и русские газеты достаю с трудом... Впрочем, добыл себе я здесь "Journal de Francfort," но уже очень старые №№. — Я думаю, что в "Моск⟨овских⟩ ведомостях" перепечатано из "Одесского вестника" все описание бомбардировки и приказы Сакена[10]: они написаны очень живо и горячо. Иннокентий удачно воспользовался обстоятельствами и сказал ловкое слово[11]. Надо же было неприятелю начать войну именно в Страстную субботу! Я думаю, и у них Пасха должна быть в одно время с нами, так как этот праздник от числа не зависит. Впрочем, нет, должно быть, они уже давно отпраздновали Пасху. Во всяком случае, они очень кстати выбрали этот день! Этот день показал, что Одесса, несмотря на отдаленное расстояние кораблей, может сильно потерпеть от стрельбы: трехпудовые ядра и бомбы хватали даже за город. Афанасий видел на почте одного земляка своего — солдата, только что приехавшего из Одессы: он рассказывал ему, будто на другой день англичане и французы прислали узнать имя офицера, командовавшего 4-х пушечною батареей под громом 300 орудий[12], велели изъявить ему свое уважение и чуть ли не прислали ордена! Но этого ничего не было. — Насчет моего поручения Вы пишете, милый отесинька: "год уже не за горами". Да, но мне еще придется быть на 8 ярмарках, много и много изъездить, да и вернуться с готовым трудом можно будет не раньше декабря! А главное — теперь толку и пользы от этого труда мало. Настоящие события, например, совершенно почти убили Елисаветгр⟨адскую⟩ ярмарку, и весь обычный, правильный ход торговли нарушен. — Ярмарка кончилась: нынче отнесли с пением и звоном обратно в церковь икону из москов⟨ского⟩ ряда (московскими же купцами сделанную), и купцы разъезжаются, почти не продав ничего. — Статья о настоящем вопросе не была собственно статьей, а письмом на почтовой бумаге, которое я было запечатал уже, но, потом раздумав, уничтожил. События двигаются так быстро сами, что едва успеешь записать их и построить вывод, как уже возникает и самый вывод и являются новые события! Следовательно, статья эта теперь лишена была бы всякого интереса. — На той неделе был я в концерте, данном здешним обществом в пользу раненых. Дам здесь довольно, много недурных собою, одеты щегольски; концерт был очень порядочный. Одна m-lle Гелфредер пела "Erlkönig"** Шуберта очень хорошо. Статских почти не было ни одного человека: все военные. Вы, верно, знаете, что в Херсонской губернии находятся кавалерийские поселения; теперь бóльшая часть кавалерии ушла, однако еще остались резервы и кадры для формирования новых полков из рекрут. Военной молодежи, годной в дело, еще здесь довольно. В ожидании своей очереди идти навстречу смерти они гуляют, танцуют, играют в карты, ни о чем не заботясь! — Подле меня стоят офицеры: по целым дням бьются в ералаш или катают шары на бильярде... А драться, нет сомнения, будут отлично и свято исполнят долг и мужественно встретят смерть. — Был я также на

* "Бельгийскую независимость" (фр.)[9].

** "Лесного царя" (*нем.*)[13].

субботу, т.е. на ша́баш в здешней синагоге. Это прекрасное здание без особенного, впрочем, характера снаружи. Внутри над огромной залой неглубокий купол, синий, со звездами, наподобие неба. Евреев было множество; еврейки ни одной. Все с покрытыми головами, т.е. в шляпах и картузах, сидят, стоят, ходят: вообще благочиния нет никакого. Большая часть громко и необыкновенно скоро бормочат молитвы, отчего происходит страшный гул. Посредине устроена эстрада, на которой тесной толпой стояли певчие и пели. Несмотря на неприятный способ пения, можно было расслушать,что музыка напевов очень хороша, но, должно быть, не древняя, а сочинения какого-нибудь современного музыканта-еврея, Мендельсона[14] или кого другого. После замечательных аккордов какого-нибудь мотива иногда вдруг все собрание в один голос принималось так громко и скоро читать какую-нибудь молитву, что готов выбежать вон от этого дикого крика. — В ша́баш водворилась тишина в городе: евреи не торгуют, не снуют взад и вперед, а, на них глядя, как-то и русские вяло торгуют в этот день. Зато в воскресенье после суточного воздержания евреи еще живее принимаются за свою работу, т.е. за беготню взад и вперед с товарами. —

Завтра надеюсь получить из полиции ведомость об ярмарочных оборотах и пущусь в путь. Буду пробираться в Киев через Чигирин, Золотоношу; словом, хочу заглянуть в самое гнездо казацкое. Если Максимович от Золотоноши недалеко, то заеду к нему: мне именно интересно посмотреть поближе весь быт деревенский летом. Теперь же веснянки продолжаются[15], авось и песни услышу. Я до сих пор еще веснянок не видал. Завтра же к вечеру надеюсь получить письмо от вас. — Сам же я буду писать уже из Киева, который хочу осмотреть подробно и где останусь дней 7, не меньше. — Несмотря ни на что — ни на весну, ни на ярмарку, у меня одно в голове: Дунай! Посылаю вам стихи свои, здесь на днях написанные, несмотря на зубную боль. Стихи очень-очень негладкие, но поправлять их решительно не стоит, а потому даже и не переписываю их на отдельном листе. — Покуда прощайте, милые отесинька и маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы и спокойны духом, целую ваши ручки, Константина и сестер всех крепко обнимаю и очень-очень благодарю за приписки.

И. А.

K N. N.

(N. B. Это так, из скромности; разумеется, к себе).

На Дунай! туда, где новой славы,
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где, на спор взирая величавый,
Целый мир ждет Божьего суда!

Чудный миг! миг строгий и суровый!
Там, в бою сшибаясь роковом,
Стонут царств могучие основы,
Старый мир об мир крушится новый,
Ходят тени вещие кругом!

И века, над ратными полками,
Как виденья, мрачные встают,
Грозными на брань глядят очами,
Держат свитки длинные руками,
Всех к ответу строгому зовут!

Там, сквозь гул, и стоны, и рыданье,
Клик и гром тревоги боевой,
Чьих-то крылий слышно трепетанье,
Чье-то дышет сильное дыханье...
Кто-то бдит над грешною землей!
(Или: Чья-то длань простерлась над землей!)

На Дунай! Что медлишь ты напрасно? —
Слыша сил властительный призыв,
Подвигов у Бога ежечасно
Ты просил... Мгновение прекрасно,
Подвиг свят и праведен порыв!

О, туда! Отрадно на просторе
Там вздохнуть средь жизни мировой,
В горе всех свое растратить горе,
В счастье всех исчезнуть будто в море,
Хода дней не слышать над собой!

В общей жизни жизнью потеряться,
В общий труд всю душу положить...
Дням таким, поверь, не возвращаться!
На Дунай! Что медлить? Чем смущаться?
Раз один дается в мире жить!

Так проси ж у Бога сил небесных,
Все для дня великого забудь,
Весь зажгись огнем восторгов честных,
Меж рабочих темных и безвестных,
Ты везде рабочим добрым будь!
(Или: Добрым ты рабочим так же будь!)

Впрочем, если сделаете какие поправки, то сообщите.

153

Пятница, мая 1854 г⟨ода⟩. Киев.

Я пишу к вам, милые отесинька и маменька, еще полный самыми разнообразными впечатлениями. Много слышал я о Киеве, но он превзошел все мои ожидания! Я еще до сих пор не могу настоящим образом прийти в себя и отдать себе ясный отчет во всех испытанных ощущениях: и красота самого Киева, и весна — с разливом Днепра, с молодою, свежею зеленью, с мильонами соловьев, с благоуханием, отвсюду несущимся, — и пещеры с своими будто вечно бодрствующими мертвецами[1], и следы древности на каждом шагу, напоминающие весеннюю пору в истории Руси, ее первую, раннюю молодость, Русь еще княжескую, не царственную! Все это так разнообразно и сильно

действует на человека, что, кажется, мало один раз побывать в Киеве! — Я приехал сюда в середу утром на солнечном восходе: я нарочно остановился в Броварах[2] на ночь, чтоб въехать в Киев в самую лучшую минуту дня. Обыкновенно такие подготовления впечатлений бывают обманчивы и не удаются, но с Киевом дело вышло иначе. Его красота не боится этих подготовлений, в его красоте есть что-то вечно-свежее и молодое. — Бровары, я думаю, знакомы нашим путешественникам[3], но, кажется, при них не было еще шоссе. Теперь от Бровар до самого Киева шоссе, следовательно, песков нет. Густая зелень дерев по обеим сторонам шоссе мешала видеть Киев издалека; впрочем, уже на 15 версте, там, где расступились деревья, сверкнули главы и кресты церквей. Наконец, за несколько верст до Киева деревья исчезли, и вся великолепная панорама Киева раскрылась передо мною, отражаемая синими водами Днепра и ярко освѐщенная солнцем. Было еще очень рано, а потому свежо и тихо. Теперь открыт уже мост через Днепр. Мост не дурен и не безобразит общего вида. В самом городе есть новые здания и ворота, которых еще не было в то время, когда Константин с сестрами был в Киеве. — Я остановился в "Зеленом трактире": это в Печерской части, почти в ста шагах от лавры[4], но очень далеко от прочих частей города. Немножко отдохнувши, отправился я к поздней обедне в лавру: рядом с нею устроен арсенал; против самых Св⟨ятых⟩ ворот стоят грозные пушки и лежат кучи огромных ядер. Церковь и весь двор лаврский были полны богомольцев со всех концов России. Невольно вспомнишь стихи Хомякова[5]! Впрочем, кажется, самые отдаленные края России не имели здесь представителей: еще не успели добрести, еще рано! Нечего и говорить вам о том, что чувствовалось и мыслилось мною во время обедни. Здесь больше, чем где-либо, чувствуешь себя русским, слышишь связь свою с прошедшим, видишь себя членом общерусской семьи, ощущаешь свое родство со всеми ее разрозненными членами, напр⟨имер⟩, с малороссом, белорусцем и проч. — У нас в Троицкой лавре мы редко видим богомольцев с юга. Все равно как бы члены одной семьи, давно уже живущие порознь, собрались опять все вместе в доме, где провели свое детство, где жили прежде, чем разошлись. —Лаврский напев очень меня поразил. Не знаю, какой напев Великим постом, но теперь это не пение, а песнь, клик. Напев очень громок, в мажорном тоне, очень скор. Иногда он очень хорош, но иногда кажется какими-то волнами звуков, беспорядочно торопящимися и обгоняющими одна другую. "Иже херувимы" и "Христос воскресе", например, лишены той торжественности напева, к которой привыкло мое ухо. — После обедни, продолжавшейся довольно долго, я воротился домой, чтоб отдохнуть. Я чувствовал себя очень усталым, да и нельзя сказать, чтоб даже и теперь усталость моя совершенно прошла. Со времени своего выезда из Полтавы я проехал слишком 600 верст на телеге, в том числе от Елисаветграда до Киева — с разными заездами — 400 верст! Однако ж через несколько часов я опять отправился бродить по городу, так как, не смотря ни на что, современные обстоятельства, в которых сосредоточились все мои чаяния и надежды, продолжают беспокоить меня сильно, то я отыскал кондитерскую, где и прочел в "Journal de Francfort" важное известие о циркуляре гр⟨афа⟩ Нессельроде насчет Греции и греческого

восстания[6], признаваемого русским правительством праведным и законным... Потом зашел в городской или дворцовый сад на берегу Днепра. Как хорошо там! Что за вид, что за зелень! Какое благоухание! Впрочем, деревья почти совсем отцвели, т.е. груши, яблони, вишни и проч. Еще держится цвет на каштановых, ореховых и некоторых других. Но, кажется, не цвет только, а самая зелень благоухает. Соловьи — один перед другим — так и заливались! Я не помню, были ли наши в дворцовом саду? Если не были, то очень жаль. Да и вообще жаль, что они были осенью, а не весною. — Погода стоит великолепная. Небо ярко-голубое, воздух чист и ясен, весна во всей своей красоте... Все явления жизни, все стороны духа вмещаются разом здесь в человека... Так, окруженный деятельною жизнью весны, среди безграничного простора, отзываясь всеми душевными струнами на хор мироздания, ты стоишь на холме, скрывающем в недрах своих жизнь иную, подвиги духа — пещеры, где человек создал себе и терзания, и борьбу, и восторги, и неизведанную нами радость! — После обеда пошел я к Ригельману[7], но не застал его. Зашел к Юзефовичу[8] и остался у него весь вечер. Юзефович, очень благодарный Москве за ее прием в последнюю его поездку и неистово славянофильствующий, что, впрочем, теперь кстати, принял меня с распростертыми объятиями. — Пришли к нему профессора Павлов и Силин[9], с которыми я, разумеется, сейчас же познакомился. Вообще пребывание Самарина в Киеве[10] сблизило всех здешних господ с Москвою и познакомило заочно со всеми нами, так что рекомендоваться уже не нужно. Вообще мне сделан здесь такой прием, что он меня даже несколько смущает; относительно себя лично я считаю его незаслуженным и приписываю его общему лирическому состоянию духа, возбужденному настоящими событиями[11]. Да, признаюсь, мне бы хотелось быть досужнее и свободнее в Киеве, чтоб вполне предаться всем разнообразным ощущениям. На другой день отправился я с Афанасьем в пещеры. Как я ни хлопотал, но не мог добиться, чтоб мне показали их отдельно от толпы народа, и потому пошел вместе со всеми. Монах вел нас очень скоро, так что мы едва поспевали за ним. Впрочем, я предварительно успел прочитать подробное описание пещер Муравьева[12], и подвиги главнейших подвижников мне были известны. Не стану вам описывать теперь впечатления. Оно было очень сильно и в то же время смутно, не совсем свободно, потому что в душе невольно возникал протест против подобного самоумерщвления, и в то же время душа невольно кадила им и изумлением, и благоговением, и даже какою-то признательностью за то, что, добровольно отрекшись от жизни, они очищают жизнь в мире живущих. А выходя из пещер, я был вновь обдан морем света: небо было безоблачно, соловьи пели, и природа совершала свои обычные чудеса. — Я хочу добиться, чтоб мне позволили сходить в пещеры если не ночью, то поздно вечером. — У самого входа в пещеры монах, разменявший мне деньги при покупке свечи, попросил у меня денег “на булку” для себя, а при выходе из пещер другой предложил мне “стружек от мощей”. Последнему я даже не мог и ответить, а с ужасом отвернулся. Человек везде все изгадит. Осмотревши все в лавре, воротившись домой и отдохнувши, я пошел к Розенбауму, правителю канцелярии кн⟨язя⟩ Васильчикова, моему товарищу[13], который, разумеется, мне очень обрадовался, а потом отправился обедать к Юзефовичу, который созвал на обед

довольно много гостей по случаю моего приезда. Тут я познакомился и с Ригельманом, и с Судьенко[14], и с статистиком Журовским, и со многими другими — и всем должен был отвечать на расспросы о Самарине и Константине, которого комедия и статьи всем очень хорошо известны[15]. После обеда мы долго сидели в саду в виду роскошного клена в обхват толщины и при пении соловьев. Потом перебрались к Ригельману. Как я ни отнекивался, но должен был уступить последнему и согласиться переехать к нему: у него 10 комнат и есть место, но я охотнее бы остался в гостинице, где сам себе хозяин. Отказаться решительно было невозможно, потому что нельзя было представить достаточной причины. Поздно вечером я воротился домой, встал пораньше, сел писать к вам письмо, а как окончу, так отправлюсь к Юзефовичу, вызвавшемуся показать мне Софийский собор[16] и другие достопамятности. Афанасий же переедет к Ригельману. Надобно признаться, что извозчики в Киеве страшно дороги и берут вдвое против таксы, ссылаясь на высокие цены овса; там же, у Ригельмана, в центре города я почти не буду нуждаться в извозчиках. — Я думал найти в Киеве письмо от вас, мне много мешает неизвестность о дальнейшем положении маменькиного здоровья, хотя из вашего последнего письма, полученного еще в Елисаветграде, и видно, что болезнь приняла благоприятный оборот. — Здесь предполагаю я остаться еще дней 5 или шесть, а потом проеду в Полтаву, где должны меня ждать письма из П⟨етер⟩бурга с ответом на вопросы о задунайской службе. От них будут уже зависеть мои дальнейшие распоряжения. Если никакого решительного ответа еще не будет, и я должен еще продолжать свое дело, то проеду в Ромны на Вознесенскую ярмарку, заехав предварительно к Марье Ив⟨ановне⟩ Гоголь. —

Мне еще предстоит рассказать вам подробно про свое путешествие из Елисаветграда до Киева. Оно довольно интересно, равно и как пребывание на Михайловой горе у Максимовича[17], у которого я провел слишком сутки. Но для этого надобно исписать еще целый почтовый лист, для чего теперь решительно нет времени. — Итак, прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы, целую ваши ручки, крепко обнимаю Константина и сестер. Мое письмо возбудит воспоминания о поездке в Киев[18] и долгие толки... Как бы я желал, чтобы сестры имели возможность побывать в Киеве и именно весною! На дворе чрезвычайно жарко: постоянно не менее 20 градусов в тени, но я люблю жар и зной летний. Прощайте. Афанасий в совершенном восторге от Киева и говорит, что он несравненно лучше Москвы. —

Ваш *И.А.*

Ригельман мне очень нравится, Юз⟨ефович⟩ — не очень.

154

Середа, мая 19-го 1854 г⟨ода⟩. Киев.

Письмо это будет послано к вам, милые мои отесинька и маменька, после уже моего отъезда из Киева. Завтра, наконец, выезжаю отсюда в Ромны; по незначительности предстоящей Роменской ярмарки хочу в городах, через

которые мне придется ехать, останавливаться на несколько часов для собрания сведений, а потому лучше, чтоб это письмо отправилось отсюда в пятницу. Я поручаю его Ригельману; если же он сам уедет в деревню вечером, то отправит его человек. — Послезавтра день именин Константина. Поздравляю вас, милые отесинька и маменька, поздравляю Константина и обнимаю его крепко от всей души, поздравляю всех. Кстати, о Константине. Вчера Юзефович принес мне прочесть статью, недавно полученную в Киеве и подписанную: Конст⟨антин⟩ Аксаков, Москва, 9 февраля. Эта статья прислана сюда в копии из Вильно от Аркадия Россета[1]. Сначала, когда мне говорили об ней, я крепко заподозрил ее подлинность: неужели бы я не знал о ней прежде? К тому же Юзефович, живший 2 недели в Москве после 9-го февраля и ежедневно посещавший весь наш кружок, снявший копии со всех статей, бывших тогда в ходу, не мог бы не слыхать и об этой статье, посвященной современному вопросу. Но когда я прочел статью, то убедился, что автор ее Константин[2]. Статья превосходная; язык или слог этой статьи даже слишком хорош для Константина, обыкновенно небрежного в этом отношении. По языку это лучше всего, что писал он. Язык ясный, светлый, крепкий, точный, ни одного повторения, ни одного немецкого приема в мысли, даже прилагательные поставлены большею частью после существительных имен. Некоторые выражения, некоторые взгляды обличают Константина, если б даже он и скрыл свое имя. Ну, а если это не он? Быть не может! Тут говорится и про парад страстей и про теорию греха на Западе... Константин — и никто другой! Но как же об этом не написать? Я должен был потом прочесть эту статью при всех у Юзефовича на вечере и откровенно объяснил, что хотя мне об этой статье не написано ни слова, но я признаю ее за статью брата. Я просил Юзефовича доставить ее при первой оказии в Москву к Хомякову, а сам снял для себя копию. Сделайте милость, уведомьте меня, точно ли Конст⟨антин⟩ автор этой статьи, когда он ее написал и отчего держал ее в таком секрете. — Я ездил к Чижову[3], верст 60 отсюда, с Ригельманом и князем Дабижа[4], сербом, инспектором гимназии. Сначала мы отправились было водою, т.е. Днепром, но сильный противный ветер произвел такое волнение на Днепре, лодка же наша была так мала (да и Ригельман немножко струсил), что мы, отплыв версту, вышли на берег и отправились сухопутно, в коляске. Дорога — или горы или пески, а потому мы ехали очень медленно и даже принуждены были ночевать у одного жида, очень благообразного, с наружностью и формами тела крупно-библейскими. Смотря на него спящего, на его голые ноги, я — не знаю почему — вспомнил о Гедеоне, о временах Олоферна... Но Юдифи между еврейками до сих пор еще не встречал![5] — Чижов обрадовался нам чрезвычайно. Живет он совершенно уединенно: выстроил себе маленький домик в полуверсте от какой-то казенной деревни, окопал себя рвом, завел у себя садик и плантацию шелковых деревьев[6]. При нем несколько человек наемных работников. Шелковое его заведение идет отлично: он получил уже 2 медали за свой шелк и приохотил соседних крестьян к этому занятию[7], раздавая им безденежно семена и наблюдая за обращением их с червями. Человек уже 60 в окрестности стали разводить у себя тутовые деревья и червей. Но производство хорошего шелка требует старательного ухода и ученого знания, а

потому шелк крестьянский очень низкой доброты. — Несмотря на все достоинства шелка у Чижова, выгоды, получаемые им, очень малы. При всех стараниях он не может иметь более 8 пуд шелка, что — за исключением издержек — принесет до 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — Стоит ли для этого хоронить себя в глуши! Летом оно ничего, но зимою... Зато, кажется, Чижову сильно уже надоели его черви, и он готов был бы бросить свое заведение, если б нашелся выгодный покупщик. Видно, что уединение и мирная сельская жизнь просто набили ему оскомину: он скучает, хандрит, тоскует, рвется в Москву, называя ее церковью, храмом, который надо посещать для очищения и обновления сил, и зиму будущую проведет непременно в Москве. Взгляд на современные события у него одинаков с нашим. Он собирается писать об них статью. Человек умный и деятельный, сознающий свои силы и дарования, хорошо знакомый с миром славянским, он хотел бы принять действительное участие в событиях, и если б правительству нужно было бы послать кого-нибудь к славянам, то Чижов, по моему мнению, мог бы быть употреблен с величайшею пользою[8]. Что касается до меня, то я не сознаю в себе способности принести большую пользу делу службою на Дунае, но для меня это просто потребность души; хочется быть рабочим хоть самым темным и безвестным[9]! Я ни на секунду не оставляю этой мысли и жду писем из Петербурга. На Дунай, на Дунай! Разумеется, я не поеду на Дунай, не съездивши в Абрамцево, но дела идут так медленно, что, кажется, и через два месяца приехать на Дунай будет не поздно! — Чижова в околотке называют “*шовковый пан*”, и он умел так себя поставить, что все начальство и власти, около него живущие, его боятся и слушаются. Мы прогостили у него довольно долго и потом возвратились тою же дорогою в Киев. Я уже сказал, что дорога большею частью песчаная, но попадались иногда такие очаровательные места, которых долго не забудешь. Пение соловьев и благоухание белой акации сопровождали нас иногда по несколько верст сряду. В одном селе была ярмарка, и весь народ в летних пестрых одеждах, а девушки в цветах. Страсть к цветам так сильна, что носят даже венки искусственных цветов на голове при недостатке настоящих. Хороша весна в Малороссии, где так силен союз человека с природой! Чижов также хочет летом быть в Сокиренцах, имении Галагана[10] в Прилуцком уезде, и мы все опять съедемся там. Это уже будет в июле м⟨еся⟩це, если я не уеду на Дунай. Я много рассказывал Ригельману про Трутовского, и у него есть проект предложить Трутовскому от себя, от Галагана, Тарновского и от других богатых малороссов сумму денег, достаточную для артистического путешествия по Малороссии. Я думаю, Трутовский не откажется; взамен денег он может предоставить в их пользу свои рисунки. К 1-му июня я буду в Харькове, 8-го или 9-го буду уже на Коренной (прошу вас адресовать теперь мне письма в Курск до июля месяца, а с июля в Полтаву). В Курской губернии я проживу до июля, потом перееду в Полтавскую губернию, где в июле месяце происходит знаменитая Ильинская ярмарка. Таким образом, возвращаясь из Курска в Полтавскую губернию, я хотел бы захватить с собою недели на две Трутовского и повезти его к Галаганам. Очень был бы рад, если б это все устроилось; богатые малороссы, увидав его рисунки, верно, обеспечат его во

всем, чтоб он мог вполне предаться изучению Малороссии. Я думаю, что фальшивая щекотливость не удержит Трутовского от принятия подобного предложения. Если же он будет затрудняться, то сделайте милость, своим авторитетом разрешите его недоумения. У Чижова проживает теперь художник Агин — человек пустой, но превосходный акварелист[11]. Он старше Трутовского, но знает его по Академии, хорошо помнит и отзывается о его таланте с горячей похвалой, хотя с тех пор и не видал его рисунков. — По возвращении от Чижова узнал я, что приехала в Киев пить воды Милорадович, а, сидя у Милорадович, случайно в разговоре ее с кем-то услыхал я, что в Киев же приехала лечиться ее приятельница Варвара Яковлевна Карташевская. Оказалось, что это жена Володи[12], действительно приехавшая в Киев с матерью пить воды. Я поспешил с нею познакомиться. Она очень мила, проста в обращении, без претензий, добра, скромна, любит очень Володю, но ум, образование, душевный склад не представляют, кажется, ничего особенного. Она была очень больна, да и теперь у нее вид совершенно чахоточный. Мать ее вчера уехала, и она поселилась у своих тетушек. Маркевич (историк)[13] ей, кажется, родной дядя; она будет у него в Прилуцком уезде и надеется также побывать в Сокиренцах с Володей у графини Комаровской[14] и у Галаганов (Комаровские и Галаганы живут в одном имении). —

Меня очень беспокоит медленность наша на Дунае: все еще не верится твердому решению правительства освободить булгар; все еще боишься дипломатических соображений. — Давно уже, очень давно не имею я об вас известий, милые мои отесинька и маменька, но надеюсь на Бога, что все у вас идет хорошо, по крайней мере, по-прежнему. В Ромнах надеюсь найти несколько писем ваших и из разных мест, а также из Петербурга. Следующее письмо я буду писать вам или из Ромна или уже прямо из Харькова, так как из Харькова письма ходят скорее. Прощайте покуда, милые отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

И.А.

155

Харьков. 2 июня / 1854 г⟨ода⟩ Середа.

Опять пишу вам из Харькова, милые мои отесинька и маменька. Я приехал сюда третьего дня, поспешая к ярмарке, но ярмарка еще не началась. Всю прошедшую неделю шли беспрерывные дожди, которые сделали дороги почти непроездными. Я в буквальном смысле слова плыл в своей телеге, а не ехал. Вчера также погода беспрестанно менялась: то ясно и солнечно, то дождик. Теперь так же ясно, но не знаю, устоит ли. Это очень скучно, потому что нельзя ходить пешком: улицы большею частью немощеные, а чернозем так распускается, что можно увязнуть или оставить калоши. Зато, впрочем, он необыкновенно скоро и сохнет. В Ромне накопилось очень много писем, ко мне

адресованных, в том числе три ваших. Как долго ходит туда почта! Последнее письмо ваше от 11 мая. Я распорядился, чтоб письма, которые еще могут получиться в Ромне, были пересланы сюда в Харьков. — Письмо, полученное мною в Елисаветграде, совсем было успокоило меня насчет маменькиной болезни. Я предполагал, что после кризиса благодаря крепкой натуре, которую Бог дал маменьке, выздоровление пойдет шибко, но из писем ваших вижу, что оно шло медленнее обыкновенного и что были даже рецидивы! Воображаю, как вы все были опять встревожены! Я думаю, что медленный и несколько болезненный ход выздоровления неизбежный исход хотя кратковременной, но сильной болезни и рецидива. Он требует большой осторожности и терпения, а маменька, слава Богу, не привыкшая к болезням и лечению, по этой же причине не может, вероятно, и подчинить себя всем требованиям осторожности. Воображаю, как строго все смотрят теперь за маменькой, как иногда, может быть, доводят эту строгость до крайности, но лучше уже выдержать полный строгий курс излечения, чем задерживать ход выздоровления резкими уклонениями от лечения, по-видимому, и пустыми, но все же не приносящими видимой пользы. Какое счастье, что у вас хороший доктор под рукою. С нетерпением жду от вас новых писем; дай Бог получить добрые вести о полном и совершенном выздоровлении, а также о том, что вся эта тревога осталась без последствий для здоровья других. — Так и у вас были жары в апреле. Теперь, вероятно, вас залило дождями. Несмотря на дожди, здесь покуда постоянно тепло. Харьковская губерния в сравнении с Полтавскою и Киевскою показалась мне бедна растительностью, хотя несравненно богаче Московской. Зелень дерев не так здесь густа и пышна, как в Киевской и Полтавской. Некоторые деревья не растут вовсе, а другие надо обвертывать на зиму соломой. Белая акация растет и здесь, но здесь больше кустами, а там большими, толстыми деревьями. Проезжая вновь через Малороссию, через ее города и местечки, я чувствовал все различие даров природы южной и северной. Опять повторяю: вся утонула в зеленых садах Малороссия. Пение соловьев и благоухание деревьев сопровождали меня во всю дорогу! Какая прелесть! Здесь бы надо иметь деревню, куда уезжать на все лето. Курская губерния кажется мне отсюда уже севером, да и здесь везде называют ее Россией и курчанина — русским, т.е. великороссом. Но буду отвечать на ваши письма. При первом присланы два стихотворения Константина: одно — старое[1], другое — новое, по случаю бомбардирования Одессы. Последнее очень хорошо и гораздо более мне нравится, чем первое, которое несколько растянуто. Впрочем, и в нем три строфы в середине очень хороши. Жаль, что негде напечатать последнего[2]. Всего бы лучше в одесской газете, но печатание сопряжено с такими затруднениями, что и хлопотать не стоит. Пока выйдет разрешение, явится на сцену новое событие, которое заставит забыть про Одессу. Но какая постоянная недобросовестность иностранных газет относительно нас. Даже “L’Indép⟨endance⟩ belge” журнал беспристрастный, и тот все добрые вести печатает как бы нехотя, сокращая известия или упоминая только вскользь. Каков медный лоб французский император: выбил медаль в честь бомбардирования Одессы. Жду с нетерпением официального известия о взятии

Силистрии[3]. По частным слухам, она уже взята и с малою потерею людей. — Жаль мне очень, что Грише приходится быть в таком неприятном положении, как например, ехать вместе с Сент-Арно[4]. Да когда же он думает воротиться[5]? Воротиться надо, но куда они денутся? У них нет пристанища. — Стихи мои[6] первые прочтены вполне в Москве очень и очень немногими. Хомяков с Киреевским[7] решили пустить в ход только первую строфу, а про остальные умалчивать, как бы они вовсе не существовали. Даже списков нет. Второе же стихотворение[8], прописанное мною в письме к Киреевскому (так случилось, что оно было написано в тот самый день, как я отвечал ему на его письмо), точно ходит, но в нем ничего такого нет. Вы недовольны моими стихами. Мне это очень жаль. Я согласен, что в первой строфе первого стихотворения образ неясен, не полон: кто-то ходит между нами, чья-то сильная рука правит миром, как браздами, против воли седока. Но я полагал, что он понятен, что достаточно одного намека на образ, что часто бывает в лирическом стихотворении, где один образ торопливо сменяется другим, и полнота каждого образа расхолодила бы стихотворение. Неужели однако этот намек так неясен? Сравнение заключается в том, как бы чья-то невидимая рука ухватилась за бразды коней, запряженных в экипаж и управляемых кучером, и поворачивает коней и экипаж в другую сторону против воли и к великому изумлению кучера. Под седоком я вовсе не разумел Бога. Да это только сравнение. Я видел всегда, что оно не строго точно, но думал, что понятно. Мне кажется, вы уже несколько строго посудили мои стихи, делая такой вывод, что, видно, у меня "голова не в порядке!". Тем более я нахожу этот суд строгим, что Хомяков восхищается именно всею этою первою строфой и знает ее наизусть, а Киреевский частехонько повторяет. Не могу же я предположить, чтоб и у Хомякова голова была не в порядке! Что касается до второго стихотворения, то я с вами согласен, что строфа, где стих "чье-то дышит мерное дыханье", слаба. Ее можно выкинуть всю без ущерба стихотворению. Что касается до "своего горя", то там, где говорится о слиянии жизни частной с жизнью общей, даже странно было бы не сказать о горе, даже хоть в противоположность счастью. Притом это стихотворение лирическое, служащее выражением искренним человека в известную минуту, и странно было бы мне самому себе предписывать: этого не говори, это умолчи. Оно никого не поражает и кажется всем очень естественным. Мне кажется, милый отесинька, что Вы меня не совсем поняли, когда я Вам писал, что хотел бы не доканчивать поручения Географ⟨ического⟩ общ⟨ест⟩ва. Я только тогда хотел это сделать, когда имел бы в виду положительную возможность перейти на Дунай. Это могло бы служить мне поводом к усиленному ходатайству перед Обществом о снятии с меня поручения, потому что — без этого повода — поднимать такие хлопоты не стоит. Общество знает положение дел политических и может само судить, благоприятно ли оно для описания торговли. Оно придумало бы разные другие потребности в подробном описании для того только, чтоб не прекращать начатого и не выказаться опрометчивым; оно сказало бы, что обстоятельства еще не имеют такого влияния на ход торговли, что ему нужна география и статистика торговли, а не коммерческий трактат, не оценка торговли и проч. и

проч., что ему нужно знать географическое положение ярмарочных пунктов и проч. и проч. Но если б я имел в виду возможность немедленно перейти на Дунай, то отказался бы наотрез с возвращением денег. От Блудовой я уже получил два письма. Переход на Дунай очень затруднителен — из Петербурга. Всех назначает сам Паскевич[9]. Перовский также прислал мне официальный ответ ему из военного м⟨инистерст⟩ва насчет того, каким образом вообще совершается поступление на службу в армию. Получил я письмо от секретаря Общества[10]. Оно вовсе и не думает прекращать мою работу, напротив, хочет прибавить мне денег. Последнее необходимо. Прочитав все это и взвесив, я пришел к такому решению: докончить исполнение возложенного на меня поручения, стараясь всевозможно сделать описание полезным независимо от того положения, в котором находится торговля в нынешнем году: надо предположить, что я путешествую в 1852 и в 1853 г⟨одах⟩. Между тем, завести сношения (и уже завел) с канцелярией и штабом фельдмаршала, чтобы разузнать, есть ли там какое-нибудь местечко для меня, не нуждаются ли там в человеке грамотном и проч. и проч. Разрешение всех этих вопросов придет не скоро, а между тем я буду доканчивать свое поручение и поспешу с отчетом, так, чтоб в ноябре м⟨еся⟩це быть в П⟨етер⟩бурге, и благодаря медленности, с которою идут дела, кажется, я не опоздаю, если попаду на Дунай и через полгода. Тогда в январе я могу отправиться в армию. Если же начать хлопоты по окончании поручения, то слишком много потеряется времени. Заседания Общества по случаю вакационного времени прекратились до октября. Княжевич не мог бы без моего отношения формального к Обществу делать предложение о прекращении возложенного на меня труда. — Очень забавно, что в отчете Общества, недавно напечатанном, при исчислении разных экспедиций и командировок, сделанных Обществом, все названы по фамилиям, а про меня сказано: особый исследователь отправлен для описания ярмарок и проч. Цензор не пропустил имени. Впрочем, у них цензор особенно глуп. Он и тогда говорил, что не пропустит без высшего разрешения, но я думал, что это шутка, да и обстоятельства с тех пор изменились, но, кажется, на него они остались без влияния. Сделав слишком 1200 верст в телеге, я нашел очень неудобным перекладываться на каждой станции, терять и портить вещи, а потом и самого себя приводить после каждого переезда в состояние негодное для работы почти на целые сутки. Представился счастливый случай, и я купил *нетычанку* (так зовется этот экипаж в Малороссии, Новороссии и в западном краю) превосходную, заграничной венской работы за 55 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Мне уже обещали купить ее в случае, если мне придется возвращаться зимним путем. Это телега же особенного устройства, плетеная из камыша, на рессорах также особенного простого устройства. Она не так покойна, как обыкновенный рессорный экипаж или даже тарантас, но покойнее телеги и легче телеги, так что без затруднения можно ехать парой. Я очень доволен этою покупкой, а Афанасий еще больше. — Я остановился покуда в гостинице, но нынче же переехду в пустой дом Демонси[11], который сам живет на даче, на Основе у Квитки[12]. Там же нанимает дачу и Фандер Флас. Вчера я был на Основе и попал на именины Квитки. Сад у него великолепный, но в особенности восхищаются

харьковцы примыкающим к саду сосновым бором (тут грунт земли песчаный). Он хорош, этот бор, но этого сокровища у нас в России много, а потому я и не очень им восхищаюсь. — Данилевский, увлекаемый примером Единорога, захотел также написать биографию Квитки[13] и писал сюда к В⟨алериану⟩ Андр⟨еевичу⟩ Квитке, прося у него сведений и писем его дяди[14] и возвещая свое скорое прибытие в благословенную слободскую Украину и проч. и проч. Ярмарка официально уже началась, но шерсти еще нет: ее задержали дурные дороги. Ожидают, что она будет очень плоха. Роменская же Вознесенская ярмарка была, что говорится, из рук вон плоха. Здесь я пробуду неделю и потом отправлюсь в Курск. На несколько часов только заеду к Трутовским[15]. В Курске и в Курской губернии я думаю остаться до конца июня. Мои адресы теперь: до конца июня в Курск, с конца июня в течение всего июля в Полтаву. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Дай Бог получить скорее от вас хорошие вести. Обнимаю Константина и сестер. Милую Олиньку очень благодарю за письмо и буду отвечать ей. —

156

Июня 7-го 1854 г⟨ода⟩. Харьков. Понед⟨ельник⟩.

Завтра чем свет еду в Курск, а потому и заготовляю письмо накануне, милые мои отесинька и маменька. В середу получил я с почты два письмеца от вас; оба пришли еще в понедельник, но по неаккуратности здешней почтовой конторы не были мне отданы вовремя. Решительно не понимаю, отчего не доходят к вам мои письма. Из Киева к вам послано, кажется, три письма, да не кажется, а наверное. Я помню, что на другой же день приезда писал к вам. Может быть, вы уже теперь получили их все вдруг. Как это все досадно! Как еще плохо устроены у нас сообщения. Здесь же в Харькове на почте нашел я письма, лежащие уже 4 месяца! Почтовая контора забыла переслать их мне в Полтаву, несмотря на официальную бумагу, мною данную, о пересылке писем и пакетов на мое имя. Эти письма от разных моих друзей и товарищей и из Стерлитамака[1], и из Ярославля, и из Калуги, и из Саратова. Хорошо, что эти письма не требовали немедленного ответа и что с некоторыми я продолжал переписываться и в течение этих 4-х месяцев, предположив, что письма их пропали. Два письмеца, полученные мною из Абрамцева, писаны не в одно время. Одно из них от Веры носит на себе штемпель Посада 22 мая, другое от вас, писанное 24-го, не имеет никакого штемпеля на конверте. — Что это у вас все за нездоровья! Воображаю, милый отесинька, как несносна была для Вас лихорадка, которой Вы, слава Богу, так давно не знали! Я думаю, и у Сонички маскированная лихорадка. Дай Бог, чтоб поскорее-поскорее все эти недуги прошли и чтоб вы могли свободно насладиться летом. Верно, нынешняя почта привезет мне от вас письмо, если вы еще раз адресовали в Харьков; в противном случае я, верно, найду от вас письмо в Курске. Но как же я рад, что маменькино нездоровье прекратилось! Досадно, что у вас так сыро и столько нездоровых испарений, а что может быть лучше для окончательного излечения

и восстановления сил, как здоровый летний деревенский воздух! В путешествии моем мне приходилось не раз наблюдать различие местностей, в каких-нибудь 10 верстах друг от друга различие атмосферических условий и влияние их на здоровье жителей и на наружный их вид. Тут село на болоте, там на песке — и народ совершенно разный, разумеется, по наружности и столько, сколько могут действовать на нравственную сторону человека физиологические условия, не захватывая всей души и не лишая его возможности эмансипироваться от власти природы волею и трудом. Вы пишете, что у вас беспрестанные жары. Здесь же в это время жаров вовсе не было, а недели две шли беспрерывные дожди; впрочем, было очень тепло. Теперь, кажется, начнутся жары, но с грозами. Третьего дня и вчера были грозы; нынче, верно, также будет гроза. Зелень роскошная, густая, для трав также очень хорошо. Впрочем, дожди шли какими-то полосами и рассказывают, будто в новороссийских степях травы все повыгорели от засухи. — Вы пишете, милый отесинька, что Вас на 5 дней захватил Тургенев. Так он был у Вас?[2] Что же, как его нашли у нас, понравился ли он[3] и что он сам стал теперь, каков? Кончил ли он свой роман и читал ли его Вам[4]. Вы так мало о нем говорите, что как будто им не совсем довольны. Очень жалко, милый отесинька, что вышла такая путаница с Географическим обществом. Действительно писал я письма к Ник⟨олаю⟩ Милютину еще в декабре и к Владимиру Милютину (секретарю Общества) еще в феврале, когда еще не имел намерения переходить на Дунай и когда события еще не оказывали такого влияния на торговлю. Я объяснял им тогда, что необходимо прибавить денег, потому что в план моего исследования вошла поездка в Елисаветград, вовсе не бывшая в виду Общества, и потому, что жизнь в ярмарочных пунктах очень дорога. Не получая ответа, не зная, сделан ли я или нет членом Общества (что довольно важно для меня при официальных моих сношениях с местными властями), я писал к Вам, и Вы хотели справиться об этом в Петербурге. Но о прекращении моего труда я не просил[5], потому что сложить с себя это поручение я решился бы только при возможности перейти на Дунай. Я знал, что все мои доводы о несвоевременности статистического описания не были бы приняты Обществом в уважение, а мог бы я просто безо всяких доводов отказаться от поручения, возвратив все деньги сполна. Но если б Общество имело в виду мой переход на службу в армию, то в настоящее время могло бы, опираясь на те же доводы, снять с меня поручение и даже сделать со мною денежный расчет. О переводе же моем на Дунай я писал в Петербург, но не Милютину[6], а Оболенскому[7], еще кому-то — не помню — и Блудовой[8]. Очень жаль, если Милютин, сбитый с толку, не доложил Совету Общества о присылке мне еще 500 рублей. Прочтя ваше письмо, я немедленно написал Милютину, что вся эта путаница произошла от недоразумения, что действительно вот чего я хотел и хочу, что точно я нахожу описание несвоевременным по таким-то и таким-то причинам (разве только, что Общество хочет иметь описание за прежнее время), но знаю, что Общество не станет изменять своего решения и не сознается в своей недальновидности и что потому я буду продолжать работу и желаю, если уж не поздно, чтоб прибавили мне денег. Я не знаю, милый отесинька, какое основание выставили Вы Княжевичу и Надеждину моему

требованию? Несвоевременность описания? Но об этом я должен был бы сам формально донести Обществу. Не понимаю, отчего вышла вся эта путаница. Я, вероятно, очень неясно выразился в письмах к Вам, и потому Вы меня не совсем поняли. Впрочем, интересно было бы пересмотреть мои письма, что именно я писал[9]. — Здесь так же вышла для меня маленькая неприятность. Помните, я, кажется, вам писал, говоря вообще о Харькове и про здешнее духовенство, именно, что в одном трактире я встретил человек 5 или 6 священников, курящих трубки и пьющих водку[10]. Как-то, разговаривая с Филаретом, здешним архиереем, я сказал ему и про это, так как имен я не знал и ни на кого лично не указывал. Филарет очень благодарил меня, потому что это обстоятельство могло производить неприятное впечатление на приезжающее сюда русское купечество. Так дело и кончилось. По возвращении моем теперь сюда узнаю от Демонси, что вскоре после моего отъезда из Харькова пришла бумага от Протасова к архиерею, что по частному письму из Харькова дошло до его сведения то-то и то-то. Разумеется, все подумали, что это я писал, и были очень недовольны, тем более что бумага Протасова требовала объяснения и принятия разных полицейских мер. Демонси слышал это от некоторых купцов, и хотя уверял их, что я анонимного письма писать не стану, однако ж, слышавши от меня также рассказ об этих попах, был в недоумении. Разумеется, я просил его теперь подтвердить всем, что я никогда ничего не писал Протасову и хотел объясниться с Филаретом, но, к сожалению, он уехал в Ахтырку. Я должен предположить, что или письмо мое к вам было прочтено на почте, которая, сделав извлечение, сообщила его Протасову, или же, что кто-нибудь из харьковского общества, слышав мой рассказ (потому что мне случалось довольно громко излагать общую характеристику Харькова и Харьковской губернии), счел себя вправе написать Протасову. Если же это было прочтено на почте и почта вздумала так удружить мне, то это заставит меня быть очень осторожным, чтоб не наделать кому-либо хлопот и неприятностей[11]! — Здесь теперь два знатных англичанина, Гамильтон и Эльсингтон (кажется), взятые на "Тигре"[12]. Один из них внук кн⟨язя⟩ Воронцова, сестра которого леди Пемброк[13]. С ними нянчатся как с самыми дорогими гостями, не с уважением, какое следует оказывать военнопленному, а с каким-то заискиванием и подобострастием; всячески хотят доказать, что мы не варвары. И очень ошибутся. Англичане в гордом сознании своего нравственного превосходства примут это все как за должное и по возвращении непременно назовут нас опять варварами, может быть, снисходительно похвалят, может быть, посмеются. Говорят, что они будут жить в Москве[14]. Один из них говорит по-французски, но плохо, другой вовсе не говорит. Им давали обеды и генерал-губернатор и губернатор, на которые позваны были все дамы и девицы, говорящие по-английски. Они, впрочем, оба (т.е. англичане) очень нелюбезны; один из них хвастался, что первое ядро в Одессу было пущено им. Вчера здесь разнесся слух, что русские войска вступили в Галицию[15]. Но этот радостный слух, кажется, выдуман нарочно, чтоб еще более понизить цены на шерсть на здешней шерстяной ярмарке. Теперь еще поддерживает цены возможность сбыть шерсть за границу сухим путем через Австрию. Эта ярмарка, которая

называется панскою, т.е. господскою, отличается от прочих тем, что в ней продавцы все — помещики, так как шерсть главный источник доходов помещиков здешнего края. Обширное поле за заставой уставлено возами или, лучше сказать, воловыми фурами с мешками шерсти (в мешке обыкновенно пудов 12) мытой, грязной и перегонной. Тут же около возов пасутся отпряженные волы, стоят экипажи (некоторые помещики или их управляющие, не нанимая квартир, почти тут и живут), тут же импровизированные трактиры под палатками; с другой стороны красуется здание акционерной шерстяной компании, на крыльце которого толпятся директора, помещики и покупатели. Помещиков бездна! Изо всех нор и щелей они повылезли и у всех довольно пасмурные лица, потому что цены очень, очень низки, а шерсти навезли много. Я таскался часто на эту площадь, наблюдал помещиков и чувствовал себя в сравнении с ними, по недостатку практического знания и чутья, очень жалким и ничтожным созданием: я до сих пор не могу выучиться различать шерсть мытую от перегонной и разные сорта ее! Ярмарка эта продолжится еще долго, и все подробности о ней мне будут известны. Теперь же еду в Курск, т.е. еду через час. Почта пришла и не привезла от вас писем. Верно, найду их в Курске. Я намерен заехать к Трутовским часа на два. Прощайте, милые мои отесинька и маменька, цалую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. Надичку очень благодарю за приписку, давно я не видал ее почерка, цалую ее. Это письмо поручаю отправить без меня завтра, потому что нынче приема писем нет. Прощайте.

Ваш *И.А.*

157

13 июня 1854 г⟨ода⟩. Воскрес⟨енье⟩.
Коренная. 14 — понед⟨ельник⟩.

Окна мои растворены; на улицах шум, гам, крики, песни, пьяные возгласы и топот пляски, словом, ярмарочный вечер в полном смысле, но я не буду теперь описывать вам ярмарку, а лучше расскажу вам, милый отесинька и милая маменька, всю эту неделю по порядку. Но прежде отвечу на ваше письмо. В четверг 10-го июня получил я ваше письмо от 4-го июня. Грустно Ваше письмецо, милый отесинька! Завтра опять приходит почта: авось получу я еще письмецо от вас с извещением, как кончилась операция у бедной Сонички[1]. Надо ей пить летом какие-нибудь соки. Что это за путаница творится с перезалогом имения: разве Белебеевский уезд отошел к Самарской губернии?[2] — Каково же это в самом деле, кто мог бы ожидать таких морозов в мае месяце! Неужели так все и побито на⟨нрзб⟩? Но главное грустно то, что жизнь Ваша, по Вашим словам, как-то выбилась из колеи. Дай Бог, чтоб она опять пошла своей чередой, чтобы Вы могли вполне отдохнуть и насладиться летом и запастись сил, бодрости и здоровья на зиму. Как бы хотелось показать сестрам Коренную! Но когда-нибудь я да это сделаю. — В понедельник вечером на прошедшей неделе отправился я из Харькова. Дорога после дождей была так гнусна, тем

более что она перерезывается беспрестанно линией шоссе, еще не оконченного, да и оставленного теперь вовсе по случаю военных издержек, что ехал я довольно медленно, по-моему. Растительность Курской губернии беднее харьковской: здесь не растет белая акация; но в Курской губернии она несравненно богаче московской; к тому же в Курской губернии фруктовых садов едва ли не больше, чем в Полтавской. Знаете ли вы, что лучшие фрукты доставляются даже в Малороссию из Курской и что Курская губерния перетянула к себе всю торговлю фруктами? Я не проезжал прежде летом через Курскую губернию, и мне она понравилась. Меня приветствовали курские соловьи, знаменитые соловьи, хотя слава их уже начинает переходить к бердичевским. В 6 часов вечера приехал я к Трутовским. Никого их не было дома, Нины и Машеньки также[3]: уехали к соседям. Я послал к ним верхового, но Трутовские разъехались с ним и догадались о моем приезде, увидав мою нетычанку. Можете себе представить, как они мне обрадовались, но эта радость была смешана с заботою Трутовского, чтобы Sophie не слишком волновалась. В этот день она в первый раз выехала прокатиться. Оба они страшно исхудали, в особенности Sophie; к тому же она острижена, и лицо ее носит еще все следы ужасной болезни. Она очень-очень слаба; у обоих нервы сильно расстроены, но оба веселы, бодры и так же счастливы. Страшно слушать рассказы их про болезнь Sophie, про ее бред, которого трусил сам доктор. Вероятно, это все описано ими с подробностью, и импровизации стихов на малороссийском наречии и все фантастические ее причуды! Зато нельзя без некоторого душевного умиления видеть и слышать, как они оба умели отыскать в этой беде полезную и добрую сторону и новую причину к счастию! Оба они пришли к такому заключению, что болезнь принесла им много-много добра, что они сознали себя виноватыми против своих соседей, резко осуждая и презирая их, тогда как все они заплатили им за зло добром, снабжали их во время болезни всем нужным, показали им самое нежнейшее участие; что, не смешиваясь совсем с их жизнью, они, Трутовские, не должны презирать их и ценить доброе в человеке, доброе, за которое простится, может быть, многое дурное и которого, может быть, в них больше, чем в них самих, и проч. и пр. Поэтому Sophie и решилась поехать к ним ко всем с визитами в 1 раз после 2-х летнего пребывания в деревне. Далее: они теснее подружились с сестрами, в особенности с Машенькой, которая, как мне показалось, сама размягчилась совершенным ею подвигом. О заботах, оказанных ей во время болезни, Sophie не может и говорить без слез. Далее: оба они пришли к заключению, что такая замкнутая жизнь при таком постоянном поэтически-нервическом напряжении вредна и расстроила им обоим нервы, что надо жить несколько проще, не чуждаться людей и их обыденной пошлости. Это последнее решение довольно мудро. Они в самом деле, в особенности Трутовский, сжигаемый деятельностью художническою при таком изобилии досуга, очень подорвали свои нервы. Можно многое бы сказать по поводу этого вопроса, но об этом когда-нибудь пространно на досуге. — Я очень утешил Трутовских предложением от кружка малороссов совершить на их счет артистическое путешествие по Малороссии. Думаю даже, если состоится поездка Sophie к Лиз⟨авете⟩ Алекс⟨андровне⟩

Линтваревой[4], взять Трутовского с собою к Галаганам. — Он читал мне одно письмо Макрицкого[5]: очень умное и в высшей степени лестное. Комната его заставлена разными этюдами масляными красками, и, кажется мне, они очень хороши. Сережа их, в добрый час будь сказано, здоровый и крепкий ребенок[6]. — Посидев с ними, я посетил Алекс⟨ея⟩ Ив⟨ановича⟩, который принял меня довольно милостиво; рассуждал с ним о политике и о помещичьем безденежье, вследствие которого он не едет и в Коренную, — посидел у него с полчаса и воротился к Трутовским, куда пришли Ниночка и Машенька. Они все те же. Машенька бодра и как-то ласковее; Ниночка показалась мне вообще грустною. Я доставил удовольствие Sophie и позволил ей в короткое время накормить себя всякой всячиной и напоить себя два раза чаем (за что потом и поплатился спазмами, ну да в дороге это все ничего), пробыл у них до 12 час⟨ов⟩ ночи и отправился в Курск, куда приехал уже к утру. Курск показался мне очень живописным. Так как ярмарка уже началась, хотя крестного хода еще и не было, то губернатор и все власти переехали в Коренную. Я заехал в канцелярию и, узнав, что главный деятельный член Статистич⟨еского⟩ Комитета некто Ник⟨олай⟩ Ив⟨анович⟩ Билевич, отправился к нему. Он принял меня как человека, давно по слухам ему знакомого; оказалось, что он сам какая-то знаменитость, т.е. не больше моей. К сожалению, я решительно ничего из его трудов ученых и литературных не знаю[7], но фамилию эту я помню. Он долго служил в Москве, товарищ Гоголя по лицею[8], знает Елагиных, Киреевских, Хомякова, слышал Константина с восхищением, когда он спорил с раскольниками, знает все подробности моей службы. Выйдя потом в отставку, поселился он на своей родине в Курске, а теперь вступил вновь на службу по Статистическому Комитету. (Эти Комитеты преобразованы Бибиковым[9] и обещают сделаться полезными; важно то, что членами могут быть и частные лица, купцы и другие неслужащие.) При всем том он очень высокого о себе мнения и держит себя очень осторожно; но человек положительно умный. Билевич! Я помню, была какая-то история в Москве, в которой замешано было это имя. Спросить его совестно. Не помните ли вы?[10] — В ожидании крестного хода за несколько дней собравшийся народ наполнял собою весь город. Особенно хорош был вид на эти пестрые толпы из окна моей гостиницы на соборной площади. Гул не умолкал, движение народных волн не прерывалось. Народ как дóма располагался на площади, обедал, ночевал, отдыхал. Пообедав, я отправился в Коренную, куда и приехал к вечеру. По указанию Билевича я скоро нашел себе квартиру в какой-то "ставке" наверху, близ самой ярмарки. Мне нельзя было нанимать в деревнях соседних, потому что мне надо по десяти раз на день бывать на ярмарке, а цены в ставках страшно дорогие. Наконец, выторговал я себе комнатку довольно светлую, наверху, что очень важно (можно безопасно отворять окна) за 20 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с самоваром. Что это за ставки? Домики из досок, сколоченные на живую руку, кривые, косые: никто лучше не помещается, только есть 2 каменных домика для губернатора и жандармского полковника. На другой день утром познакомился я с губернатором, еще очень недавно сюда определенным, Зориным[11]. Он принял меня учтиво, но сухо: ему, кажется, весьма неприятно, что я прислан описывать

ярмарку, когда он сам поручил описание ярмарки своим чиновникам, в особенности Билевичу, желая щегольнуть таким тщательным и интересным трудом. Теперь же он обязан сообщить мне все официальные сведения или оказать содействие к собранию таковых. Я понимаю, что это досадно, но я объяснил ему через Билевича, что его труд будет гораздо полнее и точнее моего, что ярмарка Коренная входит в мой труд как часть и не составляет предмета особенного специального изучения, для которого надо было бы прожить в губернии целый год и посетить ярмарку два раза, что и действительно так. С тех пор я его и не видал, да и ни с кем из чиновников не познакомился: здесь такое суматошное время, и мне много дела, да и не знаешь, где кто здесь живет: все на лагерном положении. На другой день вечером, т.е. в четверг отправился я обратно в Курск, чтобы видеть крестный ход, там ночевал и в пятницу с 8 часов утра уже был на площади, которая вместе с примыкающими к ней улицами была буквально запружена народом. Народу было, я думаю, право, тысяч до 100 и большею частию женщин. Нигде не видал я такого разнообразия женских нарядов и головных уборов. Каждый уезд Курской губернии имеет свой наряд: часть губернии — Путивль, Рыльск и проч. носит характер малороссийский, часть губернии — великорусская. — Сюда бы надо приехать Трутовскому, чтобы на досуге всмотреться и нарисовать все эти уборы и наряды, из которых некоторые очень красивы. Я должен признаться, что наряд Курского уезда гораздо красивее малороссийского: это шерстяная юбка ярко-пунцового цвета, юбка, а не узкая плахта и не понева[12], и белая рубашка. В Малороссии почти не носят юбок, а обертываются плахтою, что́ не очень красиво; на головах же у курчанок красные шерстяные платки, сложенные так, что широкие концы висят немного сзади. — Тут видел я и высокие золотом вышитые овальные кокошники, на которые набросаны были длинные кисейные покрывала, и высокие круглые токи[13] с платком, сложенным, как чалма; и сарафаны очень красивые с круглым вырезом на груди. Словом, сюда надо ехать, чтобы видеть все разнообразие и красоту простого женского народного костюма. Как женщин было гораздо больше, чем мужчин, и как преобладающий цвет нарядов был пунцовый, то картина была великолепная. Я часа два ходил по площади, и приятно было видеть, как чувствует себя народ до́ма в народном множестве, хотя все пришли из разных концов, как постоянно сознает он свое братство. Во время хода одна барыня изъявила вслух свое презрение к мужикам и мужичкам за то, что ее толкнули. “Дело народное, — рассуждали по этому случаю между собою крестьянки, — как же не толкнуть. Да и что ж она брезгает: ведь это все народ крещеный”. — Было душно и жарко; долго-долго дожидались мы крестного хода, наконец, часу в 11-м он тронулся. Фонари и иконы были украшены цветами. Когда потекла эта река народная по улицам, то, право, казалось мне, не устояла бы тут никакая французская или английская батарея. Когда же вышли за заставу, то народ разлился ручьями по зеленому полю, по окраинам дороги. Народу было столько, что голова процессии от хвоста отстояла верст на 5. Я вовсе не думал провожать икону. Но оказалось, что объехать ее не было никакой возможности, к тому же я никак не мог и

отыскать своего извозчика. Таким образом я прошел с народом пешком 12 верст до Каменки, где был привал; я был этим очень доволен. Приятно как-то с таким множеством делать одно дело, делить труд и усталость, да в дороге же больше сближаешься. В Каменке река довольно извилистая и живописная. Подойдя к ней, целые тысячи мужчин и женщин бросились в воду обмывать свои горячие запыленные ноги и колена, потом все расположились обедать по берегам реки, и далеко во всех концах пестрели самые живописные группы. Словом, крестный этот ход так хорош, что я лучше ничего не видал, и стоит, чтобы приехать нарочно взглянуть на него. В Каменке нашел я свою телегу и отправился в Коренную, а народ, отдохнув, провожал пешком икону вплоть до монастыря и потом рассыпался по ярмарке и окрестностям. Оживленнее, народнее ярмарки мне не приходилось видеть. Но по торговым оборотам ярмарка очень плоха. — Мне еще предстоит описать вам в подробности самую ярмарку и здешнее общество, с которым, впрочем, я не знаком, но оставляю это до будущего раза. Афанасий с оказией едет в Курск, где и отдаст это письмо. Как жаль Андрея Карамзина![14] Его поступление в военную службу безо всякой надобности, предпочтение, оказанное им трудам военным перед роскошными удобствами жизни вследствие искренних русских, как он понимал их по-своему, убеждений и, наконец, эта смерть — все это должно примирить с ним каждого, резко осуждавшего его прежде. Бедная Аврора![15] Она его страстно любила. Здесь нельзя достать газет, а говорят, есть известие о взятии Силистрии[16]. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте, ради Бога, здоровы. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Я думаю, следующее письмо буду еще писать из Коренной. Прощайте.

158

Курск. 20-го июня 1854 г⟨ода⟩. Воскресенье.

Ярмарка кончилась, и я перебрался в Курск еще в четверг, милый отесинька и милая маменька. Здесь получил я ваше письмо от 11-го июня, диктованное, вероятно, Любиньке. Почерк нехорош, но он стал, по крайней мере, разборчив. Вы ни слова не пишете об операции, произведенной над Соничкиной ногой. Верно, она совершилась благополучно. У вас все больные! Как хотите, а я все приписываю абрамцевскому климату, т.е. не климату, а нездоровому, вечно сырому местоположению. Мне недавно как-то и Афанасий жаловался на нездоровую абрамцевскую местность. — Теперь, верно, у вас дожди; здесь каждый день грозы и очень тепло. Я постоянно сплю с открытыми окнами. Воздух сух и легок. Как мне больно, что июнь м⟨еся⟩ц проходит у Вас даром, милый отесинька, и что Вы им не пользуетесь как бы следовало! С каждой почтой жду более утешительных от вас известий, но до сих пор они все довольно грустны. — Трушковского я, верно, увижу у Марьи Ив⟨ановны⟩ Гоголь[1], у которой предполагаю быть в начале июля. — На ком же именно хочет жениться Тургенев?[2] Это любопытно знать. — Я получил еще письмо от Блудовой. Я знал, что только коснись этого источника, он так и забьет ключом.

К тому же женщины чрезвычайно любят исполнять поручения; им кажется тогда, что они заняты серьезным важным делом. Я очень ей благодарен. На этот раз она сообщает мне справки, наведенные Шеншиным[3]. На Дунай попасть нет никакой возможности, а есть возможность перейти в Одессу к Сакену[4]. Это меня мало привлекает. Впрочем, если по окончании моего поручения не будет ввиду ничего лучшего, то, пожалуй, перейду и к Сакену, тем более что южный берег может сделаться театром важных военных действий. Кстати. На Коренной была бакалейная лавка одесского купца-болгарина Палаузова; в ней сидел приказчик его грек, только что приехавший из Одессы. От него я узнал многие интересные подробности. Этот Палаузов — старшина и покровитель всех одесских болгар — родной брат Палаузова, которого мы все знаем и который теперь прикомандирован к канцелярии главнокомандующего на Дунай по требованию самого Паскевича[5]. Кроме того, еще два их родные брата да два двоюродные вступили в военную службу и дерутся там, на Дунае. Пожертвования в пользу болгар составят довольно значительную сумму. Из Москвы от какой-то дамы (имя ее грек забыл) с Арбатской улицы получено 300 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ да от неизвестного — тоже 300 или 500 р⟨ублей⟩ — не помню, сколько именно. (Кстати: пожертвования следует адресовать на имя почетного гражданина Константина Николаевича Палаузова в Одессу.) В Одессе в доме Палаузова учрежден Болгарский Комитет — из болгар, которые делают распоряжение этими деньгами, назначая их на такое или другое полезное для болгар употребление. В Бухаресте также есть Комитет Болгарский (это Комитеты частные). Уже образовался на Дунае целый Болгарский полк собственными средствами болгар. У них какой-то особенный наряд и каска с изображением льва, держащего крест. На Дунае сформировался таким же образом и Греческий полк. Эти полки теперь учатся. Кроме того, множество болгар и греков вступают в волонтеры. Но в России волонтеров не принимают, и потому русские, болгаре и греки обыкновенно поступают просто в рядовые и потом, когда их переведут за Дунай, позволяют им перечислиться в волонтеры. Грекам также посланы большие суммы от русских греков и, как уверял меня приказчик, от русского правительства. Он уверял меня, что три корабля, задержанные теперь в австрийских портах, *подарены* государем Греции... Когда он выезжал из Одессы, то проездом из Афин в Петербург были там три грека, посланные будто бы от греческого правительства к государю за советами и наставлениями. Таким образом обнаруживается много пружин, для нас скрытых. Допущенный в канцелярию какого-нибудь главного начальника, я по крайней мере буду знать все подробности действий. Коренная — ярмарка горячая, как выражаются купцы. Это значит, что она вся разыгрывается в одну неделю. И действительно, настоящая торговля продолжаетя не дольше, но с раскладкою и укладкою товаров, с расчетами тянется около 2 недель. В пятницу был крестный ход. В этот день наехало множество дворян, помещиков и курского beau monde. Весь этот народ пробыл до понедельника; с этого дня стала ярмарка разъезжаться, а со вторника многие гуртовщики "забираться", по их выражению. В пятницу и субботу уничтожились все следы ярмарки. В одном из каменных рядов, где продавался модный галантерейный товар и где

красовались вывески Матье, Матьяса, Гайдукова[6] и других, происходило постоянное гулянье курских дам, девиц и кавалеров. Впрочем, купцам от этого гулянья мало было толку. Дамы прогуливались взад и вперед и немного покупали. К тому же говорят, что в сравнении с прежними годами посетителей было гораздо меньше. Замечательных красотою дамских лиц было очень мало. Но, впрочем, дамы еще туда и сюда и гораздо лучше кавалеров, которые — такие дурни! — щеголяли, несмотря на невыносимый жар, в суконных платьях и в черных шляпах. Я ни с кем не успел познакомиться, ибо вся эта элегантная толпа не удостоивала меня никакого внимания или с презрением смотрела на мой пеньковый костюм. Я в Елисаветграде сшил себе брюки, жилет, пальто и картуз из одной суровой русской лощеной толстой пеньки. Вышло и дешево, и, по моему мнению, очень нарядно. Сшил платье мне один жид Мошко или Гершко и сшил превосходно. К тому же я проходил через ряды всегда с печально-озабоченной физиономией, высматривая, не пропустил ли я какой-либо замечательной лавки, или соображая средства, как привести в известность количество каких-нибудь товаров. Думаешь — вот подойти спросить... а он спросит: "Что изволите покупать?" или: "А Вы сами откуда? Вы кто такой? извините, нам некогда" или: "Мы сами не знаем" или: "Мы не обязаны Вам отвечать" и что-нибудь в этом роде. Потребовать же сведений официальною властью значит испортить все дело, не узнать ничего, удовольствоваться тем вздором, который умышленно будет показан, и напугать торговцев! Я, впрочем, к официальной власти и не прибегаю, делаю свои расспросы, не обнаруживая своего звания, или же знакомлюсь при пособии разных рекомендаций с важнейшими купцами, которым и объясняю цель своих исследований и которые уже и преподают мне общее понятие о движении торговли по своей части. Но очень скучно в жар таскаться по этим пыльным площадям между грудами вонючих сырых кож, между возов с соленою рыбою, которой запах так отвратителен, и между прочих товаров и расспрашивать, изыскивая разные способы вступать в разговор и получая иногда от лениво лежащих на своем товаре низкого класса торговцев прегрубые ответы. Но иногда и удается. И тогда спешишь или домой или за угол, где бы не было меня видно, чтобы отметить полученные сведения, а то как раз перепутаешь. Да и тут часто наговорят такого вздора! На Коренной мне удалось познакомиться со многими значительными фабрикантами и торговцами, которые будут мне очень полезны своим содействием. Но ведь с каким трудом приобретаются эти знакомства! Знаете ли вы, что одного торгующего сословия лиц, считая с приказчиками и рабочими, бывает до 30 т⟨ысяч⟩ человек! Разумеется, тут и торгующие крестьяне. — В другом каменном ряду, где производится продажа низшего красного товара, точно такая же толпа, как и в галантерейном, только тут крестьянки все разряженные в пух! Они также приходят сюда больше для гулянья. Хорошенькие из них всегда одеты изысканнее других и с явным сознанием носят свою красоту. У всех лица так и горят от удовольствия. Это их выезд в свет. Здесь происходит точно такое же любезничанье и кокетство, как и в галантерейном ряду, только в другой форме. Здесь также много парней и вообще мужчин их же сословия, которые громко и бесцеремонно выражают

свои мнения. Иной, встретясь с какой-нибудь вовсе ему незнакомой деревенской красавицей, вдруг облапит ее с возгласом: “Ребята, вот моя невеста!” — “Ах ты такой-сякой”, — закричит та ему в ответ, и посыпится град взаимных любезностей, от которых скромному человеку придется бежать вон! — В воскресенье был хоровод. Бабы молодые и девки стали в кружок и начали петь песни, потом ходить кругом, не держась за руки, а притопывая и приплясывая. Явился какой-то молодец, коснулся рукой одной молодой бабы и пустился с нею плясать в кругу. Плясали очень хорошо. Густая толпа окружала хоровод и угощала его шуточками, которыми едва ли бы Константин стал восхищаться! — В то же время давался в театре бал, на котором, впрочем, говорят, никого не было за недостатком кавалеров, но, вероятно, и дворянское сословие где-нибудь веселилось по-своему. Вы не можете себе и представить, как опротивели мне ярмарки! Каждая ярмарка — масленица, а масленицу я всегда терпеть не мог. Но Коренная в этом отношении хуже всех. На ярмарке русский человек считает себя как бы вне закона и гуляет напропалую, оправдывая все словом: ярмарка! Всю ночь напролет крики и песни пьяных, писки, визги, грубейшие шутки и грубейший разврат со всем цинизмом, до которого русский человек охотник. Ночь чудесная: тоска берет сидеть дома наверху, где очень душно. Книг со мною там не было; выйдешь на улицу и спешишь домой. Беспрестанно натыкаешься на безобразных пьяниц и мужского и женского пола; непрерывно раздаются в ушах ваших русские ругательства, как будто других слов и не существует для русского человека в праздник (надобно знать, что ведь это он все чествует Богородичный праздник и на толки о переводе ярмарки в Курск отвечает, что владычица этого не потерпит!). А на улицу и ходить было страшно. Там происходил совершенный Содом![7] Развратнее ярмарки я не видал. Малороссы гораздо скромнее. — Я чувствовал себя совершенно одиноким на Коренной. Губернатор ограничился со мной одним официальным знакомством, с обществом я не мог познакомиться, днем, правда, я был постоянно в хлопотах, мною вам описанных, но людей, с кем бы перемолвить можно было два, три живых словечка, не было ни души. Сводить же сведения в систематический порядок нельзя, потому что не все еще собраны и часть получится еще на Ильинской ярмарке. — Я люблю народное веселье: в нем есть всегда что-то законное и здоровое, но безобразное веселье, цинизм ненавижу, тем более что тут нет страсти, а какой-то холодный разврат. Впрочем, я знаю, что это разврат более внешний и мало проникающий в душу и что гораздо отвратительнее его какой-нибудь бал в Парижской опере на масленице. — Везде скверно.

Я забыл или не успел вам рассказать довольно интересную, по крайней мере для меня, вещь. В прошедшую пятницу, т.е. 11 июня, когда я часа два на площади толпился в народе, ожидая крестного хода (если вы помните мое описание), терзали мой слух беспрерывные крики кликуш в разных концах площади. Это не удивительно. Народу была тьма-тьмущая и большею частью женщин; солнце пекло без милосердия; между тем какая-то праздничная торжественность, разлитая в воздухе, вид пестрой массы народа, колыхавшегося, как море, ожидание: вот-вот ударят в колокол — все это могло

действовать на нервы. Прошел целый час. Кликуши не умолкали. Мне стало их очень жалко, особенно одну, стоявшую невдалеке: целый час мучиться таким образом очень тяжело. Особенно оскорбляли меня слова народа, образовавшего около каждой кликуши толпу любопытных: "Вишь, как ее бес ломает! окаянная! окаянная!" Подходил какой-то знахарь к одной из них (именно к той, которая была недалеко от меня), давал что-то глотать, шептал — ничего не помогло. Мне пришло в голову, что не умеют взяться, чтоб прекратить этот нервический припадок, что, может быть, мне бы и удалось, и хотя я долго не решался выступить пред толпу зрителей, однако ж мне показалось просто грешно не попробовать и, победив свою застенчивость, я пробился сквозь толпу к кликуше, которая — женщина лет 45 — и кричала, и молола всякий вздор, и прыгала, и хохотала стóя. Сначала, подойдя к ней, я погрозил ей пальцем и приказал замолчать. Она вытаращила на меня глаза и снова принялась за свое. Я взял ее за голову, стал ее гладить, ласкать всякими словами, успокоивать и крестить. Она становилась тише, тише, наконец, утихла; я продолжал ее крестить; она тихо заплакала, потом вздохнула и сама стала креститься, а с нею вместе и вся толпа. Потом благодарила меня от души. Я сдал ее ее сыну и велел вывести на простор. Все это происходило очень быстро, потому что я сам был очень взволнован. Только оглянувшись, заметил я, какое действие все это произвело в народе. Толпа расступилась передо мной с таким почтением, что я готов был провалиться сквозь землю и искренно перепугался, чтоб не сочли меня за какого-нибудь одаренного даром изгонять бесов. "Батюшка — вот эту! батюшка — вот эту!" — послышалось в толпе, и с разных сторон потащили ко мне этих несчастных. "Подите, подите прочь, — кричал я, — я ведь такой же, как и все"... Но делать было нечего, и совестно, с другой стороны, стало мне не попробовать успокоить и другую, которая кричала, указывая на меня: "Вот, вот кто мне поможет!" Это была молодая женщина, точно так же бесновавшаяся. Сам смущенный, я взял ее за голову, разумеется, пожелал односекундным горячим желанием ей облегчения, молясь внутренно только о том, чтоб Бог не дал войти в меня какой-нибудь суетной, гордой мысли о себе, стал ее ласкать, приголубливать, говорить ей, что она и добрая, и умная, и беса в ней нет, что она божья, что Бог ее не оставил — она успокоилась, прослезилась, помолилась, тяжело вздохнула и сказала, делая движение от груди к животу: "Теперь ничего, далеко засадили!", т.е. что я прогнал черта из груди в брюхо! Каково положение этих бедных женщин, которых уверяют, что в них поселился бес и которые сами этому верят. Я сказал по этому случаю несколько слов к народу, объясняя что это просто болезнь. Тут подвели еще одну, которую я успокоил таким же образом и поспешил уйти и скрыться в толпе. Только что я перебрался в другой конец площади, услышал и там такие же крики. Я не хотел было идти, но потом мне стало совестно отказывать человеку в помощи, когда хочется помочь оттого только, чтоб другие и я сам не подумали, что действительно я владею даром помочи, и я, подошедши, увидал двух женщин, метавшихся и бившихся по земле в самом сильном, неистовом припадке. Немножко выбранив толпу, которая зевала на них, чествуя их окаянными, я попросил некоторых баб помочь мне (растегнуть рубашку, снять

котомку и пр.). Они сначала не хотели, но увидавши, что я невольно перекрестился, приступая к делу, а потом и больную стал крестить, довольно охотно стали помогать мне. С этими кликушами было труднее возиться, но однако ж и они постепенно успокоились, и обе тут же на земле и уснули. Видно было, как хорошо действовали на них утешительные слова и ласки: крестьянки не привычны к добрым ласкам, хотя так же нуждаются в них, как все женщины! У одной из них так сжаты были руки, что разжать их сначала не было никакой возможности; потом они сами собою разошлись. Потом еще пришлось мне возиться с одною, которую поддерживал ее муж и которая кричала разные богохульные речи и никак не хотела поддаваться мне, всячески отбиваясь руками. Однако кончилось тем, что и она успокоилась и стала молиться. Сам в высшей степени взволнованный и утомленный, присел я на какую-то жердочку; тут подошли ко мне мужики и бабы: один спрашивал, какую я молитву читаю, другой — в чем именно заключается мое искусство, третий звал меня в свое село посмотреть его родственницу и т.д. Я объяснил им, что я не знахарь и не святой, а такой же человек и такая же дрянь, как все, что тут никогда никакого ни беса, ни черта, ни дьявола не бывало, что, напротив, такими словами они наводят на больных женщин "мнение" (слово, понятное народу), что и вправду бес в них сидит, что великий грех говорить христианской душе, что она во власти дьявола, что эти несчастные, может быть, гораздо лучше и чище всех тех, которые видят в ней беса, а сами думают, что они от беса свободны, что в этой гордости гораздо более черта, чем в тысяче кликуш, что черт во всяком грехе и проч. "Так, батюшка, мы, может, грешим, что называем их окаянными", — сказал мне один мужик. "Разумеется, — отвечал я, — а надо пожалеть да помочь, да помолиться, да приласкать, ну коли есть холодная вода, так и водой спрыснуть, чтоб очнулась, только без всякого шептанья, потому что это все вздор". — "Слушаем, батюшка, хорошо", — отвечали они. В это время ударили в колокол, и ход двинулся. Мои кликуши уже более не кричали. Я очень хорошо понимал, как могло действовать на нервы и мой вид встревоженный, и учащенное знамение креста, и глажение по голове, и, наконец, мое искреннее желание помочь, естественно им передававшееся. Но, признаюсь, мне было очень приятно, что удалось прекратить мучения шести бедных женщин хоть на время и дать несколько полезных советов народу. Я советую и у нас в деревне лечить таких женщин: ведь это хуже лихорадки! Главное — надо разрушать мнение, что в них черт. Я думаю выехать из Курска в конце этой недели, заехать к Трутовскому дня на два, потом в Харьков также на сутки. Следующее письмо, верно, я буду уже писать оттуда. Оказывается, что мне надобно быть на Ильинской ярмарке раньше, чем я предполагал, а потому я должен поторопиться, чтоб успеть побывать у Галагана и у Гоголь[8]. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. Вы пишите мне уже в Полтаву. — Курск теперь совершенно пуст: все в деревнях. Кроме официальных знакомств у меня здесь знакомые только купцы. Будьте здоровы. — Вчера в первый раз купался в реке Сейме: очень тепла вода. —

Ваш *И.А.*

159

Харьков, 28 июня, понед⟨ельник⟩. 1854 г⟨од⟩ [1].

Вчера приехал я в Харьков и нынче отсюда еду в Полтаву, милый отесинька и милая маменька. Из Курска выехал я вечером 24 июня в четверг, пятницу и субботу провел у Трутовских, в субботу вечером выехал от них в Обоянь и оттуда в Харьков. В Курске я дождался почты и получил с нею ваше письмо от 18 июня. Какие все неутешительные известия вы сообщаете. Так досадно и больно думать, что лето проходит даром для вас и что вы им не пользуетесь. А лето хорошо. Теперь в особенности стоят чудесные дни и великолепные лунные ночи. Всем — всем бы вам нужно было попутешествовать летом: дорога всех бы укрепила и освежила бы силы физические и нравственные, дала бы новый их запас, необходимый для долгого зимнего периода. Когда посмотришь, как все здесь помещики путешествуют на своих, просто, без особенных затей, так невольно приходит в голову вопрос: отчего бы сестрам так же не отправиться куда-нибудь на своих (если только есть у нас лошади: я не знаю, были ли приведены лошади и зимним обозом) с некоторыми неудобствами, конечно, но эти неудобства легко переносятся в дороге. Признаюсь, когда я вижу, как больная Sophie Трутовская, едва оправляющаяся от страшной болезни, принуждена жить и выздоравливать и радоваться возможности проехаться хоть в тряском экипаже на несъезженных крестьянских лошадях и есть хлеб, именуемый громким названием булки (серый, жесткий и такой, который как пучащий, дующий и раздувающий навел бы ужас на всех у нас в Абрамцеве), то не мог я не подумать, что, с одной стороны, отказывая себе в существенно-необходимом, с другой предъявляется много лишних требований, затрудняющих исполнение всякого предприятия. Так, я вовсе не вижу надобности путешествовать непременно в карете, если именно в этом затруднение; впрочем, это я привожу только для примера. Я знаю, что существуют другие, более важные затруднения. Но мне кажется, что если б все отдались в мое распоряжение, я бы все это устроил. Из писем маменьки к Трутовским я вижу, что у вас все толкуют и толкуют о разных поездках и предполагают даже ехать в Петербург. Разумеется, это одни толки и предположения, но препятствием к исполнению их (не поездки в Петербург, потому что она несвоевременна) я полагаю нездоровье отесиньки и маменьки, а отнюдь не безденежье. Если отправиться на своих, то не будет дорого. Я не вижу, почему Вера с Над⟨инькой⟩ и Машенькой не могли бы отправиться в маленькой колясочке, очень легкой и покойной, посадив девушку и человека в тарантасик; всего бы нужно 5 лошадей. Таким способом, отдыхая почасту, она могла бы добраться и до Курской губернии и до М⟨арии⟩ Ив⟨ановны⟩ Гоголь. — Впрочем, я напрасно говорю об этом. Лучше не касаться этого предмета постоянных толков. Но не могу об этом не думать, хотя знаю, что ничего из того не выйдет. Вы требуете от меня ответа на ваше предложение о деньгах. Я не отвечал до сих пор потому, что предложение ваше возникло вследствие моего намерения возвратить Обществу деньги, намерения, от которого я потом отказался. Я покуда еще не нуждаюсь в деньгах. По моему расчету, мне до

октября хватит денег, а если Общество даст еще 500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, то их будет достаточно и для возвращения в Москву, и для поездки в Петербург. Если же Общество не пришлет денег, а они мне будут нужны, то я вам напишу. — Теперь в Полтаве во время Ильинской ярмарки я буду стоять у Попова: он предложил мне комнатку, и я его не стесню: он же мне товарищ по правоведению[2]. Между тем, это для меня очень выгодно, потому что № гостиницы, который я до сих пор занимал за 60 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ в сутки, будет ходить по 2 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩ в сутки. Я решительно не знаю, куда это уходят деньги: так, кажется, немного я на себя трачу! — Нетычанкой своей, которая мне нужна, если не для сбережения костей моих и Афанасьевых (Афанасий стал очень слабеть здоровьем: жар и тряска дорожная выдавливают в нем желчь, и я иногда останавливаюсь нарочно, чтоб дать ему уснуть и отдохнуть), так вещей моих, — я очень доволен особенно потому, что ее возят парой. Пара закладывается с дышлом и возит меня как по большим, так и по песчаным трудным дорогам. И всякий раз ямщики говорят, что за такой экипаж надо поблагодарить, что он легче всякой простой телеги. Ни разу не вздумали меня и прижать, говоря, что тут и везти нечего. Хотелось бы мне благополучно довезти ее до Абрамцева, если только не придется мне возвращаться зимним путем.

Окончивши свои дела в Курске, я в пятницу рано утром приехал к Трутовским. Sophie уже встала, а вскоре поднялся и весь дом, явились и Ниночка с Машенькой. У Трутовского лихорадка, которая его очень изнуряет. Sophie также медленно поправляется, но хлопочет и суетится беспрестанно. Оба они томятся желанием уехать из Яковлевки: стены, потолок, вещи, вид всего домика, напоминая им тяжелое время болезни, производит в них болезненно-раздражительное ощущение. Они хотят ехать, несмотря ни на лихорадку Трутовского, ни на слабость Sophie, в полной уверенности, что одна дорога, один выезд вдаль из Яковлевки вылечит их обоих. — Машенька говорила мне. что доктор и сам Иван Степанович[3] решились объявить ей, что не имели во время болезни никакой надежды на выздоровление Sophie. Зато как радуются Трутовские предстоящему путешествию. Оба они вместе с Лизав⟨етой⟩ Алекс⟨андровной⟩ Линтваревой отправляются (или уже отправились) в Ольшанку, т.е. к Линтваревым[4]. Оттуда Констант⟨ин⟩ Алекс⟨андрович⟩ проедет один в Ромен (из Сум это недалеко), куда и я должен приехать к 5-му июля. Оттуда мы отправимся вместе к Галагану, живущему в 50 верстах от Ромна. — В пятницу обедал я у Трутовских, а в субботу вместе с ними был приглашен обедать у Ал⟨ексея⟩ Иван⟨овича⟩. Последний теперь в хандре и оттого несколько смягчился, ласкает Сережу и, узнав от Sophie, что она собирается ехать, дал ей 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ (три золотых). Мы с ним взаимно очень любезны и толковали все о политике. Хотелось мне, чтоб он дал Sophie карету и лошадей, но не удалось, хотя я и расспрашивал Трутовских при нем, в чем они едут, и изъявлял мнение, что беспокойно будет для Sophie ехать втроем в старом фаэтоне с крышкой. Как Ниночка и Машенька желали бы уехать из Яковлевки вместе с Sophie, вы сами легко можете себе представить; я пытался было это устроить, но, увидев с самого начала, что

решительно успеха не будет, оставил это намерение, чтоб не повредить им. Машенька теперь не скрывает, как прежде, своего глубочайшего отвращения к своему образу жизни и желания перемены. Ниночку грустно видеть и слушать. Я много говорил с ними, старался придать им бодрости и мужества, дал много полезных советов, но советовать легко, и я внутри себя сознавал, что если б мне пришлось быть на их месте, то я или бы повесился или бы убежал. И это жизнь! Легче быть содержимым в темнице за железными решетками, нежели таким образом нравственно быть лишаему свободы! Все, чего я от Алек⟨сея⟩ Ив⟨ановича⟩ для них добился, это лошадей, чтоб они могли покататься в нетычанке. Sophie очень огорчается мыслью, что сестры с ее отъездом осиротеют еще больше и должны будут одни-одинешеньки проводить лето в Яковлевке, где всякая травка, всякий кустик так намозолили им глаза, так набили им оскомину в нравственном смысле, что взглянуть на него все равно, что дотронуться до больного места. Очень-очень они жалки, бедные. Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ сделался мягче, это правда. Но это значит только, что он не бранится, как прежде. Он постоянно молчит все так же подозрительно, сделался еще подозрительнее и осторожнее после замужества Sophie, совершившегося против его воли, вопреки всем нагроможденным от него препятствиям. Впрочем, если он ласков, так еще хуже, потому что воззрения его с детьми разные. Он объявил мне, что сам поедет с Нин⟨очкой⟩ и Машенькой провожать Sophie до Обояни, а потом целый день проведет у Кульнева[5]. Он, может быть, и в самом деле думает, что доставит дочерям развлечение, ибо не может понять, что дом Кульнева им противен. — Но Трутовские, несмотря ни на что, довольно веселы. У них ни гроша не было, когда они затеяли свое путешествие, но оба были уверены, что деньги явятся. Эта сцена происходила при мне. Я не мог уделить им ни копейки, потому что едва имел с чем доехать до Харькова, где должен был запастись вновь деньгами. Но деньги явились: Алекс⟨ей⟩ Ив⟨анович⟩ сам предложил им, предваряя их просьбу, 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, что они покуда считают достаточным. В начале июня были страшные дожди, гулять нельзя было, потому же они еще оба хворали, хотя уже выздоравливали, крыша у них протекла, пол весь вымок, было и сыро и холодно. Что же Трутовские? Вместо того, чтоб ворчать, как стал бы я, как стали бы и другие даже у нас в Абрамцеве, они, согретые внутренним счастием, пишут, забавляясь, стихи. Я взял эти стихи. Вот они. Они очень забавны и написаны, когда проглянуло было солнце; некоторые строки сочинения Sophie, другие Трутовского.

1

Светлеет запад омраченный,
Бежит от запада строй туч,
И Константин изнеможенный —
Уже узрел светила луч!
Взгляни ты, солнышко родное,
На дом, замоченный дождем,
Мы в нем сидим, больные двое,
И ночью мы дрожим, и днем.

2

Взгляни, как стекла запотели:
Их вытирают каждый час!..
К камину с радостью мы б сели,
Да жаль, камина нет у нас!
Взгляни, как крыша протекает
И протекает потолок,
И дева урны подставляет,
Чтоб пол наш не так сильно мок!
О лихорадка, злая тетка,
Как ты трясешь нас день и ночь,
Не помогает даже водка,
Ты нам становишься невмочь!

И грустно и забавно! Но хорошо, если люди, мучимые лихорадкою и дрожащие от холода, в состоянии утешать себя взаимно шуткою и смехом над своим же горем! Дай Бог, чтоб мне удалось исполнить свое намерение и устроить им артистическую поездку по Малороссии. Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Дописываю эти строки в Полтаве, куда сейчас приехал и где сейчас отсылаю это письмо на почту. Следующее письмо я, вероятно, пошлю вам из Ромна. Дай Бог, чтоб вы были здоровы. Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер. На дороге сюда встретил офицера-моряка, едущего из Севастополя. Он сообщил мне известие о войне с Австрией. Еще не вполне верится...[6] Неужели это и вправду может быть? Новая помеха для моих занятий! Это важнее Дуная!

160

1854 г⟨ода⟩ июля 4-го вечером. Ромен.

Только что приехал сюда. Трутовского еще нет, и в ожидании его я расположился на станции, где буду и ночевать. Имение Галагана — Сокиренцы — отсюда 55 верст. Досадно, что я не получил в Полтаве ответа от Ригельмана, которому писал еще из Курска, а потому и не знаю, у Галагана ли он теперь или нет. В Полтаве я еще не получал письма от вас, милый отесинька и милая маменька; впрочем, оно так и должно быть. Ваше письмо, верно, еще адресовано в Курск и, по расчету моему, должно прибыть в Полтаву только в понедельник. Какая-то у вас погода. Здесь чрезвычайно тепло, но перепадают частые дожди: урожаи отличные, т.е. по виду. Неизвестно еще, каков будет умолот. Но если здесь дожди, то у вас, верно, постоянное ненастье; здесь после сильнейшего дождя так быстро сохнет, что через несколько часов и следов его незаметно, а у вас, верно, сыро! — Во вторник, как вам уже известно, я приехал в Полтаву, пробыл там до четверга, а в четверг после обеда отправился к Марье Ив⟨ановне⟩ Гоголь. Я хотел сделать экономию, а потому не нанял извозчика прямо к ней, а поехал на почтовых до 1-й станции, где думал взять лошадей в сторону, в Васильевку. Оно немножко дальше, но дешевле. Но на станции не могли мне дать лошадей; я поехал по почтовой же дороге дальше до Диканьки;

там так же негде было нанять; я дальше — до Великих Будищ, но у казаков одни волы, а хотя постоялые дворы и содержатся русскими, но и у них лошадей не было. Меня выручил из беды один проезжавший господин, у которого был открытый лист для езды по сельской почте, т.е. на обывательских, по очереди дежурящих при волостном правлении. Я заплатил прогоны по числу верст и в крестьянской тележке под именем старшего ветеринарного врача (так звали этого господина) доехал благополучно до Яновщины, но уже ночью во 2-м часу. Дом был кругом заперт, все спало; я не хотел никого будить и уже думал расположиться на балконе, потому что ночь была чудесная, полномесячная. Я заглянул в сад, к которому по обыкновению обращена другая сторона дома: там такая совершалась красота в этой густолиственной темноте старых деревьев, что я просто испугался ее обаяния и поскорее вышел. Наконец, меня заметил какой-то мальчик, спавший на сене; он объяснил мне, что Трушковский уехал куда-то за 25 верст с Анной Вас⟨ильевной⟩[1], и комната его заперта, а потому и привел в незапертую переднюю флигеля, где я лег и выспался как следует. Я очень был доволен своей поездкой туда ночью. Ехали мы чудесными местами, освещенными луною, но большею частью ехали мы между хлебов. Знаете ли вы хлебный запах? Я его никогда не обонял в России. Это такой живительный запах, что, вдыхая его в себя, кажется, вдыхаешь в себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо летом в Малороссии! Так приятно видеть эту сочность почвы, эту щедрость, благость, доброту природы. — И у нас за Волгой роскошна растительность. Но там чувствуешь себя в нерусской стороне, да и вид чувашей, мордвы и всех азиатских племен портит все впечатления; к тому же там мучительное чувство *дали*, отдаленности от людей, от того мира, к которому вы привыкли и без которого жить не можете: там вы точно в ссылке. В Малороссии не испытываешь этого чувства: она не в глуши, а вся на юру; да и здесь как-то не ищешь отдаленного центра; она сама себе центр как самостоятельная отдельная область. — Мне постоянно приходится путешествовать ночью, нередко по проселочным дорогам, и много я испытал наслаждения. Впрочем, еще не было ни одной настоящей украинской ночи нынешним летом вроде воспетых Пушкиным[2]: ни тишины, ни теплоты настоящей не имели до сих пор летние ночи. Но напрасно говорят, что малороссы певучий народ. Довольно я ездил, и ни разу не слыхал песен, кроме некоторых поющих пьяных, возвращавшихся из шинка. Напротив, Малороссия поет очень мало; она постоянно печальна (т.е. люди), в каком-то недоумении, так что Великороссия в сравнении с нею является какою-то бодрою, веселою, беззаботною, счастливою, будто удовлетворенною. Если раздаются где-либо громкие песни, особенно хором, то это наверное русские рабочие люди. — Пятницу провел я в обществе Марьи Ивановны и Лизав⟨еты⟩ Васильевны[3]; Трушковскому дали знать, и он с теткой к вечеру также явился. Я был у них зимою и не видал тогда сада. У них хорошо, хотя и нет особенно красивого местоположения. Довольно большой, тенистый, в английском вкусе сад, чрезвычайно запущенный, идет от дома к большому пруду, поросшему камышами, не слишком широкому, но длинному с двумя или тремя заворотами: это несколько прудов, соединенных вместе. В этом саду нет особенно замеча-

тельных деревьев, а из фруктовых одни вишни, которых бездна. Некоторые сорта вишен уже отошли, другие только что спеют. Вишнями меня даже и не потчевали с тарелки, а рвали мы их с дерева, и я с особенным удовольствием, потому что мне это в диковинку. На другой стороне пруда, через который перевозишься на плотике, устроенном по распоряжению Ник⟨олая⟩ Васильевича, разнообразные рощицы, дубовая, кленовая, липовая, березовая, уксусного дерева и проч. Тут Гоголь хотел устроить дорожки и заставил при себе вычистить и даже уже устроил дорожку кругом по рощам, затевал и другие затеи, беседки и проч. Теперь дорожки запущены и заросли травою. Марья Иван⟨овна⟩ хотела было восстановить их, но нет рук, к тому же на ней лежит все бремя хозяйства. Показывали мне все места, которые любил Гоголь. Кулиш еще не был у них[4]; он, верно, пришел бы в ужас при виде запустения всех этих мест и дорожек. Но это очень понятно. Гоголь бывал здесь только гостем, и сад и при нем находился в таком же виде; содержать же сад в исправности нам по опыту известно, как трудно. На той же стороне пруда и фруктовый сад, но довольно бедный яблонями, сливами и грушами (садовник у них очень плохой), но богатый вишнями особенного рода, растущими на аршин и меньше от земли: они разрослись сами, без ухода и очень вкусны. — Марья Ив⟨ановна⟩ показалась мне несколько постаревшею против зимы. Она очень утомляется хозяйством, в которое дочери не хотят входить, очень грустна и все твердит или о сыне или о внуке, которого она нежно любит. Лизавета Вас⟨ильевна⟩ сентиментальничает так, что из рук вон, толкует о Владимире[5] и нянчится с дочкой, которая довольно миленькая, ходит и прыгает: когда я был в 1 раз, она еще не ходила. Анна Васильевна ничего не делает; она очень веселого нрава. До приезда Трушковского мне было довольно скучно, потому что слишком много и церемонно заботятся о госте. Вообще гостить очень невыгодно: из деликатности, а главное, из скуки упрашиванья и отказыванья ешь все, без разбору, а хозяевам и не приходит в голову пощадить гостя. Очень приятно радушное угощение, но, во 1-х, в меру, а во 2-х, сообразное вкусу и привычкам гостя. Они же очень церемонны, готовы сейчас вообразить и даже сказать, что просвещенный вкус гостя не может найти удовольствия в их простой, безыскуственной пище и проч. Я уж обрек себя на жертву, ел все, готов был даже спать на пуховике, видя бесполезность отговорки, да кстати подоспел Трушковский, с которым я спал в одной комнате и который был снисходительнее. Мне понравился Трушковский; в нем много доброго, но, кажется мне, он довольно слаб характером. Мне он был интересен как молодой человек, только что вступающий в жизнь или, лучше сказать, в раздумье стоящий у ворот жизни и не знающий, по какой улице пойти, так как особенного призвания, указующего путь человеку, он покуда не слышит в себе. — От Авд⟨отьи⟩ Петр⟨овны⟩ Елагиной он получил чемодан Ник⟨олая⟩ Вас⟨ильевича⟩, хранившийся у Жуковского. Там, кроме книг, есть письма к Гоголю от разных лиц, в том числе чисто семейные от матери его и рукопись черновая одной главы из романа “Остраница”[6], которую очень трудно разобрать. Трушковский намерен разобрать и переписать ее. Впрочем, Елагины ему говорили, что они разобрали. Этот роман принадлежит к молодым произведениям Гоголя. В

субботу после обеда, т.е. часа в три я поехал из Яновщины на их лошадях в Полтаву (всего 35 верст или около 40), куда и дотащился к 8 часам, потому что дождик, ливший всю ночь, успел испортить дорогу. Первым делом было справиться о почте: какие новости сообщат газеты. Разумеется, вы были полны того же недоумения, каким полон до сих пор и я (предполагаю, что теперь вы знаете чтó-нибудь обстоятельное): наши войска перешли обратно за Дунай, бросили осаду Силистрии и спешат к австрийским границам[7]. Что это: война ли с Австрией или уступка ее требованиям? Боюсь последнего, и это сомнение наводит невыносимую грусть на сердце. Неужели отказаться от всех надежд? Чем же жить тогда? И чего ждать от такого народа, который нынче идет в бой за греков, а завтра при перемене политики против греков. О греках говорю я так, для примера. Паскевич проехал недавно в Гомель[8] Черниг⟨овской⟩ губернии в свое имение: это положительно достоверно. — С другой стороны, что-то предвещает и войну с Австрией: укрепляют Бендеры, Динабург, Брест-Литовск; крепость Киевскую велено непременно окончить в нынешнем году. Так обидна эта неизвестность! Весь народ, по выражению одного мещанина, осовел, не имея ни одного утешительного известия с Дуная в течение 4-х месяцев. Напряженная энергия ослабела и повисла: ничто ее не поддерживает, а сама по себе она не довольно сильна, чтоб повелевать обстоятельствам! — Победы князей Эристова и Андронникова одни немного освежили и ободрили смущенный дух[9]. Но не странно ли, что только из реляций о победе мы узнаем, что турки владели Озургетом[10], нашим городом, имели там магазины и лазареты и располагали довольно значительными силами у нас в Гурии! Теперь всем известно об отступлении русских за Дунай... Как же не объяснить этой меры официально? Не узнавши ничего нового из газет, отправился я в тот же вечер, т.е. часу в 12-м в Ромен, куда и прибыл благополучно и где назначен у меня сборный пункт с Трутовским. Однако ж его нет. Подожду его целые сутки, а потом, наняв лошадей у жида, поплетусь в Сокиренцы. — Завтра отсюда идет почта в Москву и потому я сел писать к вам письмо. — Я предполагал прежде пробыть дольше у Галагана, заехав к Маркевичу и к другим, но Ильинская ярмарка, которой следовало бы начаться только с 20-го июля, начнется с 10-го числа, а по нетерпению торговцев поскорее выручить копейку за товары, накопившиеся в огромном количестве, еще раньше. Со всех сторон тянутся подводы. Помещики также оставляют деревни и спешат провести целый летний м⟨еся⟩ц в городе среди суеты, пыли и духоты! Одни приезжают, чтоб продать шерсть, другие — чтоб закупиться на целый год, третьи — просто чтоб повеселиться. Уже приехали московские цыгане, уже московские купчики начали пускать пробки в потолок, уже начались воровства, все вздорожало, все сделалось предметом торговли. — Во время крестного хода на Коренной ярмарке (который перевести из пустыни не позволит Богородица, говорит народ) я видел, как утомленному народу в одной деревне хозяева колодца (крестьяне же) не позволяли пить воды иначе, как заплативши деньги! Многих это сильно возмутило, и они решились искать где-нибудь ручейка или лужи в поле. — Благодаря стараниям Кокошкина[11] ярмарка, переведенная им из Ромна, несмотря на все противодействие купцов и роменских жителей,

утвердилась в Полтаве совершенно. Теперь это третия ярмарка. Еще на 1-ой купцы по его желанию поднесли ему благодарственный адрес, купцы иногородние, от него не зависящие! Все до одного его ругают, и все по русскому обыкновению трусят и подличают. — Ничего не может быть возмутительнее, как это употребление к своим услугам религии: отыскал Кокошкин где-то верст за 5 какую-то явленную икону и приказал (разумеется, с разрешения Синода) носить ее каждый год 10-го июля в Полтаву, чтобы крестным ходом начинать ярмарку. Народ поддается на эту удочку, а если пустить в ход несколько нелепейших рассказов вроде тех, которые ходят об Ахтырке и Коренной иконах, так несправедливый и деспотический поступок Кокошкина еще более увенчается успехом. Право, как заглянешь в нутро России, так душу обхватывает чувство безнадежности![12] — Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Поздравляю вас с 11-м июля[13] и цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и всех сестер и также поздравляю. Косовица или сенокос здесь почти кончены; уже время приступать к жатве. Я предполагаю 11-го быть уже в Полтаве.

161

16 июля 1854 г⟨ода⟩. Полтава.

Что же это значит, что я не получаю от вас писем, милые отесинька и маменька? Последнее ваше письмо я получил в Курске 24-го июня; с тех пор не имею от вас никаких известий. Можно предположить, что одно письмо пропало, но пропасть двум или трем письмам сряду!.. Если Вы собственно, милый отесинька, нездоровы, так неужели Вера или Константин не уведомили бы хоть строчкой? Просто не понимаю и сильно беспокоюсь, хотя и не могу думать, чтоб причиною этого молчания была чья-нибудь сильная внезапная болезнь: нас много и, верно, кто-нибудь бы написал. Я послал вам последнее письмо из Ромна 5-го июля, стало, сам не писал вам 10 дней; я в это время был в разъездах, да и поджидал от вас писем. Так неприятно писать, не имея свежих известий о тех, к кому пишешь! Впрочем, я аккуратно писал вам каждую неделю, только теперь пропустил три дня. — От Трутовских также не имею никаких известий. Вы знаете, я его дожидался в Ромне целые сутки. Но он не приехал, не явился и в Сокиренцы, где я провел 5 суток; на обратном пути я опять проезжал через Ромен, где на всякий случай оставил ему записку: нет, не был он в Ромне. Только болезнь его самого или Sophie могла задержать Трутовского, когда он так желал этой поездки, когда от нее зависело так много для него в будущем. Думал по возвращении в Полтаву найти от него письмо и объяснение, но до сих пор не имею об нем никаких сведений! Право, не понимаю, что все это значит! — Итак, я писал вам в последний раз из Ромна. Вечером 5-го, наняв лошадей у еврея, отправился я в Сокиренцы (верст 55 от города), на дороге ночевал и утром часов в 8 подъехал к великолепному замку Галагана, где тотчас же спросил себе комнату, переоделся и потом явился к хозяевам. Галаган встретил меня самыми радушными объятиями. Семейство его состоит из матери его, урожденной граф⟨ини⟩ Гудович, жены, урожденной Кочубей[1], сестры — замужем за граф⟨ом⟩ Комаровским

Павлом[2] и из самого графа Комаровского. Там же нашел я Ригельмана и художника Жемчужникова, сына сенатора, брата нашего правоведа[3]. Чижов еще не приезжал, равно как и некоторые другие: они должны были быть позднее, но я не мог дольше оставаться. Взглянув на дом и на сад, я сказал Галагану, что он не пан, а лорд Галаган, что его очень смутило и заставило горячо оправдываться. В самом деле я думаю, и герцог Девоншир[4] был бы доволен здешним местом. Вообразите, что под английским садом и под парком 140 десятин, 80 под садом и 60 под парком. И какой сад, какой парк. Я не видал ничего лучше и думаю, что только в Англии можно найти что-нибудь подобное и даже лучше. Этот сад был устроен еще его отцом с помощью какого-то знаменитого садовника из великолепного старого леса. Сад расположен с необыкновенным знанием дела. Я не имел до сих пор никакого понятия о науке или, лучше сказать, об искусстве садоводства. Садовник должен быть истинным художником и носить в душе своей чувство красоты, понимать гармонию линий, цветов и красок в природе в высшей степени. Вы видите деревья не подрезанные, растущие совершенно по воле, во всю свою мочь, ваш глаз поражается красотою их, но вы и не знаете, что искусная рука садовника именно с целью поместила эти деревья тут, а не в другом месте или рядом, к этим деревьям подсадила кусты с зеленью другого оттенка или обчистила кругом деревьев пространство, чтоб они были виднее или резче оттенялись. А что за деревья! Благодаря необычайной растительности Прилуцкого уезда все деревья гиганты, дубы, липы, клены в несколько обхватов ширины. Есть дубы, которым независимо от растительности, дающей им большие размеры, считается лет по 300! Таких высоких, таких могучих дубов я нигде не видал. Есть клен, под которым может поместиться целый батальон. От одного края ветвей до другого 42 шага в поперечнике! Сад так огромен, что в нем много урочищ с народными названиями. В одном дубе обхвата в три ширины образ, уже давно и неизвестно кем сюда поставленный. Он уже не однажды вростал в дуб, т.е. его затягивало корою дуба, и должны были вновь вырубать его. Жаль одного. Воды мало. Реки нет, есть пруд, и большой, но по саду он мал. — Сад содержится отлично, и Галаган поспешил объяснить, что содержится не панщиной, т.е. не барщиной, а наймом. — Дом огромный, настоящий замок[5], содержится богато, но особенной роскоши в нем нет. Вся роскошь в саду. Весь тон и строй жизни в этом дому благочестивый, скромный и даже строгий, вся семья очень набожна. Галаган внушает мне характером своим, направлением и поступками искреннее, глубокое уважение. Его убеждения вам известны; они делают его постоянно серьезным и даже грустным. Среди этой роскоши он постоянно занят одною мыслью — извлечь всю возможную пользу из своего положения для других, сделать как можно более добра, оправдать свое богатство перед своею совестью. Он не распоряжается еще всем имением, но по возможности, потому что главною госпожою его мать, старается об облегчении участи крестьян и о достижении со временем полного для них освобождения. Отношения крестьян к помещику в Малороссии хуже, чем в России у самого лучшего помещика, но это другой вопрос, очень пространный, о котором как-нибудь после, если будет можно. Мать Галагана очень замечательная женщина. Лишившись мужа еще в малолетстве детей, она вела все огромное хозяйство и

воспитала детей. Она очень умна, образованна, чрезвычайно приветлива и любезна, добра, ласкова с людьми и крестьянами, набожна, но в то же время аристократка в душе и деспотка. Все делается по ее воле, по ее приказанию, отдаваемому кротким, ласковым голосом, с приятным, хоть и старым лицом — и никто никогда не смел и не смеет ослушаться этой худощавенькой любезной старушки. Я говорю любезной, потому что она именно любезна, напоминает любезность старинного светского общества. Таким образом она женила сына против его воли, заочно все устроив, и Галаган, которого отец заставил при смертном одре поклясться в безусловном повиновении матери, не смел ослушаться. Впрочем, жена его очень добрая и благочестивая женщина, хотя и не по нем. У них есть ребенок[6], которого кормилица — тип малороссийской красоты, просто чудо! С ребенком говорят не иначе, как по-малороссийски... Комаровские — прекраснейшие люди, черезчур мягкие и набожные, направления Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩ Киреевского[7], охотники до божественного, до духовенства, особенно черного и проч. — Жемчужников — молодой художник с большим талантом, страстно любящий Малороссию, уже три года ее посещающий. Он рисует масляными красками, но genre* его несколько другой, чем у Трутовского. Он посвящает себя эпизодам из казацкой истории, хочет рисовать картины к украинским думам, распеваемым бандуристами. Должно признаться, что он добросовестно изучает казацкую поэзию, знает почти все думы наизусть и, вполне владея малороссийским языком, шатаясь по Малороссии, завел знакомства с бандуристами и много собрал сам песен и дум. Впрочем, в Малороссии это легче, чем в России; здесь художник, рисующий вид природы, не удивит никого не потому, что это явление случалось часто, но потому, что понимание изящных искусств доступнее малороссу самому простому, и он сам способен любоваться красотою цветка по целым часам. Я видел масляную картину Жемчужникова, изображающую бандуриста слепого с мальчиком на дороге: вдали тянутся заборы, ползет экипаж на гору, и, заслышав шум, бандурист заиграл на бандуре и запел. Картина хороша, по крайней мере, мне нравится, а Галаган и все малороссы ею очень довольны. Я невольно подумал, что при том серьезном, печальном даже расположении духа известных мне богатых малороссов genre Трутовского, мало знакомого с историею Малороссии и равнодушного к ее прошедшему, не удовлетворит их. Жемчужников знает Трутовского по Академии, очень его любит и отзывается об его таланте с великим уважением, выразив однако ж несправедливое, по-моему, мнение, что у него французская ловкость в рисунке. К сожалению, рисунков Трутовского со мною не было, а без него и без рисунков его трудно мне было что-нибудь сделать. Нельзя же требовать, чтоб положились на мои слова. Впрочем, я говорил с Галаганом, и он с своей стороны готов всячески ему помогать и содействовать, обещая еще за некоторых, но желал бы поговорить с Трутовским, условиться с ним, узнать, по крайней мере, чего ожидать от него. Он предлагал сделать и пустить в ход подписку в пользу Трутовского просто на вспоможение ему безо всяких условий и обязательств, но я на это не согласился.

---

* Жанр (*фр.*).

Галаган предлагает теперь ему просто на будущее лето поместиться в одном из его имений; у него их много и везде есть домики; особенно рекомендует он Ичню, местечко торговое Прилуцкого уезда с прекрасным местоположением, где в особенности сохранился коренной тип малороссийский. Он вызывается даже написать к Трутовскому письмо и просить его принять предложение; он может быть там совершенно свободен, Галаган предлагает даже все материальные средства для жизни, не знаю, согласится ли Трутовский. Имея возможность отплатить за гостеприимство двумя—тремя рисунками или даже картиной, я бы на его месте согласился. Оказалось, что флегма-Ригельман забыл предупредить Галагана насчет Трутовского, как сам вызвался в Киеве. — Я провел у Галагана 5 суток очень приятно; мы много поговорили, даже почитали кой-что. Погода стояла чудная, впрочем, каждый день шли дожди, которые несколько мешали. Я посетил хату одного слепого бандуриста[8], который играл мне на бандуре и на лире, пел “Ой ходив чумак симь рик на Дону” и другие песни. Очень замечателен был аккомпанемент: он его разнообразил беспрестанно, импровизировал вариации, иногда, как бы забывая петь, весь предавался музыке и пел с большим чувством. Пропев несколько песен (тут был не один я, а Ригельман и Жемчужников), он отказался петь, говоря, что не в духе. Один раз, сказывал мне Жемчужников, он залился слезами, пропев одну песню. Но — странное дело — имена Наливайки и других ему непонятны[9], он не знает, когда это было и кто они такие! — Жемчужников во время пения рисовал его портрет[10]; тут стояла молодая вдова — крестьянка же, приютившая у себя бандуриста, любящая его и собирающаяся даже выйти за него замуж, “за его дар, за его песни, за его разум хороший”, говорила она. Она делала замечания Жемчужникову, что он слишком сдвинул брови, дал ему, угрюмому, вид еще угрюмее и проч. А как хороши малороссийские деревни летом со своими плетнями и садами! Я вчера слышал рассуждение одного опытного агронома. Едва ли почва в Полтавской губернии не лучшая почва в Европе, во всяком случае, лучше, чем в Германии и во Франции. О многом же, замеченном мною у Галагана, не смею писать. — От Галагана я опять возвратился в Полтаву через Ромен и нашел отношение от казначея Географич⟨еского⟩ общества с присылкою мне 500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ вдобавок к прежней сумме, чему я очень рад. Это дает мне возможность не беспокоить вас. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. Неужели и завтра не получу я от вас писем? Нет, верно, получу и дай Бог, чтоб все это объяснилось пустяками. Обнимаю Константина и сестер. Я уже поздравлял вас заранее, а теперь еще раз поздравляю с прошедшим 11-м июля.

162

1854 г⟨ода⟩ июля 23-го. Полтава.

20-го июля получил я, наконец, письмо ваше от 13-го июля, милый отесинька и милая маменька. Слава Богу, что Вы, милый отесинька, теперь здоровы, по крайней мере, можете ездить удить. Вы пишете, что пропустили одну почту, но по моему расчету выходит две: последнее перед этим письмом письмо ваше было от 18-го июня. — Ничего особенного про эту неделю сказать нечего.

Ярмарка краснорядская открыта 20-го июля, товаров навезли множество, но торговля идет очень плохо. Я каждый день вожусь и беседую с фабрикантами и торговцами. Неизвестность относительно настоящего положения политических дел очень смущает их. Последние слухи говорят, что с Австрией и Пруссией заключен союз[1], купленный разными уступками, между прочим, новым изменением тарифа, сбавкою пошлин на иностранные произведения: теперь Австрия и Пруссия ведут довольно сильную транзитную торговлю, потому что морем подвоза нет; но сухопутный провоз довольно дорог, произведения Англии и Франции мало находят сбыта, и теперь огромною сбавкою пошлин мы оказываем большую услугу как Австрии и Пруссии, так и Франции и Англии. Зато этот неожиданный удар очень подрезал фабрикантов и торговцев. И без того они торговали очень плохо, а теперь товары вдруг подешевеют на 30, на 40 и более процентов. — Рассказывают приезжие из Крыма, что англо-французы уже сделали высадку в трех пунктах, что Меншиков[2], распоряжающийся там войсками, приказал отступать, чтоб заманить и завлечь их вовнутрь, подальше от берега, что англо-французы поддаются на эту, впрочем, уже слишком известную хитрость. Дальнейших известий не имеют. Впрочем, это очень может быть. Жаль только, что там у нас мало войска. Рассказывают также о победе, одержанной Бебутовым под Карсом[3]. Ничего нет обиднее этой неизвестности. Народ жертвует кровью и достоянием, а тут или принимаются стеснительные для него меры, которые падают как снег на голову, или же, оставляя его в неизвестности о ходе дел, дают возможность разным слухам смущать торговлю. Русские газеты теперь и читать противно. О существенном вопросе, об отношениях наших к Австрии и Пруссии ни слова, а только одни шутки и остроты насчет "Карлуши" и проч. — Приехал сюда и Ригельман. Хороший человек, но малороссийская лень и мешкотность в соединении с немецкою флегмой часто выводят меня из терпения. Здесь теперь довольно многолюдно: помещики наехали отовсюду; везде торчат вывески панорам, косморам, зверинцев; Андрианова, привезшая с собою из Петербурга и Москвы 20 танцовщиц, дает каждый день балеты, и генерал-губернатор Кокошкин, у которого, равно как и у его сына, страсть к театру в крови, ей сильно покровительствует, и чиновники, боясь впасть в немилость, все идут смотреть Андрианову за страшно высокие цены. По вечерам из окон трактиров несутся звуки или неистового пения цыган или так называемых здесь арфянок, т.е. путешествующих по ярмаркам артистов и артисток — немцев и немок, с гитарами, арфами, скрипками и глупейшими немецкими романсами. Всё очень (т.е. в помещичьем сословии) довольно жизнью, но при всем том не скажу, чтобы было очень шумно и деятельно: это происходит оттого, что город довольно раскинут, а народная, черная ярмарка находится за городом. О современных событиях говорят мало. Слухи всем надоели. — Я познакомился и близко сошелся со многими молодыми купцами и фабрикантами: некоторые из них довольно образованны и многое хорошо понимают, но слишком легко со всем мирятся. Здесь и Матьяс и Лемерсье[4], множество модных магазинов, целые тучи жидовской саранчи и всего одна книжная лавка с малым количеством книг. В ней есть однако и "Записки об уженье", изд⟨ание⟩ 2-ое, и "Записки оренб⟨ургского⟩ охотника" — по одному экземпляру. Последний уже куплен. — После сильных

жаров и ночей — градусов по 18 и более — выпало большое количество дождя, значительно прохладившее воздух; но теперь, кажется, опять начнутся жары. Нынче было слишком 24 гр⟨адуса⟩ в тени.

Я только что воротился от Бодянского[5], у которого пил чай в саду вместе с Ригельманом. Приятно сидеть под грушами, яблонями и сливами, т.е. под деревьями, усеянными плодами. От времени до времени слышишь падение того или другого плода. Впрочем, некоторые сорты груш уже поспели, и я их уже ел так же, как мелкий сорт персиков, называемый морель. Дыни также уже созрели, и меня уже ими потчевали. — В вашем последнем письме вы сообщаете мне замечания, сделанные Главным Управлением цензуры на стихи Константина к Одессе[6]. Но неужели Главное Управление не заметило, что они уже напечатаны, и если заметит, то не достанется ли за это Назимову? — При настоящем положении дел смешно вспомнить многие стихи, в том числе и мои "На Дунай!"[7]. Оправдываются только стихи, в которых выражалось сомнение в возможности для России такого чистого подвига!

Ваше последнее письмо меня очень смутило, милый отесинька. Вы пишете, что если б и были в состоянии мне отвечать подробно, то не стали бы, потому что, потеряв такт и ведение Вашего образа мыслей, я не понимаю, какое должно на Вас произвести впечатление, напр⟨имер⟩, описание сцены с кликушами и проч. и проч. Мне очень бы не хотелось Вас раздражать или расстроивать своими письмами, и мне больно, если мои письма произвели на Вас такое дурное и вредное впечатление, буду теперь писать с оглядкою и взвешивать каждое слово, но, право, не понимаю, отчего рассказ о кликушах был Вам так неприятен[8]. — С моей стороны было стремительное, беспокойное сожаление; за полминуты, даже меньше я и не знал, *как* возьмусь за это дело; результат был добрый, т.е. что они перестали кричать; мне было это очень приятно. Ни на секунду не почувствовал я в себе гордого или хвастливого чувства, ни на секунду не давал я этому случаю сверхъестественного или другого важного значения. Обсуживать и разбирать его я стал уже после. Может быть, я не сумел его рассказать, да и вообще рассказывать его не следовало, как я теперь вижу: на бумаге получает он больше важности. Я даже его и не описал вам в первом письме, посланном вскоре после этого дня: мне показалось, что, рассказавши вам это, я как будто буду хвастаться перед вами своими добрыми движениями в то время, когда все скорее расположены видеть во мне дурные стороны. Но потом рассудил, что я сам неправ перед вами, думая таким образом, что этот случай может быть вам интересен и что, скрывая его, я как будто питаю свое скрытое самолюбие, тогда как все это пустяки! а потому и описал его уже во втором письме. Лучше было бы, если б я последовал первому своему внушению. — И этого объяснения было бы вовсе не нужно, да уж так и быть. — Если все это как-нибудь действовало неблагоприятно на Ваше здоровье, то мне это очень больно и досадно.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Будьте здоровы, целую ваши ручки. Я останусь в Полтаве еще дней 10, до самого конца ярмарки; в понедельник думаю получить от вас письмо. Обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

163

Суббота 1854 г⟨ода⟩ июля 31. Полтава.

На этой неделе опять не было от вас писем, милый отесинька и милая маменька; может быть, завтра утром получу какое-нибудь известие от вас и объяснение, почему произошел этот новый перерыв в переписке. Пожалуйста, имейте в виду, что почта отходит из Москвы не два раза, а три раза: по понедельникам, пятницам и по четвергам (экстра). Дай Бог, чтоб не здоровье было причиною вашего молчания. Погода, я думаю, не совсем благоприятна для прогулок и уженья: здесь каждый день гро́зы, а со вчерашнего дня дует сильный ветер. Вообще с Ильина дня температура несколько охладела, однако ж не в сильной степени, так что я продолжаю спать с открытым окном, вовсе и не замечая этого. Здесь уже давно едят и яблоки, и груши, и сливы, и дыни, и абрикосы, не оранжерейные, а растущие в саду, т.е. в грунту, на открытом воздухе, вместе с другими деревьями; только стараются поместить их так, чтоб они были защищены от северного ветра стеной или горой. — На этой неделе была здесь М⟨ария⟩ Ив⟨ановна⟩ Гоголь с Анной Вас⟨ильевной⟩ и с Трушковским. Они оставались дня два, не больше, и приезжали сюда для покупок по случаю ярмарки. Шерсть свою и лошадей продали они очень неудачно, хуже всех; впрочем, шерсти у них немного, всего 30 пудов. В Малороссии хозяйство с некоторого времени совершенно изменилось, и главный, единственный доход составляет теперь испанская шерсть, которой пуд продавался даже в нынешнем году от 10 р⟨ублей⟩ до 16 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ пуд (Гоголь продала дешевле 10-ти), смотря по достоинству шерсти. Марье Ивановне трудно соображаться с новым порядком вещей и принять теперь, в ее года, тот вид хозяйства, к которому она привыкла. Я был у них и просидел вечером часа два. Останавливались они у Яновичевых: это три де́вицы с отцом, каким-то отставным генералом: я его не видал. Девицы же известны в Полтаве под названием *ученых*. Я слышал, как один человек молодой, но не претендующий на ученость, довольно забавно жаловался, что его визиты к Яновичевым всегда неудачны, что, собираясь к ним ехать, он поутру приготовится из римской истории, а его спросят про ассирийскую монархию! Действительно, в них много претензий, особенно в средней, Julie, имеющей притязание на высшие взгляды; может быть, они и обладают большими познаниями, но нет в них сочувствия ни к каким современным вопросам, а какой-то отвлеченный интерес к науке, к знанию: статья европейского ученого про царя Артаксеркса[1] кажется им гораздо более занимательною, чем вопрос о положении крестьян в Малороссии, о современной войне и проч. И в мужчине неприятно видеть отвлеченность ученого, а в женщине это еще противнее. Про среднюю Гоголь писал к старшей сестре[2] целое письмо, в котором говорил, что у нее прекрасная, но испорченная воспитанием натура, и давал ей разные советы, которых она, впрочем, не послушала. Я не читал сам письма, но не разделяю мнения Гоголя. Девушка, которая делает презрительную гримасу, как скоро говорят о народной поэзии, говоря, что она не понимает этой грубой поэзии, что этот интерес ей кажется слишком мелким, что любовь к

народности, по ее мнению, очень узкое и тесное чувство в сравнении с человечеством, такая девушка не показывает много чувства и чрезвычайно несимпатична. Она вызвала меня на несколько резких ответов и замечаний, и сама вскоре ушла, оставив меня с другими сестрами. Я потому так об них распространился, что, может быть, Гоголь или его сестры говорили вам об этом семействе. — Анна Васил⟨ьевна⟩ сказала мне, что получила письмо от Веры в субботу или в воскресенье рано утром, следовательно, неделю тому назад, и что все, судя по письму, у вас по-прежнему. Я же, по моему расчету, должен был получить от вас письмо в понедельник, но не получил письма ни в понедельник, ни в середу или четверг. — Наконец, получил и я письмо от Трутовского по возвращении из Ольшанки[3]. Он начинает письмо тем, что ольшанский воздух укрепил их обоих, и он с обновленными силами возвратился в Яковлевку[4], а кончает письмо тем, что лихорадка опять к нему возвратилась. Бедный! она его совершенно изнурит. Он не отвечает мне ни слова на предложение Галагана провести лето у него в деревне. Болезнь, недостаток средств и образцов, художническая мнительность едва ли позволят ему написать и кончить картину, которую можно было бы выставить на выставку, продать и получить за нее деньги. Не знаю, право, что и сделать для него. Не могу я заинтересовать в его пользу людей, не видавших ни его, ни его рисунков. Я подозреваю, что, кроме лихорадки, которой нечего бояться дороги, Трутовского остановило известие, вероятно, переданное ему художником Соколовым[5], о пребывании Жемчужникова у Галагана.

Ярмарка уже кончилась: идут расчеты. В общем результате она была плоха, но лучше, чем можно было ожидать, что объясняют известиями о мирных отношениях к Австрии и Пруссии, потому что иначе купцы-евреи юго-западного края не отважились бы покупать. Кокошкин должен быть очень доволен. Вопреки всем теоретическим соображениям, выводам науки, основанным на географических, статистических и других данных, несмотря на сильную оппозицию купцов, оппозицию, впрочем, пассивную и всегда уступающую, перевод ярмарки из Ромна в Полтаву удался совершенно, и ярмарка привилась здесь очень хорошо. Мало того, переводятся теперь и остальные две ярмарки из Ромна, Маслянская и Вознесенская (очень мне нужно было их описывать, когда в будущем году обе перестанут существовать!). Так как в Полтаве имеются еще две мелочные ярмарки вроде деревенских *Всеедная* и Никольская в мае, то иногородное купечество по желанию Кокошкина будто от себя сделало подписку, чтобы на будущий год, не уничтожая ярмарок Роменских, съехаться торговать не в Ромне, а в Полтаве, на Всеедной и Никольской. Очень многие купцы этим недовольны, говоря, что это затеяли два-три сильных торговца и что маленьким поневоле приходится их слушаться; другие говорят в объяснение: нельзя же не сделать угодного генералу-губернатору, а на вопрос: выгодно ли это будет, не потерпят ли убытков, отвечают: «Бог знает, нельзя ничего гадать, знаем только, что "хлеб за брюхом не ходит, а брюхо за хлебом"», т.е. что нуждающиеся в товарах приедут поневоле. Они, мне кажется, ошибутся в расчете, т.е. что брюхо найдет себе хлеб и в другом месте; уже и теперь Черниговская губерния стала отпадать от

системы украинских ярмарок. — Во всяком случае русская торговля заставляет все научные теории лопаться и расшибаться и нередко поставит в тупик немецкого ученого статистика и политико-эконома, знакомого с одними цифрами, а не с личными свойствами и характером народа. — Я познакомился с Ефимом Гучковым[6], сыном несчастного старика, куда-то теперь сосланного: он очень умный и образованный человек, понимающий хорошо торговое и фабричное дело и способный обобщать предмет. Разумеется, он бритый, но я уже давно, еще по Ярославской губернии заметил, что бритые, но образованные купцы гораздо лучше небритых, гораздо надежнее последних, способны сознательно держаться своих народных начал, чем небритые, в которых все искажено и уродливо и которые не могут быть стражами народности, напротив того, по незнанию своему предают ее на каждом шагу. Впрочем, это обширная тема, о которой лучше не распространяться. Мы слишком мало обращаем внимание на это среднее сословие, образующееся у нас и стоящее между нами и народом; я говорю о новом бритом сословии. — Прощайте, спешу захватить еще нескольких из этого сословия, покуда они не уехали, чтоб потолковать с ними. Я думаю сам через неделю переехать в Харьков. Вот вам мои адресы: до 22 августа в Харькове, с 22 августа по 10-е сентября в Кролевец Черниговской губернии, с 10 сент⟨ября⟩ в Харьков. — Будьте здоровы, милый отесинька и милая маменька, дай Бог мне получить от вас добрые вести. Обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

164

1854 г⟨ода⟩ 6 авг⟨уста⟩. Пятн⟨ица⟩. Полтава.

В воскресенье 1-го августа получил я письмо ваше от 22 июля, милый отесинька и милая маменька. Слава Богу, что вы здоровы. Оно так и вышло, что вы писали через 10 дней после предыдущего письма, но иное письмо тотчас же попадает на полтавскую почту, другое лежит несколько дней в почтамте в ожидании почтового дня. Но что это за несчастие с нашими деревнями: или неурожай, или град и буря, или страшная дешевизна цен! У Марьи Ив⟨ановны⟩ Гоголь также выбило градом хлеб и у нее одной: соседи были пощажены. Что тут делать! Трудно мириться с этим непостижимым правосудием. — Здесь опять страшные жары. А что за ночи! Никакая теплая ночь на севере не дает понятия о красоте южных ночей и в особенности безлунных, когда на темном небе ярко горят звезды, тепло так, что меньше 18 градусов не бывает во всю ночь и порою повевает на вас не прохлада, не сырость ночная, а освеженный зной! Так было, например, в эту ночь, с 5 на 6-е августа. Грешно спать в такие ночи, с ума сходишь, не знаешь, как бы полнее вместить в себя красоту ночи. Такие ночи переворачивают всю душу в человеке, и если б могли продолжаться круглый год, то сделали бы его неспособным ни к какому труду. Но уже скоро настанет им конец: как ни хороша, по рассказам, осень на юге, но все же не лето, и ночи прохладны. — Предвижу, что летом в России буду сильно тосковать по южном лете. Завтра вечером предполагаю выехать в Харьков, где 15 числа начинается

Успенская ярмарка, я мог бы и позже ехать, но теперь там в сборе купечество на возвратном пути из Полтавы и в ожидании ярмарки. Летом в городе вообще скверно, но в Харькове хуже, чем в Полтаве, где живешь как будто на даче. — Политических новостей нет никаких: даже слухи с европейского театра войны затихли, но о Кавказе был слух, что Шамиль ворвался в самый Тифлис. Этот слух не подтвердился, но из одесской газеты видно, что Шамиль ворвался в Кахетию[1] со стороны Дагестана, и жители Тифлиса были в страшном волнении, так как с этой стороны очень мало войска: Бебутов и Андроников стоят на турецкой границе и близ Черного моря. Впрочем, Шамиля прогнали опять в горы. На этой неделе одна петербургская почта вовсе не пришла: ее ограбили в Могилевской губернии (из Петербурга почта ходит сюда не через Москву, а Белорусским трактом), и почтальона убили. Таким образом я остался без иностранных газет. Впрочем, общество, по крайней мере, здесь устало заниматься политикой и, махнув на все рукой или доверчиво полагаясь на правительство, собирается возвратиться к своему нормальному состоянию, т.е. заснуть опять крепким сном, даже сердится немножко: зачем будили? Что это за безлюдье в России, в нашем дворянском обществе? Конечно, во всем городе в течение целого года не прочтется 20 книг! Полтава, за исключением некоторого малороссийского оттенка, то же самое, что и прочие губернские города. В похвалу ей можно сказать только, что здесь меньше претензий на великосветскость, напр⟨имер⟩, что она продолжает обедать в два часа и рано ложится спать, но вместе с этим людей зовут Фильками и Яшками и вместе же с этим, как водится, в ней больше гостеприимства и радушия, чем в Харькове или других больших городах. — Ригельман еще здесь: боюсь, чтоб он не женился. Тоска одиночества становится ему невтерпеж; он же очень склонен к хандре, в особенности после тифуса или нервной горячки, бывшей у него летом прошлого года. Впрочем, с его медлительностью, нерешительностью и недоверчивостью ему очень трудно жениться, и если он женится на молодой, пылкой девушке, то едва ли будет с нею счастлив. Его медленность, вялость, аккуратность и расчетливость, несмотря на все высокие его нравственные качества, способны приводить в отчаяние человека живого. А какой прекрасный человек! Мы сошлись с ним очень близко, и едва ли с кем был он так откровенен, как со мною. — Мы с ним вместе отыскиваем поющих малороссийские песни. В обществе таковых почти нет вовсе, но утешительно видеть, что так мало исказились песни в простом народе, по крайней мере, здесь, в Полтавской губернии. Все песни, которые поет Надинька, слышал недавно от одной простой крестьянки, и “Чумака”, и “В поле могила”, и “Уже третий вечир, як дивчину бачив”. Вообще песни в народе хорошо сохранились, и я не думаю, чтоб они могли дойти до такой степени путаницы и нелепицы, как большая часть песен, которые поет великорусский народ. Здесь поющий обращает внимание на содержание и на смысл песни, между тем в России самая протяжность звуков мешает обратить внимание на слова песни. Ямщик проедет семь верст прежде, чем успеет кончить совсем первый стих песни “Не белы-то снеги в поле забелелися”. Да и мы обыкновенно знаем только первые начальные стихи русских лучших песен. Никто почти из нас не скажет окончания песни “Лучины-лучинушки”, “Вниз по матушке по Волге” и проч. И

как эти песни, прекрасные в начале, обезображены в конце. Жаль, что у вас нет недавно вышедшего сборника малороссийских песен, изданного Метлинским в Киеве[2]: тут помещены песни, не напечатанные нигде прежде. Я с грустью подумал о собрании песен Киреевского[3] и о том, что у нас до сих пор не издано ни одного порядочного сборника песен. — Но что это за прелесть песни малороссийские в собрании Метлинского. Они все записаны из уст народа. Столько в них художественной красоты, оконченности, грации; все, что относится вообще к области чувства, исчерпано в них со всей глубиной, тончайшими оттенками и переливами. Вообще эти песни показывают высокое душевное образование в народе. Что касается до известных мне песен духовного и философского содержания, то они ниже великорусских. Какая удивительная гармоничность, музыкальность стиха, наприм⟨ер⟩, в этой песне, где дочь, выданная замуж в чужую сторону, рассказывает про посещение своей матери:

Ище сонце не заходыло,
Щось до мене да приходыло?
Приходыла моя матюнка,
Приходыла моя ридная,
Породонька моя вирная (советница).
Вона в мене не обидала (не обедала),
Тилько мене да одвидала (проведала);
Вона в мене не полуднала,
Тилько мене приголубыла;
Вона в мене не барылася (не мешкала, не медлила у меня),
Тилько сила, пожурылася! (только села, погрустила)! и проч.

Или эта песня про мать, не любившую своей невестки и наказавшую ей выбрать лен в поле и без этого не возвращаться домой:

Ой як посылала, да еще й прыказала:
“Не выберешь лену, то не йды до дому”...
— Не выбрала лену, не пишла до дому,
У чистому полю да й заночувала,
До билого свита топóлею стала!

Сын, возвратившись из отлучки, спрашивает мать, что это за тополь у них в поле?

“Не видав тополи, як на своим поли!
Тонка та высóка, та листьем ширóка,
Без витроньку мае (движется), без сонечка сяе!" (сияет).

Мать приказывает ему срубить тополь, сын берет топор и отправляется:

Як цюкнув же раз (ударив), вона зашаталась,
Як цюкнув у друге, вона похылылась,
Як цюкнув у трете, та й заговорыла:
“Ой не рубай мене, бо я твоя мыла! (мила)
Се же твоя матуся нам так поробыла,
Що тебе послала у путь, у дорогу,
А мене послала в поле браты лёну;

Ой як посылала, да еще й прыказала:
Не выберешь лену, то не йды до дому!..
Не выбрала лену — не пишла до дому,
У чистому поли да й заночувала,
До билого свита топблею стала!"

Эта песня поется в Золотоношском уезде.

Как хорошо здесь повторение в конце стиха, помещенного уже однажды выше. Чисто художественный прием! Видно, что сочинявший понимал красоту самого стиха, любовался и наслаждался им. Любопытно было бы проследить, откуда и давно ли у малороссов рифмы? Явилась ли она вследствие подражания или самобытно, как потребность музыкального слуха? Вот еще песня. Беру так, наудачу; я еще даже не просмотрел и половины книги.

Колы б так тоби, як теперь мени
    Да бида докучыла,
То б ты поихав, да й не барывся (не мешкал).
    Ой щоб я не скучыла!
Колы б так тоби, як теперь мени
    А бида за бидою,
Ты б коня добув, до мене прыбув,
    Попрощався зо мною!
Чи ты богатый, чи гордоватый,
    Чи высоко несешься?
Ой чи ты мене вирненько любышь,
    Чи з мене смиешься?.. и проч. Дальше:
Ой поплыв, поплыв серденько
    Днипром — тыхою водою.
И шапкы не зняв и рукы не дав,
    Не прощався зо мною!

Довольно замечательный размер для народной песни. Голос этой песни чудесный. Как жаль, что некому класть: Ригельман сам не берется класть на музыку. Я вам выписал не лучшие песни: трудно очень выбрать, так все хороши, музыкальны! — Когда выйдет сборник песен, положенных на ноты (всего 50 песен), изданный под надзором Ригельмана в Киеве (на ноты клал не он), то я его к вам пришлю. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Дай Бог, чтоб глаза Ваши, милый отесинька, совершенно укрепились. Цалую ваши ручки. Обнимаю Константина и сестер. Надеюсь получить от вас письмо, если не завтра здесь в Полтаве, то в Харькове.

И.А.

Или вот еще песня:

Ой чому не прыйшов, чому не прыихав,
Як я тоби, серденько, велила?
Чи коня не маешь, чи дорижкы не знаешь,
Чи матуся ихать не звелила?
И коныченька маю, и дориженьку знаю,
И матуся ихать повелила...[4] и проч.

165

Суббота. 14 авг⟨уста⟩ 1854 г⟨ода⟩. Харьков.

В воскресенье вечером выехал я из Полтавы и на другой день утром был уже в Харькове, милые мои отесинька и маменька. Здесь я нашел два письма от вас, одно — старое от 29-го июня, которое харьковская почтовая контора не заблагорассудила переслать в Полтаву, и другое — самое последнее от 3 августа. Я не знал, что вы писали в Харьков, и предполагал, что или вы пропустили почту или одно письмо пропало. Из письма от 29 июня я вижу, что Вы, милый отесинька, сильно страдали от зубной боли и от флюса: слава Богу, что уже это дело прошедшее. Но я боюсь раздражения глаз Ваших от солнца и от ветра[1]: от этого так трудно уберечься летом, если хочешь наслаждаться летом. Переехавши в Харьков, я как будто простился с летом и не замечаю здесь погоды. В Полтаве и в городе живешь как будто на даче; здесь же не видишь почти ни одного деревца: город весь каменный, тесно застроенный, улицы загромождены возами и фурами (фурами называются широкие телеги особенного устройства, в которые запрягается пара волов) — по случаю наступающей Успенской ярмарки — пыль страшная, какой нигде нет, по особенному свойству харьковской почвы[2], народонаселение — сбродное, городское, цивилизованное, испорченные малоруссы, испорченные великоруссы... Словом, не люблю я Харькова, имеющего много общего с Петербургом. Но зато здесь работы мои пойдут лучше, потому именно, что не развлекаешься природою юга. А за работу пора приняться крепче: дело подходит к концу, и берег виден. Купцы мне говорят, что они и 5 т⟨ысяч⟩ сер⟨ебром⟩ не взяли бы за такой труд, что сообразить и поверить все разнообразные отрывочные сведения, доставляемые разными торговцами, такая "головоломия", что едва ли тут доберешься какого-нибудь толку, что для полного и верного описания надо бы два-три раза посетить одну и ту же ярмарку. Никто бы лучше купца не мог бы составить полную торговую статистику украинской ярмарочной торговли, купца, которому нечего приучать свой слух к расчетам торговым, к терминологии торговой, которого голова уже привыкла все мысленно вешать, считать, мерить, оценивать, приводить все в проценты, но, к сожалению, людей письмённых между ними нет. — Я вижу, что в труде моем будет несколько свежих мыслей и взглядов, кой-какие интересные подробности[3], но настоящего значения для ученых статистиков он иметь не может. Ошибок и промахов, вероятно, будет довольно, да это даже и неизбежно при таком затруднении в собирании сведений. — Как бы то ни было, я теперь по целым дням вожусь с цифрами, слагаю, вычитаю, делю и множу. Чувствуя недостаток предварительного ученого подготовления в области статистики, я вижу необходимость прочесть многие книги и сочинения, которые здесь получить трудно. Я не думаю, чтоб я совершенно окончил здесь свою работу, разве окончу ее только вчерне, и торопиться очень представлением отчета не намерен[4]. Впрочем, еще решительно не знаю, как все это будет. По свойству моей работы вообще я не могу ничего заключать заранее, т.е. я обыкновенно работал запоем: когда придет бывало время писать отчет министру или что

другое, так засядешь за работу, работаешь по 18 часов в день, если не больше, не спишь ночей и приведешь себя в такое напряженное состояние, что уже не голова пишет, а нервы пишут; является особенного рода вдохновение, которое пустишь вперед форейтором, так на вынос, по всем трудностям, рвам и ухабам! И вначале, право, иногда и не знаешь, что́ будешь писать, да и потом не в состоянии изустно передать все, что написано, но написанное выходит недурно. Разумеется, такой способ работы требует свежих крепких физических сил и не может быть очень положителен, а потому и не для всякого труда годен. Именно тут, я думаю, не раскачаешься по цифрам и математическим выкладкам! — Можно было так работать под конец в Ярославле, когда я целый месяц не выходил из комнаты, не брился, не одевался и писал толстым карандашом, потому что от быстрого писания тоненьким пером делались судороги в пальцах, да и макать в чернильницу надо было беспрестанно; так и "Судебные сцены" — тетрадь очень толстая — были написаны и два раза переписаны меньше, чем в две недели[5], хотя, живя дома и стараясь работать скрытно, я не мог употребить все свои привычки и способы в дело. Но вижу, что с настоящим моим трудом нельзя будет поступить таким образом. А впрочем не знаю, я еще не пробовал и теперь все покуда собираю матерьялы да обделываю кой-какие частности. Я нанял здесь квартиру, очень удобную и недорогую: за 2 комнаты 10 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в месяц: обедаю в трактире. Комната моя довольно высокая, о пяти окнах, стало быть, пресветлая, и производит приятное впечатление, так что мне кажется, в ней работаться будет хорошо. Другую комнату занимает Афанасий, который большую часть времени проводит в делании папирос. Ему уже очень надоело странствовать, да теперь и дорогу он труднее переносит, чем я. А еще нам предстоит довольно езды впереди, да еще осенью! — В Харьков назначен вице-губернатором мой товарищ, одного со мною выпуска, граф Сиверс[6]. Он уже здесь, и я вчера у него обедал. Жена его и дети еще не приехали, и он сильно хлопочет об устройстве для них квартиры. Здесь проездом теперь другой мой товарищ, одного же выпуска, Ралль[7], также женатый и отец троих или четверых детей. Оба они очень добрые малые — и только, но мы так розно шли в жизни, так розно относились к жизни, так давно не видались, что, кроме товарищеских воспоминаний, у нас нет ничего общего. Чины, кресты, свет и вся пошлость жизни без труда и без борьбы овладели их душами, в которых никогда оригинальных, самобытных струн не звенело, но которые в ранней молодости могли бы быть настроены хоть на чужой, однако на лучший, добрый лад. Впрочем, они оба очень счастливы и по службе и в семейной жизни, да и оба с хорошим состоянием. — Мы, я полагаю, скоро прочтем в газетах о назначении графа Стенбока губернатором в Саратов: Кожевников уже уволен от должности[8], и Стенбок, находящийся теперь там, вероятно, скоро будет назначен именно туда как человек, "хорошо знакомый с расколом"[9], в губернию самую раскольническую. Я желал бы его видеть губернатором в губернии более мирной и спокойной, именно где-нибудь здесь, в Малороссии. Ралль, только что приехавший из Киева, рассказывал мне, как деятельно работают над укреплением Киева и над вооружением крепости, так что через несколько месяцев нельзя будет его узнать вовсе. Та часть города, где я жил,

Липки, совсем ломается, генерал-губернаторский дом и почти весь Печерск (за исключением монастыря, разумеется) также. Между тем, наши войска, стоявшие на австрийской границе, отступили, и австрийские тоже отошли от границы. Гвардия, отправленная из Петербурга к границам австрийской и прусской, возвращается назад. По иностранным газетам и по частным слухам Горчаков перешел через Прут, и турки вступили в Бухарест[10], а частные слухи прибавляют, что Горчаков, воротившись, нанес туркам решительное поражение. Между тем войска стягиваются к Севастополю[11]. Так велики границы России, что, как ни огромно наше войско, его все оказывается мало. — Бедная княгиня Чавчавадзе и бедная княгиня Орбелиани![12] Они мне из головы не выходят. Что-то скажет нынешняя почта? — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, спешу на rendez-vous к одному купцу, торгующему салом, и к одному нижегородскому крестьянину, торгующему полотном. Будьте здоровы; дай Бог, чтоб Ваши глаза совсем поправились, милый отесинька. Сколько фруктов нынешний год! Во всю жизнь свою не едал я столько груш, сколько съел их на прошедшей неделе в Полтаве, а также маленьких персиков по 2 к⟨опейки⟩ сер⟨ебром⟩ десяток. Здесь в Харькове фрукты дороже. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. — Говорят, в Воронежской и Тамбовской губернии урожай оказался никуда не годен! Прощайте.

И.А.

166

21 авг⟨уста⟩ 1854 г⟨ода⟩. Суббота. Харьков.

В середу получил я ваше письмо от 9-го августа. Слава Богу, милые отесинька и маменька, что вы все здоровы, по крайней мере, пришли более или менее в свое нормальное состояние. Значит, и нога у Сонички совершенно выздоровела. — 15-го или 14-го Вы приобщались, милый отесинька, поздравляю Вас от души; я думал было, что Вы по случаю частых простуд не будете говеть нынешним летом. — Очень неприятны известия о Вишенках. Призыв к морскому ополчению переполошил много помещичьих сил в Воронежской и Тамбовской губерниях: крестьяне бежали и потом были возвращены насильно: тут большею частью в ходу две причины: или крестьянам плохое житье у помещика или же крестьянин — мошенник и вор, как и случилось у нас в Вишенках, где эти двое бежали, обокрав контору. — По случаю настоящей войны народные умы легко тревожатся и готовы поверить всякой небылице, всякому ложному толкованию указа[1]. “Царь зовет на службу, лучше служить царю, чем господину” — эти рассуждения мне уже приводилось слышать. И потому, милый отесинька, Ваше послание миру с угрозой прислать управляющего в настоящее время едва ли достигнет своей цели: разнесся слух о высадке в Крым неприятеля, вишенские мужики отправятся, пожалуй, защищать Крым по наущению какого-нибудь отставного солдата!.. Словом сказать, отношения помещика к крестьянам с каждым годом расстроиваются, и надо спешить — приводить дело в такое положение, чтобы событие не застало врасплох и не лишило помещика насущного куска хлеба. — Знаете что, милый отесинька? Если Гриша вступит на

службу и не в наши губернии, надобно будет кому-нибудь из нас двоих[2] заняться если не исполнением вот этого моего предположения, то во всяком случае лучшим устройством имения. Необходимо будет посвятить себя год или два этой скучной работе там, на месте. "Так" оставлять нельзя; прежние способы управления становятся теперь невозможными, и прежние отношения расклеиваются. Теперь ни Куроедов, ни Степан Михайлович не навели бы страха на крестьян[3]. — Я также не понимаю, отчего у нас в Вишенках встречается такое затруднение во введении машин. В Малороссии и во всем Новороссийском крае иначе не молотят пшеницы как посредством машин, да и в Самарском уезде везде действуют машины вместо этого допотопного способа молотьбы лошадиными копытами, который еще у нас в ходу. Я убеждаюсь, что вообще нечего слишком слушаться возражений крестьян, нечего слишком много полагаться на здравый смысл и толк простого народа. Можно принимать его в соображение, но не верить ему безусловно. Помните, лет 5 тому назад, когда у нас последовала такая решительная перемена в тарифе[4], как волновались, как шумели, как протестовали купцы, предвидя разорение, разрушение фабрик. Кажется, кому бы лучше знать, как не купцам и не фабрикантам. Оказывается, что они очень мало знают. Я вчера часа два отбирал сведения из лавки Прохорова, известнейшего ситцевого фабриканта в России[5]. Константин когда-то был у него на фабрике с Мейендорфом[6]. Когда вышел новый тариф, Прохоров был в числе депутатов, отправленных московским купечеством с просьбою об удержании старого тарифа: их допустили в присутствие Государственного совета, где они и объясняли свои доказательства. Теперь же сам Прохоров сознает, что ошибся и со всем здравым толком в своем собственном деле смотрел очень близоруко. Русская мануфактурная промышленность пустила уже такие глубокие и сильные корни, что тариф не имел на нее никакого влияния, разве только на фабрики модных шелковых материй высшего сорта. Ни Англия, ни Франция, ни Рига, ни Польша не в состоянии соперничать с русскими фабриками в изготовлении и продаже товаров среднего и низшего сорта. Сбавка пошлин по тарифу усилила деятельность фабрикантов, боявшихся лишиться всего достояния, заставила их делать товар лучше и дешевле. N.B. Это не значит, чтоб я совершенно отвергал так называемую запретительную систему[7]: напротив, я признаю ее во многих случаях необходимою, особенно при начале какой-нибудь отрасли промышленности. — Здравый толк явно доказывал нелепость перевода ярмарки из Ромна в Полтаву, особенно старые купцы, дельные, умные, опытные... Деспотический поступок Кокошкина[8] увенчался полным успехом к изумлению простого здравого толка! — Разумеется, недоверчивость к нововведениям имеет очень полезную сторону, только надобно, чтоб она не мешала вовсе ходу вперед. — Кажется мне, милый отесинька, что теперь все Ваши письма мною получены. Какое именно письмо, кажется Вам, не дошло до меня? Не особенного ли какого-нибудь содержания? Давно ли именно писано? — Вы не получаете от Тургенева писем: здесь мне рассказывали про него, что он женится, одни говорят — на какой-то Тургеневой же, другие — на граф⟨ине⟩ Велиегорской[9]. Я рад был бы за Тургенева, если б случилось это последнее. Граф⟨иня⟩

Велиегорская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке[10], может иметь на Тургенева благодетельное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив⟨ана⟩ Панаева и компании[11]. Я думаю, ей будет около 28 лет. Впрочем, если он женится, то вы верно знаете, на ко́м. — Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ Яниша я знаю[12], т.е. видал у Хомякова: точно, нестерпимая флегма. — В Харькове теперь Данилевский! вчера я его видел. Он все такой же и точно так же становит в затруднение людей, к которым навязывается с своими восторгами. Разумеется, он "пламенно" мне обрадовался, а теперь восторженно мечтает о счастии сопровождать меня в Черниговскую губернию. Я бы этого весьма не хотел, но не знаю, буду ли иметь дух отвязаться от него. Признаюсь, ищешь иногда какой-нибудь особенно дурной черты в человеке, чтоб, ухватившись за нее, как-нибудь с ним разделаться, но — по строгой справедливости — должен сказать, что, кроме пустоты, дешевого пыла и литературных притязаний, я в нем не нахожу ничего особенно дурного. Он познакомил меня с одним здешним помещиком, его двоюродным братом Сонцевым. Этот без литературных претензий, гораздо дельнее и интереснее, потому что не лишен практической наблюдательности и рассказал мне много любопытных фактов. Данилевский собирается писать повесть из быта чумаков[13], быт поэтический, достойный описания. И жаль, признаюсь, что Данилевский запускает в него руки. Впрочем, описать этот быт может только хохол. — Что касается до высадки англо-французов в Крым, то об этом еще нет никаких слухов[14]. Вчера видел я одного купца из Николаева, только что приехавшего оттуда. 16-ая дивизия форсированным маршем шла из Бессарабии на Перекопский перешеек, но страха, чтобы неприятель мог занять Крым, так мало, так это кажется всем несбыточным, что даже купцы продолжают закупать товары, несколько меньше, это правда, против прежних лет, однако все же закупают. — Газета "Times"* требует непременно взятия Севастополя, утверждая, что для такого огромного флота и для такой армии нет ничего невозможного и что не взять Севастополя было бы вечным позором для Англии и для союзного флота и армии! Посмотрим, что будет! Жду с нетерпением нынешней почты, чтобы узнать что-нибудь об Аландских островах[16]. — Впрочем, уже сентябрь на дворе, и действия на море скоро должны прекратиться. Какая странная война! — Я ничего уже от нее не ожидаю. — С одной стороны, для меня собственно это хорошо: этот интерес уже не отвлекает теперь моего внимания от моих занятий. Я очень усиленно теперь работаю или, лучше сказать, тороплюсь набрать матерьялов как можно более, чтоб потом разроботывать их на досуге. Каждый день имею аудиенции у нескольких купцов, но ведь их тысячи и потому не́т никако́й возможности расспросить их всех. Между тем, чтобы привести в известность количество товаров, надо бы расспросить всех, и таких голов, которые бы сами интересовались этим вопросом и могли бы делать общие соображения, не имеется! Всего довольнее я молодыми купцами, которые, по крайней мере, без затруднений передают мне все, что знают, не врут, не скрывают, не опасаются

* "Времена" (*англ.*)[15].

обнаружить свои торговые секреты. Всего более времени пропадает у меня в пустых объяснениях и уверениях, что работа моя не повредит торговле, что от этого худа не будет, в приискании толковых и знающих людей. Нельзя сказать, чтоб это утаивание истины происходило от естественного заслуженного недоверия. Вспомним, что в быту крестьянском то же самое: мужик никогда у себя в деревне не обнаружит своего состояния, своего капитала, зарывает деньги в землю, боится зависти, дурного глаза и проч. — К тому же торговля большею частью основана на обмане и надувательстве. — Много нужно терпения, упорства, даже наглости, чтоб преодолеть все затруднения, с которыми сопряжено мое поручение, и оно меня очень озабочивает. Пошлого и казенного не хочется мне делать, ни совесть, ни самолюбие не позволят, а с общими соображениями, боюсь, не слажу, чувствую, что голова не для коммерческих соображений устроена, и часто завидую купцам, у которых с детства все взвешивается, все рассчитывается на проценты: я думаю, они иногда человека ценят во столько-то рублев, привязанность к нему усиливают или убавляют на столько-то процентов! — Очень озабочивает меня моя работа. — У меня оказывается на затылке, в конце шеи какой-то литопом или липотом. Более года уже сидит там какой-то движущийся желвак, который иногда увеличивался, иногда уменьшался. Я сначала думал, что это чирей, потом вообразил, что это от геморроя, потому что вместе с этим часто побаливают у меня затылочные жилы, но не обращал никогда особенного внимания. Здесь он стал сильно увеличиваться (с грецкий орех), так что мне немного больно и неловко надевать галстух. Был у меня на днях Демонси, и я показал ему: он назвал его этим непонятным мне названием и объявил, что он должен непременно все расти и расти подобно шишкам на голове, будучи одного с ними происхождения, медициной вполне не объясненного, и что по возвращении в Москву я должен попросить искусного оператора его срезать. Хорошо резать шишку на голове — она накожная, а эта штука подкожная! Посмотрим, что еще будет: в настоящем виде он меня не очень беспокоит. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки. В следующий раз я буду вам писать еще из Харькова. Обнимаю Константина и всех сестер. —

167

1854 г⟨ода⟩ августа 27-го. Пятница вечером.
Харьков.

Против обыкновения на нынешней неделе не получил я письма от вас, милый отесинька и милая маменька. Верно, вы почему-либо пропустили почту. Надеюсь, что завтра утром почта привезет мне письмецо от вас до отправления моего письма. Теперь снова начнется беспорядочное получение писем до возвращения моего в Харьков. В середу я еду в Чернигов и следующее письмо буду уже, вероятно, писать оттуда. Боюсь, что ехать придется мне по грязным дорогам. Не знаю, что будет, но теперь совершенная осень: холодно и почти каждый день идут дожди, впрочем, несильные, и погода всякий раз проясняется, но воздух холоден. Для меня оно кстати: легче работать, потому что малорос-

сийское лето делает человека совершенно неспособным к работе. На этой неделе я переделал довольно много самого скучного дела. Как я должен описать все 11 ярмарок и привести в известность силу, оборот каждой из них и всех в совокупности, ибо они составляют между собою неразрывную цепь, то мне приходится проследить цифру оборота каждого товара на каждой ярмарке. Если предположить, что разных категорий товаров только 100, то выйдет 1111 итогов, которые должны быть сосчитаны в разных направлениях, и по категориям, и в общей сумме оборота, и пр. и проч. Сверх того берется 5-летняя сложность каждого оборота. Там, где не достает моих собственных сведений, я руководствуюсь официальными ведомостями. Свод всех этих цифр чрезвычайно скучен и утомителен. В изложении мне придется оживить и осмыслить каждую цифру, но черновая работа никому не будет видна. — Считаешь, считаешь, соображаешь до тех пор, пока в глазах зарябит и голова одуреет. Нанял я одного чиновника поденно, чтоб помогать мне в этой механической работе, т.е. мы считаем вместе: я говорю, он кладет на счеты, потом опять поверяем и т.п. — Впрочем, я теперь сам выучился класть на счеты и готов по возвращении подвергнуть себя Вашему экзамену, милый отесинька. У купцов же такая привычка возиться со счетами, что когда спросишь, напр⟨имер⟩, купца в лавке, откуда он приехал, то он обыкновенно возьмет счеты и, уже откинув машинально пальцем на счетах, отвечает: "Из Воронежа-с" или из другого места. На нынешней же неделе я обошел всех торговцев мануфактурными товарами (а их лавок до 200), отбирая сведения от каждого об общем его годичном обороте на Украине и о проч. Это невыносимый труд. Надобно было почти 200 раз толковать, кто я, зачем спрашиваю, для чего, убеждать, чтоб показали правду; иной просит обождать до завтра, чтоб справиться по книгам; другого нет в лавке, у третьего покупатели и не хочешь ему мешать. Четыре дня посвятил я на это дело, проводя по семи и более часов в лавках. Теперь, по крайней мере, я уже не в темном лесу и умею различать товары и судить о верности показаний. — Все это очень, очень утомительно: работа по мере приближения срока меня сильно озабочивает, и при совершенном моем одиночестве, при отсутствии всякого рода развлечений мне приходится работать целый день. Но я все же очень благодарен этому труду. Ценою его я купил себе возможность поездить целый год, провести весну и лето в Малороссии, многое видеть и заметить. Но предвидится мне, что, одолев эту огромную работу, я буду иметь сильную потребность в отдыхе. — Теперь надобно мне будет очищать еще место в голове для новой губернии, отвести амбар для новых сведений и соображений. Но довольно об этом. Поневоле приходится говорить о своих занятиях, потому что погружен в них день целый, да и хотелось мне дать вам о них понятие. — В русских газетах еще нет, а в иностранных помещено известие о взятии Бомарзунда[1], сдавшегося на капитуляцию. Иначе не могло и кончиться, но все как-то неприятно читать описание радости и торжества в Париже по случаю этого известия. Вероятно, одним из условий мира, о которых идут переговоры, будет отдача этих островов Швеции или Дании или другому кому[2]. Может быть, впрочем, если мир еще долго не будет заключен, с помощью нашего верного союзника зимы мы

доберемся до Аландских островов по льду и возвратим их себе. Жаль мне, что вы не читаете иностранных газет. Там, кроме вздора и клевет, помещаются любопытные документы, которых у нас не перепечатывают, напр⟨имер⟩, ноты австрийского и прусского двора (последние), ответ наш на эти ноты с изъявлением согласия очистить княжества, но на условиях (впрочем, оно последовало потом без условий), ноты Австрии, Франции и Англии, размененные между тремя кабинетами, об условиях, на которых единственно может быть заключен мир с Россией[3], и проч. и проч. Какова Австрия! Какую роль она теперь разыгрывает! Впущенная в Молдавию и Валахию, она не скоро оттуда выйдет и, верно, за свои услуги отхватит себе земельку по Дунаю, чтоб нам окончательно запереть вход в Турцию. Англия, верно, также возьмет себе позицию где-нибудь на азиатском берегу Черного моря под предлогом стеречь нас... Впрочем, еще неизвестно, чем все это кончится. — Читали ли Вы, милый отесинька, "Северную пчелу", те №№, где Булгарин разбирает биографию Гоголя и рассказывает, как в 1828 или 29 году Гоголь явился к нему со стихами, в которых Булгарин превознесен до небес, и с просьбой о месте, и Булгарин определил его в III-е отделение канцелярии государя, куда, впрочем, Гоголь являлся только за получением жалованья и где он числился недолго. Если не читали, то, верно, слышали. Эти две статьи гнусны в высшей степени[4] по той явной цели, с которой писаны, по старанию представить Гоголя-человека подлецом и по самому тону. Верно, они вызовут возражения. Очень могло быть (Булгарин обещает в случае нужды напечатать и стихи и письмо Гоголя — последнее чуть ли не о деньгах), что мальчик Гоголь, попавши в П⟨етер⟩бург и не имея ни о чем верного понятия, ни о Булгарине, ни о III-м отд⟨елении⟩, последовал совету какого-нибудь приятеля, уверившего его, что таков обычай и порядок, что так у практических людей заведено и проч. Вообще люди с натурами чисто художническими способны делать страшные глупости и простым, ясным, здравым умом не отличаются большею частью. Так и должно быть. Все это очень понятно и легко может быть объяснено. — Биография Гоголя, написанная нашим знакомым, действительно заключает в себе многие неловкие места, на которые удобно нападать недоброжелательному человеку[5]. Странный человек этот наш знакомый. Кажется, он человек умный, а есть какая-то в его сочинениях и в нем самом ограниченность, для многих вовсе незаметная. Впрочем, мне это так кажется. — В его биографии слышится какой-то педантизм, какое-то уважение к Гоголю, будто какое-то отношение "жреца в храме искусства" к художнику. Есть какие-то старые, классические, любезные сим господам "жрецам" приемы, которые у умного, хотя бы и старого, но всегда современного человека не встретятся. — Следует еще также заметить биографам, что они указывают плохую услугу лицу, ими описываемому, выкапывая весь сор и хлам изо всех углов его души. Надобно рассматривать в человеке дело его жизни, его цель, его стремление, идеал, живущий в его душе, и уже по отношению к этой существенной стороне можно касаться частностей и мелочей его жизни. Человек сам себя очищает; внутренняя его работа над собою есть тайна между им и Богом, и только Богу известно, какие плевела жили в его душе и исторгнуты им. Нет, поднимут сор, выброшенный давным-

давно за окно, начнут рыться в пыли под стульями вместо того, чтоб любоваться светлым и просторным покоем; напылят снова, примутся наводить справки о выброшенном соре[6] и проч. и проч. — Вот теперь поднимется печатный спор о том, подлец ли Гоголь или нет!!!! Очень может быть, что он и был в состоянии в первое время жизни сделать маленькую подлость, которая могла не казаться ему настоящею подлостью, но все это ничего не значит перед его смертью, перед трудом его жизни. Он, болевший своим несовершенством, он, по собственным словам, навязывавший или преследовавший в своих героях собственные свои недостатки, конечно, носил в себе много и дряни, от которой и освобождался постепенно... Неловкий рассказ К⟨улиша⟩ о часах Жуковского, взятых Гоголем, также дал повод Булгарину объяснить этот поступок довольно скверным образом..Пойдут теперь переворачивать Гоголя как человека во все стороны без всякого уважения к святыне души, к священным правам личности человека! Отыскался где-то сор, но история этого сора в душе человека нам скрыта. — Я очень бы желал, чтоб Вы прочли эти №№ — кажется, от 7-го и 14 августа. Вообще у К⟨улиша⟩ многие анекдоты совершенно лишние и плохо объяснены. Что это за скверные чернила! Не могу ни на одной ярмарке достать иностранных чернил, а которые были со мною, все вышли.

Почта пришла, а писем от вас нет. Странно. — Дай Бог, чтоб вы были здоровы, милый отесинька и милая маменька. Прощайте, целую ваши ручки, Константина и сестер обнимаю. — Данилевский отменил намерение свое ехать в Чернигов по случаю предстоящего ему раздела имения, но в конце сентября будет уже в Москве. Будьте здоровы.

И.А.

168

1854 г⟨ода⟩ 7 сент⟨ября⟩. Чернигов. Вторник.

И из Чернигова пришлось мне писать к вам, милый отесинька и милая маменька! Я думал, что успею написать к вам в субботу, но ехал я довольно медленно по недостатку лошадей на станциях и добрался до Чернигова в субботу уже в самый час отправления почты. Может быть, завтра получу письмецо от вас, если вы только решились написать в Чернигов. Последнее ваше письмо от 20 августа получено мною в Харькове за несколько дней до отъезда. — Вот уже и сентябрь! Поздравляю милую Надичку с днем ее рождения[1], поздравляю ее же и всех именинниц 17 сентября[2], обнимаю и целую их, поздравляю Константина и вас, милые отесинька и милая маменька, с этими домашними праздниками. — Может быть, Гриша, воротившись из-за границы, проводит эти дни с вами, в таком случае обнимаю и поздравляю и его. Я думаю, что в следующем письме вы уже уведомите меня о его возвращении в Россию. Софья, верно, осталась в Петерб⟨урге⟩ у Марьи Алексеевны[3]. — Я выехал из Харькова в середу на ночь и через города Богодухов и Ахтырку Харьк⟨овской⟩ губ⟨ернии⟩, Зеньков, Гадяч и Ромен Полтавский, Конотоп, Батурин, Сосницу и Березну (не Борзну) приехал в Чернигов: всего, я думаю, 450 верст. Ночи

темные, ночи осенние и пески не позволяли мне ехать шибко, и я попал в Ахтырку (105 в⟨ерст⟩ от Харькова)[4] уже в обеденный час. Я имел намерение в этот раз непременно побывать в церкви, где икона, отслужить молебный и удовлетворить желание Кузьмы Ивановича[5] иметь сведения о порядке службы и проч. Я совсем забыл, что икона эта в городе, в соборе[6], а вообразил себе, что она в Ахтырском монастыре, верстах в 4-х от города, по той дороге, куда и мне надо было ехать, а потому и отправился туда. Вид на монастырь и из монастыря великолепный. Он стоит в пространной равнине на огромном широком холме, покрытом невысоким чернолесьем и садами и почти со всех сторон опоясанном рекою Ворсклою[7]. Прелесть! у ворот монастырских встретил я монаха, которому объявил свое намерение служить молебен и сам вошел в церковь. Каково же было мое удивление, когда на почетном месте вижу в золотой ризе икону в человеческий рост, кажется, всех скорбящих. Объяснилось, что здесь своя чудотворная икона, и один монах, приметив мое изумление, поспешил растолковать мне, что в городе икона явленная, а собственно здесь чудотворная. Не желая обидеть монастырь, отслужил я молебен, имея в виду на обратном пути поправить свою ошибку и побывать в городском соборе. Монастырь не беден и смотрит как-то светло и весело, весь в зелени, сам белый! Из Ахтырки поворотил я в Зеньков. Несмотря на скверную погоду, вид малороссийских сел и городов опять произвел на меня обычное умиряющее впечатление. Как хороши эти белые хаты, живописно разбросанные по холмам и долинам и выглядывающие так приветливо из-за зеленых садов своих, эти кривые улицы, эти красивые плетни, сдерживающие густую зелень, так и рвущуюся на улицу, это ласковое отношение природы к человеку, это сочувствие человека к природе. И какие места по Ворскле и Пелу! Но на этом проселочном тракте я был постоянно задерживаем недостатком в лошадях: там окружной, переведенный куда-то далеко и отправляющийся к месту своего назначения со всем своим скарбом и семейством, забрал всех лошадей; там "первосвященный", ревизуя епархию, также огромным своим поездом заставляет проезжающих сидеть по нескольку часов на станциях; там какая-нибудь большая барыня, поднявшись всем домом, разом захватила все почтовые клячи под свои тяжелые кареты и дополнительные тарантасы... Словом, везде остановка и везде дожидающиеся проезжие! Имея казенную подорожную, я пользовался перед ними тем преимуществом, что забирал и последних лошадей, которых выкормки они столько времени ожидали! Впрочем, если б я видел для них крайность спешить, я бы, разумеется, уступил им это право. На одной станции я встретил одну девицу Троцыну, решившуюся поехать на свидание к сестре, Ждановой, вице-губернаторше самарской[8]. Это подлинно подвиг! Из Ромна в Самару, да все боковыми трактами! По рассказам ее, письмо из Самары в Ромен доходит в месяц. Но какое же может быть развитие общественной жизни при таких средствах сообщения! Нигде как в России, с ее огромным пространством, не нужны так удобства сообщений! — Кроме того, станции содержатся евреями и очень плохо. Конотоп похож на все малороссийские города. В Батурине я переехал через Киево-Московскую дорогу на проселочный тракт через Сосницу до Чернигова. Тут пошли все пески да пески

благодаря близости двух рек Сейма и Десны; наконец часов в 5 после полудня в субботу дотащился я до Чернигова. Чернигов беднее всех губернских городов, которые мне случалось видеть; в нем всего тысяч 7 жителей (и мужчин и женщин), домов с 10 каменных только, а прочие все деревянные. Это последнее обстоятельство и некоторые другие причиною, что Чернигов лишен вовсе малороссийской физиономии. Расположенный на песчаной равнине невдалеке от Десны, он вообще некрасив с своими старыми деревянными постройками и смотрит таким бедным, смиренным и жалким, что нет духа даже и посмеяться над ним. Только сады в одной части города напоминают вам, что вы не в России. Надобно, впрочем, знать, что сторона за Десною носит на себе уже совсем другой характер: Десна — граница малороссийского чернозема, и за нею начинается грунт б⟨ольшею⟩ частью серый и песчаный. Вообще Малороссией можно еще назвать южные уезды Черниговской губернии: прилегающие к Орловской губернии подернуты оттенком великорусским, прочие чисто белорусские. Древняя Северия — не Малороссия. В Северии жители почти все носят бороды; в северных уездах находятся знаменитые раскольнические слободы или посады, населенные выходцами из России: народ промышленный, бодрый и деятельный. В одном посаде Клинцах 22 суконные фабрики, знаменитейшие в России. Вообще эти посады очень богаты и являют резкое преимущество великорусского племени над малороссийским и белорусским, разумеется, в некоторых отношениях. Эти же самые слобожане не отличаются большою честностью в торговле. — Приехав в Чернигов и остановившись в гостинице, я сейчас отправился к Карташевскому[9], но оказалось, что он со всей своей родней в деревне; к Скалону[10] — и он куда-то уехал в деревню. На другой день я был, а потом и обедал у губернатора. Он говорит, что очень хорошо знаком с Никол⟨аем⟩ и Аркад⟨ием⟩ Тимофеевичами и Вас, милый отесинька, ⟨знает⟩ немного. Вы знаете Павла Ивановича Гессе[11], следовательно, нечего Вам и говорить о нем. Жена его — неглупая бойкая женщина лет 46 или 45, умеющая поставить гостя в свободное положение; вообще они люди приветливые и довольно радушные. Впрочем, много о них распространяться не стоит. На другой день явились и Скалон и Карташевский, приехавший с тестем своим[12], вновь на службу из отпуска, которым пользовался в деревне. Скалона Константин знает. Добренький человек. Я у него обедал два раза. Он преисполнен уважения к Константину, а дети его знают наизусть стихи “Орел Византии”[13]; человек он очень православный и придерживается через Аркадия Россета московских мнений. — Карташевский по наружности мало переменился, только постарел и присмирел. Служит он хорошо, честно (советником уголовной палаты), деликатен и почтителен к жениной родне, но очень скучает. Ему хочется более деятельной службы, да и несколько натянутое положение его с женой и дочерью в чужом доме, хотя и родственном, кажется, его тяготит. Это очень понятно, и я бы ни за что не согласился принять такое положение. Денег у него нет, у тестя также очень мало, из дому не получает он ни копейки, а тут живи в двух-трех комнатах день за днем, следя с тоскливым вниманием медленный ход ежедневности; борьбы нет (должность не представляет почти случаев для борьбы), жизни общественной никакой,

только слухи о жизни, о шуме, о деятельности, о борьбе доходят иногда запоздалые и дразнят человека... Нет, признаюсь, такая жизнь хуже каторги! Разумеется, это я за него говорю, но мне кажется, что все это производит и на него свое действие, хотя бы он ясно и не отдавал себе в том отчета. Он хандрит. Служит он очень честно и пользуется хорошей репутацией, да вообще он стал очень хороший малый. Здоровье его поправилось, т.е. ноги выздоровели, но насморки и простуды продолжаются. Познакомился с его тестем. Очень простой, но хороший человек. За несколько дней передо мной был в Чернигове Томашевский[14]. Кроме этих господ, познакомился в Чернигове с некоторыми нужными мне чиновниками и, предполагая остаться здесь только несколько дней, спешу забрать все необходимые мне сведения. Если успею отделаться в четверг, то хочу проехать в Кролевец не прямо, а сделать крюку верст 300, т.е. съездить в Новозыбков, посад Клинцы, Сураж, Стародуб и Новгород-Северск, попасть в Кролевец. Интересно взглянуть на этот край промышленный, богатый и так резко отличающийся от прочих уездов Черниг⟨овской⟩ губернии. В Кролевце ярмарка начинается 14 сент⟨ября⟩ и продолж⟨ается⟩ до 26-го; до 14-го я могу успеть только проскакать это пространство, но для меня важно и наглядное впечатление. — Отвечаю на ваше письмо от 20-го. О холере в Москве еще не публикуется в газетах, а потому мы мало об ней знаем: слухи ходят разные. Дай Бог, чтоб она миновала наш уголок. Кажется, если сухость ее проводник, ей бы не следовало заглядывать в нашу лесистую и вечно сырую сторону[15]. Я очень рад, что Вам удалось так хорошо поговеть, милый отесинька, но как бы избавить Ваши глаза от раздражения. В Москве, говорят, теперь хороший очень гомеопат Маклаков, который удачно лечит гомеопатией и глазные болезни. Не посоветоваться ли с ним? — Ваше письмо написано до взятия Аландских островов[16]. В “L’Indép⟨endance⟩ Belge” помещена одна любопытная подробность, которая не была перепечатана в русских газетах, да и “L’Ind⟨épendance⟩ Belge”, которая под видом беспристрастия дышит ненавистью к России, запрятала это известие между многими другими и в такой угол, что его не скоро и отыщешь. Так как вы не получаете иностр⟨анных⟩ газет, то вот вам оно: “Когда русские должны были сесть на корабли, то им пришлось, складывая наперед оружие, идти по двое между двумя тесными рядами англо-французов, стоявших под ружьем от крепости до берега. Русские казались очень печальными; когда крепость сдалась и англо-французы ее заняли, то в военнопленном гарнизоне было покушение к бунту (une tentative d’émeute); одного солдата (русского) даже поймали в то время, когда он пытался поджечь пороховой магазин и, разумеется, тотчас же расстреляли”. Это уже действие наших солдат, а не начальников. Не в привычку русским войскам быть отводимым в плен в таком количестве зараз! — От Трутовских я сам не имею писем, но за неделю до отъезда из Харькова получил от них посылку: карту мою дорожную, у них мною забытую, безо всякого однако же письма. Не понимаю, чтó это значит. Бедные! — Здесь в Чернигове формируется новый 7-й корпус. Получено известие верное, что гвардия двинулась в поход снова, к Варшаве[17]. Экспедиции в Крым благодаря холере, вероятно, не будет. Прощайте, милые мои отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб вы были

здоровы и все денежные затруднения уладились. Цалую ручки ваши, Константина и всех сестер обнимаю. — Осень покуда вовсе не рекомендует себя в Малороссии. Вторая половина августа была холодная, были даже в конце августа два мороза, впрочем, не сделавшие вреда, ибо все уже дозрело прежде. Теперь хоть и гораздо теплее, но дует неугомонный страшный ветер. Впрочем, вчера было тише, и день был мягкий, теплый, чудный ясный день, а нынче опять серо, ветрено и моросит. Прощайте.

169

1854 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 15-го. Середа. Кролевец.

Третьего дня, приехавши сюда, нашел я здесь на почте два письма от вас, милый отесинька и милая маменька, от 27-го августа и 3 сент⟨ября⟩. У Вас опять лихорадка, милый отесинька! Что же это значит? Впрочем, и не мудрено простудиться, когда в доме везде так холодно. Воображаю, какая стужа должна быть в Абрамцеве, когда и здесь приходится зябнуть. В настоящую минуту и у меня в комнате протапливают. Очень холодны ночи и холодно днем, когда небо покрыто тучами, но как скоро выглянет солнце, то становится тепло, потому что оно еще сильно греет. Во всяком случае малороссийская осень отрекомендовалась мне плохо. Надеюсь однако, что лихорадка Ваша теперь уже давно прошла: из Вашей приписки видно, что пароксизм последний был слабый. Как я рад, что холера у Троицы миновалась и ослабела в Москве. Должно ожидать однако, что она в Москве водворится на долгое жительство, как в Петербурге. О смерти Калайдовича[1] я узнал из газет еще в Чернигове: она меня сильно поразила. Бедная мать! Я думаю, он ее поддерживал. Калайдовича я знал с 7-летнего возраста. — Итак, Гриша с женой и дочерьми уже в России и теперь, верно, у вас в деревне, по крайней мере, он, без всякого сомнения, уже в Абрамцеве. Его рассказы должны быть очень интересны. Жду от вас известия, что намерен он с собой делать[2]. — Отвечаю на ваши письма. Ботово, в котором живет Марья Алексеевна, может быть, очень знаменито, но не заманчиво для житья, когда вспомнишь климат и природу петербургских окрестностей: кочки, кочки, болота, сырость, туманы, в воздухе насморки и катары, земля полна мокрот и слизей. Мерзость! В Абрамцеве все-таки лучше, окрестность приятнее для глаз. Но предчувствую, что весною и летом буду сильно тосковать по Малороссии! Так легок здесь воздух, так здорово сух! Ни одного тумана не видал я во все время моего здесь пребывания, несмотря ни на близость воды, ни на низменность места. Перед отъездом из Чернигова просмотрел я “L’Indép⟨endance⟩ Belge”: там пишут, что государь решительно отказал принять предлагаемые условия, но в какой степени это телеграфическое известие справедливо, неизвестно. С тех пор ничего не знаю, что́ делается в политическом мире. Иностранных газет в Кролевце не получают, да и русские достать очень трудно. Носится слух о высадке англо-французов в Крым[3], но я уже перестал верить слухам, особенно рассказам самовидцев. Стенбока не сделали губернатором[4], по крайней мере, об этом нет ничего в приказах. Я имел от него одно письмо из Саратова с полгода тому

назад, и с тех пор ничего о нем не знаю. — Я думаю, что придется нанять управляющего для наших деревень. Нет ни малейшего сомнения, что крестьяне при всякой возможности сработать меньше и поплоше на барина воспользуются ею и сработают мало и плохо. Шабаеву же как их же брату трудно с ними ладить[5], не они его, он их боится, боится обычного русского мщения — поджога. Я вовсе не виню крестьян: было бы даже очень глупо с их стороны работать усердно на барина без принуждения и при отсутствии всякого полюбовного договора. Да и наемные рабочие требуют тщательного за ними присмотра, но тут скорее можно требовать добросовестности, чем от крепостных. Мы и в службе норовим, как бы за большее жалованье да поменьше делать, в службе, имеющей вид деятельности общеполезной. Если по народному мнению не грешно обманывать и обирать казну, то тем менее грешно обдувать помещика. — Пусть работы будут не так велики и тяжелы, но пусть будут выполнены хорошо, для чего и нужно управляющего, который без обиды для крестьян соблюдал бы вашу пользу в том умеренном виде, в котором вы ему назначите. Если же крестьянину вместо 3-х р⟨ублей⟩ оброка вы назначите платить только полтора, то нет никакого сомнения, он придет просить вас через несколько времени сбавить еще рубль. И было бы очень глупо платить полтора рубля, когда можно заставить вас согласиться на полтинник, — рассуждает русский человек. Я часто вижу, как издевается он над честностью малоросса, которая кажется ему просто глупостью, и как жестоко обдувает их. "Нельзя, батюшка, дело торговое!" Необычайно умен и великая скотина русский торговый человек! — Вы пишете, что принялись работать для Кулиша[6]. Я не знаю, что́ Вы для него работаете, для какой цели (о Гоголе разве?). Вы мне не писали. — В Чернигове видел я августовскую книжку "Современника". Там есть целая статья о Вас, милый отесинька, вообще о Ваших трудах и литературной деятельности, ждут издания Ваших "Воспоминаний"[7]. У Вас есть еще ненапечатанная статья о Державине[8]. Впрочем, я не слежу за журналами и почти ничего, кроме относящегося до моего поручения и до здешнего края, не читаю. — Что касается до моего липотома, то я и не думаю его резать: он меня очень мало беспокоит. От медовой лепешки он не разошелся тогда, когда я прикладывал ее по совету Олиньки, а как будто смягчился, но он был тогда гораздо меньше.

В прошедший четверг, отобедав у Скалона и простясь с Карташевским, я выехал из Чернигова на север по Новозыбковской дороге. Ночь была так темна, что, не доехав до г⟨орода⟩ Городни, я должен был ночевать на станции и рано утром продолжал свой путь. Верстах в 100 от Чернигова видел я в первый раз раскольнический посад Чуровичи, потом, проехав еще 26 верст, другой Климов посад. Тут остановился я на постоялом дворе у одного раскольника и нанял лошадей до Тополи, имения кн⟨ягини⟩ Голицыной, верст 25, так как я решился не ехать в Новозыбков, а прямой проселочной дорогой в Клинцы — знаменитый раскольнический посад. В Тополи я ночевал на постоялом дворе и на обывательских лошадях рано утром приехал в Клинцы, где пробыл сутки. В воскресенье рано утром отправился я проселком же в г⟨ород⟩ Стародуб, переменив лошадей в одной деревне (верст 40), из Стародуба же на почтовых в

Новгород-Северск и оттуда в понед⟨ельник⟩ рано утром в Кролевец; всего сделал верст более 350, около 400. Хотя езда на обывательских (которым, разумеется, я платил) и по скверной, большею частью песчаной дороге очень скучна, но я рад, что совершил это путешествие. Решительно граница Малороссии река Десна, она полагает резкое отличие и в почве, и в одежде, и в языке, и в быту. За Десною почва большею частью песчаная и глинистая. Чем далее на север от Чернигова, тем угрюмее становится природа, а уже в Суражском уезде (где посад Клинцы), в Мглинском и Стародубском ель и сосна растут такими густыми лесами и борами, что дерево там нипочем. Почва неплодородная, глина, песок, кочки, болота — все веяло мне родною Россиею. Афанасий даже местами вскрикивал от удивления, уверяя, что точь в точь такие места под Троицей. Признаюсь, как потянулся по дороге ельничек да частый мелкий березничек, да зачастили кочки, да дохнуло сыростью болот, да поднялся под вечер густой, густой туман, прохвативший насквозь мою одежду, да пошло трясти меня по глинистым колеям, сердце сжалось тоскою по Малороссии, и тут-то я вполне оценил всю благодать ее природы и климата. Крестьяне в этой суровой стороне очень бедны и похожи на белорусцев, носят такие же шапки, бороды и рубашки большею частью сверх шаровар. Язык их ближе к русскому, чем малороссийский, хотя попадаются цельные чистые полонизмы. В Стародубском уезде заметил я произношение “иость” вместо “есть”. Слышал я также, как в шутку крестьяне называют друг друга литовцами, Литвою. Женщины ходят так же, как в Малороссии, только цвет их исподниц и плахт большею частию темнокрасный и есть какая-то разница в очипках[9]. А в Стародубе просто носят нитяные высокие колпаки, которые обматывают очень искусно и красиво платком. Вообще же народ хуже сложен и меньше ростом, чем в Малороссии. Зато как в этой бедной стороне резко отличается великороссийское раскольничье народонаселение, бодрое, богатое, промышленное: все народ рослый и крупный, но несколько угрюмый и суровый на вид. Всякий мужчина смотрит Николай-чудотворцем суздальского иконного письма или “Христом-ярое око”, известной иконой московского Успенского собора! С последним неприятно было бы встретиться ночью в лесу. Но зато нигде дороднее, сытнее, откормленнее женщин я не видал, все белые и дебелые, настоящий тип русской красоты, и в самом деле они были бы очень красивы, если б не были так тучны. Ходят они по-русски, в московских сарафанах, называемых здесь азиатками и подвязываемых еще выше, почти под мышками, отчего кажутся еще толще, потому что талии уже вовсе не видно; сверх этого надевают еще фартук, называемый завескою, да иногда безрукавку, шубейку со сборками, уже кончающимися у талии и начинающимися от спинки у самых лопаток. Все это довольно безобразно, но когда богато, так нарядно. Иные азиатки бывают из цельного бархата. Говорят они все чистейшим московским наречием, вставляя только иногда “нехай” вместо “пусть” и другие местные выражения. Несмотря на раскол, женщины, по слухам, не отличаются скромностью поведения, что, впрочем, почти всегда бывает в промышленном быту. — Известно, что раскол здесь поповщинского толка[10], что раскольники эти — выходцы из России и поселились здесь около 200 лет, что раскол

славился здесь своей строгостью и чистотою, множеством беглых попов и авторитетом своим для прочих раскольников этого же толка. Теперь беглых попов иметь запрещено и заведены единоверческие церкви[11], в которые, впрочем, очень, очень немногие ходят. В этом раскольническом углу каждый год ловят по одному или по два попа, ставленных раскольническим епископом за границей. Впрочем, раскол с усилением промышленной, торговой и фабричной деятельности уже очень ослабел в отношении религиозном и хранится во всей злой строгости только в посадах Лужках, Воронках, Еленках, где я, к сожалению, не был и где, говорят, всегда скрывается тайный поп. Живут раскольники очень опрятно. Считая себя здесь в чужой стороне, они, показалось мне, не очень строги к другим жителям, напр⟨имер⟩, раскольник, отправляющийся по делам торговли за границу, якшается с немцем, не вменяя себе это в грех и менее его чуждаясь, чем русского еретика. Так и здесь, они содержат постоялые дворы, в которые пускают всех, дозволяя даже курить в особых комнатах. В Клинцах на постоялом дворе (впрочем, панам отводят чистые хозяйские комнаты) я, увидя на стенах рядом с черными, как уголь, иконами модные картины, изображения сцен из "Жизни игрока" и т.п., закурил было свою папироску, но хозяин на вопрос мой объяснил, что лучше курить в другой комнате. — Все раскольничьи слободы обстроены очень хорошо, смотрят довольством; внешний вид их такой же, как богатых сел и посадов в России. Везде базарные площади, на улицах жизнь и движение. Они дают пропитание всем окрестным жителям, которые находят у них всегда работу, но и те и другие терпеть не могут друг друга. Не знаю, сколько именно слобод, но знаю, что раскольников, мужчин и женщин, слишком 50 тысяч. Кроме фабрикантов, заводчиков и некоторых других промышленников особого рода, большая часть занимается торговлею пенькой и щетиной, имея дело с Ригой и заграничными покупателями. Клинцы по множеству красивых каменных домов смотрят большим городком. В этом посаде 17 или 18 фабрик суконных и чулочных да несколько кожевенных и других заводов. Из фабрик 7 действуют паровыми машинами, выписанными из Англии и Германии. Несмотря на дождик и грязь, я осмотрел в подробности фабрики Кубарева и Степунина. Дружное действие всех частей заведения, приводимых в движение одною машиною, производит приятное впечатление; невольно преклоняешься перед силою ума человеческого. Тут машина сушит и провевает вымытую шерсть, тут треплет ее, чистит, выбрасывает все постороннее, там делает из нее вату, там вату превращает в толстые пряди, там посредством 250 веретен (эта часть машины очень красива и при ней всего один работник) прядет нитки, там ткет по основе, стрижет сукно, ворсирует его шишками, выписываемыми из Франции (шишки — растение вроде репейника), моет, декатирует[12] и проч. На каждой из этих фабрик работает более 600 работников, мужчин и женщин, мальчиков и девочек: работа очень легка и требует только внимания. Рабочие большею частью посадские и выписные из России; окольные же жители употребляются для самых грубых работ. Но пора кончить; в следующем письме я доскажу вам свое путешествие: оно очень интересно. — Поздравляю Вас, мой милый отесинька, со днем Вашего

рожденья[13]. Дай Вам Бог долго, долго его праздновать. Поздравляю и Вас, милая маменька, и вас, милые братья и сестры. Будьте здоровы. Прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, братьев и сестер обнимаю.

170

⟨1854 года 21 сентября.⟩ Кролевец. Вторник[1].

Сейчас пришла почта и не привезла мне ничего от вас, милый отесинька и милая маменька. Последнее ваше письмо от 3 сентября: могло бы быть письмо! Не понимаю, что это значит. Авось-либо в пятницу 24 сент⟨ября⟩ получу письмецо и узнаю и о здоровье вашем и о том, приехали ли наши путешественники к вам в Абрамцево[2]. — В субботу день Ваших именин, милый отесинька; поздавляю Вас и Вас, милая маменька, и сестер и братьев. Верно, у вас будут гости. — Полагаю, что вас сильно занимает теперь высадка англо-французов в Крым[3]. Официальных известий об ней, кажется, нигде не напечатано. Достоверно до сих пор следующее: они высадились в числе 60 или 70 т⟨ысяч⟩ в Евпаторию и двинулись к Севастополю, от которого, по последним известиям, всего в 15 верстах или несколько более; Меншиков двинул им войска навстречу[4], да кроме того Хомутов (наказный атаман Войска Донского) с 4 казацкими полками и с несколькими полками пехоты быстро двинулся на помощь к Севастополю[5], совершив будто бы от Керчи до Севастополя переход 200 верст в 30 часов: Меншиков надеется отбиться. По письмам некоторых приказчиков к их хозяевам, татары крымские вооружились и держат руку наших неприятелей, дороги стали опасны, и сообщение с Крымом затруднилось. Все эти известия доставлены частию из Кишинева, частию из Одессы, куда прибыл пароход из Севастополя, дерзко пробравшийся ночью между неприятельскими кораблями. Пароход был принят в Одессе с таким восторгом (так давно не видали там русского флага), что все матросы были осыпаны деньгами. — Все это немножко спутано и темно: верно то, что высадка произведена в значительном числе войск, угрожает Севастополю и что между нашими войсками и неприятельскими должно было произойти сражение[6], последствия которого неизвестны. — Между тем торговля продолжает идти здесь своим порядком: Крым так далеко! Впрочем, заметно всеобщее неудовольствие на пренебрежение, оказываемое правительством народному чувству, именно на то, что правительство держит всё и всех в неизвестности, что не приняты меры для получения скорейших сведений и проч. Вообще восторги, возбужденные войною вначале, простыли, участие ослабело и сменяется каким-то равнодушием, каким-то апатическим упованием на милость Божью. — Все это меня очень смущает и расстроивает в моих занятиях. Я бы давно уехал в Харьков, потому что здесь нет уже мне почти никакого дела, но еще не готова одна полицейская ведомость, и я в ожидании ее хочу воспользоваться этими двумя днями, чтоб съездить в Рыльск (95 верст отсюда), где должно мне видеть некоторых купцов и вытянуть из них сведения. Они обещали мне доставить их, обещали сами приехать на ярмарку, но надули: между тем

рыльская торговля сенокосными заграничными косами, медом, воском, пенькой, салом огромна и имеет важное значение для украинских ярмарок. Как рад я буду, когда совсем разделаюсь с своим трудом. Не разъезды и не пребывание в Малороссии мне в тягость, а самые занятия и неуверенность в успешном исполнении своей задачи! Надо бы предаться делу всей душой, а тут высадка в Крым и еще хуже — неизвестность. Нельзя жить без газет в настоящее время, а в Кролевце и газет достать почти невозможно!

Я хотел досказать вам свое путешествие по северным уездам Черниговской губернии, хотя, право, оно теряет теперь всякий интерес при таких важных известиях. — Итак, я приехал в Клинцы, посад, где за 25 лет не было ни одной фабрики, а теперь 18. За 25 лет Россия доставляла в Китай сукна силезские и сама одевалась сукном иностранным и польским; теперь же сукон иностранных нет почти вовсе; тонкие сукна — польские, а прочие все русские. Машины на фабриках все английские и немецкие. Но признаюсь, осмотр фабрик произвел на меня не очень приятное впечатление, именно этот дух переимчивости, которым все восхищаются, подействовал на меня невыгодно. Машины иностранные заведены и устроены иностранцами, которых потом сменили русские сметливые мастера. Но вы постоянно чувствуете, что последние бродят ощупью, невежи и находятся в рабском отношении к учителям, над которыми, однако ж, смеются. Вам показывают фабрику, которой все части устройства называются иностранными названиями, разумеется, изуродованными. Везде виден плод науки и глубоких соображений, которым сметливо воспользовались переимчивые невежды. Доморощенный механик — бородач-раскольник, показывая мне машины, сознавался, что, по слухам, придуманы новые, лучшего и простейшего устройства, но что нет нигде образца, где бы подсмотреть можно было бы хоть потихоньку. Хорошо бы, продолжал он, как-нибудь заменить это тем-то, да подождем, пока англичане придумают: они, дураки, пусть придумают, а мы переймем! Слова эти сопровождались громким хохотом всех сопровождавших меня раскольников. Между тем в сущности выходит, что англичане их кормильцы и что весь наш промышленный и работящий народ живет чужим умом. На наших фабриках и заводах, выработывающих товаров на 200 мильонов серебром по самым неполным сведениям, прокармливающих мильоны народа, извлекающих пользу из природных наших богатств, которыми мы и воспользоваться не умели, на всех действуют машины не русского изобретения. — Работы на фабриках очень легки. — Клинцы славятся еще своими шерстяными чулочными фабриками. Чулочное дело ввел здесь один немец из Саксонии, которого, как скоро переняли у него искусство, прогнали, и он живет в бедности тут же в Черниговской губернии у одного помещика, его приютившего, тогда как Клинцы выработывают теперь до 30 т⟨ысяч⟩ дюжин чулок слишком на 300 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — В 8 верстах от Клинцов есть колония Новые Мезиричи. В Пруссии есть местечко Мезиричи, снабжавшее через посредство русских купцов Китай мезиричскими сукнами. Один купец Исаев, бывший в молодости старообрядцем, но оставивший старообрядчество, торговавший прежде этими сукнами, лет 25 тому назад купил землю, устроил на ней фабрику, выстроил дома, выписал немцев-

ткачей и поселил их на своей земле, назвав ее колонией Новые Мезиричи. Немцы теперь уже и не нужны, ибо наши выучились уже ткать, но продолжают жить по контракту. Исаев, несколько раз бывший за границей, почти там воспитал всю свою семью, человек очень замечательный, умный, образованный, выстроил немцам кирку и даже устроил школу. Фабрика его идет прекрасно, и дети ревностно занимаются ею. Кроме немцев, у него до 800 человек русских рабочих. Я нарочно ездил к нему, несмотря на грязь и дождь, но, к сожалению, попал в субботу вечером, когда работы уже прекращались, потому я и не остался долго. Как люди образованные Исаевы очень тоскуют и от скуки в этой глуши, и от невежества, их окружающего, и от всего безобразия внутреннего, мозолящего очи каждому образованному русскому. Переночевав на обратном пути в Клинцах же у какого-то старого плута-раскольника с мягкими словами и тихими стопами, я на обывательских отправился далее в Стародуб. На дороге один пьяный торговый русский однодворец осудил мою нетычанку[7], сказав, что это экипаж польский, что так ездят поляки и гайдамаки, а "на свете Москва, Россия!.." Переменив лошадей в деревне, где крестьяне, называясь казаками, ходят, как русские мужики, попал я, наконец, в Стародуб. Там на постоялом дворе у одной старухи-казачки видел я портреты во весь рост, писанные в 1743 г⟨оду⟩ с ее предков: одного значкового товарища и его жены, бывшей, по словам старухи, в услужении у царицы Елизаветы Петр⟨овны⟩ во время ее путешествия по Малой России. Оба в польских костюмах. Старуха же эта уверяла меня, что у них в городе поймали двух шпионов, срисовывавших город, что государю являлся Сергий, о чем ей рассказали московские купцы, и проч. и проч. Стародуб не похож нисколько на малороссийские города: везде деревянная постройка, довольно некрасивая, но есть древние и прекрасной архитектуры церкви. Пообедав в каком-то скверном трактире, содержимом, разумеется, ярославцем из-под Рыбинска, я взял почтовых и поехал далее. В Новгород-Северске я был уже ночью, но мог однако же разглядеть всю красоту его положения на необычайно крутом правом берегу Десны. Видны следы древнего вала. Да, он мог быть хорошо укрепленным городом в старину. Невдалеке от него переправился я через Десну, и тут уже повеяло снова Малороссией. Проезжая через местечко Вормеж, упоминаемое в романе Кулиша ("Чернышенко")[8], очень красивое, богатое и торговое, и, наконец, прибыл благополучно в Кролевец, городок довольно дрянной, но с физиономией малороссийской, т.е. весь белый: хотя дома все деревянные (по дешевизне леса), но все они выбелены. Я остановился в комнатах очень простых, с деревянными лавками у ямщика Жука за 15 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. — Лавок нет постоянных, а на время ярмарки быстро устроивается рогожный гостиный двор на площади. Ярмарка очень значительная, но больше еврейская. Теперь понаехали и помещики для годовых закупок, но ничего особенного, замечательного, редкого я не мог найти, даже плахт малороссийских, которых хотел накупить там, чтоб показать вам. На ярмарку приехал и Гессе с женой и детьми. Я бываю у них и обедал раз, но как-то не можем сойтись с m-me Гессе. Здесь явились две странствующие труппы актеров: одна Домбровского, другая Пирожкова. Домбровский выстроил в три дня балаган, дав ему вид, похожий на театр, очень

порядочный: труппа у него недурна. Его появление совершенно убило г⟨осподина⟩ Пирожкова, поместившегося в старом сарае, но он не хочет отстать, и музыка каждый вечер гремит в обоих балаганах. Я был у Домбровского, — театр полнехонек. — Немало удивился я, увидав в числе зрителей одного священника. Этого в России не увидишь! Впрочем, кажется, прямого запрещения ходить в театр не существует, и если совесть ему не претит, так он ходить может, но все же как-то странно видеть рясу в театре. — Здесь много нищих. Очень жалею, что я не музыкант, а то бы непременно положил на музыку их пение, совершенно отличное от пения наших нищих и довольно приятное. — Простого народа на ярмарке очень много, и ярмарка очень оживлена. Евреи снуют взад и вперед, размахивая руками и шибко, быстро разговаривая; малороссиянки-торговки шумно тараторят, приговаривая на всяком шагу своим покупателям и покупщицам: "сердце", "серденько"! там накладывают на свои огромные телеги — по 75 пуду в телегу величавые троичники — извозчики Орловской губернии, красивый, бодрый, здоровый народ. Третьего дня видел я, как к одному владимирцу, продающему под навесом разный товар, подошел торговать гармонию один хохол, также торгующий в своем местечке. Он нашел, что владимирец запрашивает дорого, и сказал, что у него в лавке есть гармонии гораздо дешевле. Это взбесило владимирца: "Ну, а какой фабрики, какой, говори", — спросил он его. Тот не нашелся, что отвечать, между тем владимирец пошел озадачивать его исчислением фабрик, достоинств и недостатков каждой и, разумеется, наполовину врал. — "Ну, скажи, — продолжал владимирец, — есть у тебя вот такая штучка при твоей гармонии?" — "Кажется, есть", — отвечал добросовестный и сомневающийся хохол. — "Кажется, кажется! сотвори молитву, не будет казаться! Купец!" Разумеется, бывшие тут захохотали, и хохол удалился, сконфуженный, обиженный и озлобленный донельзя!

Собираюсь ехать в Рыльск. Прощайте, милые отесинька и маменька. Следующее письмо надеюсь писать вам уже из Харькова. Послезавтра возвращусь из Рыльска. В пятницу вечером выеду в Харьков, куда в воскресенье и надеюсь приехать, если не будет задержки в лошадях. Прощайте, будьте здоровы, целую ваши ручки, братьев и сестер и Софью, если она у вас, обнимаю[9].

171

29 сент⟨ября⟩ 1854 г⟨ода⟩. Середа. Харьков.

26-го вечером приехал я в Харьков, милый отесинька и милая маменька. На почте нашел два письма ваших от 10-го и 17 сентября; нынче ожидаю еще письма от вас. Воображаю, в каком вы все напряженном ожидании по случаю Крымской экспедиции. Я так рад, что добрался до Харькова, где могу и газеты читать и более верные сведения получать. Еще не приступал к своей работе, да, признаюсь, не могу и приступить: все Крым в голове! Вчера уехали отсюда в Рязань три француза пленных; они захвачены были нашими казаками не в битве: один из них полковник спагов (алжирские солдаты), кажется, Dampierre; другой — какой-то граф, инженер, весьма важный человек, а третий кто — не знаю. — Они рассказывали, что после того

как Меншиков занял неприступную позицию на реке Каче, им ничего другого не оставалось, как обойти эту позицию, что они и сделали, и, обойдя Севастополь, стали в 15 верстах от него близ Балаклавы: тут уже никакие естественные преграды их не могут остановить: они удивляются, что Меншиков дал им совершить этот обход в виду русской армии[1], не тревожа и не беспокоя их. — Но я разумею это действие Меншикова как западню: в Балаклаве они лишены прямого деятельного содействия их флота: Лидерс и Хомутов, верно, уже подошли[2]. С часу на час ожидаем известий о кровопролитной битве. Кажется, все выгоды на нашей стороне: к тому же Лидерс, Меншиков и Хомутов внушают общее доверие несравненно более, чем Горчаков и Паскевич. В самом деле это отчаянное предприятие! По дороге, как я ехал, ямщики рассказывали, что уже неприятельские войска все совсем истреблены. Никто и здесь не унывает, но все задеты заживо. Вместе со всеми этими известиями печатается теперь проект железной дороги от Москвы до Одессы[3]: русский человек задним умом крепок! (Между прочим, эта железная дорога должна совершенно изменить физиономию края и уничтожить все харьковские ярмарки, которые я теперь описываю!) Сюда ожидают великих князей Михаила и Николая[4]; говорят даже, будто государь приедет сюда в Харьков: не знаю, верны ли эти слухи, но город чистится и белится. — В иностранных газетах я читал, что французское правительство ассигновало генералу Бодиско с семейством 12 франков в день[5]. Здесь в Харькове содержание этих трех пленных французов стоило 60 франков в сутки. Эти пленные несколько подсмеиваются над англичанами, рассказывая, что когда при первой схватке на реке Альме[6] английская кавалерия послана была в обход нашим войскам, она увязла вся в солончаках... — Буду отвечать на ваши письма. С половины сентября погода переменилась и большею частью стоит ясная и безоблачная. Когда нет ветра, так очень, очень тепло и тихо. 22-го была гроза. Вообще погода днем очень приятная, по ночам же морозы. Впрочем, третьего дня дул такой северный ветер, что нельзя было иначе ходить, как в шубе. — Скучненько будет зимовать Грише в Языкове[7] — не у себя дома, без дела. Впрочем, он займется Надежиным и Вишенками. Вы пишете: война с Австрией! Нет, вот что значит поступить решительно!.. Отказ государя поставил ее в затруднительное положение и заставил запеть на иной тон: она решила не считать этого причиной к войне. А, может быть, это проволочка времени, выжидание, подготовление сил. Из иностранных газет видно, что Австрия посылала официально поздравить Людовика Наполеона со взятием Бомарзунда, что Буоль[8] ⟨австрийский министр иностр⟨анных⟩ дел⟩ первый поспешил сообщить поздно вечером французскому и английскому посланникам "радостную весть" о высадке в Крым. Иностранные газеты не скрывают, впрочем, что австрийцы встречены были в Молдавии и Валахии с ненавистью. — Как мне будет интересно прочесть Вашу статью о Гоголе, милый отесинька, и все вычеркнутые Вами страницы[9]. Вы их не бросайте. Многое, что не должно быть отдаваемо на общий толк и суд, может оставаться в рукописи, для немногих. — Я очень, очень рад, что Константин согласился участвовать в "Москвитянине"[10]. Возможность печатания оживит его труды. Пусть сначала

пустит в ход какую-нибудь филологическую статейку. Статью Погодина о Соловецком монастыре я прочел в "Инвалиде": я сам уважаю его поступок[11]. Впрочем, Погодина за многое можно уважать, и когда умрет этот человек и представится нам вся жизнь его как одно целое, тогда многие, даже враги отдадут ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усеяно лицо каждого человека (даже красавицы, если рассматривать в микроскоп) исчезнут, не обратят на себя внимания, когда выдастся вперед общий облик человека. Этот-то общий облик не всегда уважается людьми при жизни человека, впрочем, он и не ясно видим тогда; но вообще люди охотнее путешествуют по прыщам и буграм человека, чем всматриваются в общий тип его физиономии. В Погодине много и много такого хорошего, ради которого можно простить ему многое дурное. — Сейчас получил с почты письмо от Унковского[12]: у него один брат стоит в Крыму[13], другой — в Варшаве[14], третий — в устье Амура, командует "Палладой"[15]. Последний пишет, что пришел к устью Амура и соединился там с Муравьевым (сибирским генерал-губернатором)[16], который встретил "Палладу" на двух пароходах с 80 вооруженными лодками, войском и артиллерией. "Таким образом, — прибавляет Унковский, — положено основание одной из самых богатейших колоний на земном шаре". Это, верно, он пишет про учреждение колонии нашей на Сахалине. Славно! это меня радует. Оболенские живут прекрасно[17] и совершенно счастливы. Слава Богу! От вас писем нет. Верно, приезд Гриши помешал вам написать в срок, но в субботу, наверное, получу от вас письмо. Ну, развязались вы, наконец, с Вырубовой![18] Слава Богу! Пора! Или еще не конец? Уплатили ли ей, т.е. вычли ли ей, что́ следовало, 800 р⟨ублей⟩ оброку и другие издержки из имения? — Написавши вам последнее письмо из Кролевца, я отправился в Рыльск: всего 100 верст. Дорога идет сначала до Глухова, а потом сворачивает в сторону. В Рыльске я пробыл несколько часов, виделся с нужными мне людьми — купцами, получил необходимые сведения и возвратился в Кролевец. Рыльск славный, богатый, хорошо обстроенный город — совершенно великороссийский (получает 15 экземпляров газет). Вообще Курская губерния считает себя коренной великою Русью; но в крестьянах заметен несколько оттенок хохлацкий — впрочем, в пограничных только уездах: тут какое-то смешение в языке, выговоре, костюме. — В пятницу вечером выехал я из Кролевца на вольных лошадях: я решился ехать другим путем, потому что дорога через Ромен мне надоела, да и непочтовым трактом 70 верст ближе. Из Кролевца приехал я в Путивль (45 верст), где и ночевал. Большой город, очень большой, каменный, хорошо обстроенный и торговый. Из Путивля также на вольных доехал я до Белополья (40 верст), заштатного города Харьковской губернии Сумского уезда. В Белополье взял уже почтовых: тут всего 46 верст до Сум, откуда идет уже большая почтовая дорога в Харьков. Ночью приехал в Ахтырку, где ночевал, и утром 26-го простоял заутреню в Ахтырском соборе. Может быть, и наши в этот день были в Ахтырке[19]. Собор великолепно украшен, очень богат. Иконостас сверху донизу в золоченых ризах. Пред иконой висит громадное паникадило и целый ряд зажженных лампад. Икона же совершенно такая, как наша. Особенностей никаких я не заметил в службе: спрашивал устава службы и каких-нибудь

описаний — нет; купил только образочки, в том числе один для Кузьмы Иваныча. Народу в церкви у утреней было очень много и по случаю праздника все разряженного. Ахтырский уезд наиболее малороссийский в Харьковской губернии. В это же утро был и базар: дивчата с цветами на голове, с монистами на шее, в белых суконных свитках и красных чоботах так и толпились на площади. — Цветы здесь везде. Во время молебна за утреней подле хлеба, вина, елея и пр. стояли с обеих сторон две небольшие вазы с букетами цветов! — Ехать было очень приятно: дороги чудные, ровные и время теплое — только в полдень погода переменилась, и я уже думал, что наступает осеннее ненастье, однако на другой день небо снова очистилось и теперь сияет безоблачное. — Да, я забыл отвечать вам насчет предложения Погодина. Мне участвовать в “Москвитянине” покуда нечем: все неудобно для печати[20]. Пожалуй, пусть печатает мои “Судебные сцены”, да ведь не пропустят[21]. Отрывков из “Бродяги” печатать отдельно не стоит; стихов печатать не хочу, да и ни одной пиесы нельзя напечатать! — Почта пришла, не могу вытерпеть, спешу читать газеты. Прощайте покуда, мои милые отесинька и маменька, целую ваши ручки, обнимаю братьев и сестер. Поздравляю Машеньку со днем ее рожденья[22] и всех также поздравляю. Будьте здоровы. Теперь уж конец моим разъездам! Отсюда прямо в Москву. Пора!

172

4 окт⟨ября⟩ — 5 — 6 / 1854 г⟨од⟩. Харьков.

Получил я в субботу письмо ваше от 20 сент⟨ября⟩, милый отесинька и милая маменька. Итак, у вас Гриша со своей семьей или, лучше сказать, был Гриша, а теперь они, верно, доехали до Языкова. Вы не пишете ни слова о здоровье Софьи, ни о Машеньке[1]: что она, как выглядит[2], по петербургскому выражению? Впрочем, я понимаю, что с приездом Гриши вам писать было решительно некогда, и потому с будущей почтой стану ожидать более подробных известий. Разумеется, как здесь, так и у вас в настоящее время один интерес: судьба Севастополя, флота, да и всего Крыма. Вот уже слишком месяц, как гостят на нашей земле англичане и французы. Вчера проехал через Харьков в П⟨етер⟩бург сын кн⟨язя⟩ Меншикова; на вопрос станционного смотрителя, чтó сказать генерал-губернатору, он отвечал, что дела наши идут хорошо. Только если б была победа, он выразился бы определеннее. Из донесений Меншикова, впрочем, мало что можно извлечь утешительного. Эти печатные краткие известия так неловко составлены, что лучше было бы во сто крат помещать подлинные реляции. Я думал прежде, что он с умыслом по стратегическим соображениям пропустил мимо себя французскую армию, когда она обошла Севастополь, чтоб соединиться с новыми десантными войсками в Балаклаве: выходит, что по оплошности![3] Обидно читать иностранные газеты: с каким восторгом описывают они высадку, изображают ее в картинках, с какою гордостью понятною и на этот раз законною (это не бомбардирование Одессы!)[4] рассказывают они все подробности этого дела. Здешние французы также с иронической улыбкою спрашивают всякий раз: какие новости? верно,

французов выгнали? и т.п. Им можно было бы отвечать: rira bien qui rira le dernier*, но не смеешь и это сказать: так мало имеешь надежды на ум и способности наших военачальников! — Если Севастополь будет взят, то англичане сделают из него второй Гибралтар, укрепят его с сухого пути получше нашего и уже не отдадут; взятие Севастополя значит уничтожение русского флота и всякого господства нашего на Черном море. Не могу понять, почему не было принято сильнейших мер к обороне Крыма, когда с самой весны уже можно было опасаться высадки. Впрочем, были приняты меры к спасению — не Крыма, а канцелярских бумаг и делопроизводств. За две недели до высадки проехал через Харьков один мой товарищ, посланный графом В⟨иктором⟩ Н⟨икитичем⟩ Паниным для перевозки дел и бумаг присутственных мест Крыма в Херсонскую губернию. Если союзники и возьмут Севастополь, то все же дорого он будет им стоить! Даже по иностранным газетам — битва при Альме, которую они называют победой, — стоила им 7800 человек! — Русские извозчики, на днях прибывшие сюда из Крыма, куда они отвозили товар по прежним купеческим приказам, рассказывают, что неприятель задержал их и заставил возить трупы, что они и делали 4 дня сряду; потом им дали по 6 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ на хозяина и отпустили. — Носится, впрочем, слух, что они навезли много фальшивой монеты. Народ здесь, однако, нисколько не унывает и убежден, что французов и англичан поколотят всех насмерть, а если послушать купцов, так наши дела в отличном положении и французов уже морят голодом. — Я с своей стороны вовсе не разделяю этой отчасти гордой, отчасти наивной и невежественной уверенности в успехе. Я помню, как прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаем, на сухом пути одного русского солдата на десятерых врагов станет... А теперь оказывается, что для победы нам необходимо иметь чуть ли не вдвое более войска против неприятельского.

Вторник.

Добрые вести! Вчера обедал у губернатора один офицер, участвовавший во всех делах под Севастополем и только что оттуда приехавший. Дела поправились — и весь Крым наш, за исключением небольшого пространства между Балаклавой и Севастополем, занимаемого неприятелем, пространства, из которого ему никуда двинуться нельзя: он окружен со всех сторон и провиант должен получать только с моря: лошади, за неимением сена, дохнут, и кавалерия их почти не может действовать, а фуражиры попадаются в плен казакам. Когда высадился неприятель, у него было тыс⟨яч⟩ 70, а у нас не было и 35 т⟨ысяч⟩; сверх того у нас артиллерия полевая, у них тяжелая. После битвы при Альме, где у нас выбыло из строя 6000 чел⟨овек⟩, если б французы и англичане продолжали преследование, не давая нам опомниться, они, может быть, ворвались на наших плечах в Севастополь, но кавалерия их не могла пуститься в погоню, потому что понесла сильный урон от наших ядер и пуль: лошади, совершившие морской переезд, так были слабы, что даже ретироваться быстро не могли. Когда же, отойдя за р⟨еку⟩ Качу, мы заняли

* Хорошо смеется тот, кто смеется последним (*фр.*).

хорошую позицию и прикрывали Севастополь, и французы двинулись против нас, то Меншиков велел направить войска к Бахчисараю: таким образом, Севастополь был совершенно открыт. Наша армия сильно негодовала на Меншикова, однако же потом увидали, что это был очень хитрый, хотя рискованный план[5]. Французы, не видя препятствий, пришли в восторг и подошли к северной бухте и форту Константину, но, увидя грозное вооружение этого форта, атаковать не решились и предпочли, обойдя Севастополь, подойти к южной его стороне, которая, как известно им было от татар и лазутчиков, укреплена была всего 12 пушками. Тут они остановились в полуверсте от укрепления, расположились лагерем и стали пировать, отбив перед этим 80 бочек вина у нашей армии, задали бал. В это время по распоряжению Меншикова подвезли к 12 пушкам 300 бомбических орудий с кораблей наших и как хватили по французам, так множество положили на месте, а прочие бросились бежать и стали верстах в 5 от Севастополя. — Теперь наше войско стоит вне Севастополя у них во фланге, так что если они вздумают атаковать Севастополь, то наши сейчас ударят во фланг. Гарнизон же Севастополя составляют морские солдаты и матросы: южную часть защищает Нахимов, северную — Корнилов[6]. Сзади же неприятеля, около Феодосии, стоит Хомутов. Когда подойдет корпус Лидерса, что будет не раньше 15 октября, тогда Меншиков сделает общее наступление. Между тем неприятель устроил понтонные мосты от лагеря к кораблям: он, вероятно, поджидает свою осадную артиллерию. Если б он занял предварительно Перекоп, так запер бы вход нашим войскам в полуостров и совершенно овладел бы Крымом, за исключением Севастополя, но их соблазнила надежда взять без труда самый Севастополь, с падением которого, думали они, падет и Крым. Все наши войска вели себя отлично, за исключением Саксен-Веймарского гусарского полка, который опозорился, отказавшись идти против батареи. Впрочем, говорят, этот полк уже в Венгерскую кампанию приобрел дурную славу. Татар множество перевешали, и они успокоились. Один отряд татар, гнавший стадо в неприятельский лагерь, вооруженный косами, вступил было в бой с нашим отрядом, но, разумеется, был уничтожен. Я пишу вам все эти подробности, забывая, что, может быть, они все уже вам известны: впрочем, кто же сообщает вам их из Москвы? — Но слава Богу, я повеселел от этих известий. Эта неделя почти совсем пропала у меня даром: никак не мог втянуться в свою работу. С нынешнего дня примусь за дела с утроенными усилиями. — Сейчас принесли мне ваше письмо от 27-го и письмо Гриши из Москвы[7], а вчера сказали на почте, что нет писем. Благодарю всех за поздравление[8], Вас в особенности, милый мой отесинька, благодарю за Ваши добрые строки. Вы пишете между прочим: "Поздравляю, хотя и знаю, что ты не любишь этого дня, что меня всегда очень огорчает". Не думайте этого, милый отесинька, и не огорчайтесь; напротив, принимаю Ваше поздравление всею душой. Не любить дня своего рождения, следовательно, и жизни самой — и грех и глупость. — Я действительно прежде высказывал не раз чувство неприязненное ко дню своего рождения, даже не соображая, как это должно быть грустно слышать виновникам жизни, которую проклинают! Надо сознаться, что все это происходит большею частью от неудовлетворенной

гордости и раздраженного самолюбия, от чрезмерных требований, от недостатка простоты и смирения и вообще мудрости. Нет, милый отесинька, я благодарю Бога за дар жизни и хочу жить, т.е. делать дело жизни, но без гордых задач, без заносчивых требований, не карабкаясь в герои, не взлезая на пьедесталы, не предъявляя честолюбивых притязаний ни на венец мученичества, ни на значение жертвы, ни на какое щегольское нравственное положение. Таким образом, и дéла сделаешь больше, да и жить будет легче. Человек страшный щеголь и готов сделать себе пьедестал из своей внутренней дисгармонии и тревоги, из своего разлада с жизнью и с собой, из своего благородного негодования (большею частью небескорыстного), из своих великолепных порывов. Ото всего этого несет ужасною гордостью! Дай Бог побольше простоты, простоты и простоты, мудрости, мудрости и мудрости, разумеется, мудрости душевной, не той, которая почерпается из Канта или Фихте[9]; дай Бог не раздражаться, несмотря на все раздражающее. Не следует однако ж ни в каком случае грубо сталкивать человека с пьедестала: он или расшибется и уже не встанет, или же полезет опять на какой-нибудь пьедестал: надо, чтоб человек или сам сошел, или чтоб чья-нибудь дружеская рука кротко и безобидно свела его с пьедестала. Не следует также поступать с человеком, как поступают аллопаты с телом человеческим, которое они рассматривают как ящик и в котором почти механическим способом выпирают одно, вкладывают другое и т.д. Лучше правило гомеопатов, дающих крупинку для возбуждения самостоятельной целебной физической деятельности в организме. Не следует, кажется, также поступать, как поступают те, которые, если в стклянке дурной запах, сейчас закупоривают ее: или вышибется пробка, или же, если как-нибудь ее вынешь, так и обдаст дурным запахом; во всяком случае запах тут и при первом удобном случае все кругом наполнит вонью: лучше оставить стклянку раскупоренною, дать ей выветриться и возбудить сильнее благоухание доброго в человеке, которое заглушит и истребит скверный запах стклянки. Так мне кажется, а может быть и не так. Не знаю. Во всяком случае простите за рассуждения. Я теперь очень боюсь пускаться в рассуждения в письмах к вам, чтоб как-нибудь нечаянно не рассердить вас. Прощайте же, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, Константина и сестер обнимаю. Константина благодарю за приписку и за добрые желания. —

Что это за чудная осень! Вот уже месяц, как стоит ясная, великолепная, теплая погода! Были дожди, грозы, даже целые два дня с холодным ветром, но теперь опять теплый ветер с юга.

173

⟨Письмо к Григорию Сергеевичу Аксакову⟩.

5 окт⟨ября⟩ 1854 г⟨ода⟩. Харьков[1].

Только нынче получил я письмо твое от 27-го, посланное впрочем из Москвы 29 сентября, милый друг и брат Гриша. Благодарю тебя за братское, дружеское и "вежливое" письмо. Да, вежливое. Мы обязаны вежливостью, т.е. уважением

ко всякой душе человеческой, ко всему задушевному человека. Благодарю тебя за то, что твое письмо во имя родственной любви не начинается оскорбительною бранью. Мне самому очень жаль, что я с тобою не виделся. Ты знаешь юридическую пословицу, единственную латинскую, которую я помню изо всей пропедевтики: да выслушается и другая сторона, audiatur et altera pars! Извини грустную шутку. Ты слышал изложение дела, как оно понимается в Абрамцеве[2]; чтоб судить его, надо бы выслушать и меня. Но я вовсе не намерен пускаться здесь на письме в изложение всех обстоятельств этого несчастного дела. Будь спокоен: во мне нет теперь ни тени раздражения; Бог даст, не раздражусь и по возвращении; по крайней мере, я твердо решился и сам не раздражаться, и не раздражать никого; напротив, постараюсь всеми способами успокоить и умирить всех. Я не могу взять за основание письмо отесиньки, о котором ты говоришь. Могу отсрочить достижение своей цели, но отказаться от нее не могу и не *должен*. — Я не сомневаюсь в родственной любви ко мне семьи моей; я бы желал только, чтоб было в них поменьше гордости семейной и побольше любви — не родственной, а любви христианской, любви и уважения к ближнему, побольше доброты, мягкости и теплоты. Я не сомневаюсь в родственной любви ко мне, но в течение всего года только от одного, одного милого отесиньки слышал я доброе, нежное слово, без колких оговорок и обидных намеков. Только один отесинька и поддерживал переписку со мною! Я был очень, очень виноват против семьи, но тогда только восстановится вполне душевный союз, когда и они сознают — не передо мной, нет, а перед совестью своею всю неправду, всю жестокость своих действий, сделаются рассудительнее, сойдут с гордо принятой позиции, расширят несколько свои во многом тесные и односторонние воззрения. Впрочем, ни в споры, ни в рассуждения, ни в особые разговоры с бедной сестрой Надей, которой ставят в упрек нежность и мягкость и то, что она не похожа на Любиньку, я не пущусь, будь спокоен. И глаза будут видеть, и ум понимать, и сердце болеть, но я всею душою хочу им всем мира и спокойствия. Мне теперь это легче сделать, потому что благодаря Бога у меня теперь на совести легко и ясно. —

Ты пишешь, что не время теперь сидеть где-либо без участия к тому, что совершается вокруг и что не пассивное участие должно быть во мне. Совершенно с тобою согласен, милый Гриша, но ты это говоришь так, как будто бы *во мне* нет участия или есть одно пассивное участие! Может быть, так думают в Абрамцеве... больно! Или ты не знаешь, что я хотел отказаться от поручения, даже деньги возвратить с тем, чтоб определиться в канцелярию действующей армии? Об этом — по моей просьбе — сильно мои знакомые хлопотали в Петербурге и наконец предложили место в Одессу к Остен-Сакену, но я тогда этого места не принял. Да и по окончании поручения я, если продолжится война, непременно поищу места в штабу действующих отрядов. Я, если б и мог, не в состоянии был бы прожить в Москве и двух месяцев без дела. Плохо же ты меня понимаешь. Сделай милость, не смотри на меня глазами абрамцевскими. Грустно подумать, но до такой степени там предубеждены против меня, что, и читая мои письма, не понимают их. Я уверен (маменька это мне высказала перед отъездом в ответ на предположение), что нашли, будто

“известное обстоятельство лишает меня энергии”, оттого, что, изъездив 5 тыс⟨яч⟩ верст на перекладной телеге, я купил себе наконец нетычанку (польскую бричку) за 50 р⟨ублей⟩, чтоб не перекидывать беспрестанно вещи и чтоб было покойнее человеку, которого ослабила грыжа и которому пошел 4-й десяток! Пустяки все это, но они много характеризуют положение дел и много причиняют мне грусти! Дай Бог со всем с этим сладить. Но ты увидишь, что я все, все сделаю для их спокойствия и мира, все, кроме оскорблений, обид и грубых ударов чужой, мною уважаемой душе.

Прощай, милый Гриша, будь здоров, обнимаю тебя крепко, крепко и еще раз благодарю тебя за твое дружеское письмо. — Вспомни меня всего и верь мне.

До 14 ноября я в Харькове. Обнимаю Софью и детей твоих[3].

174

1854 г⟨ода⟩ окт⟨ября⟩ 12-го. Харьков.
Вторник.

Хотя неприятели и вступили на русскую землю 1-го сентября[1], т.е.в день вступления французов в Москву[2], но вчера было 11-ое, день изгнания французов[3], — а Крым или часть Крыма все еще во власти неприятеля! По последним известиям, милый отесинька и милая маменька, англо-французы, как их называют, предприняли правильную осаду, и 5-го октября началось бомбардирование. По всем получаемым сведениям, по рассказам всех приезжих, Меншиков оказывается совершенно виноватым в оплошности, самонадеянности, фанфаронстве... Пиджак и хлыстик, которыми прославилось его посольство[4], отзываются во всех его действиях. — Говорят, что он не слушается ничьих советов и не любит окружать себя умными и самостоятельными людьми. Может быть, Севастополь и не будет взят и неприятель уплывет, но, во всяком случае, чести и славы нам от того не будет никакой. Надобно надеяться, что придут нам на помощь обычные наши союзники, бури, стужи, болезни, напр⟨имер⟩, крымские лихорадки и т.п. Впрочем, как нарочно, стоит такая великолепная осень, какой даже и здесь давно не запомнят. Вот уже месяц пользуемся мы чудной погодой. В сентябре еще были морозы — утренники, дул иногда холодный ветер, но теперь ни морозов, ни холодных ветров нет. Ночи – звездные, теплые, словом, чудо. Днем нельзя ходить в пальто, слишком жарко. И какое постоянство в этой погоде! За исключением немногих дней целый месяц! Знаю теперь, что такое осень в теплых краях! едва ли не лучшее время года. Теперь в ходу виноград. Крымского, по случаю войны, привезено мало, и он дороже против прежних лет, коп⟨еек⟩25 асс⟨игнациями⟩фунт, но какой чудесный виноград! — В последних №№ “L’Indép⟨endance⟩ Belge” помещены очень любопытные рапорты S⟨ain⟩t Arnaud и Raylan и нота Австрии к Пруссии, подписанная, как замечают сами иностранные газеты, в тот самый день, как получено было в Вене ложное известие о взятии Севастополя. Австрия переменила тон и почти грозит Пруссии разрывом. — В то самое время, как Гюбнер (австрийский посол в

Париже) по поручению своего правительства приносит поздравления Наполеону с победами и со взятием Севастополя, Эстергази[5], говорят, дает бал в П⟨етер⟩бурге, на котором все были! — Впрочем, Россия, кажется, начинает верить теперь, что точно война, а не шутки, и готовится к будущему году; доказательством этому служат распоряжения о разделении армий на Южную, Крымскую и т.д. и выступление гвардии из П⟨етер⟩бурга. — В субботу получил я ваше письмо от 1 окт⟨ября⟩. — Очень буду рад, если Грише удастся получить снова вице-губернаторское место[6]. В Самаре, кажется, лучше ему будет служить, чем в Уфе: Самара все-таки не такая глушь, но не знаю, кто там губернатор[7]. Да к тому же в Самаре он будет ближе к Вишенкам, Самара важна по торговле хлебом.

Работа моя идет довольно медленно и потому, что труд сам по себе копотливый, и потому, что приходится часто дополнять матерьялы, ходить с расспросами по купцам. По мере того, как обозначаются размеры труда, вижу, что он потребует еще двух, трех месяцев работы. По неопытности своей в занятиях подобного рода я воображал, что можно будет в один год объехать пространство в 7000 верст, набрать матерьялов стопы две и написать отчет тома в два. Все, что касается до общего вгляда, до этнографических наблюдений и т.п. заметок, могло бы быть мною изложено скоро, без больших затруднений, но здесь всякое слово должно быть подкреплено фактами и цифрами. Может быть, я затрудняюсь еще потому, что хотел бы сделать что-нибудь очень порядочное, особенное, а также потому, что нет навыка к подобным трудам. Впрочем, и то сказать: все путешествия и статистические описания, которые у меня теперь под рукою, составлены, изложены и изданы через год или два по собрании матерьялов. — Я решился теперь, пересмотревши тщательно все матерьялы, дополнить их сколько можно более теперь, в Харькове, пользуясь присутствием купцов на ярмарке, наполнить пробелы, поверить цифры и проч. с тем, чтоб потом, приехавши в Абрамцево, приняться за основательное, неторопливое составление отчета. — Сроком я не стеснен и мог бы остаться здесь все это время, но здесь собиранию матерьялов не будет конца. Сколько я ни беседую с купцами, а всякий раз узнаю от них что-нибудь новое, потому что сам я совершенно вне этой жизни и сжиться с нею не могу; пределов полноте и подробности сведений нет. К тому же полагаю, надо взглянуть на этот предмет несколько издали: лучше его обхватить, да и от беспрестанной работы и заботы умственный жернов несколько измололся; не так уже свежо смотришь. Здесь, только что я начну заниматься чем-либо другим, беспокойный голос шепчет: сходи, поклонись такому-то купцу, авось-либо добьешься от него каких-либо сведений, поди, поройся в таких-то бумагах, словом, конца нет всем требованиям. А купцы во взглядах общих все друг другу противоречат. Я вообще утратил уважение к хваленому здравому русскому толку, да и подлинно, у каждого свой толк в голове, так что, если побеседуешь в день с 10 купцами, так при недостатке собственного опыта не знаешь, чему верить и чего держаться! — Впрочем, Бог даст, и удастся мне построить что-нибудь цельное изо всех этих разнородных матерьялов, не надобно только терять терпение. Итак, принимая все это в соображение и то, что уже целый год я не видал вас, я решаюсь, если

соберу предположенные мною некоторые сведения (напр⟨имер⟩, о теперешней ярмарке я не могу получить официальных сведений раньше 5-го ноября), выехать отсюда после 10-го ноября. Дорогой я заеду к Трутовским, П⟨етру⟩ В⟨асильевичу⟩ Киреевскому и Хомякову, следовательно, проеду довольно долго. Вас же прошу не писать ко мне позже 2-го ноября. Таковы, по крайней мере, мои предположения: если что-нибудь их изменит, я вам тотчас же напишу. — Был я нынче у Филарета, которого не видал с февраля м⟨еся⟩ца: летом, когда я приезжал сюда, он жил на даче, т.е. в Святогорском монастыре[8]. Я вам уже писал, какая неприятная история вышла тогда[9], история, заставившая думать, что я писал жалобу или донос Протасову. Теперь мы объяснились. Вообразите, что бумага протасовская — почти *слово в слово* выписка из моего письма к вам...[10] мои выражения, анекдоты, всё. На ваших письмах прежде печать также всегда казалась мне подозрительною, но уж теперь несколько времени ничего не заметно. Впрочем, теперь почтамту много работы: верно, читают все письма из Крыма.

Недавно попалась мне случайно книга очень замечательная: "Les steppes de la mer Caspienne, la Russie Méridionale, le Caucase"* и пр. Это путешествие одного французского ученого инженера по южной России в течение 5 лет. Книга издана лет 6 тому назад. Описывая Севастополь, он не может прийти в себя от удивления, что Севастополь не укреплен с сухого пути, когда многие места на приморском берегу так удобны для высадки; говоря о татарах, он рассказывает все, что делают с ними исправники, земские суды и другие чиновники, и утверждает, что народонаселение это враждебно России... Все так и случилось. Впрочем, прощайте, милый отесинька и милая маменька; можно было бы пуститься в рассуждения, почему Бог как будто отступается от России, но лучше подождать личного свидания, а писать больше и нечего да и некогда. Будьте здоровы, целую ваши ручки, Константина и сестер обнимаю. Я привезу им малороссийские плахты: они очень красивы. Прощайте. — Корнилову (адмиралу) оторвало ядром ногу, и он умер...[11] Неужели Крым будет потерян? Если б Меншиков поменьше форсил, так я бы более надеялся...

175

1854 г⟨од⟩. Вторн⟨ик⟩ 19 окт⟨ября⟩. Харьков.

Последние известия из Крыма, вероятно, несколько ободрили вас[1], милый отесинька и милая маменька; сообщать вам их нечего, потому что, кажется, вы знаете не менее, чем мы здесь, в Харькове, хотя мы на 760 верст ближе к театру войны. Курьерский колокольчик часто раздается на улице, курьерская тройка часто проносится через город, но все это — по усам течет, а в рот не попадает; курьеры не рассказывают никаких подробностей. Частным же письмам почти нельзя верить. Вот о деле 5-го октября[2], о котором уже и в газетах напечатано, я сам читал письмо одного московского купца Саватюгина к его приказчику,

---

* "Прикаспийские степи, Южная Россия, Кавказ" (*фр.*).

торгующему здесь на ярмарке. Саватюгин был сам 5-го числа в Севастополе, а пишет от 7-го из Симферополя: наполнив 4 страницы разными распоряжениями насчет товара, он приписывает сбоку, что "здесь милостью Божией все идет хорошо, три линейных корабля и шесть пароходов потопили да 15 т⟨ысяч⟩ побили...". В таком роде были почти все письма; известие о взлетевшем на воздух 120 пушечном английском корабле казалось достоверным, однако ж в донесении Меншикова ни слова о вреде, нанесенном неприятелю. Третьего или четвертого дня проехал адъютант Меншикова и велел сказать Кокошкину, что — блистательная победа. Так рассказывают, я сам его не видал. Теперь все наперерыв сообщают друг другу разные подробности о деле 13-го октября[3] и даже о деле 15-го октября[4]. Я очень недоволен редакцией меншиковских донесений от 5 и 6 октября[5], также об Альмской битве: наши солдаты делали чудеса храбрости, эта битва заслуживала лучшего, подробнейшего описания, а она изложена так, что только дивишься искусству неприятельских маневров и храбрости французов[6]; прекрасно, что отдана должная справедливость неприятелю, но не следует нарушать справедливость относительно своих. Но какой ад был 5-го октября, когда и с суши и с моря производилась бомбардировка! Страшно вообразить! — Все новейшие изобретения, имеющие будто бы филантропическую цель, — сокращать войну, служат только к большему истреблению народа, потому что вместо 20 т⟨ысяч⟩, потребных прежде, теперь идет в дело тысяч 100 людей! Говорят, в Севастополь пущено 5-го октября 25 т⟨ысяч⟩ бомб, а в последний решительный день намерены пустить 100000! — Не имеете ли вы каких-либо известий о Карташевском Николае? Ведь он там[7]. — Не знаю, что наделала там буря 17 октября; если там был такой же свирепый ветер, как здесь, так он, вероятно, много наработал вреда их флоту. Здесь до самого 17 октября стояла очаровательная осень, такая, о которой вы в России и понятия себе составить не можете. 17-го погода переменилась; подул страшный северный ветер, сделалось холодно и сыро. 18-го небо опять прояснилось, но ветер не переставал дуть. Вчера утром было 4 град⟨уса⟩ мороза. Нынче был прекрасный, тихий, но довольно свежий осенний день, а вечером опять мороз – и к утру, я думаю, будет не менее 5 или 6 градусов. Как я рад, что Грише предстоит возможность занять место вице-губернатора в Самаре без особенных новых хлопот. В Самаре губернатором Грот[8], говорят, человек умный, дельный, прекрасный во всех отношениях. — Гриша в письме своем ко мне, между прочим, *возбуждает меня к энергии и деятельности, вызывает во мне участие к современным событиям,* говорит, что теперь не время мне "*сидеть где-либо без участия к тому, что совершается вокруг*" или только "*с одним пассивным участием;* примись снова за службу, поезжай на Кавказ, хоть в канцелярию Воронцова[9], да не списывайся, а ступай прямо" и проч. и проч. Так и гонит! Я ему очень благодарен и за его дружеское письмо, и за его добрые желания, но не мог не улыбнуться, читая эти строки. С чего, откуда и от кого взял он, что во мне нет участия или только пассивное участие к современным событиям и что меня надо возбуждать к деятельности!.. Найдет же иногда такая слепота на человека, и бьет он кулаками по воздушному призраку! Как будто и не знает он, сколько я

хлопотал, чтоб попасть в штаб действующей армии! Как будто и неизвестно мое постоянное желание принять участие в современных событиях и по окончании теперешнего моего труда определиться в канцелярию одного из действующих отрядов! И хорошо средство — удовлетворить возбуждаемому им во мне участию к современности поступлением в должность какого-нибудь канцелярского чиновника в Тифлисе! — Точно будто я сижу теперь сложа руки и без дела! Может быть, точно я мог бы сделать вдесятеро более, но когда сравню свои работы с работами других, то должен сознаться, что все работают гораздо с бóльшими отдыхами и прохладой, нежели я! У меня всегда забота о поручении, как гвоздь, торчит в голове и отравляет мне всякий досуг и отдых! Не знаю, откуда внушилось ему подобное мнение, но оно показывает или он меня не знает, или что окрасился я в его глазах иным цветом... — Мой труд — тяжелый труд. Он тяжел уже потому, что несвойствен моей природе[10], что, как я ни работай, он не возбудит участия в том круге, к которому я принадлежу[11], который, изучая древнюю Русь, почти не знает современной России, которому, по отвлеченности его, по малому знанию действительной жизни, даже непонятны будут все трудности моей работы, все препятствия, мною преодоленные: я не говорю уже об участии ко мне собственно — по случаю постоянного насилия, которое я делал своим склонностям, заставляя себя писать и считать миллионы цифр! Но я благодарен этому труду уже потому, что он дал мне возможность, без отягощения другим, заплатить долгу 500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, изъездить пять губерний, пожить в Малороссии, куда я всегда стремился, узнать и увидеть многое. Если статистические труды, способствующие более или менее самосознанию, полезны, то и мой труд должен быть небесполезен. Я же употреблял и еще употреблю все усилия сделать его полезным и стоющим сколько-нибудь данных мне денег. — В Тифлис я во всяком случае ехать не намерен и думаю, что найду дело, найду себе место где-нибудь ближе к европейскому театру войны. Но сначала я должен окончить свой труд, что займет, думаю, месяца три. Теперь перечитываю все матерьялы и отмечаю все пробелы, все данные, требующие пополнения или поверки. Таких замечаний сделал я до сих пор 50. Утром и поздно вечером занимаюсь чтением своих бумаг, а днем бегаю для этого пополнения и поверки по лавкам, по купцам, отыскиваю их на чердаках и в погребах, беру приступом, несмотря на уклонение и грубости. Недавно зашел я в лавку одного тульского медного фабриканта и стал по обыкновению объяснять ему с самого начала, кто я, что я, зачем я пришел, что мне нужно и проч. “Так-с, так-с”, — слышал я в ответ, а когда кончил, то купец потребовал у меня “доказательств”. — “Каких доказательств?” — “Что Вы точно такой, каким себя называете”. — “Пожалуй, у меня есть и доказательства, да зачем Вам?” — “Да мало ли какого народа шатается здесь на ярмарке, Бог вас знает”!.. Но я подчиняюсь всем этим неприятным условиям, чтобы получить нужное сведение, и до сих пор ни разу не прибегал к предъявлению понудительному своего открытого листа... — Как я рад, милый отесинька, что Вы продолжаете писать “Семейную хронику”[12]. Не говоря уже о литературном высоком ее достоинстве, она драгоценна как матерьял для истории русского

общества. — Конечно, "Рассказы и воспоминания старого охотника" Вы издадите полным заводом, но когда придется Вам печатать книжку разных неохотничьих воспоминаний и статей, то можете смело печатать двойной завод. Все разойдется. — Да что это делается с Вашими глазами, что Вы опять прибегаете к мази Кауфмана[13]? Теперь по случаю холода Вы, верно, опять закупорились в доме и не выходите на воздух, а я так привык теперь выходить, несмотря на погоду, и до сих пор, вопреки обыкновению моего носа, не имею насморка, да и вообще, слава Богу, здоров. Сделались было сильные головные боли, т.е. боль костей головных, вроде зубной (простуда дорогой, когда ехал), так что я уже решался лечиться, потому что мешали несколько работе, но воздержался от лечения, и они сами собою прошли. — Прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька. Еще письма два или три придется мне написать вам, не больше. Так, по крайней мере, желал бы! — Больше писать нечего. Будьте здоровы, целую ваши ручки. Константина и сестер обнимаю. Скоро, скоро напишу "до свидания"!

И.А.

176

25 окт⟨ября⟩ / 1854 г⟨ода⟩. *Харьков.*

Это письмо вам вручит, милый отесинька и милая маменька, Н⟨иколай⟩ Павл⟨ович⟩ Трушковский. Он прогостил в деревне долее, чем предполагал, и теперь едет в Москву искать занятий и службы. Он прекрасный, предобрый малый, но, кажется, очень слабого характера, ленив и притом, должно быть, очень самолюбив или, лучше сказать, ambitieux*. Не имея ни к чему особенного призвания, не побуждаемый решимостью быть просто полезным, хоть в размерах малых, он, я боюсь, не скоро найдет для себя занятия и место, а если и вступит в должность, то скоро выйдет в отставку, препятствия преодолевать не захочет, словом, он немножко Тентетников[1]. Я рад, что он наконец выехал из Васильевки, где был сильно балован бабушкой, тетушками, кузинами[2], которые в нем, как оно и должно быть, души не слышат. Но он очень добр, очень молод и способен, я полагаю, принять доброе направление, только его нужно подталкивать. Это такая натура, которая требует опоры, толчков, подстрекательств, которую даже не худо было бы вести некоторое время, которая едва ли когда будет иметь самостоятельное значение, но которая под влиянием более энергической натуры может принести свою дань пользы. Так по крайней мере мне кажется, но повторяю, он очень еще молод и трудно сказать о нем положительное суждение. Любит же он Вас и всех нас искренно. Не думаю, чтоб Шевырев так легко уступил ему распоряжение бумагами Гоголя[3]. — В субботу я получил ваше письмо от 16-го октября. Разумеется, известия, сообщенные мною, о вступлении корпуса Лидерса в Крым неверны; мы даже и не знаем, чей именно корпус и весь ли вступил, Данненберга[4] ли, Остен-Сакена.

---

* Амбициозен (*фр.*)

Известие о смертоносном внезапном залпе из 300 орудий также не подтвердилось. — Вы уже теперь прочли официальное донесение о 13-м октября, а мы еще прочтем с следующею почтой! — Мне не верится, чтоб Омер Паша сделал вторжение в Бессарабию[5]: этот шарлатан и хвастун, избегавший до сих пор всякого настоящего сражения в открытом поле, будет, я думаю, производить только одни демонстрации, чтоб развлекать наши силы. — Говорят о взятии 4-х редутов на Балаклавских высотах, 2-х знамен, 11 пушек, 13 раненых офицеров, но все это говорят, и я ничему не верю. — Что касается до купцов и до простонародья, то они, напротив, верят всякому хорошему слуху и никогда дурному. — Видно однако ж, точно мы нанесли вред их кораблям, потому что бомбардирования со стороны моря уже не возобновлялось. — Получив подкрепления и устроив укрепленный лагерь между Балаклавой и Севастополем, чему способствуют и горы, они, пожалуй, решатся зимовать тут, постоянно беспокоя город бомбардированием. Кажется, взять их позицию довольно трудно, и нам приходится только обороняться. Впрочем так трудно рассуждать при нашей скудости сведений о местности, силах и средствах наших и неприятельских! Во всяком случае, кажется, дело до отъезда моего из Харькова еще не кончится, и мы будем вместе следить событие в Абрамцеве. — В субботу был я в университете на диспуте адъюнкта Лавровского[6] для получения степени доктора славянорусской филологии. Странно производятся здесь диспуты: во 1-х, докторант представил рассуждение об Якимовской летописи[7], в котором нет ни слова о филологии, и летопись рассматривается со стороны исторического ее содержания. На сделанное ему замечание он объяснил, что исследование летописи со стороны языка войдет в состав предпринятого им труда вообще об языке новгородских летописей, труда еще далеко не оконченного; во 2-х, диссертация не печатается заблаговременно и, кроме факультета, никто содержания ее и не знает. Перед началом диспута декан с кафедры произнес речь, в которой исчислял все заслуги и достоинства Лавровского и его диссертации и объявил, что сей молодой господин занимается своею наукою с "юношеским увлечением". После сего отрекомендованный с такой красивой стороны юноша взошел на кафедру, где уже и позволял себе "увлекаться", т.е. горячиться, не слушать возражений, махать руками и проч. Возражали только два оппонента, из которых главный, профессор истории Зернин[8] только упрекал Лавровского в "увлечении", доказывая это некоторыми преувеличенными его выражениями, напр⟨имер⟩, что сказано "очень много", когда бы надо было сказать "*много*", а *не* "*очень*" и т.п. Я просто не верил себе, что присутствую на ученом споре и в университете! Не знаю диссертации Лавровского, но, сколько можно судить по тезисам и по некоторым объяснениям его, данным на диспуте, выводы его довольно слабы. Впрочем, он очень любит свою науку и ревностно ею занимается, только к "юношескому увлечению" должно прибавить еще большую дозу юношеской самонадеянности, желающей сейчас сказать что-нибудь новое, оригинальное... Константин должен, я полагаю, знать его филологические труды: "Исследование об языке Реймского Евангелия"[9], "О слове Кмет"[10] и еще что-то. После диспута подошел ко мне знакомиться профессор Черняев[11], "ветеран

русских естествоиспытателей", как называют его на официально-торжественном языке, человек лет 60-ти, страстно преданный своему делу, довольно известный в ученом мире своими исследованиями. Черняев начал с того, что просил меня передать Вам, милый отесинька, от имени ученых всю глубокую их признательность за Ваши сочинения. Завтра назначен диспут одного магистранта о какой-то рыбке овсянке, и Черняев с Вашей книжкой в руке намерен опровергать его или доказывать тождество этой рыбки с верховкою или сентявкою, Вами описанною. У него только первое издание "Записок об уженье рыбы", он искал второго[12], но не мог найти: у Опарина[13] были два или три экземпляра и куплены. Университет по его требованию выпишет второе издание, но оно еще не скоро получится. Очень жалею, что не мог снабдить его книгой: не помню наверное, но, кажется, Вы что-то прибавили о сентявке[14]. Черняев просит Вас, милый отесинька, прислать в университет эту рыбку и верховку в спирте с какой-нибудь оказией. Оказию всегда можно найти через Свешникова[15], посылающего книги Опарину, комиссионеру университета; впрочем, я по приезде всегда могу найти оказию с купцом. Мне кажется, Вам бы не мешало послать во все университеты и в Карамзинскую библиотеку[16] в дар экземпляры своих сочинений. —

Нынче утром в 8 часов явился ко мне Черняев с просьбой сказать ему Ваш адрес; он собирается писать к Вам письмо. Весело видеть живость этого 60-ти летнего ученого: выслужив срок, он оставляет университет и предпринимает экспедицию по черноземной полосе, готовый путешествовать пешком и на тележке. Когда он прочел Ваши "Записки охотника", он положил себе непременно посетить оренбургские степи и быть у Вас: весною будущего года он намерен отправиться в Оренбургскую губернию, но в августе м⟨еся⟩це будет в Москве и заедет к Вам. Сказавши ему, что Вы хотите писать Ваши наблюдения над грибами, я привел его в решительный восторг: он сам, чтоб поговорить о грибах с каким-то знаменитым шведским натуралистом, ездил нарочно в Швецию. Книгу Вашу он постоянно рекомендует с кафедры молодым ученым для приохочивания слушателей к естественным наукам. Много я слышал и читал похвал Вашим сочинениям, но кажется, Черняев превзошел в этом всех. — "Записки об уженье" 2-е издание наконец я достал, справившись у Опарина, кто купил: купил один студент, которого я и отыскал. "Записки об уженье" второе издание видел я еще прежде в Полтаве у Бодянского. Впрочем в Харькове вне университета никто русской литературой не занимается и не интересуется, и никто почти, кроме профессоров, о книгах Ваших не слыхал и не знает, равно ни о "Московск⟨ом⟩ сборнике"[17], ни о москов⟨ском⟩ направлении. Университет же здесь в общество не принят и живет совсем отдельно. —

Сейчас прочел в "Одесском вестнике" официальное краткое известие о деле 13-го октября[18]: "Липранди взял 4 редута штурмом, 11 пушек отнято, половина неприятельской кавалерии истреблена; лорд Кардаган едва ускакал"[19]. Должно быть, неправда, что взят в плен сын лорда Сеймура[20], а взят сын Клекликарда[21]. Кажется, всего более достается англичанам! И в народе говорят про французов безо всякой злобы, но англичан ругают крепко! — На это письмо, я полагаю, вы еще успеете отвечать мне, если напишете не позже 2-го

ноября. Я все полагаю выехать около половины ноября, если не помешают какие-нибудь обстоятельства. Покуда прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки; обнимаю Константина и сестер. Скоро надеюсь это сделать лично!

177

1854 г⟨ода⟩ ноября 2 втор⟨ник⟩ и 3-го середа.
Харьков.

Последнее ваше письмо не очень утешительно, милый отесинька и милая маменька. У Вас все глаза болят, милый отесинька, но, кажется, Вы мало их бережете: накануне отправления письма Вы удили! Нет сомнения, что уженье, требующее постоянного устремления глаз, утомляет глазные нервы и также вредно, как чтение. Надеюсь, что следующее письмо принесет лучшие вести о Вашем здоровье и о здоровье Константина. Не знаю, отчего вы не получили моего письма; я пишу аккуратно по середам, только на прошедшей неделе отправил письмо не с почтой, а с Трушковским, который, вероятно, уже был у вас. Теперь по случаю частых дождей почта стала опаздывать сутками. Здесь несколько дней было холодно, потом несколько дней сряду лили теплые дожди, потом пошли дожди с перемежками, но вообще погода стоит очень теплая. Вы, вероятно, уже прочли или скоро, все-таки прежде нас, прочтете о битве 25-го числа[1]; мы покуда ограничиваемся слухами. Курьер, повезший донесение и бомбу, пролетевшую между великими князьями[2], рассказывал будто бы, что дело было страшное, преимущественно артиллерийское, что мы взяли было какие-то их укрепления или бастионы, но потом нашли нужным отретироваться, заклепав 50 пушек; с нашей стороны убито 3000 человек, со стороны неприятеля 15000! Последняя цифра видимо преувеличена! Никак нельзя доверять ни частным письмам, ни рассказам самовидцев. Известие, сообщенное вам Казначеевым[3] как верное, о липрандьевском деле[4] и прописанное в вашем письме, оказывается также не совсем верным. — Говорят, что великие князья скупают французские штуцера, объявив цену по 6 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за штуцер, и формируют штуцерные батальоны. Нам невозможно почти действовать легкою артиллериею, потому что штуцера их, хватающие на необыкновенно далекое расстояние, убивают всю прислугу; можно действовать только батарейными орудиями, которые дальше стреляют. — Страшная борьба! На их стороне наука, искусство, талант, храбрость, все матерьяльные средства, на нашей — только правота дела и личное мужество войск; остального ничего нет. Не знаю, право... Да что об этом писать. Бог даст, скоро увидимся и тогда поговорим о всех современных вопросах. — Насчет выезда своего я не могу назначить дня его наверное, и потому не знаю, последнее ли это письмо или нет. Если я выеду на будущей неделе в конце, т.е. дней через 10 или 12, то писать уже более не буду; если же не выеду, то напишу. Задерживает меня Бодянский. Он должен был прислать мне из Полтавы разные статистические, с своей стороны им собранные, сведения об ярмарке, также официальные ведомости, но до сих пор не прислал, отговариваясь совершенно

хохлацкою отговоркою: "*хандра!*" В глазах малороссиян это совершенно законное извинение. Хандра хандрой, а дело делом! Да и не сочинений каких-то от него требуется! — На днях получил письмецо от Галагана. Он едет с женою на зиму в Киев, а Ригельман поехал в Чернигов к своему отцу. О женитьбе или о сватовстве последнего — ни слова. Я слышал, что оно было неудачно. Вообразите: "Сборник песен малороссийских с *нотами*", который уже я видел в Киеве отпечатанным и совсем готовым к выпуску, остановлен цензурою, которая нашла нужным еще кой-что повыкинуть! Пошла переписка, и едва ли он выйдет. Кажется, никакие военные опасности не могут отвлечь нас от любимого занятия, т.е. от преследования литературы и вообще всяких проявлений ума и духа! — В последнем письме я сообщал вам про назначенный диспут о рыбке-овсянке. Потом был я на самом диспуте; Черняев спросил магистранта, читал ли он "Записки об уженье" С⟨ергея⟩ Т⟨имофеевича⟩ Аксакова, прославившегося, кроме того, "Оренб⟨ургским⟩ руж⟨ейным⟩ охотником"[5], и почему он не сослался на это превосходное и пр. и пр. сочинение? Тот уклонился от ответа на вопрос, читал ли он, но сказал, что не считает себя вправе в ученом сочинении ссылаться на сочинеие популярное; что же касается до тождества овсянки с верховкою, предполагаемого г⟨осподино⟩м профессором, он этого мнения не разделяет. Черняев объявил, что этот спор решится присылкою верховки. Пришлите же ему верховку, милый отесинька! Да уж не скупитесь! пришлите этого добра побольше, на целую уху или сушеную! — *Середа утром.*
Вчера после дождей поднялся такой холодный неистовый ветер, какого я решительно не помню. Бывают сильные внезапные вихри, но этот ветер продолжался не слабея часов десять сряду. Он наделал много вреда в городе. Если он дует с такою же силой и в Черном море, то беда, беда кораблям! К утру ветер приутих, и мороз настоящий, *сам* мороз, а не предтеча его, оковал землю. Взглянув в окно, я увидал, что это уже не утренничек[1*]. Я думаю, что зима близка. Для меня это не совсем выгодно: мне хочется непременно доехать в своей нетычанке, и чтоб не бросать ее здесь, и чтоб соблюсти экономию, потому что по этому тракту Студзинского, кроме двойных прогонов[6], берут рублей 15 сер⟨ебром⟩ и более за повозку. — Я намерен между прочим по возвращении перечитать все, что было замечательного в журналах в течение этого года. На какой журнал подписались вы на 1855 год? Я советую подписаться на "Современник"[7]. —

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Ах, как бы желал, чтоб это письмо было последнее! Покуда еще целую ваши ручки заочно, обнимаю Константина и всех сестер. Будьте здоровы. Теперь уже недолго во всяком случае.

1* Опять поднялся ветер, и все небо заволокло: как бы не пошел снег.

1855

178

Суббота 18 февр⟨аля⟩ 1855 г⟨ода⟩.⟨Москва⟩.

Пишу вам, милый отесинька и милая маменька, на всякий случай; я сам предполагаю выехать, если не нынче, так завтра, разве что-нибудь особенное задержит. Вот вам перечень московских событий со времени отъезда Константина. Ермол⟨ов⟩[1] получил официальное уведомление от п⟨етер⟩бургского губ⟨ернского⟩ предв⟨одителя⟩ дворянства, что он выбран единогласно и что депутация уже готова ехать к нему: это *положительно* достоверно; Ермолов благодарил и отвечал, что он уже выбран Москвою[2]. В четверг разнесся слух в Собрании, что Ермол⟨ов⟩, которому дали знать частным образом, что государь согласен на его избрание, приедет благодарить дворян: мигом съехалась вся Москва на это зрелище, но, узнав, что все это вздор, тотчас же разъехалась. Нынче последний день Собрания, заседающего и утром и вечером; если он не будет нынче (потому что формального утверждения еще не получено), так Москва и не увидит его в Собрании: дворянство разъедется. — В Дмитровском уезде большую часть офицеров заместили охотниками[3], так что ни Константину, ни Пальчикову не пришлось и баллотироваться[4]. Впрочем, Константин поставлен в списке дворян, подлежащих баллотировке вследствие его письма, хотя Трегубов[5] и объявил всему столу, что ему нельзя будет дать офицерского звания по неимению чина. Тем не менее это произвело некоторый эффект, и Алекс⟨андра⟩ Ник⟨олаевна⟩ Бахметева[6] с ужасом спрашивала меня, также как и другие дамы, точно ли Конст⟨антин⟩ идет в ополчение; я отвечал, что он указал на себя и изъявил согласие в случае выбора, и успокоил их надеждою, что его не выберут как бесчинного. Что же касается до меня, то, узнав, что впоследствии мудрено будет поступить в ополчение, и предполагая, что легче будет мне занять желаемое место в звании ополченного офицера, чем со стороны, я записался прямо охотником в Серпуховскую дружину к графу Ив⟨ану⟩ Петр⟨овичу⟩ Толстому и уже отдал свои документы; таким образом вы можете признавать меня прямо штабс-капитаном ополчения[7]. Когда получатся все утвержденные списки из военного м⟨инистерст⟩ва, будем шить и наденем мундир. Ив⟨ан⟩ П⟨етрович⟩ Толстой сам никогда не был в военной службе; мы с ним старые знакомые и некоторое время вместе служили в Сенате: он был обер-прокурором, я — обер-секретарем; я убежден, что меня не оставят в строю, а возьмут в штаб, если даже я и не займу известной вам должности. Впрочем, пусть будет то, что будет. Я-таки на полчаса задумался серьезно перед тем, как отдал свои документы.

Вчера вечером Годеин назначил мне свидание. Несмотря на его истинно горячее, смелое участие, переговоры его не имели большого успеха[8], т.е. обещание не дано, неизвестно, как и что будет, будет ли надобность в такого рода должности и т.п. пустые причины, объясняемые, впрочем, тем, что еще официального утвержд⟨ения⟩ не получено. Не знаю, что скажет мне Казнач⟨еев⟩ нынче, у которого я был и который еще до сих пор все не успевал говорить. Его мнение более уважается, чем Годеина; впрочем оба они (Год⟨еин⟩ и Казнач⟨еев⟩) уже виделись и переговорили между собою. Если никакого положительного удостоверения не получу, то оставлю свой адрес в деревне Толстому и поручу ему уведомить меня письмом, когда надо будет приехать. — Первый лист Вашей книжки уже отпечатан совсем[9], очень кстати, что мне удалось продержать корректуры при Трушковском, который этим делом никогда еще не занимался. Он перешел в другой этаж: № 17 (нумера Сабуровой): комната того же объема, только повыше, а потому и не так уже невыносимо душно. — Прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки... Обнимаю Константина и всех сестер. Трушковский вам кланяется. Левшин отказался, и на его место (начальника дружины) поступил Леонид Голицын[10]. — Кажется мне, что я вас предупреждал о своем намерении записаться в ополчение; во всяком случае это самый верный способ достигнуть какого-либо места, имеющего связь с деятельностью современною.

179

Четв⟨ерг⟩ 24 февр⟨аля⟩ 1855. Москва.

Казначеев хочет меня везти завтра к Ермолову, милый отесинька и милая маменька. Хоть я этому и не совсем рад в том отношении, что Казначеев смотрит на меня вовсе не как на лицо самостоятельное, имеющее некоторую литературную известность, а как на молодого чиновника, нуждающегося в протекции, но, с другой стороны, признаю это полезным и даже необходимым для успеха. Хотел было я предварительно послать Ал⟨ексею⟩ П⟨етровичу⟩ сборник, "Уголовную палату", записки о расколе[1] и пр., но решился не посылать: пожалуй, это все еще помешает. — Я решился также твердо держаться одного и именно теперь: намерения моего служить в ополчении. — Вы, разумеется, жаждете вестей. Большая часть из них такого содержания, что писать о них было бы нескромно... Впрочем все заставляет надеяться, что под новым правлением мы "благоденственно поживем". Говорят, что уничтожается 3 отделение[2] и тайная полиция, что Строганов будет министром нар⟨одного⟩ просв⟨ещения⟩ (последнему я не совсем рад)[3]. Между прочим, Австрия посылает с визитом de condoléance* эрцгерцога в П⟨етер⟩бург[4], а в вознаграждение за услугу, оказанную ей в 1849 г⟨оду⟩[5], сохраняет за каким-то полком название полка государя Николая Павловича! И воображает, что расквиталась! Людовик Наполеон наложил траур на 6 недель[6]. — Погодин еще не уехал[7]. Не знаю, что

* Соболезнования (*фр.*).

именно говорил ему Константин, но Погодин поразил меня тоном нежности и *задушевного уважения,* с которым он отзывался о Конст⟨антине⟩ и о последнем своем с ним свидании, уважения как к человеку благоразумному. Посылаю вам письмо мое. Оно было сначала написано к Ал⟨ександре⟩ Осип⟨овне⟩, но я переделал его и посылаю Оболенскому[8]. — Прощайте, милые отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Не думаю писать вам в субботу, думаю сам приехать.

И.А.

Отпечатано 3 листа Вашей книги[9]. На почте требуют, чтоб письма печатались черным сургучем.

180

2 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. Москва.

Все слухи да слухи, все та же томительная неопределенность, но как и они интересны, то сообщаю вам все московские политические сплетни: 1) носится слух о новом кровавом деле под Севастополем[1]; 2) при м⟨инистерст⟩ве юст⟨иции⟩ будет издаваться журнал[2]; 3) Броку плохо, и на его место прочат Княжевича или Позена[3]; 4) государь намерен лично слушать доклады только м⟨инист⟩ров ин⟨остранных⟩ дел, финансов и военного, прочие будут докладывать Г⟨осударственному⟩ совету и Комитету м⟨инист⟩ров. 5) Ждут в Москву[4], но когда — неизвестно. 6) Преследование раскольников прекращено, по крайней мере, им выдают паспорты без принуждения купцов переходить в единоверие[5]. 7) Будет напечатано завещание Н⟨иколая⟩ Павл⟨овича⟩, писанное в 1847 году[6], в котором он просит будто бы прощения в своих ошибках. 8) Императрица подарила Тютчевой Маколея[7]. 9) Камергерам и придворным чинам даются какие-то богатые русские платья. 10) В субботу на Страстной[8] была в П⟨етер⟩бурге конференция по поводу полученной от Горчакова депеши[9]: были тут Нессельрод, Блудов и еще кто-то: ничего неизвестно, но, кажется, не хорошо. 11) Нессельрод хочет подписать мир и выйти в отставку[10]. 12) Иностр⟨анные⟩ газеты упрекают русских в неблагодарности к Н⟨иколаю⟩ П⟨авловичу⟩, называя его великим человеком. — В середу и четверг вечером собирались мы у Сам⟨арина⟩ для Димитрия Обол⟨енского⟩ и для Шестакова (автора известной статьи)[11], а вчера у Елагин⟨ых⟩ по случаю именин М⟨арии⟩ Вас⟨ильевны⟩[12]. — Об⟨оленский⟩ говорит, что я хорошо делаю, что поступаю в ополчение, что нечего и делать другого. Был тут и Погодин, у которого я сидел также целое утро. Об⟨оленский⟩ такого мнения, что Пог⟨один⟩ хорошо сделал, что не поехал[13]. Пог⟨один⟩ пишет новую статью и послание[14]. Интересных новостей никаких сообщено не было. Вообще в П⟨етер⟩бурге как-то стало глухо и менее говорят, чем в последние дни царствов⟨ания⟩ Н⟨иколая⟩ П⟨авловича⟩. Это понятно: прежние связи при дворе ослабели, еще не определилось ни направление, ни положение отдельных лиц, все еще в недоумении. О том, война или мир, судят по тем же данным, как и у нас в Абрамцеве, á priori, а не на основании положительных сведений. Булгарин уже

кадит Ростовцеву[15] в "Сев⟨ерной⟩ пчеле". — Споров раскольничьих нет (Хом⟨яков⟩, Елаг⟨ин⟩[16], Об⟨оленский⟩[17] ездили), да и кому спорить, когда в Москве нет более раскола! Закревский свирепствует по-прежнему: вот вам новый способ собирать пожертвования для ополчения — с мещан. У Васильчиковой[18] и у многих других богатых домовладельцев потребовали вольнонаемных мещан в полицию. Только что они явились, потребовали от них пожертвования: они дали было по рублю сер⟨ебром⟩, с них потребовали 30 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ и более (с Васильчикова человека 100 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ и посадили в сибирку, объявив, что если к пяти часам не взнесут денег, то будут отданы в солдаты или в ратники). Те, разумеется, написали домой, к своим господам, из которых многие, стесненные кратковременностью срока, и заплатили требуемое. Что же? им выдали *печатные* квитанции, что таким-то мещанином взнесено добровольного пожертвования 30 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ или более, смотря по сумме. Не хуже ли это дневного грабежа? А что делается с купцами! — Тот приятель, который приехал из П⟨етер⟩бурга[19], поразил меня своим унынием и утратою всяких надежд. Нельзя не видеть тут некоторого пристрастия, и важно то, что в этих речах отражается взгляд целой известной стороны. Мы сами виноваты, что предались неосновательным надеждам[20], слишком много захотели вдруг и теперь как будто вымещаем на человеке досаду на нашу собственную опрометчивость. — Явился в Москву Майков[21] знакомиться с славянофилами и искать истины, как говорит Об⟨оленский⟩. — Об⟨оленскому⟩ хочется познакомить его с Конст⟨антином⟩, и вообще он думает, что для крещения его необходимо послать в Абр⟨амцево⟩. Он очень забавно говорит, что с своей стороны может только представить Майкова Константину и сказать, как при наставлении: "Повели, преосвещенный владыка", а потом уже, пожалуй, запеть и октиох[22]. Майков являлся к Хомякову, который его однако же осадил легонько, показав ему, что между п⟨етер⟩бургским патриотизмом и московским направлением нет ничего общего. Майков, превознося теперешний жар в П⟨етер⟩бурге, говорит, что благодаря событию все там теперь почувствовали себя русскими. — "Что это за чувство, как это себя чувствовать русским, расскажите, пожалуйста", — возразил Хомяков, ну и тот, разумеется, понес гиль[23]. Майков хотел приехать ко мне (я его, впрочем, не видал), но сбивается все в адресе, да я и не думаю, чтоб после Хом⟨якова⟩ ему очень хотелось знакомиться; он ругает западников на чем свет стоит; Хом⟨яков⟩ объявил ему, что у нас в Москве действительно такого патриотического жара нет. Может быть, впрочем, он и явится в Абрамцево[24], если он останется дольше. — Раньше Фоминой недели[25] нельзя сделать публикации о Вашей книге[26]: нужна подпись цензора и не на дому, разве из особенного снисхождения. Никто из книгопродавцов не делает новых публикаций, я спрашивал и их. Книга Ваша расходится очень хорошо[27]. — Недели через две будет диспут Бодянского[28], говорят; книга его — диссертация для получения степени доктора. Вы, верно, теперь прочли манифест. Он самый казенный, такой, как и в 1841 г⟨оду⟩ (по случаю свадьбы наследника)[29], такой же, как и в 1826 г⟨оду⟩[30]. О политических преступн⟨иках⟩ ни слова[31], и слухи о прощении их прекратились. Может быть, все это произойдет постепенно, частным образом, негласно. —

Овер отвечал, что на письмо ему отвечать нечего: я не знаю, что́ в письме? — Погод⟨ин⟩ не едет к нам по случаю дорог. К нему на Дев⟨ичье⟩ поле доступ не очень легок[32], и третьего дня он остался ночевать у Самарина. Оба вечера мы сидели до 4-го часа, но разговор был об Иоанне Лествичнике[33] и т.п. До такой степени всем надоело вертеться около слухов, гаданий!.. Бирюлев[34] еще не проезжал. — Впрочем, признавая мундиры эмблемою направления в России и мерилом убеждения, я думаю, что все мы будем ходить в платье не столь тесном и узком, будет шире и свободнее дышать груди. Нынче надеюсь прочесть в приказах о моем утверждении[35]: во вчерашнем "Инвалиде" прочел я утверждение офицеров Костромского, Ярославск⟨ого⟩ и П⟨етер⟩бургского ополчения. В П⟨етер⟩бурге — все аристократическая молодежь, служившая в м⟨инистерст⟩вах. Толстой уехал в Серпухов. Я примеривал вчера мундир, т.е. зипун. Ничего. Принесли нынче рубашку, но скверно сшита. По Москве щеголяют ополченцы: 4 дружины имеют серое, остальные черное сукно. Смольняне — белое. Многие делают сапоги с красными оторочками и вводят другие щегольства, но мое облачение будет самое простое и скромное, и очень хорошо. Несколько раз был у Годеина: то спит, до дома нет. — К нему надобно утром, но одно утро посвящено было мной Погодину, другое Андр⟨ею⟩ Оболенскому, который едет завтра, а жена его через неделю. — Дим⟨итрий⟩ Обол⟨енский⟩ остался до понед⟨ельника⟩. — Я спрашивал его, не хочет ли он видеть Конст⟨антина⟩: он отвечал,что, разумеется, желал бы с ним видеться, как и всегда, но что именно в настоящую минуту особенного сообщить не имеет. Он очень, очень извиняется за свое молчание. Он говорит, что сам в первые дни разделял мысли и чувства, выраженные в наших письмах[36], и особенно в письме Конст⟨антина⟩, которое ему чрезвычайно понравилось, но потом — все это остыло. По моему мнению, однако ж, нет никаких особенных причин; смущает его мелочность направления и забот. Но он знает не больше, чем мы, по крайней мере не говорит. — М⟨ария⟩ Фед⟨оровна⟩ Соллогуб, Бахметева и Черкасская[37] спрашивают меня, когда будет и будет ли К⟨онстантин⟩ Серг⟨еевич⟩. Им очень понравились его воспоминания[38], особенно Ал⟨ександре⟩ Ив⟨ановне⟩ Васильчиковой, которая такие вещи говорила, что совестно слушать, особенно мне, на которого поневоле падает отражение этих похвал. Однако ж, я думаю, что эти дамы хвалят не за то, за что Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановна⟩ Васильчикова, впрочем, пространных разговоров я не имел. — В Москве теперь два или три принца. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, напишу вам в понедельник. Впрочем, я думаю, что Константин сам приедет; хотя ничего особенного нет, но все же теперь быть в Москве интересно. Обнимаю его и всех сестер. Будьте здоровы. —

Скажите Гилярову[39], что Хомяков ему рекомендует книги о музыке (церковной) немца Маркса[40] и француза Lui Veilleau[41] sur la plein chant et le chant Grégorien*.

---

* Луи Вейо о полногласном и грегорианском пении (*фр.*)[42].

181

Понед⟨ельник⟩ 3 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. Москва.

Каждый день "Инвалид" печатает приказы по государственному ополчению, но до сих пор офицеры моск⟨овского⟩ ополчения не утверждены; впрочем, каждый день можно ожидать этого утверждения. Все это очень скучно, также как и неизвестность, война ли у нас или мир. До сих пор о венских конференциях ничего никто не знает положительно[1], но, кажется, судя по иностранным газетам, мира не будет. Людовик Наполеон хочет прекратить венские толки предложением России *ультиматума*, которого, можно думать, не примут. — Государя ждут в Москву в середу[2]: говорят, он приедет сюда провожать братьев, возвращающихся в Севастополь, и помолиться с ними у Троицы. Если это точно так, то оно прекрасно и произведет доброе впечатление на народ, да и предлог побывать в Москве до коронации очень приличный. Но утверждать наверное справедливость этого известия не могу: в середу я вас во всяком случае уведомлю, и вы можете в четверг успеть съездить к Троице. — Назначение ополчения Московского таково: оно будет прикомандировано к гренадерской 2-ой дивизии, и каждая дружина составит 5-ый батальон при полке; разумеется, полк будет смотреть на дружину как на своих чернорабочих слуг, обязанных исправлять за него всякие некрасивые работы. — Николая Елагина, не поехавшего на тульские выборы, выбрали заочно в офицеры Белевской дружины: вчера пришло к ним это известие и очень их смутило. Вся семья думает о том, как бы высвободить его из ополчения, чего и можно достигнуть разными способами: к тому же он записан сам по Калужской губернии, а в Тульской только имение его матери. Он, я думаю, не стал бы отказываться, если б не Авдотья Петровна, для которой разлука с ним будет очень тяжела; но забавно видеть с ними Хомякова, который настоятельно требует, чтоб он шел в ополчение, и сердит всю семью. Хомяков говорит, что желал бы видеть в ополчении и Самарина, и Конст⟨антина⟩, и, отвозя вчера меня домой, объявил, что если б жена его была жива[3], то, вероятно, он пошел бы в ополчение. — Тульское дворянство богато наделило ополченцев, назначив офицерам огромное жалованье и подъемные деньги. Жаль, что Московское так плохо распорядилось и так скудно: оно было бы и для меня весьма кстати. — Не знаю еще, чем решатся недоумения елагинские. — Видел я Годеина, видел Георгия Львова, приехавшего из П⟨етер⟩бурга, родственника Ермолова и близкого к нему. Оба они передали мне, что Ермолов серьезно обижается, когда ему говорят о высшем назначении: он говорит, что эти слова его всегда дразнят и звучат для него оскорбительно, ибо он сам себя знает; 30 лет бездействия *убили* его[4], он чувствует, что уже не способен к действительному командованию. Все говорят, что ему будет дано звание почетное начальника всего ополчения в России и что он будет жить в П⟨етер⟩бурге для советов. В таком случае нечего к нему и навязываться в адъютанты и секретари, тем более, что *теперь* он решительно отказывается, говоря, что не видит никакой надобности. Годеин, впрочем, обещает меня уведомить в Серпухов, если откроется Ермолову перспектива иной деятельности. Впрочем, и я сам, как

только буду утвержден, явлюсь к нему как к начальнику. — Нахимов произведен в адмиралы[5]: это я сам прочел в приказах. Томашевского не видал[6], хоть и был у него два раза. — Дим⟨итрий⟩ Обол⟨енский⟩нынче уехал. Вчера я был у него: он велел поцаловать отесиньку за то наслаждение, которое доставила ему Ваша новая книжка[7], от которой он в совершенном восторге. Он просит Конст⟨антина⟩ *продолжать* писать к нему письма и позволить ему *удержать* его письма. Конст⟨антин⟩ может потребовать копий. Впрочем, я Обол⟨енского⟩ мало видел: у них в доме свадьба: Шестаков женится на воспитаннице жены Алекс⟨андра⟩ Петр⟨овича⟩ Оболенского[8]; по этому случаю, да и по случаю болезни отца он не мог посвятить нам столько времени, сколько бы желал. Сам⟨арин⟩ также все с ними как родственник, впрочем, кажется мне, что он что-то пишет и работает. Он спросил меня, есть ли оказия в Абр⟨амцево⟩, что ему нужно послать письмо[9], не к спеху, но с оказией, и как я сказал, что оказии нет, но что Конст⟨антин⟩, вероятно, сам будет сюда, то он объявил, что в случае отъезда его в деревню (на этой неделе) он оставит письмо у сестры[10]. Я видел его очень мало; вчера его не было дома, но мне кажется, что он был дома, только занят: все прежние дни, кроме вечеров, я заставал его часу в 3-м и позже еще в халате, за письменным столом. У Елагиных вчера он не был. Впрочем, вчера была свадьба Шестакова. Катков, у которого я был и который, видимо, поправился в своих финансах (я встретил его разъезжающего парой в пролетках), объявил, что статью Гильферд⟨инга⟩ напечатает[11], как скоро спустит накопившиеся статьи. — Базунов просит еще 50 экземпляров Вашей книги[12], милый отесинька, которые и будут ему доставлены нынче. Нынче же я распоряжусь насчет публикации. — Москва-река так разлилась, что и старожилы такого разлива не запомнят (впрочем, у этих так называемых старожилов память очень коротка). Отовсюду слышны известия о необыкновенном разливе рек. Может быть, и Воря не захочет отстать от других. А какова погода? Ходить пешком в одном сюртуке жарко. Улицы быстро сохнут, но пыли еще нет. — Андр⟨ей⟩ Обол⟨енский⟩ уехал. Вчера был маленький спор раскольников, самый невидный, это правда, но все же весело видеть упорство этого обычая. В будущее воскресенье Хомяков намерен отправиться на спор. — Судя по всему тому, что я вижу и слышу, и по некоторым письмам из П⟨етер⟩бурга, которые мне удалось прочесть, холопство жалеет о прежнем строгом барине, который всегда держал его в страхе, зато бывало иногда милостиво фамильярничал. Теперь не то! Новый барин не фамильярничает, но и не унижает людей подлым страхом, однако ж старым лакеям кажется величайшим развратом, что новые не затянуты в струнку и не знают вытяжки перед барином. Правда, что лакейство надо держать в руках, а то оно слишком зазнается, но, во 1-х, и лакеи могут сделаться порядочными людьми и добрыми слугами без рабства, во 2-х, пусть уж лакейство явится в безобразном виде, нежели в картинном виде, как прежде. — Говорят, и если это неправда, то хорошо, что говорят: государь сказал в ответ на вопрос о бороде и русском платье вообще: “А мне какое дело? пусть одеваются, как хотят”. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, в ожидании утверждения принялся за свою работу. Трушковский вам кланяется. Будьте здоровы, целую

ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Сейчас получил ваше письмо от 31 марта, слава Богу! Я уж думал, что письма нет оттого, что сам Конст⟨антин⟩ едет. Но как больно, что и Вы, милая маменька, были нездоровы, да и у Вас, милый отесинька, все голова болит. — Погода так хороша, что Вы, верно, вышли на воздух. — Я не думаю, чтоб ополчение было распущено: приостановились бы расходами по ополчению, но расходы идут и огромные. Впрочем, мне вовсе не представляется действительность опасности, и я не могу своему вступлению в ополчение придать серьезный характер: мне это является больше прогулкой, путешествием, новым столкновением с жизнью: впрочем, это оттого, что правительство и общество отняли у него серьезный характер. Мне в то же время было бы совестно не вступить. Все идет глупо, но тем не менее люди дерутся и жертвуют, и кажется, только участие в опасностях и жертвах дает будто право на суд и на другие требования, по крайней мере, для меня, не имеющего возможность участвовать иным способом. Но я должен сознаться, что испытываю приятность реальности и решился: по крайней мере, на несколько времени я обеспечен, пристроился. — Хочу непременно уговорить Мамонова вступить в ополчение. Благодарю Вас очень, милая маменька, за Ваше письмо. Цалую еще раз ваши ручки, благодарю за письмо Конст⟨антина⟩. Оболенский очень, очень крепко его обнимает[13]. Хлебов я не прислал потому, что в тот вечер Афан⟨асий⟩ был пьян, что извиняется праздником, свиданием с родственниками.

182

6 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. Середа.

Получил я третьего дня письмецо Константина с поваром, исполненное опасений насчет приезда Майкова[1]. Эти опасения очень понятны, но вы можете успокоиться: Майков не будет, да и вообще кажется, знакомство с Хомяковым отбило у него охоту водиться с славянофилами: с ним нянчится теперь Шевырев. Впрочем, Хомяков тогда же сказал Обол⟨енскому⟩, что не советует Майкову ехать в Абр⟨амцево⟩, потому что вода в Воре очень холодна, а К⟨онстантин⟩ С⟨ергеевич⟩ может почувствовать в себе при виде его раж из новгородского побуждения. — Государь не приехал и не будет по случаю болезни матери. — Обо мне еще нет ничего; впрочем, в понед⟨ельник⟩ “Инвалид” не выходит. Между тем начальники дружин все на сборных пунктах, и слышно, что ополчение выступит в скором времени, т.е. не останется в Серпухове, а будет учиться уже в Новгородской губернии. Ник⟨олай⟩ Елагин уехал в Тулу хлопотать об исключении. Василий Ел⟨агин⟩[2] великодушно предлагал себя в замену, но его предложение семьею не было принято. Правда, что Белевская дружина составлена очень дурно, что почти нет ни одного порядочного офицера, но если бы точно кто-нибудь из них хотел идти в ополчение, то можно было бы похлопотать о переводе в другую дружину. Впрочем, Василию, так же, как и Константину, за неимением чина нельзя вступить, по крайней мере, этот вопрос остается еще неразрешенным. Не знаю, успеет ли Н⟨иколай⟩ Ел⟨агин⟩ в своем намерении; он должен скоро быть. —

Самарин уехал с братом охотиться в деревню на несколько дней. Марья Фед⟨оровна⟩ отдала мне письмо замечательное Сам⟨арина⟩ к Константину, довольно толстое, с тем, чтоб отправить его с оказией. Но оказии нет: повар, говорит Афанасий, пробудет здесь еще дня два или три, да и не знаю, можно ли будет послать с поваром. Верно, мужики не ездят теперь в Москву с дровами по причине дурной дороги: в противном случае вы бы, верно, приказали кому-нибудь из них зайти. — Кул⟨иш⟩ пишет Трушков⟨скому⟩, что, говорят, доклад о Гоголе на днях будет представлен государю[3]. Я советую самому Трушк⟨овскому⟩ съездить в П⟨етер⟩бург, добиться немедленно разрешения, немедленно приступить к печатанию, по крайней мере, второго издания полных сочинений[4] (уже наполовину отпечатанного), а потом, смотря по обстоятельствам, или вступить в ополчение, или же провести остальные летние месяцы в Малороссии и возвратиться на зиму в Москву для печатания других сочинений Гоголя. — Нового решительно нет ничего. Судя по "L'Indép⟨endance⟩ Belge", мира не будет. В последнем № напечатано между прочим, что Титов[5] решительно объявил Буркенею[6], что ни о каком ограничении русского владычества в Черном море (т.е. чрез ограничение числа кораблей или через обращение Севастополя в купеческую гавань) речи быть не может, d'aprés les pouvoirs, dont il est pourvu*. Между тем, Англия твердо держится принципа intégrité** Турции, чтобы французы не утвердились на Востоке, чего ей очень не хочется. В Петербурге, по слухам и рассказам, нет никакой надежды на мир. Впрочем, это мне сказал Хомяков. — Если что узнаю нынче, так завтра вам сообщу. — Как это скучно, что так замедлился приказ, да и вся эта неизвестность очень томительна. Прочел я книгу "Рассказы ратника П⟨етер⟩бургского ополчения 1812 года"[7]. Очень для меня интересна. Автор со всею откровенностью передает все ощущения, испытанные им, все столкновения, все отношения ополчения к армии, и то, как ополчение дрогнуло сначала, даже бежало, и как потом, когда оно было поведено в штыки, и неприятель струсил и побежал, оно от этого успеха мигом выросло духом на целую сажень и уже ничего не боялось! — Говорят, Тургенев здесь[8]. Не знаю, где его найти. Разве съездить к Щепкину. Да, встретил я третьего дня на Никольской Клавдию Ник⟨олаевну⟩ Щепкину с дочерью[9]: она покупает дешевые товары, очень, очень вам кланяется, хочет непременно быть у Троицы и у вас. Москва-река сбывает, но разлив ее был очень силен: с 1807 года, говорят, не было такого. Жаль, что она не всегда в таком разливе: как бы скрасила она Москву. Пользуетесь ли вы погодою? Она так хороша. Верно, нынче или завтра получу сведение от вас хоть по почте и узнаю, прошло ли маменькино нездоровье и что Ваша голова, милый отесинька: впрочем, в деревне теперь едва ли можно пользоваться погодой, потому что воздух напоен сыростью от тающей земли. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, авось-либо завтра я сообщу вам уже положительное о себе известие. Будьте здоровы, ради Бога, целую ручки ваши и обнимаю Константина и всех сестер. —

---

*В виду полномочий, которыми он наделен (*фр.*).

** Целостности (*фр.*).

183

Четверг. 7 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩.

Вчера наконец в "Инвалиде" помещен приказ по Московскому ополчению, но напечатана только половина, об офицерах шести дружин; нынче, вероятно, напечатается другая половина об остальных дружинах, в том числе и о Серпуховской[1*]. В таком случае завтра или послезавтра утром я поеду в Серпухов, но прежде побываю у Ермолова. — Во всяком случае вы получите от меня письмо и от субботы. Удивляюсь, что нет от вас весточки: не едет ли сам Константин? — Вдовствующая императрица очень, очень больна[2]. Венские конференции рушились[3], война, хотят призвать к ополчению остальные губернии. Вот какие воинственные слухи приходят теперь из П⟨етер⟩бурга и, кажется, из достоверных источников. Вы, вероятно, прочтете завтра в "Моск⟨овских⟩ ведомостях" депешу, читанную мною вчера в "Сев⟨ерной⟩ пчеле" о бомбардировании Севастополя[4] и о потере нами 800 человек. Бомбардирование продолжалось, когда депеша отправлена. К французам приходят беспрестанно подкрепления. Нынче в "Инвалиде" должно ожидать новых известий! — Самарин приехал вчера к обеду, ничего не убивши. — Ездил я вчера вечером к Погодину, но не застал его дома, оттуда проехал к Хомякову, который говорил о необходимости деятельности литературной и издания журнала[5] и т.п. Хотя я и полагаю, что теперь еще не время думать о журнале, но Хомяков предлагает Константину приехать потолковать о сем предмете. —

Послезавтра день рожденья Сонички. Поздравляю ее и вас, милый отесинька и милая маменька, а также Константина и сестер. Удивил меня вчера повар, сказавши, что в пятницу Вы сами приедете в Москву, милая маменька. Вы ничего об этом не говорили и не писали. Вам, я думаю, действительно нужно приехать для дешевых товаров, а может быть, и для переговоров с Овером, но не знаю, просохла ли у вас дорога, и потому скорее буду ожидать завтра Константина, чем Вас. — Я сам намерен завтра повидаться с Овером и спросить его о верховой езде. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, цалую ваши ручки, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. Дай Бог, чтоб вы были все здоровы.

Если завтра никто не приедет, то повар отправится обратно в Абрамцево, а с ним и письмо Самарина[6].

184

Пятница. ⟨8 апреля 1855 года. Москва⟩.

Нынче проснувшись, получил Ваше письмо, милый отесинька, и письмо Константина. — Посылаю письмо Самарина с Василием Петровым, а также мерку с портрета Бебутова[1] для того, чтоб Филипп мог наскоро сколотить ящик и прислать его с Константином. Отвечаю на Ваше письмо, милый отесинька.

[1*]Утверждены решительно (по 6 дружинам) все: и выбранные, и охотники, и отставные, и служащие гражд⟨анские⟩ чиновники. Также и Загоскин[1].

Книжка Ваша[2] отвезена и к Годеину, и к Казначееву. Вчера у Киреевского Ив⟨ана⟩ В⟨асильевича⟩ на вечере видел я Тургенева, приехавшего вчера утром: он послезавтра едет в деревню и жалеет, что не может теперь попасть в Абрамцево, но думает нарочно приехать летом. От книжки он в восхищении[3] (и благодарит за получение): "кроме *знаменитого* половодья и ловли с острогой", говорит он, ему нравится очень еще описание следов разных зверьков на снегу. Именно потому, что я знаю, как ленивы наши книгопродавцы, я сам распорядился доставкой к ним книг: именно Базунову 50 экземпл⟨яров⟩, за которые и получил 35 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, а также Салаеву[4] 25 экз⟨емпляров⟩ за 17 р⟨ублей⟩ 50 к⟨опеек⟩. Деньги отдам Константину. К Салаеву я зашел с тем, чтоб побраниться с ним: зачем он уверял Конст⟨антина⟩, будто я обещал все книги впредь отдавать ему с уступкою 35%. Он, разумеется, извинялся, говорил, что так было с "М⟨осковским⟩ сб⟨орником⟩" и с "Зап⟨исками⟩ охотника". Я объявил ему, что более 30% уступки с рассказов ему не будет; желая, вероятно, со мной примириться, он мне предложил вперед деньги за 25 экземпл⟨яров⟩, которые я ему на другой день и доставил. Наливкин также просит ему доставить на днях 5 экземпл⟨яров⟩ последней книги[5] и 5 экз⟨емпляров⟩ "Записок об уженье" и — вот чудо! — 5 экземп⟨ляров⟩ "М⟨осковского⟩ сборника"! — Улитину доставлено 25 экз⟨емпляров⟩, да 20 экз⟨емпляров⟩ он взял из типографии. Вообще у Улитина много очень книг Ваших, разн⟨ых⟩ изданий, за которые деньги с него еще не получены; но я заеду к нему и нынче; если же не получу, то пусть Конст⟨антин⟩ получит. — Вот вам слово Ф⟨едора⟩ И⟨вановича⟩ Тютчева[6] о современном положении: он называет его *оттепелью*. Из П⟨етер⟩бурга известия самые воинственные, но подробности никому неизвестны. Вообще положение какое-то странное, все в недоумении, никто не прочен, никто не знает настоящего пути, которым хочет идти правительство. Государь все живет как наследник, живет в прежних комнатах, носит генерал-адъют⟨антский⟩ мундир. Очень усиливается Ростовцев, которого в Петерб⟨урге⟩ называют Мазарином[7]. Отличает он также адъютанта своего Юрьевича[8]. Толстой граф (Алексей) вступил в стрелков⟨ый⟩ полк[9]. — Приказ вчера еще не был получен[10], но сомнения нет, что утверждены все офицеры, и я вчера вечером у Киреевского[11] был в мундире и привел всех в зависть и восторг, разумеется, не своей фигурой, а платьем. Нынче получится приказ[12], и завтра, дождавшись Конст⟨антина⟩, я отправлюсь в Серпухов. Впрочем, это будет зависеть от Толстого. Мне сказали на его квартире, что его ждут завтра на воскресенье. В таком случае я поеду в Серпухов с ним. О Севастополе новых сведений нет. — Я не согласен с Константином насчет вступления в ополчение. Толкуют о мире и по какому-то тайному инстинкту созывают ополчение. Мира не будет, и ополчение будет играть немаловажную роль. Вступать в ополч⟨ение⟩ не значит согласиться на разыгрываемую комедию, а значит изъявить готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, чьей бы виной они ни были навлечены. В таких случаях не нужно *y regarder de si près**. Вступать с одушевлением легче, приятнее, чем без одушевления, по чувству нравственной обязанности. — Призыв к ополчению значит возвещение опас-

---

*Рассматривать слишком пристально (*фр.*).

ности, угрожающей России, — вот главное и существенное: может быть, тебе опасность не кажется еще столь близкою, может быть, ты винишь в этой опасности само правительство, может быть, ты не сочувствуешь политике правительства... Покуда ты так рассуждаешь, враг нагрянул на Россию и разорил ее пограничные области. Нечего обращать внимание на все те глупости и вздоры, которыми сопровождается по милости людей всякое серьезное дело. Ты только относись к серьезному делу серьезно и честно, и все получит иной характер. Говорим и убеждены, что эпоха велика, несмотря на всю мелочность современного человечества, на всю глупость человеческих деяний; эпоха велика, полна будущего, являет борьбу мира древнего и нового и проч и проч., значит, грозит опасностями и войною России, и никто не хочет понести тяготы этой эпохи, никто не хочет сказать себе: "Меж рабочих темных и безвестных, друг! и ты рабочим добрым будь!"[13]. Можно еще не вступать в военную службу — это другое дело: кроме того, что тут требуется много знания, которого не нужно для ополченца, вступить в военную службу значит записаться в известное сословие, цех, занимающийся войной как ремеслом. Но когда призыв относится не к ремесленникам только, когда относятся к вам в ваш кабинет и говорят, что России грозит опасность, ответ может быть только один: "Вы говорите, что грозит опасность? Я готов защищать Россию от опасности". — Что касается до меня, то, кроме других побуждений, я вступаю по требованию совести, о чем я и не говорю никому, потому что совестно это говорить, да и не все расположены этому верить. Уже более года мне совестно читать газеты, толковать о значении эпохи, *желать* войны — и не участвовать в жертвах, необходимых при исполнении этого желания, не участвовать, хоть страдательно, пассивно, в качестве рабочего темного и безвестного, если не в качестве деятеля. Разумеется, очень естественно желать при этом участия более согласного с наклонностями, более деятельного, но если этого нет, так надобно понести тяготу со всеми. Но кроме этого, я иду в ополчение и потому, что не имею другой деятельности, и потому, что меня манит новость этого пути, что я люблю и перемену мест, и жизнь тревожную, и хочется дохнуть опасностью. Я должен сознаться, что повеселел и помолодел, вступив в ополчение, хотя, впрочем, надевая вчера мундир, исполнился на ту минуту очень серьезного и строгого чувства. Хомяков, который бранит и Елагин⟨а⟩[14], и Самар⟨ина⟩, зачем они не вступили в ополчение, сердится, между прочим, за то, что им не скучно, что не пошлою кажется им ежедневность, что они не чувствуют потребности "хода дней не слышать над собой!"[15]. Я привожу все вам стихи мои потому, что они у меня в памяти, ибо Хомяков недавно вспомнил их и заставил меня их несколько раз прочесть. Я же на вопрос, зачем вступил в ополчение, всегда говорю, что вступил в последний день царств⟨ования⟩ и что нечего иного делать. Конечно, если бы мне представилась деятельность иная, равно живая, полезная и связанная с современными событиями, я бы охотнее принял ее, чем ополченскую. Что Константин не вступил — это другое дело. Его деятельность и значение более определены, он старше меня и необходимее для семьи: для него нужны весьма и весьма серьезные и настоятельные причины. К тому же у него нет этого бродяжнического элемента, как у меня, элемента, который во

мне, право, не есть что-то преднамеренное, сознанное и утвержденное. Но оглядываясь назад на жизнь свою, вижу, что так у меня постоянно жилось, так сама судьба все устроивала. Купил я себе воинский устав. С первого дня приезда в Серпухов поведу записки. Я думаю, что, проведя в Серпухове неделю, мне можно будет приехать к вам в Абр⟨амцево⟩ на несколько дней и показаться в мундире. Не знаю, идет ли он ко мне, но мне в нем очень ловко. Ну да вот Константин увидит. — Прощайте, милая маменька и милый отесинька, будьте здоровы, целую ваши ручки. — Я вчера и Черкасскому, и Хомякову, и Самарину сказал, что Конст⟨антин⟩ будет в субботу, еще не получивши письма с Васил⟨ием⟩ Петров⟨ым⟩, а так. Если будут новости, напишу вам и завтра. Обнимаю всех. Письма в тетради.

185

Суббота. 9 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. ⟨Москва⟩.

Наконец во вчерашнем "Инвалиде" напечатано о назначении меня в дружину 111-ую штабс-капитаном. 111-ая дружина — Серпуховская. Товарищи мои: некто, служащий в московской городской полиции, Забугов, Жеглинский, Константинович, Бенаревич, Капков[1], остальных не помню. — Сейчас еду к Толстому, а от него к Ермолову. Письмо это я отправлю ныне со штрафом: может быть, Константин захочет приписать, да, может быть, и я узнаю что-нибудь достоверное о времени своего отъезда. — Конст⟨антин⟩ приедет кстати: статья его о глаголах вышла, я возьму ее нынче из ценз⟨урного⟩ комитета, потому что он может опоздать, а завтра воскресенье, комитет заперт. — Нового нет ничего. — Конст⟨антин⟩ не приехал еще: значит, он не высылал вперед лошадей. Был у Ермолова, который принял меня наилюбезнейшим образом. К сожалению, тут было еще двое, но тем не менее разговор был очень интересен. Он совершенно свеж и головой и телом, но сатирические складки ума, образовавшиеся в течение 30 л⟨етнего⟩ бездействия, так сильны, что, кажется, ничто их не разутюжит. О назначении его на высшее место — ни слова; он все говорит про ополчение "*мы*" и высказывает к нему порядочное презрение. Провожая меня, он сказал мне, что об моем желании ему говорили и Казначеев и Годеин, но что он ничего не может для меня сделать, потому что при ополчении нет никакого дела, что, может быть, я удовлетворю свое желание, если как-нибудь перейду в армию. Я благодарил его и сказал: "Позвольте мне тогда, в случае намерения перейти в армию, прибегнуть к Вашему покровительству"... "К моему? — сказал он, — помилуйте, я могу только повредить; стоит мне только попросить, чтоб мне отказали, и я считаю себя совершенно счастливым, если отказывают вежливо". Мне же собственно наговорил он тысячи любезностей; сказал также, что я очень похож на брата Константина. — Ополчению сначала предстоит роль незавидная, но потом из него, кажется, будут пополнять убыль армии. — Он говорит, что нет никаких надежд на мир. Он очень свеж и постоянно хозяин самого себя, но колкости и эпиграммы сыплятся беглым огнем. Подробности разговора передам Конст⟨антину⟩. Толстого ждут с минуты на минуту из Серпухова. — Видел

Казначеева: он немного нового рассказывал про П⟨етер⟩ б⟨ург⟩, но говорит, что все уверены в войне. Государю недавно представляли рисунки боярских костюмов, он сказал, что теперь покуда он это намерение отложит, но изо всех слов видно, что ему очень хочется ввести русское платье, и в обществе п⟨етер⟩бургском даже дамы толкуют о сарафанах. Выйдет страшное безобразие, но нужды нет: чрез все это должно пройти. Камергеров переименовывают в стольников, камер-юнкеров в ключников. — О Севастополе никаких известий, впрочем, вчера вечером, говорят, проехал флигель-адъютант оттуда. — Однако ж очень пора, прощайте, цалую ваши ручки, обнимаю сестер. Будьте здоровы, пора на почту. Путята вам кланяется и М⟨ария⟩ Ф⟨едоровна⟩ Соллогуб.

186

Суббота 16 апр⟨еля⟩ 1855 г⟨ода⟩. Серпухов.

Я не знал, надолго ли уезжаю в Серпухов, и потому не просил вас писать сюда, милый отесинька и милая маменька. Оказывается, что здесь дела много, очень, очень много, и я останусь в Серпухове все время до самого похода, т.е. выступления дружины, что́ будет, говорят, 15 мая или, по крайней мере, до окончательного сформирования. — Впрочем, на будущей неделе два праздника сряду (суббота и воскресенье)[1]. Если Толстой поедет в Москву, то и я поеду с ним и в субботу буду у вас. На всякий случай, однако же, по получении этого письма напишите хоть несколько строк о своем здоровье ко мне в Серпухов. — Я приехал сюда в понедельник и тотчас же вступил в исправление своих новых должностей: казначея и квартирмейстера. Кроме того, что эта часть мне совершенно неизвестна, ее должно создать, потому что ничего не устроено, не заведено, а между тем ратники поступают в значительном числе. На моих руках хозяйство целой дружины: снабжение людей провиантом, лошадей фуражем, прием и хранение амуниции, вещей, размещение, счетоводство, ведение бесчисленного множества книг, табелей и ведомостей. И все это надобно делать по закону, и все это надобно завести, а канцелярии еще у нас нет. Ратников принято с лишком 600 человек, а офицеров, кроме меня, всего один, некто капитан Жеглинский, отличный фронтовик и, кажется, хороший человек. Офицеры не являются, потому что не имеют средств обмундироваться и подняться с места, а московское дворянство не дало никаких пособий. Граф Толстой превосходный человек, но совершенно неопытный и по хозяйственной, и по строевой части. — Я остановился сперва в подворье, но потом переехал к нему на квартиру, потому что там устроивается канцелярия, и мне нужно там быть беспрестанно, а она от подворья в двух верстах. — Набор ратников происходит совершенно так же, как и набор рекрут: идут с такой же неохотой, с такими же усилиями избавиться от ратничества. Несмотря на то, что мне приходилось даже ревизовать дела рекрутских присутствий, сам я никогда не видал рекрутского набора, т.е. не присутствовал при приеме. Теперь я познакомился и с этим явлением, играющим такую огромную роль в крестьянской судьбе! — Зрелище это довольно отвратительно, и в первые дни утомляло меня нравственно

донельзя. Представьте себе тесные, грязные комнаты, набитые голыми людьми, ждущими своего приговора, присутствие, в которое ежеминутно входят эти голые люди, большею частью нечистые и нередко покрытые ранами; два автомата, т.е. солдаты хватают их, ставят под мерку, выправляя им головы, разгибая спины, провозглашают рост, поворачивают их спиной и боком и передом; доктор говорит: “Хорош”, председатель кричит: “В команду...”. Иногда же, если несчастный успевает объяснить какую-либо болезнь или несправедливость отдачи или тому подобное, дело останавливается, посылают за справкой, присутствующие пользуются временем, чтоб перевести дух, начинают курить или завтракать, или расхаживать по комнате, а тут же и голый человек, о котором пошла справка. Дом же присутствия, да и самый двор осажден толпами: из них многие для придания себе смелости совершенно пьяны и громко и будто весело поют пьяные песни, а женщины воют, воют, голосят и причитывают. Некогда мне, а хотелось бы побольше прислушаться этого голошения и причитания. До сих пор не знаю, поэтическая ли это импровизация или раз навсегда сложенная песня. Я видал женщин, поющих над умершими хором. Как бы то ни было, и вой, и пьяное пенье — все это доносится до присутствия сквозь окна, которые приходится беспрестанно отворять от нестерпимой духоты и вони. Прибавьте к этому разные сцены отчаяния, великодушия, плутовства: иногда входят матери с обыкновенными просьбами взять старшего и оставить меньшего (эти просьбы всегда исполняются беспрекословно), иногда малолетний сын предлагает себя за отца, брат за брата. А на улице видишь нередко женщин, лежащих где-нибудь в углу на мостовой лицом к земле и горько плачущих. — Не хотят никак понять, что ратник не солдат и что он к ним воротится. — К чести наших присутствующих надобно сказать, что они делают дело честно и довольно человечески. — Когда дружина совсем сформируется, будет легче, а теперь идет беспрестанная присылка и прием вещей. – Дела хлопотливого так много, что не замечаешь даже весны: знаешь только, что ведь весна теперь. Серпухов большой и красивый город, окрестности, кажется, должны быть летом очень хороши. — Афанасий здесь мне очень пригоден: я ему поручаю большую часть закупок, и он все покупает очень хорошо и дешево. — Как-то странно мне всем этим заниматься, как-то всему этому не верится. Действительно, почти все смотрит комедией, а между тем люди отрываются от семей, терпят неволю, дружина набирается. Толстой твердит в утешение и себе и мне: “Погодите, будет трагедия”. Авось-либо. — А каков Севастополь? — У вас, вероятно, пропасть вестей; здесь их очень мало. — Состав здешнего чиновничества сравнительно с прочими уездными городами довольно порядочный; а доктор П. Алекс. Кундасов, кажется, и хороший и умный человек и пользуется в околотке большою известностью. — Как ни скучны, ни противны мне подчас мои теперешние занятия, все же я радуюсь тому, что несу свою долю тяготы в эту эпоху, что я тоже будто работаю и хлопочу около колесницы... Конечно, эта работа совершенно ничтожна с общей точки зрения, но для меня собственно она не ничтожна, а невыносимо тяжела и скучна. — Константин, я думаю, уехал из Москвы недовольный по обыкновению мною, и мне это очень жаль, но приз-

наюсь, тяжело в то время, когда нуждаешься в ободрении (не в одобрении), слышать только одно порицание и осуждение предпринятому делу, требующему больших усилий и лишений. Спасибо еще Хомякову, который поддерживал мое решение, и я продолжаю жалеть, что ни Елагин[2], ни Мамонов не вступили в ополчение. — Какова-то у вас весна за 150 верст отсюда? Пользуетесь ли вы ею и здоровы ли? Дай Бог, чтоб вы были все здоровы. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Как странно уходит отсюда почта в Москву — только по середам и воскресеньям. Середу я пропустил, а это письмо едва ли попадет к вам во вторник. Прощайте.

187

Суббота 21 мая 1855 г⟨ода⟩. Серпухов.

Я не успел написать вам в середу, милый отесинька и милая маменька, а здесь почта отходит только два раза в неделю по середам и воскресеньям. Нынче день именин Константина. Обнимаю его крепко и поздравляю, поздравляю и вас и всех сестер. Не будет ли нынче у вас Самарин? — Как теперь холодно стало по ночам, да и днем постоянно слышна неприятная свежесть. Я думаю, морозом побило ваши огурцы. — Особенно нового у нас ничего не происходит: все те же бесконечные хлопоты, та же суетливая работа, а дело подвигается вперед медленно: тот же недостаток офицеров, из которых девять еще не явились и не утверждены, тот же недостаток вещей и припасов, та же неизвестность, когда поход и куда поход. Чем все это кончится, не знаю, да и по газетам ничего не разберешь. Опять сделан десант неприятельский беспрепятственно, Керчь взята[1], и музеум, вероятно, будет расхищен[2], пополнит музеумы лондонский и парижский... Как бы, взявши Керчь, не перерезали они сообщение по Арбатской стрелке, не взяли Симферополя и не заняли дорогу от Перекопа!.. Авось-либо этого не будет, но войска, войска там мало. Одно наше преимущество, что в этой степной части Крыма может действовать кавалерия, которой у нас много, а у них почти нет ничего. — А какая схватка под Севастополем в ночь с 10 на 11 мая![3] Как обидно, что нет подробностей. — Получил я возможность иметь здесь "Journal des Débats" и "L'Indépend⟨ance⟩ Belge" от помещика Алекс. Мих⟨айловича⟩ Васильчикова, которого имение отсюда недалеко и который познакомился с Толстым, но читать почти некогда, разве только часу в 11 вечера. В середу был я с Толстым на бале у фабриканта и купца Коншина, страшного богача. Впрочем, старик умер в прошлом году, и теперь фабрикой заведывают дети, из которых один в понедельник женился и в середу давал бал. Тут были, кроме купцов, соседние помещики и помещицы, чиновники и чиновницы, какая-то княгиня Шаликова, урожденная Остерлоне, какая-то княжна Вадбольская и проч. — Коншин в их глазах почти что благородный, потому что жил полтора года в Англии, говорит по-английский и по-немецки, а также и его братья, лошадь англизированная. — Меня же удивило при этом знании языков совершенное невежество Коншиных. Как странно сочетание притязаний на европейскую цивилизацию с тщеславием русского купеческого быта! — Из церкви до самого дома молодые шли по пунцовому сукну, в венцах, музыка выписана была из

Москвы, г⟨осподина⟩ Сакса; во время бала горела иллюминация: до десяти арок и тысячи разноцветных бумажных фонарей, над которыми красовалась на выясневшей, прозябнувшей синеве неба полная луна! К сожалению, все богатство Коншина не в силах было ее завесить, а она много мешала: бриллианты, бриллианты и бриллианты так и блистали. Все эти купеческие празднества производят на меня всегда пренеприятное впечатление как грубым тщеславием, которое прыщет изо всех углов, так отсутствием изящества и свободы: в то же время жалко смотреть, как они силятся, чтоб все было comme il faut* в дворянском смысле, стыдятся промахов и скорее мучатся, чем веселятся. Толстой пустился танцевать кадрили и оставался там до 5 часу утра, а я, пользуясь страшной теснотой, потому что приглашенных было вдвое больше, чем могло поместиться в доме, ушел потихоньку еще в 11 часов. — Какая досада! Вчера вечером, когда я ездил с Толстым осматривать новое помещение одной роты верстах в 25 от города, заезжали дамы и спрашивали меня. Они оставили клочок бумаги, на котором написано: Жукова-Степанова[4] (или Степанчикова), село Лукьяновское. — Непременно поеду к ней и очень, очень рад буду ее видеть. Я ее не видал с 1836 года! — Толстой отправился в Москву, а я остался здесь, но должен буду явиться в Москву во вторник утром для приема 17 лошадей, для чего отправляю заранее людей с подводами. Разумеется, главный приемщик будет Афанасий. Теперь стали все вдруг сдавать вещи, так что не опомнишься: полушубки, платье, сапоги, ружья, телеги, зарядные ящики... Вещи, построенные Московским губ⟨ернским⟩ Комитетом ополчения, отвратительнейшие: воровство самое наглое, украдено денег, конечно, больше, чем наполовину. Работы очень много и все больше и больше, потому что приходится работать почти за всех или по недостатку, или по неспособности офицеров. О назначении нашем — ни слухов, ни сведений. — В Москве я пробуду, вероятно, день, не больше, и едва ли мне можно будет на этой же неделе съездить к вам. А хотелось бы отдохнуть несколько дней совершенно спокойных, беспечных и свободных от этой суетливой работы. — Если успею покончить завтра с приемом ружей, то после обеда съезжу к Степановой. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, целую ваши ручки, будьте здоровы, обнимаю Константина и сестер. — Постараюсь успеть написать вам из Москвы. —

Толстой так нападает на ветчину, отданную Вами, милая маменька, что ее, я думаю, скоро ничего не останется.

188

Воскрес⟨енье⟩ 29 мая 1855 г⟨ода⟩. Серпухов.

Вы очень хорошо сделали, что написали ко мне, милый отесинька, потому что я должен оставаться в Серпухове и, право, не знаю, когда вырвусь отсюда. Понимаю теперь, что значит снаряжение войска. Может быть, вскоре узнаем, что значит передвижение войска, и тогда воздержимся от многих легкомысленных,

---

*Прилично (*фр.*).

невежественных обвинений. Эта неделя пробежала так, что я ее не заметил. — В воскресенье, когда отправил я отсюда к вам письмо, привезли порох, т.е. боевые патроны и разные другие вещи, которые надо было принимать, считать, размещать. Все это продолжалось до 11 часа времени, так что я не успел съездить к Степановой. В понедельник, когда Толстой возвратился из Москвы, отправился я в Москву для приема лошадей, и хотя остановиться я должен был на квартире Толстого, куда отправил предварительно людей и телеги, однако ж забежал часу в 12 ночи к Трушковскому: он только что возвратился от вас[1], и поэтому я имел самые свежие известия. А на другой день видел я Авд⟨отью⟩ Петровну, которая также рассказала мне о своем посещении; она им очень довольна; ей особенно было приятно то, что отесинька ей очень обрадовался. — Трушковский рассказывал мне про свои п⟨етер⟩бургские похождения[2]. Не знаю, отправил ли он письмо Константина, т.е. нашел ли оказию. — На другой день утром поехал я в Рогожскую к купцу Ширяеву, от которого должен был принимать лошадей. Афанасий тут отличался, ценил, судил, браковал с таким жаром, как будто дело шло о спасении жизни. В два часа, после обедни прием окончился, и мы выбрали действительно превосходных лошадей: так, по крайней мере, говорят все без исключения. — Обедал я у Елагиных, после обеда был у Хомякова и Самарина, а в 10 час⟨у⟩ отправился назад в Серпухов. Теперь заварилась страшная каша, очень замедляющая и затрудняющая наши действия по приему вещей. Дружинные начальники все подняли громкий вой по причине скверного качества вещей, доставляемых губернатором (он председатель губ⟨ернского⟩ Комитета, строившего все вещи); за них, т.е. за дружинных начальников вступился начальник ополчения, пошли неприятности, ссоры, обе стороны раздражились и, как всегда водится в подобных случаях, обе дошли до несправедливостей. Мы получили предписание — быть в приеме вещей от губ⟨ернато⟩ра как можно осмотрительнее под страхом строжайшей ответственности в случае недоброкачественности вещей (мера доброкачественности у которых однако ж ничем не определена: иная вещь в 5 р⟨ублей⟩, иная в 50 р⟨ублей⟩); губернатор, для которого это дело может иметь неприятные последствия и подвергнуть взысканию несколько сот тысяч рублей, настаивает на приеме и присылает особых чиновников для сдачи; с обеих сторон придирчивость, мелочность. Всю эту неделю производился прием вещей и уже не мною только, а Толстым и всеми старшими офицерами. Вчера целый день с утра до позднего вечера, например, был посвящен сапогам и топорам. Скука смертная! — Признаюсь, я был всегда строг в приеме, хотя многое также принимал на риск, но в настоящем случае мне не совсем приятно служить орудием раздражению; чувствуется, что дело идет уж не только о годности вещей. — На этой неделе обедал у нас один молодой офицер, лет 22, Рачинский; он только полтора месяца как оставил Севастополь, где прожил 6 месяцев и был адъютантом у Истомина до самой его смерти[3]. Теперь по желанию родителей перевели его поближе к Москве и прикомандировали к формирующемуся здесь в Серпухове стрелковому (армейскому) батальону. Он мне очень понравился, малый он неглупый, и рассказы его чрезвычайно

интересны. Мнения его потому для меня важны, что носят печать не личных убеждений, а общих установившихся взглядов. Достойна замечания искренняя всеобщая ненависть флота и войска к Меншикову (который, между прочим, не был ни разу ни на одном бастионе и беспечность которого выше всякого описания). Со вступлением Горчакова в управление солдаты перестали голодать[4]. — Изо всего видно, впрочем, что осада так продолжительна и люди с опасностями до такой степени свыклись, что опасность и пребывание между страхом и надеждою потеряли и свою прелесть, и свое нравственное, нередко спасительное и очистительное значение. Войска в Севастополе также слишком много, чтоб могло образоваться то чувство братства, которое порождает общее дело, общая опасность. — По его словам, женщины, т.е. все эти сестры оказывают действительно много пользы и утешения[5]; но они теперь ухаживают почти за одними солдатами, потому что не тяжело раненые офицеры позволяли себе разные оскорбительные для них вольности, чего солдаты, отчасти из уважения к их делу, отчасти из почтения к высшему их сословию (они дворянки или наравне с ними), себе не позволяют. Я вполне готов допустить в солдате силу первого чувства, т.е. уважения к делу. — Вот и июнь. Соловьев я не слыхал в нынешнюю весну. Погода стоит прекрасная, хотя и ветряная. — Я очень рад, что у вас все идет хорошо и что вы сами и сестры можете пользоваться летом. Может быть, в конце будущей недели я попаду к вам, если окончится прием вещей. Двое новых офицеров прибыло, но от них не легче. Говорят об успешном отражении неприятеля, о возвращении Керчи, но только говорят. — Томительное состояние неизвестности продолжается. —

Прощайте, милая маменька и милый отесинька, будьте здоровы и дай вам Бог хорошо пожить лето, лето — одно из лучших благ, посылаемых Богом! Цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. — Авось-либо нынче попаду к Степановой.

189

Воскресенье, 1855 г⟨ода⟩ 5 июня. Серпухов.

Опять пишу вам только несколько строк, милый отесинька и милая маменька, чтоб не пропустить почты и чтоб объяснить вам, почему до сих пор не могу вырваться из душной здешней моей атмосферы. Нынче с 5 час⟨ов⟩ утра до сих пор, т.е. до часу мы все на ногах, то на плацу, то в цейхгаузе: послезавтра по приказанию государя генерал-адъют⟨ант⟩ Ланской делает смотр всей дружине и всем вещам. Граф Толстой очень озабочен, а меня берет зло при виде этих приготовлений и подготовлений к встрече начальника. Где я ни служил, я никогда не готовился ни к ревизии, ни к приему ревизора. — Говорят, мы идем в Киев. — В середу, сбыв Ланского, я напишу подробно и обстоятельно все, а теперь покуда прощайте, цалую ваши ручки, будьте здоровы, Константина и сестер обнимаю. —

Какая духота, как жарко, какое лето!

А как скверно идут наши военные дела!

190

Серпухов. 1855. Середа. 22 июня.

Пишу к вам только для того, чтоб сказать, что я жив и здоров и чтоб вы не беспокоились. Писать же решительно некогда: послезавтра будет Строганов[1]. Нас торопят всеми мерами. Не знаю, точно ли так будет, но по бумагам поход назначен 5-го июля: куда — еще не объявлено, но, вероятно, в Киев покуда. Во всяком случае, я надеюсь увидеться с вами до отъезда. Строганов повел дело очень шибко и круто, требовал к себе всех назначенных дворянством чиновников и т.п. наймитов, вытребовал к себе список дворян, присутствовавших на москов⟨ских⟩ выборах и неслужащих: говорят, он хочет об них представить государю. Все ополчения готовы, кроме Московского, везде народ честный и порядочный, кроме Московского. Прощайте, до следующей почты, дай вам Бог здоровья и хорошей погоды, целую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер.

И.А.

191

Суббота 3 июля 1855 г⟨ода⟩. Серпухов.

Все собирался к вам, милые отесинька и милая маменька, и с этими сборами да хлопотами не успел написать к вам. Впрочем, я все еще надеюсь быть у вас и проститься с вами перед походом. На днях получили мы предписание быть готовыми выступить 10-го июля, место стоянки Козелец Черниговской губернии. Но все же, я думаю, мы не выступим в поход 10-го числа как потому, что не успеем еще изготовиться, так и потому, что нет еще ротных командиров, да и знамя нам еще не дано. Что же касается до Козельца, то это место мне очень хорошо известно: оно 90 верст от Киева на большой дороге по ту сторону Десны — настоящая Малороссия. Но Козелец — только стратегический пункт, на который обыкновенно направляют войска; очень может быть, что, дорогою или дойдя до Козельца, мы получим другое направление, а, может быть, придется расположиться в Козельце на зимних квартирах. До Козельца мы пройдем, я думаю, более месяца. — Не помню, писал ли я вам про смотр гр⟨афа⟩ Строганова. Кажется, нет. Приехавши после обеда и назначив смотр на другое утро, он потребовал меня к себе вечером, предварительно поздравив Толстого с тем, что я решился занимать такие должности и, вопреки моим ожиданиям и слухам о нем, обращался со мной со всевозможной для него любезностью и учтивостью. Я пробыл у него более часа, мы говорили только о хозяйстве дружины (чем он занимается в особенности), но постоянно невольно задевали вопросы общие, так, намеками, зная, что оба понимаем их, но не распространялись. Строганов нашел обоз и вообще мою часть в отличном виде, разумеется, явно предубежденный в мою пользу[1]. В суждениях об ополчении вообще он высказывал много так называемой гуманности и сверх того удивление и восхищение русским народом по поводу ополчения. Собственно ратниками он восхищается и в Нижегородском, и в Московском ополчении, но

не офицерами, и требует, чтоб с ними обращались по-человечески, не по-солдатски. Признаюсь, я очень рад, что он таких мыслей и что разные способы моих действий могут быть им поняты и найти в нем участие и сочувствие. — По поводу похода дело у меня удесятерилось, и я полон заботы о том, чтоб не запутаться в счетах. Нужны будут еще многие закупки в Москве, и поэтому-то я надеюсь в нее съездить. Очень, очень много работы, которой и конца не видать и которая не прекращается ни на час в течение дня! — Как быть походом, мы еще не условились с гр⟨афом⟩ Толстым: он теперь в Москве и завтра воротится. Если мне не надо будет ехать вперед, то, вероятно, я поеду вместе с ним. Решительно некогда было заняться собой, но, кажется, для похода мне ничего особенного не нужно. —

Благодарю Вас, милый отесинька, что Вы хоть немногими строчками известили о себе. Они не очень утешительны: Олинька опять хворает, да и у Вас голова болит. Авось, Бог милостив, все опять теперь уже поправилось и направилось на прежний лад. Но погода изменилась: воздух очень холоден, были даже два—три мороза. Неужели весь июль будет таков? Вот жаловались на жары! А мне их очень жаль, я еще и не успел ими насладиться. Завтра, может быть, получу еще письмецо от вас и узнаю как о здоровье, так и о результате поездок Константина в Москву. По моему мнению, содействие Назимова не принесет большой пользы, но противодействие его могло бы сильно повредить[2]. — Очень бы желал, чтоб позволение печатать вышло и чтоб Вы по этому случаю приехали на зиму в Москву. — Улучив досужий час (тотчас после смотра Строганова), когда все или отдыхали, или разъехались, отправился я к Марье Фед⟨оровне⟩ Соллогуб, но, к сожалению, не застал ни ее, ни Софьи Юрьевны[3]: они уехали в Москву, встревоженные болезнью брата Петра Фед⟨оровича⟩[4] в Нижнем, где он стоит вместе с своим полком, и, может быть, даже отправятся туда. — Курское ополчение уже пришло теперь в Херсонскую губернию. По тому, что печатается в газетах, и по рассказам, ополчение в других губерниях носит совсем другой характер, нежели в Московской: ратники одни и те же, но сочувствие к их положению, участие к ним и вообще отношения общества совсем не те. Трех вновь назначенных офицеров Строганов убедил подать в отставку. Что за офицеры! Решительно и буквально верно — от Иверской[5]. Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян! И вообще я, не требуя вовсе энтузиазма, не понимаю этого равнодушия к ополчению, призвавшему 200 тыс⟨яч⟩ бород к оружию. Хоть бы полюбопытствовали взглянуть на вид этих людей в русском зипуне, с топорами, на людей, которые все же идут на опасности, из которых, может быть, и половины не вернется. Право, никакими хитрыми толкованиями не извинить этого равнодушия и пренебрежения. —

Сейчас получил ваше письмецо от 30-го июня. Слава Богу, что лихорадка Олинькина прошла. У вас гости и гости. — Велено сделать два примерных похода верст в 12 и в 20! Точно будто не выучатся ходить на расстоянии 800 верст! А между тем эти репетиции отнимают много времени! Прощайте *покуда*, милый отесинька или милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. — Пришлите, сделайте милость, мою почтовую карту России на мое имя по почте.

192

1855 г⟨ода⟩ июля 10-го. Серпухов.

Завтра 11-ое, день Ваших именин, милая маменька. Поздравляю Вас и милого отесиньку, поздравляю Константина и всех сестер. Я не поздравлял вас заранее, потому что предполагал сам уехать и быть 11-го в Абрамцеве, но не удалось, да, кажется, что очень досадно и больно, и совсем не удастся. Толстой два раза на неделе ездил в Москву и отлучиться не было возможности! Нынче получили мы маршрут: все Московское ополчение идет в Киев с тем, чтобы, войдя в состав Средней армии, состоящей под начальством Панютина, расположиться за Киевом и в Подольской губернии. Наша дружина выступает первая 18-го июля; в Малом Ярославце соединится она с Верейской дружиною; 13 сентября будем мы в Киеве, а к 20-му соберется туда и все ополчение: поход продолжится 58 дней. Впрочем, посылаю вам маршрут, на котором отмечаю крестиком места, куда вы можете адресовать письма, разумеется, с надписью: оставить до востребования. Все приготовления к походу касаются собственно одной хозяйственной части и потому все они лежат преимущественно на мне. Надобно заранее снестись со всеми местными властями в тех местах, где мы будем проходить, выслать вперед квартирьеров, хлебопеков, заготовить по пути продовольствие, заготовить здесь 10 дневный запас сухарей, привести в порядок все денежные книги, и тысячи, тысячи разных мелких забот. Все это для меня ново; после половины похода будет это все совершенно знакомо и не представит затруднений, но теперь еще пугает многосложностью и хлопотливостью занятий; все не знаешь, как еще сладишь, а тут ведь дело не шуточное: 1200 человек, которым должно доставить все удобства размещения и продовольствия. От несвоевременных или плохих распоряжений может быть остановка на пути или недостаток пищи... К тому же с выступлением в поход мы переходим из одного ведомства, гражданского, в другое, т.е. военное, с одним разделываемся и рассчитываемся, посылаем отчеты, с другим заводим новые счеты. Все это очень сбивчиво. — Прибавьте к тому: во 1-х, текущие дела, которые не останавливаются, во 2-х, свойства моего характера, с которыми я никогда не мог и не могу служить вполовину: очень неудобные свойства и — искренно говорю — рад был бы их не иметь. Таким образом выходит, что дело у меня с утра до ночи не прерывается. Еще слава Богу, что теперь завелся Толстой адъютантом, но тяжело то, что я только ночью остаюсь один и не имею угла днем, потому что Толстой, не постигающий прелести оставаться одному, сделал из моих маленьких комнаток свой кабинет, свою гостиную и свою приемную, где с утра до ночи толпится самый скучный народ. Все это теперь кончится, и я этому очень рад. Но как бы то ни было, хлопот столько, что скрепя сердце решаюсь отказаться от мысли съездить к вам и проститься с вами. Прощайте же, милые отесинька и маменька, простите мне и благословите меня заочно, но от всей души! Если мы расположимся на прочных зимних квартирах, то я, может быть, приеду в отпуск в Москву и тогда увидимся. — Странное дело! Поход этот еще ничего не означает: во 1-х, пройдем мы целых два месяца, так что всегда можно догнать дружину, во 2-х,

дело идет к зиме, когда военные операции кончаются, в 3-х, остаемся мы в пределах России, но тем не менее в этом слове есть что-то возбуждающее; веет оно войною, связана с ним перемена быта; поход, поход! и все дают этому слову особенный смысл, и все к нему неравнодушны. Все сбираются, прощаются, пишут завещания!.. У меня, впрочем, сборов нет никаких, завещаний писать мне не для чего, да и обдумать хорошенько свои собственные надобности, право, некогда. Говоря откровенно, я был бы даже рад походу: во мне еще живет "охота к перемене мест"[1] и ощущений, но все отравляет должностная забота! Мне жаль только, что я не простился хорошенько с вами, но и это, может быть, лучше: заочное прощанье все-таки будет вам не так тяжело и безвреднее для нерв, чем личное; к тому же вам, кроме других разных причин, еще тяжелее оттого, что вам все еще несколько трудно примириться ни с мыслью о моей службе в ополчении, ни с видом моего мундира (с которого, кстати, эполеты теперь сняты, а поставлены одни погоны). —

Сейчас получил от вас письмо и посылку, т.е. почтовую карту. Благодарю вас. Невеселы известия от вас, у вас все больные. Посылаю вам маршрут. Пишите в Калугу. Впрочем, я непременно напишу вам с следующей почтой еще. Теперь некогда. Сзади и спереди меня стоят целые толпы и ждут.

Цалую ваши ручки, прощайте. Обнимаю крепко Константина и всех сестер.

193

Калуга 26-го июля 1855.

Как давно не писал я, милый отесинька и милая маменька, и не отвечал даже на ваши письма, полученные с Константином и здесь в Калуге. Не буду говорить о том, как они были мне приятны и как я благодарен вам за них, в особенности Вам, милая маменька. Мне очень досадно и больно, что я не умел, как должно, распорядиться временем и не написал вам на стоянках и дневках длинного, подробного письма; но мы выступили так поспешно, что дорогою только заканчивали дела и очищали бумаги; здесь же в Калуге, кроме хлопот с провиантской комиссией, хлебопечением и закупкою всякого рода вещей, меня заполонили мои старые знакомые. Все это я вам опишу подробно из Мещовска и из Жиздры, подробно, обстоятельно и последовательно. Скажу вам только, что поход приятен, что мне нравится это медленное, тихое, но безостановочное движение вдаль и вдаль; сзади нас напирают 45 тыс⟨яч⟩ войска (ополчения Моск⟨овского⟩, Нижег⟨ородского⟩ и Ярослав⟨ского⟩). Все ополчения теперь двинулись, заколыхались сотни тысяч людей, и по всем дорогам теперь топот и говор идущих масс. Приятно участвовать в этом движении, приятно и идти с дружиною, приятно каждый день останавливаться на новом месте; разнообразие стоянок, дневок, лето, местоположение, отдых — все это меня живит и занимает. — Кланяется вам Булгаков[1]. На следующей почте объясню вам все хлопоты в хлебопекарне. Покуда крепко цалую ваши ручки, обнимаю Констант⟨ина⟩ и всех сестер.

194

⟨Июль 1855 года.⟩[1]

Решительно не успеваю писать, милая моя маменька и милый отесинька. Но зато большое письмо и целая страница написана, но во время самого движения писать нельзя, а на стоянках помещаемся мы, весь штаб, почти в одной комнате, и тут-то начинается письменная работа или же за моим столом сидят и пишут Толст⟨ой⟩ и вся компания. Это мне так надоело, что я решаюсь требовать себе совершенно отдельной квартиры. К Жиздре[2] приготовлю вам письмо. Мне самому очень хочется записать себе на память все подробности похода, а дневника я писать не в состоянии, несмотря на все усилия, и потому должен для себя самого писать подробные письма. К тому же хочешь всегда осмотреть местность, куда приходишь, а в 3 часа утра снова выступаем. Но я совершенно здоров; дай Бог только, чтоб вы были здоровы, а обо мне не беспокойтесь. Все идет очень хорошо. Итак, опять прощайте, милые отесинька и милая маменька, до Жиздры. Целую ваши ручки, обнимаю Константина и всех сестер крепко.

Не забудьте в адресах писать: *офицеру дружины* № 111.

195

1855 года / 1 августа *Мещовск.*

Не знаю, успею ли написать вам, милые мои отесинька и маменька, письмо на целом листе, но попробую. Хорошее дело поход, если бы только товарищи были порядочные, если б было с кем поделиться и замечаниями, и наблюдениями, и всякими впечатлениями, а главное, если б на стоянках и дневках я мог поместиться отдельно. Я люблю устроивать везде на стоянках как в походе, так и в путешествиях свой угол, куда бы мог уйти и отрешиться от окружающей меня внешности, но, к сожалению, до сих пор непременно к моему столу присядет Т⟨олстой⟩, стол покроется бумагами и чашками, и нет возможности писать ничего, кроме деловых бумаг. Это мне начинает так сильно надоедать, что я просил уже квартирьеров отводить мне особые квартиры. — Вот уж мы и в Мещовске, и 13 дней похода прошло! Погода продолжает нам благоприятствовать, и поход наш совершается очень благополучно. Мне очень хочется самому записать себе на память подробности похода: если не теперь, так со временем они приобретут огромный интерес, но не знаю, пуститься ли теперь описывать вам подробности или перейти поскорее к общим выводам и замечаниям; примусь за первое, потому что уходит время. Как мы поднялись, собрались и двинулись, Константин видел[1]; он слышал даже плач и причитанья баб, плач искренний большею частью, причитанья большею частью неискренние, совершаемые по обычаю. Впрочем, я нисколько не отвергаю возможности искренних причитаний, также как мы не отвергаем искренности в стихах с рифмами, несмотря на всю искусственность формы; но здесь это большею частью дань обычаю, который производит очень сильное действие на нервы, особенно при барабанном тревожном грохоте. — Шум и пыль провожали нас по

всему городу и улеглись несколько уже за заставой, когда мы остановились на зеленом лугу, чтоб собраться и оглянуться. Пока мы шли городом, ратники успели так напиться, что едва, едва можно было поднять их и положить на телеги. Несмотря на все приказания – распроститься с родными окончательно у заставы, женщины (жены, сестры, матери) провожали нас далеко, идя вместе с ратниками или забегая вперед на станцию. Довольно пеструю толпу представляла наша дружина: жены несли ранцы и ружья, патронташи и рядом с ними их пьяные мужья. Обыкновенно около кабаков становили часовых, которые и не пускали ратников; зато кабак мигом наполнялся бабами, которые забирали с собой вино в разных посудинах и потом дорогою поили их. По мере того, как мы подвигались вперед, число баб убавлялось, но окончательно бросили они нас уже верст за сто от Серпухова. Причитаньем и плачем сопровождалось каждое прощанье; многие падали в обморок и лежали долго без чувств на земле. – Эти долгие проводы были причиною двух случаев холеры: от пьянства и от разнообразнейших угощений (сметаны, квасу, огурцов, яблок, рыбы соленой) двое заболели холерой; одного успели спасти, другой умер в Угодском заводе. – Наконец приняты были решительные меры, и теперь уже не пестреет наша дружина, а движется и извивается по дороге черною стройною массой. Прекрасная, теплая погода, безоблачное небо, зелень, чудесные виды, беспрестанно новые, движение, охватившее разом огромные толпы людей, отдаленность похода, и видимая даль горизонта, и воображаемая даль — все это настроивало меня очень хорошо, и я должен признаться, что самый поход, который кажется всем другим утомительным, скучным, меня занимает, и я очень доволен. Жалею только, что не с кем, решительно не с кем поделиться своими замечаниями и впечатлениями. — После двух привалов дошли мы до 1 станции Кременки (18 $^1/_2$ в⟨ерсты⟩), где встретили нас посланные еще накануне квартирьеры, указали каждой роте деревни, в которых она должна разместиться (иногда иной роте приходится делать еще верст 8 в сторону), и объявили нам, что в Кременках всего 4 двора, почему штабу и отведена квартира в полверсте от этой станции, в селе Троицком. Это село когда-то принадлежало княгине Екат⟨ерине⟩ Ром⟨ановне⟩ Воронцовой-Дашковой[2]: некогда великолепный дом занят теперь каким-то купцом под фабрику. — Везде, где жители не вызываются или не могут кормить сами (и хорошо кормить) ратников, мы сами готовим пищу, посылая вперед котлы и припасы. Конечно, никогда ни один полк в России не имел такой сытной пищи от котла, как ополченцы. Правда, теперь продовольствие уже на моих руках, но и ротные командиры кормят их отлично, связанные и предписаниями графа Строганова, и наблюдением непосредственного начальника, а главное — самими ратниками, которые не солдаты и сейчас заговорят громко и которым я в течение 18 дневного продовольствования в Серпухове роздал в копиях, помимо офицеров, расписание, сколько чего полагается на них в обед и ужин, присланное нам от гр⟨афа⟩ Строганова. В это время они избрали артельщиков и сами приучились хозяйничать и твердо знают свои права относительно пищи. Мне было в высшей степени приятно слышать на днях жалобы некоторых ротных командиров, что невозможно сделать им (законной,

по их мнению) экономии, потому что каждый ратник знает все, что ему следует и что, по их мнению, должно было б и оставаться для них секретом. А с ратниками нет возможности поступать так, как с солдатами; можно их заставить любить себя, но заставить их бояться солдатскою робостью перед начальством нельзя. – Ну дальше. В Троицком мы расположились в двух комнатках пустого флигеля. Сейчас устроилась канцелярия, бумаги покрыли стол, и перья заскрипели, как следует. Что же касается до нашего продовольствия, то в этом отношении мы не терпим никакой нужды: все, что Вы ни прислали, милая маменька, все пошло в общую кладовую нашу с Толстым; чай еще тянется, хотя его истребляется страшное количество. Так как везде можно достать молока, кур, яиц, баранины, и повар у нас есть, то стол у нас вполне удовлетворительный. Мешок, сшитый в Абрамцеве, играет очень важную роль: набивается сеном и служит постелью; но я так был занят в последние дни в Серпухове, что многого необходимого не заготовил: портфелей, дорожных несессеров, белья, теплой одежды и пр. — Впрочем, кой-что я уже и скупил на дороге, а в Калуге я заказал полушубок с вычерненным верхом, сшитый по покрою форменного зипуна, совсем, с погонами. Холостые ратники и распростившиеся с родными весело ужинали за котлом и пели песни до глубокой ночи. Кроме того, у каждого еще были свои деньги (теперь уже пропитые), и они находили средства доставать вино. — Шум и жизнь, которыми вдруг обхватывается мирное село, когда разместится в нем рота, говор, песни и наконец тишина и молчание ночью, жизнь и шум жизни, сдержанные могучею силою сна, все это вещь, конечно, не новая, но для меня все еще неустаревшая! Все уже столько раз испытанные мною впечатления освежаются теперь новой струей, именно тем, что постоянно движешься и пребываешь во множестве, в массе людей. — Часа в два утра поднялись мы с ночлега и двинулись далее: переход был маленький, и мы прошли его большею частью пешком. — На дороге в селении Никола-Бор священник-старик встретил нас с хоругвями, крестом и чудотворной иконой, отслужил молебный и заставил всю дружину пройти под иконой; в Высокинцах также встретил нас священник с крестом и хоругвями. Все это действовало на ратников хорошо, и они заметили, что солдат так не встречают. — Высокинцы — большое село, принадлежащее теперь сенатору Толстому; мы разместились в пустом господском доме; тут была дневка; граф заболел так сильно тою же болезнью, которая началась было и была прервана за несколько дней до похода и которую доктор серпуховский счел сначала за тиф, что я послал нарочного в Серпухов за доктором Кундасовым. Кундасов и приехал уже ночью, но Толстому стало гораздо лучше. Впрочем, болезнь приняла характер лихорадки, которая и теперь еще навещает его сильными пароксизмами; впрочем, теперь они гораздо реже. — В Высокинцах на дневке люди поотдохнули совершенно и достаточно погуляли, потому что в селе был праздник и жители угощали их хорошо. Точно так же и в Угодском заводе — жители заранее заготовили им сытную пищу. Вообще ополчение встречает гораздо более сочувствия, нежели солдаты, не по сочувствию к цели и значению войны (об этом никто не думает теперь, а ратники менее всех), но ратник им ближе и более возбуждает сожаления; везде, где проходим

мы богатыми селами, жители угощают нас очень радушно, но от Малого Ярославца до сих пор нам приходится идти местами довольно тощими. — В Малоярославце сошлись мы с Верейскою дружиною (№ 109). По маршруту — по две дружины идут вместе, т.е. одни дни для марша двух дружин, но идем мы порознь и отдельно; Верейская — часов 5 впереди. Начальник Верейской дружины граф Гурьев, человек очень богатый и известный разгульной жизнью: дружина его, кроме казенного платья, имеет еще белые кителя и сильно пьянствует. — Вообще дружины не называют себя по номерам, а всегда по городам: Верейские, Серпуховские или просто — "Руза прошла", "Подольск идет". До Алешкова (23 июля) ничего особенно интересного не происходило; в Алешкове мы не остановились, а прошли дальше верст 10, потому что в Алешкове нельзя было разместиться; остановились мы в богатом доме у одного помещика-холостяка Отрыганьева. На столе я нашел у него Ваши сочинения об охоте[3], милый отесинька, а в хозяине встретил страстного Вашего поклонника до такой степени, что он хотел Вам послать лесу домашнего его приготовления и совсем уже снарядил удочку, только не узнал еще Вашего адреса. Удочку эту я взял и посылаю ее Вам; думаю, что это Вам будет приятно. Отрыганьев человек добрый, хозяин и охотник; другое для него не существует. Тут была дневка, но я утром дневки отправился прямо, не останавливаясь, в Калугу; всего расстояния было 30 верст: в Калуге, кроме знакомых, ожидало меня множество дела: отчет калужской провиантской комиссии, получение от нее провианта и денег на дальнейший путь, изготовление хлеба печеного до 400 пудов (т.е. расчеты за хлеб; с хлебопеками и квартирьерами отправлены у нас вперед младшие офицеры). Приехавши в Калугу, отправился я сейчас к Булгакову в загородный сад, столько знакомый мне и памятный по ссоре с Ал⟨ександрой⟩ Осип⟨овной⟩ Смирновой[4]. Было воскресенье: никого, ни Булгакова не застал я в городе и потому отправился в Колышово, деревню Унковских[5], верст 12 от города. Я думал сделать им сюрприз, но длинная подзорная труба, лет уже 25 стоящая на балконе, труба, направленная на вьющуюся вдали полосу дороги, спускающуюся разными изгибами к перевозу через реку Угру, выдала меня. Несмотря на новый костюм, меня узнали и выбежали ко мне навстречу. Впрочем, за исключением дочерей, не все члены семьи были в сборе. Старик Унковский[6] прослезился, увидав меня, потому что я напомнил ему то время, когда жена его[7] еще была жива. Я его не видел 8 лет; он мало переменился и весь живет в области общественных и политических интересов. За ним самою заботливою нянькою ходит Авд⟨отья⟩ Сем⟨еновна⟩[8], отказавшаяся от замужества. Нельзя смотреть без улыбки, как Сем⟨ен⟩ Яковл⟨евич⟩ в пылу разговора о кронштадтских укреплениях или о чем-нибудь подобном, не замечая, повинуется всем требованиям дочери: его одевают, ведут в сад, поворачивают направо и налево, — он ни на что не обращает внимания, предоставив всю внешнюю сторону своего существования дочери. Тут же и герой инкерманский Сергей[9], простреляный пулей; он все тот же ребенок, каким был прежде: рана не придала ему ни важности, ни гордости. Что за удивительный мир, что за тишина в этой семье, и как все довольны и счастливы. Самые несчастия являются чем-то столь естественным и законным, что не нарушают общего

гармонического тона. Разумеется, подобного рода счастие соединяется или с некоторою умственною ограниченностью, или же с высочайшей мудростью, и здесь, конечно, участвует первое, но тем не менее на людей тревожных сильно действует эта тишина. Невольно спрашиваешь себя: "Господи, чем довольны эти люди, с чего они так счастливы!". — Разумеется, меня угощали, кормили и поили донельзя, и все были рады меня видеть. На другой день был я у Булгакова и у него обедал. Он немного постарел (я не видал его с 1848 г⟨ода⟩), но все тот же, так же жив и деятелен и смышлен. В Калуге он держит себя скромнее, чем в Тамбове, но все же постоянно неприличен и в высшей степени mauvais genre — не в пошлом значении этого слова. Жена его за границей, и домом управляет какая-то г⟨оспо⟩жа Купфер, очень почтенная и пожилых лет женщина. В этот день я у него обедал вместе с Арнольди, мужем и женою[10]. Арнольди имел с Булгак⟨овым⟩ несколько схваток по поводу неприличных выражений в присутствии его жены, и потому П. Алекс. сдерживается при ней, но, видимо, скучает в таком обществе. На другой день вступила наша дружина. В три дня, проведенные мною в Калуге, я обедал у Арнольди и провел у него два вечера. Живут они очень счастливо, очень любят друг друга и живут очень скромно и мило; она же совершенно благоговеет перед мужем. Варвара Дмитриевна[11] очень подробно осведомлялась о здоровье наших; ее медленная и по-видимому рассудительная речь довольно странно противоречит наивности содержания. Кажется, она очень правдива и пряма и в этом отношении лучше своего мужа. В Калуге познакомился с Алекс⟨андром⟩ Петров⟨ичем⟩ Толстым, начальн⟨иком⟩ Моск⟨овского⟩ ополч⟨ения⟩, старшим из сыновей Петра Алекс⟨андровича⟩[12], лет 65-ти, чудак и оригинал, как и все Толстые. Видел я и угол⟨овную⟩ палату, и дом, в котором жил, подле дома Димитр⟨ия⟩ Самозванца, и пропасть старых знакомых, с которыми очень приятно было мне встретиться, и весело было видеть, с какою радостью меня принимали. Через 8 лет прохожу я через эту самую Калугу ратником, еще далеко не успокоившись духом и еще не возлюбивши покоя, тогда как все тогдашние мои сверстники и товарищи молодости давно уже пристроились и уже в пристани! — Булгаков нежно Вас любит, милый отесинька, и велел Вам не кланяться, как он говорит, а изъявлять его глубокое, искреннее уважение. Разумеется, и в служебном отношении мне было оказано всевозможное содействие, 28 июля должны мы были прийти в Росву, 14 верст от Калуги и 2 версты от Унковского, поэтому я и предположил этот день провести у них, Толстой, хоть и незнакомый с ними, не желая оставаться в Росве (имение Н.Ив. Шепелева: он угощал наших ратников обедом и вином), отправился вместе со мною. Ему были очень рады, мы вместе с ним и Унковскими ездили к М⟨арии⟩ Серг⟨еевне⟩ Мухановой[13] в ее или лучше их (их 4 сестры) имение Железцево, там обедали, туда же приехал Булгаков, потом воротились к Унковским и провели там весь вечер. Сем⟨ен⟩ Яковл⟨евич⟩ также угощал стоявшую в его имении 4 роту обедом и вином, и ратники за то пели ему песни. – Этот переход через Калугу был мне очень приятен; так приятно встретить на перепутье людей, вас искренно любящих! — До Мещовска поход наш не представлял ничего особенного: замечу для себя на память, что Гришево очень плохая и бедная деревня, где мы стояли в пустом господском домике

помещика Губарева; в Ломакине мы стояли в скверном и грязном постоялом дворе и должны были простоять там полторы сутки. В это время я был очень занят своими счетными книгами. — В Мещовске (весьма скверном и бедном городишке) я получил письмо от Оболенского[14]. Он звал меня к себе в деревню верстах в 40 от Мещовска взглянуть на его семейное счастие. Так как дружина наша на другой день рано утром выступала в Тросну, где должна была дневать, то я решился вознаградить впоследствии усиленным трудом потерянное время и рано утром, проводивши дружину, отправился к Оболенскому в село Ольхи, принадлежащее теперь брату его Александру, колыбель всех Оболенских Васильевичей[15]. Тут в саду есть огромная ольха, на толстых сучьях которой устроены были сиденья для княгини матери и для всех ее птенцов; там любила она сиживать с малыми своими детьми, как наседка. Нечего и говорить, как рады были мне Оболенские и как я рад был видеть их домашнее счастие; жена Обол⟨енского⟩ здорова и сама кормит свою крошечную княжну. Нечего и говорить, как весь околоток от последнего мужика до самого гордого соседа любят Оболенского, особенно крестьяне! Само имение очень бедно местоположением. Оболенский, конечно, захотел меня проводить до Тросны, тем более что его собственное имение *Гость* в нескольких верстах оттуда. После обеда отправились мы с ним обратно в Мещовск и рано утром, спустив его в деревне, откуда поворот в его имение и где у знакомого ему мужика были готовые лошади, приехал я не в Тросну, которая была занята верейскими, а еще ближе, в Калужку. Там всего было 4 двора, и мы должны были дневать и ночевать в сарае; в сарае было очень хорошо, но опасно было курить и зажигать свечку; ночью же, когда раздевшись мы улеглись на сене, вдруг пошел сильнейший дождь, который, пробив крышу сарая, заставил нас бегать босиком по колючему сену и искать убежища; кой-как нашли уголок безопасный и полумокрые укрылись под ним в сене. — Оболенский приезжал к нам обедать; если б не жена, так он, наверное, пошел бы в нашу дружину. И очень мне жаль, что нет никого у нас, с кем можно было б быть в дружеских, простых отношениях. — Хлуднево: тут занимали мы домишко г⟨оспо⟩жи Квашино-Писаревой; ее самой не было дома; Слободка — большое казенное село; тут стояли мы на постоялом дворе. И в Слободке, и в Жиздре были мне отведены особые квартиры, рядом с графом, но все же особые, чему я очень рад, потому что помещение наше было очень тесно и неудобно для нас троих. — Вчера пришли мы в Жиздру, город довольно населенный, но совершенно *степной*: тут почти ничего и достать нельзя. Цены на муку и овес по случаю ожидаемого нашествия трех ополчений (не одно наше, но Ярославское и Костромское идут другие тем же трактом) сильно поднялись, также и на другие припасы. Мы еще первые и нам все легче, но каково же будет последним! – Вот я и довел свой рассказ до 7 августа и до г⟨орода⟩ Жиздры. Теперь буду писать из Брянска. Я думал найти здесь письмо от вас, но ошибся; часа через два придет опять почта: не будет ли с нею письма? Очень хочется знать, здоровы ли вы и что у вас делается? В будущем письме я постараюсь передать вам картину самого похода и собрать в одно отдельные черты и замечания относительно ополчения вообще. — Уж близок вечер; надо посылать за подводами, брать квитанцию от

городничего в благополучной стоянке, убрать все бумаги, свести счеты за овес, за сено, за разные покупки... Прощайте, будьте здоровы, милые отесинька и маменька, цалую ваши ручки. Обнимаю крепко Константина и всех милых сестер. Как бы хотелось мне совершить какой-нибудь поход вместе с ними! И отчего бы его не совершить? Не имеете сведений об Афанасии? Трудно мне без него, хотя и хороший человек у меня денщик. — Прощайте еще раз. Здесь прочел я в газетах статью Погодина о Нахимове, в которой есть очень хорошее место[16]: да и вообще я не понимаю, как она очутилась в печати! прочел я и выписку из письма Трутовского, и начало описания плена княгинь у Шамиля[17]: жаль только, что описатель литератор и пишет с претензиями[18]. — Всем кланяюсь.

И.А.

Леса замечательна тем, что свита без узлов[19].

196

11 авг⟨уста⟩ 1855 г⟨ода⟩. Брянск.

Вот и Брянск, где, к сожалению, нет у нас дневки, и завтра чем свет мы идем дальше. Только что пришел на почту: нет писем. Неужели мое письмо с маршрутом еще не дошло до вас? Завтра опять должна прийти почта, но мы ее не дождемся, и я просил уже передовых дружины, идущей вслед за нами, взять завтра с почты письма и доставить их мне на станции или на дневке. Здоровы ли вы, милый мой отесинька и милая моя маменька. Холодные ночи и довольно холодный ветер, может быть, имели дурное влияние на ваше здоровье. Я послал вам из Жиздры большое письмо и удочку Отрыганьева. Строганов, приехавший в тот вечер в Жиздру, не стал нас осматривать и оставался в Жиздре несколько дней, чтобы встретить другие дружины. — Нынче ночью ожидают его в Брянск. Может быть, он уже и приехал, потому что теперь скоро полночь. — Теперь мы дней 12 не встретим на пути ни одного города, и потому, придя в Брянск довольно поздно (часу в 1-м пополудни), поспешили сделать разные необходимые закупки. Город же широко растянулся по высоким горам и глубоким оврагам правого берега реки Десны. — Вся эта сторона от Жиздры до Брянска — сторона глухая и лесная; в здешних Брянских лесах водятся медведи, которые, по словам крестьян, приходят часто кушать овес, и даже лоси. Толстой ходил как-то на охоту на дневке и убил несколько тетеревов. Богатство лесов причиною многочисленности заводов в здешней стороне. В Брянском уезде много заводов Мальцева[1]; у него самого мы не были, но на дороге заходили в чугунный завод, где льют картечи, гранаты, ядра. Вид расплавленного твердого металла, льющегося, как вода, вид этого жидкого огня поразителен. У Мальцева два парохода ходят по Десне в Днепр и Днепром до Киева. — Но Брянский лес еще не то, что Брынский лес: не доходя Жиздры, кажется, оставили мы в стороне село Брынь, принадлежащее Рябининым. Вся эта сторона от Жиздры до Брянска называется Полесьем. Мужики здесь с виду похожи на чухон[2]; они довольно верно описаны у Тургенева[3], но называются ли они полехами, не знаю. От Жиздры окрестность стала интереснее и не так

однообразна. Каково же! Мы уже с лишком 320 верст прошли от Серпухова. Здесь я не успел и в газеты заглянуть; город так растянут, квартиру же нам отвели на конце города, ибо другой удобнейшей для помещения штаба нет, что отсюда до трактира версты 4. — Пора однако ж спать и готовиться к раннему выступлению. — Прощайте, милые мои отесинька и маменька; авось-либо почта завтрашняя привезет от вас письмо; мне казалось, что вы бы могли успеть написать даже в Жиздру. Не забудьте выставлять всегда “офицеру *дружины № 111*”. — Как странно переписываться на походе, занося ноги вперед: точно будто поворачиваешь голову через спину, говоришь на лету. Дай Бог, чтоб вы были здоровы и бодры. До сих пор у нас все благополучно; умерло во время пути трое от холеры, потому что мы шли весьма холерными местами. Не знаю, есть ли холера у вас в околотке? Цалую ручки ваши и крепко обнимаю сестер и Константина; будете писать Грише, передайте ему от меня, что я его крепко обнимаю с женой и дочерью. Прощайте.

197

1855 г⟨ода⟩ авг⟨уста⟩ 17-го. Белоголовичи.

Отсюда в 13 верстах город Трубчевск, где нынче почтовый день и через который мы сами завтра пройдем, не останавливаясь. Пользуюсь этим случаем, милый отесинька и милая маменька, чтоб дать вам весть о себе. Последнее письмо ваше, писанное в Брянск с припискою Олиньки и Сонички, я получил уже по выходе из Брянска, на первом переходе. Вместо Полужья, которое было занято Верейской дружиной, мы остановились в с⟨еле⟩ Кокине в пустом барском доме помещика Хрипкова (которого я часто видал у Елагиных) и которого управляющий по нашей просьбе послал в Брянск на почту, откуда мне и привезли ваше письмо. Вы уже отговели теперь и причастились, милый отесинька; поздравляю Вас и крепко обнимаю и благодарю Вас всею душой за немногие строки Вашего последнего письма. — Дай Бог, чтоб вы были все здоровы. — Горячечные лихорадки или даже просто головные какие-то особенные боли (я думаю, тифозного свойства) так же здесь в ходу, как и у вас. Вы собственно пишете про лихорадки, но я уверен и, судя по слухам, оно так, головные боли эпидемического характера были и в нашей стороне. — Впрочем, они не опасны. Это все последствия холеры. Мы идем вдоль Десны, вдоль которой шла здесь и холера в сильной степени, но уже более месяца тому назад. — Погода несколько переменяется, и становится холоднее; уже походит на осень. — Какие неприятные известия из Крыма: я говорю про нашу неудачную попытку атаковать лагерь на Черной речке![1] Не участвовало ли тут Курское ополчение? Нынче месяц, как мы в походе! По полученным бумагам видно, что в Киеве будет мне довольно хлопот: киевской Комиссии должны мы отдать отчет в деньгах, истраченных во время похода, из киевского арсенала получать порох и заряды, в Киеве будут смотры и ревизия; по этому случаю на всех станциях и дневках, когда другие отдыхают или идут гулять и осматривать местности, я почти всегда сижу за работой, усиливающеюся от отсутствия писарей, — или за пьянством, или за болезнью! — Нынче по случаю дневки

собираются у нас ротные командиры для денежных расчетов, и я очень занят и пишу только, чтоб поблагодарить вас за письмо и не упустить трубчевской почты. Будьте здоровы, милая маменька и милый отесинька, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер и благодарю очень милую Олиньку и Соничку за приписку. Буду писать вам подробно и пространно из Новгород-Северска, куда я думаю приехать дня за два раньше дружины для расчетов с тамошним Провинантским Управлением. — Отсылаю письмо *сейчас же* с хлебопеком в город, где у нас напечено хлеба на несколько дней.

198

1855 г⟨ода⟩ авг⟨уста⟩ 25. Новгород-Северск.

Получил я здесь ваше письмо, милый отесинька и милая маменька. Удивляюсь медленности почты; кажется, мы так тихо идем, что почта могла бы успеть сделать несколько оборотов. Погода опять поправилась и, может быть, опять благодетельно подействовала на Ваше здоровье, милый отесинька. – Вы сообщаете мне много интересного: серьезно надевает Самарин русское платье или так, чтоб иногда тешить себя дома?[1] Видно, приспевает время. Позволение Каткову издавать журнал и газету[2], особенно газету, очень важно и подает надежды на облегчение цензуры. Я не знал, что сочинения Гоголя уже вышли[3]; в газетах объявления не видал, а в провинции, кажется, еще ни одна книга не попала. Я совершенно согласен с вами в том, что славянофильский журнал успеха иметь не будет уже потому, что нет ни одного порядочного редактора, и потому, что между славянофилами нет никакого согласия[4]; наряду нет, вследствие чего и становится необходимою диктаторская или деспотическая власть. Но кроме того, есть другие, нравственные причины, почему нельзя ожидать успеха. Вот Ваша книга, милый отесинька[5], без сомнения разойдется в большом количестве экземпляров, и Вам надо печатать не менее двух заводов. — Здесь в Новгороде-Северске смотрел нашу дружину граф Строганов. Он и теперь здесь. Дружиной он остался очень доволен; я был у него, и он между прочим рассказал, что Голицын Леонид ведет свою дружину в Киев как на богомолье к св⟨ятым⟩ местам, так что она, как богомольцы, везде служит молебны, и нет ни пьянства, ни буйства. Это очень умно. У нас наоборот люди идут весело, с песнями, но зато пьянство усиливается в высшей степени, а вместе с пьянством буйство, воровство, притеснение обывателям. Впрочем, это не только у нас, но и в других дружинах. В других даже несравненно больше; может быть, даже, с непривычки возмущаясь этим, я даже усиливаю в рассказе то, что, говорят, водится во всех полках. Но вот это-то и составляет предмет моих настоятельных споров с офицерами. У нас именно не должно быть, как в полках, и могло бы не быть; ратник не солдат и не усвоил себе ни солдатской безусловной покорности, ни казенности; я уверен, что можно было бы создать войско новое, на новых началах; матерьял есть, вполне к тому способный или, лучше сказать, все эти начала в нем заключаются, только надобно вооружиться терпением, чтобы распутать страшный хаос понятий, произведенный в головах полутораста годами. Но необходимо терпение.

Человек, привыкший бояться палки, ждет непременно палки для побуждения и с трудом может быть перевоспитан. Надобно не бояться этого труда. Вообще ополчение представляет страшную пестроту в нравственном смысле. Главною виною всему офицеры. Не ратники — они не готовы, их прежде всего надо перевоспитывать. У нас офицеры двух родов. Или старые закаленные служаки, которые хотят, чтоб ратник смотрел совершенно солдатом, деревянно-глупо, не смел рассуждать, которые обращаются с ними с презрением, называя их пьяным мужичьем, приветствуя их не иначе, как "*канальи*" и проч. Другие помоложе, большею частью из кавалерийских полков, хотят, чтоб солдат был хват, лихач, головорез, sans foi ni loi*, стараются развить в них то ухарство, которое лишено всякой нравственной основы. Вообще военная честь очень странная честь; севастопольские герои все будущие взяточники — городничие большею частью. По военным понятиям, не марает мундира — класть казенную экономию в карман, обижать жителей, дать мужику "в зубы", когда он приходит с справедливой жалобой, ругаться бесчеловечно над жидом и т.д. и т.д. Тяжело очень мне было слышать, как иногда бабы на своем ломаном здешнем наречии выражались: «Вишь, говорят, "хранцузы", "хранцузы": к нам своя сила пришла!» Или — "Что нам пуще турок — свои" и т. под. в этом роде. Т⟨олстой⟩ очень хороший человек, но довольно слабый и с неутвердившимся взглядом на это дело. Люди в его роде обыкновенно говорят: "Иначе нельзя, что делать, и без этого невозможно...". Впрочем, повторяю, у нас всего этого в дружине меньше, чем в других дружинах, кроме Дмитровской, если только правда то, что рассказывает Строганов. — Может быть, мой постоянный протест сдерживает офицеров, но только несколько; власти я не имею, а офицеры большею частью уже закалившиеся в прежних понятиях. Правда и то, что у нас ратники большею частью из серпуховских мещан, отданных за разврат и преступления. Сначала, первые три м⟨еся⟩ца, все шло очень хорошо, но теперь порча идет crescendo**. Может быть, она и пройдет, но всему главною виною я признаю офицеров, и не их самих лично, а понятия, в которых они выросли. Не думайте, впрочем, чтоб я был с ними в ссоре или в дурных отношениях: так нельзя было бы и служить. Я могу прямо сказать, что пользуюсь общим уважением, а со стороны ратников даже любовью: они инстинктом чуют человека; протестуя, я нападаю всегда на взгляд, на понятия, а не на личность офицера; у нас завязывается спор, но отношения не изменяются. Впрочем, в дружеских отношениях я не состою ни с кем, да и нет возможности, нет ничего общего. — О, если бы хоть часть была той комиссии, которую мы создали в Ярославле![6] — Вот вам несколько характеристических черт современности русской. Предписано духовенству встречать и провожать нас с крестом и с молебнами. Раза два или три это было, раза два или три было отказано, потому что люди очень устали с перехода и потому что людей набожных в этом смысле у нас между начальствующими нет (я — не из набожности, а так, для ратников, никогда бы от того не отказался), а в Орловской губернии священники в

* Ни стыда, ни совести (*фр.*).

** Возрастая (*ит.*).

некоторых местах, не являясь сами, присылали брать квитанции в том, что они нас встречали и благословляли! — Разумеется, им надо себя *очистить* перед духовным начальством, но вещь сама по себе очень забавна и характеризует современную русскую жизнь! — Забавны и много говорят в то же время песни, которые поют ратники, крестьянских песен они не поют, говоря: мы не мужики, чтоб петь мужицкие песни, и поют песни солдатские, переменяя слово "*солдат*" на "*ратника*". Песни пренелепые. Как вам нравится, например, эта:

Слава царю белому,
Николаю Милосердному.
Ай, жги, жги, говори,
Николаю Милосердному!

Далее идет обыкновенная песня: как на молодце шелков кафтан, рукавички барановые, ай, жги, жги и проч. Поют также песни про ополчение 12 года, чисто солдатские. Как приехал граф Толстой (отец Ив⟨ана⟩ Петровича), сказал: "Здравствуйте, ребята, и прощайте, господа!"

Замечательно, что о войне толков очень мало. Ратники веселы, но о призвании своем, о будущем назначении вовсе не думают, да и показывают очень мало участия к войне, к положению Крыма. Если б было больше времени и если б я имел право действовать помимо ротных командиров, можно было бы чаще разговаривать с ними, давать им читать известия, объяснять им смысл войны, и я уверен, это бы имело большое действие. – Здесь в Новгород⟨е⟩-Сев⟨ерске⟩ узнали мы, что 2-я и 3-я гренадерские дивизии пошли к Перекопу: мы принадлежим к составу этих дивизий, однако ж наш маршрут не изменен, и мы продолжаем идти в Киев. Между прочим, кто-то здесь в городе получил известие, будто мы из Киева идем в Бессарабию. И Бессарабии, и Перекопу я очень рад, не рад был бы зимней стоянке. Если б нам пришлось всю зиму провести без дела в селениях Киевской губернии, я вышел бы из ополчения. Хочется мне очень до Киева на станциях и дневках привести в порядок все свои казначейские дела и книги, так чтобы по приходе в Киев можно было бы тотчас сдать эту должность. Здесь в Новгороде встретился я с Сережей Загоскиным, приехавшим вперед. Он также казначей (Подольской дружины) и очень этим тяготится. Он очень мне обрадовался и просит передать вам его искренний и низкий, низкий поклон. — В Утах у Гулевича (сослуживца Николая Тимофеевича) встретил я Основского, охотника, издавшего книжку вместе с Рулье[7], Вашего страстного поклонника, милый отесинька. Он гостил для охоты у Гулевича вместе с Киреевским — каким-то богачом, очень добрым человеком и горячим охотником. Киреевскому лет 60, и он ведет постоянно журнал своей охоты[8]. Основский очень хороший малый и совершенно русская натура; он, кажется, человек очень серьезный, и охота для него дело совершенно серьезное; он посвящает ей все лето и переохотился чуть ли не во всех болотах России. — У Гулевича жена и дочери ходят летом в русских сарафанах; еще не при всех и не всегда решаются они надевать сарафаны, но для нас надели, кроме самой г⟨оспо⟩жи Гулевич. Она сказала мне, что соседи их Мальцевы (семейство известного богача-заводчика генерала Мальцева) также ходят в русском платье. Это не настоящие сарафаны, а сарафанная юбка с помочами без лифа вовсе.

Все-таки хорошо. У Гулевича читал я иностранные газеты и прочел в "Современнике" Толстого: "Севастополь в декабре м⟨еся⟩це"[9]. Очень хорошая вещь, после которой хочется в Севастополь и кажется, что не струсишь и храбриться не станешь. Какой тонкий и в то же время теплый анализ в сочинениях этого Толстого. — В Гремяче мы уже перешли границу Черниго⟨ской⟩ губернии и встретились с дешевой водкой и с жидами. То и другое совсем было вскружило головы нашим ратникам; теперь, кажется, несколько они попривыкнули. Дешевизна и высокое качество водки и право или обычай презрительного обхождения с жидами породили (у нас там была дневка) сильное пьянство и беспорядки, которые насилу укротились. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька; нынче взошла сюда и Подольская дружина, которая освящает здесь знамя. Прислали звать на церемонию, и я должен отправиться. Прощайте, в Кролевце напишу вам еще, будьте здоровы, цалую ваши ручки, обнимаю Константина и сестер. Как я благодарен Грише и Софье за их письма и буду отвечать им. Прощайте.

199

2 сентября / 1855 г⟨ода⟩ г⟨ород⟩ Борзна.

Вот уже и сентябрь месяц! Вот и год, как вступили французы на русскую землю; вот уже 5 месяцев, как существует наше ополчение и как тянется для меня бесконечная канитель служебных хлопот: весна и лето пронеслись почти незаметно. — Я получил последнее ваше письмо в Кролевце, милый отесинька и милая маменька, с припискою Веры; в Кролевце не успел отвечать вам по случаю официального обеда у городничего и приближения 1-го числа месяца, значит, всякой срочной отчетности; здесь хоть и нет дневки, но хочу воспользоваться почтой, отходящей завтра. Здесь я не нашел письма от вас, верно, вы писали в Нежин; впрочем, нынче ночью ждут почты из Москвы, может быть, она привезет от вас письмецо и какое-нибудь достоверное известие о Севастополе: говорят, 26-го августа был штурм[1]. — В последнем вашем письме вы пишете про нездоровье бедной Машеньки; это решительно общее повальное нездоровье как у вас, так и здесь: оно неопасно, но изнурительно, и выздоровление невыносимо медленно и едва заметно. Очень мне ее жаль с ее слабыми нервами. Я рад был бы, если б вы на несколько месяцев зимы переехали в Москву освежить себя и сестер, а уж как бы дорого дал, если б была возможность совершить какой-нибудь поход вместе с сестрами в Киев или в Малороссию! Да и почему же этого и не совершить? Я уже обещал себе, если возвращусь домой после службы, исполнить это намерение и буду совершенно счастлив, видя в них повторение испытанных уже мною ощущений. — Здесь в Борзне я тотчас же справился о той женщине, которая славилась приготовлением малороссийских блюд. Оказалось, что квартира графу Толстому была отведена в ее доме (мне теперь отводят, где возможно, особо, впрочем, близко), но ее уже нет в живых; после нее остались три дочери, которые книгу растрепали, и книги также нет. Муж ее старик вступает снова в какую-то службу для содержания своего семейства. Печальное существование этих

девиц, так же как и тысячей им подобных, особенно теперь, когда столько перебито и будет перебито молодого мужского племени. "Что же Вы делаете здесь целые дни?" — спросили мы их. — "Скучаем и хвораем", — отвечали они, настоящие малороссиянки. — В Малороссии нас встречают несравненно лучше, чем в России; почти везде священники с крестом, иконами и хоругвями выходят навстречу с толпою любопытствующего народа; впрочем, и в домах жители, особенно хозяйки с женскою заботливостью заранее нагревают комнаты, приготовят постели и настряпают всякой всячины, в их глазах мы сначала являемся довольно интересными людьми, усталыми бедными путниками, отправляющимися на такое страшное дело (Боже! Як страшно!) как на войну. Но скоро это чувство охладевает, и они ждут-не дождутся, когда оставит их рать бородатых москалей. Давно уже Малороссия не видала бородатого русского войска и при новой встрече с ним должна испытать то же чувство оскорбления и негодования, какое испытала тогда[2]. Право, поневоле вспомнишь Конисского[3]. Наши ратники остаются совершенно бесчувственными к этой внимательности, напротив того, грубостью и цинизмом шуток оскорбляют малороссиянок, требуют *еще* от хозяйки, исхлопотавшейся над угощением, смеются над хохлами, как жадные волки на овец, бросаются на горилку, напиваются пьяны до безобразия, а к утру хозяйка с воплем увидит, что в награду за ее гостеприимство у ней богацько (много) гусей и кур поворовано и перерезано. — Так что на другой день, когда случается дневка, хозяйки или ничего не готовят, или запирают все вещи на замок. С тех пор, как мы пришли в Малороссию, наш народ стал более пьянствовать и воровать, чем прежде. Кроме дешевой горилки и других причин, мне кажется, что тут участвует отчасти сознание своего превосходства в некотором отношении; кроме того, он здесь как бы в стороне чужой, не в России и смотрит на жителей как на людей, совершенно ему чуждых. — Разумеется, слова мои не относятся ко всем ратникам, многие ведут себя прекрасно, но вообще можно заметить, что в тех, которые были отданы за скверное поведение, прежние элементы, все это время спавшие, опять пробуждаются и выплывают наружу, а те, которые были хороши и в прежнем быту, видимо портятся. Все это очень понятно. Он не крестьянин уже, не сдерживается честностью своего быта[4] и в то же время не обуздан строгостью военной дисциплины так, как солдат; взамен же отнятого у него нравственного начала общественного быта не дается ему никакого другого, разве только esprit de corps*, присущего и шайке разбойников и не имеющего в себе ничего нравственного; у него нет даже знамени в нравственном смысле, ни одна струна в нем не затронута, смысл войны давно затерялся, одушевления нет никакого; но есть бодрость, свойственная всегда русскому, не забитому нуждой и палкой человеку. — В этом виновато правительство, разумеется, и офицеры. Офицеры — не масса народная и не должны нуждаться в том, чтобы правительство возбуждало их к честному выполнению своих обязанностей, которые они могут понимать лучше самого правительства. — Если б хоть половина офи-

---

* Духа корпорации (*фр.*).

церов думала так, если б напр⟨имер⟩, офицером был Самарин, Елагин[5] и др., я уверен, дело пошло бы иначе. Я же с своей стороны, как ни надрываюсь, ничего не могу сделать. И жаль мне бывает, очень жаль смотреть, как какой-нибудь недоучившийся мальчишка, выросший в хаосе понятий, царствующем в русском обществе, сбивает и портит — не солдат (его уже трудно и испортить), но крестьян, на которых свежи следы крестьянского быта; при виде этого нравственного разложения мною порой овладевает страшная тоска! Скорее бы, скорее бы за дело: это единственное средство осмыслить и одушевить каким-либо нравственным началом эту массу, освежить ее свежим воздухом дельного труда и видимой пользы, которую она может принести! — О назначении нашем слухи различны. Кто говорит, что мы только дня два останемся в Киеве и двинемся к Севастополю, кто говорит, что мы направлены в Бессарабию. С нетерпением жду разрешения этого вопроса. — Не думаю, чтобы я остался казначеем. Тоска берет при мысли, что трудишься так сильно только для карманóв ротных командиров, потому что теперь по устройстве дружин остается только выдавать деньги в роты, т.е. ротным командирам, хозяевам своих рот. Каково же это быть постоянно в таких душевных тисках, что нельзя в обществе офицеров побранить взяточничество, похищение экономии и т.п., неделикатно! Мы с Тол⟨стым⟩ составляем страшный диссонанс в гармонии военного быта, но от этого диссонанса дерет только наши собственные уши. — Как обрадовался я Малороссии! Какой приветливый вид этих хат, этих огромных сел с бесконечными переулками и закоулками! Я был просто счастлив, когда увидал снова это широкое черноземное полотно дороги, с лоснящимися полосами от колес, эти широкие ивы и вербы, эти плетни и гати, этих хлопотливых и без умолку говорящих хозяек, этот певучий и нежный говор. В Батурине у меня была великолепная хата, чистоты баснословной: в ней был угол, который я и занимал и в котором на потолке дочери хозяина прикололи до ста больших бумажных бабочек из разноцветной бумаги очень искусно, так что вечером от колебания зажженого фителя свечи все эти бабочки двигаются. — Видна всюду потребность изящества и угождения вкусу, потребность вне матерьяльных нужд и расчетов. — Завтра наша дружина переходит в Комаровку (см. маршрут) и там днюет; я же пробуду в Комаровке только несколько часов и еду прямо в Нежин, куда уже проехал Строганов и где я должен от него получить жалóванье офицерам с начала похода до 1 сентября. Кроме этой суммы, по повелению государя велено выдать нам (т.е. начальнику дружины, казначею и адъютанту) не в зачет половину годового оклада *усиленного* жалованья для покупки верховых лошадей (мне приходится 270 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ с лишком), а прочим, имеющим только вьючных лошадей, треть простого жалованья. Так делается всегда и в армиях при открытии кампании; сверх этого мы должны получить еще рационы (т.е. овес и сено) за своих лошадей (мне полагается 4 лошади), разумеется, вместо овса и сена деньгами. Если же сверх всего этого нам будут и жалованье выдавать *усиленное* да еще дадут порционы, то денег у меня будет совершенно достаточно. — Время становится все холоднее и пора думать о зимнем платье, но нельзя ничего теперь заготовлять по неизвестности, куда мы пойдем. Прощайте,

милый отесинька и милая маменька, напишу вам еще несколько строк из Нежина; дай Бог, чтоб вы были здоровы и все наши также; целую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. Прощайте, уже 1 час ночи, а меня поднимут часа в 4, до похода часа за два для получения и выдачи подвод.

200

1855 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 5. Нежин.

Здесь в Нежине получил я письмо ваше; слава Богу, что у вас все идет довольно хорошо или по-обыкновенному и что здоровье Машеньки поправляется. Я приехал в Нежин несколько раньше дружины для разных счетов с провиантским ведомством. Строганов проехал вперед нас и дожидался ополчения в Нежине. Здесь пронесся слух, есть даже положительное известие, что мы пробудем в Киеве только дня два и отправимся в Каменец-Подольск; но есть также некоторое основание думать, что план этот изменен и что мы войдем в состав не Средней, а Южной армии. Впрочем, Каменец всего в 20 верстах от Бессарабии и состоит, может быть, в районе Южной армии. Во всяком случае это лучше. — Мне кажется, что явное намерение неприятеля вести упорную и продолжительную войну с целью окончательно потрясти и унизить могущество России производит некоторое изменение в общем плане нашей обороны и что мы вынуждены будем прибегнуть к разным диверсиям. Жду с нетерпением почты: говорят, что 27-го августа было дело и очень для нас неудачное[1]. — Так наконец Вы видели ополчение, милый отесинька. Понимаю, вполне понимаю Ваши впечатления; они очень верны, мне кажется[2]. Жалость, которую испытали Вы, не раз испытываю и я, смотря на наших ратников. Перестреляют их французы всех, как куропаток. Все они жертвы, но жертвы необходимые. Мы должны удобрить землю для будущей жатвы, и порядочные люди все-таки не вправе себя устранять от участия в ополчении, готовя себя для лучших времен. Без приносимой теперь жертвы, очевидно, не вразумится Россия. — Воинского жара или просто одушевления в них нет; солдатской покорности и солдатского навыка к военному делу также нет. Впрочем, судя по описанию Вашему, наш народ бодрее костромского. Он у нас и бодр и весел; кормят у нас хорошо и людей не мучат. Может быть, даже они у нас избалованы и их надо бы держать построже. — До сих пор как-то они не довольно серьезно смотрят на свое призвание и о войне не помышляют. Поэтому я бы очень желал, чтоб мы стали поближе к театру военных действий, чтоб несколько более серьезный смысл получило ополчение, чтоб значение дельное проникло дружину. — Как ни скучно стоять на квартирах, однако ж прежде чем пускать ратников в дело, необходимо было бы поучить их месяца два и преимущественно рассыпному строю, который доведен до такого совершенства у французов и который очень труден, и стрельбе. — Здесь в Нежине достал себе иностранные газеты: поймал первого студента и спросил его, получает их лицей газеты? Оказалось, что получает и что они у инспектора Марачевского. Я к Марачевскому и, как скоро себя назвал, был принят с величайшим радушием; открылось, что он и директор лицея, бывши в Киеве,

прочли у кого-то в копии мои "Судебные сцены"[3] и заказали себе копии. Разумеется, газеты я получил, и как ни поздно теперь, но, окончивши письмо, примусь за окончание чтения газет. — Мое собственное хозяйство находится в большом беспорядке; денщик мой Комиссаров отличный человек, но крестьянин и никак не может приноровиться к нашему быту: в мундир он укладывает сыр, колбасу в шелковую рубашку и т.д.; но теперь и денщик болен, так что я вчера по совету здешнего доктора поставил ему 18 пиявок к ушам (у него лихорадка горячечная и с сильнейшею головною болью); это много помогло и оттянуло кровь от головы. Теперь на время прикомандировал к себе из штабной команды какого-то денщика. — На дворе совершенная осень; листья облетают, и пора подумать о теплом платье, которого у меня нет вовсе: заказал я себе еще в Калуге полушубок и поручил это дело Сереже Унковскому, но он не выслал мне его в Новгород-Северск, как обещал. Впрочем, все зависит от того, куда мы двинемся. Если к Перекопу, что сомнительно, то, может быть, велят бросить все повозки и лишнюю кладь и довольствоваться одним вьюком. Впрочем, я имею право держать двух вьючных лошадей. — Нынче, когда входила наша дружина и граф Строганов смотрел ее, вдруг подходит ко мне какой-то господин и называет меня по имени: лицо знакомое, а кто, сказать не могу. "Ваша кузина желает Вас видеть". Еще большее недоумение! Оглянулся — вижу в окне почтовой станции Маш⟨еньку⟩ Петровскую, т.е. бывшую Воейкову[4]. Я подошел к окну, но успел только поздороваться и спросить несколько слов; надо было идти с дружиной. Она ехала с мужем из Киева, где были на богомолье, и очень много расспрашивала о вас. — Прощайте, милый мой отесинька и милая моя маменька, буду писать вам из Козельца, целую ручки ваши и крепко обнимаю Константина и всех милых сестер. Прощайте. Сережа Загоскин вам усердно кланяется. —

201

9 сент⟨ября⟩ 1855 г⟨ода⟩. Козелец.

Здесь я не нашел письма от вас, милые мои отесинька и маменька; верно, вы писали прямо в Киев. Зато здесь нашли мы бумагу из штаба Средней армии с переменою маршрута. Вместо Средней армии мы поступаем в Южную в расположение Лидерса; зимние квартиры нам назначены в швейцарских колониях Аккерманского уезда в Бессарабии[1], куда мы должны прибыть 22 октября, — в Киеве же только дневка. Несмотря на бездну хлопот, порождаемых этою переменою, относительно продовольствия, денежной отчетности и проч., я успел списать маршрут, который вам и посылаю. Я думаю, вы уже не успеете написать мне в г⟨ород⟩ Умань: письмо отсюда до вас пройдет, верно, 8 дней, а из Троицкого посада до Умани также не менее 12 дней, следовательно, попадет туда не раньше 30 сентября. Итак, пишите уже прямо в г⟨ород⟩ Балту Подольской губернии, а потом в г⟨ород⟩ Тирасполь Херсонской губернии, затем пишите все в г⟨ород⟩ Бендеры, я не знаю, как и куда адресовать, когда мы будем в колониях, но из Бендер уже перешлют. — Признаюсь, я очень обрадовался перемене маршрута, потому что эта

перемена произвела некоторую тревогу в нашей однообразно-разнообразной походной жизни и повеяло чем-то серьезным. Я не дальше как вчера все досадовал на то, что мы будто все играем кукольную комедию, что никто не относится серьезно к своему призванию, что все распускается и расклеивается, и считал нужным, чтобы все нас обхватило серьезное, да, серьезное дело. Еще потому я рад этой перемене, что стоять на зимних квартирах Подольской губернии около Каменца было бы чрезвычайно скучно; здесь же у нас на левой руке Одесса и Крым (Одесса всего 40 верст от Аккермана), а на правой Дунай. Пришлось-таки попасть на Дунай! Мы будем стоять вне опасности, это правда, но близ опасности, близ театра войны. К тому же я очень рад, что мы поступим под начальство Лидерса. — С другой стороны, надо сказать правду, хотелось бы нам всем отдохнуть, несколько приостановиться; все устали, не столько физически, сколько нравственно от этого беспрестанного движения вперед; к тому же от этой ежедневной раскладки и укладки все вещи перепортились, многие пропали; мы не запаслись теплой одеждой, у многих и белье порядком не вымыто (так трудно мытье дорогой); все рассчитывали на Киев. А тут в Киеве и обернуться не успеешь: в 1 день вступят поздно, встреча, церковный парад, смотр, может быть, официальный обед, сортировка людей (выбирают неспособных, чтобы их поместить в арсенал); город большой, весь в горах, — словом, никто ничего не успеет сделать. — Три месяца с лишком похода утомительно (с 18 июля по 22 октября). И как далеко буду я от вас, и Бог знает, как еще будут приходить письма! Надеюсь, что вы, не ожидая моего письма, будете писать все в Киев, а в Киеве мы распорядимся о пересылке писем. Я, впрочем, в Киев поеду раньше, именно завтра в ночь, чтобы заранее принять деньги из разных комиссий и порох. —

То, чему так долго не хотелось верить, совершилось. Хоть и предупрежден я был слухами, но чтение депеши Горчакова о Севастополе перевернуло меня всего[2]. Воображаю, что за отчаянная, баснословная была битва! Пронесся здесь слух, что корниловский бастион мы вновь отбили[3]. Или мало всех этих жертв, чтоб пронять и вразумить Россию! — Ужасно. Воображаю, как дрались! Приказ армиям представляет дело гораздо в худшем виде, нежели депеши Горчакова[4]: в нем говорится о севастопольских героях как о людях, уже окончивших свое дело и поступающих вновь в ряды армии. Этот приказ можно было бы так написать, что все полезли бы отнимать Севастополь! Грустно. Говорят, что Горчаков отозван. Как я был бы рад этому: ни одного счастливого дела во всю кампанию[5]. Могу себе представить, какое действие произвела на всех эта новость! — Ах, как там дрались, я думаю. Картина этой битвы беспрестанно мне рисуется. Не ожидал я этого...[6] — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы. Поздравляю вас заранее со днем рожденья милой Надички[7], которую крепко обнимаю. Буду писать вам из Киева; целую ваши ручки, братьев и сестер обнимаю. Пришлите мне в г⟨ород⟩ Бендеры мою подробную карту Бессарабии: она должна быть вверху около окна в углу в моей комнате, также, если не дорого стоит, новороссийский календарь на 1855 год; я думаю, он продается у Базунова[8], разумеется, если будет оказия из Абрамцева в Москву.

202

1855 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 15. Киев.

Здесь нашел я письмо ваше от 1 сентября, милый отесинька и милая маменька; медленно поправляются ваши хворые! Таков странный характер выздоровления всех теперешних болезней; все выздоравливающие шатаются, как тени. Нам не хотелось никого оставлять по пути, однако ж, под конец в Нежине и Козельце оставили трех больных, в том числе и моего денщика, что меня очень затруднило и затрудняет теперь; покуда прислуживает мне плотник из штабной нестроевой команды, но, может быть, здесь я найму человека. В Киев я приехал несколько раньше дружины как для того, чтобы узнать подробности церемоньяла вступления, так и для своих провиантских и комиссариатских дел. Как хорош, как хорош Киев, как я люблю этот город! Несмотря на осень (деревья, кроме тополей, почти все пожелтели, а многие и совсем обнажились), на холодную и ветреную погоду, любуешься им беспрестанно: все еще не зима, слава Богу, скрывающая и формы, и цвет природы. — В течение этого года в Киеве произошли большие перемены: крепость значительно подвинулась, мост со стороны Бровар[1] укреплен грозно, везде пушки, военных и генералитету тьма-тьмущая! Последнее обстоятельство очень неудобно, потому что ко всем надо было являться и потому, что никакого дела просто сделать нельзя: все формальности! Впрочем, ополченцев принимают гораздо учтивее, чем настоящих военных, — меня же принимали еще учтивее, потому Юзефович и другие киевские мои знакомые уже предупредили многих обо мне, да и большую часть этих визитов и явок я совершил вместе с Юзефовичем, который принял меня с распростертыми объятиями и просил переехать к нему, на что, впрочем, я не согласился. Я просто обрадовался остановиться где-нибудь не на квартире, не стесняя хозяев, совершенно независимым. — Готовили торжественную встречу Московскому ополчению (т.е. нашим двум передовым дружинам): и городское общество (купечество) с хлебом и солью, и митрополит с хоругвями, образами и колокольным звоном, и угощение на площади и проч. и проч., и парад, и церемоньяльный марш. Строганов приехал накануне вступления и дал мне нарисованный план этой церемонии для отсылки к графу Толстому. Ратников между тем чистили, чистили, амуницию подкрашивали, словом, хлопот была бездна. Но всему помешала внезапная перемена погоды. Пошел дождь, дождь; часа три у города стояли ратники под дождем, наконец решились отставить все церемонии, их повели прямо, без всяких встреч, на площадь, где угостили их водкой, дали по арбузу и по пирогу (последнему они очень обрадовались, говоря, что с самого Серпухова пирогов не видали, что угощали много и часто, но никто не догадывался поднести пирога) и развели по квартирам. — В Киеве у нас была дневка, а вчера, когда вступили еще две дружины, был парад, с которого ратники прямо и отправились в путь. Было более 4-х тысяч ратников. — "Москва в Киеве, Москва в Киеве", — слышалось всюду. — Русские, которые живут здесь, с особенным восторгом смотрели на них, потому что Киев — город не русский, и польский элемент в нем еще очень силен. — Они проходили

церемоньяльным маршем мимо Панютина, седого старичка с очень добродушным лицом. — Потом был обед в университетской зале для офицеров 4 дружин ополчения от дворянства. Обед — как все обеды подобного рода, но два тоста были очень одушевлены: за Россию и за воинство. Кн⟨язь⟩ Васильчиков сказал речь[2] на тему "Москва в Киеве", но сбился немного и вышло у него, что предки наши ополчались по примеру нашему. Это наидобродушнейший человек в мире. — Вечером был вечер, soirée causante* у княг⟨ини⟩ Васильчиковой, на котором из наших офицеров был я один, прочие уехали, а Толстой был не очень здоров. Вечер наискучнейший, не то, что светский раут, а генерал-губернаторский — вечер подчиненных у начальника. — Я остаюсь здесь еще полтора дня как для окончания дел, так и для отдыха: хлопот у меня здесь была бездна, я принял между прочим 72 тысячи патронов с новыми французскими пулями, полуконическими, со стержнем внутри. Я даже еще не успел побывать в лавре[3]. — Здесь прочел я приказ Лидерса по Южной армии о нашем ополчении: очень неприятный оборот принимает дело. Дружины поступают 3 и 4 батальоном в полк в совершенную зависимость от полкового командира как по строевой, так и по *хозяйственной* части. Полк⟨овой⟩ командир имеет даже право сменить начальника дружины, если признает его неспособным к командованию и если полк расположен далеко от Главной Квартиры. По прибытии на место будет ревизия казначейской и квартирмейстерской части, так что мне надобно успеть приготовиться на предстоящем походе к этой ревизии. Не понимаем, как начальники дружин, генералы (как наш Толстой) будут подчинены полковому командиру, нередко в чине подполковника. Не знаю, каков попадется полковой командир, но знаю только, что дружины наши богаты, имеют капиталы, и вся экономия сохраняется, тогда как полки большею частью содержатся плохо, и полковые командиры кладут экономию в карман. От всего этого могут произойти очень неприятные столкновения. Я против этого распоряжения и потому еще, что этим ослабится нравственная сила ополчения и произойдет странная пестрота: в полку будет тысячи три безбородых и тысяча с бородой, три тысячи одетых по-солдатски и управляемых по-солдатски и тысяча одетых по-ратнически, выученных хуже, чем солдаты, привыкших к другому управлению и управляемых иначе. К Лидерсу поступают 23 дружины Смоленского и Моск⟨овского⟩ ополчения, значит, 25 тыс⟨яч⟩. Из них можно было бы составить целую дивизию, в которую поместить бы только побольше старых солдат и офицеров для научения. — Я думаю, что Толстого прикомандируют к штабу Лидерса, тогда и я перейду вместе с ним. — Кстати об ополчении: говорят, при последних штурмах Севастополя Курское ополчение отличилось — ратники оставили ружья и приняли осаждающих в топоры, причем потеряли 250 человек. — С нетерпением жду подробностей об этом деле. Еще неизвестно, заняли ли французы южную сторону. Да, если б Нахимов был жив, эта великолепная поэма окончилась бы, может быть, иначе. Впрочем, и теперь войска наши оставили южную сторону, отбивши приступы и не преследуемые. Однако ж, когда отдан был приказ оставить Севастополь,

* Вечеринка с разговорами (*фр.*).

никто не захотел идти и требовали, чтоб Горчаков лично, сам объявил войскам этот приказ, что он и исполнил. Если оставались в живых моряки, воображаю, каково им было! — Мне все мешают. Сейчас явился ко мне и просидел с целый час мой сосед Загряжский, начальник дружины, утверждающий, что очень был с Вами дружен[4], милый отесинька. Строганов заставил его выйти, и теперь он сдает дружину. У Загряжского вышла какая-то скандалезная история; впрочем, он все говорит, как homme d'honneur*. Бог его знает! — 20 сентября день Вашего рожденья, милый отесинька. Поздравляю Вас и Вас, милая маменька, и всех. Мне опять пришлось проводить сентябрь месяц вдали. — Как-то провели свой день именинницы 17 сентября[5]. Всех поздравляю и цалую. Еще в Киеве все-таки считаешь себя не далеко, но теперь чувство отдаленности обхватит душу, тем более что получение писем будет очень затруднительно, и я, верно, долго, долго не получу писем. Надеюсь, что вы получили мое письмо из Козельца с приложением маршрута. — Прощайте, милые мои отесинька и маменька, дай Бог, чтоб вы были здоровы, цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. Поздравьте Гришу и Софью с рождением Нины[6], не знаю, куда именно адресовать к нему. Пошлите ему копию с маршрута. — Будьте здоровы.

203

1855 г⟨ода⟩ сентября 29-го, г⟨ород⟩ Умань.

Уж очень давно не писал я вам, милый мой отесинька и милая маменька; на пути не было города; здесь не нашел я письма от вас, впрочем, его и быть не могло, но зато дорогою дошло до меня ваше письмо от 8 сент⟨ября⟩, адресованное в Киев: один из наших офицеров оставался по болезни в Киеве и перед отъездом догадался зайти на почту, взял ваше письмо и привез его мне 25 сентября. — Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, со всеми нашими сентябрьскими праздниками[1], также и всех сестер и братьев. Вот уже второй год, как я провожу их розно с вами; в прошлом году я в эти дни был в Кролевце и потом на дороге из Кролевца в Харьков и никак не думал, что через год буду идти походом в Бессарабию офицером ополчения. Какие-то еще штуки выкинет со мною судьба на будущий год![2] Я с своей стороны никаких планов не строю, более как на месяц не рассчитываю и совершенно отдаюсь ей в волю, смотря сам на свою судьбу будто какой посторонний зритель. Здешние военные такого мнения, что нам еще раз переменят маршрут и что в Тирасполе нас, может быть, повернут на Николаев, около которого стягиваются войска. Я очень рад идти в Николаев, но признаюсь, рад был бы прекращению похода хоть на десять дней; вы себе представить не можете, как надоела эта ежедневная раскладка и укладка бумаг, это неизбежное запущение дел, эта порча и растрата вещей: все думаешь — вот придешь на место и осмотришься и приведешь все в порядок. Мне собственно хотелось бы поскорее разделаться с книгами, отдать отчет, сосчитаться и рассчитаться и сдать эту невыносимо скучную должность. Во всяком случае в Бессарабии или в Николаеве будем мы

* Честный человек (*фр.*).

стоять — это такие пункты, где можно ожидать частых тревог и передвижений; поэтому мне хочется еще больше сократить свой походный скарб и избавиться лишнего. Из Киева с Ефимом, камердинером гр⟨афа⟩ Толстого я уже отослал в Москву часть книг, платья и чемодан. Когда получится это письмо, вероятно, и чемодан, и моя посылка (киевские сухие варенья) будут уже у вас. Если вы его видели сами, то, верно, расспрашивали и получили от него разные сведения о нашем кочеванье. — От Киева до Умани сторона очень интересная, но память ослабевает от постоянного изменения картин местности, людей, обстановки, впечатлений и ощущений; все потом мешается и спутывается в голове, и только редкие явления удерживаются в памяти; записывать некогда; часто приходит в голову мысль: вот об этом непременно рассказать в письме, это замечание необходимо сообщить, но бумаги под рукою нет, старое сменяется новым, и только с трудом с помощью маршрута и напряженной памяти могут выясняться и отделяться прожитые впечатления. Дневника же я писать не могу никак; письма могу писать только прямо набело на почтовой непременно бумаге, а не на простой, и даже в этом отношении не могу себя поддеть, чтоб завести дневник или записки. А нужно будет, потому что война только что начинается, ополчение будет непременно в ней участвовать[3], и как вступим мы в круг военных действий, писание и получение писем будет сопряжено с величайшими затруднениями. Но кроме впечатлений походных, сколько событий совершилось в это время! — Сначала передам вам самые свежие вести, слышанные мною здесь. Под Евпаторией была стычка кавалерийская небольшая, но для нас неудачная: мы потеряли человек 200 благодаря беспечности, как говорят, дивизионного начальника Корфа[4]. Чуть ли нет намерения вывести совершенно войска наши из Крыма. При настоящем положении дел, т.е. при настоящих начальниках, может быть, так и следует. В противном случае Горчакова как раз отрежут от Перекопа и возьмут в плен всю армию или уморят голодом. Корнилов бастион был взят после полудня, когда по прекращении бомбардировки (она обыкновенно к 12 часам переставала) войска и офицера пошли отдыхать и обедать; сам Горчаков только что сел за стол, как вбежал адъютант с известием, что курган взят. — Во французских газетах, которые мне удалось прочесть у одного польского пана дорогой, удивляются оставлению Севастополя; Пелиссье[5] никак этого не ожидал, напротив того, предполагал, что со взятием башни придется ему еще осаждать снова. Впрочем, говорят, Горчаков опасался, чтоб неприятель не разрушил моста[6]; к тому же потери наши от этого бомбардирования были слишком сильны. Говорят, что Крым стоит нам уже 120 т⟨ысяч⟩ войска! Все это так, но трудно мириться с мыслью о нашем поражении, об оставлении за неприятелем целой области. Государь теперь в Николаеве и, слышно, долго еще там останется. — Странно, что резервы почти не трогаются с места, а ополчение, которое в настоящем его виде, не в рукопашной схватке, менее может принести пользы, чем резервное войско, идет на театр войны. Правда и то, что такое войско, как ополчение, должно быть чем-нибудь занято, должно непременно отведать серьезного дела: без дела оно в течение зимы просто расползется и произойдет разложение: иначе и быть не может. В нем нет ни

дисциплины, ни одушевления, двух двигателей масс. – 400 тыс⟨ячные⟩ ополчения будут растрачены даром, потому что правительство, прибегнув к этой экстренной мере, не хочет понимать того, к чему подобная мера его обязывает и без чего ополчение бессильно. Поступая в состав полков как 3 и 4 батальоны, мы испещряем полки и лишаемся всякого смысла как ополчение. Покуда нас встречают с крестом и хоругвями; 1 и 2 батальоны полка не удостоиваются этой чести, и военные с презрением смотрят и будут смотреть на эту "толпу мужиков", которых кормят, поят и балуют в тысячу раз лучше, чем солдат. Лидерс в приказе говорит, что мы должны составить благонадежный резерв для войск; но резервом обыкновенно пополняются убылые места; не будут ли ратников брать в солдаты, разумеется, сбривая бороду и одевая в мундир? Если так, то не лучше ли было бы просто сделать рекрутский набор: по крайней мере, этот народ был бы хорошо обучен. В составе полков ополченцы совершенно потеряются, будут затерты, не видны, будут из слабых солдат; если можно еще придать ополчению какой-нибудь смысл, так это собравши его целою массой. — Прочел я статью Погодина в газетах о пребывании государя в Москве[7]. Верю его искренности и понимаю, что положение государя действительно внушает сильное участие; что же касается до последних строк статьи, то, хотя они и новость в наше время (после Николая) и кажутся чем-то смелым, однако ж не думаю, чтоб они имели большой успех[8]. —

Я думаю, что в Балте найду письмо от вас, уже прямо туда адресованное; верно, вы напишете мне, что дом в Москве уже нанят и что вы скоро туда переедете. Очень рад буду этому, особенно за сестер. В какой-то части города вы теперь поместитесь? Если дом приискан, то вы, верно, тотчас туда переселитесь, потому что северная осень не привлекательна в деревне.

А здесь что за осень, просто чудо. Листья и здесь большею частью опали, но там, где деревья защищены от северного ветра, они принимаются цвести во 2 раз! 25 сентября, когда мы стояли в Добре помещика Ружицкого, где есть великолепный пруд, наши ратники во множестве купались. По ночам ходишь в одном платье. Осень, конечно, слышна в воздухе, но она как-то мягка, приятна, ласкова. Здесь люди не боятся природы: теплых сеней нет; прямо из комнаты дверь на улицу; войлоком обитых дверей не видно. Хороша южная природа, нечего сказать, и не смотря ни на что, доставляет мне неизъяснимые наслаждения. Ее гармоническая песнь слышится мною постоянно сквозь всю дисгармонию жизни, все диссонансы быта, не смотря на жидов, поляков, чиновников военных, чиновников гражданских и всю чепуху административную, не смотря на события политические. Да, вам надобно же сказать что-нибудь об этой стороне. Три западные губернии — Киевская, Подольская, Волынская, или Заднепровская Украйна, представляют очень грустное явление. Народ православный и русский (т.е. малороссийский) угнетен жидами и польскими панами; поляки угнетены правительственными лицами, и все угнетены роковою чепухой современной всероссийской жизни. Эта сторона — чудная, богатая всеми дарами природы, колыбель Руси, сторона ее первой, девственной молодости, до татар и до царей, была также театром всех отчаянных сеч

казаков с ляхами за веру и за свободу, всех страшных козней и угнетений, испытанных казаками от поляков во времена введения Унии[9]. Все это было до Богдана Хмельницкого[10]; после Хмельницкого она была раздираема внутренними смутами, разоряема и своими, и турками, и татарами, и московскою ратью, и поляками. Россия не сумела удержать за собою Заднепровской Украйны и уступила ее Польше[11]. Польша немедленно уничтожила в этой стороне казачество и раздала земли и населявших земли в поместья своим магнатам. Почти вся Киевская губерния принадлежала 4 из них; и теперь еще они владеют здесь огромными местностями: у графов Браницких здесь 100 т⟨ысяч⟩ душ, у графов Потоцких столько же, если не больше. Итак, поляки, гонители православия, уничтожившие казачество, католики овладели этим народонаселением православным и вольным, поселились тут помещиками, стали пановать со всею дикостью причуд и прихотей польских взбалмошных панов; сторона покрылась костелами, католическими монастырями и училищами. Конечно, польское влияние было здесь сильно и прежде, но все же не в такой степени, да оно было и сброшено при Богдане Хмельницком. Можете себе представить, каковы были отношения этих крестьян к этим помещикам, которые вдобавок раздавали свои поместья посессорам, т.е. в аренду, или жидам, или мелким шляхтичам. Война продолжалась, только приняла другой характер. Казаков уже не было, но явились гайдамаки, беглые помещичьи крестьяне и буйная сволочь, нетерпимая даже в Запорожской Сечи[12], над которую уже висела русская гроза. Гайдамаки точно поступали разбойнически, но цель их нападений были польские паны и жиды. Знаменитейшие из них были Железняк и Гонт[13], которые в народных песнях до сих пор считаются героями и мучениками за ве́ру и вольность. Они разоряли польские поместья; польские паны в свою очередь набирали своих хлопцев и всю свою челядь и ходили на них войною. Недавно один поляк рассказывал при мне неистовства гайдамаков в этой стороне (уже во 2-ой половине 18 столетия происходила здесь знаменитая Колиевщина или Уманьская резь, побиение гайдамаков[14]); я не выдержал и попросил его вспомнить, что делали поляки с гайдамаками; он должен был сознаться, что Гонт (или Железняк — не помню) был гр⟨афом⟩ Потоцким изжарен на вертеле[15]. Все это было не очень давно, лет 80, не больше. С присоединением этих губерний к России тиранство поляков было ограничено[16], но понятно, каким чувством дышит здешнее народонаселение. Как бы там ни рассуждали, а инвентари *здесь*, по моему мнению, истинное благо[17]. — Когда вышел указ об ополчении и его прочли в церквах, то здешний народ понял его иначе: "Государь призывает всех к обороне, и нас также, хочет, чтобы мы были казаками и обороняли здешнюю сторону от ляхив". Произошел бунт, т.е. крестьяне восстали, давши себе слово не пить и заперев все шинки, не стали робить панщину[18], уверенные, что они теперь казаки. Помещики и управляющие-поляки бежали; может быть, крестьяне и принялись бы за них, но странно (и никто еще мне этого порядочно не объяснил), прежде всего принялись за своих православных священников, которых стали подвергать разным истязаниям. Они, кажется, были ими недовольны за то, что священники вздумали усмирять их и, в глазах крестьян,

держали сторону поляков-панов. — Употребили военную силу, даже пушки, убили несколько десятков людей, бунт кончился, и помещики, и посессоры[19] возвратились. Но народонаселение сильно раздражено. Это просто чутьем в воздухе слышишь, да и на лицах прочесть можно. Один из крестьян прибил чуть не до смерти за то, что тот приставал к знакомой крестьянину девушке, одного из наших кадровых (т.е. настоящих) унтер-офицеров. Прибить солдата едва ли кто решится у нас. Еще сильнее стало недоумение в народе, еще темнее темный лес администрации, его давящей; к раздражению против полячков присоединяется раздражение против москалей. — "О, пан, как мы боялись, — рассказывала мне по-польски одна полька, дочь управляющего, — это было в ночь на Светлое Воскресенье: стоят толпы народа, сходятся до рады, шепчутся между собой, а мы едем мимо, чуть живы... о, барзо страшно!" — Нам приходилось стоять все в помещичьих польских имениях, иногда у самих панов, иногда же у их управляющих. Везде встречали нас прекрасно, лучше, чем где-либо, везде подносили ратникам водку, дарили им мясо, хлеба, круп. Поляки вообще люди довольно образованные, получают и читают иностранные газеты, и в этом отношении останавливаться у них было довольно приятно. — Но во всех других отношениях было невыносимо тяжело. У всех поляков отобраны ружья (за немногими исключениями), и страстные охотники в этой стороне, где такая привольная охота (водятся дикие козы и во множестве) лишены возможности охотиться; между тем, наши офицеры отправляются на охоту, и, не зная этого запрещения, вы сами расспрашиваете хозяина, охотится ли он и хорошие ли у него ружья и проч. — Вас встречают с приветствиями, которым вы не верите; с прискорбием сообщают вам весть о нашем положении, и вы знаете, что втайне хозяин радуется ему, вы чувствуете, с какой злобой и презрением смотрит он на ополчение, которое угощает. Положение поляков, даже верных, даже преданных России, в настоящее время в высшей степени тягостно, и оно способно возбудить ваше сожаление. А между тем в этом же доме, где вас угощает польский пан, одному его взгляду послушна русская прислуга, весьма уже ополяченная, говорящая по-польски, но тем не менее православная. Видеть русского крепостным у польского пана и отвыкшего от русского языка, потому что пан говорит с ним только по-польски, еще тягостнее. — Вот здесь в городе мимо меня часто ездят экипажи разных польских помещиков, почти все графов (впрочем кто в Польше не граф!): лошади в краковских хомутах (какие-то высокие хомуты, с лентами, перьями и всяким цветным убранством, довольно безвкусным), в шорах, передние лошади бегут одни без форейтора, кучер с длинным бичом, словом, упряжь такая, как и за границей. Если кучер поляк, так оно так и идет, одно к другому, но иногда вы ясно видите, что кучером сидит переряженный крепостной хохол — и делается за него невыносимо больно. — Из 4 братьев Браницких один остался жить в Париже, и 25 т⟨ысяч⟩ душ, ему принадлежащих, конфискованы казною, чему я очень рад. — Досадны чрезвычайно притязания на Украйну поляков как на родной край, как на часть Польши; "родная Украина", — пишет один польский поэт, которого я недавно читал, тогда как это край, ими завоеванный, ими угнетенный и их ненавидящий. — Мужчины довольно скрытны, но польки

смелее высказывают свои чувства; вообще патриотизм польский наиболее поддерживается ксендзами и женщинами. Те польки, которых мне удалось видеть от Киева до Умани, не хотели иначе говорить с нами, как по-польски, хотя умеют говорить и по-русски, и по-французски, с некоторым трудом — это правда, однако же все понимаешь, и если бы это продолжалось дольше, я бы отлично выучился по-польски. Благодаря знанию наизусть некоторых стихотворений Мицкевича на польском языке[20] я встречал у полек прием весьма благосклонный, и даже одна из них мне подарила книжку стихов того поэта (Мальческий)[21], о котором я говорил. Стихи очень и очень хороши и почти все говорят об Украине. — Какое множество здесь жидов! Просто ужас! И они сами, и жилища их насквозь пропитаны отвратительным запахом чеснока. Белая церковь — огромное местечко, принадлежащее графу Александру Браницкому, наполнено ими. Самих польских магнатов мы не видали, они живут в Варшаве; теперь гнет и образование укротили несколько взбалмошную спесь польских богачей; остались только следы и предания. — Умань до 1830 года принадлежала одному из графов Потоцких. Теперь он эмигрант, а имение его досталось казне. Около Умани кавалерийские поселения; Умань сделана городом и городом военным вроде Елисаветграда, красивым, опрятным, чистым, а сад, знаменитый, великолепный сад Софиевка[22] назван Царицыным садом. — Верстах в трех от Умани находится сад, чуть ли не третий в Европе по красоте. По мне он несравненно лучше петергофского[23]; в нем есть то, чего нет нигде: соединение дикости с искусством. — Предание говорит, что отец эмигранта Потоцкого был женат на какой-то красавице гречанке, которая, гуляя вместе с ним, восхитилась каменистой балкой (оврагом) в лесу, и граф Потоцкий, чтоб исполнить желание гречанки, как истый поляк, устроил здесь сад, положивши на это до десяти мильонов или что-то около этого. В самом деле трудно себе представить что-нибудь лучше. Сад самый роскошный раскинут на диких скалах и утесах; огромные пруды устроены в балке, вода проведена всюду и широким, сильным водопадом летит по каменьям величины необъятной, навороченных сюда не человеческою рукою, ибо не сдвинуть их человеку. Есть гроты обширные из трех каменьев или утесов. Фонтаны великолепные и едва ли уступят петергофским. Эти фонтаны нисколько не оскорбляют, потому что кругом фонтана дикие скалы во всей красоте своей, не тронутые искусством. Об оранжереях, о туннеле под садом, где плавают на лодке из верхнего пруда в нижний посредством особо устроенных шлюзов, о зверинце, о киосках и проч. я не говорю; это везде быть может, но здесь есть то, чего не достанешь ни за какие деньги. Какая роскошная растительность при этом, что за деревья!.. Вода, скалы, виноград, зреющий на солнце, тополи, уходящие в небо, перспектива отдаленных видов, вековечные деревья, вкус, красота, природа и искусство. — Очаровательно здесь! — Казна отпускает ежегодно до 10 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ на ремонт сада. Будь это сад за границей, всем бы он был известен, все бы нарочно ездили его смотреть! — В Умани у нас была дневка. Дружина нынче ушла, а я догоню ее завтра: здесь я остался для счетов с провиантским ведомством и для того, чтоб получить с почты денежные письма ратникам: иногда приходит писем до 70, с рублем и

двумя, иногда и более, до 10 рублей серебром. Я воспользовался этим днем, чтоб написать вам на досуге. — Так вот сторона, чрез которую мы теперь проходим. Не знаю, передал ли я вам об ней верное понятие. Над этим гнетом и безобразием земного быта стоит шатром такое чудное южное небо, горят так ярко южные звезды. Право, не припишите это чему-либо другому, — вид южной природы, ощущение этого тепла, эта близость человека к природе, ее ласковость (повторяю часто этот эпитет: он очень верен, мне кажется) способны доставлять мне наслаждение вопреки страшному концерту фальшивых нот, звучащих около меня на земле. — Завтра придет почта и привезет новые газеты. Авось-либо появится наконец подробное донесение о деле 27 августа[24].

Итак, прощайте, милая моя маменька и милый мой отесинька. Будьте здоровы; дай вам Бог провести зиму в Москве совершенно приятно и спокойно. Что делает Константин? Работает ли над грамматикой?[25] Поздравляю вас с днем рожденья Машеньки[26], ее самое и всех. Прощайте, целую ручки ваши, обнимаю крепко сестер и братьев. Буду писать из Балты. Да пришлите мне настоящий адрес Гриши.

И.А.

204

6-го октября 1855 г⟨ода⟩. Балта.

Я рассчитал верно, милый отесинька и милая маменька, и ваше письмо пришло именно к самому дню вступления нашего в Балту. Это письмо ваше от 22 сентября, а последнее перед этим было от 8 сентября. А как вы писали в Киев три раза, я же получил адресованных в Киев только два, то, должно быть, одно из них до меня не дошло, и вот почему: несмотря на формальное наше уведомление, куда пересылать за нами казенные и частные пакеты, киевский почтамт (самый беспорядочный во всей России) распорядился, как я слышал, иначе: именно отсылать все пакеты в Одессу, в Главную квартиру Южной армии, отсюда они будут разосланы по местам постоянного квартирования дружин посредством полевого почтамта. Я думаю, что еще письма, к нам адресуемые, можно будет получать без затруднения, даже отправляемые прямо с места; но наши письма, когда мы придем на место, будут, вероятно, прежде отсылаемы в Главную квартиру, где их немножко пораспечатают и потом уже отправят по принадлежности. Следовательно, нужна некоторая осторожность. — Вы пишете, что нанятый дом не годится и что надо искать другого, но не говорите, в какой части города и за какую цену он был нанят; из письма вижу, что маменька уже воротилась из Москвы, вероятно, обо всем этом было писано в письме, до меня не дошедшем. Итак, Аркадий Тим⟨офеевич⟩ опять водворился в Москве. Что он говорит про мое поступление на службу в ополчение? верно, бранит. В Балте мы получили из Главной квартиры полное собрание приказов по Южной армии с 1 января, разумеется, печатных. Хотелось бы очень знать

администрацию армии и хозяйственное устройство у французов: неужели так же многосложно, как у нас, так же изобильно всякими формальностями, письменностью, ведомостями и таблицами, таблицами таблиц и ведомостями ведомостей! У нас точка отправления во всяком хозяйственном устройстве та, что все должны быть мошенники и воры; все состоит из предосторожностей против мошенничества и в то же время из признания этого мошенничества как неминуемого зла. Это особенно видно при расчете и отпуске денег. Казна на многие предметы отпускает менее необходимого, а на иные и вовсе ничего, в полной уверенности, что командиры нахватают непременно много денег и что правительство вправе требовать от них, чтоб все эти предметы содержались в исправности. Разумеется, на многих вещах накопляется значительная экономия, которую мошенник или, лучше сказать, истинный русский человек с полным иногда простосердечием кладет в карман, а человек с более строгими понятиями о честности употребляет на пользу службы. Но сохрани Бог этого честного человека показать эту экономию официально: ее отнимут и у него не будет денег, чтоб покрыть те издержки, которые правительством не признаются: напр⟨имер⟩, лошадям полагается 2 гарнца в сутки[1], но на этом продовольствии нет возможности содержать лощадь подъемную и в походе, и ей дается вдвое на счет экономии. И потому честный человек должен лгать и лгать официально. И те, которые отпускают деньги, знают, что весь расчет будет ложный, и те, которые принимают, и те, которые ведут книги, и все лгут, лгут для удовлетворения требований официальной лжи, какого-то страшного чудовища, именуемого в России порядком и снедающего Россию. Я в этом отношении очень плохой казначей и еще не искусился настоящим образом лгать в порядке, т.е. выводить в книгах небывалые расходы, но без этого нельзя, пожалуй, подвергнешься взысканию, и потому-то я стараюсь теперь всячески привести *в порядок* свои книги, а по прибытии на место найму какого-нибудь доку-писаря, который наведет на них окончательный лоск. Напр⟨имер⟩, денег на лазарет не отпускается ни копейки, а мы наняли фельдшера за 50 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ до места, устроили фургоны, везем их тройками, завели лазаретную кухню, покупаем лекарства: все эти расходы я вывести не могу, с меня взыщут, пожалуй, деньги за это, и потому надо сочинять какие-нибудь другие статьи расхода, выводить под ними росписки и проч. и проч. Странный порядок! Можно ли чего ожидать при такой системе; все изолгалось в администрации. Есть уже приказ о том, что по прибытии на место Строганов увольняется от должности начальника ополчения, а нач⟨альники⟩ дружин должны сдать дружины на законном основании полковому командиру, оставаясь батальонными командирами. Если неприятель скоро прекратит кампанию в нынешнем году, то, вероятно, зиму дружина проведет спокойно в местах своей стоянки. Впрочем, чрез полмесяца все узнаем. Чем ближе к месту, тем затруднительнее становится поход, тем серьезнее становится характер всего дела ополчения, и ратники, по крайней мере многие, начинают задумываться или пить с горя. Ко мне не раз приходили с вопросом: "Правда ли, говорят, Господь даст нам возвратиться?..". Я объясняю, что теперь, когда почти отнята у нас целая область, нельзя возвратиться, не сделав никакого дела,

после чего ратники молча, но с грустным выражением покорности уходят. Теперь все более и более чувствуется чужбина; сторона все менее и менее русская. Здесь все жиды и жиды и все в руках жидов. От них ни привета, ни ласки нет ратнику, все втридорога, на него глядят как на неприятеля. Хотя и крепко не любит русский человек жида, однако ж до сих пор отношения довольно мирны, кроме некоторых отдельных случаев: раз одному пьяному ратнику вздумалось заставить жидов целовать крест на фуражке, и я должен был освобождать жидов от этого насилия; в другой раз, оскорбленные ругательствами какого-то пьяного жида, они избили трех из них до полусмерти, впрочем, жиды эти выздоровели. — Из Умани я догнал дружину в Хощевате, потому что она, не заходя в Юзефовку, прошла прямо в Хощевату, выкинув лишних верст 20 крюку и вместо одного дня дневки имела два дня. Это жидовское местечко, принадлежащее помещику, польскую фамилию которого я теперь забыл. Я стоял у еврея в шинке, т.е. рядом с шинком в крошечной комнатке. В субботу (шабаш) евреи не разводят огня, не торгуют, и потому мы все (кроме обоих начальников дружин, квартировавших у помещика и довольно отдаленно от местечка) должны были довольствоваться холодною пищею, т.е. колбасой и сыром. На следующий день, как ни противно было, а пришлось пробовать пищи еврейского приготовления; впрочем, я заранее условился, чтоб не было чесноку. Евреи живут очень грязно, очень тесно, спят почти одетые под засаленными перинами, вообще народ довольно противный, но очень, очень умный и даровитый. Женщины все красавицы, но с совершенно холодным, бесстрастным взором, в котором выражается только одна корысть. В шабаш запрещено брать деньги, и забавно было видеть, как еврейка продавала вино ратникам, не принимая денег в руки, а приказывая класть их на стол. В Хощевате протекает Буг или, лучше сказать, стремится, бежит Буг; каменные пороги останавливают тут его течение, и он шумит, как мельница. Все реки, вытекающие из Карпат, чрезвычайно стремительны и быстры, и Буг в том числе; в том месте, где мы переправлялись, в полуверсте от порогов, было до 5 сажен глубины. До Балты мы все переходили горы страшной вышины: это отроги Карпатских гор. Местоположение вообще живописное, а что за погода, что за осень — чудо. День весь ходишь в одном платье, да и то жарко; ночи также теплые, такие, как майские, но деревья почти совсем облетели, кроме тополей. — В Балте мы еще имели дрова (для кухни), но теперь не увидим ничего, кроме камышу, соломы, козяка и бурьяна. Овес становится редкостью, и лошадей мы начинаем кормить ячменем, который здесь дешевле овса; гречневая крупа страшно дорога. От Умани до Балты ратники шли на сухарях, потому что в Умани вместо муки дали сухарей; здесь же наоборот — не дали сухарей и заставили взять муку из здешнего провиантского магазина; мука эта была заготовлена в количестве 70 т⟨ысяч⟩ четвертей по распоряжению Меншикова и лежала под открытым небом месяца четыре. Так как у нас теперь нет офицера-хлебопека (за болезнью некоторых офицеров), то на этот раз эту скучную обязанность принял я на себя, ходил со щупом по магазину и, конечно, мог бы приобресть множество практических хозяйственных сведений, если б было больше к ним охоты. — Здесь в Балте нагнал нас Строганов; завтра он

едет в Ольвиополь, чрез который идут остальные 8 дружин, и потом в Одессу для сдачи ополчения. — Он изыскивает теперь все способы, как бы оградить некоторую самостоятельность ополчения и сохранить за ним денежные его капиталы. — Прочел я здесь и газеты, и депешу о деле Корфа[2]. Интереснее и живее рапортов официальных письма иностранных корреспондентов о взятии Севастополя. Воображаю себе картину отступления войска, сопровождаемого взрывами фортов, освещаемого пламенем, войска мрачного, но грозного, давшего перед этим отпор многочисленной армии! Положительно известно, что неприятель бомбардирует Кинбурн и Очаков, две крепостцы, заграждающие вход в устье Буга, к Николаеву, высадил десант где-то около Очакова[3] и что войска наши двинулись от Одессы к Николаеву чуть не беглым шагом. Может быть, вследствие этого и нам переменят маршрут и также двинут на Николаев. Поэтому я до сих пор не могу вам назначить верного другого адреса, кроме Бендер. Вы спрашиваете, не нужны ли мне деньги? Они мне не нужны, если я получу 270 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, следующих мне по высоч⟨айшему⟩ повелению, как и другим офицерам, пред открытием кампании, на покупку лошадей и проч. Эти деньги мы должны были бы получить в Киеве, но киевская комиссариатская комиссия не дала их, потому что не получила предписания о том из д⟨епартамен⟩та, несмотря на высоч⟨айшее⟩ повеление, и потому что мы из Средней переведены в Южную армию. Теперь эти деньги должно будет получить из полевого комиссариатства Южной армии, а где оно, нам неизвестно, но рано или поздно мы все-таки эти деньги получим, а до того времени я обойдусь тем, что у меня есть. К тому же куда высылать деньги? Я покуда не могу назначить адреса, и потому прошу и не высылать. Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Пишу это письмо в Абрамцево, а, может быть, вы теперь уже в Москве! Будьте здоровы, цалую ручки ваши и обнимаю Константина и сестер. Поклонитесь от меня Арк⟨адию⟩ Тим⟨офеевичу⟩ и Анне Степ⟨ановне⟩. — Я не одобряю намерения милого Гриши поступить в ополчение: он женат, у него семейство. Куда ему настоящим образом адресовать? Обнимаю его и Софью крепко. Прощайте, буду писать из Тирасполя или из Бендер: между этими городами всего верст 8 расстояния; в Бендерах, верно, найду от вас письма и посылку.

205

1855 года октября 14 дня. Тирасполь.

Здесь в Тирасполе нашел я два ваших письма, милый отесинька и милая маменька, одно от 16-го, другое от 26 сентября, первое письмо переслано сюда киевской почтовой конторой. От всей души благодарю Вас, милая маменька, за письма, также Константина и сестер за письма и за поздравления[1]. — Я приехал сюда еще вчера и успел побывать в Бендерах, но на тамошней почте не нашел себе ни писем, ни посылки от вас; может, что и было получено, но все глупым распоряжением почтовой конторы отправлено в Одессу в Главную квартиру. Ваши письма живо передают впечатление, произведенное на вас взятием Севастополя[2], да и вообще участие душевное, принимаемое Москвою и вообще

Великороссией в этой войне, гораздо сильнее участия здешнего края, несмотря на близость театра войны. — Хотя и здесь ожидают всегда петербургской почты, чтоб в петербургских газетах почерпнуть достоверные известия о том, что делается в 100 верстах отсюда, однако вот вам сведения довольно положительные и точные, слышанные мною от приезжих. Очаков нами взорван[3]: укрепление тут было самое ничтожное (для чего же над ним потрачено сколько работы в это нужное время?); Кинбурн взят неприятелем вместе с гарнизоном[4]; двести человек наших пробились; остальные, отрезанные совершенно, захвачены в плен. Владея воротами Бугского и Днепровского лимана, неприятель высадился верстах в 20 от Херсона, откуда казенные бумаги и архивы все вывезены. Говорят, будто около Николаева стянуто до 80 т⟨ысяч⟩ нашего войска, но это не помешает отступить и послужит только к усилению нашего бесславия, к лучшему доказательству нашей несостоятельности. — Корф сменен, на место его назначен Радзивилл[5]. — Как неумолимо правосудна судьба! Как жестока в своей логике! Признаюсь, я не очень негодую на Горчакова; Севастополь пал не случайно, не по его милости; я жалею, что не было тут искуснейшего генерала, чтобы отнять всякий повод к искажению истины; он должен был пасть, чтоб явилось на нем дело Божие, т.е. обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа. — Видно, еще мало жертв, мало позора, еще слабы уроки; нигде сквозь окружающую нас мглу не пробивается луч новой мысли, нового начала! — Мы ожидали, что в Тирасполе нам переменят маршрут, однако ж этого не случилось, и мы будем продолжать свой путь в колонии. — Здесь не только нет перемены маршрута, но даже нет официального сведения о проходе дружин, так что в размещении квартир, в подводах и хлебопечении встретились большие затруднения. Даже нет городничего, он удален за какие-то беспорядки, распоряжаются какие-то Семен Иваныч и Яков Иваныч в красных полицейских воротниках да евреи. Трудно поверить, что неприятель по прямой линии в каких-нибудь ста верстах отсюда или немного больше. — Впрочем, в Тирасполе, т.е. подле самого города, устроена небольшая крепость над Днестром[6], а на другом берегу Днестра верстах в 8 от Тирасполя стоит довольно грозная с виду крепость Бендерская[7]. Переправы нет, как прежде; устроен понтонный мост.

Я, чтоб не терять времени, ездил в Бендеры на ночь, чтобы утром, обделав свое дело, вернуться назад в Тирасполь. Полная луна великолепно освещала Днестр и недавно возведенные укрепления, башни, батареи, откосы, ворота: все это на досуге обделано так правильно, так красиво. Любуясь этим чудным видом, я думал про себя, к чему все это? Для того, чтоб при первом появлении неприятеля быть срытым, взорванным, оставленным! По моему мнению, эти обе крепости совершенно бесполезны и не помешают неприятелю переправиться через Днестр в другом месте. Днестр хотя и быстр, однако местами так мелок, что вброд переходят, да и не широк. Они могут иметь значение разве как укрепленные лагери и складочные места. — Странно, что об нас нет никакого распоряжения: мы не знаем даже, к какому полку мы прикомандированы, откуда будем получать провиант на людей, а между тем

нынче 15-ое, а 22-го мы приходим на место. Кажется, они там потеряли совсем головы, и мне кажется, что они даже не знают, что делать с войском: никакого определенного плана не заметно. Впрочем, неприятель, переносясь на кораблях с пункта на пункт быстрее наших дивизий, бегущих за ним по берегу, совершенно сбивает с толку наших военачальников и ломает все их планы. — От Балты мы шли все Херсонской губернией, плодородною, но печальною стороною, потому что она, особенно теперь осенью, когда хлеб убран, вся гола: нигде ни прута не видно. Степь волнистая: к востоку она улеглась, но здесь эти перекаты или валы земляные поднимаются иногда очень высоко: деревни большею частью разбросаны в долинах, балках или на отлогостях гор; беленькие маленькие хатки лепятся по ним, будто стада барашков издали. Народонаселение смешанное: русские раскольники, хохлы, евреи и молдаване; далее к югу и в Бессарабии пестрота еще сильнее. Я полагаю, что слабость нравственная здешнего народонаселения имеет значение для теперешней войны. Если б эти стороны были населены цельным, коренным, туземным племенем, одушевление, нравственный отпор действовали бы и на войско, и на вождей; среда, воздух был бы другой, более укрепляющий. Здесь же русские будто на чужбине: народонаселение составлено из беглых, бродяг и иностранных пришельцев. Коренные русские здесь — раскольники, очень злые, имеющие сношение с заграничными раскольниками, раздраженные последними мерами, принятыми против раскола правительством[8]; крестьяне-хохлы, все господские, разоренные и раздраженные; молдаване — дряблый народ; евреи — господствующее народонаселение, господствующее в нравственном смысле, на них вовсе нельзя положиться; чиновники — сброд, большею частью из польских шляхтичей; помещики — все какие-то иностранцы. Наконец колонисты всех возможных наций, извлекающие вместе с евреями огромнейшие выгоды из настоящего положения: у них капиталы, они подрядчики. — Воронцов, обогативши край, открывши источники сбыта, в то же время объиностранил, очужеземил его и обессилил нравственно. Болгаре и греки, я думаю, самое лучшее народонаселение в здешнем крае. — Да, вот еще что. — На одной станции зашел я после обеда к одному из своих товарищей, был уже вечер, хозяин, только что воротившийся с панщины, сидел усталый на печи, подле него две женщины, сидели они молча. Хата бедная, но чистоты необыкновенной, красивее и изящнее хат малороссийских, кроме белой глины и мелу, здесь употребляют глину кофейного цвета, которою обводится нижняя часть стен и печей. Везде кругом были признаки вкуса, везде видна потребность изящного, не удовлетворяемая и не разработываемая, ограничиваемая бедностью. Тоска жила в этой хате, точно будто гнет ее становился с каждой минутой тяжеле, тяжеле; все молчали, и наконец молчание прервано было выдавленными из груди словами хозяина: “Хоть бы англичанин скорее пришел!” Можете себе представить, как подействовали на меня эти слова. Я пустился в разговор, и хозяин объяснил мне, что они разоряются панщиной: “Три дня работаю на казну (подводы и другие повинности), окончишь работу — пан требует своих трех дней! как же тут поправиться! — Вот согнали нас работать в крепости (должно быть, в Бендерах): ну, ничего, теперь война,

царская работа, нельзя же без этого. Две недели мы там работали, возвращаемся домой, пан посылает на свою работу, казенное дело кладет на наши дни!.. Так уж тут бы один конец, что так томиться, что англичанин придет, разорит!..". Конечно, может быть, не все так думают, и по одному нельзя судить о всех, но есть основание вывести и общее заключение. Помещикам в здешнем крае не мешало бы одуматься. Не скажу наверное, но полагаю, что иностранные эмиссары могут найти себе внимательских слушателей в здешнем крепостном народонаселении. — Из Осиновки я поехал вперед в г⟨ород⟩ Тирасполь, сначала на подводе обывательской, наконец добрался до почтовой станции Малоешты, где взял почтовую тройку (между прочим, я так обрадовался возможности скорой езды, что эти 15 верст на лихой тройке, в легкой плетеной тележке, по ровной степи, по дороге гладкой, вылощенной, будто чугунной, при полном месячном освещении, когда я несся, что только было силы, доставили мне, несмотря на все неприятные известия, истинное наслаждение!). Итак, на станции Малоешты спросил я старика, содержателя лошадей, что нового? Он отвечал мне: "Наши батьки-казаки с Суворовым брали Очаков[9], а теперь Очаков сдают... Видно, люди не те стали, да и Суворова нема!" — Здесь в газетах прочел я 1) указ о назначении старшего брата Толстого, Алексея, начальника Калужского ополчения, командиром 2-го резервного пехотного корпуса. Может быть, мы войдем в состав этого корпуса; 2) указ об ополчении Оренбургской и Самарской губернии. Совершенно согласен с милою Верой, что это выходит просто дворянский набор, который не мешало бы подчинить общим правилам о наборе; думаю, впрочем, что на выборах примут в уважение то, что я уже поступил в ополчение. Я потому еще более не советую ни Константину, ни Грише вступать в службу[10], что Оренбургское и Самарское ополчение по отдаленности от места войны, вероятно, будет нести гарнизонную службу в самой России; да и из кого оно будет состоять? Из татар, чуваш, мордвы, черемис и т.п. А может быть, оно отправится стеречь киргизскую границу или в Сибирь. Гриша будет, верно, на выборах, буду писать к нему прямо в Самару. — А Самарин избежит ли службы или нет[11]? — Это письмо последнее пишу вам, милый отесинька и милая маменька, из города; следующее затем письмо я и не знаю, где буду писать и откуда отправлю! Покуда все шло еще, как заведенные часы; известность местопребывания нашего в такой-то день там-то как будто связывала меня, сближала с вами, а теперь будто вновь расстаюсь и прощаюсь. Вы можете быть спокойны в том отношении, что маршрут не изменен и что в швейцарских колониях довольно спокойно и удобно. Теплой одеждой я запасся. Унковские прислали мне полушубок, который я просил их заказать для меня в Калуге: полушубок вычерненный, точно замша, сшит на покрой мундирного кафтана, с погонами и стоит всего 16 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩; кроме того, в Киеве я сделал себе шинель теплую на вате, с воротником из польского бобра, которая обошлась недорого. Денежного пособия, о котором я вам писал, мы еще не получали, но получаем рационы, т.е. деньги на содержание лошадей: мне полагается на 2 подъемных и 2 верховых. — Благодарю за известия об Афанасии: боюсь, чтоб он не свертелся и не сгинул совсем! Жаль мне его. Не знаю, где его отыскать: я бы написал к нему, и

он, верно бы, прискакал ко мне. — Вот что: пишите теперь в г⟨ород⟩ Аккерман, так как мы будем стоять в Аккерманском уезде и, может быть, недалеко от города. Итак, прощайте милый отесинька и милая маменька. Пишу попрежнему в Абрамцево, хотя нет сомнения, вы теперь в Москве, но адреса вашего не знаю. У вас уже снег выпадал, а здесь днем невозможно надевать и холодную шинель, так жарко: погода стоит ясная, сухая и теплая. Удивительная осень! — Прощайте же, целую ручки ваши, дай вам Бог здоровья, бодрости и сил, чтобы не слишком волноваться. Обнимаю крепко Константина и целую всех милых сестер. Не могу согласиться однако ж с Константином насчет оправдания московских дворян в деле ополчения[12]. Как жаль Трушковского! Неужели нельзя этого переменить[13]. — Письмо, которое вы переслали мне, от Якушкина, собирателя песен[14]: ему никоим образом нельзя поступать в ополчение. — Прощайте! Обнимаю Гришу с Софьей. Всем кланяюсь.

Говорят, Херсон взят.

Сейчас получено извещение, что маршрут изменен — идем в Одессу, куда приходим 21-го октября. Пишите *в Одессу*!

206

Г⟨ород⟩ Одесса, 25—27 октября. 1855 г⟨од⟩.

Вот уже семь дней, как я в Одессе, милый отесинька и милая маменька! Семь дней — и *решительно* не имел времени взяться за перо! Столько передряги было в эти семь дней! И перемена маршрута, и вступление в Одессу, и размещение дружины, и церемония при вступлении, и приезд государя, и царский смотр, и перемена начальников, и отъезд Строганова, и увольнение графа Толстого. Хлопотливая суета продолжается и до сих пор, но чад начинает понемногу рассеиваться, подобно тому, как туман, несколько дней сряду заслонявший море от глаз, нынче стал редеть и открывать небо и море. А как хорошо море! Самое лучшее в Одессе, бесспорно, море, море и море! Я поместился в доме над самым морем, на возвышенности, но поверите ли? до сих пор не успел походить по берегу, осмотреть батареи и пристани. Между тем, и для вас, и для себя, и исторического порядка ради хочу дать себе отчет в этих днях и рассказать их вам последовательно. — Я успел еще из Тирасполя известить вас о перемене маршрута, распечатав уже запечатанное письмо. Все обрадовались этой перемене, кто потому, что в Одессе веселее жить, чем в колониях, кто потому, что Одесса обещает больше бранной тревоги, чем Аккерманский уезд. От Тирасполя до Одессы четыре дня марша; описывать их нечего. Шли мы степью, которая теперь, осенью, когда нет цветов, хлеб снят и убран, имеет вид очень грустный. Верстах в 40 от Одессы она вдруг оживляется имением генерала Дубецкого: великолепнейший дом о 40 комнатах, непохожий на господские дома в южных губерниях, сады, пруды, мосты... Тут была у нас дневка. Дубецкий был некогда председателем какой-то комиссариатской комиссии, нажил огромное состояние, увернулся от суда, выйдя в отставку, и, как водится в России, живет себе теперь добрым малым, хлебосолом и наслаждается семейною жизнью. Тип известный! — С этой дневки

отправился я вперед в Одессу с одним нашим больным офицером; приехал ночью, остановился в "Европейской гостинице", а с утра начал свои хлопоты. По случаю военного положения согласно с привычкой, вскоренившейся в русскую администрацию, всякое распоряжение вместо того, чтоб упроститься, делается многосложнее; письменность усиливается вдесятеро, и самое пустое дело должно подвергнуться страшным формальностям, поглощающим деятельность. В Одессе теперь и генерал-губернатор, и военный губернатор собственно г⟨орода⟩ Одессы независимо от херсонского гражданского губернатора, и военный комендант, и полиция, и штаб Южной армии, и щтаб отрядного начальника, командующего войсками в Одессе и между Днестром и Березинским лиманом, генерал-лейтенанта Гротенгельма, и все возможные комиссии и комиссионерства. Можете себе представить, как трудно тут добиться какого-нибудь толку! Например: мука и крупа получаются от одного ведомства, сено от другого, кукуруза (вместо овса и ячменя для лошадей — овес здесь почти 5 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ четверть) от третьего, солома и дрова от четвертого! А как Одесса город огромный и все эти ведомства живут в разных концах, верстах в 5 друг от друга, то, можете себе представить, сколько тут суеты и потери времени! Одесса никогда не знавала постоя, и потому в размещении войск встречаются большие затруднения. У меня целых два дня прошло в разъездах с членами квартирной комиссии, пока наконец удалось поместить дружину в отдельной части города, и то не совсем удобно. Что же касается до офицерских квартир, то все они очень скверны; впрочем, с 1-го ноября мы будем получать квартирные деньги по чину: я, например, по 16 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ в месяц, считая тут деньги на дрова и отопление. Я полагаю, что этих денег достаточно, потому что Одесса очень опустела. Последнее появление неприятельского флота пред Одессой произвело сильнейшую тревогу в городе; многие уехали, другие перешли в отдаленные части города, иные наконец живут теперь, как на биваках, спрятавши мебель и дорогие вещи в безопасное место. Из квартирной комиссии дали мне билет на помещение штаба нашего (т.е. графа, меня, адъютанта, канцелярии), но дом оказался скверен и очень отдален от города; я потребовал другой билет; дали на дом первого негоцианта в городе, Ралле, грека. Оказалось, что дом Ралле-сына занят по найму американским консулом, его отцом. Американский консул мне объявил (по-французски), что дом, им занимаемый, должен быть свободен от постоя, но что если его займут, то он тотчас донесет о том своему посольству. Делать было нечего, и наконец добился я помещения в доме не совсем удобном и несколько сыром, зато окна на море, на щеголевскую батарею[1]. Если подойдет неприятельский флот, то весь будет виден. —

Лидерса не было в Одессе, главная квартира его переведена в Николаев. Здесь же командует войсками г⟨енерал⟩-лейт⟨енант⟩ Гротенгельм, в распоряжение которого мы и поступили. Кажется, здесь сами не знают, что делать с ополчением, которое, по их мнению, им более в тягость, чем в действительную помощь, как потому, что нас считают более или менее аристократами (начальники дружин — генералы, начальники ополчений — просто дивизионные генералы — у нас генерал-адъютанты и т.п.[2]), так и потому, что к нам трудно

приложить общую систему управления. Армейские офицеры относятся к нам не совсем доброжелательно, а на ратников смотрят с некоторым презрением, как на мужиков. — К тому же штаб Южной армии составлен, может быть, из очень искусных генералов, но почти все из немцев, начиная с командующего: Гротенгельм, Гельфрейх, Торнау, Линден, Дельвиг, Фишбах и пр.; начальник штаба — Артур Адамович Непокойчицкий. — Начали с того, что устранили, даже без ведома их, начальников ополчений Смоленского — Головина и Московского — Строганова. Оказывается теперь, что оба они серьезно думали, несмотря на свои чины и лета, командовать своими ополчениями в бою или по крайней мере управлять ими до конца. Приказ Лидерса, о котором я вам писал еще из Киева[3], оскорбил все ополчения. Офицеры смол⟨енских⟩ дружин, бывшие в Одессе, собирались к Головину и просили его не расставаться с ними, обещая выйти в отставку. В прощальном приказе Головин объявил, что хотя он и предполагал исполнить дело, для которого был выбран, однако, повинуясь воле государя императора, с сожалением оставляет своих сослуживцев и прощается с ними. — Желая как-нибудь смягчить впечатление первого приказа, Лидерс выдал второй, в котором просит армейских офицеров заняться ополченцами с *терпением*, смотреть на них как на соотечественников (как будто в этом есть сомнение!) и вообще встретить это юное войско без укоризн и *насмешек*! Этот приказ еще более оскорбил всех. — Я еще застал Головина в Одессе — он сдавал ополчение, но самого его не видал. У Строганова был я в первый же день; он усадил меня и заставил высказать откровенно все мнение мое и офицеров насчет всего этого дела. Я нашел его глубоко оскорбленным и проникнутым негодованием. Тем не менее он не оставлял своего дела и старался обеспечить будущее положение наше. — Мы прикомандированы к Якутскому резервному полку[4], еще не сформированному (т.е. резервный полк не сформирован: каждый полк будет иметь еще резерв, в таком же числе и с тем же именем); Верейская дружина к Селенгинскому полку, следовательно, покуда еще некому и сдавать мне дел и бумаг. Из 12 дружин 4 пошли в Николаев (одна Московская, Коломенская, Волоколамская и Дмитровская), а 8 пришли в Одессу, где сверх того находится 4 дружины Смоленского ополчения. — 21-го октября вступила дружина наша и Верейская, очень парадно; на площадке у Михайловской церкви Иннокентий служил молебен, потом сказал речь, довольно слабую, которая, вероятно, будет напечатана; он сказал между прочим, что хотя сретает нас вторых по времени (Смоленские прежде пришли), но первых по месту, откуда идем, и пр. После молебна тут же на площади было довольно обильное угощение. Вся эта встреча сделана была, во 1-х, ради Строганова и его брата генерал-губернатора, во 2-х как заключение нашего похода, во время которого нас везде встречали с молебнами и церемониями. Вид ратников Моск⟨овского⟩ ополчения произвел впечатление на публику, потому что Смоленские дружины составлены из людей большею частью малорослых; к тому же они были хуже одеты, обучены и содержаны. — В тот же день дано было знать, что на другой день к вечеру будет государь и послезавтра смотр всем войскам и дружинам. Можете себе представить, как засуетилось все военное начальство. Приказы за приказами так и полетели, и днем и ночью не

давали покоя; в субботу (смотр назначен был в воскресенье) делали репетицию смотру с 8 часов до 2-х. Военное начальство скакало, кричало свой обычный отчаянный крик: затылок, затылок! офицер Генерального штаба расставлял войска на местности, предварительно им для сего изученной. Всего этого я был только зрителем... На месте англичан и французов я бы выбирал для нападения именно те самые дни, когда назначены подобные смотры или тотчас после этих смотров. Когда вспомнишь, что мы потеряли почти целую область, и видишь эту суету по случаю смотра, этот немецкий педантизм фронта, становится очень грустно. Толстому как старшему по чину поручено было, к великому его отчаянию, командование всеми Московскими дружинами (их было семь на смотру). Надобно знать, что Толстой, застенчивый по природе, вдобавок страшно боится всякой ответственности и начальства, совершенно пред ним теряется, забывает достоинство своего звания и является самым жалким, самым несчастным лицом, просто страдальцем; к тому же он фронта и построений почти вовсе не знает, командовать команду, даже выученную, не умеет, на лошади ездит с робостью... Он просто исхудал за эти два дня от внутреннего мучения. Прежде государя приехал в Одессу из Николаева сам Лидерс, потом государь. На другой день назначен был смотр во 2-м часу, вследствие чего люди собраны были на месте в 8 часов. — Та же самая суета происходила до самого приезда государя, который, пересев на верховую лошадь, вместе со всей своей свитой поскакал вдоль фронта всех трех линий. Громкое "ура", как волна, следовало за ним. И действительно оно было громко и довольно искренно, потому что подобные зрелища и минуты сильно действуют на нервы. Потом государь со свитой остановился на выбранном для него месте, и войска пошли мимо него церемоньяльным маршем, дивизионно. Это построение самое неудобное (человек 60 идут рядом) и слабое, на войне неупотребительное. Сначала прошли армейские пехотные батальоны, потом Смоленское, потом Московское ополчение, которое резко отличалось от Смоленского. Государь говорил всем: "Хорошо, славно, очень порядочно"; очень милостиво говорил с начальниками дружин по мере того, как они, проходя мимо него, заезжали к нему на правый фланг; одному он сказал: "Я Вас долго здесь не оставлю"; графа Толстого он спросил: "Откуда ты и служил ли в военной службе? прибавив: "У тебя люди стройно идут"; подзывал несколько раз Строганова, который был пешком (он хром и не может садиться на лошадь) и по этой причине, а также и потому, что он уже уволен, стоял сзади государя, в толпе, вместе с братом своим, генерал-губернатором. Я стоял почти подле Строганова и в шагах 10 от государя. Государь говорил Строганову, что люди хорошо и стройно идут. Потом войска проходили густыми колоннами, потом весь обоз проезжал мимо. Все это продолжалось часа три. — Я хорошо видел государя и нашел, что он очень похудел. Потом все разошлись по домам. — Я ожидал несколько иного приветствия ополчению, не одной только сравнительной похвалы по части фронта. В этом отношении ратникам никогда не достичь армейского совершенства. — Впрочем о том, что государь остался доволен, вероятно, будет отдано в приказах и, вероятно, назначат по 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ на человека за смотр. — В тот же день утром представлялось

государю купечество, которое в лице одного из почетных граждан (русского) выразило государю желание "иметь месяца через три почетный мир!". Хотя торговля в Одессе и прекратилась почти совсем от блокады, однако не время теперь говорить о мире! Государь отвечал, что он и отец его всегда желали мира, что надо надеяться и проч. На другой день утром государь уехал обратно в Николаев (а теперь, говорят, он из Николаева поехал в Севастополь). В тот же день Строганов представлял Лидерсу начальников дружин, который их принял довольно сухо и чрез несколько часов уехал в Николаев. Ему подчинена теперь вся сторона до самого Перекопа. Строганов получил благодарственный рескрипт и, видя, что он лишний и в тягость военному начальству, завтра уезжает. Толстой получил бумагу о том, что по высоч⟨айшему⟩ повелению все начальники дружин генеральского чина должны быть *зачислены* по ополчению и им предоставляется или состоять при Лидерсе, или же ехать домой и что он должен сдать дружину майору Гордееву, ротному командиру Московской № 105 дружины, находящейся теперь в Николаеве. Он еще не приехал. Я его не знаю, говорят, он человек очень богатый. — Лидерс дал почувствовать, что он не очень бы желал подобной к себе прикомандировки, и я не знаю, что будет делать Толстой. Спрашивается, к чему же были все эти выборы? Выходит, что Строганов и начальники дружин не что иное, как партионные офицеры, т.е. которым поручается отводить партии рекрут. Между тем в высочайшем положении об ополчении[5] сказано, что из дружин составятся бригады и дивизии. — Многие начальники дружин и офицеры хотят выходить в отставку и возвратиться. — Строганов отдал приказ, в котором прощается с нами, жалеет, что, избранный из нашей среды, он не может быть свидетелем нашего участия в защите отечества и проч. Приказ начинается так: "Г⟨оспода⟩ начальники дружин и *дворяне* Московской губернии!". Приказ довольно хорош, кроме тех мест, где видно притязание на руссицизм. В обращении к ратникам он говорит, что едет в Москву, отвезет ей поклон от нас и отслужит от нас молебен в Успенском соборе. Это место очень понравилось ратникам. Начальники дружин засуетились, решили было предложить ему обед и поднести адрес, за сочинением которого обратились ко мне. Я и написал адрес, весьма умеренный и соображаясь с лицами, которым надобно будет подписать, но половина начальников струсила. Сипягин, Алмазов, Севастьянов, Толстой даже, все соглашались подписать, но, как ни горячился, Сипягин, Дуров, Растопчин и Гурьев подписать не решились. Шуму и спору было много. Строганов обеда не принял; адрес же я дал прочесть адъютанту его Бибикову, который показал его Строганову; он взял его к себе и был удивлен трусостью этих господ. Разумеется, ему адрес был очень приятен, тем более что теперь мы от него совершенно независимы. Вот вам адрес, написанный, впрочем, довольно тяжело и в ответ приказу Строганова.

Граф!

Избранные сами и избирая Вас, в настоящее трудное для России время, вместе со всем Московским дворянством, начальником Московского ополчения, мы надеялись видеть Вас вождем своим в те решительные мгновения, когда пришлось бы нам, *в полном составе,* всем московским ополченным народом

стать пред лицом неприятеля за святое дело правды и вновь явить враждебному нам миру вечно-народное значение Москвы.

Не совершена и половина добровольно предпринятого подвига, а Московское ополчение уже лишается избранного им вождя!..

Преклоняясь пред высшими, недоступными нам соображениями, вынудившими столь прискорбную для нас меру, мы спешим, граф, расставаясь с Вами, принести Вам изъявление нашей горячей, искренней признательности за попечение Ваше о нас и о всех ратниках, за Ваше в высшей степени честное служение общерусскому делу; мы желаем, граф, скрепить наш душевный союз с Вами, союз, который никакие внешние обстоятельства подорвать не могут, хотя бы призванный общим доверием вождь и находился далеко от собранного им, устроенного, столь тщательно сохраненного, ныне же разделенного и разрозненного московского ополченного воинства! —

Я не поехал к Строганову прощаться отдельно, а являлся вместе с другими офицерами. Строганов, прощаясь, говорил, что не знает, когда и где теперь встретится с нами, "может быть, под Лейпцигом"! На это я отвечал, что это дорога старая, битая, дорога к Венскому конгрессу, и что мы ожидаем пути другого. Строганов рассмеялся, стал было возражать, но продолжать подобный разговор было неловко. — Кажется, ему собираются поднести кубок, т.е. отослать его к нему в Москву.

Итак, вот мы в каком положении теперь, и сколько перемен уже произошло да еще произойдет. Ждем Гордеева, готовим бумаги и книги, а между тем, текущие дела одни способны отнять все время! Хлопот так много, что я еще не отдавался морю, еще не успел высидеть над ним несколько часов, высмотреть все его оттенки... Что это за неистощимая, вечно свежая красота! Одесса город не русский и вовсе не окрестившийся огнем, как говорили во время первой бомбардировки[6], город, созданный барышом, город, во многих отношениях производящий то же впечатление, как и Петербург. Но хорошо здесь море и хорошо также то, что каждую минуту можно ожидать появления флота. Вы часто увидите — вдруг набережная покрывается народом: это показался какой-нибудь парус: уж не английский ли? Кстати, мы имеем особое распоряжение, куда нашей дружине собираться в случае тревоги. Поверите ли, что здесь в Одессе ждут петербургской почты, чтобы узнать о том, что делается в Николаеве! Приезжающие оттуда или ничего не знают, или так секретничают, что ничего на добьешься! К тому же у нас нет покуда никого знакомых. У меня-то есть (профессора лицея — из Ярославского, правитель канцелярии генерал-губ⟨ернато⟩ра, двоюродный брат Смирновой), да некогда было навестить их. Вот и к вам насилу, насилу удалось написать письмо. — Что будет со мною, решительно ничего не знаю: совестно уходить, не видавши и не испытавши ничего; к тому же, поступая, мы шли не на комфорт, а на всякую тяготу. Я бы желал сдать должность казначея и сделаться простым, рядовым офицером[7]. В штаб Лидерса поступить трудно... Это письмо я адресую на имя Томашевского[8], ибо вашего адреса еще не знаю. Надеюсь скоро получить письмо ваше из Тирасполя. Прощайте же, милый мой отесинька и милая моя маменька, будьте здоровы и бодры, целую ручки ваши и обнимаю Константина и всех милых

сестер. Мне пишите прямо в Одессу с оставлением на почте. Как жаль, как жаль Грановского[9]! Вот, я думаю, вас поразило это известие, и уверен, глубоко огорчило Константина! Кто бы подумал! —

Прощайте! Да не забудьте же написать мне московский ваш адрес.

207

3-го ноября на 4-ое 1855 года. Одесса.

Опять перемена маршрута, милый отесинька и милая маменька! Не успели мы оглядеться в Одессе, не только отдохнуть, как вдруг приказание: всему Московскому ополчению перейти на левый берег Буга и там расположиться на зимних квартирах. Не думайте, чтоб это передвижение означало опасность со стороны неприятеля; нет, в этом отношении, кажется, успокоились, и главная квартира Южной армии на днях переедет сюда из Николаева. Мы выступаем послезавтра, т.е. 5-го и 12-го приходим в Богоявленское, верст 14 за Николаевым: там, т.е. в этом селе расположится вся наша дружина на зимних квартирах. Так по крайней мере решено до сих пор. Хорошо, что мы близко от города, а прочие дружины стоят от него верст за 50 и больше. Зимняя стоянка в селениях Херсонской губернии, где уж подлинно *ни кола, ни двора* (в Херс⟨онской⟩ губ⟨ернии⟩ нет дворов у хат вовсе, также ни кустика), в краю разоренном, где все страшно дорого, очень неудобна, и в этом отношении благодаря близости города мы помещены лучше других. Право, не знаю в точности, зачем нас выводят из Одессы. Может быть, потому, что Моск⟨овское⟩ ополч⟨ение⟩ прикомандировывают теперь к 11-ой пехотной резервной дивизии, которая еще не сформирована и будет сформировываться зимою. — Но не одна эта перемена. После моего письма к вам наступило опять такое хлопотливое время, пред которым предшествовавшее казалось отдыхом. Во 1-х, назначен инспекторский смотр, порученный Лидерсом генералу Столпакову: смотр скучен тем, что требует несметного множества всяких таблиц и ведомостей. Смотр этот будет производиться завтра утром. Во 2-х, поход, требующий множества распоряжений, отмены прежних, сделанных ввиду постоянной стоянки, и проч. и проч. Сами можете сообразить. К походу надо уложиться, а для смотра все раскладывать! В 3-х, самое трудное — это сдача Толстым дружины. Я уже писал вам, что ему предписано было сдать дружину Гордееву, но Гордеев этот оказался в отпуску (да, говорят, он и не намерен возвращаться), и потому, особенно же по случаю похода, ему велено сдать дружину одному из кандидатов в дружинные начальники, указанных Строгановым, ротному командиру Подольской дружины штабс-капитану Сушкову (брату Ростопчиной)[1]. Сама сдача продолжалась недолго: разумеется, вышло, что денежных сумм в экономии у нас вдвое и втрое больше, чем в прочих дружинах, именно до 8000 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Отчего образовалась такая сумма, причина понятна без разъяснения. Кроме того, Толстой, который с 1 же апреля стал служить, как будто готовится к ежеминутной сдаче, боялся всякого расхода, беспрестанно считал книги, постоянно пугался каких-нибудь начетов и пр. вопреки моим толкованиям (меня это постоянно сердило, потому

что подобное отношение к службе останавливает течение дел, да и мешает заботам собственно о благосостоянии ратников), итак, Толстой очень доволен и счастлив, что сдал денежную сумму так блистательно. По случаю сдачи и выступления в поход необходимо очистить все статьи и бумаги скрепами Толстого, и это-то занимает много времени. Новый начальник, разумеется, теперь как в лесу, а поход и смотр требуют заблаговременных разнородных многочисленных распоряжений. Толстой остается здесь в Одессе как прикомандированный к Лидерсу, и если Лидерс не даст ему особенного дела, то уедет на зиму в Москву. — Можете себе представить, сколько хлопот! Комната с утра до ночи набита писарями, ратниками, артельщиками, офицерами! Получивши последнее ваше письмо, Ваше, милая маменька, и Ваше, милый отесинька, где вы так беспокоитесь обо мне, я хотел тотчас же писать вам, но только теперь будто вырвался из осады, и то уже 2-й час ночи, а завтра утром смотр и приготовления к походу. Сушков, кажется, будет хорошим начальником для дружины. Он служил на Кавказе и вообще знает службу и понимает дело; ратники его роты его очень любили. Со мною, разумеется, он, как говорится, aux petits soins*. Я, признаюсь, рад для дружины этой перемене начальника. Он человек очень заботливый, деятельный, любит это дело и будет стараться, отчасти из участия к людям, отчасти из самолюбия, чтоб в его дружине было лучше, чем в других, изобретать для ратников всякие средства к улучшению их быта. Граф Толстой — очень хороший человек, правдивый, прямой, некоторые черты в нем истинного великодушия, но при всем том ленив, слаб, упрям, нерешителен, мнителен, подозрителен, труслив пред начальством в высшей степени, так что нельзя добиться было от него ни ходатайства, ни проекта. Все его братья такие же. Он человек добрый по природе, но не сумел сделать никому добра, не рисковал почти никогда ничем, даже ни копейкой вперед жалованья бедным офицерам (этот риск я брал на себя и *ответственность*, по требованию самого Толстого); поэтому не был любим офицерами; кроме того, не входил вовсе в существенное дело управления, взваливая это все на других, в том числе и на меня (вообще initiative** ему вовсе не достает), и главное берег деньги. При всем том, повторяю, он человек, заслуживающий искреннего уважения во многих отношениях, только управлять не годится. — При Сушкове мне меньше дела будет; он отличный хозяин и будет сам обо всем этом заботиться. Но дело пойдет во многих отношениях пошлее, казеннее, военнее; напр⟨имер⟩, мешать красть ротным командирам он не будет, как Толстой, который вместе с тем боялся всяких законных расходов (напр⟨имер⟩, построить длинные армяки ратникам, так как им по штату положены одни коротенькие полушубки), но он условится с ними и определит им меру кражи, которая составляет, кажется, едва ли не необходимую принадлежность военного мундира! Что же касается до меня, то мое горячее желание — сдать поскорее эту должность. Но сдать мне некому покуда, и я надеюсь по прибытии на место сдать полковому

*Очень предупредителен (*фр.*)

**Инициативы (*фр.*).

казначею и отдохнуть зиму в звании простого субалтерн-офицера[2], занявшись отчетом Географ⟨ического⟩ Общества. — Нынешнюю зиму в Москве вы увидите много ополченцев, отчасти вышедших в отставку, отчасти зачисленных по ополчению без должности, отчасти уволенных в отпуск. — На днях я в первый раз в жизни увидел неприятеля, т.е. не личного: на рейде появился английский пароход-фрегат, верстах в двух от города; он был виден простыми глазами. Несмотря на сильнейший ветер и волнение, он стоял почти неподвижно. Так он простоял два дня, ничего не делая, и теперь кажется, ушел. Подобное появление неприятельских судов здесь довольно часто и даже не привлекает любопытных на набережную, но когда появился было *весь* флот, тогда в городе произошла страшная тревога, и все стали перебираться. — Вот еще что удалось мне слышать здесь любопытного, что, может быть, вам неизвестно и что вообще держится в секрете. Когда Паскевич перешел через Дунай, оставляю это до другого раза[3]. Я предполагал остаться на день здесь по выходе дружины и докончить письмо; нынче день выхода дружины — почти всю ночь возились, очищали бумаги и проч.; уже одна рота выступила, квартирьеры отправлены еще накануне, как вдруг *сию минуту* получено повеление, должно быть, по телеграфу, оставаться в Одессе на зимних квартирах! Поэтому сейчас еду искать новых помещений дружине, штабу и себе. Толстой переезжает в гостиницу. Прощайте, буду писать дня через три, целую ручки вам, будьте здоровы, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер.

208

1855 г⟨ода⟩ ноября 11-го. Одесса.
С 12-го на 13-ое.

Последнее письмо мое, милая маменька и милый отесинька, было прервано известием об отмене похода. Принялись мы искать квартиры, нашли, стали устраиваться, как вдруг вечером предписание: на другой день выступить на зимние квартиры в окрестностях Одессы в колонии Большой Либенталь и Малый Либенталь. Это верстах в 20 от Одессы. Дружина переселилась уже в колонии, но я покуда остаюсь здесь на нанятой мною с уплатою за месяц вперед денег квартире для окончания разных дел. Вот какое длинное письмо собирался я вам писать, милый отесинька и милая маменька, как вдруг пришло это известие о походе под Килию, которое я вам и послал вчера. В самом деле — подлинно *подвижное* ополчение! А я, между тем, думал о сдаче своей должности. Мое положение выходит теперь очень странное. Во всяком случае по присоединении к полкам я должен буду сдать должность казначея полковому казначею и тогда остаюсь просто за штатом. Мне предлагали быть ротным командиром, но я им быть решительно не могу по незнанию фронта, которым со времени поступления в ополчение не имел времени заниматься. Если бы дело заключалось только в том, чтобы одушевлять людей и вести их вперед, если бы ополчение было войском иррегулярным, особенным, если б хотели удержать за ним характер самостоятельности и несколько большее отличие от армии, чем отличие платьем и бородою, так можно было бы кое-

как командовать ротой; но теперь, когда велено учить и учить ополченцев, когда требуется от них армейское совершенство фронта, когда велено им делать частые смотры, я буду играть самую жалкую и несчастную роль, потому что не могу ни поправить ошибки фельдфебеля, ни принять к сердцу горячо неровность линии затылков и т.п. нарушений фронтовых правил. Как добросовестный человек я должен отказаться от предложения, видимо, вынужденного деликатностью (впрочем домашнего, неофициального), потому что буду сбивать людей на смотрах, лишать их похвал и наград, подвергать начальника неприятности, а в деле от неловкой команды могу даже погубить людей. Сверх того, в приказе Лидерса сказано, что полковой командир, признав ополченного офицера неспособным к командованию, имеет право отрешить его без дальнейших рассуждений. Следовательно, быть ротным командиром я не могу, и я предполагал с своей стороны сделаться субалтерн-офицером. Но и тут препятствие: я старше чином *всех* наших офицеров, и хотя для меня это решительно все равно, и я готов подчиниться всякому дельному прапорщику, но господа военные никак этого переварить не могут, дух военной службы этого не терпит, и прапорщика непременно стесняло и связывало то, что у него под командой штабс-капитан. К тому же в настоящее время не к кому и идти в роту, под команду и на выучку: со времени похода у нас выбыло 4 дельных, знающих военную службу офицера: подполковник Васильев, переведенный в начальники 106 дружины, капитан Жеглинский, вышедший уже отсюда из Одессы в отставку под предлогом тяжелой болезни, штабс-капитан Песков, умерший, и поручик Аргамаков, заболевший и находящийся в Москве на излечении. Из служивших в военной службе осталось всего-навсего 4 офицера, из которых двое не годятся и в субалтерны и терпятся на службе из сострадания, двое — поручики — ротными командирами, но один из них плохой командир, пустой и ветряный мальчик, другой — очень дельный, но к нему я не иду, потому что мы уже слишком, слишком разно смотрим на вещи, — в военной службе каждый ротный командир хозяин и деспот в своей роте, и подчиненный ему офицер должен действовать в духе своего командира. — Уже скорее можно мне перейти в чужую дружину. В нашей я пользуюсь благодаря Бога общим уважением, несмотря на явную противоположность моих убеждений с убеждениями моих сослуживцев, уважением слишком большим, чтобы оно не стесняло всякого, кому бы я достался в подчиненные. Между тем, Сушкову до смерти хочется, чтоб я оставил дружину; тогда бы он, старший всех, был бы один, полный господин и хозяин. Я вполне понимаю его желание и признаю его законным, нахожусь с ним в наилучших отношениях, спрашиваю приказаний и исполняю их, потому что, разумеется, служу не для Толстого или Сушкова, а так уж моя печь печет. Но Сушков тем не менее чувствует себя связанным. Он не может, нравственно не может трактовать меня как подчиненного мальчика, а в то же время хочет быть один полным хозяином и действовать по *своим* взглядам. А как мои взгляды, особенно в щекотливом казначейском деле, известны, думаю, всему Московскому ополчению, то он чувствует во мне внутренний протест, хотя бы даже я не говорил ни слова. Сушков смотрит на вещи по-военному, как все полковые командиры; я писал

вам с самого начала, что дело пойдет пошлее, казеннее и...темнее. Согласитесь, что казначей, ведущий книги, которые облекают в законность и правильность всякую ложь расходов, у такого начальника должен быть лицом совершенно покорным, исполнителем беспрекословным. К тому же как хороший хозяин, желая иметь более экономии даже для пользы дружины, он должен желать себе другого казначея, более искусного, более знакомого с разными полковыми *“фортелями”*. — Графа Толстого сделали между тем *временно* начальником всего Москов⟨ского⟩ ополчения по хозяйственной части и внутреннему управлению. Толстой всячески убеждал меня прикомандироваться к нему в помощники или в адъютанты, но я долго не соглашался, потому что место его слишком шаткое, во 2-х, потому, что Толстой по своему характеру лишает его всякого значения, всякого цвета, что я ему и говорил. Но как несмотря на это, Толстому приятнее иметь при себе меня, чем кого-либо другого, потому что, несмотря на наши перебранки, мы друг друга любим и уважаем и в некоторых вопросах только двое и думаем одинаково — оригинально, *по-статски,* то я и согласился было на его предложение; оба мы имели в виду, что, живя в Одессе, ознакомясь с обществом, и он, и я сделаемся известнее Лидерсу не с пошлой стороны и перейдем в штаб. — Третьего дня вечером Сушков приехал из Либенталя, и я в первый раз заговорил с ним о моем намерении. Видно было, что он очень тому обрадовался и сыскивал легко способы к устранению всяких затруднений. Утром мы снова стали толковать об этом деле, как вдруг повеление о походе под Килию. Разумеется, тут пошли такие хлопоты, разъезды, что и мысль о сдаче была оставлена: где же тут сдавать, когда надо успеть выпроводить через несколько часов дружину в поход и обеспечить ее продовольствие, очистить все бумаги и книги, получить из разных ведомств деньги и проч.? Нынче (12-го) я целый день был в разъездах. Роты уже выступили. Я еду завтра утром и спешу для того, чтобы, пользуясь дневкой, успеть съездить в один попутный магазин и получить оттуда сухари. Сушков выедет после меня, к вечеру. Тем не менее, Сушков желает, кажется, чтобы я в течение похода же сдавал должность одному из наших офицеров, прапорщику: главным казначеем будет он сам. Это я и буду делать, сдать должность казначея не так легко, необходимо привести в порядок все бумаги, дела, книги и пр. и необходимо несколько понаучить будущего казначея, так как ему эта часть мало знакома. — Но вот что. Теперь только 4 дружины вышли в Бессарабию, 4 дружины приходят на наши места из Николаева, следовательно, здесь опять будет 8 дружин, но, кажется, и эти 8 уйдут скоро в Бессарабию. Тогда значение и должность Толстого уничтожаются сами собою. — Во всяком случае я отправляюсь в поход, а Толстой остается здесь и уведомит меня, поразузнавши, есть ли для меня возможность прикомандироваться к штабу Лидерса приличным образом. Так вот какие обстоятельства. Я кажется, писал вам, чтоб вы писали в Килию. Продолжайте на всякий случай писать в Одессу: отсюда недалеко и их скорее перешлют, если это будет нужно. — Поздравляю вас с переездом в Москву, милый отесинька и милая маменька. Как-то покажется Вам, милый отесинька, пребывание зимою в Москве: Вы отвыкли уже от постоянных гостей, шума и

говора. Дай Бог, чтоб это пребывание было безвредно для Вашего здоровья и приятно для всех. Я не помню дома Пфеллера в Денежном переулке[1]. Вы не пишете, надолго ли и за сколько Вы его наняли. Новости, сообщаемые Вами об облегчении цензуры, очень приятны, и как я рад, что Ваша книга выйдет в свет неискаженная! Скоро ли она выйдет[2] и сколько экземпляров Вы печатаете? — Я с своей стороны никаких особенных новостей сообщить не могу. Говорят, будто французы вышли из южной части Севастополя и сели на суда, чтоб усилить Евпаторийский отряд; говорят, что турки ссорятся с австрийцами и что Австрия теснее соединяется с нами. — Но все это *говорят.* — Совестно читать ваши письма, в которых выражается такое беспокойство. Для вас издали сближаются все пункты войны, встает общий образ событий, а здесь, в ежедневности, он совершенно изчезает и забывается. Приехала сюда итальянская опера из Бухареста и будет в скором времени давать представления; ложи уже все абонированы. О войне никто не думает и не говорит. Да, я вспомнил, что в последний раз прервал письмо свое на самом интересном месте. Вот что. Еще в Киеве мне показывали печатные на болгарском языке прокламации Паскевича к болгарам, которые, кажется, пущены в ход не были. А здесь я узнал, что в то время приезжал в Одессу один грек (о пребывании какого-то грека в Одессе с дипломатическим поручением, я помню, было тогда говорено), уполномоченный от греков объявил, что они готовы помогать России, но с тем, чтоб Россия не давала ходу славянским племенам и не отдавала им областей, на которые, видно, изъявляют притязания византийские грезы. Кроме того, сербы будто бы желают присоединения Болгарии к себе, а не самостоятельности ее. Эти обстоятельства парализовали во многом наши действия за Дунаем. Все это весьма похоже на правду. И грустно это слышать, не правда ли? А каков князь черногорский Данила[3]? Не мечта ли вся эта надежда на помощь славян, на восстановление славянского мира и проч. и проч. Как разграничить Грецию с славянским миром? — Жаль, что мне до сих пор было так мало времени, а здесь, говорят, находится или находился начальник легиона греческих волонтеров: я бы с ним познакомился. До сих пор у меня только один дом знакомый, дом Скальковского, известного историка Запорожской Сечи и статистики Новороссийского края[4]. Жена его, очень милая женщина, сербка, племянница Вука Стефановича[5], но ни слова не разумеет по-сербски и воспитывалась в Одессе; оба они очень хорошие и радушные люди; Скальковский знаком со всеми в городе, и посещать его было бы довольно приятно, если б времени доставало. — На письмо Ламанского[6] буду непременно отвечать: удивляюсь, что Милютин не передал ему статьи моей, давно уже к нему посланной, о железе[7]. Жаль, что я не знаю Ламанского лично; легче было бы отвечать. Письмо его уже черезчур льстиво. Владим⟨ир⟩ Алексеевич, о смерти которого он пишет[8], третий брат Милютина. —

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Теперь долго не получу от вас писем, во всяком случае дней двенадцать и даже больше. Мы приходим в Карамахмет, селение в 12 верстах от Килии и 40 верстах от Измаила, 23-го ноября и идем все селениями, минуя города. — И сам с дороги писать к вам не

могу, но по приходе на место тотчас отправлю к вам письмо из Килии. Прощайте же, будьте здоровы, здоровы и несколько не беспокойтесь на мой счет. Что за лихорадка у Машеньки? Целую ручки ваши и обнимаю крепко Константина и всех сестер. Прощайте же!

И.А.

209

1855 г⟨ода⟩ ноября 23. Бендеры.

Вот и опять Бендеры, откуда я писал вам в ноябре же месяце, ровно семь лет тому назад[1], милый отесинька и милая маменька. Отыскал я и заезжий двор Мордки Днестровского, где тогда останавливался: веселая толстая хохотунья-жидовка умерла месяца 4 тому назад, старик — муж ее — Мордка впал в детство, а войлочный стакан, который я тогда подарил им, красуется до сих пор на комоде вместе с барашком из фарфора и тому подобными вещами. Но не об этом речь. Дружина вступит сюда еще 27-го, но как от беспрерывных передвижений дружина чуть-чуть было не осталась без хлеба, потому что не знаешь, где его припасти, то я отправился сюда вперед, чтобы заставить здесь печь хлебы, выслать их на станцию к дружине, заготовить квартиры, помещения и проч. Здесь прочел я предписание из штаба Южной армии к коменданту о том, что запасная бригада имеет выступить отсюда к Одессе на укомплектование разных полков, а вместо ее гарнизон крепости будут составлять три дружины Моск⟨овского⟩ ополчения (109, 110 и 111) и одна Смоленского до смены их новыми войсками. Говорят, что мы простоим здесь до весны, содержа караулы и производя земляные работы. — Нынче же, впрочем, прочел я и приказ Лидерса печатный по армии о распределении всех 52 дружин, ему подчиненных: 4 дружины Орловского и 4 дружины Рязанского остаются гарнизоном в Николаеве, Смоленское и Пензенское, распределяясь по полкам, стоят первое на правом, второе на левом фланге армии; дружины Московского ополчения распределены в виде 4-х батальонов по полкам 14 и 15 резервных дивизий, в том числе наша дружина причислена к Подольскому егерскому полку. Где этот полк, сюда ли он придет или мы к нему пойдем и когда это будет, решительно неизвестно. — Между тем, наступила зима, настоящая зима. 12⟨-го⟩ выпал снежок, а вчера глубокий снег покрыл землю, и я нынче ездил на санях. Нынешней осенью в этих сторонах грязи вовсе не было. Походы зимние очень неприятны, особенно там, где не встречаешь жилья от станции до станции. — Да, я вам пишу в полной уверенности, что вы получили мое письмо, посланное из Татар-Бунара, где я уведомляю вас в двух, трех строках о перемене маршрута. На половине пути настиг нас казак с повелением идти в Бендеры без всякого объяснения причин. Мы послали воротить передового офицера нашего, бывшего уже в Татар-Бунаре, местечке, чрез которое проходит почтовая дорога из Аккермана в Измаил и в котором принимаются письма. Думаю, впрочем, что написанное мною письмецо вы получите позже теперешнего. С одной стороны, очень хорошо, что мы станем наконец на постоянные квартиры: в этом нуждаются все и материально, и нравственно; с другой

стороны, Бендеры очень скучная стоянка и во многих отношениях неудобная. В крепости, конечно, есть два генерала и некоторое число военных, но в городе, кроме жидов и чиновников-взяточников полупольского, полумалороссийского, полумолдаванского происхождения, никого нет. Люди будут расставлены очень тесно по обывательским квартирам, а офицерам велено нанимать квартиры на свой счет или же представить свидетельство о бедности: тогда выдадут квартирные деньги. Это новейшее распоряжение очень стеснительно: рискуешь, приведя в город дружину, остаться на улице; где тут искать квартиры в незнакомом городе? К тому же цены на квартиры могут очень сильно подняться. Впрочем до сих пор этот закон еще не в действии, и мне покуда дали квартиру по отводу. — Квартира не дурна, т.е. по-здешнему, где все дома сложены из хвороста и навоза и выбелены мелом, но вчера я так угорел, что едва-едва к вечеру освободился от головной боли и потерял целый день даром. — Сказать вам несколько слов про наш поход. Из Одессы в жидовской бричке, истинно похожей на выдолбленную тыкву, приехал я прямо в Петерсталь, немецкую колонию, где честные немцы взяли за все втридорога. Говорят, что в этой колонии летом найден был спрятанный порох и что несколько колонистов находятся под стражею. Очевидно, что в этом пришлом народонаселении нет никакой привязанности к России, да и не к чему привязаться, потому что оно не в России, а в Новороссии; нет почвы туземной, в которую можно было бы пустить корни. Я уверен, что колония Сарептская[2] и вообще колонии Саратовской губернии, оставаясь вполне немецкими, чувствуют себя теснее связанными с Россией. Впрочем, я мало знаю Саратовскую губернию: она также населена сбродом, но сбродом преимущественно азиатским, а не европейским, следовательно, более сродным России. — Из Петерсталя двинулись мы в Ясску на берегу Днестра, из Ясски на другой день в Капланы Бессарабской области. Теперь везде чрез Днестр устроены понтонные мосты и укрепления. Едва ли, впрочем, эти укрепления помешают переправе. — Из Каплан, сделавши два перехода в один день, мы пришли в Раплянку и тем выиграли лишний день дневки. Тут-то мы получили бумагу о перемене маршрута. Нам приходилось стоять то в малороссийских, то молдаванских деревнях. Молдаванские хаты еще чище и красивее малороссийских; как бы ни был беден молдаван, хата его убрана коврами и разными домашнего искусного рукоделья тканями, которых даже и не продают. Впрочем, это все труды женские; женщина в этих сторонах деятельна и трудолюбива и несравненно выше мужчины. Омолдаванившийся хохол в десять раз ленивее коренного хохла. Хозяин моей хаты, отбыв подводную повинность, дня два с видом невыразимой неги пролежал за печью, говоря только от времени до времени: "Когда эти государи между собой замирятся!" Вообще вся Херсонская губерния и Бессарабия сильно истощены и разорены войною и неурожаем: хлеба нет вовсе, и другой пищи, кроме мамалыги (кукурузы) и то в малом количестве, нет. Мира желают здесь все, и жители, и ратники, между ними пронесся и держится слух, что Австрия вступает с нами в союз, отказывается пропустить союзников чрез Молдавию и Валахию, и все они этому рады и похваляют австрийцев. Так тяжела война, так тяжелы жертвы,

приносимые с инстинктивною уверенностью в бесплодности их, без всякого одушевления, что — *какой бы* теперь мир заключен *ни был*, он принят будет здесь и жителями, и едва ли не большею частью войска с радостью. Я говорю "здесь" — в России иное. Но и в России как-то свыклись с неудачею. Когда французы высадились в Крым, то мысль о том, что Севастополь может им достаться, приводила в ужас купцов на Кролевецкой ярмарке, и я помню, как один богач-старик Глазов говорил с искренним жаром, что если Севастополь возьмут, так ведь и я пойду и проч. Севастополь взят, он не пошел и не пойдет. — Но дальше. — В Волонтеровке, селении, населенном казаками Дунайского войска, большею частью молдаванами, нашли мы только человек 50 мужчин, 700 человек в службе. — Здесь в Бендерах главный начальник комендант крепости ген⟨ерал⟩-лейт⟨енант⟩ Ольшевский, человек добрейший, толстейший, русский человек в полном смысле, т.е. представляющий в себе соединение мужества, добродушия, радушия, простоты, смирения с тем, что составляет необходимую принадлежность всякого русского человека действующего, не в крестьянской общине живущего. — Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов — отцов и благодетелей взяточников! Не по поводу Ольшевского написал я эти строки, я его не знаю, но в моем воображении предстал весь образ управления, всей махинации административной. Вы ко всему этому относитесь отвлеченно, издали, людей видите по своему выбору только хороших или одномыслящих, поэтому вы и не можете понять тех истинных мучений, которые приходится испытывать от пребывания в этой среде, от столкновения со всем этим продуктом русской почвы. Там, что ни говорите в защиту этой почвы, но несомненно то, что на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер! Не гожусь, не гожусь в квартирмейстеры, в казначеи, не гожусь, потому что не всегда выносишь эти душевные тиски, а от этого может произойти ущерб выгод дружинных. Не могу я совершенно m'encanailler*, как говорится по-французски, а без этого дело не клеится. Надо быть запанибрата со всяким плутом, вести кумовство со всяким негодяем, как делают все; в противном случае вашей дружине и квартир не дадут хороших, и печей удобных для хлеба не отведут, и бумаги задержат, и начеты начтут... И негодяи эти как русские люди имеют еще то свойство, что если вы будете им платить деньги свысока, так они меньше для вас сделают, чем для другого, который их брат, дает меньше, зато им кум и приятель, одного с ними закала. — До вступления нашего в состав Южной армии, покуда ополчение сохраняло свой самостоятельный, оригинальный характер, покуда личность начальников и должностных лиц могла давать всему тон и направление, можно было еще служить в этой должности с одобрительною мечтой — облагородить должность, внести новое нравственное начало и проч., но теперь, когда ополчение вошло в состав армии, подчинено во всех требованиях своих ее управлению, и как новое, неопытное, *юное* войско

*Связываться со всяким сбродом (*фр.*).

подчинено строже, чем другие войска (*свои*!), мое присутствие составляет такой странный диссонанс в этой общей гармонии, в этом могущественном хоре установившихся преданий, понятий, обычаев лжи и воровства, что от того выходит двойной вред, и мне, и дружине. Не говорю уже о том вреде, что не только не ослабляет порядка, но еще упрочивает его. — В комнату вашу, как в комнату квартирмистра, лезет с утра до ночи всякий народ, привыкший лезть таким образом на квартиру полкового квартирмистра, с разными выгодными для квартирмистра предложениями; между жидами мигом разносится в городе, что приехал квартирмистр, и как все поставки, все подряды военные в руках жидов, и они в тесном знакомстве со всем составом Южной армии, с квартимистрами же полковыми в дележе, то всякий из них ломится в дверь как желанный гость. — Как нельзя не щеголять и красоваться каким бы то ни было достоинством пред людьми, которых, может быть, только обстоятельства, нужда, весь склад общественной жизни сделали плутами и как читать проповедь и заняться их исправлением некогда, то обыкновенно выезжаешь на Вас, милый отесинька, говоришь, что не имеешь надобности, что у моего отца 1000 душ и проч. и проч. Между тем, те уступки, сделки, сбавки, которые подрядчик предлагает вам, стараешься обратить в пользу дружины; разумеется, он не верит, а думает только, что я хитрее всякого полкового, который имеет то преимущество, что берет откровенно, живет нараспашку и пользуется от всех плутов, служащих и неслужащих, названием “милого человека”. Едете вы в какое-нибудь канцелярское заведение, от которого зависит спокойствие и довольство дружины: там владычествует старший писарь, друг и приятель всех квартирмейстеров, которому вы платите деньги, а другие жмут ручку; съезжаются туда офицеры разных ведомств, всякий по своей надобности, и городничий, и инженерный офицер и т.д. Всякий, видя вас, рекомендуется вам, как своему брату, участнику одного хора, и тут-то в этом клубе ведется со всем цинизмом разговор, как кто по своей части грабит, ворует, доходы получает и проч. Все это обращается с речью, между прочим, и к вам. Стараешься не оскорбить этих людей, обязан снискать их благоволение, потому что от них, повторяю, зависит удобство, необходимое для 1000 челов⟨ек⟩ ратников, но не всегда это удается, выражение лица иногда изменяет; как-нибудь покончишь дела, и измученный, будто избитый 1000 палками, глубоко униженный, спешишь домой отдыхать от нравственного угара. В военном ведомстве воровство в тысячу раз сильнее, чем в гражданском; но весь этот быт потому разительнее еще на меня действует, что теперь война, что эти разговоры перемешиваются с известиями о военных действиях... Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного! Когда-нибудь в другой раз я вам расскажу разные образчики, как русский человек понимал и понимает войну за веру и за братьев... — Приехал Сушков и остановился на моей квартире. Сам по себе он человек честный, но признающий за подчиненными право самовольного вознаграждения. Дружина вступает послезавтра. По случаю нашего

передвижения долго еще не получу я от вас писем, милый отесинька и милая маменька. А теперь и ноябрь в исходе. Некому сдать должности, офицеров мало, да и то из них четверо заболели и ложатся в госпиталь! — От Толстого известий нет. Пишите в Бендеры: жиды — господа здешнего края и распорядители наших судеб — обещают, что дружина простоит здесь месяца три. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ручки ваши, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. Надеюсь, что никого не выбрали в ополчение. Как-то вы в Москве.

210

1855 г⟨ода⟩ декабря 3 дня. Бендеры.

Писем от вас все-таки нет, милый отесинька и милая маменька; так как никто из нашей дружины писем до сих пор не получил, то очевидно, что тут виновата одесская почтовая контора, не пересылающая к нам писем из Одессы. У них есть глупое обыкновение дожидаться, чтоб накопилось поболее писем с одним адресом, и потом отсылать их все вдруг зараз. А между тем, дни за днями проходят, и вот уже декабрь, скоро и праздники, скоро и новый год! Шутка сказать! Здесь стоит такая зима, которая бы удовлетворила и Константина, — и холодная, и снежная, но которая чрезвычайно всему мешает: трудно найти для людей удобные и теплые помещения, трудно учить их, трудно готовить пищу, трудно и жаль рассылать их, сообщения все прекращаются, и чуть-чуть смеркнется, останавливается всякая деятельность. Ходить пешком неудобно, а извозчиков нет, если же и сыщется иногда извозчик — жид в замасленном разорванном халате, с грязным желтым платком около шеи, так берет по 40 и 50 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩ в час. — Дружина наша вступила и кое-как разместилась в городе, на тесных квартирах. Здесь она будет содержать караулы и производить земляные работы: строят форт на Суворовской могиле: так называется в народе до сих пор гора, господствующая над всею окрестностью, с которой Суворов разгромил крепость[1]. Я еще до сих пор не переехал на свою квартиру, потому что живущий в ней офицер еще не очистил ее: свою же теперешнюю квартиру я уступаю начальнику дружины, как более для него удобную. А как он поместился у меня, то теснота не позволяет ни разложиться с бумагами, ни заняться толком, потому что комната целый день набита битком ротными командирами, артельщиками, подрядчиками, мастеровыми и проч. Так в суете и проходит время. — Вчера я достал газеты — "Петерб⟨ургские⟩ ведомости" ("Московских" здесь не получают), и каково же было мое удивление, когда на заднем листке увидал наши имена; догадавшись, что дело идет о журнале, я, не читая всего объявления, пробежал глазами список сотрудников и не мог понять, почему не нахожу тут имени Хомякова и других, но когда прочел подпись внизу, тогда мне все разъяснилось. — Это было объявление Каткова об издании "Русского вестника"[2]. Как я уже целый месяц не получаю писем, то все это было для меня совершенною новостью. Месяца три тому назад вы сообщили мне о намерении Каткова и о полученном им дозволении, потом писали, что он позволения не получил, что слух об этом

оказался ложным, потом уж об этом журнале не было ни речи, но, может быть, в письмах, ваших, которые я еще не получил и которые дней через пять-шесть надеюсь получить в числе пяти, вы и пишете о журнале. Весьма важно дозволение политического журнала в Москве, хотя он и издается людьми, воззрения которых на политические события могут быть несогласны с нашими. Из так называемой славянофильской стороны в этом журнале, видно, участвуем только мы трое[3]. Жаль, что нет тут Хомякова. Хотя моего согласия на участие в этом журнале и не спрашивали, однако я готов охотно в нем участвовать, если он не будет враждебен нашей стороне, Хомякову и другим нашим знакомым. Имена Каткова, Корша и Леонтьева порукою в том, что журнал будет серьезный[4], честный, добросовестный, не петербургская литературная Сенная площадь[5], и я очень рад этому явлению, но Константин строже меня в этом отношении, и его участие, отделенное от участия Хомякова и других, бросается в глаза. Какого же рода статьи будет он давать или, лучше сказать, какого рода его статьи решатся они помещать? Чисто ли ученые или же критические или, так сказать, общественно-политического содержания? — Прощайте. Сейчас еду в Кишинев за получением казенных денег: это всего 60 верст. Я останусь там не более суток или 2-х. Будьте здоровы. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер. — Поздравляю вас с 26-м ноября и Любочку также[6]. По возвращении буду писать.

211

1855 г⟨ода⟩ декабря 8-го. Бендеры.

Декабря 6-го получил я наконец через Одессу ваше письмо от 10 ноября, милый отесинька и милая маменька; следовательно, письмо дошло до меня через 26 дней! Я уверен, что до 10-го ноября было написано вами еще одно письмо, точно так же, как и после 10-го; но странно — никому никаких писем в нашей дружине до сих пор не получено, кроме этого вашего письма от 10 ноября, при котором приложено письмо Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Казначеева[1]. Благодарю вас очень за эту заботу, поблагодарите от меня и доброго Александра Ивановича. Разумеется, предполагалось, что я отдам это письмо лично, в Одессе, и потому я был в некотором затруднении, как поступить с ним. Наконец, решил переслать его с верной оказией Толстому, который сам, без моей просьбы, хотел меня высвободить из-под гнета квартирмейстерской должности и хлопотать об этом. Я поручил Толстому самому сообразить: возможен ли для меня переход и по мне ли будет служба в штабе, он меня уже хорошо знает, и, смотря по этому соображению, пустит письмо в ход или возвратит мне его назад. Казначеев такие уже написал лестные вещи, что трудно было бы и оправдать возбужденные его словами ожидания. — Боюсь, чтобы из огня не попасть в полымя и из довольно независимого положения не перейти в звание столоначальника пустейшего стола в штабе, в подчинение у сотни пустозвонов-штабс-офицеров. — В письмеце от 10 ноября еще нет известий о вашем житье-бытье в Москве. А книгу Вы очень выгодно продали, милый отесинька; так мне кажется, но сообщите мне условия продажи: что́ Вы

продали — рукопись или напечатанную книгу, завод или два, на сколько времени и проч. и проч.? — Как я предполагаю, что мы во всяком случае простоим здесь м⟨еся⟩ц, то могу теперь вас попросить прислать мне, если только это не затруднит вас, рублей сто серебром. Я бы не просил вас об этом, если б был уверен, что 1 января точно получу следующие мне от казны деньги, но это сомнительно. — 1 января мне следует получить рублей 400 серебром (треть жалованья, подъемные деньги, ассигнованные всем офицерам армии пред открытием кампании, рационы за 2 месяца), но денег в казне мало и вряд ли все выдадут; к тому же могут возвратить бумаги за неисправностью какою-нибудь в форме. — Я ездил в Кишинев, где пробыл одни сутки. Кишинев так обстроился в эти 7 лет благодаря пребыванию в нем разных штабов, что трудно и узнать его: трактиры, гостиницы, лавки галантерейные и съестные приняли огромные размеры, но прежний колорит восточного города значительно побледнел. Там стоит 112 дружина (Рузская) и хвалится веселою стоянкою: балы, балы и вечера! Там есть и театр, и 6-го декабря должны были петь на сцене "Боже, царя храни"[2] ратники Московского ополчения. Я думаю, в первый раз случается, что бороды поют этот национальный гимн. — В Кишиневе многие убеждены, что с весною кампания откроется в Бессарабии; нет сомнения, что войска стягиваются к Дунаю и что правый фланг армии усиливается. Но я, вопреки общему мнению, убежден, что вторжения в Бессарабию не будет. Для этого необходимо было бы союзникам, чтоб Австрия пропустила их свободно чрез Молдавию и Валахию, чтоб они могли иметь Дунай операционным базисом (судоходство по Дунаю может снабжать их продовольствием); иначе вторгаться в Бессарабию узким проулком между Измаилом и Рени, стороною степною и однородною с Добруджей, наполненную войсками, очень невыгодно. Со стороны Аккермана также неудобно: Аккерман и весь Днестр до Бендер довольно сильно укреплены. Теперь весь вопрос в том, пропустит ли их Австрия. Но едва ли этот вопрос не решен окончательно — отрицательно. Меня уверял один офицер, приехавший с Дуная, что у них отдан по корпусу секретный приказ: в случае вступления в Бессарабию войск австрийских отдавать им почести и очищать Бессарабию. Есть слухи о том, что австрийские войска займут Бессарабию. Мне сдается, что заключается снова союз с Австрией ценою разных уступок и обещаний. Иначе и быть не может. Императорская Русь не может не быть в союзе с императорскою Австрией; впрочем и царская влеклась к ней всегда симпатией. — Между тем, в простом здесь народе, между солдатами и ратниками, ходит слух о замирении, о союзе с Австрией. "Молодец австриец, дай Бог ему здоровья!" — говорят они, я сам это слышал. В русском народе нет гордости, и поражение от превосходной силы[3] он во стыд себе не вменяет. "Ничего не сделаешь, — говорят они, — сила валит со всех сторон", и потому радуются союзу с Австрией. Вчера опять пронесся слух о мире и о том, что дружина наша возвращается домой; еще распустили слух, что будто я привез это известие из Кишинева: надо было видеть восторг ратников. Впрочем все это понятно. Странная, странная война! — Ратник, которого я брал с собою в дорогу, едучи в Кишинев, мужик лет 50-ти, рассказывал мне со слезами на глазах, что у него 7 человек детей, один другого меньше, что жена его умерла

месяца два тому назад, как известило его письмо, полученное им в Одессе, что дети его ходят по миру. Приходил также осведомляться, нет ли письма, ратник из плотников, сам топорной работы, и, утирая кулаком слезы, говорил про детей, им оставленных. — Для нас существуют побуждения самолюбия, честолюбия, славы, отвлеченные понятия об отечестве, политические мечты, сопряженные с известною степенью познаний и образования, наконец, нашему сознанию ясна картина всего целого. Ничего этого для него не существует и существовать не может, ничего разобрать и понять он не в состоянии в этом тумане, облегающем его со всех сторон. Если вообразить себя на их месте, на последней ступени общества, под давлением тяжести всех сословий, одного за другим, под игом всего общественного устройства, всего могущества лжи, в этом мраке, не освящаемом лучом познаний, так, кажется, повесился бы или спился бы с горя. — Выбор пункта для нападения на Россию очень удачен. Это самое слабое ее место. Я уверен, что если б высадка произведена была в Архангельской губернии, в Финляндии, даже в Остзейском крае и Петербурге, она могла бы произвести народную местную войну со стороны русских, финляндцев и латышей. Но чем более наблюдаешь этот край, тем сильнее убеждаешься в его нравственном бессилии. — Русские здесь — поколение беглых, враждебное России. Недавно я говорил с одним бородачом-извозчиком и, увидав его бороду, обратился к нему с радостью, как к земляку... Он на приветствие отвечал очень сухо и объяснил, что "черт ли ему в России! Там мы жили под панами, а здесь мы вольные, молдаване и евреи народ добрый, с ними жить можно". Когда он стал отзываться не совсем ласково про правительство и царя, то на замечание бывшего тут же одного нашего офицера сказал: "Ну что ж, мы царю служим, уйдем для него Турцию населять". Подобные же речи слышал я и от многих русских. Я спрашивал людей, самых близких к молдаванскому народу, как поступит он в случае вторжения неприятеля в Бессарабию. "Одно только верно, — отвечали мне, — что он не побежит в Россию". Россия является для них страшилищем, страною холода, неволи, солдатства, полицейщины, казенщины, и крепостное право, расстилающееся над Россиею свинцовою тучей, пугает их невыразимо[4]. — Ну, что сказать вам еще нового? Право, нет ничего. Хотинская крепость упраздняется[5], и орудия перевозятся в Бендеры, значит, опасность со стороны Австрии уже не грозит. — В продовольствии войска не нуждаются благодаря запасам хлеба, задержанным у одесских и измаильских негоциантов, но в фураже сильный недостаток: овес рублей 5 четверть, впрочем, его нет в продаже, ячмень также дорог, и лошадей приходится кормить папушей[6] или кукурузой. — Говядина 1 р⟨убль⟩ сер⟨ебром⟩ пуд, бессарабское вино прекрасно и мягко и стоит от 10 коп⟨еек⟩ до 30 коп⟨еек⟩ сер⟨ебром⟩ око, т.е. один штоф. Прочее же все, начиная от топлива, очень дорого. Впрочем, сахар 40 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ фунт, чай можно иметь порядочный рубля за 3 сер⟨ебром⟩. Общества в городе нет никакого, книги в обращении ни одной, новости узнаются только из запоздалых петербургских газет. День целый проводишь дома, в занятиях, т.е. в служебной суете. Я еще не переехал, потому что квартира моя не очистилась, и живу с Сушковым в двух маленьких комнатках. Своего общества, т.е. общества

офицеров у нас быть не может как по несчастному составу дружины нашей, так и потому, что нас очень мало. Общего ничего нет, разговора никакого: водка, карты, безденежье, циническое обращение с казенною собственностью — вот все предметы разговора и интересы защитников веры и отечества; при всем том многие из них довольно добрые малые, но страшные невежи. Скука страшная, особенно потому, что писем и новостей ниоткуда нет, книг нет. Хотя я и пользуюсь искренним уважением и любовью даже своих товарищей, но постоянно нахожусь в душевном одиночестве или же в сильных нравственных тисках. Заниматься чем-либо другим нет ни места, ни времени, поэтому и сидишь целый день за писанием разных требований дров, свечей, провианта, фуража, так что многие воображают, что я пристрастился к этим занятиям, что я создан для них, что я ничем другим и интересоваться не способен. — Не знаю, право, что делается с одесской почтовой конторой, кажется, она была до сих пор такая исправная. Я уже послал ей три официальные напоминания. Как же, не только я, но никто, ни один ратник не получает писем уже целый месяц, единственного утешения в этой глуши! — Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Завтра опять ожидается почта из Одессы, авось-либо с нею придут письма три от вас. Какие морозы здесь: вот уже несколько дней сряду стужа градусов по 20-ти; санный путь великолепнейший всюду. Все, разумеется, говорят, что это москвичи принесли с собою такую зиму. Прощайте, будьте здоровы, целую ручки ваши, милая маменька и милый отесинька, опишите мне ваше московское житье-бытье, целую всех сестер и обнимаю Константина. Что дает он на первый случай в "Русский вестник"? Ну что же самарские и оренбургские выборы?

И.А.

Что Гриша и его семья? Обнимаю их всех.

212

С 21-го на 22-е декабря 1855 г⟨ода⟩. Бендеры.

Я не писал к вам с последней почтой, милый отесинька и милая маменька, потому что дожидался возвращения нашего офицера из Одессы, зато и получил 4 письма ваших зараз и последнее ваше письмо, адресованное прямо в Бендеры, от 5 декабря. Как был я рад такому чтению. Буду теперь отвечать вам по порядку. В письме Вашем от 4 ноября Вы пишете о предложении Каткова купить Вашу рукопись[1] и о предложении его участвовать в журнале. Хорошо, что на первое Вы не согласились. Пожалуйста, пришлите мне хоть один экземпляр Вашей книги, когда она будет отпечатана. Что касается до второго предложения[2], то я на это уже отвечал. Но смешно мне говорить об моем участии. Писать статьи мне некогда, а если б я и мог написать статьи, почерпая нужное для них вдохновение из среды, меня окружающей, так они неудобны для печати. Мои путевые заметки, конечно, могут быть интересны, но сами вы можете судить по письмам, что все новое и оригинальное в них не может пройти через цензуру. Дней через 10 выйдет 1-ая книжка "Русского вестника", но в

Бендерах, конечно, никто его читать не будет, и потому я его не увижу. Очень все это жаль. — Скоро, наконец, прибудет Подольский егерский полк, к которому мы примыкаем, и начнется сдача дружины "на законном основании", т.е. с книгами, счетами, документами, делами, ведомостями и всякого рода бумагами. — В Одессе стоящие дружины частию уже присоединились, частию уже присоединяются к полкам. Покуда дружинные начальники ладят; много зависит от личности полкового командира. Шереметев, начальник Волоколамской дружины, обошелся сначала с своим командиром заносчиво, не хотел к нему являться и т.п., но его заставили смириться. — Толстой пишет мне следующее: "Письмо Казначеева я отдал начальнику штаба, любезнейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, отдал потому, что Артур Адамов⟨ич⟩ Непокойчицкий человек очень умный и, кажется, очень хороший, который может оценить Вас. Положительного ответа он мне не дал, но если чего-нибудь особенного не случится, то я надеюсь устроить это дело. Пока мой совет оставаться при дружине" и проч. — Между тем, разрешены отпуска, которые до сего времени были совсем запрещены. В приказе сказано, что государь, имея в виду, что, с одной стороны, нельзя ожидать военных действий зимою, с другой, что присутствие многих офицеров дома может быть им необходимо нужно по домашним причинам, дозволяет отпускать, но не далее 1-го марта. Разрешает отпуски, разумеется, сам Лидерс. Много ополченцев увидите вы зимою в Москве, и из нашей дружины просятся некоторые в отпуск, но отпускают с разборчивостью и соображая остающееся число офицеров. — Мне же не придется воспользоваться отпуском, я думаю, как потому, что недели через две начнется сдача дружины и сдача казначейской должности: много будет мне работы, особенно если полковой командир формалист, так и потому еще, что истекает год и должно готовить отчетность по провиантскому и комиссариатскому ведомствам и по многим другим. Хорошо, если б все это окончилось январем, но навряд ли. А хотелось бы мне, очень бы хотелось в Москву, тем более что весной и летом нельзя уже будет проситься в отпуск. — Вы пишете про отставку... В отставку никого не выпускают, разве по действительной болезни после строгого освидетельствования в штабе Южной армии целым присутствием докторов. Вы говорите, что теперь можно было бы занять место в гражданской службе... Укажите — какое?[3] Очень приятно слышать про все действия и слова государя; вполне ему сочувствую, но он возбуждает во мне сожаление; мне кажется он жертвою порядка вещей; не совладать ему с ним; слишком глубокие корни пустило зло, чтоб могло быть уничтожено без радикального лечения, без полного обличения. Дай Бог, чтоб во все время своего царствования он удержался на том пути, на котором находится теперь, и чтоб не пугался последствий, которые произойдут от некоторых дарованных льгот...[4] Ну да нечего об этом распространяться. Теперь все одушевлены, кажется, сердечным расположением к нему и готовы ему содействовать. Я уверен, что это настроение будет очень плодотворно в литературном отношении, и ожидаю большой деятельности от Константина. Мне кажется, что пребывание в Москве будет содержать его в приятно возбужденном состоянии. Очень этому рад, давно он был лишен этого.

Началось оно хорошо, юбилеем Щепкина[5]. Пришлите мне прочесть Вашу статью[6]; кажется, никто не получает здесь в Бендерах "Моск⟨овских⟩ ведомостей"; впрочем, я еще не кончил розысков. Очень я рад, что так удачен вышел этот юбилей, что так явно и торжественно выразилось общее сочувствие к Вам, милый отесинька, и что мог Конст⟨антин⟩ провозгласить тост в честь общественного мнения!..[7] — Что касается до циркуляра в⟨еликого⟩ князя[8], то, разумеется, я радуюсь всею душой этому явлению, но не то понимают они под официальною ложью; это не значит ложь донесений, а ложь формализма, ложь, истекающая из самого начала административного, из понятия о казне и проч. и проч. и проч. — Скажите, пожалуйста, из чьей статьи выписка? из статьи Пог⟨одина⟩ или Кон⟨стантина⟩. Вы можете это написать или намекнуть как-нибудь. — Итак, Гриша, может быть, теперь у вас: обнимаю его крепко всею душой. Я думаю, он получит место вице-губернатора без затруднения. Только с этою почтой узнал я, что Самарин поступил на службу в ополчение[9], не знаю только, по какой губернии, Самарской или Симбирской. Разумеется, он захотел поступить и не мог отделаться, если б хотел; впрочем, я никаких подробностей об этом не знаю, и это было для меня совершенно неожиданным известием. Конечно, в их ополчении состав дружин будет лучше нашего, такого несчастного и грязного, какой в Серпуховской дружине, трудно где и найти. Если в одной дружине соберется человек 6 людей с благородным образом мыслей, умных, образованных и вдобавок богатых, то, конечно, можно будет много сделать добра, но все это до присоединения к полкам. Посмотрю, что скажет Самарин месяца через три или четыре, когда эти мужики сделаются уже ратниками. У нас, штатского происхождения офицеров, нет этой привычки командования, деспотического отношения к людям, никак не станешь смотреть на людей, как на машины, и наше управление составляет разительный диссонанс в общем хоре, ослабляющий действие целого. Конечно, можно бы повести людей иначе, но трудно согласить это с требованиями военными (и нужно бы для этого знать эти требования совершенно, быть в них хозяином), когда все идет по другим началам. — Очень мне любопытно будет следить Самарина на его новом поприще, тем более что он поступил не в штаб и имеет довольно времени, чтоб обучиться самому военной службе. — Ротные командиры верхом не ездят. — Точно, должно быть, письмо одно ваше пропало, именно то, про которое пишет милая Соничка, которую очень благодарю за приписку: я не знал до нынешней почты, что Самарин выбран в ополчение. Ну, что же, Константин бранит его за это?[10] — Все письма ваши, адресованные на имя Толстого, я получил только теперь, т.е. в числе писем, привезенных нашим офицером из Одессы. — Что касается до выписки из письма Кулиша[11], то ее достаточно, чтоб произнести решительное мнение о человеке. Бог знает, что это за голова. В ней есть какой-то свищ или недостает многих клавишей, но умным человеком его назвать нельзя, как хотите. "Не затмевала прекрасной личности нашего поэта!" Ну и кончено, стоит только прочесть эту фразу. Разве умный человек ее напишет? Он не свободный жрец, а какой-то чиновник искусства и литературы, очень усердный, бескорыстный, преданный своей "*службе*", но относящийся к ней с такими же педантическими требованиями

формализма, как регистратор к настольному регистру[12]. Удивительное мое поведение состояло в том, что я не успел быть у Павлова, у Силина, у Бунге, у кн⟨язя⟩ Дабижи[13], даже, кажется, и был у двух из них, но не застал дома, что в Киеве я принимал 84 тысячи патронов и для этого каждое утро таскался в жар, по страшным пескам, верст пять за город, возился с комиссариатской провиантской комиссией и так мало имел свободного времени, что не успел даже побывать в пещерах и едва-едва удалось забежать в собор, наконец, что на вечере у Юзефовича я большую часть времени провел в разговоре с кн⟨язем⟩ Голицыным, очень умным и ученым военным человеком, бывшим профессором Академии военной, потом директором Училища прововедения[14], потом опять профессором и наконец генерал-квартирмистром Средней армии. Его рассуждения собственно об образе войны были для меня очень интересны, и мы с ним проговорили большую часть вечера. Вообще мне любопытнее были генералы, чем люди, которых я уже знал и которые в настоящее время не в числе действующих. — Благодарю Вас, милая маменька, за Ваши добрые строки; только скажу, что, мне кажется, я и на своем теперешнем месте сделал некоторую пользу дружине. Скажу Вам даже, что при Толстом было бы даже недобросовестно с моей стороны оставить место казначея: я был нужен; теперь же я и не нужен, потому что Сушков сам взял на себя все бремя правления и даже больше, чем следует начальнику дружины, ввел разные новые порядки, и я уже мешать ему не могу, да и не могу оставаться казначеем потому, что эта должность уничтожается. — Если не перейду в штаб, так приму роту. Ничего, Бог милостлив, кончится война, и я ворочусь в Москву с огромным запасом опытности, наблюдений, воспоминаний, несколько, может быть, поугомонившись, во всяком случае много приобретя, и тогда расквитаюсь с Географ⟨ическим⟩ обществом. А этого времени упускать нельзя было. Подчас, конечно, очень тяжко, но не могу не сознавать с благодарностью к Богу, что приобретаю; только старайся извлекать из всего пользу и во всем отыскивать благую для себя сторону. — Так письмо из Татара-Бунара дошло — очень рад; я этого даже и не ожидал, а так пустил, наудачу. — Не мог я не рассмеяться, милая маменька, бесцеремонности Вашего приговора насчет наших передвижений: "чья пустая голова этим распоряжается"? — Носился слух, что Керчь взята обратно, но подтверждения нет. Говорят о намерении захватить Кинбурн по льду. Хлеб скупается. Взамен ваших утешительных разных известий и в ответ на письмо ваше, свидетельствующее о каком-то бодром, веселом состоянии, полном надежд и жизни, мне нечего сообщить вам утешительного, решительно нечего. Вот и праздники, с которыми поздравляю вас[15], и которые никакою жизнью не ознаменуются в Бендерах. Мы все сидим кротами по своим углам, по своим тесным квартирам. Если б у меня не было служебных занятий, так скука была бы страшная, и офицеры, которым много праздного времени, прибегают к водке и к водке, к картам не прибегают, потому что денег ни у кого нет. — Нет ни книг, ни журналов, ни общества, и я, кроме утра и обеда (обедать мы устроились с Сушковым вместе, так как по службе мы чаще всех видимся), буквально целый день и вечер дома.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Дай вам Бог провести

праздники и встретить новый год бодро и весело. Будьте здоровы, цалую ручки ваши и обнимаю Константина и всех сестер. —

Я читал некоторые письма ратников, полученные ими из дома. Жены страшивают: обриты вы или нет?

213

Декабря 26-го 1855 ⟨ода⟩. Бендеры. Дек⟨абря⟩ 28.

Поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, с праздником и всех сестер и братьев. Впрочем, если Гриша утвержден[1], как вы пишете, то, может быть, он не поедет в П⟨етер⟩бург, а может быть, именно поэтому и поедет, чтоб посмотреть свое новое начальство и себя показать начальству, так по крайней мере водится. Я получил нынче ваше письмо от 15 декабря: оно пришло через Одессу, хотя было адресовано в Бендеры, и пришло довольно скоро, в 11 дней. Какие вы все утешительные новости сообщаете; жаль только, что здесь-то мне не с кем поделиться ими. Добрых малых довольно, но до цензуры, до университета, до академии, до литературы им дела нет. — "Москов⟨ских⟩ ведомостей" я не достал, думал, что описание юбилея[2] будет перепечатано в "Петербургских", но не нашел и там. Проводя сочельник и встречая праздники в этом жидовском городишке, среди жидовской семьи, я, вероятно, так же, как и все ратники, переносился мыслью в Москву, вспоминал всю хлопотливую суету приготовлений, тревожное чувство ожидания праздника. И здесь я как-то чего-то ждал, не мог заставить жидовку вымыть пол в моей конурке, потому что была суббота, но в воскресенье и пол вымыли, и бумаги, лежавшие на полу и на кровати за неимением стола, припрятаны. — В крепостной собор я не поехал, предоставив начальнику дружины в лице своем представлять всю дружину, а отправился в городской собор (единственную православную церковь); приходили песенники нашей дружины поздравить с праздником и петь "Христос рождается" и пр.; приходили музыканты обеих дружин (111 и 109) играть на горнах и барабанах свои поздравления с праздником; приходили школяры Христа славить, с бумажной звездой, приходило много ратников. Так как здесь виноградное вино очень хорошо и дешево, то я велел своему денщику потчивать каждого, и как нахожу необыкновенное удовольствие давать денег щедро, то ради тоски на чужбине не отказал себе в этом удовольствии, имея в виду скорое получение значительной суммы (жалованья, подъемных денег и рационов). Вечером явились ко мне артиллерийские солдаты с предложением мушкарада. Я их принял; мне любопытно было видеть солдатское представление. Явилось человек 15, очень порядочно костюмированных; эполеты и аксельбанты были превосходно сплетены из соломы. Представление заключалось в том, что царь Максимилиан думает думу с сенатором Думчевым, требует от сына своего Адольфа поклонения "коммерческим богам", но сын Адольф отвечает: "О, мой родитель и повелитель, я Ваши коммерческие боги топчу под ноги", остается христианином; его за это — в тюрьму, куда он и удаляется при пении хора: "Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест"; наконец его казнят и призывают для лечения доктора с фельдшером. Это единственные

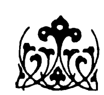
живые лица во всем представлении. Актеры, очевидно, кого-то передразнивали. Между прочим, доктор спрашивает: сколько больных в госпитале? Фельдшер отвечает, что к такому-то числу больных состояло 155, что на белый свет выпущено 5, остальные человек 150 отправлены для пополнения списков в небесную канцелярию, лекарства оказываются все поставленными по каталогу в 1825 году и потому, разумеется, существующими только на бумаге, рецепт прописывается: солома с уксусом и т.п. У фельдшера орден "первой степени пьянства". Замечательно, что во всех кукольных комедиях, итальянских народных представлениях выводятся на сцену доктора, конечно, потому, что обман и шарлатанство докторов более бросается в глаза простому народу, чем другое злоупотребление; впрочем, доктор солдатского представления не итальянский, а современный, российский, чиновный. В виде эпизодов являлись и витязь Бармуил, и воин Аника, и какая-то "*богиня*", сражающаяся с Аникой в чистом поле, и смерть с косой. Путаница страшная, и в то же время среди напыщенной книжной речи целые тирады из песни, которые говорили воины Бармуил и Аника, умирая: "Ты скажи моей молодой жене" и проч. Наконец все покончилось общим мушкарадом, т.е. пляской или галопом всех действовавших лиц[3]. Все было очень пристойно и чинно, но я ожидал более остроумия и сатиры не на одного доктора с фельдшером. Быть не может, чтоб не было солдатской комедии такой, в которой бы высказалась вся ирония, вся критика на управление и устройство общественное. Поищу. — Кстати, чтоб не забыть. Видел я на праздниках почти всех людей М⟨арии⟩ Фед⟨оровны⟩ Соллогуб и кланялся им от нее. Скажите Марье Федоровне, что все они живы и здоровы, все находятся в строю, а не в резерве, исключая одного, который кашеваром, и никаких особенных просьб не имеют, кроме денег, денег и денег. И потому пусть М⟨ария⟩ Фед⟨оровна⟩, если только хочет прислать им денег, пришлет их на мое имя, и чем скорее, тем лучше, покуда мы еще здесь. — Поговаривают о передвижениях; достоверно только то, что недели через две сюда вступит какой-то полк, тогда какой-нибудь дружине придется выйти. Об нашем полку — ни слуху, ни духу. Сушков едет завтра дня на два в Одессу и авось привезет достоверных новостей. — Итак, в Сибири университет[4], следовательно, и типография, и печатание книг! Слава Богу! Будет ли он иметь характер нравственной зависимости от столичных университетов или совершенно самостоятельный. Помещиков нет в той стороне, следовательно, все дети чиновников и купцов. Это огромная эпоха для Сибири. — Насчет экзаменов для повышения в генералы и полковники мне что-то не верится, да оно и невозможно в настоящее военное время. Генерал Хрулев[5], верно, не выдержит ни одного экзамена. — От Толстого сведений новых после того, что вам известно из последнего моего письма, нет. Слухов о военных действиях никаких. С нетерпением жду газет, чтобы узнать, что делает и куда пошел Муравьев[6]. — Видно, Хомякова еще нет в Москве, что вы ничего о нем не пишете. Быть не может, чтоб Мусина-Пушкина назначили попечителем университета[7]. — Да, кстати. Т.е. оно не кстати, но чтоб не забыть: сейчас пришло в голову: что же Трутовский? Вступил или нет в Харьковское ополчение[8], что Sophie и что Самбурские вообще? А уж кстати: что Трушковский?[9] — Когда придет это письмо, то, верно, Ваша книга[10]

отпечатается совсем, милый отесинька. Нет сомнения, что успех будет огромный; любопытно будет наблюдать, как молва об ней и об Вас будет продираться сквозь здешнюю трущобу и завоевывать массу, т.е. не массу, а приобретать Вам читателей или заочных (в смысле не читавших) почитателей. — Я с своей стороны о литературе и о поэзии и о себе в этом отношении никогда не говорю и потому, что не с кем, и потому, что большинство здесь в первый раз в жизни слышит фамилию Аксаковых. — Сейчас был у меня еврей из компании евреев, овладевших здесь всеми подрядами и начальственными лицами, имеющих постоянные сношения со штабом Южной армии и довольно верные сведения о движениях войск: после нового года вскоре вступят сюда Модлинский и Прагский полки, а наши 3 дружины выступят, куда — неизвестно, разумеется, на соединение с своими полками, которые стоят около Перекопа и Николаева, может быть, их подвинут ближе сюда. Таким образом, мы решительно оправдываем свое название *подвижного* ополчения. Стоянка, конечно, здесь очень скверная, но и походы надоели. — Я теперь в больших хлопотах по случаю отчетности. Велено представить ее к 5 января. Разумеется, вместо 5-го можно представить 15-го и позже, но дело в том, что решительно некем взяться за составление этих многосложных отчетов, за приготовление книг для ревизии, за снабжение их всеми документами, расчетами, экстрактами и приложениями; все это делается по особенным формам, мне неизвестным, да и вообще известным очень немногим. Ищу нанять такого доку, который бы вполне знал всю эту премудрость и взялся бы все это привести в надлежащий вид. — Сейчас получил с оказией из Одессы письмо от Толстого следующего содержания. “Вот что говорят, любезнейший И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩, хотя и не весьма утвердительно: 1) что фельдмаршал при смерти[11]; 2) что на его место назначается к⟨нязь⟩ Горчаков[12]; 3) что на место Горчакова Лидерс, который уехал уже в Крым, а на место Лидерса граф Остен-Сакен[13]. От этих слухов и по случаю отъезда Лидерса в Крым здесь весь штаб так взволнован и так занят, что я по сие время не мог узнать, какое будет иметь последствие письмо Казначеева к Ар⟨туру⟩ А⟨дамовичу⟩ Непокойчицкому[14]. И моя судьба теперь покрыта мраком неизвестности: еду ли я в Крым, если штаб едет, или остаюсь здесь. Одним словом, никто ничего не знает, и пока все это не уладится и не установится, и мне и Вам делать нечего, а надобно, сидя у моря, ждать погоды. Что будет — напишу” и пр. Верно, у вас в Москве говорят о тех же переменах, но я нарочно сделал эту выписку из письма Толстого, чтоб вы видели, как в самом штабе мало знают и кормятся неопределенными слухами. Лидерс точно уехал в Крым, сдав на это время управление армиею начальнику штаба. — Из присланных нынче печатных приказов по Южной армии видно, что Подольский егерский полк будет расположен в Татар-Бунаре, с⟨еле⟩ Спасском и других селениях и деревнях верстах в 30 от Килии. Татар-Бунар — это то местечко, из которого я известил вас о перемене маршрута. — Мы принадлежим к 14 походной действующей, не резервной, дивизии. — Вместе с письмом Толстого получил я и письмецо Веры, адресованное на его имя в Одессу; поручение ее я тотчас же выполнил без затруднения. Ты можешь сказать, милая Вера, отцу Павла

Сергеева Заведеева, писца 110-й дружины, что сын его жив и совершенно здоров, письмо от отца с деньгами получил и сам писал отцу два раза, в последний раз из Одессы. Я сам его видел и приказал ему написать с этою же почтою еще письмо. — Из Одессы привезли также известие, будто Австрия делала чрез своего посланника Эстергази мирные предложения России, вполне и резко отвергнутые государем, и что весною будет непременно война с Австрией[15], театром которой будет Бессарабия. Нельзя предаваться этим надеждам. Мудрено, чтоб Австрия допустила эту войну.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Дай Бог, чтоб вы продолжали сообщать все такие же утешительные известия и чтоб вы были совершенно бодры и здоровы. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. Константину пишу письмо в ответ на его письмо, если не успею послать завтра, так пошлю в воскресенье. Прощайте. Кланяюсь всем знакомым.

И.А.



1856

214

4 января 1856 г⟨ода⟩. ⟨Бендеры⟩[1].

Только ⟨нрзб⟩ пишу, так теперь я завален работой, милый отесинька и милая маменька, составляю отчет и весь увяз в четвериках и гарнцах[2] без шуток и преувеличений. Много труда. Поздравляю вас с новым годом и с 4 января[3]. Будете писать Грише, поздравьте его за меня и обнимите. Вчера получил письмо ваше от 22 декабря с приложением письма к Лидерсу[4]. Так как оно было писано, потому что вы не имели еще известия о судьбе письма к Непокойч⟨ицкому⟩, и так как Лидерс в Крыму, то оно и не пойдет в ход. Судя по тому, что Непокойч⟨ицкий⟩ не дает Толстому никакого ответа на письмо Казн⟨ачеева⟩, я думаю, что толку не будет, да они вовсе, кажется, таких людей не ищут, каким представил меня Казначеев. Может быть, лучше было бы, если б это письмо было послано Казн⟨ачеевым⟩ прямо к нему из Москвы, не с доприбавленной просьбой, а просто с указанием на такого-то. — Ну да что ж делать. — Впрочем, по случаю ожидаемых перемен весь штаб смущен и не знает, что делать. Завтра ожидаем возвращения одного нашего офицера из Одессы; верно, он привезет мне письмецо от Толстого. — Вы не да̂вайте себя слишком утомлять, милый отесинька, и не принимайте в своем кабинете, который пусть будет для Вас местом отдыха. — Вижу, что много около вас суеты, много шуму, много гостей. Что вы дали в “Русский вестник”?[5] — Чьи это “Этнографические записки южной Руси”[6]. Самого ли Кулиша, “*человека по преимуществу*”, или какого-нибудь обыкновенного смертного, или древняя рукопись? Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер. Что вы не напишете, как проводят зиму в Москве сестры, бывают ли в театре, ездят ли куда?

И.А.

Поблагодарите Казначеева.

215

11 на 12-ое янв⟨аря⟩ 1856, Бендеры.

Странно, что не получил от вас писем на этой неделе, милый отесинька и милая маменька. Эта неделя для меня пролетела как один день. Я почти ни разу не выходил из комнаты и почти не разгибаясь сидел над счетами и отчетами. Впрочем, надеюсь, что эта египетская работа скоро придет к концу. Боюсь,

чтоб вдруг не назначили похода, тогда все опять придет в беспорядок. Теперь вы уже знаете о переменах в управлении. Теперь попасть в Главный штаб было бы для меня во сто раз приятнее, чем в Одессу, но едва ли этому быть, и Непокойч⟨ицкий⟩ не дает Толстому никакого ответа, а он, кажется, спросить не решается, потому что боится всякого начальства. Письмо Лидерсу я не посылал[1], находя весьма невыгодным вступать в Штаб против желания начальника Штаба, да и Лидерсу теперь не до меня. Не понимаю, отчего Сакену не дали никакого назначения[2]. — Здесь разнесся слух, что Наполеона убили, а в Одессе так сильно говорят о мире по случаю телеграфических депеш, полученных купцами из Вены, что даже цены поднялись на пшеницу. Но я решительно и положительно ничему этому не верю и вижу в этом только желание этого иностранного города, жадного к барышам, искать скорее мир для торговли. В этой Одессе и русские купцы совершенные иностранцы. — Что-то сделает Лидерс, посмотрим. Я теперь меньше на него надеюсь, чем прежде, когда был в Москве, но, может быть, и дай Бог, я ошибаюсь; впрочем, я в личных сношениях с ним не был. — Толстой в Одессе, жду от него письма. Больше писать вам мне решительно некогда, и так уже половина второго. Ко всем служебным хлопотам много развелось у нас всякого дрязгу по милости С⟨ушкова⟩. Просто дрянь. Пишу к вам теперь только для того, чтоб не оставить вас без известий. Надеюсь, что завтрашняя почта привезет мне от вас письмо. Впрочем, почты теперь опаздывают. Здесь совершенно сошел снег, и недели через две, я думаю, уже повеет весной: теперь всюду вода, грязь, страшная сырость, дожди. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ручки ваши, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. — У нас из наших офицеров еще один выбывает, Окулов, в адъютанты к кн⟨язю⟩ Меншикову. Из состава офицеров, с которыми дружина 111-ая выступила в поход, выбыло уже 6 или даже 7. Это очень жаль. Прощайте же, будьте здоровы.

И.А.

216

1856 г⟨ода⟩ янв⟨аря⟩ 18 на 19. Бендеры.

Я все в тех же хлопотах и так же занят, как и прежде, милый отесинька и милая маменька, так же не выхожу из комнаты и все еще не кончил казначейского отчета; это оттого, что всякую бумагу я должен сам писать и сочинять, а писаря также переписывают набело, да и то надобно их несколько раз поверить, а иногда за одним затерявшимся гарнцем бьешься целые часы. Надеюсь однако совсем окончить на этой неделе. К тому же текущие дела не останавливаются. Сушков снова уехал в Одессу, и управление дружиною опять легло на меня как на старшего; все это мешает мне свалить с плеч несносную казначейскую обузу. — На этой неделе я получил два ваших письма, одно с деньгами[1] от 30 декабря, другое от 5 января с приложением брошюрки о Щепкине[2]. Статья прекрасная и непристрастная; я замечу только, что она слишком литературно написана, т. е. с очевидными литературными приемами, сочинительство слышно[3]. Может быть,

я и ошибаюсь, и это очень легко, потому что целый день впопыхах и не имею времени совершенно удосужиться для чтения. Благодарю вас за присылку денег. Мне прислан также наконец полугодовой оклад усиленного жалованья, следующий мне как и всякому армейскому офицеру при начале кампании (простым офицерам третные, а штабным, т. е. адъют⟨анту⟩ и казначею полугодовые), и, кроме того, треть жалованья. Теперь денег у меня понакопилось довольно. — В газетах видел я оглавление первой книжки "Русского вестника"; не знаю, какой отрывок Вы дали[4], а стихов Константина нет. По оглавлению он кажется бесцветным. Здесь с некоторого времени так усилились слухи о мире[5], что лица официальные уверяют даже, будто мир подписан 11 января[6], но я не верю и не верю и предлагаю пари, какое угодно. Это моя уверенность смущает их; источник всех этих слухов — Австрия и Венская биржа, а здешнее народонаселение очень радо миру, а Одесса пуще всех, почему — очень понятно, и я уже несколько раз в письмах своих излагал характеристику здешнего края. О полке нашем ни слуху, ни духу, от Толстого — ни строчки, ни вестей. Я писал к нему снова. Лидерс и не возвращался в Одессу, а Непокойчиц⟨кий⟩ сдает должность Васильчикову[7]. Я не посылал письма к Лидерсу[8] по причине, которую уже объяснял вам, а теперь если пошлю его по почте, так ему и некогда будет прочесть его, и читать он не станет. — Моя должность такая, что ее надо сдавать формальным порядком, и потому вдруг собраться и оставить дружину я не могу. — Как жаль, как жаль мне Васькова[9], беспрестанно видится мне это лицо умное и добродушное. Очень мне жаль его. — Очевидно и несомненно, что письма мои к вам задерживаются на московской почте: ваши письма я получаю несравненно скорее. Благодарю всех за поздравления с новым годом и с праздниками. Ваши письма, милый отесинька, довольно живо передают всю суету и суматоху Вашего дня. Да, у вас должен собираться очень разнокалиберный народ; еще нет в Москве, кажется, ни Елагиных, ни Киреевских. Вы все под впечатлением утешительных известий о государе, на вас дохнуло наконец свежим воздухом сквозь полурастворенную дверь прежней темницы, и мне кажется издали, что еще не свыклись с воздухом, что он чуть ли не охмеляет. Впрочем так издали кажется, издали из-за счетных книг и кипы самых сухих и скучных бумаг. Но и то сказать: назначение Тургенева цензором[10] хоть кого может ошибить, Тургенева, три года тому назад сидевшего на съезжей за нарушение цензурного устава[11]. — Не понимаю, отчего Сакен попал в Госуд⟨арственный⟩ совет[12]. Здесь он пользуется очень хорошей репутацией. — Книгу Вашу я бы желал иметь, милый отесинька, Вы ее адресуйте в Бендеры, а "Русский вестник" не посылайте. Где ему за мной гоняться, особенно весной, с открытием кампании. Мы будем в постоянных передвижениях. Я говорю "мы", потому что, по всей вероятности, меня не переведут в Главный штаб (видно, Непок⟨ойчицкий⟩ или не доверяет рекомендации слишком доброго Ал⟨ександра⟩ Иван⟨овича⟩ Казначеева или вовсе не нуждается в тех дарованиях, о которых он так черезчур сильно выразился), и потому я, по всем соображениям, сделаюсь ротным командиром. Кстати, о весне. Она уже началась здесь; снег в полях и в городе давно сошел, но в городе "невылазная" грязь, а поля уже сухи. Говорят, на масленице будут

пахать. — Посмотрю, что такое бессарабская весна. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, уже очень поздно, будьте здоровы, целую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер и очень, очень благодарю за приписки. Кажется теперь, что я все ваши письма получил.

И.А.

217

25 января 1856 г⟨ода⟩. Г⟨ород⟩ Бендеры.

Кончил я наконец свои отчеты, милый отесинька и милая маменька, т. е. отчеты военно-казенному ведомству; теперь остается еще привести в порядок текущие дела и приготовить отчетность дворянских сумм, но это не так затруднительно. — Вы, вероятно, как и вся Россия, взволнованы слухами и даже известиями о мире. Несмотря на уверения со всех сторон, я не верил, спорил, бился об заклад. Почта как нарочно сыграла преподлую штуку, т. е. не пришла, не пришла вовсе, опоздала целою неделью по случаю скверных дорог (т. е. кишиневская почта, которая ее привозит, не стала ее дожидаться), и это — та почта, с которою ехал № "Сев⟨ерной⟩ пчелы" с статьей, перепечатанной из "Journal de S⟨ain⟩t Pétersb⟨ourg⟩" о мире[1]. — Я не верил своим глазам, читая эту статью, в которой русское правительство с таким унижением заискивает у общественного мнения Европы и выражает такое явное пренебрежение к мнению своей страны. Тем не менее я все же убежден, что мира не будет, что Россия опозорится новыми уступками, а мира ей не дадут; при подробнейшем истолковании подписанных условий непременно возникнут споры: например, что значит "выправление границы"? Для полной нейтральности дунайских устьев и для обеспечения целости Турции выправлением нашей границы надобно или отдать Измаил и Килию или же срыть крепости в этих городах; для нейтральности Черного моря, для того, чтоб дать ему чисто коммерческое значение, необходимо уничтожить все крепости по берегам моря или, так как они на деле уже уничтожены, обязаться не возобновлять их. Этого быть не может, на это он согласиться не может, и потому позорный мир не состоится, вновь начнется война, война вялая, томительная, изнурительная, бестолковая. Какими тяжкими испытаниями ведет Бог Россию к самосознанию, к уразумению источника бед и зол, ее терзающих! — Вместо того, чтобы действовать этою зимою, удобною для военных действий, парализуются силы и физические и нравственные. У всех опускаются руки. — Я знаю, что штаб Южной армии дожидался почты и № "Сев⟨ерной⟩ пчелы", чтоб узнать что-нибудь достоверное о мире, о котором идет гул по всей России. — Вместо того, чтоб с энергическою деятельностью приготовлять войска к новым битвам, учить их, поддерживать в них дух и проч., военное начальство наше в виду мирных переговоров почти бездействует в этом отношении и занимается только одною хозяйственною частью; результат этих занятий — трата несметных сумм и обогащение командиров. Дружины наши, зимующие в Бендерах, вместо того чтоб учиться, почти каждый день или в карауле, или на

работах (как-то — очищение снега с крепостных валов, копание мерзлой земли и проч.: работа не подвигается, снег выпадает снова и т. д.); между тем, крепость и город в "осадном положении", когда ей ниоткуда не грозит опасность, а через это комендант получает до 30 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ дохода, как говорят, потому что на случай осады крепость будто бы снабжается всевозможными припасами, которые, разумеется, через год оказываются испорченными. — Но это другой предмет. — Ратники, не зная, в чем дело, радовались известию о мире, но когда им объясняется, что он куплен ценою позорных уступок, так они говорят, что им и воротиться-то будет стыдно, что их в России на смех поднимут. Офицеры же все в негодовании; и в Одессе, где ополченцы, пришедшие из внутренних губерний, составляют теперь бо́льшую часть общества, публично, в клубах раздаются энергические порицания. Где же эта партия мира? Кто же за мир? В статье говорится о новой коалиции. Кто же это? Австрия и Швеция?[2] Не стыдно ли правительству, печатая статью в Петербурге, ссылаться на свою депешу, напечатанную в иностранных журналах, следовательно, России неизвестную. Я ее не знаю, потому что здесь иностранных газет не получается. — На этой неделе против обыкновения я не получил от вас писем, надеюсь, что получу завтра. Очень мне любопытно знать, как вы приняли это известие[3]. В последнем письме я говорил, что издали восторги Москвы, надежды и мечтания кажутся несколько чрезмерными, преувеличенными. Так уж пошло на похвалу, и оглушенная собственным гулом Москва видела все в розовом свете. Я очень опасаюсь этих увлечений, которые незаметно для самого человека заставляют его мириться с началом правительственным, совершенно враждебным. Но все в порядке вещей: необходимо, чтоб позорилась правительственная Россия, чтобы отличилась вполне; было бы несправедливо и нелогично, если б вышло иначе. С этой точки зрения смотря, я считаю даже и мир возможным, только в таком случае он не довольно позорен, а с теперешнею степенью позора легко примирится русское общество. — 29-го января, сказывают, приходит наш полк в Татар-Бунар, но о нашем передвижении ни слуху, ни духу. Будущий полковой командир по общему отзыву страшное животное, но справедливы ли эти отзывы, судить не могу. — Обо мне также ничего определительного сообщить не могу; посылаю вам в подлиннике письмо Толстого, тем более что он тут говорит про вас. Сушков, которому страх как хочется избавиться моего присутствия в дружине, сам, без моей просьбы, бывши на днях в Одессе, хлопотал в Южном штабе о моем переводе, но будет ли от того успех, не знаю. Я, оставляя дружину, непременно напишу краткий отчет всему обществу офицеров о всех суммах, преимущественно о дворянских как не подлежащих почти никакой отчетности, об издержанных и о тех, какие остаются и должны оставаться налицо, дам каждому офицеру по экземпляру отчета в руки, чтоб не потерялись некоторые значительные суммы в безгласности. Вот уже и февраль! как быстро летит время. Некоторые ветреные наши офицеры уже совсем приготовляются к обратному походу, не соображая, что даже в случае мира армия распустится не скоро. Я же не ожидаю мира, а напротив ожидаю скорого передвижения нашей дружины или под Килию, или в Кишинев. — Прощайте, милый отесинька и

милая маменька, поздравляю вас и всех с именинами Гриши и Машеньки[4], поздравьте Гришу за меня. Пользуются ли своим зимним пребыванием в Москве наши больные Олинька, Вера? Я видел Веру как-то на днях во сне нехорошо и жду с нетерпением от вас известий. Прощайте, будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер, цалую ваши ручки.

Это обстоятельство, т. е. мир, должно сильно подействовать, я думаю, на характер московских журналов.

218

1856 г⟨ода⟩ февраля 1. Бендеры.

Вы рассказываете про новые ваши интересные знакомства[1], вообще про ваше московское житье, довольно беспокойное для вас, милый отесинька и милая маменька, но тем не менее очень приятное. У нас же ко всем прежним неприятностям бендерской жизни присоединяются еще новые. Вследствие беспорядков, всякой разладицы и междоусобицы, внесенных в дружину Суш⟨ковым⟩, того и гляди, будет следствие, к которому всех притянут, или, по крайней мере, совершенная перемена в управлении. — Все это очень скучно и представляет мне в перспективе множество хлопот. На днях был я очень обрадован совершенно неожиданным для меня приездом в Бендеры нашего гр⟨афа⟩ Толстого, посланного сюда для обозрения некоторых частей управления; послезавтра он уезжает обратно в Одессу. От него я узнал, что Сухозанет и кн⟨язь⟩ Васильчиков смотрят на ополчение другими глазами[2], чем прежнее начальство, и относятся к нему с бóльшим уважением. Оба они сами собою осведомлялись обо мне и готовятся дать мне какое-то назначение или поручение. Признаюсь, теперь, когда впереди мир, переход в Штаб не представляет для меня большого интереса. По слухам уже заключено перемирие, и наши офицеры были уже приглашаемы французами в театр и на бал. — Если вам будут говорить о негодовании армии по случаю позорного мира, не верьте. За исключением очень и очень малого числа, все остальные радехоньки. — Так как войску решительно все равно, и оно готово геройски умирать и в бою за греков, и в бою против греков, то, конечно, желает, если можно, не умирать ни в каком бою. Полковые командиры порастратились и желают свести счеты на постоянных квартирах; раненые герои мечтают о городнических и исправнических местах, наконец, если б даже никто сам не решился бы подписать мирные условия, все очень довольны, что могут сами умыть руки и сложить нравственную ответственность в нем на другого, благо есть на кого! При такого рода положении вещей нельзя было и ожидать успеха и вообще разрешения зашевелившихся вопросов. — С начала войны до сих пор именных (одних именных) вкладов в кредитные установления из *армии* было сделано на 18 милльонов серебром; по крайней мере, так говорят. — Вы пишете, что Вера и Над⟨инька⟩ уехали в П⟨етер⟩бург. Этому я очень рад за них обеих, особенно за Надиньку; она никогда не каталась по железной дороге, и Над⟨иньке⟩ любопытно будет все видеть в П⟨етер⟩бурге. Надеюсь, что путешествие их совершится благополучно. — Я очень благодарен Федору Унковскому за его

дружеские заботы[3]; брата его адъютанта[4] я хорошо знаю и уверен, что он готов превозносить меня всякими похвалами, чего я всегда очень боюсь. Сухозанета я видел у старика Унковского[5], он сосед ему и Мухановым. По словам графа, это предобрейший старик, а про Васильчикова, каков он, и говорить нечего. Оба они все внимание теперь обращают на продовольствие и на болезни, исследуя причины необыкновенной смертности. Что казна теперь отпускает денег на содержание людей — просто ужас! Напр⟨имер⟩, на продовольствие, т. е. на пищу одной нашей дружины (1000 человек) (кроме хлеба, отпускаемого казною особо, и части крупы) дается в месяц 2000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩! — Очень любопытны статистические цифры о ратниках и о солдатах: больных, умерших в ополчении, сравнительно с армией при тех же условиях несравненно меньше. Так и должно быть. — Очень мне жаль, что Вы адресовали книгу Вашу[6] в Одессу, а не в Бендеры; разумеется, Толстой мне ее перешлет, но мне бы хотелось дать ему ее прочесть. — Говорят, у вас выбран Чертков предводителем?[7] Быть не может. Что ж это? Новый протест против заслуженного выговора? Как ни в порядке вещей это безобразие, но трудно с ним мириться![8] — Вот совершенно неожиданный успех! Вы и не подозревали у себя такого читателя, персидского шаха![9] — Скажите опять графине Соллогуб, что люди ее, ратники, ожидают от нее приветствия денежного. Они все ее очень хвалят и очень любят.

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ваши ручки и обнимаю Конст⟨антина⟩ и всех сестер.

И.А.

219

Февраля 8-го 1856 г⟨ода⟩. Бендеры.

Почта опоздала и после последнего моего к вам письма, милый отесинька и милая маменька, не привезла мне от вас известий. По этому же случаю целую неделю лишены мы газет, а хотелось бы узнать поскорее что-нибудь положительное. Если точно мир, так уж бы поскорее выпустили из здешнего нездорового для северных жителей края, где солдаты и ратники гибнут, как мухи. Теперь на дворе бушует страшная буря с дождем и снегом; плохо нашим караульным ратникам, особенно стоящим на отдельных люнетах. — Почти через день каждой дружине приходится содержать караулы и производить земляные работы, особенно тяжело это для московской дружины № 110, набранной из московских мещан; в том числе много обанкрутившихся купцов и даже актеров. Смертность в ней сделалась так сильна, что на днях принуждены были ее вовсе освободить от работ. Кроме климата, много к тому способствует недостаток кислой пищи (ржаной муки скоро вовсе не будет даже для печения хлеба) и скверное тесное помещение в здешних мазанках, устроенных по летнему положению. Госпиталь здешний устроен на 150 кроватей, а в нем помещено более 500; ни докторов, ни фельдшеров по этому числу людей нет. Впрочем, так и во всех госпиталях Южной армии. — При всем том в ополчении гораздо меньше больных и умерших, чем в армейских полках. — Гр⟨аф⟩

Толстой оставался здесь на прошедшей неделе до пятницы; на другой неделе уехал в Одессу и Сушков; с тех пор его нет, да и вообще из Одессы нет никаких вестей, кроме одной, полученной не официально, что из наших дружин, не присоединившихся еще к армейским полкам, образуется особый полк, чуть ли не под главным начальством графа Гурьева, начальника 109 дружины (Верейской). С приездом Толстого внешние отношения наши с здешним местным военным начальством переменились: оно стало повежливее и повнимательнее. — Поэтому, т. е. по случаю ожидаемых разных перемен царствует страшное недоумение и остановка в делах; при таком положении управлять дружиною, как, например, теперь мне, очень скучно. Я бы желал иметь положительное уверение, что мир точно будет заключен; тогда я подал бы рапорт об отставке: сопровождать дружину в обратный поход с тем, чтоб потом взвалили на меня сдачу амуниции в казну и новую отчетность, я вовсе не желаю, так как все эти жертвы приносились мною ввиду войны. — Толстой говорил мне, что экземпляр "Ружейного охотника"[1] был послан *им* в Персию к его приятелю и товарищу по университету, теперь посланнику нашему в Персии Николаю Андриановичу Аничкову, страстному охотнику. Я думаю, этот Аничков Вам знаком также и чуть ли не родственник; он уже 20 лет в Персии; с тех пор, как он посланником, дела наши в Персии идут очень хорошо. Толстой радехонек, что книжку Вашу ко мне Вы послали через него; разумеется, он ее задержит и прочтет[2], а потсм перешлет ко мне, если не заблагорассудит, как говорится, зажилить. Приезд Толстого, разные смуты, все это отняло у меня очень много времени на прошедшей неделе, и хотя я кончил свою годовую отчетность, но завален текущими делами, особенно по случаю беспрерывного поступления из казны матерьялов на новую обмундировку, т. е. ратникам шьется новое белье, платье, сапоги и проч. и проч. Все это очень скучно и очень хлопотливо. — Впрочем, я большею частью сижу и распоряжаюсь дома, будучи, к великому счастию, и должностью, и чином избавлен от обязанности содержать караулы, поэтому и о здоровье моем вам беспокоиться нечего. Впрочем, кажется, и у вас в Москве зима нынешнего года довольно гнилая. — Теперь занимает меня мысль о том, как правительство в случае мира поступит с ополчением, с этой 400000-ной силой; искушение очень великое воспользоваться этой силой и не распускать ополчение даром, т. е. не воспользовавшись им. Боюсь, что оно поддастся этому искушению; носятся разные слухи, между прочим, что ополчения будут употреблены на постройку железных дорог. Сохрани Бог, если правительство нарушит свои торжественные обещания; только злейший враг может посоветовать ему это. Всего лучше скорее отпустить ратников подобру-поздорову; они все служат с мыслью, что они не солдаты, что они во временной службе, взяты только войны ради и в случае мира непременно должны воротиться домой. — Миру они, разумеется, очень рады; если б и всю Бессарабию отдали, Бессарабию, в которой они теперь стоят, так это им все равно, но если бы вздумали по объявлении мира не пускать их домой, будут бунты и беспорядки. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, поздравляю вас, Веру и всех братьев и сестер с 7-м февраля[3]; верно, Вера к этому дню воротилась из Петербурга.

Больше писать нечего; время проходит быстро, но совершенно однообразно и пусто, т. е. в одних должностных занятиях. Прощайте, целую ручки ваши, милая маменька и милый отесинька. Будьте здоровы, обнимаю Константина и всех сестер. Что Мамонов? существует?[4]

220

1856 г<ода> февраля 15-го на 16-ое. <Бендеры>.

И не заметишь, как промчится неделя, милый отесинька и милая маменька, а вот уж 15-ое февраля, и уже почти 3 месяца живу я безвыездно в Бендерах; скоро и Великий пост[1], а за ним, за ним весна! Надоела уж мне зима. Хотя февраль считается в здешней стороне весенним месяцем, однако и на этот раз, должно быть, дыхание северных людей спугнуло весну. Разумеется, здесь не то, что теперь у вас, снегу давно нет, т.е. иногда и порошит, но очень скоро сходит, реки свободны от льда, в полях даже зеленеет чуть-чуть травка, но все же сыро, холодно, грязь — вот уже 2 месяца <дорога> невыразимо ужасная и вдобавок частехонько, как, например, теперь, ее сколачивает мороз: ни ехать, ни пешком ходить нет возможности. Почта опаздывает дней по 6, лошади выбиваются из сил, проехав только одну улицу. Единственный экипаж, на котором можно ездить, это наши телеги. Мне как нарочно на этой неделе приходилось выезжать раза три; испытывая это мучение, право, думаешь, что живешь за тысячу лет; этак не только при царе Ал<ексее> Мих<айловиче>, но еще при гуннах, аланах, аварах ездили и можно было ездить, а со времен Атиллы[2] Россия ни на шаг не подвинулась в этом отношении. Ну чего тут ждать, какого развития, когда из 700 русских городов по крайней мере 600 месяца три лишены всяких путей внутреннего и внешнего сообщения, тонут в грязи, когда с наступлением сумерек никто и выйти из дому не смеет! — Вы, вероятно, теперь уже знаете о ходе переговоров; а мы, хотя и живем в Бессарабии, до которой это дело несколько касается, не скоро получим о них известия. — Вы решительно в сильном ходу, милый отесинька; нет № "*Петерб<ургских> ведомостей*", в котором бы не было упомянуто Ваше имя, или в объявлениях от книгопродавцев, или в фельетоне. Во 2 книжке "От<ечественных> зап<исок>" (я читал в газетах ее объявление) в смеси есть возвещение о Вашей книге. Критики, вероятно, появятся в марте. Очень мне досадно, что не скоро их прочту. Благодарю Вас за сообщение строк "Русского вестника" о Вашей книге[3]; приятно было мне прочесть их, но понимаю, какою строкою были Вы задеты за живое[4]. Книга Ваша еще до меня не дошла; я даже не знаю, получил ли ее Толстой; если получил, так читает и ждет оказии для пересылки. С последнего моего письма к вам из Одессы (которая всего отсюда 105 верст) ни слуху, ни духу; Сушков не возвращался, и что с ним творится, неизвестно. Эта неизвестность связывает меня по рукам и ногам в распоряжениях по дружине; я бы изменил и уничтожил многие заведенные им порядки, если б знал, что он оставляет дружину. Так же о том, что хотят делать с нами, та же неизвестность. Я во всяком случае дожидаться распущения ополчения и обратного похода не стану, или выйду в отставку, если выпустят, или подам рапорт о болезни, но чтоб решить все это, жду возвращения Сушкова или какого-либо

извещения из Одессы. А Толстой по почте ничего не напишет. — Мне очень хочется прочесть самому Вашу книгу в печати. У Вас в запасе имеются еще записки о Шишкове[5] и начатые воспоминания о Гоголе. Вы пишете, что Ваша фотография удалась. Я не знал, что Вы наконец позволили снять с себя фотографический портрет, и очень рад этому. Если б я не предполагал в скором времени вернуться (хотя и не могу определить срока), то я бы попросил Вас прислать мне один экземпляр. Надеюсь, с следующей почтой получить известие, что простуда Ваша, милый отесинька, не имела последствий. — Что Олинькино здоровье? Посещает ли ее Овер? — Из того, что Над<инька> с Верой отправились по железной дороге в П<етер>бург, замечаю, что здоровье Веры несколько укрепилось; впрочем, по моему мнению, мелкая дрожь вагона сильно утомляет. Вы не пишете, как показался Надиньке Петербург и приятно ли ей там было. — Вот что значит диктовка![6] На глазах моих сестры все стали писать отлично — правильно! — Скажите мне, пожалуйста, как поняли вы графа Л<ьва> Толстого?[7] Он меня очень интересует, и мне бы хотелось с ним познакомиться[8]. — Приказания Вашего об осторожности в речах и письмах послушаюсь, милый отесинька, хотя и очень мудрено положить границы между неосторожным и осторожным. — Бендеры, конечно, место нездоровое, но Измаил, Килия и вообще вся сторона по устьям Дуная, весь этот угол, называемый Буджак, в тысячу раз хуже. Климат однако ж оказывает вредное свое действие только на прибылых, преимущественно на пришедших с севера. Лишенные кислой пищи, они неохотно употребляют пряности, которые изобильно пожирает здешний житель (несмотря на все благоухание, весь юг воняет чесноком). Самое вредное время года здесь в Бендерах — это время разлива Днепра, а он изволит разливаться два раза: в марте (хотя уже давно льда нет) и в июле или августе. Разливаясь, он затопляет камыши, плавни, и испарения, вызываемые весенним и летним солнцем, гибельны для чахоточных; нехорошо и тогда, когда цветет камыш. Обо мне не беспокойтесь. Я почти не выхожу и не подвергаюсь действию воздуха; вообще, слава Богу, совершенно здоров, кроме того что иногда жестоко мучаюсь геморроем. Последнее — от сидячей жизни и усиленных занятий; я теперь на другом стуле и не сижу, как на деревянном. —

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте ради бога здоровы, цалую ручки ваши и обнимаю Конст<антина> и всех сестер. Авось-либо в следующий раз сообщу вам что-нибудь положительного о себе. Странное положение нашей дружины не может же долго продлиться. Прощайте, будьте здоровы.

И.А.

А вы ни слова не пишете о Трутовских.

221

1856 г<ода> февр<аля> 22. Бендеры.

По получении этого письма, милый отесинька и милая маменька, приостановитесь писать ко мне, потому что письма ваши уже, может быть, не застанут меня в Бендерах. Все это покуда мое предположение, и если оно не состоится, то, разумеется, тотчас вас уведомлю. Наши три дружины, стоящие в Бендерах,

как я уже писал вам, не присоединяются к армейским полкам, а составят особый полк, командиром которого будет гр<аф> Гурьев, начальник Верейской или 109 дружины. Гр<аф> Гурьев еще в Одессе, ждет формального приказа, но на днях будет непременно. Как только он приедет, я сейчас попрошу уволить меня от должности казначея по болезни, и он, как полковой командир, может назначить казначея из офицеров другой дружины (у нас некого); затем я упрошу графа дать мне командировку в Москву, а в Москве уже можно будет и окончательно собою распорядиться. Надеюсь, что Гурьев мне не откажет. Должность сдавать мне не долго, но досадно, что тут примешалась история С<ушкова>, которому велено сдать дружину майору 109 дружины Померанцеву, но приказа еще нет, и дело тянется. — Вот и масленица! Покуда она проходит в Бендерах очень скромно. Наши офицеры б<олыпею> частью больны, да и разные междоусобия расстроили прежнее согласие. — Впрочем у меня каждый день в час блины; никто не зван, но всякий оповещен, поэтому кто только может, приходит. А знаете ли, почем здесь гречневая мука, разумеется, лучшая, называемая манная? Шесть руб<лей> серебром пуд! — В Москве переход от масленицы к посту очень ярок и поразителен. Здесь же в Бендерах всего одна церковь, которая, разумеется, бывает битком набита, потому что сходится народонаселение подгородных слобод. — Вчера получил я ваше письмо от 9-го февраля. Очень рад, что подписка снята[1]: этим, конечно, первый воспользуется Константин и за ним Хомяков, с прочих хоть бы и не снимать, даже покойнее за подпиской, есть извинение, предлог[2]. Все же, я думаю, журнал не успеет выйти к положенному сроку[3]. — Я сам не ожидаю большого успеха для "Русской беседы"[4], но не по недостатку редактора, а по другим причинам. Условия, благоприятствовавшие успеху последнего «Моск<овского> сборника", миновались: года полтора тому назад, кто бы ни был редактор, "Беседа" имела бы успех огромный[5]. — Это журнал слишком исключительный, слишком серьезный, доступный пониманию очень небольшой части публики и не представляющий, как прочие журналы, большой выставки товаров по всякому вкусу. — Вообще для успеха нужно, чтоб журнал был криклив и задорен, с перцем, или чтоб действительно похож был на целый книжный магазин. Поэтому и "Русский вестник", хотя бы в нем и были дельные статьи, никого не удовлетворяет (я, впрочем, не видал ни одной книжки). Впрочем, что называть успехом. Матерьяльного успеха не будет, но будет успех в том смысле, что приобретет и "Беседа" человек 10, 20-ть новых последователей, воспитает некоторых в новом направлении. В этом смысле и "Сборник" Панова[6], которого не разошлось и 300 экземпляров, имел успех, подействовал на некоторых. А впрочем, заранее ничего верного сказать нельзя. Ввернется какое-нибудь обстоятельство и обманет все предположения. — Повторяю вам, что войско желает мира. — Сюда пришел один батальон житомирского полка, 6 месяцев защищавший 5 бастион и 6 раз отбивший натиск в последний день осады. Нет *ни одного* офицера, у которого бы не было пяти, шести ран, сабли за храбрость и креста. Старший из них, теперь батальонный командир, получил 8 ран, про которые на вопрос мой отозвался: "Ничего, *позаживало*!" (он южнорусского происхождения). Все это "герои Севастополя" и точно герои, но

которым нет *никакого* дела до цели и значения войны. — Да, меня самого беспокоит доклад Плетнева[7]. Вот если бы Вашу книгу велели бы купить во все учебные заведения и уездные училища, что бы и следовало сделать, это было бы и справедливо и для книгопродавца хорошо. — Итак, может быть, что на 3 неделе поста я выеду из Одессы, куда непременно должен съездить, разделавшись с Бендерами. Поеду я не шибко как по случаю сквернейших дорог, так и потому, что остановлюсь дня на два в Полтаве, в Харькове, заеду к Трутовским, Елагиным[8], пробуду несколько времени в Серпухове. Неизвестен мне ваш дом, и потому не знаю, есть ли в нем какой-нибудь отдельный уголок для меня или, лучше сказать, для моих занятий, потому что по приезде примусь за работу Географ<ического> общества[9]. Нет ли какой-нибудь комнатки во флигеле? Я впрочем буду писать вам до самого отъезда. — Прощайте, милая маменька и милый отесинька, желаю вам в здоровье и спокойствии встретить Великий пост. — Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

222

1856 г<ода> февраля 29-го. Бендеры.

Завтра день Вашего рожденья, милая маменька. Цалую ручки Ваши, поздравляю Вас, поздравляю милого отесиньку и всех нас. Как нарочно, третьего дня получил я и приписку Вашу, милая маменька, при письме отесиньки от 16 февраля. — Ваше желание, чтоб я оставил дружину, близко к исполнению, милая маменька, но времени еще все означить не могу. Только вчера вечером разделались с Сушк<овым>, т.е. он окончил сдачу дружины майору Померанцеву (из дружины 109) и уехал. Майор человек новый, еще порядком не принялся за дело, не устроился с квартирой и т.д., так что поневоле, до времени все должен взять на свои руки. На днях это все должно уладиться, и тогда стану я улаживать свой отъезд. Подать просьбу об отставке и ожидать ее разрешения, а между тем, в ожидании отставки (которая выйдет не скоро) продолжать заниматься и накапливать отчетность при сдаче должности просто невозможно, а потому я хлопочу о командировке в Москву, так как с 1-го марта прекращается срок отпусков. — Но, оставив ополчение, я не располагаю покуда вступать вновь на службу: я очень устал и желал бы попить eau de Vichy*. Я не умею служить так, чтоб у меня от службы оставалось свободное время, чтоб служба не поглотила меня всего, а так как теперь самые занятия служебные противны моим наклонностям, то это нравственное насилие сильно меня утомляет. Я просто изнашиваюсь на службе и силы мои не те, какие были 15 лет тому назад. — Теперь я займусь отчетом Геогр<афическому> обществу. Окончив его и отдохнув несколько, меня, может быть, снова куда-нибудь дернет, но вряд ли я поступлю на службу в Морское м<инистерст>во[1]. Занятия, доступные не морякам в морском ведомстве, это по комиссариатской части. В таком случае лучше служить каз-

---

* Воду из Виши (*фр.*).

начеем и квартирмистром в дружине, где занятия те же, с тою разницею, что тут я в непосредственных сношениях с людьми так называемого низшего звания, их защитник, полезен им и вознаграждаюсь за это их искреннею благодарностью и любовью. — Впрочем все это предоставляю времени. — Как ни тяжка была для меня служба, но я нисколько не раскаиваюсь в том, что поступил в ополчение, познакомился с этой стороной администрации и много вынес для себя пользы. Одно уже то, что приходится целый год жить в обществе людей не только не симпатичных, но скорее антипатичных и дисгармонирующих со мной во всех отношениях, много воспитывает человека: поневоле отыскиваешь в каждом из них какую-нибудь человеческую, добрую сторону, чтобы выйти из этого состояния диссонанса. — В "Петерб<ургских> ведомостях" прочел я наконец краткий разбор Вашей книги, милый отесинька; несмотря на расточаемые похвалы, разбор отзывается досадою на восторженные и большею частью нелепые приветы Вашей книге, например, новые идеалы, новая школа и т.п. Из этого же разбора видно, что Куролесов во многих местах называется Куроедов, мать Багрова то Софьей Николаевной, то Марьей Никол<аевной>, Прасковья Ивановна — Надеждой Ивановной[2]. Рецензент прямо говорит: "*Мать автора,* М<ария> Николаевна"[3] и превозносит ее. Он прибавляет, что все внимание читающего русского мира поглощено Вашею книгой. Прочих отзывов я не читал. Не знаю, говорил ли кто из них о высоком достоинстве правды, о *теплоте* беспристрастия Ваших рассказов, милый отесинька. Много можно было бы сказать про Вашу книгу, и Вы лучше всех сами судить ее можете. Право, Вы бы хорошо сделали, если б в виде письма к кому-нибудь, хоть к Тур<геневу> написали свое собственное мнение и о толках, порожденных Вашею книгою, и о самой книге, и тем положили бы конец возгласам à la Григорьев[4]. Все крикливое, шумливое, заносчивое, всякая выходка становится неуместною, неприличною, жалкою перед высокой воздержностью тона Вашей книги, пред зрелостью суда, пред спокойствием изложения. — А книги Вашей в печати я все же не видал. Толстого услали с поручением в Николаев, и ответа я от него до сих пор не добился. Прощайте, милая маменька и милый отесинька, дай Бог вам здоровья и здоровья; Вы, разумеется, будете говеть на 1 неделе[5], милая маменька, и в субботу будете причащаться. Заранее Вас поздравляю. — Хлопот очень много, нынче же 1-ое число, и я спешу кончить. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер.

223

7 марта 1856 г<ода>. Бендеры.

Вчера Сухозанет делал смотр дружинам и нынче утром уехал, и нынче же я подал рапорт о болезни и о том, чтобы назначили офицера, которому бы я мог сдать должность. Разумеется, все это заранее было предусмотрено, преемника я сам себе выбрал[1] и завтра же начну сдавать должность. Сдать ее мне недолго теперь, когда отчеты все окончены и отосланы и дела приведены, можно сказать, в отличный порядок, но я обещал своему преемнику ввести его во все подробности службы, приучить его, наставить, направить, словом, передать ему всю опытность, приобретенную мною в течение года. Все это меня не задержит, а

затруднение только в благовидном предлоге для командировки, так как отпусков теперь нет. Но и это уладится на днях. Думаю впрочем, что с следующей почтой я уведомлю вас окончательно, еду ли и когда именно. — 5 марта я получил ваше письмо, милый отесинька и милая маменька, от 23 февраля, т.е. оно пришло на 12 день. Ваши письма ко мне доходят скорее, чем мои к вам; они, т.е. ваши письма попадают как-то на одесскую почту и доходят этим путем скорее, чем письма, отправляемые прямо в Бендеры через Киев. — Очень мне жаль Н<иколая> Петровича[2] и воображаю, как должна была подействовать на вас его смерть. Добрый был человек Н<иколай> Петрович. — Что за комедию разыгрывают Кокорев и Погодин![3] Читать возмутительно. Впрочем, возмутительно только по первому впечатлению; все это совершенно в порядке вещей. Беда от русского направления, которым изволит проникаться светское общество! Слова "народность", "русский дух", "православие" производят во мне теперь такое же нервическое содрогание, как "русское спасибо", "русский барин" и т.п.; охотно согласился бы прослыть в обществе и западником и протестантом. Я недоволен программой "Русской беседы"[4], да и вообще не люблю программ, не люблю этих вывесок направления. Не слышится мне во всем этом ни теплой любви к истине, ни горячего стремления к ней и к благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потехи; нет искания истины, а самонадеянная, заносчивая уверенность в том, что уже поймали и держат ее за хвост, гордая проповедь, односторонняя, гремучая, считающая все вопросы порешенными, но нисколько не снявшая печати с таинства русской жизни!.. Впрочем, не хочется и распространяться об этом предмете тогда, как я имею в виду отъезд и, следовательно, в непродолжительном времени изустные разговоры. —

Слухи вновь неблагоприятны миру, и ратники наши, уже видевшие на небе разные знамения "к любви, к миру" (белые круги около месяца и т.п.), опять повесили носы. Впрочем, может быть, мир и заключится, но никто в него верить не будет; будет продолжительное перемирие, но не мир, который и невозможен в мире, пока Наполеонид на престоле. Ни одна держава по заключении теперь мира не вложит в ножны оружия, а будет держать его наготове. Если бы точно знать, что будет война, если бы не было у меня в виду отчета по Географ<ическому> Обществу, так я бы, может быть, остался в дружине. Жду с нетерпением газет: что-то они скажут[5].

Прощайте, милый отесинька и милая маменька, еще не пишу "до свидания". Будьте здоровы, целую ручки ваши, обнимаю Конст<антина> и всех сестер.

Посылаю вам письмо Толстого[6], только что мною полученное.

224

Июня 1-го 1856 г<ода>. Пятница, 6 часов вечера.
Мценск.

До сих пор ехал совершенно благополучно, милые мои отесинька и маменька; коляска казалась мне роскошью, так что останавливаться в дороге для ночлегов было бы вовсе не нужно. Но под самым Мценском переломилась передняя ось и треснула над ней деревянная подушка. За починку просили сначала 13

р<ублей>, наконец согласились за 8 р<ублей> серебр<ом>. Каков грабеж! Делать нечего, приходится дать и ждать. — Из Москвы я ехал не останавливаясь вплоть до Серпухова, где пил чай, потом не останавливаясь до Тулы, где также пил чай; потом думал ехать не останавливаясь до Орла. Я нигде не обедал, пробавляясь провизией, отпущенной из дома, стараясь поскорее от нее избавиться. В особенности полезны и хороши дорогою апельсины, за которые премного Вас благодарю, милая маменька. Порошки принимать продолжаю, но лихорадки до сих пор ни малейших признаков не чувствую; напротив я совершенно свеж и здоров. — Дорогою никаких происшествий и встреч не было; впрочем я почти и не вылезал из экипажа. Так недавно проехался я по всем этим местам[1], что прежнего живого интереса не возбуждает во мне дорога; езда мне уже несколько надоела; впрочем, если бы места были новые, то, верно бы, участие возбудилось.

Что-то делается у вас? Уехал ли отесинька в деревню или еще в Москве? Хотя и жарко днем, но очень ветрено, и ветер не теплый, кажется, северо-западный. У меня верх коляски защищает вполне и от солнца и от ветра, но в деревне эта погода неприятна. Что Олинька и ее рука? Вопросы бесполезные, разумеется, потому что сведения все я получу прежде ответа на это письмо, но они невольно пишутся, потому что беспрестанно приходят в голову. Пожалуйста, милая маменька, не грустите, не лишайте себя бодрости, которая так вам нужна для других. Бодрость необходимое условие для перенесения всех трудных обстоятельств, которыми Вы теперь окружены. На мой счет будьте покойны и уверены, что я не захочу какою-либо неосторожностью усиливать бремя Ваших забот и огорчений и буду беречь свое здоровье, как только можно, рискуя даже прослыть эгоистом. — Прощайте же, милая маменька и милый отесинька, благодарю вас, целую ручки ваши: будьте бодры, спокойны и по возможности здоровы. Дай Бог, чтоб все затруднения уладились. Обнимаю крепко Константина, Олиньку и всех сестер. Итак, до Полтавы. Прощайте!

И.А.

225

1856 г<од>. Вторник. Июня. Оболонь.

Вас очень удивит, что я пишу вам письмо еще не из Николаева, а с дороги, из имения в Хорольском уезде М<ихаила> П<авловича> Позена, милые мои отесинька и маменька. — В последний раз я писал вам из Полтавы; не доезжая первой станции, ось передняя опять сломалась; дело было к вечеру, и я должен был ждать до утра, пока ее починят, приютившись сам в имении Абазы, куда меня тотчас пригласил молодой хозяин или, лучше сказать, за отсутствием хозяев племянник их, студент медицинского факультета Харьк<овского> университета, живущий тут с двумя докторами-поляками. Явление редкое, чтобы человек богатый занялся добровольно медициной. — Наконец кое-как в пятницу к свету добрался я к Позену — и ось опять оказалась сломанною! Тут

впрочем есть в имении настоящие мастера-каретники, которые доискались причины постоянной ломки (по их мнению, это от того, что передний ход слишком широк; они его теперь и укоротили). Таким образом, одна починка этого экипажа стоит мне более 20 р<ублей> сер<ебром>. У Позена, который принял меня наигостеприимнейшим образом, нашел я бездну матерьялов для предстоящего мне дела. Кн<язь> Васильчиков[1] провел у него сутки и кое-что записал, а я остался с нынешним днем почти пять дней, пославши, впрочем, эстафету к кн<язю> Васильчикову, чтоб объяснить ему причину медленности моей езды, болезнь мою и проч. — Поз<ен>, который после Тур<ецкой> камп<ании> 1828 г<ода>[2] исследовал злоупотребления продовольствия, ревизовал в жизнь свою не раз провиантские комиссии, написал устав продовольствования, ныне действующий, не для армии во время войны, а в мирное время, сочинил теперь целый проект продовольствования армии во время войны, такой человек, конечно, очень полезен своею опытностью[3]. Он дал мне прочесть все свои записки и труды по этому предмету, также и печатные узаконения (ибо я решительно не знаком с этой частью, да и вообще с сводом военных законов), сообщил целый план действий, целую систему следствия, даже написал мне программу вопросов, которые надо предложить интендантству, и сведений, которые надо от него требовать. Я очень ему благодарен, и теперь эта дикая чаща начинает меня пугать менее; я теперь уже вооружен компасом и не боюсь заблудиться. Нынче вечером я от него еду в Кременчуг и далее в Николаев, где и буду суток через двое. Так думаю, но на всякий случай пишу к вам отсюда. — Здесь встретил я в числе гостей некоего Устимовича (соседа Позена по имению); он просил меня убедительно напомнить Вам, милый отесинька, об нем; он когда-то жил вместе с Княжевичем и не раз езжал с Вами на охоту; он велел Вам сказать, что стрелял дупелей и бекасов на берегах Аракса и у подошвы Арарата. — Ригельману, который живет отсюда в 12 верстах, дали тотчас знать о моем приезде, и он приехал сюда же к Позену. — Я совершенно здоров, даже чувствую себя здоровее, чем в Москве до лихорадки. Лихорадка не возобновлялась ни разу, несмотря на то, что я ел рыбу, пил молоко и купался. — Ригельман послал в "Р<усскую> беседу" маленькую статью о способе освоб<ождения> на волю крестьян в Австрии[4], т.е. выписки об этом предмете из разных немецких книг; Поз<ен> также собирается послать статью о железн<ых> дорогах[5]. — Замечательного ума этот господин! — Он очень жалеет, что в Москве не успел познакомиться с Вами, в восхищении от Вашей книги и от "Луповицкого"[6]. — Такие ли же у вас жары, как здесь, перемежающиеся впрочем дождем, легкими грозами? Какая здесь растительность, какая сухость в воздухе, несмотря на то, что вода в десяти шагах! — Авось в Николаеве я найду теперь ваши письма и узнаю, что делается с вами и где вы теперь. Дай Бог, чтоб все это уладилось хорошо. Как больно, больно подумать, что вы можете не отдохнуть, не воспользоваться летом! Прощайте, милая маменька и милый отесинька, целую ручки ваши. Обнимаю Конст<антина> и сестер. Обо мне не беспокойтесь. Теперь буду уже вам писать из Николаева.

И.А.

226

Николаев. 18-го июня / 1856 г<ода>. Понед<ельник>.

До сих пор не имею о вас никаких сведений, милый отесинька и милая маменька; не знаю, что у вас сделалось и делается в эти 19 дней. Здесь как-то очень странно и неправильно ходит почта и большой беспорядок в конторе: я заходил туда и видел, что письма принимает молодой сын почтмейстера, мальчик лет 11, за отсутствием отца. — В середу ожидают почту, и авось-либо мне перешлют из Полтавы ваши письма. Я приехал в Николаев 15-го июня (в пятницу) рано утром. Только что выехал от Позена, где каретники, казалось, вычинили мой экипаж на славу, как на первой же станции переломилась ось совершенно в новом месте, отскочил конец с гайкой и чекой. Как нарочно, случилось это вечером, порядочного кузнеца не было, и только к полудню следующего дня малороссийский коваль поправил дело, наварив новый конец железа и провертев в нем дыру так, как делается в русских телегах, а не в экипажах. Так я и доехал до Николаева уже благополучно, кроме того, что от натуги на песчаной дороге перелопались все тяжи и надо было их чинить в Кременчуге. — Я остановился в гостинице, где и теперь нахожусь, поехал в ордонанс-гауз, в полицию, справляться о князе Вас<ильчикове>. Никто ничего не знает, говорят, был да уехал. Наконец от коменданта узнал я, что Вас<ильчиков>, воротившись из Одессы, куда ездил на два дня, отправился с ген<ералом> Козляиновым[1] в Севастополь на пароходе, так, взглянуть на эти печальные развалины, что помещение ему и чиновникам отведено во дворце. Во дворце (так называется одноэтажное длинное и узкое деревянное здание, очень бедно убранное и преглупо устроенное) нашел я Шеншина, только что приехавшего, и Зарудного[2]. Помещены они и еще некоторые чиновники прескверно: у всех по одной комнатке, без передней, точно, как кельи в монастыре. Мне указали было на одну порожнюю клетку рядом с спальней Васильчик<ова>, но я не решился ее занять, тем более, что в ней не было ни стола, ни стула. Теперь оказывается, что для помещения меня и еще 4-х чиновников назначен еще домик вблизи от дворца, куда я и перейду завтра. Но дело не в том. В субботу вечером князь В<асильчиков> воротился и слег в постель, простудившись от частого купанья в море, не опасно, но так, что никого решительно не принимал и не в состоянии заняться делом. Болезнь еще продолжается, а без председателя члены ком<иссии> не могут действовать, и все в застое. Князь это чувствует, бесится на свою болезнь и еще больше от того расстроивается. Очень жаль во всех отношениях и собственно его жаль. Авось-либо через несколько дней мы приступим к правильным занятиям. Теперь, за исключением двух, трех человек, вся комиссия съехалась. Состав ее прекрасный, и приятно видеть вместе человек 15 людей, честных, благородных, одушевленных искренним желанием пользы, понимаемой не пошло и не мелко, собравшихся для одной цели. Генерал Лихачев и Козляинов очень умные и замечательные люди, деятельно, особенно последний, участвовавшие в войне[3], а потому и рассказы их чрезвычайно интересны. Я познакомился со всеми и был принят как давно ожидаемый очень дружески; не говорю уже о Шеншине. К Шеншину должна

приехать на днях егó жена[4] и останется здесь до конца комиссии. С обществом здешним, теперь, впрочем, очень малочисленным, почти никто не знаком, и вообще большого содействия и сочувствия к нашему делу в нем не видно. — До сих пор мы вчитываемся в матерьялы и изучаем узаконения военной администрации. Дни стоят знойные, небо ярко-голубого цвета, воды́, хотя и много (устья Буга и Ингула), но купанье неудобное; в городе вода от судов и шерстяных моек не чиста, а ехать за город далеко и жарко. Ночи чудесные; воздух сух и необыкновенно легок для дыханья. — Николаев — городок, построенный правильно и однообразно, но не красиво, на плоском месте; дома, как вообще на юге, одноэтажные, садов и тени мало, пыль и песок. Он показался мне очень слабо населенным, вероятно, по случаю несуществования флота, и неоживленным. Жидам тут жить запрещено, цены на все припасы, да и вообще на все страшно дороги. Удобств для жизни здесь никаких. — Странный вид представляет теперь этот город с моряками, лишившись прежнего значения и не приобретя нового. — Вот вам два новых известия, если только вы о них ничего не знаете. Из Екатеринославской и Херсонской губернии множество помещичьих крестьян вследствие слухов о вызове будто бы людей для населения Крыма вместо татар целыми селениями потянулось “приписываться в Козлов (Евпаторию)”. Они это делали вовсе не в беспорядке, простившись как следует с помещиками. Не знаю еще, какие меры приняты правительством. Если поступать грубо, то большая часть уйдет в Бессарабию, но не в нашу[5]. — При проведении пограничной черты в Бессарабии французский и австрийский комиссары предъявили спор, оттягивая от нас Болград, столицу болгарских колоний, известную во всей Болгарии. — Видите ли: есть два Болграда, старый и новый, в 4-х верстах друг от друга; важен только новый, стоящий на узком озере, соединяющемся с Дунаем рукавом, способным сделаться судоходным. Иностранцы говорят, что разумелся Болград старый в тех словах, где говорится, что граница идет ниже или южнее Болграда, т.е. новый они хотят взять себе, оставляя нам старый. На это русские возражали, и уполномоченные en ont référé aux cours*. — Я решился не писать вам в письмах ни о ходе дел комиссии, ни о лицах, ее составляющих, и вообще писать как можно менее такого, что могло бы быть интересно другим, непрошенным читателям. Зато я начал вести памятные записки[6], и меня это очень занимает. Не знаю, хватит ли терпения и времени на постоянное продолжение их. Предмет их — не моя внутренняя жизнь, а внешняя по отношению к лицам, с которыми сталкиваюсь, и к событиям, которых я свидетелем и участником, — словом, свод всех приобретений дня, виденного и слышанного, имеющего интерес общий. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Сказали было, что завтра приемный почтовый день, а теперь уверяют, что прием только нынче до 2-х часов. Прощайте, будьте здоровы и совершенно спокойны насчет моего здоровья. Целую ручки ваши и обнимаю Конст<антина> и сестер. Дай Бог, чтоб все у вас было благополучно. С нетерпением жду известий от вас: где вы теперь, что Олинька и ее рука. Получили ли вы мои письма: я писал вам из Орла, из Полтавы и от Позена, адресуя в дом Пфеллера. Распорядитесь, чтобы там не пропадали письма.

* Своевременно доложили (*фр.*).

227

Воскрес<енье> июня 24-го<1856 года>. Одесса.

Пишу к вам из Одессы, куда приехал несколько часов тому назад и где пробуду только несколько дней с тем, чтоб опять вернуться в Николаев. Что это значит, милый отесинька и милая маменька, что *до сих* пор нет от вас писем? Я получил вчера в Николаеве письмо от Гриши от 5 июня из Самары; я выехал из Москвы 31-го мая, следовательно, пять дней спустя отправлено это письмо. Правда, оно было прямо адресовано в Николаев, а вы адресуете ваши письма в Полтаву. Но, кажется, я принял все меры к немедленной пересылке мне писем. Напишу с этой же почтой еще письмо к почтмейстеру. Я к вам посылаю уже 5-ое письмо, адресуя все в дом Пфеллера[1]. Вообразите, я даже не знаю, где вы, в деревне ли, в Москве ли? — Из последнего письма моего вы узнали, что князь В<асильчиков> заболел. Теперь ему гораздо лучше, и он начал заниматься делами, хотя все еще не совсем оправился. Впрочем, настоящее дело еще не завязалось: требуются сведения из разных мест, которые еще не получены, дела также не все доставлены, и вообще по недостатку данных и по самой новизне своей предмет этот никем вполне не обнят. Одним словом, занятия порядком еще не устроились, как это и должно быть сначала. Прежде чем повести осаду, надобно сделать рекогносцировку местности. Личность кн<язя> В<асильчикова> выясняется для меня все больше и больше и в самом выгодном для него свете. Я предполагал в нем некоторую слабость характера, проистекающую от излишней доброты, даже некоторую шаткость мнений, и ошибся. Он председатель не по одному названию, обнимает дело лучше всех членов, не подчиняется ничьему влиянию, не увлекается чужими воззрениями, и направление делу исключительно дается им; все прочие исполняют по частям заданные им работы. — В ожидании получения разных подлинных дел и сведений предположено собрать все официальные статистические данные о состоянии края, чтобы судить о степени разорения его и истощения вследствие разных обременительных повинностей и проч. Для этого-то я и приехал в Одессу, где сосредоточено Главное управление краем, а потом можно будет поверить их посредством частных сведений и экскурсий. Не знаю, что покажут цифры, но мне сдается, что едва ли они оправдают слухи, волнующиеся от Одессы до П<етер>бурга. Везде, где я ни проезжал по Новоросс<ийскому> краю, поля засеяны — не яровым, но и озимым хлебом (значит, еще в прошлом году), степи скошены и усеяны стогами. Хотелось бы дознать, засеяны ли собственно крестьянские поля в помещичьих имениях, но это едва ли возможно узнать с достоверностью. — Вот посмотрим. — Война всегда есть бедствие для края, но я ношу убеждение, что она вовсе не истощила жизненных сил России; через год и Новороссия, кроме Крыма, разумеется, отряхнется как ни в чем не бывало и встанет на ноги, как прежде. Но любопытно именно измерить меру тягот, которые мог выдержать край, без подрыва сил для будущей жизни. — Мне в Николаеве отвели квартиру, очень хорошенькую, недалеко от дома, занимаемого князем В<асильчиковым>. — Вместе со мной, т.е. в одном доме поместятся подполк<овник> Левицкий и Оболенский[2], когда приедут. К

Шеншину приехала жена его Елена Сергеевна, прекрасная и премилая женщина, очень неглупая, серьезно и благочестиво настроенная. — В Николаев вчера явился, как бы вы думали, кто? Кодрингтон, главнокомандующий английский. Был он в Одессе, отправился в Николаев, высмотрел, что ему нужно, поехал оттуда в Очаков. Разумеется, он явился не инкогнито, напротив, его везде встречали местные власти и оказывали ему все удобства, и разумеется, он имел на это разрешение, но я нахожу, что и просить об этом с его стороны было страшным нахальством. Николаев — единственный залог надежд на будущность флота, игравший немаловажную роль на конференциях, недоступный врагам во время войны, впустил в себя врагов в мирное время. В свите Кондрингтона были и моряки. Подлостей, впрочем, особенных при встрече и приеме (он здесь обедал) не было, но англичане эти путешествуют будто дома и вообще не относятся к нам как гости. Через неделю они очищают Крым, а французы уже совершенно очистили.

Очень хороша Одесса летом, т.е. хорошо море Черное летом, с парусными и дымящимися судами, чудно голубого цвета. В городе жизнь, деятельность и удивительная пестрота костюмов, наречий и людских пород, из которых южная и восточная преобладают. Бульвар и лестница к морю кишат под вечер гуляющими. Все это приятно, как приятно было бы видеть это в чужих краях, в качестве путешественника. Очень жалею, что жены Скальковского нет теперь в Одессе; других дам я не знаю, а сам исполнить поручение сестер не решаюсь. — Вода в море, говорят, очень тепла. Везде устроены купальни, и я намерен завтра выкупаться. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька; как досадно и грустно оставаться в такой неизвестности! Что Олинька? Какова погода у вас: здесь очаровательная. Нигде вы на севере не дышали таким воздухом. Прощайте, целую ручки ваши, обнимаю крепко Константина и сестер. Дай Бог, чтоб у вас было все благополучно. —

Ваш *И.А.*

228

2 июля 1856 г<ода>. Николаев.

Наконец вчера получил я письмо Ваше, милый отесинька, от 19 июня, адресованное прямо в Николаев; в нем есть вести и об Вас, милая маменька. Это первое письмо, полученное мною от вас со времени моего отъезда (31 мая), а потому я предполагаю, что в течение 20 дней, верно, было отправлено вами в Полтаву одно или два письма, которые до меня не дошли. Итак, маменька с Маш<енькой> проводят это жаркое лето в Москве. Как это прискорбно! Не имея сведений, я продолжаю адресовать в дом Пфеллера: неужели в этом душном доме приходится жить маменьке. Бедная Олинька! — Надеюсь, что теперь получать буду ваши письма уже в порядке, но едва ли есть другой город в России, где почтовое дело было бы в такой степени неисправно, как в Николаеве. — Я воротился из Одессы в пятницу утром и нашел на моей квартире Оболенского (Егора), приехавшего прямо из калужской деревни[1]. В

Одессе купался я несколько раз в море. Вот наслаждение-то. Купанье устроено со всеми удобствами, тут же, у набережной; я не оставался долго и не чувствовал никакого дурного последствия. Есть люди, которым купанье морское вредно, как напр<имер>, Грише. Кстати о нем. Я получил от него письмо здесь, в Николаеве, в ответ на мое письмо. В Одессе по просьбе сестер я справлялся в магазинах, и вот справки: есть барежевые[2] платья, великолепнейшие, *à disposition**, т.е. с узорчатыми каймами, стоящие от 19 р<ублей> до 22 р<ублей> сер<ебром> платье. Платья без dispositions стоят дешевле, но в них воланы делаются из той же материи, что и платье. Есть и в 10 р<ублей> сер<ебром>, но мне показались они слишком простенькими. Все это мне растолковали в магазине "Anglofrancais"**. Мозаик совсем почти нет, а которые я нашел, оправленные в золото серьги и брошка, стоят не менее 26 р<ублей> сер<ебром>. Поэтому я ничего и не купил, а ожидаю их приказаний. Платья рубл<ей> в 19 действительно великолепны. Впрочем, теперь, как мне и в магазине сказали, цены эти выше обыкновенных потому, что никто не ожидал такого скорого окончания войны, и лионские фабрики так завалены заказами, что не могут удовлетворять всем требованиям, и подняли цены. Вообще товары в Одессе почти не подешевели, и привоз еще незначителен. Если сестры потребуют чего, то я могу и не сам, а чрез посредство одной моей знакомой дамы и скупить, что нужно. — Я очень рад, что Вы, милый отесинька, принялись за "Наташу"[3]. Эта работа надолго займет Вас и особенно пригодится в дурную летнюю погоду. Об уженье своем и о грибах Вы ничего не пишете. — Что делает Константин и готовит ли он какую работу. — Князь В<асильчиков> совсем выздоровел и много очень занимается. Впрочем, общая работа идет не совсем споро и дружно, отчасти оттого, что нас слишком много. Из рассказов, которые мне приходится часто слышать, вижу я, как фальшивы репутации многих героев, созданные в Москве и Петербурге, как преувеличено многое и вообще, как эхо и резонанс дают ложное понятие о первоначальной истине. Замечательно также, что превознесение черноморцев похвалами паче меры чрезвычайно обидело и раздражило армию, гибнувшую тысячами на бастионах. Вообще хорош и истинно высок только "нижний чин"; храбрость же большей части офицеров не имеет нравственного достоинства. — По рассказам, Севастополь был что-то вроде Содома и Гоморры[4] относительно нравственности; Малахов курган прозывался "Хребет беззакония". Следует изо всего этого вывести, что разврат в русском человеке не растлевает и не расслабляет его, а сам есть результат сил и энергии, осужденных на бездействие. Жду с нетерпением известия об Ив<ане> В<асильевиче> Киреевском. Неужели он умрет?[5] Еще одним деятелем меньше, и все редеет круг. Но это еще не верно, и Бог даст, не случится вовсе.

Жизнь в Николаеве, в этом скучном городке, осадке черноморского флота, протекает для меня так однообразно, что, право, рассказывать нечего, потому что о комиссии собственно я решился не писать вовсе; да и комиссия еще

---

* Здесь: с готовою отделкой (*фр.*).
** Англо-французском (*фр.*).

только вчитывается в дела и собирает предварительные сведения. — Содержание денежное наше состоит в жалованье (270 р<ублей> сер<ебром> *в год* по моему чину; это жалованье должно прекратиться с июля) и в 45 р<ублях> сер<ебром> суточных в месяц. Со столом кой-как нас, человек 6, устроилось артелью.

Прощайте, милые отесинька и маменька, будьте здоровы по возможности, цалую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер. Дай Бог, чтоб положение Олиньки скорее улучшилось и дало бы возможность Машеньке приехать в деревню. Прощайте.

И. А.

229

8 июля 1856 г<ода>. Николаев.

Получил я нынче письмо ваше от 26 июня. Слава богу, что Олиньке лучше и что Вам, милая маменька, открывается возможность отдохнуть несколько в Абрамцеве. Вы не пишете мне ни адреса московской квартиры Вашей, ни того, были ли Вами или маменькой писаны письма в Полтаву, прежде чем вы получили мое полтавское письмо. Вы радуетесь возвращению лета: здесь оно не прекращалось, но вот уже неделя, как всякий день небольшие грозы и дожди. Впрочем, так тепло, что через час и не видно следов пролившегося дождя. — В прошедшем письме вы сообщили мне только известие об отчаянной болезни, а теперь известие о внезапной смерти Ив<ана> Вас<ильевича>. Что Авдотья Петровна, что Петр Вас<ильевич>?[1] Во 2-ой книжке “Беседы” должна появиться его статья[2]; не знаю, успел ли он окончить ее[3] и дописать вторую половину — результат трудов, тревог и исканий всей жизни, последнее свое слово. Чистая была эта жизнь, всегда полная искренних, чистых стремлений к истине. Большая часть людей нашего круга были ему товарищами с самого детства[4]; воображаю, как глубоко и искренне они огорчены. Верно, кто-нибудь из друзей его скажет об нем в “Беседе” несколько теплых слов[5]. Бедный Петр Васильевич! Он сам очень плох здоровьем[6], и так горячо любил брата. —

Кн<язь> Васильчиков едет завтра опять в Крым на неделю, а потом отправлюсь и я собирать сведения о степени истощения и разорения края. Я с нетерпением ожидаю времени своего путешествия, потому что никогда не видал Крыма; но до этого времени я еще успею написать к вам. Кн<язь> Вас<ильчиков> поедет и в Москву на коронацию[7], оставив комиссию здесь, но потом воротится; кажется, он не предполагает окончить занятия комиссии ранее будущего года[8]. — Я совершенно здоров и вовсе не чувствую в себе присутствия своих недугов; причин к раздражению нет никаких, потому более, что я слежу преимущественно общую систему распоряжений, а не частные случаи. Жизнь проходит очень мирно, спокойно и, пожалуй, беззаботно, потому что дело идет себе своим чередом, и личная ответственность или участие каждого, по раздроблению работ, незначительно, но это мне и не нравится. Я приехал вовсе не для такого легкого препровождения времени и предпочитаю работать запоем, до упаду, чем каждый день понемножку. Впрочем, мы еще в

начале дела. — Вы браните меня за письмо, писанное от Позена[9]. Письма хорошенько не помню, но, кажется, последующие мои письма не заслуживают этого упрека. Многое хотелось бы мне сказать и написать, но воздерживаюсь именно благоразумия ради. — Мы почти вовсе не читаем газет и не видим журналов, отчасти потому, что вовсе незнакомы с николаевским обществом; к тому же здесь еще не получены июньские книжки журналов. Крым очищен, т.е. англичан и французов больше в нем нет. — На днях мы устроим у себя (т.е. Оболенский[10] и я) севастопольские вечера. Какой-то знакомый ему моряк[11] написал записки о Севастопольской осаде; он будет читать, а прочие пополнять и поправлять. Очень много интересных рассказов, и многое представляется совершенно в ином виде. — Меншин, у которого совершенно отдельная часть (госпитали), на днях уезжает с женою в Одессу недели на три. Он вам усердно кланяется. Какой славный человек! — Если будет у вас Мих<аил> Сем<енович> Щепкин, то передайте ему поклон от доктора Яновского[12] (состоящего при комиссии) или, лучше сказать, от Яновских: он женат на актрисе Шуберт[13]. Хорошая женщина, безотлучно сопровождает своего мужа в его разъездах с ребенком.

Послезавтра 11-ое июля[14]. Поздравляю Вас, милая маменька, и Вас, милый отесинька, и милую Олиньку и всех. Дай Бог провести вам этот день вместе, т.е. маменьке в Абрамцеве. — Вы ничего не пишете, милый отесинька, ни об уженье, ни о грибах. Последнее удовольствие едва ли Вам доступно, если ходьба вредна, да и уженьем, кажется, Вы мало занимаетесь.

Прощайте, милые отесинька и милая маменька, будьте по возможности здоровы. Цалую ручки ваши, крепко обнимаю Константина и сестер. Что пишет Константин для "Беседы"[15]? — Я радуюсь деятельному участию Сам<арина> в "Беседе"[16], но жалею, что она ударится в полемику[17]: это невыгодно для журнала, выходящего 4 раза в год; нет возможности скорого отпора. — Прощайте. А что "Наташа"?[18]

И. А.

230

16-го июля 1856 г<ода>. Николаев.

Что это значит, что на этой неделе не было от вас писем, милый отесинька и милая маменька? Я думал, что теперь, когда вы адресуете прямо в Николаев, заведется аккуратное еженедельное получение писем, но две почты пришли на этой неделе — писем нет. Посмотрим, что-то будет в середу. Впрочем, я получил в тот же день, как отправил вам последнее свое письмо, три письма ваших, адресованных в Полтаву. Отвечать на них нечего, но благодарю вас за них. Я так и был уверен, что письма должны были быть. Но почтмейстер вместо того, чтоб тотчас переслать каждое письмо своевременно, копил их, чтобы отослать разом! — Вместе с ними получил я письмо и от Ригельмана, очень большое. Ему хочется завязать постоянную переписку. Это обстоятельство, а также присылка статьи в "Русскую беседу"[1] (что так удивило Самарина) показывают, что в Ригельмане проснулась деятельность, может

быть, вследствие сильных нравственных потрясений: он ведь должен был жениться и очень любит свою невесту, но свадьба расстроилась (не от него, впрочем), когда уже священник был в церкви. По крайней мере мне так рассказывали, с ним, разумеется, я об этом не говорил. Письмо Ригельмана умно и легко написано. Возмущается он сильно "Русским" или "Нерусским", как он выражается, вестником[2] и удивляется, как никто до сих пор не обличит его западного направления. Я его утешаю известием, сообщенным вами, что в "Русской бес<еде>" появится ответ Самарина[3]. — Не знаю, как у вас, а здесь духота страшная, хотя и перепадают дождички и бывают легкие грозы, но мало освежают воздух и почву. Впрочем, нельзя сказать, чтобы мы собственно страдали от жару: весь день сидишь в комнате окошками на север, а гулять выйдешь часов в 8 вечера, когда уже нет зноя. Можете себе представить, что вчера я нарвал ветви белой акации, вновь, *во 2-ой раз* расцветшей, с своим чудным ароматом. Голубев[4] уверяет, что это к войне; существует ли подобное поверье, я не знаю. Ну да Голубев в карман за объяснением не пойдет! Был я также здесь в Спасском, загородном саде, на самом берегу Буга. Здесь сады редкость, требуют поливки; этот сад очень невелик, но очень хорош. Тут и грецкий орех, и другие деревья, растущие только на юге, уксусные деревья и белая акация таких размеров и объемов, как я еще нигде не видал. Нечего говорить — разность в климате поразительная; особенно чувствуешь это на воздухе, т.е. воздух совсем другой, гораздо суше, легче. — Сейчас был у меня Васильчиков Петр (сын Алекс<ея> Ив<ановича>)[5]. Он принял свое имение от Черкасского[6] и сам хозяйничает. Я помню, как этого Петрушу бранили за беспутничество и как в особенности Самарин не признавал в нем ни чувства, ни ума. Вообразите, что он теперь, перебесившись, стал не только дельным, но очень серьезным человеком и умным и хорошим малым во всех отношениях, постоянно читает, занимается. Его деревня в 60 верстах отсюда; он заболел тиком (tic douloureux) и приехал сюда лечиться, его посылают в Одессу купаться в море. Не могу вспомнить равнодушно о наслаждении купаться в море! — В Николаеве по-прежнему очень скучно. Общество не возбуждает желания с ним знакомиться, да комиссия и избегает этого сближения, чтоб держать свои действия в секрете, по крайней мере, вне всякой огласки. Одушевленной работы нет, и я ошибся в своих ожиданиях, не знаю, что будет дальше. Поездка моя в Крым отложена по случаю поездки самого князя, хотя совсем с другою целью. Он еще не возвращался, но должен приехать нынче. Не знаю, что будет делать комиссия без него, когда он поедет в Москву на коронацию. Если б было не так далеко и не так дорого, то я сам охотно бы отправился в Москву на это время, разумеется, не с ним; с ним едет его адъютант. Впрочем, я проситься не стал бы, а он не предложит. Может быть, в это время я съезжу в Крым. Теперь и Шеншина нет в городе: он поехал в Бессарабию, а оттуда воротится в Одессу, где проживет несколько недель; жена его на днях к нему едет. — Взглянул вчера в газеты. Кажется, новостей нет никаких; интересны будут только конференции о греческом престолонаследии. Принц Адольберт не соглашается принять православие, и я думаю, что отменят этот § конституции, требующий, чтобы отныне короли были православные. Вопрос о Болграде еще не решен[7]. —

Если как-нибудь увидете Герова[8], скажите ему, что посылку его я отвез в дом Палаузова в Одессе и отдал брату его жены. Его же самого не было в то время в городе: он был в Болгарии. — Штаб Лидерса выступает в Харьков 1-го августа. Впрочем, здесь пронесся слух, что 2 армия уничтожается и что Лидерс на место Ридигера[9]. — Как досадно, что не имею я от вас писем и остаюсь без известий и о вашем здоровьи, и об Олинькиной руке. Как-то вы уладились с московской квартирой? Какое беспокойное для вас лето! Что там за Волгой делается[10]? засуха или дожди? Я думаю, скорее засуха. — Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб у вас все было благополучно и чтоб неполучение писем происходило только от беспорядка почтового: этим, как я узнал, уже издавна славится Николаев! Теперь этой беде помогает еще телеграф. — Прощайте, больше писать нечего, обо многом к тому же писать воздерживаюсь. Цалую ручки ваши. Обнимаю крепко сестер, Константина (что пишет он для "Беседы"?) и Гришу с его семьей. Я совершенно здоров.

Ваш *И.А.*

Поздравляю еще раз и Вас и всех наших с прошедшим днем именин милой маменьки и милой Олиньки[11].

231

23 июля 1856 г<ода>. Николаев.

На этой неделе получил я ваше письмо, милый отесинька и милая маменька, от 2 июля; оно шло долее обыкновенного; дай Бог, чтоб гомеопатия продолжала действовать успешно и чтоб положение Олинькиного здоровья позволило Вам дольше пожить в деревне, милая маменька. Теперь я долго не буду иметь от вас известий: завтра я отправляюсь в Крым и едва ли вернусь раньше 1-го сентября. Меня посылают освидетельствовать некоторые магазины[1], собрать кое-какие сведения, а главное определить по возможности степень разорения и истощения края от войны, воинских налогов и дурной администрации. Само собой разумеется, что я воспользуюсь этим случаем, чтоб посетить все интересные места, весь театр войны, Севастополь, Балаклаву, Байдарскую и другие долины, Южный берег, Керчь и проч. Это путешествие очень затруднительно по расстройству путей сообщения, недостатку лошадей, опустошению деревень и проч. Я отыщу Шатилова, Княжевича и вообще тех, которых мне рекомендовал Алекс<андр> Ив<анович> Казначеев. В это время я еще буду давать вам о себе известия, но решился не требовать пересылки отсюда ваших писем, боюсь, что потеряются при существующем в здешнем крае вообще, а в Крыму в особенности, беспорядке почтового управления. Да и я не могу наверное определить, когда где именно буду. Таким образом, я целый месяц останусь без известий об вас; дай Бог, чтоб на это время было у вас все благополучно. Я доволен предстоящим мне путешествием: август месяц хорошее время в Крыму, уже не так жарко, да и виноград поспевает. Жаль только, что эти поездки обходятся очень дорого, потому что цена на все припасы и предметы жизненной потребности страшная. — Заглянул я в разные описания Крыма, даже в барона

Гакстгаузена[2]: все они уже не годятся теперь. Для Крыма настает новая эра. По рассказам, теперь это tabula rasa*, на которой можно писать и созидать совершенно вновь. — Пока я буду странствовать по горам, в Москве водворится хоть на месяц времени такая шумная, суетная, громкая, блестящая жизнь, что при одном воображении чад входит в голову![3] Где-то вы будете это время? — Нынче проехала через Николаев также на коронацию владетельная княгиня Мингрелии Дадьян[4] с огромною свитой. Хотя на многое было бы любопытно взглянуть, но я рад, что буду вне этой суеты. Каково-то будет отношение всех наших знакомых к этому блестящему и самодовольному официальному миру? Я думаю, что будет не до них. — Наконец на этой неделе удалось мне устроить два вечера сряду, посвященные Севастополю. Один моряк кн<язь> Ухтомский читал записки, веденные им во время осады, другие моряки (всего человека два) и Оболенский[5] должны были поправлять и пополнять эти записки. Но все это ни к чему не привело. Журнал Ухтомского довольно плох и посвящен более изложению его впечатлений и мечтаний, полон литературных претензий (как почти все сочинения русских моряков, кроме Головнина[6]; возьмите, например, статьи "Морск<ого> сборника"[7]: точно школьные упражнения); слушатели, предъявляя замечания, начинают спорить между собою или рассказывают случаи слишком частные, потому что были мелкими орудиями, исполнителями. К тому же останавливать каждый раз рассказчика с тем, чтоб записывать его рассказ, невозможно; и то насилу зазовешь на такое дело, когда музыка играет на бульваре. Из всех разговоров и расспросов оказывается, что морское ведомство постоянно ссорилось с сухопутным, и оба несправедливы в суждениях друг о друге, Главная квартира ссорилась с Гарнизоном, мелкая вражда и личности много мешали делу. Никогда себе не прощу, что я не был участником и очевидцем этой обороны! — На один из вечеров пришел кн<язь> Вас<ильчиков> и рассказал много интересного; рассказ его отличался совершенным знанием дела, лиц и всех пружин, но положение его и звание заставляют его быть воздержанным в рассказах. На этой же неделе осматривал я адмиралтейство, депо и разные морские заведения. Все это в обширных размерах, устроено прекрасно, все средства для содержания и постоянного сооружения флота имеются, только флота нет, и человека нет, который бы так разумел и любил это дело, как Лазарев[8], Корнилов, Нахимов. Грустно было видеть модели (чудно сделанные) погибших кораблей, "12 апостолов" и других[9]. — Модели, разумеется, были сделаны заранее. Чего тут нет! и канатный, и литейный, и машинный заводы, и гравировальня, и типография, и школы. — В Англии не существует казенного построения судов, а суда заказываются от казны частным подрядчикам или компаниям. — Видел я библиотеку севастопольскую, т.е. книги: их было до 40 т<ысяч> томов, почти все вывезено. Там же хранится и кубок, поднесенный москов<ским> купечеством черноморским морякам. Кубок богат, но сделан без всякого вкуса: к чему этот вечный голый амур, да еще с приподнятой ножкой, поддерживающий вазу? Моряки крепко держатся за свой Севастополь и, кажется, намерены его совершенно возобновить в прежнем

---

* Гладкая дощечка (*лат.*).

виде. — Новостей здесь никаких не слыхать, ни по внешней политике, ни по внутреннему управлению. Вот когда Москва закишит новостями, это во время коронации! — Для меня одна только новость была бы утешительна, если б сделан был хоть один шаг к освобождению крестьян со стороны ли правительства или со стороны частных лиц. Чем больше думаю, тем сильнее убеждаюсь, что это единственное средство спасения для России[10] и что если этого вскоре не совершится, то будем мы биты и опозорены не один раз. При всем том, зная русское общество, я полагаю, что дело не состоится, если правительство не даст толчка от себя. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, дождусь завтра вашего письма, а там и в путь. Будьте же на это время здоровы и спокойны по возможности, целую ручки ваши, обнимаю Константина и сестер. Очень жаль, что не удалось мне купить им ни барьежу, ни мозаик, но надеюсь, что это не помешает им посмотреть на празднества коронации. Целую милую Олиньку. Будете писать Грише, обнимите его за меня с семьей! — Что это за погода здесь и что за ночи! Таких ночей я нигде не видывал, но им недостает здесь обстановки лесной, хоть тенистых деревьев, свежести травяной. Акации, особенно отцветшие, и тополи начинают мне надоедать, да и сильно пожгло их солнце. Этот недостаток растительности в Новорос<сийском> крае всему мешает. Мне почти не удалось травы помять нынешним летом. В Крыму, говорят, везде то же, кроме Южного берега. Прощайте еще раз.

Ваш *И.А.*

232

3 августа 1856 г<ода>. Симферополь.

Вот и Крым, вот и Симферополь, милый отесинька и милая маменька. Прежде всего спешу вас успокоить: не верьте никаким россказням, представляющим вам Крым в виде какого-то зачумленного места. Это не может даже называться преувеличением, как рассказы и донесения Александра Строганова[1] об истощении края, а просто чистая ложь. В настоящее время по выходе войск здесь нет ни вредных миазмов, ни болезней. Дома, служившие госпиталями, очищены и выветрены, и по всей дороге или, лучше сказать, по всей степи от Перекопа до Симферополя вы не заметите других следов войны, кроме разоренных хат татарских аулов, разоренных войсками с целью добыть топливо. Еще до отъезда моего из Николаева приехал туда Чапский на возвратном пути из Крыма, где он прожил 4 месяца. Ему, между прочим, было поручено от гр<афа> Ал<ександра> Строганова (новороссийск<ого> генерал-губернатора) очищение Севастополя и отпущена большая сумма на углубление могил. Издержав 1000 р<ублей> сер<ебром> и убедясь, что трупы зарыты на глубине 3 $^{1}/_{2}$ аршин, он возвратил остальные деньги. (Между прочим, Чапский уже 3 года женат на Мейендорф, племяннице бывшего посланника и московского[2], счастлив как нельзя более, заставлял меня читать все ее письма, действительно очень милые, умные и нежные, рассказывал, как они вместе

наслаждались чтением “Сем<ейной> хроники” и проч. и проч. Он хотя попрежнему мне не симпатичен, но много изменился в свою пользу.) Итак, вы можете быть совершенно спокойны на мой счет. Я ехал довольно долго из Николаева в Симферополь, потому что останавливался сутки на полторы в Херсоне, ездил в Алешки, останавливался на несколько часов в Бериславле, ездил оттуда за 25 верст к уездному предводителю Вертильяку, прожил сутки в Перекопе и по дороге от Перекопа к Симферополю останавливался в волостях, осматривал аулы и магазины провиантские, делал акты, снимал показания, заезжал и в сторону от дороги. Херсон очень бедный и жалкий на вид город, сохраняющий только полуразрушенные следы великолепных затей Потемкина[3] и Екатерины, между прочим, золотую надпись на соборе в крепости: “*Спасителю рода человеческого* Екатерина II-ая посвящает!” Хорошо? Из Херсона, чтоб попасть в г<ород> Алешки на другой стороне Днепра, надо переплыть на лодке вниз по устью 17 верст на лодке, что я и исполнил взад и вперед. Об Алешках говорить не стоит. Подъезжая к Перекопу, я увидал в первый раз Сиваш; с другой стороны перешейка моря не видно. Перекоп, Армянск не заслуживают названия не только городов, но и посадов русских: удивляешься только, как могли тут помещаться или сталпливаться такие огромные массы войск. Зато как и помещались, как и гибли. Что терпели солдаты наши в виду роскошно устроенных неприятельских лагерей, в своих норах и на открытом воздухе, скверно помещенные, еще сквернее продовольствуемые, это ужас. От Перекопа до Сарабуза (последней станции пред Симферополем) степь, да какая степь! Ровная, как пол, и зеленеющая местами травой, местами бурьяном. (Кстати, я начинаю думать, что рассказы о траве по пояс и в рост человека в степях — выдумка. Мне, по крайней мере, до сих пор не удавалось видеть высокой травы в степях, да и степная трава дурного качества.) — Татарские избы все сложены из камней; но во время усиленного прохождения войск все, что могло гореть, следовательно, служить топливом, было выломано: крыши, рамы, двери и проч. и проч. Но это не везде. Под самым Симферополем менее было беспорядков, и татары разжились от продажи своих продуктов. Теперь у татар праздник; я останавливался у них, ел баранину, пил кофе, но вообще зажиточность их не может сравниться с нашими заволжскими татарами, которые сверх того гораздо бодрее и трудолюбивее. Впрочем, на здешних татарах теперь тяготеет недоумение: сознавая, что они провинились перед нами, они с недоверчивостью смотрят на русских и на ласки и милости правительства, ими вовсе не заслуженные: так наприм<ер>, им теперь на счет казны куплено 10 т<ысяч> пар волов по 60 р<ублей> сер<ебром> и более за пару! Известно также, что трактатом выговорена для них полная амнистия[4]. — Степь начала уже сильно меня утомлять своим однообразием: ни пригорка, ни балки, ни ручейка, ни кустика, — как вдруг рано утром уже в Сарабузе, когда рассвело, представились глазам моим линии гор на горизонте, и выше всех, громаднее всех Чатырдаг (верст за 60). Так и высадили они меня из колеи! Я в первый раз в жизни вижу настоящие горы! От Сарабуза до Симферополя местность волнистая, усеянная хуторами и садами, а сам Симферополь в

зеленой долине, чрезвычайно приятной на вид. — Симферополь довольно хорошенький городок, имеет много фруктовых садов, но не носит никакой почти печати оригинальности, кроме одной части города, где в узких, в сажени полторы переулках и кривых закоулках живут татары, где беспрестанно попадаются вам татарки в белых чадрах. — Таким образом, я приблизился к местам крови, которые увижу, полагаю, на будущей неделе. У меня есть письма к некоторым офицерам, которые покажут мне все в подробности. — Как нарочно, в день моего отъезда из Николаева подул холодный сев<ерный> ветер, и ночи, а также и утра стали прохладные! Это задерживает спеяние винограда, да и вообще надобно сказать, что фруктов в продаже почти вовсе не имеется. Хотя войска и вышли из Крыма, но дороговизна здесь невероятная до сих пор. Это объясняется тем, что в течение войны в этот маленький край введено было страшное количество денег. Одно содержание армии стоило, конечно, более 200 мил<лионов> сер<ебром> в год. Все эти деньги оставались здесь, оттого такая дешевизна денег, что рубль серебром здесь считался вроде гривенника. Между тем, жалованье выдается по великорусским размерам. Вчера один торговец запросил с меня за фунт синего винограда (свежего, кишмиша) 45 к<опеек> сер<ебром> не потому, чтоб этого сорта винограда было мало, но потому, что деньги здесь нипочем! А в Москве он стоит 10 к<опеек> сер<ебром>! Просто ужас! — Здешние помещики большею частью получили огромные доходы; Шатилов (которого, впрочем, я еще не видал) составил себе огромный капитал одною продажею сена. Комиссионеры, командиры грабили и сорили деньгами. Если мне придется остаться здесь дольше, то мои денежные средства совершенно истощатся, и я прошу вас прислать мне рублей сто, адресуя в Николаев, чтоб по возвращении было чем жить. Я должен был почти утроить жалованье Голубеву, потому что за меньшую плату нигде не кормят его. — Я доволен своей поездкой как турист, но как участник комиссии постоянно недоволен. Мы осуществляем пословицу: спустя лето да в лес по малину! Я начинаю признавать себя гораздо больше практическим человеком, чем все наши приятели, и то, что я говорил и писал, когда отказывался в Москве, совершенно оправдывается. — Отдельно взятые — все люди умные, кажется, и хорошие, но единства действий и направления, живого толчка дать некому. Я же поставлен в такое положение, что не имею ни малейшего влияния на общий ход дела, а исполняю некоторые отдельные поручения, даже не имеющие особенной важности, устранив себя от всякого непрошенного вмешательства. Я не член[5] и права голоса не имею, а как для того, чтоб упрочить свое влияние, необходимо было бы интриговать, возиться, нянчиться и ухаживать, что противно мне в высшей степени и к чему в отношениях к своему начальству я не привык, то я тотчас же уступил поле другим, чему много способствовало и то, что в Николаеве я живу не в общем помещении комиссии. Кроме разных интриг, в которые я и вникать не старался, *были* некоторые секретные предварения, а много вредят и неумеренные мне похвалы, разные неловкие поздравления с моим выбором, что, само собою разумеется, оскорбительно чужому самолюбию. Еще недавно гр<аф> Чапский, который, к сожалению, не успел видеться со мною первым и

которого, следовательно, я предупредить не мог, прямо брякнул в глаза, что, когда он узнал о моем назначении, он поверил в успех комиссии! — Не подумайте, ради Бога, что у нас отношения неприятные. Нисколько. Я добросовестно исполняю все поручения, как бы мелки и ничтожны они ни были, но вижусь или, лучше сказать, видался в Николаеве довольно редко. Но если и вы будете слышать выражения вроде выражений Чапского, то прошу вас умерять легонько восторги этих господ, объясняя страшную трудность дела, упуск времени и т.д. и т.д. — Долго не буду иметь я от вас известий, но если пребывание мое в Крыму затянется, так я выпишу себе ваши письма с оказией. — Письмо это застанет вас в разгаре моск<овских> празднеств[6]. Где-то Вы будете в это время, милый отесинька? Вы, милая маменька и сестры, верно, будете в Москве. Дай Бог, чтоб у вас все было благополучно. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. Будьте здоровы.

И. А.

Как хорош Чатырдаг издали!

233

1856 г⟨ода⟩ августа 19. Воскрес⟨енье⟩.
Симферополь.

Хоть я и распорядился о высылке мне сюда ваших писем, потому что видел необходимость продолжить здесь мое пребывание, но писем не получил еще и до сих пор ничего о вас не знаю, милый отесинька и милая маменька. Получили ли вы мое первое письмо отсюда? — После того погода переменилась, ночи стали необыкновенно теплыми, фрукты явились в изобилии, но виноград еще не созрел. — Я еще не был ни в Севастополе, ни на Южном берегу, но ездил на Качу, на Бельбек, проезжал чрез Бакчисарай, был в Евпатории. Крым, всегда интересный и своей природой, и восточным характером жителей, еще интереснее стал свежими воспоминаниями войны и контрастом следов пребывания цивилизованных народов с полудиким, азиатским бытом татар. Мне хочется окончательно разделаться с служебными хлопотами и потом уже спокойно, на досуге предаться наслаждениям путешествия. — Евпатория — совершенно восточный городок, населенный преимущественно татарами, караимами[1] и греками. Узенькие, кривые улицы, набитые народом, с разобранными передними стенами домов, так что все совершается на виду, напоминают вам знакомые описания разных кварталов Константинополя и городов Малой Азии. Женщин почти не встречаешь, кроме русских и гречанок, которых немного, зато мужчины, как я уже сказал, живут на улицах: тут и работают, и жарят, и спят, загоревшие, полунагие. Фески, чалмы, бараньи шапки, мохнатые груди и глаза, как раскаленный уголь, караимов, греков и армян, скрип немазанных можар[2], крики торговцев, особенно татарских мальчишек, лежащих около куч арбузов и дынь, кофейни на открытом воздухе, где грязный армянин жарит на вертеле шашлык или подает кофе, — все это оригинально в высшей степени. Но какая грязь, нечистота, неопрятность и вонь! — Улицы, разумеется, не нивелированы, так что и ходить трудно. А тут же

на углах черной краской написано: rue S⟨ain⟩t Louis, rue du Sultan* и другие французские надписи. Еще остались некоторые французы для распродажи своих товаров, большею частью съестных. Я купил несколько консервов дичи, которые мне пригодятся для путешествия. Один француз с Леванта[3] содержит гостиницу. Всем этим французам прислуживают русские женщины, разумеется, простого звания, говорящие ломаным французским языком. Все они, конечно, последуют за ними во Францию, многие уже уехали. — Есть татары, выучившиеся говорить по-французски. Город давно сдан русским, и опять по-прежнему завелись здесь городничие, исправники, присутственные места, снова водворилось российское благоустройство со взятками, перепискою, медленностью, проволочкою, формальностью. Татар, переселившихся собственно из Евпаторийского уезда, считается до 10 т⟨ысяч⟩ муж⟨ского⟩ пола, да почти столько же женщин. Но всего замечательнее — это укрепления, воздвигнутые неприятелем: кругом всего города на пространстве, я думаю, 6 верст насыпан огромный вал и прорыт в каменной почве глубокий ров. — Я обедал у Николая Ив⟨ановича⟩ Казначеева, который Вам очень кланяется, милый отесинька. Он уже 27 лет служит в Евпатории! Рассказы его очень интересны, как о союзниках, так еще более о русских войсках. Вы не можете себе представить, какую скверную память оставила по себе русская армия. Это был чистый разбой, грабеж, насилие, произведенное не солдатами, а офицерами и генералами. Военное гражданское начальство, племя служилое военных и гражданских чиновников точно будто составило общий заговор для разграбления края, казны, жителей и несчастных солдат. — Французы и англичане (кроме Керчи, где действовал англо-турецкий легион) нигде почти не произвели грабежей. После разбития наших войск под Альмой[4] они отступали в беспорядке, предаваясь грабежу самому неистовому. Я был, между прочим, на даче г⟨рафа⟩ Бибикова на Бельбеке, видел все эти печальные следы разорения. Тут проходили и союзные войска, когда шли на южную сторону Севастополя, но никакого вреда не сделали. Один англичанин забыл даже свои *книги*, кипсеки[5] на этой даче. Что такое была уланская резервная дивизия Корфа![6] Она даже в пословицу вошла! Волосы дыбом становятся, когда вспомнишь, до какого цинизма доходила страсть к приобретению, к набиванию кармана в то время, как люди гибли тысячами. Там, на стенах Севастополя, геройствуют; на северной стороне, в Бакчисарае, Симферополе — оргии разврата на заграбленные деньги! Понятно, что нельзя было и ожидать другого результата войны, кроме позора; понятно, что не могли отстоять крепость, обложенную только с трех сторон и постоянно сохранявшую связь и сношения со *всею* Россиею, с армиею, не запертою в стенах, как, например, в Карсе[7], а стоявшею вне города, во фланге неприятелю. Выходит, что *вся* Россия не могла отстоять Севастополя. Просто совестно хвастаться обороной Севастополя. — Я раскрываю теперь операцию о топливе, сколько могу частным образом (потому что не имею права производить формального следствия). Отпускались огромные суммы, целые мильоны чиновникам гражд⟨анского⟩ вед⟨омства⟩ для снабжения войск. Деньги эти

---

* Улица Сен-Луи, улица Султана (*фр.*).

чиновники делили с командирами и офицерами, предоставляя солдатам по праву войны добывать топливо, где хотят. Поэтому солдаты ломали дома, вынимали все способное гореть, рубили драгоценнейшие фруктовые сады, вековые деревья (и все это не на самом театре войны), чудные леса и рощи долин. Напрасно бедный владелец умолял, упрашивал пощадить хоть деревья, которых нажить нельзя скоро, офицеры, генералы со смехом отталкивали его, топили его же комнаты его мебелью, кладя деньги себе в карман. Так было и с сеном, и с другими запасами. Казна же с своей стороны денег не щадила. Ник⟨олай⟩ Ив⟨анович⟩ Казначеев, кормивший и поивший Корфа и всю дивизию в течение 3-х месяцев в своей деревне в Евпат⟨орийском⟩ уезде, наконец переехал в Перекоп. Его крестьяне были выгнаны, и весь дом и хозяйство разграблено. Он жаловался, писал письма, но толку не вышло. По заключении мира он имел удовольствие видеть сам, как офицеры перевозили через Перекоп, возвращаясь в военные поселения, его же мебель и вещи. Во всех присутственных местах дела с заглавиями "о грабежах, произведенных казаками или уланами, о разорениях, причиненных войсками (нашими)" и т.д. Но по всем этим делам результатов не было: войска ушли, офицеры разбрелись по России, да и уличить их по нашим законам невозможно: кто же свидетели? Сами обиженные, разоренные. — Я видел много раненых, живущих здесь при госпиталях в ожидании выключки и возвращения. Они очень жалуются на *казенное* содержание. "Сколько ты получил белья в течение этих двух лет?" — спросил я одного. "Да всего 2 рубашки, одну во Франции (он был взят в плен), другую от *милосердных сестер*". О казенном же белье идет переписка с полками! Вообще солдаты отзываются с большими похвалами, уважением и благодарностью о милосердных сестрах, т.е. о сестрах милосердия, особенно же о некоторых, говоря, что они были просто как матери родные. Я не заметил даже, чтоб это нововведение поражало очень солдат или казалось им странным. Солдаты относительно их держали себя прекрасно, но офицеры позволяли себе разные свинства. Гораздо больше хвалят сестер из образованного сословия, менее всего вдов московского Вдовьего дома. — О, как всем сердцем призываешь образованность и просвещение в Россию, тем особенно классам, которые уже не живут под законом простой, чистой природы! — В самом деле, судя по рассказам, какое бывало утешение для бедного раненого солдата из грубых рук фельдшера попасть в женские руки, на кроткие и терпеливые попечения! — Всего лучше в Евпатории море. В Одессе вы должны спускаться к морю по длинной лестнице, а здесь вы живете на самом берегу, в 3-х саженях от моря. Берег отлогий и песчаный, крепко, крепко убитый волнами. Вообще вода в Черн⟨ом⟩ море солонее, чем в северных морях, а здесь солонее, чем в Одессе. Кроме того, в Черн⟨ом⟩ море есть иод, что доказывается фосфорическим блеском волн в темные ночи. Ветер был теплый, с моря, постоянно обдававший соляным серным воздухом. Я так обрадовался морю, что купался по 4 раза в день, прямо с берега. Этого наслаждения ни с чем сравнить нельзя. Вас качает, бьет вам в грудь морская волна, вас ласкает могучая, свободная, безбрежная, полная чудес и тайн стихия! Частое купанье вредно, и я почувствовал сильное волнение в крови, но, впрочем, я купался всего 2 дня, и дурных последствий оно

не имело. Кажется, беззаботная жизнь на берегу моря и морское купанье вылечат от всякой болезни. — Жду писем и денег из Николаева[8] и по получении тотчас отправлюсь в Севастополь, на Южный берег — Чатырдаг и проч. и проч.; пропутешествую недели две, потом вернусь в Симферополь, напишу вам еще, отправлюсь в Феодосию, Судак, Керчь и потом в Николаев. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб все у вас было благополучно. Не знаю, где вы теперь. Как я рад, что не в Москве, а вдали от всей этой суеты. Цалую ручки ваши, обнимаю Конст⟨антина⟩ и сестер. Вот кому бы следовало съездить в Крым, покупаться. Люди с меньшими средствами это делают.

234

1856 г⟨ода⟩ сент⟨ября⟩ 1 дня. Симферополь. Суббота.

Вчера вечером воротился я из своего путешествия, милые мои отесинька и маменька, и вчера же вечером достал с почты три письма ваших, которые просил переслать мне в Симферополь: от 17, 24 и 31 июля. Значит, последнему ровно месяц. Теперь в Николаеве накопились еще письма, но я не приказал их пересылать, потому что сам думаю скоро ехать в Николаев. — Вообразите, какая досада! Перед отъездом своим дней за 8 я с оказией написал большое письмо к князю Вас⟨сильчикову⟩ с подробным отчетом в поручении и в то же время с откровенным изложением моего взгляда на направление комиссии, которое признаю ошибочным, на дело, ему порученное, словом, высказал все, что давно хотелось мне ему сказать. Вчера же я получил известие от Зарудного, что князь по получении моего письма в тот же день написал мне *огромное* письмо, заключавшее, вероятно, в себе изложение его взгляда на вещи, его предложения и возражения, а, может быть, и разные указания, наставления и приказания для дальнейших действий в Крыму. Не показав никому письма, даже Зарудному, правителю канцелярии, он отправил это письмо ко мне с эстафетой, вложив в нее же кстати и секретное предписание полковнику Глебову, производившему по его поручению здесь одно следствие: в этом предписании заключались разные секретные сведения и указания на факты и лица. Вообразите, что эта эстафета пропала! Из переписки здешней почтовой конторы видно, что такого-то числа ямщик, явясь в контору, объявил, что потерял эстафету здесь на базаре, по дороге от станции до дома губернской конторы. Какая, кому эстафета, было неизвестно, и контора, сообщая только, что она из Николаева, сообщила туда, а та контора в комиссию. Князь уже уехал, Глебову послали копию с предписания, а мне ничего не могли прислать, потому что и самое письмо никому не было известно. Есть повод думать, что эстафета пропала неспроста, потому что лица, упоминаемые в предписании к Глебову, как нарочно, в этот промежуток времени все разъехались; да и обнаружение этих документов может повредить делу комиссии. А мне и любопытно было бы знать содержание самого письма. — Если же тут нет умысла, то каков же беспорядок, если казенные бумаги, посылаемые с эстафетой для верности и скорости, пропадают. Все оттого, что почтмейстеры

эстафетные деньги кладут в карман, а пакет отправляют не с нарочным, а с чередным ямщиком, отвозящим проезжих. Требую следствия, а то здесь совсем успокоились, как будто это дело обыкновенное! – Может быть, Васильч⟨иков⟩ в этом письме возлагал на меня еще какие-нибудь поручения и в полной уверенности теперь, что они выполняются. Хотя ваши письма уже давние, но я был им очень рад, потому что давно не имел известий. Итак, воды Виши принесли пользу[1], но надолго ли и прочную ли, это я узнаю из писем в Николаеве. "Беседы" 2-й № я еще не видал, он, верно, также ждет меня в Николаеве. Вчера у подошвы Чатырдага, заехав в имение помещика Гротена, увидал я у него только что полученную им книжку "Русского вестника"; заглянул в оглавление — 5-й отрывок "Семейной хроники"[2]. Я не знал, что Вы решились наконец отдать отрывок Каткову; верно, Вы с ним потом объяснились после его письма[3]. Впрочем, он никак не мог бы попасть в 3-й № "Беседы". — Только напрасно Катков напечатал такое подробное извлечение из 4-го отрывка[4]. Сколько Вы наработали, милый отесинька! Пожалуйста, займитесь "Наташей" и обделайте ее; она возбудит более живой интерес, чем личные воспоминания Ваши о Николеве и Писареве[5], как бы хороши последние ни были, потому что эти лица не важны как деятели. — Итак, вы теперь все в Москве на Бутырках. Грустно видеть из Ваших писем, милая маменька, ряд беспрестанно возникающих хлопот и беспокойств. Хорошо, по крайней мере, что вы некоторое время можете все поместиться в доме Корра, а сестры — видеть коронацию без особенных издержек. Верно, Оболенский доставил им удобные места[6]. — Здесь носятся слухи о том, что теперь мы делаем всякие книксены[7] французам, и влияние французское на общество сильнее, чем когда-нибудь. — Я 10 дней пропутешествовал и доволен своим путешествием как нельзя более; это время, кроме грустных дней, посвященных осмотру театра войны, останется одним из самых светлых воспоминаний. Самый способ путешествия (верхом), море, утесы, скалы, рощи лавров и кипарисов, новость положения — все это волшебною властью вырвало меня из пошлой ежедневности, обхватило сполна и всецело мою душу. Я с упоением предался этому наслаждению, зная, впрочем, заранее, что это на короткий срок. 10 дней было довольно, и я даже не желал продолжения, зная также, что этот цвет наслаждения скоро завянет. Много этому способствовала езда верхом. Я проехал с лишком 230 верст верхом, шагом, рысью и вскачь. Случалось делать до 60 верст в день! Я в 1-й раз в своей жизни сел на лошадь (езжал как-то в Богородском 11-ти лет) и почувствовал себя счастливым, что могу вольно двигаться во все стороны без посредства экипажей и кучеров. Сначала я уставал и болели ноги, а потом так привык, что 40 верст езды не производили ни малейшего утомления. Оказывается, что я довольно порядочно езжу. Что же касается до моей болезни[8], то я несомненно убедился, что верховая езда для меня спокойнее перекладной и московских Ванек. Впрочем, я надевал на желудок эластический пояс. Особенно хороши горные лошади крымские; езда на них безопасна по горам. Страшно взглянуть вниз, когда приходится спускаться со скалы почти отвесной над самым морем по узенькой тропинке, с которой при каждом шаге катятся вниз каменья и которую местами заменяет русло горного ручья; татарская лошадь дрожит, но

цепко и крепко, осторожно, верно спускается. Просто чудо! Будь у меня теперь лишняя сотня рублей сереб⟨ром⟩, я бы купил себе для Москвы крымского иноходца с татарским седлом; он так покоен, что лучше всяких рессор; есть род походки, называемый *аян*, с которою он шагом проходит до 9 верст в час. Впрочем, здесь в Крыму верховая езда в большом употреблении между мужчинами и женщинами всех сословий; есть места (напр⟨имер⟩, Кучук-Узень Княжевичей), куда нельзя иначе попасть, как верхом; ни один экипаж не проедет, кроме разве арбы татарской. Как бы я желал показать сестрам горный Крым. Я ходил по рощам лавров и кипарисов, я видел в 1 раз утесы и скалы. — Я во время путешествия каждый вечер à la Погодин отмечал, что видел[9], и теперь приведу это в порядок и пришлю к вам. Покуда прощайте, цалую ручки ваши, дай Бог, чтоб у вас все шло благополучно. Благодарю Константина за письмо, буду ему отвечать с следующей почтой[10]. Прощайте, обнимаю Константина и сестер, спешу по делам, накопившимся в мое отсутствие.

Ваш *И.А.*

235

1856 г⟨ода⟩ сентября 14-го. Симферополь.

Только полторы сутки, как воротился, милый мой отесинька и маменька, и нашел пять ваших писем, в том числе и привезенные Шеншиным, с деньгами[1]. Благодарю вас за них. — Рассказы о коронации, вести московские, мои собственные рассказы — все это заняло так много времени, что остался всего час свободный до отправления на почту. Теперь буду ждать от вас известия по возвращении вашем в Абрамцево. Дай Бог, чтоб эта скакотня не имела дурных последствий для вашего здоровья. — Из Москвы вести довольно добрые. 2-й том "Р⟨усской⟩ беседы" превосходный, судя по оглавлению[2]. Все это меня очень бодрит и радует. Очень бы хотелось, чтоб Чиж⟨ов⟩ не отказался от предлагаемого ему места[3], и буду ему писать об этом, потому что мы с ним изредка перекликаемся по случаю предполагаемого издания журнала[4]. Вы не пугайтесь, я осторожно напишу. — Получены также письма от моего преемника, казначея дружины, с деньгами мне (75 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩) и Голубеву (8 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩). Голубев плакал от умиления и пристает ко мне, чтоб ему поскорее дали медаль, о чем, вероятно, также хлопочат и все ратники. Тщеславие, любовь к почету, к отличию, уважение к людскому суду и толку — одна из вредных сторон общинного начала. Но вот что меня беспокоит. Представления к отставке и к наградам крестами Станислава и Анны взял на себя, пишут мне, сам гр⟨аф⟩ Строганов. Вот боюсь, что представит к Станиславу![5] Он способен это сделать и неспроста. — С кн⟨язем⟩ Вас⟨ильчиковым⟩ мы опять сблизились[6]. Поездка в Москву очень его освежила, к тому же ложь разных мнений и выводов, несогласных с моими, обнаружилась явственнее. — Он предполагает зимою переехать в Москву, чтобы там писать отчет, что́, впрочем, я для себя нахожу не совсем удобным. — Что касается до редакторства[7], то я не решаюсь еще принять его и дать положительное обещание. У меня теперь две заботы: отчет Геогр⟨афическому⟩ Обществу и комиссии. По

окончании этих трудов, прежде чем опуститься в Москву на постоянное житье и основать там прочную оседлость, впрягши себя в ярмо редакторства, я бы хотел совсем разделаться с своей охотой к путешествиям. Я много ездил по России, но не был еще ни в землях В⟨ойска⟩ Донского, ни на Кавказе, ни в Польше, ни в Финляндии, не был и в чужих краях. Раз принявшись за редакторство, за постоянную службу, трудно будет оторваться от дела и наполнить остающийся пробел. По крайней мере, в чужие краи хочется мне предварительно съездить хоть месяцев на шесть, так как эту поездку легче и удобнее и дешевле предпринять, чем какую-либо новую поездку по России. Можно для этого даже занять денег с тем, чтоб потом, возвратившись и распростясь с остатками молодости, приняться за дело и заработать деньги для уплаты долга. Но я не поеду, разумеется, не разделавшись с Геогр⟨афическим⟩ Общ⟨еством⟩. Редакторство может подождать год, а мне уж откладывать некогда. — Мне очень хочется посмотреть народ, самый простой народ в чужих краях, чтоб посудить и там отношение образованного сословия к необразованному, чтоб вникнуть, не присущи ли всякому народу, на известной степени развития, те свойства, которые мы считаем почти исключительною принадлежностью русского народа, и проч. и проч. — Получил я также письма от Елагиных, к которым писал тотчас же, как узнал о смерти Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩[8]. — Они все здоровы, только душевное состояние Петра Вас⟨ильевича⟩ возбуждает опасения[9]. Просто страшно за него делается. Ник⟨олай⟩ Елагин переходит на житье в новый дом, обещая оставить навсегда в старом лень и бездействие[10]. — Я вам послал последнее свое письмо из Симферополя. Дожди и вообще дурная погода помешала мне совершить свое путешествие точно так, как я предполагал. Из Симферополя проехал я в Карасубазар, но оттуда отправился прямо в Феодосию, не заезжая ни в Судак, ни в Старый Крым; посмотрев Феодосию, проехал я в Керчь, где прожил сутки: ездил на Павловскую батарею[11] и в Еникаль. Керчь быстро восстановляется, потому что имеет все условия для жизни. Просто непонятно, каким образом был отдан этот город, который так легко было бы защитить с небольшим отрядом! — В Керчи видел я нашего священника, который все время оставался там и совершал службу; он приобрел такое всеобщее к себе уважение, что французы и англичане оградили церковь караулом от бесчинства турок, давали ему по 500 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ в месяц для раздачи бедным жителям, вообще слушались его требований. Когда он заболел тифом, то жена английского пастора ухаживала за ним. Неистовства, совершенные там, большей частью дело турок, татар, отчасти и пьяных английских солдат. — Из Керчи великолепною степною дорогой поехал я на Сиваш, или Гнилое море, к Шатилову в его имение Тамак, где очень приятно прожил полторы сутки. Видел я и Арбатскую стрелку, и Азовское море, и Сиваш. Хотя от последнего и несет запахом гнилых яиц, но это происходит от иоду и серы, которых много в воде Гнилого моря. Рыба не живет в нем, потому что вода в нем в десять раз солонее самой соленой морской. Ездил я с ним по его полям, видел страшные стаи красных уток (огарей). Раз десять стрелял Шатилов, но все разы промахнулся. Лизав⟨ета⟩ Ник⟨олаевна⟩ Кроткова[12] писала к нему и

жене его, что у Арк⟨адия⟩ Тим⟨офеевича⟩ болит спина и что они в сентябре м⟨еся⟩це приедут в Москву. От Шатилова проехал я через Чонгарский мост на Мелитопольский тракт в Бериславль и оттуда в Николаев. Славный человек Шатилов и не пошло проводит свое время, очень много читает и занимается, преимущественно естественной историей. — Мне самому очень жаль, что не участвую во 2 книжке "Беседы", но что же делать, если оба мои стихотворения не пропущены цензурой! Я дал "Послание к друзьям, состоящим на службе"[13], переделав даже его с мыслью о цензуре, и "Тоску", т.е. "Опять тоска, опять раздор". Прочел я новые стихи Хомякова[14]. Они для меня замечательны и тем, что это первые стихи его в новое царствование. Я еще при нынешнем государе не писал стихов. — Вы не пишете, довольны ли сестры своею поездкой в Москву, все ли они видели, везде ли были... Нынче 14 сентября[15], большой праздник и день рожденья милой Надички. Поздравляю ее прежде всего и обнимаю крепко, поздравляю вас, милый отесинька и милая маменька, и всех, также как и поздравляю заранее со днем 17 сентября[16]. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. — Я бы советовал Вам, милый отесинька, не бросать Виши[17]. Вообразите, вместе со всеми письмами нашел я пересланное из Одессы письмо ваше ко мне от 17 ноября 1855 года! Так странно теперь его читать: выражаются в нем разные надежды на успех нашего оружия и проч. — Прощайте, до следующей почты.

Весь ваш *Ив. Акс.*

236

⟨Письмо к Константину Сергеевичу Аксакову⟩.

17 сентября 1856 г⟨ода⟩. Николаев.

Нынче 17-ое, и я опять поздравляю тебя, отесиньку, маменьку и всех сестер, милый друг и брат Константин. Вероятно, вы теперь опять собрались все в Абрамцеве, за исключением Олиньки и остающейся при ней сестры. Получил я "Русскую беседу". "Р⟨усская⟩ беседа" и разные вести, привезенные из Москвы, производят отрадное впечатление, как-то умиряют и умеряют дух. Я очень рад, что, разъяснив, наконец, окончательно вопрос о праве на самобытное воззрение, ты объявляешь в своей статье о прекращении этого спора[1]. Пора заявить право положительными трудами, и я уверен, что в следующей книжке ты поместишь какую-нибудь серьезную историческую или филологическую статью[2]. — Ведь штука собственно в том, что ты думаешь, что русское воззрение есть единственно истинное, полное и цельное, и не потому только, что таковым является каждому народу его народное воззрение, а что оно действительно таково и отрешено от всякой односторонности, неминуемо сопровождающей *всякое* народное воззрение, *кроме* русского. Только это еще не высказано, хотя и торчит из-за углов, а потому-то и противников наших берет такая злоба, что они впадают в нелепость, отрицают самое право и, следовательно, сами себе произносят приговор. — Ты не можешь себе представить, до какой степени этот

легкий способ угощать людей готовыми произведениями чужой кухни имеет успех в провинциях и до какой степени люди жадно бросаются на эту готовую пищу, несмотря на то, что она производит несварение в желудке и поносы. Нет ни одного *учителя* гимназии, ни одного уездного учителя, который бы не был под авторитетом русского запада, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю[3], и под их руководством воспитываются новые поколения. Очень жалею, что кафедры университетские недоступны никому из наших. Кроме небольшого кружка людей, так отдельно стоящего, защитники народности или пустые крикуны, или подлецы и льстецы, или плуты, или понимают ее ложно, или вредят делу балаганными представлениями и глупыми похвалами тому, что не заслуживает похвалы, как напр⟨имер⟩, Лебедев в "Русск⟨ом⟩ инв⟨алиде⟩", Кокорев[4] и т.п. – Будьте, ради Бога, осторожны со словом "народность и православие". Оно начинает производить на меня то же болезненное впечатление, как и "русский барин, русский мужичок" и т.д. – Будьте умеренны и беспристрастны (в особенности *ты*) и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать: к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩)[5]. Допетровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началам, не выработанным или даже ложно направленным, проявленным русским народом, – но ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее! Что касается до православия, т.е. не до догматов веры, а до бытового исторического православия, то, как ни вертись, а не станешь ты к нему в те же отношения, как и народ или как допетровская Русь; ты постишься, но не можешь ты на пост глядеть глазами народа. Тут себя обманывать нечего, и зажить одною цельною жизнью с народом, обратиться опять в народ ты не можешь, хотя бы и соблюдал самым добросовестным образом все его обычаи, обряды и подчинялся его верованиям[6]. *Я вообще того убеждения, что не воскреснет ни русский, ни славянский мир, не обретет цельности и свободы, пока не совершится внутренней реформы в самой церкви, пока церковь будет пребывать в такой мертвенности, которая не есть дело случая, а законный плод какого-нибудь органического недостатка...* По плоду узнается дерево; право, мы стоим того, чтоб Бог открыл истину православия Западу, а Восточный мир, не давший плода, бросил в огонь! – Ну да об этом надо или много, или ничего не писать. Я хочу только сказать, что поклонение допетровской Руси и слово "православие" возбуждают недоразумение, мешающее распространению истины. – Разумеется, цензура всему мешает. Невольно припомнишь слова митроп⟨олита⟩ Платона[7]: "Ври, раскольник, и молчи, православный!" Я думаю, ты их помнишь.

Прощай, милый друг и брат. Крепко тебя обнимаю. Не пойми моих слов односторонне. Вспомни, что было время, когда ты противился введению железных дорог, а теперь, верно, и сам об них хлопочешь. – Я уже писал в последнем письме, что отношения мои к кн⟨язю⟩ Вас⟨ильчикову⟩, которого поездка очень освежила, поправились. Я еще по возвращении из Одессы объявил, что самая симпатическая личность во всей армии – он, и возил к нему Самарина знакомиться. Я и не изменял мнения об его личных свойствах и характере, но был

недоволен его действиями и своим бездействием (не в смысле, что нет дела, а в смысле, что лишен возможности направлять общий ход дела). Мне теперь посылать в "Беседу" решительно нечего, да и некогда. Прощай, обнимаю тебя, сестер, целую ручки у отесиньки и маменьки.

Твой др⟨уг⟩ и бр⟨ат⟩ *Ив.А.*

237

27 сент⟨ября⟩ 1856 г⟨ода⟩. Николаев.

Наконец вчера получил я ваше письмо от 17 сент⟨ября⟩, милый отесинька и милая маменька, из Абрамцева и из Москвы. Теперь вы, вероятно, опять все вместе и терпите от холода. Еще третьего дня стояла здесь чудная погода, три дня тому назад вечером было 19 градусов тепла по захождении солнца, но вчера подул холодный ветер, погода переменилась и смотрит совершенной осенью. Впрочем, все уверяют, что в октябре будет опять тепло. Поздравляю Вас с днем Ваших именин[1], милый отесинька, и всех наших, и благодарю также заранее за поздравления с 26 сентября[2]. – Князь В⟨асильчиков⟩ уехал в Крым, а меня командируют в Екатеринославль недели на две, на днях отправляюсь. Поручение нетрудное. Только чтоб дожди не испортили дороги! В этой губернии я еще не бывал, но в ней мало интересного, и я охотнее бы отправился в Бессарабию, край чужой и своеобычный, еще охотнее остался бы здесь для окончания своего отчета, но нечего делать, надо ехать, потому что все чиновники в разгоне. Вчера в "Инвалиде" появился первый приказ по государственному ополчению об увольнении офицеров Смоленской, Владимирской, Псковской дружин. С нетерпением жду приказа о Московской. Докончил я наконец 2 том "Р⟨усской⟩ беседы". Разумеется, ни один журнал не предоставлял публике ничего подобного по полноте, цельности, достоинству статей, но публика еще мало его ценит, и подписка идет плохо[3]. Я нахожу в цензоре некоторое пристрастие к "Р⟨усскому⟩ вестнику"[4]. Если в "Вестнике" напечатана статья Безобразова о русском крестьянине и "Губернские очерки"[5], то не было никакого основания не пропускать моих стихов и "Судебных сцен"[6]. – Я никак не воображал, чтоб мы могли до такой степени озадачить иностранцев роскошью и великолепием. Судя по отзывам корреспондента de "L'Indépendance Belge", они и не предполагали, чтоб после тягостной войны в России нашлось столько сил и средств денежных. Впрочем, едва ли кто из дипломатов и серьезных людей вдался в обман и стал во внешности искать причины сил или слабости России. Странная земля эта Россия! Несмотря ни на что, она совершает заколдованный круг своего развития под влиянием и давлением Европы. И мы сами, поборники народности, не знаем других орудий для исцеления зла, кроме указываемых европейской цивилизацией: железные дороги, изменение крепостного права, журналы, газеты, гласность. Теперь уничтожение всяких препятствий к поездке за границу (так что дешевле и удобнее получить заграничный паспорт, чем подорожную из Москвы в Крым), разумеется, при помощи железных дорог, пароходных компаний, телеграфов и вследствие сближения, произведенного

войною, породит совершенное смешение России с Европой, объевропеит Россию сильнее прежнего. Я, разумеется, нисколько не против этих мер, готов даже признать это влияние более внешним, но все это не может остаться без результата. Мне бы очень хотелось съездить в чужие краи[7], именно теперь, покуда это так легко: месяца два в Италии, месяца два в Англии, месяц на Францию, месяц на Ге́рманию, две недели на Швейцарию... Если б я успел окончить свой отчет Геогр⟨афическому⟩ Обществу к январю месяцу, то можно было бы в конце февраля отправиться, чтоб к осени возвратиться в Россию и таким образом не терять опять целого зимнего сезона, самого нужного и важного у нас в России. – Обыкновенно у нас надобно считать время от зимы до зимы, и если что не устроилось зимою, то откладывается до следующей зимы. – Какой сбор родственников был у вас в Москве, даже Софья Тимоф⟨еевна⟩. Теперь Софья ⟨Гришина⟩[8], вероятно, уже проехала через Москву. Как ее здоровье на вид? Аркадий Тимоф⟨еевич⟩ также должен скоро быть. – Очень понимаю, как должно было понравиться Вам Абрамцево после московской трескотни и суетни, милый отесинька, особенно Вам, потому что Вы и всегда любили это место, да и вообще любите не пышную, скромную русскую природу. Как я рад, что Вы опять чувствуете потребность писать, и желаю, чтоб Вам ничто не помешало. Даете ли Вы что́ в "Русскую беседу"?[9] Кажется, туда "Феклушу" прочат[10]. Ох уж эта Феклуша! – Вовсе ей тут не место, и будь я редактором, так не занял бы листов 6 книжки журнала такою повестью. А вот "Записки об Южной Руси" очень интересны, и я жду с нетерпением появления самой книги[11]. Да готовит ли Конст⟨антин⟩ какую-нибудь серьезную статью для "Р⟨усской⟩ беседы"?[12] – Знаете что, милый отесинька, я думаю, право, пора подумать Вам серьезно о наших крестьянах[13], пора сделать все приуготовительные расчеты, чтобы событие не застало врасплох[14]. Право, подумайте и спишитесь о том с Гришей. Время! – Необходимость этого, конечно, не так живо чувствуется в России, как здесь. – Я разделяю вполне ваше мнение о стихах Хомякова[15]. – Не знаю, какое она произвела впечатление, но я нахожу выноску Константина под его статьей в "Р⟨усской⟩ беседе" не совсем ловкою[16], если только она не сделана с другой целью, которой, впрочем, нельзя и предполагать. Она ставит Каткова, мне кажется, в неприятное отношение к его сотрудникам по журналу. Шеншины также теперь в Крыму. Шеншин чудесной души человек, чистой, богобоязненной, детской, но мне иногда за него страшно становится. Ум у него не довольно ясен и крепок, чтоб разрешить ему беспрестанно им самим задаваемые себе вопросы. Он беспрестанно читает, голова у него в постоянном напряжении, и эта умственная бесплодная работа его изнуряет, так что у него часто появляются сильные боли в передней части головы. Он вечно задумчив или рассеян. Бедная его жена это понимает, всеми силами противится тому, чтобы он оставил службу, и старается возбудить в нем деятельность внешнюю. А какой славный человек этот Ник⟨олай⟩ Васил⟨ьевич⟩ Шеншин и как замечательна в нем эта самостоятельность и верность душевного инстинкта, приведшая его, воспитанника Пажеского корпуса и гусарского офицера, к убеждениям славянофильским[17]. – Вы спрашиваете, милая маменька, про Голубева. Ничего, он здоров; за два дня до получения Вашего письма он пришел

мне сказать, что видел во сне, будто он принес мне с почты письмо, в котором Вы ему кланяетесь. Так и случилось. – Он точно старая няня, годная только на рассказыванье сказок. Я еще не видал мужчины с такой не женской, а бабьей натурой, и полезен он мне в том особенно, что упражняет мое терпение. Разумеется, в Николаеве, как и в Симферополе и Бендерах, он знаком со всей улицей и известен всей комиссии. Он страшно гордится своим крестом на фуражке и никак не может понять, отчего я не хлопочу ни о медали, ни о кресте. Подчас он забавен, а подчас очень скучен, но ведет себя хорошо и усерден. – Прощайте покуда, милый отесинька и милая маменька, дай Бог, чтоб у вас все было благополучно, цалую ручки ваши. Обнимаю Константина, Олиньку и всех сестер. Я совершенно здоров, только и у меня зрение начинает портиться: точки черные, волосы (змейки), линии блестящие (днем особенно) мешают чтению. Надобно, я думаю, вовсе не пить вина и не есть говядины, хотя я и без того ем немного, раз в сутки, даже чай пью без хлеба; также сильно лезут и секутся волосы. Надобно бы движения побольше, а то как-то тяжелеешь, хотя и не толстеешь. Я бы с удовольствием попил Виши: в этой воде что-то есть бодрое. Впрочем, я каждый день весь обтираюсь холодной водой. Прощайте, будьте здоровы.

Ваш *Ив.А.*

238

9 октября 1856 г⟨ода⟩. Екатеринослав.

Мой отъезд из Николаева, милый отесинька и милая маменька, по разным причинам оттянулся до 3 октября; в самый день отъезда получил я ваше письмо от 18 сентября из Абрамцева, куда еще ни маменька, ни сестры не приезжали. Разумеется, все, что вы ни напишете, будет интересно, но мне казалось бы, что кратковременная и совершенно ничтожная литературная деятельность Писарева[1] (сколько помню, самое замечательное его произведение – пролог к комедии "Христофор Колумб") мало может возбудить участия в публике, не знавшей его лично. Что же касается до Полевого[2], то вполне понимаю негодование, возбужденное его наглостью, шарлатанством, поверхностностью познаний[3], но, чтоб быть справедливым, надо вспомнить, что и противники его были неправы: они придерживались преданий псевдоклассической французской школы, они говорили: он Грибоедова хвалил[4] и разругал Капниста[5]. Впрочем, я не знаю, в какой степени и все ли противники Полевого разделяли мнение, высказанное, кажется, Дмитриевым[6]. Замечательно, что изо всех противников Полевого только очень немногие пошли вперед и оценили Гоголя, чуть ли не Вы одни да Погодин. А Дмитриев, ожесточенный враг Полевого, человек отсталый. Знаете, кто сильно защищает Полевого? П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩ Киреевский, да, кажется, и весь теперешний наш кружок знакомых не принадлежал к числу его противников. Впрочем, я уверен, что Вы напишете статью с полным беспристрастием[7]. Во всяком случае, это будет важный матерьял для истории образования, развития, движения мысли в русском обществе. И Полевой, и Белинский имели огромное влияние на общество,

вредное, дурное, но все же громадное влияние. Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, который бы не знал наизусть письма Белинского к Гоголю; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов[8]. Тут нет ничего странного. Всякое резкое отрицание нравится молодости, всякое негодование, всякое требование простора, правды принимается с восторгом там, где сплошная мерзость, гнет, рабство, подлость грозят поглотить человека, огадить, убить в нем все человеческое. "Мы Белинскому обязаны своим спасением", – говорят мне везде молодые *честные* люди в провинциях. И в самом деле, в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в полном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов, помещиков, презирающих идеологов, привязанных к своему барскому достоинству и крепостному праву, вообще довольно гнусных. Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных, возмущающихся злом и гнетом, поборников эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными. Они часто несут всякую чепуху и сами не видят, что путь их логически оканчивается подлостью петербургского практицизма, но порицание и отрицание их понятны. И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора,честного следователя, который полез бы на борьбу, — ищите таковых в провинции между последователями Белинского. О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать, а если и слышат, так от людей, враждебных направлению. Да оно и не может возбуждать сочувствия молодежи, лезущей вперед, оно требует большой справедливости, беспристрастного разумения, основательности и проч. Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников, а я помню время, когда, к сожалению, славянофилы, *хотя и не все,* противились и железным дорогам, и эмансипации, последней потому только, что она формулирована была под влиянием западных идей. Да и что делать бедной провинции, если она ищет света и обращается за ним к литературной деятельности столицы. Вот в Екатеринославской губернии во всей нет *ни одного* экземпляра "Р⟨усской⟩ беседы", а получается "Р⟨усский⟩ вестник" и другие журналы. В них слышится направление новое, требование просвещения, жизни, простора; ему сочувствуют с жаром и, невольно подчиняясь авторитету журнала, вместе с хорошим принимают и дурное, с добрым вредное. Где же требовать такого самостоятельного крепкого суждения, которое бы без всякой посторонней помощи умело бы удержать в пределах свое сочувствие, отличить истину от лжи, добро от зла. Вот теперь здесь выборы и съезд дворян. Не угодно ли посмотреть этих господ? – Я на днях видел одну очень хорошую, добрую и очень неглупую женщину, которая тряслась, как в лихорадке, от негодования, рассказывая про окружающий ее помещичий быт, их суждения, толки, цинизм барский, обращение с людьми и проч. Не находя ни в ком сочувствия, она с жадностью хватается за какие-нибудь статьи, где находит некоторое подтвержде-

ние своим стремлениям, и, не получая ничего, кроме "П⟨етер⟩бургских ведомостей", с восторгом указывала мне на какую-то фельетонную статью, где осмеивается губернское воспитание, тогда как для меня, несмотря на всю случайную правду иных статей, нет ничего вонючее, *отвратительнее и гаже* фельетона "П⟨етер⟩бургских ведомостей"! А очень хорошая женщина. Впрочем, я занесся Бог знает куда. Садясь писать без определенной цели, не знаешь, куда придешь к концу письма. Здесь есть откупщик акцизный Г.Ив. Щербаков, который объявил мне, что обязан Вам, милый отесинька, своим поступлением в университет в 1832 году. Он теперь страшный богач. Третьего дня на огромном обеде, где я был, он предложил мне выпить за Ваше здоровье. "Семейная хроника" проникла сюда в нескольких экземплярах. Я думаю, что через неделю окончу здесь свое дело и ворочусь в Екатеринослав. Коляску мою один глупый ямщик тряхнул так неловко, что я должен был опять заплатить за переделку 10 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, да перед отъездом рублей 6 сер⟨ебром⟩. Тем не менее я много обязан коляске сохранением здоровья. Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ручки ваши, крепко обнимаю Константина и сестер. Поздравляю вас всех со днем рожденья маменьки[9]. Напишите Грише, что я его обнимаю, если Софья у вас[10], то и ее с детьми.

Ваш *И.А.*

239

Окт⟨ября⟩ 17 1856 г⟨ода⟩. Екатеринослав.

Все еще Екатеринослав, милый отесинька и милая маменька. Каждый день собираюсь ехать и все должен откладывать по милости мешкотности дворян! – Мне надо было иметь сведения о состоянии хлебных запасов и хлебной торговли, о *настоящих* ценах, существовавших в продаже за известный период времени. Путем официальной статистики этих сведений получить нельзя; купцы – все жиды и соучастники интендантства – правды не скажут; имея в виду, что главный продовольственный фонд края заключается в помещичьих имениях, что дворяне – землевладельцы, хозяева и первые производители хлебного товара, что они наконец теперь находятся в сборе, в полном своем сословном составе, я обратился через губернского предводителя Шабельского ко всем уездам, прося их составить мне по каждому уезду особо протоколы в ответ на мои вопросы. Конечно, этот способ совершенно новый, но он имеет полное юридическое и нравственное значение, ибо это не показания отдельных лиц, а свидетельство целого сословия, действующего как юридическое лицо (да еще присягнувшего вдобавок). Дело очень просто, но его приходится растолковывать и разжевывать дворянину раз по 50 на день. Удивительное создание – дворянин, решительно неспособен действовать полным составом, en corps, in corpore. Все кричат о злоупотреблениях, все толкуют о содействии, каждый с своей стороны сообщает на словах все нужное, но ведь обо всем этом надо потолковать сообща, изложить письменно... Тут и затруднение! Во 1-х, их не соберешь, все бродят (на выборах) из комнаты в комнату, завтракают,

рассуждают о пустяках; во 2-х, грамота не всем им далась, а хотя и есть в каждом уезде свои грамотеи, но они слишком мудрят. Вот каждый день вожусь с ними в Дворянском собрании. Мне бы и не следовало лично вмешиваться в это дело, но иначе ничего не добьешься. Нет, уж вперед с дворянами, как с сословием, дела иметь не буду. До трех часов они в Собрании, бродят, шумят, толкуют, баллотируют, что́ все происходит очень беспорядочно, в три часа отправляются на какой-нибудь сытный обед к избранному предводителю, потом спят, потом на бал. Я запасся было терпением в большом размере, но чувствую, что оно истощается. Вид дворянского сословия производит на меня действие раздражающее: ограниченность и узкость взглядов, невежество, привязанность к незаконному своему праву, отсутствие других двигателей, кроме интереса, барство и дармоедство, отсталость понятий... Я пробовал поднимать вопрос об эмансипации. Куда! Так на дыбы и становятся. – Несмотря однако же на все затруднения, я почти достиг цели и завтра после обеда еду. По дороге заверну в г⟨ород⟩ Александровск еще к одному помещику, от которого надо отобрать показание, и потом в Николаев. – Здесь в числе помещиков оказался Александр Алекс⟨еевич⟩ Панов, родной брат Вас⟨илия⟩ Алекс⟨еевича⟩, человек лет 50-ти; его дочь Варвара Алекс⟨андровна⟩, очень хорошая собой, замужем за здешним помещиком Павловым. Скажите Саше Аксакову, что я дал за него слово его кузине, что он пришлет ей гомеопатическую аптечку с лечебниками. И в самом деле, пусть он пришлет; это будет для нее развлечением и занятием в деревенской скуке, ибо детей у нее нет, книг выписывается мало, а к стрижке баранов и овец и к наблюдению за мотками особенного расположения она не показывает. Решительно не понимаю, как можно жить в такой удушливой атмосфере без всякой деятельности или же с деятельностью, направленною только на личный интерес, на обогащение. Других разговоров, кроме разговоров о продаже, купле, об овцах (здесь ведь главная статья дохода – овцеводство), не слышно. Панов – очень хороший и благородный человек, кажется, и добрый, но тяжелый на руку: это семейное свойство, т.е., говоря попросту, дерется сильно. – Вот вам еще образчик дворянских воззрений. Здесь винокурение свободное, т.е. каждый помещик курит вина сколько угодно и продает по какой хочет цене; он платит только акцизному откупщику по 75 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ с ведра выкуриваемого вина. Вследствие неурожая прежних годов и вследствие страшного требования за границу цены на хлеб поднялись ужасно; здесь мука по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ за пуд! Само собой разумеется, что вино, эта насущная потребность жителей здешнего края, стало также чрезмерно дорого, да и выгоднее сбывать хлеб в продажу, чем курить. Вследствие этого правительство разрешило свободный ввоз вина из великороссийских губерний, и вино тотчас стало вместо 3-х рублей по 1 р⟨ублю⟩ 50 к⟨опеек⟩ сер⟨ебром⟩ за ведро. Разумеется, это акцизному откупу очень выгодно, ибо он получает акциз и с каждого ввозимого ведра, но главное здесь надо иметь в виду цену вина в продаже и выгоды простого класса народа. – Государь в последней своей грамоте дозволил, между прочим, дворянству Екатеринославской губернии представить ему записку о своих нуждах и проч. Как же воспользовалось этим дворянство? – Просит о

воспрещении ввозить вино из великорусских губерний, чтобы 150 заводчиков этой губернии могли продавать вино по дорогой цене, тогда как главные их доходы – сбыт хлеба за границу и продажа шерсти. – Никаких других мер, кроме запретительных, благородное российское дворянство не понимает. – Вот они, – представители образованности, передовые люди и вожди народа! – Очень жаль, что теперь уже осень, а то бы я съездил посмотреть могилы скифских царей. Ваш приятель Савельев произвел нынешним летом здесь розыски[1], увенчавшиеся, говорят, полным успехом. – Кстати об осени: в одно прекрасное утро, проснувшись, увидал я, что все бело, покрыто снегом. Разумеется, снег изчез в тот же день; несколько времени свирепствовал холодный ветер, потом через несколько дней пошел теплый дождик, и теперь на дворе градусов до 14 тепла. Что ж это не печатают приказов по ополчению? Я уже очень пообносился, но ополченского нового платья шить не решаюсь, тем более что если я в будущем году поеду за границу, оно будет мне совершенно не нужно. В фельетоне "Инвалида" в заглавии, между прочим, сказано: "Новая книга С.Т. Аксакова". – Далее из текста видно, что это вовсе не новая Ваша книга, а книга, выданная Бартеневым или Бессоновым, "Устав сокольничьего пути" с Вашею заметкою[2]. – В речи Бабста, произнесенной в Казанском университете[3], упоминаются "Багровы" как имена нарицательные, как тип прошлого быта для возбуждения к прогрессу! – Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Дай Бог мне по возвращении в Николаев найти ваши письма и в них известия, что вы, слава Богу, здоровы и что у вас все благополучно. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер.

И.А.

240

1856 г⟨ода⟩ ноября 1 дня. Николаев.

Вчера получил я ваше письмо от 16-го октября еще из Сергиевского посада, теперь, вероятно, получу от вас письмо уже из Москвы, милый отесинька и милая маменька. Так как вы не пишете наверное, что нанимаете дом Яниша[1] и так как теперь наверное вы в Москве, то я и адресую это письмо на имя Томашевского[2]. Я помню этот дом и когда-то его осматривал: он двухэтажный и был бы довольно поместителен, если б был иначе расположен. Все-таки кажется, он не довольно удобен. Это странно, что после коронации и при такой эмиграции в чужие краи квартиры в Москве так дороги, да и так трудно их отыскать. – Насчет моего приезда ничего не могу сказать определительного: никто ничего не знает, начиная с самого кн⟨язя⟩ В⟨асильчикова⟩. – Сначала предполагалось к 10-му ноября переехать в Харьков, а теперь опять время отъезда неизвестно. На этой неделе все должно решиться. Я с большим неудовольствием еду в Харьков как потому, что не люблю этого города, так и потому, что у меня там довольно знакомых, которые будут мешать занятиям; к тому же там и Лужин с женой[3], которые, если не нас, то князя будут очень отвлекать от дел. Впрочем, еще, право, не знаю, как все устроится, и покуда продолжаю работать над делом о

сенокошении в Крыму! – Я получил нынче письмо от Луженовского (моего преемника в дружине) с уведомлением, что 29 сентября состоялся высочайший приказ об увольнении меня от службы с переименованием в прежний чин надворного советника. Итак, я теперь *отставной, в отставке,* опять человек свободный. Странно немного, что уволили меня так просто, без всяких справок, потому что я назначен в комиссию по высочайшему же повелению; еще страннее то, что мне не отдали должного: я вышел в отставку, не дослужив двух недель до срока, когда мне следовало получить чин коллежского советника за выслугу лет. В манифесте о роспуске ополчения сказано, что служба в ополчении зачитается, а потому не в виде награды, а просто за выслугу лет мне бы следовало получить чин не надворного, а коллежского советника со старшинством 16 месяцев. Разумеется, это все равно, и право мое не пропадает при новом поступлении на службу, но все же со стороны графа Строганова это несправедливость или, по крайней мере, невнимание. Я немедленно спорол погоны и снял все знаки моего официального значения и запускаю бороду, но нахожусь в большом затруднении относительно платья. Я так обносился, что во всяком случае какое-нибудь платье да сшить надо. Какое же? Переодеваться в штатское здесь или в Харькове очень затруднительно: ведь нужно будет почти совсем вновь экипироваться, а какое есть старое платье, то в Москве. Да здесь экипироваться у меня денег нет, и дорого и скверно, ехать для этого в Одессу – поездка и пребывание там стоят ужасно дорого, да и шьют там дурно. Я бы обо всем этом и не думал, если б ехал прямо в Москву, но смущает меня Харьков. Впрочем, может быть, как-нибудь перебьюсь. – Я бы, может быть, остался в русском платье, если б не имел в виду поездки за границу, да наконец и необходимости при русском платье иметь еще фрак в случаях официальных. – Теперь жалованья я уже получать не буду, но выдача мне суточных денег будет производиться по-прежнему, как и другим отставным, временно занимающимся при комиссии[4]. – Я в полном праве оставить комиссию, но сам не хочу ее оставлять и признаюсь, очень доволен таким независимым положением, которое, разумеется, не даю чувствовать и которое нисколько не ослабляет моей работы. – Голубев еще получил из дружины 3 р⟨убля⟩ сер⟨ебром⟩; таким образом, каждый ратник в нашей дружине получил по 11 р⟨ублей⟩ серебром. Это очень много. Вообще, кажется, вышло, что наша дружина первая и по количеству экономии, и по другим отношениям. Таким образом, кончилось мое истинно трудовое поприще службы в ополчении; все это теперь является каким-то сном, но многою опытностью оно меня обогатило и оставило в душе сознание честно исполненного долга, непосредственного участия в общих тяготах, доставшихся на долю России, и отрадное воспоминание о моих отношениях к ратникам, об их искренней, свободной любви. Встреча с каждым из них будет мне очень приятной.

Погода здесь снова сделалась теплою; снег превратился в грязь, но и та просыхает; я думаю, и у вас тепло, хотя, конечно, не так, как здесь, где можно гулять почти в одном платье. Слава Богу, что Олиньке лучше и что все вы довольно здоровы. Теперь Вы, милый отесинька, привыкли к воздуху, так не надо бы Вам закупориваться и в Москве. "Современника", того нумера, о кото-

ром Вы пишете, я еще не видал[5]. Я сам ожидаю от этих господ, что они скоро будут отзываться об Вас холоднее, но думал, что это начнется с "Отеч⟨ественных⟩ записок". – Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, пишите в Харьков, а здесь я надеюсь еще получить письмо от вас. Обнимаю Константина и всех сестер.

Ваш *Ив.А.*

Прилагаю письмо к Оличке[6].

241

1856 г⟨ода⟩ ноября 8-го. Николаев.

Вчера получил ваше письмо от 23 октября еще из Сергиевского посада (итого 15 дней оно шло!); теперь вы все вместе, милый отесинька и милая маменька, в Москве, и я адресую это письмо в дом Дребуша. Я помню этот дом; я когда-то смотрел его, приискивая квартиры. Тут на дворе живет, кажется, всякий сброд, а сам дом разделен сенями на две половины. Дай Бог, чтоб вам было в нем удобно, просторно и спокойно. – Вы ждете меня в Москву, а я еще не двигался из Николаева, да и когда двинусь, неизвестно. Случается то, чтó всегда случается в комиссиях подобного рода; дела затягиваются, несмотря на все усилия свести концы, и сроки один за другим отодвигаются. Сводить же концы очень трудно, особенно при отсутствии правильной системы в предшествовавших занятиях и при неясности основной мысли. Неясность же основной мысли происходит не от лиц, а от всего существующего административного порядка. – Когда мы тронемся отсюда, право, не знаю, но вы адресуйте в Харьков. Очень мне досадно, что не могу добиться приказа, которым я уволен в отставку. Приказы по ополчению печатаются особó и нигде здесь не получаются, а в газетах перепечатываются очень поздно, через месяц или два. – Решившись не экипироваться штатским платьем до Москвы, я сшил себе новый русский кафтан, такой же, как и ополченский, только с малым изменением в покрое, без погонов и кушака. – Очень жалею, что Оличка уехала и что я ее опять долго не увижу. Вероятно, ее пребывание навело Вас снова на мысль написать книжку для детей, милый отесинька. Очень трудная задача и едва ли не Вы один можете ее разрешить. Самое трудное – тон, и мне очень интересно будет прочесть то, что Вами напишется[1]. – Погода стоит здесь изменчивая. Вчера была страшная грязь, потом выпал снег, и нынче мороз, довольно сильный, заковал эту грязь так, что дороги почти непроездны. Лучше уж грязь, а по этой дороге все наши эпипажи переломаются. –

Вчера же получил я письмо от Елагиных о смерти Петра Васильевича[2] после довольно продолжительной болезни, собравшей около него всю семью. Так уж нет больше Киреевских! В какие-нибудь 4 месяца выхватило обоих братьев с нашей дороги, двух спутников наших. П⟨етр⟩ В⟨асильевич⟩ был чудной души человек, кроткого, честного и, как кристалл, чистого сердца, распространявшего около себя какое-то нравственное благоухание. Присутствие таких людей на земле очищает атмосферу; деятельность их не измеряется

внешними делами[3]; она невидимо разливается в воздухе, как аромат. Особую привлекательность его характера составляло отсутствие всякой грубости, жесткости, резкой, оскорбительной самонадеянности. – Я виделся с Иваном Вас⟨ильевичем⟩ перед отъездом, в Петербурге, а на пути в Николаев заезжал к Петру Вас⟨ильевичу⟩. – Странно: 2-й том “Русской беседы” известил о первом, 3-й, вероятно, известит о другом[4]. – Авдотья Петровна еще держится; она покуда здорова и теперь живет у Катерины Ивановны[5].

Умер Воронцов[6]. Правительство только что обзавелось фельдмаршалом и уже потеряло его. Кого-то теперь выберут. – Появление Воронцова в Одессе несколько взволновало край: распространился слух, что он опять будет приписывать и водворять бродяг и беглых, и вследствие этого более 2000 человек явилось в Одессу. Они приходили целыми партиями, с семьями, с повозками и с имуществом, все свежего *побега*, называя себя, разумеется, или не помнящими родства, или крестьянами небывалых помещиков, как это всегда водится. Разумеется также, что это все крепостные. – Нельзя думать, чтоб все они бежали от жестокого обращения; нет, но после недавнего сотрясения, произведенного по всей России и особенно здесь войною, почва здешнего края сделалась вулканическою в отношении к крепостному состоянию. Нынешней весной было уже здесь переселение народа в Козлов[7], едва-едва прекращенное. – Как бы то ни было, но эти беглые поставили начальство здешнее в большое затруднение. Пока, согласно закону, будут собираться справки о каждом из этих 2000 человек, их надо было принять, разместить, кормить. Чем все это кончится, не знаю. – Но удивительный народ здешние помещики, цвет которых я еще недавно видел в Екатеринославе: они не хотят ничего ни видеть, ни слышать, ни понимать! –

Граф Сакен в письме к одному из членов нашей комиссии (генералу Козлянинову) посылает мне поклон, “хоть и не знает меня лично, как за Россию, еще за что-то не помню, так и по уважению его, Сакена, к родителям моим и брату”[8]. Передаю это вам.

Прощайте, милый мой отесинька и милая маменька. Писать больше нечего – все сѐно в голове! Т.е. не то, что вы думаете, а сено, заготовление сена, дело на 3-х тысячах листах, из которого я составляю записку. Будьте здоровы. Цалую ручки ваши, обнимаю Константина и всех сестер. Дай Бог им здоровья и приятного пребывания в Москве.

Ваш *Ив.А.*

242

16 ноября 1856 г⟨ода⟩. Николаев.

Очень приятно мне уведомить вас, милый отесинька и милая маменька, что завтра я выезжаю отсюда в Харьков. Шеншин уехал третьего дня, князь В⟨асильчиков⟩ вчера, и таким образом через несколько дней вся комиссия оставит Николаев. Много времени пропадет в переезде: шибко ехать нельзя, потому что ко́лоть, замерзшая грязь, просто колесолом, надо будет двигаться почти

шагом; в пять часов темно, ни зги не видать; ехать, да по такой дороге, становится невозможным даже для фельдъегеря. Более 100 верст в сутки делать нельзя. Я все надеялся на оттепель, но благодаря постоянству северного ветра, кажется, зарядили морозы. Говорят, впрочем, что за Бобринцом начинается уж санный путь. – С большим удовольствием оставляю Николаев. В Харькове пробудем до праздников; по крайней мере, я дольше не останусь. Еще не кончены три следствия: одно в Бессарабии, другое в Ростове на Дону, третье в Крыму; последнее только что началось, и срок представления следственного дела в Харьков назначен 15 декабря. При таких дорогах (не могу равнодушно говорить о дорогах: как можно было просуществовать с такими путями сообщения 1000 лет!) один переезд из Симферополя в Харьков может продлиться дней 10. – Как нарочно, это последнее дело, т.е. ведение дела, заправление делом поручено мне, следовательно, мне раньше этого срока нельзя было бы уехать. К тому ж я теперь в странном положении: о моей отставке знаю из частного письма, но высоч⟨айшие⟩ приказы об ополчении здесь не получаются, "Инвалид" печатает еще приказы сентября 12-го, так что официального сведения нет никакого, я между тем поспешил спороть с себя погоны, а подорожная, прогоны выданы мне как штабс-капитану. – Получил третьего дня Ваше письмо, милый отесинька, от 30 октября еще из Сергиева посада, но теперь Вы, наверное, в Москве. Не знаю, скоро ли получу от вас известие: может быть, еще одно ваше письмо будет адресовано в Николаев и придет после меня, мне его перешлют, но времени пройдет много. – Вы *пишете*, милый отесинька[1]: это меня очень радует и просто интересует как решение задачи. Хорошо ли Вам будет в доме Дребуша? Вы, верно, заняли верхний этаж, следовательно, тут лестница, что́ не очень покойно для Вас, для маменьки и для Веры. Жду с нетерпением известия о вашем переезде, о том, когда вы соберетесь все вместе. – Прощайте, милая маменька и милый отесинька, надобно укладываться и разбирать бумаги. Будьте здоровы, целую ручки ваши и обнимаю Константина и сестер. Очень приятно ехать в обратный путь – это уж начало конца.

И.А.

243

1856 г⟨ода⟩ ноября 24-го. Харьков.

Наконец нынче дотащился я до Харькова, милый отесинька и милая маменька! Целая неделя езды сюда от Николаева! Сколько времени пропадает даром! Еще пройдет несколько дней, пока устроимся. Нет слов, чтоб описать вам безобразие неистовое дорог! Это не риторическая фигура, а истинная речь. – Как можно было просуществовать с такими дорогами 1000 лет! Досталось нашим экипажам порядком! Я ежесекундно опасался за коляску, но, к величайшему моему удивлению, доехал благополучно: оси уцелели, но сломалась сзади рессора. Приехавши к Днепру, узнали мы, что переправа прекратилась, потому что Днепр покрылся льдом, однако ж столь тонким, что

переходить можно только пешком. Я и некоторые чины нашей комиссии, оставивши экипажи на этом берегу, в Крюковском посаде, сами перебрались на салазках по льду в Кременчуг, где также в это время находился и Шеншин. Надо было выжидать или мороза, или оттепели. На другой день к вечеру подул порывистый южный ветер, пошел дождь, и в ночь сломало лед в середине Днепра, но верст за 8 от обыкновенной переправы. У берегов лед еще держался, надо было *полынить*, как здесь выражаются: на большую лодку становится человек 50 народу, которые, стоя на бортах, раскачивали ее что есть силы, тогда как за корму лодки привязан был канат, и стоящие на берегу тащили лодку за канат прямо в лед. Таким первобытным способом, употреблявшимся, вероятно, еще при Святославе[1], успели кое-как в половине следующего дня очистить место для переправы. Надо было затем перевозить экипажи к месту переправы и для этого нанимать лошадей, за что одно взяли с меня 5 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩. Наконец, провозившись таким образом более 2-х суток, поехали мы дальше или, лучше сказать, двинулись: необходимость заставила запрягать 5 лошадей, что́ все составляет большой счет. Васильч⟨иков⟩ остался на несколько времени в Елисаветграде, но завтра должен быть уже здесь. Я уже справлялся на почте: писем от вас, сюда адресованных, еще нет. — В Кременчуге нашел я наконец приказы по ополчению и, следовательно, официальное удостоверение в моей отставке; жду Вас⟨ильчикова⟩, чтоб показать ему этот приказ; у нас еще не было об этом серьезного разговора. — В Полтаве видел я 3-ий том "Р⟨усской⟩ беседы", который, вероятно, адресован был ко мне в Николаев, но разъехался со мной. Кажется, в нем много дельных статей, но "Феклуша" тут вовсе неуместна. Мысль о том, что повесть Кулиша связывает нас с Малороссией и проч., только издали кажется основательною: грамотных читающих малороссиян в кругу образованном очень мало, и все они и без "Феклуши" прочли бы "Беседу". Прочел стихи Полонского ко мне[2]. Это было для меня совершенным сюрпризом, я ничего не знал об этом, да и с Полонским вовсе незнаком. Стихи — как стихи превосходные, особенно первый стих, но последние 4 строфы довольно темны[3]; я в свою очередь не понимаю, что́ именно он хочет сказать. Если б не подлая цензура, кажется, исключительно *нас* преследующая, я бы выдал целую книжку своих стихов[4], во 1-х, для того, чтобы полнее уразумели те, которых это интересовать может, мою авторскую физиономию, во 2-х, потому, что первый мой период стихотворствования миновался и, выражаясь фигурально, хотя оно немножко и смешно, я перестроиваю лиру; я уже давно не пишу стихов, но еще буду писать — я это знаю, только аккорды, Бог даст, будут не те, а стройнее, полнее, спокойнее. Только пусть потерпят немного и не *мешают* мне выработываться, идти свободно и спокойно законным ходом своего развития, пусть только не насилуют мою душу, не стесняют моей воли насилием чужой воли! — Для некоторых, может быть, это и нужно, но относительно меня всякое насилование моей души и свободы есть страшный вред и зло. — Стихи Полонского вызывают меня к ответу, но я не буду отвечать ему собственно[5].

На станции за Кременчугом встретился я с Колей Карташевским; это было ночью, мы долго сидели в одной комнате, не обращая друг на друга внимания,

как вдруг я что-то спросил, и он по голосу узнал меня. От него я имел самые свежие об вас новости. Давно я его не видал. Как он постарел!

Прощайте, милый отесинька и милая маменька. Пишу вам еще из гостиницы, не устроившись, только для того, чтоб уведомить вас о приезде своем в Харьков. Цалую ручки ваши, дай Бог, чтоб вам было хорошо в новом доме, обнимаю Константина и всех сестер. Поздравляю Любочку и вас всех с 26-м ноября[6].

Ваш *Ив.А.*

Несмотря на все свои экономии (я сделался просто скуп), денег вышло очень много, и потому, если это вас не очень стеснит, пришлите мне сколько-нибудь денег. Жизнь очень дорога здесь, а я и жалованья казенного не получаю. —

244

1856 г⟨ода⟩ ноября 28. Харьков.

Чиновники нашей комиссии, приехавшие из Николаева, привезли мне ваше письмо от 8-го ноября: почти три недели прошло! И очень мне странно, что здесь в Харькове не только не нашел я ваших писем, но не получил и с двумя почтами, пришедшими на этой неделе. Здоровы ли вы, милый отесинька и милая маменька? Последнее Ваше письмо, милый отесинька, очень грустно: Олинька страдает, маменька было занемогла, все хворают, все болеют. Поэтому меня очень беспокоит неполучение ваших писем; остается предположить, что вы опять адресовали в Николаев, и тогда я опять должен буду получить письмо двумя неделями позднее. Теперь я на половину дороги ближе от вас. — Бог милостив, может быть, дождусь от вас более утешительных вестей.

Я уже вам писал на этой неделе; с тех пор не произошло у нас ничего нового. Князь приехал, но квартира, ему отведенная, оказалась неудобною; он нынче переезжает с канцелярией в новую, и таким образом правильные занятия комиссии еще не установились.

Отчего нет статьи Конст⟨антина⟩ в 3 томе "Р⟨усской⟩ беседы". Катков довольно ловко объявил о прекращении нашего участия в "Р⟨усском⟩ вестнике"[1], но его выходка против Тургенева очень нехороша[2]. Это просто следственный процесс, в котором он приглашает публику быть судьей. Как-то поступит Тургенев?[3] — Сочувствие к "Р⟨усскому⟩ вестнику" в провинциях растет все сильнее и сильнее и ослабляет влияние п⟨етер⟩бургских журналов. Это делает честь публике. Надо сознаться, что журнал улучшался с каждой книжкой и привлек к себе публику не дрянными повестями и рассказами, не задором критики, а больше всего тем, что отозвался на все живые современные вопросы[4] именно статьями: об Англии, о Пруссии, о крепостном состоянии, о судопроизводстве, "Губернскими очерками" Щедрина. Все эти статьи имеют большой успех, которому, говоря по совести, нельзя не радоваться, хотя бы и хотелось, чтоб он принадлежал нам, а не им. Бедная "Беседа" имеет в Харькове только 4 подписчика, да и то — университет, архиерей, Квитка (по знакомству со

мной, теперь же он и за границу уехал) и еще кто-то. “Русский же вестник” чуть ли не во всех домах, а с будущего года заменит петербургские, на которые перестают подписываться. — Я еще не имею сведений о числе подписчиков на “Р⟨усскую⟩ беседу” на будущий год; в нынешнем году она издавалась в чистейший убыток[5], и, несмотря на дельность книжек, я уверен, что число подписчиков убавится. Это очень понятно. Это не журнал, а 4 сборника, очень слабо удовлетворяющие современным требованиям, и именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, все в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопро́сов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих[6]. Это требование общества не удовлетворяется “Феклушей”, которая может еще занять место в одной из 24 книжек журнала, но не в одной из 4-х! Или статьями Максимовича, отвлеченными статьями Гилярова, тяжеловеснейшими произведениями Бессонова[7]. Только и читают статьи Черкасского да о железных дорогах[8]. Мы в таком положении, что высказывать вполне своих мнений не можем, а, не высказывая их вполне, подаем повод к недоразумению, чему способствует и недобросовестность прочих журналов, являемся каким-то тормозом, консерваторской партией, когда все стремится вперед. — Пусть издается “Р⟨усская⟩ беседа”; издание другого, ежемесячного журнала решительно для нас невозможно, даже уж потому, что нет молодых, горячих последователей, годных в работники и в чернорабочие. К тому ж, нет сомнения, и г⟨осподин⟩ цензор фон Крузе гораздо снисходительнее к “Р⟨усскому⟩ вестнику”, чем к “Р⟨усской⟩ беседе”. —

Прощайте, милая моя маменька и милый отесинька. Еще ничего не могу сказать вам, когда вас увижу. Дай Бог, чтоб вы были крепки и бодры и здоровы. Цалую ручки ваши и обнимаю всех сестер и Константина. С каким нетерпением жду ваших писем.

И.А.

Так ли я обозначил адрес? Удивляюсь, что вы моих писем не получаете: я пишу так аккуратно.

245

Дек⟨абря⟩ 6-го 1856 г⟨ода⟩. Харьков.

Вскоре по отправлении последнего моего письма к вам, милый отесинька и милая маменька, получил я ваше письмо от 23 ноября. Ну, слава Богу. Оно меня много успокоило насчет здоровья Олиньки и всех вас. Почта опаздывает, а следовало бы мне получить уже новое письмо от вас. Дай Бог, чтоб известия были все так же утешительны. Из вашего письма от 23 ноября видно, что это *второе* письмо ваше, адресованное в Харьков. Так и должно быть и по смыслу, и по расчету чисел. Но этого второго письма я не получил, справлялся на почте – не оказалось. Это правда, что в здешней почтовой конторе большой беспорядок, но, может быть, и из Москвы оно отправлено не было. Как это досадно! Завтра отправлюсь на почту искать нового вашего письма. — Вот мы дотянулись и до декабря! Здесь до сих пор нет снегу, и погода очень приятная,

зато дороги убийственны. — Теперь собственно я сильно занят по комиссии, не отчетом, нет (об нем пока нет и помину!), а следствием, еще прежде мне порученным, именно допросом разных господ, выписанных сюда из Одессы. Надеюсь, однако, что вся эта история (о сене)[1] кончится недели через две. Так как за тем у меня не имеется в виду поручения неоконченного и нет определенных занятий, к отчету же еще не приступали, да и не приступят здесь (кн⟨язь⟩ В⟨асильчиков⟩ предполагает вообще писать его в Москве), то я думаю, что к праздникам приеду в Москву. — Вы спрашиваете, не нужны ли мне деньги? Я уже писал, кажется, вам в последнем письме об этом. Они нужны уже потому, что я занял здесь деньги у Демонси. — В Николаеве у нас был, по крайней мере, стол общей складчиной, а здесь и этого нет, приходится обедать в гостиницах. Вообще после войны все страшно вздорожало, и на все товары поднялись цены. Не знаю, как быть с своей коляской. Если возвращаться в ней по санной дороге, то, разумеется, можно будет ехать не иначе, как в 5 лошадей, да нужно еще починить рессору, за что просят 12 рублей серебром. Если продать ее, то дадут самую ничтожную цену. Ставить ее на полозья дорого. Впрочем, теперь еще нет санной дороги (не знаю, как там, за Орлом), да и Бог весть, когда она уставится. Прочел я кое-какие статьи в “Р⟨усской⟩ беседе”. Надобно отдать справедливость, что и 3 том очень дельный, исключая разве “Феклуши” и описания Крыма, вялого, бесцветного и неверного[2]. — Письма Максимовича, независимо от достоинства их филологического, о котором я не сужу и пусть судит Константин, так живы[3], что их может прочесть с интересом и не филолог. Статья Аполлона Григорьева, хотя и написана увесистым языком, однако очень занимательна по вопросу[4], которому она посвящена, вопросу вполне современному и близкому каждому из нас. Он его слабо решает, вообще не обнимает вопроса во всей его полноте, но чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критериум в эстетику[5]. — Итак, Мамонов едет за границу. Очень рад за него, да соберется ли? — Кокорев точно человек очень замечательный и как будто русский. Говорю “как будто”. Истинный русский человек ненавидит всякие ходули, всякое театральничанье. Это даже сказывается не только в простом народе, но во всех нас, в массе общества. На юбилеях, выборах и всяких официальных или публичных торжествах, устроенных по заранее составленной программе, нам или смешно, или скучно, все кажется, будто играешь комедию, и большей частью смешно. Так кокоревская встреча моряков с земным поклоном головы в горлатной шапке[6] умилила только Погодина, а всем прочим была или досадна, или смешна[7]. — Но ум, энергия, богатство делают его силой, которая способна многое двинуть и — двинет, я думаю. А знаете, мне сдается, что, несмотря на все свои шубы, шапки, иллюминационные избы и фейерверочных мужиков, он очень мало сочувствует нам и “Р⟨усской⟩ беседе”. Впрочем, я его не только не знаю лично, но никогда и не видал, только портреты его видел. Вы пишете, что Константин завален работами по трем типографиям, да что же он печатает: Ваше ли только или и свое? Его статьи нет в “Р⟨усской⟩ беседе”. — Как я рад, что Вы пишете “Дедушкины рассказы” и сказку Пелагеи[8]. Я уверен, что это будет превосходная вещь, которой сужден огромный успех. — Я думаю, что когда

Тургенев и Некрасов воротятся из-за границы[9], то они выдерут Панаева за уши и поставят “Современник” в прежние отношения к “Беседе” да и к Вам[10]. Здесь разнесся слух, что контракт с Перейрой и комп⟨анией⟩ об устройстве железных дорог не состоялся. Как ни желаю я железных дорог, но условия контракта, сколько мне известно, были невыгодны для России[11]: самый главный путь на юг, который нам нужнее теперь насущного хлеба, должен был устроиться не ближе как лет через 7, тогда как к Варшавской дороге должны были приступить немедленно![12] Замечательно, что нет ни одного англичанина в этой компании, а для нас участие английских капиталов потому уже было бы выгодно, что нет у нас другого средства сдерживать ее в приличных отношениях к России, хоть в первые года. — Прощайте, милый отесинька и милая маменька, будьте здоровы, целую ручки ваши и обнимаю Константина и сестер. Довольны ли вашей квартирой? Обнимаю Олиньку: дай Бог получить об ней добрую весть. Прощайте.

И.А.

Сейчас получил ваше письмо от 28 ноября: вести добрые.

ДОПОЛНЕНИЕ

⟨ПЕРЕПИСКА С МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ О “БРОДЯГЕ”⟩

1.

Совершенно секретно.
Министерство внутренних дел.
Особенная канцелярия.
3 ноября 1850 года, № 5007.

Состоящему при министерстве внутренних дел г⟨осподину⟩ надворному советнику Аксакову.

До сведения моего дошло, что Вами написано какое-то стихотворение под названием “*Бродяга*” предосудительного содержания и что Вы позволили себе читать это сочинение при некоторых лицах.

Не давая, по одним только слухам, веры такому поступку с Вашей стороны, я тем не менее предлагаю Вам, в личное Ваше ограждение, немедленно по получении сего предписания доставить мне, в собственные руки, означенное сочинение, если оно существует, оставаясь в надежде, что по ближайшем рассмотрении оного устранится возведенное на Вас обвинение.

Министр внутренних дел граф Перовский.

2.

В собств⟨енные⟩ руки.

Его сиятельству господину министру внутренних дел графу Льву Алексеевичу Перовскому состоящего при министерстве надворного советника Аксакова рапорт.

Во исполнение предписания Вашего сиятельства от 3-го ноября за № 5007 (полученного мною по случаю нахождения моего в уезде для производства следствия[1] только 12-го ноября) имею честь представить Вашему сиятельству сочинение мое в стихах под названием “*Бродяга*” и при том объяснить:

1) Рукопись моя представляется не только в подлиннике, но в том самом виде, в каком она находилась в 3-м отделении собственной его величества канцелярии[2], где она была рассмотрена и откуда возвращена была мне в конверте с надписью, в котором я и имею честь ее представить.

2) По поводу этого сочинения в 3-м отделении предложен мне был вопрос в 11-м пункте[3], на который я тогда же отвечал[4] и, вероятно, удовлетворительно, потому что рукопись мне была возвращена без всякого замечания.

3) Сочинение это еще далеко не окончено; по предположению моему, оно должно состоять из 3-х частей, но обе последние части еще не написаны.

4) Я действительно читал “Бродягу” во многих домах в Петербурге, в Москве и в Ярославле, потому что не полагал и не полагаю, чтоб это сочинение было предосудительного содержания.

Если, по справедливом рассмотрении Вашим сиятельством этого сочинения, устранится возведенное на меня обвинение, то я всепокорнейше прошу Ваше сиятельство возвратить мне мою рукопись, которая как подлинник всегда имеет некоторое значение для автора.

14 ноября 1850.
Сельцо Яковлево Яросл⟨авского⟩ уезда.

3.

Конфиденциально.
Министерство внутренних дел.
Департамент общих дел министерства по части секретаря.
29 января 1851. № 66.
С приложением.

Состоящему при министерстве внутренних дел господину надворному советнику Аксакову.

Рассмотрев возвращаемое при сем в рукописи стихотворное сочинение Ваше под названием “Бродяга”, считаю нужным Вас уведомить, что я, как ожидал и прежде, не нашел в нем ни предосудительных мыслей, ни сомнительного направления по цели. Впрочем, рассматривая этот труд в другом отношении, т.е. как занятие, требующее и времени и даже исключительного интереса, не могу не заметить, что человек, посвятивший себя службе и занятый подобно Вам исполнением важного поручения, доверием начальства на него возложенного, едва ли может найти, без ущерба для службы, довольно свободного времени для литературных или других посторонних занятий. Посему желательно, чтобы Вы, оставаясь на службе, прекратили авторские труды, которые иногда могут повести хотя и к неосновательным, но все-таки неприятным для Вас предположениям, в чем Вы можете отчасти убедиться и из настоящей переписки, по этому предмету возбужденной.

Министр внутренних дел граф Перовский.
Директор Гвоздев.

4.

Милостивый государь граф Лев Алексеевич!

Ваше сият⟨ельст⟩во, возвратив мне сочинение мое под названием “Бродяга”, в то же время изволите делать мне замечание, что литературные занятия мои как человека служащего едва ли могут не быть сопряжены с ущербом для службы, почему и желательно, чтобы, оставаясь на службе, я прекратил всякие авторские труды.

Не только правом, но и обязанностью своею считаю объяснить Вашему сиятельству, что не служба терпит от моих литературных занятий, а лите-

ратурные занятия, нравственное и умственное образование мое принесены в жертву службе. Никто никогда не мог и не может упрекнуть меня в лености или в нерадивом исполнении своего долга, потому что к деятельному служению побуждаюсь я ответственностью – не перед начальством моим, а перед моею собственною совестью. Напротив того, упорные, утомительные, непрерывные труды по возложенным на меня многоразличным и многосложным поручениям лишают меня не только возможности предаваться какому-либо нравственному отдыху, но нередко и такого досуга, на который имеет право даже и поденщик… Предпоследняя глава из "Бродяги" написана была в декабре 1848 г⟨ода⟩; последняя через год, в декабре 1849-го, и с тех пор к "Бродяге" не прибавлено ни строчки, хотя с того времени прошло уже почти 14 месяцев… Не думаю, чтоб эта тягостная автору задержка его труда была доказательством предпочтения мною литературных занятий служебным, тем более что о последних могут свидетельствовать вся здешняя губерния и представленные уже мною в министерство труды мои по службе.

Авторские занятия мои так редки и службе моей посвящается мною столько времени, что я не могу убедиться в необходимости прекратить труды, которые, если и не имеют особенного литературного достоинства, зато важны для меня как единственный способ освежения моих, утомляемых службою, нравственных сил…

Прошу извинения у Вашего сият⟨ельст⟩ва в том, что утруждаю Вас письмом своим, но я счел нужным со всею откровенностью объяснить настоящее положение дела и оградить себя от незаслуженного нарекания…[5]

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сият⟨ельст⟩ва всепокорнейшим слугой

Ив⟨ан⟩ Аксаков.

5-го февраля 1851. Г⟨ород⟩ Ярославль.

5.

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Граф Лев Алексеевич по прочтении письма Вашего от 5-го сего февраля изволил приказать мне сообщить Вам, милостивый государь, что его сиятельство находит вообще весь тон этого письма совершенно неприличным. Дозволив себе войти в разбор полученного Вами предписания от министра, Вы отступили от самого основного правила службы — от строгой подчиненности; а возгласы и жалобы Ваши о том, что от служебных трудов терпят литературные Ваши занятия, способствующие иногда к освежению утомленных сил Ваших, могут привести к одному лишь заключению, что эти жалобы и возгласы сами по себе странны и крайне неуместны. Весь отзыв Ваш не мог не удивить графа, тем более что в предписании его сиятельства не заключалось для Вас не только какого-либо обвинения, но даже ничего, что могло бы огорчить Вас; к тому же Вы должны были понять, что граф *не требовал* совершенного прекращения Ваших литературных занятий, а только выражал свои суждения об этом предмете.

Передавая Вам приказание г⟨осподина⟩ министра, я, с своей стороны, позволяю

себе присовокупить, что мне чрезвычайно прискорбно было видеть то неприятное впечатление, которое произведено письмом Вашим на графа Льва Алексеевича.

С совершенным почтением имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорный слуга

Ал⟨ександр⟩ Гвоздев.

12 февраля 1851 г⟨ода⟩.

6.

Просит состоящий при министерстве внутренних дел надворный советник Иван Сергеев Аксаков, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Высочайшим приказом 21-го сентября 1848-го года назначен я был состоять при министерстве внутренних дел кандидатом на должности в губерниях.

2.

Ныне по разным домашним обстоятельствам, не имея возможности продолжать службу Вашего императорского величества, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было сие мое прошение принять и меня от службы уволить. К поданию надлежит в департамент общих дел министерства внутренних дел.

Февраля 19 дня 1851 года. Город Ярославль.

7.

М⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩ Ал⟨ександр⟩ Ал⟨ександрович⟩.

Принимая в соображение, что письмо, подобное письму ко мне Вашего пр⟨евосходительст⟩ва от 12-го сего февраля, могло быть писано только с приказания его сиятельства графа Льва Алексеевича, я не иначе могу себе объяснить это письмо как желанием графа, чтоб я оставил службу. Вследствие сего я с нынешней же почтой представил его сият⟨ельст⟩ву просьбу об отставке.

Что же касается до возложенных на меня поручений, то я обязуюсь окончить исполнение оных в непродолжительном времени.

8.

Его сиятельству господину м⟨инист⟩ру внутрен⟨них⟩ дел
графу Льву Алексеевичу Перовскому
состоящего при м⟨инистерст⟩ве
надворного советника Аксакова
рапорт.

Вследствие неожиданных, весьма важных домашних обстоятельств, лишаясь ныне возможности продолжать долее службу его императорского величества, я имею честь представить при сем Вашему сиятельству просьбу

мою на высочайшее имя об увольнении меня от службы по министерству внутренних дел.

Вместе с сим долгом считаю присовокупить, что, находясь ныне в г⟨ороде⟩ Ярославле по возложенным на меня поручениям, я предполагаю окончательно исполнить оные в непродолжительном времени.

№ 1318. 19 февраля 1851 г⟨ода⟩.

9.

Секретно.
Министерство внутренних дел.
Департамент общих дел министерства.
Отделение 3. Стол 1.
11 февраля 1851. № 570.

Состоящему при министерстве внутренних дел
г⟨осподину⟩ надворному советнику Аксакову.

По докладу господину министру письма Вашего ко мне от 15-го *минувшего генваря* его сиятельство изволил найти неудобным отбытие Ваше из Ярославля до окончательного рассмотрения здесь того отчета, который будет представлен коллежским советником графом Стенбоком о действиях следственной комиссии о бродягах и пристанодержателях. За сим о дозволении Вам прибыть в отпуск в С⟨анкт⟩-Петербург я буду иметь честь испросить разрешения его сиятельства г⟨осподина⟩ министра в свое время.

Директор Гвоздев.
Начальник отделения Арсеньев.

10.

Не сетуйте, почтеннейший Иван Сергеевич, за отказ в отпуске; это мысль графа; он не желает оставить Ярославскую губернию без надежного надзора[6]; но будьте совершенно уверены, что немедленно по приезде графа Стенбока пошлем к Вам разрешение приехать в С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩бург. Действиями Вашими по делам раскольничьим здесь все весьма довольны, след⟨овательно⟩, Вы можете и *должны* ожидать всего хорошего.

Я надеюсь, что Вы не принимаете моего давнего молчания в дурную сторону. Я дал себе слово никогда (меня жестоко отучили) не писать к людям, командируемым по вверенным мне делам, по предметам, касающимся поручений, на них возлагаемым, хотя бы эти люди были самыми близкими моими приятелями. Верьте, что я уважаю Вас искренно и всегда был и буду Вашим преданнейшим слугою Арсеньев.

13 февраля 1851 г⟨ода⟩.

11.

Милостивый государь Александр Александрович.

Вынужденным нахожусь вновь нарушить основное правило подчиненности, о котором Ваше превосхо⟨дительст⟩во упоминает в письме ко мне от 12 февраля, и войти в разбор полученного мною сего числа предписания департамента общих дел от 11 февраля за № 570. Я считаю обязанностью своею объяснить Вашему превосход⟨ительст⟩ву следующее:

1) Я вовсе не просил дозволения прибыть *в отпуск*, а полагал необходимым быть вызванным для личных объяснений по делам службы, и именно по делам следственной комиссии. Эти объяснения я считал нужными для пользы службы, для облегчения самого министерства в рассмотрении нашего отчета.

2) Главный предмет исследований комиссии — новая раскольническая секта. На этом основании г⟨осподин⟩ министр внут⟨ренних⟩ дел признал нужным назначить меня членом комиссии как человека (так сказано в предписании от 25 июля 1850 г⟨ода⟩ за № 3456) "*хорошо знакомого с сектаторскими делами губернии и возложить на обязанность мою преимущественно производство тех изысканий, кои относятся до раскола*". Вместе с сим предписано мне было о всех изысканиях и открытиях доносить его сиятельству в подробности.

Стало быть, министерство полагало полезным иметь в деле раскола мое участие, мое мнение, и, соображаясь с этим, мы оба с графом Стенбоком думали представить отчет лично и вместе, от имени обоих, дополнив оный личными объяснениями. Я вообразил, что если министерство *признает меня хорошо знакомым с сектаторскими делами губернии, то и личные объяснения мои в этом деле, может быть, не совсем излишни,* но я ошибся.

3) Так как в предписании от 11 февраля не объяснено мне, в чем состоит "*неудобство* отбытия моего из Ярославля до окончательного рассмотрения в Петербурге отчета, который будет представлен графом Стенбоком о действиях комиссии", то это обстоятельство и остается мне совершенно непонятным... Но я с своей стороны должен обяснить, что граф Стенбок имеет в поручении еще ревизию приказа общест⟨венного⟩ призрения и ярославской городской полиции и что окончательное рассмотрение отчета по важности, обширности и многосложности оного может последовать не только не в скором, но, вероятно, весьма в продолжительном времени.

4) С своей же стороны я признаю *неудобным* дальнейшее пребывание *мое* в г⟨ороде⟩ Ярославле по фальшивому положению, в котором уже почти два года нахожусь я относительно здешнего военного губернатора, обязанного иметь за мною секретный полицейский надзор, и по многим другим причинам, уже побудившим меня просить у г⟨осподина⟩ министра *чистой отставки.*

Предписание же департамента общих дел за № 570 с отказом в дозволении прибыть в С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩бург, отказом, даже непоясненным какими-либо уважительными причинами (тем более что Ваше превосходительство сами не изволили удостоить меня никаким ответом на письмо мое от 15 генваря), итак, предписание это еще сильнее утверждает меня в принятом мною намерении...

Убедительно прошу Ваше превосх⟨одительст⟩во исходатайствовать мне скорее разрешение на мою просьбу об отставке, тем более что занятия мои по комиссии придут в непродолжительном времени к совершенному окончанию.

Чем скорее Ваше превосх⟨одительст⟩во исходатайствуете мне отставку, тем сильнее и *чувствительнее* обяжете имеющего честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

И.А.

№ 1326. 22 февраля 1851 г⟨ода⟩. Г⟨ород⟩ Ярославль.

12.

Министерство внутренних дел.
Департамент общих дел министерства.
Отделение 2. Стол 3.
15 апреля 1851. № 1514.

Господину надворному советнику Аксакову.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 5-го текущего апреля № 67 Вы, согласно прошению, уволены от службы.

О сем департамент общих дел министерства Вас извещает и вместе с тем просит доставить для написания увольнительного аттестата один лист гербовой бумаги в 90 копеек серебром.

Директор Гвоздев.
Начальник отделения Арсеньев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т.Ф. Пирожкова

ПИСЬМА И.С. АКСАКОВА К РОДНЫМ 1849–1856 гг.

Настоящее издание продолжает издание "И.С. Аксаков. Письма к родным. 1844–1849 гг."[1] и завершает семейную переписку И.С. Аксакова. А.Ф. Аксакова, вдова, подготовившая эти письма к печати, считала, что они имеют важное историческое значение: "Первая часть "Ив⟨ан⟩ Серг⟨еевич⟩ Аксаков в его письмах" относится больше к личному развитию его характера и к личному быту его семейства. Есть однако характеристические черты из царствования Николая I, особенно во втором томе. А следующие письма будут иметь гораздо больше исторического значения"[2].

В письмах 1849–1856 гг. И. Аксаков продолжал описывать родным жизнь и быт русской провинции: в 1849–1854 гг. он побывал в Ярославской губернии, на Украине, а письма 1855–1856 гг. написаны участником ополчения, а затем членом комиссии князя В.И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений во время Крымской войны. Надо ли говорить о том, как важны содержащиеся в них сведения.

Сестра Ивана Сергеевича М.С. Томашевская писала племяннице О.Г. Аксаковой, продолжавшей после смерти А.Ф. Аксаковой ее работу: "Ты пишешь о чудных его письмах; да почти все письма его интересны, а многие могли бы быть прекрасными передовыми статьями"[3]. С.Т. Аксаков в ответных письмах сыну неоднократно отмечал его незаурядные эпистолярные способности: "Очень, очень благодарю тебя за первое письмо из Пошехонья: оно интересно во всех отношениях, я сохраняю аккуратно твои письма. Вот так бы надобно было объездить всю Россию (разумеется, не одному человеку) и такого роду описание было бы полезно прочесть вашему министру, если он предан душой своей многотрудной и обширной должности"; "письмо, которое во всех отношениях доставило мне много удовольствия, которым я полон и теперь"; "... одно чтение твоих писем любопытно и замечательно для всякого"; "... письмо славное и весьма любопытное не только для отца, но и для всякого мыслящего человека"[4]. Отцу вторил брат И.С. Аксакова Константин ("твои

---

1 Очерк жизни и деятельности И.С. Аксакова см. в этом издании.

2 Письмо А.С. Суворину от 22.VIII.1888 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед.хр. 54. Л. 24.

3 Письмо от 19.II. ⟨без года⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 17. Ед.хр. 142. Л. 30.

4 Письма от 29.IX.⟨1849 г.⟩ (РМ. 1915. Авг. С. 116); от 12.1. ⟨1851 г.⟩ (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 65); от 1.II. 1854 г. и 17.X. 1855 г. (Там же. Ед. хр. 14. Л. 14, 105).

письма интересны..."[5]) и сестра Вера ("письмо большое от Ивана чрезвычайно интересное и замечательное"[6]).

Период 1849–1856 гг. был довольно тяжелым в жизни И.С. Аксакова. Это было время несостоявшихся исторических надежд, утраты веры в успешность человеческих стремлений: "Все последнее время, весь 1848 год постоянно разбивались мои с таким трудом усвоенные верования, и теперь не осталось для меня ни одной человеческой истины, о которой нельзя было бы сказать и pro и contra; я потерял всякую веру и в ум человеческий, и в наши выводы и соображения, и в логику, и в жизнь" (с. 307). Именно в эти годы И. Аксаковым были написаны стихотворения, полные горести и душевной скорби: "Клеймо домашнего позора...", "Усталых сил я долго не жалел...", "После 1848 года" ("Пережита тяжелая година..."), "Опять тоска! опять раздор!".

С началом французской революции 1848 г. у И.С. Аксакова "дух захватывало", после ее поражения и его ареста III отделением весной 1849 г. он погрузился в тоску, на душу "налег какой-то свинец" (с. 1). "Если б вы знали, как иногда делается страшно. Кора все больше и больше сдирается, и язва является вашим глазам во всем отвратительном могуществе. Причины язвы – в крови. Все соки испорчены и едва ли есть исцеление. Кажется, нам суждено только понять болезнь и созерцать, как она пожирает постепенно еще не вполне зараженные члены" (с. 178). "Мне кажется, наше положение безвыходное..." — читаем в другом его письме (с. 179).

Примечательно, что безысходность, кризисность русской жизни, ее бесперспективность И. Аксаков ощутил задолго до начала Крымской войны, и с началом военных событий они усугубились: "Право, как заглянешь в нутро России, так душу обхватывает чувство безнадежности!" (с. 284). В 1854 г. он сообщал родным из Полтавы: "... общество, по крайней мере, здесь устало заниматься политикой и, махнув на все рукой или доверчиво полагаясь на правительство, собирается возвратиться к своему нормальному состоянию, т.е. заснуть опять крепким сном, даже сердится немножко: зачем будили?" (с. 293).

В лекарстве, годном для других, — религии, он не находил утешения, слишком он любил "живую жизнь", не сообразовывающуюся, по его мнению, с христианским учением, чтобы от нее отказаться (с. 180).

Точно передавая в своих письмах приметы того времени, "безобразия внутреннего" (назначение военных в лицей и в Училище правоведения воспитателями, засилие угодной правительству литературы и т.п.), И. Аксаков считал состояние неудовлетворенности и недовольства нормальным для всякого образованного человека. Родные не в полной мере разделяли его чувства, не столь остро ощущали ту удушливую атмосферу, царившую в каждом уголке России и хорошо знакомую ему благодаря постоянным разъездам: "Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых мерзавцев,

[5] Письмо ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 16. Л. 35 об.
[6] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 153.
[7] Здесь и в дальнейшем сноски на страницы наст. изд.

хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов-отцов и благодетелей взяточников!.. Вы ко всему этому относитесь отвлеченно, издали, людей видите по своему выбору только хороших или одномыслящих, поэтому вы и не можете понять тех истинных мучений, которые приходится испытывать от пребывания в этой среде, от столкновения со всем этим продуктом русской почвы. Там, что ни говорите в защиту этой почвы, но несомненно то, что на всей этой мерзости лежит собственно ей принадлежащий русский характер!" (с. 402).

Люди, близкие И. Аксакову в ярославский период его жизни (1849—1851), свидетельствовали о его "предубеждении против императора Николая"[8]. Правда, в письмах это не отразилось (после ареста И. Аксаков старался не писать то, что было бы интересно "непрошеным читателям"), но враждебность к представителям власти на местах выразилась в переписке в полной мере. Да и вряд ли могло быть иначе, если "могущественнейшие плуты всей губернии", против которых он вел следствие, являлись любимцами ярославского губернатора А.П. Бутурлина, первостатейный мошенник пошехонский голова тоже находился под его покровительством. В Пошехонье, как выяснил И. Аксаков, среди городских голов не было ни одного, не бывшего под судом! Взятки считались делом естественным, не бравший их рыбинский городничий Деев — "неслыханное диво" в этой среде. В уездном да и в губернском городе, сетовал И. Аксаков, порядочному человеку нельзя никому и руки подать: "Городничий — вор и взяточник; жена его — взяточница, впрочем, очень милая женщина. Исправник — еще больше вор; жена его, любезная дама, распоряжается уездом как своею деревней; окружной, лесничий, начальник инвалидной команды, почтмейстер, стряпчий, секретарь и их жены — все это воры-переворы, и все это общество чиновников живет с претензиями на большую ногу и дает балы и вечера на взяточные деньги!" (с. 145). В одном из писем рассказ о том, как костромское дворянство в прямом смысле слова "съело" остаток денег, собранных по подписке на памятник Ивану Сусанину.

И. Аксаков осуждал и алчность церковников: он был потрясен, увидев в Любиме среди пьяной ярмарочной толпы священника с причтом, собиравшего дань с каждой лавчонки и кабака ("Хороши, нечего сказать!"). По его наблюдениям, церковь все более и более превращалась в административно-полицейское учреждение, что было особенно наглядно в раскольничьих делах. Посланный в Ярославскую губернию с секретным поручением по изучению раскола, он столкнулся с враждебной старообрядцам деятельностью единоверческой церкви, усугублявшей разобщенность. В своих донесениях министерству он порицал ее действия. Как и ранее в Бессарабии (1848), И. Аксаков осуждал гонения на старообрядцев в Ярославской губернии со стороны государства, и достаточно прочесть письма родным, сравнить его рапорты и докладные записки министру внутренних дел с "Собранием постановлений по части раскола" (СПб., 1858), чтобы стала понятной степень отличия его взглядов от мнений правительства. В Ярославской губернии И. Аксаков делает то, что должны были делать и о чем должны были заботиться власти: приводит

---

[8] *Бороздин К.* И.С. Аксаков в Ярославле // ИВ. 1886. Март. С. 629.

население целого города Романова-Борисоглебска к православной вере, не прибегая к принуждению.

Комиссия графа Ю.И. Стенбока, в которую он входил, обнаружила в 15 верстах от Ярославля в с. Сопелки ранее неизвестную секту бегунов или "странническое согласие"[9]. Записка И. Аксакова об этой секте для министерства внутренних дел насчитывает около 600 страниц, а собранные комиссией факты составили 86 томов! Благодаря двум командировкам — в Бессарабию и в Ярославскую губернию — И. Аксаков стал крупным специалистом по истории раскола[10].

Внимательный читатель отметит, что с годами суждения И. Аксакова становились основательнее и резче, а жизненная позиция — активнее. Свое счастье он видел в деятельности, полезной бедным людям, всюду стремился добиться социальной справедливости. Имея "пресострадательную", по собственному выражению, душу, он в Романове-Борисоглебске вступился за работнипу, попавшую в многолетнюю кабалу к купеческому семейству, помог своему слуге Афанасию выкупиться на волю от "великого мерзавца" помещика Татаринова, а крестьянам Спасской слободы — освободиться от гнета барина князя Долгорукого. А.О. Смирнова поражалась бескорыстию его участия в судьбе родителей артистки Е.Н. Жулевой: он добился у Н.М. Смирнова вольной для них. Молодой 26-летний человек, не склонный к похвальбе, пишет родным: "Мне случалось много делать добра, и я люблю делать добро..." (с. 83).

Неприязнь вызывал в И. Аксакове князь Долгорукий, торговавший рекрутскими квитанциями, надувавший своих крестьян, и ему решительно непонятно, как такой человек мог произвести благоприятное впечатление на брата: "Ведь вот, право, Константин! Он прежде всего справляется о том, русский ли кто и православный... Ест грибы в пост, без рыбы – восторг и слезы умиленья! – Для меня же прежде, чем я справлюсь, француз ли кто или русский, православный или католик, первый вопрос: каков он помещик или вообще человек и бьется ли в нем доброе, благородное, христианское сердце, а русское или французское оно, это вопросы второстепенные" (с. 132). И. Аксаков возмущен и ярославским помещиком Горяиновым, простодушно признавшимся, что в своем кабинете собственноручно сечет бурмистров. "Вид дворянского сословия производит на меня действие раздражающее: ограниченность и узкость взглядов, невежество, привязанность к незаконному своему праву, отсутствие других двигателей, кроме интереса, барство и дармоедство, отсталость понятий..." (с. 459).

И. Аксаков был убежден, что единственный выход из создавшегося положения — освобождение крестьян, а дело это может успешно продвигаться только при условии уступок со стороны помещиков. Ярославский знакомый К. Бороздин отмечал, что Иван Сергеевич принадлежал к числу людей,

---

[9] Копию докладной записки И. Аксакова министру внутренних дел о секте странников в Ярославской губернии см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 73. Частично опубликована (РА. 1866. № 4); исследования о секте странников в Ярославской губернии (донесения и пр.) см.: Там же. Ед. хр. 48.

[10] См.: *Трефолев Л.* Странники (Из истории раскола) // РА. 1866. № 4. С. 602.

считавших, что "этим делом (делом освобождения. — *Т.П.*) нельзя медлить"[11]. Своим родным И. Аксаков обещал, что за будущей женой не возьмет ни единой крестьянской души, не допускал он и мысли о возможности их продажи — только безвозмездное дарование свободы.

Сталкиваясь с антагонизмом помещичьего и купеческого сословий, он решительно принимал сторону последнего: купцы импонировали ему своим умом, оборотистостью, умением зарабатывать деньги энергичным трудом. "... Человек, лежащий в шелковом халате на бархатном диване, ничего не делающий и наслаждающийся жизнью посредством доходов с недвижимой собственности, полученной в наследство, следовательно, богатый без заслуги и трудов с своей стороны, все-таки оскорбителен человеку, обогащающемуся деятельным трудом..." (с. 124).

Еще в 1848 г. на Серных водах он защищал достоинство купечества[12]; отправляясь в промышленную Ярославскую губернию, радовался возможности поближе узнать его. И. Аксакову удалось побороть пренебрежительное отношение своего семейства к купцам, особенно Константина, который после поездки к брату в Ростов решительно изменил свои прежние суждения.

С.А. Венгеров считал, что в период редактирования "Московского сборника" 1852 г. И. Аксаков впервые столкнулся с купцами, которые впоследствии помогли ему получить место председателя Московского общества взаимного кредита[13].

Между тем ярославские письма И. Аксакова убеждают в том, что впервые тесное общение началось в Ярославле, а в период подготовки "Московского сборника" 1852 г. связи уже были налажены: известно, что ярославские купцы предлагали И. Аксакову бумагу для издания, он же рассылал сборник им в подарок, приглашал к сотрудничеству (в частности, Е.В. Трехлетова) и т.п. В 1858 г. на средства петербургских купцов было издано его "Исследование о торговле на украинских ярмарках".

Беспокойная, деятельная натура И.С. Аксакова, которого А.И. Герцен справедливо назвал "человеком с практической жилкой"[14], постоянно проявлялась в делах, которые он добровольно взваливал на себя: это хлопоты, связанные с покупкой общественностью Ростова Спасской слободы у князя Долгорукого, возвращение угличского колокола из Тобольска, сбор средств для учреждения коммерческого училища в Ярославле, объединение всех любителей старины и истории в Ярославской губернии и открытие им путей в местные архивы. Он заботился о том, как улучшить жизнь в губернии, принимал меры, направленные к общественной пользе, свои поручения по министерству выполнял с такой тщательностью, какой не было у прежних чиновников. "... От меня не веет казенщиной", — с гордостью писал он родным. Им руководило не

---

[11] *Бороздин К.* Указ. соч. С. 628.

[12] *Аксаков.* С. 388–389.

[13] *Венгеров С.А.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. I. С. 325.

[14] Письмо М. Мейзенбуг от 20.VIII.1857 г. // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1962. Т. XXVI. С. 114.

тщеславие, а благородное желание помочь людям. Но при этом он старался скрывать свое участие в добрых делах. В 1849 г. Аксаков осуществил попытку возвратить угличский колокол, увезенный в Тобольск, подав просьбу на имя министра внутренних дел, но чтобы в министерстве не заподозрили его в желании заслужить благоволение, утаил собственные хлопоты. Поэтому в материалах, посвященных ссыльному колоколу, весьма редко упоминается посредничество И. Аксакова[15].

Где бы ни был И. Аксаков, он всегда внимателен к происходящему, к новым людям, их нравам, быту. Его интересует, как одеваются ярославские или курские женщины и какие песни поют, ему любопытен язык холщевников и солдатская постановка народной драмы "Царь Максимильян" — все то, что подтверждает "высокое душевное образование в народе" (с. 294). Ему странно, что Константин, отправившись в 1850 г. с сестрами в Киев, ни с кем не заговаривает по дороге, а потому извлекает мало пользы из своего путешествия: ведь о народе нельзя судить à priori или по древним грамотам, многие "умствования" не выдерживают при столкновении с жизнью (с. 70). Иронично изображает он в письмах забавное путешествие великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, отправившихся изучать Россию: "... в Мологе обед, в Рыбинске ночлег, в Угличе обед, в Ростове ночлег" (с. 159). Великие князья были явно озадачены, когда в Ростове, славившемся огородничеством, им преподнесли на блюде зеленый горошек.

Человек "кипящего дела", по собственному признанию, И. Аксаков оживлял все вокруг себя. Ю.Ф. Самарин считал, что в нем есть "какая-то возбудительная сила, действующая на других"[16], – наблюдение верное и тонкое. Ярославские приятели с увлечением читали его стихи, поэмы и пьесу "Присутственный день в уголовной палате", записки и рапорты в министерство, которые он представлял в "правдивом и изящном изложении..."[17]. Приятель И. Аксакова Ф.С. Унковский писал: "Появление твое в Ярославле, любезный друг Иван Сергеевич, чудотворно подействовало на наш маленький круг: все мы почувствовали в себе более силы, свежести, трезвости"[18]. Удивительно, что беспокойный дух его находился в странном несоответствии с "вялой физикой", как он сам о себе говорил: Иван Сергеевич был полноват, близорук, застенчив в общении.

Совершенно очевидно, что такой неугомонный человек и неординарный чиновник, вдобавок находившийся после ареста под надзором полиции, не мог "вписаться" в ярославское губернское общество, ужиться в городе, который живет "сам по себе, а все вопросы и весь волнующийся мир сам по себе" (с. 9). Он навлек на себя недовольство губернатора Бутурлина, приславшего в министерство внутренних дел донос на сочинителя "предосудительной" поэмы "Бродяга". Ярославские письма И. Аксакова родным, его переписка с

---

[15] См.: *Лавров Д.* Угличский ссыльный колокол // РС. 1914. Авг. С. 289.

[16] Письмо А.О. Смирновой от 25.V.1849 г. // Самарин. Т. XII. С. 387.

[17] Воспоминания Ярославца об И.С. Аксакове // Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М., 1886. С. 22.

[18] Письмо от 5.IX.⟨1852 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 634. Л. 13.

министерством, помещенная в настоящем издании (см. Дополнение), помогают понять независимый характер молодого чиновника, осмелившегося вступить в конфликт с министром.

Поставленный перед необходимостью выбора — служба или литературная деятельность, И. Аксаков выбрал последнее, отстоял — пусть ценой отставки! — свои права, чувство собственного достоинства и внутреннюю свободу. При всей неожиданности уход в отставку был закономерен: служебные занятия, в которые И. Аксаков имел обыкновение погружаться с головой, мешали литературному труду осознавшего свое призвание человека. Страдая от пошлости провинциального существования, он заявлял, что ни за какие сокровища не согласен жить в провинции постоянно, считал дни до поездки в Москву — в 1851 г. это желание исполнилось.

Зная деятельную, энергичную натуру И. Аксакова, невозможно представить его ведущим праздную жизнь. Константин, размышляя о возможных путях его деятельности, писал: "Такой жизни, какую я, к сожалению, лениво веду, ты решительно вести не можешь. Ученая деятельность, самая важная в настоящее время, для тебя слишком отвлеченна, ибо не имеет прямого, сиюминутного приложения..."[19].

Письма №№ 128—151, впервые публикуемые нами, характеризуют разнообразные занятия И. Аксакова после отставки до отъезда в конце 1853 г. на Украину: поездку с отцом и Константином в аксаковские деревни на Волге после происшедшего в них волнения крестьян, многочисленные хлопоты, связанные с изданием сочинений С.Т. Аксакова, а главное — с редактированием и проведением через цензуру "Московского сборника" 1852 г., — хлопоты, от которых он, по выражению отца, "потерял голову"[20]. Редактор проявил свою энергию (сборник был собран, отредактирован и выпущен в свет за полгода) и широту взглядов, пригласив западников Т.Н. Грановского и И.С. Тургенева принять участие (к сожалению, неосуществившееся) в славянофильском издании. Откликнувшийся на это предложение Тургенев написал И. Аксакову: "Наши мнения могут во многом расходиться (хотя, признаюсь, с Вами я бы затруднился сказать, именно в чем), но мы настолько сочувствуем друг другу, что дальнейшие изъяснения излишни"[21].

Изданный И. Аксаковым сборник привлек внимание общества своей "честной физиономией"[22], хорошо расходился (в первый месяц было раскуплено 750 экземпляров), однако вызвал раздражение в правительственных кругах, цензурном комитете, в рептильной прессе[23] и запрещение его дальнейшего издания. На несколько лет была пресечена деятельность И. Аксакова на журнальном поприще и его литературная деятельность (из-за запрещения печатать произведения без разрешения петербургской цензуры).

---

[19] Письмо ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 34.

[20] Письмо А.С. Смирновой от 19.IV.1852 г. // РА. 1896. № 1. С. 155.

[21] Письмо от 4(16).XII.1851 г. // Тургенев И.С. Поли. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. II. С. 36.

[22] Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву от 28.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 5.

[23] Северная пчела. 1852. 3 мая.

Не удалась ему и попытка отправиться в 1853 г. в кругосветное путешествие на военном фрегате “Диана”. Два письма И. Аксакова родным от сентября 1853 г. написаны им из Петербурга, где он напрасно добивался разрешения на поездку. Намерение Ивана всполошило семью — для домашних он был человеком явно непредсказуемым.

Томясь вынужденным бездействием, он принял предложение Русского Географического общества обследовать украинские ярмарки и в конце 1853 г. отправился в командировку. Описание ярмарок, изобилующее цифирью, мало вдохновляло его, но несмотря на это утомительное занятие, он целый год ездил по полюбившейся ему Украине, знакомился с купцами, приобрел массу полезных сведений. С.Т. Аксаков сообщал Тургеневу: “... за дело принялся он с обычной своей энергией; кажется, он сделает много хорошего и полезного”[24]. Представленный И. Аксаковым в 1857 г. отчет рецензировал профессор кафедры политической экономии и статистики Киевского университета Н.Х. Бунге, после чего труд удостоили высшей награды Географического общества — Константиновской медали (в честь вел. кн. Константина Николаевича — председателя общества). В.П. Безобразов в статье, специально посвященной аксаковскому труду[25], назвал “Обозрение украинских ярмарок” “важным приобретением для науки”, похвальный отзыв на сочинение И. Аксакова напечатал Н.А. Добролюбов[26]. П.П. Семенов оценил труд И. Аксакова как “превосходный”[27], посвятив ему две страницы. Профессор Мюнхенского университета Фридрих Боденштедт перевел очерк из “Исследования о торговле на украинских ярмарках” для книги “Russische Fragmente” (Leipzig, 1862).

Возвращения И. Аксакова с Украины близкие ожидали с тревожным чувством. Намерение Ивана отправиться в кругосветное плавание накалило страсти в семье, вызвало раздражение с той и другой стороны (родители откровенно не желали, чтобы путешествие состоялось). В настоящем издании впервые публикуется письмо Ивана брату Григорию от 5.X.1854 г., разъясняющее происходящее: вернувшегося из-за границы Григория Аксаковы ввели в курс возникшей неурядицы, Иван хотел, чтобы брат выслушал и его самого. Взаимная любовь и привязанность членов аксаковской семьи общеизвестны. Но, как во всякой семье, возникало (к счастью, редко) отразившееся в переписке неудовольствие: Ивану было неприятно раздражение отца тем, что Смирнова в Калуге принимала у себя В.Г. Белинского, он выговаривал домашним за то, что его стихи, посвященные Смирновой и содержащие критику в ее адрес, они читали М.П. Погодину и Н.И. Надеждину, недоумевал, как мог отец изменить высокое мнение о комиссии графа Стенбока под влиянием наговоров Смирновой. В свою очередь С.Т. Аксаков не полностью одобрял переписку сына с министерством внутренних дел в 1850—1851 гг. (по поводу “Бродяги”). Но никогда семейные трения не были столь сильны, как

---

[24] Письмо от 22.XII.1853 г. // РО. 1894. Нояб. С. 9.

[25] Вест. императорского Русского Географического общества. 1857. Кн. II. С. 229.

[26] Современник. 1858. № 10.

[27] *Семенов П.П.* История полувековой деятельности императорского Русского Географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 135.

в 1854 г.: приезда Ивана с Украины семья ожидала с напряжением. “Какое-то будет свидание? — записала Вера в дневнике. — Дай Бог, чтоб по крайней мере обошлось без волнений и наша семейная мирная жизнь не была бы нарушена”. Уже через несколько дней после приезда, в декабре, И. Аксаков снял отдельную квартиру в Троице-Сергиевском посаде, что было воспринято близкими с облегчением: “Лучше этого он не мог придумать ни для себя, ни для нас”.

В дневнике В.С. Аксаковой упоминается о возникавших в это время спорах между Константином и Иваном. “Их разговоры касаются более общих вопросов, особенно, разумеется, настоящего положения дел в России”. Иван был недоволен односторонностью воззрений Константина: “слишком исключителен и готов осудить человека, если он хвалит Петербург и т.д.”[28].

Несогласие имело не узкосемейный, а идеологический характер, оно отражено как в письмах 1844–1849 гг., так и представленных в настоящем издании. Общаясь с выдающимися представителями славянофильства, участвуя в славянофильских сборниках 1846 и 1847 гг., редактируя “Московский сборник” 1852 г., И. Аксаков все более и более втягивался в круг славянофильских проблем. Влияние на него славянофилов и прежде всего брата Константина с годами становилось все более заметным. В своей практической деятельности постоянно сталкиваясь с народом, он упорно искал в нем дорогие для славянофилов черты, даже в купцах, которые, по его наблюдениям, близки крестьянам своим трудолюбием, смекалкой, соблюдением традиций. И в первой поездке за границу в 1857 г. Аксакова прежде всего интересовали волновавшие славянофилов взаимоотношения между образованным обществом и народом.

Но влияние на И. Аксакова идей славянофилов не мешало ему занимать особое место в их кружке, не исключало полемики между братьями. Константин — “это совершенно особая статья”, — еще в 1846 г. уверял Иван П.А. Плетнева. В отличие от Константина, чьи убеждения отличались твердостью и постоянством, И. Аксаков — аналитик, “человек сомнения”, по его собственному определению. Через письма Ивана 1849—1856 гг. проходит мысль-предостережение об “опасной и жестокой узости воззрения” брата, которая объяснялась его незнанием действительности. Все положения славянофильской доктрины И. Аксаков подвергал тщательной проверке практикой, а в тех случаях, когда они этой проверки не выдерживали, – критической атаке. Народ, с которым встречался И. Аксаков в своих бесконечных скитаниях по России, отличался от того идеального народа, который существовал в воображении “мечтателя Константина”: угличские купцы уклоняются от своего права участвовать в общественных собраниях не от равнодушия к делам управления и не от поисков “царства Божия”, как считал К. Аксаков, а от нежелания бросить лавку и потерять покупателя; набожный купец, носящий немецкое платье (!), строит против церкви царевича Дмитрия на крови... трактир; крестьяне-ополченцы пьянствуют и дебоширят. В отличие от Константина И. Аксаков был убежден в том, что образованный человек не может жить “одною

[28] Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. С. 5, 8, 9, 22.

цельною жизнью с народом" (с. 453), даже добросовестно соблюдая его обычаи и обряды.

В своих письмах И. Аксаков критиковал и идеализированные представления брата о Древней Руси. "Мне иногда бывает забавно видеть, — писал он, — как народ, действующий в силу внутренних и нам и ему неизвестных законов, вовсе не заботится о том, что иногда так сильно нас беспокоит; между тем, мы иногда до такой степени простираем свою любовь к простоте прежнего быта, что готовы были бы заставить народ вновь действительно поверить существованию лешего..." (с. 251). "... Ни одного скверного часа настоящего я не отдам за прошедшее!" — без колебаний заявил Иван (с. 453).

Жизненный опыт И. Аксакова, знание им народного быта, государственного устройства России заставляли его оценивать многие явления иначе, чем их оценивали славянофилы. Сознавая, что его сомнения неуместны среди людей, гордившихся тем, что им известна истина, он желал, чтобы его стихотворение "После 1848 года" было прочитано не в окружении Константина, а Грановскому, у которого "болела душа" за французскую революцию.

Человек, живший в соответствии с "настоятельными потребностями шибко бегущей жизни"[29], призывал славянофилов потрудиться для просвещения народа, дать ему в руки серьезные книги, сделав их недорогими, "дешевле грибов" (с. 114). Если Константин считал полезными народу только духовные книги, то Иван доказывал, что чтение преимущественно церковных книг ведет к начетничеству и фанатизму.

Критиком славянофилов Иван Сергеевич был суровым, в полемике с Константином порою доходил до сарказма: «Я не могу подобно Константину утешаться такими фразами: "главное — принцип, остальное — случайность" или "что русский народ ищет царствия Божия!..." и т.д. Равнодушие к пользам общим, лень, апатия и предпочтение собственных выгод признаются за искание царства Божия! — Что касается до принципа, то, признаюсь, это выражение Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: друг мой, ты будешь сыт на том свете, а теперь голодай — это случайность, намажь хлеб принципом вместо масла, посыпай принципом — и вкусно: нужды нет, что сотни тысяч умрут, другие сотни уйдут — это случайность. Легкое утешение. Если бы я так верил в принцип и в *жизненность* этого принципа в русском народе, то, право, и горевать бы не стал. Возмущают меня факты — ничего, вынул из кармана табакерку, понюхал принципа — и счастлив! — Где он — этот принцип? Куда затесался? Поди, Константин, достань пыльную летопись, поищи его в XII и XIII веке, когда князья терзали русскую землю, воюя друг у друга уделы... Поздравляю с этой находкой» (с. 124).

Поездив по России, И. Аксаков, как ни больно было это сознавать, прекрасно видел, что "московская комфортабельность" вела к утрате влияния в обществе: в провинции о славянофилах "и слыхом не слыхать" (с. 457), тогда как "имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной

[29] Письмо А.И. Кошелеву от 5.VII.1855 г. // Письма. Т. III. С. 132.

жизни” (с. 457). Впоследствии он, далекий от славянофильской односторонности, будет радоваться успеху “Русского вестника” и огорчаться, что “Русская беседа” издается в убыток, имеет мало молодых читателей, а сами славянофилы становятся “каким-то тормозом, консерваторской партией, когда все стремится вперед” (с. 467).

В 1855 г. в разгар Крымской войны И. Аксаков “по требованию совести” (с. 344) вступил в ополчение. Поступок не был понят, особенно Константин не одобрял этот шаг (с. 347—348), отец считал военную службу чуждою “нашему направлению и вашему воспитанию”[30]. Поведение И. Аксакова необычно на фоне общего равнодушия дворянства к ополчению, не стыдившегося откупаться от выборов, использовать любую возможность, чтобы не участвовать в нем[31].

Но Иван Сергеевич был доволен и в своем решении никогда не раскаивался. При всей тяжести службы (квартирмейстер Серпуховской дружины Московского ополчения), не соответствовавшей наклонностям его натуры, он получал удовлетворение от нее, заботясь о людях низшего звания. Чтобы предупредить воровство, он раздал ратникам перечень того, что полагалось им на обед и ужин, вызвав своим поступком недовольство ротных командиров. «По военным понятиям, не марает мундира — класть казенную экономию в карман, обижать жителей, дать мужику “в зубы”, когда он приходит с справедливой жалобой, ругаться бесчеловечно над жидом и т.д. и т.д.» (с. 365). Начальник дружины С.Г. Строганов нашел хозяйственную часть Серпуховской дружины в отличном состоянии — было сэкономлено втрое больше, чем в других дружинах, где командиры наживали состояния за счет казны, причем, по наблюдениям И. Аксакова, в военном ведомстве воровства было больше, чем в гражданском, — и это во время войны! Присутствие И. Аксакова — “странный диссонанс в этой общей гармонии” (с. 403).

Парадоксально, что честный квартирмейстер никак не мог в отчете показать сэкономленное, так как его тотчас отнимут, и он не будет иметь денег, чтобы покрыть неизбежные издержки, которые не признавались правительством, поэтому все лгали: и те, кто выдавал деньги, и те, кто за них отчитывался. При таком порядке вещей И. Аксаков не надеялся на какие-либо улучшения в будущем: “Чего можно ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого, законного!” (с. 403).

Сугубо штатский человек, он ясно понимал то, что не беспокоило военное начальство: почему не были приняты меры к обороне Крыма, когда высадки противника можно было опасаться уже с весны 1854 года? Зато были приняты меры ко спасению канцелярских бумаг, вывезенных, как И. Аксаков сообщил родным, из Крыма в Херсонскую губернию за две недели до начала интервенции.

---

[30] Письмо И.С. Аксакову от 22.VII.⟨1855 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 50.

[31] См.: Т.Н. Грановский и его переписка. СПб., 1895. Т. II. С. 454; Записки А.И. Кошелева. [М.], 1991. С. 94.

Он пишет о бросающейся в глаза нелепости приказов, нередко противоречащих друг другу: резервные войска почему-то не трогаются с места, в то время как ополчение, менее действенное, приближается к театру войны. Потеряв Севастополь, военачальники не потеряли страсти к смотрам, к равнению в затылок.

В отличие от своей семьи, славянофилов, веривших в победу "святой Руси"[32], И. Аксаков не предавался "неосновательным надеждам"; ему больно вспоминать то время, когда обещали: "шапками закидаем, на сухом пути одного русского солдата на десятерых врагов станет... А теперь оказывается, что для победы нам необходимо иметь чуть не вдвое более войска против неприятельского" (с. 319).

И. Аксаков справедливо полагал, что падение Севастополя произошло не "по милости" М.Д. Горчакова, а вследствие "всей гнили правительственной системы" (с. 385), и желал позора "правительственной России" (с. 420).

В значительной степени под влиянием сообщений Ивана о злоупотреблениях в московском Комитете ополчения, о казнокрадстве в действующей армии, о голоде в Севастополе С.Т. Аксаков пришел к выводу, что "мы не стоим торжества"[33].

Находясь среди народа, И. Аксаков чутко улавливал его настроения: и ополченцы, и местные жители мечтали о мире, видя всю бесполезность приносимых жертв. И. Аксаков протестует в письмах против войны, против новейших военных изобретений, ведущих к еще бо́льшему истреблению людей: там, где раньше убивали 20 тысяч, теперь убивают 100 (с. 326).

С известиями о мире И. Аксаков покинул ополчение, в Москве намерен был заняться отчетом по украинским ярмаркам, хотя допускал, что его "снова куда-нибудь дернет" (с. 427). Действительно, вторую половину 1856 г. он провел на юге России и в Крыму в составе комиссии князя В.И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений. Еще раз проехал он дорогами войны, посетил разоренный Крым, побывал в госпиталях, в которых еще долечивались раненые.

У И. Аксакова была превосходная репутация, и его участие в комиссии воспринималось другими как залог ее успеха (с. 444—445). Узнав о новом назначении И. Аксакова, Тургенев писал Сергею Тимофеевичу: "До меня дошли слухи, что Ваш сын Иван сошелся с Васильчиковым и едет в Крым; радуюсь за него и за само дело"[34].

В.И. Васильчикова, начальника штаба Севастопольского гарнизона, И. Аксаков считал "самой симпатической личностью во всей армии" (с. 453) и в своей газете "Русь" в 1881 г. — уже после смерти Васильчикова — опубликовал его отрывки из записок о Севастопольской обороне.

---

[32] См. письмо К.С. Аксакова Д.А. Оболенскому от 12.XII.1853 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 5. Л. 22 об., а также письмо С.Т. Аксакова Ивану от 1.II.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 14. Л. 13.

[33] Письмо И.С. Аксакову от 25.VIII.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 96 об.

[34] Письмо от 25.V(6.VI).1856 г. // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. II. С. 357.

То, что было установлено комиссией, давно вошло в учебники и монографии, посвященные Крымской войне. "Что терпели солдаты наши в виду роскошно устроенных неприятельских лагерей, в своих норах и на открытом воздухе, скверно помещенные, еще сквернее продовольствуемые, это ужас", — писал И. Аксаков родным (с. 443). В его письмах приведены рассказы Н.И. Казначеева о том, какую плохую память о себе оставила в Крыму русская армия, как грабили — не солдаты, а офицеры и генералы. Не щадили ни имущества, ни плодовых деревьев, используемых на дрова, тогда как деньги, отпущенные на топливо, плыли в их карманы. После войны найти виновников всех этих преступлений было уже невозможно, что и предвидел Васильчиков еще до начала расследования[35].

Комиссия констатировала несостоятельность России в войне: И. Аксаков писал о недостатке вооружения и продовольствия, об ужасающем состоянии дорог, извечной российской болезни: "... как можно было просуществовать с такими путями сообщения 1000 лет!" (с. 464). Брат Константин раньше был противником проведения железных дорог (с. 453) – во время войны их необходимость стала очевидна. Для И. Аксакова было ясно и то, что война "объевропеит Россию сильнее прежнего" (с. 455), как ни возражали против этого славянофилы. Он отчетливо ощущал кризисное состояние страны, необходимость перемен, прежде всего отмены крепостного права. Южные губернии в результате войны превратились в вулкан: замученные барщиной крестьяне Херсонской губернии ожидали прихода англичан! "Помещикам в здешнем крае не мешало бы одуматься", – считал И. Аксаков. Но то, что было ясно И. Аксакову, помещики понимать не хотели. В 1856 г. в Екатеринославе в Дворянском собрании он поднял вопрос об освобождении крестьян: "Куда! Так на дыбы и становятся" (с. 459). Хорошо зная "благородное российское дворянство", И. Аксаков в этом деле надеялся только на инициативу сверху, на помощь правительства. Понимая неотвратимость грядущего освобождения, он в 1856 г. энергично убеждал отца заранее подумать насчет крестьян, чтобы эта мера не застала семью врасплох. Смелость рассуждений Ивана на крестьянскую тему заставила отца сделать вывод о том, что он "опаснее даже Константина".

Разъезды по югу России и Крыму в 1856 г. завершали круг его "бродяжничества". В письмах этого времени заметны ощущение рубежа, заключительного этапа, поиск "своей колеи". Все чаще в переписке с родными появляются рассуждения о журналистике, о причинах успеха или неуспеха того или иного издания, о путях воздействия журналистики на общественное мнение. Тем более, что период, начавшийся с 1855 г., был временем публичного слова, возрождения журналистики. Толковым редактированием "Московского сборника" 1852 г. И. Аксаков внушил уважение к себе в литературно-журнальных кругах. В конце 1855 г. М.Н. Катков пригласил его сотрудничать в "Русском вестнике", А.И. Кошелев тогда же просил написать программу для "Русской беседы", хоть что-нибудь прислать в журнал. В 1857 г. славянофилы намеревались издавать журнал "Московский толк", но из-за отсутствия И. Аксакова, работавшего в

[35] См. письмо Н.Ф. Козляинову от 30.IV⟨1856 г.⟩ // РА. 1909. № 5. С. 144.

комиссии Васильчикова, задуманное не было осуществлено. И. Аксаков окончательно утверждался в своем призвании, все больше проникаясь сознанием, что именно журналистика — смысл его жизненной деятельности. Бесконечные поездки по России обогатили его житейским опытом, который впоследствии пригодился в его публицистической деятельности.

В письмах как 1844—1849 гг., так и 1849—1856 гг. содержатся отклики на события международной жизни (переворот Людовика Наполеона, английские "проказы" в Греции, Крымская война) и внутренней (выход новых сборников и журналов, выпуск посмертного собрания сочинений Н.В. Гоголя, юбилей 50-летней сценической деятельности М.С. Щепкина, встречи севастопольских моряков в Москве), отражен круг знакомств И. Аксакова (с писателями Ю.В. Жадовской и М.В. Авдеевым, художниками А.А. Агиным, Л.М. Жемчужниковым, К.А. Трутовским, генералом А.П. Ермоловым, с семьей Гоголя, профессорами Киевского и Харьковского университетов и Ярославского лицея).

Читатель писем И. Аксакова имеет возможность наблюдать жизнь человека день за днем на протяжении нескольких лет. Его характер в 40—50-е годы окончательно сформировался в своих основных чертах: это был человек неукротимого темперамента, редкой работоспособности и выносливости, не боявшийся жизни и не баловавший себя, человек, умевший смирить свои наклонности ради общественной пользы (поручение Географического общества — "каторжная работа", а его должность в ополчении — "невыносимо скучная").

Меньше всего в жизни И. Аксаков думал о комфорте, часто не имел самого необходимого: находясь в комиссии Васильчикова, так обносился, что не знал, в чем возвращаться домой, а денег на экипировку не было.

Этот человек умел наблюдать и понимать увиденное, а мастерское владение словом позволило в письмах закрепить свои наблюдения. С.Т. Аксаков доверял его литературному вкусу, интересовался его мнением о собственных произведениях.

Незаурядная личность И. Аксакова соединяла в себе редкие качества, которые очень хорошо и с известной долей самокритичности охарактеризовал К. Аксаков в письме А.Н. Попову: "Мне, часто грешащему ленью пред Богом, по прекрасному выражению брата, совестно сравнить свой жиденький труд с его непрерывною, неутомимою деятельностью, соединяющею в себе труд умственный и труд поденщика... Такое соединение мыслящего деятеля и работника так редко, что подобного примера я не знаю, да и вы, я думаю, не знаете"[36].

---

[36] Письмо без даты // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед. хр. 16. Л. 17–17 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены 245 писем И.С. Аксакова 1849–1856 гг. В конце 1856 г. он "осел" в Москве, и регулярная семейная переписка прекратилась.

Письма этих лет вошли в состав II и III томов издания "Иван Сергеевич Аксаков в его письмах" (М., 1888, 1892). Впервые публикуется нами 45 писем, относящихся к этому времени. Среди них письма, адресованные не только всей семье в целом, но и отдельным ее членам: отцу, братьям, матери, сестрам.

Подготовку писем 1849–1856 гг. к печати начала вдова И.С. Аксакова Анна Федоровна. II том вышел при ее жизни. Но III том, собранный ею, она издать не успела: 11.VIII.1889 г. ее не стало.

Уверенности, что она успеет закончить работу, у нее не было: "Кажется, что и я не прочна и что лихорадочная поспешность, с которой я устраиваю дела Ивана Сергеевича, происходит от чувства, что у меня мало времени впереди..."[1]. Сестра И. Аксакова М.С. Томашевская удивлялась неутомимым трудам Анны Федоровны, считала, что "нельзя долго прожить с таким подъятием сил и телесных и душевных"[2].

Предчувствуя свой скорый конец, А.Ф. Аксакова в марте 1889 г. вызвала к себе племянницу мужа Ольгу Григорьевну Аксакову (1848–1921) для ознакомления с бумагами Ивана Сергеевича и приведения их в порядок, видя в ней продолжательницу начатого издания. Ей оставила Анна Федоровна и список лиц и учреждений, которым должен быть разослан от ее имени III том писем, – дожить до его выхода она не надеялась.

Анна Федоровна умерла, не оставив завещания, и решением московской судебной палаты единственной наследницей стала ее сестра Дарья Федоровна Тютчева (1834–1903), камер-фрейлина. Вместе с наследством она получила и право литературной собственности на сочинения И.С. Аксакова.

В 1890 г. Д.Ф. Тютчева сдала бумаги И. Аксакова Е.В. Барсову, секретарю Общества истории и древностей российских при Московском университете. По своей занятости Барсов разбором бумаг не занимался, и в 1892 г. Тютчева, стремясь, с одной стороны, обеспечить их сохранность, а с другой, не желая заниматься многотрудным и "непосильным" делом их издания[3], передала находившиеся у Барсова бумаги и права собственности на литературное наследие И. Аксакова императорской Публичной библиотеке в Петербурге[4], мотивируя это тем, что среди представителей семьи Аксаковых нет лиц, заботливо отнесшихся к судьбе литературного наследия Ивана Сергеевича. Но такой человек был: О.Г. Аксакова, о которой Дарья Федоровна умолчала.

Воля А.Ф. Аксаковой, желавшей, чтобы издание писем не прерывалось, оставалось для Ольги Григорьевны законом. Но выход III тома писем несколько задержался (вышел в 1892 г., когда и совершилась передача бумаг Публичной библиотеке), так как О.Г. Аксакова жила не в Москве, а в Самаре. Письма III тома она издала, руководствуясь инструкциями А.Ф. Аксаковой, от которых не считала вправе отступать. Прежние принципы издания были сохранены: письма определенного периода сопровождались краткими пояснениями, написанными Ольгой Григорьевной, в состав тома вошли приложения: стихотворения И.С. Аксакова, судебные сцены "Присутственный день в уголовной палате", отрывки из дневников Ивана Сергеевича, статья "Несколько слов об общественной

---

[1] Письмо М.А. Стаховичу от 21.I.1887 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 229. Л. 40–40 об.

[2] Письмо О.Г. Аксаковой от 18.IV.1886 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 142. Л. 2 об.

[3] Д.Ф. Тютчева только курировала 2-е изд. II тома "Полного собрания сочинений И.С. Аксакова (Славянофильство и западничество)", вышедшего в 1891 г. в Петербурге.

[4] Акт о передаче Д.Ф. Тютчевой права литературной собственности на рукописи, письма и издания И.С. Аксакова Публичной библиотеке см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 54.

жизни в губернских городах", программа "Московского сборника" 1852 г., письмо И.С. Аксакова графу А.Ф. Орлову относительно путешествия на "Диане". Не были изменены ни заголовок, ни обложка писем, III том был напечатан, как и первые два, в типографии М.Г. Волчанинова. Но в отличие от предыдущих томов в III томе были помещены письма не только родным: А.И. Кошелеву, Д.А. Оболенскому, Е.И. Елагиной. Была допущена некоторая небрежность в датировке: так, на с. 194 III тома дата письма обозначена 3.XI.1855 г., в подлиннике – "3-го ноября на 4-ое"; на с. 185 письмо датируется 25.X.1855 г., в подлиннике – "25–27 октября" и т.п. Некоторые даты поставлены предположительно, как например, в письмах 194, 225 и др., но нигде это не оговорено и не мотивировано. Как и в первых двух томах, в письмах III тома были сделаны купюры, содержащие подробности продажи И. Аксаковым аксаковского хлеба в Ярославской губернии, историю увлечения двоюродного брата Ивана Сергеевича В.Г. Карташевского артисткой Е.Н. Жулевой, сватовства Цемша к двоюродной сестре Ивана М.В. Воейковой, некоторые критические замечания в адрес В.Н. Муравьева, Н.П. Трушковского и др. Некоторые письма совсем не были напечатаны: О.Г. Аксакова не опубликовала 24 письма 1851–1853 гг., написанных из Оренбургской и Рязанской губерний,. из Москвы, очевидно, потому, что они содержали историю бунта аксаковских крестьян против управляющего, рассказ о неудачном сватовстве К.С. Аксакова к С.П. Бестужевой, а также описание замужества С.А. Самбурской, совершившегося против воли ее отца. Возможно, эти письма не вошли в III том и потому, что большинство их было написано из Москвы в Абрамцево, а не из провинции, как все остальные.

Небольшую помощь оказал Ольге Григорьевне С.И. Пономарев, которым был составлен указатель "лиц, мест и предметов" к трем томам и список дополнений и опечаток (очень неполный).

Женщина благородная и самоотверженная, Ольга Григорьевна напечатала III том писем за свой счет, и только с передачей бумаг и прав литературной собственности на аксаковские сочинения Публичной библиотеке последняя оплатила расходы по печатанию.

Как и Анна Федоровна, О.Г. Аксакова не хотела оповещать никого о своих заслугах. Написанное ею предисловие к III тому не было подписано: "не желаю выставляться перед публикой"[5]. Дела с типографией она также вела сама, на предложение В.С. Россоловского (двоюродного племянника И.С. Аксакова) помочь ей в переговорах с типографщиками резковато отказала: "... я ведь не светская дама и привыкла, где только могу, вести свои дела без посредников..."[6]. Она была достойной продолжательницей дела, начатого А.Ф. Аксаковой.

Как и предыдущие, III том писем был хорошо принят читателями. "Я получаю отовсюду о нем хвалебные отзывы", – сообщала издательница В.С. Россоловскому[7].

Последний, IV том Писем – не родным, а разным лицам – в 10-летнюю годовщину кончины И.С. Аксакова издала Публичная библиотека во главе с академиком А.Ф. Бычковым (СПб., 1896). О.Г. Аксакова не принимала участия в этом издании. Она вообще не одобряла перехода права собственности на сочинения И.А. Аксакова Публичной библиотеке, считая, что делами издания должны заниматься родственники и что поэтому Д.Ф. Тютчева находится не на высоте аксаковских принципов.

Возмущена была Ольга Григорьевна и действиями Россоловского, без ее позволения включившего дневник В.С. Аксаковой (писавшийся на о. Занте, где умер К.С. Аксаков) в качестве приложения к IV тому писем. При этом в предуведомлении было сказано, что дневник был передан ему Ольгой Григорьевной, получалось, что он печатается с ее согласия. Считая неуместным публиковать частные, интимные подробности, относящиеся к болезни и смерти К.С. Аксакова, тем более в томе, которым начиналась не семейная переписка, она предлагала вырезать из него этот дневник, на что Россоловский не соглашался. Дело окончилось ссорой[8].

В конце XIX – начале XX в. О.Г. Аксакова продолжала печатать материалы из аксаковского архива: в журнал "Русское обозрение" передала письма И.С. Аксакова Н.С. Соханской, опублико-

---

[5] Письмо В.С. Россоловскому от 15.VIII.1892 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 16. Л. 53 об.

[6] Письмо от 3.VII.1892 г. // Там же. Л. 44 об.

[7] Письмо от 26.1.1893 г. // Там же. Л. 59 об.

[8] О подробностях конфликта см.: письма О.Г. Аксаковой В.С. Россоловскому от 18.11.1896 г. и отрывок письма без даты // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 17. Ед. хр. 16. Л. 69–73 об., а также ее письмо Россоловскому от 11.III.1896 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 182. Л. 4–5 об.

ванные в 1897 г., в журнал "Голос минувшего" – переписку разных лиц (А.Ф. Гильфердинга, А.И. Кошелева, П.А. Кулаковского, М.Г. Черняева) с И.С. Аксаковым, которая и была напечатана в 1915, 1916, 1918 гг. Но письма родным в печати больше не появлялись. III томом писем публикация переписки с родными была окончена. Как и письма предшествующих лет (1844–1849), письма 1849–1856 гг. с тех пор не переиздавались.

Все письма, представленные в настоящем издании, сверены с подлинниками, хранящимися в ИРЛИ и РГАЛИ, и печатаются полностью, без купюр. Явные описки и ошибки написания, встречающиеся в письмах, исправлены нами без оговорок. Пропущенные или недописанные И.С. Аксаковым слова или части сокращенных слов даны в угловых скобках. Неразобранные в подлиннике слова также заключены в угловые скобки ⟨нрзб⟩. Подчеркнутые в письмах слова выделены курсивом. Примечания в тексте писем, сделанные И. Аксаковым, отмечены цифрой со звездочкой.

Вводимые нами даты или обозначения места написания письма заключены в угловые скобки. Даты приведены по старому стилю.

Перевод иностранных слов и выражений в тексте писем выполнен доцентом факультета журналистики МГУ В.Е. Аникеевым.

1849

Подлинники писем 1–127 – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 23. Л. 1–262. Впервые – *Письма. Т. II.* С. 165–392. Подлинник письма 30 – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 20–21об. Письма связаны с ярославским периодом жизни И.С. Аксакова.

1 *23.V 1849*

[1] *После всей бывшей передряги...* – И. Аксаков имеет в виду свой арест III отделением весной 1849 г.

[2] *... в Троицу ...* – т.е. в Троице-Сергиевский посад в 12 верстах от Абрамцева. Там находится основанный в XIV в. Троице-Сергиев монастырь, с 1744 г. получивший наименование лавры.

[3] *...приложился к мощам...* – Сергия Радонежского.

[4] *...чудное огромное озеро...* – Плещеево озеро.

[5] *В Даниловском монастыре почивают мощи.* – игумена Данилы (см.: Переславль-Залесский: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. С. 31), основавшего в 1508 г. Троицкий Данилов монастырь.

[6] *...о ботике Петра Великого, о плавании его по этому озеру...* – Петр I построил на Плещеевом озере целую флотилию.

[7] *Бутурлина не нашел в городе.* – Алексей Петрович Бутурлин (1802–1863), граф – ярославский губернатор в 1846–1862 гг.

[8] *Которость* (или Которосль) – приток Волги.

[9] *...к моему скучному и многосложному поручению.* – И. Аксаков имел задание обревизовать городское хозяйство Ярославской губернии. Кроме того, ему было поручено изучить раскол в этом крае. "Скучным" он считал первое задание.

[10] *... должен я познакомиться и с Серебренниковым, купцом.* – Речь идет о Семене Алексеевиче Серебренникове.

[11] *...милый отесинька и милая маменька...* – Отесинька – ласковое обращение детей к отцу Сергею Тимофеевичу Аксакову (1791–1859), писателю и театральному критику. Маменька – Ольга Семеновна Аксакова, урожденная Заплатина (1793–1878), жена С.Т. Аксакова с 1816 г.

[12] *...со днем именин Константина...* – В связи с поездкой в Ярославль И. Аксаков с поздравлением опоздал, так как именины были 21 мая. К.С. Аксаков (1817–1860) – брат И. Аксакова, выдающийся идеолог славянофильства, драматург, литературный критик.

[13] *...была бы коса.* – иронический намек на К.С. Аксакова, имевшего пристрастие ко всему русскому.

[14] *...обнимаю... Гришу с Софьей...* – Речь идет о брате Ивана Г.С. Аксакове (1820–1891), в это время губернском прокуроре в Симбирске, и его жене Софье Александровне, урожденной Шишковой (ум. в 1883 г.).

[15] *...обнимаю... Веру, Оличку, Надю, Любу...* – сестры И. Аксакова: Вера (1819–1864), Ольга (1821–1861), Надежда (1829–1869), Любовь (1830–1867).

[16] *...всех сестер...* – Имеются в виду младшие сестры И. Аксакова Мария, или Марихен (1831–1906), в замужестве Томашевская, и София (1834–1885).

[17] *...перед племянницей.* – дочерью Г.С. и С.А. Аксаковых Ольгой (1848–1921).

2 *23.V 1849*

[1] *...посылаю письмо и в Троицу.* – Там жители Абрамцева получали почту. И. Аксаков в один день написал два письма, поскольку семья жила в это время на два дома: в Москве и в Абрамцеве.

[2] *...будут ли распечатываться письма, адресованные в Посад...* – И. Аксаков опасался перлюстрации писем, в результате которой он был арестован III отделением в 1849 г.

[3] *Евгений* (Казанцев) – ярославский и ростовский архиепископ.

[4] *...мы с ней подружились очень скоро.* – Речь идет о Юлии Валериановне Жадовской (1824–1883) – поэтессе, жившей в Ярославле. Никакими данными о знакомстве с нею И. Аксакова ранее мая 1849 г. мы не располагаем. Напротив, описание ее внешности, сообщение о быстро возникшей дружбе с нею указывают на то, что первая встреча произошла в Ярославле, а не в Москве, как утверждал Е.С. Калмановский (см.: *Стихотворения...* С. 260), вероятно, основываясь на неточных сведениях П.В. Быкова в биографическом очерке о Жадовской (*Жадовская Ю.В.* Полн. собр. соч.: В 4 т. СПб., 1894. Т. I. С. XVI).

[5] *...в алансонских кружевах.* – т.е. изготовленных на северо-западе Франции в городе Алансоне – центре кружевного производства.

3 *26.V 1849*

[1] *...мало знакомый с формами, с законами...* – Действительно, чиновники, служившие при ярославском губернаторе, отмечали его "ребяческую невинность" по части дел (см.: *Бороздин К.* И.С. Аксаков в Ярославле (Отрывок из воспоминаний) // ИВ. 1886. Март. С. 623).

[2] *...познакомился вчера с купцом Серебренниковым, о котором говорил Чижов...* – Речь идет о Семене Алексеевиче Серебренникове. *Чижов* Федор Васильевич (1811–1877) – преподаватель математики Петербургского университета (1832–1845), во второй половине 40-х годов сблизившийся с кружком славянофилов. Впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, издатель-редактор (совместно с И.К. Бабстом) журнала "Вестник промышленности" (1858–1861) и газеты "Акционер" (1860–1863), сотрудник газет "Молва", "День", "Москва". Издатель сочинений Н.В. Гоголя. Биографический очерк И. Аксакова о Чижове см.: РА. 1878. № 1.

[3] *...ускользнули от внимания Строева, когда он был здесь с Археограф⟨ической⟩ комиссией.* – Строев Павел Михайлович (1796–1876) – историк, археограф, в 1829–1834 гг. обследовавший 14 губерний с целью сбора древних документов. А.В. Старчевский писал: "Когда Уваров задумал археологическую экспедицию по России, то она была возложена на Павла Строева и Якова Бередникова. Эти два человека обревизовали, так сказать, все церковные и монастырские библиотеки и архивы внутренних и северных губерний России... Богатым результатом их экспедиции явились четыре тома, изданные Археографической комиссией, драгоценных актов, о которых наши историки и ученые не имели раньше понятия" (*Старчевский А.В.* Воспоминания старого литератора // ИВ. 1888. Окт. С. 115).

[4] Михаил Федорович (1596–1645) – первый царь из дома Романовых (с 1613 г.).

[5] *...о грамотах Ивана Грозного и сына его...* – царя Ивана IV (1530–1584) и его старшего сына Ивана Ивановича (1554–1581).

[6] *Здесь есть еще купец Трехлетов...* – Трехлетов Егор Васильевич (ум. в 1853 г.). Письма его И. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед.хр. 617.

[7] *...есть Аксаковы... от которых происходит кн⟨ягиня⟩ Мещерская, сенатор Аксаков...* – Вероятно, ярославские Аксаковы происходят от Николая Ивановича Аксакова (1730–1802), председателя ярославской гражданской палаты (1785–1796), ярославского (1797) и смоленского (1797–1798) губернатора. От первого брака имел сына и двух дочерей, от второго – двух дочерей (см.: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886.

Т. I. С. 27). Одна из дочерей, Александра Николаевна, была замужем за князем Петром Платоновичем Мещерским (Там же. С. 28). Какого сенатора Аксакова имел в виду автор письма, выяснить не удалось.

[8] *...вмешательство и участие мне вовсе не нужно.* – намек на перлюстрацию писем.

[9] *Историю Самарина здесь все более или менее знают...* – Под "историей" имеются в виду арест и заключение в Петропавловскую крепость Ю.Ф. Самарина весной 1849 г. Причиной этому послужило написание и распространение им "Писем из Риги", антинемецкая направленность которых вызвала недовольство остзейского генерал-губернатора Александра Аркадьевича Суворова (1804–1882). Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – славянофил, литературный критик, публицист, впоследствии член Редакционных комиссий по крестьянскому делу (1859–1860).

[10] *Об моей истории мало знают...* – См. прим. 1 к письму 1. Мнение И. Аксакова оказалось ошибочным (см. с. 20 наст. изд.).

4 *30.V 1849*

[1] *...m-me Бем, урожденная Мартынова...* – См. о ней на с. 105 наст. изд.

[2] *...сын Булгакова, известный повеса...* - Константин, сын Александра Яковлевича Булгакова. Характеристика Булгаковых содержится в воспоминаниях С.М. Загоскина: «Булгаков, известный московский почт-директор, человек умный, забавный, большой шутник, был, несмотря на свои преклонные года, усердным поклонником всех красивых, молодых женщин. Сын его, так называемый "Костя", известный в Петербурге и Москве своими забавными проделками и остротами и заслуживший через них особое расположение князя Михаила Павловича, был человеком уже не первой молодости, одаренный всевозможными талантами, но, вместе с тем, препустейший и иногда уж черезчур надоедавший своими постоянными каламбурами» (ИВ. 1900. Февр. С. 519).

[3] *...архиерей полюбил меня...* – Евгений (Казанцев).

[4] *...свой отчет по Бессарабии...* – Службу в министерстве внутренних дел И. Аксаков начал с исследования раскола в Бессарабии (осень и начало зимы 1848 г.). Отчет по Бессарабии был представлен им в министерство в начале 1849 г. Записка "О бессарабских раскольниках" напечатана в РА. 1888. Кн. 3.

[5] *...Муравьев, брат сибирского генерал-губернатора...* – ярославский вице-губернатор, надворный советник Муравьев Валериан Николаевич, брат Н.Н. Муравьева (Амурского).

[6] *...отец ее, председатель палаты...* – Валериан Никандрович Жадовский, председатель палаты гражданского суда.

[7] *...выслушала от меня много строгих замечаний...* – Вероятно, И. Аксаков был недоволен отвлеченностью содержания стихотворений Ю.В. Жадовской; его собственные стихи отличало "стремление к пользе, воззвание к деятельности" (см. с. 11 наст. изд.). За отрыв от действительности критиковал стихотворения поэтессы и В.Г. Белинский в статье "Взгляд на русскую литературу 1846 года".

[8] *...прочел ей "Бродягу".* – неоконченную поэму И. Аксакова.

[9] *...послание А⟨ксако⟩ву...* – "И.С. Аксакову".

[10] *...теплоты мало.* – стойкое убеждение И. Аксакова. Позднее, характеризуя стих К.К. Павловой как "живой и согревающий", он писал: "...от своих я мерзну" (см. с. 180 наст. изд.).

[11] *...по поводу моих стихов об ней...* – "При посылке стихотворений Ю. Жадовской". Стихотворение датировано 19.XII.1846 г., написано в Калуге (выезд из Калуги в Москву он намечал на 20.XII.1846 г.) // *Аксаков.* С. 340), до знакомства с поэтессой (см. прим. 4 к письму 2).

[12] *...история моя... известна всему Ярославлю...* – Имеется в виду арест III отделением в 1849 г. Отец был глубоко возмущен нелогичностью действий властей: "Хотя я знал, что после всего случившегося с тобою, несмотря на совершенную твою безвинность и решительное признание оной правительством, можно ожидать тайного надзора, ибо это всегда так водится, но тайного в точном значении этого слова, а то хороша тайна, которую знает вся губерния. Для меня это очень огорчительно... Ведь это вопиющая бессмыслица: доверять человеку важные и секретные дела и отдавать его под надзор не только обеим полициям, но и всему обществу..." (письмо ⟨1849 г.⟩ //РМ. 1915. Авг. С. 111).

[13] *...мои особенные к нему отношения.* – Поручение относительно раскола в Ярославской губернии было секретным, и Аксаков не хотел, чтобы об этом догадались окружающие.

[14] Петровский пост – с понедельника девятой недели после Пасхи по 28 июня.

[15] *...из деревни...* – т.е. из Абрамцева.

[16] *Марихен* – М.С. Аксакова. См. о ней прим. 16 к письму 1.

[17] Соничка – С.С. Аксакова. См. там же.

[18] Иванова Авдотья – знакомая И. Аксакова, зашедшая к Аксаковым за обещанной Иваном деловой бумагой (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 26.V.⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л.4 об).

5 *5.VI 1849*

[1] С.Т. Аксаков был обрадован получением этого письма: “Много спасибо тебе за все твои письма и особенно за последнее: все в нем живо, интересно и переносит меня к тебе” (письмо от 13.VI.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 110).

[2] *Благодаря попечительности губернатора Безобразова...* – Безобразов Александр Михайлович – ярославский губернатор в 1819–1826 гг.

[3] *...в штофных немецких платьях, с кичками на головах...* – Штоф – плотная шерстяная или шелковая ткань с разводами; кичка – головной убор замужней женщины.

[4] *...старообрядцы, да еще, пожалуй, беспоповщинцы!* – Церковная реформа, осуществленная патриархом Никоном в 1653 г., вызвала раскол в русской церкви, отделение от официальной церкви части верующих (старообрядцев), не признавших нововведений. Старообрядцы в конце XVII в. разделились на два течения: поповщину и беспоповщину. Беспоповщинцы, отрицавшие церковные таинства и священство, считались в правительственных кругах наиболее опасными из раскольников.

[5] *...пожалованный в заштатные города Екатериной...* – В 1775 г. Екатерина II издала “Учреждения для управления губерний”. Согласно этому документу Российская империя была разделена на 50 губерний. Заштатный город – т.е. не являющийся центром уезда.

[6] *...проходят... расшивы, мокшанки...* – Расшива – здесь: судно плоскодонной постройки на Волге; мокшан – речное судно на реке Мокше в Ярославской губернии, имеет крышу конем.

[7] *...чуть ли они не выстроены все до Никона.* – По распоряжению Никона с середины XVII в. стали строить пятиглавые соборы. Никон (Минов Никита, 1605–1681) – патриарх с 1652 до 1658 г., когда самовольно оставил патриаршество. Официально отрешен от патриаршества в 1666 г.

[8] *...с уступкою цивилизации в самом пошлом ее виде.* – С.Т. Аксаков отвечал сыну: “Ярославская губерния получила сильный толчок от петровской реформы и идет по пятам за нами, за публикой. Ей труднее возвратиться на русскую дорогу, чем нам. Вот что значат торговые дела: им уступает и самая вера” (письмо от 13.VI.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 110).

[9] *Афанасий* – слуга И. Аксакова.

[10] *...взятия Оффена венгерцами.* – Взятие Будина (Офена) венгерскими войсками под командованием Артура Гёргея – последний успех венгерской армии во время венгерской буржуазной революции 1848–1849 гг.

[11] *О действиях русских войск...* – в Венгрии.

[12] *Прием студентов нынешний год в С⟨анкт⟩-П⟨етер⟩бургский университет отказан.* – Слухи об упразднении университетов были широко распространены после поражения французской революции 1848 г. Статья И.И. Давыдова в их защиту, появившаяся с одобрения министра народного просвещения С.С. Уварова, вызвала недовольство царя и привела к отставке Уварова в 1849 г. (см.: *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. [М]., 1983. С. 317, 427).

[13] *...Гриша едет.* – в Симбирск.

[14] *...в предпринятом ими трудном подвиге!...* – В начале 1849 г. Г.С. Аксаков приобрел в долг имение Головкино в Оренбургской губернии.

[15] Аграфена – лицо неустановленное.

[16] *...дýши, которые с каждым днем становятся холоднее...* – Что было сказано дальше М.С. Аксаковой, выяснить не удалось.

[17] *...о дýшах, употребляемых Верою.* – Речь идет о популярном в 40-е годы XIX в. водолечении, которое было рекомендовано нервнобольной В.С. Аксаковой.

6 *13.VI 1849*

[1] *Поручение ваше мне очень легко и удобно исполнить...* – По продаже хлеба из аксаковского с. Надёжино Белебеевского уезда Оренбургской губернии. Он должен был прибыть по Волге в Ярославскую губернию.

[2] *...рекомендаций кн⟨язя⟩ Ухтомского.* – И. Аксакову, уезжавшему в Ярославскую губернию, было вручено письмо Вика для передачи князю Ухтомскому. С.Т. Аксаков писал сыну, что князь "весьма хороший человек и может нам быть весьма полезен" (письмо от 20.VI. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 1 об.), но отметил ошибку Ивана, считавшего, что князь живет в Ярославле, тогда как он жил в Рыбинске (Там же. Л. 1).

[3] *...Ухтомский, советник губернского правления.* – надворный советник Семен Иванович Ухтомский.

[4] *Пусть ее состряпает... Богуславский.* – чиновник московской палаты, упоминаемый в письме С.Т. Аксакова Ивану от 5.VI.⟨1848 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 20. Л. 1 об.

[5] *...цитманова декокта...* – отвара из лекарственных трав и сарсапарельного корня.

[6] *...тихвинки, мокшаны, расшивы, гусянки...* – Тихвинка – речное судно; гусянка – крытая барка, на которой ходят под парусом и на веслах. О мокшанах и расшивах см. прим. 6 к письму 5.

[7] *...приписались к православным церквам после указа о лишении прав законности в браке...* – Имеется в виду, вероятно, постановление министерства внутренних дел от 8.XII.1846 г., согласно которому московской казенной палате было разрешено на основании полицейских свидетельств причислять жен и детей к семействам раскольников поповской секты; раскольникам беспоповской секты, отвергающим брак, не разрешалось причислять к своим семействам жен, дети же приписывались к их семействам как незаконнорожденные (см.: Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 461). Это постановление применялось и по отношению к раскольникам других губерний (Там же. с. 492–493).

[8] *Все они поповщинцы.* – См. прим. 4 к письму 5.

[9] *...или уж они изображены так, предусмотрительно...* – народный обычай вешать на иконы небольшие пластинки, изображающие человеческие органы, в надежде на излечение или в благодарность за него.

[10] *...молятся двуперстным крестом...* – как раскольники.

[11] *...матушка, полегче!* – С.Т. Аксаков отвечал: "...в последнем твоем письме очень интересно и забавно описание процессии. Надобно признаться, что тут пропасть идолопоклонства" (письмо от 20.VI.⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 1 об.).

[12] *Что Самарин?* – Его дальнейшая судьба после освобождения из-под ареста 17.III.1849 г. еще не была решена. См. прим. 9 к письму 3.

7 *7.VI 1849*

[1] *...доставляет хлеб посредством машины.* – Речь идет о поставке хлеба из с. Надёжино Белебеевского уезда Оренбургской губернии в Ярославскую губернию для продажи.

[2] *...как условился с ним Иван Семеныч...* – управляющий в аксаковских селах Вишенки и Надёжино Белебеевского уезда Оренбургской губернии.

[3] *...эк куда метнул, какого туману напустил...* – слова городничего о Хлестакове из "Ревизора" Н.В. Гоголя (действие II, явление VIII).

[4] Перовский Лев Алексеевич (1792–1856), граф – генерал от инфантерии, министр внутренних дел с 1841 по 1852 г. В 1852 г. назначен министром уделов и управляющим императорским кабинетом.

[5] *...слышал, что прием в Петербургский, Московский и Харьковский университеты прекращен на 3 года...* – Специальным распоряжением от 30.IV.1849 г. правительство ограничило прием в университеты (не более 300 человек).

[6] *...старина их – предания о Федьке Косом...* – Имеется в виду Феодосий Косой, ересь которого была осуждена на церковном соборе в середине 50-х годов XVI в.

[7] *...послать министру...* – Л.А. Перовскому.

[8] *...буду сильно протестовать против так называемой единоверческой церкви...* – Единоверие – соглашение умеренного старообрядчества с православной церковью, возникшее в 1800 г. Подчинясь

православной церкви, старообрядцы получили право сохранить свои обряды, совершать богослужение по своим книгам. Правительство вводило единоверие принудительным путем.

[9] *...романс Алябьева, напечатанный в "Нувеллисте", на мои слова "Жаль мне и грустно, что ты, молодая"*. – Песню "Жаль мне и грустно, что ты, молодая..." напевают в поэме И. Аксакова "Зимняя дорога". Александр Александрович Алябьев (1787–1851), с которым И. Аксаков познакомился летом 1848 г. на Серных водах, написал романс на эти слова. "Нувеллист" – ежемесячный петербургский музыкальный журнал (1840–1916).

[10] *Комитет* 18 *авг⟨уста⟩, не помню, когда устроенный...* – Комитет, учрежденный 18.VIII.1814 г., оказывал помощь раненым, калекам.

8 *25.VI 1849*

[1] *...мельницу так каждый год прорывает*! – мельницу на р. Воря в Абрамцеве.

[2] Шалнеры – то же, что шарниры.

[3] *Заключить такое условие...* – лишь через 10 лет работница могла выкупиться на волю.

[4] *...укажет... на ограждения кабальных, придуманные прежним правительством, при Алексее Михайловиче...* – Речь идет о кабальном холопстве и мерах по ограждению господского произвола в отношении холопов. Закабалить себя мог только человек не моложе 15 лет, вольный, свободно располагающий своей личностью. Со смертью закабалившего лица кабала прекращалась: холопа нельзя было продать, передать в приданое или по духовному завещанию. В царствование Алексея Михайловича кабала законодательно была ограничена 5-летним сроком, а в 1833 г. официально уничтожена (см.: *Лакиер А.* О кабалах и кабальных книгах // Санктпетербург. ведомости. 1850. 15 апр. С. 348). Исследователи отмечают нерешительность правительственных мер по ограничению кабального холопства, а также то, что порядок выхода бывшего кабального по смерти господина не был уточнен (см.: *Яковлев А.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. I. С. 56).

[5] *...вместо* 10 *держать ее* 7 *лет*. – С.Т. Аксаков отвечал: "Поразительна черта умирающего, богатого купца, может быть, по-своему честного человека, который, испуская дух, сбавляет три года из десяти закабаленной девке!!.. Разумеется, ты поступил, как следует; я точно то же бы сделал на твоем месте; но я не ручаюсь, чтоб о твоем поступке, перетолковав его и вкривь и вкось, не узнала вся приятная губерния и не было донесено обеими полициями своим начальствам. Впрочем, на это смотреть нечего" (письмо от 4.VII.1849 г. // *Письма*. Т. II. С. 188).

[6] *...есть лекарство... но не в силах его принять – религия*! – О том, что "сил нет" принять религиозный путь, И. Аксаков признавался и в письме А.О. Смирновой в июне 1849 г. (РА. 1895. № 12. С. 434). Тоска, на которую жаловался И. Аксаков родным, объяснялась неразрешенностью вопросов, пробужденных французской революцией 1848 г., утратой веры в успех человеческих стремлений, без которых, считал он, "жить нельзя, как без воздуху". "И счастливы те, для которых в полной мере существует божественный авторитет религии; но много ли их, этих счастливцев?" – спросит он позднее Смирнову (письмо от 30.VIII.1850 г. // Там же. С. 447).

[7] *...чувствовал не раз удовольствие от начальнического обхождения...* – Отец в ответном письме заметил: "...твой духовный анализ в юмористическом духе простирается слишком далеко. Что тут подлого или дрянного, что твой подчиненный и даже ты сам чувствовали удовольствие от хорошего обращения начальника? Это дело самое естественное. Человек имеет возможность безнаказанно быть грубым или, по крайней мере, жестким и сухим; вместо того он приветлив, внимателен. Не почувствовать от того удовольствия может только человек жесткий и сухой. Тут не над чем глумиться; а то ведь дело далеко хватит: не останется никакого чувства человеческого, под которое нельзя было бы подкопаться..." (письмо от 4.VII.1849 г. // *Письма*. Т. II. С. 190).

[8] *...об успехе действий душ и цитманова декокта*. – Души принимала сестра Вера, а декокт – Ольга.

9 *2.VII 1849*

[1] *Он основан Екатериной...* – императрицей Екатериной II (1762–1796).

[2] *...все это до Петра...* – т.е. до правления Петра I (1689–1725).

[3] Перепеча – сдоба, род кулича.

[4] *...сохранение платья и бороды*. – С.Т. Аксаков отвечал: "Впечатления, произведенные над тобою Яросл⟨авскою⟩ губ⟨ернией⟩ вообще и Рыбинском в особенности, весьма интересны и

замечательны, хотя не во всех отношениях утешительны" (письмо от 11.VII.⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 22. Л. 22).

[5] *...сказать что-нибудь о хлебе...* – И. Аксакову предстояло продать хлеб, прибытия которого он ожидал из аксаковского с. Надёжино Оренбургской губернии.

[6] *Что возражает Константин на мои письма?* – Несогласие возникнет впоследствии по вопросу о народном образовании (см. с. 112—114 наст. изд.).

[7] *Поступки Гриши решительно непонятны!..* – Речь идет о пожаре, случившемся в приобретенном в долг Г.С. Аксаковым в начале 1849 г. имении Головкино. В результате пожара сгорело 52 двора. Г.С. Аксаков заявил бывшему владельцу Михаилу Михайловичу Наумову, что не откажется от покупки, если Наумов возьмет на свой счет убыток от пожара (200 тыс. руб. ассигнациями) или если откажется от процентов за первый год. С.Т. Аксаков (как и Иван), осуждавший эту покупку, считал, что Наумов на это не согласится и что пожар в Головкине затянет петлю на шее Григория (см. письмо от 26.VI.⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 2–2 об.).

10 *9.VII 1849*

[1] *Перевезли ли Вы Веру?* – из Москвы в Абрамцево.

[2] *...равнодушен к управлению, потому что ищет только царствия Божия...* – К.С. Аксаков считал, что "земля" и "государство" всегда находились в отношениях взаимной доверенности, поскольку народ русский "не государственный", лишен политического честолюбия, но зато в высшей степени наделен смирением – главной христианской добродетелью (*Аксаков К.С.* Полн. собр. соч. М., 1889. Т. I. С. 13, 18).

[3] *...*1612 *и* 1812 *года составляют исключение.* – т.е. времена борьбы с польской интервенцией и наполеоновским нашествием, когда и купцы участвовали в общенародном движении за освобождение отечества.

[4] *...Константинову драму.* – "Освобождение Москвы в 1612 году", вышедшую в Москве весной 1848 г.

[5] *...потерял всякую веру... в жизнь.* – О том же читаем в письме И. Аксакова А.О. Смирновой в конце июня 1849 г.: "Я точно разбит параличом в духовном смысле; внутреннее оцепенение тяготит меня так, что до сих пор не могу освободиться от него никакими усилиями. Прошлая зима бросила в мою душу столько сомнения, подорвала столько с таким трудом усвоенных убеждений! Против всех наших теорий и взглядов я поставил вопросы, которых не разрешил мне никто; я потерял всякую веру в человеческие истины и стремления, всякую веру в человека, к которому, небезызвестно вам, я всегда был расположен питать достаточное презрение, начиная с себя самого, насквозь мною разобранного... Все это засело на дне души и дает тон всей внешней жизни..." (РА. 1895. № 12. С. 434).

[6] Квасия – дерево quassia amara, употребляемое в лекарствах.

11 *16.VII 1849*

[1] *...Ильин день...* – день пророка Ильи, отмечаемый 20 июля.

[2] *...в хозяйственный д⟨епартамен⟩т...* – министерства внутренних дел.

[3] *...отправил я... записку о расколе и о единоверии...* – Записку "О расколе и об единоверческой церкви в Ярославской губернии" см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 47.

[4] *Записка... противоречит несколько его взглядам о единоверии вообще.* – По мнению И. Аксакова, враждебность, присущая единоверческой церкви в Ярославской губернии, усугубляла раскол, поэтому введение единоверия он считал вредным и несвоевременным.

[5] *...взгляд на раскол "бывшего здесь в прошлом году чиновника м⟨инистерст⟩ва".* – Василия Александровича Алябьева, статского советника, чиновника особых поручений при министре внутренних дёл.

[6] *...Новгород был тиран-город в отношениях своих к принадлежавшим ему землям, селам и городам.* – Речь идет о Великом Новгороде. Его пригородами, составлявшими с городом одно политическое целое, управляло боярское правительство во главе с посадником.

[7] *...добившийся крестика...* – т.е. наградного креста.

[8] *...крестьянин везде лучше других.* – Здесь И. Аксаков сближается со старшими славя-

нофилами. К. Аксаков также был убежден, что русский крестьянин есть “лучший человек на русской земле”, что он “выше всех нас, выше писателей, и вкривь и вкось о нем толкующих и не знающих его” (письмо Н.В. Гоголю 1848 г. // РА. 1890. № 1. С. 155). Отношение К. Аксакова к образованному обществу, в том числе к писателям, объяснялось тем, что оно заражено пагубным иностранным влиянием. “Русский человек жив в *простом народе*, может быть, жив и в нас, но много-много заваленный всяким дрязгом и вздором, всякою ложью, всяким иноземным, привозным”, – писал он А.О. Смирновой (письмо 1846 г. // РГАЛИ. Ф. 485. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 45).

[9] *...Смирнова наконец в Калуге...* – И. Аксаков познакомился со Смирновой в начале зимы 1845 г. во время своей службы в Калуге, где ее муж Смирнов Н.М. был губернатором, затем встречался в Петербурге зимой и весной 1849 г. *Смирнова Александра Осиповна*, урожденная Россет (1809–1882) – фрейлина, известная своей красотой и дружбой с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, Н.В. Гоголем, Н.М. Языковым, А.С. Хомяковым.

[10] *Что Самарин: есть ли об нем какое-нибудь разрешение.* – См. прим. 9 к письму 3 и прим. 12 к письму 6. Ю.Ф. Самарин жил в подмосковной деревне в ожидании решения своей участи.

[11] *...может испортиться.* – С.Т. Аксаков знал о существовании этой редкой ягоды и в ответном письме сообщил, что она произрастает также в Вологодской, Вятской и других северных губерниях (см. письмо от 25.VII.⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 16 об.).

12 *23.VII.1849*

[1] *...писем не было.* – Задержка с письмами беспокоила и С.Т. Аксакова, знавшего о полицейском надзоре за сыном: “Я наведу здесь справки. Это особенно досадно мне: ибо переписка для меня великое дело и я всю жизнь наблюдал ее с точностью, это и сам ты знаешь” (письмо от 1.VIII.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 112).

[2] *...на кладбище, куда я не пошел...* – Описание раскольничьих похорон понравилось отцу, и он жалел, что Иван не пошел на кладбище и не посмотрел на совершаемые там обряды (см. письмо от 1.VIII.1849 г. // Там же).

[3] *...местность опасная.* – При усилении притеснений бессарабские раскольники переходили через границу.

[4] *...дело, я думаю, скоро кончится.* – Оно заключалось в присоединении к православной вере раскольников Романова-Борисоглебска (см. с. 43 наст. изд.).

[5] *...прекращение войны в Дании...* – Имеется в виду война 1849 г. из-за герцогства Шлезвиг-Голштинского. 6.VII.1849 г. произошло сражение датчан с германским корпусом около крепости Фридериции, прусские войска были оттеснены, о чем “Московские ведомости” сообщили 12 июля (С. 891). В следующем месяце газета напечатала известие о заключенном между Пруссией и Данией перемирии (Моск. ведомости. 1849. 4 авг. С. 919).

[6] *Евграф* – вероятно, сын управляющего аксаковскими деревнями в Оренбургской губернии Ивана Семеновича.

[7] *...несмотря ни на что, он не советует отказываться Грише от Головкина...* – После случившегося в Головкине пожара оно перешло к прежнему владельцу М.М. Наумову.

[8] *...немного нагулялись нынешним летом сестры.* – в Абрамцеве.

[9] *...этот человек не стоит со мною на одном уровне...* – В письме А.О. Смирновой в конце июня 1849 г. И. Аксаков также жаловался на свое одиночество: «У вас есть с кем перекинуть умное слово; а я здесь не только совершенно “как чуждый гость на празднике чужом”, но и не могу найти человека, с которым бы мог поговорить от души. Для меня интересен разговор с купцом об овсе и о сале, о рогожах и канатах и т.п.; но нам, людям образованным, иначе людям с утонченным душевным воспитанием, людям ... черт знает каким, нужен разговор от времени до времени иного рода» (РА. 1895. № 12. С. 435).

[10] *...две вещи совершенно разные.* – Считая разрыв сословий совершившимся фактом, И. Аксаков видел трудность сближения, за которую ратовали славянофилы, в уровне образования, в невозможности просвещенному человеку удовлетвориться той жизнью, какою живет народ. Уверовав в то, что образованное сословие должно вернуться к народу, славянофилы не представляли, как конкретно это должно осуществиться. Ясность была только в одном – сближение просвещенного человека и крестьянина мыслилось ими на основе религиозной веры.

13 *30.VII.1849*

[1] *...провожали Над ⟨ежду⟩ Тимофеевну...* – Карташевскую Н.Т. (1794–1887), сестру С.Т. Аксакова; она проехала через Москву в Петербург, где жила, с Серных вод.

[2] *...Константин ... написал письмо.* – Какое именно письмо было получено И. Аксаковым от брата, определить затруднительно, так как даты на письмах К.С. Аксакова, адресованных в Ярославскую губернию, обычно отсутствуют (см.: РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б).

[3] *...буду отвечать...* – См. письмо от 25.X.1849 г. (с. 73—74 наст. изд.).

[4] *...мне вышел чин надв⟨орного⟩ советника...* – Произведен в чин 20.VII.1849 г.

[5] *...отчего Грише не дают этого чина...* – Г.С. Аксаков был произведен в надворные советники 21.1.1850 г.

[6] *...высказать свои объяснения и оправдания!* – С.Т. Аксаков считал, что Головкино хочется удержать С.А. Аксаковой, которая представляла дело так, будто это желание ее мужа. "Положение Гриши сокрушает меня, – жаловался С.Т. Аксаков Ивану. – Не могу придумать, как он может выпутаться из такой беды" (письмо от 20.VI.⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22г. Л. 2 об.).

[7] *...я с Серных вод...* – И. Аксаков ездил туда летом 1848 г.

[8] *...не приехал в Языково...* – Имение Шишковых в Бузулукском уезде Оренбургской губернии находилось в 65 верстах от Симбирска и в 100 верстах от Самары.

[9] *...никого, кроме брата, и не было.* – брата С.А. Аксаковой Александра Александровича Шишкова.

[10] *...книга, писанная полууставом...* – одним из трех типов почерков (устав, полуустав, скоропись), которыми писались древнерусские рукописи.

[11] *...историю первых времен раскола...* – Речь идет о второй половине XVII в.

[12] *...чуть ли этот антихрист не Феофан Прокопович...* – Феофан Прокопович (1681–1736) – поэт, драматург, публицист эпохи петровских преобразований, вице-президент Святейшего Синода. По указу царя составил новый устав русской церкви – "Духовный регламент" (1720), уничтоживший патриаршество, что вызвало резко отрицательное отношение к Прокоповичу в консервативных и клерикальных кругах.

[13] *...на просмотр Надеждину ... для внутренней истории раскола.* – Надеждин Николай Иванович (1804–1856) – литературный критик, эстетик, профессор Московского университета, издатель журнала "Телескоп" и газеты "Молва" (1831–1836). После возвращения из ссылки (за публикацию в "Телескопе" в 1836 г. "Философического письма" П.Я. Чаадаева) с 1842 г. служил в министерстве внутренних дел, где редактировал журнал этого министерства (с 1843 г.) и занимался делами раскола. Автор исследования "О скопческой ереси" (1845). Получив впервые в октябре 1848 г. секретное поручение министерства внутренних дел по исследованию раскола в Бессарабии, И. Аксаков консультировался у Надеждина.

[14] *...раньше Рождества и Святок.* – Рождество – 25 декабря, Святки – с 25 декабря по 6 января.

[15] *...в отпуск в Симбирскую губернию?* – Приказом министра внутренних дел от 4.VIII.1849 г. Ю.Ф. Самарин был направлен в распоряжение симбирского губернатора князя Петра Дмитриевича Черкасского.

[16] Анна Севастьяновна – гувернантка младших сестер И. Аксакова.

14 *6.VIII.1849*

[1] *Поздравляю вас с праздником...* – Преображения, отмечаемого 6 августа.

[2] *...в Сенгилеях...* – уездном городе Симбирской губернии.

[3] *...сколько их останется вам, за уплатою процентов...* – Аксаковские имения были заложены в Опекунском совете с 1841 г. Проценты за Надёжино Оренбургской губернии летом 1849 г. не платили чуть ли не год. Имение было велено описать, и только по просьбе управляющего Ивана Семеновича становой отложил исполнение.

[4] *...обращают внимание не на качество, а на количество паствы.* – С.Т. Аксаков думал одинаково с сыном, которому писал: "Духовенство наше никуда не годится: оно решительно вредит религиозным убеждениям народа и восстановило его против себя, но как этому злу помочь – это мудреная задача. Как сделать, чтоб крестьянин не видел в попе чиновника от правительства, который держит руку помещиков" (письмо от 10.VIII.⟨1849 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 114).

[5] Кузьма Иванович – священник соседнего с Абрамцевым села Ахтырки.

[6] ... *стихотворения Григория Богослова.* – Григорий Назианзин (ок. 330 – ок. 390) – греческий поэт и прозаик, церковный деятель.

[7] ...*обратить на него внимание и Гоголю также.* – С.Т. Аксаков в письме от 27.VIII.⟨1849 г.⟩ советовал Н.В. Гоголю прочесть стихотворения Григория Богослова (*История моего знакомства с Гоголем.* С. 201).

15 *9.VIII 1849*

[1] ...*заставить его проехаться...* – Об этом мечтала и О.С. Аксакова, недовольная инертностью Константина, излишней привязанностью сына к семье. "Как желала бы я, мой друг, чтобы Константин поехал к тебе, чтобы он видел людей и не жил бы постоянно зиму в абрамцевском монастыре. Тяжело мне смотреть на него..." (письмо Ивану 1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 17об.). О том же писал отец: "Он ничего не делает, и я не знаю, как этому помочь. Хотим прислать его к тебе в Рыбинск" (письмо от 11.VII.⟨1849 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 22. Л. 22). Не только семейство, но и знакомые сокрушались, видя бездействие Константина. "Я думаю, – писала Ивану А.О. Смирнова, – что досуг сделает много вреда Константину Сергеевичу. Ему некуда девать избыток сил физических и душевных..." (письмо от 28.VI.⟨1849 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 2об.).

16 *13.VIII 1849*

[1] ...*зная его характер...* – И. Аксаков относился иронично к страхам Константина перед холерой. 18.IV.1849 г. он писал родным из Петербурга: "Я же не выпил в прошлую холеру, как Константин, 5 бочек хересу и трех рому!.. Бог милостив..." (*Аксаков.* С. 492).

[2] ...*напоминает собой Оптину пустынь.* – И. Аксаков был в Оптиной пустыни (Калужская губерния) в августе 1846 г. (см.: там же. С. 294–295).

[3] ...*на Успеньев день...* – день Успения Богородицы, отмечаемый 15 августа.

[4] ...*с окончанием поста заранее поздравляю.* – Успенский пост с 1 по 14 августа.

[5] ..."*русский Геркулес или Раппо...*" – неоднократно гастролировавшая в России труппа Карла Раппо, в составе которой было 64 человека. Особенно удавались артистам живые картины (см.: ОЗ. 1852. Февр., март. Отд. Смесь). Кроме Карла, были еще Франсуа и Петр Раппо.

[6] ...*жонглер и акробат ярославский Семен Ляпин...* – Семен Иванович Ляпин происходил из семьи ярославских чулочников. О его выступлениях см.: Москвитянин. 1853. № 7. Апр. Кн. 1. Отд. VII. С. 127.

[7] ...*письмо от графа Д⟨митрия⟩ Н⟨иколаевича⟩ Толстого (чиновника нашего м⟨инистерст⟩ва)...* – См.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 609. Д.Н. Толстой – чиновник особых поручений при министре внутренних дел. И. Аксаков общался с ним во время пребывания в Петербурге весной 1849 г. В 50-е годы губернатор рязанский, калужский и воронежский, в 1861–1863 гг. директор департамента полиции министерства внутренних дел, в 1876–1879 гг. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете.

[8] *Митрофаний* – Митрофан Воронежский – первый воронежский епископ (1682–1703), сторонник реформ Петра I.

[9] *Жду вашего ответа о Константине.* – Речь идет о предполагаемом приезде К. Аксакова к брату в Ярославскую губернию.

17 *20.VIII 1849*

[1] *Отсутствие войск из Петербурга...* – находившихся в это время в Венгрии в связи с буржуазной революцией 1848–1849 гг., в подавлении которой приняли участие войска царской России.

[2] ...*это эльдорадо...* – Речь идет о Головкине. Сообщая Ивану о покупке имения Григорием, С.Т. Аксаков так описывал его достоинства: "...имение чудесное, по местоположению своему единственное (Волга подливается весной под самые амбары, и хлеб грузят не кулями, а прямо из сусеков или закром сыплют его по желобам в барки), земля превосходная, будет возрастать в цене ежегодно, при всяких *изменениях* и теперь уже стоит около миллиона..." (письмо от 22.II.⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 41–41об.).

[3] *...его, конечно, достать трудно...* – В это время Г.С. Аксаков узнал о вакансии вице-губернаторского места в Симбирске (см. его письмо родителям от 4.VIII.⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 22. Л. 18).

[4] *...Василий Алекс⟨еевич⟩ Перовский.* – Перовский В.А. (1795–1857), граф – генерал от кавалерии, член Государственного совета с 1846 г., в 1851–1857 гг. – оренбургский и самарский генерал-губернатор. Брат министра внутренних дел Л.А. Перовского.

[5] *...не могу получить штатное место.* – Не совсем так: И. Аксаков отказывался от всех предлагаемых ему мест, желая служить только чиновником по особым поручениям.

[6] *Погуляева же никак не назначат...* – Симбирский губернатор П.Д. Черкасский просил назначить на место вице-губернатора Н.Г. Погуляева, в случае его отказа Г.С. Аксаков намерен был хлопотать об этом месте для себя (см. письмо Г.С. Аксакова родителям от 4.VIII.⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 22. Л. 18об., 19). Погуляев Николай Тимофеевич (1821–1859) – приятель И. Аксакова, в 1849 г. надворный советник, обер-секретарь 5-го департамента Правительствующего Сената.

[7] *...по милости его друга и покровителя Пинского.* – Речь идет о Карниолине-Пинском Матвее Михайловиче (1796 или 1800–1866), действительном статском советнике, с мая 1845 г. директоре департамента министерства юстиции, впоследствии сенаторе. С ним дружил С.Т. Аксаков. Письма Карниолина-Пинского к нему см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 62.

[8] *...вроде гоголевского чиновника в "Театральном разъезде"...* – Имеется в виду "Очень скромно одетый человек", считающий, что он "полезен своему месту", и потому не бросающий службу.

[9] *Фаланстеры* – община утопического социалиста Фурье Шарля (1772–1837).

[10] Фассио Вера – знакомая семьи Аксаковых. Жила с мужем в Дрездене, в 1849 г. приезжала в Москву и навестила Аксаковых.

[11] *...давали "Ревизора"...* – О рыбинской постановке пьесы С.Т. Аксаков сообщил ее автору в письме от 27.VIII.⟨1849 г.⟩ (История моего знакомства с Гоголем. С. 201).

[12] *Оно хоть и не мешает ему послужить в губернии...* – См. прим. 15 к письму 13. Ю.Ф. Самарин прибыл в Симбирск 28.VIII.1849 г.

[13] *Значит, не очень везет!..* – В словах царя во время личной беседы после ареста весной 1849 г. Ю.Ф. Самарин уловил "что-то необыкновенно ободряющее" (письмо А.О. Смирновой от 6.IV.1849 г. // *Самарин.* Т. XII. С. 379), но уже тогда С.Т. Аксаков предупреждал Ивана, арестованного вслед за Самариным: "...вы с Самариным ничего хорошего ждать не можете и не должны" (Письма. Т. II. С. 142).

[14] *Заставьте его прочесть стихотвор⟨ения⟩ Григ⟨ория⟩ Богослова.* – См. прим. 6 к письму 14.

[15] Эта записка, датированная, как и письмо, 20.VIII.1849 г. (см. ниже), написана на отдельных листах меньшего формата. Указание на 1847 г. – описка.

18 *23.VIII 1849*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Ящик отправил к Мамаеву.* – Речь идет о посылке родным (см. с. 47 наст. изд.).

[3] *Чин получил.* – чин надворного советника.

19 *27.VIII 1849*

[1] Публикуется впервые.

[2] *О долге в Опек⟨унском⟩ совете...* – См. прим. 3 к письму 14.

20 *30.VIII 1849*

[1] *...со вчерашним и нынешним праздником...* – 29 августа – усекновение главы Иоанна Крестителя, 30 августа – перенесение мощей князя Александра Невского и обретение мощей князя Даниила Московского.

[2] *...о назначении мне помощника, какого-то Эйсмонта...* – В 1849 г. в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел во временном отделении по городскому хозяйству числился губернский секретарь Станислав Осипович Эйсымонт.

[3] *...о посещении Путяты, Гоголя и Хомякова.* – См. об этом: История моего знакомства с

Гоголем. С. 199–200. Путята Николай Васильевич (1802–1877) – литератор, приятель Е.А. Баратынского, женатый на дочери Л.Н. Энгельгардта Софье Львовне (1811–1884). После смерти Баратынского (1844) к С.Л. Путяте перешло Мураново, расположенное в 8 верстах от Абрамцева. Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – выдающийся идеолог славянофильства, поэт, драматург, литературный критик, философ.

[4] *Путята – хороший человек.* – С.Т. Аксаков был того же мнения. "...Он сам кажется порядочный человек и его сестра и жена – неглупые женщины", – писал он Ивану после посещения дома Н.В. Путяты (письмо от 29.VIII.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 3об.).

[5] *...познакомился с ним у Вяземского...* – С П.А. Вяземским И. Аксаков общался весной 1849 г. во время пребывания в Петербурге. Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь – поэт, друг А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, П.А. Плетнева, в 1855–1858 гг. товарищ министра народного просвещения, с 1867 г. член Государственного совета.

[6] *Гоголь читал ей 2-й том "Мертв⟨ых⟩ душ"...* – В июне 1849 г. А.О. Смирнова, будучи в Москве проездом из Петербурга, взяла с Н.В. Гоголя обещание посетить ее в Калуге. В начале июля того же года в сопровождении сводного брата Смирновой Л.И. Арнольди Гоголь приехал в Калугу. О чтении им нескольких глав II тома "Мертвых душ" в Калуге известно из воспоминаний Арнольди (см.: Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 482–489).

[7] *Нельзя сердиться на Гоголя, что он Вам не читал "М⟨ертвых⟩ д⟨уш⟩".* – В конце августа 1849 г. Н.В. Гоголь познакомил Аксаковых со II томом поэмы, о чем сообщил Ивану отец: «Не могу долее скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома "Мертвых душ". Слава Богу! Талант его стал выше и глубже. Мы обещали ему не писать даже и к тебе; но нет сил молчать. Глава огромнейшая. Чтение продолжалось час с четвертью» (Письма. Т. II. С. 217). См. также: История моего знакомства с Гоголем. С. 199–200.

[8] *Нынче царский день...* – именины наследника, великого князя Александра Николаевича, и великого князя Александра Александровича. Отмечалось также рождение великой княгини Ольги Николаевны.

[9] Овер Александр Иванович (1804–1864) – доктор медицины и хирургии, с 1842 г. преподавал в Московском университете. Домашний врач Аксаковых, под его постоянным наблюдением находилась больная сестра И. Аксакова Ольга.

21 *3.IX 1849*

[1] *...сообщаем один и тот же секрет! Я говорю о Гоголе.* – И. Аксаков сообщил родным о чтении Н.В. Гоголем II тома "Мертвых душ" в Калуге (см. с. 51 наст. изд.), С.Т. Аксаков писал сыну, что глава из II тома читалась в доме Аксаковых (см. прим. 7 к письму 20).

[2] *...одна ли глава написана или несколько?* – Отец отвечал 8.IX.⟨1849 г.⟩: «В прошедшую середу (но не вчера), часов в 8 вечера, Гоголь удивил нас своим приездом, который был, вероятно, следствием моего письма к нему о первой главе второго тома "Мертвых душ". Он был так доволен им, что не захотел подождать несколько часов, чтоб ехать вместе с Константином, который в тот же день выехал из Москвы вечером, и в четверг рано поутру к нам приехал... Гоголь пробыл у нас 6 дней, но ничего не читал своего, хотя вечера, т.е. с пяти часов пополудни проводил с нами в гостиной, читал нам всякую всячину и не давал спать Конст⟨анти⟩ну. Мы не напрашивались на чтение, хотя очень хотелось нам послушать вторую главу. Впрочем, в последний вечер он сказал нам, что кое-что поправит и тогда прочтет. Смирновой он, верно, читал гораздо больше»; "Гоголь сам сказал, что у него написано очень много, только неотделано. Он даже не противоречил мне, когда я сказал, что оба тома должны быть написаны" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 26–26об., 27).

[3] *... долг Опек⟨унскому⟩ совету заплачен.* – См. прим. 3 к письму 14.

[4] *Министром или губернатором...* – Вице-губернаторское место для Н.Т. Погуляева просил симбирский губернатор князь П.Д. Черкасский.

[5] Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869), граф – главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями с августа 1842 г. до ноября 1855 г., с 1842 г. член Государственного совета.

[6] *Давали "Людовика XI-го, или Заколдованный дом", трагедию в стихах, перевод Ободовского.* – Вероятно, речь идет о трагедии французского поэта и драматурга Делавиня Жан Франсуа Казимира (1793–1843), написанной в 1832 г. Ободовский Платон Григорьевич (1805–1864) – переводчик, писатель.

[7] *... армия совершила блистательную кампанию.* – См. прим. 1 к письму 17.

[8] *Что будет с Георги...* – Гёргей Артур (1818–1916) – главнокомандующий венгерской революционной армией с марта 1849 г., непоследовательная тактика которого привела к капитуляции 13.V.1849 г. В "Московских ведомостях", систематически публиковавших известия из Венгрии, именовался по-разному: Гёрги, Георги, Георгий.

22 *10.IX 1849*

[1] *... в самый день рождения Надиньки...* – 14 сентября.

[2] *... дядя Арк⟨адий⟩ Тим⟨офеев·ич⟩ приехал...* – Аксаков А.Т. (1803–1862) – брат С.Т. Аксакова, гвардии прапорщик, симбирский помещик. С 1846 г., наняв дом, жил в Москве.

[3] *... Ник⟨олай⟩ Тим⟨офеевич⟩ должен скоро быть...* – Аксаков Н.Т. (1797–1882) – брат С.Т. Аксакова, богатый помещик, имения которого находились в Самарской, Симбирской, Оренбургской и Пензенской губерниях. Четыре раза (в 1847, 1850, 1853 и 1856 гг.) дворянством Симбирской губернии избирался губернским предводителем.

[4] *... его положение очень неприятное...* – Имеется в виду пожар в Головкине, купленном Г.С. Аксаковым.

[5] *... смерть в⟨еликого⟩ князя Мих⟨аила⟩ Павловича.* – умершего 28.VIII.1849 г. в Варшаве.

[6] *... один из лучших служак.* – Михаил Павлович (1798–1849) был генерал-инспектором по инженерной части, начальником Пажеского и всех кадетских корпусов, главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами.

[7] *... слухи о приезде Георги в Москву. Не сбылись, видно!* – Слухи были и об отправке Георги в Россию, и об отправке в Вену (Моск. ведомости. 1849. 30 авг.). 1.IX.1849 г. газета сообщила о том, что Георги находится в венгерской крепости Темешваре (Темешвар) – это сообщение и имел в виду И. Аксаков. Впоследствии Георги был помилован Николаем I и отправлен в Австрию.

[8] *... искажено, переодето, но живет.* – Это сообщение очень обрадовало К.С. Аксакова, который писал брату: "Я был уверен, и твои слова только подтверждают мое мнение, что община с своим единогласием существует в России. Естественно, что она есть между купцами" (письмо ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 15–15об.). С.Т. Аксакову рыбинские общественные собрания также показались очень интересными: "...без всякого сомнения, это те же сходки, изменившиеся в той мере, в какой изменились члены, ее составляющие. Весьма важно, если в сословиях, принадлежащих к земщине, общинное начало еще живет. Непременно сообщим об этом Хомякову. Константин торжествует" (письмо от 15.IX.1849 г. // Там же. Ед. хр. 22г. Л. 4).

23 *13.IX 1849*

[1] *Поздравляю ...тебя, милый друг Надя...* – с днем рождения.

[2] *... послезавтра 17-ое.* – И. Аксаков допустил неточность: письмо написано 13.IX.1849 г., следовательно, послезавтра было 15-е.

[3] *Поздравляю ...именинниц.* – 17 сентября были именины Веры, Надежды, Любови и Софьи.

24 *17.IX 1849*

[1] *И с нынешним днем именин, и с будущим 20-м сентября поздравляю...* – См. прим. 3 к письму 23. 20 сентября – день рождения С.Т. Аксакова.

[2] *Если вы останетесь в деревне...* – Семья Аксаковых была намерена предстоящую зиму жить в Амрамцеве из-за стесненных денежных обстоятельств (в аксаковских деревнях хлеб погорел от засухи, и продавать было нечего).

[3] *...как вы сделаете с Олинькой...* – Сестра И. Аксакова Ольга, нуждавшаяся в постоянном наблюдении докторов, должна была жить в Москве.

[4] *...дом Пушневичей отдан по 1-ое октября.* – Семья переселилась в этот дом на Сивцевом Вражке, нанятый на год, 16.X.1848 г.

[5] *...нашел ... ''Московский литерат⟨урный⟩ сборник'', обе части...* – Имеется в виду ''Московский литературный и ученый сборник'' 1846 г. и ''Московский литературный и ученый сборник на 1847 год'', изданные В.А. Пановым.

[6] *''Москвитянин''* (1841–1856) – московский журнал, издававшийся М.П. Погодиным при

ближайшем участии С.П. Шевырева, орган ''офицчальной народности''; ''*Северное обозрение*'' (1848–1850) – петербургский учено-литературный журнал (издатели – Ф.К. Дершау, В.В. Дерикер).

[7] Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – писатель, историк, профессор Московского университета, с 1841 г. академик, издатель журнала ''Москвитянин''; Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – литературный критик, историк литературы, поэт, профессор Московского университета, ближайший помощник Погодина в издании ''Москвитянина''.

[8] *Вот они – невидимые плоды!* – С.Т. Аксаков отвечал: ''Как приятно было мне и особенно Константину прочесть в твоем письме о Попове! Вот оно, невидимое и скромное действие добрых книг. Выписки из твоего письма сегодня же отправляются к Грише и будут сообщены Панову и Самарину'' (письмо от 22.X. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 6).

[9] ...*Константинову драму...* – ''Освобождение Москвы в 1612 году''.

[10] ... *огорчения семейные.* – болезнь жены Г.С. Аксакова – С.А. Аксаковой.

25 *18.IX 1849*

[1] Публикуется впервые.

[2] Меднов – дядя И.А. Ненюкова.

[3] ... *поздравляю с 25-м.* – днем именин С.Т. Аксакова.

26 *24.IX. 1849*

[1] С.Т. Аксаков по получении этого письма извещал сына: ''Очень, очень благодарю тебя за первое письмо из Пошехонья: оно интересно во всех отношениях, я сохраняю аккуратно твои письма. Вот так бы надобно было объездить всю Россию (разумеется, не одному человеку) и такого роду описание было бы полезно прочесть вашему министру, если он предан душой своей многотрудной и обширной должности. Какое разнообразие нашей беспредельной Руси! 60 верст от Рыбинска до Пошехонья – и какая разница'' (письмо от 29.IX. ⟨1849 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 116).

[2] ... *и откуда-то уже раз выгнанный.* – Получив описание Пошехонья, мать отвечала Ивану в сентябре 1849 г.: «Как же назад тому 13 лет обвиняли Гоголя за ''Ревизора'', что нет и не может быть такого города и таких людей, а теперь это у тебя все *в очию совершается*» (РМ. 1915. Авг. С. 115).

[3] Сога – приток Согожи.

[4] ...*ведущих к труду – к грамматике.* – Отец сообщал Ивану о Константине: ''Он теперь начал кое-чем заниматься. Для грамматики ему нужно более сблизиться с латинским языком, и для этого он усердно читает Тита Ливия и говорит, что читает легко'' (письмо от 15.IX.1849 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 4–4 об.).

[5] *Дяди, верно, у Вас этот день.* – А.Т. и Н.Т. Аксаковы.

27 *1.X 1849*

[1] ... *с нынешним праздником.* – днем Покрова.

[2] *Теперь это недоумение Ваше разрешилось...* – И. Аксаков вслед за письмом от 17.IX.1849 г. отправил отцу письмо от 18.IX.1849 г. с переводом денег за проданные муку и овес.

[3] ''... *разрешено печатание старых, неисправленных книг''.* – т.е. существовавших до второй половины XVII в. Желая привести русское православие к Византии, упорядочить церковную службу, патриарх Никон решил исправить богослужебные книги, в которых имелись ошибки. С этой целью в Москву в 1650 г. были вызваны ученые-монахи из Киева, переводчики из Византии. Большинство духовенства, крестьяне и часть боярства отнеслись неодобрительно к реформам Никона, увидев в них посягательство на исконную православную церковь.

[4] *Посолонь* – по солнцу, с востока на запад.

[5] ...*наши споры о дочери штабс-капитана Данилова.* – Содержание споров выяснить не удалось.

[6] ...*вспомнил Белебей...* – уездный город Оренбургской губернии.

[7] ...*бывал в Надёжине...* – в селе, в котором родился И. Аксаков.

[8] ...*припомнил разные стихи Ваши... про Юсупова, Наврозова...* – Эти стихи, написанные С.Т. Аксаковым в пору молодости, нам неизвестны. Наврозов Матвей Андреевич -- оренбургский губернатор (1812–1821).

[9] *...не мог носить меня на руках.* – И. Аксаков родился 26.IX.1823 г.

[10] *Львов Георгий* Владимирович (1821–1873), князь – приятель И. Аксакова по Училищу правоведения. Письма Львова И. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 347.

[11] *В понедельник был мой день рожденья и именин.* – 26 сентября.

[12] *...поздравляю Марихен, Константина и всех сестер.* – 4 октября – день рождения М.С. Аксаковой (Марихен).

[13] Катя – по-видимому, дочь или внучка гувернантки Анны Севастьяновны.

28 *18.X 1849*

[1] *...о царевиче Дмитрие...* – царевич Дмитрий (1582–1591) – сын Ивана Грозного и Марии Федоровны Нагой (ум. в 1612 г.), отправленный в 1584 г. царем Федором Ивановичем в Углич и там погибший 15.V. 1591 г. при непроясненных обстоятельствах.

[2] *...доказывают, что не Годунов был причиною его смерти...* – Поскольку смерть царевича Дмитрия была выгодна, как считали Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, Борису Годунову, претендовавшему на престол, имеется версия, согласно которой именно он направил в Углич убийц. М.П. Погодин, напротив, считал Годунова невиновным в смерти царевича (см.: *Погодин М.П.* Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия // МВ. 1829. № 3).

[3] *...что Самозванец был истинный Дмитрий...* – В 1604–1612 гг. два самозванца выдавали себя за царевича Дмитрия.

[4] *...Битяговского с сообщниками.* – Согласно народной молве, убийство царевича совершили Михаил Битяговский, его сын Даниил, племянник Никита Качалов и сын няньки царевича Осип Волохов.

[5] Шуйский Василий Иванович (1552–1612) – русский царь (1606–1610).

[6] *...надеюсь привезти вам это все к Рождеству.* – "Описание Углича так у тебя живо, интересно, – писал отец, – что если б теперь не была такая гнусная погода и если б я был здоров, как бываю обыкновенно, то я сел бы в карету с Константином и приехал к тебе" (письмо ⟨от октября 1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 53об.).

[7] *...Археографическая экспедиция взяла копии... грамот и напечатала их.* – См. прим. 3 к письму 3.

[8] Двугривенный – 20 копеек; четвертак – четверть рубля, 25 копеек.

[9] *На манер королевы Бланш.* – Королевами Бланш (Белыми королевами) называли овдовевших королев Франции – они носили белые одежды. Какой была их прическа, выяснить не удалось. По всей вероятности, она была скромной.

[10] *Я люблю крестьянина столько же, сколько и Константин...* – См. прим. 8 к письму 11.

[11] *...перечесть у Карамзина описание убиения царевича Дмитрия.* – в X томе "Истории государства Российского".

29 *21.X 1849*

[1] *...день семика...* – народный праздник, отмечаемый в четверг седьмой недели после Пасхи (в некоторых местностях впоследствии был приурочен к Троице).

[2] *Донесли ростовскому митрополиту Ионе Сысоевичу...* – Иона III Сысоевич (ум. в 1691 г.) – ростовский митрополит, блюститель патриаршего престола, когда патриарх Никон, рассорившись с царем, уехал из Москвы.

[3] *Екатерина уничтожила этот вредный обычай.* - императрица Екатерина II.

[4] *...а статья Константина?..* – "Общественная благотворительность наших дней" (Моск. ведомости. 1847. 15 февр.).

[5] *...слова, сказанные в моей статейке...* – Неясно, какая статья имеется в виду.

[6] Каролина Карловна Павлова, урожденная Яниш (1807–1893) – поэтесса, жена писателя Н.Ф. Павлова.

[7] *Неужели ты не почувствовал их ударов?* – Вопрос обращен к К.С. Аксакову. Посылая позднее родным стихотворение "После 1848 года" (1850), И. Аксаков желал, чтобы его прочли "Грановскому или вообще людям, у которых болела душа от 1848 года". И с горечью добавил: "Даже у Константина она не болела..." (с. 193 наст. изд.).

[8] *...направлена больше против веселой и пошло-общественной благотворительности.* –

К.С. Аксаков в статье (см. выше) возмущался устроенными во время поста благотворительными катаниями с гор, а также тем, что несчастия бедных вызывают ''общественное веселие''.

[9] *...чтоб благотворение совершалось втайне, каждым от себя...* – К.С. Аксаков был того же мнения: ''Меня сердят наши бон-тонные благотворители, которые добрые дела обратили в моду, братскую любовь в службу и служат по части добродетели с целию получать чины и награды. – Но если бы они и бескорыстно служили по добродетельной части, то худо уже, что они обращают в официальное публичное занятие то, что должно быть делом совести и преимущественно тайным. Здесь происходит слов смешение, которое вредно для нравственной стороны человека и даже для самой пользы'' (письмо Ивану от 11.XII. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 10–10 об.).

[10] *...хозяйка готова, как в Романове, закабалить девку лет на 20 к себе в услужение...* – См. с. 22–23 наст. изд.

[11] *Сын Серебренникова...* – сын угличского мещанина Ивана Петровича Серебренникова Василий (ум. в 1885 г.).

[12] *...может быть, поскользнется.* – В данном случае И. Аксаков рассуждает в духе славянофилов, которые считали, что просвещение разрушает народные понятия, удаляет образованных людей от народа, ведет к губительному сближению с Западом.

[13] *...на пути к просвещению держался бы Веры и Церкви как якоря...* – Преимущество русского просвещения перед европейским славянофилы видели в религиозном характере. Безверие части дворян славянофилы объясняли вредным влиянием Запада, забвением основ русской народности. Поэтому задача, которую они ставили перед образованным обществом, заключалась в том, чтобы ''внутри себя освобождать Русского человека от иностранца'' (письмо К.С. Аксакова Ю.Ф. Самарину 1846 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 33. Л. 1 об.).

[14] *...язык, не похожий ... на офенский ...* – т.е. на жаргон офеней (бродячих торговцев, коробейников).

[15] *...вице-губернатором назначен Муравьев...* – коллежский советник Муравьев Николай Михайлович (1820–1869), сын М.Н. Муравьева, человек ''очень хороший'', по отзыву С.Т. Аксакова (записка Ивану без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 7 об.). Это суждение противоречит отзыву М.Е. Салтыкова-Щедрина, считавшего Н.М. Муравьева ''величайшим подлецом'' (письмо П.В. Анненкову от 29.XII.1859 г. // Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. XVIII. С. 220). Назначенный в 1859 г. рязанским губернатором, он вел себя вызывающе: ''Главное основание всех его действий – неуважение к чужой мысли, чужому мнению и чужому труду'' (письмо М.Е. Салтыкова-Щедрина В.П. Безобразову от 8.XI.1859 г. // Там же. С. 217). Не желая служить под его началом, Салтыков-Щедрин просил о переводе в другую губернию. А.И. Герцен был такого же мнения о Муравьеве: «Россия знает, кто такой рязанский губернатор Муравьев, о котором в ''Материалах по делу освобождения'' сказано: ''один из подлейших людей и сквернейших губернаторов...''» (Колокол. 1861. 1 марта. Л. 93).

[16] *...ни Погуляев, ни Гриша не получили этого места.* – См. прим. 6 к письму 17.

[17] *...смерть Димитрия Петровича Бутурлина.* – умершего 9.X.1849 г. Бутурлин Д.П. (1790–1849) – председатель секретного комитета, созданного в 1848 г. для надзора за печатью, так называемого ''Бутурлинского комитета''.

[18] *...о болезни Хомякова...* – болезни глаз.

[19] *Поздравьте от меня Панова с столь быстрым приращением семейства.* – Родные сообщили И. Аксакову о рождении у Панова сына. Панов Василий Алексеевич (1819–1849) – историк-славист, славянофил. Автор брошюры ''Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации'' (1844), издатель ''Московских сборников'' 1846 и 1847 гг.

30 *25.X 1849*

[1] Публикуется впервые. Подлинник – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 20–21 об.

[2] *...может быть, ты уже в дороге?* – К.С. Аксаков приехал к брату только в марте 1850 г.

[3] *...ты принялся за работу.* – над грамматикой. Отец сообщал Ивану 6.X.1849 г.: ''Конста начинает постоянно заниматься, и я буду стараться постепенно усиливать его занятия'' (РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 14об.). Первая часть грамматики была окончена к концу 1849 г., напечатана в 1860 г. (Опыт русской грамматики. М., 1860. Вып. I).

31 *29.X 1849*

[1] *Только бы не превращали ее в веселую.* – См. прим. 9 к письму 29.

[2] *...для решения общественных дел.* – Имеется в виду ''Жалованная грамота городам'' Екатерины II 1785 г., согласно которой городским жителям, купцам и мещанам, были предоставлены некоторые права внутреннего самоуправления (представительные собрания, благоустройство города и т.п.). Но уже к концу XVIII в. городские собрания фактически прекратились (см.: *Дитятин И.* Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877. С. 115, 116).

[3] *...собрать собрание стоит немалого труда...* – О равнодушии городских жителей к общественным собраниям И. Аксаков вспоминал впоследствии в статьях, напечатанных в газетах ''День'' (10.II.1862) и ''Москва'' (13.VII.1868) (см.: *Аксаков И.С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1887. Т. VI. С. 180–186, 334–341).

[4] *...это равнодушие святое, проистекающее от высоких причин...* – полемика с К.С. Аксаковым, считавшим, что равнодушие русского народа к делам управления проистекает оттого, что он ''слишком серьезен, слишком общинен'', чтобы тешиться формами, которыми тешатся другие народы (письмо Ивану без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 41).

[5] *...с зубами маленькой Олички.* – дочери Г.С. и С.А. Аксаковых, родившейся 26.XII.1848 г.

[6] *...со времени последнего письма ее о Гоголе...* – См. об этом на с. 51 наст. изд.

32 *5.XI 1849*

[1] *...прибегнуть к Бубе.* – лекарству, рекомендованному С.Т. Аксакову от мигрени (Sirop de Boubée). ''...Чудное лекарство, состав которого никому из медиков неизвестен'', – сообщал отец Ивану (письмо от 3.XI.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 39об.). Не зная, как оно подействует, К.С. Аксаков не решался оставить отца, чтобы приехать к Ивану в Углич (см. письмо Ивану без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 1б. Л. 17).

[2] *...в бытность мою в Петербурге ...* – зимой и весной 1849 г.

[3] *...уговаривал Яшу и Володю взять места стряпчего и товарища председателя.* – С.Т. Аксаков сообщил Ивану, что Яша определен товарищем председателя уголовной палаты в Уфу, а Володя – губернским стряпчим в Воронеж (см. письмо от 27.X. ⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 35об.). Карташевские Яков Григорьевич (род. в 1822 г.) и Владимир Григорьевич (род. в 1821 г.) – двоюродные братья И. Аксакова.

[4] *...дяди Аркадия...* – А.Т. Аксакова.

[5] *...не выходил из служилого сословия никогда.* – Суждения о боярах см. также на с. 33, 56, 68 наст. изд.

[6] *...Петру и Екатерине...* – Петру I и Екатерине II.

[7] *В эпоху 612-го года народ явился на сцену и осрамил бояр.* – Имеется в виду второе земское ополчение 1612 г., освободившее Москву и Русское государство от польских интервентов. Воеводы из бояр, предпочитая личную пользу пользе общественной, постоянно ссорились между собой.

[8] Ляпунов Прокофий Петрович (ум. в 1611 г.) – рязанский дворянин, один из организаторов первого земского ополчения 1611 г.; Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь – участник первого земского ополчения 1611 г. и один из руководителей второго земского ополчения 1612 г.

[9] *Разве в быту боярском, до Петра... не слышите вы застоялости, упорной, чопорной?* – полемика со славянофилами, идеализировавшими феодальное прошлое России, допетровские порядки. См. об этом также: *Аксаков.* С. 54.

[10] *...с появлением Петра гнилое боярское сословие мигом полетело вверх тормашкой...* – Имеется в виду петровская ''Табель о рангах'' (1722), шедшая вразрез с интересами родовитого боярства: положение человека в обществе определялось не его происхождением, а личными заслугами.

[11] *...царя Ивана Васильевича...* – Ивана IV (Грозного).

[12] *Современный купец ближе к крестьянам, нежели мы.* – К.С. Аксаков возражал брату: ''Из слов твоих часто видно, что ты забываешь, что купец никогда не может быть представителем жизни Русской'' (письмо ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 5). В другом письме Ивану этого же года он назвал купеческое сословие ''самым дурным'' (Там же. Л. 15об.). С ним был солидарен отец, заявивший в письме Ивану: ''Никто русских купцов не называет настоящими

русскими людьми'' (письмо ⟨1849 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 22г. Л. 53 об.). Познакомившись с купцами во время поездки к Ивану в Ростов, К.С. Аксаков изменил свой взгляд на купеческое сословие. При Петре I, когда дворянство оторвалось от русского быта, купечество хранило ему верность, поэтому купцу, считал он, легче вернуться к русским началам, чем дворянину: ''Во всяком случае, согласись, что купец не чужд народу, что народный ум ему доступен и сам часто является в нем вместе с народным словом. – Ты видишь, что я изменил мое мнение о купцах в их пользу. Я вижу в них положительную связь с народом, признаю в них возможность земского Русского голоса, чего решительно не признаю в нас и чего не признавал, не видел, по крайней мере, в купцах до сих пор'' (письмо Ивану без даты // Там же. Ед. хр. 1б. Л. 26–26 об.). В статье ''Московские записки'', над которой К.С. Аксаков работал в начале 50-х годов, говоря об устроенной московским купечеством промышленной выставке, он восклицал: ''Русское купечество! Ты должно теперь почувствовать свое достоинство, свою важность, свое высокое назначение!'' (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 1 об.).

[13] *Говорят, на место Уварова граф Протасов, а на место Протасова молодой Адлерберг*? – Речь идет об отставке С.С. Уварова в октябре 1849 г. Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф – министр народного просвещения в 1833–1849 гг., президент Академии наук, создатель теории ''официальной народности''. На место министра народного просвещения был назначен не Протасов, а князь П.А. Ширинский-Шихматов. *Протасов* Николай Александрович (1799–1855), граф – обер-прокурор Святейшего Синода с 1836 по 1855 г. Молодой *Адлерберг* – вероятно, Александр Владимирович (1818–1889), граф – в это время полковник, адъютант при наследнике, впоследствии генерал-адъютант (1855), член Государственного совета, министр императорского двора и уделов (1870–1882).

[14] *Посылаю Константину собрание слов, употребляемых холщевниками*. – Их собрал Василий Серебренников (см. с. 72 наст. изд.).

[15] Нестор (1056 – ок. 1114) – монах Киево-Печерского монастыря, создатель первой редакции ''Повести временных лет'' (1113).

[16] *...здесь обитала, кажется, меря*. – финно-угорское племя, населявшее в древности местность около озер Неро и Плещеево (см.: Исторические исследования о начале и основании города Ярославля // Ярославский литературный сборник. Ярославль, 1849. С. 21).

[17] *...раскольники* (*особенно поморского согласия*) ... – то же, что выгорецкие раскольники. Выгорецкие раскольники – от Выгорецкой или Выговской пустыни, старообрядческой секты, основанной в 1694 г. Андреем Денисовым на р. Выге в Олонецком крае. Иеромонах Неофит был послан в Выговскую пустынь для увещания раскольников. На предложенные им 106 вопросов выговские раскольники написали известные ''Поморские ответы'' (1722).

[18] *...ответами епископу Питириму, напечатанными в Пращице*. – Имеется в виду изданная по приказу Петра I ''Пращица противо вопросов раскольничьих'' (1721). Ответы давали не раскольники, как пишет И.С. Аксаков, а нижегородский епископ Питирим (ок. 1665–1738) на 240 вопросов старообрядцев.

[19] *...хитро написаны*. – Ответы были составлены Андреем Денисовым, его братом Симеоном и Трифоном Петровым.

33 *8.XI 1849*

[1] *...признаки прежней болезни...* – С.Т. Аксаков страдал от головных болей и болезни глаз.

34 *14.XI 1849*

[1] ''*Журнал двух миров*'' – французская литературно-политическая газета, основанная в 1789 г.

[2] *...не мы победили, а немцы с Гайнау...* – Юлиус *Гайнау* (1786–1853) – австрийский фельдмаршал, командовавший армией в борьбе с революционной Венгрией.

[3] *...досталась честь*. – Отношение И. Аксакова к венгерской революции 1848–1849 гг. было отрицательным (см. с. 54 наст. изд.).

[4] *...по случаю прекращения приема в университетах...* – См. прим. 12 к письму 5.

[5] *Поздравляю Самарина с удовольствиями губернской жизни*. – С.Т. Аксаков сообщил Ивану, что Ю.Ф. Самарин, несмотря на обилие работы (чиновник особых поручений при симбирском губернаторе), танцует, играет в шахматы, ездит на охоту (письмо от 20.X.⟨1849 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 117).

35 *21. XI 1849*

[1] *...точно относится к Василию Алексеевичу?* – Родные известили о смерти В.А. Панова в октябре 1849 г. Письмо матери от 3.XI.1849 г., в это время еще не полученное Иваном из-за задержки почты в Угличе (см. с. 85 наст. изд.), было полно горечи по поводу этой утраты (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 56, 57).

[2] *...Константин не пишет мне об этом ни слова.* – И. Аксаков в это время еще не получил письма Константина с известием о смерти В.А. Панова, в котором он писал о "большой потере" для аксаковской семьи и славянофильского круга (письмо без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 17 об.).

[3] *...соображения о выгодах ... приводят к невыгоде.* – В октябре 1849 г. О.С. Аксакова сняла для больной дочери Ольги флигель Шидловского в Серебряном переулке, но он оказался сырым и холодным, и в ноябре была нанята квартира в бывшем доме Г.Я. Высоцкого, принадлежащем его дочери Орловской. С.Т. Аксаков беспокоился, что если не удастся сдать прежнюю квартиру, то будет большой убыток. См. об этом также на с. 87 наст. изд.

[4] *...она служит необходимым дополнением к 1-ой статье.* – к статье К.С. Аксакова "Общественная благотворительность наших дней" (Моск. ведомости. 1847. 15 февр.).

[5] *Сохрани Бог от веселой благотворительности!* – См. прим. 9 к письму 29.

[6] Елагина А.П., урожденная Юшкова (1789–1877), в первом браке Киреевская – мать известных славянофилов Ивана и Петра Киреевских. Вторым браком за Алексеем Андреевичем Елагиным (ум. в 1846 г.).

[7] Процитированные стихи представляют собой конец стихотворения "А.П. Елагиной (Душевных тайн не прозревая...)" (1848). В печатном тексте стихотворения в первой строке – слова "с болезненной тоскою" вместо "измученный борьбою" в тексте письма.

[8] *Константин не придает большой важности правительственным хлопотам о благосостоянии...* – К.С. Аксаков считал, что брат не совсем его понял: "Говоря, чтобы человек не вносил в свое доброе дело стремлений Государственных, я не говорю, чтобы он не вступал на Государственное поприще: но чтобы только доброе его дело оставалось добрым делом, а полезные его действия шли сами по себе. Теперь понятно, когда я сказал, что Государство заботится об *устранении бедности*, а частное лицо о *вспоможении бедным;* он тоже устраняет бедность того или другого, если ты хочешь, но резко решает этот вопрос; для человека, взятого отдельно, существуют *бедные, братья.* Для Государства существует *бедность*, класс бедных. – Вот почему я и употребил выражение, что Государство может *устранять бедность;* это дело хорошее, я вполне это признаю; но это не *братское вспоможение,* и смешивать одно с другим не годится. – Государственное лицо может помогать бедным, сделать доброе дело, но тогда оно является не как Государственное лицо, а как человек и брат" (письмо от 11.XII. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 9 об. – 10).

[9] *...знают хорошо Константина, напр⟨имер⟩, Татаринов...* – Речь идет о Василии Ивановиче Татаринове.

[10] Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – общественный деятель западнического направления, возглавлявший с 1839 г. кафедру всеобщей истории в Московском университете.

[11] *...спрашивает о "Бродяге".* – неоконченной поэме И. Аксакова.

[12] *...кабак, играющий значительную роль.* – Имеется в виду 4-я глава "Кабак" из 2-й части поэмы "Бродяга". В это же время в письме А.О. Смирновой И. Аксаков сообщал: «"Бродяга" поплыл своим потоком», "недели с три тому назад, после 10-ти месячного молчания, принялся я снова за стихи. Бог знает, удачно ли. Написал целую главу, в которой изображается кабак во всей своей трагической красоте. Если успею (потому что дела служебные мне много мешают), напишу и вторую главу, которая приводит Алешку в Астрахань" (письмо от 23.XI.1849 г. // РА. 1895. № 12. С. 442).

[13] *Что за история?* – Двоюродный брат И. Аксакова В.Г. Карташевский собирался жениться на актрисе Е.Н. Жулевой.

[14] *...маменька ... устроивает Олиньке дом...* – См. прим. 3 к наст. письму.

36 *24.XI 1849*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Пусть непременно бы брал он кафедру, если дадут...* – Мысль о кафедре русской грамматики подал О.М. Бодянский, экстраординарный профессор кафедры истории и литературы славянских

наречий Московского университета (см. письмо К.С. Аксакова Ивану без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 18 об.).

[3] *...министром н⟨ародного⟩ просв⟨ещения⟩ назначается Строганов...* – Неверные сведения: министром народного просвещения был назначен князь П.А. Ширинский-Шихматов. И. Аксакова беспокоила сложность взаимоотношений С.Г. Строганова и К.С. Аксакова. Недовольный статьей К.С. Аксакова "Семисотлетие Москвы" (Моск. ведомости. 1846. 23 апр.), Строганов в цензурном комитете распорядился не пропускать статей этого автора без разрешения его или Д.П. Голохвастова. Раздраженный резкими отзывами о Петре I в магистерской диссертации К.С. Аксакова "Ломоносов в истории русской литературы и русского языка", Строганов приостановил ее продажу, добился ее переработки, запретил отклики на диссертацию в печати. На защиту диссертации в марте 1847 г. он демонстративно не явился. *Строганов* Сергей Григорьевич (1794–1882), граф – в 1835–1847 гг. попечитель Московского учебного округа, в 1855 г. начальник Московского ополчения, впоследствии (1859–1860) московский военный генерал-губернатор.

[4] *...тетеньке это досадно...* – Н.Т. Карташевской.

[5] *...звание Жулевой ее оскорбляет.* – К.С. Аксаков писал брату: "Володя Карт⟨ашевский⟩ женится на актрисе. Об этом пишет тетенька сама. Можешь себе представить, *какое* письмо. Его называет она Володькой, а ее мерзавкой... Разумеется, тетенька не позволяет, и Володя на год уезжает" (письмо без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 18). Жулева Екатерина Николаевна (1830–1905) – актриса Александринского театра (1847–1905). См.: *Кони Ф.А.* Екатерина Николаевна Жулева, артистка русской сцены // Пантеон. 1852. Т. II. Март. Кн. 3.

[6] *Мне забавно, что я в этой истории замешан.* – Отец отвечал: "... ты не только замешан в этой истории (не понимаю, отчего это тебе забавно), но, хотя невинным образом, вероятно, был главною ее причиною. Я полагаю, что Володя был встречен приветно ею (Жулевой. – *Т.П.*) как твой двоюродный брат и как человек, отзыв которого о ней, по твоему распоряжению, решал судьбу всего ее семейства. Вот оттого-то и загорелся сыр-бор" (письмо от 1.XII. ⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 54).

[7] *...я выпросил у Смирновой свободу ее родителям.* – См. об этом на с. 106, 122 наст. изд., а также копию письма Ивана Н.М. Смирнову от 1.X.1849 г., в котором сказано: "...знать, что одним крепостным человеком на земле меньше, для меня уже отрадно, а содействовать законно его освобождению считаю долгом, от исполнения которого не смею отказываться" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 1 об.).

[8] *...после отъезда моего и Смирновой...* – из Калуги, где Иван жил с сентября 1845 г. по апрель 1847 г. А.О. Смирнова также в 1847 г. уехала из Калуги в Ревель на лечение.

[9] *...от мужа Алекс⟨андры⟩ Осиповны...* – Смирнова Николая Михайловича (1807 или 1808–1870). Калужский губернатор (1845–1851), петербургский гражданский губернатор (1855–1860), с 1861 г. сенатор.

[10] *...отпущен им на все 4 стороны* – См. письмо Н.М. Смирнова И.С. Аксакову от 24.X.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 558.

[11] *...поздравлял его с назначением в Воронеж.* – В письме от 1.XII. ⟨1849 г.⟩ С.Т. Аксаков сообщил, что сведения о назначении В.Г. Карташевского в Воронеж неверны – он назначен в Чернигов (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 54).

[12] *Воображаю Над⟨ежду⟩ Тимофеевну!* – Отец отвечал: "Надежду Тмфвну не должно осуждать строго: я противуположного мнения и понятия о родительских отношениях, но умею уважать ее мнения и понятия" (письмо от 1.XII. ⟨1849 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 54 об. – 55).

[13] *Я бы никак не позволил своему сыну жениться на актрисе...*– Подобная категоричность была не по душе С.Т. Аксакову, заметившему Ивану: "Главное, в чем мы разногласим с тобою, состоит в том, что ты не позволяешь своему ⟨сыну⟩ жениться на актрисе, а я доказываю, что родители не имеют право это ему запретить, если девушка сама по себе достойна уважения. Слушай, Иван: твоя жизнь выше, строже и чище той, какою жил я; но ты впадаешь в дикость ... берегись этого. Даже Константин снисходительнее тебя" (Там же. Л. 54 об.). Константин писал брату: "Странно, что ты говоришь, что ты бы не позволил жениться своему сыну на актрисе. Для меня самого противен этот класс; я бы уговаривал всеми средствами своего сына не жениться, но я бы не запретил ему" (письмо без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 17).

[14] *...чем все это кончилось.* – По пути в Чернигов В.Г. Карташевский заехал в Москву, о чем С.Т. Аксаков известил Ивана: "На днях был у нас Володя: жалкий и, кажется, пустой человек: но я с

удовольствием не нашел в нем прежней яролаши и насильственной восторженности. Он совершенный мальчик и головой, и понятиями, и невежеством. Ему и в голову не приходило, на какое трудное дело он пускается" (письмо от 15.XII.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 59). Впечатление К.С. Аксакова от встречи с В.Г. Карташевским отличалось от отцовского: "Он очень прост; о своих и ее чувствах – ни слова... но в своем намерении он тверд. – Жулева должна быть в самом деле редкая девушка. Дай Бог им обоим всего хорошего!" (письмо Ивану от 11.XII. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 10 об.). Брак Карташевского и Жулевой не состоялся, разлука охладила чувства влюбленных.

37 *28.XI 1849*

[1] *...получил приказание письма мои доставлять сначала в Москву и потом уже к вам.–* И. Аксаков намекает на полицейский надзор над ним и перлюстрацию писем. С.Т. Аксаков также беспокоился из-за задержки почты: "...я предполагаю, что письма твои показались так интересны по своему содержанию, что заблагорассудили не сообщать их твоему семейству" (письмо от 24.XI.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 117).

[2] *...маменьке удалось так скоро сдать квартиру и нанять другую для Олиньки.* – См. прим. 3 к письму 35.

[3] *...уверен, что статья хороша так, как есть.* – С.Т. Аксаков сообщил Ивану, что, продолжая работу над "Записками ружейного охотника", написал огромную, в 8 с половиной листов статью о тетереве, которую прочли вслух. Константин и Вера хвалили, но сам автор видел в ней недостатки (см. письмо от 24.XI.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 117). В дальнейшем была сокращена и отредактирована автором.

[4] *...хочу непременно кончить "Бродягу" ...* – Поэма осталась незавершенной.

[5]Арсеньев Юлий Константинович, камер-юнкер, коллежский советник, в 1849 г. числившийся в департаменте общих дел министерства внутренних дел.

[6]*Ярославль противен чопорностью, роскошью и подлостью своих жителей.* – постоянный мотив в письмах И. Аксакова. Д.А. Оболенскому он писал: "Ярославль, более всех городов имеющий претензию походить на Петербург, чопорен и противен донельзя. Благородное российское дворянство отвратительно, как и везде. Посреди этой бездны душ – ни души!" (письмо от 21.XII.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 42 об.). Н.А. Милютину 18.I.1850 г. он сообщал: "Благородное российское дворянство здесь, как и везде, отвратительно. Правда, цивилизация дошла до того, что фраки безукоризненны и жилеты беспорочны и русского слова не услышишь, – но зато мысль отстала на полстолетия. Кроме того – никто ничего не читает, ничем не интересуется. Все картежники, все помещики!" (РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 818. Л. 4 – 4 об.). А.О. Смирновой И. Аксаков жаловался, что Ярославль "своим чопорным beau-monde, живущим даже не на московский, а на петербургский манер", скучнее Калуги (письмо от 23.XI.1849 г. // РА. 1895. № 12. С. 442).

[7] *...историю, подобную моей...* – арест III отделением весной 1849 г.

[8]*Она недавно читала мне свою повесть...* – Не ясно, о какой повести идет речь. В 1849 г. были опубликованы две повести Ю.В. Жадовской: "Переписка" (Москвитянин. 1849. Ч. II, кн. 4) и "Непринятая жертва" (Там же. Ч. VI, кн. 11).

[9] *...пойдет дальше и усовершенствует свой талант. Дай Бог!* – «Я грустно задумался о судьбе Жадовской, – отвечал отец. – Совершенно одинаково думаю с тобою об ее таланте и также говорю, как ты: "дай Бог..."» (письмо от 1.XII. ⟨1849 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 123).

[10] *...видел я Скалона ...* – Имеется в виду Скалон Николай Александрович (1809–1857), в 1849 г. надворный советник, в Чернигов был переведен на место вице-губернатора.

[11]*Я его видел всего раз у Алекс⟨андры⟩ Осиповны...* – Н.А. Скалон, в прошлом поручик Генерального штаба, был приятелем А.О. Смирновой и ее братьев.

38 *5.XII 1849*

[1] *...окончил первую часть грамматики и переписывает ее.* – См. прим. 3 к письму 30.

[2]*Со времени блаженной памяти диссертации о Ломоносове...* – магистерской диссертации К.С. Аксакова "Ломоносов в истории русской литературы и русского языка" (напечатана в 1846 г.).

[3] *...уверен, что грамматика написана яснее...* – Человек увлекающийся, страстный, К.С. Аксаков не всегда заботился от отделке мыслей в своих сочинениях. Н.В. Гоголь, критиковавший его

стиль, писал, что из-за горячности у него идеи являются не в ясном, а в пристрастном виде и часто в одеянии, им не соответствующем (см. письмо С.Т. Аксакову от 22.XII.1844 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 142). Надежды И. Аксакова на более ясный язык грамматики не вполне оправдались. Отец, ознакомившись с введением в грамматику, остался недоволен стилем изложения: "...можно иное сказать яснее с одного разу, без повторений и пережевывания одной и той же мысли, отчего в статьях ученых и отвлеченных очень удержаться еще не умеет" (письмо Ивану от 8.XII.1849 г. // РМ. 1915. Авг. С. 123–124).

4 *...сенаторская ревизия ... снова поднявшаяся ершовская история...* – Ревизия была назначена в 1849г. Сын генерал-лейтенанта Ивана Захаровича Ершова Иван Иванович через А.А. Закревского пожаловался царю на отца, лишившего его наследства: якобы под влиянием калужского губернатора Н.М. Смирнова отец совершил дарственную на имение в пользу своей незаконнорожденной дочери Софии, на которой осенью 1846 г. женился брат А.О. Смирновой О.О. Россет. Сенатору князю С.И. Давыдову, возглавившему комиссию, было поручено произвести следствие по этому делу, а заодно и обревизовать Калужскую губернию. В состав комиссии входили Н.М. Колмаков, А.К. Жизневский, граф Алексей Константинович Толстой, поэт, Тимрот, Износков, Никонов. Комиссия окончила работу в 1851 г. Жалоба Ершова была сочтена неосновательной, и за клевету он был предан суду. Но в управлении губернией ревизия обнаружила недостатки, действия губернатора не всегда соответствовали требованиям закона, за что он и был уволен в марте 1851 г. (см.: Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // РС. 1891. Июль. С.145). О том же писала А.О. Смирнова Н.В. Гоголю: "Ревизия подходит к концу, Николай Михайлович не хочет и не может более оставаться в Калуге, он болен и замучен всеми придирками князя Давыдова..." (письмо от 18.1.1851 г. // РС. 1890. Дек. С. 661).

5 *...последует назначение нового министра.* – министра народного просвещения. Им был назначен князь Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853), до этого бывший товарищем министра народного просвещения (1842–1850). По характеристике современников, "человек ограниченный, без образования, писатель, т.е. фразер, бездарный...". "Ставши министром просвещения, он начал прежде всего действовать против духа неверия..." (*Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 317, 317–318).

6*Если Строганов и если он действительно таков, как вы пишете, то с Богом!* – См. прим. 3 к письму 36. В письме от 1.XII. ⟨1849 г.⟩ отец извещал Ивана, что он и К.С. Аксаков не считают назначение Строганова министром препятствием к получению Константином кафедры, поскольку министру известно о честности претендента (см.: РМ. 1915. Авг. С. 123).

7*Пусть Константин берет кафедру.* – Назначение не состоялось.

8*Из писем Надежды Тим⟨офеевны⟩, сообщенных мне вами...* – Отец переслал Ивану два письма Н.Т. Карташевской, из которых второе было ответом на резкое письмо С.Т. Аксакова: он осуждал поведение сестры, запретившей своему сыну В.Г. Карташевскому жениться на Е.Н. Жулевой.

9 *...по выражению Константина, извещавшего меня о "трагикомическом известии".* – См. письмо К.С. Аксакова без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 18.

10Софья Тимофеевна Глумилина (1806–1866) – сестра С.Т. Аксакова, с 1825 г. была замужем за Михаилом Васильевичем Глумилиным (ум. в 1847 г.).

11 *...не уступлю ни Вам, ни Константину, особенно ему...* – См. прим. 13 к письму 36.

12 *...это непозволение есть только неодобрение...* – "Ты, Иван, пресмешной человек, – отвечал С.Т. Аксаков. – Сам написал, что сыну своему не позволил бы жениться на актрисе, а теперь говоришь, что мы письмам твоим придаем другой смысл. Кто же тебя знает, что у тебя под словом *непозволение* должно разуметь *неодобрение?* Мало ли что не одобряешь, а все-таки позволишь" (письмо от 8.XII.1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 57 об.).

13Гедеонов Александр Михайлович (1790 или 1791–1867) –управляющий императорскими театрами (1833–1858). По свидетельству Ф.А. Кони, Гедеонов имел отношение к судьбе актрисы: "А.М. Гедеонову русский театр обязан приобретением этого замечательного таланта; он первый оценил, облагородил и развил его под сенью Театрального Училища" (*Кони Ф.А.* Екатерина Николаевна Жулева, артистка русской сцены. С. 27).

14Строки из стихотворения "Свой строгий суд остановив..." (1847).

15*Я писал вам про сборник ярославский.* – "Ярославский литературный сборник" (Ярославль, 1849).

16Панаев И.И. (1812–1862) –писатель, журналист, с 1847 г. издатель, с 1849 г. ответственный редактор "Современника".

[17]*Напишу также Вас⟨илию⟩ Васильевичу Григорьеву...* – профессору-востоковеду, в 1848 г. издававшему "Северное обозрение". При нем направление журнала было близко направлению "Москвитянина".

[18]Панаев В.И. (1792–1859) – поэт, приятель С.Т. Аксакова, управляющий канцелярией министерства императорского двора. Письма Панаева С.Т. Аксакову 1816–1858 гг. см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 52.

[19] *...бал в мундирах.* – по случаю именин императора Николая I.

[20] *...отчего Грише не дают чина.* – чина надворного советника. Отец тоже сокрушался по этому поводу, тем более что министр юстиции В.Н. Панин считал Г.С.Аксакова одним из лучших прокуроров (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 19.X. ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 10–10 об.). В надворные советники Г.С. Аксаков был произведен 21.1.1850 г.

[21] *...Самарин уехал в Киев.* – Приказом министра внутренних дел от 15.X.1849 г. Ю.Ф. Самарин был переведен из Симбирска в Киев в распоряжение генерал-губернатора Д.Г. Бибикова для исполнения особых поручений. Впоследствии Самарин стал правителем канцелярии, оставаясь на этом посту до своей отставки в 1853 г.

[22] *...о назначении в лицей и в Училище правоведения военных обер-офицеров воспитателями.* – мера, вызванная французской революцией 1848 г. и имевшая целью оградить юношество от тлетворных западных влияний. В 1848 г. директором Училища правоведения был назначен князь Н.С. Голицын, бывший профессор военной академии (см.: *Тютчев И.А.* В училище правоведения в 1847–1852 гг. // PC. 1885. Дек. С. 672), инспектором воспитанников – подполковник артиллерии Рутенберг. И.А. Тютчев, воспитанник Училища, вспоминал: "Вслед за состоявшимся распоряжением о замещении военными воспитательных должностей в училище появилась масса офицеров разных родов оружия и даже некоторые из штатских воспитателей, служивших когда-то в военной службе, напялили на себя военные мундиры" (PC. 1886. Февр. С. 368). Введено было обучение маршировке, этим занимались унтер-офицеры, "профессора шагистики". В знак протеста многие прежние преподаватели покинули училище (Там же. С. 364). М.П. Погодин призывал профессуру Московского университета к осторожности и благонамеренности в своих лекциях, наставники молодежи "...при виде страшных и вместе поучительных явлений в жизни гражданских обществ, потрясенных в Европе на своих основаниях, чему привелось нам быть свидетелями, должны увеличить свои старания, должны усугубить свое внимание, чтоб не вылетело из уст их ни одного неосторожного или легкомысленного слова, которое, как искра, может запасть в горючее сердце юности и произвесть в нем пожар" (12 января в императорском Московском университете // Москвитянин. 1850. № 1. Кн. I. С. 46).

39 *12.XII.1849*

[1] *...колокола, сосланного Борисом Годуновым в Сибирь в 1591 году.* – Узнав об убийстве царевича Дмитрия 15.V.1591 г., священник Федот и соборный сторож Максим Кузнецов зазвонили в колокол, собрали угличан, расправившихся с убийцами. "За донос" колокол был сечен кнутом и сослан в Тобольск.

[2] *...это будет эффектно: возвращение оправданного историей колокола через 250 с лишком лет!* – Надежды И. Аксакова не оправдались: Синод, рассматривавший в 1851 г. этот вопрос, не был уверен, что находящийся в Тобольске колокол тот самый, который возвестил об убийстве царевича, поскольку в ярославской духовной консистории не было документов ранее 1740 г. (см.: Ссыльный колокол // ИВ. 1888. Окт. С. 255–256). См. также письма И. Серебренникова И. Аксакову от 13.VIII.1850 г. и от 20.I.1852 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 162. Л. 3, 5–5 об). Переписку 1849, 1851 гг. о возвращении из Тобольска угличского колокола см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 105. Ходатайства царю о возвращении колокола были повторены в 1887 г., затем в 1891 г., и только в 1892 г. по распоряжению царя колокол был доставлен в Углич.

[3]*Сообщите это Соловьеву.* – Просьбу И. Аксакова исполнила О.С. Аксакова: "Маменька выписывала себе Соловьева и Бодянского и читала им про колокол и просила передать о том Ундольскому и Беляеву..." (письмо Л.С. Аксаковой Ивану ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. IX. Ед. хр. 14. Л. 1 об.).

40 *19.XII.1849*

[1]*К Пальчиковым постараюсь заехать.* – к соседям Аксаковых по Абрамцеву.

1850

41 *9.I 1850*

[1]Письмо написано после поездки И. Аксакова в Москву на новогодние и рождественские праздники.

[2] *...Константином я очень доволен!* – К.С. Аксаков в это время деятельно трудился над грамматикой. См. прим. 3 к письму 30.

[3]Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) – коллежский советник, вице-директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел в 1854–1858 гг. Впоследствии товарищ министра внутренних дел (1859–1861), сенатор (1861), статс-секретарь по делам Царства Польского (1864–1866).

[4] *...по делу о Серебрякове...* – пошехонском голове. См. о нем на с. 65 наст. изд.

[5] *...мои рапорты принимаются в особенное уважение.* – Все служебные доклады И. Аксакова производили самое благоприятное впечатление: "... с каким интересом и увлечением читались в то время все ревизионные записки, которые И⟨ван⟩ С⟨ергеевич⟩ представлял министру, а им препровождались к губернатору...". "Никто из ревизовавших ни прежде, ни после Ивана Сергеевича не представлял своих ревизионных записок высшему начальству в таком правдивом и изящном изложении..." (Воспоминания Ярославца об И.С. Аксакове // Сб. статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И.С. Аксакова. М., 1886. Отд. III. С. 22). А.С. Хомутов вспоминал, что при переходе в министерство внутренних дел ему было рекомендовано ознакомиться с ярославской ревизией Аксакова как образцовой (Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1886. Июль. С. 48). Проезжавший из Петербурга через Москву родственник Аксаковых С.Ф. Россоловский "сказывал мне, – сообщал отец, – что в департаменте все отдают тебе должную справедливость и говорят с особенным уважением о твоих трудах, ставя тебя в пример другим" (письмо от 31.1.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 24).

[6] *...прокурор Семенов переводится в Вильну...* – Речь идет о Николае Петровиче Семенове, коллежском асессоре, ярославском губернском прокуроре.

[7] *...на место его Митя Оболенский.* – Назначение не состоялось. Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь – двоюродный брат Ю.Ф. Самарина, друг И. Аксакова со времен учения в Училище правоведения. С октября 1845 г. до середины 1851 г. находился на должности товарища председателя 1-го департамента петербургской гражданской палаты. Впоследствии возглавлял Комиссию для пересмотра законодательства о печати, товарищ министра государственных имуществ (1870–1872), сенатор, с 1872 г. член Государственного совета.

[8]*Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало... во всей своей могучей красоте...* – Во время пребывания в Москве И. Аксаков слушал чтение Н.В. Гоголем 1-й главы II тома "Мертвых душ". После отъезда Ивана в Ярославль К.С. Аксаков в приписке к письму матери сообщил: «Вчера Гоголь спрашивал о тебе и улыбался, когда мы говорили, что ты уехал полный впечатления после чтения его и сказал про тебя: "у него всегда есть средства примирить себя, он поэт"» (письмо без даты, датируемое нами началом января 1850 г. на основании ответных писем Ивана от 9 и 12.1.1850 г. // РГБ. ГАИС / III. Карт. IV. Ед. хр. 7 а. Л. 6 об.).

[9] *...моего сочинения удел иметь временное и местное значение...* – Когда Н.В. Гоголю прочли это письмо, он сказал: «... от него самого зависит, чтоб "Бродяга" имел не временное и не местное значение. Все подробности, вся природа, одним словом, все, что окружает "Бродягу", у него сделано превосходно. Если в "Бродяге" будет захвачен человек, то он будет иметь не временное и не местное значение. Надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь все и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери земле» (письмо С.Т. Аксакова от 17.1.1850 г. // Н.В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 186).

42 *12.I 1850*

[1] *...рад ... что Вы принялись за статью о болотах...* – С.Т. Аксаков работал над "Записками ружейного охотника Оренбургской губернии".

[2] *...Вы этим трудом подстрекаете Гоголя.* – к работе над II томом "Мертвых душ". С.Т. Аксаков вспоминал: «Мы переписывались довольно часто. Я подстрекал его (Н.В. Гоголя. –

Т.П.) тем, что мои "Записки ружейного охотника" скоро будут готовы. Гоголь отвечал весело, что от меня не отстанет, но это продолжалось недолго» (История моего знакомства с Гоголем. С. 217).

[3] *Я совершенно согласен с замечаниями, сделанными Вами Гоголю.* – И. Аксаков получил письмо от 10.I.1850 г. по поводу сделанных Сергеем Тимофеевичем замечаний к первым главам II тома "Мертвых душ" (см.: История моего знакомства с Гоголем. С. 203–204).

[4] *... дома Высоцкого...* – находившегося в Филипповском переулке (см. письмо О.С. Аксаковой Ивану от 25. XI. 1849 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 58 об.). Высоцкий Григорий Яковлевич (1781–1849) – профессор хирургии московской медико-хирургической академии.

[5] *... сочинение астраханского губернатора Татищева...* – Речь идет об историке и государственном деятеле Татищеве Василии Никитиче (1686–1750), который в 1741–1745 гг. был астраханским губернатором.

[6] *Сидел там один старик-молокан...* – т.е. член раскольничьей секты, возникшей из секты духоборцев во второй половине XVIII в. Названа так потому, что члены секты в пост едят молоко.

[7] *Подарил ... драму Константина.* – "Освобождение Москвы в 1612 году".

[8] *... мой "Бродяга" ...* – поэма "Бродяга".

[9] *... думаем устроить училище здесь...* – Отцу очень понравилась мысль об устройстве купеческого училища (см. письмо Ивану от 3.II. ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / Ш. Карт. Ш. Ед. хр. 22 г. Л. 22 об.).

[10] *... по делу о Серебрякове...* – пошехонском голове. См. о нем на с. 65 наст. изд.

[11] Кошелев Александр Иванович (1806–1883) – славянофил, общественный деятель, впоследствии издатель "Московского сборника" 1852 г., издатель – редактор журналов "Русская беседа" (1856–1860), "Сельское благоустройство" (1858–1859), член Рязанского комитета по крестьянскому делу, член комиссии по устройству земских банков (1859–1860), член Учредительного комитета в Царстве Польском (1861–1863).

[12] *... он может потребовать его домой...* – Афанасий был слугой, работавшим у Аксаковых по найму. В.И. Татаринов, приехавший в январе 1850 г. в Москву, имел намерение получить отпускную Афанасию.

43 *15.I 1850*

[1] *... благодарен ... за присылку статьи о болотах*! – из "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии".

[2] *... значит, и в Москве можно ожидать от Вас продолжения "Записок ружейного охотника"*. – С.Т. Аксаков боялся, что беспокойная московская жизнь повредит его литературным занятиям: "Я знаю, что привыкну к московской жизни и скоро впаду в пошлое состояние ежедневных разговоров с гостями и ежедневной игры в вист, преферанс с Загоскиным..." (письмо Ивану от 1. XII. ⟨1849 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 123). Позже отец жаловался Ивану на суету московской жизни, обилие знакомых, отвлекающих его от работы, на то, что порою ему бывает тошно и от Загоскина, и от брата Аркадия, и от приятеля Армфельда (см. письмо от 27. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 8). Но работа все-таки не прекращалась, и 12. 1. 1850 г. С.Т. Аксаков сообщил Ивану, что прочел А.Т. Аксакову отрывок о тетереве: "Его восхищение показало мне самому настоящую цену написанного мною" (Там же. Ед. хр. 13. Л. 67 об.).

[3] *... когда обрубят у него ветви*! – Гувернантка Аксаковых Анна Севастьяновна пережила всех своих детей. В январе 1850 г. у нее умер последний сын.

[4] *Поздравляю Константина с успехами.* – вероятно, в ответ на письмо отца от 12. I. 1850 г., в котором сообщалось о чтении Константином грамматики А.С. Хомякову. Хомяков спорил с автором, поскольку имел собственный взгляд на буквы (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 68 об.). Константин также написал Ивану, что Хомяков не согласился с ним, но хвалил грамматику (см. письмо без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 23 об.).

[5] *... тотчас по снятии русского платья.* – И. Аксаков, не одобрявший ношение дворянином русского костюма, считал, что отказ от него принесет пользу Константину, улучшит его положение в обществе.

[6] *Сообщите Над⟨ежде⟩ Николаевне...* – Н.Н. Шереметевой, урожденной Тютчевой (1775–1850), близкой знакомой семьи Аксаковых и Н.В. Гоголя.

[7] *Муравьев* Николай Николаевич (1809–1881) – генерал-адъютант, генерал-губернатор Вос-

точной Сибири в 1847–1861 гг., с. 1858 г. граф Амурский, прославился присоединением к России Амура и основанием городов Благовещенска, Николаевска и Владивостока.

[8] ... *сказывал мне брат его...* – Муравьев Валериан Николаевич.

[9] ... *дал ему прочесть проект Кошелева...* – А.И. Кошелев вспоминал: "В 1850-м году... я представил министру внутренних дел *проект освобождения моих крестьян с наделением их землею*, в их пользовании состоявшею, и с выдачею мне выкупных денег по сороку рублей серебром за десятину" (Записки А.И. Кошелева. [М.], 1991. С. 85). Ответа министра на проект не последовало.

[10] *Рукопись, про которую я вам писал в последний раз...* – См. с 94–95 наст. изд.

[11] ... *"Домострой" Сильвестра...* – один из важнейших памятников древнерусской литературы XVI в., представляющий свод определенных бытовых правил и потому отличающийся дидактичностью. Автором окончательного текста "Домостроя" считают духовного наставника Ивана Грозного Сильвестра (нач. XVI в. – до 1568 г.).

[12] *Ай да Загоскин!* – Речь идет о чтении М.Н. Загоскиным стихов в честь московского военного генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына на обеде, посвященном его памяти. См. об этом в письме С.Т. Аксакова Ивану от 12. I. 1850 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 67 об. – 68), а также: *Шевырев С.* Обед, данный князю Борису Дмитриевичу Голицыну, 10-го января // Москвитянин. 1850. № 2. Янв. Кн. 2. С. 41). *Загоскин* Михаил Николаевич (1789–1852) – писатель, приятель С.Т. Аксакова.

[13] *Кн⟨язь⟩ Д⟨митрий⟩ В⟨ладимирович⟩ Голицын, бесспорно, имел много хороших сторон...* – *Голицын Д.В.* (1771–1844), князь – военный генерал-губернатор Москвы с 1820 по 1844 г.

[14] ... *много и черных его дел, напр⟨имер⟩, с Пеговой, кажется.* – В чем оно заключалось, выяснить не удалось.

[15] ... *не говорю про Кат⟨ерину⟩ Алексеевну.* – Очевидно, описка – правильно: Александровну. Речь идет о Е.А. Свербеевой, урожденной Щербатовой (1808–1892), жене Д.Н. Свербеева, близкой знакомой Н.В. Гоголя. Симпатизировала славянофилам, в доме Свербеевых часто бывал К.С. Аксаков.

[16] ... *последует чтение... писем царя Василия Ивановича к жене его Олене.* – Ирония по адресу славянофилов. Речь идет о Василии III Иоанновиче (1479–1533) и его второй жене (с 1526 г.) Елене Глинской.

[17] ... *занимался грамматикой, а не статьей об литературе...* – Имеется в виду работа К.С. Аксакова "О современном состоянии литературы", время написания которой опубликовавший ее В.А. Кошелев отнес к 1849–1850 гг. (см.: Проблемы реализма. Вологда, 1978. Вып. V. С. 170).

[18] "Франкфуртская газета" – с 1792 г. издавалась во Франкфурте-на-Майне, в 1800–1863 гг. – на французском языке. Неоднократно меняла названия: "Европа политическая, научная, коммерческая, промышленная и литературная", "Франкфуртская политическая и литературная газета" и др.

[19] ... *дела наши с Турцией обделываются.* – В "Московских ведомостях" было сообщено о состоявшемся 21. XII. 1849 г. в Бухаресте праздновании именин русского императора, покровителя дунайских княжеств, на котором присутствовали знатные русские и турецкие сановники (5 янв. С. 20).

[20] ... *огромная статья о кн⟨язе⟩ Дм⟨итрии⟩ Мих⟨айловиче⟩ Пожарском.* – статья С. Смирнова "Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский" (ОЗ. 1849. № 12. Т. 67). Она привлекла внимание И. Аксакова потому, что Пожарским интересовался брат Константин.

[21] ... *как и в драме.* – "Освобождение Москвы в 1612 году" К.С. Аксакова.

[22] ... *искал... ссылки на драму Константина, но не нашел.* – "Такая судьба Константина, – отвечал отец, – что не только на его драму, но и на диссертацию его не ссылаются: сего дня Соловьев читал лекцию о Ломоносове и, разумеется, не помянул о Конст⟨антине⟩" (письмо от 20. 1. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 73 об.).

[23] *Был ли у вас опять Мамонов...* – Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович (1823–1883) – художник, друживший со славянофилами.

[24] *Не может быть, чтоб занятия мои не действовали вредно на эти мои способности.* – О вредном влиянии службы на свою поэтическую деятельность И. Аксаков писал А.О. Смирновой: «Если б я делал вещи медленнее и не давал службе поглощать собой все мое время и все мысли, свеж и неиссякаем был бы источник поэзии во мне: бил бы он постоянным ключом. Но теперь мне с

каждым днем все труднее и труднее становится писать; и с того времени, как мы с вами расстались, "Алешка" подвинулся только на одну главу» (письмо от 3. VI. 1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 444). "Алешкой" И.С. Аксаков называл свою поэму "Бродяга" (по имени главного героя).

25 ... *Ан⟨не⟩ Ст⟨епановне⟩ кланяюсь.* – А.С. Кротковой (1819–1888) – жене А.Т. Аксакова.

44 *22.I 1850*

1 ... *прочел вам и вторую главу, а теперь, может быть, и третью.* – С.Т. Аксаков писал сыну, что вторая глава II тома "Мертвых душ" выше первой и при чтении он не мог сдержать слезы (см. письмо от 20. I. 1850 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 204–205). О чтении Н.В. Гоголем второй главы спешил сообщить Ивану и Константин: "Вчера Гоголь читал отесиньке и мне вторую главу. – Что тебе сказать? Она для меня несравненно выше первой. Уленька, генерал, жизненные отношения и столкновения этих и других лиц не выходят у меня из головы. Чем дольше, тем лучше" (письмо без даты // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 724). Третью главу II тома Гоголь прочел С.Т. Аксакову только в конце мая 1850 г. (см. письмо Ивану от 2. VI. 1850 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 207).

2 *Я думаю, что у Гоголя всё написано...* – "По необыкновенному расположению духа Гоголя я заключаю, – писал С.Т. Аксаков, – что он пишет много и доволен тем, что написал" (письмо Ивану от 31. I. 1850 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 205).

3 *Островский* Михаил Николаевич (1827–1901) – брат драматурга, служивший чиновником по особым поручениям у симбирского губернатора князя П.Д. Черкасского, впоследствии товарищ государственного контролера (1871–1878), сенатор (1872), министр государственных имуществ (1881–1892), член Государственного совета (1878). Отец сообщил Ивану о визите Островского (см. письмо от 20. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 73).

4 ... *о подозрениях ваших...* – С.Т. Аксаков недоумевал, почему Григорий, прекрасно зная брата А.Н. Островского (см. выше), никогда не писал о нем и не снабдил его накануне поездки в Москву письмом к Аксаковым (см. письмо Ивану от 20. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 73).

5 ... *каковы его намерения, не переменил ли он их?* – Г.С. Аксаков, продав Головкино М.М. Наумову, решил уехать из Симбирска в Петербург и поступить на службу в министерство уделов (см. письма С.Т. Аксакова Ивану от 6. X. 1849 г. и от февраля ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 14, 39), но затем переменил планы, намереваясь перейти в министерство внутренних дел (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 28. II. ⟨1850 г.⟩ // Там же. Л. 33). Приказ о причислении Г.А. Аксакова к министерству внутренних дел был отдан 4. VI. 1850 г.

6 Панин Виктор Никитич (1801–1874), граф – министр юстиции (1841–1862), председатель Редакционных комиссий по крестьянскому делу (1860).

7 Топильский Михаил Иванович (1809–1873) – правитель канцелярии министра юстиции. Был знаком с С.Т. Аксаковым.

8 Черкасов Гавриил Иванович, коллежский асессор, тульский губернский прокурор; Зыбин Владимир Афанасьевич – камер-юнкер, товарищ председателя петербургской уголовной палаты.

9 *Меня Пинский никогда не любил...* – Еще в 1845 г. М.М. Карниолин-Пинский, как сообщили Ивану родители, "горько вопиял о том, что Константин сбил тебя с толку и отворотил от службы!..." (письмо от 2. XII. 1845 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 9).

10 ... *виноват перед Гришей, которому не отдано даже должное!* – См. прим. 20 к письму 38.

11 ... *писал об обеде у Пастухова...* – См. с. 84–85 наст. изд.

12 ... *лезут туда, откуда мы уже возвращаемся...* – Это повторение мысли К.С. Аксакова: "Мы первые (т.е. дворяне) бросили нашу святую Русь, но мы первые, кажется, к ней и возвращаемся; по крайней мере, таково наше стремление" (письмо Ивану ⟨1849 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 5 об. – 6).

13 *Хазов* – лицо неустановленное.

14 ... *чтоб оно не походило на французский пансион...* – Приветствуя идею создания купеческого училища (см. прим. 9 к письму 42), отец находил нелогичными эти слова Ивана: "Да под чьим же надзором будет это училище? – Под надзором этих самых же купцов? чего же тут надеяться? Чем оно будет лучше московского коммерческого училища?" (письмо от 27. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 9).

15 ... *не вдаваясь, впрочем, в мир отвлеченных определений...* – Отцу понравилась мысль Ивана: "Предложение твое Константину и Хомякову – очень дельно. Пусть напишут свои мысли об

народном обучении, только без применения к делу – это уж не их дело. Если голова не помешает, то мне и самому хочется сказать на этот счет кое-какие мысли. Константин охотно за это берется" (письмо от 27. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3: Ед. хр. 16. Л. 9–9 об.). Но узнав, что А.С. Хомяков и А.И. Кошелев хотят писать для народа, К.С. Аксаков был этим недоволен: "... чтобы нам, недоучившимся, недозревшим, подгнившим... учить народ! Этого я никак переварить не могу. Это мне кажется и нелепым и дурным делом. Ах, оставьте народ в покое... Вся наша деятельность должна, по моему мнению, быть направлена на нас; у нас такое огромное бревно в глазу, что есть над чем потрудиться" (письмо Ивану ⟨от февраля 1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 28,28 об.). Разногласия по этому вопросу, возникшие в славянофильском кружке, были иронически изложены С.Т. Аксаковым в письме Ивану от 10. II. ⟨1850 г.⟩: «... глуповатый Кошелев и тоже подчас неразумный Конста, затеяв письменное прение о народном обучении и оба разгорячась, представили обществу прекомическую сцену. Кошелев собрал десятка два гостей, и оба с Констант⟨ином⟩ во всеуслышание прочли свои статьи. Конст⟨антин⟩ читал последний и уже так сердился, что после чтения Кош⟨елев⟩ опомнился, отвел его в темную комнату и сказал: "Какую же тупость я сделал, что собрал народ для чтения наших статей! Все видят наше несогласие и то, что Вы сердитесь". Разумеется, кончилось все мирно» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 78–78 об.). Характеристика Кошелева, данная С.Т. Аксаковым, подтверждается и свидетельством С.М. Соловьева, который так писал о появлении Кошелева в славянофильском кругу: "К этим – не скажу мыслителям, но мечтателям, поэтам и дилетантам науки, из которых по большей части слагался славянофильский кружок, – присоединился человек с противоположною натурою, человек практический, мастер обсуживать предметы осязательные, но становившийся совершенным дураком, когда предмет поднимался в высшую сферу: то был Кошелев" (*Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. С. 302).

[16] *Передайте ей мое участие.* – См. прим. 3 к письму 43.

45 *26.I 1850*

[1] *... драмой которого недавно восхищался...* – "Освобождение Москвы в 1612 году".

[2] *... поздравить с днями именин Гриши и Марихен.* – Именины Г.С. Аксакова были 25 января, а Марии – 26-го.

[3] *... я адресовал к Троице...* – Неясно, к какому письму были приложены стихи, помещенные на с. 102–103 наст. изд.: возможно, к письму, адресованному в Троицу, о котором упоминается в конце письма 44; в письме 45 тоже сообщается о приложенных стихах – возможно, они были переписаны.

[4] Коссович Каэтан Андреевич (1815–1883) – санскритолог, переводчик "Махабхараты".

[5] *... когда они появятся при московской комфортабельности в труде...* – И. Аксаков и прежде осуждал бездействие славянофилов на журнальном поприще, отвлеченность проповедуемых ими идей(см.: *Аксаков.* С. 200, 236).

[6] *С Татариновым посылаю часть денег за Афанасья к... Татаринову же...* – См. прим. 12 к письму 42. По этому поводу С.Т. Аксаков сообщал Ивану: "Его господин, кажется, не весьма честный человек: собственноручно, как я слышал, написал, что если представят 900 руб⟨лей⟩ сполна, именно к такому-то числу, то он отпускает на волю; все это было исполнено, а он требует теперь тысячу! Не знаю, как уладит это дело Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩. Он хотел поручиться в остальных ста рублях. Как же мог Афанасий думать, что он отпустит его за 800? Афанасий пишет такое радостное письмо к Устиньке, исполненное такое искренной к тебе благодарности, что мне приятно было прочесть его" (письмо от 3. II. ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 20 об. – 21).

[7] *Трехлетову давал я читать уложение Кошелева.* – См. прим. 9 к письму 43.

[8] *... говорит, что помещик себя не забыл.* – См. прим. 9 к письму 43. После отмены крепостного права А.И. Кошелев утратил всякое сочувствие мужику: "Замечательно: крестьяне поняли прекрасно все, что в их пользу; и они никак не хотят понять того, что в пользу помещика"; "... теперь плакать надо не о крестьянах, не они угнетенные", – писал он И. Аксакову, жалуясь на то, что помещичий хлеб гниет в поле. Даже "возгласы в пользу крестьян" стали ему противны (письмо И. Аксакову от 14. IX. 1861 г. // Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 67, 68). Либеральная фразеология у Кошелева совершенно изчезла, в нем заговорил помещик, хозяин, пекущийся прежде всего о собственной выгоде.

[9] *... он меня чрезвычайно любит.* – В свою очередь Аксаковы полюбили В.И. Татаринова. О

благоприятном впечатлении, произведенном им на семью, см. в письмах Ивану С.Т. Аксакова (письмо от 3. II. ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 20 об.), Веры (письмо от февраля 1850 г. // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 726) и Константина, который, сообщая об отъезде Татаринова, писал: "... он очень мне понравился, очень умный, знающий и живой малый. Во многом мы поспорили, хотя большой отдаленности взаимной между нами, кажется, нет. Во многом мы и согласны" (письмо ⟨от февраля 1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 1 б. Л. 28).

10 *Кстати, посылаю вам...* – С этих слов и далее текст на отдельном листке. См. об этом в прим. 3 к наст. письму.

11 Бюрнуф Эжен (1801–1852) – французский востоковед, известный своими переводами и изданиями древнеиндийских и древнеиранских произведений; Гольцман Адольф Карл Вильгельм (1810–1870) – немецкий санскритолог.

12 ... *эпизодом из "Магабгараты"...* – Речь идет о древнеиндийском эпосе "Махабхарата". Обширное предуведомление к стихотворению и объявление его переводом с санскритского понадобилось И. Аксакову, чтобы обмануть бдительность чиновников, если письмо будет вскрыто на почте.

13 *Брамин*, брахман – жрец в древней Индии, руководивший обрядом жертвоприношения.

14 Стихотворение понравилось Аксаковым, о чем сообщила Вера: "Перевод твой прекрасен, всем нравится. Гоголь очень хвалит, желает только, чтобы ты не сочувствовал этому расположению духа..." (письмо от января 1850 г. // ЛН. Т. 58. С. 725). Отец писал: "Стихи прекрасные, сильные и свежие, хотя по содержанию не новы" (письмо от 31. 1. 1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 23).

46 *30. I 1850*

1 ... *попить немножко Бубе...* – лекарство, рекомендованное С.Т. Аксакову от головных болей.

2 ... *если б он не играл в карты.* – замечание в ответ на сообщение отца о полученном от В.Г. Карташевского письме, в котором тот объявил об отсутствии у него денег и просил уговорить А.Т. Аксакова прислать ему 525 рублей. "Дело для меня, – писал С.Т. Аксаков, – уже вполне объяснилось: он повез из Москвы 550 р⟨ублей⟩ ас⟨сигнациями⟩, да каждый месяц получает жалованье за учетом 19 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩, а через полтора месяца ему нечего есть. Разумеется, проиграл и промотал, но меня надувать он не будет. К сожалению, я не спохватился и показал вчера последнее письмо Вол⟨оди⟩ Карт⟨ашевского⟩ Арк⟨адию⟩ Тимофеевичу; я его знаю: он не сказал ни слова, но *непременно* пошлет деньги, и все мои убеждения его от этого не удержут. Я отвечал Володе почти то же, что пишу тебе. Во всю мою жизнь были ненавистны мне люди, занимающие деньги с намерением не платить их! Удовлетворять своим прихотям и страстишкам на счет чужих лишений – хуже воровства и разбоя! Я безжалостен к таким людям" (письмо от 27. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 7 об. – 8).

3 ... *продолжаете писать свои "Записки"...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

4 ... *бегство не разрушит ложных сплетней.* – возникших в связи с покупкой Г.С. Аксаковым Головкина и продажей его после случившегося там пожара и связанных с этим ссор с прежним владельцем М.М. Наумовым. См. прим. 7 к письму 9 и прим. 4 к письму 22.

5 ... *может быть очень полезен.* – Н.Т. Аксаков был симбирским губернским предводителем дворянства.

6 ... *Константин намеревается заняться русским словарем...* – Начал эту работу по совету и настоянию Н.В. Гоголя (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 17. I. 1850 г. // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. С. 186. См. также его письмо Ивану от 27. I. ⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 9 об.).

7 Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – лингвист, профессор Петербургского университета, впоследствии академик (1851). "Мысли об истории русского языка" – самая значительная работа ученого. Была прочитана 8. II. 1849 г. в Петербургском университете.

8 ... *даже не знаю, где она помещена.* – Опубликована в кн.: Годичный торжественный акт в императорском Санктпетербургском университете, бывший 8 февраля 1849 г. СПб., 1849.

9 *Поездку Свербеевой к гр⟨афу⟩ Закр⟨евскому⟩ одобрить нельзя...* – И. Аксаков в письмах родным нелестно отзывался о даваемых Закревским балах. Закревский Арсений Андреевич (1783–1865), граф – московский генерал-губернатор в 1848–1859 гг.

[10] ... *разрывать союз слова с делом.* – В это же время А.И. Кошелев сообщал А.Н. Попову: "Свербеев дает балы к великому отчаянию Аксакова (К.С. Аксакова. – *Т.П.*)" (письмо от 1. II. 1850 г. // РА. 1886. № 3. С. 353).

[11] Филатьев – лицо неустановленное.

[12] ... *проживает знаменитая здесь m-me Бем...* – См. с. 10 наст. изд. Жила в усадьбе Шелахово.

[13] ... *его дед основатель лицея...* – Лицей в Ярославле основан Демидовым Павлом Григорьевичем (1738–1821), библиографом и естествоведом, именем которого была названа одна из городских площадей, где был поставлен ему памятник в виде бронзовой колонны.

[14] ... *"С преступной гордостью обидных, тупых желаний и надежд, речей без смысла"...* – Стихотворение 1845 г.

47 *2.II.1850*

[1] ... *Вы дали 30 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩ за Афанасья.* – Аксаковы помогали слуге Ивана выкупиться на волю.

[2] *Его барин – великий мерзавец.* – Татаринов, родственник В.И. Татаринова (см. с. 101 наст. изд.).

[3] *Она еще ничего не знает о Володиной драме...* – т.е. о запрещении Н.Т. Карташевской своему сыну жениться на актрисе Е.Н. Жулевой. См. прим. 4–7, 12–14 к письму 36 и прим. 8 к письму 38.

[4] ... *это совершеннейшая выдумка!..* – Речь идет о якобы написанном А.О. Смирновой письме С.П. Шевыреву о Н.В. Гоголе. Смирнова уверяла, что никогда не писала Шевыреву как человеку малознакомому (см. ее письмо К.С. Аксакову от 21. I. 1850 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 126. Л. 1).

[5] *Сенатор в Калуге...* – князь Сергей Иванович Давыдов. Ревизия Калужской губернии была назначена в конце 1849 г., но сенатор прибыл в начале 1850 г. О калужской ревизии см. прим. 4 к письму 38.

[6] ... *пользуюсь хорошим мнением в м⟨инистерст⟩ве, как говорит Россоловский...* – См. прим. 5 к письму 41. Представляемые И. Аксаковым записки и указания по ярославской ревизии внушали уважение к ревизору: "Труд этот был особенно оценен в министерстве, и многие его предложения по улучшению городского хозяйства и городского управления были приняты в свое время в соображение" (*Хомутов А.С.* Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1886. Июль. С. 48). *Россоловский* Сильвестр Францевич, муж умершей в 1849 г. племянницы С.Т. Аксакова Марии Михайловны Глумилиной, был чиновником особых поручений при казанском военном губернаторе И.А. Баратынском и занимался, как и И. Аксаков в это время, городским хозяйством.

[7] *Поздравляю и тебя, милый друг Вера...* – с днем рождения.

[8] Елагин Николай Алексеевич (1822–1876) – младший сын А.П. Елагиной от второго брака с Елагиным Алексеем Андреевичем, составитель и издатель "Белевской вивлиофики".

[9] *Что Татаринов...* – В.И. Татаринов.

48 *5.II.1850*

[1] ... *переписать некоторые стихи для Максимовича.* – М.А. Максимович просил стихи для издаваемого им сборника "Киевлянин" (вышел в 1850 г.). Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – ботаник, историк, фольклорист, журналист. С 1833 г. заведовал кафедрой ботаники в Московском университете, в 1834–1835 гг. ректор университета в Киеве, впоследствии (1871) член-корреспондент Российской Академии наук. Приятель Н.В. Гоголя и С.Т. Аксакова.

[2] ... *я только даю свое согласие для этих пиес.* – В сборнике "Киевлянин" были напечатаны стихотворения И. Аксакова "Отдых", "Свой строгий суд остановив...", частично "Поэту-художнику" (со слов "Блажен, кому в удел служенье...") (Киевлянин. 1850. Кн. 3. С. 189, 190–191, 211–212).

[3] *Ни вице-губернаторства, ни места управляющего удельною конторою он сейчас не получит.* – Свое намерение перейти в министерство уделов Г.С. Аксаков оставил в этом же месяце.

[4] ... *посмотреть на Максимовича и Гоголя, когда они слушают малороссийские песни.* – С.Т. Аксаков писал Ивану, что Гоголь "часто у нас бывает, и вместе с Максимовичем они бывают так веселы и забавны, особенно, когда Наденька поет малороссийские песни, что поистине весело и умилительно на них смотреть" (письмо от 31.1.1850 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 205).

[5] *... чтение стихов не имело и не будет иметь здесь никаких вредных последствий.* – См. с. 105 наст. изд.

[6] *Я познакомился... еще на Серных водах.* – См.: *Аксаков.* С. 391.

[7] Эрнст Генрих Вильгельм (1814–1865) – скрипач и композитор, родился в Брюнне (Брно), музыкальное образование получил в Венской консерватории. Концертировал в России в 1847 г.

[8] Шуберт Франц Петер (1797–1828) – австрийский композитор.

[9] *... покажет эту бумагу Татаринову...* – т.е. барину Афанасия, который приходился родственником В.И. Татаринову (см. с. 101 наст. изд.).

[10] *Говорят, Миркович уволен от должности и вместо него Бибиков, родной брат генерала-губернатора.* – Слухи оправдались: в 1851 г. виленским, гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором был генерал-лейтенант *Бибиков* Илья Гаврилович, брат киевского губернатора Д.Г. Бибикова, а генерал-лейтенант *Миркович* Федор Яковлевич числился сенатором во 2-м департаменте Правительствующего Сената.

49 *13.II 1850*

[1] *...желаю знать, чем разрешится Гришино положение относительно его министерства...* – Г.С. Аксаков, чиновник министерства юстиции, хотел перейти на службу в министерство внутренних дел.

[2] *Что слышно про ревизию Калужской губернии?* – См. прим. 4 к письму 38.

[3] *... интересуюсь спором, возникшим между Константином и Кошелевым!* – См. прим. 15 к письму 44.

[4] *... дам рекомендательное письмо к Корфам.* – Корф – Нина Александровна, урожденная Шишкова (род. в 1819 г.), сестра С.А. Аксаковой, и ее муж Фердинанд Николаевич (1805–1869), барон – генерал-майор, возглавлявший комиссариатскую комиссию в Симбирске.

[5] *Читаю... барона Гакстгаузена...* – Гакстгаузен Август (1792–1866) – немецкий экономист, интересовавшийся особенностями земельного устройства в Пруссии и в славянских странах. В 1843–1844 г. посетил Россию с целью изучения сельской общины. Речь идет о его работе "Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands" ("Исследования внутреннего положения народной жизни, и в особенности сельских учреждений России"). Ганновер, Берлин, 1847–1852. Из контекста письма неясно, читал ли И.С. Аксаков книгу по-немецки или во французском переводе. Почти треть этой работы была напечатана в 1848–1849 гг. в "Московских ведомостях" (см.: Моск. ведомости. 1849. 9 июля. С. 882).

[6] *... интересуюсь теперь английскими проказами в Греции.* – О них сообщалось в газетах. Адмирал Паркер, командующий английской эскадрой, подошедшей к Саламинской бухте около Пирея, от имени английского правительства предъявил Греции частные требования, касавшиеся ограбления английского подданного и т.п., и потребовал уступки Англии двух островов, прилегающих к Ионийским островам. Все берега Греции были объявлены состоящими в блокаде для военных греческих судов, два греческих судна были захвачены. Население готовилось к отражению высадки англичан. Посредничество русского и французского посланников Англия сначала отклонила, а через некоторое время приняла, и "проказы" были окончены (см.: Сев. пчела. 1850. 31 янв., 3, 6, 7, 8 февр. С. 98–99, 107, 114, 118–119, 123).

50 *16.II 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2] *... не скажу ничего ни про статьи, Вами присланные...* – Речь идет об отрывках из "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии" ("Лебедь" и "Гусь") (см. с. 116 наст. изд.) – С.Т. Аксаков называл их статьями, – а также о статье К.С. Аксакова о народном образовании (см. с. 112 наст. изд.).

[3] *Орлов* Алексей Федорович (1786–1861) – шеф корпуса жандармов и начальник III отделения (1844–1856).

[4] *Я прошу себе этой последней награды.* – И.С. Аксаков служил без жалованья, ему выдавались только суточные и квартирные деньги (см. с. 203 наст. изд.).

[5] Попов Александр Николаевич (1821–1877) – славянофил, в 1839 г. окончил юридический факультет Московского университета. Занимался историческими исследованиями. Не получив

места в Московском университете, переехал в Петербург и в конце 1845 г. был определен секретарем 1-го департамента Правительствующего Сената. С 1846 г. начал службу во II отделении императорской канцелярии у Д.Н. Блудова. Впоследствии член Археологического общества (с 1850 г.), член Редакционных комиссий по крестьянскому делу (1860).

[6] ... *к Оболенскому...* – Д.А. Оболенскому.

[7] *Константина... благодарю за... статью.* – о народном образовании. См. о ней на с. 112–114 наст. изд.

51 *19.II.1850*

[1] *Статья твоя написана прекрасно...* – См. прим. 7 к предыдущему письму.

[2] Кузьмичев Федот Семенович (ок. 1809 – 60-е годы XIX в.) – лубочный писатель; Федотов – возможно, речь идет об Алексее Федотовиче Федотове (род. в 1806 г.), профессоре всеобщей и русской истории в Демидовском лицее (1838–1846). См.: *Головщиков К.* Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль, 1887. С. 101–102.

[3] Кок Шарль Поль де (1794–1871) – французский писатель, автор развлекательных произведений.

[4] ... *просвещение должно быть основано на религиозных началах...* – убеждение, присущее славянофилам и их ближайшему окружению. См. рецензию И.В. Киреевского на повесть Ф. Глинки "Лука да Марья" (1845), в которой он писал, что грамотность удаляет простолюдина от изучения церковнославянского языка, тогда как им надлежит заниматься в первую очередь. Задачу литературы для народа он видел в распространении прежде всего религиозных понятий. Впоследствии И.Д. Беляев в статье "Деревня" (РБ. 1858. Кн. II) будет настаивать на том, что крестьяне должны читать прежде других церковные книги, а крестьянские училища должны находиться в ведении сельских священников. В 80-е годы в "Руси", рассуждая об основах народной школы, И.С. Аксаков категорично заявит: "...народ должен быть воспитан в духе *церковном*" (Полн. собр. соч.: В 7 т. СПб., 1903. Т. IV. С. 586). Он будет призывать сельских учителей воспитывать крестьянских детей "в духе Веры, в живом единстве с Церковью Христовой" (Там же. С. 590). Но в 40-е и в начале 50-х годов подобная безапелляционность еще не была ему свойственна.

[5] *Новый* завет (жизнеописание Иисуса Христа) и *Ветхий завет* (древняя история еврейского народа) входят в состав Библии.

[6] Апокалипсис – книга Нового завета, содержанием которой являются пророчества о конце мира.

[7] *Четьи-Минеи* – свод житийной литературы для чтения по месяцам (по дням памяти того или иного святого).

[8] Катехизис (наставление – греч.) – изложение вероучения в вопросах и ответах.

[9] ... *мы не должны принимать с народом тон учителей, нежных отцов, гувернеров...* – В этом И.С. Аксаков будет убежден и впоследствии. Рассуждая в "Руси" о том, какой должна быть газета для народа, он писал: "...у нас *почти* никто и не умеет писать для народа; народную литературу обыкновенно отождествляют у нас с литературою *детскою*, и авторы в той и другой области похожи на людей, которые, играя с детьми, присаживаются на корточки и умышленно картавят, как дети" (Полн. собр. соч. Т. IV. С. 392). Но славянофилы ничего не издавали для народного чтения. Когда же написанная В.Ф. Одоевским повесть "Сиротинка" подверглась резкой критике со стороны К.С. Аксакова, автор сердито и справедливо заметил А.С. Хомякову: "...я пишу для народа и для детей потому, что *никто другой* не пишет, а посему необходимо писать для тех и для других... Если вы, господа, знаете всю подноготную русского человека, зачем вы не пишете для него, для чего нас своим письмом не учите..." (письмо ⟨от 20.VIII.1845 г.⟩ // *Егоров Б.Ф., Медовой М.И.* С. 344). Отношение К.С. Аксакова к изданию литературы для народа станет понятным, если ознакомиться с его рецензией на журнал "Народное чтение", написанной в 1859 г. Саму мысль о народном чтении он считал ошибочной, поскольку народ, по его мнению, не нуждается в "жеваной" пище, чтение должно быть общим, а не сословным (см.: *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981. С. 238).

[10] Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ-идеалист, создатель диалектического метода. Русское образованное общество 30–40-х годов XIX в. увлекалось его философией. Человек, не читавший Гегеля, в то время считался "почти что несуществующим человеком" (*Анненков П.В.* Литературные воспоминания. [М.], 1960. С. 156).

[11] *... ты говоришь, что цивилизация трактирная, галстучная и жилетная не годится народу...* – Подобные взгляды будет защищать В.И. Даль на страницах журнала "Русская беседа": в "Письме" к редактору журнала он выскажет мысль о том, что грамотность не всегда ведет к просвещению, грамота порою сбивает крестьянина с толку, грамотный стремится руководить, а не работать, проявляет склонность к сутяжничеству (РБ. 1856. Кн. 3. Отд. Смесь. С. 3, 4). В 40–50-е годы И.С. Аксаков считал необходимым распространение в народе "наук положительных", и только в 80-е годы, в период издания "Руси", он, как и Даль, будет убежден, что начальное образование, доступное народу, не способно снабдить его мерилом для отделения плевел от пшеницы (см.: Полн. собр. соч. Т. IV. С. 390).

[12] *Хазов* – лицо неустановленное.

[13] *...: возражения на выгорецкие ответы...* – "Поморские ответы". См. прим. 17 к письму 32.

[14] *Как идут твои работы? Твоя грамматика, твой лексикон, твоя статья о богатырях, твои письма о литературе?..* – Первая часть грамматики будет окончена только в 1853 г. С.Т. Аксаков писал И.С. Тургеневу: «Этот, без сомнения, важный и, по совести скажу, даровитый труд непременно будет встречен враждебно всею ученою кастой и не понят остальною публикой, ибо философскую "Грамматику" трудно написать не философским языком... Константину необходимо закрепить печатью за собою те мысли, которые со временем, потеряв свою дикость, будут приняты всеми и даже присвоены теми людьми, которым сначала показались они чудовищными» (письмо от 3.XI.1853 г. // РО. 1894. Окт. С. 500). См. прим. 1 к письму 38. О лексиконе см. прим. 6 к письму 46. В это же время К. Аксаков работал над статьей о богатырях (см. письмо отца Ивану от 3.II. ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 22), она предназначалась для "Киевлянина" М.А. Максимовича, но не была приготовлена к нужному сроку, кроме того, получилась очень громоздкой (см. письмо К.С. Аксакова Ивану без даты. // Там же. Ед. хр. 1 б. Л. 12). И.С. Аксаков включил ее в состав II тома "Московского сборника" 1852 г., но она не была пропущена из-за восхваления общинной жизни Древней Руси. Была напечатана в журнале "Русская беседа" (1856. Кн. 4). Письма о литературе, о которых спрашивает И. Аксаков, это цикл литературных писем "О современном состоянии литературы" (см. прим. 17 к письму 43).

[15] *Достань и прочти.* – См. прим. 7, 8 к письму 46.

52 *20.II.1850*

[1] *... из м⟨инистерст⟩ва жалованья еще не получал...* – Речь идет о суточных и квартирных деньгах, так как И.С. Аксаков служил без жалованья.

[2] *Откуда это Великопольскому достаются грамоты об аксаковском роде?* – "Великополь⟨ский⟩ достал грамоты от своей соседки Куломзиной, – отвечал С.Т. Аксаков, – а ей достались они вместе с имением, которое во время оно было жаловано нашим прапращуром" (письмо от 24.II.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 35 об.). Этот подарок не был первым: осенью 1848 г. К.С. Аксаков получил подарок от жены Великопольского Софьи Матвеевны – подлинную грамоту царей Иоанна и Петра и царевны Софьи Сергею Федоровичу Аксакову на владение землями в Старицком уезде (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 8.XI.⟨1848 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 22 в. Л. 16 об.). Великопольский Иван Ермолаевич (1797–1868) – посредственный поэт и драматург.

[3] *Константин, я думаю, доволен...* – Грамоты были подарены ему (см. предыдущее прим.).

[4] *Калайдович* Николай Константинович (1820–1854) – сын историка-археографа К.Ф. Калайдовича, товарищ И.С. Аксакова по Училищу правоведения (2-й выпуск 1841 г.).

[5] *... получил ли Гриша чин надворного советника.* – О получении чина отец известил Ивана в письме от 24.II.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 35 об.

[6] *В м⟨инистерст⟩ве уделов служить, конечно, выгодно...* – См. прим. 3 к письму 48.

[7] *... по какому случаю был прощальный бал у Корфов, а у Ник⟨олая⟩ Тим⟨офеевича⟩ великолепный праздник?* – Бал у Корфов был по случаю отъезда С.А. Аксаковой из Симбирска. Н.Т. Аксаков дважды давал балы: во время губернских выборов и после них, когда вновь единодушно был выбран губернским предводителем дворянства (см.: Симбирск во время дворянских выборов 1850 года (Письмо к редактору) // Москвитянин. 1850. № 8. Кн. 2. С. 152, 156, 157, 159).

[8] *Выборы, кажется, еще не начинались.* – И.С. Аксаков ошибся – выборы в Симбирске уже прошли (см. предыдущее прим.).

[9] *Казадаев* Владимир Александрович – камергер, состоявший при министерстве внутренних дел.

[10] *... его можно заменить другим...* – С.Т. Аксаков так и поступил, заменив неудачное выражение на “темносинию, гладкую поверхность воды” (Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1852. С. 159).

[11] *... не понимаю, чем Вы можете быть тут недовольны.* – В письме Ивану от 27.1.1850 г. С.Т. Аксаков сообщал: «Я написал “*Гуся*” и “*Лебедя*”: Гоголь то и другое очень хвалит, но я недоволен; впрочем, я надеюсь исправить» (История моего знакомства с Гоголем. С. 205).

[12] *Константину на его статью я отвечаю особым письмом...* – См. письмо 51.

[13] *Обещанных сплетней и описания дамских козней вы не прислали.* – В это время Е.А. Свербеева и О.Ф. Кошелева имели намерение женить К.С. Аксакова на Е.А. Васильчиковой (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 24.11.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/ III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 36).

[14] *... передавать содержание ее письма А⟨лександре⟩ Осиповне.* – В.С. Аксакова призывала брата к осторожности в переписке с А.О. Смирновой, поскольку она “очень сообщительного характера” (письмо⟨1850 г.⟩, ошибочно попавшее в письма О.С. Аксаковой // РГБ. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7в. Л. 9 об.).

[15] Свербеев Дмитрий Николаевич (1799–1874) – бывший дипломат, близкий ко кружку славянофилов. Автор двухтомных “Записок” (М., 1899).

[16] *... Муравьев сибирский...* – Н.Н. Муравьев.

[17] *Экспедиция англичан для отыскания Франклина...* – Речь идет о поисках пропавшей экспедиции английского мореплавателя Франклина (1786–1848), отправившегося в 1845 г. к Северному полюсу. Корабли экспедиции были затерты льдами у северо-западного берега Земли короля Вильгельма. В 1850 г. следы лагеря были обнаружены на востоке о. Бичей.

[18] *... достаньте 3-й № и прочтите рукопись старицы Марьи...* – точное название: “Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской” (Москвитянин. 1850. № 3. Февр. Кн. I).

[19] *Погодин доказывает, что это мистификация.* – В своем заключении, помещенном после рукописи (см. предыдущее прим.), М.П. Погодин решительно заявил, что “это подлог, мистификация” (Там же. С. 60).

[20] *Тут и война Иоанна III-го с Новгородом.* – В “Рукописи старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской” Иоанн III назван Иваном Васильевичем (см.: Там же. С. 33).

[21] *... книжка Срезневского, которую Константин обязан прочесть...* – Допущена неточность: не книга, а статья. См. о ней прим. 7, 8 к письму 46.

[22] *Что Анна Тимоф⟨еевна⟩?* – У сестры С.Т. Аксакова А.Т. Воейковой (1799–1850) в это время было сильное обострение ревматизма.

53 *23.II 1850*

[1] *Поздравляю Вас, милая маменька...* – с днем рождения.

[2] *... огорчает меня болезнь Софьи и вообще положение их обоих...* – Речь идет о С.А. и Г.С. Аксаковых: Софья Александровна страдала от ревматизма, Григорий в это время собирался переходить на службу в министерство внутренних дел, на что требовалось не менее двух месяцев. Отец так описывал Ивану положение Григория: “Как он огорчает меня безрассудною своей ветренностью и неосновательностью в делах важных! Я не могу приписать этого слепому повиновению желаниям своей жены. Я вижу тут его собственные действия, зерно которых я чуял за 10 лет и удивлял всех своей несправедливостью к Грише. Представь ты себе, что после такой ужасной болезни и таких страданий Софья 25-го февраля выезжает в Москву!” (письмо от 28.11.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 32об. – 33).

[3] *... собираетесь читать ему свои охотничьи записки.* – “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии”. С.Т. Аксаков писал Ивану: “Самарин для меня самый интересный и цельный слушатель: он литератор и охотник...” (письмо от 24.11.⟨1850 г.⟩// РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22г. Л. 36).

[4] *... Фед⟨ор⟩ Вас⟨ильевич⟩ в таком положении.* – Речь идет о Ф.В. Самарине (1783–1853), отце Ю.Ф. Самарина, бывшем шталмейстере. Ю.Ф. Самарин приезжал навестить отца, к этому времени перенесшего три удара, и все дни проводил с ним, выезжая только в 11 часов ночи (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 24.11.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22г. Л. 36).

[5] ... *вакансия чиновника... (которую занимал Муравьев)...* – граф Н.М. Муравьев.

[6] ... *Елагин собирается в Ростов...* – Н.А. Елагин.

[7] ... *написал уже в П⟨етер⟩бург о его желании перейти туда на службу...* – См. письмо Н.А. Милютину от 18.11.1850 г. // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 5–5 об.

[8] ... *профессором ему невозможно оставаться!* – В.И. Татаринов был профессором Демидовского лицея в Ярославле, или Демидовского высших наук училища, основанного П.Г. Демидовым в 1803 г. О тяжелом положении Татаринова в лицее см. на с. 100 наст. изд.

54 *26.II 1850*

[1] Самбурская Софья Алексеевна (ум. в 1858 г.) – старшая дочь сестры О.С. Аксаковой Веры Семеновны. С 1840 г. после смерти своей матери жила некоторое время в семье Аксаковых и была очень любима всеми.

[2] *О "Гусе" Вашем...* – из "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии".

[3] ... *в "Водах" Ваших...* – См. предыдущее прим.

[4] ... *без формального засвидетельствования.* – Ремесленное объединение двух вотчин послужило материалом для статьи И.С. Аксакова "О ремесленном союзе в Ярославской губернии" (РБ. 1858. Кн. II. Отд. Смесь). Ремесленный союз в Ярославской губернии казался И.С. Аксакову подтверждением нерушимости общинного начала, тогда как в действительности он свидетельствовал "о проникновении в общину капиталистических отношений" (*Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 121).

[5] Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф – министр государственных имуществ (1838–1856).

[6] ... *и не будучи Иоанном Грозным, прогнал бы его от себя за тридевять земель!* – Отношения Ивана Грозного со своим духовным наставником Сильвестром испортились после боярского мятежа 1553 г., когда Сильвестр выступил в роли примирителя враждующих сторон. Последовала его отставка, пострижение и отъезд в Кирилло-Белозерский монастырь.

[7] И.С. Аксаков подходит к оценке "Домостроя" не с исторической точки зрения, а как человек XIX столетия, которого памятник литературы XVI в. отталкивал своим дидактизмом, наставлениями, направленными на угнетение женщины. В XIX в. "Домострой" не встречал сочувствия ни в среде западников, ни в среде славянофилов.

[8] ... *с своей стороны даю ей полное согласие.* – Неизвестно, о каких секретах сообщала О.С. Аксаковой С.А. Самбурская.

55 *2.III 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *не предвижу совершенно печального исхода.* – С.Т. Аксаков отвечал, что пока нет близкой опасности, но невозможность лечить одно без ущерба для другого давали мало надежды на выздоровление А.Т. Воейковой (см. письмо от 14.III.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22г. Л. 27об.).

[3] *Кончил ли Константин свою статью о богатырях?* – См. прим. 14 к письму 51.

56 *6.III 1850*

[1] ... *Смирнова была у вас...* – 1 марта 1850 г. на дне рождения О.С. Аксаковой вместе с Н.В. Гоголем. С.Т. Аксаков писал Ивану 3.III.1850 г.: "Я очень обрадовался свиданию с Александрой Осиповной... Гоголь в ее присутствии – описать невозможно. Таким схвачен он на портрете Моллера, который, верно, ты видел у Хомякова. Таким бывает он в счастливые минуты творчества. Нет никакой возможности признать его влюбленным, и потому я объясняю себе это обстоятельство другим образом: между ними существует совершенное согласие в религиозном и нравственном отношении" (ЛН. Т. 58. С. 729–730). К.С. Аксаков в письме от 4.III.1850 г. эту встречу описывал брату так: "Вечер провела она у нас и сидела до половины первого. Вот, не могу сойтись я с этой женщиной! Неприятно с ней! Отсутствие всякой логики в голове, сухость, даже какая-то неискренность – все это очень отталкивает. Я поспорил и даже побранился с ней. Тут сидел Гоголь, радостный и счастливый до того ее присутствием, что просто, казалось, лучи шли от него: так он был светел. Между ними как бы установилась постоянная гармония и понимание" (Там же. С. 731–732).

[2] *... едет от скуки в Калуге.* – Это не совсем так. А.О. Смирнова следующим образом описывала И.С. Аксакову свою поездку в Петербург и причины отъезда из Калуги: “Я побывала везде, при дворе у всех своих старых знакомых, это было нужно, вместе и приятно. Этим отъездом я избежала множества неприятностей в Калуге во время следствия. Теперь оно окончено, и как не делалось притязательно против нас, не могли однако не оправдать нас. Решение же будет в Петербурге. Теперь начнется ревизия, т.е. другого рода неприятности” (письмо от 28.VI.⟨1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 164. Л. 1). О ревизии см. прим. 4 к письму 38.

[3] *Вы ничего не пишете про дела ее мужа...* – См. предыдущее прим.

[4] *... по праву прежней помещицы...* – См. прим. 7, 10 к письму 36.

[5] *Вы находите большую перемену в ее наружности.* – С.Т. Аксаков сообщал сыну: “Боже мой, как она изменилась в продолжение трех с половиной лет! Она старуха, она страшно что такое!” (письмо от 3.III.1850 г. // ЛН. Т. 58. С. 728).

57 *9.III.1850*

[1] *Поздравляю вас всех с приездом Софьи и Олички...* – В марте 1850 г. С.А. и О.Г. Аксаковы приехали в Москву. С.Т. Аксаков был недоволен этим приездом, создавшим неудобства для всей семьи. “Ты знаешь наше помещение в доме, – писал он Ивану, – знаешь, что мать и теперь не имеет себе угла, и потому легко себе вообразить, каково будет стеснение всем во время столь долгого пребывания Сонички. При самых искренних отношениях это было бы тяжело” (письмо от 28.II.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22г. Л. 33–33об).

[2] *Когда же явится в Москву... он сам?* – Г.С. Аксаков, отправив жену с дочерью в Москву, собирался уехать из Симбирска только в мае, так как на переход из министерства юстиции в министерство внутренних дел требовалось время.

[3] Дмитрий Ростовский (Туптало) (1651–1709) – ростовский митрополит, духовный писатель, составитель Четьих-Миней. Канонизирован русской православной церковью.

[4] *... у раки которого есть серебряная доска с надписью и стихами сочинения Ломоносова.* – Напечатано: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1959. Т.VIII. С. 646. Вопрос об авторстве надписи см.: Там же. С. 1088–1089.

[5] *В Ростове превосходно делают образа на финифти...* – Финифть – эмаль, применяемая для покрытия металлических изделий и для изображения узора на фарфоре. Иконопись на финифти получила распространение в Ростове с 30-40-х годов XIX в.

[6] *...ей теперь уже ... около года.* – О.Г. Аксакова родилась 26.XII.1848 г., следовательно, ей было больше года.

58 *13.III.1850*

[1] *...во всех этих дрязгах слышишь вопрос, поколебавший человечество и не разрешенный им.* – Имеется в виду французская буржуазная революция 1848 г.

[2] Индиго – синяя краска; марена – растение, встречающееся на Кавказе и в прикаспийских степях, красильный корень.

[3] *...чтоб все ваши опасения насчет Анны Тим ⟨офеевны⟩ кончились благополучно.* – См. прим. 22 к письму 52 и прим. 2 к письму 55. Иван получил письмо отца с сообщением, что болезнь сестры принимает угрожающий характер, был третий консилиум (см. письмо от 10. III.⟨1850 г.⟩// ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 45). 9.IV.1850 г. А.Т. Воейкова скончалась.

59 *20.III.1850*

[1] *Вот и Константин здесь...*– К.С. Аксаков пробыл в Ростове недолго – 25.III.1850 г. он уехал в Москву (см. с. 127 наст. изд.).

[2] *...я теряю надежду, чтоб когда-либо он был способен ее увидать.* – Отец писал сыновьям в Ростов: “Все это время всякий день, и не один раз, воображаем мы, как вы вместе ходите по ярмарке, разговариваете с купцами, мещанами и народом; как вы сидите друг против друга, перестреливаясь облаками дыма и мало-помалу начинаете спорить, как нетерпеливо морщится мой Иван и как горячо развивает Константин свои неизменные убеждения, непреложные и святые истины в сущности и не прилагаемые ни к какому обществу, даже к православной русской общине!” (письмо от 21.III.1850 г. // Письма. Т. II. С. 303).

[3] *Этот человек никогда не смущался, не сомневался в своих убеждениях...* – В этом отношении И.С. Аксаков являл собою резкую противоположность брату Константину. "Если б я имел хоть часть веры брата в свои убеждения, как бы я был счастлив! – писал он А.О. Смирновой. – Но я сделался недоверчив к человеческим мудрованиям, к собственным убеждениям, и со мной иногда выходит то, что́ иногда случается с неверующими, которые носят на шее крест по привычке и не захотят лишиться этого признака веры; так и я иногда делаю с убеждениями, за которые стою горой. В одном из старинных моих стихотворений есть стих, который я часто вспоминаю:

Всю жизнь стремим к единой цели,
И к цели ложной, может быть!"

(письмо от 25.XII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 450). И.С. Аксаков процитировал строки из стихотворения "Зачем опять теснятся в звуки..." (1845).

60 *25.III.1850*

[1] *Известия ваши о здоровье маменьки...неутешительны...*– О.С. Аксакова заболела еще до отъезда Константина в Ростов, но скрыла это, не желая расстраивать поездку сына (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 24.III.1850 г. // Письма. Т. II. С. 304).

[2] *...он хотел тотчас же ехать...* – узнав о нездоровье О.С. Аксаковой (см. предыдущее прим.).

[3] *Я считаю его пребывание здесь ему очень полезным.* – О.С. Аксакова, постоянно огорчаясь из-за бездействия Константина и его нежелания ближе узнать действительность, радовалась его отъезду в Ростов, но отец был другого мнения: "Я считаю не только бесполезными, но даже вредными такие маленькие путешествия относительно его ошибочных убеждений. Время так коротко, что запас радужных цветов, которыми он облекает все встречающиеся ему предметы, не успеет истощиться, и он только коснеет в своих мечтательных верованиях" (письмо Ивану от 24.III.1850 г. // Письма. Т. II. С. 304). К.С. Аксаков же считал поездку в Ростов очень важной для себя, она позволила ему переменить прежнее мнение о купечестве, которое со времени петровских реформ, как он стал считать, испортилось в меньшей мере, чем дворянство, и потому скорее может вернуться к исконно русским началам. "Я вижу в них положительную связь с народом, – писал он, – признаю в них возможность земского Русского голоса, чего решительно не признаю в нас и чего не признавал, не видел, по крайней мере, в купцах до сих пор" (письмо Ивану ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 26–26об.).

[4] *...поздравляю с 29-м марта.* – с днем рождения К.С. Аксакова.

61 *27.III.1850*

[1] *...хочу съездить к вам в Москву на Святую неделю.* – на первую неделю после Пасхального воскресенья.

[2] *...должно было несколько остановить его в пылкости разных выводов.* – И.С. Аксаков, по роду своей деятельности связанный с практическими вопросами, поощрял те занятия Константина, которые позволяли "приступить к делу прямо и тотчас" (с. 109 наст. изд.), например, связанные с проблемами народного воспитания и образования. Отвлеченные прения, к примеру, о родовом быте, вызывали неизменно иронию И.С. Аксакова. В 1850–1851 гг. К.С. Аксаков работал над статьей о родовом быте (см. письма Ивану ⟨1850 г.⟩ и ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 22, 36 об.). И.С. Аксаков писал по этому поводу А.О. Смирновой: "Вы еще ничего не слыхали про родовой быт? Это новейшая мода в ученом мире в большом ходу: пишут книги о родовом быте, спорят о родовом быте, ссорятся за родовой быт. Дело в том, застал ли у нас *Рюрик* родовой патриархальный быт или общинный быт, и какое значение в нашей истории имеет родовое начало. Как вы об этом думаете? Способны ли толки про 950-й год заставить забыть вас 1850-й? Если способны, то как же вы счастливы, а с вами и все эти господа!"(письмо от 30.VIII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 445–446). Статья К.С. Аксакова "О родовом быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)" была напечатана в "Московском сборнике" 1852 г.

[3] *...должность его правит Муравьев...* – В.Н. Муравьев.

62 *30.III 1850*

[1] *...успокоившись от тревоги...* – См. прим. 1, 2 к письму 60.

[2] *...и в особенности вчерашнего дня.* – дня рождения К.С. Аксакова.

[3] *...в пользу покупки Спасской слободы...* – Имение принадлежало князю Долгорукому.

[4] *...в статье о "Водах"* – из "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии".

[5] *...статья вовсе не имеет притязания быть ученою или общеописательною.* – Как ранее И.С. Аксаков просил прислать замечания на свои стихи, так теперь С.Т. Аксаков просил сына внимательно прочесть рассказы из "Записок ружейного охотника" и отметить все, что покажется претенциозным, выпадающим из общего тона (см. письмо от 14.III.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 28). Но автор не последовал совету сына: никаких оговорок о том, что рассказ не имеет ученого характера и т.п., в нем нет.

[6] *...в годовщину моего прошлогодничного приключения.* – Имеется в виду арест III отделением в марте 1849 г.

[7] *...не раньше конца Страстной недели...* – Страстная неделя – последняя, седьмая неделя Великого поста перед Пасхой.

[8] *...должен скучать в Симбирске и нетерпеливо беситься на петербургскую медленность!* – Жена и дочь Г.С. Аксакова жили в это время в Москве, а он дожидался документов о переводе его из министерства юстиции в министерство внутренних дел.

[9] *...вышло наружу.* – А.И. Овер вскрыл нарыв у Ольги.

63 *6.IV 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2] *... не уведомил меня подробнее о настроениях кн⟨язя⟩ Долгорукого...* – См. с. 129 наст. изд.

[3] *Кн⟨язь⟩ Долгорукий...вас надувает.* – И.С. Аксаков был неприятно удивлен отзывом Константина о князе: "... что он человек добрый, в этом сомневаться трудно. Я не сомневаюсь даже" (письмо Ивану без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 1б. Л. 11). В другом письме Ивану К.С. Аксаков писал, что Долгорукий представляется ему "прямым, честным, добрым и верующим человеком", и что он не верит в то, что он может совершить подлость (Там же. Л. 21).

[4] *Вчера я отправил к Вам садовника...* – Об этом просила Ивана мать (см. письмо Ивану Н.С. Аксаковой без даты // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 33. Л. 4–4об.). В поведении садовника С.Т. Аксаков усматривал испорченность жителей Ярославской губернии цивилизацией: "...даже садовник, присланный тобой, говорит свысока и жеманится, как девка. Ну да, впрочем, нельзя же перескочить прямо в настоящую образованность. Нельзя уйти от этого гадкого переходного состояния; но я боюсь, что можно в нем оставаться целые веки" (письмо от 12.VI. 1850 г. // Там же. Ед. хр. 13. Л. 100 об.).

[5] *... упражняются по-своему в горе!..* – Силами любителей были сыграны две пьесы: " Новичок в любви" и "Суженого конем не объедешь". В.Г. Карташевский был назван в числе самодеятельных артистов, усилия которых привели к "полному блистательному успеху" (Сев. пчела. 1850. 27 марта. С. 270). Об отношениях В.Г. Карташевского и Жулевой см. прим. 4–14 к письму 36.

[6] *... Булгарин, разбирая "Архив" Калачева...* – "Архив историко-юридических сведений, относящихся до России" – сборник, издававшийся Н.В. Калачовым в Москве в 1850–1859 гг. Рецензию см.: Сев. пчела. 1850. 18, 24 марта. С. 245–247, 265–267. *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789–1859) – писатель, журналист, издатель газеты "Северная пчела" в 1825–1859 гг. Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – историк, юрист, в 1848–1852 гг. профессор кафедры истории русского законодательства в Московском университете, впоследствии (с 1883 г.) академик.

[7] *... в пари, завязавшемся между московскими и п⟨етер⟩бургскими лошадиными охотниками...* – См.: Сев. пчела. 1850. 30 марта. С. 281.

64 *10.IV 1850*

[1] *... обольщения петровского переворота...* – т.е. реформ Петра I.

[2] *Попов совершил точно такой путь отрицания, как и мы...* – Речь идет об А.А. Попове.

[3] *Он недавно сделал ссылку на твою драму...* – "Освобождение Москвы в 1612 году".

[4] *... что скажет Минин...* – Речь о персонаже пьесы "Освобождение Москвы в 1612 году", имевшем реального прототипа, – нижегородского посадника Кузьму Минина (Кузьму Минича Захарьева-Сухорука) (ум. в 1616 г.), руководителя второго земского ополчения (1612).

[5] *Реприманд* – выговор (от фр. réprimande).

[6] *... расхохотался от мысли, что глупость люда народного доказывает твоею драмою!..* – К.С. Аксакову было свойственно исключительно высокое представление о русском народе, что отразилось и в его драме "Освобождение Москвы в 1612 году"; трактовка П.В. Хлебникова была противоположна взгляду К.Аксакова на народ.

[7] *Девичий наряд мною куплен.* – К.С. Аксаков просил П.В. Хлебникова достать старинный девичий наряд (см. письмо К.С. Аксакова Ивану ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/Ш. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 27 об.).

[8] *Пичугин в Москве и взял твой адрес.* – *Пичугин* Федор Дмитриевич, знакомый И.С. Аксакова, приезжал в это время в Москву для переговоров с князем Долгоруким (см. с. 128–129, 130–132 наст. изд.). С.Т. Аксаков от имени Пичугина просил Ивана написать Долгорукому официальное письмо с объяснением существа дела (о продаже Спасской слободы). См. письмо от 12.IV. ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 43. С.Т. Аксаков считал Пичугина "стариком живым, бодрым, неглупым и самостоятельным"(Там же. Л. 43 об.).

[9] *... придется купить карту Аральского моря.* – Не ясно, для чего она понадобилась И.С. Аксакову.

65 *14.IV 1850*

[1] И.С. Аксаков ошибся: 14 апреля была пятница, а не четверг (см. даты предыдущих писем).

[2] *... написал...официальное отношение к кн⟨язю⟩ Долгорукому.* – См. прим. 8 к письму 64.

66 *4.V 1850*

[1] Письма возобновились после поездки И.С. Аксакова в Москву на Пасху.

[2] *Переяславское озеро ... ростовское...*– Плещеево озеро и озеро Неро.

[3] *Неужели Гриша и теперь не приехал?* – Сообщение о приезде брата И.С. Аксаков получил перед 7.V.1850 г. (см. с. 137 наст. изд.).

[4] *... о назначении Муравьева помощником попечителя моск⟨овского⟩ учебного округа.* – Впоследствии поведение В.Н. Муравьева в этой должности возмутило москвичей. К.С. Аксаков сообщал Ивану: "Я должен сказать тебе, что приятель твой Муравьев – величайший мерзавец и свинья первого разряда". "Эта скотина держит себя так с профессорами, как еще конечно никто себя не держал". К.С. Аксакову стало известно, что он грозит пальцем профессорам, прерывает их лекции, чтобы побранить студентов; "негодование против него во всех сильно". "Все уверены, впрочем, что он не долго пробудет в Москве. Дай Бог!" (письмо ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 35, 35 об.). После назначения В.Н. Муравьева в помощники В.И. Назимову ярославским вице-губернатором стал статский советник Зиновий Алексеевич Богданов.

[5] *Назимов ... предложил ему это место.* – *Назимов* Владимир Иванович (1802–1874) – попечитель Московского учебного округа в 1849–1855 гг. и председатель Московского цензурного комитета. Когда Назимова назначали на эту должность, К.С. Аксаков считал, что он "человек Божий" (письмо Ивану без даты, датируемое нами октябрем–ноябрем 1849 г. на основании сообщаемого известия о смерти В.А. Панова в октябре 1849 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 18об.), но уже через год убедился в несправедливости своего отзыва: именно Назимов обратил внимание министра народного просвещения и начальника Главного управления цензуры П.А. Ширинского-Шихматова на пьесу К.С. Аксакова "Освобождение Москвы в 1612 году" как могущую возбудить враждебность народа к высшим сословиям. Впоследствии виленский генерал-губернатор, член Государственного совета.

[6] *... своей драмы.* – " Освобождение Москвы в 1612 году".

[7] *... о колоколе.* – См. прим. 1,2, 3 к письму 39.

[8] *... если Гриша в Москве...* – Ко времени написания следующего письма И.С. Аксаков уже знал о его приезде.

67 *7.V 1850*

[1] *... заставить меня продолжать "Бродягу".* – поэму И.С. Аксакова, так и оставшуюся неоконченной.

[2] *Думаю, что письмо мое застанет его еще в Москве.* – Г.С. Аксаков, направляясь в Петербург, по дороге заехал в Москву за женой и дочерью.

[3] *... подлости помещичьи он старается извинить...* – К.С. Аксаков возмутился несправедливостью этих слов: "... всякая современная гадость вполне мне гадка, что же касается до помещичьих подлостей, то они из тех, которые наиболее возмущают мою душу; это ты и сам должен знать" (письмо ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III.Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 21).

68 *14.V 1850*

[1] *Как удался нынче обед Гоголя?* – Написано в ответ на сообщение отца, что Константин и Григорий обедают у Н.В. Гоголя в погодинском саду (см. письмо от 9.V.⟨1850 г.⟩// ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 57 об.).

[2] *О происхождении этой обители можно бы справиться с разными описаниями...* – Толгский монастырь основан в XIV в., первоначально был мужским.

[3] Ратман – выборный член управы благочиния в XIX в.

[4]*... добрые последствия принятой в прошлом году меры относительно раскольников...* – Не ясно, какую меру имел в виду И.С. Аксаков: в 1849 г. никаких серьезных постановлений относительно раскольников принято не было, за исключением скопцов, которых отправляли на жительство в Закавказье, а вновь оскопившихся – в арестантские роты (см. постановления от 11.V и 2.XI. 1849 г. // Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 515–518). Возможно, Аксаков перепутал год: 26.X.1848 г. было принято постановление, чтобы начальники губерний не смешивали единоверцев с раскольниками (Там же. С. 509). Что касается Ярославской губернии, то в 1849 г. была поймана шайка разбойников, возглавляемая Пашкою, уроженцем Сопелок, где обосновалась секта бегунов.

[5] *... он может себе совсем взять эти рукописи.* – См. с. 94–95, 97 наст. изд.

[6] *... не оставил ли я в Москве рукописи о бессарабских раскольниках...* – т.е. оригинал записки И.С. Аксакова, поданной в 1849 г. в министерство внутренних дел и представлявшей собою отчет по поездке в Бессарабию. Записку "О бессарабских раскольниках" см.: РА. 1888. №. 3.

[7] *... Гриша с женой и дочерью уже уехал.* – в Петербург.

69 *17.V 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2]*Дай Бог поскорее ему найти свою Елену!* – 21 мая – именины Константина и Елены.

[3] *Поразила меня смерть Над⟨ежды⟩ Никол⟨аевны⟩...* – Н.Н. Шереметева умерла 11.V.1850 г.

[4]*... куда едет Гоголь...* – 19.VI.1850 г. отец известил Ивана об отъезде Н.В. Гоголя с М.А. Максимовичем на Украину. Оттуда Гоголь собирался в Грецию или в Бейрут, но доехал только до Одессы (см.: История моего знакомства с Гоголем. С. 207–208).

70 *23.V 1850*

[1]*Макарьевская ярмарка сначала была здесь.* – Макарьевская ярмарка была учреждена Василием III в 1523 г. Получила название по находившемуся поблизости монастырю святого Макария. После пожара, случившегося в 1816 г., переведена в 1817 г. в Нижний Новгород и стала именоваться Нижегородской.

[2] *Попов болен ...* – А.А. Попов.

[3] *Статью Константина я роздал по принадлежности...* – Речь идет о статье "Семисотлетие Москвы" (Моск. ведомости. 1846. 23 апр. Подпись: "А.–"). Получив ее, И. Серебренников писал из Углича: «Братцу Конст⟨антину⟩ Серг⟨еевичу⟩ передайте благодарность за память обо мне и за подарок. Статью его "Семисотлетие Москвы" я читал с удовольствием. Мысли его, изложенные в этой статье, совершенно тождественны с моими. "Москва не перестала и никогда не перестанет быть истинной столицей земли русской"» (письмо от 6.VI.1850 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 162. Л. 1–1об.). Взятых в кавычки слов нет в статье К. Аксакова, но мысль статьи передана И. Серебренниковым верно.

[4] *... не лучше ли ей вместо Ревеля ехать в Габзаль?* – Гапсаль находился в Эстляндской губернии на берегу Балтийского моря. Поездка не состоялась.

[5] *Что кобылье молоко? Продолжает ли действовать.*– Кобылье молоко было рекомендовано А.И. Овером Ольге Аксаковой, у которой открылось кровохарканье.

71 *26.V.1850*

[1] ... *хотелось...знать...обо всех обстоятельствах Гришиного перевода...* – 4.VI.1850 г. Г.С. Аксаков был переведен из министерства юстиции в министерство внутренних дел, 5.VIII.1850 г. назначен в комиссию по ревизии петербургской торговой депутации.

72 *30.V.1850*

[1] *Муравьев М.Н.* (1796–1866) – генерал-лейтенант, сенатор 1-го департамента Правительствующего Сената. Впоследствии генерал-губернатор Северо-Западного края (1863–1865), известный своею жестокостью ("Вешатель"), министр государственных имуществ (1857–1864), председатель следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова.

[2] ... *Машенька Княжевич...* – Княжевич М.Д., дочь Дмитрия Максимовича Княжевича (1788–1844), археолога, попечителя Одесского учебного округа, издателя "Одесского альманаха", приятеля С.Т. Аксакова.

[3] *Если Попов приехал...* – А.Н. Попов.

[4] "*Славься сим, Екатерина*!" – из хора для кадрили Г.Р. Державина.

[5] ... Диккенсова романа...– Чарлз Диккенс (1812–1870) – английский романист.

73 *3.VI 1850*

[1] *Гриша действительно живет очень высоко...* – В его квартиру в Петербурге вело 97 ступеней, как сообщал И.С. Аксаков родным 4.II.1849 г.

74 *6.VI 1850*

[1] ... *Гоголь Вам читал новую главу.* – 2.VI.1850 г. С.Т. Аксаков сообщил: «Гоголь третьего дни прочел мне одному, даже без Конст⟨антина⟩, 3-ю главу "М⟨ертвых⟩ д⟨уш⟩". Вчера прочел половину ее в другой раз при мне Конст⟨антину⟩ и сегодня хотел дочитать другую. До того хорошо, что нет слов» (История моего знакомства с Гоголем. С. 207).

[2] ... *едет куда-нибудь или нет?..* – См. прим. 4 к письму 69.

[3] *Воображаю, как Николай Тим⟨офеевич⟩ доволен случаем – побывать на торжестве 11-го июня!* – 11.VI.1850 г. царь отмечал 50-летний юбилей командования Измайловским полком и собрал всех служивших в нем, числясь его шефом с 28.V.1800 г. С тех пор полк именовался полком его высочества Николая Павловича (см.: Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730–1850. СПб., б/д. С. 123). Н.Т. Аксаков после окончания петербургской гимназии служил в этом полку (1814–1819).

[4] ... *после нового выбора...* – т.е. после губернских выборов 1850 г., на которых Н.Т. Аксаков вторично был избран в губернские предводители дворянства.

[5] *Оржевский Василий Владимирович* – титулярный советник.

[6] *Казадаев теперь сделан губ⟨ернато⟩ром в Тулу...* – Сведения неточны: Владимир Александрович Казадаев был назначен курским губернатором, но не в 1850, а в 1851 г. и оставался на этом посту до 1854 г.

75 *12.VI 1850*

[1] Публикуется впервые. Адресовано О.С. Аксаковой (см. о ней прим. 11 к письму 1), находившейся в это время в Москве.

[2] *Вы опять в хлопотах... и опять в разъездах*! – связанных с поиском и наймом дома в Москве.

76 *12.VI 1850*

[1] ... *все предположения о дальних поездках разрешились пока поездкой в Абрамцево.* – Нервнобольную В.С. Аксакову собирались отправить для лечения в Ревель (см. с. 142–143 наст. изд.), но поездка не состоялась.

[2] *Пусть женится*! – О.С. Аксакова считала М. Княжевич подходящей партией для одного из своих сыновей. Получив отказ Ивана (см. с. 144 наст. изд.), она задумала женить на ней Константина (см. письмо Ивану от 30.1.1851 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 39. Л. 85об.).

[3]*Угличские Серебренниковы...* – Иван Петрович и Василий Иванович Серебренниковы.

[4] *... волгáре.* – Речь идет о потомках тюркоязычных болгарских племен, образовавших во второй половине VII в. Волжско-Камскую Болгарию.

[5] *... они в полной мере разделяют взгляд автора...* – См. прим. 3 к письму 70. И. и В. Серебренниковым была послана одна статья, а не несколько, как явствует из письма И. Серебренникова.

[6] *... наши Вишенки...* – В Белебеевском уезде Оренбургской губернии.

[7] *... с песнями Кирши Данилова.* – К.С. Аксаков отвечал: "Как обрадовал ты меня известием о древних песнях; нетерпеливо желаю их видеть; мне кажется, легко узнать их подлинность, древность и отношения к другим таким же песням Кир⟨ши⟩ Данил⟨ова⟩" (письмо ⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 21об.). Речь идет о "Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым" – собрании русских былин и исторических песен, вышедших под редакцией А.Ф. Якубовича (26 текстов. М., 1804. Первоначальное название "Древние русские стихотворения"). Второе издание – под редакцией К.Ф. Калайдовича (61 текст. М., 1818).

[8] *... "уж не все ему холостым ходить, уж пора ему и женитися!"* – Мотив этот встречается в былинах о Дунае. В былине "Дунай", записанной А.Ф. Гильфердингом, мысли о женитьбе высказывает сам князь Владимир:

Ай же вы князи, вси мои бóяра,
Ай же вы поляници вси мои удалыя!
И вси-то у меня во Киеве вы поженены,
И все-то девушки боярýшки замýж даны,
А один у вас во Киеви я холост, не женат
Еще князь Владимир стольне-киевской.

(Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1949. С. 328).

[9] *... если только милая маменька в деревне.* – О.С. Аксакова в это время находилась в постоянных разъездах между Москвой и Абрамцевым.

77 *17.VI 1850*

[1] Публикуется впервые. Адресовано С.Т. Аксакову (см. прим. 11 к письму 1) в Абрамцево.

[2] *Ваши 4 стиха дополнения к "Шоссе" очень хороши...* – Какие дополнения были сделаны С.Т. Аксаковым, выяснить не удалось.

78 *20.VI 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2] *... приглашение от Муравьева повидаться с ним перед его отъездом в Петербург...* – Речь идет об ярославском вице-губернаторе В.Н. Муравьеве, назначенном помощником попечителя московского учебного округа (1850–1852). См. об этом прим. 4, 5 к письму 66.

[3] *... м⟨инист⟩р этого в особенности не любит.* – министр внутренних дел Л.А. Перовский.

[4] *К чему...было просить Кавелина? Его просьбы весу не имеют...* – Кавелин Александр Александрович (1793–1850) – генерал-адъютант, воспитатель наследника (1834–1841), с 1842 по 1846 г. – генерал-губернатор Петербурга, приятель С.Т. Аксакова. Просьбы Кавелина не имели весу, потому что в 1850 г. он уже не служил, с 1846 г. был серьезно болен, осенью 1850 г. он умер. Узнав о его смерти, С.Т. Аксаков писал Ивану: "Впрочем, это известие нельзя назвать печальным: в его ужасном положении смерть большое счастие" (письмо от 20.XI.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л. 109об.).

[5] *Пальчикову кланяюсь.* – Вероятно, Николаю Пальчикову, сыну Марии Александровны Пальчиковой, соседки Аксаковых по Абрамцеву.

79 *25.VI 1850*

[1] *... чиновник нашего министерства граф Стенбок.* – Стенбок-Фермор Юлий Иванович (1812–1870) – чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, впоследствии председатель департамента уделов.

[2] *...новая, оригинальная и опасная секта, о которой до сих пор нигде не упоминается.* – секта

бегунов. Заключительную часть своего сочинения о бегунах И.С. Аксаков напечатал (РА. 1866. № 4).

[3] *...написал об этом министру.* – Л.А. Перовскому.

[4] *...Татаринов покидает Ярославль...* — В.И. Татаринов не хотел долее оставаться в ярославском лицее, где он был профессором.

[5] *...побывавши на своей родине в Воронеже, ехать оттуда прямо в Петербург, где уже назначено ему место в нашем министерстве.* – Сохранилось письмо В.И. Татаринова И.С. Аксакову из Воронежа от 8.Х.1850 г., содержащее просьбу написать Н.А. Милютину в министерство внутренних дел, чтобы никого не взяли на его место (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 594).

[6]*Он должен дать мне место по одному напоминанию.* – И.С. Аксаков хотел получить место чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел.

[7] *...боюсь, что Гриша не помешал сам себе излишнею рьяностью, с которою ищет места...* – См. с. 153 наст. изд.

[8]*Так как Любим не на судоходной реке...* – на речках Уча и Обнора (см. ниже).

[9] *...сеют рожь вазу.* – один из кустовых сортов озимой ржи.

[10] *Ну что же Вера? Как она решилась?* – Вследствие болезни нервов В.С. Аксакову собирались отправить или на воды в Ревель, или в Киев с К.С. Аксаковым. Но отец мало верил в осуществимость такой поездки: "Можно ли больной нервами ехать в такой дальний путь на руках Константина, который сам хуже всякой нервной больной?.." (письмо Ивану от 12.VI.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 100).

80 *1.VII 1850*

[1]*Неужели Вы опять оставляете за собою дом Орловского...* – находившийся в Филипповском переулке. Семья решилась остаться в этом доме после его перестройки по указаниям О.С. Аксаковой.

[2] *...квартиру Шидловского также не удалось Вам сдать.* – Наняв дом Орловского, Аксаковы хотели сдать флигель Шидловского в Серебряном переулке, нанятый осенью 1849 г. для Ольги Аксаковой на два года. Пока перестраивался дом Орловского, Ольгу решили оставить в доме Шидловского.

[3] *...переделки дома не будет, потому что Абрамцево, вероятно, должно продаться?* – Поскольку Аксаковы не могли найти дома, удобного для проживания Ольги Аксаковой, решено было отремонтировать абрамцевский дом. Но уже в июне решили ничего не переделывать, а продать дом в течение года, если покупатели дадут хорошую цену.

[4]*"Дженни Эйер"* – роман "Джейн Эйр" (1847) английской писательницы Шарлотты Бронте (1816–1855).

[5] *...роман – Теккерея – "Ярмарку тщеславия"...* – "Ярмарка тщеславия. Роман без героя" (1847–1848) в русском переводе появился в 1850 г. Теккерей Уильям Мейкпис (1811–1863) – английский писатель.

[6] *...хотелось ... написать большую статью или записку о современном положении и значении городских общин в России...* – Мысли И.С. Аксакова по этому вопросу были частично изложены им в статье "О замечательном ремесленном устройстве в некоторых селениях Ярославской губернии", которая вошла в состав невышедшего II тома "Московского сборника" 1852 г. Опубликована в "Русской беседе" (1858. Кн. 2. Отд. Смесь) под названием "О ремесленном союзе в Ярославской губернии".

[7] *...до Екатерины городских общин не существовало...* – См. прим. 2 к письму 31.

[8] *...в Москве до чумы...* – Эпидемия чумы началась в Москве во время русско-турецкой войны 1770–1771 гг.

[9] *...как поймет человек служащий.* – "Постоянное обращение с купцами и мещанами много принесло мне пользы, – признавался И.С. Аксаков, – ближе ознакомило меня с живыми сторонами администрации и вообще с жизнью. По окончании своего поручения я напишу большую записку о современном значении городовых общин в России и их отношениях к государству; кажется, никто так не ознакомился с ними, как я" (письмо А.О. Смирновой от 3.VI.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 444).

[10] *...кажется Константину, что старинная администрация была превосходна...* – И.С. Аксаков, напротив, не считал ее таковой, а возвращение к учреждениям царя Алексея Михайловича – бессмысленным (См.: *Аксаков*. С. 54).

[11] *...господний праздник... (29 июня)*. – Петров день, праздник апостолов Петра и Павла.

[12] *...перед ростопчинскими не имеют ни малейшего достоинства.* – В "Санктпетербургских ведомостях" была помещена рецензия на только что вышедшую третью книгу сборника "Киевлянин", в которой было замечено: "Чтó касается до отдела стихотворного, то (да не посетует на нас почтенный издатель!) скажем прямо, что отдел этот довольно слаб. Правда, здесь есть два прекрасные стихотворения, зато остальные ненужный балласт в книге" (Санктпетербург. ведомости. 1850. 14 июня. С. 526. Подпись: И.М. Возможно, Ипполит Александрович Манн. См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. I. С. 409). Эти два стихотворения – "Осеннее ненастье" и "Сказка" – принадлежали перу Е.П. Ростопчиной. Подробный разбор стихотворений других поэтов рецензент считал излишним. Ростопчина Евдокия Петровна (1811–1858), урожденная Сушкова, графиня – поэтесса. Напротив, М.П. Погодин в своей рецензии на "Киевлянина", приведя отрывки из стихотворений И.С. Аксакова, сожалел, что он редко печатается: "Печатание, оглашение необходимо для писателя, особенно в известные лета: оно служит некоторого рода побуждением, если не дает новой силы, и на необитаемом острову мог сочинять песни разве только Виланд, да и то для красного солнца" (Москвитянин. 1850. № 10. Май. Кн. 2. С. 55).

81 *9.VII.1850*

[1]*У нас теперь в семье три именинницы.* – Ольга Семеновна, Ольга Сергеевна и Ольга Григорьевна Аксаковы.

[2] *...слух о Клушине неосновательен...* – А.О. Смирнова писала И.С. Аксакову: "Главная бéда здесь Клушин и Тимирязев, которые сплетничают ужасно, выдумывают, сближаются со всем, что ни есть подлого и гадкого между служащими, и поддерживают их, между прочим, люди порядочные, ваши друзья Унковские. Слух о том, что Клушин выходит (в отставку? – *Т.П.*), неосновательен..." (письмо от 28.VI.⟨1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 1 об.). Клушин Павел Николаевич (1814–1886) – калужский вице-губернатор с 1846 по 1854 г. Впоследствии член Государственного совета. Тимирязев Иван Семенович (1790–1867) – бывший астраханский губернатор, уволенный от должности в 1844 г. после ревизии и в это время находившийся под судом. Жил в родовом имении в с. Ржавце Лихвинского уезда Калужской губернии. Впоследствии сенатор.

[3] *...ощущения Селифана в хороводе и грезы о белых и полных руках...* – См. 1 главу II тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя.

[4] *...в Радонежье...* – т.е. в Абрамцево. Аксаковы называли Абрамцево Радонеж, Радонежье, поскольку неподалеку от имения находилось с. Городок на месте древнего города Радонеж.

[5] *...к Путятам...* – т.е. в Мураново, к Н.В. и С.Л. Путятам.

[6] *...Константин монах без подвигов монашеской жизни и что ему некуда девать своих физических и нравственных сил.* – Почти точная цитата из письма А.О. Смирновой от 28.VI.⟨1850 г.⟩: "Я думаю, что досуг сделает много вреда Константину Сергеевичу. Ему некуда девать избыток сил физических и духовных; он монах без подвигов монашеской жизни, т.е. без усиленной молитвы, крестных и земных поклонов, бдения, и потому он только хандрит и ничего не делает..." (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 2 об.).

[7] *...с Самариным она примирилась...* – В письме от 28.VI.⟨1850 г.⟩. А.О. Смирнова писала И.С. Аксакову: "Опять скажу Вам, что писала Юрию Федоровичу. Служба для мужчины есть самый лучший, самый высокий способ употребления своих способностей" (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 2об.). Размолвка Смирновой с Самариным произошла раньше; 1.III.1850 г. после встречи со Смирновой сестра Вера писала Ивану: "Она тебя очень любит, хвалит, а Самарина весь вечер почти бранила" (РГБ.ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 20а. Л. 27).

82 *⟨1.VIII.1850⟩*

[1]Письма возобновились после поездки И.С. Аксакова в Москву. В письме дата отсутствует. Она предположительна и принадлежит издателям Писем (Т. II).

[2] *...поспешил узнать насчет своего назначения в комиссию.*– в комиссию графа Стенбока (см. с. 153 наст. изд.).

[3] *...письмо от Муравьева...* – вероятно, от Александра Николаевича Муравьева, действительного статского советника, члена Совета министра внутренних дел. В министерстве внутренних дел числился в это время Николай Михайлович Муравьев, но в 1850 г. он был вице-губернатором в Симбирске – письмо же получено из Петербурга.

[4] *...м⟨инист⟩ру...* – Л.А. Перовскому, министру внутренних дел.

[5] *...к Андрею Оболенскому.* – Андрей Васильевич Оболенский (1825–1875) – сын Василия Петровича и Екатерины Алексеевны Оболенских, товарищ И.С. Аксакова по Училищу правоведения, двоюродный брат Д.А. Оболенского. В 1850 г. был товарищем председателя ярославской уголовной палаты.

[6] *Чем все порешили?* – и с домами, и с путешествием Веры. См. прим. 1, 2, 3 к письму 80 и прим. 10 к письму 79.

83 *7.VIII.1850*

[1] *...отъезду Веры.* – в Киев.

[2] *...получил предписание принять участие во всех занятиях комиссии...* – комиссии графа Стенбока (см. с. 153 наст. изд.).

[3] *...до осмотру дома Алальминского.* – О.С. Аксакова в это время была занята поисками дома на зимнее время.

[4] *...не успеешь заняться ни "Бродягой", ни тем, чем бы именно хотелось...* – постоянный мотив в письмах И.С. Аксакова. А.О. Смирновой он жаловался: «Работы по службе, задавившие меня совершенно, деятельность служебная, противная моим нравственным привычкам, кругом духота, безвыходность положения, ближайшее знакомство с страшными язвами, покрывающими Россию, невозможность врачевания, бесплодность трудов, пошлость общества, меня окружающего, все это держит мою душу в постоянно раздраженном состоянии, которое мне самому в тягость. Об "Алешке" нет и помину!» (письмо от 25.XII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 448). "Алешка" – т.е. "Бродяга".

[5] *...о решении Веры и маменьки.* – Речь идет о предстоящем путешествии В.С. Аксаковой и выборе О.С. Аксаковой дома для семьи.

[6] *Торт еще вкушается и поныне.* – торт, привезенный из Москвы в конце июля.

84 *14.VIII.1850*

[1] *...Оболенский...* – А.В. Оболенский.

[2] *Великие князья останавливались также у него...* – См. с. 158–159, 161 наст. изд.

[3] *...объяснил значение зеленого горошку для Ростова.* – Ростов славился садовниками и огородниками. Там выращивали сахарный горох.

[4] *...филипповской и федосеевской сектам...* – Филипповцы – старообрядческое согласие в беспоповщине, возникшее в начале XVIII в. Во главе с наставником Филиппом отошли от поморцев (см. прим. 17 к письму 32). Вследствие репрессий правительства стали применять самосожжение как средство "соблюдения веры". Федосеевцы – старообрядческое согласие в беспоповщине, основанное в конце XVII в. Федосием Васильевым. Федосеевцы проповедовали непримиримость к государству и официальной православной церкви, аскетизм и безбрачие. Впоследствии признали необходимость брака.

[5] *У Соловьева есть рукопись, мне принадлежащая: "Челобитная раскольничья"...* – Это, вероятно, "Челобитная московская", хранящаяся среди бумаг И.С. Аксакова, в материалах для научных работ (к изучению старообрядчества): ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 109. На обложке имеется помета: "Принадлежит Ивану Аксакову". Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, профессор Московского университета (1845), впоследствии академик (1872).

[6] *Духоборцы* – религиозная секта, возникшая во второй половине XVIII в. Представители секты отвергали православные обряды и обожествляли живых людей.

[7] *...чтоб ... хлопоты были успешны!* – по найму дома на зиму.

85 *21.VIII.1850*

[1] *...только и толков, что о пребывании великих князей.*– См. с. 158–159, 160–163 наст. изд.

[2] *...о назначении сюда вице-губернатором Богданова...* – Речь идет о Зиновии Алексеевиче Богданове.

[3] *...написал письмо к Гвоздеву...* – Александру Александровичу Гвоздеву.

[4] *...новость об угличском колоколе.* – См. прим. 1, 2 к письму 39.

[5]*Ундольский Вукол Михайлович* (1815–1864) – палеограф, библиограф, собиратель произведений древнерусской литературы; *Забелин* Иван Егорович (1820–1908) – историк, археолог; *Беляев* Иван Дмитриевич (1810–1873) – историк, славянофил.

[6] *...от Серебренниковых новое письмо...* – письмо Ивана и Василия Серебренниковых от 13.VIII.1850 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 162.

[7] *...напечатанной в вивлиофике...* – Вивлиофика – библиотека, серия книг по какой-либо отрасли знания.

[8] *...к X тому истории Карамзина.* – Т. X "Истории государства российского" Н.М. Карамзина вышел в 1824 г.

86 *24.VIII.1850*

[1]*Неужели отъезд Веры состоялся?..* – Ивана удивил не столько отъезд Веры, сколько отъезд Константина вместе с нею.

[2] *...каково-то Вам... одному теперь, без Константина...* – С.Т. Аксаков отвечал, что он "не грустит и довольно спокоен", "перенес разлуку с Константином так легко, что никто этому и не поверит" (письмо от 31.VIII.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22г. Л. 49). Это сообщение опровергает мнение Н. Барсукова о том, что К.С. Аксаков в 1850 г. совершил два путешествия в Киев и Ростов "к великому беспокойству и огорчению его родителей, так как они ни на минуту не желали расставаться с своим возлюбленным первенцем" (Барсуков. Кн. XI. С. 119).Что касается матери, то она всегда осуждала незнание Константином российской действительности. "...Как бы я обрадовалась решимости его куда-нибудь поехать", – писала она Ивану (письмо без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. IV. Ед. хр. 7в. Л. 8). В марте 1850 г., когда Константин собрался к Ивану в Ярославскую губернию, мать скрыла свою болезнь (рожа), чтобы поездка не была отложена. Это Константину не хотелось оставлять дом (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 16.VIII.⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 61об.), но он чувствовал себя обязанным сопровождать Веру.

[3] *...Киев, Москва, Абрамцево, Ярославль и Петербург сменяются друг за другом в Ваших мыслях.* – Вера, Надежда и Константин Аксаковы отправились в Киев, С.Т. Аксаков с младшими дочерьми находился в Абрамцеве, Иван – в Ярославле, Григорий – в Петербурге, Ольга Семеновна с Ольгой – в Москве.

[4] *...заезжали ли они к Горчаковым...* – знакомым Аксаковых.

[5] *...кто да кто поехал из людей...* – Для присмотра за больной Верой поехала Мария Степановна, сзади на специально устроенном сиденье, приделанном к задку кареты, помещалась Варя (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 30.VIII.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III.Карт. III. Ед. хр. 22г Л. 49об.).

[6] *Благодарю ... за исполнение моих поручений.* – О.С. Аксакова написала письмо отцу С.М. Соловьева о возвращении челобитной (см. с. 162 наст. изд.). О получении ее Иван известил родных (см. с. 167 наст. изд.).

[7]*Путешествия в Бухару я никакого не заказывл Кольчугину.* – Это ответ на письмо матери от 21.VII.1850 г., в котором сообщалось, что Кольчугин приготовил Ивану книгу о путешествии в Бухару. Возможно, имеются в виду или "Краткое начертание путешествия Российского посольства из Оренбурга в Бухарию" А.К. Мейендорфа (Париж, 1826) или "Описание Бухарского ханства" Н.В. Ханыкова (СПб., 1843). Кольчугин Иван Григорьевич – московский книгопродавец.

[8] *...покончить с квартирой!* – вернее, с флигелем Шидловского, который надо было сдать, так как Аксаковы решили снять новый дом.

87 *28.VIII.1850*

[1] *...ухичивать всякую новую квартиру...* – т.е. приводить в порядок, утеплять на зиму.

[2] *...была ли сама Вера у Хомяковых и виделась ли с ними...* – К Хомяковым в Богучарово (под Тулой) заезжал только К.С. Аксаков, оставив сестер на постоялом дворе (см. письмо К.С. Аксакова родителям от 22. ⟨VIII.1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III.Карт. II. Ед. хр. 53 б, в, г, д. Л. 4об.). На обратном пути Константин тоже заезжал к Хомяковым, но не застал хозяина. А.Н. Попову А.С. Хомяков сообщал: "Здесь без меня был у нас Аксаков. Жена говорит, что Малороссию бранит. Я этого

ждал" (письмо от 6.XI.1850 г. // *Хомяков*. С. 196). Эта информация расходится с той, которая содержится в письме С.Т. Аксакова Н.В. Гоголю: "Малороссия поэтически подействовала на моих дочерей и смягчила даже непреклонного Константина" (письмо от 5.XII.⟨1850 г.⟩ // История моего знакомства с Гоголем. С. 210).

[3] *...в каком расположении духа едет Константин.* – Отец сообщал Ивану: "Бедный Константин, совершенно не привыкший быть в такой зависимости, да еще у женщины, больной нервами, конечно, достоин сожаления. Ты поймешь его положение из его письма. Я боюсь только, что Константин не выдержит до конца (ибо в самом начале была уже сильная схватка) и что его самопожертвование не принесет плода" (письмо от 31.VIII.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22г. Л. 49об.). Между тем К.С. Аксаков писал родителям из Мценска: "Самое большое пространство, которое уехали мы в сутки, было третьего дня: 72 версты! Не подумайте из этих слов, дражайшие мои отесинька и маменька, чтобы я сердился и чтобы у нас с Верой выходили ссоры, – нет, этого ничего нет; я ехал с тем, чтобы выносить все те обстоятельства, противуположные моему характеру, стало быть, существует причина выше той, которая заставила бы меня выходить из себя от образа нашей дорожной жизни. Я могу сказать, что я даже и внутренно довольно спокоен..." (письмо от 22.⟨VII. 1850 г.⟩ // Там же. Карт. II. Ед. хр. 53 б, в, г, д. Л. 1).

[4]*Виделся ли Константин с Самариным перед отъездом?* – С Самариным путешественники встретились в Серпухове случайно (см. письмо К.С. Аксакова родителям от 28.⟨VIII. 1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. II. Ед. хр. 53 б, в, г, д. Л. 3 об.).

88 *31.VIII.1850*

[1]*Ведь это подлинно жертва.* – В письме А.О. Смирновой И.С. Аксаков расценил поступок Константина как "подвиг" (письмо от 30.VIII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 445) – он ехал с двумя больными женщинами, то и дело останавливавшимися в дороге. По возвращении путешественников отец сообщал Ивану: "Конста очень похудел. По его характеру это путешествие было для него настоящею пыткою во всех отношениях" (письмо от 18.IX.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 3).

[2] *...не по силам Веры.* – И.С. Аксаков ошибся – путешественники благополучно доехали до Киева.

[3]*Письма посылаю.* – письма из Киева, пересланные Ивану матерью.

89 *4.IX.1850*

[1]Публикуется впервые.

[2] *...посылаю Вам ... письмо Гриши.* – Летом 1850 г. семья Г.С. Аксакова некоторое время гостила в имении Карташевских Кобрине. С.Т. Аксаков, прочитав посланное письмо, отвечал: "Из письма Гриши к тебе очевидно, что они не сошлись с Карташ⟨евскими⟩; из письма Надины (Н.Т. Карташевской. – *Т.П.*) и Маш⟨еньки⟩, на этой же почте полученного, очевидность эта подтверждается. Итак, Гришина Соничка решительно никому из родных не нравится. Нельзя во всех предполагать предубеждение, стало, есть что-нибудь такое в ней, что не располагает к ней таких разнохарактерных людей. Неприятно мне было прочесть некоторые выражения в Гришином письме: очень слышен чужой мотив, который он начинает усвоивать" (письмо от 7.IX. ⟨1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 64).

90 *11.IX 1850*

[1] *...мало извлекает добра для себя...* – Мать была солидарна с Иваном: "...конечно, другой бы на его месте стал бы извлекать и из худого хорошее, а он, как мокрая курица, распустил крылья и предался апатии, всегда недостойной мужчины..." (письмо от 8.IX.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 76–76об.).

[2] *...досадно, что она не может иллюстрировать свое путешествие...* – Н.С. Аксакова хорошо рисовала.

[3]*Приближаются все наши сентябрьские праздники...* – 14 сентября – день рождения Надежды, 17-го – именины Веры, Надежды, Любови, Софьи, 20-го – день рождения С.Т. Аксакова, 25-го – день его именин, 26-го – день рождения и именин Ивана.

[4] *... с ... Оболенским...* – А.В. Оболенским.

91 *14.IX 1850*

[1]*Когда они приехали, из письма не видно...* – Аксаковы прибыли в Киев 29.VIII.1850 г.

[2] *...погода помешала ... их удовольствию видеть Киев.* – В Киеве Аксаковы встретились с Ю.Ф. Самариным и вместе с ним осматривали город (см. письмо А.О. Смирновой И.С. Аксакову от 21.IX.⟨1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 10). С.Т. Аксакову Самарин писал: "Нечего вам и говорить, как я был обрадован его (К.С. Аксакова. – *Т.П.*) приездом. Эта неделя протекла для меня незаметно..." (письмо от 14.IX.1850 г. // Самарин. Т. XII. С. 234).

[3] *...одна из путешественниц новорожденная...* – Н.С. Аксакова.

[4] *... с именинным днем...* – 17 сентября.

93 *28.IX.1850*

[1]*Все наши семейные праздники, начиная с 20-го...* – См. прим. 3 к письму 90.

[2] *...остановившись у Унковского.* – у Ф.С. Унковского, губернского прокурора в Костроме.

[3] *...которую и арестовал...* – Письмо это не понравилось К.С. Аксакову, написавшему брату: "Твои письма интересны, но ты сам должен знать, что мне часто неприятно их читать; особенно одно письмо, где ты говоришь о Костромской губернии... Часто думаю я о служебной деятельности человека; грустно, если она принимает полицейский характер!" (письмо ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 35 об.).

[4] *...такую скверную секту как сопелковская.* – См. о ней на с. 171–172 наст. изд.

[5]*Десятский* – в дореволюционной России выборное лицо из крестьян для выполнения главным образом полицейских функций.

[6] *...с общим учением раскольников об антихристе...* – Вера в то, что антихрист уже пришел и царствует на земле, является характерной особенностью учения раскольников.

[7] *...со времени нарушения древнего благочестия...* – т.е. с середины XVII в., когда официальная церковь провела реформы, нарушившие, с точки зрения раскольников, прежний порядок.

[8] *...от филипповского согласа.* – См. о нем прим. 4 к письму 84.

[9] *...вы бы ужаснулись!* – Знакомство с сектой странников или бегунов послужило материалом для труда И.С. Аксакова "О бегунах", частично опубликованного (РА. 1866. № 3). Донесения о секте странников, выписки из следственного дела о раскольниках в Ярославской губернии см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 48, 90.

[10] *...все знают наизусть Четью-Минею и Ефрема Сирина.* – О Четьях-Минеях см. прим. 7 к письму 51. Ефрем Сирин (ок. 304 г. – 373 г.) – сирийский церковный деятель, автор богословских сочинений и религиозных гимнов.

[11] *...едва ли я не был прав, доказывая ему вред исключительно чтения церковных книг.* – См. письмо К.С. Аксакову от 19.11.1850 г. на с. 112–114 наст. изд.

[12]*Поздравляю вас всех с прошедшими праздниками.* – См. прим. 3 к письму 90.

94 *2.X 1850*

[1]*Вы были в Ростове, милая ... маменька...* – с дочерьми Надеждой, Любовью, Марией и Софьей (см. с. 171 наст. изд.).

[2] *...получил 1000 р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩.* – денежную награду министерства внутренних дел.

[3]*Буду писать об них Грише.* – Г.С. Аксаков находился в это время в Петербурге и мог похлопотать о быстрейшей присылке денег И.С. Аксакову в Ярославль.

95 *9.X 1850*

[1] *...в почаевской типографии...* – в типографии Почаевской лавры (в Волынской губернии).

[2] *...списанная с макарьевской Четьи-Минеи.* – Макарий (1542–1563) – митрополит, составитель и редактор Великих Четьих-Миней.

[3]*У Дмитрия Ростовского также рассказывается это житие...* – т.е. в Четьих-Минеях, им составленных.

96 *12.X 1850*

[1] *...вы так долго и понапрасну беспокоились.* – Отец в ответном письме заявил, что сын ведет себя так, словно ему не 27, а 17 лет, поскольку морщится от беспокойства родных о его здоровье (см. письмо от 19.X.1850 г. // Письма. Т. II. С. 356).

[2] *Откуда взялся этот паралич!* – Речь идет о Я.Г. Карташевском, внезапно ослепшем во время охоты. В Казани его лечил Елачич, не давая, впрочем, надежды на выздоровление (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 25.IX.⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 63об.), но в октябре отец известил сына, что состояние больного улучшилось (см. письмо от 19.X.⟨1850 г.⟩ // Там же. Л. 71).

[3] *М-те Шалашникова, за которую он дрался, дочь князя Лобанова-Ростовского...* – А.А. Шишков дрался в Уфе на дуэли со Степаном Петровичем Шалашниковым и ранил его. Велось следствие, и С.Т. Аксаков спрашивал Ивана, какое наказание ожидает их родственника (см. письмо от 25.IX.⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 64). Дочь князя Лобанова-Ростовского Бориса Александровича (1795–1863), действительного статского советника, камергера, и Бородиной Олимпиады Михайловны (1800–1874) звали Анной Борисовной (род. в 1823 г.), за С.П. Шалашникова она вышла замуж в 1841 г.

[4] *...которую я видел на Серных водах и которую разбранил рикошетом.* – См. письмо Ивана от 2.VII.1848 г. // *Аксаков.* С. 388–389.

[5] *...уже под конец моего пребывания на Серных водах...* – И.С. Аксаков был на Серных водах в июне и июле 1848 г.

[6] *...как на что-то, чему пора миновалась.* – "Да нам никому и в голову не входило подозревать тебя в историческом чувстве", – отвечал отец (письмо от 19.X.1850 г. // Письма. Т. II. С. 356). "Историческое чувство" означает любовное.

97 *30.X 1850*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *Цемш сватался за Маш⟨еньку⟩ Воейкову.* – М.В. Воейкова (род. в 1826 г.) – племянница С.Т. Аксакова. Это было уже вторичное сватовство Цемша (первый раз сватался в 1847 г.). Отец В.И. Воейков отказал Цемшу (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 2.XI.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 46).

[3] *Да и хочет ли она сама идти за Цемша?* – С.Т. Аксаков считал его "порядочным Хлестаковым", но полагал, что М.В. Воейкову надлежит за него выдать, поскольку она влюблена в Цемша (см. письмо от 26.X.⟨1850 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 73об.–74).

[4] *Пусть дядя Аркадий украшает свой дом и задает вечера!* – В сентябре 1849 г. А.Т. Аксаков нанял на три года дом, состоящий из 22 комнат, у церкви Николая Чудотворца (Б. Молчановка) на курьих ножках.

[5] *Вы наняли дом Высоцкого.* – Дом Орловской, принадлежавший ранее ее отцу доктору В.Я. Высоцкому, находился напротив Иерусалимского подворья в Филипповском переулке.

[6] ... *в Самарскую* (*новую*) *губернию...* – Самарская губерния была образована в 1851 г.

[7] ... *Софья жила бы в Языкове...* – имении Шишковых в Бузулукском уезде Оренбургской губернии. При образовании Самарской губернии уезд вошел в ее состав.

[8] ... *где-нибудь подальше от жениной родни.* – Аксаковы считали, что родственники жены Г.С. Аксакова руководят его поступками.

[9] *Я обещался у него крестить...* – В семье Г.С. Аксакова ожидали в это время ребенка.

[10] ... *встречи с скучными людьми, Кротковыми, дядей...* – Кротковы – родственники жены А.Т. Аксакова. К своему дяде А.Т. Аксакову Иван относился неплохо, но необходимость общения с большим количеством людей, посещавших гостеприимный дом С.Т. Аксакова, пугала и угнетала его. А.Т. Аксаков с 1846 г. жил в Москве довольно широко, имел множество знакомств. С.М. Загоскин, сын писателя, вспоминал: "Аксаков, брат известного Сергея Тимофеевича, был хороший человек, и хотя не имел замечательного ума своего брата, но был схож с ним бесконечною добротою, честностью и благородством, качествами, присущими вообще всему поколению старых и молодых Аксаковых того времени. Он был женат на Анне Степановне Кротковой, премилой и прелюбезной женщине" (Воспоминания С.М. Загоскина // ИВ. 1900. Т. 79. Март. С. 931–932).

98 *30.X 1850*

[1] *Ну что обед Вяземскому?* – Отец отвечал: "На роскошном обеде Вяземскому по твоему предчувствию точно Шевырев говорил речь и весьма удачно, а Ник⟨олай⟩ Фили⟨ппович⟩ сбился, сконфузился и не мог продолжать; Вяземский отвечал прекрасно; 14 дам были гостями ... всего было 68 персон" (письмо от 2.XI.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 г. Л. 46 об.).

[2] *Скоро ли вы переедете?* – Из Абрамцева в Москву. Переезд произошел только в ноябре 1850 г. Предстоящая зима в Москве угнетала С.Т. Аксакова, писавшего 5.XII.1850 г. Н.В. Гоголю: "Я переехал в Москву с гораздо большею неохотою, чем когда-нибудь. Послезавтра две недели, как я переехал, и до сих пор еще не начал примиряться с своим положением. Не могу возбудить в себе никакого интереса к окружающим меня предметам. Все мне чуждо и скучно. Писать ничего не могу" (История моего знакомства с Гоголем. С. 209).

[3] *Денег из м⟨инистерст⟩ва я еще не получал.* – См. с. 173 наст. изд. и прим. 2 к письму 94.

[4] *Ни в Оренбург, ни в Самару ему не следовало бы ехать.* – чтобы не быть близко к родственникам жены и не испытывать их влияние.

[5] *Троицкий почтмейстер едва ли читает.* – И.С. Аксаков полагал, что на московском почтамте его письма вскрываются. В письмах, шедших через Троице-Сергиевский посад, он был откровеннее. С.Т. Аксаков, переехав на зиму в Москву, призывал сына к осмотрительности: «Теперь мы живем в Москве, и потому надобно быть еще осторожнее в письмах. Повторяю тебе эти слова в сотый раз, я наперед знаю, что ты не удержишься. Ты не понимаешь слова "осторожность" в обширном его значении; ты будешь осторожен в одном предмете, в другом, а в третьем и четвертом не будешь» (письмо от 28–29.XI.⟨1850 г.⟩ / РМ. 1915. Авг. С. 120).

99 *7.XI 1850*

[1] *... в каком переулке дом Орловского, в Афанасьевском, кажется? ...* – См. прим. 5 к письму 97. Владение было сквозным, выходило в Б. Афанасьевский и Филипповский переулки.

[2] *Благодарю Константина за присылку стихов.* – Какие стихи были посланы, выяснить не удалось.

[3] *Христианское учение... разрушает жизнь...* – С.Т. Аксаков был недоволен этими строчками: "Думая видеть ясно, ты доходишь до слепоты: где же христианское учение приказывает ненавидеть жизнь? Нетерпеливо станем ждать от тебя стихов: содержание их будет горько, но человеку отрадно услышать сильное выражение общего нам безотрадного чувства" (письмо от 13.XI.1850 г. // Письма. Т. II. С. 358).

[4] *... посылаю Константину стихи Одоевского.* – Не ясно, какие стихи были посланы. "Стихи Одоевского мы знаем давно, – писал С.Т. Аксаков. – Смотря с известной точки на этого человека, я ничего не нахожу в них возмутительного. Он делал выходки гораздо похуже этой" (письмо от 13.XI.1850 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 11 об.). Одоевский Владимир Федорович (1803–1869), князь – писатель, музыкальный критик.

[5] *... защищают Одоевского.* – от нападок славянофилов и прежде всего К.С. Аксакова, который в "Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год" подверг резкой критике повесть Одоевского "Сиротинка". Славянофилы были недовольны участием Одоевского в "Петербургском сборнике" 1846 г., его промежуточным положением между враждующими лагерями западников и славянофилов.

100 *13.XI 1850*

[1] *... для Константина или для его занятий это хорошо.* – т.е. пребывание в Абрамцеве, вдали от суетной городской жизни.

[2] *... ради Бога, чтоб она не переставала писать!* – 24.XI.1850 г. отец писал, что передал К.К. Павловой слова Ивана, которыми она осталась довольна. «Само собою разумеется, что она никогда не бросит стихов – уже прочла мне большое вступление к новой большой пиесе в каком-то новом роде и еще посвящение "*Кадрили*" Баратынскому: разумеется, и то и другое написано хорошо» // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 114 об.

[3] *Я имею причины быть осторожным...* – намек на перлюстрацию писем, на полицейский надзор, под которым находился И.С. Аксаков в Ярославле, главное – на полученное уже к этому времени письмо министра внутренних дел, которому донесли о чтении Аксаковым "предосудительной" поэмы "Бродяга" (см. Дополнение).

101 *19–20.XI 1850*

[1] *... с целью придать еще более весу и силы действиям комиссии при противодействии Бутурлина...* – См. с. 165 наст. изд. Справедливость этого утверждения подтверждается и воспоминаниями А.С. Хомутова, писавшего: "Вследствие принимаемых крутых и энергических мер для расследования дела полетели на нас доносы от представителей разных ведомств и, в ограждение нас, к нам в комиссию прислан был еще, по распоряжению III отделения, офицер корпуса жандармов" (Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1886. Июль. С. 49).

[2] *... как обыкновенно звали его в училище...* – в Училище правоведения. А.В. Оболенский принадлежал к 7-му выпуску 1846 г.

[3] *... добрейший из Оболенских.* – О.С. Аксакова писала сыну, что Оболенский "такой необыкновенно добрый и тебя так много и истинно любящий человек" (письмо без даты // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 42). С.Т. Аксаков сообщал Ивану: "Без всякого преувеличенья скажу, что я мало встречал людей, к которым так лежало бы мое сердце: точно он вырос в моих глазах. Притом он очень мил и забавен, а как любит тебя... нет слов!" (письмо от 23.11.⟨1851 г.⟩ // Там же. Ед. хр. 16. Л. 10об.–11).

[4] *... родной брат княгини Мещерской.* – Сестра А.В. Оболенского Софья Васильевна (род. в 1822 г.) была замужем за князем Борисом Васильевичем Мещерским.

[5] *... не знал, что он ее отдавал в цензуру.* – "Освобождение Москвы в 1612 году". С.Т. Аксаков позднее объяснил, что произошла замена одного цензора другим и новый пропустил несколько запрещенных ранее пьес. С.Т. Аксакова тревожило это обстоятельство, он ожидал "передряги" (см. письмо Ивану от 28–29.XI.⟨1850 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 121).

[6] *... как размещены роли... когда дается пиеса, в бенефис ли чей или так просто?* – В представлении драмы К.С. Аксакова "Освобождение Москвы в 1612 году" были заняты замечательные актеры: К.Н. Полтавцев – Минин, В.А. Дмитревский – Пожарский, Л.Л. Леонидов – Ляпунов, М.С. Щепкин – Салтыков, С.В. Шумский – Андронов, в народных сценах играл П.М. Садовский и др. Пьеса исполнялась в бенефис Леонидова (Стакилевича) Леонида Львовича (1821–1889), артиста Малого театра (1843–1854).

[7] *... будет ли она иметь успех на сцене.* – Отец отвечал: "Я думаю, что с тех пор, как завелся в России театр, еще не ставилась на сцене такая суматошная пиеса. На общее хорошее исполнение нет никакой надежды, но некоторые явления могут быть удачны и эффектны" (письмо от 24.XI.⟨1850 г.⟩ / ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 114).

[8] *... прочел описание обеда, данного Вяземскому...* – См. прим. 1 к письму 98 и "Москвитянин" (1850. Ч. VI. Нояб. Кн. 1. Отд. Моск. летопись).

[9] *... прочел... "Русалку" Мея...* – См.: Москвитянин. 1850. Ч. VI. Нояб. Кн. 1. Отд. Рус. словесность. Мей Лев Александрович (1822–1862) – русский поэт, драматург.

[10] *... посмеялся над стихами Ростопчиной: "як эльзкар дычь! о звук небесный!"* – См.: Поэзия и проза жизни. Дневник девушки. Гл. XII. Переписка // Москвитянин. 1850. Окт. Кн. 2. С. 308. После слов "о звук небесный!" письмо, по всей вероятности, заканчивается. Далее идет пропуск в несколько строк и более жирными чернилами добавление от 20.XI.1850 г., начинающееся со слов: "Оболенский решился сам ехать нынче...".

102 *27.XI 1850*

[1] *Нынче, кажется, день рождения Любиньки...* – В письмах И.С. Аксаков по-разному указывал число ее рождения: то 26, то 27 ноября.

[2] *... к 15-му декабря, т.е. ко дню представления драмы...* – Отец сообщил, что представление "Освобождения Москвы в 1612 году" должно состояться 15-го, но произошло оно 14.XII.1850 г.

[3] *... как бывало прежде в Калуге...* – И.С. Аксаков приезжал из Калуги на магистерский диспут К.С. Аксакова, состоявшийся 6.III.1847 г.

[4] *... драма эта выигрывает при внимательном чтении...* – А.О. Смирновой Иван писал: "Я не признаю его драмы полным художественным произведением; но такого рода содержание едва ли может быть втеснено в рамки художественного произведения" (письмо от 25.XII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 449). С.М. Соловьев также считал, что сочинение К.С. Аксакова "очень эффектно в чтении" (*Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. [М.], 1983. С. 304). Н.В. Гоголь недоумевал: "Но зачем, не бывши драматургом, писать драму? Как будто свойства драматурга можно приобресть! Как будто

для этого достаточно живо чувствовать, глубоко ценить, высоко судить и мыслить! Для этого нужно *осязательное, пластическое* творчество, и ничто другое. Его ничем нельзя заменить. Без него история всегда останется выше всякого извлеченного из нее сочинения" (письмо С.Т. Аксакову от 12.VII.⟨1848 г.⟩ // История моего знакомства с Гоголем. С. 195).

[5] *... предпочту мадонну Рафаэля русским изображениям святых.* – Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский художник, архитектор. Самая известная из его изображений Богоматери – "Сикстинская мадонна" (1515–1519).

[6] *... нашего же правовёда Куприанова...* – Правильно: Куприянов Яков Александрович, титулярный советник, товарищ председателя палаты гражданского суда, впоследствии сенатор. Принадлежал к 5-му выпуску (1844) Училища правоведения.

[7] *... переместило сюда Унковского...* – Ф.С. Унковского.

[8] *Посылаю вам стихи, недавно мной написанные.* – "Усталых сил я долго не жалел...".

[9] *... сообщите мне ваши замечания.* – О них на с. 183 наст. изд.

103 *4.XII.1850*

[1] *Насчет моих стихов...* – Далее идет речь о стихотворении "Усталых сил я долго не жалел...".

[2] *Рампетка* – сачок для ловли бабочек.

[3] *... когда именно, на какое число дана будет драма Константина.* – См. прим. 2 к письму 102.

[4] *... Афанасий женится...* – Сообщение о женитьбе слуги оказалось преждевременным: свадьба расстроилась (см. с. 186 наст. изд.).

104 *18.XII 1850*

[1] В письмах И.С. Аксакова был небольшой перерыв, вызванный поездкой в Москву на представление драмы брата "Освобождение Москвы в 1612 году".

[2] *... Константин Булгаков... приехал также из Москвы...* – См. о нем прим. 2 к письму 4.

[3] *... рассказывал, что драма не имела успеха...* – В письме А.О. Смирновой от 25.XII.1850 г. И.С. Аксаков сообщал, что "театр был набит битком", "драма произвела сильные, хотя совершенно разнородные впечатления: и негодование, и сочувствие, и полное непонимание, и кривое истолкование", "поставлена она была очень дурно; но актеры играли с живым сочувствием" (РА. 1895. № 12. С. 449). Сам автор так описывал Ю.Ф. Самарину представление: "Драма сыграна; театр был набит битком; слушали с величайшим вниманием и просидели все пять действий. Многие говорят, что успех огромный" (письмо без даты // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 91). Автора вызывали два раза. "...Больше всего подействовала речь Ляпунова; рассердились первые ряды кресел, когда им напомнили, что крестьянин их брат, и закричали: коммунизм! не понимая, что слова Ляпунова православные, а где православие, там коммунизма быть не может" (Там же. Л. 91 об.). Интересно суждение А.О. Смирновой, не присутствовавшей на представлении, но выразившей мнения, распространенные в обществе. 18.1.1851 г. она писала из Москвы Н.В. Гоголю: "В Москве играли драму Константина Сергеевича Аксакова; она произвела много толков; ей сделали такую обстановку, что она показалась чем-то похожим на протест и прогресс в западном духе; даже многие кричали, что это коммунизм, потому что тут народ на сцене. Забыли, что это факт, но так как этот факт выведен на сцену Аксаковым, то все и представилось в виде чего-то будто опасного.

Напрасно придали важность, потому что драма скучна и сама бы шлепнулась; ее, однако, запретили. Но это не смутило автора, он убежден, что написал русскую драму, потому что на сцене Пожарский смиренный христианин, бесстрастный человек и потому не имеющий интереса драматического в смысле западном. Все, как видите, тоже детскость; всякий ездит верхом на своем коньке и погоняет его своими страстишками, своим самолюбием или тщеславием" (РС. 1890. Дек. С. 662–663).

[4] *... Каменский, костромской губернатор...* – Иван Васильевич Каменский был костромским губернатором в 1848–1853 гг.

[5] *... рад приезду Марьи Ал⟨ексеевны⟩...* – матери С.А. Аксаковой.

[6] *... в которых съемка окончена...* – Имеется в виду топографическая съемка (см. с. 185 наст. изд.).

[7] *Что драма, что второе представление.* – Цензор драматических сочинений Михаил Алек-

сандрович Гедеонов потребовал прислать ему цензурованный экземпляр пьесы в Петербург. "Что это значит – не понимаю, – писал отец Ивану. – Хочет ли он сам прочесть драму и удостовериться, что в ней нет ничего предосудительного? Требует ли того цензор, ее пропустивший, для своего оправданья? Предварительный ли это шаг к запрещенью?" (письмо от 29.XII.⟨1850 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 124). Правильным оказалось последнее предположение – первое представление драмы оказалось единственным.

8 *Оболенский просто в отчаянии...* – А.В. Оболенский.

105 *25.XII 1850*

1 *Поздравляю вас с праздником...* – с Рождеством Христовым (25 декабря).

2 *... не понимаю Гришина письма...* – См. с. 184 наст. изд.

3 Морельский – лицо неустановленное.

4 *... толков о драме много...* – Об этом сообщил Ивану и К.С. Аксаков (см. письмо без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 14). 25.XII.1850 г. С.Т. Аксаков писал Н.В. Гоголю: "... до сих пор Москва полна разговоров, брани и клевет на автора" (История моего знакомства с Гоголем. С. 211).

5 *... 2-ое представление отложено до получения ответа из П⟨етер⟩бурга.* – К.С. Аксаков не имел оснований надеяться на доброжелательное отношение к пьесе в столице: в ней выразилось его враждебное отношение к "городу с именем чужим".

6 *... сочинение основателя страннической секты Ефимия...* – Странники или бегуны – старообрядческая секта (беспоповщинцы), основанная во второй половине XVIII в. беглым солдатом Ефимом (1743–1792), бывшим крестьянином из Переяславского уезда Владимирской губернии. Секта возникла из недовольства компромиссами, которые допускали филипповцы и федосеевцы. Странники избегали государственных обязанностей, находились в постоянных бегах.

106 *28.XII 1850*

1 *... ему, конечно, не до того.* – В семье Г.С. Аксакова в это время ожидали ребенка.

2 *... послал ей куплеты Ленского...* – Стихи Д.Т. Ленского были прочитаны на обеде, данном К.С. Аксакову после представления "Освобождения Москвы в 1612 году" (см. письмо С.Т. Аксакова Н.В. Гоголю от 25.XII.⟨1850 г.⟩ // История моего знакомства с Гоголем. С. 211). Ленский (Воробьев) Дмитрий Тимофеевич (1805–1860) – артист Малого театра, водевилист.

3 *... послал ей... свои стихи.* – "Усталых сил я долго не жалел...".

4 *... что говорит Хомяков про мои стихи?* – "Хомяков чрезвычайно доволен твоими последними стихами", – отвечал отец (письмо от 2.I.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 126).

5 *... ездил поздравлять... 21 ноября и 6-го декабря...* – 21 ноября указано ошибочно: И.С. Аксаков мог поздравлять губернатора 20 ноября, когда отмечалось восшествие на престол Николая I (хотя в действительности это произошло 19 ноября), и 6 декабря – в день именин царя.

6 *... едет какая-то m-lle Миллер...* – Екатерина Федоровна Миллер – сестра конногвардейского полковника Л.Ф. Миллера, первого мужа Софьи Андреевны, вышедшей вторым браком за поэта Алексея Константиновича Толстого.

7 *Нравится ли тебе это распоряжение, Константин?* – "... Одобряю то, что ты послал m-lle Миллер мою драму", – отвечал брат (письмо без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 16. Л. 14об.).

1851

107 *1.I 1851*

1 *... Софье лучше.* – С.А. Аксакова страдала от сердечных болей ревматического характера.

2 *Посылаю вам стихи, оконченные мною вчера.* – "После 1848 года (Пережита тяжелая година...)".

3 *... прошу... написать мне в подробности все Ваши замечания...* – См. о них на с. 189–190 наст. изд. и прим. 9 к письму 108.

108 *7.I 1851*

1 ... *с прошедшим днем рожденья Гриши.* – 8 января.

2 *Из П⟨етер⟩бурга о "Бродяге" нет никаких известий.* – Министр внутренних дел Перовский, узнав об аксаковском сочинении "предосудительного содержания", 3.XI.1850 г. приказал немедленно выслать его лично ему (см. Дополнение).

3 ... *начнется составление записки...* – по результатам комиссии графа Стенбока. Заключительная часть сочинения И.С. Аксакова о бегунах – "Краткая записка о странниках или бегунах" – была напечатана (РА. 1866. № 4).

4 ... *освежались сердцем, да и умом отчасти.* – О том же писал и участник комиссии А.С. Хомутов: "Припоминая это доброе время комиссии, повторяю, что это была одна из приятнейших эпох моей жизни и моей служебной деятельности" (*Хомутов А.С.* Отрывок из воспоминаний // ИВ. 1886. Июль. С. 53).

5 ... *не Аксакова, не графа Стенбока, а комиссию...* – Упоминаемые в письмах И.С. Аксакова Оболенский, Унковский, Куприянов, Авдеев не входили в состав комиссии графа Стенбока. А.С. Хомутов вспоминал: "Среди усиленных занятий наших, в час обеда и иногда поздно вечером, навещали нас так называемые друзья комиссии. Большинство местной молодежи, представители судебного ведомства, правоведы, юные профессора Демидовского лицея, писатель Авдеев и другие. Крайне приятны и увлекательны были подчас споры и беседы, которыми руководил, конечно, более других И.С. Аксаков" (Там же. С. 52).

6 *Авдеев Михаил Васильевич* (1821–1876) – писатель. В описываемое время – поручик инженеров путей сообщения в Ярославле. Письма Авдеева И.С. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 1. Ответные письма – РС. 1902. № 8.

7 *Один из наших товарищей, переведенный в Кострому...* – Яков Александрович Куприянов (см. с. 182 наст. изд.).

8 ... *хорошая вещь – честный человек!* – В ответном письме С.Т. Аксаков заметил: "Я очень рад небольшому поручению твоему в Романове. Все написанное тобою о комиссии, в полном смысле слова, *ублажило* мою душу и долго еще будет звучать в душе моей гармонический тон, произведенный твоим письмом. Ты ударил по самой звучной стороне моего сердца! Во всю мою жизнь встреча с чем-нибудь вроде вашей комиссии оживляла мою бодрость надолго. Итак, да здравствует комиссия! благодарю ее за привет и прошу верить в искренность моего сочувствия" (Письма. Т. II. С. 369).

9 ... "*лучше, если б ты их вовсе не писал!*" – Получив стихотворение "После 1848 года (Пережита тяжелая година...)", отец написал: "Стихи твои мы получили. Ты просишь сказать о них мое мнение? Вот оно прямое и откровенное: я желал бы, чтоб ты никогда не писал этих стихов; но как они уже написаны, то прошу убедительно и приказываю строго *никому* их даже не читать. Я, конечно, не покажу их ни одному человеку. Ты знаешь, у тебя есть недоброжелатели: твои достоинства, твоя резкость, неуместная правдивость и откровенность успели вооружить многих. Неужели ты думаешь, что если твои стихи попадутся злонамеренному толкователю, то он не найдет в них обширного поля для обвинения тебя... Ты скажешь: от злонамеренных обвинений не уйдешь. Неправда: обвинения без факта останутся голословной клеветой, а некоторые слова в твоих стихах – факты. Что до того, что эти слова поняты ложно (умышленно или неумышленно – это все равно); что другие выражения в тех же стихах ясно определяют их смысл... Кто будет справляться!" (письмо от 5.I.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 126–127).

10 ... *придавать им опасное значение, которого они не имеют.* – фраза для почтовых чиновников, если бы письмо было вскрыто.

11 ... *послание к m-lle Миллер.* – "К.Ф. Миллер (Есть много истин задушевных...)", посвященное Екатерине Федоровне Миллер.

12 ... *не давая им ограниченного, мелкого значения...* – Вопреки тому, что написано И.С. Аксаковым здесь и на с. 195, он был увлечен Е.Ф. Миллер и признался Л.М. Жемчужникову, что собирался на ней жениться, но раздумал (см.: *Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 160).

13 ... *человек с талантом...* – Н.Г. Чернышевский посвятил творчеству М.В. Авдеева критическую статью (см.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. II).

14 ... *стихи, написанные... не совсем удачно к Софье...* – "В альбом невесте брата (Душою чистой

и прекрасной...)", 1847. "Не совсем удачно": потому, что автор стихов считал, что С.А. Аксакова "не оправдала этих стихов" (Стихотворения... С. 290).

15 ... *объяснился ли с Тургеневым насчет слова*: "*и пишет донесенья*"? – Речь идет о распущенных слухах с целью посеять раздор между К.С. Аксаковым и И.С. Тургеневым (1818–1883). Говорили, в частности, что на представлении "Освобождения Москвы в 1612 году" Тургенев будто бы шикал, тогда как в действительности он аплодировал. Узнав о сплетнях, Тургенев приехал к К.С. Аксакову, и все недоразумения разрешились (см. письмо К.С. Аксакова Ю.Ф. Самарину ⟨от декабря 1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 92об., а также письмо К.С. Аксакова Ивану без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 14).

16 ... *бывает ли Тургенев у нас внизу?* – И.С. Тургенев бывал у Аксаковых. В конце 1850 г. он познакомился с С.Т. Аксаковым, который писал Ивану: "На днях я познакомился с Тургеневым, и он мне очень понравился; может быть, его убежденья ложны или, по крайней мере, противны моим, но натура его добрая, простая и суеверно доступная впечатлениям темного загадочного мира души человеческой" (письмо от 29.XII.⟨1850 г.⟩ // РМ. 1915. Авг. С. 125). К.С. Аксаков сообщал брату о Тургеневе: "Стал он гораздо серьезнее, прост, и самолюбия в нем не видно. Разговор с ним всегда интересен; видно, что просто и искренно он хочет истины и потому внимательно выслушивает чужое мнение; он прямо, в первом же разговоре, коснулся главных пунктов спора, и я заметил, что он стал гораздо ближе, чем прежде, к истине" (письмо без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 1б. Л. 14). Ю.Ф. Самарину К.С. Аксаков сообщал о том же: "я нашел в нем большую перемену к лучшему" (письмо без даты, датируемое нами декабрем 1850 г. на основании содержащегося в нем отчета о постановке "Освобождения Москвы в 1612 году", состоявшейся 14.XII.1850 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 92об.). Но при всем том ощущалась разделяющая их черта, для Аксаковых Тургенев был человеком другого круга, чуждых убеждений. "Тургенев человек не русский, а иностранец, с любовию и любопытством изучающий русский народ...", – писал С.Т. Аксаков Ивану (письмо от 6.II.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 130).

109 *15.I 1851*

1 С.Т. Аксаков хохотал, читая это письмо, он увидел в нем яркое выражение нетерпеливого характера своего сына: "Нечего делать, должен я тебе признаться, что беспрестанно вижу в тебе себя самого, с той разницей, что ты получил другое образование, другое направление и что семейство не помешало тебе развиться вполне, со всеми твоими хорошими свойствами и даже недостатками" (письмо от 19.I.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 127).

2 ... *после стихов 31-го декабря...* – "После 1848 года (Пережита тяжелая година...)".

3 ... *стихов, писанных к Миллер.* – См. прим. 11 к письму 108.

4 ...*высшее правительство наше не верит доносам без разбору*! – В письме отца от 12.I.⟨1851 г.⟩ сообщалось о полученном из Петербурга успокаивающем письме В.И. Панаева, имевшего беседу с Л.В. Дубельтом. Дубельт считал неосновательным заключение о неблагонамеренности пьесы на основании выдернутых из текста выражений. Но в то же время было приказано не давать представлений до специального разрешения (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л. 65 об.–66), которое не было получено.

5 ...*что Вы мне пишете о моих стихах* 31-*го декабря, я решительно не понял ни слова...* – См. прим. 9 к письму 108.

6 ...*к двум директорам д⟨епартамен⟩тов Гвоздеву и Лексу...* – Александр Александрович Гвоздев был директором департамента общих дел, Михаил Иванович Лекс – директором хозяйственного департамента министерства внутренних дел.

7 ...*Афанасьева свадьба расстроилась*! – См. с. 183–184, 186 наст. изд.

8 *Узнавай в нем Алексея Мих⟨айловича⟩...* – Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь с 1645 г.

110 *18.I 1851*

1 *Чем-то все это кончится*! – В семье Г.С. Аксакова 27.I.1851 г. родился сын Константин, умерший через два дня.

2 ...*прочел ли м⟨инист⟩р "Бродягу" и как он его находит.* – Л.А. Перовский не нашел в поэме ничего предосудительного.

[3] *...об участии гр⟨афа⟩ Строганова в клеветах на драму Константина...* – В письме от 16.I.⟨1851 г.⟩ С.Т. Аксаков сообщал Ивану о полученном из Петербурга верном известии о драме Константина: «...она одобрена *вполне*, и злонамеренное толкование этого подлого и наглого мнимого аристократа графа Строганова, злоба которого к Константину выходит из всяких пределов, останутся без успеха. Я уверен, что эта злоба произошла оттого, что Константин держал себя с ним совершенно свободно, как с равным себе человеком и, будучи доволен некоторыми его словами, протянул ему на прощанье руку, сказав: "Прощайте, граф". Он побледнел, но не смел не протянуть руки» (РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 д. Л. 2–2об.). На раздраженные толки о драме, в которых принимал участие С.Г. Строганов, жаловался Ивану и К.С. Аксаков (см. письмо 1851 г. // РА. 1890. №. 1. С. 159).

[4] *Так Смирнова в Москве.* – В январе 1851 г. А.О. Смирнова останавливалась в Москве по пути в Петербург. 18.1.1851 г. она писала из Москвы Н.В. Гоголю, что ревизия подходит к концу, Николай Михайлович замучен придирками князя Давыдова, собирается уезжать из Калуги, "и потому я еду вперед с старшими детьми, а когда потеплеет, подъедут меньшие; а потом что Бог даст" (РС. 1890. Дек. С. 661–662).

[5] *...со стихами* 31 *декабря...* – См. прим. 2 к письму 109.

[6] *...в "благонамеренном" вкусе.* – Слово "благонамеренный" И.С. Аксаков употреблял в значении "славянофильский".

[7] *...чтоб их прочли Грановскому или вообще людям, у которых болела душа от* 1848 *года.* – Стихи были прочитаны И.С. Тургеневу (см. с. 196 наст. изд. и прим. 5 к письму 112).

[8] *Даже у Константина она не болела...* – К французской революции 1848 г. славянофилы отнеслись резко отрицательно. К.С. Аксаков настаивал на разрыве русской публики с Европой, проникнутой "нравственной заразой" (см. письмо А.Н. Попову от марта 1848 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. Ед.хр. 16. Л. 12 об.).

111 *22.1.1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Ваше письмо... писанное в пятницу...* – письмо от 19.1.1851 г. (РМ. 1915. Авг. С. 127–128).

[3] *"Неумолимо сорвала она приятные пелены, которыми ты завесил свои глаза и частию наши".* – Из письма С.Т. Аксакова Ивану от 19.1.1851 г. (см. предыдущее прим.).

[4] *...слова Смирновой, этой ветреной сплетницы...* – И.С. Аксаков неоднократно убеждался в этом, встречаясь с нею в Калуге. С.Т. Аксаков во время свидания со Смирновой 1.III.1850 г. был также неприятно поражен той легкостью, с какой она переходила от евангельских рассуждений к скандальной хронике (см. письмо Ивану от 3.111.⟨1850 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 г. Л. 31). Соединение в характере Смирновой прямо противоположных свойств было отмечено и К.С. Аксаковым в самом начале знакомства с нею: "...вижу все ее достоинства, необыкновенный ум, многообъемность души, сильный характер, но при том вижу тоже какую-то сухость в ней, чистое отсутствие женщины, неприятный цинизм и даже какое-то нравственное растление. Пожалуй, можно сказать, что петербургское пребывание и особенно пребывание во дворе положили на нее свое влияние..." (письмо Ю.Ф. Самарину 1846 г. // Там же. Карт. II. Ед.хр. 33. Л. 3 об.).

[5] *Что может она выдумать против гр⟨афа⟩ Стенбока...* – Неискренность А.О. Смирновой в отзывах об Ю.И. Стенбоке станет очевидной, если сопоставить то, что она говорила С.Т. Аксакову, с тем, что писала Ивану: "...я думаю, что Штейнбок хороший человек, думаю потому, что он рос у меня на глазах в доме тетки, одной из лучших женщин и истинно доброй христианки. Прискорбно было бы думать, что ребенок, который рос в такой среде, мог бы забыть то, что видел и слышал прекрасного в детстве" (письмо от 21.IX.⟨1850 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 164. Л. 11). В своем письме Смирновой И.С. Аксаков откровенно заявил, что ставшие ему известными отзывы ее о комиссии, графе Стенбоке и Е.Ф. Миллер ошибочны (см. письмо от 9.IV.1851 г. // РА. 1895. № 12. С. 453).

[6] *Не смей бранить ее друга Нелидова...* – Столкновение И.С. Аксакова с А.О. Смирновой из-за И.А. Нелидова произошло в Калуге (см.: *Аксаков.* С. 268–269, 631). Нелидов Иосаф Аркадьевич (род. в 1815 г.) – брат фаворитки Николая I Варвары Аркадьевны Нелидовой, использовавший положение сестры для своего продвижения по службе.

[7] *...сплетницами Бахметевыми!* – компаньонками А.О. Смирновой в Калуге.

[8] *Суждение Смирновой о m-lle Миллер совершенно ошибочно.* – А.О. Смирнова в разговоре с С.Т. Аксаковым охарактеризовала ее как "полную, отчаянную жоржзандистку" (письмо С.Т. Аксакова Ивану от 19.1.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 128).

[9] *...мне все это может быть оскорбительно...* – Отец, получив письма Ивана от 18 и 22.1.1851 г., отвечал: "Давно было бы мне пора убедиться, что ты человек невозможный для переписки, и потому оставляю без ответа и без возражений твое последнее письмо. Что за охота тешить публику и наших читателей! Все объяснения оставляю до свидания" (письмо от 26.1.1851 г. // Там же).

[10] *Скоро день именин Гриши.* – 25 января.

[11] *Скоро именины Марихен...* – 26 января.

[12] *...охотно передаю свое место Константину.* – И.С. Аксаков намекает на содержащееся в письме отца от 16.1.⟨1851 г.⟩ сообщение о том, что А.О. Смирнова присылает записки Константину и приезжает поговорить с ним (РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22д. Л. 2об.).

112 *28.1 1851*

[1] *...до сих пор ровно ничего не понимаю.* – См. прим. 2 к письму 97. Отец невесты В.И. Воейков сначала был согласен выдать дочь за Цемша, о чем С.Т. Аксаков известил мать жениха, но потом на семейном совете отперся от согласия, объявленного ранее при двух своих сыновьях, возводил небылицы на свою покойную жену, сестру С.Т. Аксакова Анну Тимофеевну, так что расстроенный этим Сергей Тимофеевич вынужден был уехать. После этого Воейков вновь заявил, что согласен выдать дочь, чему С.Т. Аксаков не очень верил (см. письма С.Т. Аксакова Ивану от 16.1.⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22д. Л. 1 и от 19 и 26.1.1851 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л. 122об.–123, 125об.). О самом женихе С.Т. Аксаков писал Ивану следующее: "Это, брат, такой экземпляр, что не худо бы Гоголю узнать его покороче; это, конечно, видоизменение Хлестакова, но в таких формах и с такою прекрасною наружностью, что большая половина евниных внучек готова влюбиться в него по уши!" (письмо от 16.1.⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22д. Л. 1–1об.).

[2] *Вы не отвечаете мне на последнее мое письмо и называете меня... раздражительно-самолюбивым.* – Речь идет о стихотворении "После 1848 года (Пережита тяжелая година...)". См. прим. 9 к письму 108. Когда С.Т. Аксаков испытывал неловкость, он предпочитал не входить в подробные объяснения.

[3] *...Авдеева перевели на службу в Петербург...* – В скором времени (1852) он вышел в отставку.

[4] *...чтоб вы ее послушали.* – Речь идет о повести "Иванов", последней в романе "Тамарин". А.С. Хомутов писал, что во время пребывания в Ярославле М.В. Авдеев «читал помещенные им в "Современнике" очень в то время нравившиеся публике повести: "Варинька, Тамарин и Иванов"; последний рассказ еще не был вполне окончен и появился в печати впоследствии с посвящением "Друзьям К." (т.е. комиссии)» (*Хомутов А.С.* Отрывок из воспоминаний. С. 52).

[5] *Я очень рад, что Тургеневу понравились стихи.* – Стихотворение "После 1848 года (Пережита тяжелая година...)" было прочитано И.С. Тургеневу 25.1.1851 г., на другой день отец сообщал Ивану: "Едва ли есть человек, который бы мог почувствовать их глубже во всех отношениях: это собственный вопль его души, выраженный только другим" (РМ. 1915. Авг. С. 128).

[6] *Оболенский еще больше всех понял...* – А.В. Оболенский.

[7] *...обрадовался последним двум строфам...* – В них призыв к истине откликнуться, помочь безверью.

[8] *...мой "Алешка" заарестован!* – т.е. поэма "Бродяга", по требованию Л.А. Перовского высланная ему и еще не вернувшаяся обратно.

[9] *...могли бы оставить у себя копию и выдать мне подлинник, а не наоборот...* – Поэму "Бродяга" хотели оставить при деле И.С. Аксакова в министерстве внутренних дел, а автору возвратить копию. Но к письму Л.А. Перовского от 29.1.1851 г. была приложена рукопись поэмы (см. Дополнение).

[10] *Что Булгаков?* – Вероятно, речь идет об А.Я. Булгакове, московском почт-директоре, с которым была знакома семья Аксаковых.

113 *1.II 1851*

[1] *...извещает о благополучном рождении сына Константина.* – Он родился 27.1.1851 г.

[2] *Только как Константин Аксаков родился в Петербурге!..* – насмешка над К.С. Аксаковым, не любившим Петербурга.

[3] "*Сотрудники, или Чужим добром не наживешься*". – произведение В.А. Соллогуба. Было напечатано в "Санктпетербургских ведомостях" (1851. 18–21 янв.). Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882), граф – беллетрист, драматург, мемуарист. В 40-е годы был близок писателям "натуральной школы".

[4] *...и чешском корнесловии!..* - В пьесе В.А. Соллогуба (см. предыдущее прим.) московский литератор, одетый в красную рубашку, старинный полукафтан и мурмолку, высказывает недовольство Петербургом, железными дорогами, сокрушается, что женщины не носят сарафана, произносит слова о "святом семейном начале".

[5] *...я хохотал много.* – Отец раздраженно отвечал: "Удивляюсь, как ты мог чему-нибудь рассмеяться в пасквиле Соллогуба. Он написан совершенно бездарно и прескучно" (письмо от 6.II.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 130).

114 *5.II 1851*

[1] *...одно от старосты из Троицкого посада.* – О чем писал троицкий староста, выяснить не удалось.

[2] *...радостную новость о Грише и его семействе...* – Имеется в виду рождение сына Константина.

[3] *...чтобы, оставаясь на службе, я прекратил всякие "авторские труды"*. – См. Дополнение. К.С. Аксаков был возмущен заявлением министра: "А сами, небось, не считают несовместимым балы, концерты, карты и прочие высокие увеселения" (письмо Ю.Ф. Самарину ⟨1851 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед.хр. 97. Л. 94).

[4] *...отправил... письмо к Перов⟨скому⟩.* – См. Дополнение. В этом же месяце разгневанный И.С. Аксаков написал Н.А. Милютину: "Другие чиновники играют в карты и ездят на балы, – я же не играю, не танцую, никуда не езжу и не могу дома заняться литературой!" (письмо от 19.11.1851 г. // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 15).

[5] *...не думал, чтоб Константин мог обидеться глупым фарсом Соллогуба.* – См. с. 197 наст. изд. К.С. Аксаков был выведен под именем Вячеслава Владимировича Олеговича. К.С. Аксаков собирался вызвать автора на дуэль, но А.С. Хомяков отговорил, внушив, что "шутка – свойство народное, и что русский человек на шутку сердиться не должен" (*Соллогуб В.А.* Воспоминания. М.; Л., MCMXXXI. С. 649–650).

[6] *В Петербурге есть художник Степанов, делающий статуэтки в карикатурном виде...* – Степанов Николай Александрович (1807–1877) – гравер, карикатурист. Делал также статуэтки-карикатуры и бюсты, обладавшие большим сходством с оригиналом.

[7] *...проболтать с ним целый день?* – Ответ на сообщение отца: "Соллогуб был так глуп, что прочел свой пасквиль в собрании дам и мужчин, искренно любящих К⟨он⟩с⟨тан⟩тина. На сей раз общество поступило как следует и сочинителю не поздоровилось; он был на рауте у Свербеевых вместе с К⟨он⟩с⟨тан⟩тином и был так принят хозяйкой и другими дамами (Мар⟨ией⟩ Фед⟨оровной⟩ Соллогу⟨б⟩, молодою княг⟨инею⟩ Черкасскою, Бахметевой и проч.), что не знал, куда деваться, даже был жалок и принужден был сесть за карты" (письмо от 2.11.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л. 77об). Молодая княгиня Черкасская – Черкасская Екатерина Алексеевна, урожденная Васильчикова (1825–1888) – жена В.А. Черкасского. Бахметева Александра Николаевна, урожденная Ховрина (1823–1901) – писательница.

[8] *...кандидат Московского университета Никольский.* – Никольский Владимир Николаевич (1821–1874) – профессор гражданского права Демидовского лицея в Ярославле, с 1859 г. – Московского университета. Письма его И.С. Аксакову см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 160.

[9] *Константин пишет пиесу из современной жизни.* – "Князь Луповицкий, или Приезд в деревню". Отец считал, что мысль пьесы хороша, но "беда в том, что он (К.С. Аксаков. – *Т.П.*) не умеет мысли одевать в платье" (письмо от 16.111.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 49об.). С.Т. Аксаков в этом случае повторил мысль, ранее высказанную Н.В. Гоголем, отметившим излишества, пристрастность Константина: "Чрез это у него одежда, в которую он одевает мысль, не

только не прозрачна, но даже не по ней" (письмо С.Т. Аксакову от 22.XII.⟨1844 г.⟩ // История моего знакомства с Гоголем. С. 140). Отец информировал Ивана о ходе работы над пьесой: "Константин занимается прилежно; первый акт уже написан и помещик выходит очень недурен, и вообще все чрезвычайно забавно, но язык современного крестьянина и мерка его понятий ему неизвестны: по летописям его не создашь, а скорее я могу помочь ему" (письмо от 20.III.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 51 об.). Автор читал пьесу в день своего рождения 29.III.1851 г. (см. прим. 6 к письму 127).

[10] *А что бы написать ему драму "Изгой"*? – К.С. Аксаков написал статью "Родовое или общественное явление был изгой?" (Моск. ведомости. 1850. 15 авг. Подпись: К.А.). Она была вызвана несогласием К. Аксакова с объяснением этого слова в "Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России", изданного Н.В. Калачовым: слово это трактовалось как человек, отрешенный от своего рода. К. Аксаков считал, что в Древней Руси, когда появилось это слово, родового быта не было, а был общинный, а потому слово имело значение общественное – человек исключенный или сам себя исключивший из общины или сословия.

115 *8.II.1851*

[1] *...Константин в Петербурге, а сын Гриши умер*... – Узнав о смерти внука, С.Т. Аксаков, желая поддержать Григория, отправил к нему Константина.

[2] *Будет ли Константин делать знакомства в Петербурге*? – Отец отвечал: "Я не понимаю твоего письма, милый друг: с какой стороны *неблагоразумна* поездка Конст⟨ант⟩ина? и что за странный вопрос, будет ли он делать знакомства в Петербурге??? разумеется, никаких. Притом он намеревается пробыть в Петербурге всего три дня" (письмо от 13.II.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 12 об.). Но за время пребывания в столице Константин сделал новые знакомства, например, с Д.Н. Толстым (см. с. 202 наст. изд.).

[3] *Записка составляется*... – по работе комиссии графа Стенбока. Копию краткой докладной записки министру внутренних дел о секте странников в Ярославской губернии см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 73.

[4] *О зимних элегиях Дмитриева вы мне ничего не писали*... – 13.II.1851 г. С.Т. Аксаков сообщил: "Дмитриев написал 8 или 9 зимних элегий, изображающих скуку, тоску, безотрадность просвещенного и *одинокого* человека (ибо он одинок), занесенного снегами в отдаленной глухой деревушке. Элегии написаны превосходно, в высочайшей степени верно и проникнуты желчью оскорбленного человека. Вообще Дмитриев представляет чудное психическое явление: в 50 лет открывается у него самостоятельный и замечательный талант. Конечно, и прежде в его пародиях и эпиграммах ярко проглядывало дарованье, и я часто сравнивал его с Воейковым (Воейковым А.Ф. – *Т.П.*) и говорил, что у обоих есть вдохновение злобы; но теперь это уже приняло решительный и обширный характер; язык удивительно точен и прост" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 12 об.–13). Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) – поэт, критик, переводчик, печатался в "Московском вестнике", "Москвитянине", "Телескопе" и других изданиях. Племянник поэта И.И. Дмитриева.

116 *12.II 1851*

[1] *Благодарю... за письма от 9-го февраля*... – Они были посланы с оказией (см.: Письма. Т. II. С. 378).

[2] *Бумага, о которой я писал вам прежде*... – министру внутренних дел Л.А. Перовскому (см. прим. 4 к письму 114).

[3] *С мнением же вашим о возможных результатах этого письма я совершенно согласен*... – Н.Т. Карташевская, осведомленная о делах в министерстве, писала С.Т. Аксакову, что "Ваничке нечего ждать от этой службы", на что отец заметил: "С последним, к сожалению, нельзя не согласиться" (письмо от 9.II.1851 г. // Письма. Т. II. С. 379).

[4] *...подам просьбу об отставке*: *впрочем, на эту меру я всегда был готов*... – См. с. 179 наст. изд. В письме А.О. Смирновой 25.XII.1850 г. И.С. Аксаков сообщал о своем желании выйти в отставку (см.: РА. 1895. № 12. С. 450). Н.А. Милютину он также писал: "Я всегда был убежден, впрочем, что у нас нельзя иначе служить, как с просьбой об отставке в кармане" (письмо от 19.II.1851 г. // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 15 об.). В связи с решением вопроса о дальнейшей

судьбе Ивана отец заметил: "Если б я мог удостовериться, что принято намерение употреблять тебя на службе, как ретивую лошадь, и держать в черном теле, я захотел бы, чтоб ты немедленно вышел в отставку" (Письма. Т. II. С. 379).

[5] *...в Москве стали страшные истории совершаться?* – Не ясно, что имелось в виду.

[6] *...не пишете о... Павловых...* – О К.К. Павловой и ее муже Павлове Николае Филипповиче (1805–1864), писателе, критике, журналисте.

[7] *Есть ли известия от Константина?* – из Петербурга, где он в это время находился.

117 *15.II 1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Долго ли он останется в Петербурге и долго ли пробудет на возвратном пути в Москве?* – В середине февраля 1851 г. Ю.Ф. Самарин был в Москве, собирался на два месяца в Петербург и на обратном пути хотел заехать в Москву.

[3] *Стихи Дмитриева очень милы и забавны.* – Речь идет не о зимних элегиях, о которых сообщалось ранее, а о шуточных стихах М.А. Дмитриева С.Т. Аксакову (от 11.II.1851 г.), которые последний послал сыну в письме от 13.II.1851 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 13 об.

Отчего ж, брадатый старче,
Ты головкой захилел?
Истопил ли ты пожарче,
Да на печке угорел?

Или слег от чаш заздравных,
Царской свадьбе больно рад?*
Да когда ж у православных
Даром головы болят!

Вот глаза – другое дело!
То Европа ослепит,
То впотьмах сиди век целый,
То от грамоты рябит.

Нет, не тó, брат! – видно, годы!
Видно, с старостью расчет!
Свод законов у природы,
Знать, не наш законов свод!

Екатерина Михайловна, великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, в 1851 г. стала женой герцога мекленбург-стерлицкого Георга.

[4] *Желал бы прочесть его элегии...* – См. прим. 4 к письму 115.

[5] *...к Святой...* – первая неделя после Пасхального воскресенья.

118 *19.II 1851*

[1] *...живая весточка обо мне – Оболенский.* – А.В. Оболенский в это время приехал в Москву из Ярославля.

[2] *...посылаю я вам всю переписку о "Бродяге".* – См. Дополнение. Напечатано: Письма. Т. II. С. 393–402.

[3] *...с нынешней же почтой отправил к министру просьбу об отставке.* – Просьба была мотивирована "неожиданными, весьма важными домашними обстоятельствами" (См. Дополнение). В этот же день И. Аксаков написал письмо Н.А. Милютину с объяснением истинных причин отставки: "Но не укладывается моя натура в формы благонравного п⟨етер⟩бургского чиновника, влюбленного в формализм, верующего в свою кропотливую, отвлеченную деятельность, гордо игнорирующую живую жизнь и самодовольно признающую администрацию выше жизни!" (РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 16).

---

* В этот день было бракосочетание Екатерины Михайловны.

[4] *...развязать меня с поручениями.* – С.Т. Аксаков писал сыну 23.III.⟨1851 г.⟩: «Мы получили письмо от Самарина, который пишет, что виделся с Милютиным и что последний, подавая Самарину письмо твое, сказал: "*посмотрите, как отделал меня Иван Серг⟨еевич⟩*!" Бедный Самарин: он не ожидает, что письмецо с такой же отделкой и даже лучшей работы уже несет ему почталион!.. вот этого уже я не могу извинять в тебе и не могу забыть выражения: "подышать Ханыковым"» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 17). С.Т. Аксаков имел в виду письмо сына Ю.Ф. Самарину от 5.III.1851 г. (Письма. Т. II. С. 404–406); Н.М. Милютин показывал Самарину письмо Ивана от 19.11.1851 г. (см. предыдущее прим.).

[5] *...чтоб не доставлять торжества Бутурлину.* – Отношения между членами комиссии графа Стенбока и губернатором были очень натянутыми.

[6] *К Страстной неделе...* – последней, седьмой неделе Великого поста перед Пасхой.

[7] *Жить, как Константин, я решительно не могу.* – т.е. без постоянных занятий, за счет крепостных крестьян. К.С. Аксаков это прекрасно понимал: "Такой жизни, какую я, к сожалению, лениво веду, ты решительно вести не можешь. Ученая деятельность, самая важная в настоящее время, для тебя слишком отвлеченна, ибо не имеет прямого, сиюминутного приложения..." (письмо ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 16. Л. 34). Следует заметить, что нежелание Константина служить шло от его оппозиционности, неприятия существующих порядков: "Я считаю ложным порядок вещей и не хочу с ним соприкасаться дружественно; громко объявляю, что он ложен и громко говорю то, что считаю истинно..." (письмо Ю.Ф. Самарину 1846 г. // Там же. Карт. II. Ед.хр. 33. Л. 1–1об.).

[8] *...решение... важное для меня во всех отношениях.* – отставка.

[9] *...примутся бранить меня... Ханыков, Попов, Самарин... отделает меня Смирнова...* – И. Аксаков обманулся в своих ожиданиях(см. с. 209 наст. изд.). *Ханыков* Яков Владимирович (1818–1862) – председатель ревизионной комиссии по остзейским делам, в состав которой входил Ю.Ф. Самарин, приятель А.О. Смирновой, с 1852 г. оренбургский гражданский губернатор. И.С. Аксаков считал, что он "слишком верит в администрацию" (О служебной деятельности в России // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 44. Л. 14).

[10] *...Петрятино городище?* – Так К.С. Аксаков называл Петербург (см. письмо Ивану ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 16. Л. 37). "О Петербурге писать тебе нечего: это Содом; жить в нем есть наказание; я все время был как бы под прессом" (Там же. Л. 37об).

119 *23.II 1851*

[1] *...поездка в Остенде ей необходима.* – У С.А. Аксаковой были боли в сердце, вызванные, по предположению докторов, ревматизмом. Остенде – курорт в Западной Фландрии, знаменитый морскими купаниями.

[2] *...имел право написать ему ответ более резкий.* – Тем не менее чиновники в министерстве рассказывали К.С. Аксакову, что его брат сделал министру "строжайший выговор" (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 20.11.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 130).

[3] *Может быть, Вы найдете письмо дурно написанным...* – Об отзыве С.Т. Аксакова см. на с. 204 наст. изд.

[4] *... ответ Гвоздева ... груб и неприличен в высшей степени.* – См. Дополнение.

[5] *... письмо Гриши и Ваше объясняют дело это иначе, если только Гвоздев не врет...* – Отец писал Ивану: «Отправив тебе письмо, Гвоздев прислал за Гришей и с большим беспокойством рассказал ему, что министр получил от тебя письмо, очень рассердился и приказал ему, Гвоздеву, не выходя из своего кабинета, написать тебе ответ, и когда он прочел ему написанное, то он сказал: "так и надобно его хорошенько щелкнуть". Гриша читал письмо твое и находит его умеренным; я охотно ему верю, но хочу прочесть сам. Я предполагаю, что письмо рассердило министра не резкостью своей, а неуместностью рассуждений. Мне кажется, что его можно было написать, нисколько не осердив министра. Все это я решу, прочитав сам вашу переписку. Гвоздев изъявил живейшее беспокойство, чтоб ты не оставил службу и просил употребить все зависящие от Гриши средства, чтоб удержать тебя от решительного поступка до приезда в Петерб⟨ург⟩ ...» (письмо от 20.11.1851 г. // РМ. 1915. Авг. С. 130–131). О том, что Гвоздев не виноват, писал Ивану и Г.С. Аксаков (см. письмо от 14.111. ⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 7).

[6] *... заставили меня написать письмо в другом тоне...* – письмо от 22.11.1857 г., в котором

И. Аксаков высказал недоумение предписаниями министерства, обязывающего его, с одной стороны, принять участие в работе комиссии графа Стенбока и докладывать о раскольничьих делах самому министру, а с другой стороны, отказывающего Аксакову в праве приехать в Петербург. Считая неудобным дальнейшее пребывание в городе под полицейским надзором, И. Аксаков просил А.А. Гвоздева о скорейшем получении разрешения об отставке (см. Дополнение).

[7] *... на открывшуюся вакансию назначен Кочубей...* – коллежский советник князь Сергей Викторович Кочубей.

[8] *... к какому-то люстрационному комитету...*– Временному люстрационному комитету при министерстве внутренних дел.

[9] *Посылаю Вам копию с предписания д⟨епартамен⟩та и мой ответ Гвоздеву.* – См. Дополнение.

[10] *Согласитесь, что он весьма учтив...* – Отец отвечал: «Послушай, Иван: или ты помешался на ту минуту, в которую писал эти слова, или смеешься надо мной. Не предполагая последнего, я должен признать первое!.. Всего более нравится мне четвертый пункт, начинающийся словами: “с своей же стороны я признаю неудобным и проч.”» (письмо от 27.II.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 15 об.).

[11] *... письмецо начальника отделения по делам о раскольниках Арсеньева...* – Речь идет о Ю.К. Арсеньеве, который в 1851 г. числился начальником III отделения в департаменте общих дел министерства.

[12] *... Вы можете и должны ожидать всего хорошего*”. – См. Дополнение.

[13] *... в доме кн⟨язя⟩ Мещерского...* – родственником которому приходился А.В. Оболенский (см. с. 181 наст. изд. и прим. 4 к письму 101).

120 *26.II 1851*

[1] *... поздравляю... со днем Вашего рождения, милая моя маменька.* – 1 марта.

[2] *... получил... письмо от Оболенского...* – из Москвы.

[3] *... на Страстной неделе...* – последней, седьмой неделе Великого поста перед Пасхой.

[4] *Оболенский... уехал в П⟨етер⟩бург...* – С А.В. Оболенским Аксаковы отправили письма сыну Григорию и Ю.Ф. Самарину.

[5] *Но я извинюсь перед ним за вас.* – Отец написал Ивану, что, выслушав от А.В. Оболенского ярославские новости, Аксаковы забыли накормить его и ночью отпустили домой пешком, хотя в стойле стояло 8 лошадей: “Я принимаю на себя только малую часть этой непростительной вины: но что сделалось с матерью и Константином? – не понимаю! Целый век сердят они меня неуместным и приторным гостеприимством, а тут нашло на них непостижимое затмение!” (письмо от 23.II.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 11). См. также письмо О.С. Аксаковой Ивану без даты (Там же. Ед.хр. 39. Л. 42 об.).

[6] *... напоминающий своим именем князя Андр⟨ея⟩ Вас⟨ильевича⟩ времен междуцарствия...* – См. письмо К.С. Аксакова Ивану ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 16. Л. 34. Вероятно, имеется в виду Андрей Васильевич Голицын, погибший, защищая честь Московской думы, в которой засели тушинцы.

[7] *... при встрече с господином Путятой...* – Н.В. Путятой.

121 *1.III 1851*

[1] *... поздравляю вас с нынешним днем...* – днем рождения О.С. Аксаковой.

[2] *Какие прекрасные стихи Вы написали...* – Какие стихи были написаны и присланы С.Т. Аксаковым, выяснить не удалось.

[3] *... прочел сперва письмо от вторника.* – И. Аксаков получил два письма отца от 25 (воскресенье) и 27 (вторник) февраля. В письме от 27.II.⟨1851 г.⟩ С.Т. Аксаков сожалел о резкости выражений в ранее отправленном письме. “Я был так взволнован, так раздражен, – оправдывался он, – что, вероятно, мое духовное состояние резко и грубо выразилось в письме моем. Я очень в этом раскаиваюсь. Вероятно, письмо огорчило тебя, но не подумай, чтоб я отказывался от мыслей, в нем выраженных: всё правда в нем и останется навсегда правдою. Я отступаюсь только от выражений. Никогда не испытывал я такой сильной и постоянной сердечной тревоги: третий день не уменьшается она, да, кажется, и не уменьшится, покуда окончательно не будет решена твоя будущность.

Хотя я, по моему мнению, совершенно ее угадываю; но некоторое сомнение всегда остается до фактического исполнения мысли. Впрочем, я имею особенное свойство: я забегаю вперед, мучусь и рвусь тем, что должно случиться, и встречаю с твердостью самое событие" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 14). Константин тоже сообщал о беспокойстве отца: "Батюшка очень тревожится, опасаясь последствий..." (письмо Ю.Ф. Самарину ⟨1851 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед.хр. 97. Л. 94).

[4] *Константин хочет даже приехать навестить меня.* – О своем намерении К.С. Аксаков известил брата в письме ⟨1851 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 16. Л. 33 об.

122 *5.III.1851*

[1] ... *получил я письмо... от Самарина.* – Опубликовано: Письма. Т. II. С. 402–403. Ю.Ф. Самарин был огорчен рапортом И. Аксакова об отставке, считая, что дело это никак не связано с теми "общими началами и убеждениями, в которых уступки не допускаются", шаг И. Аксакова квалифицировал как "необдуманный, незрелый", вызванный обидой (см.: Там же. С. 403). В письме К.С. Аксакову он высказался с еще большей прямотой: "В сущности все это дело было плевое – простая канцелярская отписка, облеченная... в глупую форму. Как бы она ни оскорбила И⟨вана⟩ С⟨ергееви⟩ча, он не мог принять данное ему наставление за серьезное убеждение министра в несовместности службы с литературными занятиями. Это была придирка, ложь, а он отвечал на нее как на правдивое слово" (письмо К.С. Аксакову ⟨от марта 1851 г.⟩ // *Самарин.* Т. XII. С. 213). Из писем Самарина ясно, что И. Аксаков был прав, говоря, что из приятелей "никто не хочет стать на мое место" (см. 207 наст. изд.).

[2] ... *мой ответ к нему...* – В письме И. Аксаков объяснял причины своей отставки (см. Дополнение).

[3] ... *присудили мне средство, которое и предлагает Самарин.* – Ю.Ф. Самарин писал 27.II. 1851 г.: "... по праву давнишней связи с Вами и с Вашим семейством прошу Вас убедительно позволить мне разорвать Ваш рапорт и прислать Вам клочки в конверте. Попов (Попов А.Н. – *Т.П.*), Оболенский (Оболенский Д.А. – *Т.П.*), Ханыков, брат Ваш (Г.С. Аксаков. – *Т.П.*) – все одного мнения со мною" (Письма. Т. II. С. 403).

[4] ... *не понимаете письма моего от 26-го февраля...* – См. с. 204–205 наст. изд.

123 *12.III 1851*

[1] ... *до Святой недели...* – первая неделя после Пасхального воскресенья.

[2] ... *так или иначе решили бы мою участь.* – И. Аксакова мучила неопределенность положения: на его место не назначали чиновника, которому он мог бы сдать дела. Помощник его принять дела отказывался, но в конце концов вынужден был это сделать, поскольку никакого распоряжения из министерства внутренних дел так и не пришло (см. письма И. Аксакова Н.А. Милютину от 19.II и 7.V.1851 г. // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 17, 23).

[3] *Благодарю вас за присылку элегий.* – Элегии М.А. Дмитриева переписали сестры.

[4] *От Оболенского ... писем не имею.* – от А.В. Оболенского.

[5] ... *радуюсь твоей деятельности.* – Еще ранее И. Аксаков сообщал А.О. Смирновой: "Представление драмы ("Освобождение Москвы в 1612 году". – *Т.П.*) оживило сильно брата, и он сделался бодр и деятелен духом" (письмо от 25.XII.1850 г. // РА. 1895. № 12. С. 450).

124 *15.III. 1851*

[1] *Муж Смирновой уволен от должности...* – Приказом от 14.III. 1851 г. Н.М. Смирнов был отстранен от должности калужского губернатора. Позже в письме А.О. Смирновой И. Аксаков напишет: "По моему мнению, или не следовало делать вашего мужа губернатором, или же, назначив его в эту должность, надобно было ожидать, что он останется всегда верен своему пылкому, суматошному и всегда благородному характеру. Все его действия так открыты, что в них доискиваться нечего. Если положить на весы его ошибки и промахи вместе с его добрыми служебными действиями, то последние перетянут" (письмо от 9.IV.1851 г. // РА. 1895. № 12. С. 452).

[2] ... *хотя она и хладнокровно, по-видимому, об этом рассуждает.* – Отец писал по этому поводу: "Смирнов отставлен очень дурно, по докладной записке сената и, говорят, просил, чтоб его предали суду. Алек⟨сандра⟩ Осип⟨овна⟩ очень расстроена, и мне ее очень жаль" (письмо Ивану от 23.III.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 17).

[3] ... *открытие памятника ... "поселянину Сусанину"*. – Иван Сусанин, костромской крестьянин, спас жизнь избранному в 1613 г. на царский престол Михаилу Федоровичу, отказавшись сообщить полякам и литовцам местонахождение царя (в костромском Ипатьевском монастыре), и был ими убит.

[4] ... *место, которое занимает Клементий Россет, т.е. чиновника м⟨инистерст⟩ва финансов...* – По официальным документам в 1851–1852 гг. К.О. Россет числился чиновником особых поручений при министре народного просвещения.

[5] ... *не оценил их так высоко в художественном отношении.* – Отзыв о них С.Т. Аксакова см. в прим. 4 к письму 115.

125 *19.III 1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *можете уходить хоть в записках в мир природы.* – Речь идет о работе С.Т. Аксакова над "Записками ружейного охотника Оренбургской губернии".

[3] *Разве Вы боитесь, милый отесинька, моей отставки?* – С.Т. Аксаков недоумевал, откуда Григорий это взял: "Я никогда не изъявлял *боязни*, а в числе других причин говорил и том, что тебе нужна сильная деятельность, что у тебя нет коньков, на которых ты мог бы галопировать в отставке и что, следовательно, тебе нужна служба, которую ты и будешь иметь, когда захочешь" (письмо от 23.III.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 16). В другом письме С.Т. Аксаков выражал недовольство поведением Григория, который уверял всех и каждого в Петербурге, будто отец будет очень огорчен отставкой Ивана: Григорий "иногда такой мастер криво понимать, что с ним опасно говорить" (письмо Ивану от 25.III.⟨1851 г.⟩ // Там же. Л. 19 об.).

[4] *Вы боялись других последствий, а не отставки.* – Отец считал, что "ожидать можно всего" (письмо Ивану от 9.III. ⟨1851 г.⟩ // Письма. Т. II. С. 407). К.С. Аксаков писал Ю.Ф. Самарину в 1851 г.: "Батюшка очень тревожится, опасаясь последствий; признаюсь, и я тоже несколько, ибо, как бы ни было благородно дело, быть уверенным, что его оценят, нельзя" (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед.хр. 97. Л. 94).

[5] ... *его сият⟨ельст⟩ву г⟨осподину⟩ министру".* – С.Т. Аксаков одобрил проект этого письма к А.А. Гвоздеву и просил к нему ничего не добавлять (см. письмо от 23.III.⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 17).

[6] ... *кроме Оболенского...* – А.В. Оболенского.

[7] *Что Вы думаете о письме Гриши?* – См. о письме на с. 210 наст. изд. и прим. 3 к наст. письму.

126 *26.III 1851*

[1] Публикуется впервые. В папке с ярославскими письмами И. Аксакова нарушен порядок листов: последним лежит письмо от 26 (Л. 262–262 об.), а не от 29 марта (Л. 260–261), как следовало бы.

[2] ... *поздравить милого брата Константина со днем его рожденья.* – 29 марта.

127 *29.III 1851*

[1] Последнее письмо из Ярославля. На Пасху И. Аксаков уехал в Москву, где и получил разрешение на отставку. Уже в отсутствие И.С. Аксакова 18.IV.1851 г. состоялось последнее заседание комиссии, на котором читалось его стихотворение "Пусть гибнет все, к чему сурово..."; шуточный отчет о заседании был передан И.С. Аксакову в Москву и сохранился в его бумагах (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 168).

[2] ... *на Фоминой.* – вторая неделя после Пасхи.

[3] ... *на Святой...* – первая неделя после Пасхи.

[4] ... *крестьяне в двух губерниях решились не пить...* – В письме от 16.III.⟨1851 г.⟩ С.Т. Аксаков писал, что известий об отказе пить вино не слышно, и потому считал, что это явление не распространяется (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 16. Л. 48 об.).

[5] Владимир Святой – Владимир I Святославич (умер в 1015 г.) – великий князь, крестивший Русь.

[6] ... *пропасть гостей...* – На дне рождения К.С. Аксакова 29.III.1851 г. было 22 человека. Мужчинам он читал свою комедию "Князь Луповицкий, или Приезд в деревню" – в кабинете стекла дрожали от хохота, по свидетельству С.Т. Аксакова, тут же лукаво добавившего: "... конечно, отличный портер и херес, заправленные шампанским, много способствовали сильному впечатлению" (письмо от 30.III.1851 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 13. Л. 141 об.).

128 *9.VII.1851*

[1] Публикуется впервые. Подлинник – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед.хр. 13. Л. 10–10 об. Летом 1851 г. С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы ездили в свои имения после состоявшегося в Надёжине крестьянского бунта. Он был вызван безжалостным отношением к крестьянам управляющего Ивана Семеновича.

[2] *... выехали мы ... к Блюму...* – знакомому С.Т. Аксакова. Ему в 1852 г. посылались в подарок "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии" (см. с. 241 наст. изд.).

[3] *Блюм Варвара Александровна* – симбирская помещица.

[4] *Ренненкампф* Рудольф (Роман) Павлович (1821–1886) – надворный советник, симбирский губернский прокурор. С марта 1865 г. действительный статский советник. Принадлежал ко 2-му выпуску Училища правоведения (1841).

[5] *... переехали на косной...* – Косная лодка – небольшая лодка для переездов.

[6] *Киреев Михаил Николаевич* – знакомый С.Т. Аксакова. Ему в 1852 г. посылались в подарок "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии" (см. с. 241 наст. изд.).

[7] *... поехали в Никольское (гр⟨афа⟩ Соллогуба)...* – Еще в 1848 г. В.А. Соллогуб приглашал И. Аксакова заехать в Никольское на обратном пути с Серных вод. Однако поездка не состоялась, о чем хозяин был извещен стихотворным посланием "Гр. В.А. Соллогубу":

Увы! пространство скользское
Взъерошили дожди,
И ты меня в Никольское,
Писатель мой, не жди!
....

129 *29.VIII.1851*

[1] Публикуется впервые. Подлинник – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед.хр. 13. Л. 11–12 об. Яковлевка – имение Глумилина Михаила Васильевича (ум. в 1847 г.), мужа сестры С.Т. Аксакова Софьи Тимофеевны, в Бугульминском уезде Оренбургской губернии.

[2] *Все моложе (даже годами)...* – Дети С.Т. и М.В. Глумилиных были моложе К.С. и И.С. Аксаковых: Михаил (род. в 1830 г.), Надежда (род. в 1832 г.), Екатерина (род. в 1834 г.), Юлия (род. в 1844 г.), М.М. Глумилина (1825–1849).

[3] *Бутлеров нам всем чрезвычайно понравился... – Бутлеров* Александр Михайлович (1828–1886) – магистр Казанского университета (1851), адъюнкт по кафедре, химии. В 1854 г. защитил докторскую диссертацию. Впоследствии ординарный профессор химии Петербургского университета (с 1870 г.), создатель современной органической химии, академик. Был женат на Н.М. Глумилиной.

[4] *Надинька...* – Н.М. Глумилина, дочь сестры С.Т. Аксакова Софьи Тимофеевны (см. предыдущее прим.).

Письма 130–151 публикуются впервые. Отрывки из писем от 27.IV.1852 г. и от 7.IX.1853 г. приведены во вступительном очерке: Письма. Т. III. С. III–IV, VII–VIII. Письма 130–146 написаны И.С. Аксаковым из Москвы, где он готовил к печати I том "Московского сборника" 1852 г., а также наблюдал за печатанием "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии" С.Т. Аксакова. Письмо 147 написано из Переяславля, куда И.С. Аксаков ездил с сестрами. Письма 148–149 – из Песочни и Дегтяных барок и связаны с поездкой к А.И. Кошелеву. Письма 150–151 отправлены из Петербурга. Подлинники в ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед.хр. 24. Л. 1–47 об.

130 *8.X 1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Варя* – вероятно, горничная.

[3] *... встретили мы Иуду...* – скотника из Абрамцева.

[4] *... с Оболенским...* – Вероятно, в Москве был А.В. Оболенский.

[5] *... нашли мы Унковских: мать и дочь Авдотью Семен⟨овну⟩...* – Мать – Варвара Михайловна, жена Семена Яковлевича Унковского, урожденная Белкина. С многочисленным семейством Унковских И. Аксаков подружился в калужский период своей жизни (1845–1847).

[6] ... *попасть в Хотьков...* – Хотьково, Хотьков монастырь в трех верстах от Абрамцева.

[7] *От графа Толстого (губернатора) в восторге.* – В 1851 г. Н.М. Смирнов был уволен от губернаторства и на его место назначили графа Егора Петровича Толстого, генерал-майора.

[8] ... *стала теперь очень смущаться нашим положением...* – речь об экономических трудностях, испытываемых семьей Аксаковых.

[9] *Орловский едва ли позволит вам жить по расчету...* – т.е. сверх оговоренного срока. В дом Орловского семья Аксаковых переехала осенью 1850 г. Очевидно, дом был снят только на год.

[10] ... *на Кисловке на дворе дома Русселя, где пансион m-me Коколль...* – Пансион Кноль (а не Коколль) находился в Кисловском переулке.

[11] ... *съездил я к дяде...* – А.Т. Аксакову.

[12] ... *потом к Попову...* – А.Н. Попову.

[13] *Он в восторге от Англии, где купил 13 машин...* – В 1851 г. А.И. Кошелев совершил поездку в Англию на первую Всемирную выставку с целью изучения английского земледелия. Статью с описанием поездки, сельскохозяйственных машин с их фотоснимками см.: *Кошелев А.И.* Поездка русского земледелия в Англию и на Всемирную выставку // Московский сб. М., 1852. Т. I. Впоследствии издана отдельной брошюрой. Биограф Кошелева Н. Колюпанов заметил: "Честь введения жатвенных машин в России принадлежит Кошелеву" (Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. С. 218).

[14] ... *насчет его дела...* – Обстоятельства его неизвестны.

[15] ... *заехал к Попову проститься с ним...* – А.Н. Попов уезжал в Петербург.

[16] ... *с экстра-почтой...* – Экстра-почта существовала с 1799 г. – корреспонденция доставлялась из Москвы в Петербург без остановок на станциях и в сопровождении курьера (см.: *Базилевич К.* Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 8).

[17] Самбурский Владимир Алексеевич – двоюродный брат И. Аксакова.

[18] ... *описания неприятного положения его сестер в доме отца...* – Самбурский Алексей Иванович, муж покойной сестры Ольги Семеновны Аксаковой Веры Семеновны, отличался деспотическим нравом и скупостью. К.А. Трутовский писал, что это был "не развитой и грубый человек. Он был скуп и обращался с детьми сурово, отказывая им во всем, так что девушки жили как в монастыре" (Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Рус. худож. архив. 1892. Вып. II. С. 49).

[19] ... *было много кротковщины.* – т.е. Кротковых, родственников жены А.Т. Аксакова, которым семья С.Т. Аксакова не симпатизировала.

[20] ... *сказал даже с некоторым удовольствием.* – Речь идет о возвращении Н.В. Гоголя из Абрамцева в Москву. У Аксаковых он гостил с 30.IX по 3.X.1851 г. На обратный путь хозяева дали Гоголю своих лошадей. "Наемный кучер наш был несколько груб и попивал иногда", – свидетельствовал С.Т. Аксаков. Но Гоголь сообщил, что доехал благополучно (см. письмо от 4 или 5.X.1851 г. // История моего знакомства с Гоголем. С. 216).

[21] ... *отдаю ему завтра переписывать комедию.* – "Князь Луповицкий, или Приезд в деревню" К.С. Аксакова.

131 *29.XI 1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *что он думает о Годеине и Павлове...* – Аксаковы искали денег для займа. Годеин (Годейн) Николай Петрович – приятель С.Т. Аксакова. О Павлове см. прим. 6 к письму 116.

[3] ... *заеду к Занден.* – *Занден* Елизавета Федоровна – знакомая Аксаковых.

[4] *Зенин денег не отдает.* – *Зенин* занимался починкой экипажей.

[5] *Кошелева* Ольга Федоровна, урожденная Петрово-Соловово (1816–1893) – жена А.И. Кошелева.

[6] ... *у Оболенского.* – Который из Оболенских имеется в виду, выяснить не удалось.

[7] ... *прошу у него ... Эверса...* – Эверс Иоганн Филипп Густав (1781–1830) – историк, юрист, создатель теории родового быта. Член Петербургской Академии наук (1809). Какую из книг Эверса просил И. Аксаков, выяснить не удалось – его трудами он интересовался в связи с обсуждавшимся в то время историками и юристами вопросом о родовом быте. Взгляды Эверса и его единомышленников изложены в статье К.С. Аксакова "О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)", помещенной в I томе "Московского сборника", 1852 г.

[8] ...*не решился просить у него и "Племянницы" Евг⟨ении⟩ Тур, вышедшей в 4-х томах...* – В "Московских ведомостях" от 22 ноября 1851 г. сообщалось о выходе в свет романа Е. Тур "Племянница" (в 4-х частях), начало которого было напечатано в "Современнике" в 1850 г. Полностью опубликован в январе 1852 г. Евгения Тур – псевдоним Елизаветы Васильевны Салиас де Турменир, урожденной Сухово-Кобылиной (1815–1892), сестры драматурга А.В. Сухово-Кобылина.

[9] Вочлежский – лицо неустановленное.

[10] *Кошелев желал бы также, чтоб был помещен разбор этого романа в сборнике...* – в "Московском сборнике" 1852 г. Рассчитывать на благоприятный отзыв о романе было нельзя, зная убеждения И.С. Аксакова, его неприязнь к светскому обществу. Героиня романа "Племянница" Маша Вельская из деревенского быта попадает в светскую среду, становится женой князя, и светская жизнь подробно описывается в романе. В рецензии на роман в "Отечественных записках" отмечалось: "Большой свет играет почти в продолжение всего романа свою особую роль; он то развертывается здесь перед глазами читателя во всей своей ослепительной парадности, то сжимается до тесных пределов полуосвещенного и малодоступного будуара светской женщины, везде, впрочем, в своих неподдельных чертах, и внушает автору во многих случаях весьма интересные отступления" (1852. Февр. С. 42). В письме Г.П. Данилевскому в 1852 г. И. Аксаков недвусмысленно высказался по вопросу о том, что может быть помещено в "Московском сборнике": «По плану сборника в нем из произведений изящной словесности могут найти место только такие, которые служат общей мысли издания, писаны в духе народного направления, пробуждают сочувствие к народности. В этом смысле имеют право на помещение в сборник повести Григоровича, охотничьи рассказы Тургенева, мой "Бродяга"... Романы г⟨оспо⟩жи Тур, комедии Тургенева и т.п. нами положительно не принимаются. С обществом и в особенности со светским никаких сделок мы не делаем и стараемся на каждом шагу клеймить ложь его быта» (РНБ. Ф. 236. Ед.хр. 18. Л. 1об.).

[11] ... *не употребляю, не подготовив, выражений: что русская история есть хор, что русский человек только человек...* – И. Аксаков излагает мысли брата Константина.

[12] ... *критический отдел... не позволен в сборнике...* – Несмотря на это, И. Аксаков введет критику в замаскированном виде, открыв "Московский сборник" 1852 г. своей статьей "Несколько слов о Гоголе", явившейся откликом на смерть писателя.

[13] *Неловко разбирать ее (по особым отношениям к ней Тургенева и Грановского).* – И.С. Тургенев и Т.Н. Грановский были посетителями салона Е. Тур. Тургенев написал рецензию на ее роман "Племянница" (Современник. 1852, № 1. Подпись: И.Т.), которой, впрочем, писательница осталась не очень довольна.

[14] *Киреевский Иван Васильевич* (1806–1856) – идеолог славянофильства, литературный критик, философ, журналист.

[15] ... *еще не начинал статьи...* – Статья И.В. Киреевского "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к г. Е.Е. Комаровскому)" была напечатана в I томе "Московского сборника" 1852 г. Печатать сборник И. Аксаков начал до окончания этой статьи, оставив 3 печатных листа, но статья заняла 4 листа с лишним, отчего счет страниц в сборнике был нарушен. Статья адресована графу Комаровскому Егору Евграфовичу (1803–1875), богослову, приятелю И.В. Киреевского, А.С. Хомякова.

[16] ... *Гранов⟨ский⟩ может дать статью не прежде как через полтора м⟨еся⟩ца...* – Из-за быстроты составления сборника Т.Н. Грановский написать статью не успел.

[17] ... *Хомяков не приезжал...* – из имения Богучарово (под Тулой) в Москву.

[18] ... *Кошелев также еще не начинал статьи.* – "Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку" (напечатана в I томе "Московского сборника" 1852 г.).

[19] *Ведь она толкует опять и только про происхождение варягов...* – Речь идет о статье И.Д. Беляева, не помещенной в "Московском сборнике" 1852 г. Здесь была опубликована его статья "Служилые люди в Московском государстве, слуги или дворяне, а впоследствии дети боярские", относящаяся к более поздним временам русской истории.

[20] ... *читал эту статью в заседании "Общества"...* – Общества истории и древностей российских при Московском университете.

[21] ... *как предназначенную во "Временник".* – "Временник московского Общества истории и древностей российских".

[22] *Соловьев начинает ... печатание второго тома истории.* – "История России с древнейших времен" (М., 1851–1879. Т. 1–29).

[23] *Хочу ... отдать цензору.* – В “Московском сборнике” 1852 г. были помещены отрывки из 1-й части поэмы И. Аксакова “Бродяга” (“Побег”, ‘Бурмистр”, “Шоссе”, “Новый побег”).

[24] Томашевский Антон Францевич (1803–1883) – приятель С.Т. Аксакова, служивший в Московском почтамте цензором иностранных газет.

[25] *... Франция недовольна Собранием.* – “Московские ведомости” 4 декабря 1851 г. напечатали сообщение о происшедшем 20. XI. 1851 г. во Франции государственном перевороте. Президент Людовик Наполеон в течение года конфликтовал с Национальным собранием, чтобы подорвать к нему общественное доверие и таким образом оправдать переворот.

[26] *Вронченко, говорят, умер, а на его место Тенгоборский.* – *Вронченко* Федор Павлович (1780–1852), граф – министр финансов в 1844–1852 гг., член Государственного совета (1845). Назначение, о котором пишет И.С. Аксаков, не состоялось; *Тенгоборский* Людвиг Валерианович (1793–1857) остался на прежнем месте – членом департамента государственной экономики в Государственном совете; министерством финансов из-за болезни Ф.П. Вронченко временно управлял Петр Федорович Брок (1805–1875), с апреля 1853 по март 1858 г. – министр финансов.

[27] *... оркестр Гунгля...* – Не известно, об оркестре которого из братьев идет речь: Иозефа или Иоганна Гунгля – оба брата со своими оркестрами концертировали в России.

[28] *... “Боже, царя храни”.* – с 1833 г. гимн царской России (слова В.А. Жуковского).

[29] *Столыпин Афанасий* – возможно, Столыпин Афанасий Алексеевич (1788–1866) – штабс-капитан.

[30] *Хорошо*? – Вопрос иронический. В 1849 г. И.С. Аксаков так же насмешливо описывал родным обед, данный П.А. Вяземским по случаю дня рождения В.А. Жуковского, и исполнённый на нем гимн – артисты пели, а гости “шептали губами из усердия” (*Аксаков.* С. 462).

[31] *... были Кошелевы (оба).* – А.И. и О.Ф. Кошелевы.

[32] *... на музыку к себе пригласила Студничку...* – Журнал “Москвитянин” писал об этом музыканте и композиторе – “для членов Благородного собрания в Москве г. Студничка исполнил на фортепьяно ноктюрн и рапсодию своего сочинения и увертюру из оперы Моцарта” (Москвитянин. 1853. № 8. Апр. Кн. 2. Отд. VII. С. 172).

[33] *Тургеневу я написал и думаю, что он не замедлит прислать...* – письмо И. Аксакова от 26.XI.1851 г.и с приглашением принять участие в “Московском сборнике” (РО. 1894. Авг. С. 458).

[34] *... в посылаемом № “Москвитянина” есть повесть “Адам Адамыч”...* – начало повести Михайдова Михаила Илларионовича (1824–1865) (№ 18. Сент. Кн. 2, окончание – №№ 19 и 20. Окт. Кн. 1, 2).

[35] *... так прочтите их сами...* – Письма от купцов должны были прийти на имя И.С. Аксакова.

[36] *Sophie* – Софья Алексеевна Самбурская. См. о ней прим. 1 письму 54.

[37] *... она его любит...* – Трутовского Константина Александровича (1826–1893), художника, впоследствии академика живописи (с 1861 г.). Зимой 1851 г. он поселился в Яковлевке Обоянского уезда Курской губернии, где жили Самбурские (имения Самбурских и Трутовского, приходившихся друг другу родственниками, находились в одной деревне), и подружился с Софьей Алексеевной. Молодые люди решили пожениться, но отец невесты не давал согласия на брак.

[38] *В наших благоразумных решениях... большею частью три четверти трусости постыдной и только четверть мудрости святой!...* – Слова Гамлета из 4-й сцены IV акта трагедии “Гамлет”.

[39] *... подарить им Ваше курское имение...* – После смерти Ефима Григорьевича Заплатина его племянницы Ольга Семеновна Аксакова и Вера Семеновна Самбурская наследовали одну половину его имения, другая половина досталась их двоюродной сестре Марии Яковлевне Моисеевой, бабушке К.А. Трутовского, который и жил в этой половине имения.

[40] *Алексей Иванович* – Самбурский, отец С.А. Самбурской (см. о нем прим. 18 к письму 130).

[41] О *К.А. Трутовском* см. прим. 37 к наст. письму.

[42] *Мясоед* – время между постами. Мясоед бывает четыре раза в году, по числу постов (Великий, Петровский, Успенский, Филипповский).

[43] Людовик Наполеон – Шарль Луи Наполеон Бонапарт (Наполеон III) (1808–1873) – президент Франции с 1848 г., император (1852–1870). Племянник Наполеона I.

[44] *... повторил 10 брюмера, окружил Собрание войсками и посадил в тюрьму Шангарнье, Ламорисьера и других.* – Повторил 10 брюмера, т.е. тот день, когда Наполеон Бонапарт в 1799 г., отстранив Совет, объявил себя первым консулом. Речь идет о совершенном президентом Людовиком-Наполеоном государственном перевороте в ночь на 20.XI.1851 г. Национальное

собрание и Государственный совет были распущены. Об аресте Шангарнье, Ламорисьера, Кавеньяка, Тьера и других депутатов Национального собрания, которые воспротивились намерению президента пересмотреть конституцию, было сообщено в “Московских ведомостях” (1851. 4 дек.).

[45] *... а он сам не прислал книг.* – См. с. 219 наст. изд.

132 *3.XII.1851*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Лизавета Александровна* – Е.А. Кавелина, сестра приятеля С.Т. Аксакова А.А. Кавелина.

[3] *Мария Федоровна* – Занден, сестра Е.Ф. Занден.

[4] *От Гриши получено письмо из Дрездена.* – Г.С. Аксаков в это время выехал с семьей за границу для лечения жены.

[5] *... управлял Головкиным у Ив⟨ана⟩ Мих⟨айловича⟩ Наумова, а потом у Гриши...* – В 1849 г. Г.С. Аксаков приобрел в долг имение Головкино в Оренбургской губернии. После пожара летом 1849 г. оно было продано М.М. Наумову.

[6] Бестужев Михаил – вероятно, родственник С.П. Бестужевой.

[7] *... находит квартиру, т.е. дом Серединской, тесным и неудобным.* – Зимой 1851–1852 гг. Аксаковы нанимали флигель дома П.А. Серединской.

[8] *... Марье Алексеевне хуже...* – Матери А.С. Хомякова, урожденной Киреевской (ум. в 1857 г.). Болезнь была серьезной, Хомяков не надеялся на выздоровление. В феврале 1852 г. он писал А.Н. Попову: “У меня другое грозит горе: кажется, матушка ненадолго у нас загостится!” (*Хомяков.* С. 201).

[9] *Был у М⟨арии⟩ Фед⟨оровны⟩ Соллогуб... Книгу отдал.* – Сестра Ю.Ф. Самарина (1821–1888), вышедшая замуж за Льва Александровича Соллогуба. Какую книгу передал ей И. Аксаков, выяснить не удалось.

[10] *Верстовский* – Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор, управляющий конторой московский театров (1842–1861), приятель С.Т. Аксакова.

[11] *... справляться о комедии Константина.* – “Князь Луповицкий, или Приезд в деревню”.

[12] *... Унковский...* – Неизвестно, который из пяти братьев Унковских был в это время в Москве.

[13] *... Мамонов взялся... нарисовать новый...* – Речь идет, вероятно, о рисунках Э.А. Дмитриева-Мамонова к “Ревизору” Н.В. Гоголя.

[14] *Ольга Федоровна* – Кошелева.

[15] *В “Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩”, кроме краткого известия, еще ничего не было...* – По поводу государственного переворота во Франции см. прим. 44 к письму 131.

[16] *Прокламация президента к народу великолепна.* – “Московские ведомости” 4 декабря напечатали прокламацию президента от 2.XII.1851 г.: президент объяснял роспуск Национального собрания тем, что оно как “гнездо заговоров” представляет опасность для спокойствия государства. Свою миссию он видел в прекращении революций, в защите народа от разрушительных страстей. На утверждение народа Людовик-Наполеон предложил новое Уложение, призванное обеспечить спокойствие Франции, согласно которому президент избирается на 10 лет (вместо четырех, на которые Людовик-Наполеон был избран в 1848 г.), министры находятся в зависимости от исполнительной власти, а Государственный совет вырабатывает законы и излагает их законодательному собранию, которое их обсуждает и принимает (С. 1408). Народ, напуганный решительными действиями Людовика-Наполеона, утвердил его избрание в президенты республики сроком на 10 лет. И. Аксаков, очевидно, узнавал новости от А.Ф. Томашевского, т.е. на московском почтамте, получаемые по телеграфу, а потому и ранее газетных сообщений.

[17] *... Кавиньяк успел убежать из крепости...* – См. прим. 44 к письму 131.

[18] *... Марья Степановна...* – лицо неустановленное. В 1850 г. сопровождала В.С. Аксакову в поездке в Киев.

[19] *Статья покуда все одна – Соловьева...* – “Псков и Ливония” для “Московского сборника” 1852 г.

[20] *Посещения мои ограничиваются... дядей...* – А.Т. Аксаковым.

[21] *Лидия* – лицо неустановленное.

1852

133 *15.I 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Со времени отъезда Константина и Сонички...* – из Москвы в Абрамцево.

[3] *... подал просьбу губернатору, был в палате...* – Обстоятельства, связанные с этими делами, остались невыясненными.

[4] *... грозят выговором за слабое окончание речи.* – По всей вероятности, имеется в виду речь Т.Н. Грановского "О современном состоянии и значении всеобщей истории", произнесенная на торжественном собрании Московского университета 12.I.1852 г. Напечатана в кн.: Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета 12 января 1852 г. М., 1852.

[5] *Статью в течение февраля напишет.* – для "Московского сборника" 1852 г. Написана не была.

[6] *... будут помещены Ваши воспоминания о знакомстве с Державиным.* – Они не вошли в I том "Московского сборника" 1852 г., вышедший в апреле 1852 г., – работу над воспоминаниями С.Т. Аксаков окончил только в мае 1852 г. Было решено напечатать их во II томе сборника, но он был запрещен. Впервые появились в "Семейной хронике и Воспоминаниях" (М., 1856).

[7] *Свою статью о надписи на кольчуге для смеси.* – Отд. "Смесь" не был разрешен в "Московском сборнике" 1852 г. Для него предназначались и полученные от И.С. Тургенева "Просьбы Оленина", впервые напечатанные в РА. 1870. № I. Стб. 269–0280 (заголовок "Образчик старинного крючкотворства").

[8] *... не написать ли об этом отесиньке в "Воспоминаниях о Шишкове".* – Воспоминания об А.С. Шишкове впервые напечатаны в "Семейной хронике и Воспоминаниях" (М., 1856). Шишков Александр Семенович (1754–1841) – президент Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828), основатель "Беседы любителей русского слова".

[9] *... для доставления Константину на предварительный просмотр...* – Не ясно, о какой статье Д.О. Шеппинга идет речь. Возможно, предназначалась для "Московского сборника" 1852 г., но в нем статьи этого автора не были напечатаны. Шеппинг Дмитрий Оттович (1822–1895) – этнограф, фольклорист, автор книги "Мифы славянского язычества" (М., 1849).

[10] *Хомяков... взялся написать небольшую статейку о песнях, помещаемых в сборнике.* – Предисловие А.С. Хомякова к "Русским народным песням (из приготовляемого к изданию собрания П.В. Киреевского)" было напечатано в "Московском сборнике" 1852 г. (Т. I).

[11] *... не был у Устиньи...* – вероятно, у жены Ефима, камердинера С.Т. Аксакова.

134 *22.I 1852*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами 22.I.1852 г. на основании указанного дня недели (вторник) и сообщения о болезни Е.М. Хомяковой, начавшейся в середине января.

[2] *... тут дело как-нибудь сладится.* – Имеется в виду женитьба К.А. Трутовского на С.А. Самбурской. Когда Самбурская сообщила О.С. Аксаковой о намерении выйти замуж, Ольга Семеновна, заменявшая своей племяннице умершую мать, выслала ей в январе 1852 г. образа, один из которых был выбран по ее поручению Н.В. Гоголем (см.: *Трутовский К.А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Рус. худож. архив. 1892. Вып. II. С. 49–50).

[3] *У Хомякова жена очень и очень больна.* – Хомякова Екатерина Михайловна (1817–1852), сестра поэта Н.М. Языкова.

[4] *... нечто вроде тифуса.* – Тиф был осложнен беременностью.

[5] *Кильдюшевский Павел Николаевич* (1799–1858) – доктор медицины (1826), доктор медицины и хирургии (1838), профессор повивального искусства при московском Воспитательном доме.

[6] *... не знает, как нахвалиться и Рихтером и клиникой...* – Рихтер Михаил Вильгельмович (1799–1874) – профессор Московского университета по кафедре повивального искусства, доктор медицины. Клиника – это или родильный госпиталь московского Воспитательного дома, где Рихтер работал акушером, или Повивальный институт, в котором он был директором и профессором.

[7] *Семен так завален работой...* – Александр Се́мен, в типографии которого (на Софийской улице) печатался I том "Московского сборника" 1852 г.

[8] *Я обратился к Степановой...* – Л. Степанова, вероятно, жена Н.С. Степанова, в типографии которого печатался "Москвитянин".

[9] *Я взялся держать последнюю корректуру 4-го тома его сочинений...* – Н.В. Гоголь задумал в это время издать 4 том своих сочинений. В 5-м томе он предполагал напечатать "Юношеские опыты", а в 6-м – переписку (см.: *Данилевский Г.П.* Знакомство с Гоголем (Из литературных воспоминаний) // ИВ. 1886. Т. XXVI. Окт.–нояб.–дек. С. 477). Издание не состоялось из-за смерти писателя.

[10] ... *должен ехать к князю Львову...* – Львов Владимир Владимирович (1805–1856) – цензор, пропустивший в печать I том "Московского сборника" 1852 г., за что получил выговор от министра народного просвещения П.А. Ширинского–Шихматова, а позже был отставлен от должности. 1.IX.1852 г. А.С. Хомяков сообщал Ю.Ф. Самарину грустное известие: «Князь Львов отставлен от цензорства, как слышно, не за пропуск "Записок охотника" Тургенева, но, как предполагают, за Сборник. Жаль, что мы лишаемся хорошего и разумного и благонамеренного цензора..."» (*Хомяков.* С. 272–273). В письме А.И. Кошелеву Хомяков уточнял: "Я уверен, что он пострадал от следующего соображения: к нему, дескать, на цензуру ходят самые скверные люди, Тургенев, Аксаков (Аксаков К.С. – *Т.П.*), Хомяков и пр. Должен быть ненадежен. Хоть он покуда и не виноват, да сменить его in timorem" (для острастки (лат.). – *В.А.*) (письмо без даты // Там же. С. 140). Только в 1855 г. Хомяков радостно известил Самарина, что Львов вновь назначен цензором (Там же. С. 276). В.В. Львов – брат Г.В. Львова, приятеля И.С. Аксакова.

[11] *Посылаю... статью Шеппинга...* – См. прим. 9 к письму 133.

[12] *Черкасский и Киреевский еще не кончили статей.* – Статья И.В. Киреевского "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к г. Е.Е. Комаровскому)" вошла в I том "Московского сборника" 1852 г., статья В.А. Черкасского "О подвижности народонаселения в древней Росии" помещена в следующий том – она была посвящена истории крепостного права. *Черкасский* Владимир Александрович (1824–1878), князь – славянофил, впоследствии член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, председательствующий в Правительственных комиссиях внутренних и духовных дел Царства Польского (1864–1866), московский городской голова (1869–1871).

135 *27.I.1852*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами 27.1.1852 г. на основании указанного дня недели (воскресенье) и сообщения о смерти Е.М. Хомяковой (см. след. прим.), случившейся накануне.

[2] *Хомякова скончалась*! – Е.М. Хомякова скончалась 26.1.1852 г.

[3] *А Марья Алекс⟨еевна⟩, которая много извела веку у Кат⟨ерины⟩ Михайл⟨овны⟩...* – Мать А.С. Хомякова отличалась нелегким характером. После ее смерти в 1857 г. Хомяков писал А.И. Кошелеву: "Мне очень грустно и немножко странно, что некому меня дома бранить. Кажется бы, много дал, чтобы опять слышать те комплименты, которыми иногда она меня так щедро наделяла" (Хомяков. С. 150).

[4] *Статьи твоей...* – "О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)".

[5] *Семенди Готье...* – московский книгопродавец (лавка на Кузнецком мосту) и типографщик.

[6] *Рулье в восторге от выхухолей...* – Рулье Карл Францевич (1814–1858) – ординарный (1850) профессор зоологии Московского университета. Написал примечания к "Запискам об уженье рыбы" (М., 1856) и к 3-му изданию "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии" (1857) С.Т. Аксакова.

[7] ... *статью Вашу из газет вырезал...* – статью С.Т. Аксакова "Письмо к друзьям Гоголя" в "Московских ведомостях" от 13 марта (подпись: С.А.). Автор заметки скорбел о смерти Н.В. Гоголя и о гибели "десятилетних вдохновенных трудов" – сожжении II тома "Мертвых душ". Перед лицом невосполнимой утраты С.Т. Аксаков сожалел о неумеренности порицаний писателя за "Выбранные места из переписки с друзьями", к которым он сам был причастен. Вспомнив просьбу Гоголя – после смерти его не спешить ни с хвалой, ни с осуждением его произведений, – он просил прекратить всякие споры о писателе "и в этом искать утешения в нашем общем великом горе" (С. 328).

[8] ... *комедию не пропускает...* – "Князь Луповицкий, или Приезд в деревню" К.С. Аксакова.

136 *21.III 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Задержка в выходе Вашей книги...* – “Записки ружейного охотника Оренбургской губернии” вышли в марте 1852 г.

[3] ... *отправляюсь к Рихоу...* – по-видимому, к московскому типографщику.

[4] *Завтра же появится и публикация.* – о выходе “Записок ружейного охотника...”.

[5] *По твоей статье...* – “О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)”.

[6] ... *шума, уже произведенного по милости Ржевского.* – Неизвестно, о каком Ржевском идет речь – о Д.С. Ржевском, цензоре “Москвитянина”, или Ржевском Владимире Констатиновиче (1811–1885), чиновнике канцелярии попечителя московского учебного округа, впоследствии члене Совета министра внутренних дел, сенаторе. М.П. Погодин 26.IV.1852 г. сделал следующую запись в дневнике: «Ржевский о “Сборнике” и цензуре. Потом Крылов. – Страх нагоняется» (Барсуков. Кн. 12. С. 130). Вероятно, имеется в виду запрет окончания статьи К.С. Аксакова в I томе “Московского сборника” 1852 г. (см. прим. 12 к письму 143).

[7] ... *статей о Гоголе, присылаем⟨ых⟩ из П⟨етер⟩бурга, не помещать в “П⟨етер⟩б⟨ургских⟩ ведом⟨остях⟩”...* – Вероятно, описка, речь идет о “Московских ведомостях”.

[8] ... *не пропущенная Мусин⟨ым⟩-Пушкиным статья...* – Статья И.С. Тургенева “Письмо из Петербурга”, отклик на смерть Н.В. Гоголя, была напечатана 13 марта в “Московских ведомостях” (подпись: Т......в). В ней Гоголь был назван великим писателем. Статья не была пропущена *Мусиным-Пушкиным* Михаилом Николаевичем (1795–1862), попечителем Петербургского учебного округа (1845–1856) и председателем Петербургского цензурного комитета. О пропуске ее ходатайствовал перед министром просвещения П.А. Ширинским-Шихматовым товариц министра А.С. Норов, но министр не решился отменить решение Мусина-Пушкина. Тогда задержанная в столице статья появилась в “Московских ведомостях”, и давший разрешение на печатание попечитель Московского учебного округа В.И. Назимов сослался на то, что ему не было известно о запрещении статьи.

[9] ... *Катков изъявил затруднение... напечатать некролог Андр⟨ея⟩ Петр⟨овича⟩ Оболенского...* – Некролог Д.Н. Свербеева А.П. Оболенскому, умершему 19.II.1852 г., появился в “Московских ведомостях” только 22 марта. А.П. Оболенский – попечитель Московского учебного округа в 1817–1825 гг. *Катков* Михаил Никифорович (1818–1887) – критик, с 1845 по 1851 г. адъюнкт-профессор кафедры философии Московского университета, публицист, издатель газеты “Московские ведомости” (1850–1855), впоследствии издатель и редактор журнала “Русский вестник” (1856–1887).

[10] ... *приложить портрет Гоголя к “Ведомостям”.* – Имеются в виду “Московские ведомости”.

[11] ... *требовать от Каткова оттисков Вашей статьи...* – Речь о “Письме к друзьям Гоголя” (см. прим. 7 к письму 135).

[12] ... *воротился Коля Воейков...* – *Воейков* Николай Владимирович – сын сестры С.Т. Аксакова Анны Тимофеевны (1799–1850) и Владимира Ивановича Воейковых. С ним и его женой Александриной И. Аксаков лечился на Серных водах летом 1848 г.

[13] *Смирнова... прочтет всем, кому нужно.* – “Письмо к друзьям Гоголя” С.Т. Аксакова (см. прим. 7 к письму 135).

[14] ... *лучше было бы послать Турген⟨еву⟩ с оказией...* – вероятно, его статью из “Московских ведомостей” (см. прим. 8 к наст. письму) или статью С.Т. Аксакова (см. прим. 7 к письму 135).

[15] ... *стихи... печатаются... как и статья о Гоголе для сборника...* – Речь идет о стихотворении И.С. Аксакова “Могучим юности призывам...” и о его же статье “Несколько слов о Гоголе”, напечатанных в I томе “Московского сборника” 1852 г.

[16] ... *два письма его, писанных в горячке.* – А.И. Самбурского уговорили отпустить к Аксаковым дочерей, вслед за которыми собрался в Москву и К.А. Трутовский, но в пути заболел тифом.

[17] ... *он в Обояни... Ильинский-судья хороший человек*! – К.А. Трутовский проболел целый месяц у своего знакомого уездного судьи Ильинского.

[18] *Пусть он едет сюда.*– После выздоровления К.А. Трутовский к маю отправился в Москву.

137 *2.IV 1852*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами 2.IV.1852 г.: И.С. Аксаков ездил в Абрамцево, откуда приехал вместе с Константином во вторник утром, т.е. 1.IV.1852 г. (см. с. 232–233 наст. изд.).

[2] ... *Самарин приехал к нему...* – Ю.Ф. Самарин находился в это время в двухмесячном отпуске. На службу в Киев возвратился к середине апреля 1852 г.

[3] *Саша Акс⟨аков⟩ здесь... – Аксаков* Александр Николаевич (1832–1903) – сын Н.Т. Аксакова и Пановой Екатерины Алексеевны (1809–1857), которые с 40-х годов были в разводе. В это время окончил Александровский лицей в Петербурге, с 1852 г. служил в министерстве внутренних дел (см. письмо И.С. Аксакова Н.А. Милютину от 18.IX.1851 г. с просьбой об устройстве брата в министерство // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед. хр. 818. Л. 25–25об.). Впоследствии участвовал в экспедиции П.И. Мельникова-Печерского, изучавшей раскольников. Приобрел известность в России и за границей переводами сочинений по спиритизму.

[4] *Ефремов* Александр Павлович (1815–1876) – товарищ К.С. Аксакова по Московскому университету, преподаватель всеобщей географии в Московском университете.

[5] ... *желает только, чтоб опять его развязали.* – К.С. Аксаков через А.С. Хомякова намеревался сделать предложение Софье Петровне Бестужевой, дочери Петра Александровича и Прасковьи Михайловны Бестужевых, племяннице Н.М. Языкова. В 1849 г. к ней безуспешно сватался А.Н. Попов.

[6] *Горчакова* – московская знакомая Аксаковых.

[7] ... *за мамоновские портреты.* – Вероятно, речь идет о рисунке Э.А. Дмитриева-Мамонсва, сделанном через несколько часов после смерти Н.В. Гоголя. С рисунка изготовили литографированный портрет, изображавший писателя живым, который был приложен к I тому "Московского сборника" 1852 г. и выслан ярославским знакомым И.С. Аксакова.

[8] Конец письма оторван.

138 *4.IV 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Вашей книги...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

[3] *Улитин Николай Николаевич* – московский книгопродавец, магазины которого помещались в университетском доме на Моховой и около присутственых мест.

[4] Е.А. Наливкина, П.А. Ратьков – московские книгопродавцы.

[5] ... *отдал я 1 экземпл⟨яр⟩.Горчаковым...* – московским знакомым Аксаковых.

[6] ... *для Воейковых.* – для В.И. Воейкова и его детей (Александра, Алексея, Аркадия, Николая, Марии).

[7] ... *не говорил с Бест⟨ужевыми⟩ о его деле...* – См. прим. 5 к письму 137.

[8] ... *особенно при елагинских внушениях.* – Вероятно, Елагины не одобряли намерение К.С. Аксакова жениться на С.П. Бестужевой.

[9] *Публикация от Базунова повторится на Фоминой неделе.* – В "Московских ведомостях" о продаже "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии" в университетской книжной лавке у И.В. Базунова. Базунов Иван Васильевич (1785 или 1786–1866) – московский книгопродавец, комиссионер журнала "Современник" в Москве. Книжная лавка его находилась на Страстном бульваре.

[10] *Муравьев уехал...* – В.Н. Муравьев.

139 *6.IV 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *дело приходит к развязке и к развязке благополучной.* – относительно намерения К.С. Аксакова жениться на С.П. Бестужевой. Заявление преждевременное, К.С. Аксаков получит отказ, исходивший не от С.П. Бестужевой, а от ее родителей (см. письмо К.С. Аксакова А.С. Хомякову ⟨1852 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 3. Л. 1).

[3] ... *доволен и впечатлением разговора хомяковского на С⟨офью⟩ П⟨етровну⟩...* – См. прим. 5 к письму 137. Сватовство осуществлялось через А.С. Хомякова.

[4] *Базунову отдал "Записки об уженье"...* – нераспроданные экземпляры издания 1847 г.

[5] ... *повторю публикацию в “Полиц⟨ейских⟩ ведом⟨остях⟩”...* – “Ведомости московской городской полиции” – московская газета, выходившая в 1848–1917 гг.

[6] ... *Константиновой драмы.* – “Освобождение Москвы в 1612 году” (М., 1848).

[7] *Вертовск⟨ий⟩ прислал 3 целк⟨овых⟩ за 3 портрета...* – Вероятно, речь идет о портрете Э.А. Дмитриева-Мамонова (см. прим. 7 к письму 137). Продавался в то время еще один портрет, сделанный с умершего Н.В. Гоголя художником П. Зеньковым и литографированный и отпечатанный в Петербурге у В. Дарленга. “Московские ведомости” 20.III.1852 г. сделали объявление, что его можно приобрести в конторе “Москвитянина” и на Кузнецком мосту у Дациаро по цене 1 рубль.

[8] Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – философ, публицист, автор “Философических писем” (1828–1830), “Апологии сумасшедшего” (1837).

[9] Фрирс – лицо неустановленное.

[10] *У Погодина были.* – См. с.232 наст. изд.

[11] *Посылаю оттиски Вашей статьи в газетах.* – “Письмо к друзьям Гоголя” С.Т. Аксакова (Моск. ведомости. 1852. 13 марта).

140 *8.IV 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *Читал мне много из статей “Семирамиды”...* – Труд, не озаглавленный автором, был назван “Записками о всемирной истории” редакцией “Русской беседы”, напечатавшей из него отрывки (1860. Кн. 2). Опубликован после смерти автора (М., 1871–1873. Ч. 1–2). “Семирамидой” его стали называть с легкой руки Н.В. Гоголя, случайно увидевшего это слово в рукописи.

[3] Магомет (Мухаммед) (ок. 570–632) – пророк, основатель ислама.

[4] ... *m-me Шеппинг пытается овладеть Мамоновым, как Кар⟨олина⟩ Карл⟨овна⟩.* – В письмах С.Т. Аксакова есть упоминания о “глупейшем романе с Мамо”, который разыгрывала К.К. Павлова (см. письмо Ивану от 16.III.1851 г. // ИРЛИ. Ф.3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 490. *М-ме Шеппинг* – Мария Петровна, урожденная Языкова 1825–1875) – жена Д.О. Шеппинга. См. о ней: Воспоминания Б.Н. Чичерина. [М]., 1991. С. 77–78.

[5] ... *прочла статьи Афанасьева о зооморфическ⟨их⟩ божествах...* – “Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк”. Три статьи, напечатанные в январской, февральской и мартовской книгах “Отечественных записок” за 1852 г. Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) – историк, литературовед, этнограф, фольклорист, сотрудник “Современника” и “Отечественных записок”, издатель журнала “Библиографические записки” (1858–1859).

[6] ... *Нат⟨алья⟩ П⟨етровна⟩...* – Киреевская Н.П. (1809–1900), урожденная Арбенева – жена И.В. Киреевского с 1834 г.

[7] ... *что же думает он сделать с своими дочерьми...* – Дочери А.И. Самбурского гостили в это время у Аксаковых.

[8] ... *прибегнуть к влиянию Митроф⟨ана⟩...* – сына А.И. Самбурского.

[9] ... *согласился отослать свою статью к цензору.* – См. прим. 12 к письму 134.

[10] ... *приезжал Саша Воейков...* – Александр Владимирович Воейков.

[11] *Перфил⟨ьев⟩ от Вашей книги в восторге...* – *Перфильев* Степан Васильевич (1796–1878) – жандармский генерал, начальник московского корпуса жандармов в 1836–1874 гг. Приятель С.Т. Аксакова.

[12] Своехотов – знакомый Аксаковых, А.С. Хомякова.

[13] *Пришлите мне калмыцкого бурхана.* – привезенного из Астраханской губернии в 1844 г. калмыцкого идола.

141 *11.IV 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] *Прасковья Мих⟨айловна⟩ и Петр Ал⟨ександрович⟩...* – родители С.П. Бестужевой, за которую сватался в это время К.С. Аксаков.

[3] ... *наехала елагинщина.* – т.е. Елагины.

[4] *Ошибка Любочкина…* – Неизвестно, в чем она заключалась.

[5] *… венчать их…* – т.е. К.А. Трутовского и С.А. Самбурскую.

[6] *Ведь вот же m-lle Миллер ждет и терпит безнадежно…* – См. с. 190–191 наст. изд.

[7] *Книга Ваша…* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

[8] *В "Моск⟨овских⟩ вед⟨омостях⟩" она расхвалена.* – В отделе "Городская хроника" сообщалось о прекрасном подарке для охотника – книге "Записки ружейного охотника". "Это целый том об охоте, написанный тепло, с знанием дела, с любовью к природе, написанный языком увлекательным… Эта книга имеет большой успех, об ней говорят, ее читают. Она получит еще бо́льшую цену, когда люди, специально знакомые с предметом, ее разберут в журналах, а разбирать такую книгу значит хвалить" (Моск. ведомости. 1852. 10 апр. С. 451). В "Отечественных записках" книга была названа "интересной для всех" (1852. № 5. Библиограф. хроника. С. 26); в "Москвитянине" отмечалось, что в ней "… всякая мелочь оживает, и простое описание возвышается на степень искусства" (1852. № 8. С. 120); в "Современнике" И.С. Тургенев поместил два похвальных отзыва (1852. Апр. Без подписи; 1853. Янв. Подпись: И.Т.).

[9] *Публикация… повторена Базун⟨овым⟩…* – о выходе "Записок ружейного охотника Оренбургской губернии". Сообщение о продаже книги, сделанное в "Московских ведомостях" 25 марта 1852 г., было повторено 8 апреля.

[10] *… здесь его нет.* – См. прим. 13 к письму 140.

142 *⟨Конец апреля 1852⟩*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами концом апреля 1852 г. на том основании, что в нем упоминается о приезде К.А. Трутовского; он прибыл в Москву к маю. В папке с письмами 1851–1853 гг. это письмо (л. 33–34об.) находится за письмом от 21.VII.1852 г., хотя по времени ему предшествует.

[2] *… как уладилось у вас дело…* – с женитьбой К.А. Трутовского.

[3] *… отправился я на Рогожское кладбище…* – раскольничье, находилось за Рогожской заставой.

[4] *Быков* – знакомый И.С. Аксакова.

[5] *Быкова И.И.* – лицо неустановленное.

[6] *…давала… читать письмо к ней вдовы Жуковского.* – В 1841 г. В.А. Жуковский женился на дочери своего друга немецкого художника Е.Р. Рейтерна Елизавете Рейтерн (ум. в 1854 г.), умер в 1852 г. в Бадене.

[7] *… для меня составляет похвалу чрезвычайную.* – поскольку А.С. Хомяков был очень высокого мнения о языке С.Т. Аксакова. "Вышли записки С.Т. Аксакова об охоте, – сообщал он А.М. Языкову, – и едва ли в отношении языка было у нас что-нибудь подобное" (письмо от 23.IV.1852 г. // *Хомяков.* С. 117). В некрологе С.Т. Аксакову Хомяков писал, что "едва ли он имеет соперника, по верности и отчетливости выражения, и по обороту, вполне русскому и живому… Эта строгость к собственному слову и, следовательно, к собственной мысли давала всем его рассказам, всем его описаниям неподражаемую ясность и наглядность, а картинам природы такую верность красок и выпуклость очертаний, какой не встретишь ни у кого другого" (РБ. 1859. Кн. 3. С. V). Эти же особенности, считал Хомяков, присущи и языку И.С. Аксакова: поэма "Бродяга" продвинет автора в той "простоте слова", которой нет "у нашей поэзии вообще" (письмо А.Н. Попову ⟨от 13.II.1849 г.⟩ // *Хомяков.* С. 188).

[8] *… Капнист…* – речь идет о московском гражданском губернаторе в 1844–1855 гг. Капнисте Иване Васильевиче (1795–1860), сыче писателя Василия Васильевича Капниста.

[9] *… Миллер…* (он) – лицо неустановленное.

143 *27.IV 1852*

[1] Публикуется впервые.

[2] *… утин…* – боль в крестце.

[3] *… до вмешательства его матушки…* – М.А. Хомяковой.

[4] *… писал к ним…* – к Бестужевым.

[5] *… последними стихами Константина о веселье!* – Вероятно, имеется в виду стихотворение "Веселью", напечатанное в "Молве" (1857. № 1), которое в "Сочинениях" К.С. Аксакова ([Пг.],

1915. Т. I. С. 124), вышедших под редакцией Е.А. Ляцкого, было предположительно отнесено к 1856–1857 гг. В стихотворении прославлялось "веселье духа":

Блажен, чей дух ни пир, ни келья
Не могут возмутить до дна;
Кому источником веселья –
Души прекрасной глубина…

[6] *… нет ли известий…* – от Бестужевых, уехавших в апреле 1852 г. в симбирские имения. Ответ на предложение К. Аксакова С.П. Бестужевой было обещано прислать оттуда. К. Аксаков был обескуражен странностью поведения Бестужевых. Отказ он получил только осенью 1852 г.

[7] *… что-то такое, чего с 1848 г⟨ода⟩ в России не бывало…* – I том "Московского сборника" 1852 г. вышел 21 апреля. Через несколько дней И.С. Аксаков сообщал А.И. Кошелеву: "Сборник имеет успех громадный, а шум – и того больше. Все поражены его честной физиономией и считают это дерзостью, ибо честные физиономии в наше время непозволительны!… Поэтому будьте готовы на всякий случай получить и неприятное известие" (письмо от 28.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 5). Поражение революции 1848 г. во Франции способствовало установлению реакции в России. "Темная туча" в первую очередь опустилась над литературным и журнальным миром: все периодические издания были взяты под особый контроль правительства. В этих условиях рассчитывать на продолжение издания было нельзя. А.С. Хомяков, обрадованно сообщивший А.М. Языкову: "Вышел сборник, и кажется, им можно похвастаться. Довольно сочен" (письмо от 23.IV.1852 г. // *Хомяков.* С. 117), вскоре писал А.Н. попову: «Теперь здесь ходит слух о каком-то негодовании на "Московский сборник"» (письмо ⟨1852 г.⟩ // Там же. С. 203). "Тучи собираются. Быть грозе", – записал в дневнике 28.IV.1852 г. А.В. Никитенко (*Никитенко А.В.* Дневник. [Л.], 1955. Т. I. С. 352).

[8] *Статья Киреев⟨ского⟩ очень многих раздражает.* – Имеется в виду статья "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к г. Е.Е. Комаровскому)" в I томе "Московского сборника" 1852 г. Она раздражала в первую очередь И.С. Аксакова, который сделал в сборнике оговорку о том, что хотя статьи и связаны единством направления, мнения одного автора не следует приписывать всем, однако цензура не пропустила пояснения (см. письмо И.С. Аксакова Г.П. Данилевскому ⟨1852 г.⟩ // РНБ. Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 1). В этих условиях И. Аксаков был доволен тем, что многое в статье И.В. Киреевского недосказано; если бы автор высказался до конца, согласиться с ним было бы невозможно (см. письмо А.И. Кошелеву от 3.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 1об). После выхода сборника И.С. Аксаков писал: "… статья Киреевского не встречает сочувствия, хотя и порождает множество толков. Еще слава Богу, что общество мнений Киреевского не распространяет на всех сотрудников… Все говорят: мало того, что у нас N.N. заведывает просвещением, – Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩ хочет, чтоб министром был Филарет…" (письмо А.И. Кошелеву от 28.IV.1852 г. // Там же. Л. 5). Статья Киреевского вызвала недовольство и Ф.В. Чижова (см. письмо Ю.Ф. Самарина К.С. Аксакову 1852 г. // *Самарин.* С. 220). Предпочтение, которое И.В. Киреевский отдавал общинному устройству перед государственным, явилось причиной несогласия с ним А.С. Хомякова, подготовившего ответ "Несколько слов по поводу статьи Киреевского". Ответ был включен во второй том невышедшего "Московского сборника" 1852 г. (См.: *Хомяков.* С. 137). Опубликован в 1878 г. (см.: *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1878. Т. I).

[9] *… Долгорукий (банкаль)…* – Долгоруков Петр Владимирович (1816–1868), князь – генеалог, составитель "Российского родословного сборника", "Российской родословной книги". Имел прозвище bancal (фр.) – кривоногий.

[10] *Статья Конст⟨антина⟩…* – См. прим. 5, 6 к письму 136.

[11] *… ошибки Соловьева и Кавелина очевидны…* – т.е. сторонников теории родового быта, мнения которых анализируются в статье К.С. Аксакова (см. предыдущее прим.).

[12] *… конец твоей статьи…* – окончание статьи К.С. Аксакова (см. выше) не было пропущено цензурой. Автор с горечью писал Ю.Ф. Самарину: "Сборник московский вышел; перед самым его выходом цензор вдруг потребовал отрезать окончание моей статьи, уже давно отпечатанной, и она явится без того окончания, которым я так дорожил" (письмо ⟨1852 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 99).

[13] *… ездил я к Львову…* – цензору В.В. Львову.

[14] *… что если достанется за что, так это за статью о Гоголе…* – Не только статья

И.С. Аксакова о Н.В. Гоголе, но почти все материалы сборника вызвали недовольство министра народного просвещения П.А. Ширинского-Шихматова, считавшего направление славянофильского издания предосудительным. Из письма А.С. Хомякова К.С. Аксакову известно о недовольстве барона М.А. Корфа (историка, директора Публичной библиотеки в это время) статьей последнего: «... б⟨арон⟩ Корф отозвался весьма недружелюбно о "Сборнике" и по преимуществу о вашей статье. Впрочем, его слова о ней очень забавны: "Аксаков прав и, кажется, верно понял старый быт; статья могла бы быть очень полезною, но так как он не показал тех причин, по которым быт изменился и заменен лучшим, то статья вышла вредною и крайне опасною". Такой глупости по заказу не выдумаешь. Очевидно, дело не в статьях, а в тоне и еще более в именах. Кажется, надежда на 2-й том очень плоха» (*Хомяков*. С. 332. См. также его письмо В.А. Елагину ⟨1852 г.⟩ // Там же. С. 419). Даже три года спустя новый министр народного просвещения А.С. Норов высказывал раздражение статьей К.С. Аксакова: "Он А⟨ксакову⟩ прямо сказал, что мы все люди опасные и, между прочим, что его статья о родовом быте совершенно злонамеренная. Конечно, в ней столько злономеренности, сколько и в Cuisinière bourgeoise (городской кухарке (фр.). – В.А.), но именно потому-то и оправдание невозможно, что обвинение совершенно бесмысленно. Даже и не придумаешь, что сказать" (письмо А.С. Хомякова А.И. Кошелеву ⟨от осени 1855 г.⟩ // *Хомяков*. С. 141).

[15] *... Тургенев сидит на гауптвахте...* – В середине апреля 1852 г. И.С. Тургенев был арестован за статью о Н.В. Гоголе, напечатанную 13 марта в "Московских ведомостях". В ней Гоголь был назван "великим". "В день, когда хоронит его (Гоголя – *Т.П.*) Москва, нам хочется протянуть ей отсюда (из Петербурга. – *Т.П.*) руку, – соединиться с ней в одном чувстве общей печали..." (Моск. ведомости. 1852. 13 марта. С. 328).

[16] *... фельетону Булгарина, выражающему... правительственный взгляд на Гоголя.* – Ф.В. Булгарин писал, что Н.В. Гоголь не знал России, в произведениях создавал одни карикатуры (См.: Сев. пчела. 1852. 19 апр. С. 345–346).

[17] *... Вашу книгу...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

[18] *Наливкин Федор Никитич* (ум. в 1868 г.) – московский адвокат, имевший книжный магазин на Кузнецком мосту.

[19] *Тит* – лицо неустановленное. Вероятно, слуга А.Т. Аксакова.

[20] *Деньги от Черкасского получил...* – Деньги (3 тыс. руб. серебром) были через В.А. Черкасского получены от А.И. Кошелева для взноса в Опекунский совет (см. письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву от 28.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 4).

144 *⟨28.IV ⟨1852⟩*

[1] Публикуется впервые.

[2] *... напечатает, не дожидаясь 2-го тома.* – Второй том "Московского сборника" не был пропущен цензурой. Возможно, речь идет об "Исторических письмах" С.М. Соловьева, написанных в форме обращения к другу: в первом письме рассматривался вопрос об общине, роде, семье в связи с оценкой работ Риля (см.: РВ, 1858. Т. XIV. № 3–4). А.С. Хомяков советовал К.С. Аксакову парировать отклик Соловьева и кстати "попробовать броды цензурные": «... советую вам попробовать отвечать Соловьеву на его нападение по вопросу о родовом быте. Дело само по себе удобное и невинное и к цензуре способное; да сверх того, вы, разумеется, должны сказать, что первая статья напечатана *там-то* (в "Московском сборнике" 1852 г. – *Т.П.*): тут еще будет заключаться опыт, пропустят ли в цензуре имя оподозренного издания. Все это не бесполезно, а между тем безопасно... Смешно подумать, что мы ищем восстановления прав, которых лишены вследствие бестолковейшего подозрения. Это подозрение напоминает мне барина, который во сне руку отлежал, да случайно спросонок, ощупав ее другою, закричал "караул". Своей руки не узнал! Насилу догадался; догадаются ли у нас?» (письмо от 12. III. ⟨1855 г.⟩ // *Хомяков*. С. 335).

[3] *... говорит, что Константин его сильно выругал.* – В статье "О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)" содержалась критика мнений сторонников теории родового быта, и в частности, взглядов С.М. Соловьева.

[4] *... делают разные затруднения, для которых и едет Погодин.* – В 1852 г. М.П. Погодин вел переговоры о продаже своего древлехранилища. Поскольку в Петербурге были распущены ложные слухи, что он требует за него миллион, А.Д. Блудова советовала Погодину самому приехать в столицу. 6 мая он выехал. Древлехранилище было приобретено Николаем I за 150 тыс. серебром

для императорской публичной библиотеки в Петербурге и московской Оружейной палаты. А.С. Хомяков писал В.А. Елагину в этом году: "Слышали вы, что древнехранилище Погодина куплено казною для Москвы?" (*Хомяков*. С. 419).

[5] *... Толстой все еще болен...* – Имеется в виду Толстой Александр Петрович (1801–1873 или 1874), граф, в доме которого с 1848 г. жил и умер Н.В. Гоголь. Впоследствии (1856–1862) – обер-прокурор Синода.

[6] *Гоголь-Яновская Мария Ивановна*, урожденная Косяровская (1791–1868) – мать писателя.

[7] *Васильевка не Полтавского уезда.* – Миргородского уезда Полтавской губернии.

[8] *... хвалит ее в своей рецензии, еще не напечатанной...* – Рецензия М.П. Погодина на I том "Московского сборника" 1852 г. не была пропущена цензурой.

[9] *... в постоянных с ним спорах.* – Споры начались еще в 1839 г., когда программная статья А.С. Хомякова "О старом и новом" вызвала статью "В ответ А.С. Хомякову" И.В. Киреевского.

[10] *... нынче туда же поеду.* – См. прим. 19 к письму 143.

145 *⟨Конец апреля 1852⟩*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами концом апреля 1852 г. на основании имеющихся в нем сообщений о продаже "Московского сборника", вышедшего 21.IV.1852 г., а также ожидаемого возвращения в Москву В.И. Назимова во вторник или среду, т.е. 29 или 30.IV.1852 г. (см. с. 239 наст. изд.) и уже завершившегося разбора бумаг Н.В. Гоголя 28.IV.1852 г.

[2] *... будет или нет запрещен сборник.* – "Московский сборник" 1852 г.

[3] *... чтоб расплатиться с Кошелевым.* – I том "Московского сборника" 1852 г. издавался на его средства.

[4] *... Маш⟨енька⟩ Карт⟨ашевская⟩ смешивает имя Ивана Сергеевича Тургенева с моим.* – *М.Г. Карташевская*, жившая в Петербурге, передавала, вероятно, какие-то толки об И.С. Тургеневе, арестованном в середине апреля 1852 г. за публикацию статьи о Н.В. Гоголе (см. прим. 15 к письму 143). Карташевская Мария Григорьевна (1818–1906) – двоюродная сестра И.С. Аксакова.

[5] *Оверу книга не отдана...* – вероятно, "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии", приготовленные в подарок.

[6] *... если это только слух.* – Неясно, о чем идет речь.

[7] *... читает ее вслух своей больной жене...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии". Жена Т.Н. Грановского – Грановская Елизавета Богдановна, урожденная Мюльгаузен (1824–1857).

[8] *Шабаев Федор* – староста в аксаковских Вишенках в Заволжье.

[9] Ахматов Николай Петрович (ум. в 1871 г.) – штаб-ротмистр, симбирский помещик, приятель С.Т. Аксакова, страстный охотник; Юрлов Александр Иванович (1797–1885) – потомственный дворянин Симбирской губернии, брат Петра Ивановича Юрлова, бывшего два трехлетия симбирским губернским предводителем дворянства; о М.Н. Кирееве см. прим. 6 к письму 128; о Блюме см. прим. 2 к письму 128; о Ф.Н. Корфе см. прим. 4 к письму 49.

[10] *... Кротков...* – родственник жены А.Т. Аксакова А.С. Кротковой.

[11] *Марье Ив⟨ановне⟩ Гоголь сборник отправлю.* – I том "Московского сборника" 1852 г. со статьей И.С. Аксакова о Н.В. Гоголе.

[12] *Постараемся достать фельетон Булгарина и "Библиот⟨еку⟩ для чтения".* – См. прим. 16 к письму 143. "Библиотека для чтения" – петербургский журнал (1834–1865), созданный по инициативе О.И. Сенковского. Неизвестно, о каком номере журнала идет речь. Возможно, об апрельском номере, в котором в рецензии на "Бедную невесту" А.Н. Островского (Отд. Смесь) было отмечено подражание драматурга Н.В. Гоголю и сказано, что "... Гоголь всего менее вдохновляет подражателей и дает им всего менее простору: оригинал так полон, свеж, жив в общей памяти, что прибавлять к нему ровно нечего" (Т. 112. Апр. С. 210).

[13] *Елагина Е.И.*, урожденная Мойер (1818–1890) – жена В.А. Елагина, дочь ректора Дерптского университета, профессора хирургии Ивана Филипповича Мойер и Марии Андреевны Мойер, урожденной Протасовой.

[14] *Киреевский П.В.* (1808–1856) – славянофил, фольклорист. Сын А.П. Елагиной от первого брака с Василием Ивановичем Киреевским (ум. в 1812 г.).

[15] *... найдено... объяснение литургии...* – "Размышление о Божественной литургии". Когда

стало известно, что у А.П. Толстого находится пакет с бумагами Н.В. Гоголя, который намерены были вскрыть после сорокового дня, Е.М. Феоктистов писал И.С. Тургеневу: «В последнее время Гоголь занимался огромным сочинением: “Толкование на литургию” – не оно ли осталось?» (письмо ⟨от 25.II.1852 г.⟩ // ЛН. Т. 58. С. 743). В 1856 г. О.М. Бодянский, намереваясь напечатать эту вещь, послал ее в Петербург в Комитет духовной цензуры, но рукопись не пропустили. В цензурном ответе от 13.VIII.1856 г. было указано, что в сочинении “при множестве прекрасных мыслей встречается немало объяснений обрядов богослужения произвольных и даже неправильных; есть даже выражения, противные учению православной церкви” (РС. 1902. Т. 111. Июль–авг. – сент. С. 651). Издано П.А. Кулишем в Петербурге с купюрами, цензурными исправлениями (1-е изд. – 1857 г., 2-е – 1859 г.).

146 *⟨Май 1852⟩*

[1] Публикуется впервые. Письмо без даты, датируемое нами маем 1852 г. на основании последней фразы о предстоящей свадьбе К.А. Трутовского, которая состоялась 23.V.1852 г.

[2] *... выручу все деньги кошелевские.* – за издание I тома “Московского сборника” 1852 г.

[3] *... я сам видел корректурные листы критики сборника для “Москвитянина”.* – Рецензия М.П. Погодина на I том “Московского сборника” 1852 г. не была пропущена цензурой.

[4] *В “Современ⟨нике⟩” есть разбор, но весьма сухой и недоброжелательный.* – Это замечание не совсем справедливо: журнал с похвалою отозвался о статьях А.И. Кошелева и С.М. Соловьева. «Переходим с удовольствием к статье под названием: “Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку” А. Кошелева. Дельность суждений и замечаний, верный практический взгляд автора на многие вопросы сельского хозяйства, наконец, самая форма изложения дают этой статье, бесспорно, первое место между статьями, появившимися на русском языке по поводу Всемирной выставки» (Современник. 1852. Т. XXXIII. № 5. Отд. Библиография. С. 11). Статья “Псков и Ливония” Соловьева названа дельной (Там же. С. 14). В рецензии было полностью приведено стихотворение “Мы род избранный” А.С. Хомякова как свидетельство “плавности и благозвучия”, которыя отличают поэта (Там же. С. 20). Правда, рецензент отметил некоторую сухость и неотделанность стихотворных произведений И.С. Аксакова (признаваемую, кстати, им самим), оговорившись, что это “поэт с несомненным дарованием”, в стихах которого “всегда есть мысль” (Там же. С. 16). Несогласие рецензента вызвали преувеличенные похвалы народным песням в предисловии Хомякова к собранным П.В. Киреевским песням: “... не обижая старинных песен, можно было бы допустить некоторую роль в усовершенствовании русского языка и русским писателям – хоть для выражения новых идей и понятий, которых не было, когда старые песни были новы. Но господин Хомяков думает совершенно иначе. Он не только не допускает, чтоб язык старинных песен не был достаточен для выражения этих новых идей и понятий, но даже утверждает, что старинные песни уясняют наши *понятия* и расширяют нашу *мысль*” (Там же. С. 15).

[5] *В “Пет⟨ербургских⟩ ведом⟨остях⟩” сборник горячо разруган (разбирают только статьи Киреевского и Хомякова).* – т.е. статью И.В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России” и предисловие А.С. Хомякова к русским народным песням П.В. Киреевского. Рецензент был недоволен сухостью статьи Киреевского и приверженностью к старине, которая резко выразилась в предисловии к песням Хомякова (см.: Санктпетербург. ведомости. 1852. 4 мая. С. 406).

[6] *... вызовет ученый спор, а потому “мы” и не вдаемся в разбор ее.* – В рецензии было отмечено, что статья К.С. Аксакова “О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (по поводу мнений о родовом быте)” имеет целью опровержение мнений С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Н.В. Калачова, А..Н. Афанасьева, признающих родовой быт основой устройства древней Руси, что с их стороны, вероятно, последует опровержение взглядов К.С. Аксакова, и это будет интереснее для публики, чем мнение, высказываемое в кратком журнальном обзоре (Современник. 1852. Т. XXXIII. № 5. Отд. Библиография. С. 10, 11).

[7] *Статью в “Сев⟨ерной⟩ пчеле” вы прочтете сами.* – См. “Журнальную всякую всячину” в “Северной пчеле” (1852. 3 мая). Подпись “Ф.Б.” (Ф. Булгарин).

[8] *... где была первая статья Булгарина о Гоголе...* – См. прим. 15 к письму 143. И.С. Аксаков квалифицировал статью как “донос” (см. ниже).

[9] *... даже эта статья сильнее.* – В своей статье Ф.В. Булгарин писал о том, что востор-

женность почитателей Н.В. Гоголя происходит оттого, что они плохо знают Россию и плохо учились словесности, поэтому автор рекомендовал им быть скормнее. В качестве примера была приведена статья "Несколько слов о Гоголе" из "Московского сборника" 1852 г., принадлежащая перу И.С. Аксакова. Булгарин был возмущен тем, что автор "не довольствуется помещением г. Гоголя *рядом* с великими именами в русской литературе, но ставит его (Гоголя. – *Т.П.*) *выше*!" (Сев. пчела. 1852. 3 мая. С. 393). Булгарин выражал несогласие с автором статьи, считавшим, что Гоголь мучился, отыскивая светлую сторону жизни: "Г. Гоголь не отыскал *светлой стороны* в России!!! Вольно же носить очки с черными стеклами и искать натуры на задних дворах!" (Там же).

[10] *Прочел я ему статьи Константина...* – неизвестно, какие статьи. В это время готовился II том "Московского сборника" 1852 г. со статьей К.С. Аксакова "Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням", но на была окончена только к июлю 1852 г. (см. письмо С.Т. Аксакова О.С. Аксаковой от 7.VII.1852 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 39). В III и IV томах сборника И.С. Аксаков намеревался поместить объяснение русских свадебных обычаев К.С. Аксакова, что видно из написанной Иваном 1.VIII.1852 г. программы "Московского сборника" (см.: Письма. Т. III. Прилож. С. 14–15).

[11] *Олинька довольна Ниной...* – Возможно, речь идет о Н.А. Корф, которая в мае могла проезжать через Москву, направляясь из Симбирска в имение Ботово под Петербургом, купленное ее матерью.

[12] *2 №№ газет (статья Буслаева, в которой явно намекается на Хомякова)...* – Посылались "Московские ведомости", в которых была напечатана статья Ф.И. Буслаева "Русская поэзия XVII века" (1852. 29 апр., 1, 6, 8, 10 мая). Неясно, какой намек на А.С. Хомякова видится И.С. Аксакову в этой статье. Поскольку Буслаев не признавал преимущества народной поэзии перед книжной, то заявление Хомякова, что благодаря народной поэзии мы выходим " будто из какого-то мрака на вольный свет, на Божий мир, на широкой простор земли родной, на какое-то бесконечное море..." (Московский сборник. 1852. Т. I. С. 325), он мог воспринять критически, но в статье Буслаева это не было выражено. В ней автор высказал несогласие с мнением П.В. Киреевского (Там же. С. 356) о почти совершенном отсутствии в фольклоре песен об эпохе татарского ига (Моск. ведомости. 1852. 10 мая. С. 585). Хомяков не оставил это высказывание Буслаева без ответа. В статье "Замечания на статью г. Соловьева: Шлёцер и антиисторическое направление" он писал: "Короткое знакомство с памятниками народной поэзии дало ему (П.В. Киреевскому. – *Т.П.*) право сказать, что ни в одном памятнике не упоминается *об иге* татарском и, разумеется, эта важная заметка осталась приобретением для исторической науки в ее истинном смысле. П.В. Киреевскому возражал г. Буслаев, и как же возражал? Выписывая из песен (которых полнейшее собрание было у того же Киреевского) жалобы на *погромы* татарские! К свидетельствам из великорусских песен он мог еще прибавить белорусские, да все-таки не выйдет, чтобы *погромы* значили то же, чтó *иго*. Такие возражения нетрудны: но какое место занимают они в науке, пусть скажут сами возражатели" (*Хомяков А.С.* Сочинения. М., 1861. Т. 1. С. 587–588). Буслаев Федор Ивнович (1818–1897) – товарищ Ю.Ф. Смарина по Московскому университету, который окончил в 1838 г. С 1847 г. преподаватель Московского университета, экстраординарный профессор (1850), ординарный профессор (1859), член-корреспондент Академии наук (1852), академик (1860). Лингвист, фольклорист, этнограф, исследователь древнерусской литературы.

[13] *Щепкин Михаил Семенович* (1788–1863) – основоположник реализма на русской сцене, артист Малого театра, друг С.Т. Аксакова. Садовский (настоящая фамилия – Ермилов) Пров Михайлович (1816–1872) – артист Малого театра. О М.А. Дмитриеве см. прим. 4 к письму 115.

[14] *Маменька решилась на свадьбу.* – На свадьбу К.А. Трутовского с С.А. Самбурской. Этому браку воспротивился отец невесты из-за материальной необеспеченности Трутовского (см. письмо А.И. Самбурского Аксаковым от 20.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 15. Ед. хр. 56. Л. 6 об.). О.С. Аксакова, будучи женщиной религиозной, долго не решалась поженить молодых людей против воли отца невесты, хотя С.Т. Аксаков утверждал, что отличавшийся скупостью Самбурский только обрадуется свадьбе, поскольку будет вправе не дать ничего ослушавшейся дочери (см.: *Трутовский К.А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Рус. худож. архив. 1892. Вып. 2. С. 50). Свадьба состоялась 23.V.1852 г., шаферами были К.С. Аксаков, одетый в русский костюм и мурмолку, и князь Андрей Васильевич Оболенский. После свадьбы Трутовские уехали в Яковлевку Курской губернии.

147 *21.VIII 1852*

[1] Публикуется впервые. Письмо связано с поездкой И.С. Аксакова с сестрами В.С. и Л.С. Аксаковыми в Переяславль. Поездке предшествовала сдача 1.VIII.1852 г. рукописи II тома “Московского сборника” в цензурный комитет. От И.С. Аксакова потребовали написать программу сборника, что и было им сделано (см.: Письма. Т. III. Прилож. С. 14–15).

[2] ... *не запаслись никаким описанием, ни муравьевским, ни шевыревским...* – В книге А.Н. Муравьева “Путешествие ко святым местам русским” (СПб., 1849. 3-е изд.) нет описания Переславля-Залесского, но есть глава, посвященная Ростову. В другой его книге “Мысли о православии при посещении святыни русской” (СПб., 1850) речь идет о святынях Переславля-Залесского и Ростова. Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) – духовный писатель. Имеется в виду также “Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь” С.П. Шевырева (М., 1850. Ч. 1–2), в первой части которой есть описание Переславля-Залесского. Возможно, что И. Аксаков собирался взять с собой в поездку 3-й номер “Москвитянина” за 1848 г., в отделе прозы которого было помещено описание Шевыревым этого города.

[3] ... *по Переяславскому озеру...* – Плещееву озеру.

[4] ... *до ботика Петра Великого...* – У Петра I на Плещеевом озере была целая флотилия.

[5] ... *по Трубежу...* – речке, впадающей в Плещеево озеро.

[6] ... *хоть была и середа.* – постный день.

[7] ... *стал искать Матвея...* – вероятно, кучера.

1853

Письма №№ 148–149 связаны с поездкой к А.И. Кошелеву, которому Аксаков, вероятно, отвозил долг: или деньги, вырученные от продажи I тома “Московского сборника” 1852 г., или одолженные С.Т. Аксаковым три тысячи рублей, занятые для взноса в Опекунский совет.

148 *20. VI 1953*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *приехал я в Песочню...* – Имение Песочное в Сапожниковском уезде Рязанской губернии было приобретено А.И. Кошелевым в 1849 г. О.С. Аксакова тогда сообщала Ивану: “Вот эмансипатор-Кошелев купил за миллион имение в Рязани...” (письмо от 5. IX, датируемое нами 1849 г. на основании содержащихся в нем сообщений о пребывании Ю.Ф. Самарина в Симбирске и поездке Н.В. Гоголя в Калугу, имевших место в 1849 г. // РГБ. ГАИС / III. Карт. IV. Ед. хр. 7в. Л. 2об.). Насмешливая характеристика Кошелева объясняется непоследовательностью его действий: “эмансипатор”, неоднократно в 1847, 1849, 1850 гг. обращавшийся к министру внутренних дел Л.А. Перовскому с проектами об улучшении быта помещичьих крестьян (см.: Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Прилож. Berlin, 1884), в то же время приобретает миллионное имение.

[3] *Людмила* – лицо неустановленное.

[4] *Ушакова* – лицо неустановленное.

[5] *Новосильцев П.П.* (1797–1869) – московский вице-губернатор, действительный статский советник, камергер, в 50-е годы рязанский гражданский губернатор.

[6] ... *знает ... подробности обо мне, о m-lle Миллер...* – См. с. 187, 190–191, 192, 195 наст. изд.

[7] ... *война объявлена.* – Имеется в виду высочайший манифест от 14. VI. 1853 г. о вступлении русских войск в дунайские княжества Молдавию и Валахию (без объявления войны) с целью оказания давления на Турцию. Русскими войсками, вступившими в дунайские княжества, командовал князь М.Д. Горчаков.

[8] *У Софьи также цалую ручки, Оличку цалую.* – С.А. и О.Г. Аксаковы гостили в это время в Абрамцеве.

149 *27. V.1853*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *чтоб приехать в Абрамцево 10-го.* – т.е. ко дню именин матери и сестры Ольги (11 июля).

Письма №№ 150–151 написаны И.С. Аксаковым из Петербурга, куда он отправился в конце лета 1853 г. в поисках дела: дальнейшее издание "Московского сборника" было запрещено правительством, с И.С. Аксакова была взята о том подписка (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 50. Л.5).

150 *6–7. IX 1853*

1 Публикуется впервые.

2 ... *приехал я от тетеньки...* – Н.Т. Карташевской, жившей летом под Петербургом в своем имении Кобрино, которое С.Т. Аксаков насмешливо окрестил "прелестным финским болотом" (письмо Ивану от 14. XII. ⟨1848 г.⟩ // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 22в. Л. 33).

3 ... *несчастие, случившееся у них...* – Н.И. Надеждина разбил удар.

4 *Я уже вам описывал подробно...* – Очевидно, это письмо не сохранилось.

5 ... *со слов Васи...* – Имеется в виду Карташевский Василий Григорьевич (род. в 1831 г.) – двоюродный брат И.С. Аксакова.

6 *Иван* – слуга Н.И. Надеждина (см. с. 248 наст. изд.).

7 *Княжевич А.М.* (1792–1872) – с 1844 г. директор департамента государственного казначейства, впоследствии министр финансов (1858–1862), член Государственного совета с 1862 г. Друг С.Т. Аксакова, учившийся вместе с ним в Казанском университете. Письма А.М. Княжевича С.Т. Аксакову см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 69.

8 *Пинского не было...* – М.М. Карниолина-Пинского, который был дружен с семьей Карташевских.

9 ... *ответ от гр⟨афа⟩ Орлова на мое... письмо.*– Письмо И.С. Аксакова А.Ф. Орлову от 1. IX. 1853 г. напечатано в Письмах. Т. III. Прилож. С. 15–16. Через Орлова И.С. Аксаков просил царя разрешить ему отправиться в кругосветное путешествие на военном фрегате "Диана".

151 *7. IX 1853*

1 Публикуется впервые.

2 *Сейчас был у Дуп⟨ельта⟩.* – Дубельт (Дупельт) Леонтий Васильевич (1792–1862) – генерал, начальник корпуса жандармов и управляющий III отделением в 1831–1855 гг.

3 ... *ответ получится не прежде 4-х или 5 дней.* – Предполагаемый отъезд Ивана на три года взбудоражил всю семью. Отец писал: "... корабельное заключение для такого человека, как ты, будет невыносимо: эта тюрьма мне кажется отвратительнее всякой тюрьмы на земле. Тебе нужно дело, постоянное, животрепещущее дело; для тебя и не плавучий кабинет, из которого некуда выйти, был всегда несносен; читать целые месяцы сряду (да еще что ты будешь читать?) и постоянно знать свое отдаление от земли на неизмеримое пространство, по-моему, хуже всякой работы на каторге. Я тебя не удерживал и не удерживаю, но молю Бога, чтобы твое намерение не состоялось. Я уже не говорю ни слова о том, какому беспрерывному беспокойству подвергаешь ты свое семейство" (письмо от 5. IX. ⟨1853 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 1об. – 2). "Это все равно, как бы броситься в сражении в самый огонь; ни голова, ни сердце еще не наладились на эту мысль...", – писала сыну О.С. Аксакова (письмо от 31. VIII. 1853 г. // Там же. Ед. хр. 22. Л. 29). Только А.И. Кошелев приветствовал решение И.С. Аксакова: "Нимало не считаю сумасбродством или эксцентричностью мысль, желание ваше совершить кругосветное путешествие. Весьма желаю, чтоб вам это удалось. Не будь у меня семьи, будь я 20 годами помоложе, я счел бы за счастие объехать вокруг света. Из всего, что теперь может вам представиться, по-моему, это лучшее для вас потребление времени" (письмо от 1. IX. 1853 г. // Голос минувшего. 1918. № 1–2. Янв. – февр. С. 240). Фрегат "Диана", на котором мечтал совершить путешествие И.С. Аксаков, в феврале 1855 г. затонул на Симодском рейде из-за случившегося в море землетрясения (рапорт генерал-адъютанта вице-адмирала Путятина от 1(13) февраля 1855 г. см.: Моск. ведомости. 1855. 28 июля. С. 788–790).

4 ... *"Мос⟨ковский⟩ сб⟨орник⟩" у них в свежей памяти.* – I том "Московского сборника" 1852 г., который составлял и редактировал И.С. Аксаков. Не получив разрешения на путешествие, И.С. Аксаков заметил в письме А.С. Хомякову: «В этом отказе виноват один "Моск⟨овский⟩ сборник"! При свидании я вам передам все интересные подробности моего пребывания в Петербурге, моего разговора с Дупельтом и некоторыми другими. – Мы так испортили наши репутации, как мы себе и представить не можем. "Моск⟨овский⟩ сб⟨орник⟩" совершенно изменил взгляд Петербурга на нас и поставил его на совершенно ложную, ошибочную точку зрения. Петербург создал себе какие-то

страшные фантомы, которыми пугает себя и других и решительно возбраняет нам все пути деятельности» (письмо от 27. IX. 1853 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 13–13об.).

[5] Блудова Антонина Дмитриевна (1812 или 1813–1891), графиня – фрейлина императрицы, дочь Д.Н. Блудова.

[6] ... *читал... свои "Судебные сцены".* – "Присутственный день в уголовной палате (судебные сцены)". В предуведомлении к сочинению И.С. Аксаков писал в 1853 г., что не касается здесь "вопиющих злоупотреблений и страшных злодейств": «С этою целью выставлены мною даже не взяточники, а люди "честные" и даже добрые. Моя служебная деятельность доставляла мне возможность узнавать таких чиновников близко, и если не всему, то весьма и весьма многому, изложенному в судебных сценах, был я сам очевидцем. Самое трагическое здесь, по моему мнению, это неправда, совершаемая добродушно и большею частию бессознательно» (Письма. Т. III. Прилож. С. 18).

[7] *Блудов* Дмитрий Николаевич (1785–1864) – с 1839 г. управляющий 2-м отделением императорской канцелярии, с 1855 г. президент Академии наук, с 1861 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

[8] *Был... у Корша.* – Вероятно, речь идет о Корше Евгении Федоровиче (1810–1897), переводчике, редакторе газет "Московские ведомости" (1843–1848), "Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции" и "Ведомости Московской городской полиции", журнала "Атеней" (1858–1859).

[9] ... *жена его...* – Корш Софья Карловна, урожденная Рейссиг (1822–1889).

[10] *Анненков тоже тянет к Москве...* – Вероятно, Анненков Павел Васильевич (1813–1887) – критик, издатель сочинений А.С. Пушкина и его биограф.

[11] ... *у Милютина...* – у Н.А. Милютина.

[12] ... *называется зараженным московским пророчеством.* – О том же И.С. Аксаков писал А.С. Хомякову (см. письмо от 27. IX. 1853 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 13об.). О московских пророках см. также записи в дневнике А.В. Дружинина от 15. I. и 27. III. 1854 г. // *Дружинин А.В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 268, 285.

[13] *Турция дурит...* – Турция требовала вывода из дунайских княжеств русских войск. С целью урегулирования восточного вопроса была созвана Венская конференция четырех держав (Англии, Франции, Австрии, Пруссии). Посланная из Вены нота была принята Николаем I, но затем Турция стала настаивать на изменениях в ней, на которые русский царь не согласился. В ответ в октябре 1853 г. Турция объявила войну России.

[14] ... *не вступить ли мне в военную службу волонтером?* – Зимой 1855 г. И.С. Аксаков записался в ополчение.

[15] *Смирнов уехал...* – Н.М. Смирнов.

[16] ... *едва ли позволят.* – В кругосветном путешествии И.С. Аксакову было отказано. См. прим. 4 к наст. письму.

1854

Письма 152–177 написаны И.С. Аксаковым с Украины, куда он отправился описывать ярмарки по заданию Русского Географического общества. Подлинники ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 25. Л. 1–50. Впервые – Письма. Т. III. С. 1–101. Письма И.С. Аксакова от конца 1853 – начала 1854 г. не сохранились (см.: Там же. С. XXIV), но сохранились 14 ответных писем отца этого же периода (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14) и письмо Н.С. Аксаковой от 1. III. 1854 г. (Там же. Ед. хр. 33).

152 *29. IV 1854*

[1] В Письмах (Т. III. С. 1) день написания указан неверно – не суббота, а четверг.

[2] ... *благодарю всех за поздравления...* – с Пасхой.

[3] ... *не питает к железн⟨ой⟩ дороге никакой ненависти...* – Критикуя недостатки европейского буржуазного общества, славянофилы отвергали и то ценное, что несла с собою цивилизация. О полемике И.С. Аксакова с ними по вопросам о железных дорогах, эмансипации и др. см. также на с. 457. наст. изд. В числе тех, кто противился проведению железных дорог, был и К.С. Аксаков (см. с. 453 наст. изд.).

[4] *Финляндия не отторгнется...* – Англо-французский флот действовал не только на Черном,

но и на Балтийском море, однако без большого успеха: нерусское население, населяющее побережье, оказывало сопротивление действиям союзников.

[5] *... он ее знает лучше, чем свою деревню.* – Н.В. Путята служил раньше в Финляндии.

[6] *... в манифесте сказано*: "*за братьев.* – Имеется в виду высочайший манифест от 11. IV. 1854 г. о войне с Англией и Францией: Россия "ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за веру христианскую и защиту единоверных своих братий, терзаемых неистовыми врагами".

[7] *...мое желание, выраженное и в стихах...* – См. стихотворение "На Дунай!" на с. 253–254 наст. изд.

[8] *... чтоб она приняла участие в войне...* – "Московские ведомости" от 11. V. 1854 г. сообщили о приведении австрийской армии в боевую готовность, но вступать в войну с Россией Австрия не решилась.

[9] "*Бельгийская независимость*" – газета, основанная в Брюсселе в 1829 г., сначала под названием "L' Indépendant" – либеральный орган, утративший свое влияние с середины XIX в.

[10] *... все описание бомбардировки и приказы Сакена...* – После уничтожения русской эскадрой под командованием П.С. Нахимова турецкого флота (в Синопской бухте 18. XI. 1853 г.) английская и французская эскадры вошли в Черное море. 10. IV. 1854 г. без объявления войны флот союзников (28 судов) открыл огонь по Одессе. Береговая артиллерия с успехом отразила нападение. Не удалась и предпринятая англичанами высадка десанта. 14 апреля неприятель отошел от Одессы. За успешные военные действия Д.Е. Остен-Сакен, руководивший обороной города, был награжден орденом Андрея Первозванного. Его донесение о бомбардировании Одессы см.: Собрание донесений... С. 124–126. Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789 или 1790–1881), барон, впоследствии граф – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в Крымскую войну начальник над войсками и крепостями в Бессарабии и части Херсонской губернии, затем начальник Севастопольского гарнизона, член Государственного совета (1856).

[11] *Иннокентий ... сказал ловкое слово.* – Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич), 1800–1857, архиепископ херсонский и таврический, в одесском кафедральном соборе дважды обратился к жителям: 8 апреля при появлении перед городом неприятельского флота и 10 апреля в день бомбардировки (см.: Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1971. Вып. 2. С. 40–44, 61–64). За назидание и ободрение жителей Одессы царь пожаловал ему алмазный крест для ношения на клобуке (см.: Моск. ведомости. 1854. 7 авг. С. 1085).

[12] *... имя офицера, командовавшего 4-х пушечною батареей под громом 300 орудий...* – Александр Петрович Щеголев.

[13] "Лесной царь" – баллада, написанная Ф. Шубертом в 1816 г.

[14] Мендельсон-Бартольди Феликс (Якоб Людвиг Феликс) (1809–1847) – немецкий композитор, дирижер, исполнитель. Родился в еврейской семье.

[15] *... веснянки продолжаются...* – народные обрядовые песни, которыми встречается приход весны.

153 *Май 1854*

[1] *... пещеры с своими будто вечно бодрствующими мертвецами...* – первоначальное место обитания монахов – последователей Антония, впоследствии усыпальница монахов Киево-Печерского монастыря. Грунт там песчаный, поэтому происходит естественная мумификация.

[2] *... остановился в Броварах...* – под Киевом.

[3] *... знакомы нашим путешественникам...* – В августе–сентябре 1850 г. К.С. Аксаков с сестрами Верой и Надеждой ездил в Киев.

[4] *... в ста шагах от лавры...* – Киево-Печерский монастырь (мужской) был основан в 1051 г. иноками Антонием и Феодосием. Лаврой стал называться с 1598 г.

[5] *Невольно вспомнишь стихи Хомякова*! – "Киев".

[6] *... о циркуляре гр⟨афа⟩ Нессельроде насчет Греции и греческого восстания...* – восстания в северной части Греции против турецкого владычества. Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) – министр иностранных дел России с 1816 по 1856 г., член Государственного совета (1821).

[7] Ригельман Николай Аркадьевич (1817–1888) – историк, этнограф, член Археографической комиссии в Киеве, с 1846 г. служил в канцелярии киевского генерал-губернатора, с 1850 г. директор 2-й Киевской гимназии и директор училищ Киевской губернии. Впоследствии председатель Киевского славянского благотворительного общества (с 1875 г.), сотрудник газеты И.С. Аксакова

"День". Товарищ Ю.Ф. Самарина по Московскому университету, приятель Ф.В. Чижова. По своим взглядам славянофил. Письма его И.С. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 514, 533.

8 *Юзефович Михаил Владимирович* (1802–1889) – помощник попечителя Киевского учебного округа (1843–1852), попечитель университета святого Владимира в Киеве (1856), председатель киевской Временной комиссии для разбора древних актов. Письма Юзефовича И.С. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 719.

9 *... профессора Павлов и Силин... – Павлов* Платон Васильевич (1823–1895) – профессор кафедры русской истории в университете святого Владимира в Киеве. С ним был знаком и К.С. Аксаков. Фамилия "Силин" написана И.С. Аксаковым с ошибкой. Правильно: *Селин* Александр Иванович (1816–1877) – ординарный профессор историко-филологического факультета университета святого Владимира (1854 г.). Докторская диссертация "О драматической поэзии в России, преимущественно о комедии в XVIII столетии" была защищена им в 1852 г.

10 *... пребывание Самарина в Киеве...* – Ю.Ф. Самарин служил чиновником особых поручений при киевском генерал-губернаторе Д.Г. Бибикове с конца 1849 г. по декабрь 1852 г. Получив 4-месячный отпуск, уехал в Москву, а в феврале 1853 г. вышел в отставку.

11 *... настоящими событиями.* – Имеется в виду Крымская война.

12 *... успел прочитать подробное описание пещер Муравьева...* – отрывок "Киев" из работы А.Н. Муравьева "Путешествие ко святым местам русским" (Киев, 1844).

13 *... пошел к Розенбауму ... моему товарищу...* – Розенбаум Николай Лаврентьевич принадлежал к 3-му выпуску Училища правоведения (1842), как и И.С. Аксаков.

14 *Судьенко* Михаил Осипович (ум. в 1874 г.) – археограф, председатель Киевской комиссии для разбора древних актов.

15 *... комедия и статьи всем очень хорошо известны.* – Имеется в виду комедия "Князь Луповицкий, или Приезд в деревню", написанная в 1851 г.

16 ... Софийский собор... – достопримечательность Киева, сооружен (по другим сведениям заложен) около 1037 г. при князе Ярославе Мудром.

17 *... пребывание на Михайловой горе у Максимовича...* – И.С. Аксаков познакомился с женой М.А. Максимовича Марией Васильевной Товбычевой, дочерью украинского помещика, на которой Максимович женился в 1853 г. С.Т. Аксаков пенял Максимовичу, что тот не уведомил его об этом событии. "Очень рад, что Ивану удалось побывать у вас... Спасибо ему, он описал мне подробно ваше житье-бытье" (письмо М.А. Максимовичу от 5. VI. 1854 г. // *Аксаков С.Т.* Полн. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1886. Т. III. С. 445). Очевидно, пребывание у Максимовича было изложено И.С. Аксаковым в отдельном письме к отцу, так как в письмах родным этого описания нет.

18 *Мое письмо возбудит воспоминания о поездке в Киев...* – См. прим. 3 к наст. письму.

154 *19. V 1954*

1 *... статья прислана... из Вильно от Аркадия Россета.* – Россет Аркадий Осипович (1811–1881) – родной брат А.О. Смирновой, с которым И.С. Аксаков подружился во время службы в Калуге. В это время виленский гражданский губернатор, генерал-майор, впоследствии сенатор, товарищ министра государственных имуществ.

2 *... убедился, что автор ее Константин.* – Отец разъяснил Ивану, что это письмо К.С. Аксакова Д.А. Оболенскому, которое получило распространение (см.: Письма. Т. III. С. 11).

3 Чижов Федор Васильевич (1811–1877) – профессор математики Петербургского университета, славянофил. Впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, журналист, издатель сочинений Н.В. Гоголя.

4 *Дабижа* Василий Дмитриевич – действительный член Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа при университете святого Владимира (комиссия создана в декабре 1850 г.).

5 *... вспомнил о Гедеоне, о временах Олоферна... Но Юдифи между еврейками до сих пор еще не встречал!* – Гедеон – "отважный воин", под управлением которого Палестина в течение 40 лет была избавлена от нападения мадианитян. Олоферн – ассирийский полководец, которому царь Навуходоносор поручил наказать непокорных иудеев. Спасительницей иудеев стала Юдифь, обольстившая Олоферна и отрубившая ему голову.

6 *... завел... плантацию шелковых деревьев.* – в местечке Триполье верстах в 50-ти от Киева. Земля была взята Ф.В. Чижовым в аренду у министерства государственных имуществ.

7 *... приохотил соседних крестьян к этому занятию...* – В отчете о заседании Комитета

шелководства при московском Обществе сельского хозяйства отмечалось, что Ф.В. Чижов распространяет шелководство среди крестьян (см.: Моск. ведомости. 1854. 10 июня. С. 791). Результатом этого увлечения стала его книга "Письма о шелководстве" (М., 1870).

8 *... если бы правительству нужно было бы послать кого-нибудь к славянам, то Чижов... мог бы быть употреблен с величайшею пользою.* – Ф.В. Чижов тесно общался со славянскими общественными деятелями во время своих заграничных поездок в 40-е годы XIX в. Возвращаясь из второго заграничного путешествия весной 1847 г., был арестован по доносу австрийского правительства и по подозрению в принадлежности к Кирилло-Мефодиевскому братству и допрашивался в III отделении. После этого его обязали все написанные им произведения представлять на рассмотрение шефа жандармов.

9 *... хочется быть рабочим хоть самым темным и безвестным*! – Эта мысль была выражена И.С. Аксаковым в конце стихотворения "На Дунай!":

Меж рабочих темных и безвестных
Ты везде рабочим добрым будь!

10 *Чижов также хочет летом быть в Сокиренцах, имении Галагана..* – Ф.В. Чижов в прошлом – воспитатель Г.П. Галагана. Галаган Григорий Павлович (1819–1888) – украинский общественный деятель, член Киевской Археографической комиссии и председатель юго-западного отдела Русского Географического общества. В 1859–1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, член Государственного совета (с 1883 г.). Письма Галагана И.С. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 130, ответные письма – Там же. Оп. 2. Ед. хр. 11.

11 *... художник Агин... превосходный акварелист.* – Речь идет об Агине Александре Алексеевиче (1817–1875), воспитанике Петербургской Академии художеств (1834–1839), который в это время был известен и как иллюстратор: 72 иллюстрации Агина к "Мертвым душам" Н.В. Гоголя были изданы в 1847 г.

12 *... Варвара Яковлевна Карташезская... жена Володи...* – После романа с актрисой Е.Н. Жулевой (см. прим. 4–14 к письму 36) В.Г. Карташевский женился.

13 *Маркевич (историк)...* – Имеется в виду Маркевич Николай Андреевич (1804–1860), украинский историк и этнограф.

14 *... у графини Комаровской...* – Мария Павловна, сестра Г.П. Галагана, была замужем за Павлом Евграфовичем Комаровским.

155 *2. VI. 1854*

1 *... одно – старое...* – Неизвестно, какое стихотворение К.С. Аксакова было прислано Ивану.

2 *... негде напечатать последнего.* – Стихотворение К.С. Аксакова "10 апреля в Одессе" было напечатано в "Московских ведомостях" (1854, 15 мая. Подпись – "А"). Под стихотворением дата "23-го апреля 1854 г.". Об этом отец известил Ивана в письме от 10. VI. ⟨1854 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 44.

3 *Жду... официального известия о взятии Силистрии.* – Осада Силистрии, начавшаяся с 6. V. 1854 г., должна была завершиться штурмом 8 июня, но вследствие враждебности Австрии осада была снята, и 14. VI. 1854 г. осадный корпус переправился на левый берег Дуная. Официальный приказ генерал-фельдмаршала Паскевича-Эриванского И.Ф. командующему 3-м, 4-м и 5-м пехотными корпусами генерал-адъютанту князю Горчакову "Московские ведомости" напечатали 29. VI. 1854 г. К.С. Аксаков был очень огорчен этими событиями. Д.А. Оболенскому он писал: "Носятся страшные слухи – слухи о мире... Говорят, что мы выступаем из княжеств!... Это невероятно, это был бы неслыханный позор! Уж лучше, если б нас оттуда выгнали: тогда мы бы уступили чужой силе, а не собственной своей слабости. Лучше потерять знамя с боя, чем бросить..." (письмо от 21. VI. ⟨1854 г.⟩ // РГБ ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 5. Л. 11).

4 *Сент-Арно* Арман Жак Леруа де (1801–1854) – французский маршал, главнокомандующий французской армией в Крымской войне. Заболев во время сражения на р. Альме, вынужден был отказаться от командования, сдав его Канроберу, и умер в сентябре 1854 г. на пароходе по пути на родину.

5 *Да когда же он думает воротиться*? – Весной 1854 г. Г.С. Аксаков с семьей уехал за границу; они посетили Германию, Францию, Италию, в августе вернулись в Петербург, в сентябре были в Москве.

[6] *Стихи мои...* – Непонятно, о каких стихах идет речь.

[7] ... с Киреевским... – с И.В. Киреевским.

[8] *Второе же стихотворение...* – "На Дунай!"

[9] *Всех назначает сам Паскевич.* – Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782–1856), граф – генерал-фельдмаршал, с 1854 г. главнокомандующий войсками на западной и южной границах России.

[10] ... *письмо от секретаря Общества.* – Секретарем Русского Географического общества в это время был В.А. Милютин.

[11] *Демонси* К.Л. (ум. в 1868 г.) – профессор патологии и терапии Харьковского университета.

[12] ... *живет на даче, на Основе у Квитки.* – Село Основа под Харьковом, которым владели Квитки, в это время принадлежало племяннику Г.Ф. Квитки Валериану Андреевичу Квитке.

[13] *Данилевский, увлекаемый примером Единорога, захотел также написать биографию Квитки...* – *Данилевский* Григорий Петрович (1829–1890) – русский писатель. Единорог – Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – украинский писатель, этнограф, публицист, историк, первый биограф Н.В. Гоголя, автор работ "Опыт биографии Н.В. Гоголя" (СПб., 1854) и "Записки о жизни Н.В. Гоголя" (СПб., 1856). Впоследствии редактор журнала "Основа" (1861–1862). Данилевский задумал написать биографию Квитки Григория Федоровича (псевдоним Грицько Основьяненко) (1778–1843), украинского писателя и журналиста. Биография была им закончена в 1854 г. и напечатана в "Отечественных записках" (1855. №№ 11, 12).

[14] ... *прося у него сведений и писем его дяди...* – Валериан Андреевич Квитка, племянник Г.Ф. Квитки, снабдил биографа всеми необходимыми сведениями, что и было им благодарно отмечено (см.: *Данилевский Г.П.* Украинская старина. Харьков, 1866. С. 220).

[15] ... *заеду к Трутовским.* – в Яковлевку Курской губернии.

156 *7. VI 1854*

[1] ... *из Стерлитамака...* – от М.В. Авдеева.

[2] *Так он был у Вас?* – Летом 1854 г. И.С. Тургенев приезжал в Абрамцево.

[3] ... *понравился ли он...* – Отец отвечал: "О Тургеневе писать – неуместно. Как добрый человек он понравился нам, т.е. некоторым. Но как его убеждения совершенно противуположны и как он совершенно равнодушен к тому, что всего дороже для нас, то ты сам можешь судить, какое он оставил впечатление. Впрочем, по моей веротерпимости это не мешает мне любить его по-прежнему" (письмо от 14. VI. 1854 г. // Письма. Т. III. С. 18).

[4] *Кончил ли он свой роман и читал ли его Вам.* – С.Т. Аксаков отвечал: "Роман он бросил, потому что сам сделался действующим лицом в романе: он влюблен, думает жениться на девушке, которая ровно вдвое его моложе, и живет теперь для нее в Петергофе в домике какого-то колониста. Он обещал меня уведомить о ходе этого дела, и я получил от него письмо, но о деле – ни слова" (письмо от 14. VI. 1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 46). Речь идет о Тургеневой Ольге Александровне (1836–1872), в замужестве Сомовой, дальней родственнице И.С. Тургенева, и о романе "Два поколения", о котором И.С. Тургенев писал С.Т. Аксакову 2/4. VI. 1855 г.: "Я пока ничего не делаю, но собираюсь приняться снова за свой роман и переделать его с основанья" (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. II. С. 275). Роман этот возобновлен не был.

[5] *Но о прекращении моего труда я не просил...* – С.Т. Аксаков просил А.М. Княжевича оставить поручение Ивана по Русскому Географическому обществу неоконченным (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 10. V. 1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 39–39 об.). Иван же собирался закончить этот труд, на что отец раздраженно ответил, что сын решительно не помнит того, что писал о невозможности выполнения поручения (см. письмо от 10. VI. ⟨1854 г.⟩ // Там же. Л. 43об. – 44). Ответ Княжевича от 10. VI. 1854 г. на письмо С.Т. Аксакова см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 14–14об.

[6] ... *писал... не Милютину...* – Имеется в виду Милютин Владимир Алексеевич (1826–1855), с 1852 г. секретарь Русского Географического общества, редактор его "Вестника", публицист, писатель, адъюнкт-профессор Петербургского университета. Брат Н.А. Милютина.

[7] ... *Оболенскому...* – Д.А. Оболенскому.

[8] ... *писал... Блудовой.* – "Вы, может быть, слышали от графини Блудовой о том, как мне хотелось весною попасть на Дунай в штаб или канцелярию действующей армии. Этого мне не

удалось", – писал И.С. Аксаков А.О. Смирновой (письмо от 24. XI. 1854 г. // РА. 1895. № 12. С. 459).

[9] ... *что именно я писал.* – См. с. 257, 262–263 наст. изд. Отношение И. Аксакова к поручению Русского Географического общества могло быть выражено в недошедших до нас письмах конца 1853 и начала 1854 г. (см.: Письма. Т. III. С. XXIV).

[10] ... *встретил человек 5 или 6 священников, курящих трубки и пьющих водку.* – О том же И.С. Аксаков сообщил и А.И. Кошелеву, добавив, что̀ на купеческих вечерах видел этих священников играющими в карты (см. письмо от 30.1.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 26об.).

[11] ... *чтоб не наделать кому-либо хлопот и неприятностей!* – Отец отвечал: "Что же касается до маленькой неприятности, о которой ты пишешь, то признаюсь, очень забавно, что ты до сих пор не знаешь положения нашей переписки! Вразумись хоть теперь" (письмо от 14.VI.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 46об.).

[12] ... *два знатных англичанина, Гамильтон и Эльсингтон (кажется), взятые на "Тигре".* – 30.IV.1854 г. из-за тумана вблизи Одессы сел на мель английский пароход "Тигр", которым командовал Генри Уэльс Гиффард. Было взято в плен 225 человек. В списке пленных офицеров, напечатанном в "Московских ведомостях" 19 июня, значатся Гамильтон и Эльфингтон-Стон.

[13] *Один из них внук кн⟨язя⟩ Воронцова, сестра которого леди Пемброк.* – За графом Пемброком была замужем дочь русского посла в Англии Воронцова Семена Романовича (1744–1832) Екатерина Семеновна.

[14] *Говорят, что они будут жить в Москве.* – Гамильтон и Эльфингтон-Стон в сопровождении двух английских матросов были отправлены в Рязань. Насколько верным было замечание И.С. Аксакова о том, что с ними "нянчатся как с самыми дорогими гостями" (см. с. 266 наст. изд.), можно убедиться из напечатанного в "Московских ведомостях" письма из Харькова. В нем сообщалось, что черниговский, харьковский и полтавский генерал-губернатор Кокошкин, принимавший англичан, усердно старался им доказать, что сердечность и гостеприимство – врожденные свойства русского народа: в сопровождении чиновника, служащего при губернаторе, пленные осматривали город, посетили университет, вечером были у генерал-губернатора на блестящем обеде, состоящем из английских блюд, на другой день были приглашены в театр. На вопрос губернатора, что они думают о России, англичане ответили, что им все представляется "прекрасным сном" (Моск. ведомости. 1854. 26 июня. С. 874). С.Т. Аксаков также возмущался "кувырканьем" перед англичанами, "гнусными зажигателями и разбойниками", и выражал надежду, что московский генерал-губернатор граф Закревский не будет давать в их честь обеды (см. письмо Ивану от 14.VI.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 47–47об.).

[15] ... *разнесся слух, что русские войска вступили в Галицию.* – Он был вызван известиями о безостановочном движении в Галицию австрийских войск, о чем писали русские газеты (см., к примеру: Моск. ведомости. 1854. 17 июня. С. 829).

157 *13.VI 1854*

[1] ... *операция у бедной Сонички.* – операция на ноге (см. с. 271 наст. изд.).

[2] ... *разве Белебеевский уезд отошел к Самарской губернии?* – В 1851 была учреждена Самарская губерния, составленная из частей смежных с нею губерний Симбирской, Оренбургской и Саратовской. Белебеевский уезд остался в Оренбургской губернии.

[3] *Никого их не было дома, Нины и Машеньки также...* – Самбурских, сестер С.А. Трутовской.

[4] *Линтварева Елизавета Александровна* – сестра К.А. Трутовского.

[5] ... *читал мне одно письмо Макрицкого...* – Правильно: Мокрицкий Аполлон Николаевич (1811–1871) – художник. Учился вместе с Н.В. Гоголем в Нежинской гимназии высших наук. К.А. Трутовский советовал С.Т. Аксакову познакомиться с ним: "Это чудесный человек" (письмо от 6.X.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 13. Ед. хр. 68. Л. 56–56об.).

[6] *Сережа их ...здоровый и крепкий ребенок.* – сын К.А. и С.А. Трутовских.

[7] ... *я решительно ничего из его трудов ученых и литературных не знаю...* – Н.И. Билевич в 1839 г. выпустил сборник "Святочные вечера" (под псевдонимом Николай Кунацкий). Автор работ "Русские писательницы XVIII века" (1848), "Николай Иванович Новиков" (1849).

[8] ... *товарищ Гоголя по лицею...* – Имеется в виду Нежинский лицей или Гимназия высших наук графа А.Г. Кушелева-Безбородко.

[9] ... *преобразованы Бибиковым...* – Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792–1870) – в 1837–1853 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, член Государственного совета, в 1852–1855 гг. министр внутренних дел.

[10] *Не помните ли вы*? – С.Т. Аксаков отвечал, что если Билевич тот самый, которого он знает, то о нем дурная слава – он подозревался в доносе на Ю.И. Венелина (см. письмо от 28.VI.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 52об.).

[11] ... *познакомился я с губернатором ... Зориным.* – Правильно: Зарин Владимир Николаевич, курский гражданский губернатор, действительный статский советник.

[12] *Плахта* – старинная украинская женская одежда, состоящая из куска домотканной шерсти, обернутой вокруг талии; *понева* – шерстяная домотканная юбка.

[13] ... *круглые токи...* – т.е. высокие прямые женские головные уборы без полей (от фр. toque).

[14] *Как жаль Андрея Карамзина*! – Карамзин Андрей Николаевич (1814–1854), сын писателя и историка Н.М. Карамзина, погиб в бою в Валахии. С.Т. Аксаков сообщил Ивану, что Андрей Карамзин совершил военную ошибку, став причиною смерти многих, но искупил вину подвигом: сев на пушку с 80 добровольцами, он сражался, пока не был изрублен (см. письмо от 28.VI.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 52об.).

[15] *Бедная Аврора*! – В 1846 г. Андрей Карамзин женился на вдове егермейстера Павла Николаевича Демидова Авроре Карловне Шернваль (1813–1902).

[16] ... *есть известие о взятии Силистрии.* – См. прим. 3 к письму 155. "Московские ведомости" в это время писали о критическом положении Силистрии, о ходе ее осады в конце мая (1854. 8, 10 июня). Крепость не была взята.

158 *20.VI 1854*

[1] *Трушковского ... увижу у Марьи Ив⟨ановны⟩ Гоголь...* – Трушковский Николай Павлович (1833–1862) – сын старшей сестры Н.В. Гоголя Марии Васильевны (1811–1844). Учился в Казанском университете, затем в Петербургском университете, окончил его кандидатом и вскоре выпустил первое посмертное издание сочинений Гоголя (1855–1856). В письме от 10.VI.⟨1854 г.⟩ С.Т. Аксаков сообщал о приезде к ним Трушковского, направлявшегося к М.И. Гоголь (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 44об.). См. также с. 350 наст. изд.

[2] *На ком же именно хочет жениться Тургенев*? – См. прим. 4 к письму 156. Позже отец сообщил Ивану о полученном от И.С. Тургенева письме, в котором тот писал, что все его надежды на женитьбу "упали в воду", и он утешается охотой (см. письмо от 19.VIII.1854 г. // Там же. Л. 60 об.).

[3] Шеншин Николай Васильевич (ум. в 1858 г.) – флигель-адъютант военного министра, впоследствии член Петербургского комитета по освобождению крестьян. Некролог М.П. Погодина, посвященный Шеншину, см.: Русская беседа. 1858. Кн. 3. Отд. Смесь.

[4] ... *есть возможность перейти в Одессу к Сакену.* – к Д.Е. Остен-Сакену, который во время объявления Крымской кампании находился в Одессе.

[5] ... *Палаузова, которого мы все знаем и который теперь прикомандирован к канцелярии главнокомандующего на Дунай по требованию самого Паскевича.* – Речь идет о Палаузове Спиридоне Николаевиче (1818–1872), историке, публицисте, который во время Крымской войны был адъютантом князя И.Ф. Паскевича, в 1856 г. откомандирован в распоряжение князя М.Д. Горчакова как специалист по турецким и балканским вопросам. Болгарин по происхождению. Аксаковы знали Палаузова по Москве, где он жил во второй половине 40-х – начале 50-х годов.

[6] Матье, Матиас, Гайдуков – известные в России торговцы. Август Матиас, имевший магазин в Москве на Ильинке, торговал отечественными и импортными сукнами, мужской одеждой.

[7] ... *совершенный Содом*! – Зд.: безобразие, разврат. Содом – библейский город, провалившийся в бездну из-за развращенности жителей.

[8] ... *успеть побывать... у Гоголь.* – у М.И. Гоголь.

159 *28.VI 1854*

[1] Публикуется впервые.

[2] ... *он же мне товарищ по правоведению.* – Речь идет об Андрее Николаевиче Попове, майоре, полтавском уездном судье.

[3] ... *доктор и сам Иван Степанович...* – т.е. два доктора, так как Иван Степанович тоже был доктором.

[4] ... *отправляются... к Линтваревым.* – т.е. к сестре К.А. Трутовского Е.А. Линтваревой и ее мужу Ивану Ивановичу.

[5] *Кульнев* – приятель А.И. Самбурского.

[6] ... *известие о войне с Австрией. Еще не вполне верится...* – Австрия не решалась вступить в войну с Россией, занимая, однако, по отношении к ней враждебную позицию. В известие о войне с Австрией не верилось и С.Т. Аксакову, поскольку в это время были распространены упорные слухи о мире (см. прим. 3 к письму 155). Слухи очень раздражали С.Т. Аксакова, писавшего Ивану: "Боже сохрани и помилуй нас от мира, ибо на честный для нас мир западные державы не могут согласиться. Под честным миром я разумею освобождение Греции и всех христиан от ига турецкого. Но я твердо верю, что государь никакого другого мира не заключит" (письмо от 14.VI.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 48). В другом письме отца, немного позже написанном, читаем: "Слухи о мире были так сильны, что мы пришли было в отчаяние; но пишут, что на большом совете почти один государь остался тверд и что мы будем в войне со всеми" (письмо от 28.VI.1854 г. // Там же. Л. 52об.–53).

160 *4.VII 1854*

[1] ... *уехал ... с Анной Вас⟨ильевной⟩...* – Гоголь Анна Васильевна (1821–1893) – сестра писателя.

[2] ... *не было ни одной настоящей украинской ночи... вроде воспетых Пушкиным...* – См. Песнь вторую поэмы "Полтава".

[3] ... *в обществе ..Лизав⟨еты⟩ Васильевны...* – Гоголь Елизавета Васильевна (1823–1864), в замужестве Быкова – сестра Н.В. Гоголя.

[4] *Кулиш еще не был у них...* – О П.А. Кулише см. прим. 13 к письму 155. В письме от 18.XII.⟨1853 г.⟩ С.Т. Аксаков сообщил Ивану о получении книги "Опыт биографии Гоголя" Кулиша, в которой есть превосходные места, несмотря на непоследовательность труда. С.Т. Аксаков написал целую тетрадь замечаний и дополнений (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 3об.). Известно, что Кулиш благодарил за замечания (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 17.1.1854 г. // Там же. Л. 8), в начале 1854 г. он посетил Аксаковых и всем очень понравился (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 2.II.1854. г. // Там же. Л. 16). Письма Кулиша И.С. Аксакову см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 313.

[5] ... *толкует о Владимире...* – Владимире Ивановиче Быкове (ум. в 1862 г.), офицере, муже Е.В. Гоголь.

[6] ... *рукопись черновая одной главы из романа "Остраница"...* – Имеется в виду неоконченный исторический роан "Гетьман" (1831).

[7] ... *наши войска... спешат к австрийским границам.* – См. прим. 3 к письму 155. С.Т. Аксаков писал Ивану: "Все движение наших войск – совершенная загадка. Я устал принимать живое участие и стараюсь по возможности забывать наше положение" (письмо от 2.VIII.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 57–57об.); "быстрое очищение Дунайских княжеств повергло в совершенное уныние всю Россию, особенно Дунайскую армию, которая давно горит желанием порадовать свою землю блистательными победами. Говорят, что надо было усилие, чтоб заставить армию уступать перед наступающими австрийцами, которые занимают княжества. Несчастная мысль, что Россия может положиться на содействие Австрии, заставляет приносить нас такие великие жертвы, оскорбительные для народной чести нашей" (письмо от 9.VII.1854 г. // Там же. Л. 58–58об.). К.С. Аксаков считал, что русские сделали ошибку, когда, перейдя Дунай, не устремились к Варне или Софии (письмо Д.А. Оболенскому от 21.VI.⟨1854 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 5. Л. 13).

[8] *Паскевич проехал недавно в Гомель...* – Паскевич-Эриванский И.Ф. был контужен около Силистрии. Под этим предлогом, сдав командование армией М.Д. Горчакову, он 27.V.1854 г. оставил фронт, выехав сначала в Яссы, а затем в свое имение для поправки здоровья.

[9] *Победы князей Эристова и Андронникова одни немного освежили и ободрили смущенный дух.* – 27.V.1854 г. отряд подполковника Эристова разбил авангардный корпус Селим-паши, вторгшийся в Гурию. В "Московских ведомостях" описаны подробности этой победы (1854. 19 июня). 4.VI.1854 г. у р. Чолок гурийский отряд, возглавляемый князем Андрониковым, вновь одержал победу над Селим-пашой. Известие о ней см.: Моск. ведомости. 1854. 24 июня. Эристов Николай Дмитриевич (1821–1856) – князь, за участие в битве у р. Чолок получил чин полковника. Андроников Иван Малхазеевич (1798–1868 или 1869) – генерал от кавалерии, командующий русскими войсками в Гурии, в 1849–1856 гг. тифлисский военный губернатор.

[10] *... турки владели Озургетом...* – ныне г. Махарадзе в Грузии.

[11] *Кокошкин Сергей Александрович* – черниговский, харьковский и полтавский губернатор, генерал-адъютант, генерал-лейтенант.

[12] *... душу обхватывает чувство безнадежности!* – С.Т. Аксаков отвечал: "Все, что ты пишешь о безнадежности, – я вполне разделяю, да ты, вероятно, помнишь, что я и всегда так думал. Каждый день представляет какой-нибудь новый факт, служащий неопровержимым доказательством справедливости этого мнения; и лучше об этом не говорить" (письмо от 22.VII.1854 г. // Письма. Т. III. С. 39).

[13] *Поздравляю вас с 11-м июля...* – именинами матери и сестры Ольги.

161 *16.VII.1854*

[1] *... жены, урожденной Кочубей... – Кочубей* Екатерина Васильевна (1826–1897) – дочь тайного советника Кочубея Василия Васильевича (1784–1844).

[2] *Семейство его состоит из ... сестры – замужем за граф⟨ом⟩ Комаровским Павлом...* – Мария Павловна Галаган была замужем за Павлом Евграфовичем Комаровским.

[3] *... нашел ... художника Жемчужникова, сына сенатора, брата нашего прововеда.* – Речь идет о Жемчужникове Льве Михайловиче (1828–1912), сыне Жемчужникова Михаила Николаевича (1788–1865), действительного тайного советника, сенатора. Л.М. Жемчужников – брат Алексея Михайловича Жемчужникова, выпускника Училища правоведения (1841). Л.М. Жемчужников оставил описание приезда И.С. Аксакова в Сокиренцы и своей встречи с ним (см.: *Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 160).

[4] *... герцог Девоншир...* – Зд.: сибарит. Возможно, имелся в виду Девоншир Вильям (1790–1858), богатство которого стало нарицательным. В 1826 г. он специально приезжал из Англии в Москву на коронацию Николая I.

[5] *Дом огромный, настоящий замок...* – С.Т. Аксаков, получив описание великолепной усадьбы Г.П. Галагана, отвечал, что не желал бы иметь такую, поскольку это слишком величественно и роскошно для него (см. письмо от 2.VIII 1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 56об.).

[6] *У них есть ребенок...* – единственный сын Павел, умерший в 1869 г. в возрасте 16 лет. В память о нем Г.П. Галаган в 1871 г. открыл в Киеве Коллегию (среднее учебное заведение) Павла Галагана и в том же году в Сокиренцах – ссудно-сберегательное товарищество его имени.

[7] *... люди, черезчур мягкие и набожные, направления Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩ Киреевского...* – И.В. Киреевский, имение которого располагалось неподалеку от Оптиной пустыни, подолгу жил там, был дружен со старцем Макарием. И.С. Аксаков считал религиозность И.В. Киреевского чрезмерной: "Мне вообще кажется, что Кир⟨еевский⟩ слишком много поддается авторитету св⟨ятых⟩ отцов..." (письмо А.И. Кошелеву от 2.IV.1852 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 2об.).

[8] *... посетил хату одного слепого бандуриста...* – Л.М. Жемчужников вспоминал об И.С. Аксакове: "Он, как любитель народа и интересующийся им, с интересом слушал пение моего любимца – кобзаря Остапа" (*Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. С. 160). Речь идет о бандуристе Остапе Вересае, который впоследствии стал известным: в 1875 г. его пригласили в Петербург, где он выступил в отделении этнографии Русского Географического общества, в зале Благородного собрания (см.: *Миллер О.Ф.* Малорусские народные думы и кобзарь Остап Вересай // Древняя и новая Россия. 1875. № 4).

[9] *... имена Наливайки и других ему непонятны...* – Отсутствие в думах Остапа Вересая многих выдающихся исторических личностей, в частности, Наливайко, было отмечено и О.Ф. Миллером (см.: Там же, С. 352). Наливайко, Северин (ум. в 1597 г.) – предводитель крестьянско-казацкого восстания 1594–1596 гг. на Украине, герой народных песен.

[10] *... рисовал его портрет...* – известный портрет Л.М. Жемчужникова "Остап Вересай".

162 *23.VII.1854*

[1] *Последние слухи говорят, что с Австрией и Пруссией заключен союз...* – "Московские ведомости" в это время обнародовали напечатанный одной венской газетой текст договора об оборонительном союзе между Австрией и Пруссией и о конвенции между Австрией и Турцией о занятии австрийскими войсками Дунайских княжеств в случае необходимости (1854. 13 июля).

[2] Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), князь – генерал-адъютант, адмирал, главно-

командующий русскими войсками во время Крымской войны. На этом посту показал себя неумелым, безынициативным руководителем, допустившим целый ряд военных ошибок. В начале 1855 г. смещен с должности.

[3] *Рассказывают ... о победе, одержанной Бебутовым под Карсом.* – Речь идет, очевидно, об очередном сражении корпуса Бебутова с турками, ибо блистательная победа Бебутова была впереди: 24.VII.1854 г. в бою при селении Кюрук-Дара 18-тысячный корпус Бебутова одержал победу над 60-тысячной турецкой армией, стоявшей в Карсе. Донесение Бебутова о сражении было напечатано в "Московских ведомостях" (1854. 12 авг.). За эту победу был награжден орденом Андрея Первозванного. Бебутов Василий Осипович (1791–1858), князь – генерал-лейтенант, командир корпуса. Впоследствии временно управлял Кавказским краем, с 1858 г. член Государственного совета.

[4] *Здесь ... Лемерсье...* – московский торговец, владелец магазина на Тверской, в котором продавались товары для мужчин.

[5] *Я только что воротился от Бодянского...* – О пребывании у Бодянского см.: "Отрывок из дневника" (Письма. Т. III. Прилож. С. 96). Двоюродный брат О.М. Бодянского (Там же. С. 92).

[6] *... замечания, сделанные Главным Управлением цензуры на стихи Константина к Одессе.* – См. прим. 2 к письму 155. В письме от 12.VII.⟨1854 г.⟩ С.Т. Аксаков известил Ивана о вызове Константина в Главное управление цензуры, куда А.Ф. Гильфердинг отдал его стихотворение, уже напечатанное в "Московских ведомостях". Цензору Н. Пекеру показалось, что по-русски неправильно звучат строки:

Воскресни, Боже,
Воскресни и суди земли,

и он поправил так: "Воскресни Бог на суд земли". С.Т. Аксаков смеялся над тем, что поправки делает лютеранин, не знающий священных слов, которые поют во время обедни (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 54–54об.).

[7] *... в том числе и мои "На Дунай!"* – См. с. 253–254 наст. изд.

[8] *... не понимаю, отчего рассказ о кликушах был Вам так неприятен.* – О них см. на с. 274–276 наст. изд.

163 *31.VII 1854*

[1] Под этим именем подразумеваются три персидских царя, объединенные исторической легендой в одно лицо: Артаксеркс I (465–424), Артаксеркс II (405–359), Артаксеркс III (359–338).

[2] *... Гоголь писал к старшей сестре...* – Гоголь Марии Васильевне (1811–1844), в замужестве Трушковской.

[3] *... из Ольшанки.* – Там жили Линтваревы.

[4] *... в Яковлевку...* – в Курской губернии, где жили Трутовские после женитьбы.

[5] *... художником Соколовым...* – Соколовым Петром Петровичем (1821–1899).

[6] *Гучков Ефим* – лицо неустановленное.

164 *6.VIII 1854*

[1] *... Шамиль ворвался в Кахетию...* – Шамиль (1799–1871) – в 1834–1859 гг. руководитель кавказских горцев в борьбе с русским царизмом.

[2] *... недавно вышедшего сборника малороссийских песен, изданного Метлинским в Киеве...* – "Народные южнорусские песни". (Киев, 1854). Метлинский Амвросий Лукьянович (1814–1870) – собиратель украинских народных песен, экстраординарный (1850), затем ординарный (1853) профессор кафедры русской словесности университета святого Владимира в Киеве. С 1854 г. ординарный профессор Харьковского университета.

[3] *Я с грустью подумал о собрании песен Киреевского...* – Имеется в виду П.В. Киреевский. Человек медлительный, он успел опубликовать незначительную часть своего обширного собрания русских народных песен. В некрологе П.В. Киреевскому было сказано, что это собрание помешала издать излишняя строгость и требовательность покойного к самому себе (см.: РБ. 1856. Кн. 4. Отд. Жизнеописания. С. 1). И.С. Аксаков считал, что П.В. Киреевский "в долгу перед Богом и Россией, – и очень бы желал, чтобы удар, разразившийся над ним (смерть И.В. Киреевского. – *Т.П.*), не только

не разбил его, но, напомнив человеку о смысле и обязанностях жизни, заставил его жить, т.е. делать дело жизни" (письмо Е.И. Елагиной от 16.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 278).

4 ... *И матуся ихать повелила...* – "Присланные тобой песни очень хороши", – писал отец (письмо от 19.VIII.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 61).

165 *14.VIII.1854*

1 ... *боюсь раздражения глаз Ваших от солнца и от ветра...* – Чтобы предохранить глаза, С.Т. Аксаков носил зеленый козырек.

2 ... *пыль страшная... по особенному свойству харьковской почвы...* – Харьков окружают со всех сторон пески, и ветры-суховеи поднимают пыль.

3 ... *в труде моем будет несколько свежих мыслей и взглядов, кой-какие интересные подробности...* – За "Исследование об украинских ярмарках" И.С. Аксаков в 1857 г. был награжден Русским Географическим обществом Константиновской медалью; изданный обществом в 1858 г. труд был отмечен Демидовской премией Академии наук.

4 ... *торопиться очень представлением отчета не намерен.* – Отчет был подготовлен в 1857 г.

5 ... *"Судебные сцены" ... были написаны и два раза переписаны меньше, чем в две недели...* – По свидетельству А.О. Смирновой, "Присутственный день в уголовной палате" И.С. Аксаков читал перед отъездом из Калуги в 1847 г.: "Тут представлен Александр Иванович Яковлев (председатель калужской уголовной палаты. – *Т.П.*) среди забот о пряжках, белилах и наряде актрис нашего губернского театра" (*Смирнова А.О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 254).

6 ... *назначен вице-губернатором мой товарищ, одного со мною выпуска, граф Сиверс.* – *Сиверс* Александр Карлович – коллежский советник, камер-юнкер. Выпускник Училища правоведения 1842 г.

7 ... *другой мой товарищ, одного же выпуска, Ралль...* – *Ралль* Александр Федорович. Выпускник Училища правоведения 1842 г.

8 ... *скоро прочтем в газетах о назначении графа Стенбока губернатором в Саратов: Кожевников уже уволен от должности...* – Назначение Стенбока не состоялось (см. с. 308 наст. изд.). *Кажевников* (а не Кожевников) Матвей Львович – саратовский гражданский губернатор, действительный статский советник.

9 ... *назначен именно туда как человек, "хорошо знакомый с расколом"...* – Граф Стенбок возглавлял комиссию по борьбе с расколом в Ярославской губернии в 1850–1851 гг.

10 ... *Горчаков перешел через Прут, и турки вступили в Бухарест...* – После отвода русских войск Молдавия и Валахия были заняты турецкими, а затем австрийскими войсками. *Горчаков* Михаил Дмитриевич (1793–1861), князь – генерал от артиллерии, командующий войсками на Дунае в 1854 г.

11 ... *войска стягиваются к Севастополю.* – главному стратегическому пункту в Крыму.

12 *Бедная княгиня Чавчавадзе и бедная княгиня Орбелиани!* – Речь идет о вторжении лезгин в Кахетию и похищении из Цинандали семейства покойного князя Ильи Орбелиани и князя Давида Александровича Чавчавадзе. В плену оказались Варвара Ильинична Орбелиани и Анна Ильинична Чавчавадзе. Через восемь месяцев пленники были обменены на сына Шамиля, находившегося у русских. См. также прим. 17, 18 к письму 195.

166 *21.VIII.1854*

1 ... *толкованию указа.* – т.е. царского манифеста о морском ополчении.

2 ... *кому-нибудь из нас двоих...* – Ивану или Константину.

3 *Теперь ни Куроедов, ни Степан Михайлович не навели бы страха на крестьян.* – Речь идет о симбирском дворянине Куроедове и Степане Михайловиче Аксакове, деде С.Т. Аксакова, которые послужили прототипами героев "Семейной хроники" – Степана Михайловича Багрова и Михаила Максимовича Куролесова, типичных крепостников. Отец отвечал 1.IX.1854 г.: "Ты очень справедливо говоришь, что пора обратить внимание на отношения наши к крестьянам, но, во-первых, это надо делать не теперь, а в спокойное время и, во-вторых: это надо делать помещику, живущему в деревне, под личным своим надзором, а не заочно. Я точно убеждаюсь, что Шабаев (староста в Вишенках. – *Т.П.*) не умеет сладиться с крестьянами и ехать в Вишенки кому-нибудь из нас – необходимо. Если буду в силах – поеду сам" (Письма. Т. III. С. 59).

[4] *... лет 5 тому назад, когда у нас последовала такая решительная перемена в тарифе...* – Имеется в виду новый тариф 1850 г., согласно которому таможенные пошлины были уменьшены.

[5] *... лавки Прохорова, известнейшего ситцевого фабриканта в России.* – Известный торговый дом "Братья И., К. и Я. Прохоровы" существовал с 1843 г.

[6] *Константин когда-то был у него на фабрике с Мейендорфом.* – Мейендорф Александр Казимирович (1798–1865), барон – писатель, с 1829 г. в департаменте мануфактуры и внутренней торговли, с 1842 г. председатель московского отдела Российского мануфактурного и коммерческого совета министерства финансов.

[7] *... не значит, чтоб я совершенно отвергал так называемую запретительную систему...* – И в будущем, в период издания "Москвы" (1867–1868) И. Аксаков будет сторонником протекционизма.

[8] *Деспотический поступок Кокошкина...* – перевод Ромненской ярмарки в Полтаву.

[9] *...он женится, одни говорят – на какой-то Тургеневой же, другие – на граф⟨ине⟩ Велиегорской.* – См. прим. 4 к письму 156.

[10] *...служившая прототипом Гоголевой Улиньке...* – героине II тома ''Мертвых душ'' Н.В. Гоголя.

[11] *...разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив⟨ана⟩ Панаева и компании.* – Для И.С. Аксакова и его семьи ''Современник'', перешедший от П.А. Плетнева в руки И.И. Панаева, был воплощением ''петербургской'' журналистики, западничества, к которым они относились неприязненно.

[12] *Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩ Янииша я знаю...* – См. с. 460 наст. изд.

[13] *Данилевский собирается писать повесть из быта чумаков...* – Неясно, какую именно. Возможно, речь идет о рассказе. Рассказы на темы украинского быта были собраны Г.П. Данилевским в книгу ''Слобожане'' (СПб., 1854). В рассказе ''Маляр'' из этой книги действуют чумаки.

[14] *Что касается до высадки англо-французов в Крым, то об этом еще нет никаких слухов.* – Высадка произошла 1.IX.1854 г. под Евпаторией.

[15] ''*Времена*'' – одна из старейших и влиятельнейших английских буржуазных газет, основанная в 1788 г.

[16] *Жду ... почты, чтобы узнать ... об Аландских островах.* – Группа островов в Балтийском море около Ботнического залива. Французы высадились на Аландских островах 27.VII.1854 г., осадили укрепления с суши и с моря и взяли их в августе 1854 г.

167 *27.VIII.1854*

[1] *...известие о взятии Бомарзунда...* – важнейшего пункта Аландских островов, на котором были построены укрепленные казармы.

[2] *...отдача этих островов Швеции или Дании или другому кому.* – В Париже 18.III.1856 г. была подписана конвенция, по которой Россия обещала не укреплять Аландские острова и не возводить на них никаких военных или морских укреплений (см.: Собрание донесений... С. 549).

[3] *...об условиях, на которых единственно может быть заключен мир с Россией...* – С.Т. Аксаков писал Ивану: ''Ты, вероятно, уже знаешь из газет, что я не ошибся в моем ожидании и что государь не согласился ни на одно из мирных условий. Итак, война и война надолго! Слава Богу'' (письмо от 9.IX.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 67об.).

[4] *Эти две статьи гнусны в высшей степени...* – Первая статья опубликована в ''Северной пчеле'' 7 августа 1854 г., вторая – 14 августа.

[5] *Биография Гоголя, написанная нашим знакомым, действительно заключает в себе многие неловкие места, на которые удобно нападать недоброжелательному человеку.* – Речь идет о работе П.А. Кулиша ''Опыт биографии Н.В. Гоголя'' (СПб., 1854), журнальный вариант которой печатался в ''Современнике'' в 1854 г.

[6] *...примутся наводить справки о выброшенном соре...* – С.Т. Аксаков отвечал, что разделяет мнение Ивана об ''Опыте биографии Н.В. Гоголя'' и о самом биографе, т.е. о П.А. Кулише, что он старался предохранить Кулиша от многих неловкостей, но это удалось не везде (см. письмо от 9.IX.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 68об.).

168 *7.IX 1854*

[1] *Поздравляю милую Надичку с днем ее рождения...* – 14 сентября.

[2] *...поздравляю... и всех именинниц 17 сентября...* – Веру, Надежду, Любовь и Софью Аксаковых.

[3] *Софья, верно, осталась в Петерб⟨урге⟩ у Марьи Алексеевны.* – У своей матери в Ботове около Петербурга (см. с. 308 наст. изд.).

[4] *...попал в Ахтырку* (105 *в ⟨ерст⟩ от Харькова*) ... – Уездный город Харьковской губернии.

[5] Кузьма Иванович – священник соседнего с Абрамцевом с. Ахтырка.

[6] *...икона эта в городе, в соборе...* – Имеется в виду икона Ахтырской Божьей матери, находившаяся в соборе, построенном в 1753 г. по проекту В.В. Растрелли.

[7] *...в Ахтырском монастыре... опоясанном рекою Ворсклою.* – Имеется в виду Свято-Троицкий монастырь на берегу р. Ворсклы.

[8] *...на свидание к сестре, Ждановой, вице-губернаторше самарской.* – Самарским вице-губернатором был статский советник Михаил Павлович Жданов.

[9] *...отправился к Карташевскому...* – В.Г. Карташевскому.

[10] *...к Скалону...* – черниговскому вице-губернатору (см. прим. 11 к письму 37).

[11] *Гессе Павел Иванович* – военный и гражданский губернатор Чернигова, генерал-майор.

[12] *...приехавший с тестем своим...* – В.Г. Карташевский женился. О его жене В.Я. Карташевской см. на с. 260 наст. изд.

[13] *...знают наизусть стихи ''Орел Византии''...* – Речь идет или о стихотворении А.С. Хомякова ''Орел'' (1832) или о стихотворении К.С. Аксакова ''Орел России'' (1854), в котором есть такие строки:

...И орел из Византии
Опустился на Москву.

[14] *...был в Чернигове Томашевский.* – вероятно, А.Ф. Томашевский.

[15] *...в нашу лесистую и вечно сырую сторону.* – т.е. в Абрамцево.

[16] *...до взятия Аландских островов.* – до августа 1854 г.

[17] *...гвардия двинулась в поход снова, к Варшаве.* – Опасаясь войны с Австрией, И.Ф. Паскевич увеличил количество войск в Царстве Польском.

169 *15.IX 1854*

[1] Н.К. Калайдович (1820–1854) умер молодым, в возрасте 34 лет.

[2] *...что намерен он с собой делать.* – По возвращении из-за границы Г.С. Аксаков стал самарским вице-губернатором.

[3] *Носится слух о высадке англо-французов в Крым...* – 1.IX.1854 г. у Евпатории появился англо-французский флот, высадка неприятельских войск произошла между Евпаторией и Каптугаем.

[4] *Стенбока не сделали губернатором...* – См. с. 297 наст. изд.

[5] *Шабаеву же как их же брату трудно с ними ладить...* – 1.IX.1854 г. С.Т. Аксаков написал сыну, что староста в Вишенках Федор Шабаев конфликтует с крестьянами и надо кому-то из Аксаковых ехать туда, ''но вы с Константином оба не годитесь; ты опаснее даже Константина, что и доказывается твоими словами, что Степ⟨ан⟩Мих⟨айлович⟩ теперь бы не годился'' (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 65). Высказывание И.С. Аксакова о Степане Михайловиче см. на с. 299 наст. изд.

[6] *...принялись работать для Кулиша.* – Об этом отец писал Ивану в письме от 26.VIII.1854 г. (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 63 об.). С.Т. Аксаков написал для Кулиша ''Краткие сведения и выписки из писем для биографии Гоголя'', которые тот использовал в ''Записках о жизни Н.В. Гоголя'' (СПб., 1856). В декабре 1854 г. он направил Кулиша с его ''Опытом биографии Н.В. Гоголя'' к А.О. Смирновой в Петербург, чтобы она сделала замечания к биографии, но из этой затеи ничего не вышло, так как Кулишу пришлось пробиваться к ней ''сквозь толпу франтов, графинь и всяких очень сведущих в политике людей...''. Чтобы прочесть Смирновой повесть о жизни Гоголя, ''надобно было бы ездить к ней ежедневно шесть месяцев'', – жаловался он С.Т. Аксакову (письмо от 18.XII.1854 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. II. Ед.хр. 38. Л. 6 об.). 1854 год был не

только временем работы С.Т. Аксакова для Кулиша, но и его собственной интенсивной работы над ''Историей моего знакомства с Гоголем''.

[7] *Там есть целая статья о Вас... ждут издания Ваших ''Воспоминаний''.* – В ''Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики'' И.И. Панаев восторгался простотой изложения, глубоко поэтическим чувством природы у автора ''Записок об уженье'', а также ''Отрывком из воспоминаний'' (''Москвитянин, № 10–11), в котором рассказывалось о знакомых автору актерах. И.И. Панаев писал, что читатели с нетерпением будут ожидать новых публикаций (см.: Современник. 1854. Т. XLVI. № 7–8).

[8] *У Вас есть еще ненапечатанная статья о Державине.* – См. прим. 6 к письму 133.

[9] *Очипки* – волосник, чепец. О *плахте* см. прим. 12 к письму 157.

[10] *...раскол ... поповщинского толка ...* – См. прим. 4 к письму 5.

[11] *...единоверческие церкви...* – См. прим. 8 к письму 7.

[12] *Декатировать* – обрабатывать ткань паром в целях ее уплотнения.

[13] *Поздравляю Вас... со днем Вашего рожденья.* – 20 сентября.

170 *⟨21.IX 1854⟩*

[1] Дата в письме отсутствует, поставлена издателями XIX в. на основании того, что письмо написано во вторник, а предыдущее – в среду 15 сентября.

[2] *...приехали ли наши путешественники к вам в Абрамцево.* – т.е. Г.С. Аксаков и его семья, ездившие за границу.

[3] *...высадка англо-французов в Крым.* – См. прим. 3 к письму 169.

[4] *...Меншиков двинул им войска навстречу...* – Это неверно: никаких мер для отражения десанта принято не было. В своих донесениях царю А.С. Меншиков сообщал, что при высадке англо-французских войск он не решился атаковать их на плоском берегу, обстреливаемом с флота, и занял позицию на р. Альме (Собрание донесений... С. 201).

[5] *...Хомутов... двинулся на помощь к Севастополю...* – Подкрепление под командованием генерала от кавалерии Михаила Григорьевича Хомутова шло из Керчи.

[6] *...должно было произойти сражение...* – Сражение на р. Альме 8.IX.1854 г. окончилось поражением русских войск, которые были отведены за р. Качу, а затем к Севастополю.

[7] *...осудил мою нетычанку...* – О покупке нетычанки см. на с. 263 наст. изд.

[8] *...местечко Вормеж, упоминаемое в романе Кулиша (''Чернышенко'')...* – ''Михайло Чарнышенко или Малороссия восемьдесят лет назад'' (1842). Издан в 1843 г. в Киеве.

[9] *...Софью, если она у вас, обнимаю.* – С.А. Аксакову.

171 *29.IX 1854*

[1] *...они удивляются, что Меншиков дал им совершить этот обход в виду русской армии...* – Французы вышли к северным укреплениям Севастопольской бухты, затем, избежав боя с подошедшими русскими войсками, перешли на южную сторону, соединившись с англичанами, высадившимися в Балаклаве.

[2] *...в Балаклаве они лишены... деятельного содействия их флота: Лидерс и Хомутов, верно, уже подошли.* – В это время англо-французские войска были расположены между Черной речкой, Балаклавой и Херсонесским маяком. В начале октября они приступили к осаде Севастополя. *Лидерс* Александр Николаевич (1790–1874) – генерал-адъютант, в 1848 г. командующий русскими войсками в дунайских княжествах, в 1849 г. – русскими войсками в Венгрии, в 1854–1855 гг. командующий Южной армией и морской частью в Николаеве. О Хомутове см. прим. 5 к письму 170.

[3] *...печатается теперь проект железной дороги от Москвы до Одессы...* – Не располагая собственными средствами для строительства железной дороги, русское правительство рассчитывало на иностранные компании, однако обременительные условия, ими диктуемые, задержали строительство.

[4] *Сюда ожидают великих князей Михаила и Николая...* – сыновей Николая I.

[5] *...французское правительство ассигновало генералу Бодиско с семейством 12 франков в день.* – См. прим. 16 к письму 166. Комендант на Аландских островах генерал-майор Бодиско с женою был взят в плен и отправлен во Францию 6.VIII.1854 г.

[6] *...при первой схватке на реке Альме...* – Она произошла 8.IX.1854 г.

[7] *Скучненько будет зимовать Грише в Языкове...* – в имении жены Г.С. Аксакова.

[8] *Буоль* (Шауенштейн Карл Фердинанд), 1797–1865, граф – австрийский посол в России в 1848–1850 гг.

[9] *...интересно прочесть Вашу статью о Гоголе... и все вычеркнутые Вами страницы.* – Неизвестно, идет ли речь об "Истории моего знакомства с Гоголем" или о "Кратких сведениях и выписках из писем для биографий Гоголя", сделанных С.Т. Аксаковым к "Опыту биографии Н.В. Гоголя" П.А. Кулиша. Но маловероятно, чтобы С.Т. Аксаков мог вычеркивать страницы из чужого труда.

[10] *...Константин согласился участвовать в "Москвитянине".* – Хотя К.С. Аксаков считал, что «"Москвитянин" погодинский никогда не может быть достойным органом нашего направления» (письмо Д.А. Оболенскому без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 5. Л. 6), славянофилы вынуждены были в нем печататься за неимением собственного журнала. Надо заметить, что участие К.С. Аксакова в "Москвитянине" в эти годы было затруднено обязательством представлять свои сочинения в Главное управление по делам цензуры, что было следствием запрещения II тома "Московского сборника" в 1852 г. (официально запрещен в 1353г.).

[11] *... я сам уважаю его поступок.* – Речь идет о статье М.П. Погодина "Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения", которую С.Т. Аксаков прочел, по всей вероятности, в "Московских ведомостях" (1854. 14 авг.) и которую рекомендовал прочесть Ивану: "Я уважаю этот поступок. Статья эта была тогда напечатана, когда все были уверены, что заключается мир" (письмо от 9.IX.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 69 об.) В статье, написанной по случаю бомбардирования Соловецкого монастыря англичанами в июле 1854 г., говорилось о Божьей помощи монахам, поскольку в монастыре не было ни одного убитого или раненого. Статья кончалась призывом постоять за святую веру и несчастных братьев.

[12] *...письмо от Унковского...* – от Ф.С. Унковского.

[13] *...один брат... в Крыму...* – Сергей Семенович Унковский. См. с. 359 наст. изд.

[14] *...другой – в Варшаве...* – Михаил Семенович или Яков Семенович Унковский.

[15] *...третий – в устье Амура, командует "Палладой".* – Унковский Иван Семенович (1822–1886) – командир фрегата "Паллада", совершившего кругосветное плавание (1852–1855). Участник путешествия И.А. Гончаров во "Фрегате Палладе" писал об Унковском (под инициалами "И.С.У."). Впоследствии ярославский губернатор, сенатор.

[16] *...соединился там с Муравьевым (сибирским генерал-губернатором)...* – с Н.Н. Муравьевым.

[17] *Оболенские живут прекрасно...* – вероятно, А.В. Оболенский с женой.

[18] *Ну, развязались вы, наконец, с Вырубовой!* – Речь идет о долге Марии Григорьевны Вырубовой Аксаковым.

[19] *...наши в этот день были в Ахтырке.* – В соседнем с Абрамцевым селе, где была церковь.

[20] *Мне участвовать в "Москвитянине" покуда нечем: все неудобно для печати.* – "Жизнь чиновника" и судебные сцены "Присутственный день в уголовной палате" ходили в списках; некоторые произведения И.С. Аксакова, включенные им в состав II тома "Московского сборника" 1852 г., были запрещены к печатанию.

[21] *...ведь не пропустят.* – Судебные сцены "Присутственный день в уголовной палате" были напечаты впервые в "Полярной звезде" (1858. Кн. IV) А.И. Герцена и Н.П. Огарева, в России – в журнале "Заря" (1871. № 4).

[22] *Поздравляю Машеньку со днем ее рожденья...* – дочь Г.С. и С.А. Аксаковых.

172 *4.X 1854*

[1] *...не пишете ни слова о здоровье Софьи, ни о Машеньке...* – Речь идет о С.А. и М.Г. Аксаковых.

[2] *...что она, как выглядит...* – Отец отвечал, что Гришина Машурка глазами похожа на мать, не имеет никакого сходства с Олей (см. письмо от 18.X.⟨1854 г.⟩// ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 79об.).

[3] *...выходит, что по оплошности!* – См. прим. 1 к письму 171. А.М. Княжевич писал С.Т. Аксакову 19.III.1856 г.: "Конечно, если бы в 1854-м году вместо Меншикова взяли Ермолова, не те бы последствия имела война. Но к несчастным событиям последнего царствования относится в особенности совершенное неуменье выбирать людей и упрямство держать их вопреки общественного мнения" (письмо от 19.III.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 69. Л. 23 об.).

[4] ...(*это не бомбардирование Одессы*!)... – Бомбардировка Одессы неприятелем 10.IV.1854 г. была успешно отражена.

[5] ...*это был очень хитрый, хотя рискованный план*. – Неверно: отвод армии к Бахчисараю, поставивший в опасное положение Севастополь, был просчетом А.С. Меншикова.

[6] *Нахимов* Павел Степанович (1802–1855) – адмирал, руководивший обороной Севастополя в 1854–1855 гг.; *Корнилов* Владимир Алексеевич (1806–1854) – вице-адмирал, руководивший подготовкой обороны Севастополя с суши.

[7] ...*письмо Гриши из Москвы*... – Ответ И.С. Аксакова на письмо брата см. на с. 321–323 наст. изд.

[8] *Благодарю всех за поздравление*... – с днем рождения 26 сентября и именинами.

[9] Кант Иммануил (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии; Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814) – представитель немецкого классического идеализма.

173 *5.X 1854*

[1] Публикуется впервые. Подлинник – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. Ед. хр. 15. Л. 10–11 об.

[2] *Ты слышал изложение дела, как оно понимается в Абрамцеве*... – Семья Аксаковых была встревожена намерением Ивана отправиться в кругосветное путешествие на ''Диане'', недовольство, вспыхнувшее с обеих сторон, привело к семейной неурядице. Следы этого разлада сохранились в дневнике В.С. Аксаковой. Узнав о предстоящем приезде Ивана, она написала 16.XI.1854 г.: ''Какое-то будет свидание? Дай Бог, чтоб по крайней мере обошлось без волнений, и наша семейная мирная жизнь не была бы нарушена'' (Дневник. С. 5). В это время ходили слухи о заключении мира с Австрией, и Вера была рада тому, что свидание произошло ''среди такой суеты и волнения посторонними предметами. Дай Бог, чтоб все было хорошо'' (Там же. С. 7). Волнение возросло, когда Иван появился в доме: ''Константин с Иваном постоянно разговаривают. Константин так добр, что, кажется, все забыл; но как бы из этого не вышло вредного недоразумения, которое кончится все-таки неприятностями''. ''За завтраком мы опять было схватились, но я замечаю, что он (Иван. – *Т.П.*) не позволяет себе пускаться в споры'' (Там же. С. 8, 9). По причине возникшего разлада для написания отчета об украинских ярмарках Иван переехал в Троице-Сергиевский посад. ''Лучше этого он не мог придумать ни для себя, ни для нас'', – считала Вера (Там же. С. 22). Записав в дневнике 2.I.1855 г. об отъезде Ивана из Абрамцева в Москву после встречи Нового года, она заметила: ''И для него, и для нас лучше быть врозь'' (Там же. С. 29). Не желая посвящать общительную А.О. Смирнову в суть дела, И.С. Аксаков в письме к ней свой отъезд из Абрамцева в Троицу объяснял необходимостью уединения для сосредоточенной работы: ''Чтобы успешнее работать и не развлекаться, я переехал к Троице и живу здесь один на квартире: в Абрамцево очень часто ездят гости, да и наша большая семья стóит шумного общества'' (письмо от 14.XII.1854 // РА. 1895. № 12. С. 462).

[3] *Обнимаю... детей твоих*. – Ольгу и Марию.

174 *12.X 1854*

[1] ...*неприятели... вступили на русскую землю 1-го сентября*... – Речь о высадке в районе Евпатории.

[2] ...*в день вступления французов в Москву*... – 1.IX.1812 г. на военном совете в Филях М.И. Кутузов решился оставить Москву.

[3] ...*вчера было 11-ое, день изгнания французов*... – Тарутинский маневр М.И. Кутузова вынудил французов покинуть Москву: в сентябре 1812 г. около с. Тарутина Калужской губернии расположилась русская армия, отступавшая от Москвы. В течение двух недель к ней подошло подкрепление, и Кутузов решился атаковать авангард Мюрата, удаленный от главных сил на 60 верст. Французы начали отступление.

[4] *Пиджак и хлыстик, которыми прославилось его посольство*... – В феврале 1853 г. князь Меншиков был послан чрезвычайным послом в Константинополь. Он высказал желание встретиться с верховным визирем в частной обстановке. Не поняв намерения Меншикова, визирь принял его со всеми церемониями, тогда как посол явился во фраке, поверх которого было надето пальто. Миссия Меншикова в Константинополе не увенчалась успехом; спор о святых местах в Иерусалиме и турецких православных подданных, которых собирался взять под свое

покровительство русский царь, не был разрешен, и в мае 1853 г. Меншиков покинул Константинополь.

[5] *Эстергази* Павел Антон (1786–1866), князь – австрийский дипломат, с 1856 г. посол в России.

[6] *...если Грише удастся получить снова вице-губернаторское место.* – С 1855 г. Г.С. Аксаков – самарский вице-губернатор. До этого он был оренбургским вице-губернатором (с 1852 г.).

[7] *...не знаю, кто там губернатор.* – Самарским гражданским губернатором был статский советник Константин Карлович Грот.

[8] *...он жил на даче, т.е. в Святогорском монастыре.* – Святогорский (Успенский) мужской монастырь основан в 1566 г. недалеко от Пскова.

[9] *...какая неприятная история вышла тогда...* – См. с. 266 наст. изд.

[10] *...выписка из моего письма к вам...* – подтверждение того, что письма И.С. Аксакова вскрывались. И.С. Аксаков посвятил в подробности этой истории А.И. Кошелева, которому писал: "Читая такое несомненное доказательство, что письма мои читаются, я не намерен более потешать любопытство почтовых чиновников" (письмо от 13.X.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 40).

[11] *Корнилову (адмиралу) оторвало ядрому ногу, и он умер...* – В.А. Корнилов был смертельно ранен на Малаховом кургане в день первой бомбардировке Севастополя 5.X.1854 г.

175 *19.X 1854*

[1] *Последние известия из Крыма... несколько ободрили вас...* – Имеется в виду занятие русскими частями в начале октября 1854 г. дер. Чоргун в долине Черной речки, а также успешная атака 13.X.1854 г. дивизией генерала-лейтенанта П.П. Липранди неприятельских укреплений, прикрывавших дорогу из Севастополя в Балаклаву.

[2] *...о деле 5-го октября...* – Имеется в виду первая бомбардировка Севастополя.

[3] *... о деле 13-го октября...* – См. прим. 1 к наст. письму.

[4] *...о деле 15-го октября.* – Неясно, что имеется в виду. 15 октября никаких особенных событий не произошло.

[5] *...недоволен редакцией меншиковских донесений от 5 и 6 октября...* – В донесении от 5.X.1854 г. А.С. Меншиков сообщил, что неприятель открыл непрерывный огонь, не ослабевавший до ночи, против русских батарей и бастионов, к полудню орудия на башне Малахова кургана были сбиты. В донесении от 6.X.1854 г. сообщалось, что вчерашний огонь оказался не особенно разрушителен, русские потеряли около 500 человек, башня на Малаховом кургане без особых повреждений, огонь неприятельских батарей стал слабее (см.: Собрание донесений... С. 230, 231).

[6] *...дивишься искусству неприятельских маневров и храбрости французов...* – В донесении А.С. Меншикова о битве на р. Альме сообщалось об упорных атаках неприятеля, о многочисленных силах, которые угрожали русским с обоих флангов, об успешных действиях врагов с моря (см.: Собрание донесений... С. 221).

[7] *Ведь он там.* – Речь идет о двоюродном брате И.С. Аксакова Николае Григорьевиче Карташевском (род. в 1820 г.).

[8] *В Самаре губернатором Грот...* – См прим. 7 к письму 174.

[9] *...поезжай на Кавказ, хоть в канцелярию Воронцова...* – Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), князь – генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе (1844–1854). А.Д. Блудова хлопотала, чтобы устроить Ивана на Кавказе при наместнике (см. письмо А.О. Смирновой Ивану от 20.XII.1854 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 164. Л. 24). Но эта возможность была отвергнута И.С. Аксаковым, мечтавшим быть в самом центре военных действий: "Очень благодарю вас и графиню Блудову за участие. Ехать служить на Кавказ не намерен" (письмо А.О. Смирновой от 2.I.1855 г. // РА. 1895. № 12. С. 463).

[10] *...несвойствен моей природе...* – На это же жаловался И.С. Аксаков и А.О. Смирновой: "Если б я предпринимал это странствование как любопытный путешественник и литератор, то я был бы совершенно доволен; но озабочивает меня очень собирание статистических, положительных сведений о торговле, о таком деле, которое, несмотря на все сердитые усилия моей воли, никак не роднится с моею душой!" (письмо от 5.XII.1853 г. // РА. 1895. № 12. С. 456). С.Т. Аксаков также считал: "Труд тебе предстоит огромный и тем более тяжелый, что он не может быть тебе приятен. Признаюсь, воображая себя на твоем месте, я просто прихожу в ужас, и без крайности, я ни за что бы за него не взялся, да и в крайности не умел бы с ним управиться" (письмо от 28.X.1854 г. // Письма. Т. III. С. 95).

[11] *...в том круге, к которому я принадлежу...* – Речь идет о славянофилах, несогласие с которыми по некоторым вопросам выражено ниже. С.Т. Аксаков считал: "Круг, к которому ты принадлежишь, очень может понять и оценить твои труды, особенно зная тебя, зная, что твоих способностей хватило бы на что-нибудь повыше" (письмо от 28.X.1854 г. // Письма Т. III. С. 95).

[12] *...Вы продолжаете писать "Семейную хронику"*. – Напечатана в Москве в 1856 г.

[13] *Кауфман* – глазной врач.

176 *25.X 1854*

[1] *...он немножко Тентетников.* – В первой главе II тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголь писал, что Тентетников, один из героев, относится к тем людям, которых на Руси называют "увальнями, лежебоками, байбаками". Отзыв И.С. Аксакова совпадает с дневниковой записью Веры в связи с приездом Н.П. Трушковского: "Трушковский – добрый, не глупый человек, но жалко видеть его бессилие внутреннее, которым столько страдает молодых людей в наше время". "Недостает в нем какой-то активной силы, а между тем он чувствует живо и принимает живое участие в событиях нашего времени. Нельзя не заметить, что он несколько изнежен, избалован, и в этом отношении Малороссия ему очень вредна" (Дневник. С. 27, 28).

[2] *...был сильно балован бабушкой, тетушками, кузинами...* – Речь идет о матери, сестрах Н.В. Гоголя и их родственницах.

[3] *Не думаю, чтоб Шевырев так легко уступил ему распоряжение бумагами Гоголя.* – Разбором оставшихся после Н.В. Гоголя бумаг занимался С.П. Шевырев. В конце 1853 г. он подал прошение в Московский цензурный комитет об издании сочинений писателя, дополненных найденными после его смерти рукописями. Прошение было направлено министру народного просвещения А.С. Норову. Высочайшее разрешение на печатание было получено только 15.V.1855 г.

[4] *Данненберг Петр Андреевич* (1792–1872) – генерал от инфантерии, командир 4-го пехотного корпуса. 24.X.1854 г. под его командованием была произведена вылазка из Севастополя со стороны 1-го бастиона.

[5] *...не верится, чтоб Омер Паша сделал вторжение в Бассарабию... – Омер-Паша* (1806–1871), принявший ислам славянин Михаил Латош, – командующий турецкой армией на Дунае, в Крыму, затем отправленный на помощь Карсу, а впоследствии в Мингрелию.

[6] *...был я в университете на диспуте адъюнкта Лавровского...* – Лавровский Петр Алексеевич (1827–1866) – славист, этнограф, заведующий кафедрой славянских наречий в Харьковском университете (с 1851 г.), впоследствие ректор Варшавского университета (1869–1872), член-корреспондент Академии наук (1856).

[7] *... рассуждение об Якимовской летописи...* – "Исследование о летописи Якимовской" – докторская диссертация П.А. Лавровского (СПб., 1855).

[8] *Зернин* Александр Петрович (1820–1866) – с 1850 г. экстраординарный профессор Харьковского университета. Преподавал всеобщую историю, затем русскую.

[9] *... "Исследование об языке Реймского Евангелия"...* – студенческая работа П.А. Лавровского, отмеченная медалью. Напечатана в кн.: Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института. СПб., 1851. Т. I.

[10] *... "О слове Кмет"...* – Точное название: Несколько слов о значении и происхождении слова Кмет (Москвитянин. 1853. № 24. Дек. Кн. 2).

[11] *Черняев* Василий Матвеевич (1796–1871) – возглавлял кафедру ботаники Харьковского университета с 1826 г.

[12] *У него только первое издание "Записок об уженье рыбы", он искал второго...* – "Записки об уженье" (М., 1847) со 2-го издания назывались "Записки об уженье рыбы" (М., 1854). Оно было дополнено "целою третью текста... (письмо С.Т. Аксакова, И.С. Тургеневу от 15.II.1854 г. // РО. 1894. Нояб. С. 11).

[13] Опарин (Апарин) Петр Иванович – книжный комиссионер Харьковского университета (см. ниже).

[14] *... Вы что-то прибавили о сентявке...* – В главе "Верховка" приведено описание сентявки, или белоглазки (см.: Записки об уженье рыбы. М., 1854. С. 142–143).

[15] Свешников Федор Осипович – книжный комиссионер Московского университета.

[16] *... в Карамзинскую библиотеку...* – Карамзинская публичная библиотека была открыта 18.IV.1848 г. в Симбирске в память о своем земляке Н.М. Карамзине (см.: *Красовский В.Э.*

Хронологический перечень событий Симбирской губернии. Симбирск, 1901. С. 87). Первым председателем Комитета Карамзинской библиотеки был Петр Михайлович Языков (ум. в 1851 г.), геолог, брат Н.М. Языкова (Там же. С. 89).

[17] ... *ни о "Московск*⟨ом⟩ *сборнике"*... – вышедшем в 1852 г.

[18] ... *о деле 13-го октября*... – См. прим. 1 к письму 175.

[19] ... *лорд Кардаган едва ускакал*. – См. прим. 1 к письму 175. Против дивизии Липранди, вторгшейся в тыл неприятеля, без всякого успеха действовала легкая кавалерии лорда Кардигана (И.С. Аксаков неверно написал его фамилию). *Кардиган* Джемс (1797–1855) – лорд, английский кавалерийский генерал.

[20] ... *сын лорда Сеймура*... – Сеймур Джордж Гамильтон (1796–1880) – английский посол в России в 1851–1854 г. (до разрыва дипломатических отношений России и Англии).

[21] ... *взят сын Клекликарда*. – Правильно: Кланрикард. Речь идет о командовавшем английским патрулем гвардейском капитане лорде Дункельне, сыне Кланрикарда.

177 *2.XI 1854*

[1] ... *прочтете о битве 25-го числа*... – Имеется в виду, вероятно, Инкерманское сражение 24.X.1854 г.

[2] ... *бомбу, пролетевшую между великими князьями*... – 24.X.1854 г. во время вылазки из Севастополя со стороны 1-го бастиона великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич находились под сильнейшим огнем противника. К их ногам упали два ядра, третьим засыпало прислугу, на их глазах бомба разрушила здание (см.: Собрание донесений... С. 247). В.С. Аксакова записала в дневнике: "Говорят, в Петербург привезли бомбу или пулю, пролетевшую между великими князьями..." (Дневник. С. 5).

[3]*Казначеев Александр Иванович* (1788–1880) – сенатор, действительный тайный советник, приятель С.Т. Аксакова.

[4] ... *о липрандьевском деле*... См. прим. 1 к письму 175.

[5] ... *прославившегося, кроме того, "Оренб*⟨*ургским*⟩ *руж*⟨*ейным*⟩ *охотником"*... – Имеются в виду "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

[6] ... *по этому тракту Студзинского, кроме двойных прогонов*... – С 1845 г. тракт Москва–Харьков содержался особым товариществом, которое возглавил курский помещик Студзинский. Товарищество взяло обязательство возить проезжающих с определенной скоростью, не задерживать на станциях и т.п., за что прогоны были увеличены вдвое (см.: *Базилевич К.В.* Почта в России в XIX веке. М., 1927. С. 41).

[7]*Я советую подписаться на "Современник"*. – С 1847 г. его издавали И.И. Панаев и Н.А. Некрасов.

1855

Письма № 178–223 написаны И.С. Аксаковым из ополчения (1855–1856). Подлинники –ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 27. Л. 1–97 об. Впервые – Письма. Т. III. С. 103–244.

178 *18.II 1855*

[1]*Ермолов* Алексей Петрович (1772–1861) – генерал от артиллерии, герой войн с Наполеоном, в 1816–1827 гг. главнокомандующий русскими войсками в Грузии. Отличавшийся независимостью своих взглядов, при Николае I вынужден был выйти в отставку. Жил в Москве.

[2] ... *он уже выбран Москвою*. – Выборы состоялись 15.11.1855 г. Московский генерал-губернатор граф А.А. Закревский через своего адъютанта – сына Ермолова выразил предположение, что А.П. Ермолов, вероятно, откажется стать начальником ополчения, если его выберет московское дворянство. В письме Закревскому, которое мгновенно стало известно в городе, Ермолов писал, что как дворянин не считает для себя возможным уклониться от службы, но надеется, что найдутся люди, не в праздности проведшие последние годы, и что он не удивится, если не будет признан годным. После выбора Ермолова крики "Ура!" не стихали больше четверти часа (см.: Выдержки из дневника О.М. Бодянского // Сб. О-ва любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 128, 129). Этому событию посвящено стихотворение Е.П. Ростопчиной "Алексею

Петровичу Ермолову, избранному в начальники московского ополчения". Свидетельства современников противоречивы относительно количества поданных за Ермолова голосов. Бодянский писал в дневнике, что из 280 шаров было только 6 черных (Там же. С. 128). А.И. Кошелев считал, что за Ермолова было 200 шаров и 9 против (см. письмо А.Н. Попову от 16.II.1855 г. // РА. 1886. № 3. С. 355). С.М. Загоскин (как и И.С. Аксаков) писал об единогласном избрании Ермолова (см.: Воспоминания С.М. Загоскина // ИВ. 1900. Т. 79. Янв., февр., март. С. 70).

[3] *... заместили охотниками...* – т.е. добровольцами.

[4] *... ни Константину, ни Пальчикову не пришлось и баллотироваться.* – в ополчение.

[5] *Трегубов* – лицо неустановленное.

[6] Александра Николаевна *Бахметева* (1823–1901) – дочь Марии Дмитриевны и Николая Васильевича Ховриных, писательница. В 40-е годы ею был серьезно увлечен К.С. Аксаков. В салоне ее матери, как и в салоне А.П. Елагиной, встречались и западники и славянофилы до их окончательного размежевания в 1845 г. Жена Петра Владимировича Бахметева.

[7] *... можете признавать меня прямо штабс-капитаном ополчения.* – Своему другу Д.А. Оболенскому И.С. Аксаков писал в Петербург: "...имею честь тебе рекомендоваться в качестве штабс-капитана Серпуховской дружины Московского ополчения. Впрочем, я еще не утвержден, да и никто еще не утвержден. – Записался я в последний день царствования покойного государя (Николай I умер 18.II.1855 г. – *Т.П.*). Что будет – неизвестно. Может быть, придется караулить Петербург, может быть, ополчение и вовсе не будет призвано к делу. Во всяком случае – *никто* из моих знакомых не уклонился от своей доли исторических повинностей, лежащих теперь на всей русской земле; удалось поступить только мне..." (письмо от 24.II.1855 г. // Письма. Т. III. С. 106).

[8] *... переговоры его не имели большого успеха...* – И.С. Аксаков, желая быть секретарем или адъютантом А.П. Ермолова, действовал через приятеля Ермолова Н.П. Годеина.

[9] *Первый лист Вашей книжки уже отпечатан совсем...* – "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах" (М., 1855).

[10] *Левшин отказался, и на его место (начальника дружины) поступил Леонид Голицын.* – Первоначальной кандидатурой был И.С. Аксаков. В.С. Аксакова записала в дневнике: "Иван отказался от избрания в дружинные начальники, и на его место – князь Леонид Голицын" (Дневник. С. 59–60). *Голицын* Леонид Михайлович (1806–1860) – начальник Дмитровской дружины, действительный статский советник, камергер.

179 *24.II 1855*

[1] *Хотел ... послать ... сборник, "Уголовную палату", записки о расколе...* – Имеются в виду I том "Московского сборника" 1852 г., "Присутственный день в уголовной палате", записки о бессарабских и ярославских раскольниках.

[2] *Говорят, что уничтожается 3 отделение...* – Перестало существовать в 1880 г.

[3] *Говорят ... Строганов будет министром нар⟨одного⟩ просв⟨ещения⟩ (последнему я не совсем рад).* – См. прим. 3 к письму 36 и прим. 3 к письму 110.

[4] *... Австрия посылает ... эрцгерцога в П⟨етер⟩бург...* – в связи со смертью Николая I (18 февраля 1855 г.).

[5] *... за услугу, оказанную ей в 1849 г⟨оду⟩...* – в подавлении венгерской буржуазной революции 1848–1849 гг.

[6] *Людовик Наполеон наложил траур на 6 недель.* – Не желая продолжения войны, Людовик Наполеон выразил наследнику Александру Николаевичу соболезнования по случаю смерти его отца (см.: *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 г. и международные отношения. М., 1971. С. 306).

[7] *Погодин еще не уехал.* – в Петербург в начале нового царствования. В.С. Аксакова писала: "Не знаем, что делается в Москве, поехал ли Погодин в Петербург, он непременно должен был бы ехать, тем более, что кн⟨язь⟩ Оболенский дал ему знать, что ему хорошо было бы быть там" (Дневник. С. 78). Поездка не состоялась (см. с. 335 наст. изд.).

[8] *... посылаю Оболенскому.* – Д.А. Оболенскому (см.: Письма. Т. III. С. 105–106).

[9] *Отпечатано 3 листа Вашей книги.* – "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах".

180 *2.IV 1855*

[1] *... носится слух о новом кровавом деле под Севастополем...* – Главнокомандующий Крымской армией М.Д. Горчаков в донесении от 3.IV.1855 г. сообщал, что с 28.111.1855 г. не прекращалась усиленная бомбардировка Севастополя (см.: Собрание донесений... С. 274).

[2] *... при м⟨инистерст⟩ве юст⟨иции⟩ будет издаваться журнал...* – Журнал выходил в Петербурге с середины 1859 по 1868 г.

[3] *... Броку плохо, и на его место прочат Княжевича или Позена...* – Брок Петр Федорович (1805–1875) – министр финансов (1853–1858). А.М. Княжевич станет министром финансов только в 1858 г. после увольнения Брока. Позен Михаил Павлович (1798–1871) – тайный советник, статс-секретарь, в 1843 г. управляющий VI временным отделением императорской канцелярии, с 1845 г. в отставке.

[4]*Ждут в Москву...* – Александра II.

[5]*Преследование раскольников прекращено... им выдают паспорты без принуждения купцов переходить в единоверие.* – В апреле 1855 г. купцам-раскольникам, получившим торговые свидетельства с 1.1.1855 г., было разрешено содержать фабрики, заводы и другие заведения и в будущем (Собрание постановлений по части раскола СПб., 1858. С. 629–630).

[6] *... завещание Н⟨иколая⟩ Павл⟨овича⟩, писанное в 1847 году...* – Завещание Николая I было написано им 4.V.1844 г. (см.: *Барсуков.* Кн. XIII. С. 405–406).

[7]*Императрица подарила Тютчевой Маколея.* – В.С. Аксакова в своем дневнике записала 8.III.1855 г.: "...дочь Тютчева любима новой государыней" (Дневник. С. 81). Речь идет о Тютчевой Анне Федоровне (1829–1889), дочери Ф.И. Тютчева (от первого брака с баварской графиней Элеонорой Ботмер), фрейлине императрицы Марии Александровны, будущей жене И.С. Аксакова. Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) – английский историк, политический деятель.

[8] *... на Страстной...* – последней, седьмой неделе Великого поста перед Пасхой.

[9] *... конференция по поводу полученной от Горчакова депеши...* – См.: Собрание донесений... С. 287–300.

[10]*Нессельрод хочет подписать мир и выйти в отставку.* – Последний циркуляр графа Нессельроде был от 26.11.1855 г. (см.: Собрание донесений... С. 300–302). По этому поводу В.С. Аксакова писала в своем дневнике: "Увидать вновь его имя в делах наших было возмутительно. Мы, признаюсь, льстили себя надеждой, что он будет удален, особенно потому, что об нем никто не говорил ни слова, а теперь он снова начал действовать во вред России. Циркуляр его, хотя написан не в таких грубо унизительных выражениях для России, но также мошеннически выдает ее врагам" (Дневник. С. 88). С декабря 1854 г. по апрель 1855 г. в Вене проходили конференции о восстановлении мира.

[11] *... Шестакова (автора известной статьи)...* – Речь идет о Шестакове Иване Алексеевиче (1820–1888), авторе "Обзора действий на море в течение настоящей войны" (Морской сборник. 1855. № 2. Февр. Учено-литературный отдел), впоследствии (с 1882 г) управляющем морским министерством.

[12] *... по случаю именин М⟨арии⟩ Вас⟨ильевны⟩.* – Киреевской Марии Васильевны (1811–1859), дочери А.П. Елагиной, сестры И.В. и П.В. Киреевских.

[13] *... Пог⟨один⟩ хорошо сделал, что не поехал.* – См. прим. 7 к письму 179.

[14]*Пог⟨один⟩ пишет новую статью и послание.* – 17.IV.1855 г. М.П. Погодин обратился к Александру II с поздравительным письмом по случаю дня его рождения, при нем была приложена записка "Царское время" (см.: *Барсуков.* Кн. XIV. С. 24–28).

[15]Ростовцев Яков Иванович (1803–1860), граф – генерал от инфантерии, с 1856 г. член Государственного совета, с 1859 г. до кончины председатель Редакционных комиссий по крестьянскому делу.

[16] *... Елагин...* – Вероятно, В.А. Елагин, который с семьей зиму 1855 г. жил в Москве (см.: Воспоминания Е.И. Мойер // РГБ. Ф. 99. Карт. 25. Ед. хр. 12. Л. 1).

[17] *... Оболенский...* – Д.А. Оболенский, приезжавший в это время в Москву.

[18] *... У Васильчиковой...* – у Васильчиковой Александры Ивановны (1795–1855), урожденной Архаровой.

[19]*Тот приятель, который приехал из П⟨етер⟩бурга...* – Д.А. Оболенский.

[20]*Мы сами виноваты, что предались неосновательным надеждам...* – на победу в Крымской войне. С.Т. Аксаков писал Ивану 1.II.1854 г.: "Меня не покидает убеждение, что из этой страшной

войны Россия выйдет торжествующею; что все славянские племена освободятся от турецкого и немецкого ига; что Англия и Австрия упадут и сделаются незначительными государствами, и что все это будет совершено нами с помощью Франции и Америки, несмотря на то, что теперь Франция против нас вооружается...” (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 13). К.С. Трутовскому он писал 25.1.1854 г.: “Я верую в наше торжество...” (*Трутовский К.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Рус. худож. архив. 1892. Вып. III–IV. С. 129). К.С. Аксаков считал, что русским войскам надлежит дойти до Константинополя (см. письмо Д.А. Оболенскому без даты // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 5. Л. 15об.). И.С. Аксаков “неосновательным надеждам” не предавался. 3.X.1854 г. он писал А.И. Кошелеву из Харькова: “Народ здесь уверен, впрочем, что Севастополь не возьмут, Я не разделяю нисколько этой уверенности” (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 37об.). Несколькими днями позже он писал тому же адресату: “...Крымское событие есть одно из наружных проявлений внутреннего рака. Пожалуй, наружную болячку залечат, замажут, вгонят внутрь, но внутренний рак опять произведет где-нибудь болячки...” (письмо от 30.X.1854 г. // Там же. Л. 41об.).

[21]*Майков* Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт.

[22]*Октиох* – церковная книга песнопений, соответствующих дням недели и разделенных по способу пения на 8 напевов.

[23] ... *понес гиль.* – т.е. вздор, чепуху.

[24]*Может быть, впрочем, он и явится в Абрамцево...* – К.С. Аксаков, получив письмо Ивана с этим сообщением, отвечал: “Если это правда, то употреби все зависящие от тебя средства, чтобы его от этой поездки отклонить. Это не только мое желание, это желание отесиньки и маменьки также. – Мне, признаюсь, даже странно, что этот человек после стихотворений своих хочет с нами познакомиться, и еще страннее, что другие люди берутся знакомить” (письмо без даты // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 90. Л. 6–6об.). Аксаковым была неприятна неустойчивость политических взглядов А.Н. Майкова, что находит подтверждение в дневнике В.С. Аксаковой. Она считала, что правительство, приписывая себе русское направление, тем самым парализует его: «Им нужны Майковы, вот идеал их русского направления и благонамеренного казенного писателя. Майков, который писал еще при Николае Павловиче, что надобно только русского человека для его совершенствования “во фрак одеть могучий стан”, а при Александре Николаевиче восхваляет Москву и поклоняется Николаю Павловичу. Этот Майков хотел было летом приехать знакомиться в Абрамцево, но ему посоветовали этого не делать» (Дневник, С. 134). Не мог понравиться Аксаковым и вышедший в Петербурге в 1854 г. сборник стихотворений А.Н. Майкова, наполненный верноподданическим патриотизмом, заверениями, что “пламенем одним с Россией я горю!” (1854-й год. СПб., 1854. С. 4).

[25] ... *Фоминой недели...* – второй недели после Пасхи.

[26] ... *о Вашей книге...* – “Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах” (М., 1855).

[27]*Книга Ваша расходится очень хорошо.* – Вероятно, “Записки об уженье рыбы” (М., 1854. 2-е изд.).

[28]*Недели через две будет диспут Бодянского...* – за труд “О времени происхождения славянских писем” (1855) О.М. Бодянский был удостоен степени доктора славяно-русской филологии. Бодянский Осип Максимович (1808–1877) – фольклорист, славист, издатель древнерусских и древнеславянских памятников, экстраординарный (1842), затем ординарный (1855) профессор кафедры истории и литературы славянских наречий Московского университета, секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактор издаваемых им “Чтений”, член-корреспондент Академии наук с 1854 г.

[29] ... *как и в 1841 г⟨оду⟩ (по случаю свадьбы наследника)...* – Александра Николаевича с немецкой принцессой Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софией-Марией, принявшей миропомазание в 1840 г. с именем Марии Александровны. Бракосочетание совершилось 16.IV.1841 г.

[30] ... *как и в 1826 г⟨оду⟩.* – Имеется в виду манифест Николая 1 13.VII.1826 г. (см.: *Барон Корф.* Восшествие на престол императора Николая 1-го. СПб., 1857. С. 229–231).

[31]*О политических преступн⟨иках⟩ ни слова...* – В обществе ожидали амнистии декабристов.

[32]*К нему на Дев⟨ичье⟩ поле доступ не очень легок...* – Девичье поле в то время было московской окраиной, находившейся в низине, и дороги весной были непроезжими.

[33] ... *разговор был об Иоанне Лествичнике...* – о византийском религиозном писателе, жившем в VII в.

[34]*Бирюлев* – лицо неустановленное.

[35]*Нынче надеюсь прочесть в приказах о моем утверждении...* – Манифест "О призвании к государственному ополчению" был подписан 29.I.1855 г. И.С. Аксаков вступил в ополчение в последний день царствования Николая I. Об официальном приказе о его зачислении см. на с. 345 наст. изд.

[36]*Он ... разделял мысли и чувства, выраженные в наших письмах...* – связанные с надеждой на благополучное окончание Крымской войны.

[37]*Черкасская* – Екатерина Алексеевна (1825–1888) жена В.А. Черкасского, дочь Васильчиковых Алексея Васильевича (1778–1854), действительного статского советника, и Александры Ивановны.

[38]*Им очень понравились его воспоминания...* – "Воспоминание студенства" К.С. Аксакова, предложившего бывшим студентам Московского университета собраться в доме Ю.Ф. Самарина и отметить столетний юбилей университета чтением воспоминаний о студенческих годах. На этом вечере он прочел свои воспоминания. Впервые напечатаны в "Дне" (1862, 29 сент., 6 окт.). Изданы в Петербурге в 1911 г.

[39]*Гиляров-Платонов Никита Петрович* (1824–1887) – преподаватель Московской духовной академии (до конца 1855 г.), цензор Московского цензурного комитета в 1856–1862 гг.

[40]*Маркс Адольф. Бернхард* (1795–1866) – немецкий историк и теоретик музыки, композитор.

[41] *... Lui Veilleau...* – Луи Вейо (1813–1883) – французский журналист, автор книг и статей на религиозные темы (Сообщено А.А. Гозенпудом).

[42]*Грегорианское (григорианское) пение* – напевы, введенные в VI в. папою Григорием Великим в католических церквях. К бывшим четырем амвросианским ладам добавилось еще четыре.

181 *3.IV 1855*

[1]*До сих пор о венских конференциях ничего никто не знает положительно...* – В апреле 1855 г. Венские конференции были закрыты.

[2]*Государя ждут в Москву в середу...* – Поездка не состоялась из-за болезни матери (см. с. 340 наст. изд.).

[3]*...если б жена его была жива...* – Е.М. Хомякова скончалась 26.I.1852 г.

[4] *... 30 лет бездействия убили его...* – См. прим. 1,2 к письму 178.

[5]*Нахимов произведен в адмиралы...* – высочайшим приказом от 27.III.1855 г.

[6]*Томашевского не видал...* – А.Ф. Томашевского.

[7] *... Ваша новая книжка...* – "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах" (М., 1855).

[8] *... Шестаков женится на воспитаннице жены Алекс⟨андра⟩ Петр⟨овича⟩ Оболенского...* – Аграфена Юрьевна Оболенская – калужская губернаторша, жена А.П. Оболенского, дочь писателя Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого. Умерла 15.II.1828 г., оставив 10 человек детей. Оболенский А.П. (1782–1855), князь – калужский губернатор в 1825–1831 гг., в 1831 г. назначен сенатором и почетным опекуном Московского опекунского совета. В 1832 г. управлял Военно-сиротским училищем, был судьею Московского совестного суда.

[9] *... нужно послать письмо...* – письмо К.С. Аксакову.

[10] *... он оставит письмо у сестры.* – Марии Федоровны Соллогуб.

[11] *... статью Гильферд⟨инга⟩ напечатает...* – Неясно, какую именно. Но в 1854–1855 гг. в "Московских ведомостях" печатались "Письма об истории сербов и болгар" А.Ф. Гильфердинга. Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) – историк, этнограф, фольклорист, председатель Славянского благотворительного общества. Был близок славянофилам. Состоял в переписке с И.С. Аксаковым (см.: Из переписки А.Ф. Гильфердинга с И.С. Аксаковым // Голос минувшего. 1916. № 2).

[12]*Базунов просит еще 50 экземпляров Вашей книги...* – вероятно, "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах".

[13]*Оболенский... его обнимает.* – Д.А. Оболенский.

182 *6.IV 1855*

[1] *... письмецо Константина... исполненное опасений насчет приезда Майкова.* – Письмо без даты (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 90. Л. 6–6об.). См. также с. 336 наст. изд.

[2] Елагин Василий Алексеевич (1818–1879) – историк, друг К.Д. Кавелина, впоследствии сотрудник журнала "Русская беседа", газеты "День".

[3] *... доклад о Гоголе на днях будет представлен государю.* – об издании сочинений писателя.

[4] *... добиться ... разрешения ... приступить к печатанию ... второго издания полных сочинений...* – Речь идет о цензурном разрешении на издание полного собрания сочинений Н.В. Гоголя, начатого при жизни писателя (4 тома). В.С. Аксакова записала 21.IV.1855 г.: "Кулиш и Трушковский приходили к маменьке в Москве. Сочинение Гоголя наконец позволено, но так, чтоб цензор подписал разрешение от себя" (Дневник. С. 114). Цензурное разрешение было получено 2.VI.1855 г.

[5] *Титов* Владимир Павлович (1807–1891) – русский посол в Константинополе.

[6] *... объявил Буркенею...* – Буркене – французский посланник на Венских конференциях, барон.

[7] *... "Рассказы ратника п⟨етер⟩бургского ополчения 1812 года".* – Полное название: Записки касательно составления и самого похода санктпетербургского ополчения против врагов отечества, в 1812 и 1813 годах с кратким обозрением всех происшествий во время бедствия и спасения нашего отечества случившихся, и с подробным описанием осады и взятия Данцига, писанные фл. л. Б.В. Шт. ⟨бароном Штейнгелем⟩. СПб., 1814. Ч. 1. М., 1815. Ч. 2. (см.: Список русских анонимных книг с именами их авторов и переводчиков. СПб., 1874. С.. 9).

[8] *Говорят, Тургенев здесь.* – В апреле 1855 г. И.С. Тургенев приехал в Москву.

[9] *... встретил... Клавдию Ник⟨олаевну⟩ Щепкину с дочерью...* – родственников М.С. Щепкина, семья которого насчитывала более 20 человек.

183 *7.IV 1855*

[1] *Загоскин* Сергей Михайлович – сын писателя М.Н. Загоскина, приятеля С.Т. Аксакова.

[2] *Вдовствующая императрица ... больна.* – Александра Федоровна (1798–1860) – дочь короля прусского Фридриха-Вильгельма III, вдова Николая I.

[3] *Венские конференции рушились...* – В марте 1855 г. В.С. Аксакова писала в дневнике: "Эти несносные конференции тянутся и тянутся, все в недоумении, чего ждать, к чему готовиться, в недоверии следят за действиями нашего правительства, особенно когда главными деятелями его в дипломатических делах опять Нессельроде и Титов" (Дневник. С. 92). 19.IV.1855 г. она вновь возвращается к этой теме: "Все внимание сосредоточено на Вене; конференции совсем было разошлись, но изменник Титов начал опять подличать, а в Петербурге Мейендорф (зять Буоля), говорят, более Нессельроде хлопочет... чего можно ожидать, когда у нас управляют министерством агенты австрийских министров!" (Там же. С. 112, 113). В.С. Аксакова осуждала деятельность К.В. Нессельроде и В.П. Титова, направленную на достижение мира.

[4] *... прочтете ... о бомбардировании Севастополя...* – См. прим. 1 к письму 180.

[5] *... говорил о необходимости деятельности литературной и издания журнала...* – Считая себя нежурнальным человеком, А.С. Хомяков в период возрождения журналистики, начавшийся в 1855 г., считал, что славянофилам необходимо "завоевать Россию, овладеть обществом" (письмо К.С. Аксакову 1855 г. // *Хомяков.* С. 336). Внушая мысль об издании славянофильского журнала, он заметил: "Молодцы западные не дремлют; дремать не следует и нам" (письмо А.И. Кошелеву ⟨1855 г.⟩ // Там же. С. 140).

[6] *... с ним и письмо Самарина.* – письмо к К.С. Аксакову, переданное через М.Ф. Соллогуб (см. с. 341 наст. изд.).

184 *8.IV 1855*

[1] *... мерку с портрета Бебутова...* – по-видимому, для упаковки и транспортировки.

[2] *Книжка Ваша...* – "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах".

[3] *От книжки он в восхищении...* – Еще до выхода книги в 1855 г. И.С. Тургенев пришел в восторг, прочитав в "Москвитянине" (1854. Окт. Кн. 2) рассказы об охоте с острогой и о ловле шатром тетеревов. Автору 8(20). XII.1854 г. он писал: "Ловля с острогой и крытие тетеревов шатром – прелесть – особенно первое" (Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. II. С. 248).

[4] *Салаев* – один из братьев Салаевых, московский книготорговец и издатель.

[5] *5 экземпл⟨яров⟩ последней книги...* – См. прим. 2 к наст. письму.

[6] Тютчев Федор Иванович (1803–1873) – поэт, председатель Комитета иностранной цензуры в министерстве внутренних дел.

[7] *... называют Мазарином.* – Правильно: Мазарини Джулио (1602–1661) – кардинал (1641), первый министр Франции (с 1643 г.).

[8] *Отличает... адъютанта своего Юрьевича.* – С.А. Юрьевича.

[9] *Толстой граф (Алексей) вступил в стрелков⟨ый⟩ полк.* – Речь идет о Толстом Алексее Константиновиче (1817–1875), поэте, вступившем во время войны в так называемый "стрелковый полк императорской фамилии". В военных действиях не участвовал, так как заболел тифом.

[10] *Приказ вчера еще не был получен...* – о зачислении Ивана в ополчение. Был напечатан в газете "Русский инвалид" 8.IV.1855 г.

[11] *... у Киреевского...* – у И.В. Киреевского.

[12] *Нынче получится приказ...* – См. с. 345 наст. изд.

[13] "*Меж рабочих темных и безвестных, друг! и ты рабочим добрым будь!*" – Конец стихотворения И.С. Аксакова "На Дунай!", написанного 26.IV.1854 г. В окончательном варианте:

Меж рабочих темных и безвестных
Ты везде рабочим добрым будь!

[14] *... бранит и Елагин⟨а⟩...* – Н.А. Елагина.

[15] *... не чувствуют потребности "хода дней не слышать над собой!"* – Из стихотворения "На Дунай!".

185 *9.IV 1855*

[1] *Товарищи мои: некто, служащий в московской городской полиции, Забугов, Жеглинский, Константинович, Бенаревич, Капков...* – По этому поводу В.С. Аксакова записала в дневнике: "Ивановы товарищи – какие-то бывшие полицейские чиновники и тому подобные, и такого рода, что начальник его дружины гр⟨аф⟩ Толстой просил Ивана взять на себя казначейскую часть, потому что другим *и доверить нельзя*" (Дневник. С. 101).

186 *16.IV 1855*

[1] *... на будущей неделе два праздника сряду (суббота и воскресенье).* – 23 апреля (суббота) – именины императрицы Александры Федоровны.

[2] *... Елагин...* – Н.А. Елагин.

187 *21.V 1855*

[1] *... Керчь взята...* – "Керчь отдана без боя, и жители оставлены на разграбление и мучения врагов...", – писала В.С. Аксакова (Дневник. С. 116). Действительно, когда 12.V.1855 г. в Керченском проливе появился флот неприятеля и был высажен десант, командующий войсками в восточной части Крыма генерал-лейтенант барон Врангель ввиду невозможности противодействия нападению отдал приказ уничтожить склады хлеба, фуража, орудия, а также суда, могущие попасть в руки противники ("Могучий", "Бердянск", "Аргонавт" и др.), после чего ночью гарнизон вышел из укрепления (см.: Собрание донесений... С. 310–311).

[2] *... музеум, вероятно, будет расхищен...* – В Керчи был богатый историко-археологический музей, основанный в 1823 г. Когда Керчь была захвачена неприятелем, распространилась весть, что музей опустошен. Но чсть его экспонатов была вывезена до занятия города противником.

[3] *А какая схватка под Севастополем в ночь с 10 на 11 мая!* – Речь идет об отражении в течение всей ночи нападения на возведенные перед 5-м батальоном ложементы. Руководил русскими войсками начальник 1-го и 2-го отделений Севастопольской оборонительной линии генерал-лейтенант Хрулев (См.: Собрание донесений... С. 306–309).

[4] *Жукова-Степанова* – знакомая И.С. Аксакова.

188 *29.V 1855*

[1] *... возвратился от вас...* – т.е. из Абрамцева.

[2] *Трушковский рассказывал мне про свои п⟨етер⟩бургские похождения.* – Имеются в виду, по всей вероятности, хлопоты, связанные с получением разрешения на издание сочинений Н.В. Гоголя

(см. с. 341 наст. изд., а также письма Н.П. Трушковского К.С. Аксакову 1855 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед.хр. 82).

3 ... *у Истомина до самой его смерти.* – Истомин Владимир Иванович (1809–1855) – контр-адмирал, участник Синопского сражения, руководитель обороны Малахова кургана. 7.III.1855 г. был убит по дороге с Камчатского люнета на бастион Корнилова.

4 *Со вступлением Горчакова в управление солдаты перестали голодать.* – В феврале 1855 г. главнокомандующим Крымской армией вместо А.С. Меншикова стал М.Д. Горчаков. С.Т. Аксаков, не ждавший ничего хорошего от этой замены, писал М.П. Погодину: "По-моему, горизонт наш также мрачен, и я не рад отставке Меншикова и еще менее – назначению Горчакова" (*Барсуков.* Кн. XIV. С. 37).

5 ... *все эти сестры оказывают действительно много пользы и утешения...* – По инициативе и на средства великой княгини Елены Павловны было образована Крестовоздвиженская община сестер милосердия из женщин, посвятивших себя уходу за ранеными. 6.XI.1854 г. в Крым было отправлено 30 сестер милосердия, вслед за ними – 60 вдов (см.: *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. II. С. 351, 352).

190 *22.VI 1855*

1 ... *послезавтра будет Строганов.* – На выборах начальников московского ополчения после А.П. Ермолова значительное количество голосов получил бывший попечитель Московского университета граф С.Г. Строганов. После отказа Ермолова стал начальником ополчения (см.: Выдержки из дневника О.М. Бодянского // Сб. О-ва любителей российской словесности на 1891 год. С. 129).

191 *3.VII 1855*

1 ... *явно предубежденный в мою пользу.* – "Мне очень приятно было известие о Строганове, – писал С.Т. Аксаков. – Это доказывает, что, несмотря на его к нам нерасположение или даже враждебность, он не может не признавать в нас честных людей" (письмо Ивану от 7.VII.1855 г. // Письма. Т. III. с. 130).

2 ... *содействие Назимова не принесет большой пользы, но противодействие его могло бы сильно повредить.* – С.Т. Аксаков решил подать свои произведения в московскую цензуру через В.И. Назимова. Противодействие Назимова действительного могло повредить, так как он пользовался особым расположением царя. С.М. Соловьев характеризовал Назимова как человека доброго, но необразованного, неровного в общении (см.: *Соловьев С.М.* Избр. труды. Записки. [М], 1983. С. 323).

3 Софья Юрьевна – Самарина С.Ю., урожденная Нелединская-Мелецкая (1793–1879) – мать Ю.Ф. Самарина.

4 Петр Федорович Самарин – младший брат Ю.Ф. Самарина.

5 *Что за офицеры! ... от Иверской.* – т.е. пьяницы, забулдыги.

192 *10.VII 1855*

1 ... "*охота к перемене мест*"... – из "Евгения Онегина" А.С. Пушкина (гл. VIII, ст. XIII).

193 *26.VII 1855*

1 *Кланяется вам Булгаков.* – П.А. Булгаков.

194 *〈Июль 1855〉*

1 Это письмо (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед.хр. 27. Л. 37–38 об.) предположительно датируется нами июлем 1855 г. (на основании сказанного в предыдущем письме, что не писал родным подробных писем, и об отсутствии таковых до 1.VIII.1855 г.). В папке находится после письма от 1.VIII.1855 г.

2 Жиздра – уездный город Калужской губернии.

195 *1.VIII 1855*

1 *Как мы поднялись, собрались и двинулись, Константин видел...* – К.С. Аксаков приезжал из Абрамцева провожать Ивана. С.Т. Аксаков сожалел, что перед походом не увиделся и не простился с сыном. "Мой Иван в походе! Как странно звучат для меня эти слова. Должно предположить, что

случилось необыкновенное событие, чтоб кто-нибудь из моих сыновей вступил в военную службу, которая всегда была так чужда нашему направлению и вашему воспитанию! Но да будет все сие ко благу" (письмо от 22.VII⟨1855 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 5. Л. 50–50 об.).

2 *Это село когда-то принадлежало княгине Екат⟨ерине⟩ Ром⟨ановне⟩ Воронцовой-Дашковой...* – Село недалеко от Серпухова, в котором она провела последние годы своей жизни после фактической отставки в 1794 г. Воронцова-Дашкова Е.Р. (1743?–1810) – директор Петербургской Академии наук, президент Российской академии.

3 *... нашел у него Ваши сочинения об охоте...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии", "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах".

4 *... в загородный сад, столько знакомый мне и памятный по ссоре с Ал⟨ександрой⟩ Осип⟨овной⟩ Смирновой.* – О переезде губернаторши в загородный сад под Калугой И.С. Аксаков известил родных в письме от 8.VI.1846 г., а 15.VI.1855 г. сообщил о происшедшей ссоре из-за И.А. Нелидова, который использовал положение сестры, фаворитки Николая I, для своего повышения по службе.

5 *... отправился в... деревню Унковских...* – С семейством С.Я. Унковского И.С. Аксаков сдружился в калужский период своей жизни (1845–1847).

6 *Старик Унковский...* – *Унковский* Семен Яковлевич (ум. в 1882 г.), впоследствии член Калужского комитета по крестьянскому делу.

7 *... жена его...* – Унковская Варвара Михайловна.

8 *... заботливою нянькою ходит Авд⟨отья⟩ Сем⟨еновна⟩...* – дочь С.Я. Унковского, оставшаяся незамужней.

9 *... герой инкерманский Сергей...* – См. с. 317 наст. изд. Инкерманский герой – герой битвы на Черной речке близ Севастополя. Сражение произошло 24.X.1854 г. Русскими войсками командовал П.А. Данненберг. Успешно начавшись, оно кончилось неудачно для России.

10 *... обедал вместе с Арнольди, мужем и женою.* – В 1854 г. Л.И. Арнольди женился на старшей дочери Свербеева Варваре Дмитриевне (род. в 1831 г.). С Арнольди И.С. Аксаков подружился в Калуге. *Арнольди* Лев Иванович (1822–1860) – сводный брат А.О. Смирновой (от брака ее матери с И.К. Арнольди), в 50-е годы служил в министерстве внутренних дел.

11 *Варвара Дмитриевна* – В.Д. Арнольди (см. предыдущее прим.).

12 Петр Александрович – П.А. Толстой (1761–1844), граф – генерал от инфантерии, участник войны 1812 г. (формировал ополчение, руководил доставкой рекрутов).

13 Муханова Мария Сергеевна – старшая дочь обер-шталмейстера Муханова Сергея Ильича (1762–1842) и Тургеневой Варвары Дмитриевны (ум. в 1845 г.), фрейлина императорского двора. Имение Мухановых Железцево находилось по соседству с имением Унковских. М.С. Муханова была знакома с И.С. Аксаковым с 1846 г. Ее письма И.С. Аксакову см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 159.

14 *... от Оболенского.* – А.В. Оболенского.

15 *... колыбель всех Оболенских Васильевичей.* – речь о потомках князя Василия Петровича Оболенского (1780–1834), женатого на Екатерине Алексеевна Мусиной-Пушкиной.

16 *... прочел... статью Погодина о Нахимове, в которой есть очень хорошее место...* – В статье "В память о Нахимове" М.П. Погодин писал, что он был предан службе без личных расчетов, работал без хвастовства, матросы считали и называли его родным отцом – так хорошо он понимал могучую натуру русского солдата, его дух. С Нахимовым "мы были спокойнее и за самый Севастополь, – при всей благодарной доверенности к его сподвижникам" (Моск. ведомости. 1855. 30 июля. С. 801). П.С. Нахимов умер 30.VI.1855 г. после тяжелого ранения.

17 *... прочел... начало описания плена княгинь у Шамиля...* – См. прим. 12 к письму 165. Отрывки из повести "Плен у Шамиля" были напечатаны в "Московских ведомостях" (1855. 30 июля, 4 авг.) для ознакомления читателей с произведением, вышедшим в 1856 г. в Петербурге отдельным изданием. Повесть печаталась также в "Отечественных записках" (1856).

18 *... жаль только, что описатель литератор и пишет с претензиями.* – Е.А. Вердеревский.

19 *Леса замечательна тем, что свита без узлов.* – См. с. 359 наст. изд.

196 *11.VIII 1855*

1 Мальцев (Мальцов) Сергей Иванович (1810–1893) – крупный заводовладелец, строитель железных дорог, шлюзов, бассейнов и т.п.

[2] ... *на чухон...* – дореволюционное название карело-финского населения, жившего в окрестностях Петербурга.

[3] *Мужики... довольно верно описаны у Тургенева...* – О полехах, живших на границе Волховского уезда Орловской губернии и Жиздринского уезда Калужской губернии, И.С. Тургенев писал в "Певцах", а затем в "Поездке в Полесье".

197 *17.VIII.1855*

[1] ... *говорю про нашу неудачную попытку атаковать лагерь на Черной речке*! – 4.VIII.1855 г. часть русских войск под командованием князя Горчакова, переправившись через Черную речку, атаковала неприятельский лагерь на Федюхиной горе, но вынуждена была отступить.

198 *25.VIII.1855*

[1] ... *серьезно надевает Самарин русское платье или так, чтоб иногда тешить себя дома*? – Вопрос задан в связи с сообщением С.Т. Аксакова о том, что Ю.Ф. Самарин носит бороду и заказал себе русское платье (см. письмо от 8.VIII.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 14. Л. 93 об.). В 40-е годы Самарин не был поклонником русского платья, за что его осуждал К.С. Аксаков, но с началом нового царствования и приездом государя в Москву распространились слухи, что Александр II не осуждает русский костюм. К.С. Аксаков писал Ивану: "Не будет ли каких-нибудь новых постановлений и распоряжений. Что до меня, я был бы доволен, если б снята была полуторасотлетняя опала с русской одежды" (письмо без даты // Там же. Ед.хр. 8. Л. 25). В ожидании благоприятных изменений А.С. Хомяков надел русское платье. А.И. Кошелеву он писал в марте 1856 г.: «Я везде в русском платье. Когда приеду, расскажу тебе все. Скандал был страшный, но я выдержал, хотя знают, что я заказал фрак на случай. Когда у меня спрашивают, отчего я не надеваю фрака, уже готового, я отвечаю: "чтобы не думали, что Россия меня уступила вместе с берегами Прута"» (*Хомяков*. С. 146–147). Надежды славянофилов на изменение отношения к русскому костюму в новое царствование не оправдались: 10.IV.1856 г. через полицию Хомякову было объявлено высочайшее повеление сбрить бороду и не носить русского костюма и взята в этом подписка (см.: *Оболенский Д.А.* Записки. Т. 2 // РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед.хр. 972. С. 18, а также письмо С.Т. Аксакова М.А. Максимовичу от 10.IV.1856 г. // Аксаков С.Т. Пол. собр. соч.: В 6 т. СПб., 1886. Т. III. С. 448).

[2] *Позволение Каткову издавать журнал и газету...* – Одновременно с журналом "Русский вестник М.Н. Катков намеревался продолжить выпуск газеты "Московские ведомости", издание которой с 1851 г. он арендовал у Московского университета. Но поскольку руководство университета воспротивилось этому совмещению, Катков был вынужден передать газету В.Ф. Коршу.

[3] *Я не знал, что сочинения Гоголя уже вышли...* – В письме от 8.VIII.1855 г. С.Т. Аксаков сообщил о выходе сочинений Н.В. Гоголя (первых четырех томов из шести), отдельного издания II тома "Мертвых душ" с "Авторской исповедью" и о том, что это известно в основном в Москве и Петербурге, а до провинции еще не дошло (см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 14. Л. 94). Объявление о выходе сочинений Гоголя в 4-х томах было сделано в "Московских ведомостях" (1855. 30 июля). Следующие два тома сочинений Гоголя вышли в 1856 г.

[4] ... *согласен... что славянофильский журнал успеха иметь не будет уже потому, что нет ни одного порядочного редактора, и потому, что между славянофилами нет никакого согласия...* – Сообщая Ивану о разрешении на издание "Русской беседы", С.Т. Аксаков выражал недовольство редакторами журнала: "Конечно, имена редакторов, Филиппова (Филиппова Т.И. – *Т.П.*) и Кошелева, не выгодны: первое производит на всех, *без исключения*, самое неблагоприятное впечатление, а второе – никакого...". Он был готов впутаться "в это честное и полезное дело, если б редакторы были другие люди; но в настоящем положении я не хочу и не могу иметь с ними сношения. Первого я решительно не принимаю к себе, а второго, по несчастию, видел два раза и не знаю, как мне от него избавиться..." (письмо от 22.XII.⟨1855 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 27. Л. 27, 27 об.). Видя, как "московская деятельность" уходит в бесконечные словопрения, раздраженный Сергей Тимофеевич, пользуясь присутствием славянофилов в своем доме, произнес речь: «По несчастию вам дозволен журнал, а к большему несчастию редакторами явились Кошелев и Филиппов. Никто из основателей журнала не имеет желания его издавать и трудиться, а потому неминуемо предстоит шлепнуться лицом в грязь. Чтоб выйти из этого положения с меньшим стыдом, надобно решиться на что-нибудь

из двух: 1) отказаться всем от всякого участия в журнале; пусть он умрет, не родясь, или пусть его издают, как знают, Кошелев и Филиппов. Разумеется, на это никто не решится. 2) приняться за дело настоящим образом, устранив всякое влияние Филиппова с молодой редакцией "Москвитянина", не набирать неизвестных сотрудников, а работать самим и совершенно исключить журнальный характер» (письмо Ивану от 29.XII.⟨1855 г.⟩ // Там же. Л. 29 об.–30). Позже он писал: «"Русская беседа" – умора. Главные деятели (Конст⟨антин⟩, Хом⟨яков⟩ и Чижов, который также (как и Хомяков. – *Т.П.*) едет в Петербург за разрешением) (Ф.В. Чижову после ареста III отделением в 1847 г. было запрещено издавать журнал, а Хомякову – печататься после запрещения "Московского сборника" 1852 г. – *Т.П.*) пишут *мнения*, как должно издавать трехмесячный журнал, и должно ли его издавать» (письмо Ивану от 5.1.1856 г. // Там же. Л. 23 об.). В специальном письме «Об издании "Русской беседы"» К.С. Аксаков писал, что по примеру прежних славянофильских сборников не следует вообще назначать редактора: «Редактор должен быть только для цензуры и типографии; будет видно, что книга издается направлением целым, общиною; она же носит кстати название "Беседы"!» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. Ед.хр. 35. Л. 4). Очень скоро обнаружилось отсутствие согласия: К.С. Аксаков изъявил готовность участвовать в "Русской беседе" только в том случае, если это будет сборник, а не журнал – в противном случае он обещал быть только гостем (Там же), на что А.И. Кошелев резонно возразил: "Будет издателем вы, ваш брат, Хомяков, Киреевский (Киреевский И.В. – *Т.П.*), Самарин, Чижов, я буду непременно полным, постоянным сотрудником и никогда не скажу, что у вас в журнале я буду *гостем*. К тому же вам известно, что я – издатель не по охоте, а по неволе. Следовательно, пугать меня отказом содействия не совсем как-то любовно" (Там же. Л. 4 об.).

5 *Вот Ваша книга, милый отесинька...* – Неясно, какая именно: "Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах" вышли в Москве в 1855 и 1856 гг. В конце 1855 г. была напечатана "Семейная хроника".

6 *... если бы хоть часть была той комиссии, которую мы создали в Ярославле!* – Комиссию по исследованию раскола возглавлял граф Стенбок.

7 *... встретил я Основского, охотника, издавшего книжку вместе с Рулье...* – Речь идет о книге Н. Основского "Замечания московского охотника на ружейную охоту с лягавою собакою" (М., 1852, 1-е изд.; 1856, 2-е изд.), в написании глав которой "О прилете и отлете птц" и "Вывод породы собак" участвовал К.Ф. Рулье (см.: *Микулинский С.Р.* Карл Францович Рулье. М., 1979. С. 319). Основский Нил Андреевич (ум. в 1871 г.) – писатель, автор охотничьих рассказов и повестей.

8 *... ведет постоянно журнал своей охоты.* – Речь идет о Н.В. Киреевском. И.С. Тургенев сообщал С.Т. Аксакову: "Об Иване Сергеевиче я имел известие от карачевского богача, Киреевского, который угощал его со всей дружиной и познакомился с ним" (письмо от 5(17).IX.1855 г. // Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. II. С. 312).

9 *... прочел в "Современнике" Толстого: "Севастополь в декабре м⟨еся⟩це".* – в № 6 "Современника" за 1855 г. (с цензурными сокращениями). С.Т. Аксаков восторженно принял это произведение. «Статью Толстого я прочел с восхищением и так же мысленно кричал "*ура*" и сочинителю, и тому, что она напечатана», – сообщал он И.С. Тургеневу (письмо от 11.VIII.1855 г. // РО. 1894. Нояб. С. 27).

199 *2.IX 1855*

1 *... говорят, 26-го августа был штурм.* – В телеграфном известии, полученном из Севастополя от князя Горчакова, сообщалось о непрерывной бомбардировке Севастополя в этот день.

2 *... чувство оскорбления и негодования, какое испытала тогда.* – Вероятно, имеется в виду усмирение войсками Екатерины II гайдамацкого восстания против польского засилья в 1768 г. Русские войска проходили через Украину и во время русско-турецких войн 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 1828–1829 гг.

3 Конисский Георгий (1717 или 1718–1795) – архиепископ белорусский с 1755 г., противник Брестской унии 1596 г.

4 *Он не крестьянин уже, не сдерживается честностью своего быта...* – Если нравственные устои крестьянства так сильны, как считал И.С. Аксаков, то непонятно, почему крестьяне так быстро испортились в ополчении.

5 *Если б... офицером был... Елагин...* – Н.А. Елагин.

200 *27.VIII.1855*

[1] *... 27-го августа было дело и очень для нас неудачное.* – В этот день князь Горчаков сообщал по телеграфу, что ежедневные потери наших войск от беспрерывных бомбардировок составляют 2500 человек, и больше оставаться в Севастополе невозможно.

[2] *... вполне понимаю Ваши впечатления; они очень верны, мне кажется.* – С.Т. Аксаков, никогда в своей жизни не видевший ополчения, поехал к Троице, чтобы посмотреть вступление двух дружин из Нерехты и Кинешмы. Начальником Костромского ополчения был выбран его друг Федор Иванович Васьков. Свои впечатления Сергей Тимофеевич изложил в письме сыну от 25.VIII.1855 г.: "Когда я увидел издали развевающиеся знамена, заслышал барабанный бой, и когда масса серых кафтанов и штыков покрыла все протяжение дороги – я почувствовал такое волнение, что готов был заплакать; но когда дружины прошли мимо меня, построились на площади и опять прошли мимо нас церемониальным маршем – сердце мое сжалось от такой глубокой жалости, какой, мне кажется, я никогда не испытывал. Это чувство меня до сих пор не оставляет. Я не заметил ни малейшего признака силы и бодрости в этой народной силе. Я не заметил ни одной молодцоватой фигуры! Утомление, уныние или апатия – вот все, что выражалось на лицах ратников. Я вообразил их себе в сражении с французами, и они показались мне жертвами, которых ведут на заклание" (Письма. Т. III. С. 158–159).

[3] *... прочли у кого-то в копии мои "Судебные сцены"...* – Речь идет о судебных сценах "Присутственный день в уголовной палате", работать над которыми автор начал в Калуге; они получили распространение, подобно тому, как ранее "Жизнь чиновника". И теперь в Нежине И.С. Аксаков встретил людей, знакомых с его произведением.

[4] *... вижу... Маш⟨еньку⟩ Петровскую, т.е. бывшую Воейкову.* – свою двоюродную сестру.

201 *9.IX 1855*

[1] *... в швейцарских колониях Аккерманского уезда в Бессарабии...* – Немецкие колонисты стали селиться с 1814 г. в Аккерманском уезде, где им принадлежало более половины земли.

[2] *... чтение депеши Горчакова о Севастополе перевернуло меня всего.* – телеграфная депеша от 27.VIII.1855 г. об оставлении Севастополя, переходе с Южной на Северную сторону (см.: Собрание донесений... С. 438).

[3] *Пронесся здесь слух, что корниловский бастион мы вновь отбили.* – 27.VIII.1855 г. пять французских дивизий ворвались в бастион. Овладение им вновь потребовало бы огромных жертв.

[4]*Приказ армиям представляет дело гораздо в худшем виде, нежели депеши Горчакова...* – "Каковы депеши Горчакова? – возмущался С.Т. Аксаков. – *Он очистил Севастополь с неимоверным успехом! По 3-е сентября в Крыму ничего нового не произошло!"* – цитировал он донесения Горчакова (письмо Ивану от 8.IX.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 100). Но грустнее всех донесений и приказов была сама действительность: по свидетельству очевидцев, несмотря на то, что М.Д. Горчаков стал готовиться к оставлению Севастополя еще с первых чисел августа после неудачи сражения на р. Черной, тем не менее 27-е августа застало его врасплох, не обошлось без хаоса в распоряжениях и неразберихи в их исполнении (см.: *Милошевич Н.С.* Севастополь в ночь с 27 на 28 августа 1855 г. // РС. 1886. Дек. С. 707). О том же писал и Л.М. Жемчужников: "Войско отступало в беспорядке как спутанное стадо баранов". "Трудно себе представить, насколько это поспешное отступление на северную сторону Севастополя лживо описано в реляции главнокомандующего, удивившей своею неправдою всех, кто видел его в действительности" (*Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. Л., 1971. С. 186).

[5]*Говорят, что Горчаков отозван. Как я был бы рад этому: ни одного счастливого дела во всю кампанию.* – В связи с получением известия об оставлении Севастополя С.Т. Аксаков писал: "Боже мой, какой несчастный выбор! Каждый генерал был бы во сто раз лучше Горчакова. В иностранных газетах разобрана и осмеяна его диспозиция сражения при Федюхиной горе: не понимаю, как можно после этого его оставлять главнокомандующим" (письмо Ивану от 8.IX.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 100 об.).

[6]*Не ожидал я этого...* – Не совсем так (см. с. 318–319 наст. изд.).

[7]*Поздравляю ... со днем рожденья милой Надички...* – 14 сентября.

[8] *...думаю, он продается у Базунова...* – Новороссийский календарь в Москве Аксаковы не сумели найти.

202 *15.IX 1855*

[1] *...со стороны Бровар...* – под Киевом.

[2]*Кн⟨язь⟩ Васильчиков сказал речь...* – киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, генерал-адъютант, генерал-майор *Васильчиков* Илларион Илларионович.

[3] *...не успел побывать в лавре.* – в Киево-Печерской лавре.

[4] *...утверждающий, что очень был с Вами дружен...* – Отец отвечал: "Я знал двух Загряжских: одного глухого игрока и другого страшного повесу, бывшего губернатором в Симбирске: кажется, ни тот ни другой не могут попасть в ополчение" (письмо от 29.IX.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 103 об.).

[5] *...именинницы 17 сентября...* – Вера, Надежда, Любовь и Софья Аксаковы.

[6]*Поздравьте Гришу и Софью с рождением Нины...* – вероятно, речь идет о дочери.

203 *29.IX 1855*

[1] *...со всеми нашими сентябрьскими праздниками...* – См. прим. 3 к письму 90.

[2]*Какие-то еще штуки выкинет со мною судьба на будущий год!* – В следующем году И.С. Аксаков войдет в состав комиссии В.И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений во время Крымской войны.

[3] *...война только что начинается, ополчение будет непременно в ней участвовать...* – Крымская война кончалась, ополчение в военных операциях не участвовало.

[4] *...стычка ... для нас неудачная ... благодаря беспечности... дивизионного начальника Корфа.* – 17.IX.1855 г. неприятель выступил из Евпатории. В случае наступления противника наблюдательный отряд генерал-лейтенанта Корфа должен был отступить в Карагурт. Не доходя до него и потеряв противника из виду, Корф приказал остановиться, снять орудия с передков, при этом не выставил аванпостов. Следствием было нападение на отряд неприятельской кавалерии численностью 2–3 тыс. Знакомый Ф.В. Чижова генерал Бердяев сказал, что "этого нельзя простить юнкеру, не только генералу" (Дневник Ф.В. Чижова // РГБ. Ф. 332. Карт. 2. Ед. хр. 8. Л. 15).

[5]*Пелисье* Жан-Жак (1794–1864) – французский маршал, вызванный в апреле 1855 г. из Алжира командовать французскими войсками под Севастополем, сменивший главнокомандующего Канробера.

[6] *...Горчаков опасался, чтоб неприятель не разрушил моста...* – Речь идет о плавучем мосте из 86 плотов, сооруженном в 1855 г. по проекту начальника инженеров Крымской армии генерал-лейтенанта Бухмейера Александра Ефимовича (1802–1860) для сообщения между северной и южной частями Севастополя. Отступление русских войск осуществлялось по этому мосту. За возведение моста Бухмейер был награжден орденом Белого Орла с мечами.

[7]*Прочел я статью Погодина в газетах о пребывании государя в Москве.* – В "Московских ведомостях" (1855. 10 сент.).

[8] *...не думаю, чтоб они имели большой успех.* – В.С. Аксакова, считая, что в статье М.П. Погодина о пребывании государя в Москве есть верноподданнические выражения, тем не менее отметила, что она "замечательна свободным, открытым языком, которым говорится с государем и об государе, об настоящих событиях, об настоящем положении России, об ее потребностях и т.д." (Дневник. С. 136–137). Вера Сергеевна имела в виду, очевидно, то место статьи, где Погодин писал: Севастополь показал, "что́ есть прекрасного и высокого в Русской природе; но там же увидели мы и многие существенные наши недостатки...".

[9] *...во времена введения Унии...* – Уния – объединение православной и католической церквей. Имеется в виду Брестская уния 1596 г., упраздненная только в 1946 г.

[10]Хмельницкий Богдан Михайлович (ок. 1595–1657) – украинский гетман, руководитель борьбы украинского народа против польского гнета в 1648–1654 гг., закончившейся воссоединением Украины с Россией (1654).

[11]*Россия не сумела удержать за собой Заднепровской Украйны и уступила ее Польше.* – Левый берег Днепра был присоединен к России в XVII в., правый берег –в 1793 г.

[12]Запорожская Сечь – организация украинских казаков, просуществовавшая с XVI в. до1775 г. Имела большое значение в освободительной борьбе на Украине.

[13]*Знаменитейшие из них были Железняк и Гонт...* – Железняк Максим (начало 1740-х годов – ?) – запорожский казак (см. прим. 14 к наст. письму), *Гонта* Иван (? – 1768), сотник надворных казаков графов Потоцких – руководители Колиивщины.

[14] *...происходила здесь знаменитая Колиевщина или Уманьская резь, побиение гайдамаков...* – Колиивщина – крестьянское восстание 1768 г. в западной Украине против польского гнета. Умань – укрепленное владение киевского воеводы графа Потоцкого – было взято после осады Гонтом и Железняком. Россия помогла Польше подавить восстание.

[15] *...Гонт (или Железняк – не помню) был гр⟨афом⟩ Потоцким изжарен на вертеле.* – М.А. Максимович обстоятельства гибели Гонты излагал следующим образом: "Кат в продолжение нескольких дней сдирал с него живого кожу до пояса, потом отрубывал руки и ноги, облупил голову, насолил ее солью и опять натянул кожу на череп" (Сказание о Колиивщине // РА. 1875. № 2. С. 25).

[16] *...тиранство поляков было ограничено...* – См. прим. 11 к наст. письму.

[17] *...инвентари здесь ... истинное благо.* – Имеются в виду инвентарные правила – законодательные акты, введенные в 1847–1848 гг. с целью нормализации отношений между крестьянами и помещиками и определявшие размеры наделов и повинностей крестьян юго-западных губерний. На практике инвентари безнаказанно нарушались в ущерб крестьянским интересам: "...корыстолюбие помещиков нашло средство самые инвентари обратить в средство угнетения, повидимому законного: крестьянам задавали уроки, превосходившие обыкновенные силы человека, посылали их для препровождения проходивших войск, для починки дорог и других повинностей; но помещики не принимали на свой счет дней, проведенных в командировке по земским надобностям, а зачисляли их вместе с неотработанными уроками в долг за крестьянами, записывали его в книгу и заставляли отработывать в предоставленные им дни, так что поселяне круглый год трудились, не зная даже праздников, и никогда не выходили из долгов" (Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год // РА.1884. № 3. С. 28–29).

[18] *...не стали робить панщину...* – Панщиной называли барщину на Украине и в Белорусии.

[19] Посессор – земельный арендатор.

[20] *Благодаря знанию наизусть некоторых стихотворений Мицкевича на польском языке...* – Польскому языку И.С. Аксаков учился в Калуге, куда ему из дома был выслан том стихотворений Мицкевича. Мицкевич Адам (1798–1855) – польский поэт, деятель национально-освободительного движения.

[21] *...книжку стихов того поэта (Мальческий)...* – Правильно: Мальчевский Антон (1793–1826) – польско-украинский поэт, автор романтической поэмы "Мария".

[22] *...сад Софиевка...* – заложен в 1796 г., в настоящее время дендропарк АН Украины.

[23] *...лучше петергофского...* – т.е. дворцово-паркового ансамбля XVIII–XIX вв. под Петербургом, созданного по образцу Версаля.

[24] *...донесение о деле 27 августа.* – донесение от М.Д. Горчакова об оставлении Севастополя.

[25] *Работает ли над грамматикой?* – В начале 1853 г. К.С. Аксаков окончил 1-й том грамматики. Отец был убежден, что этот труд не будет пропущен цензурой (см. письмо Ивану от 29.III.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 30–30 об.). Был опубликован только в 1860 г. (Опыт русской грамматики. М., 1860. Вып. 1).

[26] *Поздравляю... с днем рожденья Машеньки...* – 4 октября.

204 *6.X 1855*

[1] *...полагается 2 гарнца в сутки...* – Гарнец – старинная мера сыпучих тел, равная 3,28 л.

[2] *...о деле Корфа.* – См. прим. 4 к письму 203.

[3] *...неприятель бомбардирует Кинбурн и Очаков... высадил десант где-то около Очакова...* – Кинбурн – крепость, расположенная на оконечности Кинбурнской косы на берегу Днепровского лимана. Очаков – турецкая крепость, взятая в 1788 г. русскими войсками под командованием Г.А. Потемкина. В ночь со 2 на 3 октября 1855 г. французские суда прорвались в лиман, высадили десант на Кинбурнской косе, и 3, 4, 5, октября бомбардировали Кинбурн.

205 *14.X 1855*

[1] *...благодарю... за поздравления.* – с днем рождения 26 сентября и именинами.

[2] *Ваши письма живо передают впечатление, произведенное на вас взятием Севастополя...* – 1.IX.1855 г. С.Т. Аксаков писал Ивану: "Сегодня поутру получили мы горестное известие о взятии или об отдаче Севастополя! Нельзя сказать, чтоб я не ожидал этого, особенно после несчастного нападения на Федюхины горы, где 12 т⟨ысяч⟩ французов отбили и разбили 40 т⟨ысяч⟩ русских.

Кроме всего другого, падение Севастополя решило для меня вопрос великой важности. Я давно уже подозревал, что русские войска не могут равняться с французскими: теперь я убедился в этом окончательно". "На душе так грустно и тяжело, как никогда не бывало, особенно потому, что не только не видишь исхода из настоящего положения, но предчувствуешь напротив, что это только начало общих бедствий. Впечатление, произведенное отдачею Севастополя, со всеми пушками и бесчисленным множеством снарядов – не слабеет, а напротив разростается час от часу более. С Севастополем был связан великий вопрос: его не сюрпризом взяли у нас, а после годовой осады мы сами сдали его, торжественно признавшись пред целой Европой, что вся Россия не могла противиться какой-нибудь стотысячной французской армии" (Письма. Т. III. С. 161, 163).

[3]*Очаков нами взорван...* – Имеется в виду, вероятно, Николаевская батарея, стоявшая на берегу Днепровского лимана отдельно от крепости Очаков. В случае бомбардировки с неприятельских судов батарея была бы уничтожена, поэтому 6.X.1855 г. она была взорвана. "Очаковский же гарнизон, видя истребление Кинбурна, сам подорвал крепость и вышел. Таким образом, две эти крепости пали в течение 2-х суток" (*Духонин Л.Г.* Под Севастополем в 1853–1856 гг. // РС. 1885. Окт. – нояб. – дек. С. 606).

[4] *...Кинбурн взят неприятелем вместе с гарнизоном...* – В результате бомбардировки укрепления в крепости были разрушены, орудия побиты, строения сожжены; когда от гарнизона осталось 200 человек, комендант крепости решил сдаться в плен со всем гарнизоном.

[5]*Корф сменен, на место его назначен Радзивилл.* – генерал-лейтенант князь *Радзивилл* Лев Людвигович (1808–1884).

[6] *...в Тирасполе, т.е. подле самого города, устроена небольшая крепость над Днестром...* – По указанию А.В. Суворова была основана крепость Средняя, город вблизи нее назван Тирасполем.

[7] *...довольно грозная с виду крепость Бендерская.* – в Бессарабской губернии на правом берегу Днестра.

[8] *...раскольники, раздраженные последними мерами, принятыми против раскола правительством...* – 29.V.1855 г. были приняты меры к усилению надзора за страннической сектой: в местах ее наибольшего распространения было решено учредить особых комиссаров и особых благочинных от Синода для наблюдения за бродягами и пристанодержателями, а также за местным духовенством, чтобы оно не допускало послабления старообрядцам (см.: Собрание постановлений по части раскола. С. 632–633).

[9]*"Наши батьки-казаки с Суворовым брали Очаков..."* – А.В. Суворов участвовал в осаде Очакова, но взяли его войска под командованием Г.А. Потемкина 6.XII.1788 г.

[10] *...не советую ни Константину, ни Грише вступать в службу...* – Отец писал Ивану, будучи обеспокоен такой перспективой: "Если в Самаре будет ополчение, то Гриша непременно будет выбран и не откажется. Боюсь, чтоб не отняли у меня и Константина, несмотря на его бесчиние. Он тоже отказываться не станет" (письмо от 29.IX.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 103 об.).

[11]*А Самарин избежит ли службы или нет?* – Ю.Ф. Самарин пошел в ополчение (см. с. 410 наст. изд.).

[12]*Не могу согласиться однако ж с Константином насчет оправдания московских дворян в деле ополчения.* – О полемике Ивана с Константином по вопросу об ополчении см. на с. 343–345 наст. изд. Дворянство не проявило патриотизма, откупалось от выборов. Об отношении московского общества к ополчению (в том числе и семьи Аксаковых) пишет В.С. Аксакова: "Выбор Ермолова один оживил значение ополчения, которое само по себе не возбуждает почти вовсе сочувствия: все на него смотрят, как на удвоенный рекрутский набор, в который включены и дворяне". "Никто из порядочных людей не хотел идти в московское ополчение" (Дневник. С. 58, 101). Вера была недовольна тем, что ополчение не называли земским войском, Николай I не призывал на ополчение, а повелевал составить его, дружины названы не по городам, а по номерам и т.п. (Там же. С. 101). О том, что манифест об ополчении 1854 г. был принят дворянским сословием "холодно" и "с тяжелым чувством", свидетельствовал и А.И. Кошелев: "...шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровие, или особенные семейные обстоятельства, те, с едва скрываемою радостью, отказывались от чести и долга защищать свое отечество" (Записки А.И. Кошелева [М.], 1991. С. 94). Та же картина наблюдалась и при втором призыве летом 1855 г. – большая часть дворян отказывалась идти в ополчение, по этой причине офицерский состав его был "весьма неудовлетворителен" (*Давыдов В.Д.* Самарин – ополченец // РА. 1877. № 5. С. 44).

[13]*Как жаль Трушковского! Неужели нельзя этого переменить.* – Вероятно, речь идет о болезни Н.П. Трушковского. В следующем году Аксаковы настойчиво приглашали его в Абрамцево, обещая полечить гомеопатией (см. письмо К.С. Аксакова от 25.VI.1856 г. // РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 661. Л. 1–1 об.).

[14] *Письмо... от Якушкина, собирателя песен...* – Якушкин Павел Иванович (1820 или 1822–1872) – фольклорист, этнограф.

206 *25–27.X 1855*

[1] *...окна на море, на щеголевскую батарею.*– 6-я, или левая, батарея под начальством прапорщика Щеголева при бомбардировке Одессы 10.IV.1854 г. сначала четырьмя, а потом двумя орудиями в течение 7-и часов отражала атаку 350 неприятельских орудий. Николай I за это приказал произвести Щеголева в поручики, а 6-ю батарею назвать Щеголевской (см.: Собрание донесений... С. 124, 126). А. Щеголев – автор воспоминаний "Полвека назад" (Военный сборник. 1904. № 4, 5).

[2] *...нас считают более или менее аристократами (начальники дружин – генералы, начальники ополчений – просто дивизионные генералы – у нас генерал-адъютанты и т.п.) ...* – "Ополчение Московской губернии состояло из одной дружины в 1000 человек на каждый уезд, – вспоминал С.М. Загоскин. – В начальники дружин избирались, по выбору дворян, лица в чине не ниже майора. Статские чины переименовывались так: статские и коллежские советники – в капитаны, надворные советники и коллежские асессоры – в штабс-капитаны, титулярные советники – в поручики, коллежские и губернские секретари – в подпоручики, а коллежские регистраторы – в прапорщики. Все же тайные и действительные статские советники сохраняли свои чины и поступали в ополчение не иначе, как начальниками дружин или всего ополчения" (Воспоминания С.М. Загоскина // ИВ. 1900. Т. 79. Янв. С. 69).

[3]*Приказ Лидерса, о котором я вам писал еще из Киева...* – См. с. 374 наст. изд.

[4]*Мы прикомандированы к Якутскому резервному полку...* – А.О. Смирнова из Петербурга просила С.Т. Аксакова сообщить ей, где Иван: "...его дружина вступила в незаконный союз с каким-то егерским полком" (письмо от 6.III.1856 г. // РА. 1896. № 1. С. 158). Сделано это было в нарушение данного при формировании ополченческих дружин обещания, что они не будут соединены с армейскими полками.

[5] *...в высочайшем положении об ополчении...* – "Положение о государственном ополчении" было утверждено 29.I.1855 г.

[6] *...как говорили во время первой бомбардировки...* – 10.IV.1854 г.

[7]*Я бы желал... сделаться простым, рядовым офицером.* – С.Т. Аксаков считал, что этого делать не следует: "... тебе Бог дал способности, и ты получил образование не для поприща штабс-капитана Серпуховской дружины" (Письма. Т. III. С. 194).

[8] *...адресую на имя Томашевского...* – т.е. на московский почтамт, где он служил.

[9] *Как жаль... Грановского!* – Т.Н. Грановский скончался 4. X.1855 г. после краткой болезни. "Ничья смерть, – писал О.М. Бодянский, – так сильно не поражала университет с незапамятного времени, как смерть его; все без исключения были под гнетом ее; с утра и по поздней ночи двери жилища его не затворялись" (Выдержки из дневника О.М. Бодянского // Сб. О-ва любителей российской словесности на 1891 год. С. 134).

207 *4.XI 1855*

[1] *...ротному командиру Подольской дружины штабс-капитану Сушкову (брату Ростопчиной).*– Речь идет о Сушкове Сергее Петровиче (1816–1893). После окончания Крымской войны вышел в отставку и занялся изучением богословия. В 1890 г. издал сочинения Е.П. Ростопчиной с написанным им биографическим очерком.

[2]Субалтерн-офицер – в дореволюционной русской армии младший офицер.

[3] *...оставляю это до другого раза.* – Разговор об И.Ф. Паскевиче-Эриванском был продолжен в следующем письме (см. с. 399 наст. изд.).

208 *11.XI 1855*

[1] *...не помню дома Пфеллера в Денежном переулке.* – Находился в Лёвшинском пер., в приходе церкви Покрова.

[2]*Скоро ли она выйдет...* – "Семейная хроника и Воспоминания" С.Т. Аксакова. В августе

произведение переписывалось, рукопись должна была быть готовой к сентябрю (см. письмо С.Т. Аксакова И.С. Тургеневу от 11.VIII.1855 г. // РО. 1894. № 11. С. 27), книга была отпечатана 4.I.1856 г. (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 5.I.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24).

3 *Данила* I Петрович Негоша – правитель Черногории в 1851–1860 гг.

4 *...дом Скальковского, известного историка Запорожской Сечи и статистики Новороссийского края.* – Имеется в виду Скальковский Аполлон Александрович (1808–1898) – историк, этнограф. Исторические работы его посвящены преимущественно истории Южной Украины (Новороссийскому краю). В Екатеринославе обнаружил архивы Запорожской Сечи. После окончания Московского университета (1827) жил в Одессе (с 1828 г.).

5 *...племянница Вука Стефановича...* – Караджич (Вук Стефанович, 1787–1864) – сербский этнограф, филолог, преобразователь сербского литературного языка и правописания.

6 Ламанский Е.И. после смерти В.А. Милютина стал секретарем Русского Географического общества, впоследствии членом Редакционной комиссии по крестьянскому делу.

7 *...Милютин не передал ему статьи моей... о железе.* – Речь идет о В.А. Милютине. Русское Географическое общество делало запросы о наиболее важных предметах торговли: хлебе, льне, железе (см.: *Семенов П.П.* История полувековой деятельности императорского Русского Географического общества 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 131).

8 *Владим⟨ир⟩ Алексеевич, о смерти которого он пишет...* – В.А. Милютин застрелился 5.VIII.1855 г.

209 *23.XI 1855*

1 *Вот и опять Бендеры, откуда я писал... ровно семь лет тому назад...* – во время командировки в Бессарабию 1848 г.

2 *...колония Сарептская...* – немецкая колония гернгуттеров (или моравских братьев), религиозные убеждения которых были сходны с лютеранскими. Была основана на берегах Сарепты в XVIII в. И.С. Аксаков проезжал Сарепту в начале 1844 г., направляясь на ревизию в Астрахань, и в письме к родным оставил ее описание (см.: *Аксаков.* С. 14).

210 *3.XII 1855*

1 *...гора, господствующая над всею окрестностью, с которой Суворов разгромил крепость.* – Неверно: Бендеры сдались Г.А. Потемкину без кровопролития.

2 *...объявление Каткова об издании "Русского вестника".* – печаталось в разных газетах. "Московские ведомости" поместили объявление в приложении к номеру от 3.XII.1855 г., Катков сообщил имена писателей, чьи труды будут опубликованы в журнале: среди них были С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы.

3 *...участвуем только мы трое.* – См. предыдущее прим. О приглашении Ивана ("Катков просил тебя участвовать в журнале") сообщил К.С. Аксаков в приписке к письму отца от 4.XI.⟨1856 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 8 об. Ю.Ф. Самарину Константин писал, что поскольку "Русский вестник" не выставил враждебного знамени, а редактор "человек честный и хороший и вовсе не противник наших убеждений", то Аксаковы дали ему свои имена (письмо ⟨1855 г.⟩ // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 114 об.). М.Н. Катков так объяснял причины приглашения К.С. Аксакова в свой журнал: "во 1-х по чувству давней приязни, а, во 2-х, в том убеждении, которое я и высказывал ему, что при всем различии некоторых исторических воззрений мы можем сойтись во многом существенном и что действие в духе согласия в настоящее время было бы плодотворнее, нежели в разном развитии противоположных направлений..." (письмо С.Т. Аксакову от 27 мая, датируемое нами 1856 г. на основании упоминаний о полемике "Московских ведомостей" и "Русской беседы" и об отказе С.Т. Аксакова писать обзорную статью для "Русского вестника" – участие Аксаковых в журнале прекратилось в 1856 г. // РГБ. ГАИС / III. Карт. I. Ед. хр. 70. Л. 2.

4 *Имена Каткова, Корша и Леонтьева порукою в том, что журнал будет серьезный...* – М.Н. Катков предложил Е.Ф. Коршу издавать журнал сообща, хотя право издания было получено на имя Каткова. К концу первого года издания отношения между ними были разорваны. О Е.Ф. Корше см. прим. 8 к письму 151. Леонтьев Павел Михайлович (1822–1875) – профессор кафедры римской словесности и древностей Московского университета, сотрудник Каткова в "Московских ведомостях" и "Русском вестнике".

[5] *...не петербургская литературная Сенная площадь...* – Отношение И.С. Аксакова к петербургской журналистике было неодобрительным, но еще более резким, непримиримым было отношение к ней К.С. Аксакова, не допускавшего и мысли о возможности сотрудничества в петербургской прессе: "...если же я напишу что-нибудь для печати, то буду желать, чтобы напечатано было в Москве; вы знаете также, что я душою москвич и не участвую ни в одном петербургском журнале и газете" (письмо Д.А. Оболенскому без даты // РГБ. ГАИС / III. Карт. III. Ед. хр. 5. Л. 15).

[6]*Поздравляю вас с 26-м ноября и Любочку также.* – с днем рождения Л.С. Аксаковой.

211 *8.XII.1855*

[1] *...приложено письмо Ал⟨ександра⟩ Ив⟨ановича⟩ Казначеева.* – адресованное А.Н. Лидерсу, командующему Южной армией. Оно содержало просьбу о переводе И.С. Аксакова в его штаб или к нему самому (см. письмо А.И. Казначеева при письме родителей Ивану от 24.XI.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 22. Л. 48).

[2] *...6-го декабря должны были петь... "Боже, царя храни"...* – 6 декабря – день чудотворца Николая. "Боже, царя храни" – гимн царской России с 1833 г. (слова В.А. Жуковского).

[3] *...от превосходной силы...* – Зд.: превосходящей.

[4] *...пугает их невыразимо.* – Подобные высказывания в письмах сына вызвали беспокойство С.Т. Аксакова, который писал: "Приказываю тебе строго быть как можно умеренным и осторожным в речах и письмах" (письмо от 2.11.⟨1856 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 120 об.).

[5]*Хотинская крепость упраздняется...* – турецкая крепость, с 1812 г. находившаяся в составе России.

[6] *...кормить папушей...* – т.е. травой.

212 *21–22.XII 1855*

[1] *...о предложении Каткова купить Вашу рукопись...* – Речь идет о "Семейной хронике и Воспоминаниях", которые М.Н. Катков просил для "Русского вестника", но С.Т. Аксаков предпочел выпустить их отдельным изданием. 4.XI.⟨1855 г.⟩ он сообщал Ивану: «Вчера был у меня Катков, который намерен издавать журнал с 1 января 1856 г. под названием "Русский вестник", делал мне самые выгодные предложения насчет моей книги, т.е. предлагал какую угодно цену за рукопись, брал на себя все сделанные мною расходы и расплату с типографией и сверх того обязывался напечатать в мою пользу 2400 экземпл⟨яров⟩. Но я не мог согласиться, ибо книга моя должна была разбиться на 8 №. Вероятно, ее купит у меня Базунов с уступкою 25 проц⟨ентов⟩» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 18. Л. 7 об. – 8).

[2]*Что касается до второго предложения...* – предложения участвовать в журнале (см. выше).

[3]*Укажите – какое?* – Ответ отца в письме от 5.1.1856 г: "Что касается собственно до тебя, то поступай, как заблагорассудишь. Мне остается только желать, чтоб все твои действия послужили только тебе во благо. Во всяком случае, когда ты будешь свободен, то непременно заплатишь свой долг Географическому обществу. Мест для службы будет много" (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 23).

[4] *...от некоторых дарованных льгот...* – Имея доказательства перлюстрации писем, отец тревожился, читая об этом в письмах Ивана (см. прим. 4 к письму 211).

[5] *...юбилеем Щепкина.* – по случаю 50-летия его сценической деятельности. Инициатива празднования юбилея принадлежала С.Т. Аксакову. Из-за войны отмечать это событие никто не намеревался, но Сергей Тимофеевич остался верен своему обещанию написать театральную биографию М.С. Щепкина (см. письмо Ивану от 23.V.1855 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 84 об.). Описание юбилея, состоявшегося 26.XI.1855 г. в зале Училища живописи и ваяния в присутствии почти 200 человек, содержится в письме С.Т. Аксакова Ивану от 1.XII.1855 г.: "Перед обедом Константин прочел мою статью, сидя за особым столом вместе с Щепкиным, который плакал и смеялся. Слушатели, разумеется, рассыпались рукоплесканиями" (Письма. Т. III. С. 214). К.А. Трутовскому Сергей Тимофеевич сообщал: "Празднование щепкинского юбилея было поистине прекрасно и, конечно, оно тем приятнее для меня, что без меня его бы не было. Общее удовольствие всех участвовавших теперь нарушено только тем, что по требованию г⟨оспо́дина⟩ Закревского не напечатан тост моего Константина..." (*Трутовский К.А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Рус. худож. архив. 1892. Вып. III–IV. С. 132).

[6]*Пришлите мне прочесть Вашу статью...* – статью С.Т. Аксакова "Несколько слов о М.С. Щепкине" (Моск. ведомости. 1855. 29 нояб.).

[7] *...рад... что мог Конст⟨антин⟩ провозгласить тост в честь общественного мнения!...* – На обеде в честь М.С. Щепкина М.П. Погодин провозгласил тост за здоровье отсутствовавшего С.Т. Аксакова, автора статьи о юбиляре. В ответ К.С. Аксаков сказал: «"Тост ваш для меня дорог. Благодарю вас от имени моего отца, благодарю всею душою за ваше сочувствие. Выражение общественного сочувствия, общественного мнения драгоценно, и отец мой ставит его выше всего. Я не могу лучше отвечать на ваш тост, столь для меня драгоценный, как предложив тост в честь общественного мнения!" – Две секунды продолжалось молчание и разразилось криком и громом рукоплесканий. Все встали с своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином» (письмо С.Т. Аксакова Ивану от 1.XII.1855 г. // Письма. Т. Ш. С. 214–215). К.С. Аксаков также писал Ю.Ф. Самарину об этом тосте и том "едва ли выразимом восторге", с которым он был принят (письмо без даты // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 117).

[8] *Что касается до циркуляра в⟨еликого⟩ князя...* – Неясно, о каком циркуляре идет речь.

[9] *...Самарин поступил на службу в ополчение...* – В июле 1855 г. был объявлен призыв во второе ополчение, касавшееся Поволжья. Ю.Ф. Самарин, имения которого находились около Сызрани, был избран капитаном сызранской дружины № 272. В сентябре от отправился туда набирать ратников. "Самарин отличный ротный командир и совершенно доволен своим положением", – сообщал отец Ивану (письмо от 5.1.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 23 об.). Узнав о поступлении Самарина в ополчение, А.С. Хомяков писал ему: "От души желаю, чтобы ни вам, ни И.С. Аксакову не быть под пулями; но мне весело и очень весело, что вы так охотно идете на это дело" (письмо ⟨1855 г.⟩ // *Хомяков.* С. 275), а также А.И. Кошелеву: «Жаль и не жаль Самарина: ему нужно было освежиться, а до пуль авось не дойдет. Он сам теперь пишет: "Странно, когда мог писать и был свободен, казалось, не о чем и не для чего и не хотелось; а теперь так и рвется рука к перу, и пропасть статей в голове и, казалось, сейчас бы написал» (письмо от осени 1855 г. // Там же. С. 142). Хомяков оказался прав: в связи с окончанием войны дружина, в которой был Самарин, не выступила из Сызрани. О службе Самарина в ополчении см. его "Записки ратника" (РГБ. Ф. 265. Карт. 90. Ед. хр. 3), а также воспоминания В.Д. Давыдова (РА. 1877. № 5).

[10] *Ну, что же, Константин бранит его за это?* – К моменту вступления Ю.Ф. Самарина в ополчение взгляды К.С. Аксакова претерпели изменения (о его прежних взглядах на ополчение см. прим. 12 к письму 205). Он писал другу: "Итак, ты доволен, что попал в ополчение. Самым фактом, что ты там, и я доволен за тебя. – Лицом к лицу с Русским народом почерпнешь ты из него много сил и узнаешь короче народ. Тогда, быть может, не только преувеличенными покажутся тебе мои о нем отзывы. – Ты поставлен в деятельное отношение к крестьянину, которое в то же время не помещичье, – и это, конечно, великое счастье. – Не образовывай и не учи (я не о военных делах говорю), а образовывайся и учись" (письмо без даты // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 97. Л. 112). Константин сам хотел бы попасть в ополчение, но его не выбрали ни в Самаре, ни в Оренбурге как нигде не служившего (Там же. Л. 113).

[11]*Что касается до выписки из письма Кулиша...* – П.А. Кулиш выражал недоумение тем обстоятельством, что И.С. Аксаков не ответил на внимание знакомых во время своего пребывания в Киеве с ополчением (см.: Письма. Т. III. С. 217–218).

[12] *...как регистратор к настольному регистру.* – "Насчет Кулиша я почти с тобою согласен, – отвечал С.Т. Аксаков, – только выражусь иначе: это человек слишком легко поддающийся впечатлениям и потому иногда неразумный. Талант у него есть, но слишком односторонний; когда дело идет о Малороссии – он талант" (письмо от 5.I.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 23 об.).

[13] *...я не успел быть у Павлова, у Силина, у Бунге, у кн⟨язя⟩ Дабижи...* – См. прим. 11 к наст. письму.

[14] *...провел в разговоре с кн⟨язем⟩ Голицыным... директором Училища правоведения...* – Речь идет о Н.С. Голицыне, в 1848 г. назначенном директором Училища правоведения. До этого был профессором военной академии (см.: *Тютчев И.А.* В училище правоведения в 1847–1852 гг. // РС. 1885. Дек. С. 672).

[15]*Вот и праздники, с которыми поздравляю вас...* – Новый год, Рождество Христово.

213 *26.XII 1855*

1 *...если Гриша утвержден...* – на место самарского вице-губернатора.

2*...описание юбилея...* – юбилея 50-летней сценической деятельности М.С. Щепкина.

3 *...покончилось... пляской или галопом всех действовавших лиц.* – Речь идет о постановке народной драмы "Царь Максимильян". Эпизод со смертью взят из народной драмы "Аника-воин и смерть".

4 *...в Сибири университет...* – Первый в Сибири Томский университет был открыт в 1888 г.

5*Хрулев* Степан Александрович (1807–1870) – генерал-лейтенант, с декабря 1854 г. состоял при князе Меншикове, главнокомандующем морскими и сухопутными силами в Крыму.

6 *...что делает и куда пошел Муравьев.* – Имеется в виду генерал-адъютант Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794–1866), главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, который вынудил 15.XI.1855 г. командующего турецкой армией и английского генерала Вильямса, руководившего обороной Карса, сдать крепость. Донесение Муравьева о падении Карса от 17.XI.1855 г. см.: Собрание донесений... С. 511–513. Н.Н. Муравьев (Карский) приходился двоюродным дядей Н.Н. Муравьеву (Амурскому).

7*Быть не может, чтоб Мусина-Пушкина назначили попечителем университета.* – в связи с назначением попечителя В.И. Назимова виленским генерал-губернатором. Назначение М.Н. Мусина-Пушкина не состоялось: преемником Назимова стал Евграф Петрович Ковалевский. Мусин-Пушкин был попечителем Петербургского учебного округа в 1845–1856 гг.

8 *...что же Трутовский? Вступил или нет в Харьковское ополчение...* – В.С. Аксакова писала: "Письма получены от Трутовских два. Слава Богу, у них все хорошо, он не выбран в ополчение, его оставили дома, и они теперь спокойны" (Дневник. С. 78). К.А. Трутовский не мог пойти на войну из-за серьезной болезни жены (туберкулез), от которой она умерла летом 1858 г.

9 *...что Трушковский?* – Речь идет, по всей вероятности, о его болезни (сумасшествии). В апреле 1857 г. С.Т. Аксаков писал Ивану, что после лечения Трушковскому гораздо лучше и что Анна Васильевна Гоголь уверяет, что он совсем не сумасшедший (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 131).

10 *...Ваша книга...* – "Семейная хроника и Воспоминания".

11 *...фельдмаршал при смерти...* – И.Ф. Паскевич-Эриванский, главнокомандующий войсками на западной и южной границах России. Умер 21.I.1856 г. в Варшаве.

12 *...на его место назначается к⟨нязь⟩ Горчаков...* – В январе 1856 г. после смерти И.Ф. Паскевича наместником Царства Польского и главнокомандующим сформированной там 1-й армии был назначен М.Д. Горчаков.

13 *...на место Горчакова Лидерс ... а на место Лидерса граф Остен-Сакен.* – 27.XII.1855 г. командующий Южной армией и морской частью в Николаеве генерал-адъютант Лидерс был назначен главнокомандующим Крымской армией и военными сухопутными и морскими силами. "Нельзя передать нашей радости, на душе отлегло", – записала В.С. Аксакова (Дневник. С. 142). Назначение Д.Е. Остен-Сакена не состоялось (см. с. 417 наст. изд.).

14 *...письмо Казначеева к Ар⟨туру⟩ Ад⟨амовичу⟩ Непокойчицкому.* – См. прим. 1 к письму 211. Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, начальник штаба Крымской армии, член Государственного совета (1878).

15 *...известие... что весною будет непременно война с Австрией...* – Напротив, 18.III.1856 г. был заключен мир.

1856

214 *4.I 1856*

1Публикуется впервые.

2 *...весь увяз в четвериках и гарнцах...* – Четверик содержит 1/4 осьмины и 1/8 четверти (четверть – хлебная мера, равная 8 четверикам), гарнец – 1/8 четверика.

3 *...4 января.* – день рождения Г.С. Аксакова.

4 *...с приложением письма к Лидерсу.* – письмо от А.И. Казначеева. Родные хлопотали о переводе И.С. Аксакова в штаб А.Н. Лидерса.

[5] *Что вы дали в "Русский вестник?"* – В журнале появился "Отрывок из воспоминаний (Гимназия. – Период второй)" С.Т. Аксакова (РВ. 1856. Т. I. № 1–2). С.Т. Аксаков сожалел, что ничего не мог дать в новый журнал, кроме этого отрывка из книги ("Русская хроника и Воспоминания"), которая должна была появиться в печати вслед за выходом первого номера "Русского вестника".

[6] *Чьи это "Этнографические записки южной Руси"*. – Имеется в виду этнографический сборник "Записки о Южной Руси" (СПб., 1856–1857. Т. I–II.) П.А. Кулиша. Отрывок из II тома "Записок" – "Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак" – в 4-й книге "Русской беседы" за 1856 г.

215 *11–12.I 1856*

[1] *Письмо Лидерсу я не посылал...* – См. с. 416 наст. изд.

[2] ... *отчего Сакену не дали никакого назначения.* – Будет назначен в Государственный совет (см. с. 418 наст. изд.).

216 *18–19.I 1856*

[1] ... *получил два ваших письма, одно с деньгами...* – О денежной просьбе см. на с. 406 наст. изд.

[2] ... *с приложением брошюрки о Щепкине.* – См. прим. 6 к письму 212.

[3] ... *сочинительство слышно.* – Отец отвечал: "... замечания твои на статью о Щепкине отчасти справедливы, но есть другие недостатки более важные" (письмо от 2.II.⟨1856 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 121).

[4] ... *какой отрывок Вы дали.* – См. прим. 5 к письму 214.

[5] ... *усилились слухи о мире...* – Они были справедливы вопреки неверию Ивана. Отец писал ему 13.I.1856 г.: "Итак, все уже решено. Правительство согласилось на мир и весьма неожиданно для всех. Настоящих причин такого согласия, разумеется, никто не знает, но, вероятно, совокупность многих обстоятельств заставила нашего доброго государя решиться на такой пуступок..." (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 113).

[6] ... *уверяют... будто мир подписан 11 января...* – Речь шла не о мире, а о перемирии и прекращении войны. Мир был подписан в Париже в марте 1856 г.

[7] Васильчиков Виктор Илларионович (1820–1878), князь – генерал-адъютант, в 1853–1856 гг. начальник штаба Севастопольского гарнизона. С 1857 г. директор канцелярии военного министерства, в 1858–1860 гг. товарищ военного министра. В № 2 газеты "Русь" за 1881 г. И.С. Аксаков напечатал отрывок "Из записок о Севастопольской обороне князя Виктора Иларионовича Васильчикова", полученный после смерти последнего от его брата А.И. Васильчикова.

[8] *Я не посылал письма к Лидерсу...* – См. с. 416 наст. изд.

[9] ... *как жаль мне Васькова...* – С.Т. Аксаков сообщил, что старинный друг его Федор Иванович Васьков 15.XII.1855 г. умер в Варшаве от удара, имевшего причиной ссору с грубияном генералом Сумароковым, вызванным потом для объяснений в Петербург (см. письма от 29.XII.1855 г. и от 5.I.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24 об., 30 об.). О подробностях ссоры рассказывается в воспоминаниях В.А. Докудовского: "Педант Сумароков был крайне недоволен фронтовым образованием Костромской дружины и грубо выговаривал за то начальнику ее действительному статскому советнику Васькову. Этот помещик справедливо ему заметил, что они привел не солдат, а мужиков и не для воинских парадов и церемоний, а чтобы драться с врагами и что тогда только Сумароков может делать выговоры, когда увидит, что ополченцы будут худо драться с врагами, и в заключение Васьков присовокупил, что он начальником ополченцев избран всем дворянством и взял с собою на службу отечеству 4-х сыновей и 2-х зятьев, чего не может сказать другой о самом себе. Но Сумароков-таки доехал Васькова и, как говорили, чрез 2 месяца умер (Васьков. – *Т.П.*) от нападков и огорчений" (Воспоминания генерал-майора Василия Абрамовича Докудовского. Рязань, 1898. С. 176).

[10] ... *назначение Тургенева цензором...* – Цензором был назначен И.А. Гончаров.

[11] ... *три года тому назад сидевшего на съезжей за нарушение цензурного устава.* – См. прим. 8 к письму 136.

[12] ... *отчего Сакен попал в Госуд⟨арственный⟩ совет.* – Очевидно, Аксаковы считали это учреждение неподходящим для "единственно честного, боевого и благочестивого генерала" (письмо С.Т. Аксакова Ивану от 1.III.1856 г. //ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 126 об.).

217 *25.I 1856*

[1] *... с статьей... о мире...* – Для обсуждения предварительных условий мира 3.I.1856 г. Александр II созвал совет, выработавший записку по этому поводу. Перемирие с прекращением военных действий было заключено 13.II.1856 г., мирный договор подписан 18.III.1856 г.

[2] *... говорится о новой коалиции. Кто же это? Австрия и Швеция?* – В это время были распространены слухи о союзе Швеции с Францией.

[3] *... любопытно знать, как вы приняли это известие.* – Отец писал Ивану 5.I.1856 г., что не верит толкам о мире (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 23), но уже через неделю пришлось убедиться в обратном (см. прим. 5 к письму 216).

[4] *... поздравляю вас... с именинами Гриши и Машеньки...* – 25 и 26 января.

218 *1.II 1856*

[1] *Вы рассказываете про новые ваши интересные знакомства...* – В январе 1856 г. С.Т. и К.С. Аксаковы познакомились с Л.Н. Толстым.

[2] *... Сухозанет и кн⟨язь⟩ Васильчиков смотрят на ополчение другими глазами...* – *Сухозанет* Николай Онуфриевич (1794–1871) – генерал-адъютант, командующий Южной армией, военный министр (1856–1861), член Государственного совета; *Васильчиков* – В.И. Васильчиков.

[3] *... благодарен Федору Унковскому за его дружеские заботы...* – Отец писал о приезде к Аксаковым Ф.С. Унковского, который советовал Ивану перейти в штаб к Н.О. Сухозанету: "Унковский превозносит похвалами и его и начальника штаба Васильчикова" (письмо ⟨от 19.I. 1856 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 115).

[4] *... брата его адъютанта...* – С.С. Унковского, адъютанта Н.О. Сухозанета.

[5] *... у старика Унковского...* – С.Я. Унковского.

[6] *... книгу Вашу...* – "Семейную хронику и Воспоминания".

[7] *... у вас выбран Чертков предводителем?* – *Чертков* Александр Дмитриевич (1789–1858) – председатель Общества истории и древностей российских в 1849–1857 гг., московский губернский предводитель дворянства в 1844–1856 гг.

[8] *... трудно с ним мириться!* – Неизвестно, о чем идет речь.

[9] *... такого читателя, персидского шаха!* – С.Т. Аксаков сообщил сыну, что персидский шах, которому перевели "Записки ружейного охотника", пришел от них в восхищение (см.: Письма. Т. III. С. 233).

219 *8.II 1856*

[1] *... экземпляр "Ружейного охотника"...* – "Записки ружейного охотника Оренбургской губернии".

[2] *... он ее задержит и прочтет...* – Речь о "Семейной хронике и Воспоминаниях". И.П. Толстой писал И.С. Аксакову: "Читаю книгу батюшки Вашего и не начитаюсь, – редко мне случалось читать что-нибудь подобное. Описывает свое детство, – кажется, что бы тут любопытного для постороннего, – но описывает так, как никто и никогда не описывал. Просто чудо и чудо" (письмо от 6.III.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 165. Л. 2).

[3] *... поздравляю вас... с 7-м февраля...* – днем рождения В.С. Аксаковой.

[4] *Что Мамонов? существует?* – В январе 1856 г. он собирался уехать за границу, но и в конце года все еще находился в России. См. также с. 468 наст. изд.

220 *15–16.II 1856*

[1] *... скоро и Великий пост...* – Последние семь недель перед Пасхой.

[2] Гунны – кочевой народ Центральной Азии; аланы – племя кочевников, занимавшее территорию нынешнего Северного Кавказа до Дона, завоевано гуннами в 375 г.; авары (обры в русских летописях) – племена тюркского происхождения, переселившиеся в середине VI в. из Центральной Азии на Дунай. Атилла – царь гуннов (ум. в 453 г.).

[3] *... строк "Русского вестника" о Вашей книге...* – Эти строки выписал С.Т. Аксаков в письме Ивану от 2.II.1856 г. (см.: Письма. Т. III. С. 237). Автором рецензии был Федор Михайлович Дмитриев, сын М.А. Дмитриева.

[4] *... понимаю, какою строкою были Вы задеты за живое.* – С.Т. Аксаков мог быть недоволен

словами Ф.М. Дмитриева: "любовь к национальному, к родному выразилась у нас исключительным образом. От законного требования народного самосознания преемники Шишкова перешли к национальной исключительности, забывая, что против нее-то и бились лучшие люди времен прошедших" (РВ. 1856. Т. II. № 3–4. Отд. Соврем. летопись. С. 45).

[5] *У Вас в запасе имеются еще записки о Шишкове...* – Работа над ними была окончена в январе 1854 г., но автор считал, что о печатании нечего и думать (см. письмо Ивану от 25.I.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 11об.).

[6] *Вот что значит диктовка!* – Из-за болезни глаз С.Т. Аксаков не мог писать письма, и под его диктовку писали дочери.

[7] *... как поняли вы графа Л⟨ьва⟩ Толстого?* – См. прим. 1 к письму 218.

[8] *... мне бы хотелось с ним познакомиться.* – И.С. Аксаков познакомился с Л.Н. Толстым 7.V.1856 г. в Петербурге.

221 *22.I 1856*

[1] *Очень рад, что подписка снята...* – Участникам "Московского сборника" 1852 г. (братья Аксаковы, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, В.А. Черкасский) было запрещено печатать свои произведения без разрешения Главного управления по делам цензуры. Для издания журнала "Русская беседа" необходимо было снять это запрещение. 26.1.1856 г. товарищ министра народного просвещения князь П.А. Вяземский в обход III отделения представил доклад о снятии опалы со славянофилов.

[2] *... есть извинение, предлог.* – И.С. Аксаков был недоволен недостаточной активностью славянофилов на журнальном поприще в прежние годы. Но перед началом издания "Русской беседы" А.И. Кошелев приглашал к сотрудничеству даже находившегося в ополчении И.С. Аксакова: "... хоть вы и ратник, хоть вы и обер-квартирмейстер, хоть вы и казначей, хоть у вас нет свобод⟨ого⟩ времени на полушку, а вы должны что-нибудь написать для нашего журнала" (письмо от 22.VIII.1855 г. // Голос минувшего. 1918. № 1–2. С. 247).

[3] *... журнал не успеет выйти к положенному сроку.* – поскольку разрешение на издание "Русской беседы" было получено только 3.II.1856 г.

[4] *Я сам не ожидаю большого успеха для "Русской беседы"...* – как и С.Т. Аксаков, который видел причины грядущего неуспеха в отсутствии задора у славянофилов и в исключительности их воззрений, мало поддержанных в обществе. "Я остаюсь в полном убеждении, – писал он Ивану, – что оно (дело издания журнала. – *Т.П.*) будет ведено дурно и что честное направление, получив право говорить, потеряет свое влияние и что все подымут на смех московскую деятельность" (письмо от 29.XII.1855 г. // Наше наследие. 1991. №V. С. 61).

[5] *... года полтора тому назад, кто бы ни был редактор, "Беседа" имела бы успех огромный.* – т.к. это было время войны, когда интерес к периодическим изданиям возрос.

[6] *... "Сборник" Панова...* – Не уточнено, какой именно. В.А. Панов был издателем двух "Московских литературных и ученых сборников" 1846 и 1847 гг.

[7] *... меня самого беспокоит доклад Плетнева.* – Речь идет о докладе "Памяти графа Сергея Семеновича Уварова, президента императорской Академии наук", прочитанном в торжественном собрании Академии наук 29.XII.1855 г. Огромный и полный преувеличенных похвал, он печатался в "Московских ведомостях" (1856. 28 февр., 1, 5, 6, 8, 10 марта). Плетнев Петр Александрович (1792–1865) – редактор "Современника" в 1838–1846 гг., критик и историк литературы, профессор, ректор Петербургского университета в 1840–1861 гг.

[8] *... заеду к Трутовским, Елагиным...* – в Яковлевку Курской губернии, где жили Трутовские, и в Петрищево Тульской губернии, где жили Елагины.

[9] *... примусь за работу Географ⟨ического⟩ общества.* – "Исследование о торговле на украинских ярмарках".

222 *29.II 1856*

[1] *... вряд ли я поступлю на службу в Морское м⟨инистерст⟩во.* – Речь об этом зашла в связи с тем, что приятель И.С. Аксакова Д.А. Оболенский с середины 50-х годов служил в этом министерстве, более 10 лет являясь директором комиссариатского департамента.

[2] *... Куролесов во многих местах называется Куроедов, мать Багрова то Софьей*

Николаевной, то Марьей Никол⟨аевной⟩, Прасковья Ивановна – Надеждой Ивановной. – Речь идет о приравнивании художественных образов, созданных в “Семейной хронике” и “Детских годах Багрова-внука” к реальным прототипам (Куроедов – прототип Куролесова, Марья Николаевна Аксакова – прототип Софьи Николаевны Багровой и т.п.). С.Т. Аксаков предвидел возможность такого отождествления. 8.V.1856 г. он писал А.О. Смирновой: “Я наперед знал, что найдутся подлецы, которые печатно будут говорить, что Багровы – мои отец и мать. Но Бог с ними!” (РА. 1896. № 1. С. 160).

3 ... *прямо говорит*: “*Мать автора, М⟨ария⟩ Николаевна*”... – М.Н. Аксакова, урожденная Зубова (1771?–1833).

4 ... *положили бы конец возгласам à la Григорьев.* – Имеется в виду чрезмерная эмоциональность, присущая этому критику. С.Т. Аксакова сердили чрезмерные похвалы в прессе “Меня до того захвалили, что слов нет”, – писал он Ивану (письмо от 26.VIII.1854 г. // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 63об.). После выхода “Семейной хроники и Воспоминаний” дифирамбы возросли. Григорьев Аполлон Александрович (1822–1864) – поэт, критик.

5 ... *на 1 неделе*... – Великого поста.

223 *7.III 1856*

1 ... *преемника я сам себе выбрал*... – Луженовского (см. с. 461 наст. изд.).

2 *Очень мне жаль Н⟨иколая⟩ Петровича*... – Речь идет о смерти приятеля С.Т. Аксакова Н.П. Годеина (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 23.11.1856 г. // Письма. Т. III. С. 231).

3 *Что за комедию разыгрывают Кокорев и Погодин!* – Фраза по поводу чествования в Москве в феврале 1856 г. моряков – защитников Севастополя. “... Самым ревностным деятелем в этом общем движении гостеприимной Москвы был В.А. Кокорев”, – отмечал “Русский вестник” (1856. Т. II. № 3–4. Отд. Соврем. летопись. С. 77). Аксаковы были недовольны купеческим размахом и казенностью этого мероприятия. Отец писал Ивану: “У нас теперь производятся встречи и угощения черноморских матросов и офицеров. Зрелище в высшей степени замечательное и поучительное. Бывший откупщик Кокорев, обладатель 30-ти миллионов, затеял предсталвение народных сцен с энтузиазмом. Он положил истратить на это 200 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ сер⟨ебром⟩; он привез из Петербурга 80 человек адмиралов, капитанов всех рангов и всяких флотских офицеров для встречи своих товарищей; он встретил морские экипажи за заставой, предводительствуя купцами и толпами народа, одетый в русскую шубу и горлашную шапку, поднес морякам хлеб и соль на огромнейшем серебряном блюде, повалился в ноги, чему последовали и другие, и благодарили за славные подвиги; затем последовало угощение и богатые оделения деньгами... С тех пор продолжаются и будут продолжаться до понедельника обеды, балы и спектакли. Вчера Кокорев привозил человек 60 черноморцев на блины к Погодину... Шевырев, разумеется, написал два стихотворения... Когда безнравственность проникнет все слои общества, понятия смешаются и потускнеет ум, то всякое движение, по-видимому, доброе и похвальное, превращается в отвратительную комедию, и чем выше содержание, тем отвратительнее комедия. Некоторые офицеры, однако, чувствуют свое положение и говорили нашим, что их возят и показывают, как зверей. Я не вытерпел и сказал, однако, Погодину, что Кокорев сделал одну ошибку: не сшил всем адмиралам и офицерам по новому мундиру. Он не отвечал мне ничего, и потом я слышал, будто Кокорев сверх всего даст по 400 р⟨ублей⟩ с⟨еребром⟩ каждому офицеру. Всего поразительнее, что и в нашем обществе не все понимают мои слова” (письмо от 23.11.1856 г. //Письма. Т. III. С. 231–232). *Кокорев* Василий Александрович (1817–1889) – крупный коммерсант, миллионер.

4 *Я недоволен программой “Русской беседы”*... – Частый мотив в письмах И.С. Аксакова. В связи с предстоящим редакторством в этом журнале он писал родным: «Программа “Русской беседы” мне с самого начала не нравилась и не нравится. Она написана так, что – возбуждая недоумение – отвращает от нас сочувствие молодого поколения и приобретает сочувствие, которого я не желаю, сочувствие архиереев, монахов, Святейшего Синода» (письмо от 16–4 июня 1857 г. // Письма Т. III. С. 328). О том же в письме К.С. Аксакову от 14 июля/2 июля 1857 г.: «Он (А.И. Кошелев. – *Т.П.*) в восторге от “Беседы” теперешней, а я нет. Я не соглашаюсь подписывать старую программу “Беседы”, потому что, как тебе известно, мне она не нравится. Он пишет мне, напр⟨имер⟩, что гордится тем, “что “Беседа” заслужила внимание просвещеннейших лиц нашего духовенства”, а я пишу, что краснею от сочувствия “Беседе” графа Ал⟨ександра⟩ П⟨етровича⟩ Толстого, отца Матвея и Филарета» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 32). В отличие от Ивана отец

считал, что "программа (не смотря на то, что некоторые места в ней никуда не годятся), так ясно и ярко выражает направление, что сердца всех русских людей должны встрепенуться. Я видел этому опыт: ее прочли у меня в кабинете, где были двое Беляевых, Бессонов и Бартенев – все закипели неподдельным жаром посвятить свои труды русскому делу" (письмо Ивану от 22.XII.1855 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 27–27об.).

[5] ... *что-то они скажут.* – Высочайший манифест Александра II о прекращении войны от 19.III.1856 г. и приказ о роспуске ополчения от 5.IV.1856 г.

[6] *Посылаю вам письмо Толстого...* – письмо И.П. Толстого от 6.III.1856 г., в котором он писал, что в случае мира можно просить отпуск и ехать в Москву, если же война продолжится, то никому уезжать не следует (см.: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 165. Л. 1–1об.).

Письма 224–245 написаны И.С. Аксаковым во время пребывания в комиссии князя В.И. Васильчикова по расследованию интендантских преступлений во время Крымской войны. Подлинники писем 224–234, 237, 239–245 – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 28. Л. 1–39 об. Впервые – Письма. Т. III. С. 245–308. Подлинники писем 235, 238 – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1–4 об. Подлинник письма 236 – ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7. Л. 29–30 об. Маршрут И.С. Аксакова восстанавливается по письмам, кроме того, он приведен в письме к Е.И. Елагиной от 16.IX.1856 г. (Письма. Т. III. С. 278–279).

224 *1.VI 1856*

[1] *Так недавно проехался я по всем этим местам...* – В Мценске И. Аксаков был в 1848 г.; в 1853 г., исследуя украинские ярмарки, он также проезжал по этим местам.

225 *Июнь 1856*

[1] *Кн⟨язь⟩ Васильчиков...* – В.И. *Васильчиков*, возглавивший комиссию по расследованию беспорядков по заготовке продовольствия для войск и по содержанию военных госпиталей Южного края во время Крымской войны.

[2] ... *после Тур⟨ецкой⟩ камп⟨ании⟩ 1828 г⟨ода⟩...* – когда русские войска овладели Браиловым и Варною.

[3] ... *очень полезен своею опытностью.* – М.П. Позен в 1826–1828 гг. состоял в Комитете для исследования злоупотреблений по заготовке лесов для кораблестроения, в 1829 г. – в Комитете составления правил о приеме и сдаче полков, в 1829–1830 гг. – в Комиссии по Сестрорецкому оружейному заводу и в Комитете об устройстве Черноморского казачьего войска, в 1835 г. – в Комитете составления правил управления оружейными заводами.

[4] *Ригельман послал в "Р⟨усскую⟩ беседу" маленькую статью о способе освоб⟨ождения⟩ на волю крестьян в Австрии...* – "Об устройстве земледельческого сословия в Австрии" (РБ. 1857. Кн. 1. Подпись: Н. Р–н).

[5] ... *Поз⟨ен⟩ также собирается послать статью о железн⟨ых⟩ дорогах.* – Среди публиковавшихся в "Русской беседе" М.П. Позена нет (см.: Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Прилож.)

[6] ... *в восхищении... от "Луповицкого".* – Комедия "Князь Луповицкий или Приезд в деревню", написанная К.С. Аксаковым в 1851 г., была напечатана в приложении к I книге "Русской беседы" 1856 г. Т.И. Филиппов сообщил К.С. Аксакову в 1856 г., что цензор Крузе получил конфиденциальный выговор из Петербурга за "Князя Луповицкого": "Причина замечательна: *пиеса подает повод думать дурно о столь достойном уважения сословии, каково крестьянское* (!!!) Хотите – верьте, хотите – нет" (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 86. Л. 1 об.). Действительно, подозревать К.С. Аксакова в отсутствии уважения к крестьянам было абсурдным.

226 *18.VI 1856*

[1] ... *с... Козляиновым...* – Николаем Федоровичем. Письмо В.И. Васильчикова Н.Ф. Козляинову относительно создаваемой комиссии см.: РА. 1909. № 5.

[2] ... *нашел я... Зарудного.* – Он возглавлял канцелярию комиссии князя В.И. Васильчикова (см. с. 448 наст. изд.).

[3] ... *участвовавшие в войне...* – В Крымской войне.

[4] ... *его жена...* – Евгения Сергеевна Шеншина, урожденная Арсеньева.

[5] ... *большая часть уйдет в Бессарабию, но не в нашу.* – По Парижскому трактату 1856 г. юго-западная часть Бессарабии отошла к Турции. Возвращена по Берлинскому трактату 1878 г.

[6] *Зато я начал вести памятные записки...* – Записки были только начаты. См.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Ед. хр. 18.

227 *24.VI⟨1856⟩*

[1] ... *адресуя... в дом Пфеллера.* – в Денежном переулке.

[2] *Вместе со мной... Оболенский...* – Оболенский Егор.

228 *2.VII 1856*

[1] ... *приехавшего прямо из калужской деревни.* – В Калужской губернии находились имения князей Оболенских.

[2] Барежевая (от фр. barèges) – легкая шерстяная ткань.

[3] ... *рад, что Вы... принялись за "Наташу".* – повесть, над которой начал работать С.Т. Аксаков. Не была окончена. Отрывок из нее напечатан после смерти автора (РБ. 1860. Кн. 2).

[4] ... *вроде Содома и Гоморры...* – Содом – библейский город, провалившийся в бездну вместе с соседним городом Гоморрой из-за развращенности жителей.

[5] *Неужели он умрет?* – И.В. Киреевский умер 11.VI.1856 г. от холеры. Потрясенный этою смертью А.С. Хомяков писал А.И. Кошелеву: «Какая тяжелая, какая неожиданная! Киреевский не только нам был дорогой друг: он был для "Беседы" (в этом я разумею не один печатный журнал) необходимым делателем. Его специальность не имеет другого представителя; да если бы и имела, то не найдется такого, который бы имел его собственные, свойственные ему одному достоинства» (*Хомяков.* С. 147). В письме С.П. Шевыреву он заявил так: "С Киреевским для нас всех как будто порвалась струна с какими-то особенно мягкими звуками, и эта струна была в то же время мыслью" (письмо ⟨от лета 1856 г.⟩ // Там же. С. 424). "Авось Бог же даст, – писал он А.Н. Попову, – что поле не опустеет, и что новые будут возникать деятели, как ветви на священном дереве: uno avulso non deficit alter..." (Если повержен один, его заменяет другой) (письмо ⟨от лета 1856 г.⟩ // Там же. С. 220).

229 *8.VII 1856*

[1] *Что Авдотья Петровна, что Петр Вас⟨ильевич⟩?* – "... За Авдотью Петровну и Петра Васильевича я особенно опасаюсь", – писал Иван Е.И. Елагиной (письмо от 8.VII.1856 г. // Письма. Т. III. С. 258). А.П. Елагина после смерти И.В. Киреевского жила в доме Петра Васильевича (Там же. С. 300).

[2] *Во 2-ой книжке "Беседы" должна появиться его статья...* – "О необходимости и возможности новых начал для философии" (РБ. 1856. Кн. 2. Отд. Науки).

[3] ... *успел ли он окончить ее...* – Смерть помешала И.В. Киреевскому окончить эту статью. Первая опубликованная часть ее содержала "критику исторического движения философской науки, следующая же часть должна была заключать в себе догматическое построение новых для нее начал" (РБ. 1856. Кн. 2. Отд. Смесь. С. 3). А.И. Кошелев сообщил И.С. Аксакову, что вторая статья только в виде отрывков (письмо от 30.VII.1856 г. // Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 172). Они были помещены в 1-й книге "Русской беседы" (1857). Смерть оборвала работу И.В. Киреевского на полуслове. Это было тем более прискорбно, что последние годы своей жизни он молчал: после статьи "Обозрение современного состояния литературы" в "Москвитянине" (1845) был перерыв до 1852 г., когда в "Московском сборнике" появилась статья "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России". Кошелев по этому поводу писал И.С. Аксакову: "Бедная Россия: еще живут люди, пока они бездельничают, а как принимаются за дело, то тотчас им коса под ноги" (письмо от 2.VII.1856 г. // Там же. С. 170).

[4] *Большая часть людей нашего круга были ему товарищами с самого детства...* – родной брат Киреевского Петр Васильевич, братья от второго брака матери Василий Алексеевич и Николай Алексеевич Елагины. Дружил с ним А.И. Кошелев, писавший И.С. Аксакову: "Мы с Ив⟨аном⟩ Васильевичем 38 лет были дружны как нельзя теснее, и в течение всего этого времени ни

единая размолвка не прерывала наши дружеские отношения" (письмо от 2.VII.1856 г. // Там же). К числу его товарищей можно отнести и А.С. Хомякова, приходившегося родственником И.В. Киреевскому: М.А. Хомякова, мать А.С. Хомякова, урожденная Киреевская.

[5] ... *кто-нибудь из друзей его скажет об нем в "Беседе" несколько теплых слов.* – Во 2-й книге "Русской беседы" за 1856 г. А.С. Хомяков поместил некролог И.В. Киреевскому. "Хомяков написал славную статью об И.В. Киреевском. Коротко и превосходно", – считал А.И. Кошелев (письмо К.С. Аксакову от 13.VI.1856 г. // Там же. С. 168).

[6] *Он сам очень плох здоровьем...* – Сообщая С.П. Шевыреву о смерти И.В. Киреевского, А.С. Хомяков больше всего боялся теперь за Петра: "У него здоровье плохо, а душа нежнее женской" (письмо от лета ⟨1856г.⟩ // *Хомяков.* С. 424). В начале ноября 1856 г., еще до получения известий о смерти П.В. Киреевского, Хомяков заметил в письме А.И. Кошелеву: "... ты знаешь, что с самой смерти И⟨вана⟩ В⟨асильевича⟩ я не ожидал, чтобы Петр вынес горе" (Там же. С. 148).

[7] ... *поедет и в Москву на коронацию...* – на коронацию Александра II в августе 1856 г.

[8] ... *он не предполагает окончить занятия комиссии ранее будущего года.* – Последнее письмо родным из комиссии В.И. Васильчикова написано И.С. Аксаковым 6.XII.1856 г. В середине декабря он выехал из Харькова (см. его письмо Е.И. Елагиной от 13.XII.1856 г. // Письма. Т. III. С. 308–309).

[9] ... *браните меня за письмо, писанное от Позена.* – Письмо см. на с. 430–431 наст. изд. И.С. Аксаков писал в нем, что М.П. Позен как человек опытный в различного рода ревизиях проконсультировал его, как вести следствие над интендантством, составил перечень вопросов для допросов и т.п. С.Т. Аксаков пенял сыну за весьма неосмотрительные высказывания: "Вполне понимаю всю важность твоего пребывания у такого замечательного человека; но тебя – не понимаю! Я прочел твое письмо Самарину. Он всплеснул руками и был буквально поражен твоею неосторожностью. Мои увещанья бесполезны; ты им не внемлешь; не больше ли ты поверишь впечатлению постороннего человека, особенно такого как Самарина?" (письмо от 25.VI.1856 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 д. Л. 28).

[10] ... *Оболенский...* – Оболенский Егор.

[11] *Какой-то знакомый ему моряк...* – князь Ухтомский (см. с. 441 наст. изд.).

[12] Яновский Степан Дмитриевич – приятель Ф.М. Достоевского.

[13] ... *он женат на актрисе Шуберт.* – *Шуберт* Александра Ивановна, урожденная Куликова (1827–1909) – драматическая актриса, игравшая в Александринском театре, в Малом театре, на провинциальной сцене. Автор воспоминаний "Моя жизнь" (Л., 1929), в которых она написала о своей поездке к мужу в комиссию В.И. Васильчикова и о знакомстве с И.С. Аксаковым.

[14] *Послезавтра 11-ое июля.* – именины О.С. Аксаковой и сестры Ольги.

[15] *Что пишет Константин для "Беседы"?* – статью "Еще несколько слов о русском воззрении" (Кн. 2. Отд. Смесь); рецензию на "Историю России с древнейших времен" С.М. Соловьева (Кн. 4. Отд. Критика).

[16] *Я радуюсь деятельному участию Сам⟨арина⟩ в "Беседе"...* – Ю.Ф. Самарин принимал участие в выработке программы журнала; в 1-й книге "Русской беседы" за 1856 г. он поместил заметку "Два слова о народности в науке".

[17] ... *жалею, что она ударится в полемику...*– Заметка Ю.Ф. Самарина (см. предыдущее прим.) вызвала "полемическую бурю" (*Аксаков И.С.* Полн.собр.соч.: В 7 т. М., 1887. Т.VII. С. 798). Подробнее о полемике "Московских ведомостей", "Русского вестника", "Отечественных записок", "Современника" со славянофильским журналом см.: *Пирожкова Т.Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984. С. 104–107.

[18] *А что "Наташа"?* – повесть, над которой работал С.Т. Аксаков.

230 *16.VII 1856*

[1] ... *присылка статьи в "Русскую беседу"...* – См. с.431 наст. изд.

[2] *Возмущается он сильно "Русским" или "Нерусским", как он выражается, вестником...* – Н.А. Ригельман писал И.С. Аксакову 1.VII.1856 г.: «Меня решительно бесит "Рус⟨ский⟩ вестник" – что за тон поклонения и раболепства всему западному; какая ученическая боязнь перед его мудростью! Право, иной раз можно подумать, что нас искусно приготовляют эти господа к иностранному игу. Нам не позволяется любить свой народ, любить свое прошедшее, даже, кажется, свою веру; а между тем нас беспрестанно пичкают патриотическими возгласами в пользу Запада. – Нет, непременно прозовите его "*Иностранным*" или "*Нерусским* вестником"» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4.

Ед.хр. 514. Л. 2). В первые годы "Русский вестник" был журналом либеральным и придерживался умеренного западнического направления, но уже в 60-е годы перешел на монархические позиции.

[3] *... появится ответ Самарина.* – Во 2-й книге "Русской беседы" за 1856 г. в отд. Смесь была напечатана статья Ю.Ф. Самарина "О народном образовании".

[4] *Голубев* – слуга И.С. Аксакова, взятый из ополчения и служивший у него по найму (см. с. 444, 450 наст. изд.).

[5] *... Васильчиков Петр (сын Алекс⟨ея⟩ Ив⟨ановича⟩).* – *Васильчиков Петр* – сын Алексея Васильевича (а не Ивановича) Васильчикова. Вероятно, И.С. Аксаков спутал отчество отца с отчеством матери – Александры Ивановны Васильчиковой.

[6] *Он принял свое имение от Черкасского...* – П.А. Васильчиков приходился шурином В.А. Черкасскому, женатому на Екатерине Алексеевне Васильчиковой.

[7] *Вопрос о Болграде еще не решен.* – См. с. 433 наст. изд.

[8] Геров – лицо неустановленное.

[9] Ридигер Федор Васильевич (1784–1856), граф – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета, с 22.11.1855 г. был назначен главнокомандующим гвардейскими и гренадерскими корпусами с предоставлением ему прав главнокомандующего армией в военное время (см.: Моск. ведомости. 1855. 5 марта).

[10] *Что там за Волгой делается?* – т.е. в аксаковских деревнях в Сызранском уезде Симбирской губернии и в Белебеевском уезде Оренбургской губернии.

[11] *... с прошедшим днем именин милой маменьки и милой Олиньки.* – 11 июля.

231 *23.VII.1856*

[1] *... освидетельствовать некоторые магазины...* – провиантские магазины.

[2] *Заглянул ...даже в барона Гакстгаузена...* – См. прим. 5 к письму 49.

[3] *... чад входит в голову!* – Речь идет о предстоящих торжествах по случаю коронации.

[4] *... владетельная княгиня Мингрелии Дадьян...* – Правильно: Дадиан Екатерина Александровна, сестра князя Давида Александровича Чавчавадзе.

[5] *... Оболенский...* – Оболенский Егор.

[6] *... как почти все сочинения русских моряков, кроме Головнина...* – Имеются в виду "Записки Василья Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, и жизнеописание автора" (СПб., 1851. 2-е изд.). Первое издание "Записок" капитана Головнина было напечатано в 1816 г. (три тома в четверку), второе издание 1851 г. (в одном томе в осьмушку).

[7] "Морской сборник" – ежемесячный петербургский журнал, выходивший в 1848–1917 гг., издание морского министерства.

[8] *Лазарев* Михаил Петрович (1788–1851) – адмирал, управляющий черноморским флотом в 1832–1845 гг., много сделавший для усиления его мощи.

[9] *... модели ...погибших кораблей, "12 апостолов" и других.* – Речь идет о старых кораблях, которые были затоплены у входа в Севастопольскую бухту, чтобы прекратить доступ неприятельскому флоту. "XII Апостолов" – знаменитый корабль, которым в 1842–1846 гг. командовал В.А. Корнилов, – был затоплен в середине февраля 1855 г. вместе с кораблями "Ростислав", "Святослав", "Гавриил" и двумя фрегатами. Это было второе затопление после того, как штормы размыли преграду из ранее затопленных судов.

[10] *... это единственное средство спасения для России...* – "Свидетель Бог, у меня не будет крепостных!..." – заявил И.С. Аксаков (*Аксаков.* С. 443). В 1849 г. он выразил резкое недовольство покупкой братом Григорием имения в Оренбургской губернии, поскольку это не сообразовывалось с мыслью об освобождении крестьян (Там же. С. 470). Он считал, что дело освобождения "должно быть впереди всех других" (Там же).

232 *3.VIII.1856*

[1] *... донесения Александра Строганова...* – Строганов Александр Григорьевич (1795–1891), граф – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, член Государственного совета.

[2] *... женат на Мейендорф, племяннице бывшего посланника и московского...* – Мейендорф Петр Казимирович (1796–1863), барон – русский посланник в Берлине, впоследствии

член Государственного совета, Московский Мейендорф – Мейендорф А.К. (см. о нем прим. 6 к письму 166).

[3] Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), князь – государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-губернатор Новороссийского края, фаворит Екатерины II. В Херсоне, основанном в 1778 г. и ставшем городом при Потемкине, он и похоронен.

[4] ... *трактатом выговорена для них полная амнистия.* – По условиям Парижского трактата были прощены те из российских подданных, которые союзничали с неприятелем во время Крымской войны.

[5] *Я не член...* – В марте 1856 г. И.С. Аксаков подал рапорт о болезни, в связи с чем просил об отпуске. Жалованье ему прекращалось с июля месяца (см. с. 437 наст. изд.). Официальный приказ об отставке И.С. Аксакова от службы в ополчении был издан 29.IX.1856 г. (в связи с его расформированием) с переименованием его в надворные советники. К комиссии В.И. Васильчикова он был прикомандирован временно. По получении известий об увольнении он имел полное право оставить работу в комиссии, но не сделал этого.

[6] ... *в разгаре моск⟨овских⟩ празднеств.* – См. прим. 3 к письму 231.

233 *19.VIII 1856*

[1] ... *населенный... караимами...* – "Караимы, – писал И.С. Аксаков, – из Таврической губернии. Они те же евреи, но не талмудисты, и утверждают, что вышли из Иудеи еще после первого пленения Вавилонского, а потому не считают себя участниками распятия Спасителя" (Аксаков И.С. Введение к украинским ярмаркам // Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1887. Т. VI. С. 57).

[2] Можара – татарская арба.

[3] ... *с Леванта...* – с восточного побережья Средиземного моря.

[4] *После разбития наших войск под Альмой...* – 8 сентября 1854 г.

[5] Кипсек (англ.) – прекрасное издание рисунков, гравюр.

[6] ... *уланская резервная дивизия Корфа!* – На подкрепление А.С. Меншикову, стоявшему с войсками между Инкерманом и Бельбеком, была послана резервная уланская дивизия под начальством генерал-лейтенанта Корфа.

[7] ... *с армиею, не запертою в стенах, как, например, в Карсе...* – в Карсе находились остатки турецкой армии. Из-за истощения запасов продовольствия 15.XI.1855 г. крепость сдалась русским войскам.

[8] *Жду... денег из Николаева...* – т.е. присланных из Москвы в Николаев (см. с. 437, 461 наст. изд.).

234 *1.IX 1856*

[1] ... *воды Виши принесли пользу...* – Эту воду пил С.Т. Аксаков.

[2] ... *заглянул в оглавление – 5-й отрывок "Семейной хроники".* – "Отрывок пятый: Жизнь в Уфе" напечатан в "Русском вестнике" (1856. Т. IV. Кн. 7–8). «Душевно сожалею, – писал А.И. Кошелев, – что 5-й отрывок "Семейной хроники" не будет помещен в "Беседе"; и еще более о том, что он будет помещен в "Вестнике"» (письмо И.С. Аксакову от 2.VII.1856 г. // Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 169).

[3] ... *после его письма.* – письма М.Н. Каткова от 27.V.1856 г. (РГБ ГАИС/III. Карт. I. Ед.хр. 70).

[4] ... *напрасно Катков напечатал такое подробное извлечение из 4-го отрывка.* – Публикации 5-го отрывка из "Семейной хроники" в "Русском вестнике" предшествовало "Несколько предварительных слов от редакции", в которых довольно подробно, на пяти страницах, излагалось содержание 4-го отрывка, напечатанного во 2-й книге "Русской беседы".

[5] ... *личные воспоминания Ваши о Николеве и Писареве...* – Николев Николай Петрович (1758–1815) – поэт, драматург; Писарев Александр Иванович (1803–1828) – водевилист, приятель С.Т. Аксакова и М.С. Щепкина. См. о них в "Литературных и театральных воспоминаниях" С.Т. Аксакова.

[6] *Верно, Оболенский доставил им удобные места.* – вероятно, Д.А. Оболенский, приехавший со двором на коронацию.

[7] Книксен (нем.) – почтительный поклон с приседанием.

[8] *Что же касается до моей болезни...* – геморрой.

[9] ... *каждый вечер à la Погодин отмечал, что видел...* – Имеется в виду путевой дневник

М.П. Погодина “Год в чужих краях”, в 1843 г. напечатанный в “Москвитянине”. Погодин вел ежедневные, слишком подробные записи, вызвавшие насмешливые отзывы современников.

10 *... буду ему отвечать с следующей почтой.* – Письма К.С. Аксакову см. на с. 452–454 наст. изд.

235 *14.IX 1856*

1 *... пять ваших писем, в том числе и... с деньгами.* – См. с. 782 наст. изд.

2 *2-й том “Р⟨усской⟩ беседы” превосходный, судя по оглавлению.* – вышел в июле 1856 г. С.Т. Аксаков также был доволен: “Этот выпуск очень хорош. Всего более поразила меня речь протопопа Сидонского, при отпеьании Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩ Киреевского. Едва ли не в первый раз в России говорится о литературе и философии священником над гробом покойника. Все написанное Хомяковым также очень хорошо. Мне чрезвычайно понравился первый рассказ Бибикова. Очень жаль, что нет твоих статей, а то бы мы все трое были вместе” (письмо Ивану от 6.VIII.1856 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 д. Л. 10 об.). А.С. Хомяков поместил здесь некролог И.В. Киреевскому и два стихотворения: “Как часто во мне пробуждалось...” и “Не гордись перед Белградом...”. Первый рассказ М. Бибикова – “Старый дворецкий”.

3 *... чтоб Чиж⟨ов⟩ не отказался от предлагаемого ему места...* – в 1856 г. Ф.В. Чижов вернулся с Украины в Москву. А.И. Кошелев сообщал Ивану: «Мы было решились издавать “Сборник иностр⟨анной⟩ литературы” и назначили редактором Чижова; но теперь говорят, что ему предлагают место консула в Боснии. Не знаю, примет ли он это место или нет». (письмо от 2.IX.1856 г. // Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 174). И.С. Аксаков в ответ писал, что дело, которое затеяли, напрасное и трудное, для него нужен редактор, знакомый с английским языком, многочисленные помощники, следящие за текущей иностранной литературой.«Странно немножко, что “Русская беседа” будет угощать иностранною словесностью ежемесячно, а русскою только четыре раза в год!» (письмо от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 283). Издание не состоялось.

4 *... перекликаемся по случаю предполагаемого издания журнала.* – Ф.В. Чижова приглашали редактировать “Русскую беседу”. “Чижов здесь, – писал С.Т. Аксаков Ивану. – На этот год он отказывается от всякого редакторства, но требует, чтобы к будущему году дали ему средство приготовить запасные материалы, что и вполне справедливо” (письмо от 23.XI.1856 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт.III. Ед. хр. 22 д. Л. 4).

5 *Вот боюсь, что представит к Станиславу!* – И.С. Аксаков был награжден крестом ополчения.

6 *С кн⟨язем⟩ Вас⟨ильчиковым⟩ мы опять сблизились.* – “Рассказы о вашем житье-бытье в Николаеве нас всех огорчили, – писал А.И. Кошелев. – Не виним ни вас, ни кн⟨язя⟩ Васильчикова, хотя, вероятно, вы оба виноваты, но виним несчастные обстоятельства, помешавшие двум благонамеренным людям совершенно сойтиться. Вы видели в Васильчикове товарища и, кажется, упустили из вида, что он ген⟨ерал⟩-адъютант – начальник; он, вероятно, оскорблен был вашими слишком решительными ухватками-поздравлением некоторых знакомых насчет счастья иметь вас помощником в этом деле. Это отменно грустно, ибо вы оба люди такие, которые в состоянии забыть свои личности, когда дело идет о благе общем” (письмо от 2.IX.1856 г. // Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 174).

7 *Что касается до редакторства...* – в журнале “Русская беседа”. Предложение было сделано А.И. Кошелевым, которому И.С. Аксаков сообщил, что прежде намерен съездить за границу (см. письмо от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 285). Такое намерение возникло у Кошелева в связи с тем, что в журнале, им издаваемом, помещались материалы без его ведома. Недовольный этим, Кошелев предупредил пайщиков, что в будущем году не намерен мириться с таким положением: “Избирайте другого издателя, а я отвешу Вам низкий поклон, да и вон...” (письмо В.А. Черкасскому от 30.VII.1856 г. // *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. Кн. В.А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. М., 1901. Т. I. С. 78).

8 *... письма от Елагиных, к которым писал тотчас же, как узнал о смерти Ив⟨ана⟩ Вас⟨ильевича⟩.* – Киреевского. Письмо И.С. Аксаков написал Е.И. Елагиной (см.: Письма. Т. III. С. 258–259).

9 *... душевное состояние Петра Вас⟨ильевича⟩ возбуждает опасения.* – В письме Е.И. Елагиной от 16.IX.1856 г. И.С. Аксаков призывал П.В. Киреевского к деятельному труду: “Да, жить и делать – вот завет каждого умершего, завет Ивана Вас⟨ильевича⟩ Петру Васильевичу... мне

сдается, что Петр Вас⟨ильевич⟩, оправившись несколько от первого натиска горя, послужит памяти брата и своей грусти – живым, деятельным трудом' (Письма. Т. III. С. 278). В сентябре 1856 г. Ивану уже было известно о серьезной болезни П.В. Киреевского (см. письмо Е.И. Елагиной от 1.X.1856 г. // Там же. С. 288, 289).

[10] ... *обещая оставить навсегда ...лень и бездействие.* – Лень, равнодушие к общественным запросам И.С. Аксаков постоянно осуждал и в Н.А., и в В.А. Елагиных.

[11] ... *ездил на Павловскую батарею...* – Там находились русские войска до оставления Керчи 12.V.1855 г.

[12] *Лизав⟨ета⟩ Ник⟨олаевна⟩ Кроткова...* – вероятно, родственница жены А.Т. Аксакова А.С. Кротковой.

[13] ... "*Послание к друзьям, состоящим на службе*"... – Точное название: "Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе" (1851).

[14] *Прочел я новые стихи Хомякова.* – А.С. Хомяков написал стихотворение "26 августа 1856 года" по случаю коронации Александра II, но поскольку в письме выше речь шла о 2-й книге "Русской беседы", высланной Ивану, то вероятнее всего имеются в виду напечатанные в ней стихотворения "Как часто во мне пробуждалась..." и "Не гордись перед Белградом..."

[15] *Нынче* 14 *сентября...* – день рождения Н.С. Аксаковой.

[16] ... *поздравляю заранее со днем* 17 *сентября.* – именинами сестер Веры, Надежды, Любви и Софьи Аксаковых.

[17] ... *советовал... не бросать Виши.* – воду, которую пил С.Т. Аксаков.

236 *17.IX 1856*

[1] ... *объявляешь в своей статье о прекращении этого спора.* – Речь о статье К.С. Аксакова "Еще несколько слов о русском воззрении" (РБ. 1856. Кн. 2).

[2] ... *поместишь какую-нибудь серьезную историческую или филологическую статью.* – Объявив о прекращении спора о русском воззрении (см. предыдущее прим.), К.С. Аксаков писал, что ответом будут специальные труды, в которых оно выразится (см.: РБ. 1856. Кн. 2. Смесь. С. 147). В письме Ивану он также заявил о необходимости выставлять в ответ противникам народные воззрения, "положительные дельные исследования и изложения нашей мысли" (письмо ⟨1856 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед.хр. 8. Л. 2об.).

[3] ... *письма Белинского к Гоголю...* – от 15.VII.1847 г. по поводу "Выбранных мест из переписки с друзьями".

[4] ... *вредят делу балаганными представлениями и глупыми похвалами тому, что не заслуживает похвалы, как напр⟨имер⟩, Лебедев в "Русск⟨ом⟩ инв⟨алиде⟩", Кокорев...* – См. прим. 3 к письму 233. И. Аксаков был недоволен печатавшимися в сентябре 1856 г. в "Русском инвалиде" (№ 9) "Письма из Москвы" П.Лебедева, их казенным патриотизмом, восторгами по случаю коронации, по поводу 16-верстных столов для народного угощения и т.п.

[5] ... *не навязывайте насильственных неестественных сочувствий... к монахам* (*как покойный Ив⟨ан⟩ Вас⟨ильевич⟩*). – Это особенно сильно выразилось в статье И.В. Киреевского "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России", в которой он писал, что просвещение в России должно покоиться на фундаменте "святой православной церкви" (Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. 67).

[6] ... *подчинялся его верованиям.* – В отличие от славянофилов, призывавших образованное общество сблизиться с народом, И.С. Аксаков считал это делом неисполнимым: "Народ далеко, живого, не абстрактного сближения с ним быть не может, и мудрено над всем этим возноситься на крылушках надежды или веры в будущность России" (письмо родным от 25/13. II.1860 г. // Письма. Т. III. С. 369).

[7] Платон (Левшин) (1737–1812) – митрополит московский, проповедник, защитник единоверия. Автор "Краткой церковной российской истории" (М., 1805).

237 *27.IX 1856*

[1] *Поздравляю Вас с днем Ваших именин...* – 25 сентября. Поздравление опоздало.

[2] ... *благодарю... за поздравления с* 26 *сентября.* – днем рождения и именинами И.С. Аксакова.

[3] ... *публика еще мало его ценит, и подписка идет плохо.* – А.И. Кошелев свидетельствовал: «Подписка на "Беседу" идет тихо: за 800 подписчиков мы не переступали» (письмо И.С. Аксакову

от 30.VII.1856 г. // Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 173). Издание журнала было делом убыточным для пайщиков. “Русский вестник” же набрал многочисленных подписчиков. «Подписка на “Русский вестник” огромная; третьего дня была за 1500, – сообщал С.Т. Аксаков Ивану. – На Каткова жалко смотреть, точно помешанный от хлопот» (письмо от 5.1.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед.хр. 2. Л. 24).

4 *Я нахожу в цензоре некоторое пристрастие к “Р⟨усскому⟩ вестнику”.* – Имеется в виду цензор Н.Ф. Крузе. О том же см.: письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелеву от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 282.

5 *Если в “Вестнике” напечатана статья Безобразова о русском крестьянине и “Губернские очерки”...* – См. также: письмо к А.И. Кошелеву от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 282–283. “Губернские очерки” М.Е. Салтыкова-Щедрина начали печататься в “Русском вестнике” (1856. Т. IV. № 7–8) и печатались до конца года. Здесь же была помещена заметка П. Безобразова по поводу статьи Бланка “Русский помещичий крестьянин”. Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – экономист, публицист.

6 *... не было никакого основания не пропускать моих стихов и “Судебных сцен”.* – О стихотворениях см. на с. 452 наст. изд. “Присутственный день в уголовной палате (судебные сцены)” был напечатан в “Полярной звезде” (1858).

7 *Мне бы очень хотелось съездить в чужие краи...* – С А.И. Кошелевым И.С. Аксаков тоже делился этой мечтой (см. письмо от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 284). За границей И.С. Аксаков был дважды: в 1857 и 1860 гг.

8 *Теперь Софья (Гришина)...* – С.А. Аксакова.

9 *Даете ли Вы что́ в “Русскую беседу”?* – В 3-й книге журнала произведений С.Т. Аксакова не появилось. В 4-й книге были напечатаны “Литературные и театральные воспоминания”.

10 *... туда “Феклушу” прочат.* – Автор повести П.А. Кулиш писал С.Т. Аксакову 12.111.1856 г.: «Если Вы найдете “Феклушу” вялою и бесцветною, то лучше не печатать. Пускай она лежит у Вас, пока увидимся» (РГБ. ГАИС/III. Карт. II. Ед.хр. 38. Л. 23). Но “Феклуша” понравилась С.Т. Аксакову (см. письмо П.А. Кулишу от 18.III.1856 г. // Там же. Л. 26). Была напечатана в 3-й книге “Русской беседы” (1856).

11 *А вот “Записки об Южной Руси” очень интересны, и я жду с нетерпением появления самой книги.* – См. прим. 5 к письму 214. “Записки о Южной Руси” (т. 1–2) П.А. Кулиша были напечатаны в Петербурге в 1856–1857 гг.

12 *Да готовит ли Конст⟨антин⟩ какую-нибудь серьезную статью для “Р⟨усской⟩ беседы”?* – В 4-й книге журнала в 1856 г. появилась статья “Богатыри времен великого князя Владимира, по русским песням” и рецензия на “Историю России с древних времен” С.М. Соловьева.

13 *... пора подумать Вам серьезно о наших крестьянах...* – Знавший И.С. Аксакова по Ярославлю, т.е. в конце 40-х – начале 50-х годов, К. Бороздин свидетельствовал, что он “принадлежал к числу тех лиц, которые думали, что этим делом (освобождения крестьян. – *Т.П.*) нельзя медлить...” (ИВ. 1886. Март. С. 628).

14 *... чтобы событие не застало врасплох.* – Необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости осознавалась царем, который 30.111.1856 г. на собрании дворянских предводителей в Москве высказался за крестьянскую реформу.

15 *... о стихах Хомякова.* – См. прим. 14 к письму 235.

16 *... я нахожу выноску Константина под его статьей в “Р⟨усской⟩ беседе” не совсем ловкою...* – Речь идет о выноске под статьей К.С. Аксакова “Еще несколько слов о русском воззрении”. Заявив, что его статья не есть антикритика (поскольку “Русский вестник” выразил несогласие со славянофильской трактовкой русского воззрения), он писал: «Но с “Русским вестником” (мы говорим о заметках) можно вести серьезный и приличный спор и беседу. Позволим себе маленькую нескромность: по благородному тону “Заметок”, по желанию представить вопрос в настоящем свете, по достоинству изложения и серьезности взгляда мы узнали главного редактора “Русского вестника” и бывшего редактора “М⟨осковских⟩ ведомостей”, знакомого всей России их прекрасным изданием» (РБ. 1856. Кн. 2. Смесь. С. 139).

17 *... приведшая его к убеждениям славянофильским.* – Н.В. Шеншина любил и А.С. Хомяков. Впоследствии он будет искренне горевать о его смерти: “У меня просто кровью сердце залило при вести об его кончине. Славная, чистая, добрая, нежно-любящая и детская натура!” (письмо И.С. Аксакову без даты, датируемое нами 1858 г. на основании сообщения о смерти Шеншина // *Хомяков.* С. 353).

238 *9.X.1856*

[1] *... кратковременная и совершенно ничтожная литературная деятельность Писарева...* – Отец писал Ивану: «Статью мою в четвертую книгу “Беседы” с помощию Консты я кое-как обработал, но Писарева исключил и хочу написать о нем новое воспоминание, нечто вроде биографии» (письмо от 15.X.⟨1856 г.⟩ // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22 д. Л. 15 об.). Об А.И. Писареве см.: *Аксаков С.Т.* Литературные и театральные воспоминания.

[2] Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – писатель, историк, публицист, издатель и редактор”Московского телеграфа” (1825–1834).

[3] *... вполне понимаю негодование, возбужденное его наглостью, шарлатанством, поверхностностью познаний...* – С.Т. Аксаков еще в 20-е годы, будучи цензором, был недоволен направлением “Московского телеграфа” Н.А. Полевого. Позднее Аксаковы не могли простить Н.А. Полевому его нападок на Н.В. Гоголя, а также исключительно высокой оценки деятельности Петра I. “Полевой, человек бесспорно даровитый, не пользовался уважением по своему нравственному характеру, по своей наглости и дерзости”, – считал И.С. Аксаков (Письма. Т. I. С. 20).

[4] *... он Грибоедова хвалил...* – Н.А. Полевому принадлежит первый печатный отзыв о “Горе от ума” в “Московском телеграфе”.

[5] Капнист Василий Васильевич (1758–1828) – поэт, драматург.

[6] *...мнение, высказанное, кажется Дмитриевым.* – Восторженный отзыв Н.А. Полевого о “Горе от ума” вызвал «Замечания на суждения “Телеграфа”» М.А. Дмитриева (ВЕ. 1825. № 6), считавшего нежизненными выведенные в комедии персонажи, нападавшего на главного героя комедии, ее язык.

[7] *...уверен, что Вы напишете статью с полным беспристрастием.* – Статья не была написана. Известна статья С.Т. Аксакова о Н.А. Полевом «Разговор о скором выходе 2-го тома “Истории русского народа”» (МВ. 1830. № 11. Подпись “200-1”). Намерение написать статью было вызвано, по всей вероятности, желанием С.Т. Аксакова ответить К.А. Полевому, который в это время в “Северной пчеле” напечатал “Пояснения к библиографическим запискам г. Лонгинова”, опубликованным “Современником”. Пояснения касались полемики Н.А. Полевого с А.И. Писаревым, приятелем С.Т. Аксакова. Ксенофонт Полевой объяснил ее раздражительным характером Писарева, литературному дарованию которого в “Пояснениях” была дана весьма невысокая оценка. В готовившихся записках К. Полевой обещал объяснить причины неприязни к Н.А. Полевому московских литераторов (Сев. пчела. 1856. 16 авг. С. 926).

[8] Прозелит – зд.: горячий приверженец.

[9] *...со днем рожденья маменьки.* – 1 марта.

[10] *...если Софья у вас...* – С.А. Аксакова гостила в это время с детьми у Аксаковых. Отец писал Ивану: “Как любит Гриша жену свою! Как он счастлив теперь; и что за смирение: все хорошее приписывает ей. Благодарит ее и за то, что Оля чудный ребенок, и за то, что мы ее любим, и скоро будет благодарить за то, что мы его любим... оно немножко досадно; но для его же счастия нельзя дотронуться до этого предмета; для его спокойствия я спускаю ей разные мелочные выходочки, за которые мог бы я порядочно оттаскать ее” (письмо от 23.XI.1856 г. // РГБ. ГАИС // III. Карт.III. Ед. хр. 22 д. Л. 3 об.).

239 *17.X 1856*

[1] *Ваш приятель Савельев произвел нынешним летом здесь розыски... – Савельев* Павел Степанович (1814–1859) – археолог. С 1853 г. производил раскопки в Екатеринославской, а также во Владимирской и Ярославской губерниях. Обнаружил несколько монетных кладов. В переписке с ним состоял К.С. Аксаков. Письма Савельева к нему см.: ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед.хр. 69.

[2] *...видно, что вовсе не новая Ваша книга, а книга, выданная Бартеневым или Бессоновым... с Вашею заметкою.* – Речь идет о “Собрании писем царя Алексея Михайловича, с приложением Уложения сокольничья пути, с пояснительною к нему заметкою С.Т. Аксакова, с портретом царя и снимками его почерка. Иждивением К.Т. Солдатенкова издал Петр Бартенев. М., 1856”. С.Т. Аксаков написал несколько страниц, посвященных соколиной охоте. Бартенев Петр Иванович (1829–1912) – историк литературы, библиограф, историк, издатель журнала “Русский архив” (1863–1912). В 50-е годы был близок к славянофилам. Бессонов Петр Алексеевич (1828–1898) – этнограф, фольклорист, историк литературы.

[3] *В речи Бабста, произнесенной в Казанском университете...* – Вероятно, имеется в виду речь “О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала”, произнесенная И.К. Бабстом 3.VI.1856 г. В Казанском университете. Выписки из нее были опубликованы в журнале “Русский вестник” (1856. Т. IV. № 7–8. Отд. Русские книги). Бабст Иван Кондратьевич (1824–1881) – профессор политической экономии в Казанском (1851–1857) и Московском (1857–1874) университетах, журналист: соредактор “Вестника промышленности”, сотрудник “Русского вестника”, “Атенея”, газет И.С. Аксакова “Москва” и “Москвич”.

240 *1.XI 1856*

[1] *...нанимаете дом Яниша...* – Вероятно, речь идет о Н.Н. Янише, знакомом Ивана (см. с. 300 наст. изд.): отец писал, что наймут дом “твоего Яниша” (письмо от 15.Х.<1856 г.>// РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22 д. Л. 14). Дом находился на Собачьей площадке, вблизи от дома А.С. Хомякова.

[2] *...адресую...на имя Томашевского.* – т.е. на московский почтамт, где он служил.

[3] *... там и Лужин с женой...* – Возможно, речь идет о И.Д. Лужине, московском обер-полицмейстере.

[4] *...выдача мне суточных денег будет производиться...как и другим отставным, временно занимающимся при комиссии.* – По получении этого известия отец писал: “Итак, ты опять надворный советник и служишь без жалованья, на суточных деньгах! Это довольно забавно, и вашему князю следовало бы обратить внимание на такое странное положение его чиновников” (письмо от 23.XI.1856 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед. хр. 22д. Л. 3об.-4).

[5] *..."Современника", того нумера...я еще не видал.* – “Современник” (1856. № 10). Здесь в “Заметках о журналах. Сентябрь 1856” Н.Г. Чернышевский осуждал журнальные восторги по поводу “Семейной хроники” С.Т. Аксакова, поскольку произведение “в литературном отношении имеет недостатки” (С. 254). Успех произведения критик объяснил интересом читателей к мемуарам, потребность в которых не удовлетворяется писателями.

[6] *...письмо к Оличке.* – племяннице, находившейся в это время в Москве.

241 *8.XI 1856*

[1] *...интересно будет прочесть то, что Вами напишется.* – С.Т. Аксаков писал для “Дедушкиных рассказов” сказку “Аленький цветочек. Сказка ключницы Пелагеи” (см. письмо Ивану от 23.XI.1856 г. // РГБ. ГАИС/III. Карт. III. Ед.хр. 22д. Л. 4об.-5). Писалась для внучки О.Г. Аксаковой, которой посвящены и “Детские годы Багрова-внука”. “Я пишу историю моего детства с 3-х летнего возраста до 9-го года, пишу ее *для детского чтения*”, – сообщал писатель К.А. Трутовскому (письмо от 11.XII.1856 г. // Рус. худож. архив. 1892. Вып. III–IV. С. 133).

[2] *...письмо от Елагиных о смерти Петра Васильевича...* – П.В. Киреевский умер 25.X.1856 г. в Киреевской слободке под Орлом. Похоронен в Оптиной пустыни рядом с И.В. Киреевским, умершим 11.VI.1856 г. Е.И. Елагина сообщала И.С. Аксакову: “...нет сомнения, что Петра убила грусть последней утраты...” (письмо от 8.XI.1856 г. // ПКНО. 1983. Л., 1985. С. 53). Ответное письмо И.С. Аксакова Е.И. Елагиной от 13.XII.1856 г. см.: Письма. Т. III. С. 308–309.

[3] *...деятельность их не измеряется внешними делами...* – Народные песни, собранные П.В. Киреевским, были изданы после его смерти в 1860–1874 гг. (10 выпусков), при жизни ему удалось опубликовать незначительную часть своего собрания. И.В. Киреевский долгие годы вынужден был молчать: после запрещения его журнала “Европеец” в 1832 г., неудачи с “Москвитянином” в 1845 г. и запрещения дальнейшего издания “Московского сборника” в 1852 г.

[4] *...2-й том "Русской беседы" известил о первом, 3-й, вероятно, известит о другом.* – Во 2-й книге “Русской беседы” (1856. Отд. Смесь) был помещен некролог А.С. Хомякова “Иван Васильевич Киреевский” и “Слово ключаря Казанского собора Ф. Сидонского при отпевании тела И.В. Киреевского”, в 4-ой книге – некролог “Петр Васильевич Киреевский” (подпись: “Русская беседа”).

[5] *...живет у Екатерины Ивановны.* – Е.И. Елагиной, жены сына А.П. Елагиной В.А. Елагина.

[6] *Умер Воронцов.* – М.С. *Воронцов* умер 5.XI.1856 г.

[7] *...переселение народа в Козлов...* – т.е. в Евпаторию (Козловом ее называли местные жители).

[8] *...по уважению его, Сакена, к родителям моим и брату".* – Д.Е. Остен-Сакен был благодарен С.Т. Аксакову, выступившему инициатором обеда в его честь. М.П. Погодину С.Т. Аксаков написал

в феврале 1856 г.: "Если жранье и пьянство способны выражать патриотические чувства, то по совести следует дать обед Остен-Сакену, единственному благочестивому и честному генералу целой армии. Возьмитесь, пожалуйста, за устройство обеда" *Барсуков*. Кн. XIV. С. 532). На обеде, который состоялся 4.III.1856 г. в зале Благородного собрания, К.С. Аксаков произнес речь в честь Остен-Сакена, бывшего начальником Севастопольского гарнизона. Текст речи см.: Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1872. Вып. 3. С. 19–20.

242 *16.XI 1856*

[1] *...Вы пишете, милый отесинька...* – С.Т. Аксаков работал над продолжением "Семейной хроники" – "Детские годы Багрова-внука".

243 *24.XI 1856*

[1] *...способом, употреблявшимся, вероятно, еще при Святославе...* – т.е. очень давно. Очевидно, имеется в виду князь Святослав, сын Игоря и Ольги (X в.).

[2] *Прочел стихи Полонского ко мне.* – "И.С. Аксакову" (1856). Напечатаны в 3-й книге "Русской беседы" за 1856 г. Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт.

[3] *...последние 4 строфы довольно темны...* – Имеются в виду следующие строфы:

Вот почему, когда звенит, как меч тяжелый,
Твой жесткий, беспощадный стих,
С невольным трепетом я внемлю невеселой,
Холодной правде слов твоих.

[4] *Если б не подлая цензура...выдал бы целую книжку своих стихов...* – Сборник стихов издать И.С. Аксакову так и не удалось.

[5] *Стихи Полонского вызывают меня к ответу, но я не буду отвечать ему собственно.* – Стихотворение "Ответ" И.С. Аксакова напечатано в 1-й книге "Русской беседы" за 1857 г. Оно начинается со слов о том, что не понравилось ему в послании Я.П. Полонского (См. прим. 2,3 к наст. письму):

Я знаю – в час тоски тревожной
Мой жесткий стих тебя смутил,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбил.

[6] *Поздравляю Любочку и вас всех с 26-м ноября.* – с днем рождения Л.С. Аксаковой.

244 *28.XI 1856*

[1] *Катков довольно ловко объявил о прекращении нашего участия в "Р⟨усском⟩ вестнике"...* – В объявлении об издании "Русского вестника" на 1857 г., приложенном к "Московским ведомостям" от 22.XI.1856 г., М.Н. Катков написал, что из списка сотрудников журнала выбыли Аксаковы, которые как ближайшие участники "Русской беседы" намерены посвятить свою деятельность этому журналу. С.Т. Аксаков решил прекратить сотрудничество в журнале Каткова еще в начале 1856 г., после того, как не была пропущена для публикации из-за славянофильской направленности рецензия Н.П. Гилярова-Платонова на его "Семейную хронику" (см. письмо С.Т. Аксакова Ивану от 1.111.1856 г. // ИРЛИ. Ф.3. Оп.3. Ед.хр. 14. Л. 127. об.).

[2] *...его выходка против Тургенева очень нехороша.* – В указанном выше объявлении М.Н. Катков заметил, что журнал "Современник" объявил на 1857 г. четырех литераторов своими исключительными сотрудниками, в том числе и И.С. Тургенева. Катков считал, что обещанная Тургеневым в "Русский вестник" повесть "Призраки" якобы сходна с рассказом "Фауст", напечатанным в сентябрьской книжке "Современника".

[3] *Как-то поступит Тургенев*? – И.С. Тургенев в "Письме к редактору" заявил, что не сумел закончить повесть "Призраки", заключая же "обязательное соглашение" с издателями "Современника", он выговорил право выполнить свои обещания в отношении "Русского вестника". Но поведение М.Н. Каткова, намекнувшего, что повесть под именем "Фауста" якобы напечатана в "Современнике", хотя между этими произведениями нет никакого сходства, особождало его от обязанности исполнить обещание (см.: Моск. ведомости. 1856. 18 дек. С. 641–642).

[4] *...отозвался на все живые современные вопросы...* – в противоположность "Русской беседе". Познакомившись с 1-й книгой славянофильского журнала. А.И. Герцен был неприятно удивлен несвоевременностью затрагиваемых в нем проблем: в то время, когда "вопросы один другого важнее, один другого неотлагаемее возникают со всех сторон", в журнале публикуются "схоластические прения о местничестве народов, о национальности истины" (Полн. собр.соч.: В 30 т. М., 1957. Т. XII. С. 424). И.С. Аксаков советовал А.И. Кошелеву помещать в журнале "побольше таких статей, где бы современные вопросы захватывались живьем, со стороны действительной и всем доступной" (письмо от 23.IX.1856 г. // Письма. Т. III. С. 283). С.Т. Аксаков, в отличие от Ивана, не считал "Русский вестник" журналом, удовлетворяющим современным требованиям: в 1-й книге он не увидел "ни одной капитальной или настоящей статьи" (письмо Ивану от 5.I.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 24); не изменил мнения и по выходе следующих книжек: «"Русский вестник" первыми тремя книжками не удовлетворил *никого*; и не предвидится, чтобы когда-нибудь оправдал надежды, им возбужденные» (письмо Ивану от 9.II.1856 г. // ИРЛИ. Ф.3. Оп. 3. Ед.хр. 14. Л. 122 об.).

[5] *... в нынешнем году она издавалась в чистейший убыток...* – Н.Г. Чернышевский в конце 1856 г. заявил, что "Русская беседа" разочаровала ожидание публики, которая смотрела на журнал "холодно, отчасти насмешливо, отчасти даже как-то неприязненно" (Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1948. Т. IV. С. 722).

[6] *...все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих.* – Н.Г. Чернышевский также призывал славянофилов выйти из области схоластических споров, сказать новое злободневное слово. "Многое, что было – с какой бы то ни было точки зрения – своевременно и уместно в 1846 году, с той же самой точки зрения должно представляться несвоевременным в 1856 году, – писал он. – Кто хочет, чтобы его требования имели основания в действительности, кто не хочет сражаться с химерами, скорбеть о недостатках, уже давно исправленных, должен принять во внимание положение вещей в настоящем, а не то, как ему представлялось положение вещей в 1846 или в 1847 гг." (Полн.собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 654).

[7] *Или статьями Максимовича, отвлеченными статьями Гилярова, тяжеловеснейшими произведениями Бессонова.* – Имеются в виду "Дни и месяцы украинского селянина" М.А. Максимовича в 3-й книге "Русской беседы" (там же были помещены "Филологические письма" этого автора, но их И.С. Аксаков хвалил), рецензия Н.П. Гилярова-Платонова на "Семейную хронику и Воспоминания" С.Т. Аксакова в 1-й книге, "Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки" П.А. Бессонова во 2-й книге журнала.

[8] *Только и читают статьи Черкасского да о железных дорогах.* – В 1-й книге "Русской беседы" было напечатано "Обозрение политических событий в Европе за 1855 год" В.А. Черкасского, во 2-й – его же "Протоколы Парижского конгресса", в 3-й – его же "Обозрение внутреннего законодательства". Две статьи А.И. Кошелева о железных дорогах были напечатаны в 1-й книге журнала.

245 *6.XII.1856*

[1] *...эта история (о сене)...* – см. с. 463 наст. изд.

[2] *...описания Крыма, вялого, бесцветного и неверного.* – Название описания – "Год на южном берегу Крыма". В нем был обрисован Крым за год до Крымской войны.

[3] *Письма Максимовича...так живы...* – "Филологические письма к М.П. Погодину" М.А. Максимовича (Отд. Наука). Ответ на них Погодина см. в 4-й книге за 1856 г. (отд. Критика).

[4] *Статья Аполлона Григорьева...очень занимательна по вопросу...* – "О правде и искренности в искусстве" (Отд. Наука).

[5] *...вносится такой нравственный критериум в эстетику.* – А. Григорьев писал: "Искусство по существу своему нравственно, поколику оно жизненно и поколику самую жизнь поверяет оно идеалом"; "...художество есть выражение жизни народа, и коренные нравственные начала жизни народа суть неминуемо и коренные нравственные начала художества..." (*Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 67, 68). Предложение о сотрудничестве в "Русской беседе" было сделано Григорьеву А.И. Кошелевым. Григорьев считал нужным заявить в связи с этим, что его подход к искусству в корне отличен от славянофильского: искусство "... для вас имеет значение только служебное, для нас – совершенно самостоятельное, если хотите – даже высшее, чем наука" (письмо А.И. Кошелеву от 25.III.1856 г. // *Барсуков.* Кн. XIV. С. 367).

[6] Горлатная шапка – изготовленная из меха шеи и грудки зверька.

[7] *...а всем прочим была или досадна, или смешна.* – См. прим. 3 к письму 223.

[8] *...Вы пишете "Дедушкины рассказы" и сказку Пелагеи.* – См. прим. 1 к письму 241.

[9] *...когда Тургенев и Некрасов воротятся из-за границы...* – Н.А. Некрасов уехал за границу в августе 1856 г. и возвратился в июне 1857 г. *Некрасов* Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, издатель журнала "Современник" (1847–1866).

[10] *...выдерут Панаева за уши и поставят "Современник" в прежние отношения к "Беседе" да и к Вам.* – И.И. Панаев – соиздатель "Современника". Редактирование журнала в свое отсутствие Н.А. Некрасов поручил Н.Г. Чернышевскому, и настороженное отношение к "Русской беседе" было вызвано присутствием в редакции Чернышевского. См. также прим. 5 к письму 240.

[11] *...условия контракта...были невыгодны для России...* – Не располагая после Крымской войны средствами для строительства железных дорог, Россия решилась прибегнуть к помощи иностранных компаний, но невыгодные условия, на которых они соглашались строить, оттягивали дело. 26.I.1857 г. появилось "Положение об устройстве в России железных дорог", было создано Общество российских железных дорог, но во главе его стояли иностранные банкиры (Перейра и др.).

[12] *...к Варшавской дороге должны были приступить немедленно!* – Строить дорогу между Петербургом и Варшавой начали в 1851 г., но из-за Крымской войны успели сделать только участок между столицей и Гатчиной.

ДОПОЛНЕНИЕ

⟨Переписка с министерством внутренних дел о "Бродяге"⟩

Автограф – *ИРЛИ*. Ф.3. Оп.5. Ед.хр. 8. Л. 1–19. Впервые – *Письма. Т. II.* С. 393–402.

[1] *...для производства следствия...* – над сектой бегунов в Ярославской губернии.

[2] *...находилась в 3-м отделении собственной его величества канцелярии...* – когда весной 1849 г. И.С. Аксаков был арестован.

[3] *...предложен мне был вопрос в 11-м пункте...* -- Вопрос был задан следующий: «Объясните, какую главную мысль предполагаете Вы выразить в поэме Вашей "Бродяга" и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» (Письма. Т. II. С. 162).

[4] *...тогда же отвечал...* – "Отчего выбрал я бродягу предметом поэмы?.... Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным; оттого, что это одной из явлений нашей народной жизни; оттого, что бродяга, гуляя по всей России, как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах; оттого, наконец, что этот тип мне как служившему столько лет по уголовной части хорошо знаком. Крестьянин, отправляющийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству русского царства (где есть где разгуляться!), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд – вот герой моей поэмы. Написана еще только первая часть, которая сама за себя может дать объяснение" (Письма. Т. II. С. 162–163).

[5] Комментируя просьбу министра о прекращении авторских трудов, И.С. Аксаков писал Н.А. Милютину о тех "нравственных тисках", в которых находится из-за службы (письмо от 19.II.1851 г. // РГИАР. Ф. 869. Оп. 1. Ед.хр. 818. Л. 15). С.Т. Аксаков был недоволен письмом сына к министру. А.В. Оболенский, бывший в это время в Москве, сообщал Ивану в Ярославль: "Сергей Тимоф⟨еевич⟩ решительно не мирится с письмом твоим к м⟨инистру⟩, он обвиняет тебя в написании оного. – Бумага, вызвавшая от тебя это письмо, понимается им иначе, чем понимаешь ты ее" (письмо ⟨1851 г.⟩ // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед.хр. 436. Л. 36 об.).

[6] *...не желает оставить Ярославскую губернию без надежного надзора...* – О реакции И. Аксакова на эти слова см. на с. 204 наст. изд.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аксаков	Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988
Барсуков	Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. Кн. 1–22
ВЕ	“Вестник Европы”
РГБ	Российская Гос. библиотека (Отдел рукописей)
РНБ	Российская Национальная библиотека (Отдел рукописей)
Дневник	Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913
Егоров Б.Ф., Медовой М.И.	Переписка кн. В.Ф. Одоевского с А.С Хомяковым/ Сост. Егоров Б.Ф. и Медовой М.И. // Уч. зап. Гос. Тартусского ун-та. Тр. по русской и славянской филологии. Т. XV. Литературоведение. Вып. 251. Тарту, 1970
ИВ	“Исторический вестник”
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Отдел рукописей)
История моего знакомства с Гоголем	Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960 (“Литературные памятники”)
ЛН	“Литературное наследство”
МВ	“Московский вестник”
ОЗ	“Отечественные записки”
Письма. Т.I	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. I, ч. 1
Письма.Т.II	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т.II, ч. 1
Письма.Т.III	Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. III, ч. 1
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия
РА	“Русский архив”
РБ	“Русская беседа”
РВ	“Русский вестник”
РГАЛИ	Российский Гос. архив литературы и искусства (Москва)
РГИАР	Российский Гос. исторический архив (Санкт-Петербург)
РМ	“Русская мысль”
РО	“Русское обозрение”
РС	“Русская старина”
Самарин	Самарин Ю.Ф. Соч.: В 12 т. М., 1886–1911. Т. XII.
Собрание донесений...	Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858
Стихотворения...	Аксаков Иван. Стихотворения и поэмы. Л., 1960
Хомяков	Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1904. Т. VIII

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Неустановленные лица в Указатель не вошли. Сост. Т.Ф. Пирожковой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1849

1850

1851

1852

1853

1854

1855

1856

ДОПОЛНЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

И.С. АКСАКОВ

*

ПИСЬМА К РОДНЫМ
1849–1856

Печатается по решению
Редакционной коллегии серии
"Литературные памятники"

Редактор издательства
А.Н. Торопцева

Художественный редактор
Н.Н. Михайлова

Технический редактор
И.Н. Жмуркина

Корректоры
Р.В. Молоканова, Н.П. Гаврикова

ИБ № 47439

ЛР № 020297 от 27.11.91 г.

Сдано в набор 12.10.93
Подписано к печати 18.03.94
Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49,14. Усл. кр. отт. 50,31
Уч.-изд. л. 58,8. Тираж 3000 экз. Тип. зак. 1036

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

вышли из печати книги:

Лопе де Вега. ДОРОТЕЯ. (Литературный памятник)
20 л.

"Доротея", роман в диалогах, или драма для чтения, – любимое произведение великого испанского драматурга, начатое поэтом в юности и завершенное к концу жизни. Сюжет основан на пережитой поэтом в юности любовной драме, закончившейся скандальным судебным процессом и изгнанием Лопе из Мадрида. Поразительная психологическая глубина в анализе страсти, живость действия, прекрасные стихи, включенные в текст драмы, придают ей совершенно особый колорит. Это своеобразная исповедь гениального поэта и одновременно яркая картина нравов Испании XVII в.

Для широкого круга читателей.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ТРУБАДУРОВ.
(Литературный памятник)
51 л.

В основу книги положен перевод замечательного средневекового памятника XIII–XIV вв. – "Жизнеописания трубадуров", первых в истории европейской литературы лирических поэтов. Жизнеописания эти, посвященные главным образом куртуазной любви трубадуров, лежат у истоков европейской новеллы. В книгу входят также "Жизнеописания прованских пиитов", сочиненные Жаном де Нострадамом, братом знаменитого астролога. В "Дополнения" включено множество параллельных латинских, итальянских, старофранцузских текстов о трубадурах, в том числе памятники, объединенные известным сюжетом "съеденного сердца": ревнивый муж заставляет жену съесть сердце убитого им ее возлюбленного. Издание сопровождается статьями и комментариями.

Для широкого круга читателей.